

ТВОРБА РЕЧИ И ЊЕНИ РЕСУРСИ
У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције
Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта

ТВОРБА РЕЧИ И ЊЕНИ РЕСУРСИ У СЛОВЕНСКИМ ЈЕЗИЦИМА

Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције
Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта

Уређивачки одбор:

Проф. др Божо Ћорић (Србија), проф. др Рајна Драгићевић (Србија),
проф. др Александар А. Лукашанец (Белорусија), проф. др Предраг Пипер
(Србија), проф. др Елена И. Корјаковцева (Пољска), проф. др Бранко Тошовић
(Аустрија), проф. др Јежи Сјероћук (Пољска), проф. др Живојин Станојчић
(Србија), проф. др Даринка Гортан-Премк (Србија)

Извршни уредници:

БОЖО ЋОРИЋ И РАЈНА ДРАГИЋЕВИЋ

Главни уредник:

РАЈНА ДРАГИЋЕВИЋ

Филолошки факултет
Београд
2012

Издавачи:

Филолошки факултет Универзитета у Београду
Студентски трг 3, Београд
Чигоја штампа

За издаваче:

Проф. др Александра Вранеш
Жарко Чигоја

Рецензенти:

Александар Александрович Лукашанец (Аляксандр Аляксандравіч Лукашанец), доктор филолошких наука, професор, члан НАН Белорусије, директор Института за белоруски језик и књижевност НАН Белорусије, председник Међународног славистичког комитета, Минск, Белорусија

Предраг Пипер, доктор филолошких наука, професор Филолошког факултета Универзитета у Београду, члан Српске академије наука и уметности, Србија

Јежи Сјероћук (Jerzy Sieroćuk), доктор филолошких наука, професор, Институт полске филологије Универзитета Адам Мицкијевич, Познањ, Пољска

Живојин Станојчић, доктор филолошких наука, професор Филолошког факултета Универзитета у Београду, Србија

Идејно решење корица:

Дарко Ћорић

Лектура и коректура:

аутори радова и уредници Зборника

Припрема за штампу:

Чигоја штампа

Штампа:

Чигоја штампа

Тираж:

400 примерака

Организациони одбор конференције:

Проф. др Божо Ћорић (Србија), проф. др Рајна Драгићевић (Србија), проф. др Александра Вранеш (Србија), академик Александар Александрович Лукашанец (Белорусија), проф. др Елена И. Корјаковцева (Пољска), проф. др Јежи Сјероћук (Пољска), проф. др Елена В. Петрухина (Русија), проф. др Бранко Тошовић (Аустрија), проф. др Јохан Реке (Немачка), проф. др Даринка Гортан-Премк (Србија), проф. др Љилана Суботић (Србија), Јасмина Нинков (Србија)

Штампање зборника финансирани су Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије и Филолошки факултет Универзитета у Београду.

*Памяти
Елены Андреевны Земской посвящается*

САДРЖАЈ

Уводна реч.....	13
Рајна Драгићевић Елена Андрејевна Земска (1926–2012)	17
Ольга П. Ермакова Памяти Е.А. Земской	18

РАДОВИ ЧЛАНОВА КОМИСИЈЕ ЗА ТВОРБУ РЕЧИ МКС

Цветанка Д. Аврамова (София) Собствените имена како ресурс за образување на нови думи в сввременниот български книжовен език	21
Лидија Аризанковска (Скопје) Зборобразувањето и неговите ресурси во македонскиот јазик (со осврт на дериватите со субјективна оценка како дел од основниот лексички фонд на македонскиот јазик).....	33
Юлија М. Балтова (София) За така наречените „неокласицизми“ како ресурс в сввременното словообразување	43
Krystyna Waszakowa (Warszawa) Kognitywno-komunikatywna funkcja motywacji słowotwórczej	53
Валентина Н. Виноградова (Москва) Лексико-семантичките и формалните особености функционирањата словообразователните категории в поэтичките текстове	65
Рајна М. Драгићевић (Београд) Творбено-семантичка анализа десупстантивних предлога у српском језику	73
Ольга П. Ермакова (Калуга) Конверсия и синхрония	89
Євгенія А. Карпіловська (Київ) Активни ресурси сучасногo украинського словотворення	97

Лариса П. Кислюк (Київ)	
Диференцијација словотворчих ресурсів у сучасній українській номінації	109
Krystyna Kleszczowa (Katowice)	
Wyrażenia przymiolkowe w polskiej derywacji	121
Ніна Ф. Клименко (Київ)	
Оновлення словотворчих ресурсів як наслідок семантичної інтерференції мов.....	131
Елена И. Коряковцева (Siedlce)	
Об экспрессивном потенциале словообразовательных средств	141
Аляксандр А. Лукашанец (Мінск)	
Nomina agentis у сучаснай беларускай мове: словаўтваральны патэнцыял і тэндэнцыі развіцця	153
Елена Г. Лукашанец (Минск)	
Русское словообразование в зеркале интернет-коммуникации	167
Swetlana Mengel, Elena Plaksina (Halle)	
Интерференция словообразовательных механизмов в языковых системах билингвов (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров)	177
Игорь Г. Милославский (Москва)	
Изменение сочетаемостных и парадигматических свойств русских глаголов как следствие их модификационной деривации	193
Alicja Nagórko (Berlin)	
Słowotwórczy potencjał sakronimów (w polskim, słowackim, czeskim i niemieckim)	201
Галина П. Нецименко (Москва)	
Феномен «перескока» деривационной фазы в ряду проявлений словообразовательной динамики в славянских языках.....	215
Алексей В. Никитевич (Гродно)	
Деривационные объединения в составе диалектных подсистем близкородственных языков	235
Геннадий А. Николаев (Казань)	
Универбаты и субстантиваты в истории русского словообразования.....	245
Martin Ološtiak (Prešov)	
O projekte Komplexné spracovanie slovotvorby súčasnej slovenčiny.....	255
Елена В. Петрухина (Москва)	
Использование словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском языке (в сопоставлении с сербским языком)	271

Василка Радева (София)	
Роля на сравнението при изграждане на словообразователното значение	289
Jochen Raecke (Tübingen)	
Zur Wortbildung in den slawischen Sprachen: Zu ihrem Stand, ihren Ressourcen und ihrem nur scheinbar verlorenen Gegenstand	299
Zofia Rudnik-Karwatowa (Polska)	
Rola słowotwórstwa w słowiańskiej terminologii językoznawczej (na materiale języka polskiego, czeskiego i rosyjskiego)	311
Людвиг Селимски (Катовице)	
Турски елементи в българското словообразуване	319
Jerzy Sierociuk (Poznań)	
Specyfika słowotwórstwa gwarowego w świetle danych korpusowych	331
Irena Stramljič Breznik (Maribor)	
Medmeti kot besedotvorni potencial sovenščine	341
Branko Tošović (Graz)	
Tvorbeni purizam	353
Божо Б. Ђорџић (Београд)	
О дериватима са значењем <i>производа животињског порекла</i> у српском језику	367
Игорь С. Улуханов (Москва)	
Словообразование посредством замены морфем	387
Зинаида А. Харитончик (Минск)	
Концептуальная природа лексического значения, или к истокам номинативных ресурсов языка	399
Amela Šehović (Sarajevo)	
Univerbacija u bosanskom jeziku	407
Barbara Štebih Golub (Zagreb)	
Okazionalizmi u hrvatskome publicističkom stilu	419

РАДОВИ СПОЉНИХ УЧЕСНИКА КОНФЕРЕНЦИЈЕ

Милан С. Ајџановић (Нови Сад)	
Деривациони потенцијал географских термина страног порекла	437
Миљивој Б. Алановић (Нови Сад)	
Каузативно-манипулативни глаголи: деривационо мотивисане семантичке и аргументне варијације	453

Исидора Г. Бјелаковић (Нови Сад) Именичке сложенице у предстандардној фази развоја српског језика (географска терминологија).....	469
Вељко Ж. Брборић (Београд) Творба речи и правопис – писање сложених детерминативних формација са првом страном компонентом.....	485
Драгана Д. Вељковић Станковић (Београд) Когнитивни аспекти деминуције глагола у српском језику.....	497
Душко М. Витас, Цветана Ј. Крстев (Београд) Творбени обрасци у електронском речнику српског језика.....	515
Душанка С. Вујовић (Нови Сад) Префиксални творбени обрасци глагола кретања.....	527
Снежана П. Вучковић (Београд) Структурно-семантичка творбена реконструкција старосрпских топонима.....	535
Цветелина Георгиева (Софија) Видове класификации на активните препозитивни форманти в бългaрското именно словообразуване.....	545
Даринка С. Горган-Премк (Београд) О наредним задацима српске дериватологије из угла једног лексикографа.....	555
Јелена Р. Јовановић Симић (Београд) Творбено-структурне и стилске особености изведеница са формантом <i>-ки</i>	561
Душка Б. Кликовац (Београд) О семантици глаголског префикса <i>уз-</i>	573
Верица Д. Копривица (Београд) Лексичкосемантичке групе као полазиште за конфронтациону анализу деривационих система два словенска језика.....	601
Ивана В. Лазић-Коњик (Београд) Семантичко-деривациони потенцијал речи у откривању лексичких и културалних конотација (на примеру концепта <i>живот</i>).....	609
Биљана Марић (Београд) Синтаксичка деривација: мост између творбе речи и синтаксе (у руском језику у поређењу са српским).....	623
Радмило Н. Маројевић (Београд) Српски и словенски нулти суфикс.....	637
Јелка И. Матијашевић (Нови Сад) Типови међујезичких еквивалената.....	653

Александар М. Милановић (Београд)	
Стилски аспекти творбе тзв. императивних сложеница у српској романтичарској поезији	663
Љиљана Недељков (Нови Сад)	
Место вишечланих лексичких јединица у лексикону и граматицама српског језика.....	675
Ана Б. Пејановић (Никшић)	
Фразеолошке јединице као мотиватор у творбеном процесу	689
Првослав Т. Радић (Београд)	
О једном творбеном балканизму у српском језику (глаголски суфикс <i>-оса</i> : порекло и распрострањеност).....	701
Стана Ристић (Београд)	
Улога творбе у концептуализацији појма ВИЂЕЊЕ у језичкој слици света српског народа	711
Радоје Д. Симић (Београд)	
Један проблем са ивице творбеног система српског – форме са спојеном цртом (/цртицом)	727
Ивана П. Ђелић (Нови Сад)	
Семантички потенцијал деривационих гнезда именица интелектуалних својстава.....	737
Гордана Штасни (Нови Сад)	
Утицај семантичког садржаја на деривацију глагола физиолошких стања и процеса	745
Гордана Штрбац (Нови Сад)	
Деривациони потенцијал афективних глагола	757

УДК 811.16'373.611:061.3(497.11)'2012'(049.32)

УВОДНА РЕЧ

У организацији Филолошког факултета Универзитета у Београду и Библиотеке града Београда одржана је четрнаеста међународна научна конференција Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта, са темом *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима*. Конференција је одржана 28, 29. и 30. маја 2012. године, у Библиотеци града Београда и на Филолошком факултету.

Отварање конференције уприличено је 28. маја 2012. године у Сали хероја на Филолошком факултету. Конференцију је отворила проф. др Александра Вранеш, декан Филолошког факултета Универзитета у Београду, а скупу су се обратили поздравним говорима и проф. др Божо Ћорић, председник Организационог одбора, академик Александар А. Лукашанец, председник Међународног комитета слависта и председник Комисије за творбу речи тог комитета, проф. др Марко Иветић, проректор за науку Универзитета у Београду, и проф. др Рајна Драгићевић, непосредни организатор конференције.

На конференцији су учествовала 63 референта (са 62 реферата) из 14 земаља: Аустрије, Белорусије, Босне и Херцеговине, Бугарске, Македоније, Немачке, Пољске, Русије, Словачке, Србије, Украјине, Хрватске, Црне Горе.

Рад конференције одвијао се у две секције. У оквиру рада секције А представљени су резултати истраживања чланова Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта. На конференцији је учествовало укупно 29 чланова ове Комисије. За скуп су се пријавили и И. С. Улуханов (Русија), В. Н. Виноградова (Русија) и Г. А. Николаев (Русија), који нису били у могућности да своје реферате прочитају на конференцији, али су их доставили Организационом одбору. Уређивачки одбор је одлучио да их уврсти у Зборник. На заседању Комисије за творбу речи, које је одржано 29. маја 2012. године, одлучено је да се Комисија прошири за два нова члана, а то су Лариса П. Кислюк (Украјина) и Амела Шеховић (Босна и Херцеговина). Радови нових чланова Комисије уврштени су у онај део Зборника у којем се налазе радови чланова Комисије. Комисија за творбу речи Међународног комитета слависта по први пут организовала је конференцију и заседање Комисије у Србији. Ова комисија спада у најактивнија тела Међународног комитета слависта. Конференције се организују сваке године у различитим европским земљама и успешно служе представљању нових научних идеја у вези са творбом речи, размени мишљења, подстицању научне сарадње међу установама и појединцима. И у Београду су у раду Комисије учествовали угледни слависти из више значајних славистичких центара.

У оквиру рада секције Б саопштени су резултати истраживања троје страних и тридесет четворо српских лингвиста на пољу творбе речи, пре свега у српском језику. Сви пријављени учесници прочитали су своје реферате. Страни учесници су из Бугарске и Русије, а домаћи учесници су професори и асистенти са Филолошког факултета Универзитета у Београду, Института за српски језик Српске академије наука и уметности, Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, Матице српске и Математичког факултета Универзитета у Београду. Учесници са Катедре за српски језик и јужнословенске језике Филолошког факултета Универзитета у Београду сарадници су на пројекту Министарства за просвету и науку број 178006, *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примене*. Тема конференције је усаглашена са називом овог пројекта. На конференцији је учествовало 12 чланова пројекта и они су представили резултате рада на њему. То су: др Божо Ћорић (руководилац пројекта), др Вељко Брборић, др Драгана Вељковић-Станковић, др Душко Витас, др Снежана Вучковић, др Рајна Драгићевић, др Јелена Јовановић Симић, др Душка Кликовац, др Цветана Крстев, др Александар Милановић, др Првослав Радић, др Михаило Шћепановић. На конференцији су представљени и резултати истраживања сарадника других пројеката Министарства за просвету и науку Републике Србије.

Конференција *Творба речи и њени ресурси у словенским језицима* није имала уобичајену структуру из угла већине досадашњих конференција Комисије за творбу речи. Не дешава се често да се у рад конференције укључи чак 28 учесника из земље-домаћина. Организатори су желели да се у периоду одржавања београдске конференције Комисије за творбу речи, у свим водећим српским лингвистичким центрима посебна пажња посвети творби речи. Позвани су српски дериватолози, али и стручњаци за остале језичке дисциплине, и замољени су да проблеме којима се баве осмотре и из угла творбе речи, да јој се посвете и да је истражују.

На тринаестој конференцији Комисије за творбу речи, која је одржана 2011. године у Познању, договорено је да ће београдска конференција бити посвећена питањима творбених ресурса у словенским језицима. Тај проблем разрађен је на конференцији из различитих углова. Творбени ресурси анализирани су у свим врстама речи и из перспективе свих словенских језика (у једном језику или компаративно). Пажња је била посвећена различитим типовима творбе речи, као што су извођење, слагање, префиксација, али и конверзија, универбација, тзв. семантичка творбена деривација итд. Грађа за истраживања преузимања је из књижевноуметничких и публицистичких извора, али, у складу са временом у којем живимо, и из реклама, интернет-комуникације, из електронских корпуса. Учесници конференције усредсредили су пажњу на састав лексема-твореница, али и на скупове лексема, као што су термилошке синтагме, сложене речи настале од фразеологизама, предлошки изрази. Неки истраживачи покушали су да одговоре на питање да ли и ове граничне појаве спадају у предмет изучавања творбе речи. Било је аутора који су усмерили своје интересовање на мотивацију за творбу речи, као што је пуризам, аналогија, тежња ка експресивности. Очигледна је била заинтересованост истраживача за речи субјективне оцене – посебно за деминутиве. Пажња се није посвећивала само англицизмима у савременим словенским језицима, већ и неокласицизмима, као и црквенословеницима (који

имају улогу у обнављању и стварању високог стила руског, српског и других словенских језика). Анализирани су афикси словенског или страног порекла као важан творбени ресурс. Запажене су тенденције у творби речи, као што је ширење префиксације именица и придева. Приказани су резултати испитивања творбеног потенцијала тематски повезаних лексичких група, као што су глаголи или именице различитог значења. Творба се посматрала из синхронијског, али и из дијахронијског угла. Анализирани су неологизми и оказионализми, али и оне творенице које нестају из савремених језика. У фокусу истраживачке пажње били су деривати у стандардном језику, али и у дијалектима, затим акценат деривата, правописна решења. Постављени су бројни даљи задаци у дериватолошким истраживањима, покренута су бројна теоријска питања творбе речи. Као што се види из овог кратког приказа, поднети реферати били су изразито разноврсни по темама, по језичкој грађи и по методама њене обраде.

Конференција је представљала добру прилику да се домаћа научна јавност упозна са резултатима дериватолошких истраживања врхунских славистичких (али и светских) дериватолога. Истовремено, страни лингвисти имали су прилику да се упознају са интересовањима и истраживањима српских лингвиста, пре свега у пољу србистике, али и славистике. Објављивањем овог Зборника резултати исказани у рефератима учесника конференције постаће трајно доступни домаћој и страниој лингвистичкој јавности.

Београд, 29. јул 2012.

Рајна Драгићевић

ЕЛЕНА АНДРЕЈЕВНА ЗЕМСКА
ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ЗЕМСКАЯ
(5. новембар 1926 – 22. март 2012)

Чланови Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта посвећују овај Зборник дугогодишњем уваженом члану Комисије Елени Андрејевној Земској (1926–2012).

Елена Андрејевна Земска (Елена Андреевна Земская), доктор филолошких наука, професор, главни научни сарадник Одељења за савремени руски језик Института за руски језик РАН, рођена је 5. новембра 1926. године у Москви. Године 1949. завршила је Филолошки факултет МГУ. Докторску дисертацију под називом *История словообразования имен прилагательных в русском языке XVIII–XX века* одбранила је 1965. године. Од 1952. године била је запослена у Институту за лингвистику (Институт языкознания) Руске академије наука, а од 1982. године у Институту за руски језик РАН (Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН). Научна интересовања Е. А. Земске била су везана за творбу речи, историју руског језика, развој руског језика руских емиграната, социолингвистику, истраживања дечијег говора. Значајнија дела Е. А. Земске: *Современный русский язык. Словообразование*, Москва: Просвещение, 1973. (304 стр); *Словообразование как деятельность*, Москва: Наука, 1992. (221 стр); *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва: Наука, Флинта, 2004. (240 стр). Године 1999, Е. А. Земска прогласена је за заслужног научника Руске федерације (заслуженный деятель науки РФ).

Елена А. Земска умрла је у Москви, 22. марта 2012. године. Остаће упамћена као један од највећих стручњака за творбу речи, и славистику уопште. Чланови Комисије за творбу речи дубоко жале што је Комисија остала без једног од најваженијих сарадника.

УДК 811.161.1:929 Земска Елена А.

ПАМЯТИ Е.А. ЗЕМСКОЙ

В марте 2012 года не стало Елены Андреевны Земской, доктора филологических наук, профессора, которая была членом Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов с момента ее образования. Е.А. Земская была выдающимся ученым. Ее работы в области словообразования: «Современный русский язык. Словообразование» (1973), «Словообразование как деятельность» (1992) и многочисленные статьи сейчас являются основополагающими, без опоры на них не обходится ни одно исследование не только по славянскому словообразованию. Елена Андреевна была все годы активным участником Словообразовательной комиссии. Ее выступления по докладам коллег всегда открывали интересный аспект изучения материала, бывали живыми и очень доброжелательными. Круг научных интересов Е.А. Земской разнообразен.

Не менее важны ее работы в области русской разговорной речи. Результаты исследования, проведенного под ее руководством коллективом ученых, при самом деятельном авторском участии, отражены в серии книг: «Русская разговорная речь» (1973), «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» (1981) и др. Эти работы носят новаторский характер, имеют не только научное, но и педагогическое значение, в особенности для преподавания русского языка иностранцам. Елену Андреевну интересовали разные активные процессы, происходящие в русском языке. Она была научным редактором и одним из авторов коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» (1996).

Много лет Е.А. Земская занималась изучением языка русских эмигрантов разных волн, живущих в Италии, Франции, Германии и США. Книга «Язык русского зарубежья» (в соавторстве с М.Я. Гловинской и М.А. Бобрик) (2001) представляет большой научный интерес.

Елена Андреевна ушла из нашей жизни, но ее работы всегда будут нужны всем, кто интересуется словообразованием и в целом жизнью языка. Елена Андреевна остается в нашей памяти блестящим ученым и очень светлым человеком.

От членов Словообразовательной комиссии,

О. П. Ермакова

РАДОВИ ЧЛАНОВА КОМИСИЈЕ ЗА ТВОРБУ РЕЧИ
МЕЂУНАРОДНОГ СЛАВИСТИЧКОГ КОМИТЕТА

ЦВЕТАНКА ДИМЧОВА АВРАМОВА*

СОФИЙСКИ УНИВЕРСИТЕТ „СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ”,
СОФИЯ, БЪЛГАРИЯ

СОБСТВЕНИТЕ ИМЕНА КАТО РЕСУРС ЗА ОБРАЗУВАНЕ НА НОВИ ДУМИ В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ КНИЖОВЕН ЕЗИК

Абстракт. Докладът изследва възможностите на собствените имена (*nomina propria*) да служат като мотивиращи (произвеждащи) единици за образуване на нови думи в съвременния български книжовен език. Разглеждат се депроприалните деривати (имена, по-малко глаголи), образувани от различни типове собствени имена, проследяват се словообразователните категории и типове, към които се отнасят производните деривати. Целта е да се установи мотивационният потенциал на собствените имена в българския език на този етап от неговото развитие.

Ключови думи: собствени имена (проприи), нарицателни имена (апелативи), депроприални деривати, мотивационен потенциал

0.1. Собствените имена (*nomina propria*)¹ в качеството им на произвеждащи (мотивиращи) единици при създаването на апелативна лексика не е предмет на специално изследване в българския език. Може би една от основните причини за това е количественият превес в езика на нарицателните имена, а оттам – и по-големите им възможности да служат като произвеждащи единици. По-внимателното вглеждане в процесите на номинация в българския (а и в други славянски езици) от последните две – три десетилетия обаче показват нарастващата роля на проприите за обогатяване на апелативната лексика, както чрез чиста апелативизация, така и с помощта на морфологични словообразователни средства. Това, от своя страна, насочва вниманието на все повече изследователи към собствените имена като източник, ресурс за създаване на апелативи (вж. напр. Трифонова 2006; 2008; 2011; Парашкевов 2011; Благоева 2012 и др.).

0.2. Обект на настоящото изследване са депроприалните деривати² в съвременния български език, образувани с помощта на морфологични словообра-

---

* e-mail: avramova_cv@abv.bg

¹ Тук термините *собствени имена*, *nomina propria*, *проприи* се употребяват като синоними. Като синоними се употребяват също така термините *нарицателни съществителни имена*, *nomina appellativa*, *апелативи*.

² Терминът *дериват* се разбира в широк смисъл (= производна дума).

зுவателни средства, т.е. изключват се случаите на т. нар. чиста апелативизация – преминаване на собственото име в нарицателно без промяна във формата (по този въпрос вж. Трифонова 2011; 2012). Предмет на изследването е словообразувателният потенциал на собствените имена – тяхната способност да служат като произвеждащи (мотивиращи) думи по отношение на други – производни (мотивирани) думи. С цел да се покаже динамиката на процесите в доклада се включват, както отдавна утвърдени в езика деривати, така и неологизми и оказионализми от края на ХХ и началото на ХХІ в.³

Поради голямото количество депроприални деривати в изследването не е възможно да бъдат обхванати всички типове и модели, а се представят само онези, които се характеризират с висока продуктивност (по този въпрос вж. Dokulil 1962). Примерите са ексцерпирани от различни речници (вж. списъка в края), електронни корпуси (БНК) и интернет.

0.3. Предметът на изследването налага най-напред да бъде изяснено съдържанието на термина *собствено име*. Приемаме, че спецификата на проприите като езикови знаци е „да идентифицират, индивидуализират и разграничават обектите, а не да обобщават признаците им и да ги характеризират” (Трифонова 2006: 213). За разлика от съществителните нарицателни, съществителните собствени се съотнасят с единични предмети, а не с класове предмети (Крумова-Цветкова 2007: 37; Ницолова 2008: 48). Придържаме се към класификацията, според която към проприите се отнасят геонимите (топоними и космоними), бионимите (антропоними, псевдоантропоними, зооними) и хрематонимите (Šrámek 1999: 16; ES 2002: 293; Трифонова 2011). Названията на видовете продукти или производства и на търговските марки, названията на фирми, предприятия, организации, на литературни произведения, филми и под., които в научната литература се означават по различен начин (по този въпрос вж. Трифонова 2006; 2011), тук също се приемат за собствени имена. Към собствените имена причисляваме още **абривиатурите** като неофициални, разговорни названия на фирми, организации, сдружения и под. Съгласно българската лингвистична традиция от състава на собствените имена изключваме етнонимите, псевдоетнонимите и названията по териториален признак (жителските имена), които в някои лингвистични традиции се отнасят към проприите. Основание за това е фактът, че те не отговарят на дефиницията на собственото име – да назовават уникален, единствен обект, а назовават множество еднородни обекти.

От собствени имена в българския език се образуват предимно съществителни и прилагателни имена чрез афиксация (преди всичко суфиксация), афиксоидация, по-рядко – конфиксация.

1.0. Депроприални съществителни.

1.1.0. Nomina pertinentia (названия за принадлежност).

Nomina pertinentia назовават субстанция, характеризирана чрез отношение на принадлежност към друга субстанция. Тяхното словообразователно значение се представя с парафразата ‘Х принадлежи на У’. В зависимост от допълнител-

³ Неологизмите се отбелязват с бележката *нов*.

ните признаци, характеризиращи X (напр. ‘одушевеност’, ‘персоналност’) и от денотата, който се назовава чрез Y, се очертават следните субкатегории⁴:

– X (+ ‘персоналност’), Y = лице, създател на научно, идейно, политическо, творческо и др. направление, течение, организация;

– X (+ ‘персоналност’), Y = (географско, населено) място;

– X (– ‘одушевеност’), Y = (географско, населено) място.

Ще се спрем на всяка от тях поотделно.

1.1.1. Първата субкатегория включва съществителни, назоваващи лица, които са привърженици, последователи на идеите, възгледите на съответното лице или организация, назовани с мотивиращото име, респ. членуват в дадена организация. Образуват се от имена на известни личности, названия на обществено-политически, икономически, спортни и др. организации, сдружения и под.

Например: *дъновист* ‘този, който е привърженик, последовател на учението на П. Дънов’, *костовист* нов. ‘този, който е привърженик на политиката, провеждана от Ив. Костов’, по същия начин: *димитровец* (← Г. Димитров), *хегелшанец* (← Г. Фр. Хегел), *фройдист* (← З. Фройд), *николапетковист* (← БЗНС Никола Петков), *симеонист* нов. и *симеонист* нов. оказ. (← Симеон Сакскобургготски), *сидеровист* нов. (← В. Сидеров), *станишевист* нов. и *сергеевист* нов. оказ. (← Сергей Станишев), *доганист* нов. (← А. Доган), *желевист* нов. (← Ж. Желев), *бойковист* нов. (← Бойко Борисов), *първановист* нов. (← Г. Първанов), *тренчевист* нов. (← К. Тренчев), *виденовист* нов. (← Ж. Виденов), *мозерист* нов. (← А. Мозер), *саддамист* нов. (← Саддам Хюсеин); *левскар* ‘този, който членува в спортен клуб *Левски*’; по същия начин: *цесекар* (← ЦСКА [ЦеСеКа]), *славист* (← Славия); *бесепар* нов. ‘този, който е привърженик на и/или членува в БСП [БеСеПе]’, *седесар* нов. (← СДС [СеДеСе]), *десебар* нов. (← ДСБ [ДеСеБе]), *йеховист* нов. (← Свидетели на Йехова), *муунист* нов. (← Обединителна църква на Муун), *натовец* нов. (← НАТО) и др.

1.1.1.1. Въпросът за мотивацията на съществителни като *дарвинист*, *муунист* и др. под. в отделните българистични и славистични изследвания се решава по различен начин – за непосредствено мотивиращи се приемат ту собствените имена, ту апелативите на **-изъм**, с които се съотнасят съществителните на **-ист**, а в някои трудове се посочва, че названията на лица са двойно мотивирани⁵.

1.1.1.2. В настоящото изследване тези деривати се приемат за производни от собствените имена – още повече, че в доста случаи абстрактни съществителни на **-изъм** или не са регистрирани, или са регистрирани по-късно от съществителните на **-ист**⁶ и се употребяват по-рядко от тях (по този въпрос вж. Аврамова 2003: 79).

⁴ Тук се представят само онези субкатегории, които имат отношение към темата на изследването. Не се включва например субкатегорията „X (+ ‘персоналност’), Y = етническа, народностна, етнографска група”, тъй като названията на етноси, народности и под. не се приемат за собствени имена, следователно от изследването се изключват производните от тях, срв. напр. *българин* ‘лице от българска народност’; ‘мъж от българска народност’; *чех*, *арменец*, *японец* и под.

⁵ Поради големия обем на литературата, посветена на този въпрос, тук няма да бъдат цитирани конкретни изследвания. Преглед на някои схващания може да се види напр. в Аврамова 2003: 78–79.

⁶ Това се отнася и за деривати, образувани с други суфикси.

1.1.2. Втората субкатегория обхваща названия за принадлежност към определено населено или географско място (названия на жители), които се образуват от някои геоними, напр.: *бълг. софиянец* (← *София*), *варненец* (← *Варна*), *европеец* (← *Европа*), *добруджанец* (← *Добруджа*), *македонец* (← *Македония*), *оряховчанин* (← *Оряхово*), *плевенчанин*, разг. *плевналия* (← *Плевен*), *марсианец* (← *Марс*) и др.

1.1.3. Третата субкатегория включва терминологични названия на минерали, вещества и др. според мястото на откриването или находището им, напр. (*андалузит* ← *Андалузия*), *амазонит* (← *Амазонка*), *мурманит* (← *Мурманск*), *тюрингит* (← *Тюрингия*)⁷.

1.2. Nomina agentis.

От антропоними, псевдоантропоними, названия на учреждения, предприятия, художествени произведения и др. се образуват агентивни съществителни за лица според мястото им на действие или обекта на действие.

1.2.1. Названия на лица според мястото им на действие (СТ 'X действа в L'): *бетеанец* 'този, който работи в БТА [BeTeA]', по същия начин: *кремиковец* и *кремиковчанин* (← МК *Кремиковци*), *винпромец* разг. (← *Винпром*), *мевереец* разг. (← МВР [MeBePe]), *миланист* I⁸ нов. (← ФК *Милан*), *ферарист* нов. (← *Ферари*), *кагебист* (← КГБ [KaГеBe]); *витизчия* разг. 'този, който учи или е учил във ВИТИЗ', по същия начин: *вифаджия* разг. (← ВИФ); *аполонец* нов. разг. 'този, който участва във фестивала на изкуствата *Аполония*' и др.

1.2.2. Названия на лица според обекта на изследване (СТ 'X действа върху Y'): *ботевист*, кн. *ботевовед* 'този, който изследва творчеството на Хр. *Ботев*', по същия начин: *талмудист* (← *Талмуд*), *шекспиолог* (← У. *Шекспир*), *толкинолог* нов. оказ. (← Дж.Р.Р. *Толкин*), *бойколог* нов. оказ. (← *Бойко Борисов*), *костолог* нов. оказ. (← Ив. *Костов*) и др. Последните две съществителни, производни от имена на политици, са оказионални, но показват потенциала на словообразователния модел и възможностите за неговото разширяване чрез включването на все повече антропоними като мотивиращи думи – от имената на автори на художествени произведения и на самите произведения до имена на обществено-политически дейци като създатели и/или изпълнители на определена политика.

1.3. От собствени имена се образуват също така *nomina experienter* – названия на лица, характеризирани според тяхната мисловна (интелектуална) или емоционална дейност (Балтова 1988: 129). При образуването на депроприални *nomina experienter* участват суфиксоидите **-фил**, **-люб**, **-фоб**, **-ман** и др.

1.3.1 Производните съществителни, съдържащи компонентите **-фил**, **-люб**, изразяват значението 'този, който обича, има склонност, влечение, привързаност към лицето, което е назовано с мотивиращата основа', напр.: *костофил* нов. и *костолоб* нов. оказ. (← Ив. *Костов*), *доганофил* нов. оказ. (← А. *Доган*), *бойкофил* нов. (← *Бойко Борисов*) и др.

⁷ Примерите са от Бакърджиева 2011.

⁸ С римски цифри се означават словообразователните омоними (по този въпрос вж. Аврамова 2006).

1.3.2. Противоположно значение изразяват съществителните с компонент **-фоб** – ‘този, който мрази лицето, което е названо с мотивиращата основа’ напр.: бълг. *костофоб* нов. (← Ив. *Костов*), *бойкофоб* нов. (← *Бойко* Борисов), *бербатифоб* нов. оказ. (← Д. *Бербатов*) и др.

1.3.3. Съществителните с компонент **-ман** означават ‘този, който изпитва силно, страстно, непреодолимо влечение към лицето, названо с мотивиращото име’, напр.: *костоман* нов. оказ. (← Ив. *Костов*), *бербатоман* нов. оказ. (← Д. *Бербатов*) и др.

1.3.4. Разгледаните съществителни са експресивни. Образувани са от имена на политици и спортисти по модела на по-стари думи като *българофил*, *русофил*, *англофил*, респ. *българофоб*, *русофоб*, *англофоб* и под., които могат да се приемат за мотивирани от названието на държавата и на народността, срв. *българофил* – ‘този, който обича България и българите, всичко българско’, *българофоб* – ‘този, който мрази България и българите, всичко българско’, *англоман* – ‘този, който се възхищава на Англия, англичаните, на всичко английско’.

По-голямата част от новите суфиксоидни деривати се образуват от фамилни имена. Малкото на брой производни от лични имена (срв. *бойкофил*, *бойкофоб*) изразяват фамилиарност, скъсена дистанция, положителна или отрицателна оценка, чийто характер се разкрива в контекста.

1.4. *Nomina similitiva*.

От личните и/или фамилни имена на реално съществуващи лица и на измислени литературни, митологични, филмови и др. герои с помощта на суфикс **-(е)ц** в българския език се създават названия на лица, характеризирани чрез отношение на прилика с лицето, названо с мотивиращата основа, напр.: *андрешковец* ‘този, който прилича (по качества, поведение) на *Андрешко*’, по същия начин: *байганъвец* (← *Бай Ганьо*), *маркототевец* (← *Марко Тодев*), *рамбовец* нов. (← *Рамбо*), *живковец* нов. (← Т. *Живков*), *аполоновец* разг. (← *Аполон*) и др. Някои от дериватите са регистрирани само с формата им за множествено число, напр.: *догановци* нов. (← А. *Доган*), *желевци* нов. и *желювци* нов. (← *Желю Желев*), *дертлиевци* нов. (← П. *Дертлиев*), *сидеровци* нов. (← В. *Сидеров*), *костовци* нов. (← Ив. *Костов*), *първановци* нов. (← Г. *Първанов*) и др. Моделът е продуктивен. Освен от фамилни (или лични) имена, оказиялно се създават и нови композитни образувания, изградени от личното и фамилното име, напр. *петкосимеоновци*, *желеужелевци*, *бойкоборисовци* и др. – по модела на *маркототевец*, мн. *маркототевци* и под. Част от новите *nomina similitiva*, производни от имена на политици, са контекстуални, т.е. не са закрепени в езиковата система.

1.4.1. Интересно явление е създаването в разговорната реч също така на контекстуални силно експресивни и оценъчни (пейоративни) *nomina similitiva* в мн.ч. от умалителни собствени и дори от умалителни фамилни имена, срв.: *симеончовци* нов. (← *Симеончо* ← Симеон [Саксбургготски]), *доганчовци* нов. (← *Доганчо* ← А. *Доган*), *станишчета* нов. (← *Станишче* ← С. *Станишев*), *сидерчета* нов. оказ. (← *Сидерче* ← В. *Сидеров*) и др.

1.5. Nomina resultativa.

Собствените имена са изходни основи също така за образуване на деривати, назоваващи резултат от действие или дейност. Тяхното словообразователно значение се представя с парафразата ‘X прави / произвежда / създава Y’, където X – лице, Y – резултат (конкретен или абстрактен).

1.5.1. Съществителни, назоваващи конкретен резултат от действие или дейност. Тук се отнасят названията на различни артефакти по името на техния създател, напр.:

- названия на пушки: *маузерка* (← П. *Маузер*), *флоберка* (← Н. *Флобер*);
- терминологични названия на минерали, вещества и под. според техния действителен или предполагаем откривател, създател, по името на известен авторитетен учен, напр. *мартензит* (← А. *Мартен*), *смитсонит* (← Дж. *Смитсон*) и др.

1.5.2. Съществителни за абстрактен резултат от действието или дейността на лицето, назовано с мотивиращото име. Произвеждащата основа е име на политик, учен, духовно лице и под., поради което на лексикално равнище значението ‘дейност’ се конкретизира чрез значенията ‘политика’, ‘учение’ и под., напр.: *дъновизъм* ‘учение на П. *Дънов*’, *живковизъм* ‘политика, създадена и провеждана от Т. *Живков*’, по същия начин: *дарвинизъм* (← Ч. *Дарвин*), *хегелианство* (← *Хегел*), *костовизъм* нов. (← Ив. *Костов*), *доганизъм* нов. и *догановизъм* нов. оказ. (← А. *Доган*), *станишевизъм* нов. оказ. (← С. *Станишев*), *сидеровизъм* нов. оказ. (← В. *Сидеров*), *първановизъм* нов. оказ. (← Г. *Първанов*), *путинизъм* нов. (← В. *Путин*) и др.

1.5.3. Към категорията *nomina resultativa* се отнасят и съществителни, назоваващи предмет (в широк смисъл), наречен по името на някого, без той да е автор, т.е. резултатът е продукт от дейност, приписвана на лицето, назовано с мотивиращата основа. Такова е българското съществително *кирилица* ‘това, което е (предполагам) резултат от дейността на Константин Кирил Философ’. В края на XX в. по аналогия на *кирилица* възниква разговорното название *методиевица*, *методишца* – по името на брата на Константин Кирил Философ – *Методий*.

1.6. Nomina actionis.

В СБЕ от антропоними (предимно имена на политици) възникват множество *nomina actionis* със суфикс **-изаций(а)**, изразяващи значението ‘дейност, провеждана от лицето, назовано с мотивиращата основа, или от негови последователи’, напр. *живковизация* нов. ‘дейност (политика), провеждана от Т. *Живков*’, по същия начин: *костовизация* нов. (← Ив. *Костов*), *доганизация* нов. (← А. *Доган*), *путинизация* нов. (← Вл. *Путин*), *желевизация* нов. оказ. (← Ж. *Желев*), *станишевизация* нов. оказ. (← С. *Станишев*), *сидеровизация* нов. оказ. (← В. *Сидеров*), *първанизация* нов. (← Г. *Първанов*) и др.⁹

⁹ Съществителни като *американизация*, *германизация*, *турцизация* и др. тук не се приемат за детопоними. Смятаме, че мотивацията на подобни съществителни от названията на държави в много случаи е опосредствена.

Възникват и много нови процесуални съществителни, производни от названия на партии, срв.: *седесация* разг. нов. (← СДС [*СеДеСе*]), *атакизация* разг. нов. (← *Атака*) и др.

1.6.1. На синхронно равнище процесуалните съществителни обикновено се разглеждат като девербални и се причисляват към транспозиционните деривати. При анализа на разглежданите съществителни обаче трябва да се има предвид, че само някои от тях се съотнасят с глаголи, **че много често глаголите се отличават** с по-ниска честота на употреба от съществителните имена или че глаголите са **оказионални (за разлика от съществителните)**. Това дава **основания съществителните да се разглеждат като директно образувани от имената на лица** (по този въпрос вж. Аврамова 2003: 88–89 и цит. там литература).

1.7. Nomina actionis et nomina essendi.

От антропоними се образуват също така деривати със значение ‘**проява, поведение, качества на лицето, назовано с мотивиращото име**’. Тъй като дейността се свързва с определено качество (качества), много често при някои съществителни семантичната опозиция *дейност/качество* се размива (Bosák, Buzássyová 1985: 108–112) и може да се приеме, че те **изразяват синкретично** значенията *качество-действие* (Жоряковцева 1996). Ето защо подобни деривати биха могли да се тълкуват двояко – като *nomina essendi* и като *nomina actionis*, например: *андрешковщина* ‘поведение, качества на Андрешко’, *ганьовщина* и *байганьовщина* разг. (← *Бай Ганьо*), *донжуанство* (← *Дон Жуан*), *тартюфицина* (← *Тартюф*), *бойковщина* нов. разг. (← *Бойко* Борисов), *догановщина* нов. и *доганщина* нов. разг. (← *А. Доган*), *костовщина* нов. (← *Ив. Костов*) и др. В **оказионалното** словообразуване се наблюдават деривати както от собственото, така и от фамилното име на дадено лице, срв. *сергеевщина* нов. оказ. и *станишевщина* нов. оказ. (← *Сергей Станишев*), *кобурготщина* нов. оказ. и *симеонщина* нов. оказ. (← *Симеон Сакскобургготски*) и др.

Някои съществителни, напр. *байганьовщина*, *донжуанство* и др. биха могли да се свържат мотивационно с апелативите *байганьо*, *донжуан*. Фактът обаче, че в българския език се образуват нови деривати със суфикс **-щин(а)**, **-ств(о)** от антропоними, които не са апелативизирани, ни дава основания да разглеждаме и по-стари, утвърдени в езика производни (*байганьовщина*, *донжуанство* и др. под.) като деантропонимни, т.е. образувани от съществителните собствени имена.

1.8. От антропоними се образуват също така производни съществителни с помощта на суфиксоиди.

1.8.1. Съществителните, оформени със суфиксоидите **-фобий(а)**, **-филий(а)**, **-маний(а)**, **изразяват отношение, емоционална оценка, чувства към лицето, назовано с мотивиращата основа**, например:

– ‘склонност, влечение към лицето, което е назовано с мотивиращата основа’ (съществителните с компонент **-филий(а)**), напр.: бълг. *бойкофилия* оказ. (← *Бойко* Борисов);

– ‘омраза към лицето, което е назовано с мотивиращата основа’ (съществителните с компонент **-фобий(а)**): *костофобия* нов. (← *Ив. Костов*), *бойкофобия*

нов. оказ. (← *Бойко* Борисов), *доганофобия* нов. оказ. (← *А. Доган*), *бербатифобия* нов. оказ. (← *Д. Бербатов*);

– ‘силено, страстно, непреодолимо влечение към лицето, назовано с мотивиращото име’ (съществителните с **-маний(а)**). **Всички производни са експресивни**, срв.: *бойкомания* нов. (← *Бойко* Борисов), *путиномания* нов. оказ. (← *Вл. Путин*), *симеонмания* нов. оказ. (← *Симеон* Саксбургготски) и др.

1.8.1.1. Тези съществителни (както съществителните на **-фил**, **-фоб**, **-ман**) се създават по модела на по-стари единици като *германофилия*, *германофобия*, *англомания* и под.

1.8.2. Съществителните, съдържащи компонент **-логий(а)**, означават ‘наука за творчеството, дейността на лицето, назовано с мотивиращото име’, напр.: *шекспирология* (← *У. Шекспир*), *толкинология* нов. оказ. (← *Дж.Р.Р. Толкин*), *костология* нов. оказ. (← *Ив. Костов*) и др.

1.9. От антропоними и названия на партии се образуват конфиксални съществителни със значение ‘X е противник на Y’, където X = лице, Y = лице, организация и др., напр.: *антистамболовист* ‘този, който е противник на Стефан Стамболов’, *антибесепар* нов. ‘този, който е противник на БСП [*БеСеПе*]’, *антибойковист* нов. (← *Бойко* Борисов), *антидоганист* нов. (← *А. Доган*), *антикостовист* нов. (← *Ив. Костов*), *антисидеровист* нов. оказ. (← *В. Сидеров*), *антисимеонист* нов. оказ. (← *Симеон* Саксбургготски), *антистанишевист* нов. оказ. (← *С. Станишев*), *антипървановист* нов. оказ. (← *Г. Първанов*), *антиседесар* нов. (← [*СеДеСе*]’), *антидеспесар* нов. (← *ДПС* [*ДеПеСе*]’), *антидесебар* нов. (← *ДСБ* [*ДеСеБе*]’), *антиатакист* нов. (← *Атака*), *антигербер* нов. и *антигерберист* нов. оказ. (← *ГЕРБ*) и др.

2.0. Депроприални прилагателни.

2.1. Относителни прилагателни, получени чрез суфиксация.

От собствени имена се образуват относителни прилагателни, означаващи обща и индивидуална принадлежност и подобие.

2.1.1. Прилагателни за индивидуална принадлежност се образуват от антропоними и псевдоантропоними с помощта на суфиксите: **-ов** (от изходни съществителни от м.р.) и **-ин** (от изходни съществителни от ж.р.), напр.: *Иванов* ‘който принадлежи на Иван’ (*Ивановата* *кола*), *Мариин* ‘който принадлежи на Мария’ (*Мариината* *рокля*), *Елин-Пелинов* ← *Елин-Пелин* ‘който е създаден от, принадлежи на Елин Пелин’ (*Елин-Пелинов* *разказ*), *Чудомиров* ← *Чудомир* (*Чудомиров* *герой*) и др. Относителните прилагателни, образувани от фамилни имена, завършващи на **-ов**, **-ев** (които по произход са притежателни прилагателни), съвпадат по форма с фамилните имена, срв.: *Иван Вазов* и *Вазов* ‘който е създаден от, принадлежи на Иван Вазов’ (*Вазов* *роман*, *Вазови* *съчинения*), *Димитър Талев* и *Талев* ‘който е създаден от, принадлежи на Д. Талев’ (*Талева* *четирилогия*), *Христо Ботев* и *Ботев* ‘който е създаден от, принадлежи на Хр. Ботев’ (*Ботев* *стихове*).

2.1.2. Прилагателни за обща принадлежност се образуват от антропоними, геоними и хремотоними с помощта на суфикси: **-ск(и)**, **-(ан)ск(и)**, **-арск(и)**, **-(а)джийск(и)** и др., напр.: *Нобелова* (*награда*) (← *Нобел*), *вазовски* (*почерк*) (←

Вазов), *габровски (музей)* (← *Габрово*), *бургаски (фестивал)* (← *Бургас*), *софийска (баница)* (← *София*), *седесарски (кмет) нов.* (← СДС [*СеДеСе*]), *бесепарски (лидер) нов.* (← БСП [*БеСеПе*]), *депесарска (група) нов.* (← ДПС [*ДеПеСе*]), *гербаджийски (активисти) нов.* (← *ГЕРБ*), *бетеански (служители)* (← БТА [*БеТеА*]), *кремиковски (работници)* (← МК *Кремиковци*), *левскарска (атака)* (← СК *Левски*) и др.

2.1.3. Прилагателни със значение ‘прилика, подобие с лицето, названо с мотивиращото собствено име’: *байганьовски* ‘който е като на Бай Ганьо’ (*байганьовска постъпка*), *сизифовски* ‘който е като на Сизиф’ (*сизифовски труд*) и др.

2.2. Относителни прилагателни, получени чрез конфикация.

От собствени имена се образуват и малко на брой конфиксални адективни деривати. Прилагателните, образувани с конфикс **анти-/арск(и)**, **анти-/ерск(и)**, **анти-/истк(и)**, изразяват значението ‘такъв, който е насочен срещу това, което е названо с мотивиращата основа’: *антилевскарски* ‘такъв, който е насочен срещу СК *Левски*’ (*антилевскарски коментари*), по същия начин: *антицескарски* (← ЦСКА [*ЦеСеКа*]), *антибесепарски нов.* (← БСП [*БеСеПе*]), *антиседесарски нов.* (← СДС [*СеДеСе*]), *антидепесарски нов.* (← ДПС [*ДеПеСе*]), *антиатакистки нов.* (← *Атака*), *антигерберски нов.* (← *ГЕРБ*) и др. Прилагателните, оформени с конфикс **про-/арск(и)**, **про-/истк(и)** и др. означават ‘такъв, който подкрепя това, което е названо с мотивиращата основа’: *пробесепарски нов.*, *проседесарски нов.*, *продепесарски нов.*, *прогерберски нов.*, *проатакистки нов. оказ.*, *прокостовистки оказ.* (← *Ив. Костов*) и др.

3.0. В българския език съществуват и глаголи от типа: *българизира*, *турцизира*, *германизира*, *американизира*, *балканизира*, *европеизира* и под., чиято мотивация от собствени имена обаче според нас е спорна, срв. *българизира* ‘придава български характер на нещо’. По аналогия на тези съществителни в началото на ХХI в. се образуват глаголи от названия на партии със суфикс **-ира-**, които означават ‘придобива характера на това, което е названо с мотивиращата основа’, срв: *ГЕРБ се атакизира*; *Атака се гербизира* (оказ.). На този етап подобни глаголи са малобройни; бъдещето ще покаже дали моделът има потенциал.

4.0. В заключение се налага изводът, че „разширяването на онимичното пространство”, което се наблюдава в края на ХХ и началото на ХХI в. (Гутшмит 2004 – цит. по Трифонова 2006) води и до увеличаване на броя на депроприалните нарицателни имена от различни словообразователни категории, типове и модели. В някои категории се наблюдава разширяване на кръга по отношение на типовете собствени имена, служещи като мотивиращи основи за създаване на апелативна лексика (вж. т. 1.2.2.; 1.6.; 3.0.). **Най-разпространеният начин за образуване на депроприални съществителни и прилагателни е суфиксацията; производни съществителни се създават и с помощта на афиксоиди.**

Всичко това показва, че в съвременния български език собствените имена притежават висок словообразователен потенциал, който дава основания да се предполага възникването на още повече апелативни деривати от различни части на речта, в чието образуване участват голям набор от словообразователни форманти.

СЪКРАЩЕНИЯ

СБЕ – съвременен български език

СТ – словообразователен тип

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова 2003:** Цв. Аврамова. *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век.* София: Херон Прес, 2003.
- Аврамова 2006:** Цв. Аврамова. Проблемът за словообразователната омонимия и полисемия при суфиксалните деривати в славянските езици. В: *Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung.* Н. Burkhardt, А. Nagórko (ed.). Hildesheim – Zürich – New York: Olms, 2007, 143–162.
- Бакърджиева 2011:** Г. Бакърджиева. Образуване на съществителни нарицателни имена от топоними. В: *Истина, мистификация, лъжа в славянските литератури и култури. Сборник с доклади от Десетите национални славистични четения, посветени на 90-годишнината от рождението на проф. Светомир Иванчев, 22-24 април 2010 г.* София: Лектура, 2011, 206–213.
- Балтова 1988:** Ю. Балтова. *Структура и семантика на суфиксалните съществителни имена в съвременния български книжовен език.* (Непубликувана монография).
- Благоева 2012:** Д. Благоева. Словообразователен потенциал на антропонимите в българската и чешката обществено-политическа лексика. В: *Единадесети национални славистични четения „Време и история в славянските езици, литератури и култури”, София, 19 – 22 април 2012 г.* (Под печат).
- Гутшмит 2004:** К. Гутшмит. Собствени и нарицателни имена в славянските езици. (Под печат) – цит. по Трифонова 2006.
- Коряковцева 1996:** Е. И. Коряковцева. Статус имени действия. – *Вопросы языкознания*, 1996, № 3, 55–66.
- Крумова-Цветкова 2007:** Л. Крумова-Цветкова. *Семантичната категория количество и нейното изразяване в българския език.* София: Акад. издат. „Проф. Марин Дринов”, 2007.
- Ницолова 2008:** Р. Ницолова. *Българска граматика. Морфология.* София: Унив. издат. “Св. Климент Охридски”, 2008.
- Парашкевов 2011:** Б. Парашкевов. *Отименна лексика в словника на българския език. Енциклопедичен речник на производни от собствени имена.* Издателство „Изток-Запад”, София, 2011.
- Трифопова 2006:** Й. Трифонова. Собствените имена и интернационализацията на лексиката в българския и чешкия език след 1989 г. В: *Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. Научна конференция, посветена на 125-годишнината от рождението на акад. Стефан Младенов*

- (София, 28-29 юни 2005). София: Издат. на Съюза на учените в България, 2006, 213–232.
- Трифенова 2008:** Й. Трифенова. Новите собствени имена (*nomina propria*) като източник на промени в лексиката. В: *Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография*. В памет на проф. д-р Кети Анкова-Ничева. София: Акад. издат. „Проф. Марин Дринов”, 2008, 272–281.
- Трифенова 2011:** Й. Трифенова. *Динамика в българската и чешката депроприални системи в края на XX век*. (Ръкопис).
- Трифенова 2012:** Й. Трифенова. Формални критерии за пряка апелативизация на проприи от чужд произход в български и чешки. В: *Единадесети национални славистични четения „Време и история в славянските езици, литература и култура”*, София, 19 – 22 април 2012 г. (Под печат).
- Bosák, Buzássyová 1985:** J. Bosák, K. Buzássyová. *Východiská morfémovej analýzy*. В: *Jazykovedné štúdie XIX*, Bratislava: Veda, 1985.
- Dokulil 1962:** Dokulil, M. *Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1962.
- ES 2002:** *Encyklopedický slovník češtiny*. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (ed). Praha: Nakl. Lidové noviny, 2002.
- Šrámek 1999:** R. Šrámek. *Úvod do obecné onomastiky*. Brno: Masarykova univerzita, 1999.

ИЗТОЧНИЦИ

- БНК:** *Български национален корпус*: <http://search.dcl.bas.bg/en/>
Речник на новите думи в българския език. Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София: „Наука и изкуство”, 2010.
- Речник на новите думи и значения в българския език*. Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София: „Наука и изкуство”, 2001.

Cvetanka D. Avramova

PROPER NAMES AS A RESOURCE IN FORMING NEW WORDS IN MODERN LITERARY BULGARIAN

Summary

This article studies the capacities of proper nouns (*nomina propria*) to serve as motivating (producing) units in forming new words in the modern literary Bulgarian language. The author discusses the depropriation derivatives (substantives, and to a lesser extent verbs) formed from different types of proper nouns, and explores the word-formation categories and types to which the resultant derivations refer. The aim is to establish the motivational potential of proper nouns in the Bulgarian language at this stage of its evolution.

ЛИДИЈА АРИЗАНКОВСКА*

УНИВЕРЗИТЕТ „СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЈ“,
ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ „БЛАЖЕ КОНЕСКИ“, СКОПЈЕ, МАКЕДОНИЈА

**ЗБОРООБРАЗУВАЊЕТО И НЕГОВИТЕ РЕСУРСИ
ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК
(СО ОСВРТ НА ДЕРИВАТИТЕ СО СУБЈЕКТИВНА ОЦЕНКА
КАКО ДЕЛ ОД ОСНОВНИОТ ЛЕКСИЧКИ ФОНД НА
МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК)**

Сажетак. Лексиката со субјективна оценка е дел од основниот лексички фонд на македонскиот јазик, настаната како резултат на понудениот зборообразувачки потенцијал на македонскиот јазик. Кај сите деривати е присутна емоционалната компонента, односно доаѓа до израз субјективниот став на говорителот со цел преку образуваната форма да го изрази тој свој став, односно да ја пренесе пораката кон оној кому му е таа наменета. Притоа важен е и контекстот.

За одржување на ресурсите е особено важна фреквентноста, односно честотата на нивната употреба, т.е. нивната актуелност.

Клучни зборови: ресурси, деминутивно-хипокористични образувања, аугментативно-пејоративни образувања, суфикси, лексика со субјективна оценка, експресивна компонента, актуелна состојба, културен контекст.

0. Целта на овој прилог е да ги претстави ресурсите на македонскиот јазик во однос на деривацијата на лексеми со субјективна оценка, мислејќи тука на деминутивно-хипокористичните образувања, како и аугментативно-пејоративните. Акцент ќе биде ставен особено на овие вторите како помалку фреквентни во современиот јазик и разгледувани како дел од основниот лексички фонд на македонскиот јазик, со што ќе се обидеме да ја претставиме продуктивноста, односно непродуктивноста на дадени суфикси како и причините за тоа, разгледувани како дел од еден поширок културен контекст.

1. Кога станува збор за зборообразувањето во македонскиот јазик и неговите ресурси, а поаѓајќи од тоа какви промени се извршени и според тоа какви постапки или средства се користат при образувањето на еден збор од друг, постојат четири начини на зборообразување: лексичко-семантички, лексичко-синтаксички, морфолошко-синтаксички и морфолошки (афиксен) начин. (Конески К. 1995:11)

---

* e-mail: larizankovska@yahoo.com

Нас нè интересира морфолошкиот начин на зборообразување како најпродуктивен за создавање нови зборови во нашиот јазик. Кај овој начин се изделуваат: префиксното, суфиксното, префиксно-суфиксното зборообразување, образувањето на сложени зборови и образувањето на скратеници.

1.1. Дериватите со субјективна оценка се добиваат по пат на суфиксација, па затоа во случајов ќе се задржиме на тој начин на зборообразување. Потребно е да се истакне дека при процесот на создавање нови зборови (деривати, односно мотивирани зборови) од дадена мотивирачка лексема се случуваат граматичко-семантички промени (премин на дериватот во друга зборовна група, различна од онаа на мотивирачкиот збор, потоа дериватот означува семантички нов десигнат или го означува истиот десигнат од појдовниот збор, изразување, односно неизразување на односот определувач-определуван помеѓу основата и формантот) на мотивираниот во однос на мотивирачкиот збор. Тие промени се всушност основа за класификација на дериватите на: транспозициони, мутациони и модификациони.

1.2. Лексемите кои се предмет на нашето истражување се модификациони деривати поради следниве граматичко-семантички промени:

1.2.1. Дериватот останува во истата зборовна група како и мотивирачкиот збор: човек (именка) > **човечиште** (именка);

1.2.2. Дериватот не означува нов десигнат, различен од оној на мотивирачкиот збор, туку дава информација за некоја особина на истиот десигнат именуван со појдовната единица: даб > **дабиште** ‘огромен даб’;

1.2.3. Формантот има семантичко-качествена функција и е определувач во структурата на дериватот: **жениште** – основата го именува десигнатот (жена), а формантот -иште е определувач, определува каков е десигнатот, во случајов станува збор за ‘огромна, грамадна, корпулентна’, може и: ‘одбивна жена’.

1.3. Модификациони категории во македонскиот стандарден јазик се:

1.3.1. називите на женски лица (*nomina feminativa*) и животни;

1.3.2. деминутивно-хипокористичните називи и

1.3.3. аугментативно-пејоративните називи.

1.4. Во однос на деминутивно-хипокористичните образувања ќе ги споме-
неме суфиксите: **-ец** (ветрец, снежец), **-ок** (листок, прсток), **-чок** (ветерчок), **-ка** (рипка, лопатка), **-ица** (водица, теткица), **-ца** (солца), **-ичка** (сликичка, водичка), **-е** (прсте, носе), **-че** (вовче, изворче), **-це** (крилце, мевце), **-енце** (детенце, писменце), **-ле** (мажле, козле), **-уле** (детуле, кафуле). Со нив се изразува мала димензија на предметот именуван со основата или носат експресивно, чувствено значење, односно се изразува позитивен однос на говорителот кон именуваниот предмет. (в. Конески К. 1985: 67-70)

1.5. Аугментативно-пејоративните називи информираат за големата димензија на предметот (десигнатот), а не е исклучена ниту негативната, одбивната, пејоративната, односно експресивно-емоционалната нијанса. Во македонскиот јазик за образување аугментативно-пејоративни називи се среќаваат суфиксите: **-иште**, **-ина**, образувани од именки. (в. Конески. К. 1985: 70-71)

1.5.1. Најпродуктивен суфикс за образување аугментативно-пејоративни деривати е суфиксот **-иште**. Овој суфикс се додава кон именки од сите три рода.

1.5.1.1. Именки од машки род:

(1) човек>човечиште

Најпосле влезе класниот старешина, крупно **човечиште**, со дневникот под десната мишка.

(Лозје, Блаже Конески, Култура, Скопје, 1990)

(2) облак>облачиште

Тој рипна и тргна накај мене како змев од темни **облачишта**.

(Лозје, Блаже Конески, Култура, Скопје, 1990)

(3) орел>орлиште

Оди кокошката и го сретнува црвот.

– Здраво, **орлиште** – ја поздравува црвот.

– Здраво, цару змиски – отпоздравува кокошката. (виц)

(4) глас>гласиште

Таму, во ветената земја, пари растат од елки! И, најдраматичното е највистинито, тоа не е само **гласиште**, бидејќи тука се фактите, фотографиите пристигнати од тој свет. (*Утрински весник*, рубрика: Мислења, *Новата земја*, Лабина Митевска, 28.12.2006 г.)

(5) јунак>јуначиште

Бирото за туризам на град Скопје ги предупреди странците да внимаваат на џепчиите, откако „**јуначиште**“ удрило со стап од зад грб врз 83-годишен Холанѓанец за да му земе 150 евра.

<http://www.dnevnik.com.mk/default.asp?ItemID=39C10FDCF89F4C499744F555F6AA3716>

(6) стомак > стомачиште

Некогаш неодоливиот Расел се претворил во дебелко кој изгледа како да му се на умот само хамбургери и пиво, а неговото **стомачиште** го издава дека во теретана одамна не влегол.

<http://www.vecer.com.mk/default.asp?ItemID=138473DAD11F324C860D4F8EA44BEF18>

(7) маж>мажиште

Рускиот премиер Владимир Путин, утринава со мала подморница нуркал во длабочините на Бајкалското Езеро со што уште еднаш го потврди својот внимателно негуван имиџ на „**мажиште**“.

(<http://www.netpress.com.mk/mk/vest.asp?id=59891&kategorija=6>)

Овој суфикс го споменува и Елена Јованова-Грујовска во *Валоризација на колоквијалозмите во македонската јазична средина* (2002) како суфикс што се јавува во разговорниот јазик, односно во т.н. колоквијална лексика, која според Рикард Симеон (цитирано по Јованова-Грујовска 2002:13) претставува „неформалистички израз или јазичен облик од конверзациски тип; обично не прилега во формален разговор или во литературата, а често се употребува во секојдневниот

говор“. Всушност, аугментативно-пејоративните називи се доста фреквентни во разговорниот јазичен стил. Како примери се наведуваат: дечишта ‘деца’, педериште ‘хомосексуалец’.

1.5.1.2. Именки од женски род:

(8) жена>жениште

Ивана е виновна за нашата несреќа! Машкото го скри пред машката должност! Ме скри со сукња, како **жениште!** – твреше Јован во очај. (*Женско родословие*, Лилјана Хабјановиќ-Ѓуровиќ, *Нова Македонија*, 12.03.2011)

(9) коса>косиште

– Зошто баш ходник? – вели Поташински, нескладниот слабникав великан со огромно бело **косиште** (седи во стол за лулање: во последно време сè почесто се зборува за последиците од дамнешната експлозија).

(<http://www.kuckamen.com/2011/03/01/%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE>)

1.5.1.3. Именки од среден род:

(10) дете>детиште

Откако призна дека нејзината ќерка Сури (4) има истенчен моден вкус и исклучиво сама ја избира својата облека, мајката Кејти Холмс (31) тврди дека и покрај многуте привилегии што ги има благодарение на богатството во кое расте, Сури не е типично разгалено холивудско **детиште**. (*Утрински весник*, рубрика: Забава, 09.09.2010 г.)

(11) месо>месиште

Црно **месиште** биолско, бајата морска риба, боже, само од зборот и веќе однатре ме гиба, мајчиното млеко човек да си го поврати. (*Сурати*, Живко Чинго, <http://www.ebookscenter.co.uk/>, стр.11)

(12) девојче >девојчиште

За нив таа беше разуздена кариеристка, користољубиво **девојчиште** што ја злоупотребува својата привлечност. <http://www.vecer.com.mk/default.asp?ItemID=C4CF31019B123B41AAAE4ED205E18A35> (фелтон за маршалот Тито)

Аугментативно-пејоративните деривати се покарактеристични за конкретните именки, вакви образувања од апстрактни именки се невообичаени.

1.5.2. Вториот суфикс со кој се образуваат аугментативно-пејоративни називи е суфиксот **-ина**, но овој суфикс не е толку продуктивен колку што е **-иште**.

(13) баба>бабетина

Си одам јас така значи по патот кога отспротива ми се пушта една поголема баба. Бог да чува, си велам, каде ли само навалила **бабетинава**.

(<http://www.templum.com.mk/star/konkurs/aktuelno/05-2007/avtori-bromofon.htm>)

(14) маж>мажетина

А баш чудно, никад коа сум слушала за него или коа ќе сум го видела не ми одело у глава дека у него се крие таква **мажетина**...

<http://www.vecer.com.mk/?ItemID=77F620B151931C42A2E7B35635086726>

(15) јунак-јуначина

Та ми излезе – рамен босиљок,
 Што ми го носет – све **јуначина**,
 Све **јуначина** – пот фесоине,
 А девојкине – во пазуине,
 А дечинана – во р'чинана.

(291 песна од Зборникот на Миладиновци)

1.5.3. Во македонскиот стандарден јазик се јавуваат и други суфикси со пејоративно, односно подбивно значење. Еден од нив е суфиксот **-инка**.

-инка: будала>будалетинка

(16) Секаде постои селска **будалетинка**, ако треба дури и ќе ја измислат. Сите се мајтапат со таквите, но тие им се многу потребни на провинцијата и на нашата култура. Постоенето на селската **будалетинка** за сите други во провинцијата е доказ дека тие се нормални. (*Дневник, Сцена што недостига*, Гоце Дртковски, рубрика: Култура 23.01.2010 г.)

1.5.4. Пејоративните образувања со суфиксите: **-ло, -ле, -чо, -ко** (**душкало, ушле, слепчо, дрдорко, плачко**) имаат мутационен карактер и претставуваат атрибутивни деривати.

мрсул>мрсулко

(17) На оваа лична навреда ниту Велиу не остана покус. Стана од пратеничката фотелја, се упати кон Целили и му рече: „Седи бре таму, **мрсулко** еден!”

Вест, 17.01.2004 <http://star.vest.com.mk/default.asp?id=72290&idg=4&idb=1060&tubrika=Makedonija>

плаче>плачко

(18) Тренерот на Валенсија, Унаи Емери го нарече Жозе Мурињо „**плачко**“ поради последните поплаки кои Португалецот ги изрече за судијата.

<http://www.time.mk/read/dcabe859dd/46f59afe6a/index.html>

смрди>смрдло

(19) **Смрдло**, ако останавме вие да ни давате нешто ќе цркневме сите до еден, било тоа да беше парче леб. (коментар на форум, <http://forum.kajgana.com/threads/D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%B5%D1%82-%D0%B8%D0%BB%D1%98%D0%B0%D0%B4%D0%B8->

1.5.4.1. Кон овие примери можеме да ги додадеме уште примерите од типот: **клапчо** ‘глулав маж, рогоносец’, **потрчко** ‘момче за сè’; како и оние со суфиксите:

-уш: лигави се>**лигуш** ‘слабак, полтрон’.

-ач: шитка >**шиткач** ‘препродавач’, **лижач** ‘полтрон’

-(л)ица: буба>**бубалица** ‘студент/ученик што го интересира само учењето’ или ‘оној што учи на памет’.

-еж: дави>давеж ‘досаден човек’.

-атор: гребе се>**гребатор** ‘лице што извлекува некаква корист од друго лице’; гњави>**гњаватор** ‘досаден човек или тежок професор’.

Овие образувања се типични за колоквијалната лексика, бидејќи и повеќето глаголи од кои се тие изведени се среќаваат единствено во разговорниот стил. (сп. Јованова-Грујовска, 2002:63-64)

1.5.4.2. Кон оваа група ќе ги додадеме и образувањата од придавки, со суфиксите:

-отија: лошо>лошотија ‘лош, зајадлив човек’

-ача: глупа>глупача ‘глупава жена’

-ало: дртав>дртало ‘стар човек’

2. Дали навистина формалната поделба на суфикси за деминутивно-хипокористични и аугментативно-пејоративни образувања е одржана? Поаѓајќи од семантички аспект (како и прагматички, односно прагматичката обусловеност, културниот контекст и сл.) можеме да дојдеме до заклучокот дека нема остра линија меѓу деминутивно-хипокористичните и аугментативно-пејоративните образувања, односно доаѓа до нивно значенско прекривање, обусловено пред сè од нивната употреба и поширокиот културен контекст во кој тие се среќаваат, односно се прагматички мотивирани.

Примерите од типот: **дебеличок, полничок; директорче, професорче** и сл., присутни во современиот македонски јазик и својствени главно за колоквијалната лексика, го докажуваат тоа. Се работи за суфикси со кои се изведуваат деминутиви, но во случајов тие се јавуваат со пејоративно значење. Кај примерите: **дебеличок, полничок** се избегнува навредливиот став на говорителот, односно ‘се постигнува ублажување во соопштувањето на ставот на говорителот во однос на некоја негативната карактеристика’; додека кај примерите: **директорче, професорче** се изразува ‘потсмешливост, односно презир’.

2.1. *Човечулец* е наслов на книга од писателот Александар Прокопиев (Магор, Скопје, 2011) во кој се сместени, како што тој самиот вели: „бајки од левиот цеп“, односно бајки за возрасни. Преку самиот наслов претставен со деминутивно-хипокористичната форма од именката **човек>човечулец** се изразува потсмешливо, односно пејоративно значење, и тоа со двојно нагласена деминутивно-хипокористична форма (во случајов и суфиксот –е, и суфиксот –ец во современиот македонски јазик се со намалена актуелност на употреба), а со цел да се постигне нагласување на безначајноста на човекот во „светот на возрасните“, односно во глобалниот свет. Ваквите тенденции особено се забележуваат во уметничкиот стил, каде што е изразена емоционално-експресивната маркираност на изразот.

3. Актуелна состојба во однос на употребата на лексиката со субјективна оценка

Лексиката со субјективна оценка отвора повеќе прашања од зборообразувачки, но и од синтаксички, семантички и лексички аспект.

Тесна е границата меѓу лексиката со субјективна оценка и експресивната лексика. Со други зборови, потребни се интердисциплинарни согледувања, со вклученост и на психолошката, педагошката и социолошката наука. (в. Сахарн и Л.В., 1985)

„Зборовите во кои се содржи позитивна или негативна експресија нејчесто се од жаргонот, но ги има и меѓу заемките. Колоквијалната лексика со која се

именуваат ситуации, настани и предмети од пошироката активност на луѓето нејчесто е со обична експресија. Именувањето на лицата воопшто и на нивните особини, изгледот, карактерот и недостатоците се прави со зборови што носат позитивна или негативна експресија. Експресијата може да се долови и со помош на извесни зборообразувачки средства. Така, со деминутивно-хипокористични форми се истакнува позитивната експресија, а негативната експресија со помош на аугментативно-пејоративните.

Ај, Сашо, клај ми **воткичка!**/Дај ми **цигарче!**/ Тој ги мачел за парите да му кажат, не ги мачел од што е тој – **мањачиште!** “ (Јованова-Грујовска 2002:84)

3.0. Ќе обрнеме внимание на некои од нашите согледувања, следејќи ја актуелната сосотојба во однос на употребата на лексиката со субјективна оценка:

3.1. **Употреба во ИГ** (и кај деминутивно-хипокористичните и кај аугментативно-пејоративните образувања):

(20) Живеев во **мала собичка**.

(21) Има **мало усте, мало ноже, мало прсте...**

(22) Ме посети едно **големо крупно мажиште**.

(23) **Големо јуначиште** се покажа.

Употребата во ИГ не е ретка, но во посочените примери станува збор за тафтологија, со цел нагласување на субјективната оценка во однос на предметот, со цел пораката вистински да биде пренесена и разбрана од страна на нејзиниот примач.

3.2. **Детскиот говор**. Кога станува збор за детскиот говор, може да се констатира дека во него преовладуваат деминутивно-хипокористични именувања (ноце, раче, прсте, нокте, носе, усте, главче; бананче, морковче, јаболче, кашичка; капче и сл.). Ваквата употреба е резултат на перцепцијата на светот околу детето во раната возраст.

3.3. **Генерациска разлика** во однос на употребата на лексиката со субјективна оценка. Разликата се јавува како резултат на различната перцепција на светот.

Пример се личните имиња кај децата (Кире, Стефче, Јованче...). Актуелната состојба укажува на тоа дека се избегнуваат денес деминутивно-хипокористичните форми во однос на употребата на личните имиња.

3.4. **Дијалектната слика** во македонскиот јазик укажува на големо присуство на лексика со субјективна оценка, но во однос на актуелната состојба можеме да забележиме дека во југоисточните говори преовладуваат деминутивно-хипокористичните образувања, додека аугментативно-пејоративните ги има сè помалку (в. Дрвошанов 2012).

3.5. **Употреба во уметничкиот стил** (в. погоре, на пр. човечулец (2.1.), јуначина (1.5.2.) и др.). Поретко ваквата лексика се среќава во другите функционални стилови, малку во новинарскиот, публицистичкиот, а речиси воопшто не во административниот и научниот стил. Ваквата лексика е присутна во народната поезија (в. Пановска Ружа, 1973.)

(24) Семне ѕвезда, ѕверот ѕвери **ѕвериште**, сенсел сенса сериште...

(*Клап, клап, клап*, брзозборка, Рајко Јовчевски, 1997)

(25) Дигни го тоа твое **рачиште** погоре, по ѓаволите. Така.

– Од што зависи, прашам јас.

– Од тебе, вели таа.

(*Земјаци*, Коле Чашуле)

<http://www.np.org.mk/tekst.asp?lang=mac&tekst=476&str=2>

(26) Тинејџерската поп-ѕвезда Џастин Бибер ја доби титулата за најголем „**лигуш**“ во Холивуд. Со своето детско лице и нежниот глас, ова момче освои милиони девојки ширум светот кои не можат да одолеат на неговиот шарм, фризура и насмевка, но, зад камерите Џастин е вистински разгалено **детиште**.

<http://www.time.mk/read/61c1224b6d/aa2b5cacf2/index.html>

3.6. **Употреба во колоквијалната лексика** (в. погоре: 1.5.4., 3.)

3.7. **Појава на лексикализирани форми** од типот: ужинка, ланче и сл., како и понови од типот: маичка, продавничка, лепче и др. се сè почести во македонскиот јазик. Во примерот: кромид-кромитче се добива нов назив за ‘млад, пролетен кромид’. Истото се случува кај називи за храна: сусамче, сусамка, бомбица и др.

3.8. Лексиката со субјективна оценка може да се смести во 16 семантички полиња (в. Јованова-Грујовска 2009): делови од човечкото тело; физички и психички особини на човекот; роднински односи; храна; обичаи, вера и општествен живот; болести и лекување; облека и обувки; дом, покуќнина и посатки; орудија и предмети од опкружувањето; занаети и професии; растителен свет; животински свет; релјеф и хидрографија; метеорологија; сообраќај и останати лексеми.

4. Заклучок. Лексиката со субјективна оценка е дел од основниот лексички фонд на македонскиот јазик, настаната како резултат на понудениот зборообразувачки потенцијал на македонскиот јазик, кој се сведува главно на процесот на суфиксација, при што како резултат на ваквиот зборообразувачки процес се среќаваат главно именски образувања. Кај придавките, на пример, не се среќаваат аугментативно-пејоративни образувања.

Кај сите деривати е присутна емоционалната компонента, односно доаѓа до израз субјективниот став на говорителот со цел преку образуваната форма да го изрази тој свој став, односно да ја пренесе пораката кон оној кому му е таа наменета. Притоа важен е и контекстот.

За одржување на ресурсите е особено важна фреквентноста, односно честотата на нивната употреба, т.е. нивната актуелност.

Нивната фреквентност на употреба во актуелниот јазик, било на ниво на стандарден било на ниво на дијалектен јазик, се менува и е во тек со современите тенденции, кои се, пак, прагматички обусловени, и се дел од еден поширок културен контекст. Затоа веројатно, разгледувани по одделни функционални стилови, тие се среќаваат најчесто во разговорниот јазик и во уметничката литература (поретко во новинарскиот стил) каде што доаѓа до израз емоционалната компонента, односно субјективниот став на говорителот, што е, впрочем, основна компонента на лексиката со субјективна оценка.

ЛИТЕРАТУРА

- Аризанковска Лидија, 2012. Славистичките проучувања на лексиката со субјективна оценка од зборообразувачки аспект, *Јазична работилница Лексиката со субјективна оценка во македонскиот јазик*, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.
- Дрвошанов Васил, 2012. Деминутивно-хипокористични образувања од хуманитарната анатомија во македонските говори, *Јазична работилница Лексиката со субјективна оценка во македонскиот јазик*, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.
- Јованова-Грујовска Елена, 2002. Валоризација на колоквијализмите во македонската јазична средина, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Јазикот наш денешен, кн. 7, Скопје.
- Јованова-Грујовска Елена, 2009. *Лексичко-семантичка анализа на именките со субјективна оценка во македонскиот јазик (деминутиви, хипокористици, аугментативи, пејоративи (докторска дисертација)*, Универзитет „Св. Кирил и Матодиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, Скопје.
- Конески Кирил, 1995. *Зборообразувањето во современиот македонски јазик*, Скопје.
- Марков Борис, 1973. Именски наставки со аугментативно и пејоративно значење, *Реферати на македонските слависти на VII меѓународен конгрес во Варшава*, Скопје: 57-67.
- Марков Борис, 1962/63. Основните значења на –иште, *Македонски јазик*, XIII-XIV, Скопје: 61-65.
- Марков Борис, 1969. Наставки со експресивно значење кај именките, *Годишен зборник на Филозофскиот факултет*, кн. 21, Скопје: 245-300.
- Пановска Ружа, 1973. Стилистичката улога на деминутивно-хипокористичната лексика во македонската народна поезија, *Македонски јазик*, XXIV, Скопје: 63-75.
- Радева Василка, 2007. *В света на думите (Структура и значење на производните думи)*, Универзитетско издателство „Св. Климент Охридски“, София.
- Сахарн и Л.В., 1985. *Психологическите аспекти теорији словообразования*, Ленинград.
- Toporišič Jože, 2006. *Slovenska slovnica*, Založba Obzorja, Maribor.

Лидија Аризанковска

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РЕСУРСЫ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СУБЪЕКТИВНОЙ-ОЦЕНОЧНЫХ ДЕРИВАТОВ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ
ЧАСТЬЮ ОСНОВНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА МАКЕДОНСКОГО ЯЗЫКА)

Резюме

Целью данной статьи является представление ресурсов македонского языка, касающихся деривацией *субъективно-оценочных* лексем, имея в виду уменьшительно-ласкательные и увеличительно-уничижительные формы слова. Особое внимание в тексте посвящается увеличительно-уничижительным формам как реже употребляемым в современном языке. В связи с *этим* *попытаемся* рассмотреть продуктивность и непродуктивность отдельных суффиксов и установить причины такого явления рассматривая их в более широком культурном контексте.

ЮЛИЯ МИНЬОВА БАЛТОВА*

ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК – БАН, СОФИЯ, БЪЛГАРИЯ

ЗА ТАКА НАРЕЧЕНИТЕ „НЕОКЛАСИЦИЗМИ” КАТО РЕСУРС В СЪВРЕМЕННОТО СЛОВООБРАЗУВАНЕ

Абстракт. В статията се засягат два проблема, които през последните години се оказват актуални за европейското, респективно и за славянското словообразуване: 1) За значението на термините „неокласицизми” и „неокласическо словообразуване” (“neoclassical word-formation”) и необходимостта от налагането им в словообразователната терминология. С оглед на тези термини се поставя и въпросът съществува ли разлика между западноевропейското и славянското словообразуване при използването и интерпретирането на елементите от класическите гръцки и латински език; 2) Проследяват се най-типичните прояви на класическите словообразователни елементи: пораждање на нови значения, разширяване на дистрибуцията, обогатяване на словообразователните средства, конкурентност, размиване на границите между композиция и афиксация в полза на именната префиксация.

Ключови думи: неокласицизми, композита, композиция, префикс, префиксация

1.0. Обект на внимание в статията са два проблема. Единият се отнася до словообразователното и лексикалното интерпретиране на структурни елементи от гръцки или от латински произход – източник (ресурс) с особено значение за развитието на съвременното европейско, респективно и славянско словообразуване. Вторият проблем има отношение към терминологията: как се назовават тези елементи в словообразователната литература и как се определя техният статут в дериватологията. Този проблем е особено актуален и от теоретична, и от практическа (главно за лексикографията) гледна точка. Той има отношение и към интеграционните процеси, които характеризират развоја на съвременното европейско словообразуване, и за назоваването на които се използват най-различни термини в лингвистичните изследвания.

1.1. Идеята да бъде поставен в статията терминологичният проблем произтича от необходимостта да бъдат строго спазвани изискванията в инструкцията към международния проект “Word-Formation. An International Handbook of the

---

* e-mail: julia.baltowa@abv.bg

Languages of Europe”¹ при описание на словообразуването в българския език. Става дума за термините „неокласицизми” и „неокласическо словообразуване” (“neoclassical word-formation”)², които се използват в инструкцията към проекта, както и при описание на словообразуването на отделни западноевропейски езици.

1.2. С оглед на първия проблем в статията ще бъдат анализирани някои от значенията, както и функцията на част от най-активните и продуктивни днес структурни елементи, които произхождат от класическите гръцки или латински език. Целта е да се акцентира върху най-важните процеси, които съпътстват тези елементи в словообразователния акт, както и защо съвременната лингвистика ги възприема като много важен словообразователен ресурс, независимо от терминологичното разнообразие при тяхното назоваване. Статията в основата си представлява разсъждение върху поставените проблеми, както и опит да се намери балансиран извод за същността на анализирания езикови факти, който извод да не бъде в противоречие с общоприетата идея за тенденция към частична интеграция на европейските езици в областта на лексиката и на словообразуването. Анализът се базира главно върху данни от българския език, често придружаван с привличане на езиков материал и от други славянски езици.

Така една от основните задачи в статията е да се определи значението на термина „неокласицизми”. Втората задача е да се представят някои от основанията, които позволяват елементите, назовавани с този термин, да се възприемат като важен източник (ресурс) за обогатяване на съвременното европейско, респективно и славянско словообразуване.

2.0. Според концепцията и инструкцията на международния проект представянето на така нар. „неокласицизми” се допуска да става в самостоятелен дял в рамките на композицията или на деривацията в тесен смисъл. Това предполага, че се дава свобода за различно интерпретиране, както на явлението, така и на участниците в словообразователния акт. Може да се предполага също, че това решение има компромисен характер, тъй като в лингвистичната литература (особено в славистичната) съществува голямо разнообразие в мненията по този проблем. С други думи, дава се свобода гръцките и латинските елементи да се разглеждат или като части на композитуми, или като афиксални форманти, което означава, че в лингвистиката все още няма единство в интерпретацията на съответните езикови факти.

2.1. От словообразователна гледна точка терминът „неокласицизми” е производна дума, която (според доминиращите схващания в славистиката) може да се определи като: композитум, композитум със свързан първи компонент, квазикомпозитум, префиксоидно-радиксоиден композитум, префиксоиден, радикасоиден или префиксален дериват и др. Всички възможности за отнасянето на

---

¹ Международният проект се ръководи от професорите Peter O. Müller, Ingeborg Ohnheiser, Susan Olsen и Franc Reiner.

² Въпросът за „неокласицизмите” бегло беше засегнат от проф. Алиция Нагурко в доклада й „Polski system słowotwórczy na tle języków europejskich”, изнесен на XIII-та конференция на Комисията по славянско словообразуване при МКС, Познан 2010 г.

производната дума към един или друг словообразователен начин (композиция или префиксация), назован с посочените по-горе термини, са следствие от това: как се възприема функцията на елемента *нео-*, какво значение внася той в производната дума, как се синонимизира и не на последно място – от езиковия му произход. Прегледът на тълковните речници (и особено на неологичните) на различни славянски езици показва, че *нео-/нео-* се отразява като първа част на сложни думи (композициите). Например, в „Речник на новите думи в българския език“ *нео-* се определя като „Първа част на сложни думи със значение *нов* (*неоавангардист*, *неоглобализъм*, *неокостовист*, *неометал*, *неономенклатура*, *неопънк*,..., *неохипи* и др.) (РНД 2010: 299). „Nowe słownictwo polskie”, cz. II: I – O, също определя *нео-* като първа част на сложни думи, но с две значения: „*pierwsza część wyrazów złożonych, wskazująca na: 1) nowy rodzaj, typ, nową odmieć, współczesną formę tego, co nazywa druga część wyrazu złożonego* (*неокомунизъм*, *неоевропейски*) и 2) *istnienie od niedawna, powstanie w ostatnim czasie tego co nazywa druga część* (*неономенклатура*) (NSP 2004: 174). „Nová slova v češtině” също интерпретира *нео-* като първа част на сложни думи със значение *нов* (*неокомуниста*) (NSČ 1998: 185). Българският и чешкият речник се задоволяват да представят значението на *нео-/нео-* само синонимно с прилагателното *нов*, което означава, че те (речниците) ги отъждествяват не само в лексико-семантичен, но и в лексико-граматичен план. Това означава, че компонентът *нео-/нео-* и прилагателното *нов / nový* са взаимнозаменяеми. При опит елементът *нео-* да се замести с *нов-* в сложна дума или да се състави атрибутивно съчетание с прилагателното *нов* + съществително име, обаче, се оказва, че в българския език в много случаи това е невъзможно (срв. *неоавангардист* > **нов авангардист*³, както и не може да се образува композитум *новоавангардист, но *неономенклатура* <=> *нова номенклатура*). По-добре значенията на *нео-* са представени в полското изследване „Nowe słownictwo...” В българския език и днес, макар и по-рядко, продължават да се образуват сложни думи (композициите) с първи компонент *нов-о-/ново-* (срв. съществителните *новобогаташ*, *новомилионер*, *новоназначение*, както и прилагателното *нововременен* и др.). Съществителните имена като *новомилионер* обаче, са стилистично натоварени – изразяват иронично отношение. Компонентът *ново-/нов-о-* също в много случаи не може да бъде заместен с *нео-* (срв. *новоназначение* – *неоназначение, *нововременен* – *неовременен). За разлика от повечето образувания с *нео-*, втората част на композитумите с *ново-/нов-о-* е мотивирана предимно от лексикални единици, които са от домашен произход (срв. в посочените по-горе примери). Елементът *нео-* се прилепва безпрепятствено, лесно към чуждоезикови единици (съществителни и прилагателни) с различно значение и с различна граматична характеристика (конкретни и абстрактни съществителни), както и към домашни производни думи като *живковист* > *неоживковист*, *костовист* > *неокостовист*, *живковизъм* > *неоживковизъм*, назоваващи последовател или привърженик на личност или идея, като създава серийни производни думи без ограничение, в структурата на които не може да бъде включен компонентът *ново-* (*новокостовист, *новоживковизъм и под.). Елементът *нео-* вече е утвърден като словообразователен формант, а моде-

³ Знакът „*” означава, че конструкцията (композиция или съчетание) са невъзможни в езика.

лът с него е един от най-продуктивните в официалното и в узуалното българско словообразуване. Продуктивен е и в другите славянски езици.

Ако терминът „неокласицизми” бъде трансформиран в атрибутивно съчетание – „нови класицизми”, възниква въпросът: какво назовава определяемата част „класицизми” – структурните елементи от класическите езици или лексикалните единици, съдържащи такива елементи? От международния проект се разбира, че като „класицизми” трябва да се схващат само структурните класически елементи. Начинът за образуване на нови думи с такива елементи се определя като „неокласическо словообразуване” (“**neoclassical word-formation**”). В съвременното славянско словообразуване обаче, активно участват, като образуват серии от нови думи, и други елементи от класическите езици: префикси като *анти-*, *про-*, *де-*, *пост-*, *квази-* и др. Те как трябва да се назовават? Съществува ли друг термин, освен „интернационализми”, който като название да обединява двата типа структурни елементи? Тези въпроси изискват еднозначен отговор. Според западноевропейското езиковедско знание терминът „неокласицизми” означава (въз основа на едно от значенията на елемента *нео-*) ‘даване на ново наименование на вече съществуващо явление, съвременна форма, нов тип на това, което се назовава от втората част’. Следователно, според значението на термина става дума за реактивизация на словообразователни процеси, които може би са се намирали в периферията на словообразуването на западните европейски езици – елементи от класическите езици и словообразователен начин, при който компонентите се обединяват чрез съединителните морфеми <o> или <e>, какъвто словообразователен начин никога не е бил в периферията на славянското словообразуване. От тази гледна точка терминът „неокласицизми”, както и „неокласическо словообразуване” се оказват неприложими в словообразуването на славянските езици. По-важен е въпросът за словообразователната категоризация на част от класическите структурни елементи (*нео-*, *евро-*, *авто-*, *псевдо-*, *екс-*, *арт-*, *-лог*, *-тека* и под.), за която няма единно мнение и в славистиката.

3. 0. Както беше посочено, втората задача в статията е да се посочат част от основанията „неокласицизмите” да се възприемат като един от източниците (ресурсите) за обогатяване на средствата в словообразуването на славянските и на някои западни европейски езици. Нееднократно през последните десетилетия в лингвистиката се описва ръстът на именната префиксация като една от най-съществените характеристики на съвременното словообразуване в славянските езици. „Возрастает активность не только тех приставок – подчертава Е. А. Земская, – которые были высокопродуктивны ранее... Более показательно для современности активизация приставок иной семантики, малопродуктивных в прошлом” (Земская 2000: 110). Обикновено става дума за чуждоезикови префикси, главно от гръцки и от латински произход като *пост-*, *де-*, *про-*, *псевдо-*, *квази-* и др. Именната префиксация, появата на нови „строителни” елементи изобщо в афиксацията многократно са били обект на изследване и описание във всички славянски езици, за което свидетелства богатата и разнообразна по тематика лингвистична литература. Не е възможно в една статия да се посочи дори малка част от публикациите по този въпрос, който през последните десетилетия е във вниманието и на редица членове на Комисията по славянско словообразуване при МКС: Земская (1992) – за

руски език, Вашакова (2005) – за полски език, Клименко, Карпиловска, Кислюк (2008) – за украински език, Цв. Аврамова (2003) – за български и чешки език и др., както и колективната монография *Słowotwórstwo/Nominacja* (2003), в която участват като автори за отделните групи славянски езици Ал. Лукашанец, Л. Селимски, О. Мартинцова и Кл. Бузашова. Подробно в литературата са описани всички словообразователни средства, характерни за съвременната афиксация и композиция. Специално внимание е отделено и на чуждоезиковото влияние, в резултат на което се разширява обемът на афиксалната система. Описано е, че чуждоезиковото влияние се осъществява главно в резултат на заемане от езика източник на готови лексикални единици, които се усвояват от езика приемник, а впоследствие част от тях се превръщат в база, от която се откъсват (дезинтегрират) (вж. напр. Охман 2004) морфемите, които започват да функционират като префиксални или суфиксални словообразователни форманти. В лингвистиката тези елементи се назовават с най-различни термини: унификси, унирадикасоиди, свързани основи, полуафикси, радикасоиди, лексико-морфемите, афиксоиди и др. Обикновено те са от чуждоезиков произход: *авто*⁻¹, *авто*⁻², *авто*⁻³, *авио*-, *вице*-, *екс*-, *псевдо*-, *-логия*, *-мания*, *-тека* и др. Следствие от тази **неопределеност** е липсата на еднозначно дефиниране на словообразователния статут и на производните единици, съдържащи в структурата си такива елементи. Определят се като деривати в тесен смисъл, като композитуми, като абривиатури/ съкращения, като сложносъкратени думи и др.

3.1. В българското езикознание елементите от класическите езици също се определят по няколко начина: като части на композитуми, като афиксоиди или като афикси, с което се дефинира и словообразователният статут на образуваните с тях производни думи – композитуми или деривати в тесен смисъл.

3.1.1. Общоприетата дефиниция за композитумите – производни думи, съдържащи в структурата си най-малко две основи или два корена на пълнозначни лексикални единици, които функционират в системата на даден език, не допуска класическите елементи да се схващат като основи или като коренни морфемите: лексико-семантичната им съотнесеност с отделни прилагателни или съществителни имена не е съпроводена и с формална съотнесеност, т.е. в езика не функционират лексикални единици, съответстващи по форма на елементите от гръцки и латински (срв. **нео* = 'нов', **екс* = 'бивши', **авто* = 'сам', **вице*⁴ = 'заместник' и др.). Съвсем различни са образуванията с компоненти като *радио*-, *видео*-, *кино*-, *фото*- и под., на които съответстват самостоятелните лексикални единици *радио*, *видео*, *кино*, *фото* и др., чиято самостоятелност се проявява и в новите им съчетателни възможности (срв. *радиограмофон*, *радиопредаване*, *видеошкаф*, *киносалон*, *кинофестивал*, *фотоклуб*, *фотоизложба* и др.). Според някои лингвисти елементите *авио*-, *аеро*-, *био*-, *екс*-, *псевдо*-, *-граф*, *-логия* и под. са афиксоиди, мнение, което широко е разпространено в славистиката. Основание за това се търси в лексико-семантичен и във функционален план (в афиксалното поведение на тези елементи). Среща се и трето мнение, според което това са фор-

⁴ Съществителното *вице* в българския език се употребява само в разговорната реч със значение 'вицепрезидент'.

манти, равнозначни и функционално тъждествени на традиционните префикси и суфикси. Афиксоиди или афикси и каква е разликата между тях, това е теоретичен проблем, който може да бъде решен, след като се дефинира точно понятието афикс (респективно префикс и суфикс) и се определят характеризиращите го формално-структурни, функционални и семантични признаци. Такава дефиниция за афикс все още няма в лингвистиката.

3.1.2. В лексикографските трудове (речниците) елементите с класически произход се квалифицират също по различен начин. Например, в РНД и NSP *екс-* се определя като първа част на сложни думи, в NSČ – **като представка**; *вице-* в NSČ се определя като първа част на композита и като представка в две самостоятелни речникови статии, а в РНД не е отразен като словообразователен елемент. В РНДЗ *вице* е включен само като лексикална единица със значение ‘вицепрезидент’. NSP също не отразява *vice-* като словообразователен елемент. Тези и всички подобни разнотечения в славистичната лингвистика, които рефлексират и върху лексикографията, показват, че е необходимо пълно и всеотрасно изследване на значенията, функцията и словообразователните възможности на всички елементи от гръцки и латински произход, които днес проявяват необикновена активност в словообразуването. Само тогава ще може еднозначно да бъде определен техният статут, както и статутът на образуваните с тях лексикални единици. Съществуват всички предпоставки тези елементи да бъдат отнасяни към префиксите или суфиксите, а производните думи да се разглеждат като деривати в тесен смисъл. Основание за такъв извод може да се намери в създаването на цели серии производни думи, в неограничеността при свързването им с именни лексикални единици от различни лексико-семантични групи и лексико-граматични категории (части на речта), в силно изразеното им аглутинативно поведение, както и в силното въздействие на аналогията върху словообразователната им активност (срв. например случаите, които показват пълна десемантизация на класическите словообразователни елементи: *артизкуство*, дума, която създава впечатление за тавтология, „*Европрилагателни. Строеж и правопис*” – заглавие на научна статия, *art-kino* ‘малко домашно кино’ – в полския език и др.). Тези елементи не могат да бъдат произвеждащи основи за образуване на деривати. Като отделни думи се проявяват само в контекст⁵ (срв. „Знакът върху етикета на съответния продукт е гаранция за био” или „Знаем, че има голям риск, но сме преценили, че в *биото* (= ‘биопроизводство’) има потенциал” – примерите са от РНД 2010: 62; „Що е саркозизъм, обаче? И трябва ли да признаем достойнствата на един „*изъм*”, след като имаме голизъм или митеранизъм?” – Н. Трюон, в. „Култура”, 11 май 2012 г. и др.), което означава, че не са част от лексикалната система на езика. Това, което прави тези елементи ресурс за съвременното словообразуване се състои в използването на познатите класически форми в нова функция и изпълнени с ново съдържание. Днес тези елементи са семантично съотносими със значенията на мотивиращите ги отделни лексикални единици или словосъчетания, които не са присъщи на класическите езици. Само формата на дезинтегрирания елемент,

⁵ На това явление обръща внимание и Е. А. Земская, като посочва, че в някои случаи деривационният афикс се използва като дума: „В тексте самостоятельную роль могут играть и единицы дословесного уровня (морфемы), особенно часто приставки, реже суффиксы” (Земская 1992: 179).

която е част от формата на мотивиращите, се свързва с единиците от гръцки и латински произход. В структурата на мотивиращата единица този елемент вече е десемантизиран. Това му осигурява възможността да поеме значението на цялото мотивиращо **название** (срв. *автосалон* < *авто[мобилен салон]*, *екопроизводство* < *еко[логично чисто] производство*, *фотопарпър* < *фото[графичкѝ] парпър*; *евродепутат* < *депутат [в] Евро[пейския] парламент* и др.). Много често класическият елемент не е мотивиран, т.е. не е съотносим по форма и значение с отделна дума или словосъчетание⁶, но участва по аналогия в образуването на нови лексикални единици (срв. *екокожа* = *изкуствена кожа* – *екологична кожа, *екопалто* = *палто от изкуствен материал* – **палто от екологичен материал* и др.). Подобни примери и съпоставките като метод за анализ могат да потвърдят или да отхвърлят тезата за функционалната трансформация на класическите елементи в префиксални словообразователни форманти.

4.0. И така, кое прави „неокласицизмите“ източник (ресурс) в съвременното славянско словообразуване:

4.1. „Новите“ **класически елементи проникват или се активизират като словообразователни форманти** в славянските езици, в това число и в българския език, под влияние на чуждоезикови лексикални заемки (главно от английския език) или на калки, от които се откъсват и стават източник за образуване на производни думи. Дезинтегрираните елементи се превръщат в основа за пораждането на нови, много продуктивни словообразователни модели, от чиято активност славянските езици се обогатяват с цели серии афиксални именни образувания – производни прилагателни и съществителни имена. В структурата на новите лексикални единици класическите елементи участват с променен характер, с променени функция и значения в сравнение с тези, които са имали в старогръцкия и в латинския език. За сравнение могат да послужат напр. елементи като: *био-*, което произхожда от гр. *βίος* ‘живот’, *еко-* от гр. *οἶκος* ‘къща’, ‘дом’, *теле-* от гр. *τήλε* ‘далече’, *авио-* от лат. *avios* ‘птица’, *екс-* от лат. *ex* ‘извън’, *-тека* от гр. *θηκη* ‘склад’ и др.

4.2. Словообразователните елементи с произход от класическите езици се превръщат в сигурен и стабилен източник за обогатяване на средствата, от които съвременното словообразуване има нужда при непрекъснато нарастващия брой на понятия, които се пораждат в различни области на обществения живот. **От такива средства най-вече се нуждае именната префиксация**, която по традиция, за разлика от вербалната, е разполагала с по-ограничен брой форманти. Реактивизират се отдавна познати елементи като *пост-*, *псевдо-*, *квази-*, *екс-* и др., но се включват в употреба като словообразователни морфемни елементи като *арт-* (в българския език той се отличава с твърде голяма активност и производителност особено от началото на 21. век, срв. *артклуб*, *артбизнес*, *арткъща*, *артстудио*, *артфест*, *артдилър*, дори *артотека* и др.), *кибер-*, *инфо-*, *фоно-*, *нео-*, *-тека* и т.н. Сравнително бързото им адаптиране към словообразователните системи на съвременните

⁶ Още през 1974 г. С. И. Ожегов, който определя тези елементи като „лексикоморфемни“, подчертавайки значението на словообразователната им функция, посочва, че в много случаи, при образуването на цели серии производни единици, зад новите думи не стоят съкращавани мотивиращи съчетания (Ожегов 1974: 34).

славянски езици се дължи не само на заети, но и на функциониращи в употреба лексикални единици, в структурата на които се съдържат тези елементи.

4.3. Изразяваните нови значения разширяват дистрибуционните възможности на класическите елементи. Освен че се прилепват към книжовноезикови лексеми, те могат вече да се свързват и с „битови основи”, примери за което за руски език привежда Е. А. Земская, срв. *телеклюдва, биотрен* и др. (Земская 1992: 190).

4.4. Класическите елементи влизат в конкуренция с домашни словообразователни средства, като много често вече имат предимство при образуването на нови производни думи (срв. приведения в началната част на статията пример с *нео-* и *ново-*). Този факт се определя от новите значения, които класическите елементи изразяват и които в много случаи не могат да се изразят от домашни словообразователни средства (срв. напр. значението на *авто*⁻² = ‘автоматичен’, което не може да се изрази с елемента *само-* в производни думи като *автопилот, автомолячка, автоматачка* и др.).

5.0. Изложеното в тази статия показва, че на въпроса, защо езикът (в най-общ смисъл) днес се насочва към използване на форми от класическите европейски езици за обогатяване и разширяване на словообразователните си възможности, може да се отговори само при всестранно и пълно анализиране на съвременните езикови процеси и тенденции в глобален план. Поставените в статията въпроси само маркират идеята, че проблемите са по-сложни и по-важни, отколкото изглеждат на пръв поглед. Констатираните в лингвистиката факти вече трябва да бъдат обяснени, да се посочат причините, които ги предизвикват и да се решат решените теоретични и практически проблеми.

СЪКРАЩЕНИЯ

МКС – Международен комитет на славистите

РНД – Речник на новите думи (в българския език)

РНДЗ – Речник на новите думи и значения (в българския език)

NSČ – Nová slova v češtině

NSP – Nowe słownictwo polskie

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова 2003: Цв. Аврамова. *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век*. „Heron Press. Sofia”. 259 с.

Вашакова 2005: Kr. Waszakowa. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. „WUW”, Warszawa. 263 s.

Земская 1992: Е. А. Земская. *Словообразование как деятельность*. „Наука”, Москва. 221 с.

- Земская 2000: Е. А. Земская. *Активные процессы современного словопроизводства*. – Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). „Языки русской культуры”. Москва, с. 90–141.
- Клименко и др. 2008: Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі*. Київ, 223 с.
- Ожегов 1974: С. И. Ожегов. *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. Москва.
- Охман 2004: D. Ochmann. *Nowe wyrazy złożone o podstawie zdezintegrowanej w języku polskim*. Kraków, 250 s.
- РНД 2010: Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. *Речник на новите думи в българския език*. „Наука и изкуство”, София. 515 с.
- РНДЗ 2001: Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. *Речник на новите думи и значения в българския език*. „Наука и изкуство”, София. 309 с.
- NSČ 1998: *Nowá slova v češtině*. Pod. red. O. Martincové. „Akademia Praha”, Praha. 356 s.
- NSP 2004: *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1993 – 2000. Cz. II: I – O*. Kraków, 220 s.
- Словотворство/**Номинация** 2003: *Словотворство/Номинация*. – Компарация системów języków słowiańskich. Pod. red. I. Ohnheiser. Opole, 541 s.

Julija M. Baltova

ABOUT THE SO CALLED “NEOCLASSICAL WORD-FORMATION”
AS A RESOURCE IN WORD-FORMATION

Summary

The article concerns two problems, which prove to be topical for the European and respectively for Slavic word-formation in recent years:

1. The meaning of the terms “neoclassicism” and “neoclassical word-formation” and the need they to be confirmed in word-formation terminology. Concerning these terms the question is put is there a difference between West European and Slavic word-formation when using and interpreting elements from Classic Greek and Latin languages.

2. The article studies the most typical manifestations of classical word-formation elements: generation of new meanings, expanding of distribution, enrichment of word-formation resources, blurring of the boundaries between composition and affixation in favor of name prefixation.

KRYSTYNA WASZAKOWA*

UNIWERSYTET WARSZAWSKI, WARSZAWA, POLSKA

KOGNITYWNO-KOMUNIKATYWNA FUNKCJA MOTYWACJI SŁOWOTWÓRCZEJ

Streszczenie. W pracy rozpatruje się derywaty słowotwórcze w użyciu jako jednostki występujące w sieci współzależności semantycznych i kontekstowych.

Słowa kluczowe: język polski, semantyka kognitywna, słowotwórstwo, słowotwórstwo kognitywne, motywacja słowotwórcza, derywat słowotwórczy, kontekst językowy, kontekst sytuacyjny.

*Pamięci Profesor Jeleny Kubrjakowej
– w podziękowaniu za inspirację płynącą z Jej prac.*

1. Wprowadzenie

Na wstępie pragnę zaznaczyć, że stale aktualne, również w odniesieniu do słowotwórstwa, pozostaje stwierdzenie Uczonej:

[...] когнитивный подход к явлениям языка далеко не исчерпал еще своих возможностей; скорее напротив, он позволяет увидеть хорошо, казалось бы, известные факты языка в новом свете, а в конечном счете охарактеризовать в более ясном виде, как происходит понимание языка и как представлен язык и его единицы в нашем сознании (Кубрякова 2004: 440)¹

W niniejszym artykule, o charakterze etudy a nie wyczerpującego studium analityczno-syntetycznego, odwołuję się do prac: R. Langackera (2003) J. Taylora (2001), E. S. Kubrjakowej (2004).

Prowadzone rozważania dotyczą derywatów słowotwórczych, które są postrzegane jako występujące w sieci współzależności semantycznych i kontekstowych jednostki wypowiedzi. Symbolizują one bogate treści, aktywizowane w konkretnych użyciach, a ogólniej: w działalności językowej nadawcy i odbiorcy.

---

* e-mail: kwaszak@uw.edu.pl

¹ Po polsku, w moim tłumaczeniu: [...] podejście kognitywne do zjawisk językowych wcale nie wyczerpało jeszcze swoich możliwości; przeciwnie – pozwala ono dobrze zobaczyć – jak się wydaje – znane fakty językowe w nowym świetle, a w ostatecznym rachunku – scharakteryzować w o wiele jaśniejszym oglądzie – jak odbywa się rozumienie języka i jak jawi się język (i jego techniki) w naszej świadomości”.

Kubrjakova (2004) wielość funkcji wyrazów pochodnych w tekstach łączy z właściwą strukturą słowotwórczą podwójną referencją: a) na mocy żywej motywacji słowotwórczej jednostki pochodne odnoszą się do swoich podstaw słowotwórczych, do modeli i do kategorii słowotwórczych; b) jako całe wyrazy pozostają w relacji do innych jednostek leksykalnych danego języka.

Podwójna referencja wyrazów pochodnych determinuje właściwe im dwa typy kontekstów: 1) konteksty językowe (wewnątrz i na zewnątrz derywatu) oraz 2) wykraczające poza „przestrzeń słów” konteksty sytuacyjne, odzwierciedlające oparte na wiedzy (empirycznej i kulturowej) procesy obrazowania, perspektywę i punkt widzenia nadawcy oraz inne ślady jego obecności w tekście.

Przeprowadzone analizy wybranych przykładów mają za zadanie dowieść, że tak rozumiane konteksty ułatwiają wykrycie relacji motywacyjnych łączących wyrazy pochodne słowotwórczo z ich bazami i zinterpretowanie wyrażen użytych w tekście, zwłaszcza tych, które z różnych powodów są niedookreślone, a bywa, że całkiem niezrozumiałe poza kontekstem, jak np. rzeczownik *tekstylny* (będzie o nim jeszcze mowa).

2. Aspekty motywacji słowotwórczej

2.1. Derywaty słowotwórcze w użyciu / tekście

Relację motywacji między wyrazami w tekście ustalają zarówno nadawca, jak i odbiorca. Pierwszy z nich wtedy, gdy realizując zamierzone intencje wypowiedzi, powołuje do życia nowe struktury pochodne lub posługuje się istniejącymi jednostkami pochodnymi ze świadomością ich złożoności słowotwórczej, drugi – gdy rozszyfruje znaczenia derywatów użytych w tekście. Zadaniem odbiorcy jest odkrycie, jak poszczególne wyrazy pochodne, a także ich elementy uczestniczą w tworzeniu się całościowego znaczenia tekstu, odkrycie zasadności użycia danego derywatu, jego nieprzypadkowości, a nawet konieczności.

Derywaty słowotwórcze odgrywają ważną rolę w komunikacji językowej jako:

a) jednostki leksykalne, wchodzące w relacje formalno-semantyczne z innymi jednostkami danego języka, por. relacje typu *domostwo* ← *dom*, *domofon* ← *dom* i *telefon*, *domorosły* ← *dom* i *rosnąć*, *zadomowić się* ← *domownik* / *domowy* / *dom*;

b) jako jednostki kognitywne, tj. związane z mechanizmami właściwych człowiekowi procesów poznawczych i kategoryzacyjnych.

Jak wiemy, parafraza słowotwórcza jest narzędziem pomagającym odtworzyć i uwiarygodnić więzi formalno-semantyczne między leksemami pozostającymi w relacji słowotwórczej. Np. w przypadku rzeczownika *domownik* zgodnie z jego definicją leksykalną (por. „Domownicy to osoby wspólnie mieszkające w domu jednorodzinny lub w jednym mieszkaniu” – ISJP), parafraza słowotwórcza powinna „dokumentować” związek tego derywatu z wyrazem *dom* w znaczeniu ‘miejsce zamieszkania’.

2.2. Derywaty słowotwórcze jako jednostki kognitywne

Przy rozpoznawaniu kompleksowości derywatu w aspekcie kognitywnym pojęcie *motywacyjności znaku* zyskuje nowe rozumienie. Np. chcąc ukazać kognitywną zależność między pozostającymi w związku słowotwórczym jednostkami

języka polskiego, takimi jak np. *domofon* oraz *dom* i *telefon*, należy wskazać w wyrazie pochodnym: a) cechy odziedziczone z bazowego pojęcia ‘dom’, takie jak: ‘budynek’, ‘mieszkanie’ i inne ich cechy; b) umotywiać ich związek z wyprofilowanym w wyrazie pochodnym pojęciem ‘urządzenie’, na które wskazuje segment *-fon*, formalnie i semantycznie związane z leksemem *telefon*.

2.3. Cel pracy; baza materiałowa

W niniejszym artykule interesują mnie dwa zagadnienia: a) jak zaznacza się obecność nadawcy w tekście, jego punkt widzenia widoczny w konceptualizacji oraz b) jaką rolę pełnią różnego typu konteksty językowe i sytuacyjne.

Materiał stanowią dane z NKJP oraz konteksty z Internetu (wybrane za pomocą wyszukiwarki Google).

3. Kognitywna funkcja motywacji słowotwórczej

Z bogatej literatury przedmiotu wiemy, że kognitywny opis znaczenia zorientowany jest na rekonstrukcję sposobu rozumienia wyrażen językowych. Tomasz Krzeszowski stwierdza: „zakres użycia przymiotnika „kognitywny” jest bardzo szeroki, gdyż dotyczy dosłownie wszystkich aspektów poznania. [Językoznawstwo kognitywne] podkreśla wagę wszelkiego doświadczenia zarówno w kształtowaniu pojęć, jak też używaniu języka, będącego zarówno instrumentem poznania, jak i instrumentem porozumiewania się” (Krzeszowski 1997:31).

Właściwe językoznawstwu kognitywnemu utożsamienie badania języka z badaniem ludzkiego poznania oznacza, że przedstawiciele tego nurtu w sferę swoich zainteresowań włączają także procesy percepcji i konceptualizacji, czyli tworzenia treści pojęciowych, w których znajduje wyraz ogólna wiedza człowieka o otaczającym go świecie. Procesy te ujawniają się w ekspresji: nadawaniu owym treściom określonej formy przekazu; w językach mających podsystem słowotwórczy służy temu zasób środków słowotwórczych. Kluczem do słowotwórczych struktur derywacyjnych jest motywacja słowotwórcza; jej ustalenie wcale nierzadko wymaga przywołania różnego typu kontekstów.

3.1. Langackerowska koncepcja znaczenia

Według R. Langackera (1988: 54) znaczenia słów są definiowane w odniesieniu do tzw. *domen kognitywnych* – struktur kognitywnych ujmujących naszą wiedzę o świecie. Domeny te łączą się ze sobą, tworząc zhierarchizowane struktury konceptualne, określające daną strukturę semantyczną, zwaną *predykcją*². W Langackerowskiej koncepcji znaczenia struktura semantyczna:

² Na postawione przez siebie pytanie: *co leży u podstaw konceptualnej struktury na najniższym poziomie?* autor odpowiada: „I do not necessarily posit conceptual primitives, being essentially neutral as to their existence. It is however necessary to assume some inborn capacity for mental experience, i.e. a set of cognitively irreducible representational spaces or fields of conceptual potential; I refer to those as “basic domains”. [„Nie rozstrzygam, czy są to konceptualne elementy podstawowe. Jednakże konieczne jest, abyśmy przyjęli, iż istnieje pewna wrodzona zdolność człowieka do przeżywania mentalnego doświadczenia, tzn. zakładam, iż istnieje zbiór podstawowych przestrzeni-reprezentacji lub dziedzin konceptualnego potencjału; określam je terminem „domeny podstawowe” – tłum. moje K.W. – por. Langacker 1988: 54.

- a) jest redukowalna do struktury kognitywnej (mentalnego doświadczenia), jest reprezentacją otwartą, „zanurzoną w wiedzy o świecie” – oznacza to, że znaczenia zależne są w sposób oczywisty od tej wiedzy, czyli szeroko pojętego kontekstu;
- b) często używane wyrażenie przywołuje sieć powiązanych ze sobą znaczeń (sensów) – znaczenia danego słowa polisemicznego tworzą sieć radialną, w której pewne znaczenia są centralne, prototypowe, inne zaś peryferyjne, nieprototypowe;
- c) struktury semantyczne określane są względem domen kognitywnych;
- d) struktury semantyczne zawierają skonwencjonalizowane obrazowanie, tzn. konstruują one sytuację w pewien szczególnie sposób – wyrażenia uzyskują swoje znaczenie w wyniku profilowania, czyli wyodrębnienia pewnych struktur z bazy kognitywnej³.

3.2. Pochodność słowotwórcza jako relacja między strukturami semantycznymi

W gramatyce R. Langackera – podobnie jak w opisach niekognitywnych – relacja motywacji słowotwórczej polega na istnieniu zależności między znaczeniem językowym wyrazu pochodnego a znaczeniem językowym jego podstawy słowotwórczej⁴. Kognitywna koncepcja znaczenia rozstrzyga jednak, że relacja ta ma inny charakter niż w opisach strukturalistycznych – obie struktury semantyczne: wyrazu pochodnego i podstawy słowotwórczej są osadzone w domenach kognitywnych. Oznacza to, że:

- a) znaczenie językowe „obejmuje zarówno treść pojęciową, jak i sposób obrazowania tej treści”;
- b) obrazowanie „odnosi się do naszej oczywistej zdolności postrzegania i portretowania tej samej sytuacji na różne sposoby” (Langacker 2009:70).

Odwołując się zatem do koncepcji Langackera (1987: 147), zgodnie z którą: „forma językowa zyskuje swoje znaczenie poprzez wyprofilowanie, czyli wyróżnienie określonego obszaru lub konfiguracji w odpowiedniej domenie”, powiemy, że strukturą semantyczną umożliwiającą zrozumienie np. wyrażenia domofon jest to wszystko, co składa się na domeny ‘dom’ i ‘telefon’. Znaczenie derywatu domofon jest bogatsze w stosunku do znaczeń wyrazów podstawowych (motywujących), przede wszystkim o cechy: ‘służy do automatycznego zwolnienia blokady drzwi za pomocą przycisku’ oraz ‘jest to urządzenie do posługiwania się głosem, ale inne niż telefon’. Przy okazji warto zauważyć, że słownikowe definicje wyrażenia domofon w różny sposób informują o znaczeniu tego leksemu:

ISJP: „urządzenie, dzięki któremu ktoś znajdujący się przy drzwiach wejściowych do budynku może zadzwonić do wybranego lokatora i poprosić go, by automatycznie zwolnił blokadę drzwi i puścił go do środka”.

³ Jak słusznie zauważa E. Tabakowska: „znaczenie staje się zatem funkcją kontekstu, rozumianego jako zbiór założeń koniecznych do zrozumienia określonej wypowiedzi. [...] Skoro zaś owe konteksty istnieją nie w zewnętrznym świecie, lecz w umysłach użytkowników języka, to w kształtowaniu się znaczeń rolę zasadniczą odgrywa poznający umysł” (Tabakowska 2005: 664).

⁴ W ujęciu kognitywnym relacja między wyrazem pochodnym słowotwórczo a jego podstawą słowotwórczą jest ujmowana jako relacja między dwiema skonwencjonalizowanymi strukturami semantycznymi: tj. między skonwencjonalizowaną strukturą kognitywną wyrazu pochodnego a skonwencjonalizowaną strukturą kognitywną podstawy słowotwórczej.

SWJP: „urządzenie umożliwiające łączność między osobą znajdującą się w mieszkaniu i kimś na zewnątrz (przed wejściem do bloku, furtką itp.), wyposażone w przycisk zwalniający blokadę zamka bez konieczności opuszczenia domu; także prosty telefon używany wewnątrz budynku, umożliwiający rozmowy bez pośrednictwa centrali (najczęściej między portiernią a mieszkaniem)”⁵.

Kognitywna charakterystyka formy pochodnej domofon powinna ujawnić złożoność domen kognitywnych bazy i derywatu (i ich wzajemną zależność), a także ukazać, jak z określonego obszaru konfiguracji obu tych domen wyprofilowane zostały struktury semantyczne: ‘budynek / mieszkanie’ oraz ‘urządzenie umożliwiające kontakt głosowy’ (druga struktura semantyczna jest w hierarchii nadrzędna względem pierwszej).

W terminologii Langackerowskiej o derywacie domofon można orzec, że jest mu właściwy znaczny stopień rozkładalności: jego komponenty są stosunkowo łatwo kojarzone z wyrazami podstawowymi (por. Waszakowa 2000). Inaczej jest z jego kompozycjonalnością – stopień przewidywalności jego znaczenia na podstawie elementów składowych w powiązaniu ze schematem, jaki struktura ta realizuje, jest ograniczony: drugi człon nie w pełni przejmuje znaczenie swojej podstawy: *-fon* i *telefon* są różnymi pojęciami (konceptami), poza tym sam schemat też jest słabo reprezentowany w polszczyźnie.

Do zrozumienia compositum *domofon* – w wypadku, gdyby odbiorca nie znał jej znaczenia – w jakimś stopniu może przyczynić się kontekst. Por. przykładowe użycia tego wyrażenia, z których dowiadujemy się m.in., jak domofon działa (dzwoni), do czego służy i jak wygląda (zwalnia blokadę / otwiera drzwi za pomocą guzików / przycisku), jakiego typu jest to urządzenie (cyfrowe), jaką pełni funkcję (stanowi zapórę, umożliwia lub uniemożliwia komuś dostęp / wejście do budynku / mieszkania / pomieszczenia):

- (1) [...] po południu w redakcji zadzwonił domofon, machinalnie nacisnął przycisk zwalniający. (NKJP)
- (2) Dostępu do lokatorów bronił cyfrowy domofon. Martens nacisnął kilka guzików. (NKJP)
- (3) Z przedstawionej przez 20-latkę wersji zdarzenia wynika, że mężczyźni najpierw zadzwonili do niego przez domofon, proponując mu spotkanie przed blokiem, na co się nie zgodził. Nie chciał ich też wpuścić do budynku. Mężczyźni jednak weszli do bloku, wykorzystując powrót siostry podejrzanego. Potem wtargnęli do mieszkania i rzucili się na niego.

<http://wiadomosci.onet.pl/regionalne/szczecin/kolobrzeg-tragiczny-final-bojki-nie-zyja-dwie-osob,1,5053072,region-wiadomosc.html> (data pobrania: 10.03.2012)

Fakt, że wyraz domofon ma wewnętrzną formę, tzn. jest strukturą słowotwórczą⁶, bywa nieobojętny dla nadawcy, który posługuje się tego typu jednostką w wypowiedzi; obecność przekazywanych przez części derywatu znaczeń można dostrzec w żywej

⁵ Definicja w SWJP nie uwzględnia o związku domofonu z telefonem – podana informacja o tym, że urządzenie to umożliwia łączność, jest za szeroka.

⁶ Derywat ten należy do klasy złożzeń z jednym członem niesamodzielnym (związanym), a w jej obrębie do podklasy struktur z powtarzalnym drugim członem obcym *-fon* o znaczeniu ‘związany z

mowie – w konstrukcjach złożonych. Jak wspomniałam na początku, dostęp do wewnętrznej formy derywatu ułatwia motywacja słotwórcza, do której kluczem bywa kontekst.

3.3. Derywaty słotwórcze jako nośniki wiedzy (doświadczeniowej, kulturowej)

Opisując znaczenie obu jednostek: wyrazu motywowanego (np. *domofon*) i wyrazów motywujących (*dom*, *telefon*) w „duchu semantyki kognitywnej”, należy dostrzec, że oba te wyrażenia są „strukturami poznawczymi, zakorzenionymi w systemie wiedzy i przekonań” (Taylor 2001: 123). Kojarzone z formą językową *domofon* domeny kognitywne tworzą ramę, czyli sieć, układ „uzasadnionych kulturowo, skonwencjonalizowanych wiadomości” (Taylor 2001: 130)⁷.

Oznacza to, że znaczenia zależne są od tej wiedzy, czyli od szeroko pojętego kontekstu, ergo: nie istnieją same w sobie. Jak pisze Taylor, „kontekst wymagany do opisu znaczenia jest czymś zewnętrznym wobec systemu językowego jako takiego. [...] Ogólnie biorąc, znaczenie formy językowej staje się zrozumiałe dopiero w kontekście innych struktur poznawczych, a to czy struktury te wyrażane są w danym języku, nie jest w zasadzie istotne” (Taylor 2001: 123-124). Nie jest jednak tak, że istniejące w języku jednostki zupełnie nie oddziałują na znaczenie znaków językowych użytych w tekście. Te są bowiem uwikłane w sieci zależności semantycznych, wynikających ze związków asocjacyjnych, jakie powstają nie tylko w wyniku skojarzeń o charakterze znaczeniowym, lecz także formalnym. Asocjacje formalnym sprzyjają: identyczny lub różniący się jedynie wariantywnie (ze względu na alternację) temat słotwórczy i formant czy w perspektywie fonicznej: wspólnota obrazów akustycznych.

Widać to w strukturach tworzonych w tekście, można rzec: on line, zwłaszcza przez analogię do istniejących w systemie słotwórczym jednostek – zjawisko to jest znane i opisane (zob. Waszakowa 2012).

4. Motywacja a wielokontekstowość derywatów słotwórczych

W uwagach wstępnych mówiłam o podwójnej referencji wyrazów pochodnych, która determinuje właściwe im dwa typy kontekstów: 1) konteksty językowe (wewnątrz i na zewnątrz derywatu) oraz 2) wykraczające poza „przestrzeń słów” konteksty sytuacyjne, odzwierciedlające oparte na wiedzy (empirycznej i kulturowej) procesy obrazowania, perspektywę i punkt widzenia nadawcy w tekście (akcie mowy). Analizy wybranych przykładów mają za zadanie dowieść, że tak rozumiane konteksty ułatwiają wykrycie relacji motywacyjnych łączących wyrazy pochodne z ich bazami słotwórczymi, a tym samym zinterpretowanie wyrażeń użytych w tekście, zwłaszcza tych, które z różnych powodów poza kontekstem są niezrozumiałe.

głosem, dźwiękiem’ (z gr. *phōnē*); nowe tego typu composita w polszczyźnie to: *bankofon*, *policjofon*) – por. Waszakowa 2005: 87).

⁷ W dalszej części wywodu autor dodaje: „wiedza zamknięta w ramach to wiedza, którą podziela, lub rzekomo podziela przynajmniej część społeczności językowej [...] rama może objąć każdą – nawet najbardziej dziwną – informację, pod warunkiem, że związek pomiędzy tą informacją a ramą dostarczy wystarczająca liczba osób” (Taylor 2001: 130).

4.1. Konteksty językowe

Dotyczą zwłaszcza relacji między tematem i formantem w wyrazie pochodnym oraz jego związków paradygmatycznych (szczególnie słowotwórczych) z innymi słowami. Tego rodzaju konteksty, wcale nierzadko oparte na analogii, są – jak wiemy – bardzo pomocne odbiorcy przy rozpoznawaniu i interpretacji struktur słowotwórczych (zwłaszcza nowych) w tekście. Oto przykładowe konteksty językowe dla neologizmu *domówka* ‘przyjęcie i zabawa urządzone w domu’/ ‘ impreza domowa’: 1) wyrażenia, np. *dom*, *domowy*; 2) morfemy, np. *-ówka*, *-ka*; 3) schematy językowe, np. takie jak: a) nazwy spotkań towarzyskich (z tańcami) z suf. *-ówka*, por. *studniówka*, *parapetówka*; b) nazwy spotkań towarzyskich (z tańcami) z suf. *-ka*, por. *prywatka*; c) nazwy spotkań towarzyskich z suf. *-ing*, por. *clubbing*; d) nazwy spotkań towarzyskich tworzone techniką dezintegracji: *impra* ← *impreza*). Nietrudno zauważyć, że zarówno wymienione schematy, jak i derywaty mają różny zakres stylistyczny i chronologiczny: leksemy *studniówka*, *parapetówka* są ogólnie znane, podczas gdy *impra* jest wyrazem środowiskowym, wyraz *prywatka* kojarzy się z realiami lat 70., a np. *clubbing* z kolorytem życia towarzyskiego młodzieży przełomu XX i XXI w.

Na owe wewnętrznojęzykowe konteksty w jakimś stopniu naprowadza kontekst syntagmatyczny, w jakim pojawił się neologizm *domówka*, por.

- (4) Życie towarzyskie młodzieży koncentruje się wokół trzech rodzajów aktywności – domówkach, clubbingu i spotkaniach w tzw. „miejscówkach”. 49% badanych uczestniczy w „domówkach” (z czego 51% co najmniej raz w tygodniu). Domówki to spotkania podczas których się rozmawia, konsumuje (alkohole, napoje gazowane i przekąski), słucha muzyki i – jeśli jest taka możliwość – tańczy. Wskaźnik spożycia alkoholu jest wysoki (51%). Młodzi uczestniczą w domówkach, bo lubią być w gronie przyjaciół i znajomych (92%). Na co dzień odczuwają barierę finansową (15%), która uniemożliwia im pójście do klubu (7%). Młodzi czują się bezpieczniej w domu (9%), a domówka jest też dobrą okazją do wypicia alkoholu (4%).

<http://www.centrumprasowe.swps.pl/badania/domowki-clubbing-i-miejscowki-czyli-zycie-towarzyskie-wspolczesnej-mlodziezy> (data pobrania: 28.02.2011)⁸.

4.2. Konteksty sytuacyjne

W przytoczonej wypowiedzi (4), odnoszącej się do konkretnej sytuacji, wyraz motywowany zostaje „zanurzony w wiedzy o świecie” – z kontekstu, a także przez inferencję odbiorca uzyskuje szereg informacji: że domówka jest imprezą stosunkowo niekosztowną, łatwą do zorganizowania, nie wymagającą szczególnych przygotowań ani od jej organizatorów, ani od gości i in.

Tego typu konteksty, określane w literaturze przedmiotu jako konteksty sytuacyjne, wykraczają poza „przestrzeń słów”. Por. okazjonalne użycia niedookreślonych semantycznie przymiotników odrzeczownikowych, których rozumienie wymaga przywołania sytuacji, w jakiej wystąpiły, w tym zaktywizowania wiedzy o świecie (wiedzy empirycznej). W tej roli często występują przymiotniki relacyjne; ich znaczenia kon-

⁸ Wszystkie podkreślenia pochodzą od autorki. Użyty w cytacie rzeczownik *miejscówka*, mimo zbliżonej formy, nie należy do tego samego typu słowotwórczego – w slangu młodzieżowym oznacza ‘miejsce: jakieś pomieszczenie, ale też miejsce na polu, jakiś lasek za miastem albo boisko szkolne’; <http://www.miejski.pl/slowo-Miejsc%C3%B3wka> (data dostępu: 6.06.2012).

kretyzują się w kontekście sytuacyjnym. Np. wyrażenie okazjonalne *zamiar muzyczny* może odnosić się np. do zamiaru napisania muzyki / pójścia na koncert / kupienia płyty CD z koncertem Mozarta / wysłuchania opery w radiu i in.⁹

Derywaty słowotwórcze (podobnie jak inne wyrazy) są rozpatrywane w ramach wypowiedzi, w których ich użyto. Jako jednostki o złożonej strukturze odzwierciedlają procesy obrazowania, perspektywę i punkt widzenia nadawcy, jego wiedzę nie tylko jako całe wyrazy, ale i za pomocą swoich części składowych (tematu słowotwórczego, formantu).

Wyraźny przykład tego typu kontekstowości, ale już nie okazjonalnej, stanowi połączenie *afera solna* (o dużej frekwencji w polskich mediach w pierwszym kwartale 2012 roku). Jego znaczenie strukturalne: ‘afera dotycząca soli / związana z solą’ komunikacyjnie jest mało precyzyjne. Przymiotnik *solny* nabiera treści w konkretnym użyciu, por.:¹⁰

- (5) Afera solna. *Sól techniczna*, która była sprzedawana jako *sól kuchenna*, trafiła także do województwa podlaskiego. Białostocki Sanepid potwierdza, że handlowała nią białostocka hurtownia.
- (6) Afera solna. Prokuratura od lat wiedziała o brudnej soli.
- (7) Afera solna / 29 lutego 2012 07:00 /Trzy firmy przez lata kupowały duże ilości tzw. soli wypadowej, przeznaczonej m.in. do sypania dróg i sprzedawały ją jako sól spożywczą producentom żywności. Proceder mógł trwać nawet 10 lat. Już wkrótce w UWADZE! seria reportaży na temat sprzedaży niejadalnej soli m.in. zakładom przetwórstwa mięsnego.
- (8) Afera solna. Zatrzymani od kilkunastu lat współpracowali z firmą z Włocławka produkującą i oferującą m.in. niejadalną sól wypadową, stosowaną w przemyśle chemicznym i energetycznym, a także do zimowego utrzymania dróg.
- (9) Afera solna. W zawartej z tymi trzema firmami umowie było jasno określone, że nie nadaje się ona [sól techniczna] do celów spożywczych. Kupowana po 140 zł za tonę sól była przepakowywana i sprzedawana m.in. firmom branży spożywczej po 440 zł za tonę. Ustalamy teraz firmy, które kupiły tę sól jako sól spożywczą.

Derywat *solny* formalnie asocjuje z rzeczownikiem *sól*, jednakże aby w pełni zrozumieć sensy niesione w konkretnych użyciach wyrażenia *afera solna*, należy każdorazowo przywołać konteksty, w jakich się ono pojawia, a następnie odnosząc je do poszczególnych sytuacji, zanalizować, jakie domeny są z nimi kojarzone i jakie profile w nich uwydatniane.

W podanych przykładach (5) – (9) podstawowa dla jednostek leksykalnych *sól / solny* domena żywności jest łączona (na zasadzie opozycji) z domenami dla soli sekundarnymi: z wykorzystywaniem soli do celów technicznych, np. w przemyśle chemicznym, w energetyce), do utrzymania dróg zimą (do sypania zimą na jezdnie, chodniki), por. *sól spożywcza / kuchenna* : *sól techniczna / przemysłowa / wypadowa*.

⁹ Na tego typu użycia zwraca uwagę Dorota Szumska (2006), wskazując następujące przykłady: *butelkowe ogrody* ‘ogrody (miniaturowe) w butelkach’, *obcasowe oklaski* ‘oklaski dla artystki za wyciągnięcie obcasa uwiecznionego w deskach scenicznych’, *owocowe dłonie* ‘dłonie pielęgnowane kremami tworzonymi na bazie koncentratów owocowych’.

¹⁰ Podkreślenia w cytatach pochodzą od autorki – K.W.

Każda z tych domen kognitywnych zawiera wiedzę o świecie: m.in. o składzie chemicznym soli, decydującą o jej przydatności / nieprzydatności do spożycia (*sól czysta* : *sól brudna / niejadalna*), o cenie różnych typów soli i in.

Zgodnie z ujęciem Langackera wszystkie te cechy składają się na znaczenie połączenia *afera solna* (i po części również przymiotnika *solny*). Encyklopedyczna koncepcja semantyki jest bowiem następująca:

- a. Nie istnieje ostra granica między wiedzą językową i niejęzykową. Język wykorzystuje ogólną wiedzę o świecie i przywołuje tę wiedzę w pewien sposób. Języka nie da się wyraźnie oddzielić od tej wiedzy ani też nie istnieją wyraźne wyznaczniki tego, jakie elementy wiedzy mogą być przywoływane przez język.
- b. Dane słowo reprezentuje konwencjonalny sposób dostępu do zbioru domen. Pewne domeny są istotne dla określenia wartości semantycznej słowa (w tym przypadku prawdopodobieństwo dostępności do domen jest bardzo duże), inne są peryferyjne (prawdopodobieństwo dostępności jest mniejsze) lub bardziej „elastyczne” – mogą być przywoływane w zależności od kontekstu (Langacker 2005: 17).

Inny, nie mniej interesujący przykład z zakresu omawianego tu zagadnienia, stanowi okazjonalizm rzeczownikowy *tekstylny* (Im *tekstylni*)¹¹. Aby dotrzeć do jego znaczenia rozpatrzmy następujące konteksty (podkreślenia w cytatach pochodzą od autorki):

- (10) [...] nie wiem jak jest na innych plażach, ale idąc z plaży tekstylnej na Stogach, na plażę naturystyczną na Krakowcu [...], nie ma między opalającymi się żadnej granicy, często mieszają się tekstylni z naturystami i w takim miejscu Ty mógłbyś się opalać nago, a ona w ubraniach;
<http://www.naturyzm.org.pl/forum/printview.php?t=1219&start=0&sid=086d5faa3e1f807dbb0d9e852e62dbb5> (data pobrania: 28.02.2011)
- (11) Naturyści: tekstylni zaanektowali plaże [tytuł] Golasy nadal będą opalać się „na czarno”. Legalnej plaży dla naturystów nad Wisłą nie będzie. Choć miejsca spotkań nagusów od lat są stałe, dla urzędników to żaden argument – czytamy w „Życiu Warszawy”;
<http://www.tvp.pl/warszawa/aktualnosci-z-regionu/inne/naturysci-tekstylni-zaanektowali-plaze/710089> (data pobrania: 28.02.2011)

Wskaźnik podobieństwa, czyli cecha, na której subiekt zbudował konceptualizację (utworzył nazwę), nie jest tu wyraźna; odbiorca musi tę cechę wykoncytować, odwołując się do kontekstu linearnego oraz wiedzy kulturowej. Związek z przymiotnikiem *tekstylny*, który „znaczy to samo co włókienniczy” (ISJP) i wyrazem *tekstylnia* „tkaniny i wyroby włókiennicze” (ISJP) owszem, istnieje i naprowadza na trop, ale znaczenia nowego rzeczownika w pełni nie tłumaczy. Staje się ono dopiero jasne, gdy dzięki kontekstowi przywołamy domeny kognitywne: ‘plaża’ i ‘plaża dla naturystów’. Nowy rzeczownik *tekstylny* opiera się na opozycji – pojęcie ‘ubrany na plaży’ wyłania się z pojęcia ‘plaża dla naturystów’ wtedy, gdy zostanie ono zestawione z pojęciami ‘goły’, ‘nagi’. Słowo *tekstylny*, które jest częścią w jakimś stopniu już ustabilizowanego połą-

¹¹ Derywat ten można uznać za przykład substancywizowanego przymiotnika (konwersji). W mojej interpretacji jest to prosty derywat paradygmatyczny powstały w rezultacie zmiany paradygmatu deklinacyjnego przymiotnikowego na deklinacyjny rzeczownikowy – por. Waszakowa 1996.

czenia *plaża tekstylna*¹², ma znaczenie metonimiczne. O tym, że związek z elementem semantycznym ‘plaża’ może ulec rozluźnieniu (rozszerzeniu), świadczy następujące użycie neologizmu *tekstylni*:

W przykładzie (11) zwraca uwagę humorystycznie wyrażona ocena. Zawarta w początkowej części wypowiedzi – por. *Golasy nadal będą opalać się „na czarno”* (tu odwołanie do znaczenia przenośnego frazeologizmu *robić coś na czarno* ‘nielegalnie’), ocena ta zostaje wzmocniona przez następne zdanie: *Legalnej plaży dla naturystów nad Wisłą nie będzie*, i dodatkowo wsparta przez użycie potoczizmu *golasy*.

O tym, że związek z elementem semantycznym ‘plaża’ może ulec rozluźnieniu (rozszerzeniu), świadczy następujące użycie neologizmu *tekstylni*:

- (12) W naszym kraju są sauny – fakt. Ale w większości przebywają tam tzw. ‘tekstylni’, a przecież w saunie powinno się przebywać nago. Pomimo regulaminów mówiących o korzystaniu z sauny nago ludzie tego nie przestrzegają. Przebywanie w saunie w stroju mija się z celem, więc dlaczego tak się dzieje? Są oczywiście sauny gdzie wszyscy przebywają nago i nikt się temu nie dziwi, ani nie ma z tym problemu, więc dlaczego są sauny gdzie siedzą tylko tekstylni? Czy możecie to jakoś wytłumaczyć?

Derywatowi *tekstylny* (w lm *tekstylni*) można przypisać parafrazę: ‘o kimś, kto w miejscu publicznym, gdzie niektórzy są (chcieliby być) nago (na plaży, w saunie, podczas pływania w morzu itp.) nie jest goły /nagi, ale ma na sobie ubranie’.

Wyrażenie to zostało, jeśli nie stworzone, to spopularyzowane przez wakacyjny szlagier Zbigniewa Wodeckiego pt. „Chałupy welcome to”, por.

- (13) Jak co roku w Chałupach, gdy zaczyna się upał /słychać wielki szum / Można spotkać golasa jak na plaży w Mombasa / goleców cały tłum /Znów się będą rozbierać Miss-Natura wybierać, /przez wieś przebiegł dreszcz /W krzakach siedzą tekstylni grzą palce bezsilni, /zaklinają deszcz [...]

Znaczenie tworzy się na wspomnianej opozycji *goły* (na plaży) : *ubrany* (*tekstylny*), z dalekim odwołaniem do słownikowego znaczenia *tekstyliów*. Na przeciwstawieniu tym opiera się również negatywne wartościowanie przypisywane tekstylnym: ludzie ubrani na plaży, czyli prototypowi plażowicze, są postrzegani i oceniani jako intruzi z punktu widzenia naturystów – por. zdanie (11), w którym ich opinię wyraża stwierdzenie: *tekstylni zaanektowali plaże*.

5. Słowo podsumowania

W niniejszym artykule, zwróciwszy uwagę na różne funkcje wyrazów pochodnych w tekstach, omówiłam właściwe strukturalnym słowotwórczym konteksty językowe (wewnątrz i na zewnątrz derywatu) oraz wykraczające poza „przestrzeń słów” konteksty sytuacyjne, które odzwierciedlają oparte na wiedzy (empirycznej i kulturowej) procesy obrazowania, perspektywę i punkt widzenia nadawcy. Na wybranych z NKJP przykładach ukazywałam, że tak rozumiane konteksty ułatwiają wykrycie relacji motywacyjnych łączących wyrazy pochodne słowotwórczo z ich bazami. Zaznaczyłam też,

¹² O jego ustabilizowaniu w uzusie świadczą liczne przykłady, które tak jak tu omawiane (10-12) łatwo znaleźć w Internecie za pomocą wyszukiwarki Google.

że w szczególnych wypadkach konteksty te są niezbędne dlatego, że pozwalają zinterpretować wyrażenia użyte w tekście, które poza nim są zupełnie niezrozumiałe.

LITERATURA

- ISJP: *Inny słownik języka polskiego PWN*. Red. M. Bańko, Warszawa 2000.
- Krzeszowski T., 1997, *O znaczeniu przymiotnika „kognitywny”*, [w:] *Podjęcia kognitywne w lingwistyce, translatoryce i glottodydaktyce*. Red. F. Grucza, M. Dakowska, Warszawa, s. 23–32.
- Kubryakova E.S., 2004 – zob. Кубрякова Е.С. Кубрякова Е. С., 2004, *Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования*, [w:] *Язык и знание*, Москва, s. 439–458.
- Langacker R.W., 1987, *Foundations of Cognitive Grammar*, Vol. 1: *Theoretical Prerequisites*. Stanford.
- Langacker R.W., 1988, *A View of Linguistic Semantics*, [w:] B. Rudzka-Ostyn (red.), *Topics in Cognitive Linguistics*, Amsterdam, s. 49–90.
- Langacker R.W., 2003, *Model dynamiczny oparty na uzusie językowym*, [w:] E. Dąbrowska, W. Kubiński, red., *Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego*, Kraków, s. 30–117 /1988: *A usage-based model*, [w:] B. Rudzka-Ostyn, red., *Topics in Cognitive Linguistics*, Amsterdam, s. 127–161.
- Langacker R.W., 2005, *Wykłady z gramatyki kognitywnej. Lublin 2001*. Red. H. Kardeła, P. Łozowski, Lublin.
- Langacker R.W., 2009, *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*. Red. E. Tabakowska, M. Buchta, Kraków 2009.
- NKJP: *Narodowy korpus języka polskiego*; <http://nkjp.pl>
- SWJP: *Słownik współczesnego języka polskiego*. Red. B. Dunaj, Warszawa 1996.
- Szumski D., 2006, *Przymiotnik jako przyłączone wyrażenie predykatywne*, Kraków.
- Tabakowska E., 2005, *Komunikowanie i poznawanie w językoznawstwie*, [w:] *Polonistyka w przebudowie: literaturoznawstwo, wiedza o języku, wiedza o kulturze, edukacja*. Red. M. Czermińska [et al.], Kraków, s. 661–671.
- Taylor J.R., 2001, *Kategoryzacja w języku. Prototypy w teorii językoznawczej*, Kraków.
- Waszakowa K., 1996, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki z formantami paradygmatycznymi*, Warszawa 1996.
- Waszakowa K., 2000, *Rozkładalność i kompozycjonalność struktur słowotwórczych (na przykładzie neologizmów w polszczyźnie końca XX w.)*, [w:] *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*, red. K. Kleszczowa, L. Selimski, Katowice, s. 63–69.
- Waszakowa K., 2005, *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa.

Waszakowa K., 2012, *O derywatach analogicznych i słowotwórstwie analogicznym*, [w:] *Sprache im Kulturkontext. Festschrift für Alicja Nagórko*, red. H. Burkhardt, R. Hammel, M. Łaziński, Berlin, s. 161-171.

Кристина Вашакова

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

Резюме

Статья написана в русле когнитивной семантики, рассматривающей язык как когнитивный процесс, который совершается в коммуникативной деятельности, в актах речи (в создании / понимании текстов). Рассматриваются дериваты, которые интерпретируются как включенные в сети единицы, семантически и контекстуально взаимосвязанные, как единицы, символизирующие определенное содержание, актуализируемое в конкретных высказываниях. Автор связывает многообразие функций производных слов в текстах с двойной референцией, свойственной дериватам, которая обусловлена сложностью их структуры: благодаря словообразовательной мотивации дериваты сохраняют связь с мотивирующими основами, словообразовательными моделями и категориями; являясь целью оформленными единицами, дериваты связаны с другими словами. Обращается внимание на два вида контекстов, типичных для производных слов: 1) языковые контексты (внутри деривата и за его пределами); 2) ситуационные контексты, выходящие за «словесное пространство» и отражающие процессы профилирования, базирующиеся на знаниях (эмпирических и культурных), а также перспективу и точку зрения говорящего, иные «следы» его присутствия в тексте (в речевом акте). Результаты анализа должны продемонстрировать, что такое понимание контекста способствует выявлению мотивационных отношений, которые связывают производные слова с их базами, позволяя интерпретировать слова, использованные в тексте, особенно те слова, которые по разным причинам непонятны вне контекста.

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА ВИНОГРАДОВА*

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Представляется, что такая постановка вопроса – выбор группы слов определенной структуры для исследования специфики их функционирования в поэтической речи заслуживает право на существование, прежде всего потому, что образованиям определенной структуры свойственна и определенная семантика – у них есть общий семантический компонент, зависящий от словообразовательного форманта (в данном случае приставки *без-*) и свойственный целому ряду – цепочке словообразовательных типов с этим формантом (*безумный, безумно, безумие, безумство*). Семантикой чаще всего определяются такие особенности мотивированных слов с одним формантом – как наличие особой «грамматики», синтаксических конструкций и стилистического использования в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэтическое словообразование, семантические и формальные закономерности, поэтические особенности употребления.

В статье делается попытка определить особенности структуры, семантики, функционирования в поэтической речи слов с приставкой *без-* по материалам автора, а также «Словаря языка русской поэзии XX века» (т.1, А-В, М.: Языки славянской культуры, 2001).

Как писал Д.Н.Шмелев, «Каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих (и определяющих в известном смысле) его лексическое значение, находится и в деривационных отношениях с другими словами – как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире – вообще фонетических) сближений. На то, что обе эти линии не разобщены, а напротив, сливаются в одну «ось» значения слова (...), указывает прежде всего взаимообусловленность ассоциативно-смысловых и словообразовательных моментов, проявляющаяся, в частности, в том, что на основе определенных ассоциативно-тематических полей, обуславливающих направление семантических транспозиций входящих в эти поля слов, возникают и

---

* e-mail: istepu@mail.ru

словообразовательные «реплики» соответствующих ассоциаций» (Шмелев Д.Н., 2002, 69).

По неимению частотных словарей невозможно привести точные цифры, однако и без них нетрудно заметить, что группа слов с приставкой *без-* довольно частотна в поэзии, благодаря тому «поэтическому» семантическому компоненту, который выражается приставкой *без-*: у прилагательных «лишенный чего-либо, не имеющий чего-либо», у «существительных – «отсутствие или крайний недостаток чего-либо» (формулировки словаря Ушакова). То же значение выражают и определительные или обстоятельственно-определительные конструкции с предлогом *без-* и родительным падежом существительного – они охватывают еще большее количество слов, так как не все группы слов могут образовать производные (в частности, отглагольные существительные не образуют, как правило, прилагательных с приставкой *без-*, ср. *без сомнения – несомненный* и под.).

Интересно отметить, что это ограничение в поэзии может преодолеваться, например, у Блока (авторы словаря не считают, впрочем, это новообразованием): *безжеланен*: И пробуждение мое *безжеланно* АБ903 (I, 279) (рфм к туманно); у него же *безжеланно-туманный* (нов.): Без Меня б твои сны улетали В *безжеланно-туманную* высь АБ902» (I, 213).

Большинство таких образований означают качественный признак – прилагательные могут иметь степени сравнения, краткую форму, наречие на *-о*, существительное со значением качества на *-ость, -ие (ье)*, а также играть роль антонима, что особенно характерно для приставки *не*; приставка *без-* в ряде случаев является более экспрессивным, категоричным выражением противопоставления, ср. *больно – немного – безбольно; вера – неверие – безверие*.

Обозначения признаков тем более экспрессивны и способны выразить новые оттенки смысла, чем более актуализированы формально, что достигается, кроме других способов, остранением, обновлением структуры узуального мотивированного слова.

Для актуализации мотивированных слов используются формальные видоизменения – мена основы на синонимичную с другим аффиксом: «Вместо» узуального (возможно, и слишком длинного) *безболезненный* используется прилагательное *безбольный* и наречие *безбольно*, зарегистрированные лишь в позиции рифмы: Путь без тревоги, путь *безбольный* Куз907 (116).

Напротив, при узуальном *безоглядно* у Пастернака находим *безоглядочно*: Припомнишь мать, и опять *безоглядочно* Жизнь пролетает в караване Изголодавшихся и радужных Надежд и разочарований (из письма П.П.Шмидта) РП П926-27 (I, 313).

При узуальном *безработица* Маяковский использует чисто приставочное *безработа*, что, возможно, заимствовано из разговорной речи (ср.: с *довойны* и под.): Если ж / с *безработы* / загруститса, / сам / себя / уверенно и быстро / означает – / то военным, / то юстиции, / <...> министром. М927 (527).

При узуальном *бессонница*, останавливает на себе внимание *бессонность* у Блока: И дней туманность, и ночная *бессонность* (рфм. к влюбленность) АБ907 (II, 223).

При наличии узуальных *безголовый, безгласный* Цветаева использует *безгласный*: Грех памяти нашей – *безгласой, беззубой, Безмясой, безносой!* Цв935 (Ш.326.2).

Возможна вставка приставки – вместо узуального *безгласно* использовано *безвозгласно*: И если березовых куп *безвозгласно* великолепье, Мне кажется, бьется о сруб Та песня железною цепью, П915 (I, 87).

Для образования авторских неологизмов используется ряд моделей.

Наиболее продуктивна группа прилагательных с суфф. *-н-*. Ср.: *безогнен* Я вижу: ваши девы слепы, У юношей *безогнен* взор. АБ905 (II, 169), *бестуманный*: Хороша *бестуманная* трель его (снега), Ес919 (II, 91), *бестормозный*: Твердь! Голов *бестормозных* – Трахт! И как отсечь: Полная оторванность Темени от плеч – Цв927 (III, 142), *беспрогульный*: Вперед / *беспрогульным* / гигантским ходом! М930 (379), *бессиянный*: Неужель он не знает, что в полях *бессиянных* Той поры не вернет его бег, (рфм. россиянок) Ес920 (II, 95.1), *бесскорбный*: Не поймут *бесскорбные* люди Этих масок, смехов в окне! АБ902 (I, 167), *бесхотенный*: Я [София (премудрость)], как яхонт, пламенела И хотеньем *бесхотенным* О Тебе, Христос, хотела! РП Куз918 (213), *бестенный*: Желтея, на балкон Глядит туманный диск луны, еще *бестенной*, (рфм. стены) Анн904 (85.2).

Интересно, что, как уже говорилось, в поэтической речи возможно образование от отглагольных существительных: *бессиянный* – без сияния, *бесхотенный* – без хотения. Зарегистрировано одно образование с суфф.

-ов(ый): *бесперстнёвый* <...> А моя – черная Да *бесперстнёвая!* <...>» (о руке) РП Цв920 (III, 197).

Отметим расширение в поэзии круга основ для образования прилагательных с нулевым суффиксом: Сквозь сосны, сквозь дыры заборов *безгвоздых*, П914,28 (I, 63), *безгнездый* (вар. к *безгнездный*) Ватная, примерзлая и байковая, фортковая Та же жуть берез *безгнездых* Гарусную ночь чем свет за чаем свертывает, Зимний изумленный воздух. П918 (I, 211), *безустый*: Взгляд дочери дикий Смотрит и видит Безглазый, *безустый* мешок С белым оскалом, В знакомом тулупе. Хл921 (336), *бескудрый*: И тихо сходит пасха С *бескудрой* головы. Ес917 (I, 290), *бестельный*: *Бестельми* корявыми костями Они (мальчишки) нам знак Тяжелого укора. Ес924 (II, 199).

Сложные прилагательные и наречия, в том числе и включающие одну из основ с приставкой *без-*, часто являются лишь элементом определенного текста. Большинство таких прилагательных представляет собой скорее подчинительное соотношение основ: *безнадежно-взрослый* Вы? О, нет! Вы дитя и Вам нужны игрушки, Цв910 (I, 101.1); *безнадежно-взрослый* Вы? О, нет! Вы дитя, а дети так жестоки: С бедной куклы рвут, шутя, парик, *ib*; *безобидно-лукавый*: Зачем ты меж нами, лесной старичок, Колдун *безобидно-лукавый?* Цв910 (I, 70); *безотчетно-грустный*: И снова смолкнет все, – душа полна Какой-то *безотчетно-грустной* думы, Анн874 (161); *безумно-оплаканый*: Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело, Ни любимых имен, ни *безумно-оплаканых* книг. Цв910 (I, 121.1); *безучастно-далек*: Голос ваш был *безучастно-далек*: – «Хочется спать. До свиданья». Цв908 (I, 13.2); *безбожно-дикий*: Неясный звук невнятного моления, Неведо-

мый, бескрылый, страшный зов. // То был ли стон души *безбожно-дикий*, АБ901 (I, 104); *бессильно-нежный*: О, ей знаком *бессильно-нежный* рот, Цв910 (I, 78); *беспомощно-туманный*: Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал твой взор *беспомощно-туманный*: Где видел я персидскую сирень, (рфм.: деревянный) Ахм915 (115.1); *бескровно-кленовый*: Мякоть света *бескровно-кленовая* Хочет всем рассказать свой позор. (рфм. к светлоголовый) ОМ937 (423); *бесконечно-уныло*: Звук граммофона, Вторят ему *бесконечно-уныло* Взвизги гармоники с кузни... (рфм.: многое было) Цв910 (I, 76.2); *бесконечночасый*: Прямо / пред мордой / пролетает вечность – / *бесконечночасый* распустила хвост. М925 (232).

Лишь в поэзии употребительны сочетания, в которых выражены разнородные признаки:

И уходишь так жадно
В лиловатость отсветов
С высей *бледно-безбрежных*

(И.Анненский)

Такие сложные эпитеты могут выразить оксюморон; ср. *беззвучно-звенящий*: Опять твою руку С протянутым кубком Встречаю в *беззвучно- / Звенящей* ночи. Цв921 (I, 286.2).

Почти исключительно в поэзии используется субстантивация прилагательного в среднем роде как «замена» имени качества: Но моряной любес опрокинут Чей-то парус в воде кругло-синей, Но зато в *безнадежное* канут Первый гром и путь дальше весенний. Хл919 (113).

И душою *безнадежной*
Безотзывное поймешь

АБ907 (II, 214);

Безответное чуждым не скажется, Я открою рекущим: аминь. АБ903 (I.531.2); **О, я хочу безумно жить: Всё сущее – увековечить, Безличное – вочеловечить, Несбывшееся – воплотить!** АБ914 (III, 85); **Я полон мыслью о бесшумном,** (рфм. к бездумном) АБ902 (I, 510.2).

По своему значению (отсутствие чего-либо) прилагательные с приставкой *без-* не должны были бы образовывать степени сравнения, если их внутренняя форма не затемнена. В поэтической речи образование таких алогичных форм является выразительным приемом, как бы гиперболой «наоборот»: Тонко и редко поет колокольня: «В небе привольнее, в небе *безбольней*» Куз920 (224) и Ес921 (II, 107). **И русская судьба безбрежней**, Чем может грезиться во сне (рфм. прежней) П940 (II, 550);

Подымались мы к обедне ранней, По столице одичалой шли, Там встречались, мертвых *бездыханней*, Солнце ниже и Нева туманней, А надежда все поет вдали. Ахм940 (Р, 350); Простор, канвой окутанный, *безжизненной* кулис; И месяц, весь опутанный, Беспомощно повис. ОМ909 (264); Был день, безвредный день, *безвредней* Десятка прежних дней твоих (Маяковского), (рфм. передней (сущ.)). Никого нет в мире *бесприютней* И *бездомнее*, наверно, нет. РП Ахм961 (228.2);

Двадцатый век... еще *бездомней*, Еще страшнее жизни мгла (рфм. огромней) АБ919 (III, 305); *Над ней склонялась все печальней Ее сиделка – тишина. Но счастье было безначальней*, Чем тишина АБ906 (II, 110); *А снизу стук, а сбоку гул, Да все бесцельней, безымянней...* И мерзок тем, кто не заснул, Хаос полусуществований! Анн900-е (117.2); *Все бесконечней*, монотонней Журчат незримые струи... АБ899 (I, 399.1); *Все бесконечней*, все хрустальней Передо мной синела даль. АБ901 (I, 476.1); *Нежней и бесповоротней* Никто не глядел Вам вслед... (рфм.: сотни; обращ. к О.Э.Мандельштаму) Цв916 (I, 252); *Но в мире нет людей бесслезней*, Надменнее и проще нас. (рфм. к поздней) Ахм922 (139.1); *И в мире нет людей бесслезней*, Надменнее и проще нас. 1922 Эпгрф. Ахм961 (251.1); *Еще прозрачней станешь ты, Еще бессмертней стану я.* АБ904 (II, 315.2).

Выразительны и необычные формы превосходной степени, например: *К бессоннейшим* припавши изголовьям, Бормочет окаянные стихи. Ахм963 (233.2).

Поэтическая речь гораздо чаще общелитературной речи прибегает к кратким прилагательным, чаще в эмоционально-экспрессивных контекстах: *Ей-ей, двурог! Один: соплив! Другой: безнос!* – Клянусь, что крив! – Клянусь, что кос! Цв922 (III, 315); *Безветрен* вечер и грустью скован Ахм; *Как откровенья бессонны!* (рфм. кессоны) П917 (I, 156.1); *Я – бессонна.* Спать не может Кто хорош и кто один. Цв917 (I, 372.1).

Среди существительных окказиональных образований с префиксом *без-* гораздо меньше. Приставочные образования по модели безаффиксных образований наиболее окказиональны: *А ныне я в твою (Кавказа) безгладь* Пришел, не ведая причины. Ес924 (II, 175).

Из продуктивных общеупотребительных моделей развивается приставочно-суффиксальная модель *без-ие(ье)*: *А в Перу бесптичье*, безлюдье... М915 (41.2); *А мы – бездорожье*, Дубленая кожа, Дрянцо, *бессапожье*, Ошебья, отребья, *Бессолье*, бесхлебье, Цв920 (III, 267).

Одно из образований - с продуктивным суфф. разговорной окраски *-инка*: *Не растеклась еще Кровь Иисусова. Над безнапраслинкой* – Времячко Бусово. Цв922 (II, 59).

Среди всех неологизмов наиболее окказионально стяжение сочетания слов в одно слово у Цветаевой: *В Россию – вас, в Россию – масс, В наш- час – страну! в сей-час – страну! В на-Марс – страну! в без-нас – страну!* Цв932 (II, 299).

Среди текстовых приемов актуализации следует отметить разнообразные повторы слов одной структуры – чаще всего как однородных определений. Повтор двух определений: *Лежи спокойно, безгласый, безухий* М915(43); *Безгласый, безустый* мешок Хл921(336); *Спеленутых, безглазых и безгласных* Я не умножу жалкой слободы Цв920 (I, 570.1); *У ног враги – безгласны и безглавы.* Куз908 (126.1).

У Хлебникова, Цветаевой можно найти четырехчленные повторы: *Безмерной бесценной беспленной / Бестешной / Мокоши* Хл (II, 270); *Грех памяти нашей – безгласой, беззубой, Безмясой, безносой!* Цв935 (II, 326.2).

В такую серию одноструктурных образований нередко включаются неологизмы: *беспленный, бестешный, безгласый.*

При сопоставлении в тексте слов одинаковой структуры (по Р.Якобсону – «сходство, наложенное на смежность») ярче ощущается и их общая семантическая часть и различающаяся или совпадающая по семантике вторая. Кроме того, такой прием способствует и звуковой организации текста. Например: *Наяву ль и тебя ль безумно И бездумно Я любил в томных тенях мая?* Анн906 (95); *Храня так весело, так вольно Закон святого ремесла, Ты плыл бездумно, плыл безбольно, Куда судьба тебя несла.* Куз914 (206); *Так просто можно жизнь покинуть эту. Бездумно и безбольно догореть, Но не дано Российскому поэту Такою светлой смертью умереть.* Ахм935 (320.1); *В душе бездумность и беспечность* АБ905 (II, 166).

Представляется, что в таких случаях, несмотря на то, что формально представлена сочинительная конструкция, семантически можно усмотреть в ряде случаев взаимозависимость, причинно-следственные связи: – *беспечность* – потому что *бездумность*, *бездумно* – потому что или из-за того что *безумно*.

Серии одноприставочных и одноструктурных образований в близком соседстве способствуют подчеркиванию общего семантического компонента, выраженного приставкой, а также часто выступают в позиции рифмы: *А человек? – Он жил безбольно: Не он – машины, города, «Жизнь» так бескровно и безбольно Пытала дух, как никогда...* АБ919 (III, 304).

Такая общность может подчеркиваться и паронимической аттракцией: *Жизнь пустынна, бездомна, бездонна* АБ910 (III, 22).

Повторяются они и в параллельных конструкциях, образуя в ряде случаев внутреннюю рифму: *Похитил я, молодой певец, У безнадежности – надежды, У бесконечности – конец.* АБ900 (I, 346.2); *Из царства сна выходит безнадежность – Как птица серая – туман* (рфм. безбрежность) АБ902 (I, 484.1).

Прилагательные с приставкой *без-* определяют существительные, связанные между собой подчинительными отношениями: *То был безжалостный порыв Бессмертных мыслей вне сомнений* АБ900 (I, 53).

Разноструктурные слова с приставкой *без-* часто встречаются в близком соседстве: например, в контекстах слова *безнадежность*: *Бесследно канул день. Желтея, на балкон Глядит туманный диск луны, еще бестенной, И в безнадежности распахнутых окон, Уже незрячие, тоскливо-белы стены.* Анн904 (85.2). Они лишь невнятный рассказ О том, что *безбрежна* нежность, *Что в нежности безнадежность* Древнейшая в ней мятежность И новая каждый раз Куз915 (166); *Дарю тебе железное кольцо: Бессонницу – восторг – и безнадежность* *Чтоб не глядел ты девушкам в лицо. Чтоб позабыл ты даже слово – нежность.* (обращ. к П.Г.Антокольскому) Цв919 (I, 463.2).

Одноприставочные образования, используемые на расстоянии, вносят свой вклад в связность, звукопись, ритмическую организацию текста, например, в приеме повтора:

Простор, канвой окутанный,
Безжизненной кулис,
 И месяц, весь опутанный,
Беспомощно повис

ОМ909 (264.1).

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья *безмятежного*...
Не покину я товарища
И *беспутного* и нежного.

(Ахм 1911)

Приставочные образования в тексте часто выступают в одном синонимическом ряду с предложными сочетаниями: Вы внизу – *безвластные* судьи, *Без* желаний, *без* слез, *без* страсти. АБ902 (I, 526.1).

Таким образом, словообразовательная структура слова представляет большие возможности для экспрессивизации поэтического текста, его остранения, выражения нужных оттенков смысла, а также связности.

Образования с приставкой *без-*, как и другие обозначения качества, принадлежат к основным средствам выражения мировидения, отношения к миру поэта. Ср.: «...Имя дает лишь общее понятие о предмете, не раскрывая индивидуального представления поэта о его сущности. Такое представление способны дать лишь признаки предмета» (Ковтунова, 1986,78).

СОКРАЩЕНИЯ

АБ-Александр Блок; Анн – Иннокентий Аннинский

Ахм – Анна Ахматова; Ес - Сергей Есенин; Куз – Михаил Кузмин; М – Владимир Маяковский;

ОМ – Осип Манделъштам ; П –Борис Пастернак; Хл – Велимир Хлебников ;Цв – Марина Цветаева.

ЛИТЕРАТУРА

Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации. В: Вопросы языкознания. 1986. № 1.

Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики. // Избранные труды по русскому языку. «Языки славянской культуры». М., 2002.

Valentina N. Vinogradova

LEXICAL-SEMANTIC AND FORMAL CHARACTERISTICS
OF WORD-FORMATION CATEGORIES IN POETRY

Summary

This article deals with the word formation processes in poetic text – construction occasional words with prefix bez-/This prefix used to convey the expressive meaning of quality, opposite to that of motivating word and often serve stylistic purpose. Words with this prefix often have unusual structure and grammatical forms of degrees of comparison, used in a number of poetic devices.

РАЈНА М. ДРАГИЋЕВИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ, БЕОГРАД, СРБИЈА

ТВОРБЕНО-СЕМАНТИЧКА АНАЛИЗА ДЕСУПСТАНТИВНИХ ПРЕДЛОГА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ**

Сажетак. У раду се говори о десупстантивним предлозима у савременом српском језику. Основни задатак био је испитивање конверзије као типа творбе речи из угла семантичких промена које доводе до преласка лексема из једне врсте речи у другу (у овом случају из именица у предлоге). Анализа семантичког садржаја свих седам полазних именица понаособ и предлога добијених од њих показала је да се приликом попредложивања не врши десемантизација, тј. граматикализација именица (како се то често објашњава у литератури), већ пресемантизација њиховог семантичког садржаја. Закључено је да се однос између полазне именице и добијеног предлога не може третирати као хомонимија, већ као граматикална (граматичка/лексичко-граматичка) полисемија. Да би се именице могле попредложити, морају испуњавати одређене семантичке услове, који су описани у раду.

Кључне речи: конверзија, предлози, именице, граматикална полисемија, граматикализација, српски језик.

Овај рад представља наставак истраживања о именицама у служби предлога.¹ Навешћемо закључке првог дела истраживања.

Утврђено је да се само седам именица у српском језику могу попредложити, а то су следеће именице: *врх, дно, крај, дуж, пут, место и чело*. У истраживању се пошло од семантичких карактеристика предлога и од Белићевих схватања о прилошком пореклу и значењу предлога. Насупрот често излаганом мишљењу да предлози поседују само граматичко значење, изводи се закључак да предлози поседују и лексичко значење, слично прилозима. Константовано је да је за сада когнитивна лингвистика понудила методе за анализу лексичког значења предлога и да је задатак савремене семантике да даље унапређује те методе и осмишљава нове. На чињеници да предлози поседују лексичко значење постављена је хипотеза да и попредложене именице имају лексичко значење и да процес њиховог

---

* e-mail: rajnad@yahoo.com

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

¹ Први део рада биће објављен у Јужнословенском филологу LXVIII под називом: *О именицама у служби предлога*.

попредложавања не подразумева, како се обично наводи у литератури, граматикализацију (или је бар не подразумева у потпуном виду), већ пресемантизацију њиховог семантичког садржаја. Утврђено је да се лексичко значење скоро свих попредложених именица састоји из два сегмента – прилошког (месног) и именичког (партитивног). Именице које се у српском језику могу употребити као предлози означавају место (*врх, дно, пут, место, крај, дуж*) и употребљавају се искључиво уз генитив (најчешће партитивни), чиме осим месног добијају и партитивно значење (исп. *врх брда, дно бурета*). Оне представљају партикуларизаторе. У реченицама у којима се користе попредложене именице, радња често обухвата и део локализатора или се одвија на граници локализатора или у његовој непосредној близини. Које значење ће превагнути зависи од саме именице, од значења глагола или од значења именице у генитиву. Однос између именице и предлога добијеног од ње попредложавањем третира се, као и у свим описним речницима српског језика, као однос између две лексеме, које су самосталне, али блиско значењски повезане, јер је предлог постао од именице процесом који И. Грицкат (1967) назива *граматикалном полисемијом*, тј. полисемијом са граматичким резултатом. У неким граматикама се истоветност облика предлога са номинативом и акузативом именице објашњава као хомоформија, а предлог и именица се називају хомоформима. Будући да је хомоформија тип хомонимије, а да хомонимија, по дефиницији, подразумева непостојање семантичке везе међу лексемама, одбацили смо овај термин за именовање односа између именице и предлога који је настао од ње. У раду смо изнели претпоставку да се само неколико именица у српском језику може попредложити због тога што само оне имају могућност удруживања семантички високопродуктивне спацијалности са партитивношћу (ређе посесивношћу) коју добијају захваљујући обавезној употреби уз партитивни (понекад посесивни) генитив. Предлошка употреба именица полако се губи из српског језика јер је њихова семантика непрецизна и у неким примерима нејасно разграничена од именичке, што значи да процес попредложавања није потпун. Због тога су данас фреквентнији сложени предлози настали слагањем правог предлога с овим именицама (нпр. *наврх, уврх, подно*), јер је њихова семантика значајно одређенија и прецизнија захваљујући правим предлозима који се налазе у њиховом саставу.

Циљ овог рада јесте усредређивање на семантику именица које се могу попредложити и предлога који су од њих добијени. Као што је већ закључено, скоро све ове именице имају месну и партикуларизаторску семантику. Именице из ове групе могу означавати неку граничну тачку, линију, део који може бити материјализован, али и не мора, па се за анализу њихових значења погодном показује теорија прототипа и когнитивна анализа. Подршку за истраживање пронашли смо у радовима Д. Кликовац (2000) и, посебно, К. Расулић (2004). Већ на први поглед запажа се одређена системност у ономе што ове именице значе, али и чињеница да свако њихово повезивање обавезно подразумева и одређене изузетке, јер ниједна мрежа у коју их умрежимо не укључује свих 7 именица.

Оне чине својеврстан систем именовања, којим се, у прототипичном случају, покрива вертикална димензија неког објекта. На основу дефиниција примарних (или важнијих секундарних) значења у Речнику САНУ и Речнику МС, може се

у најопштијим цртама конструисати изглед тог тродимензионалног објекта и положај делова исказаних именицама које овде испитујемо. *Врх* представља највиши део тог објекта, а *дно* најнижи део. *Чело* је горњи или предњи део објекта. Крајња линија која ограничава површину тог објекта или део површине уз ту линију представља његов *крај*. Део простора или тачка на том објекту представља *место*. Овим системом именовања покривени су гранични делови, ивице, линије или тачке замишљеног објекта.² Именице *врх* и *дно* сугеришу да се објекат, у прототипичном случају, простире вертикално. Да би се разумело значење именица које се овде испитују, важно је установити на које се све начине може концептуализовати објекат чији се делови исказују овим лексемама.

ВРХ И ДНО. Објекат који има врх и дно не може бити човек. К. Расулић (2004: 77), анализирајући *top* и *bottom* у енглеском језику, (односно именице *врх* и *дно* у српском), запажа да језик показује како „човек одбија себе да концептуализује на исти начин као остале ентитете око себе: поменуте лексеме не односе се на делове човека који су одређени границама његовог вертикалног простирања.“³ С друге стране, називи за делове тела човека често се користе за именовање других објеката. Тако, *чело*, према Речнику САНУ, може бити *предњи део, предња, фронтална страна нечега, лице, фронт; фасада*.⁴ Запазићемо, међутим, да се друштвена организација може концептуализовати као објекат који има *врх* и *дно*. Врх сачињава група људи која се налази на највишем делу друштвене лествице, а *дно* представља група људи на најнижем делу те лествице: *људи с друштвеног дна; друштвени врх*. Речник САНУ бележи да се група људи која се налази на почетку колоне такође може назвати *врхом* или *челом*, а познато је да се, преко ове слике, друштво може концептуализовати и хоризонтално. На почетку су вође, они су на врху, а за њима иде народ. На крају колоне су они који имају најнижи статус.

Именице *врх* и *дно* имају супротстављен, али сличан семантички садржај и обе се могу попредложити. На основу тога очекивало би се да означавају делове истог прототипичног објекта, јер све што може имати врх, има и дно, и обрнуто. Међутим, асоцијације говорника српског језика, распоред значења ових именица у Речнику САНУ, као и примери из електронског корпуса српског језика, указују на то да прототипичан објекат који има врх није исти као прототипични објекат који има дно. Прототипичан врх је врх неког географског узвишења (брда, брега, планине) или, на другом месту, врх неког стамбеног објекта (куће, зграде)⁵, а прототипично дно је дно посуде (нпр. чаше, флаше) или, на другом месту, неке

² Из овог система изузете су именице *пут* и *дуж* које не означавају делове објекта. Именица *место* представља део, али не мора бити на граници.

³ Ипак, у српском језику говори се, о *врху главе*, углавном у фразеологизму *попети се на врх главе некоме* (досадити некоме тражећи, захтевајући нешто).

⁴ Готово сви називи за делове људског тела могу се у секундарним значењима користити за означавање делова предмета: *лице зграде, глава ексера, врат гитаре, нога моста, језик на ципелама, нос авиона, ручица на ормару, око на вратима* итд.

⁵ Прототичан врх припада, по речима К. Расулић (2004: 78), „ентитетима који се перципирају као високи“ ... и који „стоје слободно у простору“.

водене површине (нпр. мора, баре, реке).⁶ Распоред значења именица *врх* и *дно* у Речнику САНУ потврђује претпоставку о прототипичном врху и дну. Велики број потврђених синтагми *врх брда* и *врх планине* у грађи за Речник САНУ навео је лексикографе да тај *врх* издвоје као значење 1.б. у овом речнику, исп: *вис, највиши, најистакнутији део брда или планине*. Значење 1.а. резервисано је, што је и очекивано, за уопштенију дефиницију: *највиша тачка, највиши део*. Значења именице *дно* обрађена су тако као да су их лексикографи распоредили у складу са резултатима овде приказаног асоцијативног теста. Примарно значење именице *дно* гласи: *доња страна суда; основа, доња површина предмета на којој леже бочне стране градећи шупљину*. Следеће значење, обележено бројем 2, у Речнику САНУ овако гласи: *површина земље на којој лежи водена маса, основа корита (реке, мора, језера и сл.)*.

Дакле, прототипичан врх се налази са спољне стране објекта са косим пади-нама (косих страна брда или крова), а прототипично дно се налази са унутрашње стране неког садржатеља (нпр. чаше или корита неке водене површине). Ови прототипи омогућили су концептуализацију врха и дна као конкретних предмета, што региструје и Речник САНУ у виду посебних значења ових лексема. Врх као највиши део брда има купаст облик, што је омогућило значење: *крајњи, истакнути део; ужи, тањи, шиљаст или слободнији, одвојенији крај; шиљак*. – *Зубићи као врхови игала оштри, извише се или поломише. Врх је сабље мало унапред изнет* (исп. значење 2 у РСАНУ). И док се прототипични врх куће налази споља, прототипично дно куће налази се унутар ње и може се концептуализовати као конкретна просторија у најнижем делу куће, тј. подрум: *најнижи, у земљу укупани део зграде, подрум*. – *Краљ ме баца на дно у тавницу* (РСАНУ, значење 3.а).

Пошто се прототипичан врх концептуализује као горњи део објекта са косим страницама које се спајају у највишој тачки или линији, онда се поседовање врха преноси и на све искошене површине: *врх стрме улице, врх падине, врх степеништа*, па је према овоме настало и *дно улице, дно падине*, што је у Речнику САНУ потврђено значењем 3.б. именице *дно (најнижи део земљишта валовитог или са стрмим странама*. – *Пут је доводио овамо дном саме долине. Онда смо опет зашли у дно кланца*) и значењем 3.а. именице *врх (почетни, горњи, виши део или крај, граница*. – *Са врха наше улице угледах читаву хрпу жена како се сунчају. Не потраја дуго, а он се нађе на врх од њиве. Непријатељ поново бомбардује врх вароши*). Запажа се да се објекат који поседује врх и дно од усправног, тродимензионалног преобразио у искошени, дводимензионални. Запажа се још нешто – да су се врх и дно од највише/најниже тачке односно дела објекта преобразили у граничне тачке, линије или површи са горње/предње стране, односно доње/задње стране.

⁶ Од 35 студената Филолошког факултета очекивало се да допуне именице *врх* и *дно* првом именицом са конкретним значењем у облику генитива која им падне на памет. Чак 30 студената допунило је именицу *врх* именицама *брдо, брег* или *планина*, а остали су је допунили именицама *кућа* или *зграда*. Једанаест студената допунило је именицу *дно* именицама *чаша, флаша, шоља, шерпа*, осам именицама *море, бара* или *река*, а остали су се сетили сликовитог израза *дно дна* којим говорници српског језика често оцењују лош квалитет па су именицу *дно* допунили том истом именицом у генитиву.

Како с правом запажа К. Расулић (2004: 87), примери типа *врх/дно улице, трга, сале, ходника, стола*, па чак и *колоне*, указују на то да је „могућа и ментална ротација вертикалне димензије за 90 степени, тако да се представа о делу ентитета који одговара горњој или доњој граници његовог простирања пројектује на хоризонталну димензију.“ И *врхом* и *дном* назива се, према речима К. Расулић, онај део ограниченог простора који се налази најдаље од посматрача. Тако су и *врх баште* и *дно баште* најудаљенији њени делови у односу на посматрача.

Метафоричким путем *врх* и *дно* развили су и апстрактна значења. У Речнику САНУ региструје се да различите појаве и процеси (баш као и друштвена организација о којој је било речи) могу имати ступњеве, а највиши ступањ, кулминација, оно најбоље назива се *врхом*: – *Бугарска достиже врх своје силе. Париз је врх цивилизације, коме све друге вароши теже. Вазална Србија за седам година владе кнеза Михаила уздигла се до највишега врха. Маса је остала проста каква је и била. Али горе, на врху, створена је једна просвећена класа.* Очекивало би се да се *дно* насупрот томе концептуализује као најнижи ступањ, оно најгоре, друштвено неприхватљиво. Међутим, не мора обавезно тако бити, јер према Речнику САНУ, *дно* може бити и *најтајнији, најдубљи део (душе, срца, бића и сл)*: – *Закопао је спомене на најдубље дно себе, као и основа, бит, суштина; главна одлика: – А дно је пјесника и дно богомољца, бојим се, исто.*

Из овог кратког прегледа који није претендовао на исцрпност, већ на приказ основних тенденција,⁷ може се видети како се *врх* и *дно* могу различито концептуализовати као горњи/предњи или доњи/задњи делови различитих ентитета од вертикалних (*врх брда*), преко искошених (*врх падине*), до хоризонталних (*врх стола*), од тродимензионалних (*врх брда*) до дводимензионалних (*врх хартије*), од конкретних (*врх брда*) до апстрактних (*врх српске културе*). Може се запазити и то да *врх* и *дно* ентитета немају исту прототипичну концептуализацију, јер је прототипични *врх* највиша тачка или део са спољашње стране објекта (*врх брда, врх куће*), а прототипично *дно* је хоризонтална површина са унутрашње стране објекта (*дно чаше, дно мора*). Међутим, *врх* може означавати простор са унутрашње стране објекта, испод његове горње граничне ивице: *Живим на врху солитера*, што значи *на последњем спрату* (испод крова). Истовремено, *дно* може означавати и доњи део објекта са његове спољашње стране (*дно брда, осветљено дно катедрале*). У апстрактном смислу, појаве на врху су оне које заузимају високо место на вредносној листи, док се појаве на дну разумеју и као оне које се налазе на најнижем месту вредносне лествице, али и као оне које подразумевају најдубљи, базични, суштински, најистинитији слој или тачку, па самим тим и вредносно високо котирану појаву. Концептуална анализа нас уверава како се значења лексема *врх* и *дно* у разним смеровима могу удаљити од прототипичног значења. За нашу анализу важна је констатација К. Расулић (2004: 78) у вези са флексибилношћу концептуализације *врха*: „Може се имплицирати део вертикалне површине око горње границе ентитета, горња површина, горња граница, неодређени простор око ње или сама највиша тачка.“

⁷ За детаљнију анализу концептуализације *врха* и *дна* исп. Расулић 2004: 77–94.

Из овога закључујемо да *врх* и *дно* (а слично је и са већином преосталих именица, у већој или у мањој мери) имају значења оријентира. Тешко се са сигурношћу може утврдити који део брда означава *врх брда*. Дакле, чак се ни у контексту често не може прецизно разоткрити значење ових лексема – месних оријентира.⁸

Управо та флукутирајућа, непрецизна, апроксимативна семантика представљала је семантички окидач за попредложавње именица *врх* и *дно* (као и већини осталих из те групе). Предлог *врх*, тако, остварује семантички паралелизам са именицом од које потиче. И он садржи семантичке компоненте које указују на „део вертикалне површине око горње границе ентитета, горња површина, горња граница, неодређени простор око ње или сама највиша тачка“. Кључна разлика је у томе што се предлогом не означава део појма у генитиву, већ однос тог дела према појму у генитиву. Именичке семантичке компоненте само су се у предлогу распоредиле на нов начин, а семантички садржај остао је суштински непромењен. Предлог је у овим случајевима пресемантизована именица. М. Стевановић (1989: 336–337) указује на најопштије значење предлога *врх* (и осталих десупстантивних предлога), а то је значење самог додира. Прецизније, према Стевановићу, „предлог *врх* означава да се нешто налази на горњој страни, више појма с именом у генитиву, било да га додирује или се налази у непосредној близини с те стране или доспева тамо.“

Прототипично значење предлога *врх* је аблативно (*Птица лети врх брда* = изнад брда), док је прототипично значење именице *врх* паргитивно (*Посматрам врх брда* = део брда на врху). И именица и предлог могу се концептуализовати као носитељи, исп. Антена се налази на *врху солитера* (Расулић 2004: 82), али и Оро гњездо *врх Тимора вије* (РСАНУ). У оба случаја радња се одвија на горњој површини ентитета. Антена, односно гнездо, само својом доњом површином додирује ентитет и слободно се горњим делом уздиже у простору.

„Само на први поглед, рекло би се да у примеру: *Врх оне боре на челу показаше се још две преко ње* (Стевановић 1989: 336) предлог *врх* значи *изнад*. Међутим, пошто је речено да су се две нове боре нашле преко постојеће, онда је јасно да *врх* значи у *горњем делу, обухватајући површину горњег дела*“ (Драгићевић, у штампи). Дакле, овде потврђено значење предлога сведочи о томе да се и предлог *врх* може односити на део ентитета (као именица од које потиче), а не само на простор изнад њега. Ово значење није типично за предлог, али постоји.

И предлог *врх* се као именица *врх* може „ментално ротирати“ за 90 степени, исп. *А коњи нам ВРХ ливаде нека пасу* (Стевановић 1989: 336). Будући да се из наведене реченице закључује да коњи треба да пасу на ливади, а не изван ње,

⁸ Посебно је питање улоге лексема са оријентационим значењем у језику. Језик понекад не трпи превише формално изражавање и уобличавање мере, па се у језицима развија цео систем различитих именована за непрецизно одређивање мере простора, количине, времена итд. Говорник ће радије рећи да је сипао *кашичицу шећера* у чај него *15 гр. шећера*, да је носио *нарамак дрва*, а не одређену количину дрва и сл. Оваквим избором лексичких могућности потенцира се да за говорну ситуацију није од значаја прецизно утврђена мера. Понекад је у комуникативном чину подједнако важно истаћи да прецизна мера није битна као што је у неким ситуацијама важно експлицитати прецизну меру.

предлог *врх* осим „хоризонталног“ значења, остварује и партитивно. Из овакве хоризонталне перспективе, настало је и значење које се односи на слагање одеће, нпр. *Обукао је кошуљу, џемпер и на врху капут* (разг.). М. Стевановић примећује да је ово значење често код предлога за означавање да се нешто ставља или већ налази са спољне стране одеће с именом у генитиву: *На девојци кошуљица, врх кошуље доламица*.

Апстрактном значењу именице *врх* – *врхунац*, *кулминација*, *највиши ступањ*; *најважнија ствар* одговара предлошко значење *изнад* (по вредности, важности, рангу): *Один је бог врх свих боговах. За то су људи љубили чисти живот, дух подизали врх свакога добра које пролази. Јер врх свега земног владам*.⁹

Предлог *дно* поседује сличну семантичку структуру као именица *дно*. И док се именици *врх* и предлогу *врх* разликује прототипично значење, именици и предлогу *дно* прототипично значење је оно којим се одређује доња површина са унутрашње стране садржатеља: *Птиче паде дно пучине*. Именица *дно*, баш као и предлог *дно*, има изразито оријентациону, непрецизну месну семантику. У Речнику САНУ стоји да предлог *дно* означава *испод, поред онога што је доле, на доњем крају; наниже, према дну (о правцу кретања)*. Дакле, овим предлогом може се означавати и место и правац, и место које је на дну неког ентитета и место поред онога што је доле. Ово последње значење је посебно занимљиво: *Чело главе копље пободоше, а дно ногу сабљу оставише*. Сабља се налази поред појма у генитиву, па је у предлог инкапсулирана двострука информација о месту њеног налажења. Као што именица може значити најудаљенију тачку, завршетак нечега што се хоризонтално простире, тако се и предлог може односити на крајње тачке хоризонтално постављеног ентитета: *Дно баите гајили су зечева*. Предлог *дно* може развити и нека апстрактна значења, по сличном моделу као именица *дно*, нпр: *Дно срца чувала је тајну* (= у дубини срца). Као што именица *дно* може развити апстрактна значења која се односе на нешто суштинско – најдубље, најтананије, најискреније у човеку, тако и предлог *дно* може одређивати место таквих апстрактних дубина.

ЧЕЛО. У систему попредложених именица, доминантан дистинктивни пар чине именице *врх* и *дно*, али један од парова чине и лекесеме *врх* и *чело*. Именица *чело* у свом основном значењу предствала *део лица изнад очију до ивице косе*. Основно значење указује на то да ова именица, као и већина других са способношћу попредложавања, има месно и партитивно значење. Са именицом *врх* повезује је то што означава горњи део, а од ове именице, као и од свих осталих из ове групе, одликује је то што једина има конкретно основно значење, јер се односи на део лица човека. Док је за све остале именице потребно утврдити прототипично значење (које би требало да је и основно), за ову именицу је јасно од којег значења треба поћи у анализи.

Када се користи за неживе објекте, именица *чело* обично значи *предњи део, предња, фронтална страна нечега, лице, фронт; фасада: чело куће* (РМС). Гранично значење (такође карактеристично за скоро све именице из ове групе) у овом секундарном значењу премешта се са површине на врху објекта на целу

⁹ Примери су преузети из Речника САНУ.

предњу површ, од врха до дна. Именица *чело*, и када означава врх и када се односи на предњу страну, нема тако широку дистрибуцију као именица *врх*. Она је застарела и обично се употребљава да значи део само неколико појмова. Ипак, и тако ограничена дистрибуција открива њене семантичке одлике: од значења врха вертикално постављеног ентитета, преко целе његове предње стране, до почетног дела хоризонтално постављеног ентитета, као у следећем значењу у Речнику Матице српске: *почетак, предњи редови какви колоне, масе у покрету; супр. зачеље*. – „Колона, брже“ – *преносило се од чела према зачељу*. У том клизању значења од врха вертикалног до почетног дела хоризонталног ентитета, пажњу привлачи следеће значење: *почасно место у врху стола; прочеље*:¹⁰ *сести у чело стола*. Сести у чело стола значи сести поред (испред) почетног дела стола. Означавање места поред појма исказаног партитивном синтагмом с именицом *чело*, постаће значајно у семантици предлога посталог од ове именице.

Синхронизацијски посматрано, сва наведена месна значења именице *чело* воде порекло од њеног основног значења које се односи на горњи део лица. Имајући у виду дијахронизацијски аспект, А. Лома (у штампи) доводи у везу просторна значења ове именице са прасл. *čedlo, рус. *начало* (*почетак*), а не са основним значењем именице *чело*. Овоме у прилог иду примери које он наводи за *горње чело* и *доње чело*. Да су просторна значења ове лексеме настала од значења *горњи део лица*, тешко би било објаснити *доње чело*. Према А. Ломи (у штампи), који је испитивао топонимију Светостефанске хрисовуље, „*горње чело* треба схватити као почетак, а *доње чело* као крај неке просторне целине (дола, потока, села) при кретању кроз њу, или обратно, зависно од тога да ли се иде узбрдо или низбрдо, узводно или низводно.“ Додаћемо овоме да постоји могућност да је данас основно значење именице *чело* и само могло настати од прасл. *čedlo (*почетак*). Данас је то значење примарно, али је у прошлости могло бити једно од значења ове именице, чије је основно значење било апстрактно и односило се на било какав почетак.¹¹

Не желећи да се упуштамо у порекло просторних значења именице *чело*, закључујемо оно што је важно за потребе овог рада: ова именица, као и друге из ове групе, може имати месно, партитивно значење. Део ентитета који означава налази се на граници са спољашњом средином, па у том смислу, кажемо да ова именица (као и *врх* и *дно*) има значење граничника и нема прецизну семантику, већ се она, у зависности од контекста, мења од дела вертикалног ентитета до дела хоризонталног ентитета, па и до позиције поред почетног дела ентитета.

Имајући све наведене одлике, именица *чело* имала је одговарајуће услове да се попредложи. У Речнику МС, као и у Једнотомнику, предлог *чело* неоправдано

¹⁰ У савременом српском језику, како је и показано у Речнику МС, *прочеље* је предњи део колоне, стола или других ентитета, а *заचेље* је крајњи део ентитета. Другачије, међутим, на то гледа Вук С. Караџић. Ево како он дефинише *зачеље* у свом *Рјечнику*: „горње чело, тј. мјесто наврх стола, је обично старјешина седи кад се руча или вечера.“ *Прочеље* није обрађено у овом речнику.

¹¹ П. Скок не наводи ову нашу претпоставку да српска именица *чело* и прасловенска *čedlo (*почетак*) имају исто порекло. Он их раздаваја, па тако именице *челник* и *прочелник* потичу од именице *чело*, док *начелник* потиче од именице *начело* (*почетак, initium*). За именицу *чело* Скок пише да је то балтословенска реч прасловенског порекла и да њена индоевропска основа гласи **qel-* (*стриштити, бити у висини*). Првобитно значење свесловенске именице било је *оно што је уздигнуто*.

је обрађен као хомоним именице *чело* и у том смислу лексикографи су направили изузетак у односу на све попредложене именице које нису означили као хомониме именице од које потичу.¹² Предлог *чело* не употребљава се у савременом српском језику. М. Стевановић (1989: 340) констатује да се овај предлог користи само уз „именице *глава* и, нешто ређе, с генитивом именице *сто* и *трпеза* или *софра* и врло ретко с ген. друге које именице.“ Као што именица *чело* може означавати горњи део ентитета, тако и предлог *чело*, према Речнику МС, може имати значење *изнад*, *врх* (*чега*). Основно значење именице *чело* и предлога добијеног од ње у истом су односу као основно значење именице и предлога *врх*. Као предлог *врх*, тако и предлог *чело* у том значењу не морају увек прецизно значити *изнад*, већ могу подразумевати и обухватање радњом самог горњег дела вертикалног ентитета. Као што именица *чело* може означавати и простор поред горњег дела појма у генитиву (*Сео је у чело стола*), тако и предлог *чело*, према Речнику МС, може значити и *покрај* (*чега*), *уза* (*што*). Примере за ова два значења предлога *чело* није лако раздвојити, а према нашој оцени, говорницима то и није био циљ, јер да јесте, употребили би предлог којим се прецизно одређује место некога или нечега у односу на појам у генитиву: *Невјеста му стоји чело главе* (нар. песма). *Чело главе копље ударише* (нар. песма). *Седи му чело главе, па плаче* (нар. приповетка). *Чело главе воду изведите* (В. Назор). *Седе чело куће на пригревци* (Б. Јакшић).¹³

КРАЈ. Баш као и именице *врх*, *дно* и *чело*, тако и *крај* примарно има партитивно значење. Део који означава налази се, прототипично, на завршетку неког ентитета. Ипак, нема исту семантику као *дно* јер се ентитет који има крај концептуализује, пре свега, као објекат који се хоризонтално распростире. О томе сведоче примери за основно значење ове именице у Речнику САНУ: *Дете отрча до краја стазе. На крају шуме оставили смо нашу оружану пратњу*. У односу на позицију говорника, крај је увек најудаљенији део. Један од два најфреквентнија одговора испитаника од којих је тражено да лексему *крај* допуне именицом у генитиву која им прво падне на памет био је *света* (*крај света*). Оно што је крај света за некога ко живи у једном делу света није исто што и крај за онога ко живи у другом крају, па се тим примером јасно показује специфичност ове именице у систему именица о којима говоримо – само она, за сада, означава део појма чија је позиција релативна. Пошто је крај најчешће део појава које се хоризонтално простиру, ако их говорник посматра са стране, а не унутар њих, онда хоризонталне појаве могу имати два краја. Ево примера из Речника САНУ који на то указује: *У крајевима њених усана било је много горчине*. Преко основног, просторног зна-

¹² У првом делу истраживања о конверзији именица у предлоге (Драгићевић: у штампи), узели смо став да однос између именице и предлога добијеног од ње, не може бити одређен као хомонимија, већ само као *граматикална* (или *граматичка*) *полисемија*. Многи руски научници (исп. Чепасова и др. 2007: 69; Ермакова: у штампи) продукте конверзије сматрају хомонимијом. Анализа семантичког садржаја именица и предлога добијених од њих коју спроводимо у овом раду треба јасно да покаже да је семантички садржај предлога само пресемантизован у односу на полазну именицу и да велики број истих сема (разуме се, са изузетком грамеме и архисеме, јер су у питању две различите врсте речи) сведочи о томе да су ове лексеме семантички повезане и да никако не могу бити хомоними.

¹³ Сви примери преутети су од М. Стевановића (1989: 340).

чења, именица *крај* лако развија временско значење и тада се односи на завршни исечак неке временске целине: *крај дана, крај месеца, крај године*, на шта се мисли и када се неке друге именице употребе у генитиву уз именицу *крај*, нпр. *крај живота, крај младости* итд, што, у ствари, значи крај временског периода који је одређен трајањем нечијег живота, младости итд. Ова именица је, затим, даље развијала своја значења и може означавати завршетак било какве појаве, предмета, стања итд.¹⁴

За потребе овог истраживања посебну пажњу заслужује значење ове именице обрађено као 1.а. у Речнику САНУ: *крајна линија која ограничава површину неког равног предмета, крајна ивица; део површине уз ту линију, периферна површина, страна нечега. – Крајем друма распео шатора*. Значење именице *крај* се, како видимо, од завршног, крајњег дела неког појма проширило и на граничну, крајњу, завршну бочну линију неког обично дужег ентитета, као што је, рецимо, *пут*, а затим и на део површине уз ту линију. На тај начин ова именица, као и све друге о којима је овде било речи, такође остварује оријентациону семантику – често нејасно означава границу и део простора око те границе. Тај простор око границе може бити део појма у генитиву или део простора изван појма у генитиву. И зато би се положај шатора у Вуковом примеру *Крајем друма распео шатора* могао схватити и као положај на месту где се пут завршава, али и положај уз бочну ивицу пута, и као положај уз ивицу пута на самој његовој површини, али и непосредно изван ње. Ово последње је, наравно, највероватније.

Управо оваква семантика именице омогућила је да се и она, као и све друге о којима смо говорили, попредложи и да основно значење предлога *крај*, као и скоро свих других предлога из ове групе, буде просторно, оријентационо и у вези са границом неког ентитета: *означава да се неко или нешто налази или креће сасвим близу, у непосредној близини онога што је означено именом у генитиву. – Домаћица стоји крај огњишта* (РСАНУ).¹⁵ Као што је већ речено, једна од две најфреквентније именице у генитиву којом су испитаници допуњавали лексему *крај* била је *света* (*крај света*), а друга гласи *пута* (*крај пута*). Пошто студентима није речено да ли је *крај* именица или предлог, значење ове конструкције може се различито тумачити, али чињеница је да се ова лексема фреквентно употребљава уз именице у генитиву које означавају ентитете који се хоризонтално растежу. То се односи, као што је приказано, на именицу *крај*, али и на предлог *крај*. Ово је запазио и М. Стевановић (1989: 318), анализирајући значења скоро синонимичних предлога *крај* и *код*: „*Код* означава једно одређено место у непосредној близини појма с именом у генитиву, а предлог *крај*, који такође може означавати исто такво место, уз то још одређује и место у близини појма означеног генитивом који се протеже на извесном просторном размаку.“ Ако се живот и збивања која га чине

¹⁴ Ево како су, на пример, студенти допуњавали лексему *крај* именицом у генитиву која им прво падне на памет: *крај места, града, села, поља, приче, везе, писма, сна, часа, филма, живота, рунде ...*

¹⁵ Вук Караџић је у свом *Рјечнику* само лексему *крај* од свих о којима се говори у овом раду обрадио као две лексеме – као именицу и као предлог. Вукови примери за именичко значење: *крај од мараме, отишао на крај свијета; у нашем крају тога нема; од краја до конца*. Вукови примери за предлошко значење: *Ђевојка сједи крај мора. Ђевојка је крај горе стајала*.

концептуализују као пут, онда се различити фактори који ремете или узрокују кретање по том путу концептуализују као ентитети размештени на путу и поред пута. Зато се и за њих користи предлог *крај*: - *Крај свих тих претњи и опасности, још уве је жив. Крај такве жене нисам био за министра.*

Значења именице и предлога *крај* као да се преливају једна у друге и сва су узајамно повезана, што њихово тумачење хомонимијом чини неодрживим.

ДУЖ. Именица *дуж* као математички термин означава *праву линију ограничену двама тачкама*. И остала, нетермиолошка, значења ове именице у вези су са хоризонталним протезањем нечега као мере. Хоризонтално протезање подразумева и обухватање тог простора, па је значење и ове именице, као и осталих из ове групе, месно. Водоравно простирање, као једна од основних семантичких карактеристика ове именице, пренесена је у процесу граматиклане полисемије и на предлог *дуж*. Овај предлог је у најближој вези са предлогом *крај*, јер као и предлог *крај* може означавати простирање у непосредној близини појма с именом у генитиву. Тај појам се простире водоравно, и то је обавезно у случају предлога *дуж* и често у случају предлога *крај*: *И ви други дуж Дунава, и ви други где је Драва. Уронимо ја и један инжењер дуж прокопа на мазрацима* (Стевановић 1989: 328). Друго значење овог предлога које региструју описни речници савременог српског језика, као и М. Стевановић (1989: 329), јесте значење *целом дужином* или *на целој дужини*: - *Па кренуше дуж села пјевајући. Распори га дуж трбуха*. Дакле, предлог *дуж* може се односити како на простор појма с именом у генитиву, тако и на простор непосредно поред њега, уз саму линију његовог хоризонталног простирања. Управо оваква семантика укључује предлог *дуж* у систем десупстантивних предлога у српском језику. И он, као и сви остали, има оријентациону семантику и означава простор који обухвата одређени појам, границу тог појма са спољашњом средином, као и простор непосредно изван појма у генитиву. Због тога често није лако прецизно одредити значење овог предлога. Тако, рецимо, М. Стевановић (1989: 328) у групу примера којима илуструје значење *простирања у близини* предлога *дуж*, наводи и примере које бисмо могли сврстати и у групу примера којима се илуструје значење *целом дужином*: *Били су своју војску поставили дуж све Црне Горе. Авлија се отегла дуж читавих њива*. Према нашој оцени, војска је била постављена целим пространством Црне Горе, а не изван њених граница. Авлија се простирала преко њива, а не поред њих.

Језичко осећање младих говорника савременог српског језика потврђује да предлог *дуж* има значење границе, њене површине и/или простора уз њу. Најчешћа спонтано осмишљена допуна лексеми *дуж* коју су дали студенти била је: *дуж пута*.¹⁶ Затим следи *дуж обале*, *дуж линије* и *дуж улице*, а појединачни одговори гласе овако: *дуж ивице*, *осе*, *хриди*, *ока*, *кривине*, *хоризонта*, *реке*, *дужи*, *круга*. Из ових одговора јасно се види и утицај именичке семантике на предлог. *Дуж* мора бити нека линија, и то, обично (али не и обавезно), права.

Та непрецизна, оријентациона месна семантика која обухвата границу и неодређени простор с њене једне и друге стране повезује овај предлог са осталима

¹⁶ *Дуж пута*, најчешћи одговор испитаника, видели смо, може се, у зависности од ширег контекста тумачити и као *целом дужином пута* и као *дужином поред пута*.

из ове групе. С друге стране, већина предлога (прототипично, али не и обавезно) односи се на делове ентитета који се пружају вертикално, док предлози *крај* и *дуж* чине подсистем јер се односе на хоризонтално пружање.

ПУТ И МЕСТО. Сасвим посебно место у овој групи имају предлози *пут* и *место* због тога што по много чему одступају од општих семантичких карактеристика које повезују остале предлоге из ове групе. Именица *врх* представља прототипичан случај попредложавања предлога, а све остале се више или мање удаљавају од тог прототипа и на овде описан начин групишу у подгрупе (нпр. *врх* и *дно*, *врх* и *чело*, *дуж* и *крај*). Ипак, постоје семантичке компоненте које их чине повезаном лексичком групом. *Пут* и *место* повезују се у некој мери са неким члановима ове групе, али немају компоненте које их уклапају у целу групу.

Именица *пут* семантички се додирује са именицом *дуж*. Према Речнику МС, *пут* у основном значењу представља *дуги и уски део земље у облику траке који служи за ходање и уопште кретање*. Именице *дуж* и *пут* повезује значење хоризонталног распостирања и улога повезивања двеју тачака. Пошто је *пут* дефинисан као *уски део земље*, може се рећи да је са осталим именицама у вези захвљајући томе што означава место и део неке површине. У предлошкој служби, међутим, *пут* значи искључиво *правац према коме, чему: к, према, у правцу, у смеру (у правом или пренесеном смислу)*. Свим осталим предлозима означава се и место исказано именицом, граница тог места са спољашњом средином или непосредна околина тог места. У случају предлога *пут* потпуно се губи семантичка веза са значењем именице и оно постаје право предлошко. У примеру: *Идемо пут Београда*, ни на један начин не може се успоставити семантичка веза са самим путем или његовом границом са околином. Ево како А. Белић (1998: 93), констатујући да је попредложавање именица *пут* и *место* другачије него попредложавање именица *врх*, *дно*, *крај*, *чело*, објашњава случај именице *пут*: „*Погледа пут сунца* значи *правац сунца*, па према томе и *према сунцу*. У овом последњем значењу *пут* се схвата као да одређује ближе генитив *сунца* и постаје предлог.“

Именица *место* има месно, партитивно значење и по томе је у вези с осталим именицама из ове групе (Речник САНУ: *простор у квантитативном смислу, односно мањи или већи део површине, обично ограничене, који се може употребити за пребивање, смештај и сл. некога или нечега, расположиви простор*). За разлику од осталих именица, њено месно значење није одређено на вертикалној или хоризонталној оси, није прецизирано ни као тачка, линија или већа површина, а не зна се ни да ли се распостире у горњем или доњем, почетном или завршном делу ентитета. Као предлог, *уз генитив неке именске речи казује да је појам у генитиву замењен неким другим појмом*. – *Бисер ти ишао из очију место суза. Место шума и паињака, беше ту густа шума.*¹⁷ А. Белић (1998: 93) о попредложавању именице *место* каже следеће: „*Сео је на место Петра* значи и *Сео је замењујући Петра*, где „*замењујући*“ одређује ближе Петра и јавља се већ у функцији предлога [...] У нашем језику предлог *место* (*Дошао је место мене* или сл.) значи начин, „*замењујући*“, што је као значење непознато гени-

¹⁷ Вук Караџић обрађује у свом *Рјечнику* лексему *место* као предлог у оквиру полисемантичке структуре именице *место* (1. *Der Ort, Platz*; 2. *vide варош*; 3. *мјесто мене*).

тиву; али под изнесеним приликама оно се у самој синтагми развило иако је, у ствари, генитив („мене“) по пореклу посесивни генитив који је првобитно ближе одређивао именицу *место*.“

ЗАКЉУЧНА РАЗМАТРАЊА. Из ове анализе могу се извући два за ово истраживање важна закључка. Први је да насупротив увреженом мишљењу да у основи конверзије лежи граматикализација, тј. губљење семантичких својстава именица или неке друге врсте полазних лексема (нпр. Шарих 1999; Бучар 2009), конверзију објашњавамо граматикалном полисемијом, тј. пресемантизацијом полазног садржаја. Резултат граматикалне полисемије није ново значење полазне лексеме (што је уобичајено за полисемију), већ нова лексема. Друго често навођено схватање јесте да су полазна лексема и лексема конверзијом добијена од ње у односу хомонимије. У овом раду доказујемо да тај однос не може бити хомонимичан, јер су изворна и циљна лексема у изразитој семантичкој вези.¹⁸

Други закључак се односи на чињеницу да предлози добијени од именица имају заједничке семантичке компоненте које су им омогућиле конверзију и да није необично то што тако мало именица у српском језику има способност попредложивања. Све оне имају месно, а већина их има и партитивно значење. Све се оне употребљавају уз именице у генитиву, а предлози добијени од њих имају непрецизно значење вршења радње око границе појма у генитиву (на самој граници или у њеној непосредној околини (унутар појма у генитиву или изван њега). Место вршења радње увек се тиче и онога што значи попредложена именица, па део именичке семантике прелази и у предлог.

Именице са способношћу попредложивања чине својеврсну семантичку мрежу са унутрашњом организацијом. Прототипична именица склона попредложивању је *врх*. Она има највише значења у служби предлога. У тој замишљеној структури, недалеко од ње су *дно*, *крај* и *чело*. Нешто даље је *дуж*. На периферији су *пут* и *место*, које по много чему одступају од семантичких карактеристика осталих лексема. У извесном смислу, унутрашња организација није у сагласности са употребом овако добијених предлога у савременом српском језику. Најчешће се употребљавају предлози *пут*, *крај* и *дуж*, ретко *место* (а често *уместо*), још ређе *дно* и *врх*, а најређе *чело*. Унутар структуре ових лексема постоје дистинктивни парови, као што су *врх* и *дно*, *врх* и *чело*, *крај* и *место*, *дуж* и *пут* итд. Доказ за то су и дефиниције у описним речницима савременог српског језика. Тако, рецимо, у неким дефиницијама именице *врх* у РСАНУ, лексикографи користе лексеме *чело* и *крај*: 2. *ужи*, *тањи*, *шиљастиви* или *слободнији*, *одвојенији* **КРАЈ**; *шиљак*. 3.а. *почетни*, *горњи*, *виши део* или **КРАЈ**, *граница*. 3.б. *први*, *предњи редово колоне*, *војних јединица у маршу*, *маса у покрету* и сл., **ЧЕЛО**. 3.в. *почасно место за столом*, **ПРОЧЕЉЕ**. Именица *дно* повремено у дефиницији понеког значења садржи именицу *крај*, нпр: 5. *Најудаљенији*, *крајњи део нечега што се уздуж простире*, *завршетак*, **КРАЈ**. Понеко значење именице *чело* дефинише се преко именице *врх*, нпр: 3. *почасно место у ВРХУ стола*, *прочеље*. Именица *место* у значењу 3.а. представља *предео*, **КРАЈ**, а важи и обрнуто, да се *крај* дефинише преко именице

¹⁸ Овај наш закључак није нов у лингвистици. Историју проблема и случајеве лексичко-граматичке полисемије у руском и енглеском језику детаљно је описала М. А. Стернина (1999).

место. Именица *пут* се у значењу 2.а. такође дефинише као *МЕСТО, земљиште којим треба проћи, пролаз*.

Ове семантичке везе међу именицама које могу да се попредложе сведоче о томе да тај процес није био случајан и да је изазван карактеристикама њихове семантичке структуре. И даље – конверзија као творбени процес дубоко је семантички условљена и треба је разумети и као семантички процес.

ЛИТЕРАТУРА

- Белић 1998:** Александар Белић, *О језичкој природи и језичком развоју*, књига I и II, приређивач Милка Ивић, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Бучар 2009:** Миљана Вуџар, „Gramatikalizacija i sekundarni prijedlozi glagolskoga i imeničkoga porijekla“, *Jezikoslovlje* 10.2, 183–216.
- Грицкат 1967:** Ирена Грицкат, „Стилске фигуре у светлу језичких анализа“, *Наши језик*, н.с, књига 16, свеска 4, 217–235.
- Драгићевић (у штампи):** Рајна Драгићевић: „О именицама у служби предлога“, *Јужнословенски филолог* LXVIII.
- Кликовац 2000:** Душка Кликовац, *Семантика предлога*, Београд: Филолошки факултет.
- Лома (у штампи):** Александар Лома, *Топонимија Светостефанске хрисовуље*, Библиотека Ономатолошких прилога, књ. 2: Београд: САНУ.
- Расулић 2004:** Katarina Rasulić, *Jezik i prostorno iskustvo*, Beograd: Filološki fakultet.
- Стевановић 1989:** Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик II*, четврто издање, Београд: Научна књига.
- Стернина 1999:** М. А. Стернина, *Лексико-граматическая полисемия в системе языка*, Воронеж: Изд-во «Истоки».
- Шарић 1999:** Ljiljana Šarić: „Gramatikalizacija i sekundarni prijedlozi (pomoću, s pomoću, uz pomoć)“, *Riječ* 5, sv. 1, 81–95.

ИЗВОРИ:

- ЕК:** Електронски корпус српског језика: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/>.
- Вук 1818:** Вук Стефановић Караџић, *Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма*, приредио Павле Ивић, Београд: Просвета. Нолит, 1987.
- Једнотомник:** Речник српског језика, Нови Сад: Матица српска, 2007.
- РСАНУ:** Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1–17, Београд: Српска академија наука и уметности, 1959– .
- РМС:** Речник српскохрватског књижевног језика, 1–6, Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

Скоп: Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV, Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Rajna M. Dragičević

SEMANTIC ANALYSIS OF DISPUTATIVE ADJECTIVES
IN SERBIAN LANGUAGE

Summary

This paper analyzes disputative adjectives in the contemporary Serbian language. The main goal was to investigate conversion as a type of word formation from the perspective of semantic changes, which as a result lead to conversion of one part of speech to another (in this case, nouns to prepositions). The separate analysis of semantic content of all seven nouns and prepositions formed by conversion process show that these nouns during the process of acquiring prepositional function do not undergo desemantization, i.e. grammaticalization of nouns (more frequently called), but they go through the process of pre-sematization of their semantic content. It is concluded that the relations between nouns and converted prepositions cannot be treated as homonymy, but as grammatical polysemy. In order to undergo the process of conversion nouns must meet certain semantic criteria described in this article.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ЕРМАКОВА*
КГУ КАЛУГА, РОССИЯ

КОНВЕРСИЯ И СИНХРОНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о конверсии в русском языке с точки зрения синхронии на материале некоторых частеречных транспозиций. Автор утверждает, что по отношению к синхронии конверсия не является надежным ресурсом словообразования, поскольку может создавать условия для нейтрализации частей речи и сам факт рождения нового слова, другой части речи, при этом нередко оказывается сомнительным.

Ключевые слова: синхрония, омонимия, позиция, нейтрализация, субстантивация, лексикализация.

К образованиям по конверсии в русском языке можно отнести явления частеречной транспозиции: прилагательное – субстантиват, существительное – наречие, наречие – предлог и другие. В этой работе ограничимся только названными.

Прилагательное – субстантиват.

Введение в научный обиход понятия субстантивации как синхронного способа образования, а не только исторического процесса перехода в существительные прилагательных и причастий, внесло определенную логику в изучение системы словообразования. Действительно, ограничение субстантивации с точки зрения синхронии лишь теми явлениями, когда в языке сосуществуют и прилагательное, и субстантиват, устанавливает отношения между этими единицами как отношения производящего и производного, то есть так, как в любой словообразовательной паре.

Но это не избавляет нас от необходимости различать эти единицы, как всякие омонимы (в данном случае грамматические). Находясь в синтаксических позициях, характерных только для одного из омонимов, они четко различаются: *глухой глухого звал к судью судьи глухого*. В данном случае не вызывает сомнения, что первые две словоформы – субстантиваты, а третья – прилагательное. Однако эти словоформы нередко оказываются в позиции, равно возможной и для существительного, и для прилагательного – в позиции предиката, которая становится для них позицией **нейтрализации**. Ср.: *Он – глухой (слепой, хромой, больной,*

---

* e-mail: liter@kspu.kaluga.ru

здоровый, взрослый, безумный). Жизнь пренеприятная штука, но сделать ее прекрасной очень нетрудно. Для этого даже в минуты скорби надо радоваться сознанию, что «могло быть и хуже»: Радуйся, что ты не хромой, не слепой, не глухой, не немой, не холерный (Чехов, Жизнь прекрасна). Ср. также: Он больной, что может соответствовать и прилагательному, и субстантивату.

В разговорной русской речи нередки контексты: Я (он) уже взрослый (большой), не больной, не сумасшедший. Что вы хотите от него? Он же безумный и т.п.

Неразличение субстантивов и соответствующих им прилагательных, естественно относится к образованиям от качественных прилагательных: относительные (если не приобрели качественного значения) в позиции предиката не употребляются.

Как показывают наблюдения, в позиции нейтрализации оказываются субстантиваты – имена лиц от качественных прилагательных и сами эти прилагательные, а также имена отвлеченных понятий и соответствующих качественных прилагательных – новое, старое, далекое, прекрасное, неприятное, страшное, важное и т.п. Это решение для меня самое важное (?). Ср. также: Объяснение с отцом было самое неприятное, что может соответствовать двум разным высказываниям. 1. Объяснение с отцом было самым неприятным из неприятных объяснений этого дня (прилагательное). 2. Объяснение с отцом было самое неприятное, что пришлось испытать за этот день (субстантиват).

Естественно, что при несоответствии в роде подлежащего и сказуемого нейтрализация снимается: Его речь на ученом совете – самое потрясающее, что я слышала на этих днях (субстантиват).

Отметим, что кроме факта сосуществования прилагательного и соответствующего субстантивата, важна и употребительность каждого из этой пары, в частности, в определенной сфере языка. Так, слово больной в ситуации больницы уже закрепилось в качестве субстантивата со специфическим значением ‘пациент’. И не только в такой сильной позиции, как прием больных, привезли больного и т.п., но и в позиции сказуемого, обычно – позиции нейтрализации. Кто это ходит по коридору? Это больной из 5-ой палаты. Больной, войдите в палату. Впрочем, и врач, приходящий по вызову, обычно говорит: Где больной? Таким образом, специализация значения субстантивата «избавляет» его от нейтрализации.

В судебной практике слова подследственный и подзащитный практически не употребляются в качестве прилагательных, также как имеющие природу причастий слова подозреваемый, обвиняемый и пострадавший, потерпевший, погибший. Кроме того формы на -ви-ий, как и на -ац-(ий), -ущ (ий) в русском языке могут быть в позиции сказуемого только при условии адъективации или субстантивации (опухший, обрюзгший, падиший, мыслящий и т.п.). Ср.: *Он был читающим письмо, выходящим на улицу и т.п. Но: Он не очень способный, но думающий; Ему не нужно быть ведущим. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая (Чехов, Дама с собачкой).

А формы на **-ем-ый, -им-ый, -ом-ый** как причастия вообще малоупотребительны в русском языке, чаще в разных позициях они субстантиваты или адъективаты. *Я – обвиняемый? Нет, пока только подозреваемый; Девочка вполне обучаемая; Я главный. А сзади: «Ну чтоб я сгорел! Где же он, мой ведомый?»!* (В. Высоцкий. Песня самолета-истребителя).

В ситуации поездки по железной дороге слова *отъезжающий, провожающий* – субстантиваты в любой позиции: *Вы – отъезжающий? Нет, я – провожающий.*

Фактически в этих словах также наблюдается лексикализация: *отъезжающий* – ‘пассажир, отправляющийся транспортом дальнего следования’. Человека, который собирается поехать городским трамваем (автобусом и т.п.) не называют *отъезжающим*, а того, кто провожает его – *провожающим*.

Кроме позиции сказуемого «уязвимой» для различения субстантивата и прилагательного в ряде случаев бывает близкая к сказуемому в силу своей полупредикативности позиция обособленного определения, где адъективную словоформу нельзя отграничить от приложения: *Ему бы дома сидеть, деньги зарабатывать, а он, ненормальный, все в горы, на лыжах носится*. Ср. также: обращение или обособленное определение? *Я уже взрослый. Ну ты, взрослый, может быть, помоешь посуду?*

Более редкие случаи нейтрализации, однако возможные, это постпозитивное употребление родительного зависимого – субстантивата или прилагательного. Ср.: *Брата раненого отвезли домой.*

Для прилагательного такое употребление – инверсия, для существительного (и следовательно, субстантивата), – напротив, – нормальный прямой порядок слов. Определение словоформы *раненого* как части речи зависит от ситуации: кто ранен – некто не названный или *брат* (тогда *раненый* – прилагательное). Если речь идет о брате человека, которого ранили, – *раненый* – субстантиват. Ср. пример из Лермонтова: *Однажды русский генерал из гор к Тифлису приезжал, ребенка пленного он вез* («Мцыри»). Здесь, исходя из ситуации, все определяют *пленного* как прилагательное, тем более что в поэтической речи инверсия – явление частое. Но отвлекаясь от поэтического контекста и более достоверной ситуации, думается, истолкование *пленного* как родительный падеж субстантивата вполне возможно.

Таким образом, когда мы имеем дело с чистой конверсией (без лексикализации одного из омонимов), позиция предиката и некоторые другие оказываются позицией неразличения прилагательного и субстантивата, что делает конверсию ненадежным средством словообразования.

Напомню, что позиция сказуемого является позицией нейтрализации не только для образования путем субстантивации, но и для различения прилагательных (кратких) и безличных предикативов на **-о** (так называемых слов «категории состояния» – по Л.В. Щербе и В.В. Виноградову): *Слышно пение, видно поле, видно, как пришел пароход* и т.п. Нейтрализация в таких случаях начинается с формы падежа – Им. или Вин., поскольку *слышно пение* может соответствовать и *слышна песня* и *слышно песню*. Отсюда нейтрализация на уровне частей речи

– краткое прилагательное или безличный предикатив: прилагательные не могут управлять винительным падежом без предлога, а некоторые слова категории состояния могут. Неразличение частей речи ведет к нейтрализации синтаксических структур – безличность – небезличность.

Разумеется, есть круг лингвистов, не считающих безлично-предикативные слова особой частью речи, но это уже другой вопрос.

Существительное – наречие.

Хотя мне уже приходилось высказывать некоторые соображения об омонимии словоформ – существительное – наречие) [Ермакова 2000, с. 101 – 107], представляется необходимым здесь кое-что повторить и кое-что уточнить.

Если признавать, что словоформы [*в*]даль, [*в*]дали, *утром, вечером, летом* и т.п. в определенных позициях являются наречиями (а можно и не признавать!), то, на наш взгляд, они образованы не аффиксально, а являются результатами конверсии, и позиция обстоятельства, равно возможная и для наречия, и для существительного, при отсутствии характерного категориального признака существительного (определения) оказывается позицией неразличения этих омонимов: позицией нейтрализации.

Если же мы отрицаем существование таких омонимов, считая, что в любой позиции имеем дело с существительными, то, естественно, о нейтрализации говорить не приходится.

Это в полной мере относится и к омонимии (?) существительное – предлог. В этих случаях придется принимать на веру общепринятые суждения (хотя, как известно, они не всегда бывают бесспорными).

Отношение прилагательное – субстантиват таких примечаний не требует: существование субстантиватов, рассмотренных выше, наряду с соответствующими прилагательными ни у кого не вызывает сомнений.

Существительное – предлог.

В сферу словообразования не включают, как правило, служебные слова. Значительная часть их либо непроизводна, либо их производность относится к сфере исторического словообразования. В этой работе я хотела бы немного остановиться на отношении к конверсии так называемых вторичных предлогов. Хотя, как уже говорилось, служебные части речи не рассматриваются в системе синхронного словообразования, однако по отношению к предлогам традиционно используется термин – «производные».

К вторичным предлогам многие исследователи и авторы учебных пособий и различного рода справочников относят словоформы *во время, с целью, по причине, в отношении*, см. [Черкасова 1955; 1967; Бондаренко 1961; Рогожникова 1983; Розенталь Теленкова 1976; Современный русский язык 1981 и др.].

В состав этих словоформ входят существительные, называющие определенные логические концепты, соответствующие значениям предлогов: *время, причина, цель* и т.д.

Очевидно, что эти словоформы не подверглись лексикализации (в отличие от предлогов *в силу*, *ввиду*, *во имя* и др.) и могут быть отнесены к образованиям по конверсии.

Несмотря на то, что отнесение этих словоформ к предлогам в настоящее время является почти общепризнанным, возникает вопрос: так ли уж бесспорны основания для этого решения?

Уже отмечалось (да это и очевидно), что, в отличие от вторичных предлогов типа *благодаря*, *ввиду*, *в силу* и др., которые обособились от своих «прародителей» семантически, словоформы типа *во время* никаких семантических изменений не претерпели. Если предложное сочетание *ввиду* с течением времени приобрело отвлеченное значение причины [Черкасова 1955: 104-108], то словоформы *во время*, *по причине*, *в целях* и под.соответствующие отвлеченные значения имели изначально, будучи существительными.

Какие признаки этих словоформ позволяют относить их к предлогам?

В качестве признаков предлогов у данных словоформ отмечаются: двусторонняя синтаксическая связь (с глаголами с одной стороны, и с существительными – с другой) и невозможность функционирования в роли самостоятельных членов предложения.

Достаточно ли этого для зачисления тех или иных языковых единиц в предлоги?

Образованию вторичных предлогов, в том числе отыменных, посвящено обстоятельное исследование, в котором проанализирован огромный материал [Черкасова 1967].

Но некоторые исходные положения этой работы, как мне теперь представляется, требуют уточнения. Это, в частности, положение о том, что предлог отличается от существительного двусторонними связями, для существительного же характерна односторонняя: «либо с предшествующим, либо с последующим словом» [Черкасова 1967: 18].

Разумеется, существительное, в отличие от предлога, не обязано иметь двустороннюю связь¹, это не входит в его функции, но, как известно, существительное может быть не только зависимым словом (в первую очередь по отношению к глаголу).

Важной синтаксической особенностью существительного является его способность иметь при себе, кроме согласованного определения, и зависимый родительный падеж другого существительного. Другие падежные формы присоединяются к существительному по потребностям коммуникации, но зависимость родительного беспредложного – категориальное свойство существительного, этим оно (как и адъективными определениями) отличается от местоименного существительного [Щерба 1915: 83].

Естественно, что, попадая в зависимое положение, существительное может реализовывать и свои права как главного слова и тем самым осуществляет

¹ О сомнительности критериев квалификации словоформы *в отношении*то как предлога, то как существительного (*в отношении чего-то*, но *в этом отношении*) писал Д.Н. Шмелев [Шмелев 1961: 500].

двустороннюю связь. Для этого ему не нужно обладать отвлеченным значением, иметь в семантике «элемент релятивности». Примеры неисчислимы. Их можно было бы и не приводить, но некоторые все же приведу. Ср.: *Мы вышли из дома лесника (подошли к дому лесника, остановились за домом лесника и т.д.)*. Не будет иметь двусторонней связи только Им.п. *Дом лесника оказался поблизости*. Ср. также: *Встретился с братом жены; купил учебник истории; открыл магазин канцтоваров; продал дом отца; повторил судьбу матери и т.д.*

Эти факты общеизвестны, хочу только лишний раз обратить внимание на то, что двусторонняя связь – с глаголом, с одной стороны, и с управляемым существительным, с другой стороны, – никак не может быть различительным признаком предлога при сопоставлении его с существительным (а не наречием).

Неспособность к самостоятельному синтаксическому функционированию тоже не может быть надежным критерием препозициональности словоформы при отграничении ее от существительного: целый ряд существительных, называющих отвлеченные категории или параметрические понятия, не могут функционировать в качестве членов предложения без проводителей. Ср. существительные *свойство, цвет, размер, рост, вес, цена, высота, длина, форма* и др., которые лишь в определенных позициях могут обходиться без зависимых слов: обычно в высказываниях, содержащих истолкование понятия. Ср.: *Цвет – это ‘свойство света вызывать определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения’*. Но в других условиях их несамодостаточность требует конкретизатора. Ср. невозможность *он был (...)* *роста, имел (...)* *размер (цену, свойство)* и т.д.

То же относится и к словам *время, причина, цель, отношение* и под. Поэтому нельзя сказать: *это началось со времени... (во время и т.д.)*. А в сочетании *в это время все и началось, это произошло во время правления Петра* субстантивные словоформы функционируют только вместе с распространителями. Таким образом, и этот признак сам по себе не работает в каждом случае на разграничение предлогов и существительных.

Но, может быть, мы имеем дело с таким обособлением предложно-падежной формы существительных *время* и под., когда только именно эта форма, и только она одна, употребляется для выражения двусторонней связи, а остальные формы утратились или не могут иметь двустороннюю связь?

Цель моих дальнейших рассуждений заключается в том, чтобы показать, что вряд ли можно считать предлогом эту словоформу и следовательно, еще раз отметить ненадежность образования по конверсии в русском языке с точки зрения синхронии.

Почему-то для зачисления в предлоги предпочтение отдано только одной словоформе существительного *время – во время*. Но ведь совершенно аналогично ведут себя и другие предложно-падежные формы этого существительного. Ср.: *это произошло во время правления Петра; это началось со времени правления Петра; это относится ко времени правления Петра; это приходится на время правления Петра; это наблюдается со времен правления Петра, идет еще из времен правления Петра*.

Почему же эти предложно-падежные словоформы не включаются в состав предлогов? Думается, у нас нет оснований считать, что словоформа *во время* «перешла в предлог».

Что же это в таком случае? Возможно, это синкретичная словоформа? Но синкретизм в нашем понимании предполагает сочетание ярко выраженных свойств, характерных для разных объектов. Такой, например, словоформой, сочетающей в себе признаки прилагательного и существительного, является относительное местоимение *который*: словоизменительные, согласовательные категории рода и числа, как у прилагательного, управляемая или независимая форма падежа; синтаксические функции, типичные для существительного.

Но в случае типа *во время*, как отмечалось, признаки предлога вполне могут быть свойственны и существительному.

Решение может быть предположительно такое: перед нами случаи нейтрализации различий существительного и предлога. Для нейтрализации, как известно, нужна позиция (о семантической и формальной нейтрализации в морфологии см.: [Булыгина 1969: 315, Панов 1998: 282 – 284]).

Такой (слабой) позицией для слов, лексические значения которых соответствуют семантике предлогов, является позиция с двусторонними синтаксическими связями.

Очевидно, что в некоторых случаях мы можем говорить о сильной позиции для рассматриваемых словоформ. Таковой, на наш взгляд, можно считать конструкцию с согласованным определением при сохранении двусторонних синтаксических связей. Например: *Он жил в это смутное время правления Петра*. В сильной позиции, как и ожидалось, перед нами существительное.

Таким образом, наблюдения показывают, что конверсия по отношению к синхронии не является надежным ресурсом словообразования, во-первых, потому, что создавая омонимы, может создавать условия для нейтрализации, а во-вторых, нередко оказывается сомнительным сам факт рождения нового слова, другой части речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В.С. Предлоги в современном языке. М., 1961.
- Булыгина Т.В. О нейтрализации синтаксических оппозиций // Единицы разных уровней грамматического строя русского языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Ермакова О.П. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительных // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971.
- Ермакова О.П. Аффиксальное словообразование или нейтрализация на уровне морфологии // Wortbildung: interaktivim Sprachsystem – interdisziplinärs Forschungsgegenstand. Innsbruck, 2000.

- Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989.
- Панов М.В.* Трансформы и нейтрализация // Лики языка. М., 1998.
- Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I – II. М., 1958.
- Рогожникова Р.П.* Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Современный русский язык: В 3 ч. / Под ред. Л.Ю. Максимова. М., 1981. Ч. 2
- Черкасова Е.Т.* К изучению образования русских отыменных предлогов // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
- Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.
- Шмелев Д.Н.* К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Изв. АН СССР. Отд-ние лит.и яз. 1961. Т. XX. Вып. 6.
- Щерба Л.В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

Olga P. Jermakowa

KONVERSION UND SYNCHRONIE

Zusammenfassung

Möchte ich sagen, daß Conversion im Russischen ist «unzuverlässiger» ein Wortbildungstyp in synchronische Sicht, denn führt zur die Neutralisierung der Redeteils.

ЄВГЕНІЯ А. КАРПІЛОВСЬКА*

ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НАН УКРАЇНИ, КИЇВ

АКТИВНІ РЕСУРСИ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО СЛОВОТВОРЕННЯ

Абстракт. Об'єкт розгляду в статті становлять активні словотворчі ресурси сучасної української номінації. Аналіз новотворів дає змогу визначити функціональний потенціал засобів вираження певних категорійних і розрядних словотвірних значень, їх градацію, спектри дії та продуктивність. У такий спосіб окреслено ядро і периферію окремих категорій, розрядів похідних і словотвірної підсистеми сучасної української мови, вияви динаміки її словотвірної норми.

Особливу увагу приділено умовам формування нових ресурсів українського словотворення, причинам пасивізації/активізації уже наявних засобів, а також конкуруванню ресурсів, зокрема питомих і запозичених (засвоєних і засвоюваних). Вирізняє різні типи активності словотворчих ресурсів: 1) стабільну; 2) набуту (активізацію); 3) втрачену (пасивізацію) і 4) втрачену. Для аналізу мовного матеріалу використано дослідницьку систему «МОРФОЛОГ», створену для роботи з комп'ютерним морфемно-словотвірним фондом української мови Інституту української мови НАН України.

Ключові слова: словотворчі ресурси мови, новотвір, функціональний потенціал новотвору, динаміка словотвірної норми.

Тема, яку сербські колеги запропонували для обговорення на черговій конференції Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славістів, – «Словотворення та його ресурси в сучасних слов'янських мовах» – відображає переконання славістів у тому, що інтенсивний розвиток слов'янських мов у кінці ХХ-на початку ХХІ століття спричинює потребу ретельного вивчення арсеналу засобів їх номінації, передусім словотворення як провідного в їх лексиконах. Те, що ми, завдяки активній роботі нашої Комісії, маємо змогу оглянути ситуацію в словотворенні своєї рідної мови на тлі словотворення інших слов'янських мов, дає потужний імпульс і надійне підґрунтя для висновків про типове й відмінне, національно самобутнє в тенденціях розвитку сучасного слов'янського словотворення. З описів окремого постає загальна картина сучасної слов'янської словотвірної номінації в стабільності й динаміці властивих їй засобів, способів і моделей побудови слів. Вивчення ресурсів, власне, і дає нам

---

* e-mail: karpilovska@gmail.com

відповідь на питання, яке свого часу сформулював Л.В.Щерба, «як роблять слова». Водночас, аналізуючи нові слова, які поповнюють корпус мови, ми дістаємо відповідь і на інше щербівське питання, – що з того, з чого вже «зроблено слова», зберігає свою активність, чи то залишаючись незмінним, чи змінюючи форму й набуваючи нових значень, функціональних властивостей, відповідаючи на нові запити мовців, як перебігає конкурування словотворчих ресурсів, якою мірою активні ресурси підтримують типологічні риси національномовної номінації, захищають її самобутність у сучасних обставинах глобалізації. Відповіді на ці питання дають нам розуміння соціальних, когнітивних і комунікативних чинників, які регулюють реалізацію словотворчих ресурсів слов'янських мов, спричинюють їх активність чи пасивність в оновленні їх словникового складу.

Від часу появи перших граматики української мови (див. наприклад, «Граматику малороссийского наречия» О.П.Павловського (Санкт-Петербург, 1818) словотворчі ресурси більшою чи меншою мірою, але незмінно перебувають у полі зору її дослідників. Однак термін і його визначення в українській лінгвістичній традиції, а саме: трактування словотворчих ресурсів як складника системи мови, окреслення їх складу й місця у ній знаходимо лише в праці «Вчення про словотвір: словотворчі частини слова» (1958) фундатора школи української дериватології І.І.Ковалика. Утім, свою дефініцію І.І.Ковалик сформулював, спираючись на міркування І.О.Бодуена де Куртене, Л.А.Булаховського та інших учених, що доводить тяглість традиції вивчення словотворчих ресурсів у славістиці: «У процесі творення слів використовуються різні мовні величини – від морфем, кореневих і афіксальних (префіксальних, суфіксальних), через похідні основи аж до словосполучень і цілих речень» [Ковалик 2007: 92]. Крім самих засобів творення слова, І.І.Ковалик залучив до ресурсів також способи словотворення, з якими вони пов'язані і за допомогою яких виконують своє призначення – будувати нове слово. На думку І.І.Ковалика, до словотворчих ресурсів входить «весь мовний будівельний матеріал, з якого вже утворились або ще утворюються нові слова різними словотворчими способами» [Там же]. У цій своїй програмній праці І.І.Ковалик подав докладну схему взаємозв'язків словотворчих ресурсів і способів словотворення, що їх використовують. Важливим для наших дальших міркувань є і висновок І.І.Ковалика про різну міру активності словотворчих ресурсів у збагаченні лексичного складу мови. Він, зокрема, наголошував на тому, що увагу дослідника мають привертати як причини й наслідки активізації ресурсів у певний період розвитку мови, так і передумови згасання їхньої активності або й повної її втрати. До тих координат дослідження активності словотворчих ресурсів мови, які визначив І.І.Ковалик, додамо лише одне уточнення. Між ресурсами та способами їх реалізації для творення нового слова пролягає розмаїта зона конкретних зразків, моделей словотворення, які й слугують інструментом втілення словотворчих ресурсів у новій похідній одиниці номінації. Таке трактування поняття «словотворчі ресурси», на нашу думку, цілком відповідає значенню етимона слова *ресурси* – латинського дієслова *resurgere* «знову виникати, з'являтися», адже для того, щоб створити нове, потрібні і сировина, і інструмент, і зразок того, як це нове побудувати.

Вивчення активності ресурсів передбачає передусім введення чинника часу. У розпорядженні українських дослідників на сьогодні є фактографічні джерела, які дають змогу вивчати склад, спектри функціонування та активність словотворчих ресурсів на різних часових зрізах і в різних суспільних обставинах побутування української мови. Це: комп'ютерний морфемно-словотвірний фонд української мови (далі – МСФ), формування якого розпочалося під керівництвом Н.Ф.Клименко в 1988 р. у відділі структурно-математичної лінгвістики Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні НАН України (з 2011 р. цей колектив працює в Інституті української мови НАН України). Цей фонд дає картину словотворчих ресурсів української мови, засвідчену авторитетними й показовими за своїми реєстрами словниками, виданими протягом 1970-1989 рр. Зокрема, серед джерел формування МСФ – 2-томний «Частотний словник сучасної української художньої прози» за редакцією В.С.Перебийніс (К., 1981), в основі якого півмільйонна вибірка текстів, показових для стану українського лексикону середини ХХ століття. Реєстр слів МСФ, який налічує понад 177 тис. одиниць, дає змогу судити про словотворчі ресурси нової української мови від І.П.Котляревського (кінець ХVІІІ ст.) до кінця 1980-х років, враховуючи нові слова, вміщені в таких джерелах формування фонду, як додаток на літери А-П до ХІ тому академічного тлумачного «Словника української мови» (К., 1980; далі – СУМ) та орфографічна частина «Словника-довідника з правопису та слововживання» С.І.Головащука (К., 1989). Для роботи з реєстром ми разом з математиком-програмістом В.С.Карпіловським створили спеціальну інформаційно-пошукову дослідницьку систему «МОРФОЛОГ» [Карпіловська 2006: 94-106].

Рис. 1. Головне меню системи «МОРФОЛОГ».

Запропонований інтерфейс (див. рис. 1-3) дає змогу вивчати склад ресурсів українського морфологічного словотворення за широким спектром їх формальних,

Зауважимо також, що сучасні українські електронні ресурси уможливають вивчення функціонування словотворчих ресурсів в історичній перспективі. Наприклад, корпус словників XIX-першої половини XX ст., який підготувало і безкоштовно удоступнило в Інтернеті (див. сайт www.r2u.org.ua) київське видавництво «К.І.С. («Київ-Інформ-Сервіс»)), дає змогу вивчати словотворчі ресурси української мови цього часу в зіставленні з їх долею в українському лексиконі другої половини XX ст., яку унаочнив уже згадуваний МСФ. Водночас комп'ютерний фонд інновацій в українській мові (далі – КФІ), який колектив відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України формує від 2006 р. за матеріалами українських ЗМІ, художньої і наукової літератури, публіцистики, українськомовної інтернет-комунікації, подає тенденції використання наявних словотворчих ресурсів та їх оновлення в сучасній мовній практиці.

МСФ з його детальним описом словотворчих ресурсів української мови на кінець XX ст. слугує нам еталоном для зіставлення з їх станом у першій половині XX ст. і на початку XXI ст., за вже понад 20 років функціонування української мови в статусі мови держави. Унаслідок такого зіставлення словотворчі ресурси української мови на початку XXI ст. поділяємо на *наявні в попередньому стані мови*, тобто засвідчені МСФ, *нові та відновлені*, або не засвідчені у МСФ, але наявні в корпусі «К.І.С.». МСФ зафіксував для створення понад 177 тис. слів (простих і складних) 21363 корені (йдеться про морфи), 145 префіксів, 2426 суфіксів, 42 флексії та 9 міжкоренових прокладок (формативів). Для з'ясування характеру реалізації окремих морфем у структурі слова було визначено спектри властивої їм омографії (варіювання змісту в межах однієї форми) та варіантності (варіювання форми в межах того ж змісту). Спектри формального й семантичного варіювання словотворчих ресурсів цікавлять нас не лише в аспекті параметрів їх системної організації, упорядкування, а й з погляду збереження в сучасній словотвірній номінації типологічних рис української мови, виявлених у словотвірній морфотактиці та морфології. Наприклад, для коренів встановлено, що спектр їх омографів може містити від 2 до 14 одиниць (корінь **пол-** у словах *поле, полиця, пола, ватерполіст, космополіт, монополія, білополя* та ін.), а ряд варіантів – від 2 до 21 одиниці (аломорфи кореня **вод-** у словах *водити, вести, провідник, вождь, проводжати, вожатий, віжки, поводдя* тощо).

Отже, засоби словотворення розглядаємо в опозиціях: 1) варіабельні-неваріабельні (за формою та/або змістом), 2) одно-багатофункціональні, 3) складні-прості, 4) питомі-запозичені, 5) продуктивні-непродуктивні, 6) активні-неактивні. При цьому спираємося вже на досить давню традицію розрізнення продуктивності й активності засобів словотворення. У термінах М.Докуліла це опозиція системної продуктивності як кількісної переваги певного словотворчого засобу в межах системи мови, як вимір його словотвірного потенціалу та емпіричної продуктивності як реалізації цього потенціалу у сьогочасній мовній практиці, кількісний вимір його продуктивності в межах тексту. Взаємозалежність системи мови й мовної практики (тексту), з одного боку, виявляє тиск системи на вибір мовцем ресурсу для створення нового слова, а з іншого, – тиск завдань мовної практики, мовних смаків спільноти на систему словотворчих засобів, її

склад і пріоритети в номінуванні. Перебіг цих процесів відбувається в рамках загальних тенденцій розвитку як української, так і інших слов'янських мов: інтернаціоналізації-націоналізації, інтелектуалізації-демократизації, генералізації-диференціації мовних засобів, динаміки мовних норм [Ohnheiser 2003; Клименко/Карпіловська/Кислюк 2008].

Як «здатність морфеми (кореня, афіксів) брати участь у творенні нових слів або граматичних форм» трактує її активність Н.Ф.Клименко [Клименко 2007: 392]. Такого ж погляду на активність словотвірного типу як на «здатність поповнюватися новими похідними словами» [Активность словообразовательного...2008: 504] й словотвірної моделі як її здатності «служувати зразком для створення нових слів» [Активность словообразовательной...2008: 505] дотримуються й автори одного з останніх енциклопедичних словників-довідників з лінгвістичної термінології за редакцією О.М.Тихонова й Р.І.Хашимова.

Аналіз новотворів дає підстави виділити кілька типів активності наявних, нових і відновлених словотворчих ресурсів і з'ясувати їх причини:

1. **Стабільна активність.** Саме такий тип активності свідчить про належність певного словотворчого ресурсу до стабільного ядра словотвірної системи мови і водночас про його провідну роль у підтриманні типологічних рис української словотвірної номінації. Як засвідчують українські словники ХІХ-ХХІ ст., стабільну активність у творенні нових якісних і відносних прикметників виявляють суфікси **-н(ий)/-льн(ий)**, **-ов(ий)/-ев(ий)/-єв(ий)**, **-ськ(ий)/-івськ(ий)**, однак характер вияву такої активності в них різний. Це дає змогу встановити саме їх аналіз у межах певних семантико-функціональних рядів. У переважній більшості спільнокоренових пар вони виступають як дублети і в загальній мовній практиці такі прикметники вживають як взаємозамінні конкуренти [Таран 2011]. У цьому переконують такі новотвори, як *мережєвий – мережний, есемєсовий – есемєсний, дайджєстовий – дайджєстний, бізнесєвий – бізнесний, інтернетєний – інтернетєтовий – інтернетєвський* та ін. у ролі означень тих самих слів, пор.: *мережєва – мережна пошта (етикєт, адреса, єєvіс)*. Між тим на активність цих суфіксів можуть впливати як внутрішньо-, так і позамовні чинники, зокрема, закони української словотвірної морфології та морфотактики або нормативні настанови певного часу чи навіть мовна мода. Наприклад, відсутність прикметників із суфіксом **-н(ий)** від іменників з основами на приголосні, зокрема задньоязиковє г, спричинює дія закону милозвучності, який блокує творення прикметників з цим суфіксом з метою уникнути скупчення приголосних на стику основи й суфікса. Крім того, більшу активність суфікса **-ов(ий)** в творенні прикметників від іменників такої форми підтримує також тенденція зберігати без морфологічних змін іншомовну основу, пор. наявність прикметників *ємєйловий, бодибїлдинговий, рейтингєвий* та інших і відсутність прикметників на кшталт **ємєйльний, *бодибїлдинжний, *рейтингєний*. Водночас втрата активності суфікса **-н(ий)** у творенні прикметників від іменників (віддієслівних і відіменникових) із суфіксом **-к-** у фіналі основи і зростання активності суфікса **-ов(ий)** зумовленє зміною в нормі сучасного українського словотворення, її відходом від калькування російських зразків. Крайнім виявом усунення таких кальок стає заміна словотворчого

ресурсу. Щодо обговорюваних прикметників, то їх у сучасній нормі утворюють від іменникових основ зі збереженим суфіксом *-к-* у фіналі основи. Завдяки цьому відновлено й активізовано питомі моделі їх творення. Нині в кодифікованому корпусі української мови прикметники *виставковий, посадковий* і подібні до них замінили *виставочний* і *посадочний*. Заміну словотворчого ресурсу під тиском зміни норми спостерігаємо й у прикметниках *розливний, перев'язувальний, знімальний*, утворених безпосередньо від дієслів, а не від віддієслівних іменників, як прикметники *розливочний, перев'язочний, зйомочний*, не блоковані раніше нормою. Більшість прикметників, що прийшли на заміну блокованим сучасною нормою, вже були в українському лексиконі, отже, цей ресурс словотворення можна вважати відновленим, активізованим. Ці групи слів не випадково стали нині об'єктом пильної уваги українських мовознавців, бо на початку 1930-х років вони серед інших розрядів лексики потрапили «під обстріл» борців «з націоналістичним шкідництвом на мовному фронті» [див. відповідні документи партійного керівництва тогочасної України, так звані «репресивні бюлетені» в: Кубайчук 2004: 139-168], а отже, нині передусім зазнають аналізу в нових обставинах функціонування мови й відновлення як вияв органіки й самобутності українського словотворення.

У зв'язку з конкуруванням словотворчих ресурсів у сучасній мовній практиці постає проблема аналізу різного характеру його перебігу і, відповідно, різних його наслідків, а саме: 1) блокування одного із ресурсів з наступним його вилученням; 2) їх рівноправного співіснування і 3) використання ресурсів із семантичними та стилістичними конотаціями, які стимулюють їх семантико-функціональну та комунікативно-прагматичну диференціацію. Групи спільнокореневих і спільнофункційних лексем ставлять і завдання з'ясування міри активності способів словотворення для забезпечення нових потреб номінації. Це доводить нині співіснування в українському лексиконі композитів, простих афіксальних похідних і словосполук, утворених на спільній поняттєвій основі з можливим розмаїттям їх графічного оформлення, напр.: *інтернетне радіо* і *інтернет-радіо*; *емейл, мейл* – *електронна пошта* – *електронка* – *ЕП* і *е-пошта*; *SMS/sms/СМС/смс/есемес/еСеМеС* – *есемеска/еСеМеСка/SMS'ка/смс-ка* і *SMS-повідомлення/смс-повідомлення* або *есемесне повідомлення, повідомлення есемескою*. З приводу більшої відповідності таких новотворів типологічним рисам української словотвірної номінації, а також з приводу кодифікації їх написання в україністиці точаться гострі дискусії [Клименко 2003; Таран 2011: 218-231]. Беззастережні докази дасть лише всебічний аналіз мовної практики в її зіставленні саме з ресурсами словотворення, що виказують стабільну активність, системна підтримка новотворів.

2. **Набута активність (активізація).** Прикладом її може бути українська суспільно-політична лексика з її оперативною реакцією на соціальні зміни. Наприклад, короткочасну активність виявляють основи номінацій, пов'язаних з певними реаліями й процесами строкатого нині українського політикуму. Такий тип активності засвідчили як база словотворення слова *коаліція* (пор. новотвори на зразок *коаліціада, коаліцієподібний, коаліціонер/коаліціоніст/коаліційник, ширококоаліційний, коаліціонувати(ся), демкоаліція*) або *майдан* (пор. новотвори

майданівець, майданівський, майданити, автомайдан (автомайданник), постмайданний, домайданитися та інші).

Цей тип активності найвиразніше виявляє сьогочасні потреби номінації і пріоритети реалізації словотворчих ресурсів для їх задоволення. Щодо деяких з таких активізованих ресурсів можна твердити про їх спеціалізацію у вираженні певного значення. Наприклад, із 113 суфіксів різної складності й походження, наявних в українських словотворчих ресурсах для вираження значення особи, активність, як доводять новотвори, у сучасній мовній практиці виявляють лише 9: **-ник/-льник** (*мережник, мітингувальник*), **-ець/-івець** (*податківець, банківець*), **-ер** (*коаліціонер*), **-ар** (*мітингар, торбар*), закріплені, утім, за різними твірними базами. Таку ж семіотичну перевагу – активність, як правило, продуктивних ресурсів, уже наявних у системі мови, спостерігаємо в усіх оновлюваних нині категоріях і розрядах слів різних частин мови. Скажімо, переважну більшість нових дієслів утворено за допомогою суфіксів **-ува-** (*близнюкувати, ветувати*) і **-и-** (*майданити, піарити*).

Засоби словотворення набувають активності і у зв'язку з необхідністю профілювання відомих і нових понять. У деяких групах бачимо новотвори-внутрішні запозичення, тобто одиниці, що вже були наявні раніше й нині повертаються до активного вжитку з пасивного словникового складу. Наприклад, СУМ на початку 1970-х років умістив до свого реєстру лише прикметник *документальний* зі значенням 'який є документом' з прикладом *документальне свідчення* і його відтінками-уточненнями 'який ґрунтується на документах' з прикладом *документальна сторона справи, документальні дані* та 'властивий документам, такий, як у документах' з прикладом *документальна переконливість*. Словосполучення *документальний фільм* у цьому джерелі подано як фразеологізовану і таку, що охоплює всі названі аспекти семантики цього суто відносного прикметника. Прикметник *документальний* як єдиний, що виражає ознаку за відношенням до *документа*, подали і деякі академічні словники 1920-1930 років, зокрема «Правописний словник» Г.Голоскевича (1930) і «Словник чужомовних слів» І.Бойкова, О.Ізюмова, Г.Калишевського, М.Трохименка (1932). Останнє джерело вказує на його латинський етимон і виділяє таких два аспекти його значення: 1) що має значення документу і 2) документом уґрунтований.

Натомість низка словників цього ж періоду, зокрема академічний «Російсько-український словник» за редакцією А.Кримського та С.Єфремова (1924-1932) поруч з *документальний* вміщує й прикметник *документовий*. Показово, що його послідовно залучають до своїх реєстрів саме фахові словники цього часу, зокрема «Російсько-український словник ділової мови» М.Дорошенка, М.Станіславського і В.Страшкевича (1930) та «Російсько-український словник правничої мови» В.І.Войткевича-Павловича і Г.Д.Вовкушівського за редакцією А.Кримського (1926). Останній подав його в складі словосполучення *документові дані* та її поясненням *дані, що є в документах*. У сучасній українській мовній практиці вживано вже три прикметники з основою **документ-**: *документальний, документний* і *документарний*, причому, *документний* замінив створений раніше *документовий*. Два останні доводять тенденцію до уточнення характеру ознаки за її відношенням до цього об'єкту, що й виявляють різні суфікси в складі таких

спільнокоренових прикметників. Якщо *документний* нині називає ознаку об'єкта за його відношенням до документів узагальнено (*документний потік, документна комунікація (лінгвістика, класифікація, інформаційно-пошукова система)*), то прикметники *документальний* і *документарний* її конкретизують, підкреслюють різні аспекти такої ознаки. Наприклад, останній уживано нині лише в банківсько-фінансовій сфері. Він становить наслідок адаптування за допомогою суфікса **-н(ий)** до системи української мови англійського прикметника *documentary*, пор.: *documentary letter of credit* «документарний (товарний) акредитив», *documentary bill* «документарний (документований) вексель»). Він називає ознаку об'єкта за мірою його забезпечення належними документами, пор. також *документарні/недокументарні розрахунки (платежі)*. Зауважимо, що це нове запозичення виявляє ще одну стабільну активну функцію суфікса **-н(ий)** – його участь в адаптуванні запозичених прикметникових основ, пор. вже наявні в українському лексиконі *вульгарний, серйозний, ланідарний* і нові *транспарентний, ф'ючерсний*.

Нові ресурси українського словотворення, що набувають активності, відповідають передусім на потребу в аспектуалізації нових і вже відомих понять. Наприклад, нові основи-префіксоїди **біля-** (*білявладний*), **довкола-** (*довколанауковий*) не лише поповнили групу засобів для означення перебування поблизу когось, чогось, а й посилили оцінний (переважно негативний) заряд таких прикметників. Вони підтримали вже наявну в цій групі ресурсів тенденцію до семантико-функціональної диференціації засобів словотворення, зокрема, закріплення вже наявних грецьких префіксів **пери-** і **пара-** за професійним лексиконом і втрату активності префіксоїдів **круг-/круж-** (у сучасному вжитку залишилися лічені слова на взір *кругосвітний, кружстанок*) та префікса **о-** (непродуктивний розряд слів на кшталт *окіст, осоння*). До таких активних нових ресурсів належать і вже відомі основи у функції суфіксоїдів **-структура** (*держструктура, бізнес-структура, медіа-структура*), **-простір** (*інтернет-простір, кінопростір, медіапростір*), **-залежний** (*інтернет-залежний, наркозалежний, політзалежний*) та ін.

3. **Втрачувана активність.** Її можна спостерегти на прикладі груп номінацій-конкурентів, де перевагу здобуває одна з похідних одиниць, призводячи водночас до послаблення активності інших спільнофункційних засобів словотворення. Наприклад, нині спостерігаємо активізацію творення назв осіб від дієслів, а отже, активізацію в певних конкурентних групах суфікса **-льник** і втрату активності, пасивізацію суфіксів **-ар**, **-овець** або **-ник**, за допомогою яких назви утворювано не лише від дієслів, а й від іменників або прикметників, пор. *мітингувати-мітингувальник* (і *мітинг-мітингар, мітинговець*), *виступати-виступальник* (і *виступати-виступник, виступовець*). Проте зауважимо, що той самий засіб словотворення може в різних розрядах похідних виявляти різні типи активності. Наприклад, суфікс **-івець**, неактивний у створенні віддієслівних назв осіб, виявляє високу активність у відіменникових назвах (*ПУХ-рухівець, ДАІ-ДАІвець, Янукович-януковичівець, БЮТ-бютівець, піар-піарівець, інтернет-інтернетівець* та ін.).

4. **Втрачена активність.** Її, як ми вже зазначали вище, спричинюють суспільні зміни й динаміка словотвірної норми. Так, суспільними змінами викликано втрату

активності основ радянізмів на зразок **рад-** (від *радянський*), **колгосп-**, **комсомол-**, **ленін-**. Натомість зміни в словотвірній нормі спричинюють втрату активності таких засобів словотворення, як суфікси **-чик/-щик** або основи складних прикметників **внутрі-**, **двох-** (**трьох-**, **чотирьох-** тощо), префікс **обез-**. Їх беззастережно витіснили із сучасної мовної практики суфікси **-ник** (*комп'ютерник*, а не *комп'ютерщик*), **-ач** (*давач*, а не *датчик*), основи **внутрішньо-** (*внутрішньовенний*, а не *внутрівенний*), **дво-** (**три-**, **чотири-**) (*дво-*, *три-*, *чотиріповерховий*, а не *двох-*, *трьох-*, *чотирьохповерховий*), префікси **з-/зне-** (*знесилити*, *збезчестити*, а не *обезсилити*, *обезчестити*).

Проте радянізми як база словотворення демонструють строкату картину побутування в сучасному українському лексиконі: від повної втрати активності до набутої активності завдяки іншому значенню. Досить пригадати хоча б такі приклади, як сучасні укр. *більшовик – меншовик* стосовно більшості чи меншості депутатів Верховної Ради України або слово *партія*, позбавлене ідеологеми «партія комуністів». Таку лексику можна розглядати як активний ресурс сучасного українського і в цілому слов'янського експресивно-оцінного словотворення, про що свідчать такі українські новотвори на основі хоча б слова *комуніст*, засвідчені в українських ЗМІ останніх 20 років незалежності, як *декомунізація* (влади), *комуністер* (*екс-комуністер*), *комуновождь*, *екс-комуніст*, *посткомуніст*, *посткомуністичний* (блок, Європа, еліта, країна, чищення)), *суверен-комуніст*, *неокомуністичний* (приманки).

Запропонований категорійно-функціональний підхід до аналізу словотворчих ресурсів української мови з погляду їх активності у мовній діяльності сучасного суспільства використовуємо для опису системи українського словотворення в новій академічній «Граматичі української мови», над якою працює нині колектив співробітників Інституту української мови НАН України та професорів університетів України. Вивчення функціонування активних наявних, нових і відновлених словотворчих ресурсів української номінації доводить необхідність системного підходу до з'ясування причин їх різної активності у мовній практиці, їх ролі в оновленні номінаційного корпусу української мови. Такий аналіз неминуче передбачає зіставлення активних нині ресурсів словотворення з попереднім станом словотворчих ресурсів української мови, яке і дає змогу виявити чинники, що сприяють їх активності в сучасній мові або її стримують.

ЛІТЕРАТУРА

- Активность словообразовательного типа // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н.Тихонов, Р.И.Хашимов, Г.С.Журавлева и др. / под общ. ред. А.Н.Тихонова, Р.И.Хашимова. – Т.1. – М.: Флинта; Наука, 2008. – С.504.
- Активность словообразовательной модели // Там же. – С.504-505.
- Карпіловська Є.А. Вступ до прикладної лінгвістики: Комп'ютерна лінгвістика. – Донецьк: Юго-Восток, 2006.

- Клименко Н.Ф. Морфеми активність // Українська мова: Енциклопедія. – К.: Вид-во «Українська енциклопедія» ім.М.П.Бажана, 2007. – Вид. 3-є. – С.392.
- Клименко Н. Осново- і словоскладання у процесах номінації сучасної української мови // Українська мова. – 2003. – № 3–4. – С.83–105.
- Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008.
- Ковалик І.І. Вчення про словотвір: словотворчі частини слова. – Іван Ковалик. Вибрані праці. – Івано-Франківськ-Львів, 2007. – Ч. I. – Уперше опубліковано в: Львів: Вид-во Львівського університету, 1958.
- Кубайчук В. Хронологія мовних подій в Україні (Зовнішня історія української мови). – К.: К.І.С., 2004.
- Таран А. Конкурування номінацій у сучасній українській літературній мові: тенденції стабілізації нової лексики. – Черкаси: Вид. Чабаненко Ю., 2011.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. – Praha: ČAV, 1962.
- Ohnheiser I. Цель и концепция тома // Słowotwórstwo/Nominacja. – Red. nauk. I.Ohnheiser. – Innsbruck, Opole, 2003. – С.17-26.

Евгения А. Карпиловская

АКТИВНЫЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Резюме

Объектом рассмотрения в статье являются активные словообразовательные ресурсы современной украинской номинации. Анализ новообразований дает возможность определить функциональный потенциал средств выражения отдельных категориальных и разрядных словообразовательных значений, их градацию, спектры действия и продуктивность. Таким образом очерчены ядро и периферия отдельных категорий, разрядов производных и словообразовательной подсистемы современного украинского языка, проявления динамики ее словообразовательной нормы. Особое внимание уделяется условиям формирования новых ресурсов украинского словообразования, причинам пассивизации/активизации уже имеющихся средств, а также конкуренции ресурсов, в частности, собственных и заимствованных (освоенных и осваиваемых). Выделены различные типы активности словообразовательных ресурсов: 1) стабильная; 2) приобретенная (активизация); 3) утрачиваемая (пассивизация) и 4) утраченная. Для анализа языкового материала используется исследовательская система «МОРФОЛОГ», созданная для работы с компьютерным морфемно-словообразовательным фондом украинского языка в Институте украинского языка НАН Украины.

ЛАРИСА П. КИСЛЮК*

ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НАН УКРАЇНИ, КИЇВ, УКРАЇНА

ДИФЕРЕНЦІАЦІЯ СЛОВОТВОРЧИХ РЕСУРСІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ НОМІНАЦІЇ

Абстракт. Досліджено явище диференціації словотворчих ресурсів, яке є наслідком конкурування паралельних варіантних утворень серед нової похідної лексики сучасної української мови. Визначено типи диференціації словотворчих ресурсів, окреслено групи похідних, які демонструють перехід словотвірних варіантів у розряд словотвірних синонімів з появою їх спеціалізації й експресивно-оцінного потенціалу. З'ясовано чинники, які сприяють розмежуванню питомих та іншомовних словотворчих ресурсів у сучасній українській мовній практиці.

Ключові слова: словотворчі ресурси, словотвірний варіант, словотвірний синонім.

1. Роль словотворення у процесах сучасної української номінації є вагомою, якщо не провідною. **Словотворчі ресурси**, за визначенням І.І.Ковалика, „весь мовний будівельний матеріал, з якого вже утворились або ще утворюються нові слова різними словотворчими способами” – це „багатогранні за своєю смисловою структурою і морфемною будовою величини” [Ковалик 2007: 92]. При дослідженні масиву новотворів – похідних лексем, не засвідчених словниками української мови, виданими до 1991 року, тобто року проголошення незалежності України, можна спостерігати, зокрема, явище **диференціації словотворчих ресурсів**, яке є наслідком конкурування паралельних варіантних утворень серед нової похідної лексики і становить перехід словотвірних варіантів у розряд словотвірних синонімів (трактування услід за [Тихонов 1985], [Ковалик 2003], [Клименко 1979], [Родніна 1970].).

В основі конкурування одиниць у сучасній мовній практиці, властивого не лише українській мові, а й іншим слов'янським мовам, лежить паралельне називання одного об'єкта [Таран 2011], унаслідок існування явища словотвірної варіативності твірних основ і формантів та словотвірних моделей. **Словотвірні варіанти** – похідні слова, повністю тотожні за значенням, але оформлені паралельними словотворчими формантами. Закладена в системі мови можливість утворення варіантних форм призводить до варіантів бажаних і небажаних з

---

* e-mail: lkislyuk@meta.ua

погляду норм літературної мови: „зайвим баластом” стають варіанти-дублети, „що не мають додаткових відтінків значень або стилістичного забарвлення”. „Коли ж варіанти набувають додаткових виражальних можливостей, вони стають синонімами – ідеографічними або стилістичними, тобто позиційною, контекстуальною або функціонально-стилістичною нормою” [Пилинський 1979, 83-84]. Конкурування словотвірних варіантів серед новотворів може мати різні наслідки: 1) паралельне їх співіснування (явище надлишковості з погляду норми), 2) „боротьба” й витіснення одного чи декількох конкурентів, 3) розходження їхньої семантики й розмежування їх як словотвірних синонімів. **Словотвірні синоніми** – спільнокореневі похідні слова, які мають однакове або близьке (наявність додаткових семантичних компонентів) словотвірне значення, виражене за допомогою різної словотворчої структури.

Дослідники номінації в текстах різних функціональних стилів визначають співвідношення окремих способів і засобів номінації з окремими функціональними стилями [Виноградова 1984], систематизують співвідношення паралелізму, спеціалізації й інтеграції з погляду реалізації загальних принципів найменування в різних стилях. І.Онхайзер зазначає, зокрема, що „паралельні способи... як правило, пов’язані з функціонально-стилістичною диференціацією”, а „зменшенню варіативності в межах однієї функціональної сфери... протиставлений розвиток варіантності відносно різних функціональних стилів...”, зауважуючи, що „надання переваги реалізації окремих словотвірних категорій загалом, а також різний ступінь частотності реалізації моделей та різне їх наповнення свідчить почасти про зовсім різні номінативні потреби в окремих функціональних сферах” [Онхайзер 1990: 7-8].

Українські дослідники активних інноваційних процесів у різних функціональних стилях аналізують нову похідну лексику в складі певних словотвірних комплексів: гнізд, рядів, категорій. Є.А.Карпіловська, зіставляючи активність синонімічних питомих і словотворчих засобів, зазначає, що „у потоці сучасних українських новотворів вирізняються номінації з різними функціональними характеристиками: загальноживані слова й терміни, професіоналізми, слова з нейтральним експресивно-оцінним потенціалом і лексеми з виразними негативними чи позитивними конотаціями різного походження” [Карпіловська 2008: 45].

2. Основною дослідницькою базою пропонуваного дослідження стали матеріали комп’ютерного фонду лексико-словотвірних інновацій (КФІ) у сучасній українській мові, створеного співробітниками відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України за текстами українськомовних друкованих, електронних та Інтернет-видань переважно 2004-2010 рр. обсягом близько 20 тисяч одиниць із контекстом їх уживання і його паспортизацією. До його складу входять номінації, не зафіксовані у словниках радянської доби (виданих до 1991 р.). До аналізу залучено також сучасні орфографічні, тлумачні, неологічні словники 2000-10-х років: „Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики”; „Великий тлумачний словник сучасної української мови”; „Сучасний словник іншомовних слів”; „Лексико-словотвірні інновації”

(3 випуски), „Нове в українській лексиці”, словники й праці з серії „Українська індивідуально-авторська неографія” (6 випусків, 2009-2011), окремі приклади з монографічних досліджень, присвячених динамічним процесам в українській лексиці останніх десятиліть [Стишов 2005], [Нелюба 2007], [Карпіловська, Клименко, Кислюк 2008], [Таран 2011].

Комплексний підхід до вивчення нової лексики на предмет виявлення гіперо-гіпонімічних зв'язків нової одиниці, її синонімів, зокрема синонімів-конкурентів, антонімів, синтагматичних зв'язків у словосполуках, епідигматичного потенціалу такої одиниці дозволяє бачити картину активного функціонування словотворчих ресурсів у сучасній українській номінації та тенденції їх розвитку.

Серед **завдань** дослідження – визначення типів диференціації словотворчих ресурсів, окреслення груп похідних, які демонструють таке розмежування, з'ясування чинників, які сприяють розмежуванню питомих та іншомовних словотворчих ресурсів у сучасній українській мовній практиці. За об'єкт дослідження обрано явища оновлення у словотвірних розрядах українських слів, активні словотвірні моделі яких демонструють диференціацію словотворчих ресурсів.

2.1. Аналізуючи розмежування словотвірних варіантів серед новотворів, можна визначити два **типи диференціації**: це поява

- 1) семантичних конотацій при позначенні різних аспектів поняття;
- 2) стилістичних конотацій, викликаних номінативними потребами різних функціональних стилів.

Семантичні конотації (позначення різних аспектів поняття) показує приклад композитів з основою **кіно-**, які використовують іншомовні та питомі компоненти у гібридах і демонструють (при збереженні частково і словотвірної варіантності) аспектуалізацію особи за її відношенням до кінематографу: *кіноман* : *кінолюб* : *кінофан* – любитель, шанувальник кіно; *кінолюбитель* : *кіноаматор* – той, хто займається кіно непрофесійно; *кіномайстер* – видатний фахівець у галузі кінематографії. Конкурування основ іншомовних **-ман**, **-фан** та питомої **-люб** демонструє взаємодію тенденцій націоналізації й інтернаціоналізації в процесах словотворення.

Стилістичні конотації (розмежування за функціональними стилями) можна показати на прикладі вимог літературної норми до вживання в офіційно-діловому стилі іменників чоловічого роду на позначення осіб жіночої статі: *жінка-директор*, *директор*, тоді як наявні похідні іменники жіночого роду обмежені розмовним стилем: *директорка*, *директриса*, *директоршиа*. На стилістичну диференціацію можуть впливати як мовні чинники: маркованість формантів, (скажімо, суфікси **-их(а)**, **-ух(а)**, **-ш(а)** на позначення осіб жіночої статі обмежені тільки розмовним стилем), творення за аналогією з поєднанням різностильових основ або основ з метафоризованим значенням, що надає експресивності (нейтральне *маслороб*, але експресивне *віршороб*), так і позамовні чинники: мовна політика, традиції тощо.

3. Розглянемо групи похідних, які демонструють диференціацію словотворчих ресурсів за названими типами: іменники на позначення процесуальної

семантики та наслідку або місця дії; новотвори на позначення особи; активні дієприкметники та віддієслівні іменники й прикметники; суфіксальні іменники на позначення назв осіб жіночої статі.

3.1. Іменники опредметненої дії та місця. Стилiстичне розмежування відбувається на рівні вибору словотворчих засобів за критерієм походження, наприклад, суфіксального форманта при іншомовній основі: *татуювання – татуаж, паркування – паркінг* (і блоковане сучасною словотвірною нормою *парковка*). У гібридах з'являються додаткові семантичні компоненти, які видозмінюють словотвірне значення похідного і впливають на його лексичну семантику. Порівняймо: *татуаж* – нанесення татуювання для виправлення незначних вад зовнішності; контурний (перманентний) Т. [ССІС 2006: 663] і *татуювання* – нанесення на тіло зображення за допомогою наколювання його на шкіру, а також сам візерунок, напис, нанесений таким чином [ССІС 2006: 663]. Лексеми розрізняють за семантичним компонентом і словотвірним значенням: *татуаж* – „з косметичною метою” та на позначення лише результату дії; *татуювання* – „з декоративною метою” і на позначення дії та її результату.

Паркінг – тривала зупинка, стоянка, постійна автостоянка. Інша назва – *паркування* [ССІС 2006: 519]. Натомість ВТС СУМ подає значення лексеми *паркування* як „дія за знач. паркувати” (у розмовному мовленні та ЗМІ функціонує також не рекомендоване сучасною словотвірною нормою *парковка* у значенні дії та місця). Контексти КФІ підтверджують уживання іншомовного *паркінг* на позначення лише місця для паркування (*автопаркінг*, синонім до *паркмайданчик*, *паркомісце* та словосполук *паркувальний майданчик*, *паркувальне місце*):

Компанія планує звести 19-поверховий будинок із підземним паркінгом.

У центрі Києва охороняють лише багаторівневі паркінги.

Не обійшлося на брифінгу без запитань щодо нововведень на паркмайданчиках.

Що стосується вартості паркомісця в об'єктах преміум-класу...

Водіям запропонували стартові пакети для оплати паркувального місця.

Ця послуга запрацювала ... на трьох паркувальних майданчиках...

Офіційні урядові сайти gov.ua подають в офіційних ділових паперах словосполук *паркувальний майданчик* або *місце для паркування*. Їх і слід вважати нейтральними позначеннями як терміни-гіпероніми, адже це нормативні державні акти.

3.2. Назви осіб за професією (виконавців дії). На стилістичне розмежування уживання словотвірних синонімів впливає взаємодія тенденцій націоналізації й інтернаціоналізації, особливо в науковому стилі й термінології. Поєднання іншомовних компонентів, як правило, зберігає стилістичну нейтральність. При появі гібридів може з'явитися або експресивна маркованість (найчастіше при поєднанні різностильових основ), або нові відтінки у значенні, що призводить до стилістичної диференціації словотвірних синонімів. Скажімо, запозичені основи **-ман, -фан, -філ** і питомі **-люб, -любець** у композитах позначають пристрасне захоплення особи чимось, причому, поєднуються або обидві запозичені (*інетоман, інтернетоман, кавоман, кіноман, кліпоман, лудоман, мобіломан, телеман,*

трояндоман, шопоман; мотофан; кліпофіл) або обидві питомі (*правдолюб/правдолюбець, котолоб, людолюб, словолюб*). Особливістю новотворів є гібридизація (*ігроман, каволоб, котофіл, речоман*) й паралельне вживання варіантів, пор.: *кіноман* : *кінолюб* : *кінофан* (любитель, шанувальник кіно); *лудоман* : *ігроман* (той хто має хворобливу пристрасть до комп'ютерних ігор); *кавоман* : *каволюб* (любитель кави), *котолоб* і *котофіл* (той, хто любить котів) тощо.

В українському словотворенні є низка засобів на позначення особи, яка щось виробляє, виготовляє, продукує. Найчастіше це композити з другою основою-ідентифікатором: **-виробник**; **-роб**; віддієслівні іменники з суфіксальним формантом **-ник** на позначення особи, яка виконує дію, названу дієсловом; серед неозапозичень дослідники виділяють низку найменувань з **-мейкер** на позначення „фахівця, який виконує певну роботу”.

Серед новотворів з використанням названих паралельних словотворчих засобів, які позначають виробника кліпів, клонів, фільмів, можна простежити семантичне й стилістичне розмежування їх, переважно за рахунок семантичної й експресивної навантаженості другої основи: *кліпмейкер, клонмейкер, фільм-мейкер* і *фільмовиробник* – той, хто продукує або керує виробництвом названої продукції; *кліпувальник, клонувальник, фільмувальник* – виконавець дії, названої дієсловом; *кліпороб, клонороб, фільмороб* – виробник неякісної продукції. Іншомовна основа **-мейкер** у композитах зберігає нейтральність, а тому використовується в професійному мовленні, для надання офіційності використовують нейтральне **виробник**, натомість віддієслівні афіксальні новотвори набувають ознак розмовності порівняно з композитами з **-мейкер, -виробник**. Композити на **-роб** мають виразне експресивне забарвлення з негативним відтінком, а тому не можуть функціонувати в професійному чи діловому мовленні, залишаючись ознакою розмовного, художнього або ж публіцистичного стилів.

На семантико-прагматичну й функціонально-стилістичну диференціацію названих словотворчих засобів вказувала Є.А.Карпіловська, наголошуючи, що „українська мова для позначення осіб, що виробляють важливі для життя українців продукти, застосовує опозиції родових найменувань – простих афіксальних похідних, у структурі яких приховано конкретну процесуальну ознаку суб'єкта, названого їх твірною основою, і видових назв-композитів, в яких кінцеві основи виражають таку сему узагальнено чи конкретизовано [Карпіловська 2010: 238].

3.3. На позначення назв осіб жіночої статі в українській мові існують різні відіменні модифікаційні моделі із суфіксами: **-к(а)** та його складеними варіантами **-анк(а)** (*вакханка*), **-енк(а)** (*французженка*); **-иц(я)** (*черниця*), **-ин(я)** (*грекня*), **-ен(я)** (*туркня*), іншомовні **-ис(а)** (*директриса*), **-ес(а)** (*принцеса*). Окрім модифікаційного, такі назви із суфіксами **-их(а), -ин(я), -ин(а), -н(а)/-івн(а)** можуть мати значення „дружина або дочка особи, названої мотиватором” (*старостиха, своякня, панна, бондарівна*), деякі з таких назв, як найменування осіб за родинними зв'язками (*вуйна, стрийна, дядина*) відійшли на периферію українського лексику. Обмежені розмовним стилем назви із суфіксами **-ш(а), -ух(а)/-юх(а)** (*гетьманша, балакуха*), деякі найменування з іншомовними суфіксами **-ис(а)** (*директриса*) і **-ес(а)** (*політикеса*). Деякі з таких утворень із

суфіксами **-юх(а)**, **-ах(а)/-аг(а)** або суфіксо-флексією **-а** за формою відповідають назвам осіб жіночої статі, проте вживаються зі значенням спільного роду, називаючи особу незалежно від її статі: *сплюха* «людина, яка любить спати», *розумаха* «розумна людина», *базіка* «людина, яка любить базікати». Вимоги офіційно-ділового стилю української мови до нейтральності номінативних одиниць і позамовні чинники, серед яких: практика офіційного діловодства радянського періоду, гендерні стереотипи, непослідовність засвідчення таких одиниць лексикографічними працями, – підтримують практику вживання на позначення осіб жіночої статі складених найменувань (*жінка-космонавт*) або найменувань чоловічого роду (особливо в так званих титульних іменах – *заслужений працівник освіти, Герой України*). Практика публіцистичного стилю, засобів масової інформації, художнього стилю, зокрема новотвори на позначення осіб жіночої статі демонструють тенденцію до вживання однослівних афіксальних одиниць. Системні вимоги узгодженості родових форм й зміна гендерних орієнтацій сучасного українського суспільства впливають на активізування характерної для української мови тенденції до суфіксального творення співвідносних з іменниками чоловічого роду слів жіночого роду зі збереженням нейтральності: *автор – авторка, аспірант – аспірантка, викладач – викладачка*. Серед новотворів на позначення жінок використовують іменники як чоловічого, так і жіночого роду: *лідер і лідерка, Єврокомісар і Єврокомісарка* (про Беніто Ферраро-Вальднер), *прес-секретар і прес-секретарка, дизайнер і дизайнерка, держсекретар і держсекретарка*.

Спостереження над практикою вживання таких одиниць, засвідченою лексикографічними виданнями 1930-х рр., переконують у творенні таких одиниць „на потребу” або „на соціальне замовлення”: *кондуктор – кондукторка, лікар – лікарка, медик – медичка, але ліквідатор, лірник, механік* [СЧС-32], бо, очевидно, серед жінок не було представниць цих професій. Сучасна мовна практика підтверджує таке пояснення: *прем'єрка, лідерка* (про Юлію Тимошенко).

Водночас існує сформоване у суспільстві упорядковане декількох десятиліть упередження проти нейтральності таких номінацій, яке дослідники пояснюють нашаруваннями експресивності, незвичності, тобто відчуттям оказіональності таких лексем. Вживання таких одиниць має бути продиктоване принципом доцільності та відповідності системним критеріям мови. Аналіз новотворів показує, що саме відсутність офіційних найменувань на позначення жінок за професією спричиняє розлогу варіантність розмовних утворень: бо є суспільна потреба в таких номінаціях.

Серед варіантів можна спостерігати протиставлення стилістично нейтральних моделей з суфіксами **-к(а)** і розмовних, стилістично знижених на **-ш(а)**, **-их(а)**, **-ис(а)**, **-иц(я)**, **-ес(а)**: *депутатка – депутатша, професорка – професорша; директорка – директориса, директорша; докторка – докториця, доктореса, докториха, докторша*. З погляду норм літературної мови, такі розмовні утворення – це вияв надлишковості у формі варіантів-дублетів. При визначенні ступеня розмовності варіанта вагому роль відіграють позамовні фактори, традиція, узвичаєність вживання. Скажімо, в науковому й офіційному стилі української мови

прийнято писати лише *доктор, професор* – і тут будь-який із наведених варіантів стилісти будуть вважати неприйнятним, незважаючи на порушення граматичної узгодженості: *доктор написала, професор сказала*.

З міркувань уникнення експресивності не рекомендовано утворювати іменники жіночого роду з використанням суфікса **-к(а)** від найменувань-комполітивів з кінцевою основою **-лог**, оскільки внаслідок чергування утворюється фіналь **-ложк(а)**, що в українській мові має предметне значення, яке надає новотворам негативного, стилістично зниженого забарвлення, пор.: *біологиня, філологиня* – **біоложка, *філоложка*. Перше утворення цілком можливе з погляду морфотактики (пор. грекinya, богиня), проте не підтримане практикою вживання, оскільки для багатьох назв спеціальностей, занять осіб ознака статі є нерелевантною, пор. *гуманіст, теоретик, аналітик*. Друге заблоковане морфонологічною нормою української мови. Тут появу назви особи жіночої статі можна розглядати як надлишковість у номінації.

3.4. Відбувається диференціація вживання запозиченої словотвірної моделі творення активних дієприкметників. На ситуацію впливають як мовні, так і позамовні чинники, зокрема, тенденція націоналізації лексики. Як відомо, активні дієприкметники вживають на позначення різного відношення до активної дії: 1) активну здатність до дії; 2) стан перебування в активній дії та 3) назву активного учасника дії. Можна констатувати активізацію питомих словотворчих ресурсів на позначення активного учасника дії й активної здатності до дії.

У словниках та літературній мові іменники, зокрема віддієслівні, *виступовець, виступник, виступальник; мітинговець, мітингар; пікетник, пікетувальник* замінюють субстантивовані дієприкметники *виступаючий, мітингуєчий, пікетуючий*. Процеси заміни підтримувані системно-структурними чинниками, оскільки словотвірна модель утворення віддієслівних назв осіб із суфіксом **-ник** (**-льник**) є дуже продуктивною серед новотворів, частина яких постала саме на заміну субстантивованих активних дієприкметників. Наприклад, відіменниковий дериват *пикетник* як „особа, що входить у склад пікету” зафіксовано в словниках радянського періоду [СУМ VI: 32], а віддієслівний новотвір *пікетувальник* функціонує в значенні „учасник пікетування” [НУЛ: 90]. Його зв’язок із дієсловом вказує на мотивацію появи такого іменника саме на заміну субстантивованого активного дієприкметника *пікетуючий*. Це продуктивна тенденція української мови, засвідчена словниками 1920-1930-х років: *начающающий – початківець, пресмыкающиеся – плазуни* [РУС-32].

Щодо стилістичної диференціації, то активні дієприкметники відсутні в українському конфесійному стилі, який найбільше взяв від староукраїнської книжної мови. Український переклад Святого Письма Івана Огієнка подає дієслова на місці активних дієприкметників у російському варіанті:

Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их... / И случилось, что третьего дня відшукали у храмі Його, як сидів серед учителів, і вислухував їх і запитував їх. (Свангеліє від Луки, II: 46).

Лексикографи пропонують активну здатність до дії передавати прикметниками: замість „галопуюча інфляція” вживати „галопівна, невпинна, обвальна

інфляція”, а на заміну *падаючої валюти* – сполуку *знецінена валюта* [РУС-2003]. У мовній практиці активно працюють на заміну активних дієприкметників віддієсловні іменники та прикметники: *мітингувальник і мітингар, накопичувальний і накопичувач, піклувальний і піклувальник, уловлювальний і уловлювальник, уловлювач; несущая конструкція – носійна, підтримкова, тримальна конструкція* на заміну *несуча конструкція* [РУСНТ 1998], [РУС-2003].

У термінології активні дієприкметники залишаються, попри спроби їх вилучити, відповідно до вимог наукового стилю, зокрема однозначності, відсутності синонімії, стислості (за Д. С. Лотте) [Шелов Лейчик 2011: 17-18]. У науковій та науково-популярній літературі вони підтримувані мовами з розвиненою часовою системою, а також потребою стислості й точності передавання ознаки об'єкта за виконуваною ним або над ним дії за наявності складних синтаксичних конструкцій:

„Це ускладнює спостереження гравітаційних ефектів, оскільки у вільно падаючій лабораторії, в першому наближенні, гравітаційне поле джерел, що перебувають зовні неї, не відчувається („Світогляд”, №5, 2011).

Деякі українські лексикографи пропонують взагалі відмовитися від активних дієприкметників і: 1) активну здатність до дії передавати прикметниками на **-льний, -івний, -учий** (*стискальний, плавучий*); 2) стан перебування в активній дії – підрядними означальними реченнями „який(що) + дієслово” (*що стискає, що плаває*); 3) назву активного учасника дії – іменниками на **-ач, -ник, -ар, -ець** (*стискач, плавець*) [РУС НТМ: 10-12].

У художньому стилі активні дієприкметники підкреслюють книжність вислову, передають звучання якогось терміна чи є засобами антитези, що увиразнює, посилює контраст. Вагому роль відіграють позамовні, суспільні чинники, культурно-ціннісна орієнтація, мовні смаки, певні когнітивні та комунікативні завдання письменників. Наприклад, у Ліни Костенко в романі «Записки українського самашедшого» натрапляємо на такі форми:

*„Ім утовкмачили і вони вірять, що **компенсуючі** потужності компенсують нестачу електроенергії, що без них нам ніяк не можна, бо інакше поринемо в темряву. Потім забудуть і сам цей термін – **компенсуючі** потужності...”(с.355); „І що воно таке? **Компенсуючі** потужності нічого не компенсують. **Гарантуючі** гаранті нічого не гарантують.” (с. 356).*

4. Номінативні потреби окремих функціональних стилів, явище системної словотвірної варіативності, поповнення реєстру словотворчих ресурсів новими основами й формантами сприяють утворенню варіантів, які є виявом надлишковості в мові. Прагнення позбутися такого „надлишку” спричиняє потребу усунення варіантів, зокрема, шляхом їхньої диференціації як словотвірних синонімів із семантичними або стильовими конотаціями.

Семантична та стильова диференціація (розмежування) словотворчих ресурсів пов'язана з процесами розширення когнітивного простору мови (найменуванням нових понять та їхніх аспектів) і з динамікою словотвірної норми; є наслідком конкуренції, в основі якого лежить паралельне називання одного

об'єкта, та виявляється у переході словотвірних варіантів у розряд словотвірних синонімів з появою їх спеціалізації й експресивно-оцінним потенціалом.

Вивчення явища диференціації серед паралельних номінацій у масиві новостворів видається необхідним з огляду на потребу класифікації нової лексики для її лексикографічної кодифікації; з погляду норми для надання рекомендацій щодо вибору літературного варіанта, підтримуваного системними і комунікативними чинниками; для укладання українських словників нового покоління, створення нової категорійно-функціональної граматики української мови й нової редакції українського правопису.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

- ВЗОС СУЛ** – Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики. Гол. ред. В.Т.Бусел, К.-Ірпінь: Перун, 2004.
- ВТС СУМ** – Великий тлумачний словник сучасної української мови. Уклад і гол. ред. В.Т.Бусел, К.-Ірпінь: Перун, 2007, 3-є вид.
- КФІ** – Комп'ютерний фонд лексико-словотвірних інновацій у сучасній українській мові Інституту української мови НАН України
- ЛСІ-1** – Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації (1983-2003): Словник – Х., 2004.
- ЛСІ-2** – Нелюба А., Нелюба С. Лексико-словотвірні інновації (2004-2006): Словник. – Х.: Майдан, 2007.
- ЛСІ-3** – Лексико-словотвірні інновації (2007), за ред. А.Нелюби, Х.: ХІФТ, 2009.
- НУЛ** – Мазурик Д. Нове в українській лексиці: Словник-довідник. – Л.: Світ, 2002.
- РУС-2003** – Російсько-український словник. За редакцією В. В. Жайворонка. – К., 2003.
- РУС-32** – „Російсько-український словник” Української академії наук за редакцією академіків А. Ю. Кримського та С. О. Єфремова, Київ: Червоний шлях, 1924-1932, електронна версія К.: К.І.С., 2007.
- РУСНТ** – Російсько-український словник наукової термінології: у 3 т. – Т.1. – Суспільні науки – К.: Наук. думка, 1994; Т.2. – Біологія. Хімія. Медицина. – К.: Наук. думка, 1996; Т.3. – Математика. Фізика. Техніка. Науки про Землю та Космос. – К.: Наук. думка, 1998.
- РУС НТМ** – Войналович О., Моргунок В. Російсько-український словник наукової і технічної мови: Термінологія процесових понять. – К.: Вирій, 1997.
- ССІС-2006** – Сучасний словник іншомовних слів. Укл. О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. – К.: Довіра, 2006.
- СУМ** – Словник української мови: В 11 т. – К.: Наук. думка, 1970-1980.
- СЧС-32** – Словник чужомовних слів. І. Бойків, О. Ізюмов, Г. Калишевський, М. Трохименко. За ред. О. Бадана-Яворенка. – К.-Х.: УРЕ, 1932.

- УІАН-3** – Словотворчість шістдесятників. Ліна Костенко. Микола Вінграновський: Збірник наукових праць; відп. ред. Г.М.Вокальчук. – Острого: Вид-во НаУ „Острозька академія”, 2010 (Лексикографічна серія „Українська індивідуально-авторська неографія”. Вип. 3).
- УІАН-4** – Словотворчість шістдесятників. Василь Стус. Ігор Калинець. Іван Світличний. Григорій Чубай: Збірник наукових праць; відп. ред. Г.М.Вокальчук. – Острого: Вид-во НаУ „Острозька академія”, 2010 (Лексикографічна серія „Українська індивідуально-авторська неографія”. Вип. 4).
- УІАН-6** – Неологічні назви осіб у сучасних слов’янських мовах. Монографія. / Вокальчук Г.М., Архангельська А.М., Стишов О.А., Маслова Ю.П., Максимчук В.В. – Рівне - Оломоуць: Вид-во НаУ „Острозька академія”, 2011 (Лексикографічна серія „Українська індивідуально-авторська неографія”. Вип. 6).

ЛІТЕРАТУРА

- Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984.
- Карпіловська Є.А. Активність інноваційних процесів у різних функціональних стилях мови // Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008.
- Карпіловська Є.А. Семантико-прагматична диференціація словотворчих ресурсів мови: своє і засвоєне // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование / Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. проф. Е.В.Петрухиной. – М., 2010. – С.228-244.
- Кислюк Л. Сучасна словотвірна норма української мови: мовна практика та кодифікація // Українська мова. – 2012. – № 1. – С. 52-66.
- Клименко Н.Ф. Паралельність форм афіксальних і композитних утворень // Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наук.думка, 1979. – С.318-325.
- Ковалик І.І. Вчення про словотвір // Іван Ковалик. Вчення про словотвір. Вибрані праці. Частина І. Упорядник та автор передмови Василь Грещук. – Івано-Франківськ – Львів: Місто НВ, 2007.
- Нелюба А. Явища економії в словотвірній номінації української мови. – Х., 2007.
- Нещименко Г.П. Отражение „гендерных” проблем в славянском словообразовании // Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доповіді XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов’янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів (25-28 травня 2010 р. Київ, Україна) /

- Упорядкування та наукове редагування Н.Ф.Клименко і Є.А.Карпіловської. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С.192-207.
- Онхайзер И. Номинация в текстах разных функциональных стилей // Словообразование. Стилистика. Текст. Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей. – Казань, 1990. – С. 5-13.
- Пилинський М.М. Мовна норма і стиль. – К.: Наук. думка, 1979.
- Роднина Л.А. Словообразовательная синонимика имен существительных в современном украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – К., 1970.
- Стишов О.А. Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації). – К.: „ПУГАЧ”, 2005. – 2-ге вид., переробл.
- Таран А.А. Конкурування номінацій у сучасній українській мові: тенденції стабілізації нової лексики. – Черкаси, 2011.
- Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах. – М.: Рус. язык, 1985. –Т.1. – С.18-52.
- Шелов С.Д., Лейчик В.М. Терминологическая норма в освещении российских лингвистов в период 90-80 годов ХХ века. // Термінологічний вісник. – К., 2011. – Вип.1. – С. 7-18.

Лариса П. Кислюк

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ НОМИНАЦИИ

Резюме

Исследуется явление дифференциации словообразовательных ресурсов вследствие конкурирования параллельных вариативных образований в новой мотивированной лексике в современном украинском языке. Определяются типы дифференциации словообразовательных ресурсов, анализируются группы дериватов, демонстрирующие переход словообразовательных вариантов в словообразовательные синонимы вследствие приобретения семантических или стилистических коннотаций, обеспечивающих их специализацию либо экспрессивно-оценочный потенциал. Определяются факторы, способствующие дифференциации собственных и заимствованных словообразовательных ресурсов в современной украинской языковой практике на примере активных словообразовательных моделей.

KRYSTYNA KLESZCZOWA*

UNIWERSYTET ŚLĄSKI W KATOWICACH, POLSKA

WYRAŻENIA PRZYIMKOWE W POLSKIEJ DERYWACJI

Streszczenie. Celem artykułu jest pokazanie, że chwiejny status wyrażeń przyimkowych (jeden czy dwa wyrazy?) stymuluje przemiany systemu słowotwórczego. W pierwszej części artykułu rozpatrywane są derywaty, które powstawały na bazie wyrażeń przyimkowych (np. *podbródek*, *podnózek*, *przedpiśmienny*). Obserwuje się w polszczyźnie zjawisko zmiany statusu bazowych przyimków – niektóre przyjmują wartość przedrostków, por. *po-morze*, *około-budżetowy*, *poza-racjonalny* (= *nieracjonalny*). Tłumaczy to łatwość, z jaką w ostatnich dziesięcioleciach zapożyczane są obce prefiksy typu *kontr(a)-*, *pro-*, *sub-*, *wice-*; proces ten wpisuje się w ogólną tendencję szerzenia się derywacji prefiksальной w klasie rzeczowników i przymiotników. W części drugiej artykułu mowa o przysłówkach o postaci wyrażeń przyimkowych, np. *na pozór*, *w poprzek*, *z dawna*, *na bakier*, *bez pardonu*, *na barana*, *po drodze* ‘przy okazji’, *za pamięci*. Są to twory, które powstają wskutek usztywnienia grupy składniowej (konstrukcja składniowa ulega leksykalizacji). Wiele z takich tworów przechodzi do klasy partykuł (np. *na pewno*, *przede wszystkim*, *z kolei*). Rodzi się pytanie: Czy mamy do czynienia ze zjawiskami natury słowotwórczej?

Słowa-klucze: ewolucja języka, leksykalizacja, derywaty od wyrażeń przyimkowych, powstawanie przysłówków, powstawanie partykuł.

Status wyrażenia przyimkowego nie jest oczywisty. Mieszczący się w nim przyimek funkcjonuje jako wskaźnik zależności syntaktycznej, rządzi formą przypadku rzeczownika, ale sam nie spełnia warunków prototypowanego wyrazu tekstowego – nie może w sposób samodzielny tworzyć wypowiedzenia, nie może wystąpić w pozycji po rządzonym przez siebie rzeczowniku (*stole na). Jednak spełniając warunek wstawności (*na drewnianym stole*), wyrażenie przyimkowe rozpada się na dwie jednostki systemu, a więc przyimek traktowany jest jako leksem (GWJP: 15-22). Są to tylko ogólne wskazówki określające status przyimka. Rzeczywistość językowa jest bardziej skomplikowana. Zdarzają się bowiem takie połączenia przyimka z rzeczownikiem, które nie spełniają warunku wstawności, por. *na bakier*, *bez pardonu*, *na barana*, *po drodze* ‘przy okazji’, *za pamięci*, przy czym niektóre wiążą przyimek z rzeczownikiem funkcjonującym tylko w jednym wyrażeniu, np. *na oścież*, *na bosaka*, *na podorędziu*, *po omacku*, *po trosze*. Sprawę komplikują jeszcze bardziej połączenia przyimka z ciągiem nierzeczownikowym, por. *za młodu*, *na nowo*, *na pewno*. Odczucie podzielności

---

* e-mail: krystyna.kleszcz@us.edu.pl

na przyimek i „imię” wspomaga rozdzielna pisownia, ale zdarzają się i takie ciągi, w których wyraźnie odczuwany przyimek pisany jest łącznie z rzeczownikiem, por. *zaprawdę, doprawdę, naprawdę, wprowadzie*¹.

Wskazana tu chwiejność (jeden czy dwa wyrazy?) znajduje odbicie w systemie słowotwórczym. Wiadomo, że wyrażenia przyimkowe mogą być podstawami słowotwórczymi, dodać warto, że utworzone od nich derywaty przyjmują takie same wykładniki formalne, jak słowoformy od podstaw jednowyrazowych. Związek z podstawami rzeczownikowymi jest tak silny, że Krystyna Kallas wyrażenia przyimkowe nazywa **formami fleksyjnymi rzeczowników** (GWJP: 433). Derywaty od wyrażen przyimkowych lokują się w obszarze pośrednim między wyrazami złożonymi, a derywatami właściwymi; tak sytuuje je Jadwiga Puzynina, dzieląc derywaty na prototypowe i peryferyjne (Puzynina 1994: 82).

Nie jest moim celem omawianie derywatów powstałych na bazie wyrażenia przyimkowego, problem jest już dobrze opracowany w polskiej literaturze. Pragnę jedynie zwrócić uwagę na fakt, że chwiejny status wyrażen przyimkowych stymuluje różnorakie procesy językowe wewnątrz klasy derywatów powstałych na bazie wyrażen przyimkowych. I właśnie o tych zjawiskach będzie mowa w pierwszej części mojego tekstu (**1.**). Odmienny charakter mieć będzie część druga artykułu (**2.**). Otóż wyrażenia przyimkowe same mogą być derywatami. Mam tu na uwadze przede wszystkim przysłówki, ale, jak się okaże, również partykuły. Warto zadać pytanie, czy ich powstawanie wchodzi w obręb słowotwórstwa, a jeżeli tak, to jakie mechanizmy stymulują te procesy.

1. Wyrażenia przyimkowe jako bazy słowotwórcze

Jak wspominałam wyżej, w polskiej literaturze derywaty od wyrażen przyimkowych są dobrze opisane. Mamy monografię Symoni-Sułkowskiej pt. *Formacje rzeczownikowe utworzone od wyrażen przyimkowych*, mamy monografię dotyczącą przymiotników odwyrażeniowych: *Formacje atrybutywne typu podgórski, nadludzki w języku polskim* Elżbiety Wójcikowskiej. Powstawanie rzeczowników i przymiotników na bazie wyrażen przyimkowych to technika nominacyjna znana w całej słowiańszczyźnie, aktywna przez całą historię polszczyzny, a dowodem na tę aktywność być może jest fakt, że przyimki powstałe w późniejszym czasie także wchodzi do bazowego wyrażenia, por. *poza-*: *pozarynkowy, pozagrobowy, pozamałżeński, pozanaukowy; ponad-*: *ponaddźwiękowy, ponadpartyjny; wewnątrz-*: *wewnątrzkomórkowy, wewnątrzpartyjny, wewnątrzwyrazowy*. Oczywiście stare modele derywacyjne nadal są aktywne, przykładem mogą być *odwyrażeniowe (formacje słowotwórcze)*, temat niniejszego akapitu.

1.1. Genetyczny porządek burzą procesy zmian semantycznych, nas będą interesować zmiany funkcji przyimków. I np. mamy w polszczyźnie formacje: *Pomorze, Powiśle, porzecze, pobrzeże, pojezierze*, w których tkwi stary przyimek *po* o znaczeniu ‘miejsce włączone w granice’, wiążący rzeczownik w accusativie (Krażyńska 2001: 12-13). Dziś dla podanych wyżej formacji nie da się zbudować parafrazy z przyimkiem *po*, trzeba przyjąć, że mamy do czynienia z przedrostkiem *po-*. Jednak

¹ Szerzej o tych problemach zob. Nagórko 2001; Nagórko 2005.

poczucie budowy morfemowej pozostaje, rodzi to nieraz próby reinterpretacji budowy słowotwórczej².

Do zmiany statusu morfemu doszło w przymiotnikach zaczynających się od *oko-*. Dawniej przyimek *około* oznaczał ‘wokół, dookoła’, por. XVI-wieczne *okoloszejny* ‘otaczający szyję’, XVII-wieczne: *okolomurny* ‘naokoło murów leżący’ (Wójcikowska 1991: 336). Dziś przymiotników *okolobiegunowy*, *okoloporodowy*, *okolobudżetowy* nie da się parafrazować wyrażeniem przyimkowym z *około* (mówimy: *wokół bieguną*, *przy porodzie*). Podobnie rzecz ma się z formacjami powstałymi na bazie przyimka *śród*. Wprawdzie znają go jeszcze Polacy, ale przyimek ma odcień archaiczny, a funkcjonujące jeszcze leksemy typu *śródstopie*, *śródleśny*, *śródziemnomorski* traktowane są jako leksemy prefiksalne. I znowu widzimy, że zmiany dotyczące klasy przyimków generują zmiany statusu morfemów – dawne przyimki stają się przedrostkami (Kreja 2000: 65-68).

1.2. Odmienny status morfemu pierwotnie przyimkowego może również stymulować semantyka bazowego wyrażenia przyimkowego. Tu przykładem mogą być formacje ukute na bazie wyrażenia *bez* + genetivus rzeczownika, por. *beztroski*, *bezgrzeszny*, *bezdrewny*³. Powstałe w ten sposób przymiotniki uwikłane są w relacje z innymi leksemami w gnieździe słowotwórczym, a to może zaowocować podwójną motywacją: *bezcelowy* to ‘taki, który jest *bez celu*’ lub ‘taki, który nie jest *celowy*’, *bezczynny* ‘taki, który jest *bez czynu*’ lub ‘taki, który nie jest *czynny*’. W parze *bezcelowy* od *celowy*, *bezczynny* od *czynny* morfem *bez* zaczyna być pojmowany jako przedrostek o znaczeniu ‘nie’. Podobnie rzecz ma się z parami: *pozaracjonalny* = *nieracjonalny*, *pozaekonomiczny* = *nieekonomiczny*, *pozanaukowy* = *nienaukowy*, *pozaoficjalny* = *nieoficjalny*. Przyczyna zjawiska leży w semantyce: jeżeli coś jest bez czegoś lub poza czymś (takie treści niosą przyimki *bez* i *poza*), to tego czegoś (nazwanego rzeczownikiem) nie ma, zatem morfemy *bez-* i *poza-* przyjmują wartość ‘nie’.

I niejednokrotnie zdarza się w polskiej literaturze, że te same derywaty traktowane są raz jako powstałe na bazie wyrażenia przyimkowego, innym razem – jako twory prefiksalne, por. *śród-mieście*, *przy-mrozek*, *pod-punkt* (GWJP: 392-393).

1.3. Gdy zsumować opisane wyżej procesy, okaże się, że mamy do czynienia ze stopniowym zasilaniem derywacji przedrostkowej w obrębie rzeczowników i przymiotników. Choć nie zdajemy sobie z tego sprawy, w sposób niezauważalny rodzą się coraz to nowe prefiksy. A dodać trzeba – proces wzmacniania klasy rzeczowników i przymiotników nowymi formantami przedrostkowymi w ostatnich latach zasilany jest elementami obcymi. Mocno chciałabym podkreślić, że „kariera” prefiksów typu *wice-*, *post-*, *eks-*, *kontr-* wpisuje się w ogólną linię ewolucyjną polszczyzny. Te obce przedrostki miały już przygotowany grunt (!), bowiem sensy, jakie wnoszą obce prefiksy (dla niektórych lingwistów są to prefiksoidy), tkwiły już wcześniej w systemie słowotwórczym słowiańszczyzny. Zmienia się tylko sposób sygnalizowania treści. Można wskazać pary synonimiczne z elementami rodzimymi i obcymi, por. *przeciw-*

² Dziś niektórzy dokonują reinterpretacji: ‘kraina, na której kiedyś było morze’; pisze Bogusław Kreja, że to semantyczne promieniowanie *po* w znaczeniu *coś po czymś*, np. *mieszkanie po Kowalskich* (Kreja 2000: 61).

³ Przykłady czerpię głównie z: Sokołowski 2000.

reumatyczny – *anty*reumatyczny, *przeciwalergiczny* – *anty*alergiczny, *nad*produkcja – *hiper*produkcja, *podkanclerz* – *wice*kanclerz. Częściej jednak obcością i rodzimością środków słowotwórczych przeciwstawiają się całe klasy. Z jednej strony mamy leksemy powstałe na bazie wyrażen przyimkowych, z drugiej – formacje w obcych prefiksami. Te pierwsze mieszczą rzeczowniki rodzime bądź wcześniej zapożyczone, w drugich – obce formanty wiążą podstawy również zapożyczone. Mamy zatem formacje typu *podpułkownik*, *podoficer*, *podsekretarz*, *podpunkt*, *podrozdział*, a z drugiej strony – klasę formacji z *sub-*: *subdiakon*, *subkonto*, *subkultura*, również klasę z *wice-*: *wiceminister*, *wiceprezes* – we wszystkich pokazanych tu typach słowotwórczych wyrażany jest sens: ‘podrzędność, niższy stopień w hierarchii’. Mamy formacje rodzime wyrażające następstwo czasowe: *poobiedni*, *poranny*, *pozimowy* obok formacji brzmiących obco: *poststrukturalizm*, *postmodernizm*, *postkolonializm*. Relacje synonimii wskazać można między klasami w *hiper-* i *nad-*, *ponad-*; *anty-* i *przeciw-*; *meta-* i *nad-*, *proto-* i *przed-*, *ultra-* i *nad-* itd.

2. Wyrażenia przyimkowe jako derywaty

Słowotwórstwo nie jest systemem odciętym od innych poziomów języka, współfunkcjonuje z fleksją (wystarczy wspomnieć o derywatach paradygmatycznych, o dyskusyjnym statusie przyrostków tematycznych czasownika), zespolone jest także ze składnią i to nie tylko w ten sposób, że zajmuje się jednostkami będącymi uniwerbizacją zdań (*pisarz = ten, kto pisze*) bądź wyrażen imiennych (*grochówka = zupa grochowa*), ale też poprzez proces leksykalizowania się fragmentów ciągu składniowego.

Widać tu, że osobno stawiam kwestę szeroko rozumianej **uniwerbizacji**, osobno – **leksykalizacji**. Przy uniwerbizacji mamy do czynienia z wchłonięciem przez formant elementu konstrukcji składniowej rozumianej bądź jako zdanie (*czytelnik = -nik* (Ag), *który czyta coś*), bądź fraza nominalna: *ogólniak = -ak* (=szkoła) + *ogólnie kształcąca*, *kotek* (-ek = mały) + *kot*. Leksykalizacją nazywam tu usztywnienie, skostnienie grupy składniowej, z jednoczesną zmianą jej statusu – dwu- bądź więcej składnikowy fragment tekstu zaczyna funkcjonować jako jeden wyraz, przy czym zależności syntaktyczne nadal tkwią w nowo powstałej jednostce leksykalnej⁴. Można by tu mówić o zrostach, choć w literaturze przedmiotu nie traktuje się ciągów typu *na pozór*; *na oścież*; *na styk* jako zrosty (Jadacka 2010). A problem wydaje się o tyle istotny, że mamy do czynienia z bogatą klasą przysłówków o postaci wyrażenia przyimkowego (Cyran 1967: 182-192; Grzegorzczkowska 1975: 12-14). Odmienność w stosunku do zwykłych zrostów to sprawa pisowni – w tradycyjnych zrostach części składowe pisane są łącznie, por. *Bogurodzica*, *psubrat*, *wniebowzięcie*. W leksemach typu *w kupie*, *w całości*, *na pokaz*, *na opak* przyimek zwykle⁵ piszemy osobno. Różnice przejawiają się też na poziomie prozodycznym. W tradycyjnych zrostach akcent pada na drugą sylabę od końca, w

⁴ Mocno jednak chciałabym podkreślić, że mam na uwadze tworzenie jednego leksemu, a nie ich ciągów. W ten sposób na boku stawiam związki frazeologiczne, które przecież także są jednostkami leksykalnymi, co więcej – mogą pełnić funkcję okolicznikową, por. *Towar rozchwytyano w mgnieniu oka* (= szybko).

⁵ Zwykle, bo są i takie przysłówki, których pierwotny przyimek piszemy łącznie z rzeczownikiem, np. *pojutrze*, *nazajutrz*, *naprzód*, *dosyć*, *zrazu*.

leksemach powstałych na bazie wyrażenia przyimkowego akcent z reguły jest tożsamy z akcentem w grupie składniowej⁶.

To, że niektóre przysłowki powstają wskutek skostnienia wyrażen przyimkowych, wiadome jest od dawna. Problem leży w sposobie ich wydzielenia spośród grup syntaktycznych oraz w warunkach, które sprzyjają emancypacji wyrażenia, mam tu na myśli jego przysłówkowy status. Jeżeli mamy do czynienia z procesem, to w jakimś momencie winien być stan współfunkcjonowania obu jednostek – raz mamy do czynienia z grupą składniową, innym razem – z przysłówkiem. Chwiejny charakter opisywanych tu ciągów dobitnie obrazuje stan ich opracowania w słownikach współczesnej polszczyzny. I np. połączenia *bez apelacji*, *bez ceremonii*, *bez głowy*, *bez końca*, *bez ogródek* w *Słowniku współczesnego języka polskiego* pod redakcją B. Dunaja traktowane są jako przysłowki, w *Uniwersalnym słowniku języka polskiego* – jako związki frazeologiczne. Z kolei przy połączeniach *na sztorc*, *na przelaj*, *na przestrzeni*, *do kupy*, *na kupę*, *w kupie* w *Uniwersalnym słowniku języka polskiego* czytamy wskazówkę: „w użyciu przysłówkowym”⁷. Jeszcze inną sytuację spotykamy w *Praktycznym słowniku języka polskiego* – te same ciągi podawane są i jako „połączenia wyrazowe” (*na bakier* obok *na kolana*, *na ramiona*), i jako związki frazeologiczne (*coś jest na bakier* ‘coś jest skrzywione’). Nie doszukuję się tu uchybień. Praktyka stosowana w tym słowniku wyraźnie odzwierciedla chwiejny status opisywanych wyrażen przyimkowych, a przejawem tego są właśnie arbitralne decyzje leksykografa.

W strukturze zdania przyimek ma podwójną wartość. Może być on elementem związanym z czasownikiem wymogami rekcyjnymi, por. *wyjść z (domu)*, *czekać na (przyjaciół)*, *uderzyć na (wroga)*, *narazić się na (przykrość)*. W takich wypadkach z reguły mamy do czynienia z grupami syntaktycznymi, pozycja okolicznikowa jest otwarta na inne połączenia: *kajać się przed matką / przed księdzem/ przed nauczycielem*. Na usztywnienie użycia narażone bardziej są te wyrażenia przyimkowe, które funkcjonują w zdaniu jako predykaty dopełniające główną predykację, wnoszące uzupełnienie treści, mam tu na myśli różnego typu okoliczniki wprowadzane przez przyimek (Zgółkowa 1980), por. *Pojedziemy na ryby* (cel); *Krzyczał do ochrypięcia* (skutek), *Na wypadek śnieżyicy przenocujemy w schronisku* (warunek), *Gips stwardniał na kamień* (skutek), *Peszyla się na widok kolegi* (przyczyna). Także podane tu przykłady prezentują różne użycia wyrażen przyimkowych. Jako grupę syntaktyczną traktować można: *na ryby*, bo cel łatwo wyrazić innymi wyrażeniami: *Pojedziemy na jagody*, *na tańce*, *na zabawę* .... Trudniej znaleźć „zamiennik” dla wyrażenia *do ochrypięcia*, choć skutek mogą wyrażać podobne konstrukcje: *wiwatować do ochrypięcia*, *pracował do wycieńczenia*, *opowiadać do znudzenia*. Silniej skonwencjonalizowane jest wyrażenie *na kamień*, choć skutek może być też wyrażony: *na kość*.

Zdarza się, że wyżej wskazane połączenia funkcjonują w znaczeniu przenośnym, por. *czekać na księcia z bajki* ‘zwlekać z wyjściem za mąż’, *czekać na lepsze czasy*

⁶ Piszę „z reguły”, bo niektóre dwusylabowe ciągi typu przyimek + rzeczownik akcentowane są różnie w zależności od statusu, por. *na krzyż* w: *Było tam parę osób na krzyż* vs. *Przysiągł na krzyż* (w pierwszym zdaniu *na krzyż* to przysłówek, w drugim – grupa składniowa). Zwraca na to uwagę Alicja Nagórko, choć widzi w tej regule wyjątki (Nagórko: 2001: 456).

⁷ W *Słowniku współczesnego języka polskiego* takie połączenia konsekwentnie traktowane są jako przysłowki.

‘odkładać zrobienie czegoś na później’. Często powtarzane połączenie tworzy związek frazeologiczny, który również może przekształcić się w przysłówek, oczywiście tylko wtedy, gdy spełnia warunek formalny – ma postać wyrażenia przyimkowego (por. *dotychczas, wtenczas, wniebogłosy* ‘głośno’ (Cyran 1967: 192-199). Warto postawić teraz pytania: Jakie czynniki sprzyjają adverbializacji wyrażenia przyimkowego? Co wpływa na zmianę statusu wyrażenia?

Wiadomo, że choć leksem potencjalnie ma pełny paradygmat fleksyjny, w praktyce językowej zachodzą olbrzymie dysproporcje w funkcjonowaniu poszczególnych form. Nikt nie wątpi, że *rzec* odmienia się przez osoby, a jednak użycia w 1 i 2 osobie (*rzeknę, rzekniesz, rzekłam, rzekłeś*) brzmią dość egzotycznie; wyraz *kra* ma według reguł dop. l. mn. *kier*, ale taka postać wyrazu jest dziwna nawet dla znawców polskiej gramatyki. Wysoka frekwencja wyrażenia przyimkowego typu *na wyrwót, na odwrót, bez ustanku, na oścież, do szczętu, ze szczętem* może uchronić leksem od wygaśnięcia, choć wyrażenie, w którym się ten leksem zachował, zaczyna funkcjonować jako zrost, tzn. jako jeden wyraz-przysłówek.

Oczywiście stopień emancypacji jest różny. Bo choć wycofało się już dla rzeczownika *odwrót* znaczenie ‘przeciwnie, odwrotnie’, nadal funkcjonuje *odwrót* z znaczeniu ‘cofanie się; odstępowanie, ucieczka’. Rzeczownik *ustanek* znaczenie ‘ustanie, skończenie się, przeminięcie czegoś’ zachował tylko w wyrażeniu *bez ustanku*. Rzeczownik *poprzek* funkcjonuje tylko w połączeniach *na poprzek, w poprzek*, ale żywy jest związek z odprzymiotnikowym przysłówkiem *poprzecznie* ‘prostopadle do dłuższego boku’. Podane tu wyrażenia mają wartość podwójną – czujemy ich związek z grupą syntaktyczną, ale są to już przysłówki.

Wartość przysłówkową już całkowicie przyjęły wyrażenia, w których genetyczny rzeczownik jest dla przeciętnego Polaka nieczytelny, por. *po omacku* (*omacek* ‘niemożność widzenia czegokolwiek; ciemność’), *do rozpuku* (*rozpuk* ‘rozpęknięcie się’), *w sztok* (*sztok* z niem. *Stock* ‘pień, pniak’), *bez ogródek* (*ogródek* ‘omawianie, chodzenie koło płotu, (...)’), *na wyprzódki* (*wyprzódki* ‘wyścigi, ściganie się’), *w perzynę* (*perzyna* ‘to, co się pali lub zostało zniszczone pożarem; zgliszcza’), *do szczętu, ze szczętem* (*szczęt* ‘resztką’). Przejrzystość takich wyrażen jest zatarta do tego stopnia, że niektóre norma nakazuje pisać łącznie, por. *dosyć, zrazu, zawczasu, naprzód, nazbyt, wciąż, wespół, wplaw, wręcz, wobec, wewnątrz*.

3. Przysłówki mają zdolność przechodzenia do klasy partykuł, mamy zatem do czynienia z nową klasą wyrazów. Tu reguły „słowotwórcze” są całkiem inne; problem warunków, które sprzyjają takim przejściom jest niejako na innym poziomie.

3.1. Przysłówek przyjmuje wartość partykuły, gdy użyty jest jako komentarz do własnego tekstu, por. *na początku, na koniec, w dodatku, na dodatek, po pierwsze, po drugie* w zdaniach:

Na początku (= *najpierw*) *przyjrzyjmy się podanym przykładom.*

Dodam na koniec (= *wreszcie*), *że trudno odróżnić przysłówek od partykuły.*

Po pierwsze (= *przede wszystkim*) *przykłady nie są jednoznaczne, a na dodatek / w dodatku ich sens zmienia się w zależności od kontekstu.*

3.2. Innym powodem przesunięcia przysłowka do klasy partykuł może być użycie przysłowka w sposób „podmiotowy”, np. na potwierdzenie pewności czy prawdziwości tego, co sami mówimy; tu wymienić można: *zaprawdę, naprawdę, wprawdzie, doprawdy* (Kleszczowa 2012). Jak widzimy, reguły powstawania takich modulantów (partykuł) odbiegają od typowych środków słowotwórczych. O odmiennym statusie decyduje sposób użycia.

Zagadnienie jest tu ledwie zasygnalizowane, nie tylko z powodu ograniczonych ram artykułu. Rzecz wymaga głębszych studiów, te są dopiero zainicjowane⁸.

Zakończenie

Jak pokazałam w artykule, granice dziedziny nazywanej słowotwórstwem nie są ostre. Nie do końca określony status wyrażenia przyimkowego – jeden wyraz czy dwa wyrazy? – sprawia, że powstałe na bazie wyrażenia przyimkowego derywaty nie są stabilne, zdarza się, że bazowy przyimek zmienia swój status – z przyimka staje się przedrostkiem. Konsekwencją jest rozrost imiennej derywacji prefiksальной, co sprzyja wchłanianiu prefiksów zapożyczonych.

W zakres słowotwórstwa można również włączyć derywaty o postaci wyrażen przyimkowych (przysłówek oraz partykuł)⁹. Oto argumenty dla takiego traktowania wyrażen przyimkowych:

1/ Rozpatrywane w referacie twory mają charakter zrostów. Zrosty rzeczownikowe i przymiotnikowe wchodzą w obręb słowotwórstwa, choć są to twory incydentalne. Skoro adverbializacja wyrażen przyimkowych tworzy zbiór bogaty ilościowo, wyrażenia typu *na bok (coś odłożyć), na czas (wykonać pracę), do kupy (się zebrać)* warte są słowotwórczej refleksji.

2/ Mamy do czynienia z tworam, które niejako powstają „na naszych oczach”, a to daje sposobność obserwacji dynamiki języka, zatem zespolenia aspektu synchronicznego z diachronicznym. Częsty to postulat we współczesnej lingwistyce, ale w praktyce traktowany dość powierzchownie.

3/ Rozstrzygnięcia mogą dać wskazówki leksykografom, bo – jak wykazałam – rozbieżności w leksykonach współczesnej polszczyzny są bardzo duże. I być może w ten sposób znajdzie się odpowiedź na pytanie, jak powstały wcześniejsze przysłowki, również te od przymiotników odmiany prostej (*znowu, zgoła, wprost*)¹⁰.

⁸ Problem powstawania partykuł na bazie przysłówek mieści się w projekcie badawczym pt. *Polskie wyrażenia funkcyjne w ujęciu diachronicznym*, finansowanym przez Narodowe Centrum Nauki nr UMO-2011/01/B/HS2/04643.

⁹ Stanowisko przeciwne argumentuje R. Grzegorzczkova następująco: „Zjawiska te nie należą właściwie do słowotwórstwa rozumianego formalnie (derywowanie leksemu za pomocą formantów), ale do szeroko pojętej frazeologii, w zakres której wchodzą wszelkie zleksykalizowane konstrukcje składniowe.” (GWJP: 463).

¹⁰ Wiadomo, że to przysłowki powstałe na bazie odmiany prostej przymiotników, ale dla autorki referatu ciągle zagadką jest, co spowodowało, że przymiotniki stały się określnikami czasownika (przysłówkami).

LITERATURA

- Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia.* Red. R. Grzegorzczkowa, R. Laskowski, H. Wróbel. Warszawa 1984 (GWJP).
- Grzegorzczkowa R., *Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków.* Wrocław 1975.
- Jadacka H., *Zrosty – najmniej znana struktura słowotwórcza.* W: *Człowiek – słowo – świat*, red. nauk. K. Waszakowa, T. Korpysz, J. Chojak. Warszawa 2010, s. 325-332.
- Kleszczowa K., *Zaprawdę, zaprawdę, powiadam ci...Z dziejów polskich wyrażen funkcyjnych* In: *Sprache im Kulturkontext. Festschrift für Alicja Nagórko*, red. H. Burkhardt, R. Hammel, M. Łaziński, „Berliner Slavistische Arbeiten“, t. 39, Peter Lang, Frankfurt am Main 2012, s. 81-88
- Krażyńska Z., *Staropolskie konstrukcje z przymkami.* Cz. II. Poznań 2001.
- Kreja B., *Mówię, więc jestem. Rozmowy o współczesnej polszczyźnie.* Gdańsk 2000.
- Nagórko A., Präpositionen und die Wortbildung der Adverbien im Polnischen. In: Gerd Hentschel / Thomas Menzel : *Präpositionen im Polnischen.* Oldenburg 2003, 285-298.
- Nagórko A., *Przymyki a słowotwórstwo przysłówków.* „Prace Filologiczne” XLVI 2001, s. 453-462.
- Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny.* Red. H. Zgólkowa. T.1-50. Poznań 1994-2005.
- Puzynina J., *Kategorie słowotwórcze w świetle lingwistyki kognitywnej.* In: *En slavist i humanismens tegn. Festschrift till Kristine heltberg.* Eds. P. Jacobson et al. Kopenhaga 1994, s. 79-85.
- Słownik współczesnego języka polskiego.* Red. B. Dunaj. T. 1-2. Warszawa 1999.
- Sokołowski J., *Słowiańskie derywaty imienne z przymkiem negacji w podstawie słowotwórczej.* Wrocław 2000.
- Uniwersalny słownik języka polskiego.* Red. S. Dubisz. Warszawa 2003.
- Symoni-Sułkowska J., *Formacje rzeczownikowe utworzone od wyrażen przymkowych.* Wrocław 1987.
- Wójcikowska E., *Formacje atrybutywne typu podgórski, nadludzki w języku polskim,* Warszawa 1991.
- Zgólkowa H., *Funkcje syntaktyczne przymków i wyrażen przymkowych we współczesnej polszczyźnie mówionej.* Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1980.

Kristina Kleščova

PREDLOZI U POLJSKOJ DERIVACIJI

R e z i m e

Referat ima sledeći cilj: pokazati da nestabilnost predloga (jedna ili dve reči) stimuliše promene u sistemu tvorbe reči. U prvom delu referata razmatraće se derivati, nastali na osnovu predloga. U poljskom jeziku primetna je pojava promene statusa osnovnih predloga-neki dobijaju osobine prefiksa, up. *po-morze*, *około-budżetowy*, *poza-racjonalny* (= *nieracjonalny*). To objašnjava lakoću sa kojom se tokom poslednjih decenija primaju strani prefiksi tipa *kontr(a)*-, *pro*-, *sub*-, *wice*-; taj proces je u skladu sa opštım procesom širenja prefiksalne derivacije kod imenica i prideva. U drugom delu referata govoriće se o priložima koji se pojavljuju u obliku predloških konstrukcija, npr. *na pozór*, *w poprzek*, *z dawna*, *na bakier*, *bez pardonu*, *na barana*, *po drodze*, *za pamięci*. To su forme koje nastaju kao posledica okoštavanja grupe (grupa prolazi kroz proces leksikalizacije). Mnogo takvih formi prelazi u klasu partikula (npr. *na pewno*, *przede wszystkim*, *z kolei*). Postavlja se pitanje: Da li se radi o pojavama koje pripadaju tvorbi reči?

НІНА Ф. КЛИМЕНКО*

ІНСТИТУТ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ НАН УКРАЇНИ, КИЇВ

ОНОВЛЕННЯ СЛОВОТВОРЧИХ РЕСУРСІВ ЯК НАСЛІДОК СЕМАНТИЧНОЇ ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ МОВ

Абстракт. Динамічні процеси в лексиконах східнослов'янських мов засвідчують зміну функціональної поведінки словотворчих ресурсів, їх оновлення, що виразно помітно в середовищі афіксоїдних основ, які стають інтернаціональними і розвивають свій словотвірний потенціал, формуючи гнізда споріднених слів. Цьому сприяє семантична інтерференція, завдяки якій формуються в різних мовах ідіосеми. На прикладі східнослов'янських, новогрецької та англійської мов показано, як активність інтернаціональних ідіосем сприяє перебудові семантем у запозиченій лексиці, виникненню нових ідіосем у чужомовному середовищі, утвердженню нових моделей творення складних слів.

Ключові слова: семантична інтерференція, композити, юкстапозити, інтернаціоналізми, афіксоїди, ідіосема.

Динамічні процеси в лексиконах сучасних слов'янських мов засвідчують зміну функціональної поведінки їхніх словотворчих ресурсів. Помітне збільшення кількості складних слів у східнослов'янських, германських, новогрецькій мовах, зростає продуктивність запозичень. Оновлення словотворчих одиниць особливо виразно виявляється у середовищі афіксоїдних основ. Серед них багато нових, що з'явилися в останні десятиліття в слов'янських та інших мовах і стали потужним засобом формування нових словотвірних гнізд. Численні запозичені основи–афіксоїди швидко стають інтернаціональними. Завдяки подібності поняттєвих полів, схожій стратифікації лексики у різних мовах виникають передумови для семантичної інтерференції, формуються нові ідіосеми та ідіоморфи, де ідіо – основа, співвідносна з грец. *ἰδίος* той самий.

Звернімося до аналізу мовного матеріалу. В сучасних східнослов'янських мовах зросла продуктивність основи *клуб-* у складних словах, що є вільною. Співвідносний з нею запозичений з англійської мови іменник *клуб* (від *club*) у мові-етимоні багатозначний. Він називає громадські організації, що об'єднують людей за певними спільними інтересами, а також розважальні заклади. Цей

---

* e-mail: nina_klymenko@ukr.net

іменник зберігає своє історичне значення у назвах політичних партій в період Французької революції XVIII ст. («Клуб друзів народу», «Клуб революції»).

У сучасній українській мові іменник *клуб* дещо трансформував значення порівняно з первісними значеннями англійського *club*. За тлумачним словником української мови він називає громадські організації, що об'єднують людей певного кола, професії для спільного відпочинку, занять спортом. Друге його значення співвідносить з реаліями радянського часу, коли *клуб* був культурно-освітньою організацією при підприємстві або установі, завданням якої були політична та виробнича освіта трудящих, підвищення їхнього культурного рівня, проведення відпочинку. Цей іменник називав також будинок таких організацій, отже клубове приміщення [СУМ, т. IV, 1970-1980].

Цей словник віддзеркалював лексику 80-х років XX ст. і засвідчував чотири складні іменники з основою *клуб*: *аероклуб*, *інтерклуб*, *спортклуб*, *яхтклуб*. Орфографічний словник української мови показує, що слова з основою *клуб* усе частіше стають назвами розважальних центрів, їхніх приміщень [УОС 2007]. Крім згаданих слів у ньому є *автоклуб*, *автомотоклуб*, *бізнес-клуб*, *жокей-клуб*, *мотоклуб*, *прес-клуб*, *радіоклуб*. У словопоказчику нових слів української мови зареєстровано *медіа-клуб*, *рейв-клуб*, *фіто-клуб*, *фітнес-клуб* [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2010]. У російській мові зареєстровано численні подібні до цього слова: *аэроклуб*, *автоклуб*, *автомотоклуб*, *бизнес-клуб*, *жокей-клуб*, *интерклуб*, *радиоклуб* та ін.

Це зумовлено появою нових реалій в організації культурного дозвілля людей, що з'являються під впливом традицій масових шоу в США і Західній Європі. Іменник *клуб* у східнослов'янських мовах активізував значення об'єднання людей за інтересами; розважального центру з музикою, танцями: *інтернет-клуб*, *рок-клуб*, *шоу-бізнес-клуб*. Ця основа не трапляється в першій позиції складних слів.

У новогрецькій мові засвідчено іменник *то кламп*, що зберігає свою чужорідність за фонетичною формою (з незвичними кінцевими приголосними *μπ*). Він існує з такими питомими для неї словами, як *η λέσχη*, *η συλλογή* на позначення зібрання людей з певними спільними інтересами для розмови, відпочинку: *το κλαμπ των παντρεμένων* клуб одружених. Як і в східнослов'янських мовах, у новогрецькій цей іменник відвоював свій семантичний простір при утвердженні нової реалії – центру розваг і відпочинку.

В новогрецькій *кламп* поширений у сполученнях з узгоджуваними з ним прикметниками на зразок: *κεντρικό / μουσικό / χορευτικό / νυχτερινό κλαμπ* або з двох іменників: *το κλαμπ της μόδας*. В українській їм відповідають еквівалентні за значенням словосполучення: *центральний, музичний, танцювальний, нічний клуб* та «будинок моди», не клуб!

Розгляданий іменник засвідчено також у складі словосполучень *το βίντεο κλαμπ*, відеоклуб, *το νάιτ κλαμπ (night club)*, нічний клуб, *το τένις κλαμπ*, тенісний клуб, *το τζαζ κλαμπ* джазовий клуб, *το φан κλαμπ* клуб фанів. У новогрецькій мові вони належать до запозичених з англійської словосполучень, у яких у препозиції до *кламп* стоять невідміновані іменники. У ній з'явилося кілька похідних від

лексеми *то κλαμπ*: *то κλαμπάκι* клубик, *то κλάμπινγκ* часте ходіння до клубів із танцювальною музикою. Такі утворення відсутні в східнослов'янських мовах.

Отже, семантичний простір іменників *club*, *клуб*, *κλαμπ* у аналізованих мовах поповнюється здебільшого спорідненими з ними за основою складними словами, наділеними однаковими ідіосемами, або словосполученнями. У східнослов'янських мовах такі слова належать переважно до напівкомполітів та аббревіатур або юкстаполітів та аббревіатур. Адже вони активізують складання основ, яке ще на початку ХХ століття перебувало на периферії словотвірних систем цих мов, хоча історично було первісним перехідним етапом між словотворенням та основокладанням: *Новгород*, *Славгород*, *Вишгород*. Воно відбувалося без єднальних інтерфіксів, тоді як для сучасних східнослов'янських мов характерне основокладання з інтерфіксами.

Запозичення впливають на механізми словотворення, змінюючи морфемну структуру складних слів і впроваджуючи в словотвірні системи мов нові моделі творення слів, що властиві мовам з більшим ступенем аналітизму, зокрема англійській. Новогрецька мова з її дуже продуктивним способом основокладання з єднальними інтерфіксами здебільшого не впускає в свою систему слів на зразок *бізнес-клуб* і запозичує розчленовані номінації-словосполучення.

У лексиконах східнослов'янських мов кількість одиниць розглянутого типу, а також списки запозичених основ зі статусом словотворчих одиниць збільшуються, як і зростає продуктивність творення нових складних слів-гібридів, утворених за аналогією до запозичених зразків-моделей комполітів та юкстаполітів.

Отже, в східнослов'янських мовах творення складних слів є наслідком двох процесів: згортання словосполучень у складні слова: *Європейський Союз* – *Євросоюз* та оформлення одиниць за існуючими моделями утворення юкстаполітів і комполітів. Це виразно помітно в середовищі запозичень, де спочатку нагромаджуються лексеми з тотожними першими: *арт-бізнес*, *арт-галерея*, *арт-продюсер*, *арт-проект*, *арт-салон*, *арт-шоу* або другими основами: *комп'ютер-сервіс*, *Київсервіс*, *копіленд-сервіс*, *сантехсервіс*, *телесервіс*. У першому випадку префіксоїд *арт-* виражає значення «художньо-культурні цінності» (рідкісні книжки, ікони, картини, скульптури тощо). У другому – *сервіс* передає значення «обслуговування». За цими зразками формуються нові слова: *арт-директор*, *арт-культура*, *побутсервіс*, *пошта-сервіс*.

Аналіз утворень з основами *клуб*, *κλαμπ*, *club* показує, що в розглянутих мовах ці запозичення не тільки зберігають ідіосеми, а й формують почасти подібний семантичний простір лексем з близькими поняттєвими компонентами лексичних значень.

З іменником *клуб* в українській успішно конкурують *будинок*, *дім*, *центр*, у російській *дом*, *центр*: укр. *будинок актора*, *архітекторів*, *композиторів*, *кіно*, *учителя*, *дім білизни*, *посуду*, *меблів*, *аромоксамитовий дім*, рос. *дом актёра*, *архитекторов*, *композиторов*, *кино*, *учителя* і т. ін. У новогрецькій є лексичні паралелі до них: *ο οίκος*, *το κέντρο*: *ο εκδοτικός οίκος* видавничий дім, *ο οίκος της μόδας* будинок моди, *το πνευματικό κέντρο* культурний центр. Ці слова споріднені між собою тільки деякими значеннями і зберігають своєрідність. У більшості

випадків заміна в словосполученнях іменника *центр* на *клуб* чи *будинок*, *дім* не відбувається, хоча вона можлива, пор.: *радіоцентр* – *будинок радіо*, *торговий центр* – *будинок торгівлі*.

У новогрецькій широко представлені словосполучення з *οίκος* (*ο οίκος (του) Θεού*) – Божий дім, храм, англ. *God's House*, *ο οίκος ευημερίας* будинок для людей літнього віку, *ο οίκος τυφλών* будинок сліпих. Набагато продуктивніший від *οίκος* та *κλαμπ* у грецькій мові іменник *το κέντρο*, що реалізує в розчленованих номінаціях кілька своїх значень, зокрема «місце зосередження великих і важливих сил (культури, науки)», «осередок певної, здебільшого професійної діяльності». Це слово відоме в давньогрецькій мові з первісними значеннями «вістря, колочка, жало». Як геометричний термін воно усталилося вже в часи Еврипіда в 3 столітті до н.е. Згодом в іменника *το κέντρο* розвинулися також метафоричні значення. До багатьох інших мов він проник з термінологічними та метафоричними значеннями. У сучасній новогрецькій мові *το κέντρο* поширене в багатьох прикметниково-іменникових словосполученнях зі значенням «осередок» та нечисленних композитах на зразок: *κεντρόφυγος* центробіжний та *κεντρόμολος* центротяжний. У східнослов'янських мовах іменник *центр* – вершинне слово словотвірних гнізд, у яких десятки похідних: афіксальних: *доцентровий*, *відцентровий*; складних: композитів *центроплазма*, *центроплан* та юкстапозитів: *прес-центр*, *бізнес-центр*.

Англійська мова засвідчує опозицію слів *club* (установа для розваг, культурний заклад) та *centre* (установа, що організовує певну професійну, науково-дослідну та іншу діяльність). Обидва вони виступають стрижневими словами численних найменувань – словосполучень.

Розглянуті основи належать до розряду вільних, отже, співвідносяться зі словами, що мають статус самостійних. У складі інтернаціоналізмів вони виражають спільні ідіосеми, набуваючи дещо іншої специфічної у кожній мові фонетичної форми. Похідні слова з ними, що з'явилися в останні десятиріччя XX та XXI ст., свідчать про певну перебудову в семантемах слів і набуття деякими лексико-семантичними варіантами більшої питомої ваги в інтернаціоналізмах.

Серед інтернаціональних основ у східнослов'янських, новогрецькій та германських мовах численні одиниці, що мають статус вільних, зв'язаних та напівзв'язаних, які демонструють появу нових значень у похідних словах із ними порівняно з мовою-етимолоном.

Розглянемо в цьому плані докладніше основи *сна-*, *спа-*, *ста-*, *євро-*, *євро-*, *єуро-*, *євро-* та *єко-*, *єсо-*, *єко-*.

Основа *сна-* належить до запозичень в англійській та східнослов'янських мовах. Вона співвідноситься з власною назвою маленького міста на сході Бельгії Спа, що з часів Середньовіччя славиться своїми джерелами мінеральних вод. Назву цього міста-курорту позначено на карті Європи, однак вона не дуже відома. Поширену в багатьох складних словах основу *сна-*, мабуть, можна кваліфікувати як напівзв'язану з видозміненим порівняно з топонімом значенням «лікувально-відновлювальні процедури за допомогою мінеральних вод».

Ця назва перетворилася на загальну і *сна* вже в XX сторіччі стала використовуватися в англійській мові зі значенням «мінеральне джерело, курорт

з мінеральними водами». В англійській мові іменник *spa* має два значення: 1) гідромасажна ванна, син. *Jacuzzi* та 2) кіоск з прохолодними напоями. У дев'яності роки ХХ сторіччя основа *spa-* стала інтернаціональною і використовується у складних словах і словосполученнях зі значенням «лікування мінеральними водами». Характерно, що англійське словосполучення *spa treatment* має грецький відповідник кренотерапія (від *κρήνη* 1) природне джерело води, 2) кам'яне чи мармурове пристосування, в якому б'є фонтан з водою) та *η Θεραπεία* лікування. З ним вона закріпилася в романських, германських та слов'янських мовах. Здебільшого основа *spa-*, *spa-* є складником назв установ, у яких використовують *spa-* як засіб лікування чи оздоровлення: *day spa* – різновид салонів краси (в них косметичні процедури доповнено такими послугами, як сауна, басейн, парова ванна), *a destination spa* – курорт з особистого догляду зі спа-процедурами та дієтою, фізичними вправами, йогою, *a spa-resort* – спа-курорт, *spa-centre* – спа-центр, *spa-industry* – спа-індустрія, *spa-club* – фітнес-клуб.

Серед похідних зі *spa-* в англійській мові набагато менше найменувань дії, поодинокі назви осіб: *spa-goer* постійний відвідувач спа-салонів. Натомість поширені словосполучення, що називають різновиди спа-процедур за місцем проведення (на борту корабля, на курорті, в готелі, вдома). Вона вже оформлена і як дієслово *to spa* в кількох значеннях 1) лікуватися на водах та 2) їздити на води [Скибицька 2012].

У новогрецьких лексикографічних джерелах нам не вдалося виявити похідних з основою *spa-*. Український орфографічний словник (УОС 2007) теж не реєструє таких одиниць. Однак вони засвідчені у словопоказчику 2008 року: *спа-догляд, спа-манікюр, спа-масаж, спа-процедури, спа-салон, спа-центр* [Клименко, Карпіловська, Кислюк 2008: 321]. Це говорить про входження таких слів до лексико-семантичних систем слов'янських та германських мов, про появу специфічних інтернаціональних значень у традиційно використовуваних одиниць, а також про можливість становлення і поповнення нових основ-інтернаціоналізмів з інших мов. Деякі з них з власних назв стають загальними, набуваючи специфічних ідіосем, характерних для кількох мов.

Основи *ευρω-*, *євро-*, *євро-*, *євро-*, *євро-*, *євро-*, *євро-*, *євро-*, *євро-* представлені в словниках східнослов'янських, англійської та новогрецької мов [ЗАЦНІЙ; БУС 2006; ОСУМ 1994; РУС 1968, РУС 1-2011; СУМ 1970-1980].

Перша трапляється в понад дев'яти десятках слів англійської мови і позначена високою частотою використання в інтернет-текстах. Дослідники грецької мови засвідчують *ευρω-* у 500 лексемах корпусу новогрецьких текстів [Γαυριλιδου, Νάκας 2002, 203]. Основу *євро-* позначено продуктивністю в сучасній українській мові [Клименко 2008]. У реєстрах словників та в текстах ЗМІ поширюється коло слів із нею, що сягає вже понад сотню одиниць. Дані взятих для аналізу реєстрів словників доповнюють численні неологізми на зразок *євро-афро-азійський, євробанкір, євробізнес, євробум, євровідносини, євровіза, євродизайн, євронет, євро-сервіс, євросуд* та інші. Таку ж картину спостерігаємо в новогрецькій мові, в словниках якої основу *ευρω-* подають в найбільш засвоєних цією мовою лексемах на зразок *οι ευρωαποφάσεις євровішення, το ευρωσυμπόσιο євросимпозіум, η*

ευρωλίγκα *євроліга*, το *ευρωδολάριο* *євродолар* та інші. Кількість їх значно зросла порівняно з дев'яностими роками.

Окреслимо прошарок лексики та номінативних словосполучень, спільних для п'яти розгляданих мов: η *ευρωβουλή*=η *ευρωκοινοβουλή* – європарламент – *Europarliament*, η *ευρωζώνη* – *єврозона* – *Eurozone*, *ευρασιατικός* – *євразійський* – *Eurasian*, η *ευρωτηλέοραση* – *євро(теле)бачення* – *Eurovision*, ο *ευρωπαράς* – *євровалюта* – *eurocurrency*, η *ευρωαστυνομία* (а також το *ευρωπόλ* – *європол* – *Europolice*) – *європоліція*, το *ευρωκύπελο* – *єврокубок* – *Eurocup* та ін. Він поповнюється унаслідок виникнення і поширення спільних реалій: το *ευρωμπάσκετ* – *євробаскетбол* – *Eurobasket*, το *ευρωποδόσφαιρο* – *єврофутбол* – *Eurofootball*, η *ευρωενδυμασία* – *євроодяг* – *Eurodress*, η *ευρωάμυνα* – *євробезпека* – *Eurosecurity*, ο *ευρωστράτός* – *євроармія* – *euroarmy*. Світ цих реалій дуже широкий. Він охоплює політичні, економічні, побутові явища.

Дослідники З. Гаврилідіду та Т.Накас встановлюють три значення основи *ευρω-* у сучасній грецькій мові, які співвідносять другі складники композитів

1) з поняттям «Європа» (в географічному, історичному, культурному сенсі): ο *ευρωλιμένας* – *європейський порт*, *єврооренда* – *euroflat*, *євробізнес* – *eurobusiness*, *євродизайн* – *eurodesign*, ο *ευρωπύραυλος* – *євrorакета*, 2) з поняттям «Європейський Союз» (ЄС): η *ευρωτράπεζα* – *Євробанк* – *Eurobank*, το *ευρωμάρκετ* – *євромаркет* – *euromarket*, η *ευρωμόρφωση* – *євроосвіта* – *euroeducation*; 3) з грошовою одиницею *євро*, το *ευρώ*: η *ευρωζώνη* – *єврозона*, το *ευρωβραβείο* – *європремія*, το *ευρωδάκτυλο* – *європозика*, η *ευρωέκπτωσηση* – *падіння євро*. З цими трьома значеннями, тобто одним традиційним і двома запозиченими, основа *ευρω-* трапляється в східнослов'янських, англійській та новогрецькій мовах.

Проте в українській мові у цієї основи розвинулося ще четверте, оцінне значення, коли йдеться про побутові речі, яким приписується висока гарна якість: *євроавтобус* – *eurobus*, *євровікно* – *eurowindow*, *європідлога* – *eurofloor*, *євромода* – *euromoda*. Якраз такі слова побутують у публіцистичному (особливо у рекламному жанрі) та розмовному стилях української мови: *євроквартира*, *європлінтус*, *єврорубериод*, іноді з іронічним відтінком: *єврозабігайлівка*, *євролюбов*, *європані*, *євроскандал*, *єврохата* (кав'ярня).

У сучасній українській мові функціонують гібридні слова *єврооблігація*, *єврогол*, *євромережа*, *євронет*, *європосада*. Вони характерні також для новогрецької мови: το *ευρωμαχητικό* – *євровинищувач*. Учені відзначають, що словотвірні неологізми з основою *ευρω-* стають членами лексико-семантичних систем мов і входять у ряди антонімів: η *ευρωαισιοδοξία*, *єврооптимізм* – η *ευρωπαισιοδοξία*, *європесимізм*, η *ευρωαριστέρα* (об'єднання лівих партій Європи) – η *ευρωδεξιά* (об'єднання правих партій Європи) та синонімів 2) η *ευρωαισιοδοξία* = η *ευφορία* [Γαυριλίδου 2002, 206].

У англійській мові численні європейські реалії названі похідними словами з основою *euro-*: *euronews* – *євроновини*, *eurosport* – *євроспорт*, *euromoda* – *євромода*, *euroway* – *євродорога* або словосполученнями: *євроінтеграція* – *European integration*.

Утворення афіксальних похідних від композитів з основою *євро-* нечисленні, пор. *європарламентар* – *ο ευρωβουλευτής*, *євроцентристський* – *eurocentric* – *ευροκεντρικός*, *євроінтеграційний*, *євро-афро-азійський*, *єврокоμμουνισμός*, *єврокомунізм*, *ο ευρωκομμουνιστής* – *єврокомуніст*, *η ευρωκομμουνίστρια* – *єврокомуністка*. Отже, засвоєння основ *євро-*, *євро-* та *євро-* відбувається переважно в межах композиції основ у розглянутих мовах і незначною мірою підтримане афіксальним словотворенням.

Зростання кількості лексичних запозичень з нею активізує ці основи як словотворчі компоненти в складі гібридних слів. Це створює передумови для використання подібних слів у розмовному стилі і відкриває можливості для їх глибшого входження в лексику мов.

Основа *єко-* (від грец. *οίκος* – *дім, житло*) поширена в українській, англійській та новогрецькій мовах. У східнослов'янських, романських та германських мовах вона асоціюється з прикметником *єкологічний*, який підкреслює зв'язок груп організмів (тварин, людей тощо) з середовищем, у якому вони живуть. Різні аспекти цього зв'язку називають численні слова, переважно складні, з основою *єко-* і словосполученням прикметника *єкологічний* та іменника. Прикметник *ecological*, іменник *ecology* запозичено з англійської мови, як і багато інших слів з основою *єко-*. Нагромадження лексичних запозичень з нею у кожній з названих мов сприяло виділенню її як словотворчого засобу.

Сформувався спільний фонд інтернаціоналізмів з основою *єко-*, що належать до лексичних запозичень, перекладних перифраз та численних кальок. За нашими матеріалами до нього входять 75 одиниць: *ecology* – *єкологія*, *η οικολογία*, *ecological*, *єкологічний*, *οικολογικός*; *ecologist* – *єколог*, *ο/η οικολόγος*, *ecobiotic* – *єкобіотичний*, *ecogenesis* – *єкогенез*, *ecocatastrophe* – *єкокатастрофа*, *ecoholocaust* – *єкоголокост*, *ecodisaster (area)* – *район єкологічного лиха*, *ecomonitoring* – *єкомоніторинг*, *єкоконтроль*, *ecovillage* – *єкопоселення*, *ecosystem*, *єкосистема*, *ecotourism*, *єкотуризм*, *ο οικουρισμός*, *ecotourist* – *єкотурист* – *ο εκουριστάς*, *ecotype* – *єкотип* – *ο οικότυπος*; *ecological sociology* – *єкосоціологія*, *ecological shock* – *єкошок*, *ecological stress* – *єкострес*, *ecological crisis* – *єкокриза*, *ecological war* – *єковійна*, *ecological toxicology* – *єкотоксикологія*, *ecocide* – *єкоцид* тощо.

Найчисленніше угруповання становлять лексеми з основою *єко-* та термінологічні словосполучення з прикметником *ecological* в англійській мові: *ecoline* – *єкоклін* (*клин адаптації виду чи суспільства до градієнта умов середовища*), *ecosconsumer* – *єкоспоживач*, *ecodevelopment* – *єкорозвиток*, *ecocentrism* – *єкоцентризм*, *eco-standards* – *єкостандарти*, *ecoprotectionism* – *єкопротекціонізм* (*зелений, єкологічний протекціонізм*), *Eco-eco technology* – *єкологічно сприятлива технологія*, *ecological advancement* – *покращення екоситуації*, *ecological approach* – *єкологічне дослідження*.

Багато з них переходять до інших мов як перекладні кальки: *ecological age* *єкологічний вік*, *ecological assessment* *єкологічна експертиза*, *ecological backlash* *негативні наслідки*, *ecological destruction* *руйнування природного комплексу*.

У сучасній українській мові на тлі одиниць з *єко-* та другою теж запозиченою основою: *єкобіоморф*, *єкосфера*, *єкотероризм*, *єкофірма*, *єкофункція* багато

утворень з *еко-* гібридного типу: *екобезпека, екозавдання, екокоридор, екомережа, екоосвіта, екорух*.

На відміну від англійської та української мов у новогрецькій основа *оико-* має два значення: 1) коли вона додає другому складнику слова значення «будинок, житло»: *то оікобσηцо* родинний герб (букв. герб дому) та 2) коли вона модифікує його значенням «екологічний»: *η οικοφυσιολογία* екофізіологія. Отже, ця основа співвідносна з гніздом слів, споріднених з іменником *οίκος*, збереженого з давньогрецької мови. У ньому численні слова з основою *οικο-* з першим значенням: *η οικογένεια* родина (букв. рід дому), похідні від нього *οικογενειακός, родинний, οικογενειακά/ώς* по-родинному; *ο οικοδόσκαλος* домашній учитель, *το οικόδομημα* будівля, *η οικόδομηση* будівництво, *το οικόπεδο* будівельний майданчик. Багато в словниках слів з *οικο-* в другому значенні (про них вже йшлося). Ще більше їх у корпусі новогрецької мови.

Визначальною рисою семантичного простору *еко-* (*οικο-*) в новогрецькій мові є її ще відчутні зв'язки зі словами, що реалізують значення «економіка» (*η οικονομία* від давньогрецького *οικονόμος* той, хто порядкує, розпоряджається в домі). В українській та англійській мовах слова з компонентом *економ-* (*-іка, -ічний*) сприймаються як належні до інших гнізд порівняно з гніздом, у вершині якого перебуває складне слово *екологія*.

Отже, основи *євро-*, *єуро-*, *євро-* та *еко-*, *есо-*, *οικο-*, що запозичені з грецької мови і використані в чужому для них мовному середовищі (зокрема англійському) як будівельний матеріал для творення нових слів, здатні розвивати нові значення. З цими значеннями-ідіосомами вони проникають до інших мов, перетворюючись на інтернаціоналізми. Коли лексеми з ними потрапляють до мови, з якою вони пов'язані етимологічно, такі одиниці налагоджують стосунки зі спорідненими словами. Завдяки цьому відбувається розширення значень основ, що вже є в мові-етимоні та похідних з ними слів. Нові ідіосоми доповнюють їхню семантику.

В *євро-* з'явилася значення «монета», грошова одиниця, що було додане до вже усталеного, але ще нового для неї значення «який стосується Європейського Союзу» на тлі давнього значення «*Ευρώπη*», належний Європі. Саме ці три ідіосоми єднають *євро-*, *єуро-*, *євро-* в розглянутих мовах.

У *еко-*, *есо-*, *οικο-* під впливом англійської мови розвинулося значення «екологічний», що стала провідною ідіосомою в східнослов'янських, германських та новогрецькій мовах. І в цьому випадку йдеться про появу в грецької основи *οικονομο-* нового значення, що виникло на чужомовному ґрунті, але стало єдиним для неї в складі інтернаціоналізмів. У грецькому середовищі семантика *οίκος* розширилася, до вже існуючих значень лексеми «житло, будинок» додалося значення значення «пов'язаний з екологією».

Зростання кількості складних слів проміжного типу (напівкомпозиції – напівабревіатури, напівюкстапозити – абревіатури) у східнослов'янських мовах веде до зміни їхньої морфемної структури і образу «складного слова» без єднальних інтерфіксів.

Збільшення продуктивності інтернаціональних переважно зв'язаних основ, виявне у значній частині складних слів, сприяє їхній лексикалізації: *арт, евро, поп, ретро*, та ін. (пор. з уже засвоєними *аудіо, відео, мото, фото*).

ЛІТЕРАТУРА

- Клименко Н.Ф. Национально-языковые особенности освоения интернационализмов (на материале современного украинского и новогреческого языков) // Українська елліністика. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С. 388-395.
- Клименко Н. Ф., Карпіловська Є.А., Кислюк Л.П. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008. – 335 с.
- Скибицька Н.В. Особливості функціонування інтернаціональних основ у складі неологізмів різних мов // Мовні і концептуальні картини світу. Вип. 40. – К.: вид. Київського у-ту, 2012. – С.14-19.
- Γαυριηλίδου Ζ., Νάκας Θ. Νεοελληνικά αθησαύριστα: λέξεις που αρχίζουν από ευρώ- // Γλωσσολογικές έρευνες για την ελληνική. – Paris: L'Hartmann, 2002. – 329 σ.

ЛЕКСИКОГРАФІЧНІ ПРАЦІ

- Білорусько-український словник. – К.: Довіра, 2006. (БУС)
- Зацний Ю.А., Янков А.В. Нова розмовна лексика і фразеологія: Англо-український словник. / Ю.А.Зацний, А.В. Янков. – Вінниця: Нова Книга, 2010. – 224 с.
- Орфографічний словник української мови. – К.: Наукова думка, 1994. (ОСУМ)
- Російсько-український словник. – Т. 1-3. – К.: Наукова думка, 1968. (РУС)
- Російсько-український словник. – Т. 1. – К.: Знання, 2011. (РУС)
- Словник української мови. – Т. 1-11. – К.: Наукова думка, 1970-1980. (СУМ)
- Український орфографічний словник. – К.: Довіра, 2007. – 983 с. (УОС)
- Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. – Θεσσαλονίκη. – 1998.
- Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. – Αθήνα, 1998. – 2064 σ.
- www.oxforddictionaries.com
- www.wordreference.com

Нина Ф. Клименко

ОБНОВЛЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КАК СЛЕДСТВИЕ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВ

Резюме

Динамические процессы в лексиконах восточнославянских языков свидетельствуют об изменении функционального поведения словообразовательных ресурсов, их обновлении, что особенно заметно в среде аффиксоидных основ, которые становятся интернациональными и развивают свой словообразовательный потенциал, формируя гнезда родственных слов. Этому способствует семантическая интерференция, благодаря которой в разных языках формируются идиосемы. На примере восточнославянских, новогреческого и английского языков показано, как активность интернациональных идиосем способствует перестройке семантем заимствованных лексем, появлению новых сем в чужой языковой среде, утверждению новых моделей образования новых сложных слов.

ЕЛЕНА И. КОРЯКОВЦЕВА*

UNIWERSYTET PRZYRODNICZO-HUMANISTYCZNY, SIEDLCE, POLSKA

ОБ ЭКСПРЕССИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей русских и польских экспрессивных окказионализмов СМИ, образованных от антропонимов с помощью суффиксоидов греческого и английского происхождения. Показана специфика семантической трансформации этих суффиксоидов, описаны прагматико-стилистические свойства медийных дериватов, образованных с их помощью.

Ключевые слова: экспрессивность, окказионализмы, отонимическая деривация, семантика, прагматико-стилистические свойства, аффиксоиды, суффиксоиды

1. Развитие современных славянских языков характеризуется тенденцией, которую называют «тенденцией трех и»: интеграция, интернационализация и интеллектуализация языковых проявлений» [Журавлев 2004: 280]. Думается, что к трем «и» можно добавить экспрессивность, которая ныне стала одной из важнейших движущих сил языковой эволюции в связи с глобальным снижением, массовой «экспрессивацией» публичного общения и официальной коммуникации, обусловленной ориентацией говорящего сообщества на звучащую речь средств массовой информации (ср.: [Химик 2004]). «Экспрессивность, т.е. эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту» [Балли 1961:393], способствует созданию новых языковых средств ёмкой передачи мыслей и чувств: стилистических, лексических, словообразовательных.

Создание новых экспрессивных словообразовательных средств, а также изменение семантики и прагматико-стилистических свойств уже существующих морфем происходит при сознательном словотворчестве. В этой связи в качестве материала исследования в данной статье были избраны экспрессивные окказионализмы, созданные активными рефлектирующими языковыми личностями – российскими и польскими журналистами, а также читателями общероссийских и польских газет, имеющих свои сайты в Интернете.¹

---

* e-mail: elena.koriakowcewa@gmail.com

¹ Источником языкового материала были сайты русского и польского Интернета. Диапазон дат поиска: с 1 января 2010 г. по 25 мая 2012 года. Был осуществлен запрос по полям, в основном, следующих источников (центральных газет и сайтов): «Грани. РУ», «Завтра», «Известия», «Ино СМИ»,

Выбор источников языкового материала основывался на их доступности, популярности, социально-политической направленности и обращенности к массовой аудитории.

Приступая к анализу, мы исходили из того, что экспрессивные окказионализмы, появляющиеся в российских и польских медиатекстах, «представляют собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. Вследствие этого окказиональное словообразование – при всей своей специфичности – является частью общего словообразования и выделяется внутри него» [Лыков 1976:53]. С помощью окказионального словообразования создаются новые классы слов, объединённых по формально-структурным и семантическим признакам, а также по экспрессивно-эмоциональной окраске. Средствами же словообразования можно выразить: 1) собственно эмоциональную стилистическую окраску, связанную с субъективной оценкой (передачу разной степени интенсивности, преувеличение или смягчение, позитивную, мелиоративную или негативную, уничтожительную оценку); 2) т.н. «социальную стилистическую окраску», обусловленную способностью экспрессивных фактов вызвать представление о той или иной “среде” или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто» (см.: [Виноградова 1984: 3]).

2.1 При экспрессивном окказиональном словопроизводстве необычная комбинаторика ведет к изменению прагматико-стилистических свойств и модификации значения аффиксальных морфем. Пример тому – аффиксоидные терминологические элементы греко-латинского происхождения, используемые при словопроизводстве экспрессивных медийных окказионализмов. Существует множество трактовок термина «аффиксоид», и поэтому, предваряя анализ языкового материала, считаем необходимым – хотя бы в общих чертах – пояснить свою позицию в отношении этого термина.

Вслед за Н.А. Янко-Триницкой считаем, что аффиксоиды – это «бывшие корневые морфемы, синкретические по месту и роли в слове, которые утратили свою мотивационную роль в семантике слова и получили признаки служебных морфем» [Янко-Триницкая 2001: 356]. Занимая промежуточное положение между компонентами сложения и аффиксами, аффиксоиды характеризуются меньшей, чем аффиксы, степенью обобщения. С помощью аффиксоидов создаются такие номинации, в которых четко прослеживается зависимость между структурой деривата и его значением, поскольку семантика аффиксоида, осуществляющего функцию субкатегоризации словообразовательного значения, включает указание на определенное терминологическое поле (см. [Рязанов 2000]).

При комплексной оценке морфемного статуса структурных элементов переходного типа учитывается ряд взаимодополняющих критериев, а именно: 1) повторение структурного компонента в большом количестве единиц (от 20 единиц и более); 2) способность участвовать в создании новых слов, сочетаясь с основа-

---

“Коммерсантъ”, «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Новые Известия», «Новый регион», «Политобоз», «Российская газета», „Rzeczpospolita”, «Waronline.org», www.apn.ru, pravda.ru, vremya.ru, stringer.ru, livejournal.com, Forum.gazeta.pl, Parodist.net, www.anekdot.ru, www.argumenti.ru, gazeta.spb.ru, echo.msk.ru, www.newsweek.pl, Onet.pl, zgrad.net, rp.pl, pardon.pl, salon24.pl, republika.pl, wiadomosci.onet.pl, www.wprost.pl

ми разного происхождения; 3) изменение значения аффиксоида по сравнению с семантикой самостоятельного слова, приобретение аффиксоидом отвлеченного, словообразовательного значения. На основании дистрибутивного критерия (положение в слове) среди аффиксоидов выделяются префиксоиды и суффиксоиды (см. [Рязанов 2000]; [Мешков 1981]; [Ефремова 2011]).

2.1.1 Аффиксоиды греко-латинского происхождения, широко используемые в научной терминологии, обладают высокой понятийной точностью. Термины, созданные с их помощью, способны давать значительную информацию о признаках выражаемого **специализированного понятия**; ср. **медицинские термины** – названия психических расстройств и соматических болезней с аффиксоидами *-френия*, *-патия*, напр.: *олигофрения* (др.-греч. ὀλίγος ‘малый’ + φρήν ‘ум, разум’), *психопатия* (от греч. ψυχή ‘душа’ + πάθος (*ia*) ‘страдание’), *хондропатия* (от греч. χόνδρος ‘хрящ’ + πάθος (*ia*) ‘страдание’) (см. [Стоянова 2009: 124]).

Неожиданной новизной отличается использование аффиксоидных терминоэлементов греческого происхождения для создания русских и польских медийных отонимических окказионализмов, обладающих повышенной социальной экспрессивностью, граничащей с инвективой.

2.1.1.1 Набирает продуктивность структурный компонент *-завр* (из греч. σάϊρος ‘ящер’), выделившийся на русской почве из состава сложных слов — названий ископаемых рептилий (ср. *анкилозавр*, *апатозавр*, *брахиозавр*, *бронтозавр*, *гадрозавр*, *дасплетозавр*, *динозавр*, *лесотозавр*, *мезалозавр*, *стегозавр*, *тарбозавр*, *тираннозавр*, *целурозавр* и др.). С помощью структурного компонента *-завр*, употребляемого в измененном, метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’, журналисты и посетители интернет-форумов общероссийских газет образовали следующие пейоративные названия сторонников политических деятелей и политических партий: *ельцинозавр* (← *Ельцин*, первый президент РФ), *зюганозавр* (← *Зюганов*, председатель Коммунистической партии Российской Федерации), *жиринозавр* (← *Жириновский*, председатель Либерально-демократической партии России), *ЛДПРозавр* (← *ЛДПР* = Либерально-демократическая партия России), *праводелозавр* (← партия «Правое дело»), *путинозавр* (*Путин*, президент РФ в 2000-2008 гг, выбранный вновь на пост Президента РФ в марте 2012 г.), *яблокозавр* (← Российская объединённая демократическая партия «Яблоко»).

Структурный компонент *-завр* активно используется также при создании инвектив, обозначающих недостатки умственного развития и внешности человека, его асоциальное поведение, отрицательные черты характера, ср.: *быдлозавр* ‘примитивный человек, не имеющий моральных принципов’, *глупозавр* ‘глупый человек’, *дерьмозавр* ‘подлый, гнусный человек’, *дурозавр* ‘очень глупый человек’, *жирнозавр* ‘очень толстый человек’, *колхозавр* ‘умственно ограниченный человек из района, деревни, села’, *лохозавр* ‘глупый, наивно-доверчивый человек’, *очкозавр* ‘трус, человек, который не может оказать сопротивления преступникам, лёгкая добыча, объект планируемого преступления’, *психозавр* ‘психически ненормальный человек’, *толстозавр* ‘толстый человек’, *тупозавр* ‘тупой, примитивный человек’, *хамозавр* ‘примитивный хам’, *шизозавр* ‘психически ненормальный, деградировавший человек’, *шлюхозавр* ‘развратный мужчина’.

Изофонный структурный компонент *-zaur* в метафорическом значении ‘отсталый, примитивно мыслящий человек’ был использован в польских медиатекстах для создания единичных пейоративных *nomina pertinentia*, обозначающих сторонников общественного деятеля, названного мотивирующим словом: *kaczkozaur* (← *Kaczka* ← *Kaczyński* – *Качиньски*, председатель партии «Право и справедливость»), *lepperozaur* (← *Lepper* – *Леннер*, председатель партии «Самооборона»), *rydzykozaur* (← *Rydyk* – *Рыдзик*, ксёндз, директор радиостанции «Мария»), *tuskozaur* (← *Tusk* – *Туск*, премьер-министр Польши). Ср.: „*Tuskozaur prowadzi nas do Parku Jurajskiego*”// www.polskaprasa2.pl/352605-Tusk-to-tuskozaur-prowodzi-nas-do-P...; «*Ten sejmowy kaczkozaur jest taki rozdrażniony*»// wiadomosci.onet.pl

2.1.1.2 Пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей образуются в текстах российских и польских СМИ также с помощью формантов *-oid*, *-oid*, которые представляет собой адаптированную основу греческого слова εἶδος (*eidos*) [’idos] ‘вид, образ’: *ельциноид* (← *Ельцин*), *жириноид* (← *Жириновский*), *зюгановид* (← *Зюганов*), *медведовид* (← *Медведев*, президент РФ в 2008-2012 гг.), *путиноид* (← *Путин*), *чубайсовид* (← *Чубайс*, российский политический и хозяйственный деятель); *giertychoid* (← *Giertych*, председатель партии «Лига польских семей»), *kaczoroid* (← *Kaczor* = *Kaczyński*), *lepperoid* (← *Lepper*), *tuskoid* (← *Tusk*). Ср. с окказиональными инвективами: *клизмовид* (← *клизма*, перенос., ругательное, ‘вредный, въедливый человек’), *либеровид* (← *либерал*, ругательное название сторонника либеральной политики), *оранжовид* (ругательное название сторонника т.н. «оранжевой революции»), *шизоид* (ругательное название человека, ведущего себя подобно больному шизофренией; по аналогии с медицинским термином *кретиноид* ‘человек с внешними признаками кретинизма, но без выраженных черт психического недоразвития’).

Дериватологи обычно рассматривают структурные элементы *-oid*, *-oid* как суффиксы со словообразовательным значением подобия (см. [Краткая русская грамматика 1989: 62]; [Waszakowa 1994:65]). Следует, однако, заметить, что созданию пейоративных отонимических *nomina pertinentia* на *-oid*, *-oid*, сопутствуют метафорическая мотивация и т.н. «формально-семантическая конденсация», в результате чего появляются окказиональные экспрессивы – семантически нерегулярные дериваты со значением «умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой». Весьма показательны контексты, в которых происходит дополнительная пейоративизация значений *nomina pertinentia* на *-oid*, *-oid*: «Коммуняки и *жириноиды* в Думе...»// gazeta.spb.ru/653064-0/; «На «Эхе Москвы» Сванидзе, *путиноид* тупой, заявил недавно, что всё, что делается в стране, всё это по желанию народа» // teenslang.su/id/9211; «*A że kaczoroid* wcześniej krytykował poznańskich za to? Drobiazg»// republika.pl; «*Pisowiec* jest jeszcze człowiekiem. *Tuskoid* już nie»// damasiewicz.salon24.pl/ Ср. также чешск. *zemanoid* ‘сторонник Милоша *Земана*, социал-демократа, премьер-министра Чехии’ (SN2); хорватск. *tudmanoid* ‘сторонник Франьо *Туджмана*, государственного и политического деятеля, президента Хорватии’ (пример Барбары Штебих Голуб, см. её статью в данном томе).

Полагаем, что в соответствии с критериями установления статуса аффиксоида структурные элементы *-oud*, *-oid* следует признать суффиксоидами, так как: 1) структурные элементы *-oud*, *-oid* со значением «умственно недоразвитое человекоподобное существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой» повторяются в достаточно большом количестве слов различного происхождения; 2) метафорическое значение этих элементов в составе экспрессивных *nomina pertinentia* отличается как от значения исходной греческой корневой морфемы εἶδος (‘вид, образ’), так и от значения «подобие», передаваемого изофонными суффиксами.

2.1.1.3 Пейоративные *nomina pertinentia* в текстах польских СМИ создаются также с помощью структурного компонента *-oholic*, употребляемом в значении «лицо, испытывающее патологическую зависимость от политических деятелей и партий»: *kaczoroholik* (← *Kaczor*=*Kaczyński*, ‘сторонник Ярослава Качиньского, председателя партии «Право и справедливость»’), *PISoholik* (← *PIS* = *Prawo i Sprawiedliwość*, ‘сторонник партии «Право и справедливость»’), *tuskoholik* (← *Tusk*; ‘сторонник Дональда Туска, премьер-министра Польши’).

Компонент *-oholic* вычленился из структуры существительного *pracoholik* – кальки американизма *workoholic*, появившегося, по данным «Merriam–Webster Dictionary», в 1968 году (см. [Wyrwas 2006]). «The American Heritage® Dictionary of the English Language» характеризует компонент *-oholic* как суффикс со значением «лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего-либо» (‘one that is addicted or compulsively in need of’). С помощью структурного компонента *-oholic* в этом значении уже в польском языке к началу 90-х гг. XX века были созданы личные существительные *mlekoholik*, *naukoholik*, *slodyczoholik*, *sklepoholik*, *spiskoholik*, *zakupoholik*, обозначающие лиц, испытывающих патологическую привязанность к молоку (*mlekoholik*), к науке и учебе (*naukoholik*), к сладостям (*slodyczoholik*), к магазинам (*sklepoholik*), к заговорам (*spiskoholik*), к покупателям (*zakupoholik*) (Крежа 2000:45). К 10-ым годам XXI века словообразовательная база модели с суффиксоидом *-oholic* расширилась за счет «ключевых онимов эпохи».

Несмотря на то, что русскому языку достаточно давно известны личные существительные с изофонным структурным компонентом *-оголик* (*алкоголик*, *сексоголик*, *трудоголик*), этот компонент был использован лишь для пейоративного наименования сторонников президента РФ В.В.Путина, ср.: *путиноголик* («Новый Регион» – сборище *путиноголиков*, судя по постам»// nr2.ru Форум 821380.html)

2.1.1.4 В российских и польских публицистических текстах, размещенных в Интернете, нередко используется т.н. «метафора болезни», в связи с чем с помощью суффиксоидов *-мания/-mania* и *-фобия/-fobia*, типичных для медицинской терминологии, от «ключевых онимов эпохи» спорадически образуются экспрессивные окказионализмы – пейоративные *nomina abstracta*, указывающие на умственную и психическую неполноценность чрезмерно активных сторонников или противников государственных и политических деятелей: *ельцинomania*, *ельцинofobia*, *зюганomania*, *зюганofobia*, *путиноmania*, *путиноfobia*, *сталиноmania*, *сталиноfobia*; *kaczkomania*, *kaczkofofia* (*Kaczka* – прозвище Я.Качиньского),

lepperomania, lepperofobia, tuskomania, tuskofobia. Ср.: «О причинах совершенно шизофренической *ельциномании* времён перестройки стоило бы поговорить отдельно»//apn.ru Публикации>article16977.htm; «Как можно сочетать *путиномию* и *зюганоманию*? Вопрос. Видимо, все-таки между „Идущими вместе” и КСМ куда гораздо больше общего, чем это принято думать»//pravda.ru Политика>Кремль.../46825-putinomania-0; «В прошлом – сталинизм, сейчас – *сталиномания*. Что дальше?»//www.ng.ru/ng_politics/2010-01-19/14_stalinomaniya.html; «И вообще “*сталинофобия*” – все-таки тоже фобия» //www.rg.ru /2010/12/14/stalinizm.html; „Znowu ta moja rusofobia, *tuskofobia* ...”//wiadomosci.onet.pl; «*Lepperomania* – przykra i odrażająca choroba polskiego społeczeństwa»//forum.gazeta.pl; «Załgana *lepperofobia* Rybińskiego»//forum.gazeta.pl

2.1.1.5 Стремясь создать негативный языковой образ экономической политики, проводимой первыми лицами государства, в поисках хлётких и метких оценок, словотворцы – журналисты, а также интернавты, высказывающие свои мнения на форумах общероссийских газет, – создают окказиональные экспрессивные компрессивы непосредственно от антропонимов. Так, вхождение России в рынок было названо *гайдарономикой*, по фамилии «отца реформ», Егора Гайдара, министра финансов Российской Федерации в 1992 г. Образцом для этого окказионализма стал англо-американский контаминант *reaganomics* (*Reagan + economics*), калькированный как *рейганомика*. В результате переосмысления структуры абстрактных существительных *рейганомика, гайдарономика* выделился структурный компонент –*ономика*, который стал обозначать экономическую политику лица, названного мотивирующим антропонимом. На русской языковой почве с помощью структурного компонента –*ономика* образованы экспрессивные *nomina abstracta* *грефономика* (← *Греф*, министр экономического развития и торговли Российской Федерации в 2000-2007 гг.), *ельциномика* (← *Ельцин*), *кудриномика* (← *Кудрин*, министр финансов Российской Федерации в 2000-2011 гг.), *путиномика* (← *Путин*), *чубайсономика* (← *Чубайс*). Ср.: «*Клинтономика* сменяет *рейганомику, путиномика* – *ельциномику*... *Путиномика* является недолговечным гибридом политических императивов и экономической рациональности»//echo.msk.ru/inopress/435377-echo.html; «*Кудринономика*» + жадность и тупость – как главные составляющие рецепта развала страны... Кудрин ушел, а «*кудриномика*» осталась ...»//www.moskprf.ru/; «Гайдаризация и *чубайсономика* вогнали страну в глубокую яму!»//argumenti.ru Политика>п310/128410

Определение экономической ситуации в стране, основанное на проекции личности президента, премьер-министра, лидеров ведущих политических партий, легло в основу польских медиальных отонимических окказионализмов с изофонным структурным компонентом –*ономика: kaczkonomika* (← *Kaczka* ← *Kaczyński*), *lepperonomika* (← *Lepper*), *tuskonomika* (← *Tusk*). Ср.: «Co by przyniosła *kaczkonomika* centralnie sterowana?»//soplinski.blog.onet.pl/Swojski-kryzyslepszy,2; *Lepperonomika*//Wiadomości - Newsweek.pl; «*Reaganomika* – *thatcherizm* – *tuskonomika*»//www.wprost.pl/ar/78008/Republikanie-Tuska/?I=1178

2.1.1.6 Считается, что греко-латинские аффиксоиды не подвержены формальной и семантической трансформации (см. [Стоянова 2009:124]). Однако

анализ показал, что в словотворчестве российских и польских СМИ, а также их реципиентов происходят и формальные, и семантические трансформации аффиксоидов. Так, суффиксоид *-ономика/-onomika* появился в результате формальной трансформации, вызванной переразложением исходного слова *экономика* (от др.-греч. οἶκος ‘дом’ и νόμος ‘правило, закон’, буквальное значение слова *экономика* — «правила ведения дома, хозяйства»). Метафорической пейоративизации подверглись значения суффиксоидов *-завр, -zaur, -oid, -oid*. Отонимические дериваты, образованные с помощью суффиксоида *-мания/-mania*, обозначают сильное, непреодолимое влечение, болезненное пристрастие к политическому или государственному деятелю, в то время как исходное значение *-мания/-mania* — это ‘болезненное состояние, характеризующееся концентрацией сознания, чувств на какой-либо одной идее’. Подобным образом исходное значение *-фобия/-fobia* (‘психическое расстройство, при котором человек непроизвольно испытывает болезненный страх, вынуждающий его избегать относительно безопасных ситуаций или объектов’) трансформируется в переносное метафорическое значение ‘непреодолимый страх и отвращение к политическому или государственному деятелю, названному мотивирующим антропонимом’.

По-видимому, семантическая трансформация, а точнее метафорическая пейоративизация суффиксоидов греческого происхождения в ходе отонимической деривации в текстах СМИ связана с общей тенденцией к активизации эмоционально-экспрессивных словообразовательных моделей, в основном — несущих в себе отрицательное оценочное значение (ср. [Костикова 2008]).

Пейоративные окказионализмы, образованные от антропонимов с помощью суффиксоидов, типичных для научной терминологии, обладают способностью интенсивно воздействовать на восприятие реципиентов текста СМИ, вызывая у них негативную интеллектуальную и эмоциональную реакцию.

3.1 В связи с растущим спросом на скандальную информацию, которая находит мгновенный отклик у потребителей российской и польской медиапродукции, набирает продуктивность словопроизводство названий скандалов при помощи структурного компонента *-gate/-geim*, заимствованного из американского варианта английского языка. К 80-м годам XX века в нём сформировались словообразовательные модели с формантом *-gate*, отражавшие мотивационные отношения «*nomen proprii* → название скандала, вызванного противоправной деятельностью лица» (*Dianagate*), «*nomen loci* → название скандала, произошедшего в месте, обозначенном *nomen loci*» (*Oilgate*), «*nomen obiecti* → название скандала, связанного с данным объектом» (*Irangate*), ставшие образцами для новых словообразовательных процессов (см. подробнее [Коряковцева 2010]).

В русском, как и в польском языке, структурные аналоги английских существительных *Contragate*, *Oilgate* и *Dianagate*, образованные по моделям «*nomen proprii* → название скандала с формантом *-gate/-geim*», «*nomen loci* → название скандала с формантом *gate/-geim*», «*nomen obiecti* → название скандала с формантом *gate/-geim*», появились только в начале XXI века, когда скандальная информация заняла особое место в текстах постсоциалистических СМИ.

3.2 В русском языке элемент *-gate* употребляется в транскрибированной форме, причем экспрессивные окказионализмы с финалью *-гейт* являются в основном названиями политических скандалов, связанных: а) с известными персонами, государственными и общественными деятелями (*Бушгейт*, *Дианегейт*, *Камиллагейт*, *Моникагейт*, *Шеригейт* ‘скандал вокруг жены премьер-министра Великобритании, *Шери Блэр*’, а также *Ельцингейт*, *Лужковгейт*, *Медведевгейт*, *Немцовгейт*, *Путингейт*, *янаевгейт*); б) с объектами скандала (*ваучергейт*, *порногейт* ‘скандал, вызванный распространением порнографии’); в) с местом (страной, городом, резиденцией правительства): *Ватикангейт*, *Ирангейт*, *Казахгейт*, *Каспийгейт*, *Кремльгейт*, *Москвагейт*, *Пермьгейт*, *ЮАРгейт*). См.: «Письмо главы президентской администрации стало первой официальной реакцией Кремля на этот скандал, получивший название “Ельцингейт”// www.kommersant.ru; ИноСМИ.Ру| Путин и Буш: „Дело Разведгейта”, www.gr-sila.ru/document_id89.html; „Уотергейт vs Немцовгейт”// [stringer.ru](http://stringer.ru/publication.mhtml) publication.mhtml; «Путингейт? Тайные замыслы “гения хаоса”// [lenpravda.ru](http://lenpravda.ru/Кто_есть_кто_228828.html) Кто есть кто?228828.html; «Медведевгейт ему, а не второй президентский срок» (13 марта 2011 | 14:45)// echo.msk.ru/users/kwadrat/comments/20.html

В последние два года в медиатекстах появилось более 20 существительных на *-гейт*: *Абрамовичгейт*, *Азербейт*, *Алтайгейт*, *Американгейт*, *армягейт*, *Афгангейт*, *Баширгейт*, *белорусгейт*, *видеогейт*, *газгейт*, *Газпромгейт*, *Гиффенгейт*, *грузингейт*, *Израильгейт*, *Иракгейт*, *Кавказгейт*, *Киргизгейт*, *климатгейт* ‘скандал вокруг Климатической доктрины’, *Клинтонгейт*, *Киевгейт*, *кудрингейт*, *Лужковгейт*, *Морозгейт*, *Обамагейт*, *ООНгейт*, *Осетингейт*, *педофилгейт*, *пенсионергейт*, *Пентагонгейт*, *Румынгейт*, *Саркозигейт*, *Сеулгейт*, *Сибнефтьгейт*, *Таджикгейт*, *телефоногейт/телефонгейт*, *Туркменгейт*, *угольгейт*, *украингейт*, *Уралгейт*, *Хилларигейт*, *чеченгейт*, *шпионгейт*, *Юкосгейт*, *Юлькагейт*, *Эстонгейт* и др.

Медийные окказиональные дериваты с финалью *-гейт* являются семантически нерегулярными, что порождает множественность мотивации (например, мотивация названием страны и мотивация названием жителя). Ср.: *Баширгейт* – ‘скандал, разразившийся в *Баширии*’ и ‘скандал, в который вовлечены *баширы*’ (аналогично – *белорусгейт*, *Туркменгейт* и др.; непоследовательное употребление прописной буквы в письменных текстах также способствует двойственности восприятия слов на *-гейт*). «Размытость» лексических значений названий скандалов с финалью *-гейт*, стимулирующих негативное отношение к тому, что названо мотивирующим словом, делает их весьма удобным средством создания ложных аллюзий при манипуляции общественным мнением, оперативно осуществляемой СМИ.

3.3 В польском языке при материальном заимствовании английских названий политических скандалов (*Afganistangate*, *Irangate*, *moneygate*, *Reagangate*, *Wallisgate*, *Watergate*) сохраняется оригинальное написание структурного элемента *-gate*. Обсуждая морфемный статус этого элемента в польском языке, дериватологи предлагают считать его либо корневым членом гибридного композита (см. [Przybylska 2002]; [Jadacka 2001:93-94]), либо суффиксоидом (см. [Kreja 1993];

[Waszakowa 2005]). С помощью структурного элемента *-gate* образовано около 20 названий скандалов, связанных: а) с государственными и политическими деятелями (*kaczorgate, kazikgate, leppergate, michnikgate, rydzykgate, rywingate, tuskogate, szarongate*); б) с объектами скандала (*cytrynagate, kasynogate, marlborgate, ropagate, sznapsgate, trabantgate, telegate*); в) с местом скандала (*Afganistangate, FOZZ-gate, Wawelgate*). Повышенной экспрессивностью отличаются названия скандалов, образованные от прозвищ государственных деятелей или от их уменьшительных имён, например: *kaczorgate* от *Kaczor* (= *Kaczyński*, прозвище Ярослава Качиньского, премьер-министра Польши в 2006-2007 гг.), *kazikgate* от *Kazik* (уменьшительное от *Kazimierz* – имени Казимира Марчинкевича, премьер-министра Польши в 2005-2006 гг.). Ср.: «A skąd ta pewność, że to jest *kaczorgate*, a nie np. *kazikgate*?» www.forum.gazeta.pl

3.4 Переходный характер морфем *-geim, -gate*, которые включились в репертуар словообразовательных формантов русского и польского языков, проявляется в способах их присоединения к производящим основам. Суффиксоиды *-geim, -gate* присоединяются: 1) непосредственно к производящей основе, которая может выступать в усеченном виде (напр., *Азербгеим*, не *Азербайджангеим*, ср. *газгеим, Кавказгеим; Afganistangate, Kaczorgate, Kazikgate, Leppergate, Michnikgate, Rydzykgate, Rywingate, Tuskogate, Szarongate, sznapsgate, trabantgate, Wawelgate*); 2) к словоформе, включающей в себя окончание (*Москвагеим, Обамагеим, cytrynagate, ropagate*); 3) с помощью интерфикса *-o-* – как компонент сложения (*сексогоим, телефоногоим; Tuskogate*). Тем не менее, в русском и в польском языках степень грамматикализации структурных элементов *-geim, -gate* выше, чем в языке-источнике, поскольку в них нет изофонной корневой морфемы со значением ‘ворота’.

Принимая во внимание критерии выделения аффиксоидов, можно утверждать, что в русском и польском языках *-geim/-gate* – это суффиксоиды, возникшие в результате трансформации самостоятельной лексической единицы – существительного *gate* ‘ворота’ – в постпозиционный словообразовательный формант, выполняющий функцию субкатегоризации значения (в данном случае – процессуального).

4. Появление в русском и польском языках новых, заимствованных суффиксоидов *-geim, -gate*, а также переосмысление значения суффиксоидальных терминоэлементов греческого происхождения, изменение их прагматико-стилистических свойств стимулировало словообразовательные процессы, которые привели к возникновению новых классов слов, объединённых по формально-структурным и семантическим признакам, а также по экспрессивно-эмоциональной окраске. Появились: 1) отонимические пейоративные названия тенденций в экономике, сгенерированных ходом общественно-политических реформ (*гайдарономика, грефономика, ельциномика...; kaczoronomika, tuskonomika...*); 2) отонимические пейоративные названия сторонников политических деятелей (с формантами *-завр/-zaur, -оголик/-oholik, -оид/-oid*); 3) экспрессивные названия общественнозначимых скандалов.

Отонимические экспрессивные окказионализмы обладают свойством “сгущения” смыслов и стилистической полифункциональностью, поскольку они выражают не только аффективно-экспрессивную, но и социально-экспрессивную оценку, вызывающую «представление о “среде” или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто».

Появление отонимических экспрессивных окказионализмов, достаточно высокая частота их употребления в медийных текстах обусловлены усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотреблению, разрушением стилистических барьеров, а также стратегией близости к адресату, характерной для большинства российских и польских СМИ².

ЛИТЕРАТУРА

- Балли 1961 – Балли Ш. *Французская стилистика*. Москва, 1961.
- Виноградова 1984 – Виноградова В.Н. *Стилистический аспект русского словообразования*, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова АН СССР, Москва, 1984.
- Журавлев 2004 – Журавлев В.К. *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*, Москва, 2004.
- Коряковцева 2010 – Коряковцева Е.И. *Об одном языковом маркере медийного скандала // Живодействующая связь языка и культуры*. Том 2: *Дискурс. Текст. Культура* (ред. М.Л.Ковшова, Г.В.Токарев), Москва-Тула, 2010.
- Костикова 2008 – Костикова О.Ф. *Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века*. Автореферат диссертации канд.филол. наук, Москва, 2008.
- Кудинова 2011 – Кудинова Т.А. *Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации*. Автореферат диссертации доктора филол.наук, Нальчик, 2011.
- Лыков 1976 – Лыков А.Г. *Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово*, Москва, 1976.
- Рязанов 2000 – Рязанов В.Ю. *Особенности синхронных связей словосложения и аффиксации в современном английском языке: Полуаффиксация как один из путей их взаимодействия*. Автореферат диссертации канд.филол.наук, Москва, 2000.
- Мешков 1981 – Мешков О.Д. *О речевых композитах в современном английском языке // «Иностранные языки в школе»*, Москва, 1981, № 2.

---

² Оценка языкового состояния рубежа XX-XXI вв. однозначна: это «новый виток вульгаризации литературных языков, нарушение границ дозволенного в практике обыденной речи». Причину снижения порога восприимчивости и терпимости к бранному словоупотреблению нередко видят в крушении прежних ценностных ориентиров, вызванном имущественным расслоением общества. См. подробнее (Кудинова 2011:21).

- Ефремова 2011 – Ефремова Е.М. *Полуаффиксы в составе многокомпонентных слов-композигов в современном английском языке* // «Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика», Москва, 2011, № 5
- Стоянова 2009 – Стоянова И. Ф. *Аффиксоидация как способ образования английских медицинских терминов* // «Актуальные вопросы современной науки», Таганрог, 2009.
- Химик 2004 – Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной речи. (Предисловие)*, Санкт-Петербург, 2004.
- Краткая русская грамматика 1989 – *Краткая русская грамматика* (под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В.), Ин-т рус. языка АН СССР, Москва, 1989.
- Янко-Триницкая 2001 – Янко-Триницкая Н.А. *Словообразование в современном русском языке*, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 2001.
- Jadacka 2001 – Jadacka H. *System słowotwórczy polszczyzny (1945-2000)*, Warszawa, 2001.
- Kreja 1993 – Kreja V. *O formancie -gate 'afery, skandal'* // „Język Polski”, t. LXXIII, 1993.
- Kreja 2000 – Kreja V. *Mówię, więc jestem. Rozmowy o współczesnej polszczyźnie*, Gdańsk 2000, t. 1.
- Przybylska 2002 – Przybylska R. *O najnowszym słownictwie polskim* // «Polonistyka», 2002, № 9.
- Waszakowa 1994 – Waszakowa K. *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce*, WUW, Warszawa, 1994.
- Waszakowa 2005 – Waszakowa K. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, WUW, Warszawa, 2005.
- Wyrgwas 2006 – Wyrgwas K. *Rywingate i pracoholik – derywaty sufiksalne czy złożenia?* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.poradniajezykowa.us.edu.pl/artykuly/KW_rywingate.pdf

СЛОВАРИ

- Martincová O. (red.) *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*. Praha, 2004, t.2.
- Merriam–Webster Dictionary – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m-w.com
- The American Heritage® Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Houghton Mifflin Company 2000 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bartleby.com

Elena I. Koryakovtseva

ON EXPRESSIVE POTENTIAL OF WORD FORMATION ELEMENTS

Summary

The present article deals with the structural and semantic diversity of mass media occasionalisms which have semi-affixes in their structure. The author shows that the semi-affixes suggest the amplification of lexical units and strengthening of analytical and expressive tendencies in modern Russian and Polish. Nomination activity caused by changes in the material and cultural life generates new word-building models in accordance with the rules of analytical and expressive nomination.

АЛЯКСАНДР АЛЯКСАНДРАВІЧ ЛУКАШАНЕЦ*
НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ, МІНСК,
РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ

NOMINA AGENTIS У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ: СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ І ТЭНДЭНЦЫІ РАЗВІЦЦЯ

Анатацыя. Сучасныя інавацыйныя тэндэнцыі ў лексіцы і словаўтварэнні беларускай мовы вызначаюцца складаным узаемадзеяннем працэсаў запазычвання актуальнай лексікі і ўтварэння новых адзінак за кошт наяўных словаўтваральных рэсурсаў. Інтэнсіўнае запазычванне іншамоўнай лексікі, з аднаго боку, стрымлівае рэалізацыю словаўтваральных магчымасцей мовы, а з другога боку, садзейнічае пашырэнню словаўтваральнай базы і актывізацыі словаўтваральных сродкаў мовы.

Словаўтваральная катэгорыя *nomina agentis* займае цэнтральнае месца ў дэрывацыйным полі персанальнасці і актыўна папаўняецца за кошт іншамоўнай лексікі, якая ўключаецца ў сістэму сучасных матывацыйных адносін і набывае статус матываванай, а таксама за кошт уласна словаўтварэння ў межах розных спосабаў словаўтварэння і з дапамогай разнастайных словаўтваральных сродкаў.

Асноўнымі тэндэнцыямі развіцця словаўтваральнай катэгорыі *nomina agentis*, якія характарызуюць сучаснае развіццё намінацыйнай сістэмы беларускай мовы, з'яўляюцца наступныя: актыўнае ўключэнне іншамоўнай лексікі ў словаўтваральны працэс у якасці базавай; істотнае павышэнне прадуктыўнасці асобных спосабаў словаўтварэння (напрыклад, афіксацыя, словаскладанне і семантычная дэрывацыя) і словаўтваральных сродкаў (напрыклад, суф. **-ер/-ар**, **-іст/-ыст**, **-ант**, **-Ю** і інш.); развіццё словаўтваральнай сінаніміі і дублетнасці і павелічэнне канкурэнцыі словаўтваральных сродкаў і словаўтваральных тыпаў; тэндэнцыя да замены субстантывавальных дзеепрыметнікаў суфіксальнымі назоўнікамі *nomina agentis*, а таксама паяўленне суфіксальных дэрыватаў замест неаднаслоўных найменняў; тэндэнцыя да словаўтваральнай маркіроўкі *nomina agentis*; істотная актывізацыя прэфіксальнага словаўтварэння; інтэнсіўнае ўтварэнне складаных і складанаскарочаных *nomina agentis* і інш.

У цэлым сучасныя лексічныя інавацыйныя працэсы ў беларускай мове пацвярджаюць: а) вядучую ролю словаўтварэння ў папаўненні слоўнікавага складу мовы; б) пашырэнне словаўтваральнай базы і словаўтваральных магчымасцей мовы; в) здольнасць беларускага словаўтварэння адаптаваць іншамоўныя запазычванні, уключаючы іх у сістэму матывацыйных адносін.

---

* e-mail: alukashanets@tut.by

Ключавыя словы: Сістэма словаўтварэння, словаўтваральная матывацыя, інавацыйныя працэсы, запазычанне, словаўтваральны патэнцыял, *nomina agentis*.

1. Уводзіны.

Сістэма беларускага словаўтварэння, як і словаўтварэнне іншых славянскіх моў, у прынцыпе здольная забяспечыць усе намінатыўныя патрэбы камунікацыі сучаснага грамадства. Яна валодае разгалінаванай сістэмай словаўтваральных спосабаў і сродкаў, з дапамогай якіх могуць свабодна ўтварацца новыя лексічныя адзінкі для называння самых разнастайных з’яў рэчаіснасці.

Разам з тым, у развіцці і папаўненні намінатыўных сістэм сучасных славянскіх моў, у тым ліку і беларускай, побач з словаўтварэннем выключна важную ролю займае і непасрэднае запазычанне новай лексікі з іншых моў, у першую чаргу з англійскай. Гэта натуральны працэс развіцця слоўнікавага складу любой мовы, аднак запазычанне лексічных сродкаў часта абумоўлена не столькі лінгвістычнымі прычынамі (недастатковасцю ўласных намінатыўных рэсурсаў, адсутнасцю неабходных словаўтваральных сродкаў для ўтварэння новай лексічнай адзінкі), колькі нелінгвістычнымі фактарамі (міжмоўныя і міжкультурныя кантакты, культурны, навуковы і г.д. уплыў адных краін на іншыя і г.д.). Інавацыйныя лексічныя працэсы, што адбываюцца ў славянскіх мовах у апошнія дзесяцігоддзі, сведчаць, што інтэнсіўна запазычваюць іншамоўную лексіку, як правіла, тыя мовы, носьбіты якіх арыентуюцца на культурныя, эканамічныя, палітычныя і г.д. каштоўнасці носьбітаў іншых моў. Як паказваюць даследаванні апошніх гадоў, фактычна ўсе славянскія мовы і ў першую чаргу такія так званыя дамінуючыя мажарытарныя мовы, як руская і польская, сёння ў плане развіцця і папаўнення сваіх лексіконаў адносяцца да тыпу знешне арыентаваных моў [1; 4]. Па-першае, у лексіконы фактычна ўсіх без выключэння славянскіх моў інтэнсіўна пранікаюць іншамоўныя адзінкі, перш за ўсё англіцызмы, якія адносяцца да сферы бізнесу, палітыкі, новых інфармацыйных тэхналогій, сучаснай культуры і г.д. Па-другое, іншамоўная лексіка актыўна ўключаецца ў сістэму словаўтваральных адносін, калі фактычныя запазычванні могуць разглядацца як матываваныя адзінкі з пазіцый сінхроннага словаўтварэння (Параўн., напрыклад, *бодзібілдар* ‘той, хто займаецца бодзібілдынгам’ ← *бодзібілдынг*, *даўншыфтар* ‘асоба, якая свядома перамяшчаецца ў менш прэстыжнае асяроддзе дзеля большай свабоды, самаўдасканалення, творчасці і г.д.’ ← *даўншыфтынг*, *капірайтар* ‘распрацоўшчык складальнік аб’яў, рэкламных тэкстаў і слоганаў’ ← *капірайт*, *стрыттрэйсер* ‘той, хто займаецца стрыттрэйсінгам’ ← *стрыттрэйсінг*, *акаўнт-менеджар* ← *акаўнт* + *менеджар*, *кантэнт-правайдар* ← *кантэнт* + *правайдар* і г.д.). Акрамя таго, многія актуальныя запазычванні становяцца базай для ўтварэння цэлых гнёздаў вытворнай лексікі. Параўн. бел. *камп’ютар* – *камп’ютаршчык*, *камп’ютаршчыца*, *камп’ютарны*, *камп’ютарызаваць* і г.д.; *інтэрнэт* (англ. *Internet*) – *інтэрнэтчык*, *інтэрнэтны*, *інтэрнэтаўскі*, *інтэрнэт-адрас*, *інтэрнэт-аператар*, *інтэрнэт-аўкцыён*, *інтэрнэтаўскі*, *інтэрнэт-банкінг*, *інтэрнэт-бібліятэка*, *інтэрнэт-бізнэс*, *інтэрнэт-версія*, *інтэрнэт-выданне*, *інтэрнэт-выстава*, *інтэрнэт-вянчанне*, *інтэрнэт-вяшчанне*, *інтэрнэт-газета*, *інтэрнэт-гандаль*, *інтэрнэт-гульня*, *інтэрнэт-дзённік*, *інтэрнэт-доступ*, *інтэрнэт-дыплом*, *інтэрнэт-залежнасць*, *ін-*

тэрнэт-злучэнне, інтэрнэт-знаёмства, інтэрнэт-індустрыя, інтэрнэт-каварня, інтэрнэт-кампанія, інтэрнэт-канал, інтэрнэт-канферэнцыя, інтэрнэт-карта, інтэрнэт-картка, інтэрнэт-картынг, інтэрнэт-карыстальнік, інтэрнэт-кафэ, інтэрнэт-клас, інтэрнэт-клуб, інтэрнэт-конкурс, інтэрнэт-крама, інтэрнэт-лабараторыя, інтэрнэт-лекцыя, інтэрнэт-магазін, інтэрнэт-магістраль, інтэрнэт-маркетынг, інтэрнэт-махляр, інтэрнэт-махлярства, інтэрнэт-меламан, інтэрнэт-навігатар, інтэрнэт-партал, інтэрнэт-паслуга, інтэрнэт-пэйджар, інтэрнэт-пераніска, інтэрнэт-пірат, інтэрнэт-пошукавік, інтэрнэт-правайдар, інтэрнэт-праект, інтэрнэт-пракаол, інтэрнэт-прэмія, інтэрнэт-распродаж, інтэрнэт-рынак, інтэрнэт-рэклама, інтэрнэт-рэсурс, інтэрнэт-сайт, інтэрнэт-станцыя, інтэрнэт-старонка, інтэрнэт-супольнасць, інтэрнэт-сустрэча, інтэрнэт-трансляцыя, інтэрнэт-тэхналогія, інтэрнэт-форум, інтэрнэт-цэнтр, інтэрнэт-часопіс.

Аднак у менш уплывовых, у пэўным сэнсе мінарытарных славянскіх мовах, такіх, напрыклад, як беларуская, гэты працэс інтэрнацыяналізацыі слоўнікавага складу суправаджаецца і, магчыма, у пэўным сэнсе нейтралізуецца процілеглым працэсам нацыяналізацыі, накіраваным на захаванне нацыянальнай адметнасці гэтых моў [1; 2]. Параўн. напрыклад, бел. *руцзак* (рус. *рюкзак*) і сучасную лексічную інавацыю *запlechнік* (суфіксальна-прэфіксальнае ўтварэнне ад *плечы*) і нават *пляцзак* (суфіксальны назоўнік ад *плечы*), *мабільнік* ‘мабільны тэлефон’ (рус. *мобільнік*) – *далькажык* (складана-суфіксальны назоўнік ад *далёка* і *казаць*), і *гутарык* (суфіксальны назоўнік ад *гутарыць*).

Такім чынам, сучаснае развіццё слоўнікавага складу славянскіх моў, у тым ліку і беларускай, у канцы XX – пачатку XXI стст. якраз пад уздзеяннем знешніх прычын у значнай ступені вызначаецца інтэнсіўным запазычаннем лексікі, у першую чаргу англа-амерыканізмаў, што ў пэўнай ступені стрымлівае рэалізацыю патэнцыяльных магчымасцей словаўтварэння. Такое становішча, безумоўна, абумоўлена тым, што словаўтварэнне і запазычванне з’яўляюцца па сваёй сутнасці канкуруючымі працэсамі, і актывізацыя аднаго працэсу непазбежна вядзе да зніжэння рэальнай запатрабаванасці другога.

Аднак нягледзячы на сапраўды вельмі значны прыток іншамоўнай лексікі, словаўтварэнне па-ранейшаму застаецца асноўнай крыніцай развіцця нацыянальнага лексікону любой сучаснай славянскай мовы, у тым ліку і беларускай, пра што сведчыць, у прыватнасці, інтэнсіўнае ўключэнне запазычанняў у сістэму словаўтваральных адносін і словаўтваральны працэс. Больш таго, ўключэнне запазычанняў ў сістэму словаўтварэння азначае вышэйшую ступень іх адаптацыі ў сістэме мовы-рэцыпіента. Гэтаму садзейнічае і той факт, што ў апошні час інтэнсіўна запазычваюцца не толькі асобныя лексічныя адзінкі, але і цэлыя гнёзды аднакарэнных слоў. Такім чынам, можна гаварыць пра тое, што ў сучасную беларускую мову таксама як і іншыя славянскія мовы пераносяцца матывацыйныя адносіны мовы-донара. Асабліва выразна такія матывацыйныя адносіны праяўляюцца ў запазычаных словах-кампазітах, паколькі, як правіла, састаўныя кампаненты такога кампазіта ўжо вядомы мове-рэцыпіенту (*інтэрнэт-правайдар, кантэнт-менеджар, офіс-менеджар, піяр-менеджар* і інш.).

У артыкуле патэнцыяльныя магчымасці сучаснага беларускага словаўтварэння разглядаюцца на матэрыяле актуальнай матываванай лексікі словаўтваральнай катэгорыі *nomina agentis* у беларускай мове. Выбар менавіта гэтай групы матываванай лексікі абумоўлены антрапацэнтрычным характарам мовы наогул і словаўтварэння ў прыватнасці.

Матэрыялам для артыкула паслужылі даныя “Слоўніка новых слоў беларускай мовы” (Мінск, 2009) [6], а таксама матэрыялы сучасных СМІ і інтэрнэт-рэсурсаў.

2. *Nomina agentis* у сістэме дэрывацыйнага поля персанальнасці.

Словаўтваральная катэгорыя *nomina agentis* займае цэнтральнае месца ў дэрывацыйным полі персанальнасці, якое ахоплівае сукупнасць словаўтваральных катэгорый са значэннем асобы. У яго склад уваходзяць разнастайныя класы матываванай лексікі, якая называе асобу па самых розных прыкметах.

У межах дэрывацыйнага поля персанальнасці звычайна выдзяляюць наступныя класы матываванай лексікі:

- назвы асобы паводле прыметы (прадметнай, працэсуальнай, непрацэсуальнай і г.д.) – *nomina agentis*,
- назвы паводле сваяцтва,
- назвы асобы паводле месца жыхарства,
- назвы асобы са значэннем падабенства,
- назвы асобы паводле значэння процілеглага полу (*nomina maskulinativa*, *nomina feminativa*),
- назвы асобы са значэннем недаросласці ,
- назвы асобы са значэннем адзінкавасці,
- назвы асобы са значэннем памяншальнасці,
- назвы асобы са значэннем павелічальнасці,
- назвы асобы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі.

У сістэме дэрывацыйнага поля персанальнасці словаўтваральная катэгорыя *nomina agentis*, безумоўна, займае цэнтральнае месца. Гэта пацвярджаецца наступнымі фактарамі:

а) колькаснымі (*nomina agentis* уяўляюць найбольш шматлікі клас матываванай лексікі са значэннем асобы, які інтэнсіўна папаўняецца). Так, па нашых матэрыялах толькі суфіксальныя вытворныя са значэннем асобы ў Тлумачальным слоўніку беларускай мовы [5] размеркаваны наступным чынам: *nomina agentis* – 3407 адзінак, *nomina feminina* – 1741, назвы са значэннем сваяцтва – 43, назвы са значэннем жыхара – 153, назвы са значэннем падабенства – 16 і г.д. [3];

б) лексікаграфічнымі (*nomina agentis* паслядоўна ўключаюцца ў слоўнікі. Параўн. з найменнямі са значэннем недаросласці, экспрэсіўна-ацэначнымі і г.д.);

в) словаўтваральнымі (катэгорыя *nomina agentis* у сучаснай беларускай мове, безумоўна, з’яўляецца самай разгалінаванай паводле спосабаў і тыпаў словаўтварэння, выкарыстоўвае выключна шырокі інвентар словаўтваральных сродкаў і г.д.);

г) семантычнымі (*nomina agentis* маюць самую складаную семантычную структуру – аб’ядноўваюць шматлікі клас матываванай лексікі з шырокім дыяпазнам словаўтваральнай семантыкі);

д) граматычнымі (1. *nomina agentis* найменш граматычна маркіраваны і маюць самы шырокі граматычны дыяпазон словаўтваральнай базы – утвараюцца ад асноў розных часцін мовы розных лексіка-граматычных катэгорый: аддзельныя *nomina agentis* (*рэфарматар, спявак, чытач, касец*), адназоўнікавыя (*піяніст, альпініст, машыніст*), адад’ектыўныя (*незалежнік, канцэптуаліст*) і г.д.; 2. *nomina agentis* у сучаснай беларускай мове ўтвараюцца па 24 граматычных мадэлях з 29, уласцівых дэрывацыйнаму полю персанальнасці) [3];

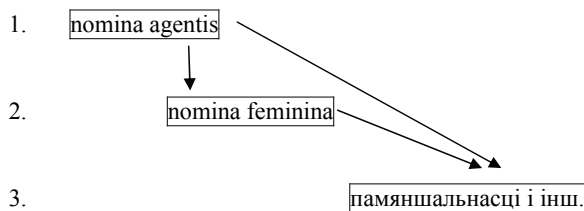
е) сістэмнымі (*nomina agentis* служаць базай для фарміравання корпусу іншых словаўтваральных катэгорый са значэннем персанальнасці: *nomina feminina*, *nomina expressiva* і г.д. (*прадавец* → *прадаўшчыца*, *вучань* → *вучаніца*, *піяніст* → *піяністка*, *бізнесмен* → *бізнесменша*, *тусоўшчык* → *тусоўшчыца*).

Зыходзячы з названых крытэрыяў у дэрывацыйным полі персанальнасці можна ўмоўна выдзеліць тры ўзроўні (Гл. малюнак 1).

Першы – катэгорыі “*nomina agentis*” (*касец, выкладчык, мітынговец*), “жыхар” (*афрыканец, гаражанін, пасялковец, парыжанін*), “сваяцтва” (*прадзед, праўнук, пасынак*), “падабенства” (*негроід, мангалоід*), “адзінкаваць” (*чаладзін*).

Другі – катэгорыі “*nomina feminina*” (*гандлярка, дакладчыца, геранія*), “недаросласці” (*хлопчаны, цыганя*).

Трэці – катэгорыі “памяншальнасці” (*чалавечак, сыночак, брацік, сястрычка*), “павелічальнасці” (*бацюхна, гультайна, хлопчына*), “стылістычнай мадыфікацыі” (*сястрыца, хлопчо*).

Малюнак 1.

Такім чынам, словаўтваральная катэгорыя *nomina agentis* з’яўляецца не толькі ядром дэрывацыйнага поля персанальнасці, але і служыць словаўтваральнай базай іншых катэгорый гэтага поля (у першую чаргу *nomina feminina*).

3. Сучасныя тэндэнцыі ў развіцці катэгорыі *nomina agentis*.

Як паказвае даследаваны матэрыял, слоўнікавы склад беларускай мовы ў канцы XX – пачатку XXI стст. актыўна папаўняецца новымі найменнямі *nomina agentis*. Сярод іх пераважная большасць лексічных адзінак з іншамоўнымі асновамі, многія з якіх з’яўляюцца непасрэднымі запазычаннямі. Разам з тым, толькі нязначная колькасць новых *nomina agentis* могуць быць адназначна аднесены

да нематываваных (з пазіцый сінхроннага словаўтварэння!) лексічных адзінак. Параўн.: *аўтсайдар, бойфрэнд бомж, брокер, букмекер, бутлегер, бэбісітар, валанцёр, гамафоб, гастарбайтар, гей, гёрлфрэнд, гуру, душман, дыгер, дыджэй, дылер, зомбі, іміджмейкер, кавер-гёрл, каляжанка, кардар, кілер, кліпмейкер, коўч, куцюр'е, ламер, лузер, маджахед, мадэратар, маклер, мача, медыябаер, медыяселер, ньюсмейкер, омбудсмен, панк, папарацы, пітмен, плэйбой, прайдадар, прадзюсар, прамоўтар, путана, райдар, растаман, рыдар, рыэлтар, рэйддар, рэспандэнт, самелье, саўндпрадзюсар, свінгер, скінхэд, спікер, спонсар, споўксмен, сталкер, супервайзер, сутэнёр, сэнсэй, таліб, трансвестыт, тынэйджар, тэрмінатар, фрэнд, хакер, хілер, шахід, юзер, якудза.*

Пры гэтым некаторыя з прыведзеных вышэй запазычанняў выяўляюць тэндэнцыю да члянмасці, паколькі ў іх выдзяляюцца пазнавальныя структурныя адрэзкі (словаўтваральныя фарманты ці нават асновы): *бойфрэнд, гёрлфрэнд, каляжанка, брокер, букмекер, дыгер, дылер, супервайзер* і інш.

Асноўны масіў лексічных інавацый семантычнага поля персанальнасці адносіцца да матываванай лексікі катэгорыі *nomina agentis*. Матываваныя адзінкі іншых словаўтваральных катэгорый поля персанальнасці прадстаўлены толькі адзінкавымі прыкладамі.

Словаўтваральны дыяпазон матываваных *nomina agentis* вельмі шырокі як па спосабах і сродках утварэння, так і па характары словаўтваральнай базы (утвараюцца ад слоў розных часцін мовы розных лексіка-граматычных катэгорый).

3.1. Суфіксальныя *nomina agentis*:

-ік/-нік: *адведаць* → *адвед-нік, адказаць* → *адказ-нік, альтэрнатыва* → *альтэрнатыў-нік, барсетка* → *барсетач-нік, вера* → *вер-нік, камерцыя* → *камерцый-нік, незалежны* → *незалеж-нік, платны* → *платн-ік, а таксама аптавік, кантрактнік, моўнік, наведнік, нападнік, размоўнік, рыначнік, рэкламнік, сілавік, траўнік, тэлевізійнік, ценявік.*

-іст/-ыст: *боўлінг* → *баўлінг-іст, бэк-вакал* → *бэк-вакал-іст, віндсёрфінг* → *віндсерфінг-іст, канцэпцыя* → *канцэпту-ал/іст, суперфінал* → *суперфінал-іст, сатана* → *сатан-іст, а таксама візажыст, вуаерыст, галерыст, глабаліст, гомасексуаліст, графіціст, ісламіст, калажыст, калумніст, керлінгіст, ліцзіст, магуліст, манетарыст, настальгіст, папуліст, петардыст, плюраліст, праскапіст, рэкламіст, серфінгіст, скейбардыст, снаўбардыст, стыліст, сумаіст, тантрыст, трыяліст, фрыстайліст, экалагіст, экатурыст, экуменіст.*

-ец/-ац/-овец/-авец/-нец/-лец/-енец: *мітынгаваць* → *мітыгов-ец, выбіраць* → *выбар-ац, адпачываць* → *адпачыва-нец, аб'яднаць* → *аб'ядн-овец, бізнес* → *бізнес-овец, АМАП 'атрад міліцыі асабага прызначэння'* → *амап-авец, Пен-клуб* → *пен-клуб-авец, прыйсці* → *прышэ-лец, упраўляць* → *упраўл-енец, а таксама адсяленец, выступовец, грынісавец, навуковец, чалец, чарнобылец, спецназавец, страйкавец.*

-еўт: *эргатэрапія* → *эргатэрап-еўт.*

-льнік: *аб'яднаць* → *аб'ядна-льнік, адпачываць* → *адпачыва-льнік, выступаць* → *выступа-льнік, нападаць* → *напада-льнік, а таксама азеляняльнік, выканальнік, заяўляльнік.*

-ор(-ёр): кантактаваць → кантакц-ёр, стрыптыз → стрыптыз-ёр, трафік → трафік-ёр.

ер/-ар(-яр)/-анер: аквабайк → аквабайк-ер, амбасада → амбасад-ар, анімацыя → анімат-ар, аўдыт → аўдыт-ар, байк → байк-ер, блог → блог-ер, бодзібілдын → бодзібілд-ар, мысліць → мысл-яр, карупцыя → карупцы-янер, а таксама бомбер, брэйк-дансер, брэйкер, вейкбордар, віндсёрфер, вэб-дызайнер, вэб-сёрфер, геймер, дайвер, даўнышфтар, драйвер, дызайнер, дыстрыб'ютар, запер, заўятар, звяздар, інсайдар, кайтар, кайтсёрфер, капірайтар, каўчсёрфер, кіднэпер, коўчар, крэатар, маўнтбайкер, медыябаер, менеджар, мерчандайзер, мобер, піканер, рокер, роўнджампер, рымейкер, рэйвер, рэкрутар, рэпер, сёрфер, скайсёрфер, скейтар, снаўбордар, спамер, стрынгер, стрытрэйсер, трып-хонпер, трэйдар, фітадызайнер, флэш-мобер, фрылансер, фрырыйдар, хіп-хонпер, хэдлайнер, хэдхантар, хэндлер.

-чык/-шчык/-ён/шчык: графіці → графіт-чык, інтэрнэт → інтэрнэт-чык, аўтастоп → аўтастоп-шчык, вертыкаль → вертакаль-шчык, дыстанцыя → дыстанцы-ёншчык, а таксама камп'ютаршчык, крэатыўшчык, мітынгоўшчык, музейшчык, наменклатуршчык, паркуршчык, перабудоўшчык, перамоўшчык, пікетшчык, п'яршчык, рэкламшчык, тусоўшчык, тэлевізіёншчык, тэлевізійшчык, халяўшчык.

-ц(а)/-ўц(а)/-оўц(а): кіраваць → кіроў-ц(а), мовіць → моў-ц(а), размаўляць → размоў-ц(а), мысліць → мыслі-ўц(а), бізнес → бізнес-оўц(а), выступаць → выступ-оўц(а), нападаць → напад-оўц(а).

-ант: выступаць → выступ-ант, дыскутаваць → дыскус-ант, дэградзіраваць → дэград-ант, дэклараваць → дэklar-ант, а таксама магістрант, мітынгант, намінант, падпісант, прэзэнтант, рэфэрэнт.

-Ø: валеалогія → валеолаг-Ø, вірусалогія → вірусолаг-Ø, маргінальны → маргінал-Ø, нелегальны → нелегал-Ø, п'яр-тэхналогія → п'яр-тэхнолаг-Ø, а таксама бісексуал, гетэрасексуал, гомасексуал, дыянетык, індывідуал, канфліктолаг, лагіст, мануолаг, маркетолаг, натурал, нефармал, паліттэхнолаг, парапсіхолаг, перформер, саентолаг, сінергетык, таксікаман, транссексуал, тэстолаг, уфолаг, эзатэрык, экстрасэнс, экстрэмал.

-тар/-атар: адміністрацыя → адміністра-тар, ліквідаваць → ліквіда-тар 'удзельнік ліквідацыі аварыі на Чарнобыльскай АС', прыватызаваць → прыватыза-тар, а таксама дэмакратызатар, інтэгратар, транслятар,

-мен: бізнес → бізнес-мен, блюз → блюз-мен, фронт → фронтмен, шоу → шоўмен.

-аман: таксічны → таксік-аман, кіно → кін-аман.

-ыт: транесвестызм → трансвест-ыт.

-ок: качаць (мышцы) → кач-ок.

-озі: мафія → мафі-ёзі.

-аіт: Крышина → крышн-аіт.

-еннік: мысліць → мысл-еннік.

-ір: рэкет → рэкец-ір.

-голік: *працаваць* → *праца-голік*.

3.2. Прэфіскальныя *nomina agentis*:

анты-: *глабаліст* → *анты-глабаліст*, *дэмакрат* → *анты-дэмакрат*, *патрыёт* → *анты-патрыёт*, *перабудоўшчык* → *анты-перабудоўшчык*, *рыначнік* → *анты-рыначнік*, *рэйдар* → *анты-рэйдар*, *рэфарматар* → *анты-рэфарматар*.

віцэ-: *прэм'ер* → *віцэ-прэм'ер*, *спікер* → *віцэ-спікер*.

не-: *дэмакрат* → *не-дэмакрат*, *рэзідэнт* → *не-рэзідэнт*.

нон-: *канфарміст* → *нон-канфарміст*.

пара-: *алімпіец* → *пара-алімпіец*.

пра-: *камуніст* → *пра-камуніст*.

псеўда-: *геній* → *псеўда-геній*, *дэмакрат* → *псеўда-дэмакрат*, *патрыёт* → *псеўда-патрыёт*, *прарок* → *псеўда-прарок*.

су-: *прадзюсар* → *су-прадзюсар*.

супер-: *зорка* → *супер-зорка*, *мен* → *супер-мен*, *фіналіст* → *супер-фіналіст*.

ультра-: *нацыяналіст* → *ультра-нацыяналіст*.

эрга-: *тэрапеўт* → *эрга-тэрапеўт*.

3.3. Прэфіскальна-суфіскальныя *nomina agentis*:

су- + -ец: *размаўляць* → *су-размов-ец*.

су- + ц (а): *размаўляць* → *су-размоў-ц(а)*.

су- + -нік: *размаўляць* → *су-размоў-нік*.

3.4. Складаныя *nomina agentis*:

а) *Nomina agentis*, утвораныя шляхам словаскладання: *акаўнт-менеджар*, *бізнес-аналітык*, *бізнескансультант*, *бізнес-партнёр*, *брэнд-менеджар*, *вэб-дызайнер*, *вэб-майстар*, *вэб-праграміст*, *вэб-райтар*, *вэб-распрацоўшчык*, *вэб-рыдар*, *дыск-жакей*, *інтэрнэт-апэратар*, *інтэрнэт-карыстальнік*, *інтэрнэт-махляр*, *інтэрнэт-меламан*, *інтэрнэт-пірат*, *інтэрнэт-правайдар*, *інфаменеджар*, *кантэнт-менеджар*, *кантэнт-правайдар*, *кліент-менеджар*, *офіс-менеджар*, *піяр-менеджар*, *піяр-спецыяліст*, *поп-зорка*, *праект-менеджар*, *радыёдыджэй*, *рок-зорка*, *рок-музыкант*, *рок-спявак*, *сакратар-рэферэнт*, *секс-бомба*, *секс-сімвал*, *секс-турыст*, *стыптыз-артыст*, *топ-мадэль*, *топ-менеджар*, *топ-стыліст*, *фітнес-трэнер*, *флайт-менеджар*, *фолк-выканаўца*, *шоу-бізнесмен*.

б) *Nomina agentis*, утвораныя шляхам асновасловаскладання: *ароматэрапеўт*, *арт-дылер*, *арт-дырэктар*, *арт-мереджар*, *арт-педагог*, *арт-тэрапеўт*, *аўдыяпірат*, *аўтаадказчык*, *аўтадызайнер*, *аўтадылер*, *аўтамотатурыст*, *аўтаўладальнік*, *афраамерыканец*, *біяінжынер*, *біятэрапеўт*, *біяэнергатэрапеўт*, *відэааматар*, *відэабізнесмен*, *відэаінжынер*, *відэаман*, *відэапірат*, *вялікадзьяржаўнік*, *еўрааптыміст*, *еўрабюракрат*, *еўрадэпутат*, *еўрапарламентарый*, *еўрапесіміст*, *еўраскептык*, *законаадступнік*, *іголкарэфлекатэрапеўт*, *іголкатэрапеўт*, *карткаатрымальнік*, *карткаўладальнік*, *кіберзлачынец*, *кіберспартсмен*, *медыязорка*, *медыямагнат*, *медыяменеджар*, *медыяэксперт*, *наркабарон*, *наркабізнесмен*, *наркагандляр*, *наркадзялок*, *наркадылер*, *наркакур'ер*, *наркаспажывец*, *нацыянал-бальшавік*, *нацыянал-камуніст*, *нацыянал-патрыёт*,

неабалышавік, неакамуніст, неасталініст, рэкламараспаўсюджвальнік, сексатэрапеўт, спічрайтар, тэлепрадзюсар, фітатэрапеўт, фотакрытык, фотамадэль, фотамастак.

в) *Nomina agentis*, утвораныя складанасуфіксальнымі спосабам: *беларусафоб, грантаатрымальнік, дальнабойчык, міратворац, праваабаронца, праваахоўнік, правапераемнік, рэкламадаўца, целаахоўнік.*

г) Складанаскарочаныя *nomina agentis*: *сіс адмін* ‘сістэмны адміністратар’, *спецагент, тураператар.*

3.5. *Nomina agentis*, утвораныя шляхам скарачэння: *скін, фанат.*

3.6. *Nomina agentis*, утвораныя шляхам семантычнай дэрывацыі:

Нарэшце, невялікая колькасць інавацыйных *nomina agentis* з’яўляюцца семантычнымі дэрыватамі. Параўн.: *аператар* ‘спецыяліст, які працуе на камп’ютары’, *археалаг* (у выразе *чорны археалаг*) ‘той, хто займаецца незаконнымі раскопкамі ваенных захаванняў ці гістарычных мясцін’, *афганец* ‘удзельнік вайны ў Афганістане’, *баявік* ‘член незаконнага ўзброенага фарміравання’, *беларус* (у выразе *новы беларус*) ‘прадпрымальнік, які пачаў займацца бізнесам’, *карыстальнік* ‘той, хто карыстаецца камп’ютарам’, *легіянер* ‘спартсмен, які выступае ў замежных клубах, камандах па кантракце’, *пірат* ‘той, хто займаецца незаконнай вытворчасцю і продажам аўдыя- і відэапрадукцыі’, *чайнік* ‘нявыпытны карыстальнік камп’ютарам’, *чайноч* ‘індывідуальны прадпрымальнік, які займаецца перавозкай і продажам тавараў’, *даўн* ‘пра някемлівага, нездагадлівага чалавека’ і інш.

Як можна бачыць з прыкладаў, *nomina agentis* уяўляюць сабой значную групу лексічных інавацый у сучаснай беларускай мове, сярод якіх істотнае месца займаюць складаныя адзінкі і нават абрэвіятуры.

3.7. *Nomina feminina*.

Акрамя інавацыйных *nomina agentis* дэрывацыйнае поле персанальнасці прадстаўлена невялікай колькасцю фемінінатываў, утвораных ад адпаведных *nomina agentis*:

-**к(а)**: *бэк-вакалістка* (ад *бэк-вакаліст*), *візажыстка* (ад *візажыст*), *дыскусантка* (ад *дыскусант*), *ліцэістка* (ад *ліцэіст*), *рэспандэнтка* (ад *рэспандэнт*), *стрыптызёрка* (ад *стрыптызёр*), *сутэнёрка* (ад *сутэнёр*), *фанатка* (ад *фанат*), *фрыстайлістка* (ад *фрыстайліст*), *шахідка* (ад *шахід*).

-**ш(а)**: *бізнесменша* (ад *бізнесмен*), *стрыптызёрша* (ад *стрыптызёр*).

-**шчыц(а)**: *тусоўчыцыца* (ад *тусоўчычк*).

-**ніц(а)**: *адказніца* (ад *адказнік*), *суразмоўніца* (ад *суразмоўнік*).

Асаблівае месца сярод матываваных інавацый-фемінінатываў належыць складаным *бізнесвумен, бізнес-лэдзі, лэдзі-бос, лэдзі-начальнік, поп-спявачка*, таксама складанаскарочанаму ўтварэнню *жанчына-вамп*,

4. Асабліваасці словаўтварэння *nomina agentis* ў сучаснай беларускай мове.

Прыведзены вышэй моўны матэрыял выразна дэманструе пэўныя заканамернасці і тэндэнцыі сучасных інавацыйных працэсаў у сферы лексікі і словаўтварэння, а таксама паказвае спецыфіку рэалізацыі патэнцыяльных магчымасцей сістэмы беларускага словаўтварэння і яе развіцця ў пачатку XXI ст.

Як паказвае прадэманстраваны матэрыял, ва ўтварэнні *nomina agentis* у сучаснай беларускай мове выдзяляюцца пэўныя асабліваасці, якія сведчаць не толькі пра намінатыўныя магчымасці словаўтваральнай сістэмы, але і пра тэндэнцыі яе развіцця ў цэлым.

Асноўнымі тэндэнцыямі і заканамернасцямі функцыянавання сістэмы сучаснага беларускага словаўтварэння, на наш погляд, трэба лічыць наступныя.

4.1. Актыўнае ўключэнне іншамоўнай лексікі ў словаўтваральны працэс у якасці базавай.

4.2. Істотнае павышэнне прадуктыўнасці асобных спосабаў словаўтварэння (напрыклад, афіксацыя, словаскладанне і семантычная дэрывацыя) і словаўтваральных сродкаў (напрыклад, суф. *-ep/-ap*, *-іст/-ыст*, *-ант*, *-Ø* і інш.).

4.3. Развіццё словаўтваральнай сінаніміі і дублетнасці і павелічэнне канкурэнцыі словаўтваральных сродкаў і словаўтваральных тыпаў.

Адначасовая актуалізацыя ў беларускім словаўтварэнні тэндэнцый да інтэрнацыяналізацыі і нацыяналізацыі дазваляе выдзеліць дзве разнавіднасці словаўтваральнай сінаніміі і дублетнасці:

а) сінанімія і словаўтваральная варыянтнасць існуючай намінатыўнай адзінкі і лексічнай інавацыі:

выбаршчык – выбарац;

спартсмен – спартовец;

наведвальнік – наведнік;

Мінск → мінчанін → мінчанка і Мінск → мінчук → мінчучка.

б) сінанімія і словаўтваральная варыянтнасць новаўтварэнняў (лексічных інавацый):

выступанец – выступоўца – выступовец – выступант;

нападнік – нападальнік – нападоўца;

мітынговец – мітынгант.

4.4. Тэндэнцыя да замены субстантываваных дзеепрыметнікаў суфіксальнымі назоўнікамі *nomina agentis*, а таксама паяўленне суфіксальных дэрыватаў замест неаднаслоўных найменняў:

нападаючы (спарт.) – нападнік, нападальнік, нападоўца;

выступаючы – выступанец, выступовец, выступоўца, выступант;

мітынгуючы – мітынговец мітынгант;

прахожы ‘той, хто праходзіць міма’ – мінак;

‘той, хто што-н. падпісвае (падпісаў)’ – падпісант.

4.5. Тэндэнцыя да словаўтваральнай маркіроўкі nomina agentis.

Напрыклад, *бізнесменичык* (фактычна асемантычная дэрывацыя, суфікс -*шчык* не дадае новае словаўтваральнае значэнне, а толькі маркіруе новую адзінку як найменне асобы). Фактычна дастаткова пашыранае зараз *спартовец* (параўн. *спартсмен*) таксама мае больш выразную словаўтваральную маркіроўку асабовага назоўніка ў параўнанні са *спартсмен*. У гэтай сувязі верагодна прагназаваць паяўленне *кілершчык* (= *кілер*) і інш.

4.6. Істотная актывізацыя прэфіксальнага словаўтварэння ў сферы nomina agentis (прыклады гл. вышэй).

4.7. Інтэнсіўнае ўтварэнне складаных і складанаскарочаных nomina agentis.

4.8. Утварэнне складаных nomina feminina.

Параўн.: *бос* (nomina agentis) → *лэдзі-бос* (nomina feminina), *начальнік* (nomina agentis) → *лэдзі-начальнік* (nomina feminina).

4.9. Узаемапрапанікальнасць і змена межаў паміж nomina agentis і nomina feminina.

Параўн.:

бізнес → *бізнесмен* (nomina agentis) → *бізнесменша* (nomina feminina),
але:

бізнес → *бізнесмен* (nomina agentis)

бізнес → *бізнес-лэдзі* (nomina agentis)

бізнес → *бізнесвумен* (nomina agentis).

Параўн. таксама. У пары *выбаршчык* – *выбаршчыца* дэрыват *выбаршчыца* адназначна адносіцца да nomina feminina. Паяўленне ж дэрывата *выбарац* (= *выбаршчык*) пераводзіць лексему *выбаршчыца* ў *разрад* nomina agentis. Надварот, паяўленне назвысобы жаночага полу *прадавачка* (параўн. пару *прадавец* – *прадаўшчыца*) сведчыць ад зруху найменняў асоб жаночага полу ў бок nomina feminina.

5. Заклучэнне.

Сучасныя лексічныя інавацыйныя працэсы ў беларускай мове пацвярджаюць:

а) вядучую ролю словаўтварэння ў папаўненні слоўнікавага складу мовы (Нягледзячы на актыўны прыток іншамоўных запазычанняў, колькасць матываванай лексікі, у тым ліку nomina agentis, значна перавышае колькасць нематываванай лексікі);

б) пашырэнне словаўтваральнай базы і словаўтваральных магчымасцей мовы (Уключэнне іншамоўнай лексікі ў словаўтваральны працэс садзейнічае актывізацыі наяўных спосабаў словаўтварэння, напрыклад, словаскладання, і словаўтваральных сродкаў мовы);

в) здольнасць беларускага словаўтварэння адаптаваць іншамоўныя запазычаныя, уключаючы іх у сістэму матывацыйных адносін (Многія непасрэдныя запазычаныя ўпісваюцца ў сістэму матывацыйных адносін, набываюць статус

матывавальных адзінак і тым самым істотна павялічваюць пласт матываванай лексікі ў слоўнікавым складзе мовы).

ЛІТАРАТУРА

1. Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo. Nominacja. \ Redaktor naukowy Ingeborg Ohnheizer. – Opole, 2003.
2. Беларуская мова: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. – Opole, 1998.
3. Лукашанец, А.А. Словаўтварэнне і граматыка. – Мінск, 2001.
4. Русский язык: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. – Opole, 1997.
5. Глумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці тт., 6-ці кн. – Мінск, 1977 – 1984.
6. Уласевіч, В.І, Даўгулевіч, Н.М. Слоўнік новых слоў беларускай мовы. – Мінск, 2009.

Alexandar A. Lukashanets

NOMINA AGENTIS IN MODERN BELARUSIAN LANGUAGE: WORD FORMATION POTENTIAL AND TRENDS

Summary

Modern innovation in vocabulary and word formation of the Belarusian language are determined by a complex interaction of processes of the actual borrowing of vocabulary and the formation of new units within existing resources in the word-line trends towards internationalization and nationalization. Intensive borrowing of foreign language vocabulary, on the one hand, limits the realization of potential derivational capacity of the national language, but on the other hand, promotes the expansion of word-formation bases of language and the activation of its word-building resources.

In this paper modern innovative trends in vocabulary and word formation of the Belarusian language are considered in the material of the derivational category nomina agentis, which occupies a central place in the derivation field of personality.

The lexical structure of this category in the Belarusian language is now intensively replenished due to foreign language vocabulary, which is included in the system of modern motivational relationships and acquire the status of motivated, as well as to the derivation itself within the limits of the various methods of word formation and a variety of word-building means.

The main trends of the development of the derivational category nomina agentis, which characterize the modern development of the nominative system of the Belarusian language, are as follows: the active involvement of foreign language vocabulary in word-formation process as a baseline; a significant increase in the productivity of some ways of word formation (eg, suffixation, prefixation, compounding, semantic derivation and etc.) and word-building means (such as suffixes *-ep/-ap*, *-іст/-ыст*, *-ант*, *-Ø* etc.), development of formative synonymy and doublets, as well as increased competition of the word formation means and word formation

types (*выбарычык – выбарац, выступанец – выступоўца – выступовец – выступант, мітынговец – мітынгант*); tendency to replace substantivised participles by suffixed nomina agentis (*нападаючы – нападнік, нападальнік, нападоўца*), as well as the emergence of suffixed derivatives instead of word combinations (*надпісант*); tendency to formative marking of nomina agentis (*бізнесменічык=бізнесмен*); significant enhancement of prefixal derivation (*дэмакрат → не-дэмакрат*); intensive formation of compounds and abbreviated nomina agentis (*бізнес-партнёр, кантэнт-менеджар*) etc.

In general, modern lexical innovation processes in the Belarusian language confirm: a) the leading role of derivation in the completion of the vocabulary of the language, and b) the expansion of word-formation bases and derivational possibilities of the language, and c) the ability of the Belarusian derivation to adapt the foreign language borrowings, including them to the system of motivation relationship.

ЕЛЕНА ГЛЕБОВНА ЛУКАШАНЕЦ*

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МИНСК, БЕЛАРУСЬ

РУССКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Номинативная деятельность пользователей Интернета проявляет себя не только при непосредственном общении (в чатах, форумах), но и в форме он-лайн словарей, которые и послужили материалом данного исследования.

Специфика современного сленга, отраженного в интернет-словарях, объясняется как функционированием сленга в графической форме, так и двумя противоположными тенденциями его развития: «остраннением» и аттракцией.

Тенденция к «остраннению» (отталкиванию) заставляет носителей молодежного сленга использовать для образования сленгизмов не общелитературные, а сленговые аффиксы и модели. Аттракция (притягивание) проявляется как в виде паронимической аттракции, так и в виде контаминации, которая также может приводить к появлению сленговых аффиксальных средств.

Довольно значительная роль контаминации и паронимической аттракции среди способов словообразования в современном сленге позволяет говорить о явных изменениях в номинативных процессах современной молодежной речи.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, словарь, метаязыковая деятельность, сленг, социолект, деривация, паронимическая аттракция, контаминация.

Интернет-коммуникация, как специфический тип общения, способствует усилению номинативной активности носителей языка. Словотворчество пользователей всемирной компьютерной сети проявляет себя как при непосредственном общении (в чатах, форумах), так и в форме различных словарей новой лексики, создаваемых в Интернете при участии всех желающих.

Именно последние стали основным объектом нашего рассмотрения, в большей степени потому, что представляют собой достаточно объемные собрания лексики, к тому же сопровождаемой комментариями об употреблении, толкованиями значений и иллюстрациями.

Материалом нашего исследования являются два словаря, размещенные на сайтах <http://teenslang.su> и <http://www.slovonovo.ru>. Оба этих словаря организованы по подобию англоязычного сайта urbanictionary.com, т.е. создаются самими поль-

---

* e-mail: elukashanets@rambler.ru

зователями Интернета, оба характеризуются как словари современной лексики, жаргона и сленга, хотя первый из них все же больше ориентирован именно на молодежный язык. Наконец, словарные статьи обоих словарей строятся примерно по одной модели: 1) слово, 2) число пользователей, проголосовавших за или против него, 3) сфера употребления, 4) толкование значения, 5) иллюстрации употребления, представляющие собой, как правило, типичные словосочетания или предложения из устной речи. Некоторые различия в словарных статьях (в первом словаре приводятся шире синонимы, антонимы, происхождение слов) для нашего исследования несущественны. Поскольку оба словаря являются постоянно пополняемыми, нет возможности точно указать количество слов на сегодняшний день, однако в то время, когда проводился сбор материала (февраль–март 2012 года), было зафиксировано в первом словаре – свыше 8700 словарных статей, во втором – около 12 000. Следует, однако, учитывать, что число разных лексем и устойчивых сочетаний несколько меньше, так как на некоторые словарные единицы написано по несколько статей.

Из первоначального корпуса материала нами были отобраны, во-первых, только однословные номинации и, во-вторых, только те лексемы, которые были помечены как молодежные или вообще не получили помет. Это было сделано не только для некоторого сокращения объема материала, но и потому, что многие специальные или узкогрупповые сленги пополняют свои лексиконы одним основным способом. Так, например, сленги геймеров (сетевых игроков) и айтишников (приверженцев IT-технологий) по большей части построены из англоязычных заимствований, сленг поклонников аниме изобилует японскими по происхождению словами, в сленге «Упячки» (своего рода абсурдистского сайта с вымышленными персонажами) много искусственно созданных слов, слова с меткой «каменты» (из комментариев) – это в основном графические искажения литературных слов.

Кроме того, сосредоточение нашего внимания только на общемолодежной лексике позволит, как мы считаем, выявить тенденции, характерные для всей молодежной речи в целом, а не каких-либо ее подсистем.

В связи с этим возникает еще три немаловажные проблемы. Прежде всего, следует задать вопрос: как соотносятся наши данные с материалом уже изданных словарей молодежного жаргона? Не претендуя на абсолютную точность, укажем, что предварительное беглое сравнение со словарями М. Грачева, С. Левиковой и даже новейшего словаря Т.Г. Никитиной [1; 2; 3] выявило не больше 10% совпадений, что свидетельствует в пользу новизны наших источников. Тем самым выбранные нами источники отражают тенденции создания сленгизмов нескольких последних лет.

Вторая, более важная проблема касается вообще степени валидности нашего материала для научного исследования, учитывая тот факт, что словари создавались неспециалистами. Однако поскольку многие опубликованные словари русского молодежного жаргона обычно строятся на основе все тех же опросов молодежи, а отнюдь не являются результатом широкомасштабных социолингвистических исследований, наш материал представляется вполне пригодным: кто, как не сами молодые люди, лучше всего осведомлен в области молодежного сленга?

Косвенным подтверждением того, что словари создавались в основном молодежью, служат статистические данные, приведенные на сайте «Словоново»: на 18 февраля 2011 года доля визитов лиц возрастом от 12 до 34 лет составляла 79%. Определенные погрешности в толковании значений слов, в их представлении в словаре в ходе исследования нами были откорректированы.

Наконец, третья проблема заключается в определении типа интернет-коммуникации, отраженной в данных словарях. На наш взгляд, словари можно считать в определенной степени текстами, в которых закреплены результаты метаязыковой коммуникации определенной части молодежи. То, что словари являются коммуникацией, а не просто лексиконами, доказывается, во-первых, указанным выше голосованием за и против слова, во-вторых, явно разговорным характером некоторых дефиниций, напоминающих скорее обыденное объяснение слов при устном общении, чем научную дефиницию: *дожирак* – «Лапша быстрого приготовления. Ну, вроде «Роллтон» или 'Доширак'»; *каркалыга* – «Девушка вполне симпатичная, но раскоряка ...немного неуклюжая...»; *козлодой* – «Это мужчина (уже даже и не мужчина), который теряет своё достоинство и становится крупно рогатым скотом!». Наконец, определения некоторых, вызвавших наибольший интерес слов носит скорее характер обмена мнения на форумах, например, при слове *пендовки* находим следующие дефиниции (в хронологическом порядке):

1. *Эдакая малолетка, нацепившая на себя черно-розовое шмотье, любитель пофоткаться в ванной, приставить два пальца к виску, типа Bang-Bang, и еще после всего этого стебного бреда считает себя ТРУ ЭМО xDDDD*

2. *Девочка (мальчик) лет 10–14, которые нацепили на себя шмотье с рынка и говорят, что они тру эмо (треиш, панк, альтернативцик и т.д.). В основном жрут ягуар, пишут ВоТ ТаКиМи БуКоФкАмИ и рассуждают о том как лучше произвести суицид.*

3. *А я считаю, что это те, кто просто красуется в цветных штанах, кедах, красит волосы в розовый цвет и проч., считая, что так он выглядит круто в глазах окружающих. Это те люди, кто подвержен чуждому влиянию, кто не имеет своего мнения и внутреннего «Я».*

Но, если человеку это просто нравится и он это делает НЕ потому, что это модно или круто, а чувствует, что это его-это другое.

А по поводу суицид, если это показуха, а не крик души, то человек дурак и с этим уже ничего не поделаешь, но, если, человеку действительно плохо и он думает, что жизнь зашла в тупик, то ему просто нужна помощь близких.

Можно быть настоящим эмо, ведь эмо-это эмоциональные люди, но не надо это выставлять на показ. Я думаю, это хорошо, что есть люди, которые могут заплакать, потому что им плохо или кого-то жаль, быть наивными как дети, но нельзя делать из этого пафос!

5. *Этим словом сейчас бросаются многие, без основания, оно уже стало как слово дура... Просто так, просто сказать.... а обосновать не могут.... В основном сами пендовки так говорят, Не осознавая это ..... что имеют ввиду часть себя... Малолетка тупо гонящееся за модой, Который делаешь замечание за забор- Тупо ответит -ой, я давно это писаааллааааа, не помню уже такого*

.а менять забыыыла, Но я не педовка, я Хорошая..... такой ответ часто встречался !...:) просто смешно.... С этим словом нужно быть внимательнее....

6. *Ух много чего сказано, но постараюсь всё-таки внести свои слова. Пендовка-это потерянное звено эволюции, не знаю зачем эти малолетки цепят на себя это рыночное барохло и отрицивать чёлочку из-за которой мама кричит вечно. Выглядят они жутко и противно, жрут ягуар, трахаются на скамейках в заброшенных парках. Считают что это модно. Неприятно что в обществ этого дерьма всё больше и больше¹.*

Таким образом, рассмотренные словари молодежного сленга являются достаточно надежным источником изучения молодежной интернет-коммуникации последних лет. Всего проанализировано свыше 3000 лексем (существительных).

Давно известным в социолингвистике фактом является то, что экстралингвистические, прежде всего общественные, факторы влияют не прямо, непосредственно на внутреннюю структуру языка, а через т.н. внешнюю, функциональную сторону. Исследуемый нами материал как нельзя лучше подтверждает это положение. Действительно, появление Интернета – экстралингвистический фактор – повлекло за собой реализацию внелитературных подсистем, в частности молодежного сленга, в письменной форме. В свою очередь, функционирование сленга в графической форме сделало возможными определенные изменения в словаре сленга, в тех основных способах, которые используются в номинационных процессах.

Наличие графической формы предопределило некоторые особенности «новой» лексики, в которых относятся, в частности, следующие.

1. Создание социолектизмов при помощи графического искажения общеупотребительных слов – своеобразную графодеривацию [4]: *красавчЕГ, Йулка, весчь, дичч*. Приведенные примеры являются элементами т.н. «олбанского языка», или «языка падонкафф» [6]. Поскольку статья посвящена словообразованию в традиционном (для русистики) смысле слова, подобные случаи далее не рассматриваются.

2. Активизация аббревиации инициального типа, наряду с графическими сокращениями: *лп* 'лучшая подруга', *др* 'день рождения'. Кроме буквенных аббревиатур, подобных приведенным выше, встречаются шуточные расшифровки общеизвестных аббревиатур: *ВЛКСМ = Возьми Лопату, Копай Себе Могилу* – или псевдоаббревиатур (литературных слов, воспринятых как аббревиатуры): *ИДИОТ = Идеальный Друг И Отличный Товарищ*. Возможно сокращение одного слова, проведенное по типу аббревиатур: *дбз = ДоБаЗарились, чсв = ЧванСтВо*, что иногда приводит к появлению псевдоанглицизма: *кэпэ = капуста* (т.е. деньги). Слоговые аббревиатуры редки: *пятьсек = пять секунд, авас = Анатолий Вассерман*, причем в некоторых не соблюдаются законы аббревиации русского языка: *вачел = важный человек* (первый слог открытый).

3. Наличие длинных (*пиндерванистический, фильдитиперный*) или неудобнопроизносимых (*абырвалг, фхтагн*) слов как обратная тенденция

¹ Иллюстрации даются в том орфографическом и пунктуационном оформлении, в которой они зафиксированы в Интернете.

к удлинению текста, к большей его экспрессивности. Ряд слов здесь, естественно, напоминает заимствования: *кантрофильд* 'странный, непонятный (возможно дилетантский) человек', *кукоямбус* 'слово неопределённого значения. Произносится с разной интонацией и выражает в зависимости от контекста самые различные чувства: иронию, недоумение, радость и т.д.', *пердимонюкль* 'крайне неприятная ситуация', *цунареф* 'иностранец, нерусский (пренебрежительное, унижительное)', *читидрос* 'не означает ничего конкретного, кроме собственно обзывательства', *чянда* 'ерунда, чепуха, чушь; ложь, неправда', *эпидерсия* 'непонятная ситуация, неопознанная вещь, ерунда'.

Однако не все особенности номинации в словаре сленга объясняются воздействием графики. С целью выявления этих особенностей обратимся к анализу, прежде всего, суффиксальных производных, которые составляют около трети слов сленга.

С одной стороны, как обычно и указывают в работах по социолектам, современный молодежный сленг использует при создании социолектизмов средства русского языка. Естественно, что в сленге достаточно широко используются наиболее продуктивные суффиксы существительных *-ак, -ан, -арь, -ер, -ик, -к(а), -л(о), -о, -н(я), -ун, -ух(а)* и др.: *дремак* 'спящий человек', *долбан* 'идиот', *вискарь* 'виски', *дачер* 'дачник', *циклик* 'человек, зацикленный на себе', *вечка* 'прочная, надежная вещь', *музло* 'музыка', *гон* 'неправда', *чухня* 'чушь', *жегун* 'человек, который «зажигает», *днюха* 'день рождения'. Однако, с другой стороны, даже беглый взгляд на эти мотивированные заставляет несколько усомниться в ведущей роли общеизвестных для русской деривации моделей и ресурсов. Поражает и огромное число очень специфических по своей фонетической структуре суффиксов: *дружба* → *дружбамбелло* 'друг', *фифа* → *фифандоска* 'непривлекательная девушка', *чмардос* 'то же, что и чмара, только мужской род', *чирик* → *чирибасик* 'десять рублей'. Ср. также другие суффиксы (сами слова не приведены, так как корни носят нецензурный характер): *-анатерий, -андори(я), -вал(а), -етеци(я), -марэ, -онтин, -отурги(я), -ямбал(а)*.

С чем связано появление подобных суффиксов?

Первой причиной такого, «нестандартного» подхода к номинационным процессам в сленге следует считать, безусловно, известную тенденцию к «остраннению» [5], отталкиванию, заставляющую носителей молодежного сленга отказываться от привычных языковых элементов, от общепринятых моделей образования слов. Известно, что словотворчество среди других социолектов в наибольшей степени присуще молодежному сленгу и тем более современному сленгу, носители которого не столько более развиты интеллектуально, сколько более раскованны и в меньшей степени склонны доверять авторитетному мнению взрослых. Это ведет, кроме всего прочего, и к наличию в речи современной молодежи большего, чем раньше, числа искусственно созданных слов (*упячка, масараки, микантара, эпидерсия*).

Вторая причина кроется в наличии процесса, казалось бы, противоположного первому, но на самом деле ведущему к тем же результатам. Для номинации в сфере молодежной речи в высшей степени характерно явление, отмечаемое для

всех внелитературных, в основном устных форм коммуникации, – а т т р а к ц и я , которая, если понимать ее достаточно широко, означает любое притягивание языковых элементов, в частности слов, друг к другу. Для номинации аттракция, как правило, означает, что в процессе наименования для сходных явлений привлекаются сходные наименования, причем это объясняется не просто родственным характером однокоренных слов (хотя и это можно назвать аттракцией). Например, в субстандарте отмечается т.н. с и н о н и м и ч е с к а я а т т р а к ц и я : для одного и того же понятия подбирается ряд слов, синонимичных или тематически сходных в литературном языке. Так, по объяснениям самой молодежи, *олень* – это «культурный вариант 'козла'», т.е. 'недалекий человек'. Другие примеры: *квадрат* и *метраж* 'квартира', *сковородник* и *чапельник* 'челюсть, рот'.

Однако если синонимическая аттракция в целом укладывается в рамки семантической деривации – переносы наименования по сходству, метафоры, то паронимическая аттракция – явление, которое не может быть объяснено с точки зрения традиционного словообразования. Как известно, она заключается в подборе для наименования некоего явления слова литературного языка, которое внешне напоминает другое слово, обозначающее это явление в литературном языке (иногда в другом языке), хотя при этом и не связано с ним по смыслу. Паронимическая аттракция распространена в современном молодежном жаргоне очень широко. Таковы, например: *сорняк* 'выражение извинения, просьба о прощении' ← *sorry*; *шимпанзе* 'шампанское', *термос* 'тормоз (тупой, недалекий, плохо соображающий человек)', *простата* 'простодушный человек', *миска* 'конкурс красоты' и т.д. Как видно из примеров, паронимическая аттракция может являться и результатом псевдодеривационных процессов, см. также: *фара* 'плохой, непорядочный поступок' → *фарадей* 'человек, способный на плохой, нечестный поступок'; ср. также *цементовоз* – в словаре сленга объясняют так: 'из украинского языка «це – ментовоз»' (это – ментовоз, ментовоз – милицейская машина).

Аттракция заставляет привлекать к наименованию явления слова, друг с другом не связанные в общелитературном языке, наряду со словами, связанными словообразовательными отношениями. Например, слабоалкогольный энергетический напиток «*Jaguar*», популярный в среде молодежи, получил следующие названия: *джагер*, *яга*, *ягич*, *кошарик*, *леопольд*, первое из которых представляет собой заимствование, второе и третье – морфологические дериваты (усечение и суффиксальное слово с усеченной основой), а четвертое и пятое – семантические дериваты. Такие названия связаны друг с другом цепочечно (исходное *ягуар* → *яга* → *ягич*) или радиально (*ягуар* → по форме: *яга*, *ягуар* → по значению: *кошарик*).

Непростые взаимоотношения связывают дериваты и в таких комплексах, как *лаве* – *лаванда* – *лавандос* – *лавешки* – *лавсан*, где мы видим не только дериваты (*лавешки*), но и аттрактаты (*лаванда* и *лавсан*), а также дериват от одного из них (*лавандос*). Естественно, что наличие подобных наименований в значительной мере усложняет построение словообразовательного гнезда и выявление деривационных средств.

Еще более разветвленную систему названий имеет понятия, связанные с пьянством, с употреблением алкоголя (приведем только слова, включающие корень *-бух-*):

бухало 'алкоголик'

буханка 'девушка, которая пьет'

бухараі 'пьянка, попойка'

бухарест 'то же, что и бухара'

бухарь 'человек часто потребляющий алкоголь'

бухарик 'алкоголик'

бухло 'общее название для любого спиртного напитка'

бухаічик 'произошло от двух слов бухающий и чачик'

Как видно из последнего примера, наряду с паронимической аттракцией, словообразовательные процессы в сленге осложняются наличием относительно большого числа контаминированных образований (*бухачик*), которые не представляют собой суффиксальных производных. Точно так же и слова *ночер* 'поздний вечер' и *лохнесса* 'девушка-лох' вряд ли должны рассматриваться как суффиксальные образования – это контаминаты. В широком смысле контаминация тоже притягивание, но притягивание особого рода, результатом которого является «проникновение» слов друг в друга.

Контаминация, наравне с другими типами аттракции, может приводить к появлению специфических сленговых средств. Во всяком случае контаминированные образования дают начало возникновению суффиксоидов, что можно проиллюстрировать материалом как словарей (1), так и лексики форумов (2):

(1) *сузифон* 'смартфон, очень тонкий с минимумом функций', *колдофон* 'телефон' (*колдырь* + *телефон*)

(2) *либераст* 'сторонник либеральных идей, демократии и т.п.'

Толерасты – *проведите гей парад в Багдаде!*

Мне понравилось, что Жуковский ведёт диалог с идеологами и кэгеберастами С ПОЗИЦИИ СИЛЫ.

Контаминаты и результаты паронимической аттракции занимают в числе способов сленгового словообразования достаточно видное место: их соответственно 2 и 3% всех проанализированных существительных. Привлекательность этих производных для носителей сленга обусловлена, по-видимому, двумя их общими свойствами: во-первых, те и другие представляют собой достаточно компактные по форме и емкие по содержанию единицы, а во-вторых – будучи нередко «соединением несоединимого» – сверхэкспрессивны. Первая черта превалирует у контаминатов, вторая – у аттрактов.

Таким образом, и данные, извлеченные из указанных словарей, и материалы остальных видов интернет-коммуникации заставляют утверждать, что молодежь в настоящее время отказывается от «классических» средств, способов, моделей словообразования в пользу либо своих, специфических аффиксальных средств, либо относительно новых для русского языка способов – паронимической аттрак-

ции и контаминации, которые успешно конкурируют со «старыми» способами на просторах сети Интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев, М.А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – М. : Эксмо, 2006. – 672 с.
2. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга / С.И. Левикова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 928 с.
3. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг : толковый словарь : около 20 000 слов и фразеологизмов / Т.Г. Никитина. – 2-е изд. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 910 с.
4. Попова, Т.В. Русские графодериваты в современном языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) / Т.В. Попова // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности : мат-лы Междунар. научн. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», Екатеринбург, 24-26 апреля 2008 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – С. 141–147.
5. Радзиховский, Л.А. Сленг как инструмент остранения / Л.А. Радзиховский, А.И. Мазурова // Язык и когнитивная деятельность / Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; редкол.: Р.М. Фрумкина (отв. ред.) [и др.]. – М., 1989. – С. 126–137.
6. Шаповалова, Н.Г. ОРФО-арт как пример карнавального общения в виртуальной реальности / Н.Г. Шаповалова // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3-х ч. / Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2008. – Вып. 11, ч. II. – С. 292-295.

Elena G. Lukashanets

RUSSIAN WORD FORMATION IN THE MIRROR OF INTERNET COMMUNICATIONS

Summary

Nominative activities of Internet users reveals itself not only through direct communication (chat rooms, forums), but also in the form of on-line dictionaries. The material of the study are two dictionaries on the websites <http://teenslang.su> and <http://www.slovonovo.ru>. Both of these dictionaries are created by the Internet users and are characterized as dictionaries of modern vocabulary, jargon and slang.

Operation of slang in the graphic form predetermines some of the features of the slang vocabulary (creation of sociolectisms by means of graphic distortions of common words, activation of the initial abbreviation, the presence of long or unpronounceable words as a tendency towards greater expressiveness of the text).

The specificity of contemporary slang, as reflected in the online dictionary, is also due to two opposing tendencies of its development, “ostrannenie” (repulsion) and attraction.

The tendency to repulsion forces users of the youth slang to refuse word formation conventional models, resulting in a) the appearance of numerous slang affixes, which, along with the most productive common affixes are used to form slengisms, and b) the presence of a large number of artificial words in the slang.

Attraction manifests, first, in the form of so-called paronymic attraction – selection of words of the literary language to name the phenomenon, which are similar to other words for this phenomenon, although they may not be associated with them in meaning: *лаве* ‘money’ → *лаванда* (lavender) and *лавсан* (polyester) ‘money’. Secondly, the attraction leads to the formation of contaminants (*лох* ‘sucker’ + *Лохнесс* → *лохнесса* ‘girl sucker’). Contamination can also lead to the appearance of slang suffixes.

Pretty much the role of contamination and paronymic attraction among the ways of word formation in modern slang, suggests the obvious changes in the nominative process of modern youth speech.

SWETLANA MENGEL, ELENA PLAKSINA*

MARTIN-LUTHER-UNIVERSITÄT HALLE-WITTENBERG, HALLE A.D. SAALE,
LEW-TOLSTOI-GRUNDSCHULE STAATLICHE EUROPA SCHULE, BERLIN

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМАХ БИЛИНГВОВ¹ (на примере русского в диаспоре и языков-партнёров)

Аннотация. В предлагаемой статье делается попытка показать аппликацию словообразовательных систем двух языков (один из которых русский), а также выявить области и причины их интерференции и взаимодействия в речи билингвов. После (ре)интерпретации ряда конкретных языковых примеров из речи русских эмигрантов, содержащихся в исследованиях по русскому языку в иноязычном окружении и их сравнения с данными наблюдений авторов статьи, сделанные предположения и выводы распространяются и подкрепляются анализом языкового материала в области словообразования наименований предметов, извлеченного из (устной и письменной) русской речи детей-билингвов, родившихся и/или проживающих в Германии. Исследование проводится на материале базы данных, полученных в результате многолетних наблюдений (по официальному разрешению Федерального правительства земли Берлин) над учениками начальной Европейской школы им. Льва Толстого в Берлине, где преподавание ведётся на русском и немецком языках.

Ключевые слова: функции словообразования, интерференция словообразовательных механизмов, модификация, транспозиция, мутация, деривация, сложение.

1. На необходимость специального изучения словообразовательных механизмов и функций словообразования русского языка в иноязычном окружении впервые указала Е.А. Земская в своем докладе на 4-ой Международной конференции Словообразовательной Комиссии при Международном комитете славистов в Катовице (Земская 2000). Она отметила, что исследователи языка русских эмигрантов, «как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая лишь отдельные производные слова при изучении

---

* e-mail: swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

¹ В ограниченных рамках статьи мы не имеем возможности подробно остановиться на определении понятия билингвизма в его различных формах и стадиях развития (см. Baker 1996, Garlin 2000, Чиршева 2000, Dietrich 2002, Edel 2007 и др.). В соответствии с задачей исследования и обследованной группой информантов (см. сноску 5) под билингвами понимаются так наз. «естественные билингвы», лица, изначально и параллельно овладевающие (и владеющие) двумя языковыми системами.

заимство-ванной лексики – так называемые слова-гибриды (заимствованная основа + русские аффиксы)» (Земская 2000, 141). На основании своих исследований² рус-ской речи представителей разных поколений четырёх волн эмиграции³, прожи-вающих в Италии, Германии, США, Франции и Финляндии, Е.А. Земская прихо-дит к выводу, что слова-гибриды свойственны, в основном, речи эмигрантов 3-ей и 4-ой волн, где они выполняют номинативную и экспрессивную функции слово-образования. По её мнению, словообразовательная система русского языка в целом (в отличие, например, от фонетической или лексической) не подвергается иноязычному влиянию (Земская 2000: 144). Об этом свидетельствует, как считает исследователь, прежде всего анализ речи эмигрантов 1-ой волны различных поколений.

1.1 Безусловно следует согласиться с мнением Е.А. Земской о том, что обра-зование слов-гибридов ни коим образом не влияет на словообразовательную систему русского языка. Напротив, слова-гибриды создаются с использо-ванием продуктивных механизмов и моделей русской словообразовательной системы.

Данный процесс свойственен в равной степени как языку диаспоры, так и метрополии. Его усиление в языке метрополии наблюдается в периоды социальных катаклизмов с характерными для них ослаблением и переоценкой кодифици-рованных языковых норм (Поливанов 1931). Положение эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции адекватно, по нашему убеждению, социальному катаклизму и отражается в адекватных метрополии языковых процессах, наблю-даемых в языке диаспоры (Mengel 2011, ср. Verend 2003). В этой связи представ-ляется не случайным, что Е.А. Земская зафиксировала большое число слов-гибридов именно у эмигрантов 3-ей и 4-ой волн: здесь она имела возможность общаться преимущественно с представителями первого поколения эмиграции, чего, очевидно, нельзя сказать о её информантах 1-ой волны эмиграции.

1.1.1 Номинативная функция словообразования путем создания слов-гиб-ридов способствует адаптации заимствований и интеграции иноязычной лексики в систему русского языка.

В современном русском литературном языке метрополии (или языке-стан-дарте) возникают, таким образом, целые словообразовательные гнезда и словооб-разовательные ряды, ср. примеры из академического «Толкового словаря русского языка конца XX века», фиксирующего языковые изменения за 1985 – 1997 годы (т.е. период социального катаклизма после перестройки): *маркетинг* → *маркетин-говый*, *маркетинг-клуб*, *маркетинг-директор*, *маркетолог*, *маркетоло-гия*, *мар-кетологический*, *виндсёрфинг* → *виндсёрфинговый*, *виндсёрфингист*, *виндсёрф*,

² Результаты исследований, проведенных в 90-е годы прошлого столетия, опубликованы в книге «Язык русского зарубежья» (Земская 2001, 128-135), в сборнике материалов 5-ой Международной конференции Словообразовательной Комиссии в Виттенберге (Земская 2002) и в ряде других статей.

³ Различаются следующие волны русской эмиграции: 1-я – после революции 1917 года, 2-я – во время и после Второй Мировой (Отечественной) войны в 1941-1945 годы, 3-я – в 1970-е годы, 4-я – с конца 1980-х годов (Земская 2001, 35 и след.).

виндсёрфер; маркетинг → маркетинговый : виндсёрфинг → виндсёр-финговый : рейтинг → рейтинговый (ТСРЯ 2000) и др.⁴.

Природа, цель и формы образования слов-гибридов в их номинативной функции в языке диаспоры аналогичны, ср.: юзер (*user*) → юзать, юзанный, неюзанный; юзер → юзанный : рент → рентованный (Земская 2000), слайс (*slice*) → слайстик : байби (*baby*) → байбик (Kouzmin 1973) и др.

1.1.2 Экспрессивную функцию словообразования слова-гибриды, используемые в качестве языковой игры, выполняют не только в языке диаспоры. Приведем пример из фельетона в одной из московских газет конца 1970-х годов, пародирующего речь «прозападной» молодежи, не отвечающей облику советского человека: *Дайте мне вайтовые трузера на зиппере. Я буду в них кайф ловить! Мне ринганули, что ты новый диск купил. У нас сегодня сейшн – приходи, пошейкуем* (Костомаров 1994: 99). Ярким примером аналогичной языковой игры в языке современной русскоязычной диаспоры в немецкоязычных странах может служить *Qwelia* – «язык»-(само)пародия, созданный на специальном сайте в интернете (<http://www.strannik.de/quelia>), ср.:

Doroogie sehr geehrte Damen und Herren, Мы безрюсаем Вас на нашем новом зайте, посвященном литературной шпрахе Qwelia. На шпрахе Qwelia шпрехают цырка миллион бевоносящих в Бундесе, Остерайхе и Швицерляндии ауслэндеров фон Руфлянд. Qwelia как шпраха хабает зерлангую гешихту, о которой можно прочитат ЗДЕСЬ. На Qwеле создан великий могучий литератур и фольклёр, который занимает выхтижный платц в шатцкамере мировой культур. Для штудирующих Qwелию мы форберайтели учебный Qwelia-Руфский Вертарбух, который называется «Словарь Креативной Qwели». А те, кто траум такой имеет дойч цулернен, тому наш УЕБВНГ.

1.2 Таким образом, следует признать, что, хотя слова-гибриды и являются показателями «смешения» языков, свойственного языку диспоры, с точки зрения их словообразовательных свойств и функций они не уникальны лишь для этой формы существования языка (ср. Земская 2002). Как в языке диаспоры, так и в языке метрополии слова-гибриды не отражают изменений в словообразовательной системе русского языка, но, напротив, свидетельствуют о её устойчивости.

2. По прошествии более 10-ти лет со времени публикации исследований Е.А. Земской в настоящее время интерес к русскому языку в иноязычном окружении наиболее заметно проявляется в исследованиях по билингвизму и полилингвизму (ср. Anstatt 2007, Афонин 2011, 2012, Плаксина 2010, 2011, 2012). При достаточно детальном рассмотрении процессов перенесения структур (*transfers*) из одного языка в другой – и, в частности, из немецкого в русский – на всех языковых уровнях (ср. обзор литературы в Brehmer 2007) словообразованию по-прежнему не уделяется особого внимания: нередко в этой связи цитируется выше упомянутой общий вывод исследования Е.А. Земской о том, что «слово-

⁴ Современные исследования подчеркивают в этой связи особую роль словообразования в тенденции к интернационализации (Gutschmidt 1999: 9 и след.), наблюдаемой в настоящее время во всех славянских (Лукашанец 2003, Waszakowa 2003, Селимски 2003, Ohnheiser 2002 и др.) и других индоевропейских языках (ср. Mengel в печати).

образование в отличие от других подсистем русского языка [...] не подвергается иноязычному влиянию» (Земская 2000: 143, см. выше, ср. Brehmer 2007: 174).

2.1 Привлекая в связи с изучением билингвизма в диаспоре работы Е.А. Земской и сделанные исследователем выводы, не следует, однако, – как нам представляется – упускать из виду два важных фактора.

Во-первых, целью исследования Е.А. Земской, попытавшейся впервые глобально и всесторонне рассмотреть язык русской эмиграции, было установить, сохранился ли русский язык в иноязычном окружении на протяжении почти ста лет, начиная с 1-ой волны эмиграции 1917 года. Полученные ею результаты, значение которых невозможно переоценить, дали положительный ответ на поставленный вопрос – система русского языка в целом – в том числе и его словообразовательная подсистема – не разрушена. При этом Е.А. Земская считает всё-таки необходимым учитывать предположение Р.О. Якобсона о том, «что при ослаблении языковой системы первыми исчезают категории, наиболее поздно осваиваемые человеком» (Земская 2001: 129).

Во-вторых – что для нас особенно важно – как раз в связи с указанным положением Р.О. Якобсона выводы Е.А. Земской – по собственному заявлению исследователя (Земская 2000: 141 и след.) – полемизируют с результатами исследований М.А. Осиповой и М.С. Полинской, проведенных примерно в то же время в конце 1990-х годов (Осипова 1999, 2001). На примере анализа русской речи детей из семей эмигрантов, привезённых в США в раннем возрасте в 1980-х годах, первая показывает, что ослабляется модификационный тип словообразования (образование деминутивов и приставочных глаголов); вторая указывает на ослабление словообразовательного механизма русского языка в целом, который, по её мнению, вытесняется другими языковыми механизмами под влиянием английского языка. Наиболее стабильным участком словообразовательной системы русского языка оба исследователя считают образование производных мутационного типа (например, наименований деятеля, ср. Осипова 1999: 11), выполняющих номинативную функцию словообразования.

2.2 Нетрудно заметить, что выводы М.А. Осиповой и М.С. Полинской сделаны на основе анализа русского языка детей-билингвов в процессе усвоения ими языковых систем русского и английского языков. Информантами Е.А. Земской 1-ой волны эмиграции были представители её второго и третьего поколений – вне всякого сомнения тоже билингвы (или полилингвы), но уже взрослые, усвоившие в определенной степени соответствующие языковые системы.

Детальное рассмотрение примеров Е.А. Земской, приводимых в полемику к выводам М.А. Осиповой и М.С. Полинской, позволяет, на наш взгляд, интерпретировать их как обнаруживающие не противоположные, а, напротив, аналогичные процессы в речи информантов-билингвов, опрошенных Е.А. Земской.

2.2.1 Не соглашаясь в принципе с мнением М.А. Осиповой об ослаблении модификационного словообразования, серьёзный, глубокий учёный с тонким чувством языка Е.А. Земская вынуждена признать, что глагольная префиксация «не так активна» (Земская 2001: 129) в речи её информантов. Приводимые исследователем примеры с «не теми» приставками, ср.: *на меня навляило* (вместо

повлияло), *Соединённые Нации* (вместо *объединённые*), *наговорились о том, чтобы играть* (вместо *договорились*) (Земская 2000: 142-143) и др., объективно демонстрируют ослабление данной словообразовательной категории. Это явление широко представлено и в материалах наших наблюдений за речевым поведением детей-билингвов в Германии⁵, ср.: *захвати их за руку и выбегайте* (вместо *схвати*), *давай раздувать бассейн* (вместо *сдувать*, т.е. убирать надувной бассейн) и др.

Подчеркивая, что модификационная категория уменьшительности-оценочности – в отличие от данных М.А. Осиповой – активно действует в речи представителей второго и третьего поколений эмигрантов 1-ой волны, Е.А. Земская делает оговорку, что её наблюдения были сделаны в домашней обстановке (в «своём модусе») в рамках непринужденной беседы (Земская 2001: 129).

В свете данного факта анализ приводимых примеров наводит на мысль, что зафиксированные деминутивы могли быть употреблены не в эмоциональной, а в номинативной функции, т.е. по традиции, принятой в семье, ср.: в письме от 24.02.1997 (Земская 2001: 177) – *дорогая мамушка* (не *мамочка* с продуктивным в современном русском языке уменьшительным суффиксом *-очк-*), *Лёник* (не *Лёня*, *Лёничик* и не *Лёничка*), подпись *Юлька* (а не *Юля*, как того требовал бы от автора нейтральный стиль письма). Феномен обращения в форме уменьшительных имен собственных типа *Ванька*, *Манька* без какой бы ни было эмоциональной оценки, а по «семейной традиции» (ср. Земская 2000: 142), известен в среде потомков русских староверов в США (он наблюдался на курсах русского языка в МГУ среди повышавших там свою квалификацию высокообразованных ученых-филологов). Об утрате деминутивами эмоциональной функции в речи билингвов в диаспоре свидетельствуют и наши актуальные наблюдения, ср.: У врача. «*Как тебя зовут?*» – «*Paul Afonin*», – «*Как? Я не поняла*», – «*Да, Павлушка!*». Переходя на русский язык, ребёнок употребляет свое домашнее ласкательное имя без эмоциональной оценки: он знает, что в официальной ситуации принято называть полное имя и фамилию, что он и сделал по-немецки.

Ослабление эмоциональной функции русского словообразования, особенно в области деривации, у билингвов в рассмотренном иноязычном окружении происходит, как представляется, под влиянием словообразовательной системы языка-партнёра: ни в одном из языков стран, в которых проживают русские эмигранты, опрошенные Е.А. Земской (см. выше), эмоциональная функция слово-образования не играет, в целом, такой большой роли, как в русском, и не представлена, в частности, разнообразием деривационных структур, в том числе суффиксов деминутивов. Именно этим, думается, можно объяснить и тот факт, что информанты-билингвы Е.А. Земской, представители второго и третьего поколений 1-ой волны эмиграции, не используют языковую игру (ср. Земская 2001: 131) – они, очевидно, ею не владеют.

Ослабление эмоциональной функции деминутивов или её утрата ведут к понижению активности данной словообразовательной категории в русском языке

⁵ База данных составлена на основе письменной и устной речи учеников 2-го и 3-го классов Государственной Европейской школы имени Льва Толстого в Берлине (80 человек). Наблюдения велись с 2009 по 2011 год.

билинггов с рассмотренными языками-партнёрами. Именно это документируют исследования М.А. Осиповой в США, а также наши наблюдения в Германии, ср.: показывая на спящего в коляске младенца, – «*Посмотрите, какой у меня брат!*». В речи русского ребёнка-монолингва здесь безусловно ожидается уменьшительно-ласкательное *братик*. В свете высказанной гипотезы логично предположить, что в языке билинггов русскоязычной диаспоры славянских стран модификационная словообразовательная категория уменьшительности-оценочности, широко представленная в славянских языках-партнёрах, продолжает активно действовать. Безусловно, это предположение должно быть подкреплено дальнейшими конкретными исследованиями.

Материалы исследования Е.А. Земской в области модификационного словообразования обнаружили далее более активное, чем в языке метрополии, действие словообразовательной категории образования наименований лиц женского пола от наименований лиц мужского пола (*Motion*), которые используются в речи её информантов нейтрально, без эмоциональной оценки, ср.: *Я секретаршей работала, Я председательница* (Земская 2000: 142).

Данный факт, на первый взгляд, казалось бы, опровергающий выводы М.А. Осиповой об ослаблении модификационного словообразования, при ближайшем рассмотрении обнаруживает, по нашему убеждению, влияние активных механизмов словообразовательной системы языка-партнёра на активизацию адекватных (но пассивных, как в рассматриваемом случае, или тоже активных, см. ниже) участков словообразовательной системы русского языка. Например, в немецком языке – одном из языков-партнёров опрошенных Е.А. Земской информантов-билинггов – образование наименований лиц женского пола от наименований лиц мужского пола с помощью высоко продуктивного суффикса *-in* возможно, практически, от всех основ без каких-либо семантических или формальных ограничений. Более того, благодаря усилиям феминистской лингвистики в современном речевом дискурсе оно предписывается как обязательное в плане политкорректности. В английском языке, с которым связано исследование М.А. Осиповой, данная словообразовательная категория, напротив, весьма пассивна (практически, отсутствует) и не влияет, соответственно, на словообразовательную систему русского языка-партнёра.

2.2.2 Влияние активных механизмов словообразовательной системы языка-партнёра на активизацию словообразовательных процессов в системе русского языка обнаруживается у билинггов и в транспозиционном словообразовании.

По нашему мнению, сюда следует отнести образование абстрактных существительных по продуктивным словообразовательным моделям при наличии в русском языке соответственных непроемных наименований. Е.А. Земская указывает на подобные явления как «отрицательный языковой материал», ср.: *стыдность* (вместо *стыд*), *чувство должности* (вместо *чувство долга*) и др. (Земская 2001: 130).

Как показали наши исследования, билингвы, не владея русской непроемной абстрактной лексикой, используют для создания соответствующих наименований регулярные продуктивные словообразовательные типы русского языка

по образцу продуктивного и регулярного механизма словообразования на данном участке словообразовательной системы немецкого языка, ср.: *peinlich* 'стыдно' → *Peinlichkeit* 'стыд': *стыдно* → *стыдность*; поздравление к 1 Мая – *Поздравляю вас с Днем труда!* Не зная существительного *труд* (ср. нем. *Tag der Arbeit*), ребёнок знаком с глаголом *трудиться* и использует его для транспозиции наименования глагольного действия в существительное: *трудиться* → *трудение*. В немецком языке для образования таких наименований (*Verbalabstrakta*) широко используется субстантивация инфинитива, что тоже апплицируется в русской речи билингвов, ср.: *Я устал от писать* (вместо *от письма* или *от писания*, ср.: нем. *Ich bin müde vom Schreiben*).

2.3 Итак, если отличительной чертой русской речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции является стремление интегрировать лексику иноязычного окружения в систему русского языка с помощью его словообразовательных механизмов, используя номинативную функцию словообразования и применяя его эмоциональную функцию (обе стратегии аналогичны процессам, происходящим в языке метрополии), то у представителей второго и следующих поколений эмиграции следует констатировать билингвизм – владение двумя языковыми системами.

Исследования последних лет в области нейролингвистики и психолингвистики (Dietrich 2002 и др.) показали, что в мозгу билингвов за оба языка-партнёра отвечает один общий центр, кодирующий оба языка (в этом состоит их радикальное отличие от монолингвов, изучающих иностранный язык, у которых таких центров два – один для родного языка и другой для изучаемого иностранного). Следствием данной когнитивной особенности билингвов является естественное наличие языковой интерференции в их речевой деятельности на всех языковых уровнях, обусловленной взаимодействием языковых систем языков-партнёров⁶.

В рамках научного дискурса по изучению языка диаспоры в свете проблематики билингвизма и полилингвизма эти положения необходимо учитывать. Во-первых, следует чётко различать между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения и их потомков. Только у последних, как правило, наблюдается естественный билингвизм. Во-вторых, наличие билингвизма неизменно приводит к взаимодействию языковых систем.

Как показывают сделанные наблюдения, у билингвов с русским языком – при интерференции языковых систем в целом – иноязычному влиянию подвергается в том числе и словообразовательная система русского языка. При этом конкретные изменения, связанные с интерференцией словообразовательных механизмов и наблюдаемые на определенных участках словообразовательной системы русского языка, вызваны не влиянием «иноязычной словообразовательной системы» вообще (ср. Акуленко 1972, Земская 2002), но обусловлены специфическими особенностями словообразовательной системы каждого конкретного языка-парт-

⁶ Если явлению языковой интерференции не уделять должного внимания при обучении детей-билингвов, оно может привести к развитию «двойного полуязычия» – недостаточного владения не только каждым из языков-партнёров, но речевой деятельностью, языком, вообще, т.е. к полной противоположности билингвизма.

нёра. На основе (ре)интерпритации языкового материала уже имеющихся исследований и наших собственных наблюдений мы попытались продемонстрировать это явление на примере модификационной и транспозиционной деривации.

3. Наиболее стабильным участком словообразовательной системы русского языка в плане иноязычного влияния исследователи считают образование производных мутационного типа, выполняющих номинативную функцию (см. выше). На основе наших наблюдений за речевой деятельностью детей-билингвов в Германии попытаемся показать, что интерференция словообразовательных механизмов русского и немецкого языков-партнёров оказывает влияние и на этот стабильный участок словообразовательной системы русского языка. В отличие от исследований, рассматривавших образование наименований деятеля (ср. Осипова 1999), мы обратимся к словообразованию наименований предметов.

3.1 Как известно, для образования как наименований лиц, так и предметов в русском языке наиболее продуктивным способом словообразования является деривация. Однако в отличие от словообразования имен лиц, где в пределах данной мутационной словообразовательной категории можно установить примерный индекс частных словообразовательных значений, относительно регулярно связанных с определенными словообразовательными типами и формантами (Милославский 1980, Mengel 1997), в словообразовании наименований предметов такая словообразовательная регулярность полностью отсутствует. Так в наименованиях *чайник, кофейник, сахарница, селёdochница* с категориальным значением 'место' (свойственным и производным существительным, ср.: *котёл*) определить на основе суффикса их более конкретную словообразовательную (и лексическую) семантику невозможно (ср. Земская 1992: 31, Менгель 2006: 128). Более того, суффиксы *-ник* и *-ница*, как и ряд других аффиксов, омонимичны соответствующим формантам, регулярно образующим наименования лиц, ср.: *странник, странница*.

В словообразовательной системе немецкого языка продуктивным способом словообразования наименований предметов является сложение. Эквивалентами выше названных русских наименований выступают соответственно: *Teekessel, Kaffeekanne, Zuckerdose, Heringsplatte*, где лексическое значение второго, опорного, компонента детерминативного композита однозначно конкретизирует категориальное значение места. Высоко продуктивный способ словообразования слово-сложение в немецком языке практически илиминирует многословные наименования, ср.: нем. *Zungenspitzenkontaktstellung* – рус. *контактное положение кончика языка*, нем. *Wildgänsedaunenjacke* – рус. *куртка с наполнителем из пуха диких гусей* (офиц.) или *пуховик*. Сложения выступают в немецком языке и в соответствии со свободными атрибутивными словосочетаниями в русском, ср.: нем. *Seidenkleid* – рус. *шёлковое платье, платье из шёлка*.

Таким образом, с одной стороны, участки словообразовательных систем русского и немецкого языков, связанные с образованием наименований предметов, кординально различны относительно используемых способов словообразования, его роли и регулярности в отражении лексической семантики производных. С другой стороны, в немецком языке словообразовательный механизм словосло-

ния распространяется на участки языковой системы, на которых в русском языке действуют другие языковые механизмы – лексические и синтаксические.

3.2 Оба этих фактора находят отражение в интерференции языковых систем и влиянии словообразовательного механизма немецкого языка на словообразовательную систему русского языка, наблюдаемых в речи билингвов.

3.2.1 Словообразовательный механизм словосложения, характерный и высоко продуктивный для образования наименований предметов в немецком языке, доминирует, как представляется, эту область словообразовательной системы в едином языковом центре билингвов и апплицируется в словообразовании русского языка. Дети-билингвы не владеют как (весьма нерегулярным) словообразовательным механизмом деривации, так и лексическим способом многословной номинации для образования наименований предметов в русском языке. Продемонстрируем это положение на ряде конкретных примеров.

Ребёнок, школьник 6-ти лет, безусловно уже не раз слышавший в домашнем обиходе⁷ слово *лейка*, затрудняясь сначала назвать по-русски этот предмет, выходит из положения, образуя наименование *лейкане* по образцу немецкого композита *Gießkanne*. Сохраняя полностью второй, опорный, компонент немецкого сложения, выражающий как общее категориальное значение предмета, так и его конкретное лексическое значение – в противоположность русскому деривату, где за суффиксом *-к-* закреплено только общее категориальное (словообразовательное) значение, – ребёнок употребляет в качестве первого, детерминирующего компонента русский императив *лей*, который, с одной стороны, является производящей основой в русском нормативном деривате *лейка* и, с другой стороны, грамматически соответствует первому компоненту немецкого композита, императиву *gieß*. В другой ситуации наш информант так описывает проезжающий мимо грузовик: «у него сзади висят такие колёса ..., ну ... эрзацколёса». Ребёнку не известно русское многословное наименование *запасные колёса*, по образцу немецкого *Ersatzreifen* он использует в русском языке модель словосложения, употребляя в качестве опорного компонента известное ему русское наименование предмета *колёса* и сохраняя первый, дерерминирующий, компонент немецкого композита.

Думается, было бы ошибочным полагать, что мы имеем здесь дело лишь с частичным калькированием из немецкого и его результатом – возникновением в русском языке слов-гибридов (хотя эти элементы, безусловно, тоже присутствуют). О том, что суть наблюдаемого явления состоит именно в ослаблении выше названных словообразовательных и лексических механизмов на указанном участке языковой системы русского языка под влиянием продуктивных и регулярных словообразовательных механизмов немецкого, свидетельствует, по нашему убеждению, протекание данных процессов на глубинном уровне. Рассмотрим следующие примеры.

⁷ Домашний язык – русский. Родители-филологи, эмигранты первого поколения 4-ой волны эми-грации, в совершенстве владеют обоими языками, русским и немецким, и сознательно избегают смешения языков и употребления слов-гибридов.

Ребёнок собирается в школу: «*Нам нужно взять учительную книгу*». Не подлежит сомнению, что информант-билингв не владеет русской деривационной моделью, хотя он безусловно уже слышал слово *учебник*. По образцу немецкого сложения *Lehrbuch* (*lehren* ‚учить‘ + *Buch* ‚книга‘) он создает в русском языке двусловное наименование, где опорный компонент существительное, как в немецком композите, несёт общее категориальное и конкретное лексическое значение предмета, детерминируемое прилагательным. О высокой продуктивности механизма «двусоставный композит с детерминирующим и опорным компонентами в немецком – двусловное наименование (прилагательное + существительное) в русском» свидетельствуют вновь образуемые, а не воспроизводимые, ненормативные русские двусловные наименования предметов, наблюдаемые в речи билингвов, ср.: *спортная* (вместо *спортивная*) *одежда* (ср. нем. *Sportbekleidung*, *Sportzeug*), *травные* (вместо *травяные*) *растения* (ср. нем. *Graspflanzen*) и др. Это подтверждает и возникновение гиперкорректных двусловных наименований, ср. *варная кастрюля* (вместо русского однословного непроектированного заимствования *кастрюля*) в соответствии с немецким *Kochtopf* (нем. *kochen* ‚варить‘ + *Topf* ‚кастрюля‘).

Следующий шаг аппликации немецкой словообразовательной системы в русском языке и универсальное вытеснение словосложением не только деривационных, но и лексических моделей номинации на указанном участке языковой системы, можно наблюдать в наименованиях такого типа, ср.: *захвати их за руку и выбегайте* (см. выше) *из дом и закрывайте заходидверь*. Композит *заходидверь* на месте русского нормативного двусловного наименования *входная дверь* создан в соответствии с немецким эквивалентом *Eingangstür* (*Eingang* ‚вход‘ + *Tür* ‚дверь‘), но не является его калькой. Он образован по выше описанной (см. *лейканы*), как кажется, продуктивной в речи детей-билингвов модели с русским императивом в качестве первого детерминирующего компонента. Эта модель отнюдь не чужда словообразовательной системе русского языка. Она была весьма продуктивна в различные периоды его исторического развития, ср. собственные имена лиц *Володимир* (*володети* ‚иметь, властвовать‘ – *володи*), *Вырвиглаз* (*вырвати* – *вырви*) и нарицательные наименования предметов *перекаטיפоле* (*перекатит* – *перекаати*) и др.

Языковое поведение эмигрантов первого поколения, не являющихся билингвами, в отношении словообразования на данном участке языковой системы русского языка – полностью противоположно. Характерные для немецкого языка сложные слова, обозначающие предметы, интегрируются в языковую систему русского языка как дериваты мутационного типа по продуктивным словообразовательным моделям, ср.: На приёме у адвоката (клиентка не владеет немецким языком, разговор ведётся через переводчика) – *Я пришла на пуцалку, включила шпюльку* [...]. За словом-гибридом *шпюлька* (или *шпюлька*, ср. из разговора работников российского посольства в Берлине: *хочу купить шпюльку*) скрывается немецкий композит *Spülmaschine* (*spülen* ‚полоскать‘ + *Maschine* ‚машина‘), которому в русском языке соответствует двусловное наименование *посудомо-ечная машина*. Адаптация немецкого композита происходит в результате действия продуктивной в русском языке компрессивной функции словообразования по

аналогии с *посудомоечная машина* → *посудомойка* (ср. *литературная газета* → *литературка* и др.), когда двусловное наименование предмета заменяется дериватом с продуктивным суффиксом *-к*⁸.

Итак, анализ образования наименований предметов в русской речи детей-билингвов в Германии показывает, что влияние словообразовательных механизмов немецкого языка вне всякого сомнения ведёт к ослаблению мутационного словообразования на этом участке словообразовательной системы русского языка. Напротив, активизируется механизм словосложения и лексический способ номинации двусловными наименованиями с опорным компонентом существительным, несущим общее категориальное и конкретное лексическое значение, и детерминирующим его компонентом – прилагательным.

3.2.2 Механизм словосложения в немецком языке, как было показано выше (см. 3.1), выступает и в соответствии со свободными синтаксическими атрибутивными словосочетаниями в русском. Описанная выше ситуация с учебником имела продолжение. Когда мать через некоторое время переспросила: «*Как ты назвал Lehrbuch по-русски?*», ребёнок ответил: «*Пустая книга*». Вне конкретной описанной ситуации он предположил, что мать имеет в виду *Leerbuch (нем. *leer* ‚пустой‘), фонетически оба наименования с долгим [e:] идентичны. Непроизводное русское прилагательное *пустой* известно нашему информанту.

При образовании прилагательных в соответствии с первой детерминирующей частью немецкого композита как в выше описанных двусловных наименованиях предметов, так и в свободных словосочетаниях в русской речи билингвов наблюдается ослабление транспозиционной деривации при образовании относительных прилагательных и мутационной деривации при образовании качественных прилагательных.

Оба процесса проявляются в сокращении числа суффиксов, используемых для образования прилагательных, неразличении их семантики и практическом доминировании суффикса *-н-* при образовании прилагательных всех разрядов, ср.: *спортивная (одежда)* вместо качественного прилагательного с суффиксом *-ив-* *спортивная; травяные (растения)* вместо относительного прилагательного с суффиксом *-ан-* *травяные, варная (кастрюля), учительная (книга)* (см. выше) и др. Гиперкорректное использование суффиксов подтверждает сделанное наблюдение, ср.: *просторечивая лексика* (из студенческой работы) – использован суффикс *-ив-*, применяемый для образования качественных прилагательных (ср. *спорт* → *спортивная*) вместо нормативного здесь суффикса *-н-* для относительных прилагательных: *просторечие* → *просторечная лексика; юбилейский год* (Земская 2001: 130) с суффиксом *-ск-* вместо нормативного *юбилейный* с суффиксом *-н-* и др.

Наиболее ярко практически неограниченная сфера употребления и высокая продуктивность суффикса *-н-* в речи билингвов представлена при образовании притяжательных прилагательных, где в словообразовательной системе русского языка суффикс *-н-* не используется, ср.: *коровная* (вместо *коровья*) *нога* (нем.

⁸ С тем же продуктивным в русском языке суффиксом *-к-* информант образует и абстрактное наименование действия, адаптируя нем. *putzen* → *пуцать* ‚убирать‘ → *пуцалка* ‚уборка‘ (ср. *убирать* → *уборка*), что тоже не характерно для билингвов (см. выше).

Kuhbein), *лошадний* (вместо *лошадиный*) *навоз* (нем. *Pferdemist*), *лисана* (вместо *лисья*) *нора* (нем. *Fuchsbau*), *птичние* (вместо *птичье*) *пения* (нем. *Vogelgesang*), *кроличья* (вместо *кроличья*) *клетка* (нем. *Kaninchenkäfig*), *белычный* (вместо *беличий*) *хвост* (нем. *Eichörnchenschwanz*). Ослабление деривационных механизмов на этом участке русской словообразовательной системы в целом наглядно демонстрируют и следующие образования, возникшие в соответствии с выше названными немецкими композитами, ср.: *коровьена нога*, *коровы нога*, *коровино молоко*; *лошадяний навоз*, *лошадшей навоз*; *лисичей дом*; *птичинные песни*; *кролика клетка*; *белишей хвост*, а также «бессуффиксальные» притяжательные прилагательные типа *курицый сарай* (*курица* → *курицый*, вместо *куратник*) или гипер-корректные образования типа *мыший хвост* (вместо *мышиный*).

Таким образом, под влиянием продуктивного в немецком языке механизма словосложения в словообразовательной системе русского языка билингвов происходит значительное ослабление словообразовательных механизмов деривации в области транспозиционного и мутационного словообразования прилагательных, что выражается в утрате формального и семантического разнообразия словообразовательных формантов и стремлении к их унификации в одном универсальном регулярном суффиксе прилагательного, употребляемого в соответствии с детерминативной частью немецкого композита.

3.3 В целом, можно утверждать, что в результате интерференции языковых систем на участке словообразования наименований предметов в словообразовательной системе русского языка под влиянием словообразовательных механизмов немецкого происходит ослабление мутационного словообразования существительных (в их основной номинативной функции) и качественных прилагательных, а также транспозиционного словообразования относительных прилагательных.

4. Проведенное исследование позволяет сделать следующие общие выводы:

1) В рамках научного дискурса по изучению языка диаспоры в свете проблематики билингвизма и полилингвизма необходимо четко различать между особенностями речевой деятельности эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции и их потомков. Только у последних, как правило, наблюдается естественный билингвизм.

2) Отличительной чертой речи эмигрантов первого поколения всех волн эмиграции является стремление интегрировать лексику иноязычного окружения в систему русского языка с помощью его словообразовательных механизмов, используя номинативную функцию словообразования и применяя его эмоциональную функцию. Обе стратегии аналогичны процессам, происходящим в языке метрополии – где они усиливаются в периоды социальных катаклизмов – и проявляются в образовании слов-гибридов. Как в языке диаспоры, так и в языке метрополии слова-гибриды не отражают изменений в словообразовательной системе русского языка, но, напротив, свидетельствуют о её устойчивости.

3) Наличие билингвизма, характерное для представителей второго и последующих поколений всех волн эмиграции, неизменно приводит к взаимовлиянию

языковых систем языков-партнёров. Как показали сделанные наблюдения, у билингвов с русским языком – при интерференции языковых систем в целом – иноязычному влиянию подвергается в том числе и словообразовательная система русского языка.

4) Изменения, связанные с интерференцией словообразовательных механизмов, наблюдаемые на определенных участках словообразовательной системы русского языка, охватывают все семантические типы наиболее продуктивного деривационного способа словообразования. Представленные в транспозиционных, модификационных и мутационных словообразовательных категориях они вызваны при этом не влиянием «иноязычной словообразовательной системы» вообще, но обусловлены специфическими особенностями словообразовательных систем конкретных языков-партнёров.

5) Наблюдения за словообразованием наименований предметов в русской речи билингвов с немецким языком-партнёром показали в качестве конкретного примера в этом плане, что под влиянием продуктивного словообразовательного механизма немецкого языка – словосложения – на данном участке словообразовательной системы русского языка происходит ослабление механизма деривации, в частности, мутационного словообразования существительных и качественных прилагательных, а также транспозиционного словообразования относительных прилагательных. Напротив, активизируется механизм словосложения и лексический способ номинации двусловными наименованиями с опорным компонентом существительным и детерминирующим компонентом прилагательным с «унифицированным» в словообразовательном плане формантом.

ЛИТЕРАТУРА

- Акуленко 1972: В.В. Акуленко. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков.
- Афонин 2011: С.В. Афонин. Дистантное обращение и дистанция в речи русско-немецких детей-билингвов в начальной школе. В: *Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И.Герцена* 4-6 мая 2011 г. Санкт-Петербург, 589-597.
- Афонин 2012: С.В. Афонин. Понимание текстов и передача содержания прочитанного русско-немецкими детьми-билингвами. В: *Проблемы онтолингвистики – 2012: Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А.Н. Гвоздева*, 24-26 апреля 2012 г. Санкт-Петербург, 489-494.
- Земская 2000: Е.А. Земская. Функции словообразования в языке русского зарубежья. В: *K. Kleszczowa, L. Selimski (red.). Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Kotowice, 141-146.

- Земская 2001: Е.А. Земская. Словообразование. В: Е.А. Земская (ред.). Язык русского зарубежья, общие процессы и речевые портреты. Москва-Вена, 128-135.
- Земская 2002: Е.А. Земская. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов. В: S. Mengel (Hrsg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster-Hamburg-London, 157-169.
- Костомаров 1994: В.Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Москва.
- Лукашанец 2003: А.А. Лукашанец. Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў рускай, беларускай і украінскай мовах. В: I. Ohnheiser (ed.). Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Opole, 59–77.
- Менгель 2006: С. Менгель. Словообразовательное значение. В: Славистика. Синхрония и диахрония. Сборник статей к 70-летию И.С. Улуханова. Москва, 126-141.
- Милославский 1980: И.Г. Милославский. Вопросы словообразовательного синтеза. Москва.
- Осипова 1999: М.А. Осипова. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень. В: Slavia (1999) 1.
- Осипова 2001: М.А. Осипова. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. В: Т.М. Николаева (ред.). Славянские языки в неславянском окружении. Москва.
- Плаксина 2010: Е.А. Плаксина. Фразеологизмы в языковом восприятии детей-билингвов. В: Фразеология, познание и культура. Международная конференция славистов. (Белгород, 7-9 сентября 2010), т. 2: Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. Белгород, 381-385.
- Плаксина 2011: Е.А. Плаксина. Фонетические особенности речи немецко-русских детей-билингвов. В: Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы международной конференции, посвящённой 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена, 4-6 мая 2011 г. Санкт-Петербург, 567-572.
- Плаксина 2012: Е.А. Плаксина. Синтаксические особенности русской речи учеников-билингвов в Германии. В: Русская речевая культура и текст: Материалы VII Международной научной конференции (16-18 мая 2012 г.). Томск, 334-338.
- Поливанов 1931: Е.Д. Поливанов. За марксистское языкознание. Москва.
- Селимски 2003: Ј. Селимски. Проява на тенденцията към интернационализация в южно-славянските езици. В: I. Ohnheiser (ed.). Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Opole, 102-126.
- ТСРЯ 2000: Г.Н. Складневская (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Санкт-Петербург.
- Чиршева 2000: Г.Н. Чиршева. Введение в онтобилингвологию. Череповец.
- Anstatt 2007: T. Anstatt (Hrsg.), Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb. Formen. Förderung. Bochum.

- Baker 1996: C. Baker, *Foundations of Bilingual Education And Bilingualismus*. Clevedon.
- Berend 2003: N. Berend. Zur Dynamik von Sprachveränderungsprozessen in gesellschaftlichen Umbruchsituationen. In: U. Reitemeier (Hrsg.) *Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich*. Mannheim.
- Brehmer 2007: B. Brehmer, Sprechens Sie Qwelja? Formen und Folgen russisch-deutscher Zweisprachigkeit in Deutschland. In: T. Anstatt (Hrsg.) *Mehrsprachigkeit bei Kindern und Erwachsenen. Erwerb. Formen. Förderung*. Bochum, 163-185.
- Dietrich 2002: R. Dietrich. *Psycholinguistik*. Stuttgart-Weimar.
- Edel 2007: K. Edel. *Strukturen des Bilingualismus – untersucht an Codeswitching Deutsch / Spanisch*. Frankfurt am Main-London.
- Garlin 2000: E. Garlin. *Bilingualer Zweispracherwerb: Sprachlich Handeln, Sprachprobieren, Sprachreflexion. Eine angezeitstudie eines deutsch-spanisch aufwachsenden Geschwisterpaares*. München.
- Gutschmidt 1999: K. Gutschmidt. Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках – отражения поверхностные и глубинные. In: Bosák, Jan (ed.). *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*. Bratislava, 9-17.
- Kouzman 1973: L. Kouzman. The morphological integration of English lexical items in the Russian speech of bilingual migrants living in Australia. In: *Melbourne Slavonic Studies* (1973) 8, 10-19.
- Mengel 1997: S. Mengel. *Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11. – 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main-Berlin-Bern-New York-Paris-Wien.
- Mengel 2011: S. Mengel. Typologischer Wandel im systemischen Ausdruck der Kasusfunktion im Russischen. In: M.L. Kotin, E.G. Kotorova (Hrsg.). *Geschichte und Typologie der Sprachsysteme / History and Typology of Language Systems*. Heidelberg, 257-263.
- Mengel в печати: S. Mengel. Westeuropäische Einflüsse in der Wortbildung. [Slavische Sprachen – Slavic Languages. An International Handbook. Ein internationales Handbuch. (Handbooks of Linguistics and Communication Science – HSK)]
- Ohnheiser 2002: I. Ohnheiser. Влияние языковых контактов на комбинаторику или Дети сорока VIP-персон кричали: «Вода кульно тёплая!». In: S. Mengel (Hrsg.). *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster-Hamburg-London, 35-53.
- Waszakowa 2003: K. Waszakowa. Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zacodniosłowiańskich. In: I. Ohnheiser (ed.). *Słowotwórstwo / Nominacja. Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. Opole, 78-102.

Swetlana Mengel, Elena Plaksina

INTERFERENZ DER WORTBILDUNGSMECHANISMEN
IN SPRACHSYSTEMEN BILINGUALER SPRACHTRÄGER
(am Beispiel des Russischen in der Diaspora und seiner Partnersprachen)

Zusammenfassung

Im vorliegenden Beitrag wird ein Versuch unternommen, die Abbildung der Wortbildungssysteme von zwei Sprachen (von denen eine das Russische ist) im (mündlichen und schriftlichen) Sprachgebrauch bilingualer Sprachträger aufzuzeigen und die Bereiche ihrer Interferenz sowie die Ursachen ihrer Zusammenwirkung festzustellen. Nachdem einige konkrete Fakten aus vorhandenen Untersuchungen zur russischen Sprache in der Diaspora (re)interpretiert und mit Resultaten unserer Analyse verglichen werden, stellen wir unsere aktuelle Studie über die Wortbildung von Gegenstandsbezeichnungen im Sprachgebrauch des Russischen von bilingualen Kindern, die in Deutschland geboren wurden bzw. leben. Dementsprechend werden die Interferenzmechanismen der Wortbildungsmodelle- und -muster im Bereich, wo die Sprachsysteme der russischen und der deutschen Sprache die größten Unterschiede aufweisen, freigelegt und einer genauer Analyse unterzogen. Der Untersuchung liegt eine Datenbank zu Grunde, die anhand unserer langjährigen Beobachtung des Sprachverhaltens bilingualer Grundschüler der Europa-Schule „Lew Tolstoj“ in Berlin, die der parallele Unterricht in deutscher und russischer Sprache anbietet, zusammengetragen wurde. Die Untersuchung wurde mit der offiziellen Genehmigung des Berliner Senats durchgeführt.

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВИЧ МИЛОСЛАВСКИЙ*
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, РОССИЯ

ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАЕМОСТНЫХ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ КАК СЛЕДСТВИЕ ИХ МОДИФИКАЦИОННОЙ ДЕРИВАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы внутриглагольной модификационной семантической деривации по различным параметрам, выражаемым словообразовательными средствами, такими, как однократность, результативность, начинательность, повторность и т.п. Утверждается, что обычно следствием таких семантических преобразований является также изменение парадигматических и синтагматических свойств производных глаголов по сравнению с производящими. Отсутствие в глагольной парадигме форм со значением настоящего времени, а также невозможность сочетаемости с фазовыми глаголами, показателями регулярной повторяемости, «отрицательными рекомендациями», к которым приводит эта семантическая внутриглагольная модификация, как известно, является основанием для выделения грамматической категории вида. Представление этой особенности славянских глаголов в качестве именно следствия словообразовательной внутриглагольной модификации позволяет предложить современной славянской аспектологии выход из тупика, ориентирував ее на осмысление своего объекта в рамках обеспечения продуктивных речевых действий, в частности, с помощью словообразовательных ресурсов русского языка.

Ключевые слова: внутриглагольная семантическая словообразовательная модификация, парадигматические и синтагматические свойства глагола, продуктивная речевая деятельность, вид глагола.

I

Как известно, модификационная словообразовательная деривация является одним из важных аспектов продуктивной грамматики русского и других славянских языков, обеспечивая заданное говорящим/пишущим семантическое преобразование производящего в производном. Семантика таких преобразований, осуществляемых всегда в пределах слов одной части речи, довольно ограничена и достаточно хорошо описана в грамматиках, построенных от производного к производящему. Замечу, что этот господствующий подход, позволяя установить формальную и/или содержательную типологию словообразовательных отноше-

---

* e-mail: igormil@hotmail.com

ний, не ориентирован на обеспечение каких-либо видов речевой деятельности, но имеет своим объектом язык как самоценное устройство.

Предлагаемый доклад предполагает иной подход, а именно обеспечение продуктивных речевых действий на русском и других славянских языках. В частности, такой подход в отношении словообразования ориентирован на то, чтобы уяснить, каким именно семантическим преобразованиям могут быть подвергнуты имеющиеся слова с помощью словообразовательных средств в соответствии с замыслом говорящего/пишущего и возможностями словообразовательной системы. Фундаментальными для этой работы являются идеи М. Докулила о различении трех типов семантической словообразовательной деривации: модификации, мутации и синтаксической деривации. При этом речь идет не о традиционном подборе однокоренных слов, установлении типологии словообразовательных цепочек, парадигм и гнезд. Отнюдь нет! В основе исследования именно определенное семантическое преобразование, воплощаемое средствами словообразования. Например, «меньший против нормы размер предмета или степени признака» (*комната – комнатка, сладкий – сладковатый*), однократность или результативность действия (*целовать – поцеловать, строить – построить*) и т.п.

Как кажется, такая постановка задачи соответствует деятельности говорящего/пишущего. Иными словами, дано слово А, которое говорящий/пишущий хочет изменить на семантический параметр р, заведомо принадлежащий к параметрам, способным обозначаться словообразовательными средствами. Требуется получить искомое производное слово. Ответов на такое требование может быть несколько. Первый – искомое соединение семантически бессмысленно, а следовательно, отсутствует. Например, семантическое преобразование по параметру «женский пол» в отношении существительного, обозначающего предмет. Второй – семантически такое преобразование возможно, однако в языке соответствующее слово отсутствует. Например, собирательность по отношению к *студент – студенчество*, а по отношению к *школьник, аспирант, соискатель* и мн. др. соответствующие слова отсутствуют. Третий – искомое слово в языке существует, как, например, в таких названиях лиц, которые следует получить от заданных признаков лица (*гордый – гордец, толстый – толстяк, грубый – грубиян* и т.п.). Очевидно, что в последнем случае наиболее важным (и трудным!) становится вопрос о том, какой же именно дериватор может быть использован из ряда словообразовательных синонимов для решения поставленной задачи и какие морфонологические преобразования этот процесс сопровождают. Нетрудно видеть, что ограничение поставленной задачи исключительно словообразовательными средствами заведомо носит искусственный характер. Ведь подобная задача, постоянно возникающая в процессе продуктивных речевых действий (особенно при письме!), значительно чаще решается за счет лексических средств. Например, не только *бык – корова* на фоне *тигр – тигрица, слон – слониха*, но и многочисленные семантические преобразования, не способные выражаться словообразовательными средствами (*идти – бежать, дерево – куст, соленый – горький* и мн. др.).

II

В процессе семантической модификации, выражаемой словообразовательными средствами, производное слово может либо полностью наследовать синтагматические и парадигматические свойства производящего, либо может менять их. Например, образование *староватый* от *старый* сохраняет все свойства своего производящего: и лексическую сочетаемость, и способность иметь в составе парадигмы преобразования по роду, числу, падежу, краткости-полноте. А *толстенный*, будучи модификационным дериватом от *толстый*, уже не обладает краткими формами, представленными в производящем. Можно еще напомнить об изменении родовой принадлежности существительных при словообразовательной модификации по параметру «пол» или по параметру «невзрослость». Или об утрате в парадигме форм множественного числа у дериватов, реализующих семантическую деривацию на основе собирательности. Однако очевидные факты, когда в словах *москвичка* или *мышонок* другой по сравнению с *москвич* или *мышь*, род не привлекают обычно внимания исследователей. Как не отмечается обычно и то, что *студенчество* имеет форму только единственного числа, а его производящее *студент* – полную числовую парадигму. В то же время все эти факты весьма важны для обеспечения продуктивной речевой деятельности. Производящий семантическое модификационное словообразовательное изменение должен непременно учитывать, что полученное таким образом производное слово может по своим свойствам и полностью совпадать с производящим, и отличаться от него.

III

Сформулируем условия нашей конкретной задачи. Дан глагол, который в соответствии с замыслом говорящего/пишущего следует модифицировать по некоторым параметрам, характеризующим соответствующее глагольное действие. Предполагая, что такой производный глагол существует и необходимый дериватор известен, следует определить, какие синтагматические и парадигматические свойства различают производный и производящий глаголы.

Замечательным свойством славянских языков является их способность достаточно регулярно производить от глаголов, никак не обозначающих результативность, глаголы результативные: *строить – построить*, *учить – выучить*, *решать – решить*, *писать – написать* и мн. др. Очевидно, что полученные глаголы отличаются от исходных не только приобретением семантического результата, но также парадигматическими и синтагматическими потерями. Производные не имеют семантического настоящего времени, их формы настоящего обозначают будущее: *построю*, *выучит*, *решим*, *напишут* и т.п. У них практически отсутствуют также формы причастий настоящего времени не только действительные (*построящий, *напишущий, *научающий и т.п.), но и страдательные (*сносить здание – сносимое здание*, *снести здание – только прошедшее снесенное здание*; *обсуждать вопрос – обсуждаемый вопрос*, *обсудить – только прошедшее обсужденный вопрос* и т.п.).

Однако парадигматическими «потери» производных результативных глаголов не исчерпываются. Имеет место и целый набор приобретенных синтагмати-

ческих ограничений, причем касаются они не только невозможности сочетаться с фазовыми глаголами (**начать написать, *кончить сделать* и т.п.), что связано с отсутствием семантики настоящего времени. Невозможны и сочетания результативных глаголов с разнообразными показателями регулярной повторяемости (**регулярно, систематически, каждый день, по четвергам* и т.п. *написал, выучил* и т.п.), что семантически отнюдь не бессмысленно и может сопоставляться в некоторых других славянских языках, например, в чешском. Более того, синтагматически оказываются невозможными, по крайней мере, в русском языке, и словосочетания результативных глаголов с «отрицательными» рекомендациями (**не стоит посмотреть, *не советую прочитать, *разлюбил написать* и т.п.). Иными словами, модифицированный по параметру «результативность» глагол вынужден «расплачиваться» за свою большую семантическую определенность парадигматической ограниченностью (нет настоящего времени) и синтагматическими запретами (на связь с фазовыми глаголами, показателями регулярной повторяемости, «отрицательными» рекомендациями).

Точно такие же изменения в составе парадигмы и в синтагматических возможностях происходят в том случае, когда глагол, не называющий количества действий, модифицируется по параметру «однократность» (*посещать – посетить, толкать – толкнуть, целовать – поцеловать, острить – сострить* и т.п.). Замечу, что нередко глаголы, модифицированные по параметру «результат» и по параметру «однократность» формально полностью совпадают (*выбирать – vybrать, объяснять – объяснить, влиять – повлиять* и т.п.). В этом нет ничего неожиданного, поскольку и «результативность», и «однократность» характеризуются тем, что Ю.С. Маслов называл «целостностью» действия. Разница же в том, что «результативность» непременно предполагает некоторое предварительное действие, имеющее и начало, и результативный конец. А «однократность» выступает как непротяженное действие, начало которого является одновременно и его концом. Ср., например, *строил – строил – строил и, наконец, построил* («результат») и бессмысленность *целовал – целовал – целовал и, наконец, поцеловал* (однократность). Однако возможно *гасил – гасил – гасил и погасил (пожар)* и только *гасил – погасил (лампу)*, где в первом случае «результат» предполагает предшествующие усилия, а во втором достигается тотчас же после того, как действие началось.

IV

Очевидно, что и почти все иные семантические модификации глаголов, выражаемые словообразовательными средствами, одновременно выражают еще и значения однократности и результативности. Для примера рассмотрим модификацию по параметру «начало действия». Выражающие это модификационное значение приставки непременно содержат и значение однократности. *Петь* + «начинательность» с помощью приставки дает *занеть*, что выражает не только «начало действия», но и «один раз». Последний семантический компонент может быть снят с помощью суффикса *-ва-* (*заневать*). Иными словами, формально одношаговый процесс (префиксация) приводит к производному, отличающемуся от производящего на два семантических компонента. А желание получить произ-

водное, отличающееся от производящего лишь на один-единственный семантический компонент, а именно «начало действия» и только, требует двух словообразовательных шагов: *петь* – *запеть* («начало» + «однократность») – *запевать* (только «однократность»). Оставляю в стороне вопрос об отсутствии производных «второго шага»: *кричать* – *закричать* – *закрикивать, *плакать* – *заплакать* – *заплакивать, *хотеть* – *захотеть* – *захакивать и мн. др.). Обращу лишь внимание на то, что требовательный к себе говорящий/пишущий оказывается в непростой ситуации. Ему предстоит либо нарушить свой замысел, выражая, например, незадуманную однократность действия. Либо вовсе отказаться от словообразовательных ресурсов, обратившись к лексическим показателям *начать* («однократность») или *начинать* (кратность никак не выражена), *один раз* или *несколько раз*. Впрочем, такая синонимия словообразовательных и лексических средств существует не всегда.

Тот же механизм действует и при модификации русских глаголов по параметру «повторность», «по-другому»: *строить* + «повторность», «по-другому» – *перестроить* (с незапланированным значением «результативность») – *перестраивать* (с зачеркиванием значения «результативность»). Принципиально то же самое наблюдаем и при модификации по параметру «дополнительно»: *платить* – *доплатить* (с незапланированным значением «однократность») – *доплачивать* (с зачеркиванием значения «однократность»).

Иными словами, **обычно** при глагольной модификации с помощью словообразовательных средств непременно присутствуют параметры «однократность» и/или «результативность». Причем даже в тех случаях, когда целью модификации являются вовсе не эти, а другие параметры: начинательность, повторность, дополнительность, интенсивность, ослабленность, ограниченная продолжительность... Во всех этих случаях производные, модифицированные глаголы в сравнении с производящими сужают за счет утраты настоящего времени свою парадигму и приобретают запреты на синтагматическую сочетаемость с фазовыми глаголами, показателями регулярной повторяемости, «отрицательными рекомендациями». Таким образом, эти модифицированные производные глаголы превращаются в глаголы совершенного вида.

V

Рассмотренный механизм словообразовательной глагольной модификации, будучи типовым и частым, не является, однако, универсальным. Он лишь отчасти касается непроданных глаголов совершенного вида, уже содержащих все признаки глаголов совершенного вида: семантические, парадигматические, сочетаемостные. Речь идет о таких глаголах, как, например, *купить* или *дать*, а также о тех, где приставка не может быть выделена при синхронном подходе, таких, как, например, *убить* или *спросить*. Хотя и для глаголов обоих этих типов обычно может быть проведена семантическая модификация по снятию сем «однократность» и/или «результативность», приводящая к парадигматической полноте и отсутствию синтагматических ограничений, т.е. к появлению глаголов несовершенного вида типа *покупать*, *давать*, *убивать* или *спрашивать*.

Особая тема – т.н. двувидовые глаголы, а также, конечно, глаголы движения. Впрочем, последние, хотя и не всегда, также реализует описанный выше механизм по отношению к пространственным семантическим модификациям: *плыть – уплыть – уплывать*, однако *бежать – убежать – *убегивать*, а также *ходить – уходить* (с сохранением всех семантических, парадигматических и синтагматических свойств производящего в производном).

Все эти области, и прежде всего глаголы движения, остаются за пределами предлагаемого доклада. Есть в русском языке и такие семантические модификации, которые не меняют парадигматических и синтагматических свойств производного в сравнении с производящим. Это, в частности, параметры «совместно»: *страдать – сострадать, переживать – сопереживать* и «заранее»: *чувствовать – предчувствовать* и т.п.

Несмотря на эти ограничения материала, представляется, что предложенная постановка вопроса позволяет продемонстрировать эффективный подход к дальнейшему изучению славянского словообразования.

Обозначу принципиальные моменты такого подхода.

1. Целесообразно исследовать словообразовательные явления в рамках обеспечения продуктивных речевых действий, четко противопоставляя такие исследования задаче обеспечения рецептивных речевых действий.
2. Для обеспечения продуктивных речевых действий необходимо оперировать традиционным понятием «производящее», понимая под ним отнюдь не искомое, как это обычно делается в рамках словообразовательного (морфемного, этимологического) анализа, но именно данное. Вторым данным выступает то семантическое (и никакое иное!) преобразование, которое говорящий/пишущий хочет осуществить с производящим.
3. В процессе решения задачи получения производного с заданным семантическим признаком может выясниться, что эта задача с принципе не решается с помощью словообразовательных средств, либо решается не совсем точно, давая в производном не только заданное, но и незапланированное изменение. В первом случае на помощь могут прийти лексические средства. Во втором – следует также искать лексические средства, либо новые словообразовательные возможности, позволяющие избавиться от незаданных семантических прибавлений.
4. В процессе модификационной семантической деривации могут изменяться парадигматические и синтагматические характеристики производящего в производном, что исключительно важно для дальнейшего развертывания речи говорящим/пишущим.
5. Различие в парадигматических и синтагматических характеристиках при не очень ясном семантическом различии, как известно, традиционно выступает в качестве противопоставления славянских глаголов совершенного и несовершенного вида. Установление зависимости между семантическим содержанием производного и производящего глаголов, с одной стороны, и изменением парадигматических и синтагматических

свойств производящего в производном, с другой стороны, позволяет поставить представление о виде славянского глагола на семантическую основу. Таким образом удастся вывести аспектологию из того тупика, в котором она находится, будучи оторванной от видов речевой деятельности и сводя свои рассуждения к сомнительному лингвистическому теоретизированию либо выделению бесчисленных значений того или другого вида, понимаемого не семантически, но как парадигматические или синтагматические характеристики глагола.

Резюме. В отличие от традиционного аналитического подхода к словообразованию, считающего своим объектом производные слова, предлагается рассмотреть словообразовательные отношения в рамках грамматики речевых действий, а именно – продуктивной (по Л.В. Щербе). Задача ставится следующим образом. Даны непроеизводные глаголы, не содержащие никаких семантических модификационных характеристик соответствующего глагольного действия, а также те модификационные параметры глагольного действия, которые могут быть выражены словообразовательными средствами (результативность, однократность, начинательность, повторность, интенсивность и т.п.). Требуется в результате одношаговой деривации получить глаголы, модифицированные по соответствующим параметрам.

Выясняется, что если заданные дериваты существуют, то в результате одношаговой деривации обычно можно реализовать параметры «результативность» и «однократность», а все остальные параметры также реализуют «результативность» и «однократность», но уже в принудительном порядке. Лишь на втором шаге деривации принудительные «результативность» и/или «однократность» могут быть «зачеркнуты».

Обращается особое внимание на то, что в результате одношаговой словообразовательной внутриглагольной деривации у производного меняются парадигматические и синтагматические характеристики. А именно личные формы настоящего времени получают значение будущего, а вся временная парадигма производного глагола из трехчленной у производящего превращается за счет утраты настоящего времени в двучленную. У производных глаголов появляются и синтагматические ограничения: невозможность соединения с фазовыми глаголами, с показателями регулярной повторяемости и с «отрицательными рекомендациями». Весь набор этих парадигматических и синтагматических характеристик, как известно, определяет глаголы совершенного вида.

Реализованная постановка вопроса, как кажется, позволяет вывести из тупика славянскую аспектологию в том ее направлении, которое исходит из понимания вида как парадигматической и синтагматической характеристики глагола и направляет свои усилия на открытие многочисленных обусловленных различными свойствами контекста значений, приписываемых именно виду глагола. Осмысление словообразовательных связей в рамках продуктивной грамматики позволяет не только расстаться с научными фантомами, но и открывает новые возможности в понимании словообразовательной системы как ресурса в именовании окружающей действительности. При этом становится ясной подчиненная

роль разнообразных парадигматических, синтагматических и иных формальных преобразований производящего в производном, непременно присутствующих в процессе реализации словообразовательного семантического ресурса.

Igor G. Miloslavsky

CHANGE OF SYNTAGMATIC AND PARADIGMATIC FEATURES
OF SLAVONIC VERBS AS A RESULT OF THEIR SEMANTIC DERIVATIONAL
MODIFICATION

Summary

Author looks at semantic derivational modification of slavonic verbs from producer's of speech point of view. Having in mind semantic modification of verb producer has in the long run not only this effect. The new verb obtaining desired semantic features also obtains new syntagmatic and paradigmatic features, which were not the producer's aim.

These were well known syntagmatic limitations (no combinations either with some verbs or some adverbs) and paradigmatic difference (two tenses instead of three) form the category of slavonic aspect. So thus the category of aspect is non semantic category. Its semantic content can be very different having only one feature («result» or «one-time» action) or combination of two features (adding to the previous ones «begining», «complementary», «repetition» and so on) for perfective verbs. And any features, apart from «result» and «one-time action» for imperfective verbs.

ALICJA NAGÓRKO*

HUMBOLDT-UNIVERSITÄT ZU BERLIN, NIEMCY

SŁOWOTWÓRCZY POTENCJAŁ SAKRONIMÓW (W POLSKIM, SŁOWACKIM, CZESKIM I NIEMIECKIM)

Streszczenie. W artykule podjęta została analiza wybranych religijnych „key words” pod kątem przydatności metod słowotwórstwa gniazdowego. Już sama aktywność słowotwórcza danego wyrazu-bazy jest wskaźnikiem conceptualnej rangi reprezentowanego przezeń pojęcia. Leksemy takie są z reguły polisemiczne, toteż nawiązujące do jednego ze znaczeń łańcuchy słowotwórcze pozwalają różnicować polisemię, w tym interesującą nas opozycję sakralny – świecki. Dostrzec też można pary słowotwórcze składające się z derywatów pochodzących z różnych – starszych i nowszych – przykładów tekstów religijnych. Aktualne potrzeby nominatywne zaspokajane środkami słowotwórczymi obserwuje się nie tyle w odniesieniu do systemu wiary, ile w zakresie socjologii religii.

Słowa kluczowe: sakronim, gniazdo słowotwórcze, łańcuch słowotwórczy, polisemia, leksykografia.

1. Wstęp

Przedmiotem moich uwag jest słownictwo związane ze sferą religijną analizowane aktualnie w ramach projektu badawczego, którego finalnym produktem będzie już dostępny w Internecie,¹ choć jeszcze nieukończony słownik online „SACRUM UND PROFANUM. RELIGIÖSE LEXIK IN DER ALLGEMEINSPRACHE (DEUTSCH, POLNISCH, SLOWAKISCH, TSCHECHISCH)“, dalej: SuP (o tym projekcie mówiłam na konferencji w Kijowie w maju 2010). Tu skupiam się na wybranych zagadnieniach słowotwórstwa gniazdowego, stawiając sobie przy tym dwa cele:

- typowanie religijnych słów kluczy na podstawie gniazdowej (tj. badanie aktywności słowotwórczej jako jednego z wyznaczników rangi pojęcia w dziedzinie religijnej)
- obserwację, w jakim stopniu proces semantycznej sekularyzacji ujawnia się poprzez samą derywację, tj. różne ciągi derywatów od formalnie tych samych podstaw charakteryzujące się polisemią typu znaczenie religijne – świeckie.

---

* e-mail: alicja.nagorko@rz.hu-berlin.de

¹ Patrz: <http://www2.hu-berlin.de/sacrumprofanum/index.html>

2. Krótka historia badań.

Jedyną znaną mi pracą, która analizuje potencjał słowotwórczy słownictwa odnoszącego się do sfery sacrum, jest krótki artykuł Przygudzkiej (2007). Niestety, praca ta rozczarowuje. Autorka opiera się na gotowym materiale polskich słowników gniazdowych (SGS),² co samo w sobie jest naganne. Przeciwnie, powstały one po to, by umożliwić ogólny ogląd systemu i jego poszczególnych części. Błędem było jednakże ograniczenie się do sfery 'kultu', która pozostawia poza swoim obrębem sporą część słownictwa religijnego. Tym się zapewne tłumaczy nieobecność takich leksemów wyjściowych, jak *grzech*, *diabeł*, *dusza*, *apokalipsa*, *niebo*, *piekło* i wielu innych, dla których najwidoczniej autorka nie znalazła odpowiedniej kategorii w swojej klasyfikacji. Za to w grupie 140 uwzględnionych przez nią wyrazów hasłowych uderza nadreprezentacja terminologii kościelnej, zwykle pochodzącej z łaciny, a lokującej się zdecydowanie poza językiem ogólnym, por. *prałat*, *konsystorz*, *respons*, *paliusz* i wiele, wiele innych.

Przeprowadzona przez Przygudzką kwantytatywna analiza materiału pokazała, że leksyka wydzielona – jak tu – na podstawie znaczeniowej wykazuje podobną aktywność słowotwórczą, jak i pozostała część słownictwa (około 2/3 haseł odznacza się w ogóle jakkolwiek aktywnością słowotwórczą,³ najczęściej powielane modele stanowią składające się z dwu członów jednotaktowe struktury typu **S,S** i **S,Ad** wśród rzeczowników, **V,S** i **V,V** wśród czasowników, oraz **Ad,S** wśród przymiotników).

Słowotwórczy rekonesans po leksyce religijnej przedstawia artykuł Nagórko (2010),⁴ w którym derywaty od podstaw o znaczeniu religijnym zostały poddane obserwacji pod kątem osłabienia bądź zaniku ich związku z podstawowym sakronimem. Dochodzi do tego zwykle w formie derywacji metaforycznej polegającej na rzutowaniu pewnych cech konceptu religijnego na rzeczywistość świecką, a w konsekwencji do jego profanizacji, por. pol. *rozanielić się/ rozanielony* od *anioł*, czes. *abrahamoviny* 'pięćdziesiąte urodziny' od *Abraham*, *čertice* 'diablica' od *čert*, analog. ros. *чертенок*, *бесенок*, pol. *diabeł/ diablątko*. Procesom słowotwórczym towarzyszy tu derywacja semantyczna – zwykle już na poziomie wyrazu podstawowego – co utrudnia ocenę wkładu samej operacji słowotwórczej (lub w ogóle stawia pod znakiem zapytania jej rolę w procesie sekularyzacji). Chodzi o to, że takie wyrazy bazowe jak *čert/ diabeł*, analog. *anioł* mają w swoje znaczenie już wpisaną polisemię typu 'istota duchowa' : 'człowiek'. Semantyczna sekularyzacja dokonała się więc tu wcześniej.

² Pod uwagę zostały wzięte trzy podstawowe tytuły: *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t. 1 gniazda odprzymiotnikowe, Teresa Vogelgesang, Kraków 2001 = SGS. 1; *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t. 2, gniazda odrzeczownikowe, Hanna Jadacka i zespół, Kraków 2001 = SGS. 2; *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t.3, gniazda odczasownikowe, część I A – O, część II P - Ż., M. Skarzyński i zespół, Kraków 2004 = SGS 3.

³ Wg badań Jadackiej prowadzonych na materiale polskich rzeczowników 74% leksemów przejawia aktywność słowotwórczą, natomiast przy uwzględnieniu polisemii aktywność ta spada do 64,37%, a więc ok. 2/3 całości słownictwa (Jadacka 1995: 140).

⁴ Tekst nawiązuje do referatu wygłoszonego na konferencji Komisji Słowotwórczej w Kijowie, 25-28. 05. 2010.

3. Czym jest sakralność w poczuciu mówiących?

‘Sakralność’ albo komponent religijny nie jest kategorią lingwistyczną ani tym bardziej słowotwórczą. Nie istnieją ani afiksy o tym znaczeniu, ani też inne środki formalne pozwalające odróżniać leksykę religijną od świeckiej.⁵ W derywacji semantycznej (por. *judasz* ‘wizjer w drzwiach wejściowych’), frazeologicznej (por. czes. *nejen chlebem živ je člověk* i jego różnojęzyczne wersje przekładowe, a także liczne sekularne modyfikacje, jak niem. „Die Frau lebt nicht vom Mann allein“⁶) i wreszcie słowotwórczej (która jest w centrum naszej uwagi) problemem jest poczucie motywacji zależne od wiedzy religijnej i ogólnokulturowej mówiących. Wątpliwe jest na przykład, by *onanizm* i odpowiedni czasownik kojarzone były jeszcze z biblijnym *Onanem* (Rdz 38,8-9), choć nie da się wykluczyć tego elementu erudycyjności w systemie wiedzy u części użytkowników języka. Przykład ten pokazuje zarazem, że samo pochodzenie biblijne nie oznacza, byśmy mieli automatyczne do czynienia z konceptem religijnym. Ponadto przywoływany chętnie Apresjanowski (1974) postulat „semantyki naiwnej“ zdaje się współcześnie odwoływać do nieistniejącej już zgoła kategorii użytkowników języka nieskażonych wiedzą fachową. Badania ankietowe potwierdzają, że mówiący nie stronią bynajmniej od encyklopedyzmu w pojmowaniu i definiowaniu słownictwa ogólnego.

Przykładem różnic w semantyce rozumienia może być teologiczne zagadnienie *usprawiedliwienia*, którego znajomość jest w tradycji protestanckiej gruntowniejsza.⁷ (Myśl o tym, że wiara przynosi zbawienie wszystkim ludziom, wyraził św. Paweł w liście do Rzymian – zwłaszcza Rz 3,21-24 – ale to Marcin Luter umieścił tzw. *Rechtfertigung* przez łaskę, *sola gratia*, w centrum swojej teologii). Ankieta dotycząca peryferyjnego słownictwa religijnego, przeprowadzona w środowiskach akademickich w Polsce, na Słowacji i w Czechach, pokazała pewne znamienne różnice w odpowiedziach.⁸ Mniej niż połowa polskich informantów dostrzegła w tym leksemie pojęcie religijne, podczas gdy informanci słowaccy i czescy przekroczyli próg 50% odpowiedzi pozytywnych. Najlepszą wiedzą teologiczną wykazali się w tych badaniach Czesi, których kraj można uznać za protestancki (choć dziś w przeważającej mierze zateizowany), por. odpowiedzi:

pol.	<i>usprawiedliwienie</i> –	49,6%
słow.	<i>ospravedlnenie</i> –	52,4%
czes.	<i>ospravedlnění</i> –	62,6%

⁵ Por. definicję języka religijnego w artykule problemowym *Was ist religiöse Sprache?* w Słowniku online „Sacrum und Profanum. Religiöse Lexik in der Allgemeinsprache“.

⁶ Por. A. Nagórko, »Czy grozi nam zanik poczucia *sacrum*? Sekularyzacja polszczyzny na tle języków sąsiadów«, na stronie www.slavistik.hu-berlin.de/member/anagorko/poczucie-sacrum.

⁷ Wielkim krokiem w stronę ekumenizmu była podpisana przez katolików i luteran w 1999 w Augsburgu „Wspólna deklaracja w sprawie nauki o usprawiedliwieniu“. Przyczyniła się ona do zaistnienia tego pojęcia w dyskursie publicznym, ale nie na tyle, by przedostało się ono do świadomości szerszego kręgu odbiorców.

⁸ Por. H. Burkhardt, *Periphere religiöse Lexik im Sprachvergleich*, w: A. Nagórko (red.): *Wortsemantik zwischen Säkularisierung und (Re)Sakralisierung öffentlicher Diskurse*, 2012: 391–403.

W polszczyźnie religijne pojęcie *usprawiedliwienia* jest słabo zakotwiczone. Jako typ polisemii odnotowuje je tylko PSWP, t. 44 (2003). Natomiast w niemieckim dyskursie publicznym słowo *Rechtfertigung* ma trwałą pozycję – ostatnio ukazała się książka głośnego pisarza Martina Walsera *Über Rechtfertigung, eine Versuchung: Zeugen und Zeugnisse*, 2012, dyskutowana w obecności autora m. in. na Uniwersytecie Humboldtów (24.04.2012). Podstawą obu nazw są czasowniki – *rechtfertigen* albo *usprawiedliwić* (słow. *ospravedlniť*, czes. *ospravedlnit*), etymologicznie pochodne od *recht/prawy* (→ *sprawiedliwy*).⁹ Jednak etymologia zdaje się nie odgrywać już większej roli w języku polskim.¹⁰ Dziś na plan pierwszy w polskim słowie *usprawiedliwienie* wysuwa się sens: ‘ustne lub pisemne wytłumaczenie się z czegoś, zwłaszcza z nieobecności ucznia w szkole’ (por. ISJP 2) – czemu odpowiada niem. *Entschuldigung*.

O randze danego konceptu świadczyć mogą relacje leksykalne w słowniku, w tym sieć jego powiązań słowotwórczych. Trzeba przyznać, że niemieckie compositum odznacza się większym potencjałem, ponieważ człon *recht-/Recht-* z łatwością przyłącza inne morfemy rdzenne, jest przez to łatwo wydzielny i identyfikowalny, por. *Rechtfertigung* wobec *Rechtllichkeit*, *Rechthaberei*, *Rechthaben* („Rechtfertigung ohne Religion wird zur Rechthaberei” – Walsler, odczyt na HU), *rechtliebend*, *rechtschaffen*. Tkwiący w polskim *usprawiedliwienie* leksykalny morfem *prawy* nie narzuca się z taką oczywistością, bo jest w tym znaczeniu archaiczny. Ponadto przyznać trzeba, że nie mamy tu do czynienia z powszechnie zrozumiałym, centralnym pojęciem, powtarzającym w homiliach, liturgii i modlitwach. Prawdziwe bogactwo derywatów i złożzeń ujawniają natomiast religijne key-words, które m.in. na tej podstawie uznane zostały za ważne pojęcia w tej domenie – por. makrostrukturę (listy wyrazowe) w słowniku online SuP. W czołówce leksemów o najbogatszych gniazdach znalazły się w nim *Bóg*, *chrzest*, *grzech*, *krzyż*, *niebo*, *święty*, *wierzyć* jak i ich innojęzyczne odpowiedniki.

4. Wymiar diachroniczny.

Lingwistyka kognitywna relatywizuje rozróżnienie diachronii i synchronii. Powstaje pytanie, jak głęboko można się posunąć w analizie diachronicznej, by nie wpaść przy tym w pułapkę etymologiczną, tj. czystej rekonstrukcji mogącej obchodzić tylko specjalistów? Poniżej przytaczam dwa przykłady czasowników polskich: *biczować* (się) i *spowiadać* (się). W SGS 3 znajdujemy je odpowiednio pod *bić* oraz *powiedzieć*. Oto fragmenty gniazd:

Pod: **mówić** [...]

[...] **powiedzieć**

spowiadać się
spowiedź
spowiednica
spowiednik
spowiedniczy

⁹ W łacinie chrześcijańskiej *iustitia* ← *ius* oznaczała także stan łaski, por. pojęcie *iustitia aliena* u Lutra (*usprawiedliwienie* grzesznika pochodzące z zewnątrz, tj. za sprawą Chrystusa)

¹⁰ Ale w staropolszczyźnie znany był czasownik *usprawiedliwić* ‘oczyszczyć z winy, grzechu’ (Borys 2008: 571)

spowiedniczo
 spowiadać (D: *kult*, Sz: *rel.*)
 wyspowiadać się
 wyspowiadać
 spowiadać się (Dun. 2 ‘zwierzać się’)

Pod **bić 1** ‘zadawać razy’

[...] bicz
 [...] biczować
 biczownik
 biczowniczy
 ubiczować

Wybór tych przykładów podyktowała ich względna prostota ułatwiająca przytoczenie w krótkim artykule. Ich analizę muszę jednak poprzedzić ogólniejszą uwagą. Polski opis gniazdowy odwołuje się do wcześniejszych słowników ogólnych¹¹ z lat sześćdziesiątych i siedemdziesiątych XX w., niestety wraz z ich niedostatkami. Uderza w nich czasem uproszczona, a nieraz zniekształcona interpretacja semantyczna dająca pierwszeństwo denotacji, co prowadziło do skrupulatnego mnożenia i rejestrowania znaczeń specjalnych – np. rzeczownik *dusza* ma według Sz znaczenie budowlane (*dusza*₆), muzyczne (*dusza*₇), techniczne (*dusza*₈). Odnotowane są również bez jakichkolwiek kwalifikatorów chronologicznych znaczenia *dusza*₃ ‘chłop pańszczyźniany’, *dusza* w żelazku (*dusza*₄) i *dusza*₅ jako ‘rdzeń w łodydze lub pniu drzewa’.¹² Natomiast znaczenie religijne i „idealistyczne“ (*dusza*₂) ustępuje tu rozumieniu psychologicznemu (*dusza*₁), choć psychologia chętniej mówi o psychice niż o duszy. Podzielona według tych znaczeń derywacja pokazuje, że aktywne słowotwórczo są właściwie tylko dwa pierwsze znaczenia *duszy*. Większość derywatów jest w SGS 2 podporządkowana znaczeniu psychologicznemu, co po części wydaje się pomyłką, por. *duszpasterz* – *duszpasterstwo* (zadaniem osoby duchownej jest wszak troska o dusze w sensie religijnym).¹³ Etymologicznie w językach słowiańskich *dusza* jest pochodna od *duch* (jako derywat z sufiksem *-ja – por. Boryś 2008: 134), przy czym oba wyrazy są jeszcze przedchrześcijańskie.¹⁴ Z dzisiejszego punktu widzenia traktujemy je jako od siebie niezależne, oba powiązane zarówno ze sferą sacrum, jak i profanum (także w SGS 2 znaleźć można dwa odrębne gniazda). Osobny ich opis znajduje też potwierdzenie

¹¹ *Słownik języka polskiego*, t. I – XI, 1958-1969, red. W. Doroszewski (D) oraz *Słownik języka polskiego*, t. I – III, 1978-1981, red. W. Szymczak (Sz).

¹² *Słowacka leksykografia (KSSJ) wprowadza ogólne rozumienie słowa duša* ‘wewnętrzna, osłonięta z zewnątrz część czegoś’, por. *d. lopty (pilki)*, *d. kolesa* (powietrze w dętkę), *kábla*, *vřbová d.* itp. Jest to rozwiązanie bardziej fortunne zarówno z punktu widzenia ekonomii opisu, jak i conceptualnego obrazu świata.

¹³ Niejasny jest status żartobliwego *lapiduch*, nienotowanego zresztą w SGS 2 ani pod *duch*, ani pod *dusza* (Chyba jednak mamy tu nawiązanie do religijnego wyobrażenia duszy, która opuszcza ciało). Nie trafiły też do gniazda *dusza* leksemy *Zaduszki* – *zaduszny*. Nawet jeśli już przestarzałe, to jednak odznaczają się one morfologiczną przejrzystością, należałoby więc je uwzględnić.

¹⁴ Pojęcie ‘duszy’ jako jednej z dwu części człowieka, która go ożywia, jako *odem*, boskie tchnienie, zawdzięczamy starożytnym Grekom.

w języku niemieckim, gdzie mamy morfologicznie niespokrewnione odpowiedniki *Geist* oraz *Seele*.

Jak widać, jedną z głównych przyczyn komplikacji opisów gniazdowych jest polisemia. Derywacja może mieć tu walor diagnostyczny, bowiem derywat nawiązuje do konkretnego znaczenia podstawy. Możemy to teraz zademonstrować na przytoczonych wyżej przykładach gniazdowych. Pochodny rzeczownik *spowiedź* ma w tym opisie tylko jedno znaczenie, podczas gdy przy podstawie *spowiadać się* zostały uwzględnione dwa: religijne ‘wyznawać grzechy księdzu’ oraz sekularne ‘zwierzać się’, odnotowane już przez nowszą leksykografię (Dun.¹⁵). Nasza porównawcza analiza w SuP idzie jeszcze dalej. Dane korpusowe uprawniają mianowicie do wydzielenia trzech profili semantycznych, tj. poza religijnym w grę wchodzi jeszcze dwa różne akty mowy: ‘zwierzanie się z czegoś’, por. *spowiadać się z trosk/ zmartwień*, oraz ‘przyznanie się do czegoś (nie dobrowolne, lecz wymuszone)’, por. *spowiadać się przed sądem/ przed komisją, spowiadać się ze swoich dochodów* itp.

Chociaż czasownik *spowiadać się* ma związek z mówieniem, to jego słowotwórcza motywacja przez *powiedzieć/ powiadać* wydaje się być dziś już zatarta, godna wzmianki tylko w zakresie etymologii. Przyjęcie dłuższej formy *z się* za podstawę, z kierunkiem motywacji w obrębie podgniazda *spowiadać się* → *spowiadać*, oznacza preferencję dla kryterium semantycznego: *spowiadać X-a* ‘powodować, że X się spowiada’. Za takim rozwiązaniem przemawia też porównanie z językiem niemieckim, gdzie *beichten* znaczy tylko *spowiadać się*, podczas gdy *spowiadać* odsyła do rzeczownika *Beichte/ spowiedź* i może być oddane peryfrastycznie przez *Beichte abnehmen*. Rzeczownik *spowiedź/ Beichte* uznałam wcześniej za podstawowy (Nagórko 2012: 188), właściwie można tu mówić o motywacji wzajemnej. Ostatecznie jednak i w SuP zostało przyjęte rozwiązanie analogiczne do słownika gniazdowego SGS 3. W części niemieckiej rzuca się w oczy bogactwo złożań, według których łatwo jest określić, czy mamy do czynienia z sacrum czy też profanum. Ich formalną podstawą jest rzeczownik, przy czym najbardziej rozbudowany paradygmat słowotwórczy ma leksem religijny, por:

- (1) *Beichtgeheimnis, Beichtgespräch, Beichtkind*_{rzad.}, *Beichtstuhl, Beichtzettel; Ohrenbeichte*
- (2) *Lebensbeichte, Liebesbeichte*
- (3) *Dopingbeichte*

Drugie z cytowanych wyżej polskich podgniazd kryje pod hasłem **bić** łańcuch słowotwórczy *bić* [...] → *bicz* [...] → *biczować* → *biczownik* → *biczownicy*. Koncept religijny pojawia się dopiero na kolejnym takcie derywacji. Brak wśród derywatów rzeczownika *ubiczowanie* (pisanego także dużą literą jako ‘scena z męki Chrystusa’) oraz *samobiczowanie*. Słownik pomija też wieloznaczność czasownika *biczować*. W SuP pod hasłami *biczować/ geißeln* wydzielonych zostało sześć profili z religijnym na pierwszym miejscu.¹⁶ (Profile nie muszą koniecznie odpowiadać ustabilizowanym znaczeniom, mogą to być użycia ograniczone do pewnych kontekstów lub dyskursów).

¹⁵ *Słownik współczesnego języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa 1996.

¹⁶ Pozostałe profile to: fizyczny, psychologiczny (zadrażanie, męczenie kogoś lub siebie), profil krytyki, atmosferyczny oraz intensyfikujący (brak w polszczyźnie)

Sens religijny motywuje derywaty na dalszych taktach, jak *biczownik*, *ubiczować*, *ubiczowanie*/*Ubiczowanie*, *samobiczowanie*. Pozostaje pytanie, jaką rolę w semantyce tych wyrazów odgrywa *bicz*? Narzędzie używane do *biczowania*/*Geißelung* nie jest zwykłym biczem: składa się z wielu rzemieni lub sznurów zakończonych metalowymi kulkami lub haczykami dla spotęgowania bólu i wywołania krwi. Ponadto biczować można się też np. paskiem (por. Nagórko 2012: 186). Samo słowo *bicz*, kojarzone z poganianiem koni, jest dziś przestarzałe. Częściej mówimy o *biczach wodnych* niż tych tradycyjnych. Uprawnia to moim zdaniem do wydzielenia czasownika *biczować* wraz z jego derywatami jako osobnego gniazda.

5. Hipostazy pojęciowe

Metodologia gniazdowa wymusza dyscyplinę formalną. Konsekwentnych rozstrzygnięć wymagają przede wszystkim takie problemy warsztatowe jak kierunek derywacji. Przy podejściu synchronicznym pewnym uprzywilejowaniem cieszy się kryterium systemowe, w myśl którego rzeczownikowe abstracta traktuje się jako wtórne względem predykatów werbalnych i adiektywnych bez względu na ich rzeczywistą genezę, por. *spowiadać* → *spowiedź*, ale także *wierzyć* → *wiara*, *pokorny* → *pokora* w SGS. Inaczej – jako słowo wyjściowe – został tam potraktowany rzeczownik *chrzest* (SGS 2), w którego gnieździe znalazł się jako pochodny od niego czasownik *chrzcić*. Samo gniazdo ma bardzo rozbudowaną strukturę w całej grupie zachodniosłowiańskiej, tak że w niemieckim odpowiadają mu poza *taufen*/*Taufe* także innordzenne *Pate*/*Patin* oraz *Christ*/*Christentum*. Taki konceptualny „cluster” jest zarazem bardzo podatny na sekularyzację, co świadczy o częstoci użycia odpowiednich leksemów. Wysoka frekwencja i szeroka ekstensja w różnych gatunkach tekstowych prowadzą z konieczności do rozmycia pojęcia (pod hasłem *ojciec chrzestny* SuP odnotowuje aż osiem profili semantycznych).¹⁷

Przyjęcie kierunku od rzeczownika do czasownika obserwuje się też w leksykografii ościennej. KSSJ (2003) definiuje słowackie *krstiť* jako:

1. ‘vykonávať obrad krstu’ (‘wykonywać obrzęd chrztu’), także w rozumieniu świeckim, np. *krstiť dieťa*, *krstiť lod’* (*chrzcić dziecko*/*chrzcić statek*),
2. ekspresywne ‘riediť vodou’ (‘rozcieńczać wodą’), np. *krstiť vino*,¹⁸
3. ekspr. ‘hrešiť, karhať’ (‘kłaść, wyzywać’) – tylko w formie dokonanej *vykrstiť*.

Z kolei w czeskiej leksykografii (SSJČ 1989) odpowiedniki *chrzcić dziecko* i *chrzcić statek* reprezentują dwa wyjściowe znaczenia, przy czym świeckie rozumienie definiuje się jako *křtít* ‘nadawać imię’. Motywowany przez ‘chrzest’ jest tylko profil religijny, tj. *chrzcić dziecko*. Jest to ważna korekta, tym bardziej, że czasownik jest w obu tych językach dość częsty w nowych użyciach sekularnych ‘promować coś,

¹⁷ Są to: profil religijny, quasi-religijny (*chrzcić statek*, *szteandar*...), patronacki, inicjatywny, nominatywny (ten, kto wymyślił nazwę dla czegoś), mafijny, polityczny, wiejski (starszy mieszkaniec wsi – użycie w polszczyźnie niepoświadczone).

¹⁸ W języku słowackim *krstenie vina* oznacza też grekokatolicki obrzęd święcenia wina w dniu św. Jana Teologa (26. września), kiedy na południu Słowacji dojrzewa winorośl.

wprowadzać produkt na rynek’, co nie wiąże się już nawet z nadawaniem imienia, por. słow. *krstit' knihu* czy czes. *křtít CD*.

Rzeczownik *chrzest* stanowi podstawę frazemu *chrzest bojowy* (rzadziej *chrzest ogniowy*), por. niem. *Feuertaufe*, słow. *krst ohňom/ prejsť krstom boja*, czes. *křest ohněm*. Jest to dziś całkowicie zsekularyzowana metafora inicjacji. Jej biblijna proveniencja znana jest chyba tylko specjalistom. Śmierć męczeńska była określana jako ‘chrzest krwią’ (*męczennik* to w niem. *Blutzeuge*, czyli ‘Ten, który dał świadectwo krwi’). Jeśli następowała ona w wyniku spalenia, był to ‘chrzest ogniem’. Zwrot *chrzcíć ogniem* znajdujemy co prawda w Biblii, por. słowa św. Jana Chrzciciela:

„Ja was *chrzczę* wodą dla nawrócenia; lecz Ten, który idzie za mną, mocniejszy jest ode mnie (...) On was *chrzcíć* będzie Duchem Świętym i *ogniem*.“ (Mt 3,11).

W języku ogólnym utrwalona jest jednak nie fraza werbalna *chrzcíć ogniem*, lecz fraza nominalna. W metaforyce religijnej ogień jest środkiem uwalniającym od zła, por. *ogień czyścowy* (patrz też Kuße 2012: 140). W języku niemieckim słowiańskim kalkom z łac. *purgatorium* jak pol. *czyścić*, czes., słow. *očistec* odpowiada struktura *Fegefeuer*, dosłownie ‘wymiatający ogień’. Dla symboliki *chrztu/ Taufe* ważniejsza z tych dwu żywiołów jest jednak woda.¹⁹

Wróćmy do formy. W polszczyźnie mamy do czynienia z dwoma historycznie odziedziczonymi tematami: *chrzci-* oraz *chrzest-*, przy czym w synchronicznym słowniku gniazdowym SGS 2 wyjściową formą jest *chrzest*, por:

chrzest

chrzestny
 chrzestna *rzecz.*
 chrzestny *rzecz.*
 chrześniak
 chrześniaczek
 chrześniaczka
 chrześnica *przestarz.*
 chrześcijaństwo
 chrześcijanin [...]

chrzcíć

chrzciciel
 chrzciny
 ochrzcić (się)
 przechrzcíć się
 przechrzta
 chrzcielny
 chrzcielnica

¹⁹ Przed mistrzostwami Europy 2012 w piłce nożnej media niemieckie podawały ciekawostki na temat kultury krajów goszczących turniej. Wśród nich znalazła się informacja, że polski *śmigus-dyngus* (oblewanie się wodą w poniedziałek wielkanocny) praktykują Polacy na pamiątkę chrztu Mieszka I w 966 r. (TV-Spielfilm, 12/2012: 13). Tę niesprawdzoną informację podaje też niemiecka Wikipedia. Sami Polacy łączą te praktyki raczej z pradawnymi obrzędami przedchrześcijańskimi.

Etymolodzy wskazują na germańskie pochodzenie tego wyrazu, ściśle biorąc na starogórnoniemieckie *Crist/Krist* (Machek 1997: 300; Boryś 2008: 70), stąd staropolskie formy z *k-*: *krzest* (także w derywatach, por. *krzciny, krześcijanin*), a także współczesne czes. *křest*, słow. *krst*. Pod wpływem greckiego *Christos* zwyciężyła jednak w polskim postać z nagłosowym *ch-*. Zrekonstruowana historia derywacyjna prowadzi następnie przez czasownik do rzeczownika.²⁰ Skoro zatem zarówno etymologia, jak i kryterium systemowe (wtórność n. actionis) nakazywałyby uznać *chrzest* za derywat, dlaczego w opisie gniazdowym przyjęto odwrotne rozwiązanie? Wolno sądzić, że zadecydowała o tym możliwość parafrazowania, tj. większa naturalność objaśniania *chrzci* przez *chrzest* a nie na odwrót (patrz eksplikacje słownikowe przytoczone wyżej).

Abstrakcyjny rzeczownik staje się w ten sposób hipostazą, uprzedmiotowionym bytem, co w sferze religijnej nie jest wcale rzadkie. Analogicznie zostały potraktowane w opisie gniazdowym – jako hasła wyjściowe – rzeczowniki *pokuta* i *post*. Zauważmy, że chodzi tu o nazwy sakramentów w religii chrześcijańskiej, mających moc stwarzania nowej rzeczywistości, nowego stanu rzeczy. (W tym kontekście można by jeszcze raz przywołać parę *spowiadać (się) – spowiedź*, by zapytać, czy gwoli konsekwencji nie należałoby przyjąć i tu kierunku od rzeczownika?) Na opisie hasła *post* w SGS 2 również zaciążyła konwencja semantyczna słownika objaśniającego (Sz). Wyróżnia się tu dwa ząbające się w gruncie rzeczy znaczenia – jedno ogólne ‘wstrzymanie się częściowe od jedzenia’, drugie temporalne. Ciągi derywatów przyporządkowano odpowiednio:

post1

- pościć1
- napościć się
- przepościć się
- wypościć się
- postny2
- postnik

post2

- półpoście
- pościć2
- postny1
- wielkopostny

Bardziej moim zdaniem adekwatny opis w SuP zakłada obecność czterech profili: religijno-ascetycznego, religijno-temporalnego, sekularnego (dieta odchudzająca) i deprywacyjnego (‘stan odczuwany jako dotkliwy brak czegoś’). Przykładem derywatu odnoszącego się do tego ostatniego profilu jest przymiotnik *wyposzczony*, który może odnosić się do kogoś lub czegoś pozbawionego przez dłuższy czas określonego dobra,

²⁰ Machek (1997: 300) wywodzi staroczeskie *křest* od *krstíti*, dopatrując się tu derywacji wstecznej (dziś powiedzielibyśmy: konwersji). Podobnie Bańkowski (2000,1: 157) – por. rekonstrukcję *kr̥stīti* → *kr̥stō*.

np. *wyposzczony (seksualnie) mężczyzna, wyposzczony pod względem technologicznym kraj...* (por. też ISJP, t. 2).

6. (Ojciec) *chrzestny* i pejoratywizacja znaczenia

Z hasłem *chrzest* łączy się też rzeczownik (*ojciec*) *chrzestny* i jego żeński wariant (*matka*) *chrzestna*. W SuP znajdują się one w osobnych artykułach ze względu na to, że niemiecki odpowiednik *Pate* (pochodny od *pater*, por. też ang. *God father*) nie jest morfologicznie powiązany z *Taufe/ chrzest*. Sam czasownik *taufen* wywodzi się od *tauchen* ‘zanurzać’, co odpowiada pierwotnemu obrzędowi chrztu przez całkowite zanurzenie w wodzie (podobnie ang. *baptism* od gr. *baptizein* ‘zanurzać’).²¹

Ryzykując pewne uproszczenie, możemy poglądowo przedstawić relacje leksykalno-słotwórcze w interesującym nas polu wyrazowym jak w tabeli poniżej:

Taufe	Pate	Christ
Chrzest	ojciec chrzestny	chrześcijanin

Badania arealne naprowadzają nas przy tym na interesujący trop kulturowy. Otóż w języku czeskim i słowackim używa się jeszcze dawnych nazw *kmotr* i *kmotor*, którym odpowiadały w polszczyźnie *kmotr/ kumoter* oraz dziś jeszcze regionalnie używany *kum*.²² Określenie *ojciec chzestny* jest w języku polskim stosunkowo późne. Wyparło ono nazwy wcześniejsze, które nabierały stopniowo negatywnych konotacji, co ujawniają pochodne od nich derywaty, por.:

pol. *kumoterstwo, pokumać się/ skumać się, kumoszka*

Najwidoczniej funkcja kumotra musiała prowadzić do nepotyzmu, klanowości i popierania „swoich” (por. analogicznie nacechowany pejoratywnie *pociotek*). Jak pod hasłem *kumoter* pisze Andrzej Bańkowski (2000,1: 853):

„Dodać tu warto, że we wszystkich językach europejskich nazwy ojca i matki chzestnych pejoratywizowały się z czasem i musiały być dlatego zastępowane innymi, jak w pol.[skim.]“

W grupie południowej analizowanych tu języków sytuacja jest jednak odwrotna. W czeskim para określeń *otec křestní* i *matka křestní* używana jest rzadko, podobnie jak archaizm *křtící*. W słowackim *krstný otec* i *krstná matka* stosowane są dla nazwania relacji opiekunów do chrzczonego dziecka. Poza tym funkcjonują jako podstawowe nazwy czes. *kmotr, kmotra*, słow. *kmotor, kmotra*, które profilują relację tak nazwanej osoby względem rodziców dziecka. Utrzymują się one mimo pejoratywizacji tych

²¹ Fakt, że u Słowian *chrzest* nie wiąże się etymologicznie z wodą, tłumaczy Bańkowski (2000,1: 156-7) brutalną chzestianizacją polegającą na wypalaniu znaku krzyża na skórze, wobec czego zanurzenie w wodzie stawało się drugorzędne. Przypomnijmy, że u prawosławnych Słowian tę samą etymologię co ‘chrzest’ ma również ‘krzyż’. Czyżby argument na rzecz tezy autora?

²² Od rumuńskiego *kumătră* ‘matka chzestna’, męskie *kumătru*, które przedostały się do polszczyzny za pośrednictwem języków południowo- i wschodniosłowiańskich – por. Bańkowski 2000,1: 727. (Boryś 2008: 273 podaje podstawę łacińską *commāter*) Mamy tu zatem do czynienia z rzadkim przypadkiem pierwotności nazwy żeńskiej.

nazw w pewnych użyciach sekularnych. Także derywaty od nich mogą wywoływać negatywne skojarzenia, por.:

czes. *kmotrovství, kmotrovský, kmotrův; ...rozkmotrěni*
słow. *kmotričkovať sa; koaliční kmotrovia* (o słowackich ‘ojcach chrzestnych’ w polityce)

Pejoratywizacji podlega już także i *ojciec chrzestny* w nowym międzynarodowym znaczeniu ‘boss mafii’. Tę dwuznaczną karierę zawdzięcza on kulturze masowej i filmowi Francisa Forda Coppoli „God Father” (1972). Kultura ta ma przemożny wpływ na język i postawy swoich konsumentów, co się przejawia także w ponadjęzykowym procesie sekularyzacji. (Badanie wpływu na semantykę mediów masowych, filmu, sztuki etc. mają ułatwić w SuP osobne działy „Konteksty kulturowe” oraz „Reklama”.)

7. Słowotwórcze dystynkcje sakralności?

Poniższa lista zawiera pary derywatów o wspólnym temacie, które można uznać za plezjonimy, tj. wyrazy bliskoznaczne.²³ Reprezentują one jednak różne dyskursy: świecki (pierwsza kolumna) bądź religijny (druga kolumna). Na podstawie Narodowego Korpusu Języka Polskiego (NKJP)²⁴ można było ustalić ilościowe proporcje ich użycia w tekstach (liczby w nawiasach – tylko orientacyjne, nie brano bowiem pod uwagę możliwej polisemii). Plezjonimy z cechą sakralności mogą odznaczać się pewną stylistyczną patyną, por. *szczęśliwość, wiekiusty*. Występują one w typowych kontekstach, utrwalonych jako gotowe frazy, por. *I nie wódz nas na pokuszenie; światłość wiekiusta; Przemienienie Pańskie*. Okoliczności te składają się na nacechowanie interesującego nas słownictwa, czego potwierdzeniem jest również frekwencja: jak wiadomo, wyraz nacechowany jest rzadszy w porównaniu ze swoim nienacechowanym odpowiednikiem. Odstępstwa od tej reguły zostały zaznaczone tłustym drukiem. Są to: *wierzący, Boży, sakramentalny, ukrzyżować (się)*. Te pojedyncze przypadki wymagają indywidualnego komentarza. I tak na przykład w parze *wierzyciel – wierzący* mamy dziś właściwie do czynienia z homonimią, przy czym pierwsza nazwa należy do sfery finansów, która ma dla języka potocznego mimo wszystko mniejsze znaczenie niż sfera religijna. Etymologicznie jednak oba wyrazy wywodzą się z tego samego źródła, co pokazuje, że także świat pieniądza ma wiele wspólnego z wiarą i zaufaniem (por. *kredyt* od franc. *crédit*, wł. *credito*, co z łac. *creditus*, imiesłów od *credere* ‘wierzyć, ufać’). Poniżej (siłą rzeczy wybiórcza) lista przykładów uporządkowanych według części mowy: rzeczowniki, przymiotniki, czasowniki:

(1000) <i>opowieść/ Erzählung</i> –	(327) <i>przypowieść/ Gleichnis</i>
(639) <i>pokusa/ Versuchung</i> –	(155) <i>pokuszenie/ Versuchung</i>
(148) <i>prostak/ Primitivling</i> –	(21) <i>prostaczek/ Primitivling</i>
(647) <i>przemiana/ (Um-/Ver)Wandlung</i> –	(21) <i>przemienienie/ Verklärung</i>
(1000) <i>szczęście/ Glück</i> –	(159) <i>szczęśliwość/ Glückseligkeit</i>
(1000) <i>światło/ Licht</i> –	(294) <i>światłość/ Licht</i>

²³ Co do definicji plezjonimii patrz A. Nagórko, M. Łaziński, H. Burkhardt, *Dystynktywny słownik synonimów*, Kraków 2004, s. XXIV.

²⁴ Wyszukiwarka Poliqarp, zapytania o formy hasłowe w podkorpusie zrównoważonym 300 M segmentów (tj. 300 milionów segmentów w zbiorze ok. 250 mln. słów tekstowych), dostęp 1.06.2012.

(1000) <i>trójka/ Drei</i> –	(95) <i>Trójca/ Dreifaltigkeit</i>
(1000) <i>twórca/ Schöpfer</i> –	(368) <i>Stwórca/ (265) Stworzyciel/ Schöpfer</i>
(885) <i>wierzyciel/ Gläubiger</i> –	(995) wierzący/ Gläubige
(54) <i>zbawca/ Erlöser</i> (30) <i>wybawca/ Retter</i> –	(276) <i>Zbawiciel/ Heiland, Erlöser</i>
(624) <i>boski/ göttlich</i> –	(360) boży/ (1000) Boży/ Gottes-
(1000) <i>niebieski/ blau</i> –	(92) <i>niebiański/ himmlisch</i>
(17) <i>sakramencki/ verflucht</i> –	(34) sakramentalny/ sakramental
(926) <i>wieczny/ ewig</i> –	(35) <i>wiekuisty/ ewig</i>
(1000) <i>pożegnać (się)²⁵/ sich verabschieden</i> –	(15) <i>przeżegnać (się)/ (sich) bekreuzigen</i>
(31) <i>skrzyżować/ kreuzen</i> –	(62) ukrzyżować (się)/ kreuzigen

Niemieckie odpowiedniki, na których analizę nie ma tu miejsca, pokazują, że interesujące nas dystynkcje mogą nie być wcale wyrażane (por. *Licht, Schöpfer, Versuchung*), albo zamiast środków morfologicznych w grę mogą wchodzić dwie zupełnie różne jednostki leksykalne pozbawione wspólnego rdzenia (*Erzählung – Gleichnis, Verwandlung – Erklärung, himmlisch – blau*). Pary słowotwórcze w polskim są raczej przypadkowe, a derywaty pochodzą po prostu z różnych – starszych i nowszych – przekładów tekstów religijnych. W leksyce potocznej można znaleźć natomiast przykłady ocierające się o blasfemię, por. *sakramencki* jako wyraz negatywnej emocjonalnie postawy. Można jednak zaryzykować tezę, że mówiący starają się różnicować środki językowe stosownie do typu dyskursu także za pomocą słowotwórstwa.

8. Neologizmy słowotwórcze w sferze *sacrum*.

Systemy wierzeń są raczej zamknięte i nie stwarzają pilnych potrzeb nominatywnych. Istnieje jednak sfera zwana socjologią religii, gdzie mamy do czynienia ze zmiennymi zjawiskami. Istnieją ruchy religiopodobne, quasi- czy pseudoreligijne, rodzą się nowe światopoglądy, postawy itp. W tej dziedzinie społecznej obserwuje się też przyływ neologizmów, por. niem. złożenia *Hundehimmel/ psie niebo, Katzenhimmel/ kocie niebo* jako wyraz wiary w życie pozagrobowe zwierzęcych pupili (patrz hasło HIMMEL w SuP). Z okazji otwarcia wystawy Documenta w Kassel jej kuratorka C. Christov-Bakargiev przyznała się do *nachhumanistische Weltsticht* (por. wywiad z nią w „Süddeutsche Zeitung“, 31.5.12, s. 17), co się przejawia w równym traktowaniu wszystkich istot, wszystkiego co żyje (sztuka jest także dla psów; również zwierzęta tworzą sztukę, jak plaster miodu lub pajęczyna itp.). Człony ze znaczeniem temporalnym *nach-, post-* (pol. rodzime *po-*) okazują się tu niezwykle produktywne, por. *Postsäkularismus* J. Habermasa, *ponowoczesność* Z. Baumanna. Może to świadczyć o niemal apokaliptycznych nastrojach społecznych, o poczuciu zbliżania się do kresu historii.

Zjawiskiem socjologicznym w polskim Kościele jest ruch związany z kontrowersyjnym katolickim Radiem Maryja. Karierę zrobiło wyrażenie *moherowe berety* od *moher/ Mohair* jako metonimiczna nazwa słuchaczek tego radia. Obrosło ono w liczne derywaty, które trudno byłoby uznać za słownictwo religijne, ale jako parareligijne

²⁵ Pochodzenie czasownika *pożegnać (się)* w polszczyźnie jest ciekawym przyczynkiem kulturowym. Mamy tu do czynienia z niemieckim zapożyczeniem *segnen* ‘kreślić znak krzyża, błogosławić’, co oznacza, że ten chrześcijański gest towarzyszył zwyczajowemu pożegnaniu.

zasługuje na uwagę, szczególnie w ramach badania zjawiska sekularyzacji (patrz hasło MOHEROWE BERETY w SuP). Oto przykłady:

*moherowy, anarchomoher, moherek, moherka, moheroberet, moherstwo, moherówka/moherovka*²⁶
moherować, moherowanie, moherowany, moherowca, moheryzacja, moheryzm...

Tym ekspresywnym derywatom trudno wróżyć dłuższy żywot. Okazą się one zapewne efemerydami. Z drugiej strony problemem domagającym się opisu jest jak dotąd słabo dostrzegane zjawisko słototwórstwa interiekcji oraz partykuł. Powiela ono takie mechanizmy, jak derywacja syntaktyczna, por. pol. *Boże!*, *Jezu!*, złożenia, jak słow. *bohužia!*, cze. *bohužel*, i zestawienia, jak niem. *leider Gottes!* Dotychczas lokowane częściowo we frazeologii, powinny być one traktowane jako słototwórstwo. W ten sposób uzyskamy wgląd w zaniedbywany dotąd sektor słownictwa, a słowniki gniazdowe zyskają na kompletności.

LITERATURA

- Apresjan, Jurij D. 1974: *Leksičeskaja semantika*, Moskwa.
- Bańkowski, Andrzej 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1 –2, Warszawa.
- Boryś, Wiesław 2008: *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków.
- Burkhardt, Hanna 2012: »Periphere religiöse Lexik im Sprachvergleich«, w: A. Nagórko (red.): *Wortsemantik zwischen Säkularisierung und (Re)Sakralisierung öffentlicher Diskurse*, Hildesheim – Zürich – New York, s. 391-403.
- Dun. = *Słownik współczesnego języka polskiego*, Warszawa 1996.
- ISJP = *Inny słownik języka polskiego*, red. M. Bańko, Warszawa 2000.
- Jadacka, Hanna 1995: *Rzeczownik polski jako baza derywacyjna*, Warszawa.
- KSSJ = *Kratký slovník slovenského jazyka*, Bratislava 2003.
- Kuße, Holger 2012: »Im säkularen Saeculum. Sakral-metaphorische Antworten von Karel Farský und Paul Tillich bis Benedikt XVI.«, w: A. Nagórko (red.), *Die Wortsemantik zwischen Säkularisierung und (Re)Sakralisierung öffentlicher Diskurse*, Hildesheim – Zürich – New York, s. 129-165.
- Machek, Václav 1997: *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha.
- Nagórko, Alicja, Marek Łaziński, Hanna Burkhardt, *Dystynktywny słownik synonimów*, Kraków 2004.
- Nagórko, Alicja 2010: »Procesy słototwórcze a sekularyzacja«, w: N.F. Klimenko, E.A. Karpjovska (red.), *Vidobražennja istoriji ta kultury narodu v slovotvorenni*, Kyjiv, s. 181-191.
- Nagórko, Alicja 2012: »Od antychryst do zbawić – sakralne i świeckie w leksyce«, w: D. Zdunkiewicz-Jedynak (red.), *Słowa i ich opis. Na drogach współczesnej leksykologii*, Warszawa 2012, s. 183-195.

²⁶ Nazwa alkoholu, utworzona na wzór cze. *becherovka*.

- Przygudzka, Magdalena 2007: »Gniazda słowotwórcze leksemów dotyczących kultu religijnego«, w: *LingVaria*, Rok II, nr 2 (4), s. 229-244.
- PSWP = *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*, red. H. Zgólkowa, Poznań, 1994-2005.
- SGS. 1 = *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t. 1 gniazda odprzymiotnikowe, Teresa Vogelgesang; Kraków 2001.
- SGS. 2 = *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t. 2, gniazda odrzeczownikowe, Hanna Jadacka i zespół, Kraków 2001.
- SGS. 3 = *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego*, t.3, gniazda odczasownikowe, część I A – O, część II P - Ż., M. Skarżyński i zespół, Kraków 2004.
- SSJČ = *Stručný slovník jazyka českého*, Praha 1989.

Alicja Nagórko

DAS WORTBILDUNGSPOTENZIAL DER SAKRONYME
(Polnisch, Slowakisch, Tschechisch und Deutsch)

Resümee

Als sprachliches Indiz für die zentrale Position eines Lexems im religiösen Diskurs wird seine Verankerung im gesamten lexikalischen System angesehen, u.a. auch seine wortbildende Aktivität. Religiöse Keywords stellen eine Ausgangsbasis für ganze Ketten von Derivaten und Komposita dar, was sie von peripheren Wörtern unterscheidet. Als besonders produktiv erweisen sich solche prototypischen Sakronyme wie *beichten*, *Engel*, *Evangelium*, *glauben*, *Gott*, *heilig*, *Himmel*, *Kreuz*, *Sünde*, *taufen*. Zugleich tragen die von ihnen abgeleiteten Derivate zur Säkularisierung (Profanisierung) der Bedeutung bei: somit tangiert die Wortbildung die für die Forschung aktuelle Fragestellung der sprachlichen Säkularisierung (mit diesem Phänomen beschäftigt sich seit Oktober 2009 eine Forschergruppe an der Humboldt-Universität zu Berlin).

Im Beitrag werden einige ausgewählte religiöse Keywords untersucht, aus deren Vernetzung im Rahmen eines Wortbildungsnestes Rückschlüsse im Hinblick auf konzeptuelle Zusammenhänge gezogen werden können. So sind z. B. in den westslawischen Sprachen Äquivalente der Wörter 'Taufe' – 'Pate' – 'Christ' auch morphologisch und genetisch miteinander verbunden. Die Ausgangsbasis für die hier vorgenommene Analyse stellen Wortbildungswörterbücher des Polnischen dar, die mittlerweile für den kompletten Wortschatz – nach Derivationsnestern geteilt – zur Verfügung stehen. Es wurden folgende Probleme hinterfragt: a) die Darstellung einiger Lemmata als simple Ausgangswörter, vor allem die strittige Motivationsrichtung (Verb → abstraktes Substantiv oder umgekehrt? – vgl. inkonsequente Entscheidungen *Taufe* → *taufen*, aber *beichten* → *Beichte*), b) die Polysemiefrage, da diese unkritisch aus älteren Lexika übernommen wurde (siehe poln. *duś* 'Seele'), c) die Relevanz der genetischen Abstammung eines Wortes für seine synchrone Motiviertheit (vgl. *geißeln*).

Selbstverständlich ist die Religiosität keine linguistische Kategorie. Auch in der Wortbildung stehen keine Sondermittel zur Verfügung. Man kann dennoch Paare von Derivaten finden, die sich voneinander nach dem Merkmal 'sakral' – 'weltlich' unterscheiden. Interessant wäre es ebenfalls, den Bedarf an Neologismen zu untersuchen, der wenigstens im Bereich der Religionssoziologie besteht (vgl. poln. *moherowe berety*).

ГАЛИНА ПАРФЕНЬЕВНА НЕЩИМЕНКО*
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН, МОСКВА, РОССИЯ

ФЕНОМЕН «ПЕРЕСКОКА» ДЕРИВАЦИОННОЙ ФАЗЫ В РЯДУ ПРОЯВЛЕНИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье предлагается новая интерпретация ряда актуальных деривационных проблем, рассматриваемых через призму сопоставительного изучения славянского словообразования. Процессы, находящиеся в поле зрения данного исследования, развертываются в синхронной и диахронной плоскости, они имеют большое значение для динамического развития славянского словообразования в целом. В существующей лингвистической литературе рассмотрению этой проблематики уделяется незаслуженно мало внимания, невзирая на ее реальную значимость для решения теоретических и практических задач современной дериватологии. Что касается явления, называемого нами феноменом «перескока» деривационной фазы, то его рассмотрение осуществляется в контексте более общей проблемы переосмысления словообразовательной интерпретации деривационных структур (с учетом новых словопроизводственных взаимосвязей и ассоциаций). Сказанное позволяет не только увидеть языковую материю в новом, иногда неожиданном ракурсе, но и предугадать возможный ход развития динамических процессов и тенденций в близкородственных языках. Естественным результатом углубленного изучения этого ценнейшего лингвистического материала может стать изменение стереотипного подхода к членению деривационного ландшафта, ревитализация некоторых ослабевающих языковых закономерностей, а также формирование закономерностей новых, оказывающих корректирующее действие на онтологические параметры и характер функционирования словообразовательной системы в целом. В работе по-новому интерпретируется проблематика языковой типологии.

Ключевые слова: словообразовательная категория, деривационная цепочка, деривационная фаза, словообразовательная система, продуктивность, конкуренция, сопоставительный анализ.

1.0. Вместо предисловия. Данное исследование с самого начала задумывалось как *сопоставительное*. При этом нашей основной задачей было сравнить, как решаются идентичные деривационные проблемы на материале родственных славянских языков. Занимаясь на протяжении многих лет сопоставительным системно-функциональным изучением славянских языков, мы имели не единожды

---

* e-mail: the123@mail.ru

возможность убедиться в том, что данный жанр исследований не только исключительно *результативный*, но и весьма *трудоемкий*. При этом нужная информация не только тяжело добывается, но и сосредоточивается в разных языковых пластах: внешнем, *поверхностном*, доступном для прямого наблюдения, и внутреннем, *глубинном*, спрятанном за «семью печатями». Причем, нередко случается так, что, невзирая на все затраченные усилия, исследователь, в конце концов, вновь оказывается перед «верхушкой айсберга», поскольку наиболее важная, а, главное, наиболее достоверная и ценная информация находится на *глубинном* уровне системы. Поэтому для того, чтобы ее получить, нужно отодвинуть верхний слой языковой материи, отвлечься от проявлений формального сходства и частных характеристик и сосредоточить свое внимание на *глубинных* системно-функциональных закономерностях. Именно они в конечном итоге и составляют основу сопоставительного изучения близкородственных языков.

Важным преимуществом этого метода является его *универсальность*: он может успешно применяться при изучении *синхронных* межъязыковых взаимосвязей, *синхронной динамики*, а также *синхронно-диахронных* параллелей.

При сопоставительном анализе близкородственных языков исследователь имеет уникальную возможность не только наблюдать формирование *конвергентных* процессов с *однаправленным* вектором изменения языковой материи, но и их последующее развитие. Важно также подчеркнуть, что, как показывают проводимые исследования, зона конвергентного действия этих процессов имеет тенденцию к расширению. Сказанное, однако, не означает, что данные процессы развиваются в сопоставляемых языках с *одинаковой* скоростью и что, соответственно, их эволюционные фазы будут полностью синхронизированы друг с другом. Если бы это было именно так, наблюдаемая картина стала бы удручающе однообразной.

В действительности, как показывает практика, даже идентичные конвергентные процессы чаще всего протекают (по разным причинам) *асинхронно*, т.е. со *смещением* во времени. Соответственно и их эволюционные фазы в сопоставляемых языках зачастую оказываются хронологически «разведенными». Отсюда невольно напрашивается вывод о том, что в одном и том же *синхронном* пространстве близкородственных языков хронологически совмещенными оказываются *разные* фазы языковой динамики, т.е. наблюдается *диахрония* в *синхронии* [Нецименко 1983].

Факты подобной хронологической «нестыковки» наблюдаемых процессов некоторыми исследователями *ошибочно* воспринимаются как проявление *типологических отличий* близкородственных языков. В качестве примера можно было бы привести случаи намеренного кодификационного сдерживания словопроизводства парных феминативов в польском литературном языке XX в. [подробнее: Нецименко 2011 in print и др.]. **Что касается современного функционирования модификационной лексики в славянских языках, то очевидным является постепенное повышение фреквенции и расширения словопроизводственной базы как деминутивных существительных, так и парных феминативов. Это особенно заметно в узусе современной медиальной сферы, в эволюции ее**

вербального стандарта. О масштабах этих процессов и их специфике мы не писали в наших работах [см., в частности, Нещименко 2001 и т.д.].

Впрочем, оставаясь в рамках лишь *синхронного внутриязыкового* подхода, наверное, трудно установить истинную *направленность* языковой динамики, «нащупать» потенциальное движение языковой материи, ее «проблемные зоны». Для этого желательно было бы расширить границы научного поиска, включив в него, в частности, *межязыковые сопоставительные* исследования, а также *синхронное и диахронное соположение* форм существования этнического языка, входящих в состав его широко понимаемого социолингвистического контекста¹. Данные идиомы, помимо присущего им социолингвистического статуса, онтологических и функциональных параметров, различаются *скоростью* динамики изменения речевого узуса. Особое место в этом ряду занимает феномен *детской речи*². Как известно, дети обладают развитым языковым чутьем, обостренным ощущением языковой системности и аналогии, поэтому в их узусе нередко встречаются слова и словоформы, хотя и не получившие кодификационного «благословения», но имеющие, тем не менее, по словам чешского ученого М. Докулила, перспективную глубину.

Проведение подобного комплексного исследования позволит выявить истинный *диапазон возможностей* языковой системы, ее реальный функциональный потенциал. На наш взгляд, было бы ошибкой ориентироваться в этом случае лишь на *регулируемый* кодификацией речевой узус. Это могло бы привести к типологически ошибочным выводам, обеднить реальную картину языковой системы, ее внутренних резервных возможностей. В этой связи мы бы хотели обратить особое внимание на так называемые «спящие точки» языковой системы. Под этим понятием мы имеем в виду скрытые, еще не «активизированные», ее потенциальные возможности, которые, временно находясь в резерве, несут в себе информацию о возможных путях потенциального развития системы как таковой.

Активизация подобных «спящих точек» может происходить, например, при смягчении кодификационных ограничений, изменении характера действующего вербального стандарта, пересмотре норм речевого этикета и пр. Именно это происходит сейчас в узусе публичной коммуникации, когда усиливается вторжение разговорной стихии при сниженном уровне современной речевой культуры. В создавшейся ситуации диагностирование и активизация подобных, до поры до времени, «спящих» точек, должно стать неотъемлемой составной частью не только

¹ Думается, что большие перспективы в этом отношении открываются перед сербскими коллегами, тем более, что уже имеется важный задел в виде монографий проф. Б. Чорича [1982; 2008]

² Интересный деривационный материал приводится в словаре С.Н. Цейтлин [Цейтлин 2001]. Так, в нем представлены парные феминативы, образованные как по непродуктивным деривационным схемам, так и по схемам продуктивным, но имеющим не заполненные феминные «лакуны»; ср.: *биолог – биолога; брат – брата* (то же, что и *сестра*); *друг – друга, дружица; дурак – дурака; монах – монаха; сосед – соседи* либо *бояк – боячка; герой – героиня, героиница; джентельмен – джентельменка; доктор – докторка, докторица; инженер – инженерка; капитан – капитанка; командир – командирка; поп ‘священник’ – попка* и т.д. Ср. также случаи обратной деривации типа *девочка – дев; злюка – злюк*. Факты повышенной валентности иллюстрируют варьирующиеся обозначения; ср. *продавец – продавица, продавница, продавчиха; герой – героиня, героиница; друг – друга, дружица, дружица*.

научных исследований, но и языковой политики, в том числе и лингвистического прогнозирования.

Очень показательна в этом отношении деривационная активизация, наблюдаемая сейчас в современном медиальном узусе. Мы имеем, в частности, в виду широкий приток феминативов с суфф. *-и(a)*, зафиксированных в нашей электронной картотеке; ср.: *авторша, акционерша, ассистентша; банкирша, бизнесменша, боксерша, билетерша; гидша, гримерша, гомеопатша; дикторша, депутатша, диджейша, диск-жокейша, диспетчерша, дизайнерша, диктаторша; интервьюерша, инспекторша; канцлерша, комментаторша, кассирша, корреспондентша, комендантша, киллерша; лейтенантша; маклерша, музыкантша, музыковедша, могоканиша, модельерша, меценатша, мистификаторша; наркокурьерша; организаторша, операторша, оппонентша; профессорша, парикмахерша, почтальонша, предпринимательша, плантаторша, президентша, продюсерша, партнерша; режиссерша, реквизиторша, рэперша, рэкетирша, редакторша; секретарша, сенаторша, спринтерша, следовательша, снайперша; фараонша, фермерша*. В медиальном узусе данная лексика довольно широко используется, причем она активно адаптируется в новых условиях функционирования, постепенно нейтрализуя свою изначальную стилистическую маркированность. Ср., к примеру, неологизм *канцлерша Меркель*. НТВ, Новости, речь корреспондента, 2006 г.³ Заметим, что у большого количества зафиксированных феминативов с суфф. *-и(a)* (70% обозначений, т.е. 40 из 57) отсутствуют соответствия среди дериватов с конкурирующим суфф. *-к(a)* (в перечне они подчеркнуты). Таким образом, феминные производные с суфф. *-и(a)* постепенно отвоевывают себе доминирующее положение в словообразовательной категории «существительные ж.р. со значением лица» в медиальном узусе⁴. Случаи подобной конкуренции, на наш взгляд, не удивительны, так как в настоящее время в сфере публичного узуса вступают в активное столкновение две единоборствующие стихии: разговорный и литературный узус. Суффикс *-и(a)* уходит своими корнями именно в разговорную стихию. Мало того, данный формант удобен в комбинаторном отношении, его присоединение не сопровождается сложными морфонологическими чередованиями. Впрочем, данный вопрос находится за рамками настоящей статьи. Подчеркнем, что ныне медиальный узус не только получил официальный статус СМИ, он является и нормообразующей основой современного литературного языка. Подобное признание статуса речевого стандарта публичной коммуникации способствует притоку в него включений из разговорного узуса, расширяет возможности вариативности и конкуренции при образовании новых слов, смягчает категоричность кодификационных предпи-

³ В чешском Интернете свободно употребляется как *kancléřka Merkel*, так и образованное от *kancléřka* притяжательное прилагательное; ср.: *Kancléřčina strana se až doposud bránila nominaci dvaasedmdesátiletého pastora* Aktuálně.cz 2012.

⁴ В этом отношении симптоматичными являются случаи, когда активные пользователи русского языка, например, журналисты, ведущие передачи на радио и телевидении, испытывают замешательство, не зная, чему отдать предпочтение: феминативу *бизнесменка* или *бизнесменша*, *диск-жокейка* или *диск-жокейша* (радиостанция Эхо Москвы, 2006 и 2007). Причем, в большинстве случаев в сильной позиции оказывается дериват с суфф. *-и(a)*.

саний, облегчает поиск новых номинационных решений. Сказанное, впрочем, имеет и негативные стороны, особенно если учесть общее снижение уровня современной речевой культуры.

1.1. Как мы полагаем, корректное применение методики сопоставительного системно-функционального изучения близкородственных языков позволит внести уточнения в сложившееся представление о тенденциях и закономерностях славянского словообразования, его прогностических перспективах. Хотелось бы, однако, предостеречь исследователей от поспешных и, возможно, спорных типологических обобщений и выводов, особенно глобального масштаба.

Славянское словообразование представляет собой четко организованную, гармонично функционирующую динамичную систему. Знание ее закономерностей позволяет принимать адекватные вербальные решения, подтверждаемые большим языковым материалом. В этом отношении чрезвычайно важно, чтобы *синхронное монографическое* описание деривационной топологии *отдельно* взятого языка основывалось на его *детализированной* словообразовательной характеристике, включающей дистрибуцию формантов, строение производящих основ, механизм морфонологической адаптации и комбинаторики и т.д., т.е. всего того информационного комплекса, который важен для выработки алгоритма *порождения* слов. Предпосылкой успешного осуществления этого вида анализа должна стать тщательная предварительная обработка языкового материала, проводимая на основе единой «рабочей» программы, единого понятийно-терминологического аппарата, единой методики и, по возможности, *гомогенного* корпуса языковых фактов [Нещименко 1983]. Данная проблематика нами рассматривалась в ряде работ [ср., в частности, Нещименко 1968; Нещименко 1980; Нещименко 1983; Нещименко 1987; Нещименко, Гайдукова 1994; Neščimenko 2010; Nieszczymento 2010a; Нещименко 2011 и т.д.].

Славянские языки располагают огромным богатством – неисчерпаемыми деривационными ресурсами. Нужно лишь бережно и рачительно ими воспользоваться.

1.2. В целом, как показывает анализ материала, близкородственные языки характеризуются *конвергентностью* развертывания *идентичных* процессов [Neščimenková 2004]. Это обусловлено сходством их системных предпосылок, экстралингвистических импульсов, выполняющих роль своеобразного катализатора языковых процессов, действием универсальных языковых тенденций (например, тенденции языковой экономии). Сказанное отнюдь не говорит об однообразии наблюдаемой языковой картины: сходные или даже полностью идентичные словообразовательные процессы в близкородственных языках обычно протекают с *различной* скоростью, как уже говорилось выше [см.: Нещименко 1983]. По этой причине на одном и том же временном отрезке мы наблюдаем *разные* фазы развертывания одних и тех же языковых процессов, т.е. мы можем фиксировать совмещенную в *синхронном* пространстве *диахронию*.

В подобной ситуации, с одной стороны, возникают благоприятные условия для лингвистического прогнозирования, так как, базируясь на данных одного языка, мы как бы можем «предугадать» потенциальную направленность того

же процесса в языке родственном, однако, с другой стороны, это может быть чревато опасностью *поспешных* типологических обобщений. Так, в частности, запаздывание в скорости развертывания фаз одного и того же процесса может быть ошибочно воспринято как *типологическая* особенность того или иного языка. Именно эту ошибку, как мы полагаем, допускали и допускают некоторые польские исследователи при определении перспектив феминного словопроизводства в польском литературном языке. Так, они считают, что специфика типологических параметров польского языка исключает возможность образования парных феминативов, особенно от статусных обозначений⁵.

Различия, выявляемые при сопоставлении близкородственных языков, далеко не всегда свидетельствуют о *дивергентности* развития этих языков. Причину возникающих дифференций, видимо, следует искать именно в *несовпадении* темпа развертывания фаз одного и того же процесса в рамках общей *конвергентной* эволюции. Мало того, по нашим наблюдениям, проявления конвергентности развития славянских языков все более *усиливаются*. И для этого есть свои причины, на которых мы не имеем возможности здесь подробно останавливаться. Справедливость сказанного подтверждает также материал, приведенный Т. Смукловой и ее коллегами [Nowe słownictwo polskie...], включающий большое количество феминативов, которые стали появляться свободно и беспрепятственно, вопреки прежним запретам, а также декларированным нормам польского речевого этикета.

2.0. Феномен “перескока” деривационной фазы и его значимость в практике деривационного анализа и описания. Данное явление в имеющейся научной литературе по словообразованию практически не рассматривается. Между тем, есть все основания утверждать, что речь идет о чрезвычайно интересном и важном явлении, изучение которого позволяет увидеть словообразовательную систему в движении, причем как в синхронном, так и диахронном.

Для славянских языков эта тема особенно значима, поскольку традиционно считается, что словообразование в этих языках отличается прозрачностью и четкой структурированностью, активным использованием продуктивных деривационных средств, высокой частотностью употребления соответствующих производных в тексте и т.п. Правомерность сказанного вряд ли может быть подвергнута сомнению. И, тем не менее, существует большой пласт лексики, словообразовательная интерпретация которого допускает варьирование, альтернативное членение деривационной структуры, невзирая на абсолютно корректное соблюдение правил словообразовательной сегментации. Речь идет о случаях, определяемых как «омонимия словообразовательной формы», или же «альтернативный словообразовательный анализ». Свое видение этой проблемы первым изложил Г.О. Винокур [Винокур 1946], впоследствии по этому же поводу высказался М.

---

⁵ Сошлемся на нашу статью “Парные феминативы в контексте типологической характеристики русского, чешского, польского языков” (статья находится в печати, она написана на основе доклада, произнесенного на международном научном семинаре “Актуальные проблемы славянского языкознания”, проводившемся Институтом польской филологии и прикладной лингвистики Естественно-Гуманитарного университета в г. Седльце 19-21.09.2011).

Докулил, подчеркнувший, что в главном он разделяет точку зрения Г.О. Винокура [Dokulil 1962: 124].

В своей статье [Нещименко 1970⁶] я затрагиваю эту проблематику, однако рассматриваю ее в несколько другом ракурсе, а именно через призму варьирования структуры производного слова, его альтернативного членения, типологии словообразовательных цепочек. Аpellирование к феномену, называемому нами «перескоком» деривационной фазы, помогает понять внутреннюю архитектуру словообразовательной системы, ее движение как в синхронии, так и диахронии. Но, пожалуй, больше всего нас заинтересовала открывающаяся возможность альтернативного членения слова и варьирования его структуры.

Схематически последовательность деривационных преобразований в славянских языках можно представить в виде цепочек, включающих, наряду с фазой **О** (исходная производящая основа), некоторое множество деривационных фаз (оцифрованный символ **Д**), с другой; ср.: **О** > **Д**₁ > **Д**₂ > ... **Д**_n. Под деривационной фазой мы имеем в виду функциональное звено линейного ряда, ассоциирующееся с **категориальным** словообразовательным значением, т.е. с определенной словообразовательной категорией. Соответственно, выход за пределы фазы цепочки связан с переходом в иную фазу, манифестированную иной словообразовательной категорией. По мере продвижения по цепочке вправо, вероятность **альтернативного** членения деривационной структуры производного слова нарастает. Поскольку альтернативное членение деривационной структуры особенно часто встречается у деминутивов и феминативов, в качестве иллюстративного материала в данной работе будет привлекаться именно эта лексика.

Исследуемые нами словообразовательные категории в своем большинстве реализуются в виде **однофазных** деривационных цепочек. Это значит, что каждый последующий шаг в развертывании линейного ряда знаменует собой появление **нового** словообразовательного значения, т.е. **новой фазы**; ср.: *учить* > *учитель* > *учительница*; *глупый* > *глупец* > *глупышка*; *бодрый* > *бодрость* и т.п. В рамках словообразовательной категории чаще всего объединяются **однотипные** линейные сегменты; ср.: *учить* > *учитель*, *читать* > *читатель*; *носить* > *носильщик*; *голосовать* > *голосовальщик* (*Nomina agentis*); *глупый* > *глупость* (*Nomina abstracta*); *глупый* > *глупец*; *бодрый* > *бодряк* (*Nomina Atributiva*) и пр.

Совокупность однородных линейных сегментов, скрепленных тождеством форманта, манифестирует собой словообразовательный тип. В соответствии с этим совокупность деривационных фаз, характерных для той или иной лексемы, являющейся начальной точкой линейного ряда, охватывает допустимые для нее словообразовательные трансформации (словообразовательная парадигма), где численность фаз зависит от структурно-семантических свойств исходной лексемы, а также от наличного инвентаря словообразовательных формантов.

⁶ Признаю, что проблема варьирования словообразовательного членения слова заинтересовала меня случайно и гораздо раньше, когда я работала над кандидатской диссертацией. Так, случилось, что я по рассеянности дважды провела деривационную сегментацию одного и того же лексического пласта (причем, абсолютно педантично и корректно, соблюдая методику анализа). К моему великому изумлению, оказалось, что в обоих случаях я получила абсолютно разные результаты.

Линейное развертывание деривационных цепочек и связанная с этим взаимовыводимость фаз не исключает возможности *альтернативного* членения структуры производного слова, основывающегося на *одновременном* соотношении его с *несколькими* (обычно двумя) мотивирующими лексемами. В этой ситуации исследователь сам решает, какая мотивировка представляется ему предпочтительной. Так, *учительница* одновременно может соотноситься с *учить* и *учитель*; *обходчик* – с *обходить* и *обход* и т.д. Смена мотивирующей лексемы, как правило, влечет за собой изменение категориального словообразовательного значения, а также его деривационной интерпретации: при глагольной мотивировке *учительница*, *обходчик* квалифицируются как *Nomina agentis*, при субстантивной (*учитель*, *обход*) – соответственно как *Nomina mota* и *Nomina actoris*.

Как уже говорилось выше, для иллюстрации мы постараемся взять наиболее прозрачные деривационные последовательности, в которых структура производной лексемы не слишком затемнена и осложнена морфонологической адаптацией; ср.: *učít* > *učitel* > *učitelka*, где *učitel* манифестирует фазу “существительное м.р. со значением лица”; *učitelka* – фазу “существительное ж.р. со значением лица”. Если структура деривата *učitel* раскрывается через соотношение лишь с глаголом *učít*, то сущ. *učitelka* имеет двойственную мотивировку, оно соотносится как с *učitel* (суф. *-Øka*), так и с *učít* (сложный суффикс *-telka*). Мотивировка с использованием сложного суффикса *-telka* становится возможной при перескоке субстантивной фазы и установлении прямого соответствия с глагольной фазой. Несмотря на то, что, на первый взгляд, подобная интерпретация кажется малоубедительной, у нее есть свое обоснование: а) использование многофонемных аффиксов очень часто встречается в практике словопроизводства, особенно у модификационной лексики, данные форманты более выразительны семантически, их семантика менее склонна к нивелировке, они легче сочетаются с различными видами основ благодаря имеющимся вокальным наращением на базе консонантного аффикса: чеш. *-ár-na*, *-ov-na*, *-ír-na* (*Nomina loci*); рус. *-ов-ка*, *-ан-ка*, *-ич-ка*, *-ач-ка* (*Nomina mota*) и пр.; б) имеется большая группа *асимметричных* феминативов, у которых формант «сущ м.р. со значением лица» *-tel-* как бы «вплавлен» в структуру феминного деривата, хотя в реальности подобная лексема отсутствует, это некий фантом. Подобные асимметричные феминативы широко встречаются в текстах различного рода объявлений о приеме на работу; ср.: *přijme mechanika*, *letovačku*, *naviječku* (1976); *místo bufetářky v hotelu* (1979); *salátářka* (1987); *přijme: došivačky*, *repasírky*, *vychystávačku*, *sukařku* (1977); *přijmou na koupaliště a plovárny šatnářky*, *kabinářky* (1978); *Pak se film dostane do rukou fázařů*, *konturistek*, *koloristek* (1977); *Armabeton přijme cenaře*, *rozborářku*, *mistry lešení* (1982); *Marii Háblové postačí k určení druhu oceli sprška jisker*. *Jiskrářka*, *jak se této profesi říká* (1976) и под. Ср. также русск. *пятновыводчица* (2002). Дериватов с подобной структурой великое множество во всех славянских языках, их количество все время прирастает. В зависимости от конкретной ситуации фантомная производящая лексема со значением «существительное м.р. со значением лица» может ревитализоваться.

Несколько иная ситуация складывается у деминутивов. Здесь также имеются деривационные цепочки, состоящие из сходных фаз: $\mathbf{O} > \mathbf{D}_1 > \mathbf{D}_2 > \dots \mathbf{D}_n$, однако на практике в основном встречаются их укороченные фрагменты: $\mathbf{O} > \mathbf{D}_1 > \mathbf{D}_2$,

где **О** есть исходная производящая основа; **Д₁** символизирует так называемые первичные деминутивы; **Д₂** - вторичные дериваты, имеющие более выраженное оценочное значение. Первичные деминутивы имеют довольно высокую частотность употребления и в силу этого менее выразительное оценочное значение, поэтому они легче всего подвергаются нивелировке. По этой причине первичные деминутивы часто функционируют как лексические доноры, переходя в случае утраты или потускнения деминутивного значения в другие номинационные категории; и соответственно пополняя их лексический состав ср.: *hvězdice* в цепочке *hvězda* > *hvězdice* > *hvězdička*, где *hvězdice* означает: 1. *bás. hvězda na obloze*. 2. *předmět mající tvar n. podobu hvězdy*. 3. *mořský živočich* (все пометы и лексикографические расшифровки даются по Словарю литературного чешского языка (SSJČ). Единственным носителем оценочного значения является вторичный деминутив *hvězdička* с многофонемным формантом. Таким образом, здесь происходит выпадение фазы первичного деминутива, сопровождаемое смещением цепочки влево, в результате чего появляется многофонемный суффикс, о чем говорилось выше.

Деформация цепочки может осуществляться и путем утраты исходного звена цепочки «**О**». Ср.: [*kop* Gebauer] > *kopec*, *kopek* Gebauer, SSJČ > *kopeček* SSJČ; [*lem* Jungmann] > *límeč* Jungmann, SSJČ, *límek* Jungmann > *límeček* SSJČ.

2.1. Варьирование словопроизводственной мотивировки как импульс “перепрофилирования” словообразовательной категории. К производным «фазового» членения в какой-то мере примыкают и существительные, образованные по типу словообразовательной категории *Nomina agentis*, в которой, помимо собственно агентивных обозначений (с выраженной *глагольностью*), имеется блок дериватов (многие из них являются профессиональными обозначениями) с выраженной *субстантивной* мотивировкой, т.е. с глагольностью ослабленной или даже нивелированной; ср. подполе с выраженной глагольностью: *поливать* > *поливальщик*; *доносить* > *доноситель*; с другой стороны, подполе с варьированной глагольно-субстантивной мотивацией: *поливать* // *полив*, *поливка* > *поливщик*; *доносить* // *донос* > *доносчик*; *спасать* // *спасение* > *спасатель* и т.п. Наличие субстантивной мотивировки, особенно у профессиональных обозначений типа *поливщик* и пр., облегчает стягивание “профессионального” блока из *Nomina agentis* в состав более перспективной и мощной в номинационном отношении категории *Nomina actoris* (имеется лишь субстантивная мотивация). Таким образом, возникает очевидная несколько конфликтная ситуация *внутрикатегориального* раскола.

Впрочем, в моей картотеке эксцерпций встречаются и обозначения носителей профессий с отглагольной мотивировкой; ср.: Новая газета 2002, дневник коллекционера, авторская речь: *На огонек заглянули копачи. Они ходят с металлоискателями по полям, старым городищам. Это их профессия. С копачами ехать куда угодно интересно*; ср. ироничное *языкознатель* или же Новая газета, 2002, заметка, авторская речь: *водила* (об экскурсоводе. Новая газета 2002).

В результате происходящих подвижек постепенно формируется тенденция к “перепрофилированию” *Nomina agentis*. Судя по семантике новообразований, дан-

ная категория все больше пополняется экспрессивными (с выраженной глагольной мотивацией) обозначениями – это особенно характерно для перестроечного и постперестроечного (90-х годов) русского языка. В их числе широко представлены негативно окрашенные новообразования (многие из них появляются *Ad hoc*) с суффиксами, включающими препозиционные наращения; ср. русск. *покакатель, кропатель, ухаживатель, очернитель, выступатель, бумагомаратель, чистильщик, выступальщик, обещатель* (среди аферистов есть и другие категории *обещателей*. Новая газета, 2002), *отмывальщик* (Радиостанция “Эхо Москвы”, 2003, диалог, гость передачи, который по роду деятельности должен следить за отмыванием денег: *нужно выявлять отмывальщиков денег*), *разгласитель* (гостайны), *начинальщик недели* (журналист на радио, начинающий утреннюю передачу в начале недели – в данном случае отсутствует негативное значение) и пр. В связи с тем, что, как уже отмечалось, здесь преобладают обозначения с негативной окраской, журналистка, употребившая производное *выступальщик* в позитивном смысле, сомневается в его уместности; ср.: *Он стал очень хорошим выступальщиком. Не знаю, можно ли это сказать в позитивном смысле?* “Эхо Москвы” 2003.

Примечательно, что сходная тенденция образования лексем с негативной стилистикой отмечается и в современном чешском языке (информационные порталы чешского Интернета): *během předvolebního mítinku v Kolíně začali házet vajíčka a rajčata. iHNed.cz; řekl serveru jeden z vrhačů. www.zpravy.ihned.cz; Vrhači vajec zopakovali situaci z Kolína. www.aktualne.cz; 14. 05. 17:10;; Jeruzalém - Na závěr své týdenní návštěvy Blízkého východu papež Benedikt XVI. ještě jednou odsoudil holokaust a ty, kdo jej popírají, a vyzval k usmíření Izraelců a Palestinců; Papež odsoudil před Izraelci holokaust i jeho popírače. www.aktuálně.cz.; Je to sprostý lhář a slibovač nemožného. Ibid.; “Nebyl jsem ale sběračem stranických funkcí a nikdy jsem tuto ambici neměl,” obhajoval se na serveru Füle. Lidové noviny. 2009 и т.п.⁷*

Таким образом, в рамках синхронной динамики, буквально “на наших глазах”, происходит перестройка рельефа словообразовательной категории *Nomina agentis*, обусловленная появлением у манифестирующих ее дериватов специфической семантической специализации. Наблюдаемый “дрейф” блока профессиональных агентивных номинаций, его “втягивание” в состав более однородной в словопроизводственном отношении категории *Nomina actoris* весьма симптоматичен. Оценить, какую перспективу будут иметь эти динамические подвижки, окажется возможным лишь при увеличении временного диапазона наблюдений, получения новых лексических материалов.

Перестройка рельефа словообразовательной категории *Nomina agentis* происходит буквально “на наших глазах”, обусловленная появлением у нее новой специфической семантической специализации. Наблюдаемый “дрейф” блока профессиональных агентивных номинаций, его “втягивание” в состав более однородной и перспективной категории *Nomina actoris* весьма симптоматичен.

⁷ Примечательно, что в чешском языке в качестве “опорного”, т.е. исходного, суффикса чаще всего используется суффикс *-ač, -č*, в русском – это обычно *-тель, -щик*; ср. *slibovač* ‘обещатель’. В меню компьютера (чешская версия, Google) *překladač* соответствует переводному устройству на язык, в то время как *překladatel* ‘человек – переводчик’.

Оценить, какую перспективу будут иметь эти динамические подвижки, окажется возможным лишь при увеличении временного диапазона наблюдений, получения новых лексических материалов. В связи с распространившейся протестной модой botometač швырятель обуви в знак политического протеста

Vajíčkáři složili zbraně

Vajíčkovrhači . Lidové noviny. Blog 2009 и т.п.

3.0. Ниже будет кратко рассмотрена проблема *динамических* сдвигов в словообразовательной системе славянских языков. В лингвистической литературе данные явления либо не рассматриваются вовсе, либо изучаются фрагментарно. Из числа наших работ сошлемся на следующие публикации: [Нещименко 1968; Нещименко 1970; Нещименко 1972; Нещименко 1983; Нещименко 1980; Нещименко 1983; Нещименко, Гайдукова 1994].

В зависимости от выбранного ракурса рассмотрения в поле зрения исследователя попадают *разные* стадии развития процесса: при *диахронном* подходе более очевидны его конечные результаты; при *синхронном* – зарождение и формирование динамических импульсов, стимулирующих движение языковой материи. Динамические подвижки в словообразовательной системе можно наблюдать на разных ее уровнях – в данной статье речь пойдет, прежде всего, об уровне способа словообразования и словообразовательной категории.

3.1. Формирование нового способа образования оценочных прилагательных. Особый интерес для нас будет представлять формирование относительно нового способа образования прилагательных со значением ослабленного признака в чешском языке, в котором участвуют окаймляющие, префиксально-суффиксальные форманты. Использование данных морфем для образования прилагательных со значением ослабленного признака в славянском словообразовании – факт уникальный: подобные дериваты имеются лишь в чешском и словацком языках; в остальных славянских языках в указанной ситуации применяются лишь префиксальные или же суффиксальные морфемы.

Опорной базой для формирования префиксально-суффиксального способа образования прилагательных данной семантики стали адъективированные причастия со значением неполноты проявления признака. Это гибридная категория, сочетающая, наряду с некоторыми девербативными особенностями (например, остаточное значение процессуальности), черты, приобретенные ими по мере их адъективации. С течением времени словопроизводственная связь с глаголами со значением неполной степени проявления действия постепенно ослабела, поэтому образования типа *načernalý, nahluchlý* перестали соотноситься непосредственно с глаголами *načernat* ‘poněkud zčernat’, *nahluchnout* ‘ztratit částečně sluch’. Включение бывших причастий в русло адъективного словопроизводства повлекло за собой установление структурно-семантической связи с прилагательными типа *černý, hluchý*. Это позволило осмыслить значение ослабленного признака как самостоятельное словообразовательное значение, возникающее в результате структурного преобразования производящего прилагательного. Иными словами, исконная глагольная мотивировка была вытеснена адъективной, значение про-

цессуальности, результативности либо отошло на второй план, либо перестало ощущаться вообще, уступив место значению статичного признака (Нецименко 1972)⁸. Отметим, что тенденция адъективации принадлежит к числу весьма продуктивных в современном узусе.

В истории чешского литературного языка конкуренция префиксально-суффиксальных и префиксальных дериватов в данном фрагменте словообразовательной системы завершилась полным угасанием словообразовательной активности чисто префиксального способа словопроизводства. Так, уже к середине XIX в. деривационные возможности префиксов в этой словообразовательной категории оказались полностью исчерпанными, наметилось существенное сужение сферы употребления ранее образованных дериватов, ставших принадлежностью книжной, архаизованной речи – не случайно они были нами зафиксированы исключительно в авторской речи и практически не встретились в речи литературных персонажей того времени.

В период чешского возрождения, судя по словарю Й. Юнгманна, префиксально-суффиксальный способ образования прилагательных со значением ослабленного признака только переживал пору своего становления. В грамматиках конца XVIII – первой половины XIX в. префиксально-суффиксальное словообразование как самостоятельный способ словопроизводства прилагательных не указывается. В то же время относительно высокую численность имеют префиксальные дериваты со значением ослабленного признака – 230, зарегистрировано также 120 префиксально-суффиксальных производных. Красноречив и характер отсылочного аппарата, а также иллюстративного материала. Так, если префиксальные дериваты нередко сопровождаются отсылками к словарям XVI–XVII вв., иллюстрируются примерами, относящимися к тому же самому периоду, то у префиксально-суффиксальных образований подобные отсылки и примеры встречаются лишь в исключительных случаях – как правило, они иллюстрируются эксерпциями из современной Й. Юнгманну литературы, зачастую специального характера. Многие префиксально-суффиксальные производные, судя по имеющимся пометам, используются в узусе. Что касается словарей современного чешского языка, то они фиксируют значительное возрастание численности префиксально-суффиксальных дериватов (более 260), тогда как префиксальных дериватов насчитывается всего лишь около 35. Иными словами, речь идет об *обратной* динамике. Немногочисленные префиксальные образования, приводимые в словаре *Příruční slovník jazyka českého* (Praha 1937–1957), имеют **ограничительные пометы** (*nábělavý ‘trochu bělavý’; * *náčerný* ‘načernalý, černavý’; * *náčervený* ‘načervenálý’ и др.) (Нецименко 1968).

Таким образом, в современном чешском литературном языке в ходе прошедшей конкуренции префиксально-суффиксальные форманты стали наиболее продуктивными. Что касается суффиксального словопроизводства, то оно представлено единственным продуктивным словообразовательным типом с суф. -av-, имеющим четкую структурную и семантическую специализацию: практически

⁸ Примечательно, что в современном чешском узусе (Интернет) нами зафиксирован неологизм *nablílik* ‘придурок’.

все зарегистрированные производные являются цветовыми обозначениями; ср.: *bělavý, červenavý* и пр.

В русском литературном языке использование префиксации для образования данных прилагательных к середине XIX в. себя полностью изжило (ср.: *примрачный, прикосый, приярый* и пр.) [Земская 1964]. Репертуар словообразовательных формантов, используемых с этой целью в восточнославянских языках, довольно ограничен. Продуктивным является лишь суффиксальная деривация: в русском, прежде всего, *-оват- /-еват-* (*красноватый, синеватый*); в русском, украинском и белорусском используется суф. *-ав- /-яв-*: *моложавый, чернявый* (русс.); *бляд-навы, гаркавы* (белорус.); *білявий, чорнявий* (укр.).

В польском языке наибольшей продуктивностью отличается суффиксальное словопроизводство (доминирует суф. *-aw-*): *białawy, bladawy, błękitnawy*. В противоположность восточнославянским языкам в польском используется и префиксальное словопроизводство (ср.: *przygłupi, przysłony, przytwardy* и пр.), однако, на наш взгляд, здесь все же заметно постепенное уменьшение продуктивности данного способа словообразования, сопровождаемое снижением семантической рельефности лексем с *przy-*.

В южнославянских языках прилагательные со значением ослабленного признака образуются главным образом посредством префиксального и суффиксального способов словообразования; ср. (болг.) *-кав-* (*синкав, зеленикав, червеникав* и пр.). Продуктивным является и суф. *-оват- /-еват-*: *слабоват, глуповат, синеват* (суф. *-ав-* непродуктивен). Довольно широко используется префикс *въз-*: *възжълт, въззелен* и т.д. В сербском языке также преимущественно используются суффиксальный и префиксальный способы словообразования: суф. *-каст-, -икаст-, -ичаст-* (*модрикаст, плаветникаст, бѣличаст* и т.д.), суф. *-ав-* здесь непродуктивен. Активно употребляются и префиксы *на-, о-, по-, при-* (*наглух, најжут, ђкраџак, пђдобар* и под.). [См. Нецименко 1968].

3.2. Конкуренция как проявление языковой динамики. Предпосылкой для возникновения конкурентных отношений служит образование в некоторых точках языковой системы в рамках *одного и того же* синхронного среза очагов скопления *изофункциональных* языковых средств, которые, отличаясь по своему внешнему оформлению, *полностью идентичны* в семантическом и стилистическом отношении, т.е. могут свободно заменять друг друга в тексте без ущерба для заключенной в нем смысловой и стилистической информации. Иными словами, речь идет о таком виде *языковой асимметрии*, когда совмещенные во времени дублеты соотносятся с одним и тем же фрагментом плана содержания. С точки зрения языковой экономии сосуществование в одной и той же синхронной плоскости функционально не разграниченных дублетных обозначений – факт нежелательный, избыточный, поэтому логически предсказуемым завершением процесса конкуренции будет вытеснение из употребления либо разграничение сфер функционирования соответствующих дублетов. Для исследователя изучение локализации подобных феноменов крайне важно, поскольку со значительной степенью вероятности можно ожидать, что именно в этих точках зарождаются

импульсы эволюции языковой материи. Не менее существенно установить, каким образом и с помощью каких языковых средств снимается напряжение, возникающее в языковой системе.

Проявления конкуренции можно наблюдать на различных уровнях языковой системы, однако нас, прежде всего, будет интересовать конкуренция *словообразовательная*, когда у одних и тех же производящих основ синхронно пересекаются *изофункциональные* деривационные форманты. Данный факт с очевидностью говорит о том, что адекватное комбинаторное решение для этих точек системы до сих пор или не найдено, или же находится в стадии поиска.

Существование очагов конкуренции – явление кратковременное. Это состояние неустойчивого, т.е. подвижного равновесия, завершающееся либо вытеснением из употребления, либо переосмыслением одного из конкурентов. Вариантным решением этой ситуации является вытеснение конкурента на периферию системы [Нецименко 1999].

Изучение очагов аккумуляции изофункциональных языковых манифестаций позволяет диагностировать те звенья системы, в которых можно ожидать динамические подвижки. Их своевременная и тщательная локализация и, по возможности, эксплицитная интерпретация существенны для диагностирования направленности языкового развития, установления очагов динамической иррадиации.

При внутриязыковом синхронном и диахронном сопоставлении можно проследить все этапы конкуренции, начиная от их возникновения и вплоть до завершения. Причем если возникновение конкурентных отношений фиксируется в рамках *синхронного* сопоставления, то последующие этапы процесса доступны наблюдению лишь при *диахронном* внутриязыковом сопоставлении. Добавим к сказанному, что феномен конкуренции является одним из наиболее действенных критериев установления *системной* продуктивности формантов [Нецименко 1960]. Как показывает материал, конкурентные отношения регулируются действием правила *избыточности*, в соответствии с которым из состава репертуара формантов категории вытесняются аффиксы, структурные параметры которых совпадают с дистрибуцией более продуктивных аффиксов.

Анализ материала наглядно показывает, что на ранних этапах существования литературного языка, когда его норма еще не совсем устоялась, кодификация обычно не имеет строго регламентирующего характера, она допускает более широкий набор изофункциональных вариантов, т.е. применяется как бы метод “проб и ошибок”. Наглядной иллюстрацией этого служат словари чешского литературного языка эпохи национального Возрождения и, в частности, словарь Й. Юнгманна (*Slovník česko-německý. I-V. Praha 1835–1839*), который во многом носит рекомендательный, а не предписательный характер. В данном словаре, отражающем основные принципы предложенной Й. Юнгманом и его единомышленниками языковой программы, реестр варьирующихся обозначений с одним и тем же понятийным содержанием и деривационным значением особенно велик. Он включает заимствования (заимствоваться могут не только отдельные лексемы, но и словообразовательные форманты) из близкородственных языков, диалектов чешского языка, новообразования и т.п.

По мере укрепления литературной нормы происходит отбор возможных допущений за счет потеснения менее перспективных вариантов. Так, в чешском языке XIX, отчасти также XX в. феминативы от *Nomina agentis* на *-tel* могли образовываться путем присоединения конкурирующих суффиксов *-ka* и *-kyně*. И действительно в словаре Й. Юнгманна практически у каждого существительного на *-tel* приведены дублетные дериваты с суффиксами *-ka* и *-kyně* (*učitel – učitelka, učitelkyně* и пр.). В более поздних словарях дериваты с *-kyně* либо не приводятся вообще, либо помечаются как устаревшие. В современном чешском языке конкуренция этих формантов в данной структурной позиции практически полностью завершилась вытеснением дериватов с суф. *-kyně*: они либо полностью отсутствуют в словарях, либо сопровождаются ограничительными пометами.

Для изучения хода конкурентной борьбы необходим большой языковой материал. Так, при рассмотрении конкуренции суффиксов *-Øk(a) / -kyně(ě) / -yn(ě)* в литературном чешском языке нами было обследовано 160 случаев конкуренции феминативов, из них в 127 была зафиксирована сильная позиция *-Øk(a)*, в 10 – *-kyně(ě)* или же *-yn(ě)*; в 23 – исход борьбы остался неясен (Нещименко 1960). У суффиксов *-Øk-* и *-ik-* (*Nomina deminutiva* м.р.) было проанализировано 245 случаев конкуренции данных формантов, из которых в 122 более конкурентоспособным оказался суф. *-Øk-*; в 78, напротив, сильнее был *-ik-*, в 45 – процесс остался незавершенным и пр. (Нещименко 1980).

3.3. Проблема языковой конкуренции как одного из важнейших проявлений языковой экономии. Предпосылкой для возникновения конкуренции служит образование в некоторых точках языковой системы в рамках *одного и того же* синхронного среза более или менее множественных очагов скопления *изофункциональных* языковых средств. Уточним, что, говоря это, мы имеем в виду лишь такие изофункциональные обозначения, которые, отличаясь по своему внешнему оформлению, *полностью идентичны* в семантическом и стилистическом отношении, т.е. они могут свободно заменять друг друга в тексте без ущерба для заключенной в нем смысловой и стилистической информации. Иными словами, речь идет о *языковой асимметрии*, когда совмещенные во времени *дублеты* соотносятся с *одним и тем же* фрагментом плана содержания.

С точки зрения языковой экономии сосуществование в одной и той же синхронной плоскости функционально не разграниченных дублетных обозначений – факт нежелательный, избыточный, поэтому логически предсказуемым завершением процесса конкуренции будет вытеснение из употребления либо разграничение сфер функционирования соответствующих дублетов.

Для исследователя изучение подобных феноменов представляет большой интерес, поскольку со значительной степенью вероятности можно предполагать, что именно в этих точках рождаются импульсы эволюции языковой материи. В связи с этим чрезвычайно важно проследить, каким образом и с помощью каких языковых средств снимается напряжение, возникающее в языковой системе.

Проявления конкуренции можно наблюдать на различных уровнях языковой системы, однако нас, прежде всего, будет интересовать конкуренция *словообразовательная*, когда у одних и тех же производящих основ синхронно пересекаются

изофункциональные деривационные форманты. Данный факт с очевидностью говорит о том, что адекватное комбинаторное решение в этих точках системы до сих пор или не найдено⁹, или же находится в стадии поиска.

Наличие очагов конкуренции – явление кратковременное. Это состояние неустойчивого, т.е. подвижного равновесия, завершающееся либо вытеснением из употребления, либо переосмыслением одного из конкурентов. Вариантным решением этой ситуации является вытеснение конкурента на периферию системы [Нецименко 1999].

Изучение очагов аккумуляции изофункциональных языковых манифестаций позволяет диагностировать те звенья системы, в которых следует ожидать динамические подвижки, поэтому их своевременная и тщательная локализация и по возможности эксплицитная интерпретация чрезвычайно существенны для диагностирования направленности языкового развития, установления очагов динамической иррадиации.

При внутриязыковом синхронном и диахронном сопоставлении можно проследить все этапы конкуренции, начиная от их возникновения и вплоть до завершения. Причем если возникновение конкурентных отношений фиксируется в рамках *синхронного* сопоставления, то последующие этапы процесса доступны наблюдению лишь при *диахронном* внутриязыковом сопоставлении. Добавим к сказанному, что феномен конкуренции является одним из наиболее действенных критериев установления системной продуктивности формантов [Нецименко 1960].

Как показывает материал, конкурентные отношения регулируются действием правила *избыточности*, в соответствии с которым из состава репертуара формантов категории вытесняются аффиксы, структурные параметры которых совпадают с дистрибуцией более продуктивных аффиксов.

Анализ материала наглядно показывает, что на ранних этапах существования литературного языка, когда его норма еще не совсем устоялась, кодификация обычно не имеет строго регламентирующего характера, она допускает более широкий набор изофункциональных вариантов, т.е. применяется как бы метод “проб и ошибок”. Наглядной иллюстрацией этого служат словари чешского литературного языка эпохи национального Возрождения и, в частности, словарь Й. Юнгманна (*Slovník česko-německý. I-V. Praha 1835–1839*), который во многом носит рекомендательный, а не предписательный характер. В данном словаре, отражающем основные принципы предложенной Й. Юнгманом и его единомышленниками языковой программы, реестр варьирующихся обозначений с одним и тем же понятийным содержанием и деривационным значением особенно велик. Он включает заимствования (заимствоваться могут не только отдельные лексемы, но и словообразовательные форманты) из близкородственных языков, диалектов чешского языка, новообразования и пр.

---

⁹ Ср. Диалог двух журналистов: *диджейка* или *диджейша*. *Не знаю, как сказать*. Эхо Москвы, 2003 (подчеркнуто нами. – ГН). То же мы слышали в отношении *бизнесменка* и *бизнесменша*. В данном случае речь идет, несомненно, о новом очаге конкуренции, возникающем в современном русском литературном языке.

По мере укрепления литературной нормы происходит отбор возможных допущений за счет потеснения менее перспективных вариантов. Так, в чешском языке XIX, отчасти также XX в. феминативы от *Nomina agentis* на *-tel* могли образовываться путем присоединения конкурирующих суффиксов *-ka* и *-kyně*. И действительно в словаре Й. Юнгманна практически у каждого существительного на *-tel* приведены дублетные дериваты с суффиксами *-ka* и *-kyně* (*učitel – učitelka, učitelkyně* и пр.). В более поздних словарях дериваты с *-kyně* либо не приводятся вообще, либо помечаются как устаревшие. В современном чешском языке конкуренция этих формантов в данной структурной позиции практически полностью завершилась вытеснением дериватов с суф. *-kyně*: они либо полностью отсутствуют в словарях, либо сопровождаются ограничительными пометами.

Для изучения хода конкурентной борьбы необходим большой языковой материал. Так, при рассмотрении конкуренции суффиксов *-Øk(a) / -kyně(ě) / -yně(ě)* в литературном чешском языке нами было обследовано 160 случаев конкуренции феминативов, из них в 127 была зафиксирована сильная позиция *-Øk(a)*, в 10 – *-kyně(ě)* или же *-yně(ě)*; в 23 – исход борьбы остался неясен (Нещименко 1960). У суффиксов *-Øk-* и *-ik-* (*Nomina deminutiva* м.р.) было проанализировано 245 случаев конкуренции данных формантов, из которых в 122 более конкурентоспособным оказался суф. *-Øk-*; в 78, напротив, сильнее был *-ik-*, в 45 – процесс остался незавершенным и пр. (Нещименко 1980).

ЛИТЕРАТУРА

- Gebauer 1970 – *Gebauer J. Slovník staročeský*. 1-2. Praha, 1970
- Jungmann 1835-1839 – *Jungmann J. Slovník česko-německý*. I-V. Praha 1835–1839
- Винокур 1946 – *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. Москва, 1946
- Земская 1964 – *Земская Е.А.* История прилагательных, обозначающих степень признака в русском литературном языке нового времени. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. Москва, 1964
- Нещименко 1960 – *Нещименко Г.П.* Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. XIX. 240-269. Москва, 1960.
- Нещименко 1966 – *Нещименко Г.П.* Явление асимметрии у существительных женского рода со значением лица // Советское славяноведение, 1966, № 2. 31-40
- Нещименко 1968 – *Нещименко Г.П.* История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII – XX вв. (Прилагательное). Москва, 1968
- Нещименко 1970 – *Нещименко Г.П.* Деминутивные деривационные цепочки и их преобразование в чешском литературном языке // Вопросы языкознания, 1970, № 6 - 46-59

- Нецименко 1972 – *Нецименко Г.П.* О влиянии тенденции окачествления на словообразование прилагательных // Slovo a slovesnost, r. XXXIII. Praha, 1972. 204-208.
- Нецименко 1980 – *Нецименко Г.П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – XX вв.). Praha, 1980
- Нецименко 1983 – *Г.П. Нецименко.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования. // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. 30-51. Москва, 1983.
- Нецименко 1987 – *Нецименко Г.П.* О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянского словообразования (К проблеме “центр-периферия”) // Сопоставительное изучение славянского словообразования. Москва, 1987. 62-73.
- Нецименко 1994 – *Нецименко Г.П.* К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. Москва, 1994. 93-126 (совместно с Ю.Ю. Гайдуковой)
- Нецименко 1999 – *Нецименко Г.П.* Словообразовательная конкуренция как фактор динамики литературной нормы // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: Динамика литературно-языковой нормы. Москва, 1999
- Нецименко 2009 – *Нецименко Г.П.* Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития. // Язык. Сознание. Коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти А.Г. Широковой. Вып. 38. МГУ. 10-25. Москва, 2009.
- Нецименко 2010 – *Нецименко Г.П.* Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы // Новые явления в славянском словообразовании. Система и функционирование. МГУ. 116-135. Москва, 2010
- Нецименко 2010а – *Галина П. Нецименко.* Смена словообразовательной мотивации как импульс реструктуризации деривационного пространства. // Слово и словесность. Сборник в честь на Ю. Балтова. 264-270. София, 2010
- Нецименко 2011 – *Г.П. Нецименко.* О значимости сопоставительного изучения близкородственных языков. // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. 252-274. Москва, 2011.
- Цейтлин 2001 – *Цейтлин С.Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций. Мюнхен. 2001.
- Ђорџић 1982 – *Ђорџић Б.* Моциони суфикси у српскохрватском језику. Београд, 1982.
- Ђорџић 2008 – *Ђорџић Б.* Творба именица у српском језику. Београд, 2008.
- Dokulil 1962 – *Dokulil. M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování. Praha 1962*

- Neščimenko 2005 – Galina P. Neščimenko. K vývojovým tendencím v slovanské slovo tvorbě (se zvláštním zřetelem k češtině).255-264. Praha, 2005.
- Neščimenko 2010 – Galina Neščimenko. Význam srovnávacího výzkumu příbuzných jazyků při zjišťování a ověřování inovačních proměn dobové spisovné normy. // Užívání a prožívání jazyka. K 90. narozeninám Františka Daneše. 321-326. Praha, 2010
- Nieszczymento 2010 – Galina P. Nieszczymento. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы // Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych.. Siedlce 2010
- Nieszczymento 2011. In print – Galina P. Nieszczymento. Парные феминативы в контексте типологической характеристики русского, чешского, польского языков” (статья находится в печати, она написана на основе доклада, произнесенного на международном научном семинаре “Актуальные проблемы славянского языкознания”, проводившемся Институтом польской филологии и прикладной лингвистики Естественно-Гуманитарного университета в г. Седлце 19-21.09.2011).

Galina P. Neščimenko

THE PHENOMENON OF “SKIPPED” DERIVATIONAL PHASE IN THE WORD
FORMATION PROCESS IN SLAVIC LANGUAGES

Summary

The article is based on the system-confrontative methodology. The work will be based on a large language material – it is first of all the facts of Russian and Czech languages. The article provides the methodology of comparative systematical-functional exploration with using of communicative and interdisciplinary approach. Big emphasis will be applied to practical recommendations necessary for identification of trends in language dynamics.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКИТЕВИЧ*

ГРОДНЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Я.КУПАЛЫ, ГРОДНО, БЕЛАРУСЬ

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СОСТАВЕ ДИАЛЕКТНЫХ ПОДСИСТЕМ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В докладе рассматриваются в составе различных деривационных объединений (словообразовательные парадигмы, словообразовательные цепочки) производные слова белорусского языка, представляющие значения, не имеющие однословного выражения в русском языке. Анализ целого ряда единиц осуществляется в границах фрагментов словообразовательных гнезд синтезированного типа, в которых совмещены слова литературного языка и диалектные, что, по мнению автора, позволяет более точно оценить степень различий, существующих между такими близкими по родству языками, как русский и белорусский.

Ключевые слова: диалектное словообразование, словообразовательный тип, словообразовательная парадигма, словообразовательное значение, лексическое гнездо.

Проблематика нашей конференции связана с исследованием словообразовательных ресурсов в славянских языках. Другими словами, с тем, что может быть выражено на собственно словообразовательном уровне. При сопоставлении близких по родству языков всегда интересны значения, которые представлены словом в одном языке, но отсутствуют в другом. На одной из наших конференций И.Г.Милославский говорил о словах, претендующих на роль когнитивного прорыва, расширяющих деривационное пространство языка [1]. Однако кроме попыток создания новых слов (сравните проект “Дар слова”), небесполезно обратиться к деривационному потенциалу диалектной речи, в которой есть примеры словообразовательной конденсации весьма интересных значений, которые могут не иметь представления в виде слова в системе литературного языка.

Большая (чем в русском) степень близости белорусского литературного языка к собственно диалектной основе приводит к необходимости сопоставления производной диалектной лексики русского и белорусского языков (причем не с позиций лингвогеографии, но в целом, с целью сопоставления деривационных потенциалов двух систем). Следует сразу сказать, что есть ряд объективных

---

* e-mail: anikit@inbox.ru

трудностей для полноценного сопоставления диалектной лексики русского и белорусского языков. В частности, отсутствует сводный словарь белорусских говоров, что серьезно затрудняет процесс систематизации диалектного материала. В отличие от Национального корпуса русского языка, Белорусский национальный корпус менее известен специалистам и разработан в меньшей степени. Поэтому неудивительно, что работы, посвященные белорусской безэквивалентной лексике (отсутствующей в русском языке) в ряде случаев неверно определяют даже наличие/отсутствие тех или иных единиц в сопоставляемых близкородственных языковых системах. Так, в [2] приводится ряд однотипных примеров слов белорусского языка, не имеющих соответствующих эквивалентов в русском. Ср.:

Падвоканне ‘Место снаружи дома под окнами’. Да зборні пачалі збягацца хлапчукі, якія дасюль віліся на падвоканню ў Прыдатных (Ц.Гартны). Мы ўспомнілі песню адну, валачобную, і ўстала маленства на міг за акном. Цягнулі калісьці яе на падвоканню... (М.Лужанін). Усе, хто хацеў паглядзець і не ўмяціліся, на падвоканню стаялі (М.Лобан). В русском языке, как известно, слово подокозник обозначает совсем иную «точку пространства». В говорах подокознье ‘Подокозник’ [3, т.10, с.513]. Аналогично сравним белорусское падстолле ‘Пространство под потолком’. Здраўшы ў падстолле твар, Валока як-коледы справаваў расхістаць абломак, ля якога цадзіўся промень, штурхнуў яго ўгору і пацягнуў на сябе (В.Быкаў). В русском: подстолье ‘Часть стола (ножки и рама), на которую настилается крышка’ [3, т. 10, с. 624]. Однако непонятно, почему к безэквивалентным отнесено слово падмосце ‘Место под мостом’. Ср. в русском языке: подмостье 1. ‘Разг. Место, пространство, находящееся под мостом. 2. Обл. Место под полом или под крыльцом’ [3, т. 10, с. 468].

Как уже становится ясным, необходимость обращения и к говорам связана с тем обстоятельством, что в таких близких по родству языках, как русский и белорусский, весьма своеобразным может оказаться «распределение» «общих» лексем по таким сферам, как литературный язык и говоры, по их «включенности» в разные деривационные объединения (словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка, фрагменты словообразовательных гнезд).

Как известно, в лексикографической практике, в особенности при создании словообразовательных словарей, включение диалектных слов вполне возможно с целью более полного, системного отражения словообразовательных связей. Поэтому, на наш взгляд, при сопоставлении таких близких по степени родства языков, как русский и белорусский, может оказаться весьма продуктивной идея конструирования словообразовательных гнезд (их фрагментов) синтетического типа, в которые, наряду со словами литературного языка, могут включаться и диалектные слова. Тем более, что при достаточно разветвленном словообразовательном гнезде в литературном языке, родственные по корню диалектные слова могут представлять значения, семантические позиции, отсутствующие в виде производного слова в системе литературного языка.

К слову, очень интересным является вопрос о случайности / закономерности фиксации / нефиксации тех или иных диалектных слов в Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова. К примеру, можно предположить, что формально родствен-

ные единицы с совершенно иной (можно сказать, порой случайной) семантикой, естественно могут оставаться за пределами словообразовательного гнезда. Ср.: *застреха* ‘6. Конец, угол речной косы’. В [4, т.1, с.361]: *застрех* (*a*) – *подзастреиный* (оба слова отмечены в [3]), однако в говорах имеются также слова *подзастрех*, *подзастрешина*, и формально и семантически «вписывающиеся» в данное словообразовательное гнездо. Данные примеры позволяют задуматься над тем, есть ли какие-то основания, почему в словообразовательном гнезде отсутствуют некоторые диалектные слова, хотя единицы другие (и порой с подобным же статусом) включены в состав словообразовательного гнезда, наряду со словом литературного языка. Связано ли это со степенью семантической «близости», реально существующей между разными родственными словами? И всегда ли реально ее измерить? В любом случае возможно расширение поля исследования до гнезда лексического. Ср.: *застреха* ‘Нижний свисающий край крыши у избы, сарая и т.п. || Жердь или доска, поддерживающая свисающий край соломенной крыши’. С другой стороны, диалектные слова *стрех* ‘Желоб на нижнем краю крыши’, *стрѣх*. Стрѣх головы ‘Сотрясение головного мозга’, *стреха* 1. ‘То же, что стрех || Струи воды, текущие с крыши’. 2. ‘Межа в поле || Узкая полоса, идущая вдоль межи’, *стрѣхивать* 1. ‘Встряхивать что-л. 2. Стряхивать что-л. с чего-л.’. Не *стряхивай* мух, я их соберу, *стрѣхнуться* ‘Встряхнуться, взмахнуть крыльями (о птице)’, *стрехнуться* ‘Сойти с ума’, *стреховик* ‘То же, что 2. Стрех’, *стреховый* ‘Относящийся к крыше, кровле || Живущий под кровлей’ [5, т. 41, с. 333-334].

Таким образом, реальностью лексических и словообразовательных связей гнезда слов(*a*) *стрех(a)* является гораздо большее число единиц, далеко не исчерпывающееся приведенной в Словообразовательном словаре словообразовательной парой *застреха* – *подзастреиный*.

Среди приводимых ниже примеров, не имеющих однословных эквивалентов в русском языке, есть и слова, которые, по данным белорусской лексикографии, диалектными не являются, однако по семантике вполне естественно «вписываются» в систему языка говоров. Сравните:

Паднядзеліца ‘Одеться (в воскресенье) по-праздничному’. *Насця, што называецца, паднядзелілася, бровы падвяла, падпудрылася і ў завяршэнне ўсяго ўзлажыла капялюшык... (Я.Колас)*. *Парукаца, обл. ‘Поздороваться за руку’*. *Высокі і пляшывы, Сідар ступіў на сцежку з альхоўніку, парукаўся і сказаў: — А мы думалі, што на цябе даядзецца ехаць (Г.Чыгрынаў)*. *Прыганак, обл. ‘Ступеньки крыльця’*. *Да таго ж сіняя галінка пільнуе прыганак, як не гаворыць супрацоўнікам: «Заходзьце, заходзьце!» (М.Лужанін)*. *Рахаваца* ‘Сводит счёты, вести взаимный учёт обид, претензий и под.’*. *Пасёрбаў ён [Пархім] крыху лошынны ды пайшоў на вёску, дзе ужо збіраўся, рахаваўся баркаўчанскі маладзёж (Л.Калюга)*. — *Анішчык пайшоў поцэмкам да гэтага Горбача... — Ага... Рахаваца пайшоў... Ну добра. (Р.Мурашка)*. *Сцюдзёнка обл. ‘Студёная вода’*. *Мой дзед, нябожчык Даніла — хай яму пухам зямля, — бывала, папарыцца, абдасца сцюдзёнкай — і гатоў (Л.Левановіч)*. *Счубіцца ‘Сцепиться в драке, ссоре’*. *І сварка ў бойку перайшла — [старцы] счубіліся (Р.Барадулін)*. *Счубіліся Алежка з Іванкам не на жарт (У.Юрэвіч)*. *Тупкі ‘Утопанный ходьбой’*. *Туга зашморгваючы торбу, [Платон]*

першым рушыў тупкаю, у калючых каменьчыках сцезжаю за склад (В.Адамчык). Угрэў 'Прогреваемое солнцем место'. У ляхах на ўгрэвах снег глазіў борзда, і вызвалена з-пад снегу зямля радасна выглядала на свет (Я.Колас).

Есть несколько групп слов. Во-первых, те, которые родственны русским корням и представляют значение, не получившее в русском языке в рамках данного словообразовательного гнезда однословной единицы. Во-вторых, слова, «развивающие» известное белорусскому языку гнездо и интересные тем, что также представляют значение, отсутствующее в виде слова в русском (ср. *прыганак* ← *ганак* 'крыльцо').

Одним из возможных направлений исследования является оценка деривационного потенциала близких по родству языков, например, белорусского и русского, с учетом сопоставления словообразовательных типов и целого комплекса словообразовательных значений в диалектных словообразовательных подсистемах и литературных языках. В частности, вполне возможен сопоставительный анализ «минимума различий» в семантическом наполнении конкретных диалектных словообразовательных типов, всего комплекса несоответствий в составе тех или иных частных лексико-словообразовательных значений, связываемых с конкретными аффиксами.

Рассмотрим белорусское диалектное слово *аблунець* 'зробицца ненармальным' (І разумны чалавек *аблунець*, калі будуць на яго казаць, што ён ніякі) [6, т.1, с.36]. В белорусском литературном языке есть глагол *лунаць*, четвертое значение которого ('Знаходзіцца у стане ўзвышаных або далёкіх ад рэчаіснасці пачуццяў (перен.)') [6, т.3, с.62], безусловно, «пересекается» с семантикой рассматриваемого диалектного слова. В каком-то смысле диалектное слово является продолжением в развитии четвертого значения слова литературного языка. Но, самое существенное, что данное направление в развитии языковой формы (*луна* → *лунець* → *аблунець*; *луна* → *лунаць*) и, соответственно, семантики неизвестно русскому языку.

Как известно, нередкими являются случаи, когда известный литературному языку словообразовательный тип получает широкое распространение в языке говора. Ср., например: *давясёлкі* 'Народны звычай запрашаць пасля вяселля (праз тыдзень) блізкіх родных маладога ў дом да маладой', *дажынкi* 'Свята ў дзень заканчэння жніва', *дакопкі* 'Заканчэнне копки бульбы', *дакоскі* 'Заканчэнне касбы', *дамалоткі* 'Завяршэнне малацьбы', *дапраткі* 'Заканчэнне прадзення'; *зажынкi* '1) Пачатак жніва. 2) Свята ў дзень пачатку жніва', *закоскі* 'Пачатак касбы' [7, т.2, с.11 – 19; 219].

Интегрированное описание словообразовательных гнезд литературного белорусского языка и диалектов может оказаться достаточно продуктивным по причине отсутствия очевидных различий между рядом слов, лексикографией разделенных на литературные и областные. Сравните, например: *наваротка* 'Дорога, отходящая в сторону от основной магистрали'. *Перад... [Шрэдарам] была брукаваная наваротка і надпіс на слупе: «На Сумлічы...»* (К.Чорны). *Пагон* 'Дорога, по которой гонят скотину на пастбище'. *На поле рашыў ісці па слядах трактароў, пагонам* (Ц.Гартны). *Узбалоце обл. 'Край болота'. Бліжэй да станцыі, на узболатку, стаяў зялёны, засаджаны дзічкамі двор старога Язэпа,*

местачковага грамацея (І.Навуменка). Узрэчча ‘Место, расположенное вдоль реки’. — Ну, думаю, гэта тут. Паеду-такі я на ўзрэчча, на Самастаяну гару (Я.Сіпакоў). В данном случае особенности семантики слова сближают слово литературного языка с диалектными словами.

Значительная часть диалектной производной лексики, по всей видимости, должна рассматриваться в рамках не словообразовательного гнезда, но *гнезда лексического*, включающего в свой состав ряд словообразовательных гнезд, а также одиночные словообразовательные пары. К примеру, по данным Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова, словообразовательное гнездо слова *баба* I ‘Женщина’ насчитывает 41 слово, словообразовательное гнездо слова *баба* II ‘Тяжелый молот’ – 5 слов, слова *баба* III ‘Кулич’ – 1. Подавляющее большинство производных из первого словообразовательного гнезда хорошо известны: *бабенка, бабеночка, бабочка* I, *бабёшка, бабища, бабье, бабник, бабничать, бабий, бабин, бабушка, бабушкин, прабабушка, прабабушкин, прапрабабушка, прапрабабушкин, бабуся, бабусин, бабуля, бабулин, бабенька, бабенькин, бабонька, бабка* I, *бабкин, прабабка, прабабкин, прапрабабка, прапрабабкин, бабиться, избабиться, обабить, обабиться, баба-яга, бой-баба, жох-баба* [4, т.1, с.79]. Куда менее известны рядовому носителю литературного языка (а многие просто неизвестны) слова диалектные, в той или иной степени относящиеся к данному лексико-словообразовательному гнезду и характеризующиеся как своеобразием лексических значений, так и хитросплетением всевозможных лексических и словообразовательных мотиваций. Ср. необычные глаголы *бабничаться* ‘Нянчиться с детьми (о мужчине)’, *бабовать* ‘Вести себя как подобает бабе, замужней женщине’. *Коли баба, так бабуі.* Красы. Смол., 1914. [5, т.3, с.25].

Очень интересными по структуре представляются сложения *бабанежить* ‘Нежить, холить, баловать, ласкать (по отношению к женщине, балующей своего ребенка)’ и *бабанежиться* ‘Долго валяться в постели’. Любим. Яросл.[3, т.2, с.16]. Вместе с производным существительным *бабанеженка* они образуют фрагмент словообразовательного гнезда, неизвестный литературному языку.

В силу разных причин в белорусском языке словообразовательное гнездо слова *баба* представлено меньшим числом единиц (по данным [6, с.318 – 320] их всего 13): *баба, бабачка, бабін, бабіножніца, бабінец, бабіць, бабка, бабнік, бабскі, бабулін, бабулька*. Подавляющее большинство из них обозначают то же, что и в русском языке. Правда, любопытны, в этой связи, некоторые формы и значения, зафиксированные в белорусских говорах. Ср.: *бабіч* ‘3) Той, хто робіць жаночую работу. 4) Той, хто першы зайдзе ў хату, дзе нарадзілася дзіця’. *Як хто абрадзіўся і хто прыдзя першы, то таго дражняць бабічом.* Вецярэвічы Пух. [7, т.1, с.144].

Анализ значительных по объему деривационных фрагментов показывает, что диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка. Это, в частности, может выражаться в «расширении» словообразовательных парадигм и в организации дополнительных словообразовательных цепочек. И, что немаловажно, позволяет более объективно судить о различиях,

характеризующих сопоставляемые языки. Приведем один любопытный пример. В русском литературном языке, по данным [3], существует только три производных единицы от слова *клен*: *кленовый*, *кленок*, *кленочек* [3, т.5, с.1016]. В Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова дополнительно приведены: *кленовик*, *неклён*, *паклён*, *паклёнок*, *черноклён* [4, т.1, с.438]. Слова *паклён*, *паклёнок* отмечены также в [5, т. 25, с.157].

В белорусском литературном языке как слова, отсутствующие в русском языке, приводятся: *Клённик* ‘Заросли клёна’, *кляніна* і *клёніна* 1. ‘Отдельное дерево клёна. 2. Древесина клёна’. *Кляновік* ‘Сок кленового дерева; напиток, приготовленный из такого сока’, *кляновіна* ‘Доска из дерева клёна’ [2, с.135]. Однако в русских народных говорах отмечены: *клённый* и *кленный* ‘Кленовый лес, кленовая роща’, *кленок* ‘Клён’, *кленина* ‘Кленовое дерево’, *кленинка* и *кленинушка* ‘уменьшительно-ласкательное к *кленина*’, *кленовик* (а также *кленовица*, *кленовика*) ‘Кленовый сок’, *кленовина* ‘Кленовое дерево’, *клёнистый* ‘Подобный клёну; развесистый’, *кленовка* ‘Зола от сжигаемого клёна’, *кленё* ‘Кленовый лес, кленовые деревья’ [6, т.13, с. 277 – 278].

Сопоставления фрагментов словообразовательных гнезд в литературном языке с привлечением диалектного материала может дать очень интересные результаты. Приведем еще ряд примеров деривационно связанных групп слов в белорусском языке, не имеющих однословного соответствия в русском и представляющих очень интересные значения.

Палюдзець ‘Побывать среди людей, пообщаться с людьми’. *Часам ім [хлопцам] удавалася падкупіць семінарскага вартаўніка і выбегчы на якую гадзіну ў горад, каб палюдзець на рынку або заскочыць у кавярню Навума Гаха, што размяшчалася на рагу вуліц Задамені Качскай і Міхалінскай (М.Тычына).* *Палюдскавацца* ‘Почувствовать себя (пожить) достойными людьми’. ... *Уласнікі іх [бурак], колішнія нехацімцы і бедалагі, назайздросціўшыся ў свой час, пазіраючы на нэпманаўскія ўборы, вырашылі палюдскавацца самі (М.Лужанін).* *Людскавацца* 1. ‘Жить безбедно’. *Людскаваўся* я нядоўга: хутка адправілі мяне на паціцню... (С.Хурсік). 2. ‘Находиться среди людей’. Там *людскуецца* вусаты, ва ўсім новым, міліціонер (М. Лужанін). *Вылюдзець* ‘Стать видным, рослым, возмужавшим’. На голае месца селі, *на пагібель пайшлі, а от вылюдзелі* (Я. Скрыган). *Знелюдзець* ‘Стать нелюдимым от уединённой жизни’. Не скажаш сэргу, біцца ці не біцца, сабе не загадаеш *знелюдзець*... (Р.Барадулін).

Цалок ‘Человек, метко бьющий в цель’. *Ён з любімай рагаткі шчоўкнуў толькі разок, і, як кажуць, нігадкі — выдатны цалок* (В.Вітка). *Сцяпан агледзеў ваўка з аднаго боку, перавярнуў на другі, адшукаў, куды трапілі шраціны, і пахваліў сына: — Цалок ты ў мяне добры... (А.Пальчэўскі).* *Сяды-тады білі толькі самыя лепшыя цалкі — «варашылаўскія стралкі — каб без промаху (П.Місько).* *Цаляць** ‘Попадать в цель’. *Але часцей за ўсё цалялі — стралялі ж дужа зблізку, і не пацэліць у шырокі зубрыны лоб было проста немагчыма (Я.Сіпакоў).* *Пацэліць і уцэліць* ‘Попасть в цель’. *Які ж гэта спрытны мужык не пацэліць, калі захоча?*

Раскрыжавацца ‘Раскинуться, расположиться, разделиться крестообразно’. *Бярозавыя прысады замяняліся тапалевымі, і тут шаша нечакана раскрыжавалася* (М.Лужанін). *Раскрыжоўваць**, незак. ‘1. Разделять ствол дерева на части в поперечном направлении’. *Малады хлапец з вясновым рабаціннем на твары раскрыжоўваў у гэты час тоўстую яліну* (А.Чарнышэвіч). ‘2. Распирать на кресте’. *Ён з тых людзей, што, калі б перад ім Хрыста раскрыжоўвалі, ён бы сядзеў і арыад піў з асалодаю, бо Хрысту ніць хацелася б* (У. Караткевіч). *Укрыжаваць* ‘Распять на кресте’. *Вось цяперака цяжка глядзець, як радзіму маю укрыжавлі* (У.Дубоўка).

Белорусскому *крыж*, как известно, соответствует русское *крест*. Помимо очевидных глаголов *крестить, покрестить, перекрестить*, в [3, т.13] приводятся и такие глаголы: *выкрестить* устар. ‘Переводить из иной веры в христианство, выполнив обряд крещения’, *закрестить* ‘1. Из суеверных побуждений ограждать знаками креста. 2. Перечёркивать крестом’; *искрестить* ‘1. Пролегать в различных направлениях, покрывать пересекающимися линиями. 2. Разг. О многократных хождениях, поездках, полётах в разных направлениях’; *скрестить* ‘1. Складывать крестом, располагать крест-накрест. 2. Производить скрещивание’.

В русских народных говорах отмечены следующие слова: *раскрёстка* ‘Развилка дороги, перекрёсток’, *раскресть* ‘Перекрёсток дорог’, *раскрецивать* ‘Раскрецивать кукушку. Заканчивать обряд встречи весны (кукушки)’ [5, т.34, с. 138].

Палавініць ‘Делить пополам’. *Выступаў першы, сек словы з пляча, нібыта палавініў на плашкі пасохшыя кляновыя чурбакі, барадаты мацак у шараватым, грубай вязкі світэры* (М.Лужанін). *Алець палавініць з ім [сынам] зарплату і жыўе дзеля Яго (С.Грахоўскі). Я часта згадваю выдатны французскі фільм «Закон ёсць закон» з Луі дэ Фюнэсам, дзе мяжа праходзіла праз вёску і палавініла хату (І.Шаблёўская). Распалавініць* ‘Разделить приблизительно на две равные части’. *Не хацела яшчэ раз Мацвеевай добрасцю пакарыстацца ды і Марыны такі ж набойвалася. А той бы прывалок, распалавініў бы [соль] і прывалок* (М.Лобан). *...Раман распалавініў* *вайсковую форму, у якой уцёк з дзеючай арміі, і замест гімнасцёркіх надзеў бліскуючую сацінавую кашулю...* (І.Чыгрынаў).

В очень интересном докладе Б.Тошовича приводится много примеров «нанизывания» приставок в сербском, хорватском и бошняцком языках. Ср.: *poisprodávati, poisprípovédeti, izbezúmiti, prenaséliti, poispreprodavati* [8, с.286 – 287]. Данное явление имеет место и в русском (преимущественно в говорах), и в белорусском языках. К примеру могут быть рассмотрены русские диалектные полипрефиксальные существительные, в которых предкорневая часть представлена сочетанием префиксов *под-* и *за-*: *подзавал* ‘Глубокое место реки, озеро около берега’, *подзагонник* ‘Участок поля’, *подзагорбок* ‘Место между лопатками’, *подзагребье* ‘Пережат на реке’, *подзаков* ‘Наваренный стальной бугорок на одной из ручек ножниц’, *подзалавок* 1. ‘Место (за занавеской) для посуды под лавкой в кухонной части избы’. 2. ‘Место под шестком русской печи; подпечек’, *подзанавёс* ‘Огороженный навес в поле’. Любопытно обратить внимание на то обстоятельство, что в данном случае слова этой модели в буквальном смысле

«развивают» деривационные структуры, имеющиеся в литературном языке. Ср.: *горб* и *подзагорбок*, *загон* и *подзагонник*, *лавка* и *подзалавок* и т.п. В литературном языке: *загорбок* ‘Простореч. Верхняя часть спины, пониже плеч’, *нагорбок*; *подлавоцьё* ‘Место под лавкой в избе’ [3, т.10, с.420], *подлавок*, *залавок* ‘Простореч. Длинный ящик с крышкой, употребляемый вместо лавки’ [3, т.4, с.598]. Данные слова отмечены в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова, порой в составе достаточно разветвленных словообразовательных гнезд, что лишь подчеркивает своеобразие диалектных единиц.

В сопоставительном плане заслуживают внимания и полипрефиксальные структуры в белорусском языке. Ср.: *Запаб'ягаць** (обл.) ‘Забегать вперёд кому-л.’. Густа паваліў снег і неўзабаве засыпаў і глыбокія ямачкі ад дзявочых боцікаў, і шырокі размашысты след хлапчыны, што *запаб'ягаў* перед ею... (М.Тычына).

Падупасці ‘1. Прийти в упадок, в запустение’. *Цяпер мне зразумела, чаму ў іх так падупала гаспадарка, чаму яны за апошнія гады так абяднелі* (М.Танк). ‘4.Стать хуже качеством’. *Аднак сігі ў цябе ненадзейныя, зусім сігі падупалі, хужэй, чым твой былы сялядзец астраханскі, копчаны* (М.Лынькоў). *Панадворак, обл. ‘Двор возле дома’. І калі запахне кронам, тады, здаецца, устае ў ваччу сонечная-сонечная рانیца, калі трапечуцца кропелькі расы на кветках, калі зямля на панадворку яшчэ зябкая ў цяньку, прыемна дакранацца да яе босай нагой* (М.Лынькоў). *Папавазіць ‘Возить долго, неоднократно; повозить много кого-либо, что-либо’. Ці мала папавазілі з гарадскога рынку гною за гэтыя гады* (К.Чорны). *Папагледець ‘Смотреть долго’. Столькі папаглезелі ў яе [карту], як намячалася аперацыя* (П.Місько). *Папаездзіць ‘Ездить долго’. Дарогу на Нясвіж Мікола ведаў добра: за тры гады вучобы ў семінарыі ён тут папахадзіў і папаездзіў* (С.Александровіч)! *Папаесці ‘Есть часто, продолжительное время’. І здаецца, Паўлік яшчэ ніколі не папаеў столькі пірага, як сёння* (В.Сташэўскі). *Папазбіраць ‘Собирать продолжительное время’. — Паедзем, татачка, у Парэчча! Осць там грыбоў папазбіраю* (Я.Колас)! *Папамучыцца ‘Мучиться долгое время’. — Колькі папамучыўся, не дай бог ворагу гэта* (Т.Хадкевіч). *Папахадзіць ‘Ходить длительное время’. Хоць і папахадзіў Аляксей на паскоціне, але ўсё ж знайшоў каня за кустамі шыпынніку* (С.Грахоўскі).

Очень любопытно (и не удивительно!), что в белорусских говорах на востоке Могилёвской области, которая граничит с Россией, полипрефиксальных структур довольно много, а на Брестчине, напротив, они встречаются крайне редко. Сравните в [9]: *Недобірка ‘Рэшткі чаго-небудзь’. Цяля стаяла ў загарадзі і падбірала недобірка. Пovýхварошвацца ‘Прыгожа апрануцца’*. И примеры в [10]:

а-без-а-хоціць ‘адбіць ахвоту, цікавасць да чаго.’, *а-бяз-дзеціца/а-бяз-дзеціць* ‘зрабіцца бяздзетным, страціць дзяцей’, *а-бязь-вініць* ‘апраўдаць’.

Таким образом, мы считаем вполне возможным комплексное сопоставительное исследование фрагментов деривационных парадигм в составе лексических гнезд, представляющих собой своеобразный синтез диалектных подсистем и литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Милославский, И. Г. Роль словообразования в расширении когнитивного пространства русского языка // Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доповіді учасників XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. – Київ, 2010. – С.176 – 180.
- Шкраба, І.Р. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2008. – 318с.
- Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950 – 1965. – Т.1 – 17.
- Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. – М.: Русский язык, 1985. – Т.1 – 2.
- Словарь русских народных говоров: 1965 – 2007. – М.- Спб : Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. – Вып.1 – 41.
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства ім. Я.Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. Мінск. – 1977 – 1984. – Т.1 – 5.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. – Мн.: Навука і тэхніка, 1979 – 1985.
- Тошович, Бранко. Нанизывание приставок в сербском, хорватском и бошняцком языках // Відображення історії та культури народу в словотворенні: Доповіді учасників XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. – Київ, 2010. – С.286 – 297.
- Дыялектны слоўнік Брэстчыны/ Склад. Аляхновіч М. М. і інш. – Мн.: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.
- Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мн., “Навука і тэхніка”, 1970. – 512 с.

Aleksej V. Nikitevich

DERIVATIONAL ASSOCIATIONS WITHIN THE DIALECTAL SUBSYSTEMS OF CLOSELY RELATED LANGUAGES

Summary

The article examines various associations of related units (word-building paradigms, chains) of the Belarusian derived vocabulary in comparison with the Russian language. The systems of word-building meanings and the composition of word-building types that are not represented in the corresponding literary languages undergo the comparative analysis; the entire fragments of word-building nests in compared languages are characterized. The illustrative material: derived words of the Belarusian language which do not have correlated equivalents in the Russian language.

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НИКОЛАЕВ*
КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, КАЗАНЬ, РОССИЯ

УНИВЕРБАТЫ И СУБСТАНТИВАТЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Универбация и субстантивация, относящиеся к активным способам современного субстантивного словопроизводства, отличались продуктивностью уже в древнерусском языке. Оба эти процесса были характерны для разных жанрово-стилистических групп русского литературного языка. В древнерусском языке происходило становление универбации и субстантивации как способов словообразования на фоне разрушения семантического синкретизма, формульного (синтагменного) строения текста и укрепления языковой парадигматики.

Ключевые слова: историческое словообразование, универбация, включение, универбаты, субстантивация, субстантиваты, семантическая и морфемная деривация.

Универбация и субстантивация относятся к продуктивным способам современного русского субстантивного словообразования. Суть универбации заключается в том, что аффиксальное слово (универбат) образуется на базе словосочетания, путем осложнения аффиксом (суффиксом) основы одного из слов сочетания (чаще – определяющего, зависимого); другое слово в словопроизводстве не участвует, но значение его включается в семантику производного слова. Например: на базе словосочетания *грузовой автомобиль* образуется слово *грузовик* путем осложнения основы слова *грузов(ой)* суффиксом *-ик* и включения значения слова *автомобиль* в семантику производного. Поэтому этот процесс часто называется в науке *включением*. Существуют и другие наименования данного процесса: стяжение, семантическая конденсация, синтетическое сжатие и т.д. [Лопатин 1978]. Семантика такого производного слова равна семантике словосочетания. Это объясняет в определенной мере название такого словообразовательного процесса стяжением или сжатием.

Процесс включения довольно основательно изучен в советской и российской науке [Янко-Триницкая 1964, Сахарный 1977, Лопатин 1978, Гинзбург 1979, Николаев 1994, 2000, 2009, Клименко 2012 и др.]. Я хочу остановиться на тех сторонах данного явления, которые затрагивались в отмеченных работах недостаточно.

---

* e-mail: gnikolaevksu@mail.ru

Во-первых, отмечая, что универбаты образуются в основном суффиксальным способом, мы должны согласиться с И.А.Юркиной, показавшей конфиксальную природу ряда такого типа слов: *остепенение* – получение ученой *степени*, *одомашнивание* – приучение к *домашнему* хозяйству т.п. [Юркина 1991]. Если даже отнести приведенные имена к суффиксальным отглагольным дериватам (*остепениться* > *остепенение*, *одомашнивать* > *одомашнивание*), то сами глаголы должны быть квалифицированы как конфиксальные универбаты. Разговорная окраска некоторых рассмотренных здесь слов не должна служить основанием для сомнений в правильности решения: в современном русском языке большинство универбатов составляют принадлежность разговорной речи (ср.: *зачетка*, *читалка*, *зарубежка*, *маршрутка*, *неотложка*, *дождевик*, *мобильник*, *внедорожник легковушка*, *бытовуха* и др.).

Во-вторых, включение как способ словообразования отмечается как в морфемном (морфологическом), так и безморфемном (семантическом) словопроизводстве [Николаев 2009: 125]. Особенно хорошо параллелизм морфемного и семантического включения виден в тех случаях, когда универбаты образуются этими двумя способами на базе одного словосочетания. Например: *неотложная помощь* – *неотложная*, *неотложка*, *передовая статья* – *передовая*, *передовица* и т.п.

В-третьих, при семантическом включении возможно опущение не зависимого слова сочетания, а стержневого. Такого рода явления мы наблюдаем в случаях типа *сахарный песок* > *песок*, *атмосферные осадки* > *осадки*, *высокая температура* > *температура* и т.п.

Модели морфемного и семантического включения имеют общую особенность: словообразовательной базой их являются сочетания существительного с прилагательным. Поэтому в случаях семантической универбации происходит фактически образование субстантивата. Универбация пересекается с субстантивацией. И все эти процессы уходят в далекое историческое прошлое русского языка.

Универбация известна древнерусскому языку, и встречается она как в книжных, так и деловых текстах. Правда, это были разные типы включения. В памятниках церковного содержания универбаты (морфемные и семантические) использовались для названия служб, проводимых в церкви в разное время суток. При этом в текстах могли использоваться разные способы номинации – сочетание существительного с прилагательным (*вечерняя служба*, *молитва* и т.п.), морфемный универбат (*вечерница*), семантический универбат (*вечерня*, *вечерняя*): въ бж(с)твенныхъ службахъ и вечернихъ молбахъ (ПНЧ 1296, 127 – ДРС); ѿко на ве(ч)рни(ц) ѿ живыхъ въ помо(щ) похъ(с) (УСт XII/XIII, 257 – ДРС); на ве(ч)рни тълстыхъ свѣщъ не подобаѣтъ въжагати (УСт XII/XIII, 279об – ДРС). Одно из звеньев такого номинативного ряда могло быть опущено (или не зафиксировано словарями): *вседенная служба* – *вседенная* (отсутствует морфемный универбат) – Того же лѣта (1313) священна бысть церкви каменная святаго Николы в Неревскомь конци, , юже созда архиепископъ Давидъ, и створи в ней вседенную службу (Новг. 1 лет., 314 – СРЯ); А попомъ пѣти у святаго Ивана вседенная (ДАИ I, 3 ~ 1135 г. – СРЯ).

Другие универбаты: *павечерьняя (молитва) – павечерьница – павечерьня* – и не бесѣдовати ни къ комуу же по павечерьнии молитвѣ (*ЖФП XII, 39a* – ДРС); поются павечерници въ кельяхъ (*Поуч.митр.Фот. 1416 г.* – Срзн.); начаша пѣти павечерню (*Пут.Генн. и Позн.* – Срзн.); *утрьня (служба, молитва и т.п.) – утрьница – утрьня(я)* – въздвигни ны на ноштына и оутрьнѣ слоужениѣ твоѣ (*Панд.Ант. XI в. л. 47* – Срзн.); оутрьницу пѣти (*Жит.Влас. 2* – Срзн.); начаша пѣти оутрьнюю (*Иак.Бор.Гл., 145* – Срзн.); *обѣдня (служба)* (не зафиксировано) *обѣдняца – обѣдня(я)* – заоутра же пѣтъкоу наставшоу во ѡбѣднее веремѣ оуспѣтоша полкы Половѣцъкиѣ (*ЛП, 233 об* – ДРС); придоу въ цр(к)въ комкать въ ѡбѣдницу (*Пр XIV (6), 181г* – ДРС); а жена бѣше причащаласѣ на обѣдни (*КН 1280, 538г* – ДРС). Те же отношения отмечаются и в случаях типа *полунощная служба – полунощница, заутреня служба – затреня* и др. Это были наиболее древние случаи включения. Они встречаются уже в первых письменных памятниках Древней Руси.

Позднее, в связи с развитием деловой письменности, появятся новые модели универбации. Они будут участвовать в номинации разных деловых грамот. Фактически это тот же словообразовательный ряд, и в морфемной универбации будет участвовать тот же суффикс *-ица*. Но в качестве производящих сочетаний будут выступать не наименования церковных служб, а наименования грамот. В древнерусской деловой письменности насчитывалось свыше пятидесяти типов грамот. Основываясь на показаниях исторических словарей, мы отмечаем десять номинационных рядов, представленных тремя звеньями: сочетанием прилагательного с существительным *грамота* и двумя производными на его базе универбатами – морфемным и семантическим.

Например: *даная грамота – даница – даная* – И велѣл есми сию грамоту даную подписат(и) д(у)ховнику своему Ивану (*Дух и дог. гр., 314, ок 1486 г.* – СРЯ); Есть у насъ въ монастырѣ на тѣхъ на отпустные даница, что дал ту землю въ монастырь Тимофей Селиверстовъ (*АЮ, 55, 1571 г.* – СРЯ); Дана имъ изъ съѣзжей избы, за нашею великого государя печатью, даная на подгородные сѣнные покосы (*ДАИ V, 160, 1667 г.* – СРЯ).

Аналогичные отношения мы наблюдаем и в других случаях: *докладная грамота – докладница – докладная* – А се грамота купчая и докладная Ионы, митрополита киевского и всеа Русии (*АСВР II, 380 ~ ок. 1465 – 1469 гг. ~ СРЯ*); А докладницу писал Окиш Негодяев сын (*АСВР II, 39 ~ 1428-1434 гг. ~ СРЯ*); А докладную писал чернецъ Иринарх (*АСВР II, 45 ~ 1435 – 1447 гг. ~ СРЯ*); *духовная грамота – духовница – духовная* – А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино остаток весь и земли дочери (*Суд. Ив. III, 27, 1497 г.* – СРЯ); И обрѣтоша при немъ духовницу, его же рукою написанную (*Козм. V, 91об – XVIII в.* – СРЯ); А запечатали есмя сию духовную веѣ одну печатью отца своего духовново (*Арх. Стр. I, 50, 1482 г.* – СРЯ); *рядная грамота – рядница – рядная* – А подлинную рядную писал грамоту Григорей дьяк (*Гр. Дв., 68, XV в.* – СРЯ); Учяль намѣстникъ его суд судити не по псковской пошлине, учяль посужати рукописанья и рядници (*Псков.лет. II, 131* – СРЯ); рядные подписывают (*Дм./Свэд./ 193, XVI в.* – СРЯ) и др.

Для более полного представления об универбации в древнерусском языке считаем важным рассмотреть пару *должная грамота – должница*, поскольку суффиксальный универбат встречен в новгородской берестяной грамоте: жена в долъжнѣ грамотѣ свѣщаеть своемѹ мужевѹ или по(д)пишетъ богатъство (КР 1284, 286в – ДРС); и(з)ѡла еста мою дѡлож(ь)ницоу оу ѡрыш(е)въ: (в)ъзѡла еста оу неи .с. гривньъ: и ещъ: въ дѡложениц(ь) (НБГ № 449. XIII в. – Зализняк 1995: 333). Действительно, процесс универбации был свойствен всем стилистическим разновидностям древнерусского письменного языка.

Особо следует отметить номинационный ряд *докончанная (докончальная) грамота – докончальная – докончание*. Субстантив был образован на основе глагола *докончати* при помощи суффикса *-ние* и как приглагольное слово могло, наряду со значением действия, иметь конкретные значения, в том числе и результативно-орудийное значение документа. В этом случае оно было синонимом слову *докончальная* (а следовательно, и сочетанию *докончальная грамота*). На основании структурно-семантического подобия оба эти слова можно квалифицировать как словообразовательные синонимы. Ср.: тѣѣрѣска докончальна (Гр. 1294-1301 /1, новг./ – ДРС); А что грамота докончальная в Новѣгородѣ промежь себе о судѣ, ино у тои грамоты быти имени и печати великихъ князей (Гр. Новг. и Псков., 50.1471 г. /1494/ – СРЯ); И взяша миръ по старинѣ по Псковской воли, по Новгородскому докончанью (Псков. I л., 6918 г. – Срзн.).

Подобный тип отношений отмечается и в других номинационных рядах. Функции морфемного универбата в них выполняют образования нулевой суффиксации, на базе которых фактически возникло основное («производящее») в этом ряду прилагательное: *отпускная грамота – отпускная – отпускъ* (называют документ об освобождении от крепостной или трудовой зависимости) – А которому холопу дадут отпускную грамоту с боярского доклада, а у которого старая отпускная..., а станет которой холоп служить с отпускною старому государю, и та его отпускная не в отпускную (Суд. Фед. Ив., 413. 1589 г. – СРЯ; по этому словарю даются и другие иллюстрации; иные словари будут оговариваться в конкретных случаях). Этот контекст дает отличное представление о том языковом фоне, на котором происходили словообразовательные процессы универбации и одновременно субстантивации. Далее: И тѣхъ мастеровыхъ людей никого безъ письменного отпуска на тѣ Тульские и Коширские заводы не принимать (ДАИ V, 61. 1665 г.); розѣѣзжая грамота – розѣѣзжая – розѣѣздъ – А къ сей розѣѣзжей грамотѣ судьи Юрьи Безобразовъ да великого князя тиунъ Кирѣй Олгов и печати свои приложыли (АЮБ I, 248. 1507 г.); А роз(ь)ѣзжие писал Олешка Борсовъ с(ы)нъ Враникова...А роз(ь)ѣзжие без печати (АСВР I, 456. 1494-1495 гг.); И онъ...ту...землю...ото всѣхъ земель отѣхаль и примежеваль к землѣ Клобукова монастыря, и розѣѣздъ за своею рукою мнѣ подаль (А.Юш., 75. 1572 г.); опасная грамота – опасная – опасъ – Даю сию свою грамоту опасную (Опасн.гр.м. Феод. 1452-1453 гг. – Срзн.); и послы новгородцкие по той опасной приѣдутъ и отѣдутъ отъ насъ доброволно (Львов.лет. I, 322 – СРЯ); Король же Жихдимонтъ из Смоленска прислалъ къ великому князю...о опасѣ на посла своего, и князь великий Василей Ивановичъ всеа Русии опасную грамоту на посла далъ королю (Ник.лет. XIII, 9 – СРЯ).

У последнего ряда есть еще одно морфемное звено – *опасность*; СРЯ определяет значение этого слова в контексте: «охранная грамота как гарантия безопасности»: *Ѡхаль де онъ Иванъ черезъ его цесарское величество розные королевства и земли безъ опасные грамоты и неаявсь: цесарское де величество, предки, римские цесари вселды напередъ о опасности к великимъ государемъ нашимъ писали о тѠхъ послахъ (Рим. имп. д. II, 1159. 1617 г.)*

Могут возникнуть сомнения о правомерности квалификации образований нулевой суффиксации как универбатов от производных прилагательных в соответственных парах *опасная грамота – опась, отпускная грамота – отпускъ, розьѠзжая грамота – розьѠздъ* и т.п.. Естественно, в плане происхождения данных пар об этом не может быть и речи. Так или иначе, но мы должны объяснить, этот феномен.

В сфере приглагольных имен существительных со значением отвлеченного действия могла развиваться семантическая деривация, в результате которой происходила конкретизация значения этих имен и они приобретали значения результата, объекта, орудия, места действия, действующего лица и др. Особенной семантической подвижностью отличались приглагольные образования нулевой суффиксации. Значение документа в приглагольных именах можно квалифицировать как результативно-орудийное. В русском языке на протяжении истории такие приглагольные имена, оформленные разными суффиксами, в том числе и нулевым, встречались нередко. Ср. современные *заявление, объявление, справка, записка, опись, запись, счет* и др. К рассмотренным выше словам *докончание, опась, отпускъ* и *розьѠздъ* можно добавить из нашего материала субстантивы *жалоба, купля, челобитье*.

Все эти слова получили значение документа (грамоты) независимо от состоявшихся сочетаний производных от них прилагательных и существительного *грамота*. Однако они вступили с этим сочетанием в синонимические отношения и в связи с действием в словообразовании процессов аналогии объединились с реальными универбатами. Возможно, к этим древним процессам восходят современные модели включения с нулевой аффиксальной структурой типа *синхронный перевод – синхрон, ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет* [Лопатин 1978: 79], *термоядерный синтез – термояд* и т.п.

Процессы включения в современном русском языке ученые объясняют стремлением к языковой компрессии, отмечаемой на разных уровнях языка. Поскольку способ включения возник в древнерусском языке, необходимо обратиться к возможным вызвавшим его причинам. Такими причинами могли быть древнерусский семантический синкретизм основных языковых единиц и синтагменное построение текста. При разрушении семантического синкретизма (а это происходило в древнерусский период) активно развивалась языковая парадигматика, слово становилось основной единицей языка. Прежние синтагмы путем морфологического словообразования переводились в слова: *миръ и любовь > миролюбие, ночь и день > нощеденьствие, плачь и вопль > плачевольствие*.

Другой способ превращения синтагмы в слово было синтаксическое сращение и дальнейшее изменение сращения в морфемный композит по существу-

ющим моделям: *пути шествие* > *путишествие* > *путешествие*, *дома чадъць* > *домачадець* > *домочадец*, *челомь битие* > *челомбитье* > *челобитье* и т.п.

Наконец, третьим способом перевода синтагменного сочетания в слово было морфологическое и семантическое включение.

Итак, все рассмотренные процессы не были выражением стремления к языковой компрессии. Они проходили в период разрушения семантического синкретизма и перестройки строения текста. Эти процессы были смоделированы и развертывались уже в новых условиях. Тогда они и были поняты как процессы языковой компрессии.

Одним из результатов семантического включения явились производные формы – субстантиваты. В прежних работах по словообразованию они назывались прилагательными, перешедшими в существительные, и рассматривались как слова, возникшие морфолого-синтаксическим путем, так как при их производстве менялась морфологическая и синтаксическая характеристика слов. Однако ученые подметили, что смена грамматических характеристик не является релевантной при образовании слов: то же происходит и в других способах словопроизводства. Главное, меняется семантика слов. Поэтому почти одновременно Н.М.Шанский и В.М.Марков предложили рассматривать эти слова как семантически образованные от прилагательных [Марков 1976, Шанский 1977]. Мы не будем вдаваться в дискуссию и согласимся с мнением этих ученых.

Субстантиваты известны с первых письменных памятников русского языка, и представлены они в разных по жанрово-стилистической характеристике текстах. Но во всех источниках они идентичны в плане словообразовательных характеристик. Как определил А.А.Потебня в своем глубоко историческом исследовании этих слов, существительные мужского рода (типа *больной*, *старый* и т.п.) имеют значение «некто, лицо без внимания к полу, иногда с оттенком ласки или презрения»; существительные среднего рода (типа *былое*, *наносное* и т.п.) обозначают «нечто. т.е. вещь (вещь чувственная, дело, произведение, действие)» [Потебня 1968: 49]. Различия внутри каждой из этих групп являются чисто лексическими. Использование тех или иных слов определяется содержанием текста. Так, в славяно-книжных произведениях используются имена со значением лица типа *святой*, *грешный*, *преподобный*, *безбожный*, *блудный*, *блаженный* и т.п. Например: *колѣбно же безаконь(ы)ихъ опоустѣеть* (*Изб.1076, 168 об* – Срзн.); *никыто же възиратъ къ терпѣнню...на блгопослушливы, на блгосмѣренны* (*ФСт XIV, 61б-в* – ДРС). В деловых текстах, летописях : *дѣтскыи, малыи, великыи, тысяцкыи*; из новгородских берестяных грамот: *воискыи, дворяныи, подвоискыи, сотьскыи* и др. Например: *портище зелени Ѡ Рацлава. Ѡ подв(оиского)* (*НБГ 262*); *с посадником и с сочкыи* (*НБГ 154*) и др.

Субстантиваты среднего рода в книжных памятниках выступали, прежде всего, для передачи философских и богословских понятий, употребляясь часто во множественном числе. Ср. в трактатах Дионисия Ареопагита: *благое, злое, доброе, скрвенное, тайное*, (во мн.ч.) – *бестелеснаа, божественная, разумная, словесная, нечовѣственная* и т.п. [Николаева 2000: 204-205]. Кроме таких субстантиватов, в книжных текстах употреблялись имена адъективного склонения, «обозначающие

обобщенную субстанцию – носитель признака, названного производящим прилагательным» [Земская 1973: 278]: *неясное, похотное, сборное, теплое, студеное, дебелое* и т.п. Ср.: Суть яже о д(у)ши нашей видимая по първому раздѣленію: словесное же, и похотное, и гнѣвное (*Ефр.Корм., 563. XII в.*); члвквк въ ризы кожъны облачи(т). ими же дебело и жестоко и мертво члвкву знаменае(т) (*ГБ XIV, 126 – ДРС*). Суть таких образований определил А.А.Потебня: «Имена на *-ство, -тво, -ость* означают только качество, тогда как сущ. от прилаг. в среднем роде – вместе и то, что заключает в себе качество» [Потебня 1968: 17]. Это замечание ученый сделал на основании языкового материала, представленного в богословских текстах (Богословии Иоанна Дамаскина, Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского и др.).

В деловом языке субстантиваты выступали в конкретизированных, специализированных, терминологических значениях. Чаще всего они называли виды пошлин и налогов: *банное* – банный сбор, *бобровое* – пошлина с бобрового гона, *вѣсче* – плата за взвешивание, *выпускное* – плата при выходе из тюрьмы, *кормное* – вид таможенной пошлины, *медовое* – оброк, выплачиваемый медом, *мимоходное* – побор за проезд с товаром, *мѣновое* – побор при обмене, *писчее* – плата писцу, *подводное* – пошлина при покупке лошади, *подымное* – налог с дыма (очага), *подъемное* – пошлина за поднятие груза на весы, *поклонное* – церковная пошлина, *полозовое* – пошлина с саней и др. Ср. также: *бражное, воротное, восковое, выводное, грузовое, записное, луговое, побережное, поголовное* и др.

Субстантиваты среднего рода со значением пошлины, подати, налога имели прочную соотнесенность с адъективными сочетаниями, включающими существительное *пошлина* (чаще), *сбор, деньги, мыт* и прилагательное, согласованное с этим субстантивом: *побережное – побережная пошлина, отвальное – отвальная пошлина* и т.п. Скорее всего, это одна из разновидностей универбации, но более морфологизированной (из-за несовпадения родов производящего прилагательного и производного субстантивата), чем универбация в наименовании грамот.

Приведем некоторые примеры (СРЯ): Дали на откупъ въ Великом Новѣгородѣ ...*весчую пошлину* (*СГГД II, 91. 1587 г.*); А немцѣмъ дати *вѣсчеге* отъ бѣрковска заушня отъ воску (*Рус.-лив.а., 54*); и съ людей *поголовные* и *побережные* и никакихъ нашихъ пошлинь имать съ нихъ не велѣно (*АХУ II, 369. 1642 г.*); тут с него *поголовное* дань (*Суд.Фед.Ив., 414. 1589 г.*); Не надобѣ с тѣхъ съ ихъ людей...ни тамга, ни *вѣсчеге*, ни *побережное* (*АСВР II, 134. 1475 г.*) А *подъемная пошлина* имати имъ въ Двинскомъ уезде (*Гр.Дв.там., 202. 1560 г.*); С товаровъ...*возового, и вѣсчеге* и *подъемного* взято сполна (*АЮБ II, 79. 1640 г.*) и др.

Субстантиваты среднего рода в деловом языке обозначали также разные реалии жизни носителей языка: разные виды имущества – *срабленное, приданое*, виды пищи: *брашное, жаркое, масляное, мясное, рыбное, снedomое* и т.п.

Субстантиваты женского рода были представлены, как уже рассматривалось, в значении наименований церковных служб, наименовании деловых грамот. И в других случаях субстантиваты женского рода выступают в разных жанрово-стилистических текстах. Ср.: (Верх плотины) *вешнею водою* подмыло (*Кн.Тул. и Кам.зав., 21. 1662 г. – СРЯ*); В полую воду и въ *вешницу* как можно идти (дровам)

плотенами въ пропускные ворота (*Кн.п.Балахн., 122. 1676 г. – СРЯ*); А на реках бы еси велѣль мосты мостити на клѣтках, чтобы ихъ *вешняя* не сносила (*Арх. Стр. I, 144. 1512 г.*). В славяно-книжных текстах используются субстантиваты *бездная, вселенная, высокая, небсная, поднебсная* и т.п. Многие из них являются кальками с греко-византийского языка.

Как видим, многие субстантиваты пересекаются с универбатами. Применительно к позднему среднерусскому периоду истории русского языка можно считать, что эти субстантиваты образованы путем семантического включения.

Что касается древнерусского периода, то там отношения между рассматриваемыми словообразовательными формами были сложнее. И связано это со спецификой как языка в целом, так и отдельных его сторон, и в частности со спецификой субстантивно-адъективных отношений. «Общее их развитие – от древней недифференцированной (синкретичной) категории имени через дифференциацию и частеречную определенность к известной противопоставленности субстантива и адъектива в современном языке с их специфическими лексико-грамматическими категориями» [Николаев 1996: 239].

Частеречная диффузность и семантический синкретизм языковых единиц, связанные, по мнению А.А.Потебни, с периодом мифологического мышления носителей языка, получали текстовое выражение в синтагменном построении высказывания. Слова, объединенные в синтагму, были крепко связаны одно с другим, так как синтагма строилась на сходстве (или противопоставлении) семантики этих слов. В синтагме, состоявшей из ключевого слова и распространителя, возможны были вариации звеньев. При этом подвижным элементом синтагмы было не ключевое слово (хотя и оно варьировало), а его распространитель. Ключевое (стержневое) слово при вариации сохраняло «идею» синтагмы (например, *человѣкъ, мужь, елинь, сынъ, слуга* и т.п., или *грамота, запись, крѣпость* и др.). Это обобщенное значение ряда синтагм и передавалось при словообразовании производному слову, при этом в качестве производящего, естественно, выступал подвижный член синтагмы.

Синтагма представляла своего рода языковую формулу, в которой оба ее члена имели общие семы в их семантике [Потебня 1968: 37-67]. Возможно, именно это позволило употреблять одно слово вместо словосочетания (например, *грѣшьнии* вместо *грѣшьнии человекъ, купъчая* вместо *купъчая грамота* и т.п.). В дальнейшем, в связи с необходимостью избавиться от двусмысленности имени в процессе распада синкретизма, значение субстантивности стали закреплять морфемным путем. Кстати, аффиксальное слово представляет своего рода синтагму, отраженную в его структуре (производящая основа и формант). И такое происходило также в других случаях, не напоминающих нам современную универбацию, когда образование субстантива шло на основе синкретичного имени – будущего адъектива. Таким образом, в древний период не было универбации в современном понимании, а это был принцип древнего словообразования. И результатом процесса был не субстантиват, а синкретичное имя.

Изменения произойдут в процессе укрепления имени прилагательного как части речи и формирования субстантивно-адъективных словообразовательных

отношений. Эти изменения приведут к усилению адъектива в системе языка и установлению деривационной зависимости существительных с «адъективной» семантикой от прилагательного. В результате произошло переосмысление отношений между именами существительными местоименного типа склонения (*больной, жаркое, челобитная*) и омонимичными прилагательными. Эти слова были осмыслены как формы вторичные, производные от прилагательных. Ученые стали квалифицировать их как формы, возникшие путем межкатегориального семантического словопроизводства. В синхронической грамматике они получили наименование *субстантиваты*.

Эти же изменения в статусе адъектива привели к оформлению универбации как самостоятельного специфического способа субстантивного словопроизводства, характеризующегося, как и субстантивация, исключительной активностью в современном словообразовании русского языка.

ИСТОЧНИКИ

ДРС – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Т. I – VIII. М.: «Русский язык», 1988 – 2008 (продолжающееся издание).

Срзн. – Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I – III. М., 1958 (переиздание).

СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 29. М.: Наука, 1975 – 2011 (продолжающееся издание).

Сокращения названий памятников даны по указанным словарям.

ЛИТЕРАТУРА

Лопатин 1978 – Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов. – В: Новые слова и словари новых слов. Ленинград 1978.

Янко-Треницкая 1964 – Янко-Треницкая Н.А. Процессы включения в лексике и словообразовании. – В: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. Москва 1964.

Сахарный 1977 – Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст. – В: Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.

Гинзбург 1979 – Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. Москва, 1979.

Николаев 1994 – Nikolaev G.A. Studien zur historischen Wortbildung der russischen Sprache. Frankfurt am Main, 1994.

Николаев 2000 – Nikolaev G.A. Univerbierung. – In: Handbuch zu den modernen Theorien der russischen Wortbildung. Frankfurt am Main, 2000.

Николаев 2009 – Николаев Г.А. Лекции по русскому словообразованию. Казань, 2009.

- Клименко 2012 – Клименко Г.В. Универбаты в деривационной и лексической системе современного русского языка. – В: Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ В.М.Маркова): Материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.). Т. 2. Казань, 2012.
- Юркина 1991 – Юркина И.А. Активные процессы в современном русском словообразовании (на материале словарей новых слов). Казань, 1991.
- Марков 1976 – Марков В.М. , Николаев Г.А. Некоторые вопросы теории русского словообразования. – В: Именное словообразование русского языка. – Казань, 1976.
- Шанский 1977 – Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке. – В: Русский язык в школе. № 3. 1977 .
- Потебня 1968 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. Москва, 1968.
- Николаева 2000 – Nikolaeva N.G. *Die altslavische Übersetzung des Traktats Die Gottesnamen von Dionysius Areopagita*. Frankfurt am Main, 2000.
- Земская 1973 – Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Москва, 1973.
- Николаев 1996 – Николаев Г.А. Из истории становления и развития субстантивно-адъективных словообразовательных отношений. – В: *Das Adjektiv im Russischen (Geschichte, Strukturen, Funktionen)*. Frankfurt am Main, 1996.

Genadij A. Nikolaev

UNIVERBATA AND SUBSTANTIVATA IN THE HISTORY
OF RUSSIAN WORD-FORMATION

Summary

Univerbation and substantivation belonging to active ways of the modern substantive word-formation, differed in their efficiency already in the Old Russian language. Both these processes were characteristic for different genre and stylistic groups of the Russian literary language. In the Old Russian language there was an univerbation and substantivation formation as ways of word-production with the background of destruction of semantic syncretism, of the formular (syntagmatic) structure of the text and strengthening of language paradigmatics.

MARTIN OLOŠTIAK*

FILOZOFICKÁ FAKULTA PREŠOVSKÉJ UNIVERZITY V PREŠOVE,
SLOVENSKO

O PROJEKTE KOMPLEXNÉ SPRACOVANIE SLOVOTVORBY SÚČASNEJ SLOVENČINY¹

Abstrakt. V príspevku predstavíme projekt s názvom Komplexné spracovanie slovotvorby súčasnej slovenčiny (na materiáli Slovníka koreňových morfém slovenčiny; ďalej SKMS). SKMS je unikátnym lexikografickým dielom, ktorý má morfológický aj slovotvorný charakter a obsahuje cca 65 000 lexikálnych jednotiek. Cieľom projektu je komplexná deskripcia a explanácia slovotvorby súčasnej slovenčiny. Komplexnosť spočíva v analýze všetkých relevantných slovotvorných parametrov: príslušnosť k slovnému druhu, pôvod, štýlová/registrová príslušnosť motivantu aj motivátu, slovotvorné triedky (základ, formant, alternácie a trunkácie), slovotvorné procesy (spôsoby a postupy, derivačné a kompozičné), typy slovotvornej motivácie, slovotvorné útvary (paradigmy, rady, hniezda; slovotvorné typy, onomaziologické kategórie, typy onomaziologických kategórií). Výsledky projektu môžu položiť základy pre intralingválny aj interlingválny výskum v oblasti slovotvorby a lexikológie.

Kľúčové slová: slovenčina, slovotvorba, parametrizácia, komplexná analýza.

1. Úvod

Koncept komplexného spracovania slovenskej slovotvorby prvýkrát predstavil J. Furdík (1990). Integrovanou súčasťou tohto projektu sa mal stať slovotvorný slovník (Furdík, 1995/2005; Furdík, 2004, s. 126 – 137). Hoci tento ambiciózný projekt autor dokončiť nestihol, práca v tejto oblasti naďalej pokračuje v modifikovanej podobe Malého slovotvorného slovníka slovenčiny (Vužňáková, 2006; Liptáková – Vužňáková, 2009, s. 112 – 135; prehľadovú štúdiu o doterajších lexikografických prístupoch k spracovaniu slovotvorby publikovala K. Vužňáková, 2005).

V predkladanom príspevku sa pokúsime predstaviť projekt *Komplexné spracovanie slovotvorby súčasnej slovenčiny*, ktorého cieľom je čo najkomplexnejšia deskripcia a explanácia fungovania slovotvorného systému slovenského jazyka z kvalitatívneho, ako aj z kvantitatívneho aspektu. Projekt materiálovo vychádza zo Slovníka koreňo-

---

* e-mail: olo.martin@gmail.com

¹ Príspevok vznikol v rámci projektu VEGA 1/0255/12 Komplexné spracovanie slovotvorby súčasnej slovenčiny (na materiáli Slovníka koreňových morfém slovenčiny).

vých morfém slovenčiny (Sokolová et al., 2005, 2. vyd. 2007; ďalej SKMS²), ktorý nadväzuje na Morfematický slovník slovenčiny (Sokolová et al., 1999; ďalej MSS). Ten zasa materiálovo vychádza z Krátkeho slovníka slovenského jazyka (2. vyd., 1997; ďalej KSSJ) a z Pravidiel slovenského pravopisu (2. vyd., 1998) – porov. MSS (s. 7).

Ukazuje sa, že lexikálny materiál dominantne založený na báze KSSJ je dostatočne reprezentatívny. Prirodzene, najdôslednejšie spracúva jadro slovnej zásoby slovenčiny, v menšej miere jej prechodnú sféru a výberovo a obmedzene lexikálnu perifériu: „KSSJ zachytáva jadro slovnej zásoby s protívahou jej okrajových oblastí, ako sú nové slová a oproti nim niektoré slová zastarávajúce, knižné slová a na druhej strane hovorové slová, ako aj nefrekventované nespisovné výrazy, niektoré termíny atď. Pochopiteľne, že tento výber ohraničuje rozsah slovníka, ktorý mohol dosiahnuť 60 000 slov (vrátane slov spracovaných tzv. hniezdovaním, t. j. uvedených pri príslušnom základnom slove. Prednosťou jednozväzkového slovníka je to, že poskytuje celostný pohľad na slovnú zásobu...“ (KSSJ, s. 10). Reprezentatívnosť KSSJ podľa nášho názoru spočíva jednak v spomínanej celostnosti, jednak v tom, že v tomto type slovníka sa spracúva tá časť lexikálnej zásoby, s ktorou sa používatelia jazyka stretávajú najčastejšie (pochopiteľne, nejde výlučne o jadro slovnej zásoby).

2. Spôsoby spracovania lexikálneho materiálu

Opierame sa o koncept slovotvornej parametrizácie. Vymedzujeme jednotlivé slovotvorne relevantné parametre, ktoré sa primárne spracúvajú v tabuľkovom programe Microsoft Excel. Ten umožňuje rýchle získavanie štatistických ukazovateľov; filtrovanie jedného alebo viacerých údajov v rámci jedného alebo viacerých parametrov; kombinovanie a usúvzťažňovanie parametrov; v neposlednom rade prostredníctvom kombinácie parametrov a údajov možno uskutočniť vzájomnú kontrolu správnosti a kompatibility vyplnených údajov.

V uvedenom programe sa spracovali, spracúvajú alebo budú spracúvať tieto základné parametre a údaje: údaje zo SKMS; typ údajá; typ hesla; číselné označovanie pred lexémou; slovnodruhovú príslušnosť lexémy; stupeň motivácie zachytený v slovníku (pomocou znakov >); stupeň motivácie vyjadrený číselne; motivačná potencia – bezprostredná; motivačná potencia – celková; typ motivačnej intencie; slovnodruhovú príslušnosť motivantu; slovotvorný spôsob; slovotvorný postup; typ onomaziologickej kategórie; onomaziologická kategória; štylistická príslušnosť lexémy.

Prostredníctvom tabuľkového programu možno v ktorejkoľvek fáze výskumu dopĺňať ďalšie parametre. Vzhľadom na pomerne veľký počet analyzovaných parametrov pracujeme aj s osobitnými súbormi, resp. hárkami, v ktorých sa dajú prehľadnejšie analyzovať vybrané parametre (takto sa spracúvajú napr. alternácie a trunkácie; porov. 3.11).

Pri porovnaní spôsobu parametrizovania u J. Furdíka a v našom výskume možno konštatovať, že kým vo furdíkovskom prístupe sa primárne vychádzalo z danej lexémy, ktorej sa priradzovali jednotlivé parametre,³ v našom prípade primárne pracujeme s jed-

² Ak nie je uvedené inak, uvádzame údaje z druhého vydania SKMS. V súčasnosti finišujeme s prípravou tretieho vydania SKMS, z ktorého sa bude pri riešení predstaveného projektu vychádzať.

³ Autor pracuje s týmito parametrami: 1. slovný druh a jeho gramaticko-sémantická špecifikácia; 1.1 štylistická charakteristika (ak súvisí so slovotvorbou); 2. motivovanosť – nemotivovanosť; 3. motivant (-y); 3.1 slovný druh motivanta, jeho gramaticko-sémantická špecifikácia, motivovanosť – nemotivova-

notlivými parametrami, ktoré prisudzujeme lexémam. Uvedené dva spôsoby spracovania pokladáme za rovnocenné, pretože vedú k rovnakým výsledkom.

3. Komentár k jednotlivým parametrom a vybrané štatistické údaje

V nasledujúcej časti uvádzame stručný komentár k vybratým parametrom a základné štatistické údaje, ktoré nateraz máme k dispozícii.

3.1 Údaje zo SKMS

Tento parameter obsahuje všetky východiskové informácie (okrem odkazových hesiel) tak, ako sú zachytené v SKMS (vrátane číselných indexov, morfematickej segmentácie a slovtvorných vzťahov).

3.2 Typ údajja

Rozlišujú sa dva typy údajov: H – heslový riadok (heslo, reprezentované príslušným radixom, resp. radixmi), I – riadok vnútri hesla (konkrétna lexéma).

Tabuľka 1. Ukážka spracovania prvých dvoch parametrov

SKMS	typ údajja
•ABBÉ / ABATIŠ	H
1 abbé-ø	I
1,8 abatiš-a	I
*[AB]DIK	H
2 [ab]dik-ov-a:t'	I
1 > [ab]dik-ác:i-a	I
2 >> [ab]dik-ač-n-ý	I
*ABITUR	H
1,7 abitur-ient-ø	I
2,7 > abitur-ient-k-a	I
2,7 > abitur-ient-sk-y	I

V SKMS sa nachádza 7 967 hesiel (heslových jednotiek), pričom toto číslo nezahrnuje odkazové heslá. Celkový počet jednotiek vrátane opakujúcich sa vidových korelátov je 67 682; bez opakujúcich sa vidových korelátov je to 63 223 lexém (porov. tab. 1 a 2),⁴ čo predstavuje priemer 7,9 lexémy na jedno heslo. Toto číslo neodráža

nosť; 3.1.1 doplňujúca charakteristika (štylistická hodnota) motivanta; 3.2 vzťah motivant – motivát; 3.3 charakter motivátu vyplývajúci z 3.2; 4. slovtvorný základ; 4.1 morfonologické alternácie, trunkácie; 4.2 spájacia morféma (pri kompozitách); 5. slovtvorný formant; 5.1 druh formantu; 5.2 prípadná variantnosť formantu; 6. slovtvorný spôsob a postup; univerbizácia; 7. slovtvorný vzorec; 8. motivačný význam; 9. slovtvorný význam; 10. príslušnosť do onomaziologickej kategórie; 11. typ onomaziologickej kategórie; 12. príklady slov zo slovtvorného typu; 13. motivačná intencia, miesto slova v slovtvornom hniezde; 14. celková súhrnná charakteristika (Furdík, 2004, s. 128).

⁴ V nadväznosti na koncepciu, v rámci ktorej sa vidové koreláty pokladajú za realizácie jednej lexémy, sme opakujúce sa vidové dvojice (príp. trojice, štvorice a i.) odfiltrovali (ku koncepcii spracovania

priemernú rozsiahlosť slovotvorných hniezd, pretože v jednom hesle sa môže vyskytnúť viac slovotvorných hniezd.⁵ V ďalších štatistických údajoch väčšinou abstrahujeme od 4 459 opakujúcich sa riadkov s vidovými koreláciami. Na druhej strane vidové koreláty berieme do úvahy pri slovesách vo funkcii motivantov; napr. derivát vy-**pch**-áv-k-a pokladáme za motivát vidového korelátu vy-**pch**-áv-a:t', nie primárneho vy-**pch**-a:t', preto tu určujeme formant -ka, nie -ávka.

Tabuľka 2. Počet spracúvaných hesiel a lexém (s vidovými korelátmi)

typ údajaja	počet
H – počet hesiel	7 967
I – počet lexém v heslách	67 682
spolu	75 649

Tabuľka 3. Počet spracúvaných hesiel a lexém (bez vidových korelátov)

typ údajaja	počet
H – počet hesiel	7 967
I – počet lexém v heslách	63 223
spolu	71 190

3.3 Druhy radixov

V SKMS sa nachádzajú tieto typy radixov (porov. tab. 4, 5): **jednoduché** – t. j. nepolysémne, nehomonymné, nevariantné, neviazané radixy, napr. **ALBUM**; **polysémické** – označené bodkou •, napr. •**ŠTANDARD**; **homonymné** – označené číslami v hornom indexe, napr. **HONOR**¹ (v tabuľke 3 označené písmenom H); **viazané** – označené hviezdíčkou*, napr. ***BROŠ**; **alomorfne** – v okrúhlych zátvorkách, napr. **AMBÍCI** (AMBICI); **variantné** – označené lomkou, napr. **LUFT** / LUFT.

Typy radixov sa často kombinujú, napr. *•**DEC**¹ / DEK³ / DEKA (DEK³), t. j. viazaný, variantný, alomorfný, homonymný radix (všetky možné kombinácie porov. v tab. 4; podrobnejšie o typoch apelatívnych radixov v SKMS porov. Sokolová – Genči, 2006). Údaje uvádzané v nasledujúcich tabuľkách sa mierne odlišujú od údajov v citovanej práci M. Sokolovej a J. Genčiho (2006), pretože tí vychádzajú z prvého vydania SKMS a v našom príspevku sa opierame o druhé vydanie. Súčet hodnôt v tabuľke 5 je vyšší než celkový počet hesiel vzhľadom na spomínanú kombinovateľnosť jednotlivých druhov radixov (z tabuľky 4 vyplýva, že najfrekventovanejšia je kombinácia viazaný + homonymný radix – 379 prípadov).

vidu porov. MSS, s. 40 – 44; k problematike vidu v súvislosti so SKMS porov. Sokolová – Genči, 2009, s. 50 a n.).

⁵ Údaje o rozsiahlosti slovotvorných hniezd budú známe až po skompletizovaní parametra *motivačná potencia* (porov. 3.7).

Tabuľka 4. Typy radixov (vo všetkých možných kombináciách)

typ hesla	počet	%	typ hesla	počet	%
jednoduché	3 039	38,1	*•()H	60	0,8
()	991	12,4	*•/	121	1,5
()/	29	0,4	*•/H	62	0,8
()/H	34	0,4	*•H	133	1,7
()H	338	4,2	*H	379	4,6
*	1 399	17,6	/	76	0,9
*()	176	2,2	/H	18	0,2
*()/	3	0,03	•	14	0,2
*()/H	4	0,05	•()	6	0,08
*()H	50	0,6	•()/	17	0,2
*/	23	0,3	•()/H	21	0,3
*/H	13	0,2	•()H	4	0,05
*•	331	4,2	•/	20	0,3
*•()	57	0,7	•/H	6	0,07
*•()/	121	1,5	•H	1	0,01
*•()/H	91	1,1	H	330	4,1
spolu				7 967	

Tabuľka 5. Základné typy radixov

typ hesla	počet	% podiel z celkového počtu 7 967 hesiel
jednoduché	3 039	38,1
polysémické •	1 065	13,4
homonymné ^{1,2...}	1 544	19,4
viazané *	3 023	37,9
alomorfne ()	2 002	25,1
variantné /	709	8,9

Prostredníctvom typológie radixov možno skúmať rozličné aspekty slovotvornej a morfematickej štruktúry, napr. vzťah medzi radixovou viazanosťou a slovotvornou demotiváciou, medzi radixovou polysémiou a slovotvorným hniezdom, medzi radixovou alomorfnosťou a slovotvornými alternáciami a pod.

3.4 Druhy lexém podľa číselného kódovania

Číselné kódovanie bližšie určuje typ lexémy (porov. MSS, s. 57 – 58; SKMS, s. 42 – 43; tu tab. č. 6); kódovanie sa zaviedlo v MSS a nachádza sa aj v SKMS.

V porovnaní s MSS sa v SKMS urobilo viacero úprav aj v číselnom kódovaní, preto sa údaje v tab. 5 úplne nezhodujú s údajmi v MSS (s. 494 – 495). Napríklad pribudla jedna nová kombinácia 4,7, a to pri lexéme **seb-a-disciplín-a**,⁶ keďže motivujúcej

⁶ Porov. SKMS, s. 110, heslo **DISCIPLÍN** (DISICPLIN); s. 388, heslo **S¹/SEB**.

lexéme **disciplín-a** sa pridelil kód 1,8 (diachronicky segmentovateľný radix, ktorý sa synchronne nesegmentuje); v MSS je pri lexéme **seb-a-disciplín-a** uvedený kód 4.

Tabuľka 6. Druhy lexém podľa číselného kódovania

čís. kód	vysvetlenie	príklady	s vid. korelátmi	bez vid. korelátov
0	domáca lexéma s jednou koreňovou morférou	bi-č-φ	36 654	32 742
0,1	výpožička z češtiny, resp. slovanských jazykov	bohatier-φ	72	71
0,2	výpožička z češtiny, resp. slovanských jazykov s domácimi afixmi	bohatier-sk-y	232	220
0,3	domáce kompozitum	žal-o-bab-a	6 515	6 484
0,5	domáca lexéma s afixoidom	dv-a-dsať-φ	215	215
0,7	lexéma s domácim radixom diachronicky segmentovateľným, avšak synchronne nesegmentovaným; v štruktúre sa navyše nachádza aj derivačná morféma	dobiedz-av-y'	712	665
0,8	lexéma s diachronicky segmentovateľným, avšak synchronne nesegmentovaným domácim radixom; v štruktúre sa nenachádza derivačná morféma	medved'-φ	182	180
0,9	domáce skratkové slovo	esero-č:k-a	10	10
1	prevzatá lexéma s jednou koreňovou morférou	kupol-a	5 387	5 384
1,3	prevzaté kompozitum	ombudsman-φ	2 117	2 117
1,5	prevzatá lexéma s afixoidom	tele-skop-φ	120	120
1,7	lexéma s prevzatým radixom diachronicky segmentovateľným, avšak synchronne nesegmentovaným; v štruktúre sa navyše nachádza aj derivačná morféma	respondent-φ	251	251
1,8	lexéma s diachronicky segmentovateľným, avšak synchronne nesegmentovaným prevzatým radixom; v štruktúre sa nenachádza derivačná morféma	pomaranč-φ	357	357
1,9	cudzie skratkové slovo	radar-φ	50	50
2	daná lexikálna jednotka s jednou koreňovou morférou je hybridná lexikálna jednotka (nesúladi medzi pôvodom koreňovej morfémy a pôvodom derivačných afixov)	oceán-sk-y	9 610	9 211
2,3	kompozitum s homogénnymi koreňmi, ale podľa pôvodu nerovnakými afixmi	pat-o-gén-n-y	2 196	2 179
2,4	kompozitum s nerovnakými koreňmi a afixmi z hľadiska pôvodu	päť-litr-ov-y'	701	701

2,5	kombinácia prevzatého koreňa s prefixoidom a domácimi sufixmi	špeci-fic-k-y'	151	146
2,7	nejasná štruktúra koreňovej morfémy, čiastočne segmentovateľná jednotka, ale podľa pôvodu s nerovnakými afixmi	reál-n-y	892	867
2,9	prevzaté skratkové slovo s domácim afixom	semtex-ov-y'	53	52
3,6	zložené apelatívum s jednou depropriálnou koreňovou morférou	svät-o-ján-sk-y	145	145
4	hybridná lexéma (zložená z domácich aj cudzích koreňových morfém)	dv-oj-skif-φ	439	439
4,7	hybridné kompozitum s diachronicky segmentovateľným, avšak synchronne nesegmentovaným prevzatým radixom	seb-a-disciplín-a	2	2
6	vlastné meno, resp. lexéma odvodená od vlastného mena (eponymum)	Pol-ár:k-a	22	22
6,0	depropriálny motivát	škod-ov:k-a	597	593
spolu			67 682	63 223

Číselné kódovanie sa ukazuje ako veľmi užitočné aj pre slovotvorbu. Takýmto spôsobom možno porovnávať napríklad slovotvorné „správanie sa“ domácich a prevzatých lexikálnych jednotiek. Pomer domácich, resp. pôvodom slovanských zdomáčených lexém (s kódovaním 0 samostatne alebo v kombinácii) a prevzatých lexém (s kódovaním 1 samostatne alebo v kombinácii) je 40 587 : 8 279. Hybridné lexémy (kódy 2 a 4 samostatne alebo v kombinácii) predstavujú 13 597 prípadov. Osobitne stoja ojedinelé depropriálne lexémy s počtom 27 (kódy 6; 6,0; 3,6), ktorých propriálne motivanty sa v súbore nenachádzajú. Ostatné depropriálne motiváty sú v SKMS zaradené do osobitného súboru (porov. SKMS, Slovníková časť – propriá, s. 535 – 568). Hybridné lexémy, ktoré predstavujú viac než jednu pätinu skúmaného súboru (21,5 %), sú dôkazom intenzívneho adaptačného tlaku vyvíjaného na prevzatú lexiku, a to najmä prostredníctvom pôsobenia slovotvornej motivácie (kombinácia domácich a prevzatých slovotvorných prostriedkov).

Tabuľka 7. Druhy lexém podľa pôvodu

typ	počet	%
domáce a zdomáčené lexémy (slovanského pôvodu) kódy: 0; 0,1; 0,2; 0,3; 0,5; 0,7; 0,8; 0,9	40 587	64,2
prevzaté lexémy kódy: 1; 1,3; 1,5; 1,7; 1,8; 1,9	8 279	13,1
hybridné lexémy kódy: 2; 2,3; 2,4; 2,5; 2,7; 2,9; 4; 4,7	13 597	21,5
depropriálne lexémy kódy: 6; 6,0; 3,6	760	1,2
spolu	63 223	

3.5 Slovnodruhovú charakteristika

Slovnodruhovú charakteristika bude východiskom pri analýze a porovnávaní slovotvorby jednotlivých slovných druhov (motivačná potencia, autoderivabilnosť, medzislovno-druhovú tvorenie a i.).

3.6 Stupeň slovotvornej motivovanosti

Ďalším skúmaným atribútom je stupeň slovotvornej motivovanosti, ktorý sa v SKMS vyjadruje počtom znakov >. Štatistické údaje o počte motivátov na jednotlivých motivačných stupňoch (tab. 8)⁷ rámcovo potvrdzujú tézu, že čím je stupeň motivovanosti vyšší, tým menší je motivačný potenciál (porov. Horecký – Buzássyová – Bosák a kol., 1989, s. 47; Furdík, 2004, s. 79).

Tabuľka 8. Zastúpenie lexém na jednotlivých motivačných stupňoch

stupeň motivácie	počet lexém
0	10 320
1	24 039
2	18 448
3	7 839
4	2 145
5	386
6	45
7	1
spolu	63 223

3.7 Motivačná potencia

Pri údajoch o motivačnom potenciáli rozlišujeme bezprostrednú a sprostredkovanú motiváciu. V prvom prípade by sme mohli uvažovať o **vlastnej**, resp. **bezprostrednej motivačnej potencii**, ktorá vyjadruje počet členov slovotvornej paradigmy tej-ktorej lexémy. V druhom prípade ide o počet všetkých motivátov (bezprostredných aj sprostredkovaných) príslušnej lexémy. Pri lexémach patriacich do štvrtého typu motivačnej intencie (porov. 3.8) sa neuvádza žiadne číslo, tieto jednotky majú nulovú motivačnú potenciu. Viacnásobná motivácia sa bude riešiť v ďalších fázach výskumu.

3.8 Typy motivačnej intencie

Vysvetlenie podstaty a typov motivačnej intencie (ďalej TMI) predstavuje jeden z viacerých výrazných vkladov J. Furdíka do teórie slovotvorby (porov. Furdík, 1998/2005). Motivačná intencia vyjadruje miesto lexikálnej jednotky v slovotvorbnom rade a sekundárne aj v slovotvorbnom hniezde. Autor rozoznáva tieto štyri základné typy motivačnej intencie: 1. **L**→ (lexéma je motivantom, stojí na začiatku slovotvorbného radu); 2. →**L**→ (lexéma je motivátom aj motivantom, stojí uprostred slovotvorbného radu); 3. →**L** (lexéma je motivátom, stojí na konci slovotvorbného radu); 4. **L** (lexéma

⁷ Pri uvedených údajoch sme nateraz do úvahy nebrali viacnásobnú motivovanosť.

nie je ani motivantom, ani motivátom, synchronne sa nezapája do slovotvornomoti-vačných vzťahov).

Prezentované údaje (porov. tab. 9) o príslušnosti do TMI nadväzujú na poznatky J. Furdíka tým, že jednak ich kvantitatívne spresňujú a pripravujú tak pôdu pre ďalšie rozvíjanie tejto oblasti výskumu, jednak ponúkajú údaje o pomere slovotvorne nemotivovaných slov (ďalej SNS) a slovotvorne motivovaných slov (ďalej SMS) v slovenskom jazyku. Tieto údaje sú v kontexte slovastického a slavistického derivatologického výskumu podnetné. Doteraz sa totiž prijímal poznatok o približnom dvojtretinovom zastúpení SMS v slovanských jazykoch (Furdík, 1993, s. 24; 2004, s. 24; tam aj ďalšia literatúra). Na základe skúmaného materiálu sa však ukazuje, že pomer medzi SNS a SMS je výraznejší, ba v porovnaní s klasickými údajmi radikálnejší v prospech SMS, konkrétne 16,4 % (SNS) : 83,6 % (SMS) (ak berieme do úvahy aj opakujúce sa kompozitné jednotky). Tieto čísla sú prakticky rovnaké aj po odpočítaní opakujúcich sa kompozít, konkrétne je pomer 17 % : 83 % v prospech SMS. V úplnosti sa tak potvrdzuje, ba „prekračuje“ poznatok J. Furdíka, že „strata motivovanosti teda postihuje jednotlivé slová, ale celkový stupeň motivovanosti slovnej zásoby zostáva približne rovnaký“ (Furdík, 1993, s. 22). Ukazuje sa totiž, že motivovanosť slovnej zásoby ako celku mierne narastá najmä v závislosti od stúpajúceho motivačného potenciálu jednotlivých lexém, a to domácich aj prevzatých. Slovotvorná motivácia tak naďalej zohráva pilotnú úlohu pri obohacovaní slovnej zásoby, naplno sa prejavujú jej základné vlastnosti a funkcie – systemizácia, integrácia, adaptácia a v neposlednom rade aj kondenzácia (Furdík, 1993).

Tabuľka 9. Zastúpenie typov motivačnej intencie⁸

typ lexémy	typ intencie	počet celkom	%	počet bez opak. kompozít	%
SNS	1. L→	7 873	12,5	7 463	13,0
SMS	2. →L→	16 402	25,9	14 720	25,7
SMS	3. →L	36 499	57,7	32 733	57,2
SNS	4. L	2 449	3,9	2 302	4,0
spolu		63 223		57 218	

Z uvedených údajov o zastúpení TMI možno vydedukovať aj ďalšie skutočnosti. Uvedieme aspoň jednu z nich. Výrazné zastúpenie SMS patriacich do tretieho TMI (→L) nasvedčuje, že v skúmanom súbore prevažujú slovotvorné rady s dvomi členmi, východiskovým motivantom a koncovým motivátom. Ak by to tak nebolo, ešte výraznejšie by boli zastúpené lexémy patriace do druhého TMI (→L→).

Na základe toho možno formulovať zákonitosť, že čím väčšie je zastúpenie lexém z tretieho TMI a čím menšie je zastúpenie lexém z druhého TMI, tým viac je

⁸ Kompozitnosť v tomto prípade chápeme v morfeatickom zmysle. Preto sa odpočítavali všetky opakujúce sa kompozitné jednotky, nielen tie, ktoré sú slovotvorne motivované (patriace do druhého a tretieho TMI). V tomto prípade by azda bolo presnejšie uvažovať o viacradixových, nie kompozitných štruktúrach.

dvojčlenných slovotvorných radov. A naopak, čím menšie je zastúpenie lexém z tretieho TMI a čím väčšie je zastúpenie lexém z druhého TMI, tým viac je troj- a viacčlenných slovotvorných radov.

3.9 Slovnodruhová príslušnosť motivantu

Po finalizácii vyplňania tohto parametra bude možné spresniť a doplniť údaje o motivačnom potenciáli jednotlivých slovných druhov a zastúpení jednotlivých typov slovotvorných základov (porov. aj 3.7; Furdík, 2004, s. 37 – 38).

3.10 Ďalšie parametre

Ide jednak o slovotvorne závažné a svojím spôsobom kľúčové parametre (slovotvorné spôsoby – derivácia, resp. kompozícia; slovotvorné postupy – v rámci slovotvorných spôsobov; typ onomaziologickej kategórie, onomaziologická kategória), jednak o doplnkový parameter štýlovej príslušnosti lexémy. Tieto parametre vypracovali študenti, ale ešte neboli skontrolované, preto na tomto mieste neuvádzame ani predbežné štatistické zistenia.

3.11 Spracovanie alternácií a trunkácií

Pri spracovaní alternácií a trunkácií metodologicky vychádzame z prác M. Sokolovej (2000) a M. Ivanovej (2004). Pri alternáciách sa do osobitných stĺpcov zaznačujú alternanty a typy morfém, v ktorých k alternáciám dochádza (vzhľadom na možnosť prítomnosti viacerých alternácií v jednom slovotvornom akte pracujeme s viacerými stĺpcami. Trunkované segmenty sa zaznačujú do riadkov k tým lexémam, pri tvorení ktorých k trunkácii dochádza; napr. trunkácia segmentu *n* sa zaznačí do riadku k lexéme *homogenita* (porov. motivačný vzťah *homogénny* → *homogenita*).

4. Materiálové obmedzenia

Materiálové obmedzenia, ktoré do istej miery skresľujú výsledné štatistické ukazovatele, môžu byť dvojakého druhu: 4.1 neúplnosť lexikálneho materiálu; 4.2 nemožnosť zaznačenia niektorých slovotvorných vzťahov.

4.1 Neúplnosť lexikálneho materiálu

Lexikografia a lexikológia sú odkázané na neúplnosť objektu svojho výskumu. Neexistuje totiž ani všeobecný, ani špecializovaný slovník, ktorý by obsahoval všetky existujúce lexikálne jednotky. Je prirodzené, že slovotvorné usporiadanie SKMS systémovo odhaľuje lexikografické „biele miesta“, ktoré sa v KSSJ ako hlavnom zdrojovom materiáli nachádzajú. Zo slovotvorného hľadiska takéto „biele miesta“ možno rozdeliť do týchto skupín:

a) Lexikálne jednotky stojace za začiatku slovotvorných radov: Absencia týchto motivantov spôsobuje radixovú viazanosť východiskových slovníkových lexém (v zátvorkách uvádzame v slovníku absentujúce lexémy), napr. (A) → **á-č:k-a**; často ide o absentujúce propriá: (Bernolák) → **ber nolák-ov:ec-φ**, (Byron) → **byron-izm-us**, (Dante) → **dante-ov:sk-jý**, (Hviezdoslav) → **hviezdoslav-ov:sk-jý**.

b) Lexikálne jednotky stojace uprostred alebo na konci slovotvorných radov; porov. napr. chýbajúce lexémy *klinopis*, *odvážlivý*, *vzlinavý* v príkladoch (1) – (3):

- (1) 0 **klin- ϕ**
0,3 > **klin-o-pis-n-y**
- (2) 0 > [**od**]váž-i:t' sa {[**od**]váž-ov-a:t'}
- 0 > [**od**]váž-ov-a:t' sa {[**od**]váž-i:t'}
- 0 >> [**od**]váž-l:iv:ec- ϕ
- (3) 0 vz-**lín-a:t'**
0 > vz-**lín-av-ost²- ϕ ⁹**

Zaradenie/nezaradenie tej-ktorej jednotky do slovníka možno efektívne sledovať aj porovnávaním lexém patriacich do jednej slovtvornej paradigmy. V SKMS sa napr. nachádzajú lexémy *brontosaurus*, *dinosaurus* a *ichtyosaurus*, pričom sekundárne adjektívum je uvedené len od lexémy *dinosaurus*; porov. príklad (4).

- (4) *•SAUR
- 1,3 • **bront-o-saur-us**
- 1,3 • **dino-saur-us**
- 1,3 > • **dino-saur-í**
- 1,3 • **ichty-o-saur-us**

V hesle s radixom **SEX** zasa chýbajú deriváty lexémy *heterosexuál* (*heterosexuálny*, *heterosexuálne*, *heterosexualita*, *heterosexuálnosť*), pri lexéme *homosexuál* zasa derivované abstraktum s domácim sufixom *-ost'* (*homosexuálnosť*), hoci v porovnaní s uvedenou lexémou *bisexuálnosť* je jej frekvencia podľa vyhľadávača *Google* nepomerne vyššia (*bisexuálnosť*: 7, *homosexuálnosť*: 723):

- (5) 1 **sex- ϕ**
- 2 > **sex-u:ál-n-y**
- 2 >> **sex-u:ál-n-ost'- ϕ**
- 2 >> **sex-u:ál-n-e«**
- 1 >> **sex-u:al-it-a**
- 1 > trans-**sex-u:ál- ϕ**
- 1 >>< trans-**sex-u:al-izm-us**
- 2,3 > • **bi-sex-u:ál- ϕ**
- 2,3 >>< • **bi-sex-u:ál-n-y**
- 2,3 >>> • **bi-sex-u:ál-n-ost²- ϕ**
- 2,3 >>> • **bi-sex-u:ál-n-e«**
- 1,3 >>> • **bi-sex-u:al-it-a**
- 1,3 > • **heter-o-sex-u:ál- ϕ**
- 1,3 > • **hom-o-sex-u:ál- ϕ**
- 2,3 >>< • **hom-o-sex-u:ál-n-y**
- 2,3 >>> • **hom-o-sex-u:ál-n-e«**
- 1,3 >>> • **hom-o-sex-u:al-it-a**

⁹ Podľa koncepcie SKMS mala byť lexéma *vzlinavosť* pri absencii reálneho bezprostredného motívu *vzlinavý* segmentovaná takto: vz-**lín-av-ost²-0**.

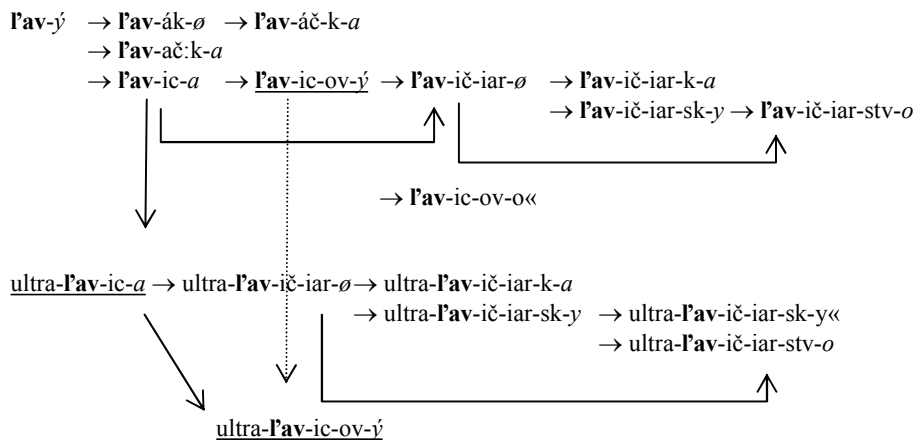
4.2 Nemožnosť zaznačenia niektorých slovtvorných vzťahov

Niektoré slovtvorné polymotivačné vzťahy sa podľa zvolenej koncepcie v SKMS nedajú znázorniť; porov. výsek z hesla **ĽAV**¹ (SKMS, s. 37).

(7) **ĽAV**¹

0 **Ľav**-ý
 0 > **Ľav**-ák-ø
 0 >> **Ľav**-áč-k-a
 0 > **Ľav**-ač:k-a
 0 > **Ľav**-ic-a
 0 >> **Ľav**-ic-ov-ý
 0 >>> **Ľav**-ič-iar-ø
 0 >>>> **Ľav**-ič-iar-k-a
 0 >>>> **Ľav**-ič-iar-sk-y
 0 >>>>> **Ľav**-ič-iar-stv-o
 0 >>>> **Ľav**-ic-ov-o«
 2 >> ultra-**Ľav**-ic-a
 2 >>> ultra-**Ľav**-ič-iar-ø
 2 >>>> ultra-**Ľav**-ič-iar-k-a
 2 >>>> ultra-**Ľav**-ič-iar-sk-y
 2 >>>>> ultra-**Ľav**-ič-iar-sk-y«
 2 >>>>>> ultra-**Ľav**-ič-iar-stv-o
 2 >>>>> ultra-**Ľav**-ic-ov-ý

Znázornenie v priestore:

V tomto prípade nemožno znázorniť potenciálny vzťah deadjektívnej modifikácie *Ľavicový* → *ultraĽavicový* (vyznačený bodkovanou čiarou), keďže na základe analógie s motivačnou dvojicou *Ľavica* → *Ľavicový* dávame prednosť vzťahu *ultraĽavica* → *ultraĽavicový* (lexému *ultraĽavicový* sme tak ponechali v slovtvornom rade ostatných lexém s prefixoidom *ultra-*). Znázorneniu oboch motivačných vzťahov (*Ľavicový* →

ultraľavícový aj *ultraľavica* → *ultraľavícový*) bráni skutočnosť, že obidva motivanty sa nachádzajú na tom istom stupni motivovanosti: >> (majú spoločný motivant *ľavica*).

V elektronickej verzii, ktorá bude jedným z výstupov projektu (porov. závery) počítame s doplnením spomínaných bielych miest. Bude však potrebné premyslieť, aké typy lexém na základe akých kritérií sa budú pridávať.

Záver

Realizácia projektu *Komplexné spracovanie slovenskej slovotvorby* by mohla prispieť k prehĺbeniu doterajších poznatkov o fungovaní slovotvornej motivácie v jazyku a v reči a ponúknuť viaceré ďalšie námety na výskum. Komplexnosť predstaveného prístupu spočíva v tom, že sa počíta s analýzou všetkých slovotvorne relevantných parametrov, konkrétne sa bude skúmať fungovanie, súčinnosť a produktivnosť jednotlivých zložiek slovotvorného systému (slovotvorných prostriedkov, postupov a útvarov) s ohľadom na spätosť slovotvorby s ďalšími súčasťami jazyka, so zameraním nielen na autosémantiká, ale aj synsémantiká. Vytvorí sa tak platforma nielen pre interlingválnu, ale aj intralingválnu komparáciu napr. v relácii bežná lexika – špecifická (terminologická, sociolektická, neologická a i.) lexika.

Hlavnými výstupmi projektu bude kolektívna monografia a internetové rozhranie, v ktorom sa budú dať vyhľadávať jednotlivé slovotvorné (ale aj morfológické) parametre (o softvérovej podpore a elektronickom výstupe porov. už J. Furdík – K. Furdík, 2002/2005).

LITERATÚRA

- FURDÍK, J.: Pokus o komplexný kvantitatívny výskum slovotvorného systému pomocou počítača. (Metodologické východiská a prvé výsledky.) In: *Metódy výskumu a opisu lexiky slovanských jazykov. Materiály zo sympózia konaného v rámci 7. zasadnutia Lexikologicko-lexikografickej komisie pri Medzinárodnom komitete slavistov* (Nové Vozokany 24. – 26. apríla 1989). Red. V. Blanár et al. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra 1990, s. 254 – 264.
- FURDÍK, J.: Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča: Modrý Peter 1993. 200 s.
- FURDÍK, J.: Metodologické problémy tvorby slovotvorného slovníka slovenčiny. In: *Zápisník slovenského jazykovedca*, 1995, roč. 14, s. 32 – 33 (tézy prednášky konanej dňa 25. 4. 1995 v pobočke Slovenskej jazykovednej spoločnosti pri SAV v Bratislave). – Znovu publikované pod rovnakým názvom in: *Život so slovotvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin*. Eds. M. Ološtiak – L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG 2005, s. 331 – 333.
- FURDÍK, J. – FURDÍK, K.: Slovotvorný slovník slovenčiny – softvérové riešenie. In: *Varia*. 9. Zborník materiálov z XI. kolokvia mladých jazykovedcov (Modra-Piesok 1. – 3. december 1999). Eds. M. Nábělková – M. Šimková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV 2002, s. 305 – 316. – Znovu publikované pod rovnakým názvom in: *Život so slovotvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri*

- príležitosti nedožitých sedemdesiatin. Eds. M. Ološtiak – L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG 2005, s. 335 – 347.
- FURDÍK, J.: Motivačná intencia slova. In: Slovenská reč, 1998, roč. 63, č. 6, s. 321 – 329. – Znovu publikované pod rovnakým názvom in: Život so slovotvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin. Eds. M. Ološtiak – L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG 2005, s. 273 – 282.
- FURDÍK, J.: Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia). Ed. M. Ološtiak. Prešov: Náuka 2004. 200 s.
- GENČI, J.: Počítačové spracovanie Slovníka koreňových morfém slovenčiny. In: Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania). Eds. M. Sokolová – M. Ivanová – M. Ološtiak. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2006, s. 10 – 25.
- HORECKÝ, J. – BUZÁSSYOVÁ, K. – BOSÁK, J. a kol.: Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda 1989. 436 s.
- IVANOVÁ, M.: Niekoľko poznámok o trunkácii v slovenčine. In: Slovenčina na začiatku 21. storočia. Na počesť profesora Ivora Ripku. Ed. M. Imrichová. Prešov: Fakulta humanitných a prírodných vied, Prešovská univerzita v Prešove 2004, s. 102 – 111.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. 3., dopl. a preprac. vyd. Bratislava: Veda 1997. 944 s.
- LIPTÁKOVÁ, E. – VUŽŇÁKOVÁ, K.: Dieťa a slovotvorba. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Pedagogická fakulta 2009. 203 s.
- Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania). Eds. M. Sokolová – M. Ivanová – M. Ološtiak. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2006. 286 s.
- OLOŠTIAK, M.: Juraj Furdík – homo linguisticus et paedagogicus. In: Furdík, J.: Život so slovotvorbou a lexikológiou. Výber štúdií pri príležitosti nedožitých sedemdesiatin. Eds. M. Ološtiak – L. Gianitsová-Ološtiaková. Košice: Vydavateľstvo LG 2005, s. 11 – 35.
- Pravidlá slovenského pravopisu. 2., dopln. a preprac. vyd. Bratislava: Veda 1998. 573 s.
- SOKOLOVÁ, M.: Alternácie v spisovnej slovenčine. In: Človek a jeho jazyk 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Na počesť Jána Horeckého. Ed. K. Buzássyová. Bratislava: Veda 2000, s. 417 – 444.
- SOKOLOVÁ, M. – MOŠKO, G. – ŠIMON, F. – BENKO, V.: Morfematický slovník slovenčiny. Prešov: Náuka 1999. 531 s.
- SOKOLOVÁ, M. – OLOŠTIAK, M. – IVANOVÁ, M. et al.: Slovník koreňových morfém slovenčiny. 2., uprav. vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2007. 586 s. (1. vyd. 2005.)
- SOKOLOVÁ, M. – OLOŠTIAK, M.: Manuál Slovníka koreňových morfém slovenčiny. In: Sokolová, M. – Ološtiak, M. – Ivanová, M. et al.: Slovník koreňových morfém slovenčiny. 2., uprav. vyd. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2007, s. 13 – 40.

- SOKOLOVÁ, M. – GENČI, J.: Štatistické spracovanie apelatívnych radixov. In: Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania). Eds. M. Sokolová – M. Ivanová – M. Ološtiak. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2006, s. 26 – 55.
- SOKOLOVÁ, M. – GENČI, J.: Štatistické spracovanie verbálneho aspektu. In: Aspektuálnosť a modálnosť v slovenčine. Ed. M. Ivanová. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove 2009, s. 38 – 67. Dostupné na: <http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Ivanova1/pdf_doc/3.pdf>.
- VUŽŇÁKOVÁ, K.: Doterajšie prístupy k lexikografickému spracovaniu slovotvorby. In: Slovenská reč, 2005, roč. 70, č. 3, s. 159 – 173.
- VUŽŇÁKOVÁ, K.: Problémy lexikografického zachytenia slovotvorného slovníka slovenčiny. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove 2006. 163 s. Dostupné na: <<http://www.pulib.sk/elpub2/PF/Vuznakova1/index.htm>>

Martin Ološtiak

NOTES ON THE PROJECT COMPLEX ANALYSIS OF THE SLOVAK WORD-FORMATION

Summary

Slovak Dictionary of Root Morphemes (SDRM) is a unique publication providing both morphemic and word-formation analysis of c. 65 000 lexemes of modern Slovak. The paper presents a project entitled *Word-formation of contemporary Slovak*. The project is based on the material from SDRM. Its objective is complex description and explanation of word-formation of contemporary Slovak language. The complexity results from a set of relevant parameters to be analysed: part of speech, origin, stylistic/register characteristics of both a motivating word and a motivated word, word-formation means (bases, affixes, alternation, truncation), word-formation processes (derivation, composition), types of word-formation motivation, types of complex word-formation units (paradigms, chains, nests; word-formation model/types, onomasiological categories, types of onomasiological categories). Project findings can lay the foundations of subsequent interlingual and intralingual research in the field of word-formation and lexicology.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ПЕТРУХИНА*
МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
РЕСУРСОВ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с сербским языком)

Аннотация. В статье проводится анализ использования словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном русском церковно-религиозном дискурсе, – на материале проповедей архимандрита Иоанна (Крестьянкина), написанных высоким стилем. Проведенный анализ свидетельствует о том, что источником высокого стиля в современном русском языке по-прежнему являются стилистические церковнославянизмы (славянизмы), т.е. заимствованные из церковнославянского языка слова, морфемы и модели образования слов, не использующиеся в обычном употреблении. К словообразовательным стилистическим церковнославянизмам относятся прежде всего приставки *пре-, пред-, из-, воз-, со-*, суффиксы *-ство-, -стви(j)-, -ейш/-айш-*, церковнославянские модели сложных слов. В последней части статьи ставится вопрос о сопоставлении использования церковнославянизмов в русском и сербском религиозных дискурсах.

Ключевые слова: церковнославянизмы, церковно-религиозный стиль, словообразовательные форманты, русский язык, сербский язык.

1. Славянизмы в русском языке. Русский язык наследовал комплекс церковнославянских словообразовательных формантов (суффиксы *-тель, -тельн, -ств(о), -стви(е), -ени(е), -ость, -ейш-*, суффиксы причастий, приставки *пре-, пред-, воз-/вос, из-, чрез-, со-* и др.), а также модели словообразования, в том числе модели образования сложных слов. Словообразовательные форманты и модели, заимствованные русским языком на разных исторических этапах его развития из старославянского или церковнославянского языка¹, а также процесс сложного взаимодействия близкородственных древнерусского и старославянского языков в диакронии были проанализированы в ряде отечественных и зарубежных

---

* e-mail: elena.petrukhina@gmail.com

¹ В русской лингвистической традиции различают старославянский язык (язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг) и церковнославянский язык (русской редакции) как язык, вышедший из старославянского и продолжающий его традиции и функции, см. [Толстой 2001]. Церковнославянский язык является языком богослужения в Русской Православной Церкви.

публикаций, в том числе и монографических [Шахматов 1941, Винокур 1959, Улуханов 2004, 2009], на которые мы опираемся в своем исследовании. Данные словообразовательные морфемы и модели, а также образованные при помощи них слова относятся к церковнославянизмам, или славянизмам.

Понятие «славянизм», как отмечал Г.О. Винокур, имеет два значения: «одно – генетическое, другое – стилистическое». В генетическом смысле наименование славянизма приложимо ко всем явлениям русской речи, которые имеют не русское, а церковнославянское происхождение». С этой точки зрения, к генетическим славянизмам можно причислить совершенно обычные слова современного русского языка, общеупотребительные в письменной и устной речи, которые включают в себя хотя бы один какой-нибудь элемент, восходящий к церковнославянскому источнику, например так называемые неполногласные слова, вроде *нрав*, *враг* (при русских *норов*, *ворог*), действительные причастия настоящего времени и многие другие явления. Другую группу составляют стилистические славянизмы, «не встречающиеся в настоящее время в общем употреблении» и пригодные только для целей стилизации» [Винокур 1959: 443, 444, 448]. Г.О. Винокур считал, что «в современном русском литературном языке славянизмы не составляют уже живой и действенной стилистической категории», поэтому есть основания говорить о факте «почти полного отсутствия в современном языке стилистических славянизмов» [Винокур 1959: 459].

Н.С. Арапова, автор словарной статьи о славянизмах в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС), занимает сходную позицию. Она считает, что славянизмы в русском языке выполняли стилистическую функцию создания высокого стиля лишь до середины XIX в., со второй половины XIX в. использовались уже как средство пародирования напыщенного или официозного слога, а в XX в. – как средство создания исторического колорита или речевой характеристики персонажей [ЛЭС 1990: 460]. Не случайно, что и в исследованиях стилистического аспекта словообразования современного русского языка в последней четверти XX в. славянизмы², так же как и высокий стиль русского языка, рассматриваются лишь эпизодически [Виноградова 1986, 1992].

По нашему мнению, подобные выводы были справедливы для своего времени. Церковнославянизмы как стилистическая категория, как строительный материал для высокого стиля русского языка, нуждаются в «питательной среде» – в активном использовании церковнославянского языка. Об этом писали многие выдающиеся филологи – Н.С. Трубецкой, В.К. Журавлев, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов и др. «Русский литературный язык постоянно подпитывался живительным словом из чистейшего источника – церковнославянского языка. Активный носитель русского литературного языка постоянно слышал церковнославянское слово при посещении православного русского храма, при самостоятельном чтении книг церковных... С первых шагов в храм, с первой молитвы русский ребенок начинал осознавать наличие двух рядов схожих слов (*огород - ограда, рот - уста, глаз - око, лампа - лампада, один - един, верю - верую, небо - небеса* и т.п.). Ряду

² В дальнейшем изложении используются оба термина: «славянизм» и «церковнославянизм», но более точным представляется последний.

слов, связанных с обыденным, бытовым, был четко противопоставлен другой ряд слов, относящихся к чему-то возвышенному... И нельзя их разорвать, нельзя ограничивать свою речь лишь одним рядом» [Журавлев 1998: 222–223]. Примеры парных слов, существующих в современном русском языке, одно из которых по своему происхождению церковнославянское, другое – русское, можно продолжить. «Оба словесных выражения дифференцируются в своем значении, притом либо так, что церковнославянское слово получает торжественный и поэтический обертон, отсутствующий у соответствующего русского (*ладья* : лодка, *перст* : палец... *чело* : лоб, *дева* : девушка, *дитя* : ребенок, *великий* : большой, *согбенный* : согнутый, *хладный* : холодный и т.д.), либо так, что церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское – более конкретное значение»: *обратить* : оборотить, *небрежный* : небрежный, *страна* : сторона, *краткий* : короткий, *глава* : голова, *оградить* : огородить, *откровенный* : открытый, *равный* : ровный, *краткий* : короткий, *чуждый* : чуждой... *влачить* : волочить, *вопросить* : спросить и др. [Трубецкой 1990: 121]. Рассмотрев также другие типы стилистических церковнославянизмов в русском языке, Н.С. Трубецкой анализирует в связи с ними «особенности и особые «удобства» русского языка», в первую очередь назвав совершенную технику образования новых слов, в том числе в русской научной терминологии. «Так как церковнославянские слова, за редкими исключениями... не ассоциируются в сознании со слишком конкретными представлениями обыденной жизни, они как нельзя более подходят именно для образования новых слов в вышеописанном смысле» – как научных терминов, ср.: *млекопитающие*, *Млечный путь*, *пресмыкающиеся* и др. Но самая замечательная особенность современного русского языка, отражающего «разные комбинации церковнославянской и великорусской стихий» – это стилистическая система русского языка: «русский литературный язык очень богат разнообразнейшими стилистическими возможностями», о которых писал еще М.В. Ломоносов. Таким образом, делает вывод Н.С. Трубецкой, «сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества. Без церковнославянской традиции русский язык вряд ли достиг бы такого совершенства» [Трубецкой 1990: 123–124].

Разрушение после 1917 года исторических связей и традиций на всех уровнях, изгнание церковнославянского языка из школы, террор против Церкви, антирелигиозная пропаганда и замалчивание религиозного дискурса, который в советский период не мог развиваться в полной мере, искусственно изолировали церковнославянский язык от русского языка, с которым он взаимодействовал в течение многих веков. Было нарушено преемство древней литературно-языковой традиции. Этот фактор обычно не учитывается при анализе причин – социально-политических, экономических, культурных, языковых и технологических – глобального стилевого снижения современной русской речи, которое мы наблюдаем в последние два десятилетия на всех уровнях. Данный вопрос требует отдельного серьезного исследования. Ниже речь пойдет о восстановлении церковнославянской языковой традиции в современном русском языке – о стилевом и словообра-

зовательном потенциале того дискурса³ русского языка, который непосредственно взаимодействует с церковнославянским языком богослужения, – о потенциале церковно-религиозного дискурса и о его стилевых характеристиках.

2. Церковно-религиозный дискурс. Мы являемся свидетелями того, как с начала 90-х годов XX в. происходит динамичное развитие, можно сказать, возрождение русского церковно-религиозного дискурса. Как отмечается в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка», с 1917 года до середины восьмидесятых годов XX в. церковно-религиозная область функционирования русского языка, «в силу известных экстралингвистических причин, была практически закрыта для филолога-исследователя, следствием чего явилось отсутствие указания на церковно-религиозный стиль в литературе по стилистике, а также распространенное мнение, что данная сфера обслуживается не современным русским, а церковнославянским языком. В настоящее время сфера церковно-религиозной общественной деятельности раздвигает свои границы» [Стилистический словарь 2003, <http://stylistics.academic.ru>].

Задача лингвистов – изучить сложившуюся традицию использования в Церкви двух близкородственных языков: церковнославянского языка богослужения и вдохновляемого им русского языка проповедей, посланий, толкований и поучений священства. Именно в этих произведениях происходит актуализация церковнославянизмов как стилистической категории высокого стиля. Иначе не может и быть: тексты высокого стиля могут быть порождены только на основе актуального для говорящего соответствующего «культурного материала» и постоянного к нему обращения. Культурной основой высокого стиля русского языка, из которой и черпаются стилистические церковнославянизмы, в настоящее время являются современные богослужебные тексты на церковнославянском языке.

О церковно-религиозном дискурсе русского языка, в частности о таком его жанре, как проповедь, в последние два десятилетия появилась большая лингвистическая литература, (см., например, [Крысин 1996, 2003, Крылова 2000, 2003]), которую в рамках данной статьи мы не имеем возможности проанализировать. В статье проводится анализ использования словообразовательных ресурсов церковнославянского языка в современном церковно-религиозном дискурсе русского языка на примере проповедей архимандрита Иоанна Крестьянкина⁴. Весь языковой материал почерпнут из одного электронного ресурса⁵, поэтому в дальнейшем мы не указываем источники и названия отдельных произведений о. Иоанна. Проповеди архим. Иоанна, многие из которых он предварительно писал, последовательно выдержаны на уровне высокого стиля русского языка. Это их важная стилистическая особенность, так как проповеди современных

---

³ Дискурс здесь понимаем как «интегративную совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении» [Стилистический словарь 2003, <http://stylistics.academic.ru/>].

⁴ Об архимандрите Иоанне Крестьянкине см. в Википедии: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_\(Крестьянкин\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_(Крестьянкин))

⁵ Адрес электронного ресурса проанализированных проповедей архимандрита Иоанна (Крестьянкина): <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=745>

православных священников часто строятся в нейтральном стиле, с включением элементов книжного и высокого стиля [Крысин 1996].

Для произведений архим. Иоанна характерны все содержательные признаки высокого стиля: ярко выраженная этическая составляющая, устремленность к Божественному идеалу, сосредоточенность на нравственных категориях, «излияние любви». В формально-языковых средствах выражения приподнятости над обыденной действительностью, свойственной высокому стилю, большую роль играют словообразовательные форманты и модели, наследованные русским языком из церковнославянского языка, продолжающего кирилло-мефодиевские традиции старославянского языка.

3. Церковнославянские словообразовательные форманты в современном русском языке. В целом ряде специальных исследований, в том числе и монографических, детально описывается словообразование старославянского языка [Цейтлин 1977; Ефимова 2006, Улуханов 2004], характеризующегося развитой системой аффиксов [Цейтлин 1977: 69]. Многие из этих аффиксов вошли в русский язык как нейтральные в стилистическом отношении, например суффиксы имен лиц: *-ик, -ник, -ец, -ин, -тель*. Из этих именных суффиксов в последние десятилетия активно используются суффиксы *-ник* и *-тель* [Земская 1996: 103]. Суффикс *-тель* ведет себя настолько активно, что словообразовательный тип с этим суффиксом становится открытым для новых дериватов, как нейтральных, так и разговорных, причем многие из них не воспроизводятся, а производятся в речи [Петрухина 2012]. В системе книжных суффиксов отвлеченных имен старославянского происхождения лидирует суффикс *-ость*, в последние годы «устраняя ограничения, присущие его сочетаемости в XIX – начале XX вв.» [Земская 1992: 62]. Книжный характер сохраняют именные дериваты с суффиксами *-ств-, -стви(j)-*, причем их стилистическую принадлежность в большой степени определяет стилистическая окрашенность мотивирующего слова [Виноградова 1992: 46, 47]. Префиксы церковнославянского происхождения (*пре-, пред-, со-, воз-, низ-, из-*) в современном русском языке более последовательно сохраняют книжный или высокий характер. Среди производных с данными префиксами есть архаичные глаголы, всегда имеющие высокую стилистическую окраску: *предуготовить, предначертать, восславить, истечь, исходить, ниспасть, низринуться* [Виноградова 1992: 58].

Известно, что старославянские типы сложных слов сыграли важную роль в формировании русского словосложения. Речь идет прежде всего о сложных существительных, представляющих собой кальки греческих композитов в переводных текстах духовно-религиозного содержания (в том числе с элементами ДОБРО-, БОГО-, БЛАГО-, ЗЛО-, ПРАВДО-, МИРО-, ДУШЕ- и др.). Создание сложных слов по образцу греческих для передачи новых христианских понятий активизировало в русском языке сами модели словосложения, а также содействовало приспособлению к лексической и словообразовательной системе древнерусского языка сложно-суффиксальных слов с суффиксами *-ени(е), -иј(е), -тель, -ец*. Анализ сложных слов показателен в мировоззренческом отношении – они выражают типовые комплексы частотных смыслов, важных для общества в определенный период его существования (подробнее см. [Петрухина 2010]).

4. Церковнославянские словообразовательные форманты и модели как показатели высокого стиля в проповедях архимандрита Иоанна (Крестьянкина). В последующем изложении на материале проповедей архим. Иоанна анализируются прежде всего такие словообразовательные ресурсы церковнославянского языка, которые являются показателями высокого стиля. Это приставки *пре-, пред-, воз-/вос, из-, со-*, суффиксы *-ейш-, -ств-*, церковнославянские модели сложных слов. Словообразовательные производные с перечисленными формантами органично взаимодействуют с лексическими и грамматическими средствами выражения возвышенности, также церковнославянского происхождения.

4.1. Приставка *пре-*. Эта приставка в проповедях арх. Иоанна представлена в двух функциях. В первой функции она выступает как формант отдельных архаичных глаголов. Это отражает установленную И.С. Улухановым закономерность, как вошла эта группа славянизмов в русский язык: как факт «менее системного – лексического – уровня древнерусского и современного русского языка», продуктивные же словообразовательные типы представлены производными с русской приставкой *пере-* [Улуханов 2004: 240]. Например:

- (1) «Други наши, вот уже и **преполовился** праздник Святой Пасхи и склонился теперь к своему отданию» (Ср. в словаре В. Даля: *преполовляться, преполовиться* – ‘делиться пополам; достичь середины, половины’ [Даль 1994, т. 3: 1030]).

Но более значимо для анализируемых текстов использование приставки *пре-* как словообразовательного форманта, имеющего стилистическую и прагматическую функцию усиления значения мотивирующего глагола и повышение его стилистического ранга. Например, *преисполниться*:

- (2) Несомненно, все вы, кто был в храме в пасхальную ночь, испытали необыкновенный восторг... Души наши ликовали, **преисполненные** чувством благодарности к нашему Господу Спасителю за дарованную Им всем нам вечную жизнь.
- (3) И Церковь Божия, **преисполнившись** светом этого огня, дарует его нам: “Христос воскрес!”

Приставка *пре-* со значением усиления признака сочетается также с именными основами, ср.:

- (4) А верующие люди в эту святую ночь с особой силой ощущают **преизобильно** изливающуюся светлую радость Воскресения Христова.
- (5) Это родители **Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной** Владычицы нашей Богородицы — Иоаким и Анна!

Производные типа *преисполниться*, в которых приставка *пре-* является второй, И.С. Улуханов, с точки зрения их истории в древнерусском языке, относит к стилю «плетения словес», связанного с периодом второго южнославянского влияния и характеризующегося ярко выраженной направленностью на торжественность и возвышенность [Улуханов 2004: 61]. Стилистическую возвышенность многие дериваты с данным префиксом сохраняют и в произведениях архим. Иоанна.

4.2. Приставка *пред-*. По мнению И.С. Улуханова, посвятившего глаголам с церковнославянскими приставками *пре-* и *пред-* детальное монографическое

исследование, глаголы с приставкой *пред-*, не имеющие соотносительного типа глаголов с русской приставкой, «производили впечатление большей сложности, книжности», по сравнению с глаголами с приставкой *пре-*, «сближаясь в этом отношении со сложными словами» [Улуханов 2004: 115]. В проповедях архим. Иоанна глаголы с этой приставкой представляют живую словообразовательную категорию. Приставка *пред-* при производстве глаголов используется чаще во временном значении предшествования (‘происходить прежде чего-либо, опережая, заранее’), например:

- (6) *И у всех живущих на земле возникает в наше время **предоущение** грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжёлым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что же с ним происходит.*

Значение предшествования в таких глаголах, как правило, связано с Божественным предопределением, например:

- (7) *И Она одна в этот же миг трепетно **предоутила** и всю глубину горя крестного пути, на который вступала сейчас с Младенцем на руках.*

4.3. Приставка *воз-/возо-*. В Русской грамматике (1980) отмечается, что «большая часть глаголов с префиксом *воз-/возо-* относится к высокой или книжной лексике» [Грамматика 1980, т. I: 358]. В проповедях архим. Иоанна глаголы с приставкой *воз-* в своей стилистической функции возвышенности имеют также модификационные словообразовательные значения движения вверх: *восходить*, *возвести*, *возводить*, *вознести*, *возносить*, *возвестись*, *возноситься* (см. примеры 8, 9); начала действия: *возлюбить* (10); результата: *возобладать*, *возрасти* (11, 12). Деривация может носить лишь прагматический и стилистический характер: *лежать* – *возлежать*, *наградить* – *вознаградить* (13, 14).

- (8) *Они (ангелы) исходят от Бога к нам, чтобы принести нам Его благодать; они же и **восходят** от нас к Богу, чтобы передать Ему наши молитвы и благодарения.*
- (9) *Ведь Воскресший Христос **возвел** род людской от земли к Небу, придал существованию человека возвышенный и благородный смысл.*
- (10) *Апостол Иоанн чистой девственной души своей так **возлюбил** Господа, что никакие земные привязанности не отяготили его в жизни.*
- (11) *Но вот и другая скорбь уже оцутима нами — жалуемся мы, что окамененное нечувствие **возоблаго** душой. Мы страдаем, чувствуя безнадежность этого состояния.*
- (12) *Ведь и мы видим, что нравственные и физические муки для грешного мира неотвратимы, и они не умяются со временем, но **возрастут** и будут возрастать, ибо за “умножение беззакония иссякнет в мире любовь” (Мф. 24, 12).*
- (13) *Мы вошли на брачный пир. Мы **возлежим** на нем. А дальше каждому из нас на своем жизненном пути надлежит одеться в духовные одежды сообразно нашему земному призванию и поприщу.*
- (14) ***Вознаградена** и сама готовность грешников исполнить закон. И десять человек вошли в церковь прощенными и, как следствие прощения, получили исцеление от неисцельной болезни своей!*

4.4. Приставка *из-/ис-*. Глаголы с приставкой *из-* со значением ‘удалить(ся) из чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ (*изгнать, излить, истечь*) характеризуются как непродуктивный тип, характерный для книжной лексики [Грамматика 1980, т. I: 361]. В церковно-религиозном дискурсе данный словообразовательный тип можно назвать продуктивным, так как с приставкой *из-* соединяются многие глаголы физического действия, которым приставка, помимо пространственного значения, придает стилистическую возвышенность: *изгладить (изглаждать), исходить, изгнать (изгонять), изнести, излить, изрыть, израстить, избрать (избирать), испросить, исполнить, испить (испивать)*. Большинство приведенных глаголов имеют нейтральные в стилистическом отношении синонимы с префиксом *вы-*: *вылить, выйти, выгнать, вынести, вырыть, вырастить, выбрать, выполнить, выпить*, которые, как представляется, не подходят для текстов, подобных приводимым ниже, наполненных торжественности и возвышенности.

- (15) *Жизнь — трудное дело. И она становится невыносимо трудна, когда из нее изгоняется Бог.*
- (16) *Мимо каждого из вас проплыло Животворящее Древо, **изнесенное** из Святая Святых, из земного неба, из алтаря Господня.*
- (17) *Гонение Нерона на новую религию подвергло апостола многим мукам: он **испивал** яд, он горел в котле с кипящим маслом, но оставался невредим.*

4.5. Приставка *со-*. Приставка *со-* также продуктивна в духовно-религиозных текстах, причем она может соединяться как с глагольными, так и именными основами, выражая совместность действия, переживания (ср. *сострадать, сорадоваться, сораспяться, сонаследовать*) или производителя совместного действия (*сотворец, сороботник, сопастырь, сонаследник*). Например:

- (18) *Церковь земная и Церковь Небесная — это тело Христово, и не могут они не **сострадать** скорби и не **сорадоваться** радости того или иного его члена.*
- (19) *Пусть же для всех нас будет примером внезапное просветление души распятого со Христом разбойника и вспыхнувшая в его сердце любовь к **сораспятому** с ним Сыну Божию.*
- (20) *И, ожидая исполнения своей участи, митрополит Вениамин оставляет своим ученикам и **сопастырям** заповедь — бессмертные слова возвышенной силы.*

4.6. Суффиксы *-ств-*, *-ейш-/ айш-*. Среди славянизмов-суффиксов наиболее значимы в стилистическом отношении именные суффиксы *-ств-*, *-ствий-*, выражающие деятельные или внутренние состояния, и суффикс *-ейш-/айш-* со значением высокой степени проявления признака.

В старославянском языке суффикс *-ьstv(o)* является одним из самых распространенных при образовании существительных. Основная его функция – образование *nomina abstracta* [Ефимова 2006: 156]. В.С. Ефимова насчитала в старославянском языке 66 существительных с этим суффиксом, образованных от имен лиц. Многие из них, а также производные от имен прилагательных в современном русском языке являются стилистически нейтральными и частотными, употребительны они и в церковно-религиозных текстах: *царство, человечество,*

материнство, отцовство, христианство, свидетельство, пророчество, рабство, начальство, богатство, постоянство, упорство, одиночество.

Стилистическая маркированность существительных с суффиксом *-ств-* во многом определяется семантикой мотивирующего имени. Высоким стилем характеризуются такие производные, как *девство, апостольство, святительство, мученичество* (ср. со стилистически нейтральным отглагольным производным *мучение*). К книжной лексике можно отнести *преемство, сыновство, учительство* и др.

- (21) *Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов — первое звено в неразрывной цепи благодатного **преемства** от Самого Господа Иисуса Христа в I веке христианства*
- (22) *И он сделал первый свой шаг за Господом на крест, преклонив в двадцать шесть лет выю под три высоких монашеских обета: **девства**, нищеты и послушания.*
- (23) *Смотрите, дорогие мои, грешника Бог называет другом! И этим опять зовет его к **сыновству**.*
- (24) *И путь **апостольства** и **святительства** воистину и славен и страшен во все времена.*

Частотным средством интенсификации признака является суффикс *-ейш-*, в определенных синтаксических условиях способный выражать как превосходную, так и сравнительную, а также высокую степень признака (без сравнительности). Соединяясь с книжной лексикой, этот суффикс служит выражению возвышенности:

- (25) *...Кто, произнося в молитве **священнейшие** слова: “...да будет воля Твоя!” — искренне готов исполнить и претерпеть все, что повелевает сия **святейшая** воля.*
- (26) *Пасхальное богослужение воистину подобно **великолепнейшему** пиру, который Господь приготовил всем притекающим под благодатную сень Его Дома.*

4.7. Церковнославянские модели сложных слов. Для высокого стиля религиозного дискурса характерно обилие сложных слов, хранящих наследие древнерусской письменности и церковнославянского языка. Созданные на славянской основе и поддержанные древнерусскими словообразовательными отношениями, сложные слова, по данным многих исследований, модифицировали исходные греко-византийские модели, так как взаимодействовали с содержанием всего текста в интерпретации переводчика [Никифорова 2006]. Все это создавало условия для их активного создания и использования в текстах древнерусской письменности. В Словаре русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII. Вып. 1, 1975] (с учетом дополнительных материалов) только с компонентом БЛАГО- представлено 563 сложных слова, а с компонентом БОГО- и БОГУ- 377 композитов [Чернышева 2009: 72]. В словарях современного русского языка слов с такими элементами зафиксировано в несколько раз меньше. Это объясняется прежде всего обмирщением, секуляризацией русской языковой картины мира, из которой ушло понимание Бога как важной категории человеческого бытия, определяющей не только духовную, но и всю жизнь человека в целом. Секуляризация русской картины мира уничтожила большую часть композитов с компонентом БОГО: из 377 слов,

по данным Сводного словаря с современной русской лексики [Сводный словарь 1991: 94–95], осталось, всеми суффиксальными производными чуть более 50, подробнее см. [Петрухина 2010].

В проповедях архим. Иоанна отмечены такие сложные слова с корнем БОГ, которые не зафиксированы в современных словарях русского языка, например *богопочтение, боговдохновение, богомыслие, богозрение*:

(27) *И нет, дорогие мои, для богопочтения и жизни в Боге ни особого времени, ни особых обстоятельств, но всегда и во всем подлинная жизнь в Боге состоит в том, чтобы наша забота о спасении озаряла светом Правды каждый миг жизни.*

(28) *А вот уму человеческому понадобились многие тысячелетия, чтобы уразуметь то, что зрел Моисей очами веры и умом богозрящим.*

Именно в церковно-религиозном дискурсе можно встретить сложные глаголы, нехарактерные для современного русского языка. Сложные глаголы передают Божии деяния в человеческом восприятии: Бог *чудодействует, долготерпит, благоизволяет, благоволит*.

Сложные слова в религиозном дискурсе хранят сложные комплексы смыслов, выражающих ключевые идеи христианского мировоззрения. Они пронизаны ощущением Бога, его *вездеприсутствием*.

(29) *И неужели нас не убеждает в вездеприсутствии Божиим тот очевидный факт, который история являет нам ныне.*

Таким образом, церковнославянские по происхождению словообразовательные форманты и модели играют важную роль в создании высокого стиля современного русского языка, который реализуется в религиозном дискурсе. Стилистические словообразовательные церковнославянизмы, наряду с лексическими, являются четкими показателями высокого стиля. Церковно-религиозный дискурс русского языка, который в данной статье анализировался на материале проповедей архим. Иоанна (Крестьянкина), бережно хранит церковнославянское наследие, восстанавливает преемство нарушенной древней литературно-языковой традиции.

5. Вопрос о сопоставительном изучении стилистических славянизмов в русском и сербском церковно-религиозном дискурсах. Н.И. Толстой считал важной задачей славистики для всех славянских литературных языков ареала *Slavia Orthodoxa* изучение соотношения между старославянским (общеславянским) языком и отдельными национальными (как древними, так и современными) славянскими языками и составление списка сходств и различий. Так, целый ряд языковых особенностей старославянского языка, отличающих его от русского, является сходным с сербским языком, в силу южнославянской общности последних. Н.И. Толстой отметил, что из двенадцати пунктов в списке славянизмов А.А. Шахматова лишь в пяти пунктах есть различия между старославянскими и сербскими формами, в том числе частично и в словообразовании [Толстой 1988: 173].

При постановке вопроса о роли славянизмов в сербском церковно-религиозном дискурсе необходимо учитывать несколько важных факторов: сложное соотношение в истории Сербской Православной Церкви трех вариантов языка богослужения – церковнославянского языка русской редакции, сербскославянского и сербского народного языка; более чем сорокалетний опыт одновременного функционирования сербского и церковнославянского языков как языков богослужения [Кончаревич 1996, Кончаревич 2004, Бажич 2003], а также различия в историческом процессе формирования русского и сербского литературных языков – сербский литературный язык, в отличие от русского, имеет исключительно народную основу [Толстой 1988]. Не имея возможности рассмотреть данный сложный вопрос подробно, проанализируем лишь некоторые примеры, показывающие сходства и различия в употреблении церковнославянизмов в русском и сербском религиозных дискурсах. Небольшое сопоставление мы проводим на материале проповедей Патриарха Сербского Павла (<http://patrijarh-pavle.spc.rs/besede.htm>) и их переводов на русский язык (<http://www.pravoslavie.ru/put/34530.htm>), отметив большую популярность произведений Патриарха Павла в России (см. переводы на русский язык его проповедей и поучений, а также книг о нем [Патриарх Сербский Павел 2011, Янич 2010]).

По содержанию анализируемые проповеди Патриарха Павла и соответственно их русский перевод относятся к высокому стилю: они наполнены любовью к Богу и людям, призывают к добрым делам, образы и мысли проповедей возвышены над обыденностью, устремлены в Мир Горний. Такому высокому содержанию соответствуют и языковые средства его выражения: высокая, книжная и нейтральная лексика, в том числе религиозного содержания, церковнославянские словообразовательные модели (в сербских исходных текстах это прежде всего модели сложных слов), инверсия в рамках словосочетания (определение после определяемого слова), восклицательные предложения, выражение благословения и др.

Что же касается рассмотренных выше церковнославянских по происхождению словообразовательных формантов, то в отношении к ним между русским и сербским языками имеются существенные различия. Например, если в русском языке приставки *пре-*, *из-*, некоторые суффиксы участвуют в образовании стилистических церковнославянизмов, часто имея нейтральные и разговорные корреляты, собственно русские по происхождению (в частности приставки *пере-*, *вы-*), то в сербском языке аналогичные аффиксы относятся к исконным сербским средствам образования стилистически нейтральной лексики. Так, в приводимых ниже отрывках из русских переводов проповедей Патриарха Павла, употреблены стилистические церковнославянизмы, у которых есть нейтральные эквиваленты с исконно русскими словообразовательными формантами: *претерпеть* (ср. нейтральный синоним *вытерпеть*), *предстать* (ср. *стать перед*), *избрать* (ср. *выбрать*). В исходном сербском тексте им соответствуют нейтральные в стилистическом отношении производные с сербскими по происхождению приставками *пре-*, *из-*. Такие же отношения между сопоставляемыми русскими и сербскими эквивалентами характерны и для некоторых лексических единиц и грамматических форм, например для нейтральных сербских лексем *око*, *кћи* и возвышенных

лексем церковнославянского происхождения, *око, очи, дщерь* (последняя лексема в русском языке относится к архаичной лексике), имеющих нейтральные русские эквиваленты *глаз, дочь*. Аналогичны отношения между стилистически нейтральными сербскими формой *најсавршенија*, союзом *да би* и их книжными русскими эквивалентами, имеющими в русском языке нейтральные соответствия, *наисовершеннейшая* (ср. *самая совершенная*), *дабы* (ср. *чтобы*).

Проведем сопоставление приводимых ниже параллельных сербских и русских текстов. Стилистические церковнославянизмы помечены жирным шрифтом (как в русских, так и в сербских текстах), эквивалентные русским церковнославянизмам нейтральные сербские лексемы подчеркнуты. При этом вне нашего сопоставления остаются особенности синтаксиса, в частности словосочетания с инверсией, а также грамматические формы, например имен прилагательных (*любовь Божию*). Необходимо отметить, что возвышенность стилистических церковнославянизмов может быть выражена в разной степени: от возвышенной книжности (ср., например, сербские и русские словоформы *узрадовали, дарове, избрана, дары, предстанем*) до самого высокого стиля (ср. русские лексемы *стяжать, дщерь, венец*), но в любом случае выделенные жирным шрифтом слова в обоих языках не являются стилистически нейтральными.

(30) Драга браћо и сестре, имајмо пред очима духовним ту бесконачну љубав Божију, Сина Божијега, који је ради нас грешника сишао у овај свет, родио се као човек, претрпео сва гоњења, страдања и на послетку крст и смрт, ради нас и нашег спасења, из љубави према нама. Љубављу према Њему и одговоримо... принесимо му чиста срца и чисте душе, да би кад изађемо пред Њега, Он нас признао и познао као своје, и да би се, то увек понављам и себи и вама и свима који имају уши да чују, да би се преци наши **узрадовали** кад изађемо пред њих, познали нас и они као своје потомке и признали нас за своје најрођеније.

(31) Зато Свети Јован Златоусти опомиње родитеље хришћане на ту важност, да се труде да у својим кћерима и синовима те вредности развију. “Ти се”, вели, “трудити да својој кћери спремиш богате **дарове**, да је оденеш у свилу и кадифу, да је украсиш златним украсима, а погледај Ону која је изабрана да буде мајка Сина Божијега!” “Сва лепота кћери царева је унутра”, вели пророк Давид (Псл. 45, 13).

(30') Дорогие братья и сестры, вот мы имеем пред **очами духовными** ту бесконечную любовь Божию Сына Божия, Который ради нас, грешников, сошел в этот мир, родился как человек, **претерпел** все гонения, страдания, а напоследок крест и смерть – нас ради и нашего спасения, из любви к нам. Любовью к Нему и ответим... принесем ему чистые сердца и чистые души, **дабы**, когда **предстанем** пред Ним, Он признал нас и принял как своих. И об этом всегда повторяю я и себе, и вам, и всем, кто имеет уши, чтобы слышать, **дабы** предки наши **возрадовались**, когда мы **предстанем** пред ними, узнали в нас своих потомков и приняли как своих самых родных.

(31') Поэтому святой Иоанн Златоуст напоминает христианам-родителям, как важно трудиться над тем, чтобы в своих дочерях и сыновьях развить эти добродетели. «Ты, – говорит он, – старайся приготовить своей дочери богатые **дары**, одеть ее в шелк и бархат и украсить ее золотыми украшениями, а посмотри на Ту, Которая **избрана** быть Матерью Сына Божиего!» «Вся слава **дщери** Царя внутри», – говорит пророк Давид (Пс. 44: 14).

<p>(32) Али изнад свега је: да се труде да својим животом и својом вером православном допринесу да та деца <u>задобију</u> ове врлине унутрашње, почевши са смиренošћу па редом до љубави која је <u>свеза</u> савршенства, <u>најсавршенија</u> од свих врлина.</p>	<p>(32') Но превыше всего – постараться своей жизнью и своей верой православной способствовать тому, чтобы дети стяжали эти внутренние сокровища, начиная со смирения и затем до любви, которая есть венец совершенства, наисовершеннейшая из всех добродетелей.</p>
--	---

В русском переводе этих отрывков в целом больше высокой и книжной лексики, имеющей церковнославянское происхождение, в том числе и производных слов с рассмотренными выше формантами. Переводчик часто выбирает стилистический церковнославянизм, даже переводя нейтральную сербскую лексему, не созвучную церковнославянскому: так, в примерах 32 и 32' сербская глагольная форма *задобију на русский язык переводится церковнославянским **стяжали***. Высокий церковнославянизм *венец* является довольно вольным переводом нейтральной сербской лексики *свеза*, имеющей значение 'совокупность'.

В обоих параллельных текстах к стилистическим церковнославянским относятся сложные слова, образованные по церковнославянским, т. е. греко-византийским, моделям. Например:

<p>(33) Сигурно је да смо ми и тела, да смо и земаљски, и треба нам слобода у овоме свету. Колико је за наш народ и за друге правдољубиве и истинољубиве народе, потребна слобода! Али ми смо и душе и за нас је потребна слобода од греха.</p> <p>(34) Бог вас благословио!</p>	<p>(33') Бесспорно, мы и телесные, мы и земные, и нам необходима свобода в этом мире. Как для нашего народа и всех других правдолюбивых и истинолюбивых народов необходима свобода! Но в нас есть душа – нам необходима свобода и от греха.</p> <p>(34') Бог вас благословит!</p>
--	---

Выражению возвышенности в обоих текстах способствуют производные от корней *благ-*, *мученик*, а также словосочетания с инверсией и религиозная лексика, которую мы здесь не имеем возможности проанализировать (о сербской религиозной лексике – о **сербских теонимах**, см. [Бажин 2012: 107]). Лексемы *блаженство*, *блаженный* приобретают возвышенность лишь в определенном контексте, аналогичном приведенному ниже:

<p>(35) Да се трудимо да веру своју извршujemo у светим и честитим делима, и да се тиме приближимо Богу и будемо достојни наших предака, који су то знали и то чинили и за овога света, и зато ушли у Царство Небеско које је права наша Отаџбина и Домовина. И да знамо шта је прави смисао нашег живота, да овде својом светом вером православном и животом по тој вери, заслужио онај свет непролазни, блаженство у оном</p>	<p>(35') Будем стараться проявить свою веру в святых и благородных делах, тем самым приблизиться к Богу и быть достойными наших предков, которые это умели и делали в этом мире и потому вошли в Царство Небесное, которое есть наше настоящее Отечество и Родина. Будем помнить, в чем истинный смысл нашей жизни, чтобы своей святой православной верой и жизнью по этой вере заслужить тот непреходящий мир, блаженство</p>
--	--

<p>свету са блаженным небеским силама, и блаженным оцима и матерама нашим у близини Божијој, у заједници Цркве Божије, која је у слави.</p> <p>(36) Тим животом, вечним, живећи у Христу и са Христом, ми ћемо, кажем и понављам, остварити смисао и циљ свога живота, а то је, по светим речима Јеванђеља, блаженство непролазног Царства Божијег. У то блаженство Царства Небеског да уђемо већ у овоме свету желим и вама и себи.</p>	<p>в мире том с блаженными небесными силами и блаженными отцима и матерями нашими вблизи Бога, в единстве Церкви Божией, пришедшей во славе.</p> <p>(36') Этой жизнью вечной, живя во Христе и со Христом, мы, повторю еще раз, осуществим смысл и цель своей жизни, а это, по святым словам Евангелия, есть блаженство непреходящего Царства Божиего. В блаженство Царства Небесного войти уже в этом мире желаю и вам, и себе.</p>
---	---

Таким образом, существенные различия между русским и сербским языками в их отношении к старославянскому языку, а также различия в языке богослужения Русской и Сербской Православных Церквей определяют существенные расхождения в использовании стилистических славянизмов в русском и сербском религиозных дискурсах. Сопоставление сербских и русских параллельных религиозных текстов даже на поверхностном уровне выявило, что русский перевод в большей степени, чем сербский оригинальный текст, тяготеет к возвышенному стилю, причем важную роль в этом играют именно словообразовательные церковнославянские по происхождению форманты, которые в сербском языке, в силу их южнославянской природы, являются стилистически нейтральными. Но, несмотря на эти различия, очевидно и значительное сходство рассмотренных образцов сербского и русского церковно-религиозного дискурса. Мы имеем в виду, говоря о сопоставлении, не только русский перевод проповедей патриарха Павла, но и проповеди архим. Иоанна (Крестьянкина), проанализированные в основной части статьи. Как в русских, так и сербских образцах религиозного дискурса возвышенному содержанию гармонично соответствуют языковые средства высокого стиля, в основном старославянского происхождения (например, сложные слова, производные с некоторыми суффиксами, религиозная лексика). Конечно, в обоих случаях многое определяет личность проповедника, т.е. «та прозрачная среда, сквозь которую проходят лучи вечной истины, согревая и освещая человечество» [Самарин 1996: 305]. Эти слова известного русского публициста и православного философа Ю.Ф. Самарина о роли личности проповедника по праву могут быть отнесены как к Сербскому Патриарху Павлу, так и к русскому архимандриту Иоанну (Крестьянкину).

Вопрос о соотношении старославянского (общеславянского) языка и национальных литературных славянских языков ареала *Slavia Orthodoxa*, поставленный Н.И. Толстым (см. выше), требует специального изучения, в частности и с точки зрения стилистического использования в славянских языках словообразовательных, лексических и грамматических славянизмов.

ЛИТЕРАТУРА

- Байић Р. С.* Богослужбени језик у Српској православној цркви: (прошlost, савремено стање, перспективе). Београд, 2007.
- Байић Р. С.* Теоними у савременом српском језику // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. Москва, МГУ, 2012, с. 107.
- Беседе. Његова Светост Патријарх српски Г.Г. Павле. <http://patrijarh-pavle.spc.rs/besede.htm>
- Виноградова В.Н.* Стилистический аспект русского словообразования. Москва, 1984.
- Виноградова В.Н.* Стилистика русского словообразования. *Beitrage zur Slavistik*. XVII. *Frankfurt am Main*, 1992.
- Винокур Г. О.* О славянизмах в современном русском литературном языке. // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. Москва, 1959, с. 443–459.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Москва, 1994.
- Журавлев В. К.* Духовные истоки русского литературного языка. Доклад на VI международных Рождественских образовательных чтениях. // Сборник докладов VI Рождественских чтений. М. 1998, с. 210–223. (<http://slovník.narod.ru/rus/shuravlev/05.html>).
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. Москва, 1992.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 1996.
- Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. Москва, 2006.
- Кончаревић К.* О богослужбеном језику Српске Цркве упрошлости и данас. // Научни састанак слависта у Вукове дане, Београд, 1996, књ. 25/2, с. 57–66.
- Кончаревич К.* Социоллингвистические аспекты церковнославянского языка сегодня. 2004. <http://www.narodru.ru/peoples1297.html/articles898.html>
- Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Крылова О.А.* Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, 2003.
- Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Сб. памяти Т.Г. Винокура. Москва, 1996.
- Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. Москва, 2003.
- Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС), Москва, 1990.

- Никифорова С.А.* Композиты с начальными БОГО- и БЛАГО- в Ильиной книге XI-XII вв.: определение понятийных связей на базе греко-славянских соответствий. // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. № 5. 2006 (vestnik.udsu.ru/2006/2006-05/viii_06_05_18.pdf).
- Патриарх Сербский Павел (Стойчевич).* Да не будем рабами греха. Перевел с сербского Иеромонах Игнатий (Шестаков).
<http://www.pravoslavie.ru/put/34530.htm>
Патриарх Сербский Павел. Укрепляюсь только верой. Минск, 2011.
- Петрухина Е.В.* Сложные слова в русском языке: утраченное, сохраненное и приобретенное // Слово и словесность. Сборник в чест на Юлия Балтова. София 2010, с. 271–282.
- Петрухина Е.В.* Контекстная деривация в соотношении со словообразовательной системой (на материале русского языка). // *Słowotwórstwo słowiańskie: System i tekst.* Poznań. 2012 (в печати).
- Русская грамматика. Т. I. Москва, «Наука», 1980.
- Самарин Ю.Ф.* Избранные произведения. Москва. “Российская политическая энциклопедия”, 1996.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.1. Москва, 1975.
- Сводный словарь современной русской лексики. В 2-х томах. Т.1. Москва. 1991.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под редакцией М.Н. Кожинной.* Москва, 2003.
- Толстой Н.И.* Предисловие. // *Плетнева А.А., Кравецкий А.Г.* Церковнославянский язык. Москва, 2001.
- Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре. // Вопросы языкознания. Москва, 1990. № 2–3.
- Улуханов И.С.* Славянизмы в русском языке. Москва, 2004.
- Улуханов И.С.* О языке древней Руси. Москва. URSS, 2009.
- Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. Москва, 1977.
- Чернышева М.И.* Уходящие слова, ускользающие смыслы. Москва, 2009.
- Янич Й.* «Будем людьми». Жизнь и слово патриарха Павла. Москва, 2010.

Elena V. Petrukhina

USE OF CHURCH SLAVONIC LANGUAGE WORD FORMATION RESOURCES
IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(in comparison with the Serbian language)

Summary

The article «Use of Church Slavonic language word formation resources in the modern Russian language (in comparison with the Serbian language)» analyzes the use of word-building means of the Church Slavonic language in the modern Russian church-religious discourse on the example of sermons of Archimandrite Ioann (Krestyankin). His works preserve high style of the Russian language. The analysis indicates that the sources of high style of the modern Russian language are still words, morphemes and word formation models borrowed from the Church Slavonic language. In the modern Russian language stylistically marked units are prefixes *пре-, пред-, из-, воз-, со-*, suffixes *-ство-, -ству(ј)-, -ейш/-айш-*, and Church Slavonic models of complex words. In last part of the article, the author raises a **question about the use** of word formation and lexical units of the Church Slavonic language in the Serbian religious discourse in comparison with the Russian one.

ВАСИЛКА РАДЕВА*

СОФИЙСКИ УНИВЕРСИТЕТ "СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ", СОФИЯ, БЪЛГАРИЯ

РОЛЯ НА СРАВНЕНИЕТО ПРИ ИЗГРАЖДАНЕ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛНОТО ЗНАЧЕНИЕ

Абстракт. Обект на разглеждане са производните думи, чиято словообразователна семантика е основана на сравнение, чиято роля при изграждане на деривационното значение се разкрива чрез постулиране на идеята за изоморфизма между синтактичните структури и семантиката на производната дума.

Сравнението е свързано със способността на човека да съпоставя и уподобява фактите и реалиите, които непосредствено наблюдава, да осъзнава съществуващите връзки и взаимоотношения между тях.

В производните думи, чиято семантика се базира на сравнение, имплицитно се откроява присъствието на човека като носител и изразител на качества и състояния, приписани чрез отношение към други субстанции.

Специално внимание е отделено на сложните прилагателни, чието значение е модифицирано чрез отнясяне към субстанции, възприемани като носители на характеризиращи ги признаци.

Разглеждат се глаголите, образувани от съществителни (кметува, царува) и от прилагателни (беснее, лудее, пустее), при които *наличието/отсъствието* на сравнение диференцира отделните словообразователни типове.

Ключови думи: мотивация, сравнение, подобие, концептуализация.

1. Изследването на деривационния процес от аспекта на номинационната теория, при което се използват предлаганите от езика възможности и ресурси, предполага съобразяване с основните характеристики на производната дума и нейното значение.

Както е известно, **езикът изпълнява важна функция в цялостното опознаване** на света и неговата концептуализация, а производните думи заемат особено място при опосредстване на връзката между назованите обекти и техните обозначения. С експлицирания си ономаσιологичен мотив те позволяват не само да се изследва тяхното създаване, но и да се разкрие дейността на номинатора като субект, който опознава света от позицията на своя опит и знания. Способността на човека да анализира, съпоставя и уподобява фактите и реалиите, които непосредствено наблюдава, да осъзнава съществуващите връзки и взаимоотношения между тях

---

* e-mail: v.radeva@ranguelov.net

е тясно свързана с уменията му да сравнява. Мястото на сравнението в познавателната дейност на човека се обуславя от факта, че в наблюдаваните процеси и явления се открояват не само развитието и промените в заобикалящия свят, но и неговото усъвършенстване, континуитет в развитието, както и взаимосвързаността между предметите, явленията и техните особености.

Производните думи, чиято семантика се базира на сравнение, се отличават с ясно изразен антропоцентризъм и отразяват способността на човека да се опира на вече познатото, за да проникне в непознатото. В тях имплицитно се проявява присъствието на човека като носител или изразител на качества и състояния, приписани чрез отношение към други субстанции, характеризирани чрез определени признаци и свойства.

В словообразователното значение, изградено чрез сравнение, се отразява способността на номинатора при изграждане на понятия да анализира, да търси и открива взаимоотношения, основани на прилика или подобие. Доколкото наблюдаването предполага присъствие на наблюдател, в ролята си на номинатор той отразява и своето субективно отношение. Обектите, които биват възприемани и осмисляни въз основа на прилика и подобие, получават различни названия, за да отразят отношението на номинатора, което е субективно и зависи от конкретната ситуация, индивидуалната нагласа и преживяване. Затова в отделните езици при избора на обект, с който се сравнява, се наблюдава вариативност, обусловена от различното вербализиране на общи признаци и особености. Възможната вариативност при избора на ономасиологичен мотив, основан на сравнение, се опира на наличието на еднакви признаци, осъзнати като характерни за различни предмети, с които се сравнява, напр. *леденостуден* и *eiskalt* (нем.), *снежнобял* и *schneeweiß*, *perlweiß* (нем.).

2.1. Особена илюстрация за ролята на сравнението в процеса на номинацията представляват устойчивите съчетания с компонент *като*. Без да се разглеждат като резултат от деривационен процес в тесен смисъл на думата, със своята спонтанност и контекстова обусловеност те разкриват ролята на сравнението при изразяване на нюансиране или интензивиране на характеризацията признак. Тяхната семантика показва изоморфизъм със значението на сложните прилагателни, чиято парафраза е изградена чрез сравнение, напр. *небесносин* и *син като небето*. Структурата им е израз на типологичната общност на славянските езици, а разнообразието, което се наблюдава, се обуславя от конкретната реализация на общите типове и модели, напр. *чёрный как ворон* (*смола, сова, цыганёнок*) – в руски; *černý jako harvan* (*uhel, kopt, smola*) – в чешки; *czarny jak smola, żółty jak kanarek* – в полски. То е резултат от избора на обект за сравнение, обусловен не от научни принципи или закономерности, а от взаимодействието на човека с околния свят.

Формален изразител на сравнението е съюзът *като*, който изпълнява функцията на семантичен оператор и свързва термина с основанието за сравнение. Съществителното в състава на словосъчетанието, е носител на особеност, осъзнана като негова съществена характеристика, напр. *мрачен като облак, студен като камък, блед като платно* (бълг.). Съчетанията с експлицитно сравнение се

образуват спонтанно в речта и невинаги се конкурират със сложни прилагателни, срв. *син като небето* и *небесносин*, но *страхлив като заек* и *заешки страхлив. Много от тях се възпроизвеждат като готови конструкции, напр. *грешен като дявол*, *гол като пушка*, *красива като капка*, *чист като сълза* и др

2.2. В по-широк номинационен аспект сравнението има отношение към категорията състояние, вербално изразена чрез наречия предикати, образувани чрез семантична деривация. Наречията представляват интерес със своите синтагматични връзки, които оформят устойчиви съчетания, в чийто състав наречието е основен компонент, напр. *тъмно като в рог*, *горещо като в пещ (фурна)*, *задушно като в баня* и др.

Сравнението се опира на съждението на говорещия в качеството му на експериментер и представлява негова субективна оценка. В тези конструкции предикативното наречие означава съждение, оценено според гледната точка на експериментера и представлява основание за сравнение (Страсъ 2006). При употреба на устойчивите съчетания с основен компонент наречие оценката се осъзнава и приема като общовалидна за носителите на езика.

3. Най-ярко се разкрива ролята на сравнението при образуването на сложни прилагателни имена, чиято семантика експлицира цялостната структура на формулата *S* е като *P*. В сравнението, чрез което се оформя словообразователното значение, се отразява детерминиращото отношение спрямо признака, внесен от основното прилагателно. Когато то е за цветоозначение, чрез **сравнението се** сигнализира различна степен на проява и интензивност, напр. *доматеночервен*, *небесносин*, *ръждивочерен*, *огненочервен*, *тревистозелен* (бълг.); *дымчато-голубой*, *изумрудно-зелёный* (рус.); *mědočervený*, *chrpově modrý*, *uhločerný*, *ohnivě červený* (чеш.), а също и в полски: *ognistorudy*, *ceglastoczerwony*, *pomarańczowoczerwony*, *słomkowożółty* и др. (Радева 2007).

Прилагателното, което означава основния признак, се включва в деривацията с прякото си значение, а втората основа – деадективна или десубстантивна, внася детерминирация признак. Той изразява особеност, възприемана като постоянно присъща и характеризираща. Извеждането на тази особеност като номинационен мотив отразява способността да се изградят понятия чрез търсене на взаимоотношения, основани на еднаквост, прилика и подобие. В български език например за модифициране на признака *сив* са образувани сложни прилагателни като *гълъбовосив*, *масленосив*, *металносив*, *мъгливосив*, *облачносив*, *оловносив* и др., в немски – *eselgrau*, *perlgrau*, *mausgrau*, в чешки – *vlkošedý* и словосъчетания *popelavě šedý*, *oblačně šedý*, а в полски – *mysi color*. В български език се употребява съчетание *студен като змия* (без сложно прилагателно *змийскистуден), тъй като 'студенината' на змията е осмислена като съществен неин признак, докато от носителите на немския език на змията е приписан признак 'мъдрост', който мотивира значението на прилагателното *schlangenkling* 'умен (мъдър) като змия'.

Изборът на обекти за сравнение, основано на обективно съществуващ или "приписан" признак, обуславя различията между отделните езици, славянски и неславянски. Например субстанцията, означена в български с названието *дърво* се свързва с представата за 'стабилност' и 'неподвижност', отразена в съчетани-

ето *стои като дърво* (*пън, дъб*), докато в немски език от съществителното *Baum* са образувани прилагателни *baumdick* 'дебел като дърво', *baumfest* 'здрав като дърво', *baumstark* 'силен като дърво', *baumlang* 'дълъг като дърво (върлина)', в чиято семантика сравнението се опира на признаци като 'здравина', 'устойчивост', осъзнати като значими при избора на ономасиологичен мотив (Радева 2003: 332). Субективно възприети и експлицирани при образуване на сложни прилагателни, тези признаци се съвместяват с реално съществуващи особености на предметите и явленията.

3.1. Производните сложни прилагателни съдържат интересни сведения за възможностите, използвани при избора на субстанции, чиито характеристики са основание за сравнение. Най-често се използват названия на реалии с естествена цветова окраска (растения и цветя), чието значение опосредствано – чрез производно десубстантивно прилагателно, мотивира сложните прилагателни, напр. *трева – тревист – тревистозелен, ореховокафяв, ябълковозелен* (бълг.), *орехово-коричневый* (рус.). *olivově zelený, chrpově modrý* (чеш.). Използват се и названия на вещества и минерали с ярко изразена цветова характеристика: *антрацитночерен, оловносив, сернистожълт, сребристобял* (бълг.), *золотисто-коричневый, сребристо-розовый* (рус.), *srebrzystobiały, złotoczerwony* (пол.), *mědočervený, sirožlutý* (чеш.). В семантичното отношение между двете прилагателни е отразена изходната пропозиция, т.е. съхранените в значението им свойства, обусловили характера на мотивацията. В словообразователното значение на десубстантивните прилагателни се отразява не принадлежност или отношение към субстанция, а сравнение с цветова характеристика, което опосредства връзката със съществителното име, срв. *вишнева градина* (дърво, сладко), но *вишеночервен* 'чийто червен цвят е като на вишна'.

За разлика от славянските, в германските езици сложните прилагателни, чиято семантика се изгражда чрез сравнение, включват десубстантивна основа, която внася модификация признак: *blitzschnell, bleichschwer, bettelarm, kristallklar, krebsrot, kleiderbleich, messerscharf* и др. (Бютнер 2005).

Разглежданите прилагателни разкриват ролята на номинатора при осмисляне на връзката и взаимоотношението между обектите и техните свойства, което обуславя възможността за експлициране на прилики и подобия, осъзнати като съществени при номинацията. Еднакво структурираните сложни прилагателни разкриват общността в деривационните възможности на отделните езици, а различието се проявява в "избора" на субстанцията, с чийто качества се сравнява. В този избор се отразяват на само индивидуалността на номинатора, но и културноспецифичните особености на носителите на отделните езици. Затова се наблюдава модифициране на един и същ признак чрез сравняване с различни субстанции, напр. *млечнобял, сребристобял, тебеширенобял, кристалнобял* (бълг.), *mleko bílý, křídově bílý* (чеш.), *blütenweiß, hagelweiß* (нем.).

Мотивираността на сложните прилагателни се основава не само на постоянни сравнения, които отразяват вътрешноприсъщи признаци на субстанциите, но и на контекстово обусловени структури, възникнали в речта, напр. *граховозелени очи, ябълчнозелена вода*; Мъжът използва основно обозначаване

на цветовете – черно, синьо, зелено, докато жената ще говори например за слонова кост, *езернозелено*, *блатистозелено*, *тревистозелено*, *бледомораво* или *ябълковозелено* (Ал. и Б. Пийз, *Защо мъжете не чуват, а жените не могат да се ориентират по карта*).

В многообразието на човешкото взаимодействие с природата и възможностите за нейното опознаване и назоваване своеобразно се отразява сложното взаимодействие между обективното и субективното при избора на номинационен мотив, базиран на сравнение. Индивидуалното възприемане на обективно съществуващи признаци дава възможност за тяхното модифициране, чрез отнасяне към едни и същи обекти, изведени като основание за сравнение напр. *морскосин* и *морскозелен*, *пясъчножълт* и *пясъночервен*, *меднозелен* и *медночервен*. То се обуславя не само от информацията, с която говорещият разполага, но и от неговите познания и житейски опит, което позволява от една и съща субстанция да се извеждат различни характеризиращи признаци.

3.2. В славянските езици се образуват и еднокоренни прилагателни, разглеждани като резултат от семантична деривация, чиято семантика е изградена въз основа на сравнение. В нея е експлицирано отношението към субстанцията, характеризирана с перцептивно (обикновено зрително) възприемано качество: *винен*, *доматен*, *кестеняв* (бълг.); *абрикосовый*, *бутылочный*, *васильковый*, *гороховый*, *салатный* (рус.); *butelkowy*, *bananowy*, *brunatny*, *kanarkowy*, *trawiasty*, *pomidorowy* (пол.); *hřebíčkový*, *citronový*, *pivoňkový*, *rajčatový*, *slomový*, *tabakový* (чеш.). Много от тях се съотнасят семантично със сложни прилагателни (*тревистозелен* и *тревист*, *ognistorudy* и *ognisty*), но в славянските езици се образуват и употребяват еднокоренни прилагателни без еквивалентни сложни формации: *лавандовый* (рус.); *slomový*, *tíkvový* (чеш.); *pomidorowy*, *miszaty* (пол.).

В словообразователното значение на този тип прилагателни се отразява склонността към съкращаване, изследвана на синтактично равнище, където “терминът на сравнение има тенденция да се придвижва в позицията на предикат, като измества основанието за сравнение” (Арутюнова 1997: 25). Характерно за синтактичните връзки на разглежданите прилагателни е изискването на лексикален контекст за посочване на носителя на означения от тях признак, напр. *изумрудени очи*, *кестенява коса*, *платинена коса* (бълг.); *каштановые волосы* (рус.); *rubinowe usta*, *lazurowe oczy* (пол.); *takové oči*, *vodové oči*, *tmavé oči* (чеш.).

3.3. Обособени по своята словообразователна структура са десубстантивните прилагателни, чиято семантика отразява “цялостна” прилика или подобие. Мотивиращата основа посочва субстанцията, без да се експлицира определен признак като основание за сравнение: *захароподобен*, *гнездовиден*, *змиеобразен* и др. Вторият компонент, който съдържа десубстантивна основа (-*вид*-ен, -*образ*-ен, -*подоб*-ен) всъщност изпълнява функцията на семантичен оператор, срв. *ябълковиден* ‘който е с вид на ябълка’ и *ябълковозелен* ‘който е зелен като ябълка’. Деривационният модел на този тип прилагателни се отличава с особена продуктивност, като при компонентите -*виден* и -*образен* се наблюдава конкуренция: *стъкловиден* – *стъклообразен*, *раковиден* – *ракообразен*, *щитовиден* – *щитообразен*, *конусовиден* – *конусообразен* и пр.

В по-широк план сравнение се открива и в производните метафорични значения на прилагателни като *сибирски* (студ, вятър, температура, зима), *леден* (вятър, поглед), *райско* (кътчче), *арктически* (студ) и др.

4. Обособени от тематичния обхват на мотивиращите ги думи са съществителните за назоваване на лица, характеризирани според прилика (по външен вид или характер) с други лица. Названията – произвеждащи и производни, спадат към родствено-семейната терминология, като употребата им е характерна предимно за диалектите. Според специалното им изследване (Холиолчев 2012) като мотивиращи се включват най-често названията *майка* и *баща*, а разнообразието се обуславя от фонетичните вариации на основата и от словообразователните форманти, напр.: *бащ`елко / бащ`елк`о*, *бащ`енко*, *бащин`арко*, *б`ащица* и др. По-широко **разпространени са лексемите б`ащичка и б`ищичко**. От названието майка са образувани *майк`уша*, *м`акуша*, *м`айчишка*, *м`айчинко*, *майчуша*, *майчушка*, *ма`к`уша* и др. По-рядко се употребяват образувания като *б`абнуша*, *в`уйчишко*, *ч`ичовче*. Приликата и подобие с лицето, означено от мотивиращото име, се основават не на отделен признак или качество, а на цялостната външност или проявяван характер.

5. При глаголното словообразуване наличието/отсъствието на сравнение диференцира отделните субкатегории при деноминалните глаголи, образувани от названия на лица, склонни към определено действие или проява, които се обединяват от общо словообразователно значение **‘върши действие, характерно за лицето’**.

5.1. Когато мотивационната връзка между действието и произвеждащото съществително обуславя словообразователно значение **‘върши присъщо на лицето действие, като заема съответната длъжност’**, **субектът на действието се идентифицира с лицето**, денотат на мотивиращото съществително: *кандидатства*, *келнерува*, *кметува*, *редакторства*, *учителства*, *царува* и др. Семантичният компонент **‘изпълнява функцията на лицето’** (*учителства = учител е*) **неутрализира** сравнението, тъй като действието представлява функция на заеманата длъжност (Радева 2006: 333).

5.2. От названия на лица, за които са характерни определена професия, склонност, занимание или социално положение, се образуват глаголи, в чието значение се отразява определен модел на поведение и действие. Тяхната семантика се опира на сравнение с носителя на този модел, като терминът на сравнението не съвпада с вършителя на действието (*философства* не означава **‘философ е по професия и образование’**, *слугува* не означава **‘слуга е’**). **В словообразователната парафраза като запазва функцията си на семантичен оператор**, а в значението на глагола се имплицира поведението на лицето с неговите типични склонности и действия, напр. *детинее се*, *цигани се*, *гражданее се*.

Десубстантивните глаголи, образувани от съществителни с оценъчно значение, което характеризира лицето чрез склонност към действие, са мотивационно свързани и с абстрактни съществителни, които опосредстват връзката с лице с определен поведенчески модел, напр. *безделничи* **‘действие като безделник’** и **‘проявява безделие’**, *нахалства* **‘действие като нахалник’** и **‘проявява нахалство’** и др.

5.3. Словообразователната семантика на десубстантивните глаголи, мотивирани от названия на животни (напр. *бухалува, кукува, магарясва се, втелява се*) разкрива способността на човека да “приписва” като характеризиращи определени качества и признаци, а при концептуализацията да вербализира както реално съществуващите, така и “създадените” във въображението му факти. И тъкмо “приписаните” признаци, съществени според номинатора, биват избирани като основание за сравнение. Например в семантиката на глагола *магарясва се* ‘**про**явява упорство, **инаг’ се отразява производното значение на съществителното *магаре*, на чийто денотат се приписват признаците ‘безразсъдно упорство, **инаг’**, докато в немски език с подобно значение е образуван глагол *bocken* ‘упорства, **инати се’**, мотивиран от съществителното *Bock* ‘козел, овен’.**

Създадените в различните езици десубстантивни глаголи от тази субкатегория показват различие в избора на основание за сравнение в зависимост от приписаните на субстанциите “характеризиращи” признаци и особености: *звереть, скорпионить, советь* (рус.), *ježit se, kohoutit se, opičit se* (чеш.), *uświnić się, małpować* (пол.), *affen* ‘закача, подражава’, *eseln* ‘върши тежка работа’, *bocken* ‘упорства’, *mausen* ‘краде, открадва’ (нем.). **Самият избор на ономасиологичен мотив, основан на сравнение, отразява както реални признаци и характеристики, „обективно присъщи на означаваните предмети, така и признаци, приписвани на предмета чрез творческото мислене на човека“** (Варина 1976: 235).

6. При производните глаголи, мотивирани от прилагателни имена, сравнението като семантичен компонент разграничава инхоативните глаголи със значение ‘**придобива признак**’ от **формациите, при които мотивиращият признак** се възприема като проявен от своя носител, без да е предикативно приписан, срв. *лудува* ‘действа, **постъпва като луд**’ и *полудее* ‘става луд’; *беснее*, но *побеснее*. За разлика от синтактичните конструкции, основани на сравнение (държи се *като луд*, *постъпва като бесен* и пр.) деадективните глаголи отразяват тенденцията към компресия на сравнението, като прилагателното поема функцията на произвеждаща основа и внася мотивиращия признак в словообразователното значение на глагола: *кротува, мирува, мъдрува, хитрува* и др. В словообразователната парафраза на глаголите операторът *като* отразява разликата между ‘наличие’ и ‘проявление’ на мотивиращия признак и илюстрира своеобразен изоморфизъм със синтактичните конструкции, срв. *той е като луд* и *той е луд*.

Като се опира на сравнение, словообразователното значение на разглежданите глаголи разкрива възможността при номинацията да се изразява ‘отношение’ не само чрез разгърнати синтактични структури, но и чрез словообразуване, при което се подчертава известна ‘**неувереност**’ в истинността на **експлицираното мотивационно отношение**. ‘Привидността’, която в словообразователната парафраза се изразява от компонента *като*, е застъпена в по-малка степен от модалните оператори *като че ли* и *сякаш*. Привидността на оператора *като* по-определено се съвместява с реалността, с това, което непосредствено се възприема.

7. В процеса на деривацията подобие и приликата между обектите биват отразявани чрез създаване на различни названия, за да се изрази и субективното отношение, обусловено от конкретната ситуация и **индивидуалната нагласа**. В

различаващите се производни структури се отразява вариативността на общите признаци. Затова в отделните езици при номинация, основана на сравнение, се наблюдава избиране на различни субстанции, носители на мотивиращи признаци. При това изборът е свързан не само с индивидуалността на номинатора, но и с възможността да се изразяват **степенуване, интензивиране, диференциране или специално подчертаване** на признака (например при сложните прилагателни). Възможната вариативност при избора на номинационен мотив винаги се опира на наличието на общ признак, характерен за обектите, с които се сравнява.

Ролята на сравнението при изграждане на словообразователното значение дава възможност за **специфично използване на разнообразните възможности и ресурси**, които деривационната и лексикалната система предлагат в процеса на номинацията за вербализиране на резултатите от опознаването на заобикалящия свят.

ЛИТЕРАТУРА

- Аругтюнова 1977:** Аругтюнова, Н.Д. Модальные и семантические операторы. – В. Облик слова. Сборник статей, РАН, Инст. русского языка. Москва, с. 22 – 40.
- Бютнер 2005:** Büttner, U. Translatorische Probleme bei der Wiedergabe von Augmentativa und Diminutiva im deutsch-bulgarischen Sprachvergleich. – В: Сборник от колоквиума по повод 70-годишнината на професор Хилмар Валтер, почетен доктор на ВТУ „Св. Св. Кирил и Методий“. Унив. издателство „Св. св. Кирил и Методий“. Велико Търново, с.118 – 146.
- Радева 1993:** Радева, В. Словообразователна и семантична структура на деноминалните глаголи в съвременния български книжовен език. Унив. издателство “Св. Климент Охридски”. София, 267 с.
- Радева 2003:** Radeva, V. Zur Semantik von zusammengesetzten Adjektiven im Bulgarischen und Deutschen. – In: Germanistische Linguistik 171 – 172, Wort und Grammatik. A. Dimova, H.E. Wiegand (Hrsg), Magburg/Lahn, S. 263 – 269.
- Радева 2006:** Радева, В. Сравнението като номинационен мотив. – В: Езиковедски изследвания в чест на 75-год. от рождението на ст.н.с. I ст. д.ф.н. Йордан Пенчев Пенчев. Издат. “Артграф”.София, с. 329 – 335.
- Радева 2007:** Радева, В. Мир слов. Мир в словах. – В: Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung. Hrg. von H. Burkhard und A. Nagórko. Georg Olms Verlag. Hildesheim-Zürich-New York, S. 83 – 100.
- Страс 2006:** Стрась, Е. Параметры интенсивности в сравнительных устойчивых оборотах русского и польского языков (слова категории состояния). – В: Паисиеви четения. Езикознание. Научни трудове том 44, кн.1, сб. А. Филология. Унив. издателство „Паисий Хилендарски“. Пловдив, с. 226 – 237.
- Холиоличев 2012:** Холиоличев, Хр. Словообразувания (nomina attributiva) по признака ‘подобен, сходен, приличащ’. – Българска реч, год. XVIII, кн. 1, с. 48 – 50.

Vasilka Radeva

THE ROLE OF COMPARISON IN THE CREATION
OF DERIVATIONAL MEANING

Summary

It is well known that the formation of derivatives is based both on the lexical units used in the language and on the derivational means possessed by the language. The use of the available means and resources is dependent, however, on the nominator's ability to verbalize the results of familiarization with and conceptualization of the surrounding world.

Comparison plays a specific role in the human ability to analyze, put together and find out similarities among the directly observed facts and realia, **and to realize the existing connections and relations** in the surrounding world. It reflects the road to cognition which leads from the known to the unknown, from the ordinary to the more complex, from the situationally determined to the abstract.

The derivatives whose semantics is based on comparison are characterized by obvious anthropocentrism and reflect the human ability to use the already known in order to penetrate the unknown. They implicitly testify to the presence of man as the carrier or verbalizer of qualities and states, attributed through their relation to other substances which are characterized by certain features and properties.

The role of comparison in the creation of derivational meaning is revealed by postulating the idea of isomorphism between the syntactic structures and the semantics of derivative formations. Comparison underlies the creation of the meanings not only of individual stable phrases, but also of lexical units designating characteristics (adjectives and verbs) and more rarely substances (nouns).

In the formation of compound adjectives whose derivational meaning is based on comparison the motivational link is made explicit and the motivating characteristic is introduced from a deadjectival base, e.g. *доматеночервен, небесносин, тревистозелен (bulg.)*, *изумруднозелёный, золотисто-коричневый, орехово-коричневый, серебристо-розовый (rus.)*, *mědočervený, sírožlutý, uhločerný (czech.)*, *srebrzystobiały, zlotoczerwony, słomkowożółty (pol.)*, **or from a noun base**: *blitzschnell, bleichschwer, betellarm, kristallklar (ger.)*.

As a logical operator comparison distinguishes inchoative verbs with the meaning of "acquiring a characteristic" (*полудее, оглуе*) **from verbs in which the motivating characteristic manifests itself without being attributed predicatively to its carrier**, e.g. *лудува* does not mean "he is mad", but "he behaves like a madman".

The derivational meaning created by means of comparison makes it possible to study the process of their formation by revealing the activity of the nominator who gets to know the world on the basis of his experience and knowledge.

JOCHEN RAECKE*

UNIVERSITÄT TÜBINGEN, DEUTSCHLAND

ZUR WORTBILDUNG IN DEN SLAWISCHEN SPRACHEN:
ZU IHREM STAND, IHREN RESSOURCEN UND IHREM
NUR SCHEINBAR VERLORENEN GEGENSTAND

Abstract. Wer die letzten 40 Jahre der slawischen Wortbildung aktiv miterlebt hat, kann den Eindruck gewinnen, er hätte miterlebt, was auch die Wirtschaft erlebt: einem Aufschwung und Boom folgt eine Rezession mit Depression. Der Eindruck ergibt sich beim Vergleich des in den letzten Jahren auf repräsentativen Kongressen thematisch und methodisch Gebotenen mit früher dort Gebotenen. Hat heute jeder *seine* Ressourcen, *seine* Methode, *seinen* Forschungsgegenstand, gab es da früher kaum Unterschiede. Hat also die Wortbildung ihren Gegenstand, ihre Methode oder die Intuition über ihre Ressourcen verloren? Nein, sie hat sie nicht verloren, sie hat sie nie besessen. Ein klar zu bestimmender Gegenstand war genauso eine Illusion wie klar zu bestimmende Ressourcen oder eine eigene Methode. Weshalb? Weil es sie logisch nicht geben kann.

Schlüsselwörter: Slawische Wortbildung, Ressourcen, Text, Derivation, Sekundarität, Modifikation, Mutation.

**1. Zum Stand 40 jähriger slawischer Wortbildung –
À la recherche du temps perdu**

1.1. Wer sich die letzten 40 Jahre mit der Wortbildung in den slawischen Sprachen beschäftigt hat – wie das der Autor dieser Zeilen zwar nicht ausschließlich, aber doch kontinuierlich tun durfte –, kann beim Besuch einer einschlägigen Konferenz den Eindruck gewinnen, dass diese linguistische Disziplin in diesen vier Jahrzehnten zunächst einen fulminanten Aufstieg und dann das erlebt hat, was schon in den Jahren 1776 – 1789 der Engländer Edward Gibbon unter dem Titel *History of the Decline and Fall of the Roman Imperium* in sechs Bänden für das alte Rom beschrieben hat. In Deutschland wurde dieses Werk unter dem rhetorisch wohl besseren, aber sprachlich bedenklichen Titel *Aufstieg und Fall des römischen Reichs* sprichwörtlich bekannt, und wenn sich im Geiste an die Stelle *des römischen Reiches* die Wendung *der slawischen Wortbildung* setzt, ist in schlagende Worte gefasst, was einem so langjährigen Beobachter der slawischen Wortbildung auf einer solchen Konferenz im Kopf herumgehen kann. Allerdings kann ihm bei gleicher Gelegenheit auch ein Titel eines bekannten

---

* e-mail: jochen.raecke@uni-tuebingen.de

Werkes aus dem kulturellen Schaffen *unserer* Zeit in den Kopf kommen, und das ist der in Deutschland sprichwörtlich bekannte, seinerzeit viel gesehene und international dekorierte Film von Alexander Kluge mit dem Titel: *Die Artisten in der Zirkuskuppel: Ratlos*. (Goldener Löwe 1968 in Venedig!). Denn man kann sich, wenn man die Themen der Vorträge der letzten Jahre durchgeht, kaum des Eindrucks erwehren, dass bei ihrer Wahl eine gewisse Ratlosigkeit zu Gast war, darüber nämlich, was man denn um Gottes Willen *noch* untersuchen könnte, worüber man denn um Gottes Willen *noch* sprechen könnte oder wie man die Anwesenden überhaupt noch zum Zuhören bringen könnte. Aber auch der Kunstgriff, Zuhörer in Zuschauer zu verwandeln, indem man auf den Konferenzen live nicht mehr vorträgt, sondern power point präsentiert, kann für Langgediente in diesem Metier nicht verdecken, dass es für sie nur wenig zu entdecken gibt, und darunter so gut wie nichts, was etwa neue Horizonte in der slawischen Wortbildungslehre eröffnete oder verlockende Perspektiven für diesen Zweig der slavistischen Linguistik aufzeigte, weder was Inhaltliches, noch was Methodisches angeht. Natürlich sind immer noch Dinge zu erfahren, die in einzelnen, insbesondere kleineren slawischen Ländern bis heute liegen geblieben waren und bis dato weder in gedruckter noch in digitaler Form das Licht der Welt erblickt hatten, aber die meisten Wiesen scheinen gemäht bzw. abgegrast zu sein, und so kann sich dann zu dem Eindruck der Ratlosigkeit in der Themenwahl auch noch der Eindruck der Eigenwilligkeit hinzugesellen, indem zu möglichst Ausgefallenem, Attraktivem oder Originellem gegriffen wird. Auch und gerade, wenn vorher Rahmenthemen für die Konferenzen beraten und beschlossen worden waren, kann es zuweilen schwerfallen, das Vorgetragene als noch in diesem Rahmen liegend zu erkennen.

1.2. Was als Eindruck skizziert wurde, soll niemanden beleidigen, zumal dieser Eindruck sich am Schluss auch noch als falsch erweisen wird. Aber so, wie Artisten in der Zirkuskuppel gezwungen sind, sich regelmäßig Gedanken über ihr Programm oder ihre Kunststücke zu machen, wenn sie weiter im Geschäft bleiben wollen, sollte man sich auch als slavistischer Wortbildner Gedanken über seine Disziplin machen und sich viel weniger enttäuscht als viel mehr realistisch, d.h. nüchtern mit der Frage beschäftigen, wie es dazu gekommen sein mag bzw. wo die Gründe dafür liegen mögen, dass bei Vertretern der älteren Wortbildnergeneration ein solcher Eindruck entstehen kann.

Durch eine solche nüchterne Betrachtung des Bildes, das die slawische Wortbildung für Altgediente momentan abgibt, und die ebenso nüchterne Frage, *weshalb* sie womöglich gerade für sie dieses Bild abgibt, bietet sich zugleich die Möglichkeit der Prüfung und der Erkenntnis, ob die Dinge objektiv so richtig gesehen werden, wenn sie so angeschaut werden wie das, was man aus der Wirtschaft kennt, dass nämlich einem begeisternden Aufschwung und Boom eine deprimierende Rezession folgt. Ist also z.B. der Eindruck richtig, dass der slawischen Wortbildung ihr Gegenstand verloren gegangen ist bzw. dasjenige, von dem die Wortbildung in ihrer Boomzeit glaubte, dass er ihr eigentlicher Gegenstand sei? Begründet ist dieser Eindruck ja durchaus, wenn man feststellt, wie viele verschiedene bislang unbeachtete Wörter, auf die die jeweils Vortragenden in einer slawischen Sprache, Varietät oder Textsorte bei systematischer oder auch unsystematischer Suche gestoßen sind, als interessant und untersuchenswert vorgeführt werden. Denn diese könnten – in einem Satz und formelhaft gesagt – nur unter

eine derart abstrakte Definition zusammengebracht werden, dass sie, die Definition, in der Praxis sinn- oder wertlos ist, weil sie es gar nicht erlaubt, klar zwischen „zum Gegenstand der Wortbildung *dazugehörig*“ und „*nicht* zum Gegenstand der Wortbildung *dazugehörig*“ zu unterscheiden. Und wenn sie, die Wortbildungslehre, damit so viele verschiedene Gegenstände hat, dann hat sie – einfach gesagt – gar keinen oder – philosophisch gesagt – keinen klar bestimmten. Wenn sie aber – jedenfalls nach weit geteilter Meinung – doch einmal einen klar bestimmten Gegenstand hatte, dann hätte sie ihn in der Zwischenzeit verloren und man müsste sich, um es noch einmal halb literarisch-rhetorisch zu formulieren, auf die Suche nach dem verlorenen Gegenstand machen, wenn man aus der Rezession herauskommen wollte.

Was Forscherinnen und Forscher, die die Jahre des Aufstiegs oder Aufschwungs der slawischen Wortbildungslehre miterlebt haben, vielleicht nicht immer, aber immer öfter in Trübsal verfallen lässt, ist die Tatsache, dass in den ersten dieser letzten vierzig Jahre so viel Papier mit scharfsinnigen Beiträgen zu diesem Thema der Ein- und Abgrenzung des Gegenstands einer zukünftig selbständigen linguistischen Disziplin gefüllt worden war, dass man schließlich überzeugt war, zu einem glücklichen Ende dieser Diskussion und zu einem verheißungsvollen Anfang ertragreicher Untersuchungen dieses Gegenstandes gekommen zu sein. Warum nur, drängt sich als Frage auf, ist man nicht bei dem geblieben, was man nach jahrelangem Ringen endlich erreicht zu haben glaubte? Der Grund dafür war gleichwohl ziemlich einfach: es wurden immer wieder und immer mehr auch umfangreiche Darstellungen der Wortbildung in slawischen Sprachen verfasst, an deren theoretischem Anfang die Einheiten, die *im Folgenden behandelt werden sollen*, als *allgemein so und so definiert* beschrieben wurden, ohne dass die *im Folgenden behandelten Einheiten* tatsächlich alle unter diese gegebene Definition fielen. So können, eigentlich selbstverständlich, z.B. *Abkürzungen* ganz eindeutig nicht die Definitionskriterien einer *Ableitung* erfüllen, wenn man diese letzteren so fasst, wie die jahrelange Diskussion sie schließlich als Ergebnis auf die Welt gebracht hat (Raecke 2002). Und die Produkte der sog. semantischen Wortbildung können das genauso wenig (Raecke 2008). Aber schon einfache adjektivische Substantivierungen vom Typus russ. *bol'noj – bol'noj* dt. *krank – der Kranke* können das nicht. Was hier geschah, war etwas, was in der Wissenschaft nicht selten geschieht: Man wusste intuitiv, dass die Theorie falsch oder wenigstens ungenügend war (Raecke 1999b) und folgte deshalb in der Praxis seiner Intuition, wobei man die Theorie dann weitgehend unabhängig davon als das darstellte, was sie auch war, nämlich als das, was man bis dahin als Theorie erarbeitet hatte. Wenn aber Theorie und Praxis so auseinander gehen, tut das der einen so weh wie der anderen.

Zum Zweiten gibt es in der slawischen Wortbildungslehre keinen allgemeinen Konsens mehr darüber, aus welchen Quellen oder Ressourcen sie eigentlich diejenigen Einheiten schöpfen soll, die sie für untersuchenswert anschaut. War man anfänglich unausgesprochen, d.h. intuitiv, davon überzeugt, dies könne nur das Lexikon der sog. Literatursprachen sein, schöpfen die einen heute aus Wörterbüchern unterschiedlichster Provenienz und Varietäten, aus dem Internet, aus der Werbung, aus Filmen oder aus dem Wortschatz sozialer Gruppen (Raecke 2009), seien das nun Gruppen mit und ohne Migrationshintergrund, ein-, zwei- oder noch mehrsprachig.

1.3. Was nun *in* diesem Beitrag und *mit* diesem Beitrag als Versuch gestartet wird, das ist zum einen, das angesprochene Dilemma mit dem inzwischen allenfalls intuitiv definierten, gleichzeitig aber auch höchstens vage definierbaren oder – wie sich schließlich zeigen wird – gar nicht sinnvoll definierbaren Gegenstand der Wortbildung zu beschreiben, sowie vor allem einsichtig und verständlich zu begründen, und zum anderen einen Weg anzudeuten, auf dem man vielleicht doch von der „gefühlten“ Ratlosigkeit bei der Themenwahl und der „verzweifelten“ Eigenwilligkeit in der Themenwahl wegkommen könnte, indem man viele der bislang gestellten Fragen tatsächlich als hinreichend bearbeitet und damit auch gelöst betrachtet und die eingefahrenen Gleise in der Wortbildung dadurch verlässt, dass man ihre (wie auch immer als solche begründeten) Einheiten nicht bloß als etwas sieht und traktiert, das schon dadurch interessant ist, dass es da ist, bzw. das allein deshalb als interessant deklariert wird, weil man an ihrem Beispiel der Welt demonstrieren kann, wie ein neues Wort so zu analysieren, interpretieren und klassifizieren ist, dass die Fachwelt sich verwundert die Augen reiben muss. Hier wird vielmehr dafür plädiert, Wörter als etwas zu verstehen, das nicht aus einer Laune heraus oder um das Wortbildungssystem zu realisieren auf die Welt gekommen ist, sondern als etwas, das von den Sprecherinnen und Sprechern jeweils aus einer bestimmten Intuition, mit einer bestimmten Intention und zu einem ganz bestimmten expressiven Zweck geschaffen wurde. Der Ort der Wortbildung ist die *Rede*, nicht die *Sprache*, und die Rede bzw. das Sprechen realisiert sich grundsätzlich in *Texten*, Deswegen hat auch jede lexikalische Einheit, die wie auch immer begründet zum Gegenstand der Wortbildung gerechnet wird, ihren Platz zunächst in einem ganz bestimmten Text, dann auch in weiteren Texten, weshalb sie in allen jenen Texten, in denen sie vorkommt oder für die sie geschaffen wurde, auch jeweils eine ganz bestimmte Funktion erfüllt. Wer nicht nach diesen Funktionen fragt, wird nicht verstehen, weshalb diese Einheiten aus der Virtualität in die Realität geholt wurden. Zugleich gilt für die mögliche Funktion, dass sie von der entweder aktuell neu oder irgendwann einmal neu gebildeten Einheit nur erfüllt werden kann, weil sie aufgrund der Art und Weise, wie sie gebildet wurde, eine bestimmte allgemeine Bedeutung hat. Denn es bedarf keiner langen Beweisführung, dass eine Abkürzung ganz allgemein und eine ganz bestimmte Form der Abkürzung im Besonderen ganz grundsätzlich andere Bedeutungen haben muss als eine *prolexematische Komposition* (Coseriu 1977) oder *Mutation* (Dokulil 19964), wogegen eine *Modifikation* nur eine andere haben kann (Raecke 1999a). Weshalb auch sehr leicht einzusehen ist, dass in bestimmten Texten bestimmte Formen von *Ableitungen* oder *Abkürzungen* oder sonstige Produkte der Wortbildung nicht vorkommen können, jedenfalls dann nicht, wenn nicht gegen das verstoßen werden soll, was man ein entwickeltes Sprachgefühl nennt. Und da das Sprachgefühl bekanntlich bei den großen Dichtern am höchsten entwickelt ist, kann man in ihren Texten auch ganz sicher am meisten über solche Phänomene lernen, wie sie gerade angedeutet wurden.

2.1. Das bedeutet eine Punktlandung auf der zweiten der drei Komponenten im Titel dieses Beitrags. Aus Platzgründen zu ihr jedoch nur folgende Thesen: die relevanten Ressourcen der Wortbildung sind und können nur sein die *Texte*, in denen sie vorkommen. Denn so, wie man die Bedeutung primärer lexikalischer Einheiten nur dadurch feststellen kann, dass man ihren Gebrauch untersucht – auch solche „einfachen“

Wörter werden schließlich immer nur in *Texten* gebraucht, außer vielleicht in Untersuchungen, wo sie als Beispiele für etwas anderes als ihre Bedeutung erhalten müssen –, kann man den Sinn und die wesentliche Bedeutung der verschiedenen Formen von lexikalischen Einheiten, die man als Produkte von Prozessen der Wortbildung ansehen kann, auch nur durch ihren Gebrauch in Texten ermitteln.

2.2. Es erscheint sinnvoll, das kurz zu illustrieren und dazu sollen ein paar deutsche Beispiele dienen. Schaut man sich genauer an, welche Arten von lexikalischen Einheiten, die man als Produkte von Wortbildungsprozessen identifizieren kann, in welcher Art von Texten vorkommen, so kann man zu der Erkenntnis kommen, dass die Sprecher bzw. die Autoren der Texte sehr klar und konsequent, wenn auch natürlich nur intuitiv differenzieren. Untersucht man z.B., welche Arten von Ableitungen in Volksmärchen vorkommen, so stellt man fest, es sind – wenn überhaupt welche vorkommen – fast ausschließlich *deminutive Modifikationen*, aber fast keine *Mutationen* (Raecke i.D.). (Und *Abkürzungen* schon gar nicht.) Nimmt man dieses als Anlass für die Frage, wie sich das erklären könnte, dann kann man auf die Antwort kommen: weil eben Modifikationen etwas völlig anderes leisten (und damit auch bedeuten), als Mutationen das tun. Während Mutationen zunächst einmal als so etwas wie Kompressionen von Minimalsätzen gesehen werden können (wie Dokulil 1964 und Coseriu 1977 das ja auch tun – Raecke 1999), können sie aber auch noch als etwas anderes gesehen werden, nämlich als das, was Dokulil sie allerdings nur mehr angedeutet als klar beschrieben hat. Mutationen sind in ihrer semantischen Struktur immer etwas, was eine Relation zwischen zwei verschiedenen Größen in der Wirklichkeit ausdrückt. (Was eben Sätze auch tun und weshalb Mutationen auch als komprimierte Sätze gesehen werden können.) Eine Relation zwischen zwei Größen festzustellen, um auf diesem Wege die Möglichkeit zu gewinnen, etwas, dem man einen Namen geben möchte, mit einem einzigen Wort zu benennen, heißt immer, dass dieses zu Bezeichnende als etwas gesehen wird, das von zwei Seiten aus zu interpretieren ist, einerseits von seiner kategoriellen Zugehörigkeit oder Natur aus und andererseits von dem aus, worin seine Besonderheit besteht, wenn es in dieser Kategorie gesehen wird. Es ist aber in solchen Bildungen niemals klar, welchen der beiden Größen der größere Aussagewert zukommt. Wenn jemand als *Zauberer* bezeichnet wird, wird er der Kategorie *Mensch* zugeordnet, durch das *Zaubern* wird er dieser aber gleichsam wieder entrückt, weil Menschen normalerweise nicht zaubern können. Wenn dagegen von einem *Häuschen* die Rede ist, geht es nicht um zwei Größen, die in Relation zueinander gesetzt werden, sondern darum, dass mit beiden Einheiten etwas bezeichnet wird, das der gleichen Kategorie angehört. Der Grund für die Modifikation ist lediglich, dass zum Ausdruck gebracht werden soll, dass beide innerhalb der gleichen Kategorie einen unterschiedlichen Platz einnehmen (Raecke 2003a). Transpositionen dagegen zeigen nicht mehr als den Wechsel einer grammatischen Kategorie an und stellen damit keine Relation zwischen zwei wesensmäßig verschiedenen Größen fest oder her, wie Mutationen, und bleiben auch nicht innerhalb der gleichen Kategorie, wie Modifikationen das tun. Damit fällt dann auch die Antwort auf die Frage, weshalb es diese Affinität zwischen Märchen und Modifikationen im Märchen gibt. Märchen erzählen von einer einfachen Welt, und im Sinne der Isomorphie von Ausdruck und Inhalt erzählen sie auf einfache Weise. Mutationen sind, wie gesehen, grundsätzlich nicht einfach, sie zeigen Benanntes von wenigstens

zwei Seiten, Märchen haben jedoch nur *eine* Sicht auf die Dinge, von denen sie erzählen. Und also bleibt man erstens in der gleichen Kategorie und zweitens modifiziert man allenfalls in den Dimensionen, deshalb auch die Konzentration auf deminutive Modifikationen. Weil in Deminutiva alles Mögliche Negative der Bezeichneten wenn nicht ganz negiert, so doch minimiert wird (Raecke 2003b).

So wenig zu den Ressourcen der Wortbildung, wenn man unter Ressourcen das versteht, was die Quellen für die Rohstoffe sind. Die wahren Quellen für Produkte von Wortbildungsprozessen können nur Texte sein, Wörterbücher haben sie ohnehin daraus geschöpft, aber sie haben dabei den Text zurückgelassen, in dem die Einheiten gelebt haben. Und also sind diese Einheiten dabei so gestorben, wie Fische sterben, wenn man sie aus dem Wasser nimmt. Und mit der Wendung zum Text hin würde die Slawische Wortbildungslehre auch die eingefahrenen Gleise verlassen.

3. Zum nur scheinbar verlorenen Gegenstand.

3.1. Seit Immanuel Kant gehört es zum Allgemeingut der Wissenschaftstheorie, dass jede Einzelwissenschaft durch ihren *Gegenstand* und/oder ihre *Methode* definiert ist. Die Methode hängt dabei genauso von diesem Gegenstand ab wie von dem eigentlichen Erkenntnisinteresse dieser Wissenschaft. Sie soll dem Gegenstand angemessen sein und zu einem gesetzten Erkenntnisziel hinführen. Was für jede Einzelwissenschaft gilt, hat Gültigkeit auch für alle jene Teile, in die sie im Laufe der Zeit zerfallen ist, also für die einzelnen wissenschaftlichen Teildisziplinen.

Für die *Wortbildung* heißt das sehr einfach, dass sie eine eigene linguistische Disziplin genau dann ist, wenn sie einen eigenen Forschungsgegenstand hat und/oder über diesem Forschungsgegenstand angemessene eigene Methoden verfügt. Dabei ist es nun zugleich auch der Gegenstand, der ihr die Grenzen für das setzt, womit sie sich beschäftigen soll bzw. darf, denn wenn sie sich mit Dingen beschäftigt, die nicht zu dem gehören, was als ihr Gegenstand definiert ist, dann hört sie vielleicht nicht, auf eine Wissenschaft zu sein, aber sie hört auf, jene linguistische Disziplin zu sein, als die sie sich bezeichnet. Entsprechend muss ihr dringend daran gelegen sein, einen klar definierten Gegenstand zu haben.

3.2. Wer sich nun, wie zu Anfang gesagt, nicht ausschließlich, aber doch kontinuierlich die letzten vierzig Jahre mit der slawischen Wortbildung beschäftigt hat, hat es auf jeden Fall noch miterlebt, wie sie sich als selbständige linguistische Disziplin etabliert hat. Das geschah auf dem gleichen Wege, wie sich so manche andere Verselbständigung vollzieht, nämlich durch den Prozess der Abspaltung, d.h. die Wortbildung spaltete sich ab, und zwar von der *Morphologie*. Der aus meiner Sicht für die slawische Wortbildung aufschlussreichste wie zugleich folgenreichste Aufsatz, der diese Abspaltung dokumentiert und argumentiert, ist ein Aufsatz von E. S. Kubrjakova aus dem Jahre 1978 (Kubrjakova 1978), in dem sie feststellte, dass ein Unterschied zu machen sei, ob man das untersuchen wolle, was der Bildung allein von dem dient, was ihrer Bedeutung nach nur *Formen* von Wörtern sind, oder ob man das untersuchen wolle, was der Bildung von dem dient, von dem selber *Formen* gebildet werden (können). Noch heute besteht übrigens Unklarheit darüber, ob man die sehr regelmäßige Bildung von deverbalen Substantiven wie bks. *padanje*, *odredjivanje*, *nokautiranje* usw. zu den Formen von *padati*, *odredjivati* oder *nokautirati* zählen soll oder nicht. Früher waren

aber auch die vor allem heute so beliebten Feminina zu Maskulina wie bks. *koleginica*, *profesorica*, *gradonačelnica* einfach Formen zu diesen Maskulina, genauso wie ja bks. *velika*, *jeftina*, *lijepa* auch feminine Formen zu *velik*, *jeftin* und *lijep* sind.

Es gab und gibt natürlich auch Grund, die Dinge so zu betrachten: die Art und Weise, wie diese Einheiten gebildet wurden, ist nämlich die völlig gleiche, wie die, wie grammatische Formen von Wörtern gebildet werden. Und Präfigierungen von Verben wie bks. *opadati*, *propadati*, *upadati* nahm man eben als *Formen* des Verbs *padati* und sah keinen wesentlichen Unterschied zu Formen wie *padam*, *padao je*. Der weitere Grund, die Dinge so zu sehen, lag darin, dass die Methode, wie man zu den Grundeinheiten der Morphologie gelangte, nämlich den Morphen bzw. Morphemen die gleiche war. Man stellte zwei Einheiten nebeneinander und stellte fest, ob sie *formal* gleich oder verschieden waren und ob sie *inhaltlich* gleich oder verschieden waren. Der russische Sprachwissenschaftler *Smirnickij* war dabei zu dem morphologischen Grundgesetz gelangt, das *Coseriu* später als den *Grundsatz der Solidarität von Form und Bedeutung* bezeichnete und die beide dahingehen: wenn zwei sprachliche Einheiten verglichen werden und sie dabei sowohl in formaler als auch in inhaltlicher Hinsicht Gemeinsamkeiten und Unterschiede aufweisen wie z.B. *padam*, *padaš*, *pada*, dann wird alles, was in der Form gleich ist, mit dem Gemeinsamen in der Bedeutung korreliert, alles, was in der Bedeutung unterschiedlich ist, mit dem Unterschied in der Form (*Smirnickij* 1947, *Coseriu* 1988). Das bestimmt dann auch die Gestalt der Morphe oder Morpheme, im vorliegenden Fall: was in *padam*, *padaš*, *pada* lautlich gleich ist, wird mit der gleichen Bedeutung assoziiert, was unterschiedlich ist, wird mit den lautlichen Unterschieden, also *-m*, *š* und *0* assoziiert. Genauso geht es aber auch bei *upadati*, *opatadi* *napadati*, wo *padati* eben als lautlich immer gleich mit dem assoziiert wird, was bei allen drei Verben in der Bedeutung gleich ist, und wo *u-*, *o-* und *na-* mit den Unterschieden assoziiert werden, die diese Einheiten in der Bedeutung aufweisen.. Gleiche Form heißt: gleicher Inhalt, und verschiedene Form heißt: verschiedener Inhalt.

Dagegen argumentierte nun die Verfasserin des genannten Aufsatzes (*Kubrjakova* 1978), dass das zwar richtig sei, dass es dabei aber um verschiedene Arten von Bedeutung gehe, im einen Falle sei bei allen verglichenen Formen die *lexikalische* Bedeutung die gleiche, nur die *grammatische* Bedeutung sei eine andere, im anderen Falle sei aber bei allen Einheiten die lexikalische Bedeutung eine andere, und auch eine andere als die von z.B. *padati* selber. Dessen Bedeutung wird folglich um eine bestimmte Komponente verändert oder modifiziert, und also ist zu unterscheiden zwischen *lexikalischer* Bedeutung und *grammatischer* Bedeutung. Die Veränderung der *lexikalischen* Bedeutung gehe der möglichen Veränderung der *grammatischen* Bedeutung voraus und sei damit von ihr unabhängig. Im einen Falle, also im Falle der Morphologie oder Formenlehre, werden also nur *Formen des gleichen Lexems* gebildet, im anderen Falle werden *neue Lexeme* gebildet. Es ist wichtig hier festzuhalten, dass die Lexeme nur deshalb neu sind, weil es sie ohne diesen Vorgang der Modifikation der lexikalischen Bedeutung zunächst nicht gab und auch niemals geben würde. Der Zeitpunkt, zu dem es zu dieser Modifikation der lexikalischen Bedeutung gekommen ist, spielt dabei keine entscheidende Rolle, entscheidend ist allein, dass eine bestimmte lexikalische Bedeutung in der betreffenden Einheit als modifiziert zu erkennen ist.

Damit schien der Gegenstand der Wortbildung klar definiert: es waren alle jene lexikalischen Einheiten in einer Sprache, die sich als gebildet herausstellten, wenn man sie mit lexikalischen Einheiten vergleichen konnte, die bei der Gegenüberstellung eine formale wie inhaltliche Inklusionsbeziehung erkennen ließen. Es ging also nicht um eine Beziehung von der Art, dass beide nur etwas gemeinsam hatten, formal wie inhaltlich, sondern um eine Beziehung von der Art, dass die eine Einheit formal wie inhaltlich in der anderen enthalten war. Eine solche Einheit musste also als Formel so aussehen:

$$\mathbf{FB} = \mathbf{FA} + \mathbf{x}, \mathbf{IB} = \mathbf{IA} + \mathbf{y},$$

was zu lesen ist als: *die Form von B ist gleich der Form von A plus einem formalen Element x, der Inhalt von B ist gleich dem Inhalt von A plus einer Bedeutung y, die nicht schon in A enthalten ist und mit der Form von x assoziiert wird.*

Mit dieser klaren Grenzziehung zur Morphologie mittels der Unterscheidung von *lexikalischer* Bedeutung und *grammatischer* Bedeutung schien nun ein neuer und selbständiger Forschungsgegenstand definiert und damit auch eine neue linguistische Disziplin etabliert, die man *Wortbildung* nannte. Viele sind diesem schönen Schein erlegen, weil sie zweierlei nicht realisierten, dass nämlich erstens damit nur solche lexikalischen Einheiten eine klare Definition erhalten hatten, die man als *Ableitungen* (russ. *proizvodnye slova*, bks. *izvedenice*) bezeichnet, weswegen die neue Disziplin eigentlich nur *Ableitungslehre* hätte heißen dürfen, und zweitens, dass schon E.S. Kubrjakova selber nicht bei dieser wirklich klaren Definition von *Ableitungen* als dem Gegenstand der slawischen Wortbildungslehre stehen geblieben ist, sondern an gleicher Stelle sehr scharfsinnig, aber eben auch folgenreich die Tore für die Wortbildung resp. deren Gegenstand so weit aufgerissen hat, dass so gut wie alles durch sie hindurch passte, was nach dem Willen oder der Auffassung unterschiedlicher Forscherinnen und Forscher in die Wortbildung hinein sollte. Ausgangspunkt für diese Öffnung Kubrjakovas war ihre Überlegung, dass wenigstens auch die schon erwähnten einfachen Nominalisierungen von Adjektiven wie russ. *bol'noj* – *bol'noj* dt. *krank* – *der Kranke/ein Kranker* Produkte eines Wortbildungsprozesses seien und als neue Wörter anzusehen seien, woraus für sie dann weiter folgte bzw. sich für sie folgern ließ, dass das Gemeinsame von Formenbildung und Wortbildung sei, dass sie Ergebnisse eines Derivationsvorganges seien, wobei der in der Wortbildung aber mit einer Änderung der lexikalischen Bedeutung verbunden sei, während der in der Formenlehre mit einer Änderung der grammatischen Bedeutung verbunden sei. Formal müsse er aber nicht ausgedrückt werden. Entscheidend sei allein die Bedeutung (Raecke 1984).

Die Formel für Gegenstände der Wortbildung kann also auch *so* aussehen:

$$\mathbf{FB} = \mathbf{FA}, \mathbf{IB} = \mathbf{IA} + \mathbf{y},$$

was bedeutet, dass formale Kennzeichnung durch ein für die Sprecher hör- oder für die Leser sichtbares Morph(em) nicht das Wesen der Derivation ausmacht oder Bedingung für ein derivatives Verhältnis zwischen zwei lexikalischen Einheiten ist, sondern dass sie nur eine *fakultative* Variante ist. Derivation ist damit seinem Wesen nach ein ausschließlich semantischer Vorgang, der zwar einen formalen oder materiellen Ausdruck finden kann, das aber nicht muss.

3.3. Es versteht sich von selber, dass letztlich schon mit diesem Aufsatz Tür und Tor für alle möglichen lexikalischen Einheiten geöffnet wurden, die man als semantisch deriviert ansehen kann. Dieses *ansehen kann* ist dabei wörtlich zu verstehen, denn dass *Metaphern* und *Metonymien* deriviert sind, ist nicht zu bestreiten, nur wann mit einer Metapher oder einer Metonymie ein neues Wort auf die Welt gekommen ist, darüber gehen die Meinungen sehr weit auseinander. Noch einmal weiter gedacht heißt *deriviert* immer von einer anderen Einheit deriviert, weil diese andere Einheit ja da sein muss, damit von ihr deriviert werden kann. Diese andere ist gegenüber der derivierten grundsätzlich *primär*, und die derivierte ist ihr gegenüber *sekundär*. Wenn daraus der Schluss gezogen wird, dass sekundäre Worteinheiten ja nur sekundär sein können, weil es zu irgendeinem Zeitpunkt eine Einheit gegeben hat, die ihr gegenüber primär war, dann kann die Sekundarität einer Worteinheit auch das alleinige Kriterium dafür sein, dass sie im Rahmen der Wortbildungslehre traktiert werden kann. Auch das stellt Kubrjakova 1978 scharfsinnig fest.

Nur heißt das, dass darauf verzichtet wird, die Sekundarität einer Worteinheit mit ihrer Semantik zu koppeln, wie es Kubrjakova zuerst noch gefordert hatte, und das heißt weiter, dass auch alle möglichen Formen von *Abkürzungen* zu den Gegenständen der Wortbildungslehre gehören, denn diese unterscheiden sich in der Bedeutung ja in solchen Fällen wie russ. *MGU* überhaupt nicht von der Bedeutung des Syntagmas *Moskovskij gosudarstvennyj universitet*, sind diesem gegenüber aber sekundär und ihre Formel sieht so aus:

FB = FA--x, IB = IA.

Zu lesen ist das so, dass eine Worteinheit **B** in der Form eine Modifikation einer anderen Worteinheit **A** oder eines Syntagmas ist, so dass sie materiell weniger umfangreich ist als **A**, in der Bedeutung jedoch mit dieser identisch (Raecke 2002).

3.4. Dieses zusammengefasst heißt, dass alle Worteinheiten (lexikalische Einheiten sollte man hier nicht sagen, weil Initialkürzungen keine lexikalischen Einheiten sind, sondern nur Zeichen für lexikalische Einheiten, die phonetisch und grammatisch als Wörter fungieren, aber nur für solche stehen) als Gegenstände der Wortbildungslehre gesehen werden (können), die entweder a) in einem formalen und inhaltlichen Inklusionsverhältnis zu anderen stehen, oder b) formal gleich und inhaltlich verschieden sind oder c) formal verschieden, aber inhaltlich gleich sind. Nur haben sie damit nicht mehr gemeinsam, als dass sie alle, weil deriviert, sekundär sind. Nur sind Deriviertheit und Sekundarität keine hinreichenden Merkmale, weil auch Metaphern und Metonymien sekundär und deriviert sind, und das sind zugleich auch alle adjektivischen und adverbialen Partizipien.

4. Fazit

Die Wortbildung in den slawischen Sprachen hat ihren Gegenstand also genauso wenig verloren, wie eine eigene Methode oder eine klare Vorstellung von ihren Ressourcen. Sie hat sie niemals gehabt. Was heute als Aufschwung und Boom erscheinen mag beruhte auf der Illusion, all dieses zu haben, weil man Ableitungen als den eigentlichen Gegenstand der slawischen Wortbildung ansah. Im Grunde genommen hat aber E.S. Kubrjakova schon 1978 gezeigt, dass dieses theoretisch nicht zu halten ist. Was

eingangs als Eindruck beschrieben wurde, ist also wirklich nur ein Eindruck, und zwar ein falscher. Die Entwicklung der letzten Jahre ist kein Niedergang, sondern lediglich eine logische Konsequenz der Unmöglichkeit, klar zu bestimmen, welche sprachlichen Einheiten die Wortbildung in einer nur ihr eigenen Methode zu untersuchen hat. Sie kann Klassen solcher Einheiten klar bestimmen, aber die fallen nicht unter eine einzige Definition.

LITERATUR

- Coseriu, E. (1977): „Inhaltliche Wortbildungslehre (am Beispiel des Typs „coupe-papier“).“ – Brekle, H. und H. Marchand (Hrsg.): *Perspektiven der Wortbildungsforschung* [Festschrift Hans Marchand]. Bonn. 48-61.
- Coseriu, E. (1988): *Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft*. Tübingen.
- Dokulil, M. (1964): „Zum wechselseitigen Verhältnis zwischen Wortbildung und Syntax.“ *TLP I*. 215-224.
- Kubrjakova, E.S. (1978): „Assimetrija smyslovych struktur i otgraničenie slovoobrazovanija ot drugich tipov morfoložičeskoj derivacii“. – *Russkij jazyk. Voprosy ego istorii i sovremennogo sostojanija*. Vinogradovskie čtenija 1-8.1978. I. 18-30.
- Raecke, J. (1984): „Zur neueren sowjetischen Wortbildungslehre.“ – Jachnow, H. (Hrsg.): *Handbuch des Russisten. Sprachwissenschaft und angrenzende Disziplinen*. Wiesbaden. 103–142.
- Raecke, J. (1999a): „Wortbildung.“ – Jachnow, H. (Hrsg.): *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden. 150-181.
- Raecke, J. (1999b): „Wortbildungsparadoxie und sprachliche Joker oder: Zur Definition des Untersuchungsgegenstandes einer synchronen Wortbildungslehre“. – *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*. 2. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung, Magdeburg, 9.-11-10.97. Hrsgg. v. R. Belentschikow. Zürich 1999. 83-100.
- Raecke, J. (2002): „Abkürzungen als (un)mögliche Objekte der Wortbildungslehre“ – *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* (Materialien der 5. Internationalen Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. Lutherstadt Wittenberg, 20. - 25. September 2001). Münster. 365-377.
- Raecke, J. (2003a): „Bedeutung(en) und Funktion(en) von Deminutiva in der Sprache und in Texten“ In: *Slavistische Linguistik 2002*. Referate des XXVIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Bochum 10.–12.9.2002. Hrsgg. von M., Krause und Chr. Sappock. München. 169-199.
- Raecke, J. (2003b): „O situativnoj ili stilističkoj podeli južnoslovenskih jezika i ostilističkom razvoju divergencije i konvergencije u oblasti tvorbe reči“ (Zur situativen oder stilistischen Gliederung der südslawischen Sprachen und zur Entwicklung stilistischer Divergenz und Konvergenz im Bereich der Wortbildung) – *Komparacija sistemów i funkcionowania współczesnych języków słowiańskich*. 1. *Słowotwórstwo / Nominacja*. [System- und Funktionsvergleich der slawischen

- Gegenwartssprachen. 1. Wortbildung / Nomination] | Universität Innsbruck – Institut für Slawistik, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole 2003. |Redaktor naukowy: I. Ohnheiser. Opole. 234-248.
- Raecke, J. (2008): „Wer rasiert wird, der verliert – Zur Bedeutungsentwicklung im Jargon (am Beispiel des Serbischen).“ – *Slavistische Linguistik 2006/2007*. Referate des XXXII. Konstanzer slavistischen Arbeitstreffens Männedorf bei Zürich. Referate des XXXIII- Konstanzer slavistischen Arbeitstreffens. Potsdam. München. 339-375.
- Raecke, J. (2009): „Zur Rolle der Wortbildung im Lexikon des Jargons (am Beispiel des Serbischen mit Seitenblicken auf das Russische).“ – V. Radeva, C. Avramova und J. Baltova (Hrsg.): *Slovoobrazuvane i leksikologija*. Sofija. 385-400.
- Raecke, J. (i.D.): „Die Wortbildung als Maskenbildnerin – Zur Rolle der Wortbildung bei der Gestaltung von Texten“. – Slavistische Linguistik. Referate des XXXVI. Konstanzer slavistischen Arbeitstreffens Bochum. München (im Druck).
- Smirnitskij, A.I. (1948): Nekotorye zamečanija o principach morfoložičeskogo analiza. – *Doklady i soobščeniija filologičeskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* 5. 21-35.

Јохан Реке

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ:
ЕГО СОСТОЯНИЕ, ЕГО РЕСУРСЫ И ЕГО ТОЛЬКО МНМО
УТРАЧЕННЫЙ ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Резюме

У представителей старшего поколения, кotoгым довелось быть не только свидетелями, но и более или менее активными участниками так превращения славянского словообразования в самостоятельную лингвистическую дисциплину как и существования его таковой в течение последних сорока лет, по поводу посещения ими репрезентативных конференций в последние годы может сложиться впечатление, что они стали свидетелями явления аналогичного экономического циклу: точно так же, как в экономике спад и подъем связаны друг с другом, так в словообразовании (в качестве науки) подъем и пик в первые годы повлекли за собой спад и дно. А откуда берется такое впечатление? Если посмотреть на названия докладов прочитанных на репрезентативных конференциях по славянскому словообразованию в последние годы можно убедиться в том что они различаются друг от друга так предметами изучения как и методами изучения как и сферами употребления изученных единиц (ресурсов) настолько, что привести их к единому общему знаменателю нельзя. А правы ли представители старшего поколения если считают что ввиду такого состояния словообразования оно на грани депрессии? Ответ отрицательный. Почему отрицательный нетрудно будет понять, если позаниматься развитием славянского словообразованья в последние сорок лет соблюдая должную дистанцию. Тогда выяснится, что единогласие царило лишь потому что в те годы многие исследователи тешили иллюзией что собственным, присущим только словообразованию, предметом изучения является так называемое производное слово. И насчет метода многим

думалось, что и у словообразования есть „свой“ т.е. собственный метод, так называемый словообразовательный анализ. О ресурсах не говорилось. Не осознавалось, однако, что под термин *слово* подпадает еще множество других языковых единиц, которые являются такими же вторичными, т.е. продуктами деривации, как и производные, хотя никак не подпадают под определение производного слова. В конечном счете общего определения ни предмета изучения словообразования, ни его ресурсов, ни методов изучения (неопределимых) единиц нет, и не может быть. Число внутренних неоднородностей потенциальных единиц ресурсов и методов слишком высоко. Итог: впечатления и действительность – разные вещи.

УДК 811.162.1'373.611

811.162.3'373.611

811.161.1'373.611

ZOFIA RUDNIK-KARWATOWA*

INSTYTUT SLAWISTYKI PAN, WARSZAWA, POLSKA

ROLA SŁOWOTWÓRSTWA W SŁOWIAŃSKIEJ
TERMINOLOGII JĘZYKOZNAWCZEJ
(NA MATERIALE JĘZYKA POLSKIEGO, CZESKIEGO
I ROSYJSKIEGO)

Abstrakt: Celem pracy jest ukazanie roli słowotwórstwa w tworzeniu nowych terminów językoznawczych i porządkowaniu istniejącej słowiańskiej terminologii językoznawczej. W badaniu wykorzystano korpus reprezentatywnych tekstów językoznawczych w języku polskim, czeskim i rosyjskim z ostatnich 30 lat, uzupełniony o źródła leksyko-graficzne. Analiza wykazała, że w słowiańskiej terminologii językoznawczej występują wspólne tendencje, które przybrały na sile w ciągu ostatnich dziesięcioleci. Odnotowano wzrost aktywności słowotwórstwa, związany z wykorzystaniem mechanizmów słowotwórczych zwiększających efektywność systemów terminologii językoznawczej. Procesy te cechuje internacjonalizacja i systemowość w organizacji wewnętrznej terminów. Ich dynamika jest niejednakowa w różnych dyscyplinach, subdyscyplinach i koncepcjach językoznawczych. Obserwuje się także różnice terminologiczne między językami związane z narodową tradycją terminologiczną, preferencjami słowotwórczymi i uregulowaniami normatywnymi.

Słowa kluczowe: terminologia językoznawcza, języki słowiańskie, język polski, język czeski, język rosyjski, słowotwórstwo, internacjonalizacja, systemowość, neologizm.

1. Terminologia językoznawcza z jednej strony stanowi uporządkowany zbiór terminów wyrażających system pojęć danej dyscypliny (językoznawstwa), z drugiej – jest częścią systemu leksykalnego języka i rozwija się, funkcjonuje zgodnie z regułami tego języka. Można przypomnieć w związku z tym obrazowe określenie A. Reformatskiego, że „терминология как совокупность слов – это «слуга двух хозяев»: системы лексики и системы научных понятий” (Реформатский 1968: 122). Mamy więc do czynienia ze złożonym zjawiskiem terminologii będącej składnikiem języka opisu języka naturalnego, czyli składnikiem metajęzyka językoznawstwa, a jednocześnie stanowiącej część języka przedmiotowego (języka naturalnego). Niektóre aspekty tej specyfiki terminologii zostaną ukazane w niniejszej pracy. Opierając się na

---

* e-mail: zkarwat@ifispan.waw.pl

materiale kilku języków: polskiego, czeskiego i rosyjskiego, chciałabym przedstawić w zarysie, ze względu na ograniczone ramy artykułu, rolę słowotwórstwa w terminologii językoznawczej: w tworzeniu nowych terminów i porządkowaniu leksykonu (systemu) terminologicznego. Problematyka ta powinna być szczegółowo omówiona w przyszłości.

2. W pracy wykorzystany został korpus tekstów językoznawczych w języku polskim, czeskim i rosyjskim, głównie z zakresu językoznawstwa slawistycznego, z lat 1980-20012, a także opisy dokumentacyjne niektórych z tych tekstów wydawanych w latach 1992-2010, zamieszczone w Bibliograficznej bazie danych światowego językoznawstwa slawistycznego iSybislaw¹, jak również dane z Bibliografii české lingvistiky². Dodatkowo uwzględniłam terminologię reprezentatywną dla starszych prac językoznawczych, jak gramatyki, monografie i studia, encyklopedie językoznawcze i wybrane słowniki, w tym wielojęzyczny słownik pod red. A. Jedlički z lat 1977-1979, najobszerniejszy z dotychczas opublikowanych słowników terminologii językoznawczej (dalej SLLT 1977-1979).

3. System terminologii językoznawczej kształtuje się w całej historii językoznawstwa. Podlega zmianom wraz z rozwojem tej dyscypliny, ukazując jej stan aktualny. Nie istnieje jeden zunifikowany system terminologiczny językoznawstwa. Każdy język ma swój system terminologii związany z tradycją narodową, preferencjami słowotwórczymi i uregulowaniami normatywnymi. Językoznawstwo i jego terminologia nie rozwija się jednak autonomicznie, w obrębie oddzielnych języków narodowych i w izolacji od innych. Pogłębienie międzynarodowych kontaktów naukowych i szybki obieg informacji naukowej w ciągu ostatnich trzydziestu lat przyczyniły się w znacznym stopniu do rozwoju teorii i metodologii badań językoznawczych na gruncie słowiańskim. Poszerzenie obszaru badawczego, wieloaspektowość ujęć i nowy sposób oglądu zjawisk językowych stały się istotnymi czynnikami zmian w słowiańskiej terminologii językoznawczej w tym okresie.

3.1. Na uwagę zasługuje zwiększenie roli słowotwórstwa w systemie terminologicznym w językach narodowych: we wzbogacaniu (uzupełnianiu) terminologii oraz i w jej systematyzacji: precyzowaniu i korygowaniu.

W odróżnieniu od jednostek leksykalnych w języku ogólnym, które mogą być tworzone ad hoc i powiązane z innymi leksemami w luźne konfiguracje (co powoduje, że często ich znaczenie nie jest zrozumiałe), terminy – tworzone w wyniku świadomej i celowej działalności językoznawców (szkół i teorii) – zajmują ściśle określone miejsce w systemie terminologicznym, wchodzą w określone relacje systemowe, semantyczne z innymi terminami. Są to relacje paradygmatyczne, jak: hiperonimia,

---

¹ Jest to międzynarodowy projekt instytucjonalnie związany z Instytutem Slawistyki PAN (<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl>). Jego koordynatorem ze strony polskiej jest autorka tego artykułu, koordynatorem ze strony czeskiej dr Jana Papcunová z Instytutu Języka Czeskiego Akademii Nauk Republiki Czeskiej (UJČ AV ČR), koordynatorem ze strony rosyjskiej dr Oksana Ostapczuk z Instytutu Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk. Obu Koleżankom serdecznie dziękuję za możliwość wykorzystania do niniejszych badań gromadzonego przez Nie zbioru czeskiej i rosyjskiej terminologii językoznawczej. Część zbioru terminologicznego w obu językach, a przede wszystkim podstawowe słownictwo z zakresu językoznawstwa w języku polskim, została zgromadzone przeze mnie.

² Baza danych znajduje się na stronie: <http://bibliografie.ujc.cas.cz>

hiponimia, antonimia, synonimia, komplementarność, współrzędność oraz relacje skojarzeniowe (termin *relacja skojarzeniowa*, podobnie jak synonimiczne *relacja kojarzeniowa*, *relacja asocjacyjna*, *relacja pokrewieństwa* używane są w terminologii informacji, języków i systemów informacyjnych), np. proces – cecha, proces – obiekt itp. Stosując kryterium semantyczne, ze względu na typy pojęć oznaczanych przez terminy przeprowadza się ich kategoryzację. Terminy pochodne, których udział w systemach terminologii językoznawczej w Słowiańszczyźnie zdecydowanie przeważa nad terminami niepochodnymi i w badanym okresie znacznie wzrasta, reprezentują spójny zestaw kategorii słowotwórczych. Są to wyróżnione słowotwórczo klasy nazw relewantnych w terminologii językoznawczej w językach słowiańskich, przede wszystkim: nazwy dyscyplin (poddyscyplin) językoznawczych, teorii i szkół (pol. *kaszubistyka*, *pragmalingwistyka* (z gr. *pragmá* ‘działanie, czynność’) ‘dział lingwistyki, którego przedmiotem jest funkcjonowanie języka w warunkach społecznych i sytuacyjnych, oddziaływanie językowe w procesie komunikacji’), cz. *genderová lingvistika*, *pedolingvistika*, ros. *когнитивная лингвистика*, *лингвокультурология* nazwy abstrakcyjne procesów i czynności (por. pol. *intertekstualizacja*, *profilowanie* (pojęć), cz. *intertextualizace*, ros. *концептуализация*), nazwy abstrakcyjnych cech (pol. *deprecjatywność* ‘bycie deprecjatywnym’, termin Z. Saloniego oznaczający nową kategorię fleksyjną o wartości deprecjatywnej; *tekstualność*, cz. *hovorovost*, *intertextualita*, *textovost*, ros. *интерактивность*), nazwy jednostek językowych jako nosicieli cech, czyli nazwy atrybutywne (określenia: pol. *europaeizm* ‘jednostka językowa (wyraz, morfem) o zasięgu europejskim’, *kresowizm*, *potocyzm*, cz. *etnografismus*, *internacionalismus*, *slangismus*, ros. *интернационализм*), nazwy jednostek językowych o charakterze pseudoagentywnym (pol. *relator*, *modyfikator*, cz. *relator*, ros. *модификатор*, *релятор*), nazwy jednostek (obiektów) językowych hiperonimicznych i hiponimicznych (np. pol. *hipertekst*, *subjęzyk*, cz. *hyperlexém*, *textém*, ros. *подъязык*), nazwy zbiorowe (pol. *chrematonimia*, *zoonimia*, cz. *chrématonymie*, *zoonymie*, ros. *зоонимия*, *хремотонимия*) i inne.

3.2. System terminologiczny w trzech badanych językach w zasadzie nie wykazuje różnic co do inwentarza klas nazw, występują natomiast pewne różnice ilościowe odnośnie reprezentujących je formacji. Jedną z przyczyn tych różnic jest niejednakowy poziom rozwoju dyscyplin językoznawczych w Słowiańszczyźnie. Przykładowo w czeskiej terminologii onomastycznej, zwłaszcza w *chrematonomastyce*, subdyscyplinie zajmującej się nazewnictwem obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (gr. *chréma*, *chréματος* ‘rzecz, towar, zdarzenie’), którą wprowadzili do europejskiej onomastyki Czesi i Słowacy, od kilkudziesięciu lat występują i są systematyzowane nazwy klas *chrematonimów*. Już w 1966 r. w Czechach wydano pracę poświęconą *tyronimom*, tj. nazwom serów (por. Breza 1998: 347, 359). Inaczej wygląda sytuacja w polskiej onomastyce, gdzie dziedzina chrematonomastyki do niedawna była traktowana marginalnie, zaczyna być dopiero systematyzowana, a jej terminologia uzupełniana.

3.3. Nazwy dziedzin wiedzy i działalności człowieka są charakterystycznymi strukturami obecnej doby. Podkreśliła to Elena Ziemskaja w książce wydanej w 1992 r., opisując w systemie nominatywnym współczesnego języka rosyjskiego nazwy dyscyplin i działalności ludzkiej, tworzone sufiksami *-ика*, *-истика*, a także, jak je określiła, afiksoidami *-логия* i *-ведение* (Земская 1992: 140-143).

W terminologii językoznawczej, która reaguje na zmiany dotyczące kierunków i teorii, kategoria ta jest licznie reprezentowana. Oto wybrane przykłady nowych nazw dyscyplin, poddyscyplin, teorii językoznawczych itp.: pol. *ekolingwistyka*, *frazematyka*, *kaszubistyka*, *komunikatywizm* // *komunikologia*, *lingwistyka genderowa* // *lingwistyka płci*, *lingwistyka kognitywna* // *językoznawstwo kognitywne*, *lingwistyka korpusowa*, *lingwistyka kulturowa*, *neurolingwistyka*, *pragmatyka lingwistyczna* // *pragmalingwistyka*, *stylistyka feministyczna* itd., cz. *genderová lingvistika*, *kognitivní lingvistika*, *korpusová lingvistika*, *komunikační gramatika* // *komunikativní gramatika*, *kulturní lingvistika*, *neurolingvistika* itd., ros. *гендерная лингвистика* // *лингвистическая гендерология*, *когнитивная лингвистика*, *корпусная лингвистика*, *лингвокультурология* // *лингвистическая культурология* (rzadko), *невролингвистика* i inne.

Wyrazistość semantyczna powyższych struktur wynika z ich budowy słowotwórczej. Do ich tworzenia stosowane są bowiem wyspecjalizowane znaczeniowo (lub mające silną tendencję do specjalizacji znaczeniowej) afiksy (por. w nazwach dyscyplin i teorii sufiks pol. *-ika* / *-yka* i w rozszerzonej postaci *-istyka*/*-ystyka*, *-izm*, cz. *-istika*, ros. *-uka*, *-ustuka*, inne ich warianty są marginalne), a także niesamodzielne człony występujące w postpozycji w strukturach złożeniowych (złożeniowcach), które w modelach reprezentowanych przez serie formacji można traktować jako sufiks (por. *-grafia*, *-logia*: *neografia*, *derywatologia* i ich odpowiedniki czeskie i rosyjskie). Seryjnie są tworzone (w sposób niemal kategorialny w polskim piśmiennictwie) zestawieniowe nazwy nowych dyscyplin, najczęściej rzeczownikowo-przymiotnikowe (por. *lingwistyka genderowa*, *lingwistyka komputerowa*, *lingwistyka kulturowa*, cz. *genderová lingvistika*, *korpusová lingvistika*, *komunikační gramatika* itp.) z członem określającym *lingwistyka*, *lingvistika*, *лингвистика*. Od strony semantycznej mamy do czynienia z relacją podrzędności zakresowej (hiponimii), bardzo charakterystyczną w systemie terminologii językoznawczej. Wyraźnie ujawnia się w tych strukturach interdyscyplinarność i multidyscyplinarność współczesnego językoznawstwa.

Coraz większą produktywnością odznaczają się również struktury złożeniowe reprezentujące model międzynarodowy z prepozycyjnymi członami określającymi (pol. *ekolingwistyka*, *pragmalingwistyka*, cz. *ekolingvistika*, *pragmalingvistika*, ros. *прагмалингвистика*. Człon określany, najczęściej *lingwistyka*, *lingvistika*, *лингвистика*, zajmuje postpozycję. Obie struktury: nazwa zestawieniowa i złożeniowiec mogą być stosowane alternatywnie nawet przez tych samych językoznawców. W słowniku MJST z 1998 r. podane są obie formy, z tym że hasło stanowi termin preferowany por. *lingvostilistika*, a termin synonimiczny *lingvistická stilistika* podano na końcu artykułu hasłowego. Struktury uznane za wtórne wobec terminów zestawieniowych (*ekolingwistyka* ← *lingwistyka ekologiczna*, *pragmalingwistyka* ← *pragmatyka lingwistyczna*, *pragmastylistyka* ← *stylistyka pragmatyczna*) i zarazem spełniające kryteria wyrazowości, można by interpretować jako rezultat procesu uniwerbizacyjnego. Przyjęcie tej interpretacji, zaproponowanej niedawno przez Julię Bałtową (Bałtowa 2010: 97), wiązałoby się z umieszczeniem tych struktur w pragmatyce (por. w związku z zagadnieniem uniwerbizacji argumentację A. Nagórko za włączeniem uniwerbizmów do pragmatyki: Nagórko 1998: 211-212).

4. Odnotowany współcześnie na przestrzeni trzydziestolecia wzrost aktywności słowotwórstwa w terminologii językoznawczej w dużym stopniu jest związany z porządkowaniem systemu terminologicznego.

4.1. Wykorzystywane są na przykład mechanizmy słowotwórcze do usuwania wieloznaczności terminów. Działalność taką prowadzi się m.in. w polskiej onomastyce. Jeszcze do niedawna w literaturze językoznawczej terminy: *antroponimia*, *toponimia* stosowano w dwóch znaczeniach 1. ‘zbiór antroponimów’, 2. ‘dyscyplina /dział onomastyki zajmujący się antroponimami’ i odpowiednio 1. ‘zbiór toponimów’, 2. ‘dyscyplina /dział onomastyki zajmujący się toponimami’. Dzięki wzorcom międzynarodowym i wykorzystaniu możliwości, jakie stwarza system słowotwórczy, powstał nowy typ struktur złożeniowych, stanowiący początek serii: *antroponomastyka* (m.in. w PNW 1998: 330), *toponomastyka* (m.in. PNW 1998: 330), por. neologizmy *zoonomastyka* (PNW 1998: 330), *chrematonomastyka*. Pierwowzorem był prawdopodobnie model czeski o charakterze międzynarodowym, por. *antroponomastika*, *toponomastika*, *chrematonomastika*, a także niemiecki, por. *Anthroponomastik*, *Toponomastik*. Na obecnym etapie rozwoju polskiej onomastyki należy struktury te należyć traktować jako załączek produktywnego modelu strukturalnego. Można prognozować, że rozwój poddyscyplin onomastycznych i potrzeby nazewnictwa będą sprzyjać powstawaniu kolejnych nazw dziedzin wiedzy zajmujących się *astronimami*, *etnonimami*, *kosmonimami* itp.

W rosyjskiej terminologii onomastycznej, nad którą prace prowadzone są intensywnie od połowy lat 70. XX wieku (w 1978 r. wydany został pierwszy słownik rosyjskiej terminologii onomastycznej CPOT 1978), nazwy dyscyplin tworzone są wyspecjalizowanym sufiksem *-ика*: *антропонимика*, *топонимика*, por. także *гидронимика*, *зоонимика*, *ойконимика*, *оронимика*, *этнонимика*, co daje pewną nadzieję na utrwalenie się tego typu słowotwórczego. W niektórych pracach używa się jednak tradycyjnie terminów *антропонимия*, *топонимия* i innych przywołanych wyżej zarówno w znaczeniu zbiorowym, jak i na określenie dyscypliny.

Porządkowanie systemu terminologicznego odbywa się w różnych dyscyplinach/poddyscyplinach językoznawczych, także w samej dyscyplinie terminologii. Znamienny jest przykład jednego z podstawowych terminów *terminologia* posiadającego dwa znaczenia: 1. ‘zbiór terminów’ i 2. ‘dyscyplina zajmująca się terminami’. Co najmniej od 10 lat podejmowane są próby rozwiązania problemu wieloznaczności tego terminu poprzez zróżnicowanie form *terminologia* ‘zbiór terminów’ i *terminoznawstwo* ‘dyscyplina zajmująca się terminami’, m.in. w słowniku terminologii języków specjalistycznych (JS STP 2005).

4.2. Procedura porządkowania systemu terminologicznego wiąże się także z tworzeniem terminów alternatywnych do obecnie stosowanych. Zdecydowanie dominują w tej grupie neologizmy o zasięgu międzynarodowym. Dobrą ilustracją organizacji systemu kompatybilnego z innymi systemami terminologii językoznawczej jest przywoływana już polska onomastyka. Rozwój tej dyscypliny i jej terminologii jest skoordynowany z bardziej rozwiniętymi systemami onomastycznymi. Widoczne tego efekty to preferencja terminów międzynarodowych w tekstach, por. np. *onim* vs *nazwa własna*, *onimia* vs *nazewnictwo*, *nazwy własne*, *ojkonim* vs *nazwa miejscowa*, *ojkomimia* vs *nazewnictwo miejscowe*, *nazwy miejscowe*, *anojkonim* vs *nazwa terenowa*,

anajkonimia vs *nazewnictwo terenowe*, *nazwy terenowe*. Dodatkowy atut alternatywnych terminów stanowi ich operatywność.

4.3. Inne motywacje tworzenia terminów alternatywnych są nieliczne. Ograniczę się do podania jednego z przykładów uzasadniających potrzebę utworzenia takich jednostek. W pracy dotyczącej czeskiej terminologii medycznej I. Bozděchová zaproponowała termin *kolokační termín* jako alternatywny w stosunku do *víceslovný termín*. Jej zdaniem terminy te są synonimiczne (mają tę samą denotację, różną konotację), *víceslovný termín* uwzględni stronę formalną i tylko w takiej funkcji można go używać, natomiast *kolokační termín* – funkcjonalny punkt widzenia, tj. terminy wielowyrazowe traktowane są jako kombinacje leksykalne, czyli kolokacje (Bozděchová 2009: 11).

Umiejętne i świadome wykorzystywanie modeli i środków słowotwórczych w rozbudowywaniu i porządkowaniu systemów terminologii językoznawczej zapewnia efektywność tych systemów.

LITERATURA

- Bozděchová I.**, 2009, *Současná terminologie (se zaměřením na kolokační termíny z lékařství)*. – Praha.
- Breza E.**, 1998, *Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy)*. [In:] *Polskie nazwy własne. Encyklopedia*, pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. – Warszawa; Kraków, s. 343–361.
- Gajda S.**, 1990, *Wprowadzenie do teorii terminu*. – Opole.
- Koronczewski A.**, 1961, *Polska terminologia gramatyczna*. – Wrocław.
- Nagórko A.**, 1998, *Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem)*. – Warszawa.
- Nagórko A.**, 2010, *Podręczna gramatyka języka polskiego*. – Warszawa.
- Příruční mluvnice češtiny*, 1995, eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. – Praha.
- Rzetelska-Feleszko E.**, 1993, *Polska terminologia onomastyczna. Problematyka*. „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Gdańskiego. Prace Językoznawcze”, [z.] 17-18, s. 217-222.
- Sitarski A.**, 1984, *Polska i rosyjska terminologia językoznawcza w świetle zjawisk leksykalnych i słowotwórczych języka polskiego i rosyjskiego*, „Przegląd Rusycystyczny”, [№] 1-2, s. 187-192.
- Waszakowa K.**, 1994, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce*. – Warszawa.
- Waszakowa K.**, 2005, *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. – Warszawa.
- Балтова Ю.**, 2010, *О словообразовательной и лексической интерпретации некоторых интернационализмов в славянских языках*. [In:] *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов*. – Москва.
- Земская Е.А.**, 1992, *Словообразование как деятельность*. – Москва.

- Реформатский** А.А., 1968, *Термин как член лексической системы языка*. [In:] *Проблемы структурной лингвистики. 1967*. – Москва, с. 103-125.
- Słowniki i encyklopedie
Encyklopedia językoznawstwa slawistycznego, 1993, red. K. **Polański**. – Wrocław etc.
- Jadacka** H., 2008, *Terminologia* [hasło]. [In:] *Jadacka H., Markowski A., Zdunkiewicz-Jedynak D., Poprawna polszczyzna. Hasła problemowe*. – Warszawa.
- JS STP – *Języki specjalistyczne. Słownik terminologii przedmiotowej*, 2005, pod red. nauk. J. **Lukszyna**. – Warszawa.
- MSJT – **Martincová O., Brabcová R.**, 1998, *Malý slovník jazykovědných termínů*. – Praha.
- PNW – *Polskie nazwy własne. Encyklopedia*, 1998, pod red. E. **Rzetelskiej-Feleszko**. – Warszawa; Kraków.
- SEIJSIW – *Słownik encyklopedyczny informacji, języków i systemów informacyjno-wyszukiwawczych = Encyclopedic Dictionary of Information, Indexing Languages and Retrieval Systems*, oprac. B. **Bojar**; [współpr. W. Babik et al.]. – Warszawa, 2002.
- Slovník slovanské lingvistické terminologie = Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*, 1977-1979, věd. red. A. **Jedlička**. – Praha.
- Słownik gramatyki języka polskiego*, 2002, pod red. W. **Gruszczyńskiego**, J. Bralczyka. – Warszawa.
- Rudnik-Karwatowa Z., Karpińska H.**, 2006, *Słownik słów kluczowych językoznawstwa slawistycznego*. – Warszawa [dokument w wersji elektronicznej, uzupełn. i popr., ponad 3000 słów kluczowych].
- Ахманова** О.С., 1966, *Словарь лингвистических терминов*. – Москва.
- Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, гл. ред. В.Н. **Ярцева**. – Москва.
- Подольская** Н.В., 1978, *Словарь русской ономастической терминологии*. – Москва.
- Подольская** Н.В., 1988, *Словарь русской ономастической терминологии*. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва.

София Рудник-Карватова

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО, ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Резюме

С развитием языкознания изменяется и его терминологическая система. Она показывает текущее состояние языкознания, а также является основой для создания новых теорий и развития дисциплины. Единой унифицированной терминологической системы языкознания не существует: у каждого языка есть своя терминологическая система, связанная с национальными традициями, нормами и узусом, словообразовательными предпочтениями. Тем не менее, в славянской лингвистической терминологии проявляются общие тенденции развития, которые усилились за последние несколько десятилетий. Обращает на себя внимание рост активности словообразовательных процессов в лингвистической терминологии. Это связано с использованием словообразовательных механизмов в назывании понятий высшего уровня абстракции. Вместе с развитием науки возрастает роль словообразования в заполнении лакун в терминологической системе, а также в ее упорядочении (в том числе в оперативности создания сложных названий из составных названий, например рус. *лингвокультурология* < *лингвистическая культурология*).

Для словообразовательных процессов в лингвистической терминологии характерны, прежде всего, интернационализация и системность во внутренней организации терминов (структурная и семантическая выразительность, стремление к семантико-функциональной специализации). Сейчас для создания новых терминов всё больше используются продуктивные модели и словообразовательные средства, имеющие международный характер. В этом проявляется стремление к обеспечению эффективности коммуникации, правильному пониманию в международном общении как лингвистов между собой, так и лингвистов с неспециалистами. Динамика этого процесса отличается в различных лингвистических дисциплинах, лингвистических школах, идиолектах лингвистов. Также наблюдаются межъязыковые различия в славянской лингвистической терминологии (ср. высокую степень интернационализации чешской ономастической терминологии по сравнению с соответствующей польской терминологией). Таким образом, реализация постулата совместимости терминологии сталкивается с определенными проблемами, связанными с историей терминологии, национальными терминологическими традициями, а также со словообразовательными тенденциями, наблюдаемыми в отдельных славянских языках. В свою очередь, методологический плюрализм, характерный для современного языкознания, способствует возникновению синонимии и многозначности, явлениям, в терминологии нежелательным.

Исследование роли словообразования в этих процессах и явлениях могло бы дать ответ на вопрос: может ли словообразование влиять на увеличение эффективности систем лингвистической терминологии, и если да, то в какой степени.

ЛЮДВИГ СЕЛИМСКИ*
ШЛЬОНСКИ УНИВЕРСИТЕТ В КАТОВИЦЕ

ТУРСКИ ЕЛЕМЕНТИ В БЪЛГАРСКОТО СЛОВООБРАЗУВАНЕ

Абстракт. Анализират се 1) турските заемки като словообразователни основи; 2) словообразователната делимост на турцизмите и появата на турски суфикси; 3) ролята на заемките от турски език за появата на нови или/и за активизацията на стари словообразователни способности; 4) преосмисляне на съставни части на турски композити като лексикоморфемии или суфиксоиди/суфикси; 5) етимологичната рекогносцировка – необходим етап в словообразователния анализ.

Ключови думи: Основа, суфикс, словообразователна членимост, словообразователна мотивация, словообразователни способности, етимология, редундантен суфикс (със структурна функция).

В настоящия опит за анализ на ролята на турцизмите в словообразователната система на българския език се поставят за разглеждане няколко проблема, многократно засягани в българското и южнославянското езикознание: 1) турските заемки като основи за по-нататъшна деривация; 2) словообразователна делимост на турцизмите и появата на турски суфиксални средства в българското словообразуване; 3) ролята на заемките от турски за появата на нови или за активизацията на стари словообразователни способности; 4) преосмисляне на съставни части на турски композити като лексикоморфемии или суфиксоиди, евентуално суфикси; 5) етимологичната рекогносцировка като необходим етап в словообразователния анализ.

1. Турските заемки като основи за по-нататъшна деривация

1.1. Турската съставка на българския речник е важен елемент в българското словообразуване, независимо от това какво място заема в лексиката – централно или периферно или дали е характерна за книжовния или за народния език и с каква стилистична обогатеност се явява. Така напр., заетото от турски език съществително име *ерген* (в паралелна словообразователна адаптация *ергенин*), се открива в основата на 12 други думи. Ако се абстрахираме само от *ергенлик*, което, макар и словообразователно делимо на българска почва – като образувано от *ерген* с

---

* e-mail: selimski@wp.pl

наст. *-лик*, – не може да не се разглежда и като турска заемка (от тур. *ergenlik*), въпросното *ерген*, съгласно СлР, е използвано като основа за деривация на други 10–11 думи: съществителните *ергенство* и *ергенче*; прилагателното (и наречие) *ергенски* и още 7 глаголни формации, като *ергенувам*, *ергеня се* и т.н. Освен тези 12 (според СлР) производни, в разговорната реч и/или народните говори са добре известни и понятни, а следователно и словообразователно мотивирани, и *ергенка* и *ергенаш*, а може би и други, за които не се сещаме или/и които не знаем.

От основи на турски заемки се образуват нови думи и с помощта на суфикси от интернационалния фонд, срв. *талашиит*, с наст. *-ит* от заетото от турски *талаш*, глаголи като *басирам се*, *елезирам*, *маджунирам* и *тегелирам*, с наст. *-ирам* от турцизмите *бас*, *елезе*, *маджун* и *тегел* и др. под.

1.2. Абстрахирането от турската съставка на речника, или принудителното ѝ пренебрегване поради конюнктурни политически съображения, каквото беше наложено през 80-те години на ХХ век, беше огромна грешка в ущърб не само за науката. Разбира се, необходимо е да се прави разграничение между турска заемка (напр. *ерген*), от една страна, и български производни от нея, хибридни, от друга. Някои резултати от опити за уточняване броя на турцизмите в българския език са нереални между другото и поради това, че за турцизми са били броени не само действително заетите от турски език думи, но и образуванията от тях на българска почва, на което е обръщано внимание (Селимски 1972: 275). Напр., броят им в РСБКЕ следва да не е 1,863, както го изчислява М. Лакова (1972), като взема под внимание и българските производни от тях, а само „около 850“ същински турцизми (Кювлиева 1980: 109). Още по-неправилно би било да се считат за турцизми думите, образувани от домашни основи с помощта на турски суфикси, като *войниклък*.

В морфемния състав на някои турцизми се отбелязва и плеонастичният или редундантен/тавтологичен суфикс *-джия*, чиято единствена функция е структурна: да придаде на дадено име маркирана форма на деятелно, както напр. съществителното *мутафчия*, повтарящо по семантика непроизводното на турска (и на българска) почва *мутаф* ‘който преде или тъче черги от козина’ (от пер.-тур. *mutaf*).¹ Това словообразователно доизграждане, дооформяне е могло да настане и на българска езикова почва, макар че и у Škaljić (1973: 479) и в БЕР (4: 345) се привежда и производното пер.-тур. *mutafci*, каквото в АкБТР не е отбелязано.

1.3. Тук, за целите на една числена уточнена представа за мястото на турските лексикални заемки в българското словообразуване, се установява, че, според данни от лексикографските източници, на които се опира СлР и ОбрР, броят на турцизмите, послужили за основа на поне едно производно, възлиза на 334 (с 856 производни от тях). Най-многобройната част от тези 334 турски заемки, явяващи

¹ Този вид словообразователно разширяване на някои турцизми беше разгледан основно у Рачева 1977, а преди това беше отбелязан у Т. Шимански (Szymański 1968: 47). Изглежда, че е характерен за езици/говори в по-тесен контакт (Селимски 2009), а по принцип се прибавя за по-ясно изразяване на категориалното словообразователно значение на формациите с избледняла или неясна поради различни причини словообразователна структура – както пише Б. Чорич за *табакиџа* (← *табак*), „суфикс *-џа* је додат ради појачања значења – вршилац радње, односно носилац занимања” (Ђорџић 1999/2008: 45), което се отнася и за *целџиџа* (от неговите примери).

се основи за по-нататъшна деривация, съставят 93 словообразователни гнезда, които имат само по едно производно. При това, при близо 1/5 от тях – 20 на брой – не само произвеждащата дума, но също така и производната формация се оказва лексикална заемка от турски език. Тези 20 гнезда са следните: *ачигьоз* (и -лък), *ашладиса* (и *ашлама*), *дерт* (и -лия), *джумбуш* (и -лия), *дост* (и -лук), *масраф* (и -лия), *мурафет* (и -лия), *перчем* (и -лия), *пранга* (и -джия), *сал* (и -джия), *салеи* (и -чия), *салтанат* (и -лия), *самун* (и -джия), *сахат* (и -чия), *силях* (и -лък), *скамбил* (и -аджия), *тегел* (и -ира), *хазна* (и -тар/-тарин), *хаир* (и -лия), *хайка* (и -джия). А при значителна част от гнездата с по 2, 3 и повече производни, домашните формации се основават на производно от втора или даже трета деривационна стъпка, което също представлява турцизъм. Срв. напр.: *боза* (и -джия, -**джийски** и т.н.), *бюрек* (и -чия, -**чийски** и т.н.). И ако от общия брой на 856 производни от турски основи извадим 175 производни, представляващи също турцизми, остават 681 български формации, изведени от турски основи. Трябва да припомним, че тези числени данни – може би и занижени – са по СлР, който се опира на ОбрР (и неговите лексикографски източници).² Те биха били значително по-големи, ако се взема под внимание цялата съвкупност турцизми, употребявана в разговорната реч или/и известна от диалектната лексикография. Но все пак – за сравнение – да припомним и това, че СлР е създаден върху материал с приблизителен обем 50 хил. думи, които са организирани в над 6300 гнезда.

1.4. Не по-малко интересни биха били и данните за броя и честотата на турските словообразователни суфикси, използвани за деривация от домашни или други – не турски – основи. Ролята на турската съставка може да се струва преувеличена в някои случаи поради повторната поява на един и същи суфикс и в мотивиращата основа и в мотивираната. Във всеки случай би могло да се твърди, че разпространението е твърде неравномерно – различно за отделните случаи. Напр., в гнездото на домашната основа *вар* влиза и *варджия*, образувано с турския суф. -*джия*, който се повтаря и в две негови производни при следващи деривационни стъпки: в прилагателното *варджийски* и в *nomen loci* *варджийница*, но само в 3, от общо 18 формации в това гнездо. Докато в гнездото на *погром* всичките 4 производни съдържат суф. -*джия*: *погромаджия*, *погромаджийски*, *погромаджийка* и *погромаджийство*.

2. Словообразователна делимост на турцизмите. Суфиксе -*суз/с*, -*сиз/с*

2.1. Щом като се знае формата и значението на дадена заемка, напр. *ерген*, познатата – и по форма и по значение – дума *ергенлик/ергенлък*, означаваща ‘*ергенство*’, също е основателно да се счита за производна, макар и заета от турски език, както и да се предполага наличие на обща представа и за функцията на образуващия суфикс. Неговото изучаване е проблем и на българското словооб-

² Би могло да се предполага, че тези данни са занижени, като се има пред вид тясно разбираната производност в СлР, прилагана спрямо заемките от международната лексика. Напр., *монтаж* (→ *монтажен* и *монтажник*) и *монтър* (→ *монтърство*) са отразени в 2 отделни гнезда, но *монтаж* и *монтър* не са свързани нито помежду си, нито с глагола *монтира*. Според СлР в българския език има голям брой словообразователни гнезда интернационализми, но крайно бедни – с по едно мотивирано При турцизмите, които ни интересуват тук, – обратно – в едно гнездо намираме и не така очевидно свързани двойки думи, както *ашла-диса* (и произв. *ашла-ма*).

разуване, доколкото суфикс *-лик* е очевиден в строежа и на други думи, както турцизми, така и заемки от други езици и – особено – на домашни, наследени думи. Такъв проблем е изучаването и на други суфикси, обобщени от заемки от турски език, като суфиксите *-чия/-джия*, *-лик*, *-лия* и др., на морфемата *-ди/-ти-* на турския перфект в комбинация с гръцкото аористно *-с-* в глаголи на *-тисам/-дисам*, като *боядисам*³, чиято употреба се ограничава при заемките от турски, както и изучаването и на други видове компоненти, използвани за деривация на нови лексикални единици на българска езикова почва:

а) от турски⁴ думи, като прилагателното *махмурлия* ‘недостатъчно изтрезнял’, с наст. *-лия* (< тур. *-lu*), което е паралелно на **хибридното** *махмурен* ‘сънен след алкохолно опияние’ (при наличие и на сродното разг. *махмурлук* ‘замаяност, неразположение при непълно изтрезняване’ < ар.-тур. *mahmurluk*, образувано в турски език с наст. *-luk* от араб. *mahmur*, прилагателно, означаващо ‘пиян, опиянен; с натежала глава подир изтрезняване или сън’);

б) от основи на други заемки, като разгов. и диал. *мустаклия* ‘човек с (големи) мустаци’, с наст. *-лия* от *мустак* (< *мустаки* < нгрц. *μουστάκι*), паралелно на *мустакат*;

в) от основи на български думи, като *ловджия* (от *лов* с наст. *-джия*), покрай домашната *ловец* и тур. *авджия*, адаптирана морфологично, а отчасти и фонетично.

2.2. Противоречиво се решава проблемът за словообразователната членимост на част от заемките, образувани с тур. наст. *-сиз/-суз* за прилагателни, означаващи отсъствие на нещо (антонимна на акцесоричната семантика на суф. *-лия*). Според СлР **кеф** обосновава прилагателното *кефлия* и глагола *кефне (му)*. Ако се излезе извън рамките на СлР, установява се словообразователната двойка *кефсис* ‘без настроение’ vs *кефлия* ‘с настроение’ (срв. тур. *keyifli* и *keyifsiz*, от тур. *keyif*).

Нека се спрем и на няколко по-трудни за анализ примери с този суфикс, като *урсуз* vs **урлия* и *кутсуз* vs **кутлия*, въпреки констатацията, че няма примери за съчетаване на суф. *-суз/с*, *-сиз/с* с домашни основи.

2.2.1. Не би могло да се говори за словообразователна двойка *урсуз* vs **урлия* (// *угурсуз* vs *угурлия*) в книжовния език. Думата *урсуз(ин)* ‘прост. 1. м. лош, проклет, долен човек. 2. прил. неизм. лош, проклет. *Урсуз хора*’ (употреби вж. у Кръстева 2003: 203; Стаменов 2011: 638–645), известна и в облика *угурсуз* (Геров 5: 418), макар че отделя в състава си суф. *-суз/с*, *-сиз/с*, подобно на други формации за означаване на липса, недостатък на нещо, не показва очевидно фонетично сходство със сродното **урлия*, явяващо се и в облиците *орлия* ‘с вероятно значение ‘щастлив’ (БЕР 4: 924) и диал. (от Якоруда) *угурлийа* ‘човек, на който му върви’ (Никулкина-Тиганчева 2010). За обикновения носител на българския език/диалект няма и лексема, която да мотивира тези производни. А турските

³ Вж. сред по-новите публикации за български и сръбски в сравнителен план Mleczko, Popiołek 2009: 208–211 (и лит.).

⁴ За словообразователния анализ в български език не е необходимо да се уточнява произходът – арабски, персийски или друг – на заемката от турски език, затова по принцип се абстрахираме от него. В отделни случаи обаче и етимологичната реконструкция се оказва неизбежна (вж. 5).

им прототипове *uğursuz* и *uğurlu* се базират на тур. *uğur* ‘добър, благоприятен случай’, заето като *ур* ‘щастие’, известно и в облика *угур*, вграден в семантичната дефиниция на *ур* (Геров 6: 315). От основа *угурлийа* е фамилното име *Угурлиев* от окръг Смолян.

2.2.2. Подобната по значение двойка *кутсуз* vs **кутлия* е също така не-реална на словообразователно равнище. Думата *кутсуз* (/ / *куцуз*) ‘(диал.) който не успява; нещастен; който носи нещастие, неуспех’ (за употреби вж. Стаменов 2011: 787–792) се среща и разширена с наст. *-лия*: *кутсузлия*. Това показва, че думата се схваща като непроизводна: дори и да се подозира участие на суф. *-суз* в строежа ѝ, не е ясно върху каква основа почива формацията – няма отделна лексема **кут*, нито противоположно по значение производно **кутлия*. И в този случай за формация **кутлия* се съди по фам. име *Кутлийски*, също от окръг Смолян, както *Угурлиев*.

3. Ролята на турцизмите за появата на нови или за активизацията на стари словообразователни способности

Много специалисти изтъкват, че за славянските езици композицията като словообразователен способ не е така типична, както за санскрит, гръцки и германските езици. В българския език тя е свойствена предимно на книжовната норма, като се свързва първоначално с гръцкото влияние още от времето на първите преводи на богослужебните книги, а в по-ново време се поддържа чрез руското влияние. В народните говори формациите, възникнали по този словообразователен начин, като *вирвода*, са изобщо рядкост. А доколкото ги има, не е съвсем ясно дали са преживелица от отдавнашна епоха, както се струва на някои изследователи, или – резултат от влияние на турски образци от типа *самур калпак* или *чамсакъз* (Grannes 1980: 34–39), както и в другите южнославянски езици, с изключение на словенския. Някои турцизми от този словообразователен тип подлежат на суфиксална универбизация. Така, *битпазар* ‘пазар на стари, употребявани вещи’, с непонятна за българите съставка **бит*, от тур. *bit* ‘въшка’ (макар повтаряща се в тур. *tahtabiti* ‘дървеница’, преобразено в нечленимото *тахтаба*), се явява и в съкратения и словообразователно адаптиран облик *битак*.

Прочее, за наплива от втората половина на XX век на словообразователни формации от две съществителни без съединителна гласна (първото като определение или „аналитично прилагателно”), който в края на XX и началото на XXI век става още по-интензивен, българският език се оказва подготвен между другото и чрез словообразователната адаптация на турските лексикални заемки.

4. Преосмисляне на съставни части на турски композити като лексикоморфемни или суфиксоиди, евентуално суфикси⁵

4.1. Компонентът *-дар* (*-тар* в условия за обеззучаване, а и обобщен), който се явява в строежа на редица турцизми, е основателно квалифициран като „рядка наставка в българския език” (Заимов 1953). За отбелязване е, че суф. *-дар* се е формирал в персийски език от сегашната основа *dār-* на глагола *dāštān*

⁵ Благодарение на разговор по този въпрос с проф. Кр. Клещова реших да се спра и на този въпрос, който се оказва по-труден за решаване. Надявам се да е от полза поне самото му поставяне.

‘държа, имам’ (Škaljić 1973: 24). Срв. *киседар* нар. остар. ‘касиер в многолюдно семейство’ (т.е. ‘който държи **кесията**, у когото е **кесията**’, със синоним *кесе-башия*) и ред. др., на базата на които е обобщен суфиксът *-дар*, с чиято помощ са образувани и на домашна почва нови производни, като *мечкадар* ‘мечкар’, *лихвадар* ‘лихвар’, *баснатър* и *баснатърка* ‘(диал.) баячка, врачка’ (БЕР 1: 35; РРОДД 28), *главатар*, *канатър* диал. ‘мъж, който кани на сватба’ и *канатърка* диал. (покрай диал. *канъч* ‘мъж, който кани на сватба’, *кãняджия* ‘шафер’) (БЕР 2: 211). Като образувано на домашна почва изглежда и отбелязаното у Н. Геров *чувадар*, изтълкувано у него като отглаголно ‘чувач, пазач’ (Геров 5: 562, s.v. *чувадарь*). **А може би се отнася за паралелна форма – с редукция на *o (> y) и промяна на *x (> *φ > в) – на *чохадар* ‘служител при цар; който постила чохата на царя’ (Геров 5: 560), от пер.-тур. ист. *çohadar* (днес ист. *çuhadar* ‘разсилен’, АкТБР 300). Подобен проблем създава и сх. *чохадар*, което се среща и в облици като *çuhadar* и *çuvadâr*, тълкувани противоречиво. А. Шкалич разглежда *çohòdâr*, *çohàdâr* ‘*dvorjanik sultana, paše ili sandžakbega, koji se stara za njegove odore i çohu...*’ като заемка от пер.-тур. *çohadar* (Škaljić 1973: 179), докато малко по-различното босн. „*çuvàdâr* ‘*onaj, koji dobro çuva, štedi, ekonomiše*’” счита за смесена формация: „*hibridna riječ: naša osnova çuva (< çuvati) i pers. dâr* ‘*imati, držati*’; *složenica izvedena po uzoru na: haznadar, bajraktar, silahdar itd.*” (Škaljić 1973: 182). Формацията с начално *çuv-* (вм. *çoh-*) се асоциира вторично с глагола *çuvati*, на което се дължи и тълкуването ѝ у В. Караджич като ‘*custos*’, т.е. ‘пазач’, както предполага П. Скок (Skok 1: 333, 344). **А може би и у Н. Геров представянето на *чувадар* като отглаголно ‘чувач, пазач’ да не е било независимо от обяснението на подобната формация у В. Караджич.****

4.2. Известен брой турцизми завършват с изглас на *-(x)ана*, *-(x)ане*, *-яна*, *-ене*. Но само при незначителна част от тях е повече или по-малко очевидна производността или композиционният тип на формацията, като при *ипликхана* ‘работилница за въжета и гайтани’ (от *иплзк* диал. остар. ‘конец, връв’, от тур. *iplik* ‘конец, конци’, вж. БЕР 1: 84). Повечето турцизми с такъв компонент или – по-скоро – с подобен изглас (завършък) са се лексикализирали, като *керханè*, остар. ‘работилница’, което се явява и във вариантите *керханè*, *керанè*, *кирханè* и *керана* и със специализирани значения ‘сапунджийница, керемидарница или някаква друга работилница’, от пер.-тур. *kerhane* ‘публичен дом’ (БЕР 2: 340, 384); *мензилхана*, *мензилхане* ‘пощенска станция’, покрай вар. *мезилияни* и простото *мензил* (БЕР 3: 718, 737) и др. Някои от тях се оказват непонятни дори и за етимолози, като *шарапанè* ‘кораб за грозде’⁶ (< *шарапханè*, от ар.-пер. тур. *šaraphane* ‘винарска изба’) и др. М. Рачева (2002) е събрала изчерпателно и изучила лексикалния материал около *хапсанè*, у Н. Геров (5: 436) *хапузхана* ‘тъмница, затвор’ и самостоятелно употребяваните *хапуз* и *хапъз* ‘затворник, тъмничар’, възлизаци към хибридно ар.-пер. *habshane*, *hapshane*, *hapishane* ‘затвор’ и към ар. *habs*, *haps* ‘задържане’, просторечно и ‘затвор, затворник’, съвр. тур. *hapis* ‘също’, но не стига до извод за формално-смысловото преобразяване на втората част *-(x)ана* и

⁶ Тази дума е анализирана несполучливо като реликт от тракийски език (Влахов 1977). Вж. репликите по този въпрос: Георгиев 1978, Селимски 1978.

пр. в служебна морфема (словообразователен суфикс за п. loci), а и не си задава такъв въпрос.

Прочее, самият интересуващ ни компонент/изглас *-(x)ana/- (x)ane* се явява в различни звукови варианти. В разнообразни фонетични варианти се срещат и основите (или първите компоненти), с които се съчетава съставката *-(x)ane*. Поради тези причини е силно възпрепятствано схващането на турцизмите от този тип като словообразователно мотивирани, а изгласът *-(x)ane* не е имал шанс да бъде абстрахиран като втора съставка на сложни думи с обобщено значение ‘дом’ или ‘помещение’ и особено – да се съчетава с домашни основи за образуване на нови думи. Сръбският и македонският език си остават уникални с формациите от домашни основи с наст. *-ana* от същия произход (Марков 1957; Ђорић 1999/2008: 51 и др.).

4.3. За „композиционна дума *-даш*” пише в „История...” Ст. Младенов, като привежда няколко „композиции с *-даш*: *ад(д)аш, аркадаш, йолдаш*” (Младенов 1929/1979: 207) и препраща към СпБАН, XX, 183–186 (Младенов 1921), но за нито един от тях не може да се каже, че е словообразователно прозрачен и че е могъл да послужи за образец на формации от домашни основи.

4.5. Минимален е броят на заемките-наречия, някои от които съвпадат по форма с неизменяемите прилагателни от същите основи, като *яваш* ‘бавно, поляка’. Няколко заети от турски език наречия показват структурно сходство – общ, макар и случайно, а и не напълно съпадащ изглас: *зърле* (и *зърлем*) ‘със зор, с усилие, едвам’ (от тур. *zorla*), *нафилѐ* ‘напразно’, *р̀згеле* ‘тъкмо на време и на място’, *саб̀ахле* (и *саб̀ахлем*) ‘1. сутрин, заран; 2. утре сутринта’ (от ар.-тур. *sabahleyin*). При *зърле*, освен това, е очевидна и формалносемантична връзка или мотивация от съществителното *зор* (СлР). Едва ли обаче би могло на базата на този единичен пример да се пледира за наличие и на адвербиален суфикс *-ле/-лем* в българското словообразуване.

5. Изучаването на турските елементи по принцип е невъзможно без етимологична рекогносцировка, която понякога не е много лесна, щом някои турцизми са получавали неубедителни тълкувания от опитни изследователи като „наследени от тракийски” или като думи с балто-славянски съответствия. Показателни за това са и споменатите вече проблеми, с които е свързана интерпретацията на *чохадар* и вар. и несполуката при една интерпретация на думи на *-хана* (вж. 4.1–2). Въобще при словообразователния анализ би трябвало да се вземат под внимание и различните прояви на междуезиковата омонимия, за да не се допускат грешки като помещаването на музикалния термин *речитатив* (от итал. *recitativo*) в гнездото на глагола *рече* (СлР 287), считането на глаголите *юрвам* (*се*) и *юркам* за турцизми (Стаменов 2011: 399) и др. под.

При анализа на турцизмите противоречиво е решаван проблемът за посоката на деривация при две или повече сродни думи: коя от тях е мотивирана и коя – мотивираща. В подобни случаи от значение е правилното разпознаване на етимологичния минимум, обединяващ гнездото сродни думи. Напр., в СлР неправилно са третираны като връх на гнездо глаголите *кепази*, *пелтечи*, *тафри се* и *харчи*. Според мене тези глаголи са отименни, а за връх на съответните

словообразователни гнезда трябва да се считат съществителните: *кепазе* → *кепази* → *окепази* (*кепазе* обосновава отименния глагол *кепази*, който има по-сложна семантична структура), *пелтек* → *пелтечи*, тафра → *таффри* се, *тимар* → *тимари* и *харч* → *харчи*. Неправилно глаголите *боклуча*, *дарача* и *пелтеча*, са считани (Лакова 1970: 434) за „точни смислови и структурни съответници на турските”: *boklamak, taraklamak, pelteklemek*. Тези български формации не са адаптация на посочените турски глаголи, а отименни формации, възникнали на домашна почва от заемките *боклук*, *дарак*, *пелтек*. И според СлР посоката на деривационната връзка е *боклук* → *боклучи* и *дарак* → *дарачи* (в двата примера с алтернация *к* → *ч*). Не е сполучливо извеждането (Лакова 1970: 435) на бълг. *салмувам* от тур. глагол *salmak*: съгласната *м* не може да се изведе непосредствено от състава на турската инфинитивна основа *salmak*, която изграждат двете отделни морфемии *sal* + *-mak*. Бълг. *салмувам* не е от онези „турски глаголни заемки”, за които може да се каже, че „представят транспонирани глаголни основи”, т.е. че „са заети като готови глаголи от турски език, с прибавяне на български глаголооформящи елементи към конкретна турска основа” (Лакова 1970: 431). Обратно, *салмувам* спада към „другата част” глаголни заемки, за които може да се каже, че „са образувани на българска почва от други турски думи с помощта на разнообразни словообразователни средства” (Лакова 1970: 431). То е образувано с наст. *-увам* от съществителното *салма*, отбелязано у Геров (5: 110) със значение ‘1. об. лудетина, немирник [и т.н.]; 2. нар. свободно’.

* * *

И така, в РСБКЕ са намерили отражение около **850** заемки от турски език, ако се абстрахираме от техните производни на българска почва, а не 1,863. По данни от СлР **334** турцизми влизат в словообразователната система на българския език като произвеждащи основи спрямо общо **856** производни. Най-голямата част от тях съставя групата от 93 турски заемки, които имат само по едно производно, а 20 от тях са произвеждащи спрямо също така заети от турски език производни. От общо 856 производни от турски основи 175 формации са също така турцизми. За български формации, изведени на българска почва от турски – непроеводни и производни – основи се считат 681 думи, намерили отражение в СлР. А в техните основи са залегнали само 314 турцизма.

За пълното и активно усвояване на турцизмите най-доброто показание е използването им за образуване на нови думи по традиционните методи и с наследени средства, без обаче да се забравя и подценява използването за тази цел и на суфиксални средства от интернационалния фонд, като субстантивния суф. *-ит* и глаголният *-ирам*.

За разрастването на речника на българския език и за неговото стилистично разнообразяване допринасят главно обобщените от турцизмите суфикси *-джия/ -чия*, *-лик*, *-лия*, в по-незначителна степен *-дар/ -тар*. Минимална е словообразователната делимост на съществителните с изглас на *-сиз*, *-(х)ане* и *-даш/ -таш* и на наречията на *-ле/ -лем*, които не се съчетават с домашни основи.

С адаптацията на композити и словосъчетания с първи компонент „аналитично прилагателно” от типа на турцизмите *чамсакъз* и *самур калтак* словообразователната система на българския език – и без това аналитичен – се оказва подготвена за усвояване и на лавината англоезични интернационализми от подобен тип, която се влива в речника не само на българския език.

Участието на турски елементи в словообразователната система на българския книжовен език е по-незначително, отколкото в съседните сръбски и македонски. Причините за това са от вероизповеден, културноисторически, националноисторически и политико-идеологически характер – новобългарският език се формира под мощното и дълготрайно влияние на руския език (Мирчев 1952: 121–122), упражнявано най-напред паралелно с черковнославянското влияние, и свързано повече или по-малко и с борбата за национално освобождение и църковна независимост, с въвеждането и развитието на светското образование, науката и културата, а не стихвало – по политически причини – и до края на XX век. А последица от това вторично сближаване с руския е отдалечаването на българския език от най-тясно родствения му сръбски (сърбохърватски) език (като се има пред вид преди всичко общонационалната книжовна норма). Аналогично на това е положението на македонския език между българския и сръбския и посоката на развойните процеси в него, свързани най-тясно с лексиката и словообразуването.

ЛИТЕРАТУРА И СЪКРАЩЕНИЯ

- АкТБР: *Академичен турско-български речник*. Ред. Иван Добрев. Рива 2009.
- БЕР 1–7–: *Български етимологичен речник*. Т. 1–7–. София 1971–2010–.
- БТР: *Български тълковен речник*. Второ издание. София 1963. 1021 с.
- Влахов К. 1977, Една забравена тракийска дума в българския език. // *Език и литература* 32/4, 75–77.
- Георгиев Вл. 1978, Относно произхода на диалектното съществително *шарапана*. // *Български език* 28/1, 52–53.
- Геров Н. 1–6, *Речник на българския език*. Пловдив 1895–1908. Фот. изд., София 1975–1978.
- Заимов Й. 1953, Етимологични бележки: 1. Една рядка наставка в българския език *-дар*; 2. *руйно вино*. // *Български език* 3/2, 171–173.
- ИИБЕ: *Известия на Института за български език*. София.
- Кръстева В. 2003, *Тълковен речник на турцизмите в българския език*. СКОРПИО ви. София. 247 с.
- Кювлиева В. 1980, Морфологична адаптация и асимилация на турските заемки, съществителни и прилагателни в българския език. // *ИИБЕ* 24, 78–136.
- Лакова М. 1970, Структура и значение на глаголите от турски произход в българския език. // *Български език* 20/5, 431–441.
- Лакова М. 1972, Турцизмите в «Речник на съвременния български книжовен език» от стилистична гледна точка. // *Български език* 22/1–2, 61–72.

- Марков Б. 1957, О наставцима *-ана, -лија, -лук* и *-ција*. // *Наш језик* 8/5–6, 136–138.
- Мирчев К. 1952, За съдбата на турцизмите в българския език. // ИИБЕ 2, 117–127.
- Младенов Ст. 1921, *Еснафдаш*. // *Списание на Българската академия на науките* 20/11, 183–186.
- Младенов Ст. 1921/1979, *История на българския език. Превод и редакция на проф. д-р Ив. Дуриданов от немското издание през 1929*. София.
- Никулкина-Тиганчева Н. 2010, *Говорът на град Якоруда*. Астарта, Пловдив. 87 с.
- ОбрР: *Обратен речник на съвременния български език*. Ред. Л. Андрейчин. Изд. на БАН, София 1975. 655 с.
- Рачева М. 1977, О морфологической адаптации османотурецких лексических заимствований в балканских языках. // *Балк. езиковедие* 20/1–2, 93–103.
- Рачева М. 2002, Лексика от репресивната традиция в историко-etimологичното проучване на българския речник. // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci Profesora Franciszka Ślawskiego*. Red. J. Rusek, W. Boryś, L. Bednarczuk. Wyd. UJ, Kraków, 431–439.
- ПРОДД: *Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в.* Ред. Ст. Илчев, София 1974. 606 с.
- РСБКЕ 1–3: *Речник на съвременния български книжовен език*. София 1954–1959.
- Селимски Л. 1972, [Рец.] Две изследвания върху хронологията на турцизмите в българския език (А. Grannes. *Etudes sur les turcismes en bulgare*, Oslo 1970; S. Stachowski. *Studia nad chronologią turcyzmów w języku bułgarskim*, Kraków 1971). // *Български език* 22/3, 274–276.
- Селимски Л. 1978, Думата *шарпанà* не е тракийска, а арабско-персийска. // *Език и литература* 33/1, 106–107.
- Селимски Л. 2009, Към словообразуването в банатския говор. // *Słowotwórstwo słowiańskich języków niestandardowych*. *Slavia Meridionalis* 9. Red. V. Maldjewa. SOW, Warszawa, 181–190.
- СлР: *Словообразователен речник на съвременния български книжовен език А–Я*.
- Под ред. на Й. Пенчев. АИ „Проф. Марин Дринов”. София 1999. 395 с.
- Стаменов М. 2011, *Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура*. Изд. „Изток-Запад”. София. 870 с.
- Ћорић Б. 1999/2008, Принципи творбене анализе стране лексике. // *Српски језик* 4/1–2, Београд, 227–241. Препеч. в: Ћорић Б. 2008, *Творба именица у српском језику (одабране теме)*. Београд, 40–52.
- Grannes A. 1980, *Loan Compound in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-Constructs*. Oslo. Universitetsforlaget. 56 с.
- Mleczo J., Popiołek B. 2009, *Sufiksy ze spółgłoską -s- w języku bułgarskim i serbskim// Cyryl i Metody w duchowym dziedzictwie Słowian. Materiały III i IV*

- konferencji Cyrylometodiańskiej w Białej Podlaskiej*. Red. P. Sotirov. Wyd. Podlaskiej Fundacji Wspierania Talentów. Biała Podlaska, 205–220.
- Skok P. 1–4, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb 1971–1974.
- Szymański T. 1968a, *Słowotwórstwo rzeczownika w bułgarskich tekstach XVII-XVIII wieku*. *Prace Komisji Słowianoznawstwa* 15, Wrocław et al. 199 c.
- Škaljić A. 1973, *Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku*. Treće izd. Sarajevo. 662 c.

Ludvig Selimsky

TRUKISH ELEMENTS IN THE BULGARIAN
WORD-FORMATION SYSTEM

Summary

The present writer proposes that a **difference exists between words which are borrowed from a foreign language, in this case Turkish, and lexical units, which are derived from loan-words**. In this way the number of loan-words from Turkish in the 3-vol. academic dictionary (РСБКЕ) is calculated at about 850, and not 1,863. The following numerical data build a more adequate picture of the play of Turkish elements in the word-formation system of the Bulgarian language (these data are **taken from СлР, which is composed on the basis of approximately 50 thousand words, which are organized in over 6,300 word-formative nests/families**). According to our **calculations, 334 Turkish loan-words enter the Bulgarian word-formation system as word-formative bases, in relation to a total of 856 derived words**. From these 856 derived words 175 are also Turkish borrowings. We find from **the СлР some 681 words which one can say are Bulgarian formations, based on Turkish stems, both simple and derived ones**.

In this study, attention to the interaction of Turkish suffixes *-джия/-чия, -лик, -дар/-тар* with inherited stems and/or stems of another – not Turkish – provenance, is being addressed. Some attention to the **derivation from Turkish stems with suffixes of cross-lingual foundation (suff. *-um* for nouns, suff. *-урам* for verbs) is being paid**.

The formations with a second component *-сиз, -(x)ане* and *-даш/-таш*, and the adverbs with the suffix *-ле/-лем* show minimum susceptibility to being divided up into word-formative components.

The play of Turkish elements in the word-formation system in Bulgarian literary language, is considered to be more minor than in the neighboring languages: Serbian and Macedonian. **This is explained by Church Slavic and Russian influence on the formation and development of Bulgarian literary language**.

JERZY SIEROCIUK*

UNIwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań, Polska

SPECYFIKA SŁOWOTWÓRSTWA GWAROWEGO W ŚWIELE DANYCH KORPUSOWYCH

Streszczenie. Podstawą prezentowanych uwag jest materiał z elektronicznego korpusu gwarowego zgromadzonego w Pracowni Dialektologicznej UAM – zasadnicza część to dane z jednej wsi (60 rozmów, w których brało udział 72 interlokutorów); jego zawartość to 535 711 słowoform. Baza ta jest częścią większego, rozbudowywanego korpusu współczesnych gwar wielkopolskich (obecnie do 1 500 000 słowoform), gdzie każda forma opatrzona jest szeregiem informacji typu: rok urodzenia – i inicjały – informatora, dzienna data nagrania, lokalizacja przestrzenna (oparta na współrzędnych geograficznych).

Tak obszerny materiał pozwala formułować wnioski istotne nie tylko dla opisu języka mieszkańców współczesnej wsi – możliwa jest też obserwacja zjawisk istotnych dla badaczy historii języka; tu możliwe jest bowiem obserwowanie specyfiki przebiegu zmian językowych.

Prezentowany w artykule materiał ukazuje specyfikę kilku zjawisk z poziomu słowotwórczego, takich jak:

- synonimia w środowisku gwarowym;
- charakterystyka zmian językowych (w świetle rozwarstwienia pokoleniowego);
- zjawiska idiolektalne.

Słowa kluczowe: słowotwórstwo gwarowe, korpus gwarowy, synonimia w gwarach, zmiana językowa, idiolektalność

Wyraźnie zauważana dysproporcja w stanie wiedzy między słowotwórstwem języka ogólnego a słowotwórstwem gwarowym w znacznym stopniu jest pochodną dysproporcji w dostępności materiału badawczego. Nawet zakładając, że porównywalne dane dostarczają stosowne słowniki, to jednak charakter funkcjonowania języka ogólnego i gwar przesądza także o przydatności obu typów leksykonów przy wyrokowaniu o specyfice odpowiednich procesów językowych. Zasadnicza różnica sprowadza się do tego, że język ogólny reprezentujący kulturę (i tradycje) pisma jest bardziej „znormalizowany”; język mieszkańców wsi – tradycyjna gwara – podlega rygorom tradycji oralnej, przekazu ustnego – zatem i stopień „znormalizowania” jest tu całkiem inny¹. Istota czynnika geograficznego przy zakreślaniu terenu występowania konkretnego

---

* e-mail: jasier@amu.edu.pl

¹ Szerzej o tym mówiłem na poprzedniej konferencji w Poznaniu, zob: Sierociuk 2012a.

zjawiska gwarowego przesądza też o wadze dokładnie zlokalizowanych poświadczeń obu form uwzględnianych w procesie derywacyjnym: derywatu i wyrazu będącego punktem wyjścia przy jego tworzeniu. Ten warunek nie zawsze jest spełniany przez leksykografię gwarową (Sierociuk 2003).

Z drugiej strony – monograficzne opracowania gwarowego słowotwórstwa (jak i w ogóle monografie gwarowe) zestawiane było zasadniczo w oparciu o materiał pozyskiwany (tradycyjnie) od niewielkiej grupy respondentów – bardzo często też od pojedynczych osób; praktycznie było to konsekwencją przeniesienia metodologii stosowanej przy badaniu języka ogólnego na niwę dialektologii. Wysoki stopień „znormalizowania” przesądza, że w wielu wypadkach badacze zjawisk języka ogólnego często odwołują się do własnej kompetencji językowej; w kontekście badań dialektologicznych podejście takie nie wchodzi praktycznie (poza niewielką grupą autochtonów) w rachubę.

Specyfika języka mieszkańców wsi – jego oralne (Ong 1992, Hevelock 2006) uwarunkowania – przesądza o nieco innym funkcjonowaniu w tym środowisku normy językowej, czego – w powszechnym przekonaniu – przejawem są pojawiające się oboczności. Musimy jednak mieć na uwadze i to, że mieszkańcy wsi obok własnej gwary znają – i często się nim posługują – język ogólny. Niekiedy więc oboczne występowanie poszczególnych form jest pochodną powyższych uwarunkowań.

Dla potrzeb niniejszego opracowania wykorzystane są dane z komputerowej bazy zestawianej w Pracowni Dialektologicznej UAM w Poznaniu z myślą o pracach leksykograficznych. Aktualnie korpus ten zawiera teksty dwojakiego typu: z jednej strony są to nagrania dokonane na początku lat 50. ubiegłego wieku i opublikowane przez Z. Sobierajskiego (m.in. Sobierajski 1985); z drugiej zaś – transkrybowane teksty pozyskiwane współcześnie od mieszkańców wielkopolskich wsi; są to rezultaty eksploracji o wyraźnym ukierunkowaniu leksykograficznym. Materiał jest zróżnicowany głównie z tego powodu, że nie znajduje potwierdzenia przekonanie, jakoby zadawalający materiał badawczy dostarczają dłuższe wypowiedzi informatorów. Jednoznacznie przekonuje o tym chociażby analiza „Tekstów gwarowych z zachodniej Wielkopolski” (Sobierajski 1985), gdzie na 210 stronach mamy zróżnicowane tematycznie wypowiedzi mieszkańców 11 wsi ze zwartego obszaru dialektalnego. Są one jednak – niejako zgodnie z tradycją początkowych (i nie tylko) badań dialektologicznych – pozyskiwane od pojedynczych jej użytkowników. We włączonych do korpusu tekstach użytych jest 62 711 słowoform; mimo wszystko jednak – co może zaskakiwać – brak tu potwierdzenia żywotności wielu cech wykorzystywanych przy kreśleniu charakterystyki dialektalnej tego regionu (Sierociuk 2012c).

Zważywszy na specyfikę badań dialektologicznych materiał poddany tu analizie jest zlokalizowany terenowo – pochodzi od mieszkańców tylko jednej wsi w południowo-zachodniej Wielkopolsce. Jest to więc materiał jednorodny pod względem terenowym (Bukowiec Górny koło Leszna), także czasowym – systematyczne rejestracje prowadzone były po roku 2000. Mamy zatem możliwość oglądu języka konkretnej społeczności w bardzo wąskim przedziale czasowym.

Korpus bukowiecki jest częścią większego korpusu wielkopolskiego; poddany tu analizie został zestawiony na podstawie 60 rozmów, w których brało udział 72

interlokutorów. Jego zawartość to 535 711 słowoform² odnotowanych tylko w wypowiedziach bukówczan. Podkreślam to dlatego, że jego podstawa materiałowa to rozmowy prowadzone na określony temat przez zespół poznańskich dialektologów. Wypowiedzi osób spoza badanego środowiska – pytania eksploratorów – na etapie zestawiania bazy zostały usunięte. Każde poświadczenie opatrzone jest między innymi inicjałami informatora, jego rokiem urodzenia i dzienną datą zapisu. Dane te pozwalają przygotowywać zestawienia prezentowane niżej.

Ponad pół miliona słowoform gwarowych z jednej miejscowości przesądza o tym, że mamy tu do czynienia z jednym z większych korpusów dialektologicznych (Čermák 2006a, Čermák 2006b, Čermák 2011, Lewandowska-Tomaszczyk 2005) pozwalających stawiać pytania wykraczające poza ramy dialektologii. Możemy śledzić kwestie wariantowości – szczególnie istotne dla badaczy gwar (Heфедова 2008, Sierociuk 2012b) – a także istotę i tempo zmiany językowej.

Przy typowaniu do prezentacji niektórych form uwzględniłem także ich funkcjonowanie w języku mieszkańców innych miejscowości – np. Bytyń (na zachód od Poznania), gdzie przeprowadzonych z 4 rozmówców 9 wywiadów zawężonych tematycznie („Tradycyjne czynności gospodyni wiejskiej”) utrwaliły 72 124 słowoformy; tu niektóre nazwy wykazują nieco inną charakterystykę językową – większa częstotliwość użycia, poświadczone inne konteksty synonimiczne itp.

Podejmując problematykę sygnalizowaną tytułem chciałbym skoncentrować się jedynie na kilku istotnych dla charakterystyki gwarowego słowotwórstwa zjawiskach; przywołany materiał ilustrował będzie uwarunkowania synonimii słowotwórczej w środowisku gwarowym. Na tym tle warto odnieść się do charakterystyki zmian językowych – to okazuje się możliwe przy wykorzystaniu parametrów ułatwiających analizę zróżnicowania pokoleniowego języka mieszkańców wsi. Konstrukcja podstawowej bazy (głównie chodzi o wykorzystanie danych identyfikujących respondentów – inicjały i rok urodzenia) stwarza też przesłanki do śledzenia preferencji idiolektalnych – i ich wpływu na ogólny obraz języka badanej społeczności wiejskiej; tutaj dodatkowo pojawia się możliwość oglądu „głębokości” konkretnych procesów derywacyjnych.

W prezentowanych niżej zestawieniach zachowana jest chronologia pokoleniowa; po inicjałach respondenta podany jest (w nawiasie) jego rok urodzenia. Dane liczbowe ilustrują poświadczenia użycia konkretnej nazwy przez poszczególne osoby odnotowane w analizowanej bazie.

Ogólne zestawienie nazwy podstawowej *drabie* ‘drabina’ i jej derywatów dowodzi stabilnej żywotności wszystkich form w języku mieszkańców Bukówca Górnego. W oparciu li tylko o te dane można umówić o wyraźnej relacji synonimicznej. Jednak o wiele więcej informacji otrzymujemy po opatrzeniu każdego potwierdzenia danymi pozwalającymi identyfikować osobę, która tę formę użyła w swojej wypowiedzi. Dane te pozwalają też wskazać relacje zachodzące w tej trójce nazw: podstawowe *drabie* należy chyba uznać za formę wychodzącą z użycia, zaskakuje tu brak poświadczeń w grupie najstarszych mieszkańców. Najbliższy derywat (najprostszy) – *drabka* – zaczyna przejmować funkcję nazwy podstawowej; on też wykazuje wyraźną rywalizację z

² Korpus ten – jak i inne korpusy cząstkowe – jest systematycznie rozbudowywany.

derywatem o strukturze zgodnej z regułami języka ogólnego – *drabina* (poświadczona w bazie bukoweckiej 43 razy).

DRABIE [17 x]: **DRABKA** [36 x]: **DRABECZKA** [12 x]:

-- SzM ³ (1886)	-- 2	-
-- PaK (1910)	-- 8	1
-- UrA (1912)	-- -	5
-- PoJ (1919)	-- 1	-
-- SoW (1920)	-- -	1
-- DoS (1921)	-- 1	-
3 -- SwJ (1921)	-- -	-
3 -- MaF (1922)	-- 1	-
-- SwS (1922)	-- 1	1
-- SIJ (1923)	-- 1	1
-- SzA (1923)	-- 2	-
3 -- SoA (1928)	-- 4	-
3 -- ŚIZ (1934)	-- -	-
-- LiE (1935)	-- 1	3
4 -- BoA (1936)	-- -	-
-- PoB (1937)	-- 3	-
-- PoC (1942)	-- 4	-
1 -- BaK (1947)	-- -	-
-- SaZ (1948)	-- 7	-

O wiele ciekawsze zależności ukazuje jednak zestawienie uwzględniające użycia derywatów kontynuujących pochodność z *-ka* (*drabka*) oraz z *-ina* (*drabina*). Możemy tu bowiem oglądać wyraźną rywalizację obu form. Niewiele odbiegające pod względem poświadczeń nazwy układają się niemal na zasadzie wymienności. *Drabinka* – wedle tych danych – jest formą ekspansywną, wyraźnie wygrywającą z typem *drabeczka*. W świetle przywoływanych tu danych *drabinka* wyraźnie zastępuje *drabeczkę*. W praktyce można też widzieć tu przykład bardzo konkretnej zmiany językowej. W tej sytuacji należy szczególnie podkreślić to, że – jak wspominałem przy omawianiu charakterystyki analizowanego korpusu – analizowany materiał pozyskiwany był w terenie w niewielkim przedziale czasowym – jest to pierwsze dziesięciolecie XXI wieku. Spełniający więc wszelkie wymogi synchroniczności materiał daje podstawy do śledzenia zjawisk typowych dla badaczy diachronii – zmiany językowej. Mamy tu jednocześnie możliwość śledzenia istoty tego procesu; ilustrowana tu zmiana warunkowana jest głównie czynnikiem pokoleniowym. Zmiana językowa ilustrowana poniższym zestawieniem dokonuje się nie poprzez przejmowanie przez poszczególnych

³ SzM urodzona w roku 1886 nagrana była w roku 1964. Dla uzupełnienia dodam, że SzM była matką SzA (1923) i SzJ (1925).

użytkowników języka formy „nowszej” – w świetle poniższego materiału to nowe pokolenie wnoszą nowe formy.

DRABKA [36 x]: **DRABECZKA** [12 x]: **DRABINKA** [20 x]:

2 – SzM (1886)	--	-
8 – PaK (1910)	- 1	-
-- UrA (1912)	- 5	-
1 – PoJ (1919)	--	-
-- SoW (1920)	- 1	-
1 – DoS (1921)	--	-
1 – MaF (1922)	--	3
1 – SwS (1922)	- 1	-
1 – SIJ (1923)	- 1	-
2 – SzA (1923)	--	2
-- SzJ (1925)	--	3
-- PoW (1928)	--	2
4 – SoA (1928)	--	-
-- SoF (1928)	--	1
1 – LiE (1935)	- 3	1
3 – PoB (1937)	--	-
4 – PoC (1942)	--	1
-- GrP (1944)	--	1
-- GuB (1946)	--	1
-- BaK (1947)	--	1
7 – SaZ (1948)	--	2
-- WoS (1959)	--	2

Inne uwarunkowania ilustrują przykłady terenowych poświadczeń żywotności konkretnego procesu słowotwórczego – tu chodzi o tworzenie zdrobnień przy użyciu powszechnie uznawanego za charakterystyczny dla gwar wielkopolskich formantu *-yszek*. Przywołane przykłady nie są objęte „unifikacją” kategorialną; poszczególne nazwy pozwalają tu widzieć nawet zależności leksykalne. *-yszek* wykazuje tu różne – pod względem proporcji – relacje z innymi formantami zdrabniającymi.

Oto w jakie relacje wchodzi interesujący tu nas formant:

KAMYCZEK [2 x]:	KAMYSZEK [17 x]:
-- SbW (1917)	- 1
-- SoW (1920)	- 2
-- DoS (1921)	- 2
-- MaF (1922)	- 2
-- SwS (1922)	- 3

-- SzA (1923)	-	1
-- SIJ (1923)	-	2
-- PoW (1928)	-	1
1 - SoA (1928)	-	1
-- MaE (1929)	-	1
1 - DrX (1970)	-	1

KAWALECZEK [18 x]:   **KAWALYSZEK** [2 x]:

1 - SoW (1920)	-	-
1 - SIJ (1923)	-	-
2 - SzA (1923)	-	2
4 - SzJ (1925)	-	-
5 - PoW (1928)	-	-
1 - SoA (1928)	-	-
1 - ŚIZ (1934)	-	-
2 - GrP (1944)	-	-
1 - PoA (1951)	-	-

RZEMYSZEK [7 x]:

-- SbW (1917)	-	1
4 - SoW (1920)	-	3
-- SbE (1920)	-	1
4 - ŚIZ (1934)	-	-
1 - LiE (1935)	-	-
2 - GuB (1946)	-	-
-- SaI (1952)	-	2

RZEMEK [11 x]:

-- UrA (1912)	-	1
1 - SoW (1920)	-	-
1 - SbE (1920)	-	-
-- SIJ (1923)	-	1
1 - SzJ (1925)	-	-
-- KaA (1926)	-	1
1 - ŚIZ (1934)	-	-

Te cztery zestawienia ukazują praktycznie wszystkie możliwe relacje: dominującą (*kamyszek* wobec *kamyczek*), sporadyczną (*kawalyszek* wobec *kawaleczek*) i prawie równoważną (pozostałe dwie pary). W obu pierwszych wypadkach można wręcz mówić o dominacji jednego z rywalizujących formantów. Istotne jest jednak to, że w każdym typie formant wykazuje diametralnie odmienną charakterystykę ilościową. Prowadząc

w tej miejscowości badania nawet z najstarszymi respondentami można nie uzyskać potwierdzenia żywotności interesującego nas formantu przy wielu podstawach.

Dla uzupełnienia dodajmy, że w korpusie bukowieckim nie zostały odnotowane przykłady typu: *kwiatyszek* ‘mały kwiat’, *kotyszek* ‘mały kot’, *wianyszek* ‘mały wianek’, mimo że w innych gwarach wielkopolskich – i w innym czasie – były notowane. W Bukówcu Górnym pojawiały się zaś inne formy nazywające te desygnaty.

Trzeci wreszcie typ uwarunkowań – z wyraźnie rysującym się między innymi wpływem idiolektu – ukazuje żywotność w języku mieszkańców Bukówca Górnego przymiotnikowego formantu *-anny*, któremu w języku ogólnym odpowiada *-any*; w lokalnych zaś gwarach wchodzi on także w relacje z formantem *-aty* i *-asty* – współtworząc serie typu: *glinianny* : *gliniany* : *gliniaty* : *gliniasty*.

Być może stopień terenowej żywotności tego formantu uzależniony jest od – istotnego w dociekaniach dialektologicznych – czynnika geograficznego. W przynależnym do tego samego (wielkopolskiego) dialektu Bytyniu odnotowywany był znacznie częściej i przy większej liczbie podstaw słowotwórczych. Mamy tu: *bawelnianny* (1x), *blaszanny* (9x), *drewnianny* (12x), *glinianny* (7x), *lnianny* (5x), *nicianny* (4x), *skarupianny* (2x), *skorupianny* (jako wariant poprzedniego – 1x), *skórzanny* (5x), *słómianny* (1x), *szklanny* (2x), *szmacianny* (1x), *welnianny* (2x) oraz: *plócianny* (1x) i *uszywnianny* (1x). Pamiętajmy jednak, że korpus bytyński obejmuje słownictwo jednego tylko pola tematycznego, oraz to, że jest prawie 7,5 razy mniejszy od korpusu bukowieckiego.

W Bukówcu Górnym formant *-anny* notowałem w specyficznych kontekstach idiolektalnych: jedynie *drewnianny* użyła trójka respondentów, pozostałe przykłady pochodzą od pojedynczych rozmówców.

Materiał bukowiecki ukazuje zatem następujący obraz:

DREWNIANNY [poświadczony 7 x – wobec 226 użyć typu **DREWNIANNY**]:

UrA (1912) – 2
SzA (1923) – 4
PoW (1928) – 1

oraz:

BAWELNIANNY: SzA (1923) – 1
BLASZANNY: SzA (1923) – 1
CEGLANNY: MaT (1951) – 1
GLINIANNY: SzA (1923) – 2
LNIANNY – SzA (1923) – 5
SKÓRZANNY – SaZ (1948) – 1
WELNIANNY – SzA (1923) – 1

Zaskakuje tu szczególna „aktywność” jednego respondenta: SzA. W tej sytuacji ogólna charakterystyka terenowej żywności tego formantu sprowadza się praktycznie do analizy danych idiolektalnych. Dobitnie ukazuje to zestawienie całościowe, obrazujące obecność *-anny* w poszczególnych idiolektach:

UrA (1912)	–	2
SzA (1923)	–	4 + 1 + 1 + 2 + 5 + 1 = 14
PoW (1928)	–	1
SaZ (1948)	–	1
MaT (1951)	–	1

Produktywność formantu *-anny* w języku mieszkańców uwzględnianych tu miejscowości wielkopolskich może być – i powinna – rozpatrywana w szerszym kontekście słowiańskim. Tu skupię się tylko na typie *glinianny*. Jak przekonuje mapa w pracy T.I. Vendiny jest on obecny w całym pasie gwar słowiańskich – poczynając od gwar Polski (zwłaszcza) zachodniej – poprzez gwary północnej Białorusi – po północno-zachodnią Rosję (Вендина 2009, 342). Znamienne jest, że i w polskim i w rosyjskim języku literackim ten typ słowotwórczy nie występuje. W polszczyźnie ogólnej w interesujących nas formantach obecny jest tylko *-any*: *bawelniany*, *blaszany*, *ceglany*, *drewniany*, *gliniany*, *lniany*, *skórzany* i *welniany*. W literackim języku rosyjskim mamy pewne zróżnicowanie, są bowiem analogicznie: *хлопковый*, *жестяной*, *кирпичный*, *деревянный*, *глиняный*, *льняной*, *кожаный* i *шерстяной*. Wiele przemawia za tym, że w gwarach rosyjskich typ *деревянный* nie jest bezpośrednim źródłem typu z podstawą *glin-*.

Przy okazji warto może zwrócić uwagę na potrzebę „całościowego” potraktowania produktywności formantu *-anny* w różnych dialektach słowiańskich; dopiero bowiem dysponując pełnym materiałem – zawierającym także formy „konkurencyjne” – jest możliwe kreślenie charakterystyki konkretnych gwar – pośrednio także języków. Nie tylko dla dialektologa bowiem może być ciekawa odpowiedź na pytanie o historię i genezę konkretnego zjawiska.

Geografia formantu *-anny* sugeruje jego archaiczność; w świetle danych T.I. Vendiny typ *glinianny* wykazuje zwarty obszar występowania w gwarach północnorosyjskich i w zachodniej grupie gwar rosyjskich; w gwarach polskich zapisywany był przede wszystkim na Kaszubach, Mazowszu i w Wielkopolsce (Вендина 2009, 178).

W naszym materiale *glinianny* pojawił się w Bukówcu Górnym tylko dwa razy, przy czym oba poświadczenia pochodzą od jednej osoby. Częściej (liczbowo) był notowany w Bytniu – podały go trzy osoby (z czterech badanych). W kontekście innych bukowieckich poświadczeń typu z *-anny* rodzi się pytanie o sposób interpretacji wyjątkowej pozycji idiolektu SzA. Czy jest to przejawem wyjątkowej zachowawczości językowej, czy też innych uwarunkowań, których rozpatrywanie wykracza poza ramy tego tekstu? Szczególną pozycję typu *-anny* w idiolektcie SzA – także na tle całej społeczności bukowieckiej jako preferencja jednostkowa – można (a nawet należy) rozpatrywać ponadto z punktu widzenia przebiegu zmiany językowej. Od kilku lat

SzA już nie żyje; można więc powiedzieć, że *-anny* w języku mieszkańców Bukówca Górnego praktycznie nie jest już obecny.

LITERATURA

- Вендина Т. И. 2009, *Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)*, Москва.
- Čermák F. 2006a, *Korpusová lingvistika dnešní doby*, [w:] *Korpusová lingvistika: Stav z modelové přístupy*, ed. F.Čermák, R.Blatná, Praha, s.9-18;
- Čermák F. 2006b, *Mluvené korpusy*, [w:] *Korpusová lingvistika...*, s. 53-67.
- Čermák F. 2011, *Korpusy včera, dnes a zítra*, [w:] *Korpusová lingvistika Praha 2011. 2. Výzkum a výstavba korpusů*, ed. F.Čermák, Praha, s.10-29.
- Hevelock E.A. 2006, *Muza uczy się pisać. Rozważania o oralności i piśmienności w kulturze Zachodu*, Warszawa.
- Lewandowska-Tomaszczyk B. (red.) 2005, *Podstawy językoznawstwa korpusowego*, Łódź 2005.
- Нефедова Е.А. 2008, *Многозначность и синонимия в диалектном пространстве*. Москва.
- Ong W.J. 1992, *Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii*, Lublin.
- Sierociuk J. 2003, *Słowniki gwarowe a możliwości opisu gwarowego słowotwórstwa*, [w:] *Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe*, pod red. J.Sierociuka, Poznań, s.249-255.
- Sierociuk J. 2007, *Swoistość słowotwórstwa gwarowego (wybrane problemy)*, „LingVaria” nr 1 (3), s. 115-125.
- Sierociuk J. 2012a, *Słowotwórstwo tekstów oralnych*, [w:] *Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów. Seria 13*, pod red. J. Sierociuka, Poznań (w druku).
- Sierociuk J. 2012b, *Problem wariantywności i synonimii w dociekaniach dialektologicznych*, [w:] *Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český*, Praha 2012, s. 353-357.
- Sierociuk J. 2012c, *Cechy definicyjne gwar w języku mieszkańców wsi*, [w:] *Z polskich studiów slawistycznych, seria XII. Językoznawstwo*, Warszawa 2012, s. 159-166.
- Sobierajski Z. 1985, *Teksty gwarowy z zachodniej Wielkopolski*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź.

Jerzy Sierociuk

SPECIFICITY OF DIALECTAL WORD-FORMATION IN ACCORDANCE
WITH THE CORPUS – DERIVEN DATA

Summary

The basis of these contemplations is the empirical data derived from the electronic dialectal corpus kept in the Department of Dialect Studies of Adam Mickiewicz University in Poznań. Mostly, the lexis was collected among the inhabitants of the same country via interviews with 72 interlocutors. It consist of 535 711 word forms. The basis is the part of more complex structure – corpus of contemporary Greater Poland dialects. It includes 1 500 000 word forms and each of them is followed by such pieces of information as, year of birth and the initials of the research participant, date of the recording, location together with the geographical coordinates.

The extensiveness of the material is helpful to not only to make conclusions essential for the description of the language of contemporary country, but also to find the phenomena for the language history researchers. In this case, the progress of linguistic change is visible.

The material presented in the article shows specificity of several word – formation phenomena, i.e.

- dialectal synonymy;
- linguistic change characteristic in accordance with the stratification of generations;
- idiodialectal phenomena.

IRENA STRAMLJIČ BREZNIK*

FILOZOFSKA FAKULTETA, UNIVERZA V MARIBORU, SLOVENIJA

MEDMETI KOT BESEDOTVORNI POTENCIAL SLOVENŠČINE

Izveček. Prispevek v prvem delu izhaja iz slovenistične delitve medmetov na razpoloženske, posnemovalne, velelne in pozdravne ter ugotavlja njihov delež v treh slovarjih (*Slovensko-nemški slovar 1894/95*, *Slovar slovenskega knjižnega jezika 1998*, *Slovenski pravopis 2001*). V drugem delu pa je izpostavljen medmet kot tvorbeni potencial slovenščine z dveh vidikov. Najprej je prikazano, kako se medmet generira iz lastne in drugih besednih vrst, nato pa, kako se iz medmeta s tvorbenimi postopki generirajo druge besedne vrste.

Ključne besede: besedotvorje, besedna družina, tvorjenka, medmet

1 Uvod

1.1 Kategorialne lastnosti leksemov izhajajo iz njihove skladenjske vloge. Zato so besedne vrste množice besed, ki glede na svojo skladenjsko vlogo v celoti ali v veliki večini izkazujejo enake kategorialne lastnosti. Medmeti ali interekcije sodijo v tisto skupino besednih vrst, ki imajo nestavčnočlensko vlogo, saj so modificiran izraz stavčne povedi, njihov denotat je govorno dejanje (Vidovič Muha 2000: 30–32). Zato jih lahko uporabimo kot samostojne pastavke, ki so v določenem kontekstu, skupnem tvorcu in naslovniku, popolnoma smiselni (Toporišič 2000: 450).

1.2 Slovenistična tradicija (Toporišič 2000: 450–462) deli medmete na: (a) razpoloženske, ki izražajo človekovo razpoloženje; (b) posnemovalne, ki posnemajo šume v zvezi s človekom, živalsko oglašanje, zvoke naprav in slušni vtis kretnje ali giba in (c) velelne, s katerimi velevamo ljudem in živalim; z vabnimi klici vabimo živali; z zvalnicami in pozdravi pa vzpostavljamo medčloveški družbeni stik. Nekoliko drugačna, vendar ne bistveno, je delitev pri Vidovič Muhi (2000: 87), ki prav tako deli medmete v tri pomenske skupine: (a) razpoloženske, Toporišičeve velelne preimenuje v (b) namerne, ker z določenimi variantami glasov ali njihovih povezav izražajo določeno namero v zvezi s človekom (zavrnitev, potrditev, dvom ...), v zvezi z živalmi (vabni klici, ukazi za določeno vedenje ...), in (c) posnemovalne (onomatopejske).

---

* e-mail: irena.stramljic@uni-mb.si

2 Metodološki pristop

2.1 Primerjalno smo upoštevali tri slovenska slovarska referenčna dela. To so Pleteršnikov *Slovensko-nemški slovar* (1894/95; v nadaljevanju PS),¹ *Slovar slovenskega knjižnega jezika* (1998; v nadaljevanju SSKJ) in *Slovenski pravopis* (2001; v nadaljevanju SP), ki so dostopni tudi v elektronski obliki. Pleteršnikov dvojezični slovensko-nemški slovar ima z besednovrstno oznako *interj.* (interjekcija) uvrščenih 215 medmetov, SSKJ z oznako *medm.* (medmet) 617 enot. Slovenski pravopis (2001) pa prinaša novost in medmete deli na specifične podskupine, in sicer z besednovrstnimi kvalifikatorji eksplicitno loči razpoložnjske (*razpolož. medm.*, 239 enot, npr.: *ájs* razpolož. medm. ~, *kako je krompir vroč*), posnemovalne (*posnem. medm.*, 235 enot, npr.: *grugrú* posnem. medm. ~, ~, *se oglašá golob*), velelne (*velel. medm.*, 81 enot, npr.: *púci* velel. medm. ‘napadi, zgrabi’: ~, ~ ga, je ščuval psa na neznanca) in osamosvoji pozdravne medmete, ki so v Toporišičevi slovnici (2000: 462) razvrščeni kot podskupina velelnih, imenovani zvalnice in pozdravi (*pozdrav. medm.*, 22 enot, npr.: *bájbáj* pozdrav. medm. sleng. ‘na svidenje, zbogom’).

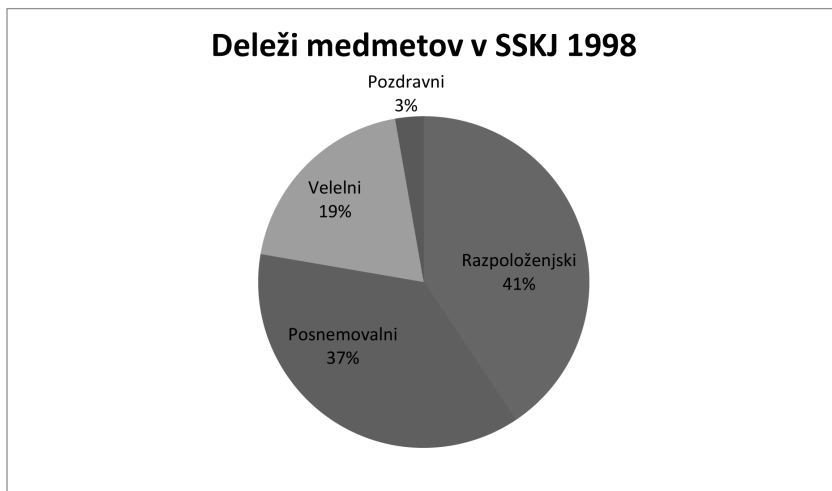
Zaradi primerjave so bil medmeti iz PS in SSKJ ustrezno razvrščeni v podskupine, primerljive s SP, in dobili smo naslednjo sliko odstotkovne zastopanosti posamezne pomenske skupine.

Prikaz 1: Medmeti po pomenskih skupina v Pleteršnikovem *Slovensko-nemškem slovarju* 1894/95

¹ Leta 2006 je izšla transliterirana izdaja tega slovarja na plošči CD-ROM. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.

Prikaz 2: Medmeti po pomenskih skupina
v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* 1998

Prikaz 3: Medmeti po pomenskih skupina
v *Slovenskem pravopisu* 2001

2.2 Primerjava je pokazala, da v vseh treh slovarjih količinsko prevladujejo razpoloženski, ki jim sledijo posnemovalni medmeti. Opazno pa je, da se je od *Pleteršnikovega Slovensko-nemškega slovarja* do *Slovenskega pravopisa* povečal delež pozdravnih medmetov, toda hkrati upadel delež velelnih.

Za nadaljnje razpravljanje in tvorbeno tipologijo medmetov so uporabljeni podatki iz *Slovenskega pravopisa*, ki je glede na nastanek tudi gradivno najaktualnejši.

3 Medmet med besedo in besedno zvezo

3.1 Vprašanje meje med besedo in besedno zvezo je bilo v slovenistiki večkrat problematizirano tudi pri medmetih s stališča besedotvornega ali frazeološkega vidika. Na razločevanje med sklopom, ki je beseda, in sklopom, ki izraža zakrito večbesednost, je opozorila Kržišnik (1994: 43–44) pri določevanju spodnje meje frazemov. Po njenem prepričanju je status besedne zveze kljub zapisu skupaj namreč dokazljiv, če lahko prihaja do spremenljivosti sestavin.² Primer zapisa skupaj in narazen, npr. *bogdaj* in *bog daj* pozdrav. medm., bi kazal na to, da zapis skupaj (sklop) v prvi vrsti kaže na besednost, ker je možnost, da nekdo na pozdrav *dober dan* odzdravi z *bog (ga) daj* manjša, običajnejše torej *bogdaj*. Toda z zapisom narazen je hkrati opozorjeno na to, da se v drugem kontekstu lahko uporablja tudi razširjeno *bog* (mu/ji/jim/nam) *daj* (npr. zdravje/srečo/nebesa), kjer gre za nedvomno besedno zvezo. Drugače je pri primeru *bogme* razpolož. medm. star. Zapis le skupaj dokazuje, da je sklop beseda, nastala iz besedne zveze, ki pa se je že leksikalizirala.

3.2 Iz tega izhaja, da so tovrstni medmetni sklopi prvega tipa lahko tudi predmet besedotvornega opazovanja, toda hkrati kljub zakriti večbesednosti (Jakop 2006: 37) predstavljajo tudi spodnjo mejo pragmatičnih frazemov, če imajo druge lastnosti frazemov (Kržišnik 1994: 199). Ista avtorica (Kržišnik 2010: 90) to potrdi tudi v razpravi o razmerju med idiomatsko besedo in frazeološko enoto. Tu omenja, da je poenobeseđenje frazema med drugim lahko doseženo tudi s sklapljanjem. Če ima sklop notranjo nespremenljivost sestavin (*očenaš*, *očenaš-a*), je to znak za besedo sklop; notranja spremenljivost (*kratkomalo* oz. *kratko malo* oz. *kratko in malo*) pa kaže na besedno zvezo. Vendar pisanje skupaj ali narazen bistva frazema ne prizadeva, pisanje skupaj ali narazen kaže zgolj na razkrito oz. nerazkrito formo.

3.3 Ker obravnavamo zgolj besedotvorno problematiko medmetov, bomo upoštevali le tiste medmete iz SP, pri katerih je predviden zgolj zapis skupaj (*haha*), zapis skupaj in narazen kot dvojnici s prednostim zapisom skupaj (*pikapoka* in *pika poka*), zapis narazen in skupaj kot dvojnici s prednostnim zapisom narazen (*hokus pokus* in *hokuspokus*) oz. zapis narazen kot manj priporočljivo dvojnico (*rompompom* tudi *rom pom pom*).

4 Tvorba medmetov iz drugih besednih vrst

4.1 Preden predstavimo medmet kot motivirajočo besedo, je prav, da predstavimo tudi možnosti, na podlagi katerih se generira sam. Medmeti se zelo pogosto tvorijo s konverzno izpeljavo iz veroslovnih poimenovanj krščanskega kulturnega okolja. V tem zvezi velja soglašati, da je tovrstni razmah leksike odraz sekularizacije oz. profanizacije sakralnih poimenovanj (Nigorko 2010: 181–191), ki se odraža npr. tudi v eni najboljšežnejših besednih družin leksema *bog* (Stramljič Beznik 2004: 138–143).

Samostalniška lastna imena tega tipa prehajajo med občnoimensko leksiko, in sicer najpogosteje med razpoloženske medmete, ki so vzkliki, razviti iz zvalnikov (Toporišič 2000: 457). Po raznolikih možnostih izrazitve je opazna motivacija iz leksema *Jezus*. Nastopa lahko konverzija brez glasovne spremembe (*Jezus* > *jezus* razpolož. medm.:

² SP 2001 v členih 534–537 navaja, da so v pisavi kot sklopi obravnavani tudi izrazi, ki so v resnici besedne zveze, pišejo pa se narazen ali skupaj.

Jezus, kako je lepo), s samoglasniškimi (*jezes* razpolož. medm.: *Jezes*, da se mu ni kaj zgodilo) ali dodatno še soglasniškimi, navadno šumniškimi variacijami (*ježeš* razpolož. medm.: *Ježeš*, gori!), ki povečujejo ekspresivnost. Podoben prehod med medmete kažejo še izrazi: *marija* razpolož. medm. (*Marija*, to ne more biti res), *kristus* razpolož. medm. (*Kristus*, kaj bo iz tega), *bog* razpolož. medm. (*Bog*, tega pa nismo pričakovali), *zlodej* razpolož. medm. (*Zlodej*, kaj pa delaš), *madona* razpolož. medm. kletv. (*Madona*, smo utrujeni), možno celo iz zvalniške oblike *bože* razpolož. medm. (*Bože*, kako si bled). ipd. Enak prehod je mogoč tudi iz običajnih osebnih imen, *Marička* > *marička* razpolož. medm. (*Marička*, kako je to lepo), *Matiček* > *matiček* razpolož. medm. (*Matiček*, to je bilo pa nevarno), občnoimenskih leksemov, npr. *fant* sam. > *fant* razpolož. medm. (*Fant*, sem ga polomil), *gorje* sam. > *gorje* razpolož. medm. (*Gorje*, če ne boš molčal), *groza* sam. > *groza* razpolož. medm. (*Groza*, vse so uničili), *mašina* sam. > *mašina* razpolož. medm. (*Mašina*, ga lomiš). Pogosto tudi iz neimenovalniške oblike: *vrabec* sam. > *vrabca* razpolož. medm. olepš. (Kako, *vrabca*, ji je že ime), podobno še (*hudiča*, *vraga*, *zlodja*, *zlomka*).

4.2 Mogoč je tudi prehod mernih prislovov med razpoloženske medmete: *grozno* prisl. > *grozno* razpolož. medm. (*Grozno*, kaj bo iz vsega tega), *preklet* razpolož. medm. kletv. (*Preklet*, ali res ne gre), *presneto* (Veliko si upa, *presneto*), *preklemano* razpolož. medm. omilj. (*preklemano*, tako ne bo šlo več). Tak prehod potrjuje tudi gradivo iz *Novejše slovenske leksike* (2009: 96), s kvalifikatorjem sleng. (slengovsko) označuje medmetno rabo tudi za načinovni prislov *hudo* (Kako izgleda obleka? – *Hudo*. 'izraža navdušenje'). Redkeje med pozdravne medmete konvertira velelnik (*živel(i)*, *živi(j)o*) pozdrav. medm.: Mudi se mi naprej, *živeli/živijo*).

4.3 Medmeti lahko nastajajo tudi s sklapljanjem iz besedne zveze, v kateri sta sklopljena: a) medmet in polni zaimek (*jojmene*, *ejmene*) ali njegova navezna oblika (*jojme*); b) medmet in krnjen samostalniki (*ejduš*); c) samostalniki in zaimki (*bogme*); č) besedna zveza iz pridevnika in samostalnika (*krščematiček*, *mojdunaj*) ali take besedne zveze s krnjeno (*krščenduš*, *mojduš*) in preoblikovano katero črkovno/glasovno sestavino (*mejduš* < *mojduš* < *moja duša*); d) predlog *pri*, krnjen tudi v *pr*, pridevnik in samostalniki (*primojdunaj*), s krnjeno katero črkovno/glasovno sestavino iz besedne zveze (*primojdun*, *primojduš*, *primojkokoš*; *prmejduš*, *prmejkokoš*) ali besedne zveze s krnjeno katero od sestavin (*primej*, *primoj*; *prmej*); e) predlog, zaimki in pridevniki (*primojkrvav*; *prmojkrvav*); f) predlog, zaimki in prislovi (*primojstokrat*); g) predlog *za* in samostalniki (*zaboga*); h) predlog *na/z* in samostalniki (*nasvidenje* pozdrav. medm., *zbogom* pozdrav. medm.), i) sklopljen medmet pa lahko nastane tudi iz sintaktične enote (*vritmepiši* velel. medm. nizk., *bogdaj* pozdrav. medm.).

5 Tvorba medmetov iz lastne besedne vrste

5.1 Najtipičnejši tvorbeni postopek nastajanja medmetov iz lastne besedne vrste je sklapljanje, kjer gre za podvojevanje ali potrojjevanje istih medmetov. Toporišič (1996: 269–278; 2000: 600–606) je take strukture poimenoval glede na število sestavin dvojčiči, trojčiči itd. in jih popisal po vseh besednih vrstah, tudi pri medmetih. Pri tem je upošteval le tiste primere, ki imajo zapis kot besedne zveze in jih zato pojmoval kot frazeološke enote ali likovne besedne zveze. V prispevku se, kot že omenjeno, gradivno omejujemo le na primere zapisa skupaj kot edine možnosti ali tudi dvojnice. Opozoriti

pa je treba še, da so nekateri medmeti večpomenski in zato lahko uvrščeni v navadno dve pomenski skupini, npr. *haha* je lahko razpoloženski (*Haha*, pa so ga ujeli), v drugem kontekstu pa posnemovalni (*Haha*, se je smejal na ves glas).

5.2 Sklope lahko zasledimo pri vseh štirih pomenskih skupinah. Pri razpoloženskih so pogosta podvojevanja istega medmeta (*haha*, *hehe*, *hoho*, *tete*), podvojitvev je v drugem delu (*uhuhu*, *ohhoho*, *juhuhu*, *olala*, *tralala*), sklopljena sta dva medmeta (*ovej*, *ojoj*), redkeje v zapisu skupaj primeri s soglasniško alternacijo (*larifari*). Med razpoloženskimi sta lahko sklopljena tudi dva konverzna izsamostalniška (*ježešmarija*).

Posnemovalni prav tako kažejo ponovitveno dvojčično strukturo (*čivčiv*, *grugru*, *haha*, *havhav*, *hihi*, *hovhov*, *huhu*, *kuku*, *kukuk*, *tutu*), ki lahko samoglasniško (*dindan*, *pikapok*, *pikapoka*, *žigažaga*) ali soglasniško alternira (*cigumigu*, *petpedi*). Kot kaže, so tu možne tudi trodelne, redkeje štiridelne strukture iz istih medmetov (*hahaha*), lahko imajo začetno podvojitvev istih prvin z dodano novo sestavino (*cicifuj*, *ciciri*, *kokodak*, *kokodajs*), končno podvojitvev (*hajsasa*, *hejsasa*, *mekeke*, *ratata*, *rompompom*, *uhuhu*, *ihaha*), oklepajočo strukturo dveh ali treh enakih (*bambrbam*, *kikiriki*) prvin ali so strukturirani iz več različnih sestavin (*halali*, *hmtadra*).

Pri velelnih je tipično sklapljanje največ dveh enakih (*kuku*, *tutu*), pogosteje pa različnih enot (*hihot*, *hijo*, *hohoj*, *kukuc*), celo s soglasniško spremeno (*hokuspokus*).

Pri pozdravnih pa najdemo samo dva sklopa s podvojenima enotama (*bajbaj*, *papa*).

5.3 Sestavljenke so redkejši pojav med medmeti, vendar gradivo potrjuje vsaj naslednje možnosti, zlasti za razpoloženske medmete, pri katerih je medmet okrepljen s predponskim obrazilom *pre-* (*pregorje*: Gorje, *pregorje*, če bo to izvedel 'zelo hudo bo'; *prejoj*: Joj, *prejoj*, kako je hudo). Nekaj primerov pa lahko najdemo tudi v *Besedišču slovenskega jezika* (1998), ki prinaša s slovničnimi lastnostmi opremljeno leksiko, ki v SSKJ ni bila zajeta bodisi zaradi priložnostne bodisi zaradi starinske rabe, npr. *prejohoho*, *prejokohu*, *preju*, *prejuhuhu*, *preoh*, *preohoho*, *preovbe*, *prešmentaj*.

5.4 Za modifikacijske izpeljanke bi pri medmetih lahko šteli tiste primere, kjer je prvotni medmet okrepljen še s kakšno sestavino, in sicer najopaznejši je vzorec s sestavinami *-ej*, *-la*, *-sa*, *-ta*, *-na*, *-du*, *-daj* ali *-a*, *-k*, *-c*. Zdi se, da je njihova funkcija intenzifikacijska, čeprav SSKJ, ki ima izčrpnjše pomenske opise, tovrstnih pomenskih razlik ne navaja:

<i>juh</i>	<i>juh</i> medm. 'izraža veselje, razigranost'
<i>juh-ej</i>	<i>juhej</i> medm. 'izraža veselje, razigranost'
<i>juhej-sa</i>	<i>juhejsa</i> medm. 'izraža veselje, razigranost'

Podobno priraščanje sestavin kažejo še naslednji a) razpoloženski medmeti: *juh* – *juh-ej* – *juhej-sa*; *hoj* – *hoj-la*; *holadri* – *holadri-ja*; *jeh* – *jeha-ta*; *jejzes* – *jejzes-na*; *jejzes* – *jejzes-ta* – *jejzesta-na*; *jejžeš* – *jejžeš-na*; *jejžešta* – *jejžešta-na*; *jezus* – *jezus-na*; *opa* – *opa-la*; *op* – *op-la*; b) posnemovalno čindara – čindara-sa; *didel* – *didel-daj*; *didel* – *didel-du*; c) velelni: *hop* – *hop-la*; *hop* – *hop-sa*.

Obstajajo pa še posameznosti pri različnih pomenskih skupina medmetov, kot so: samoglasniške (*jedet – jedet-a*), soglasniške (*huš – huš-k, kuku – kuku-c, kuku – kuku-k*) ali dvožložne okrepitev (*joj – joj-hata; čin – čin-dara*).

6 Medmeti kot tvorbeno izhodišče za druge besedne vrste

6.1 Slovenski pravopis prinaša tudi podatke o konverziji medmetov v druge besedne vrste.

Najpogostejša je konverzija med glagole, ko medmet v stavku nadomešča povedek. Prikazanih bo nekaj vzorčnih primerov za posamezne skupine medmetov. Ta lastnost je zelo tipična za posnemovalne medmete, npr: *bum¹* posnem. medm. (*Bum*, je zagrmelo) – *bum²* povdk. poud. (Spotakne se in *bum* po tleh ‚pade‘); *čavs¹* posnem. medm. (*Čavs*, ga kljune goska) – *čavs²* povdk. poud. (Lisica se priplazi in *čavs* po zajčku ‚čavsne‘). Večina posnemovalnih v taki rabi nadomešča glagol *pasti* (*bumf, bum, cap, cmok, čof, lop, plosk, tof*), drugi lahko nadomeščajo druge glagolske pomene *frr* ‚zleteti‘, *ham* ‚ugrizniti‘, *hap* ‚zgrabiti‘, *luk* ‚piti‘, *šap* ‚zgrabiti‘, *šavs* ‚vgrizniti‘, *šek* ‚natepsti‘, *brr* ‚brneti‘.

Razpoloženski lahko pomenijo veliko in nepomembno govoriti (*bla*), sramovati se (*fej*) ali pa kot povedkovniki, tj. deli povedka za glagolom *biti*, izražajo veliko mero dejanja (*joj, prejoj*: Doma je bilo *joj, prejoj*) ali tudi lastnost (*plenk*: Ta je malo *plenk* ‚čudaški, neumen‘).

Pri velelnih je takih konverzij med glagole manj, npr. *hop* in *hopsa* ‚skočiti‘, *marš* ‚izginiti‘.

Pri pozdravnih kaže možnost glagolskega pomena medmet *adijo* (Rekla mu je *adijo* ‚odslovlila‘) in *zdravo* (To opravi ali pa *zdravo* ‚pojdi‘).

6.2 Za konverzijo medmeta v samostalnike nedvomno gre v primerih naslednjih razpoloženskih (*holadri* razpolož. medm. > *holadri* sam.: Pridružil se je vsakemu *holadriju* ‚veseljačenju‘; *larifari* razpolož. medm. > *larifari* sam.: Kar praviš, je velik *larifari* ‚prazno govorjenje‘) in posnemovalnih medmetih (*halali* posnem. medm. > *halali* sam. lov.: Trobiti *halali* ‚znak z rogom‘; *hovhov* posnem. medm. > *hovhov* sam. otr. ‚pes‘: Glej, *hovhov*, ker z njimi ni možno tvoriti glagola. Konverzni prehod med samostalnik tega tipa kažejo tudi velelni medmeti *hura* (Sprejeli so ga s trikratnim *hura* ‚pozdravom‘), *horuk* (Trikratni *horuk* ‚pozdrav‘ za komandanta) in *repete* (Prosil je za *repete* ‚ponovitev‘).

V primerih, kjer je medmet lahko podstava glagolski tvorjenki, pa stvari niso tako enoumne, saj jih je možno razložiti na dva načina. Po prvem je mogoče izhajati iz medmeta, ki tvori glagol kot prvostopenjsko tvorjenko, iz njega pa je izpeljan samostalnik kot drugostopenjska tvorjenka: *brenk* medm. > *brenkati* > *brenk* sam. Druga, manj verjetna možnost pa je, da predvidimo tvorbeno pot iz medmeta, ki je vzporedna podstava za prvostopenjsko glagolsko izpeljanko in hkrati vzporedna za prvostopenjski konverzni samostalnik: *brenk* medm. > *brenkati*; *brenk* medm. > *brenk* sam. Tako možnost kažejo še medmeti *hrst, klenk, mijav, plosk, puh, rega, resk, šrbunk, švist, švrk*.

Tukaj velja opozoriti, da so taki konverzni prehodi medmeta značilni ne samo za prehod med občna imena, kot je navedeno zgoraj, ampak je tak prehod možen tudi med lastna. V takih primerih gre pogosto za poimenovanje blagovnih znamk ali imen

izdelkov, npr.: *mu* posnem. medm. > mlečni izdelki *Mu*; *hopla* velel. medm. > časopis *Hopla* ipd.

6.3 Zelo produktiven tvorbeni vzorec pa je v slovenščini izpeljava glagolov iz medmetov. Toporišič (2000: 213) tako nastale glagole druží v šest pomenskih skupin, pri katerih glagoli izražajo: 1) slušni vtis, ki ga povzroča predmet³ (*brenčati*, *čofniti*), 2) oglašanje živega bitja (*hehetati*, *feffjati*, *cvrkatati*, *gagati*, *žvrgoleti*, *gruliti*), 3) glas pri premikanju (*fečati*, *feffjati*, *frleti*, *frfoleti*), 4) glas ob kinetičnem dejanju (*bumfati*, *hukati*), 5) glas ob govorjenju značilnega medmeta (*ahati*, *ahniti*), 6) glas, ki nakazuje množico vršilcev (*mrgoleti*).

S stališča tvorbene produktivnosti medmetov je smiselneje izhajati iz pomenskih skupin medmetov in ugotavljati, katera pomenska skupina je za tvorbo glagolov najproduktivnejša. Zdi se, da so to v prvi vrsti posnemovalni (*beketati*, *bevskati*, *brbrati*, *brenkati*, *brundati*, *čivkati*, *drdrati*, *hrzati*, *javkati*, *kikirikati*, *kokodajsati*, *kukati*, *kvakati*, *meketati*, *škrtati* ...) in razpoloženski medmeti (*ahati*, *bogmati se*, *dušati se*, *hudičati*, *madonati*, *ohati*, *primojdušati se*, *sakramentirati* ...). Tovrstno tvorbeno aktivnost, ki pa je manjša, pa kažejo tudi velelni medmeti (*ajati* otr. 'spati', *eksati* 'izpiti do dna', *hopati* 'poskakovati', *hopsati* 'poskakovati', *pardonirati* 'oprostičati', *stopati* 'ustavljati avtomobile', *štopati* 'ustavljati avtomobile'). Še bolj tvorbeno omejni pa so pozdravni, pri katerih smo ugotovili le eno tovrstno tvorjenko (*hajlati* 'pozdravljati z nacističnim pozdravom heil').

7 Medmet kot iztočnica besedne družine

7.1 Večplastni pogled na medmete kot motivirane in motivirajoče besede utrjuje prepričanje, da ima ta besedna vrsta v tvorbi leksike opaznejše mesto, kot se ji je doslej pripisovalo. Prvi indikator je bilo devetnajst besednih družin medmetov (Stramljič Breznik 2005: 508), ki so bile zajete v poskusnem besednodružinskem slovarju za iztočnice *b* (Stramljič Breznik 2004).

Pokazalo se je, da njihov obseg širi prav zmožnost tvorbe ustreznega glagola, znotraj katerega se nato generirajo predvidljivi tvorbeni vzorci, npr.:

217. *běvsk* posnem. medm.

| *běvsk-ati* -am nedov. tudi *běvsk-ati*

|| *běvsk-ø* -a m tudi *běvsk-ø* *běvska*

|| *bevsk-áč* -a m

|| *bevskaj-óč* -a -e del.

|| *běvsk-anje* -a s

|| *běvsk-av* -a -o prid.

|| *iz-běvskati* -am dov.

||| *izběvska-n* -a -o del.

|| *na-běvskati* -am dov.

|| *o-běvskati* -am dov.

|| *pri-běvskati* -am dov.

³ Za zgled je vselej izbran le prvi ali edini primer glede na avtorjevo razvrstitev po obrazilih.

- ||| pribévs**k-anje** -a s
- || **raz**-bévskati -am dov.
- || **za**-bévskati -am dov.
- ||| zabévs**k-anje** -a s
- | bévsk-**niti** -em dov. tudi bēvsk-niti
- || **o**-bévskniti -em dov.

7.2 Če upoštevamo dejstvo, da medmet lahko generira samega sebe in druge besedne vrste, kot je bilo prikazano v razdelku 5 in 6, je po eni strani treba temu primerno razširiti tudi besedne družine s tovrstnimi tvorjenkami. Po drugi strani pa slovarsko bazo podatkov sodobne slovenščine s *Slovenskega pravopisa* in *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* razširiti še na besedilna korpusa *FidaPLUS* in *Gigafida*. Korpus *FidaPLUS* prinaša več kot 621 milijonov besed na podlagi besedil od leta 1990 do 2006, milijardni korpus *Gigafida* pa združuje gradivo iz korpusa *FidaPLUS* z novjšimi besedili, zbranimi do maja 2010.

Z uporabo spletno dostopnega milijardnega korpusa prikazujemo kvantitativne (število pojavitev posamezne tvorjenke) in kvalitativne podatke (podčrtane so tvorjenke, ki jih v obeh slovarjih ni) za besedno družino posnemovalnega medmeta *bevsk*: *bevskniti* (278), *bevskati* (239), *bevskanje* (125), *zabevskati* (124), *bevskajoč* (88), *bevskáč* (41), *bevsk* (36), *pribevskati* (7), *bevskajoče* (2), *bevskar* (2), *obevskati* (2), *nabevskati* (2), *bevskaje* (1), *bevskljav* (1), *izbevskati* (1), *odbevskavanje* (1), *pobevskati* (1), *prebevskati* (1), *prejbevskajoč* (1).

Kot kaže, so v slovarjih zajete vse frekventnejše tvorjenke, medtem ko tvorjenke s pojavitvijo dva ali ena niso. Nizka pojavnost kaže na bolj priložnostno rabo, kar opravičuje izpust v obeh slovarjih, toda fokusiranje na medmet in njegovo motivacijsko moč v prikazu besedne družine zahteva upoštevanje tudi takih, čeprav potencialnih tvorjenk.

8 Sklep

V prispevku so v skladu s slovenistično delitvijo medmetov prikazani kvantitativni podatki o zastopanosti posameznih tipov medmetov v treh slovarjih, in sicer v *Pleteršnikovem Slovensko-nemškem slovarju* (1894/95), *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (1998) in v *Slovenskem pravopisu* (2001). Primerjava je pokazala, da v vseh treh priročnikih količinsko prevladujejo razpoloženski, ki jim sledijo posnemovalni medmeti. Opazno pa je, da se je od *Slovensko-nemškega slovarja* do *Slovenskega pravopisa* povečal delež pozdravnih medmetov, toda hkrati upadel delež velelnih.

V drugem delu je predstavljen medmet kot besedotvorni potencial slovenščine. Opazovali smo, kako se medmet generira iz drugih in tudi lastne besedne vrste, nato pa še, kako se iz medmeta s tvorbenimi postopki generirajo druge besedne vrste.

Ugotovljeno je, da se zlasti razpoloženski medmeti generirajo iz drugih besednih vrst, in sicer s konveržno izpeljavo iz lastnih (*Jesus* > *jesus* razpolož. medm.) in občnoimenskih samostalnikov (*fant* sam. > *fant* razpolož. medm.) in mernih prislovov (*grozno* prisl. > *grozno* razpolož. medm.), ali pa s sklapanjem iz besednih zvez različnih besednovrstnih kombinacij (*primojduši* razpolož. medm.). Medmet pa lahko generira

tudi lastno besedno vrsto, in to s postopki sklapljanja, ki so rezultat podvojevanja (*čivčiv*) ali potrojevanja (*hahaha*) istih ali treh različnih medmetov (*hmtadra*), redkeje s sestavljanjem s predponskim obrazilom *pre-* (*prejoj*) in modifikacijsko izpeljavo, ko je medmet intenziviran s sestavinami *-ej, -la, -sa, -ta* ipd. (*juh – juh-ej – juhej-sa; hoj – hoj-la; jeh – jeha-ta*).

Hkrati pa medmeti lahko tvorijo tudi druge besedne vrste in posledično obsežnejše besedne družine, zlasti zaradi sistemske tvorbe izmedmetnih glagolov, iz katerih po predvidljivih vzorcih svoje besedne vrste nastajajo višjestopenjske tvorjenke, kot je bilo prikazano na primeru besedne družine *bevsk*.

Na podlagi dobljenih ugotovitev se potrjuje, da imajo medmeti v tvorbi leksike opaznejše mesto, kot se jim je doslej pripisovalo. Zato je utemeljeno raziskati njihovo motivacijsko moč in obseg besednih družin tudi v slovenščini vsaj iz dveh razlogov: ker nam besedilni korpusi prinašajo novejšo gradivo raznolike rabe izmedmetnih tvorjenk in ker se besedne družine medmetov strukturirajo po podobnih zakonitostih kot pri drugih besednih vrstah, kot to potrjujejo nekateri raziskovalni rezultati v slovanskem besedotvorju (Skarżyński 2004, Kleszczowa 2011).

LITERATURA

- Nataša JAKOP, 2006: *Pragmatična frazeologija*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Krystina KLESZCZOWA, 2011: Konstruowanie faktu historycznego. Rzecz o polskim *ba* na przestrzeni wieków. *Prace filologiczne* LX. 159–168.
- Erika KRŽIŠNIK, 1994: *Slovenski glagolski frazemi (ob primeru frazemov govorjenja)*. *Doktorska disertacija*. Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Erika KRŽIŠNIK, 2010: Idiomska beseda ali frazeološka enota. *Slavistična revija* 58/1. 83–94.
- Alicja NAGORKO, 2010: Procesy slowotwórcze a sekularyzacja. V: KLYMENKO, Nina Fedorivna (ur.), KARPILOVS'KA E. A. (ur.). *Vidobrazennja istorii ta kul'turi narodu v slovotvorenni: dopovidi XII Mižnarodnoi naukoivoi konferencii Komisii zi slov'jans'kogo slovotvorennja pri Mižnarodnomu komiteti slavistiv*. Kiiv.
- Ada VIDOVIČ MUHA, 2000: *Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja*. Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. 107–108.
- Jože TOPORIŠIČ, 2000: *Slovenska slovnica. Četrta, prenovljena in razširjena izdaja*. Maribor: Založba Obzorja.
- Jože TOPORIŠIČ, 1996: Dvojčiči in podobne frazeološke zgradbe v slovenščini. *Slavistična revija*. 44/3. 269–278.

VIRI

- Alenka GLOŽANČEV, Primož JAKOPIN, Mija MICHELIZZA, Lučka URŠIČ, Andreja ŽELE, 2009: *Novejša slovenska leksika: (v povezavi s spletnimi jezikovnimi viri)*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Korpus FidaPLUS: <http://www.fidaplus.net>
- Korpus Gigafida: <http://demo.gigafida.net>
- Maks PLETERŠNIK, 2006: *Slovensko-nemški slovar (1894–1895). Transliterirana izdaja na plošči CD-ROM*. Ur. M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC.
- Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki*. Elektronska izdaja na plošči CD-ROM. Ljubljana 1998.
- Slovenski pravopis*. 2001: J. Toporišič (ur.). Ljubljana: ZRC in ZRC SAZU.
- Miroslaw SKARŻYŃSKI, 2004: *Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka Ogólnopolskiego. Tom 4: Gniazda motywowane przez liczebniki, przysłówki, zaimki, przyimki, modulanty, onomatopeje, wykrzykniki*. Kraków.
- Irena STRAMLJIČ BREZNIK, 2004: *Besednodružinski slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek za iztočnice na B. Zora – Priročniki 1*. Maribor: Slavistično društvo Maribor.

Irena Stramljič Breznik

INTERJECTIONS AS A WORD-FORMATIONAL POTENTIAL
OF THE SLOVENE LANGUAGE

Summary

In the first part of the article, Slovene interjections are categorized into expressive, onomatopoeic, imperative and greetings, and the proportion of these categories occurring in three dictionaries (*Slovensko-nemški slovar 1894/95*, *Slovar slovenskega knjižnega jezika 1998*, *Slovenski pravopis 2001*) is examined. The comparison shows that in all three dictionaries, the category of expressive interjections is predominant, followed by that of onomatopoeic interjections. It can also be observed that in the period spanning the publication of the *Slovensko-nemški slovar* and the publication of the *Slovenski pravopis*, the proportion of interjections as greetings has increased, while the proportion of imperative interjections has decreased.

The second part of the article deals with interjections as a word-formation potential of the Slovene language from two perspectives. On the one hand, it is shown how interjections are formed from different word categories, including interjections themselves. Expressive interjections, in particular, are formed from other word categories through word-formational processes which include conversion from proper nouns (*jezus expressive interjection*), common nouns (*fant expressive interjection*) or quantifying adverbs (*grozno expressive interjection*), and compounding from phrases containing combinations of different word categories (*primojduši expressive interjection*). Interjections can also be formed from other interjections, often as a result of the doubling (*čivčiv*) or tripling (*hahaha*) of the same or different interjections, or

more rarely as a result of prefixation (*prejoj*) or modificational derivation, where the interjection is intensified with the constituents *-ej*, *-la*, *-sa*, *-ta*, etc. (*juh – juh-ej-juhej-sa*; *hoj – hoj-la*; *jeh – jeha-ta*).

On the other hand, interjections can also form a base for the formation of other word categories and can thus create extensive word families. The most common word-formational process involved here is that of the systematic formation of interjectional verbs. This process follows predictable patterns in the creation of higher-degree formations, as illustrated by the word family of the interjection *bevsk*.

The above observations confirm that interjections have a more important role in the formation of lexis as previously believed. There are at least two reasons why it is important to examine their formational potential and the extent of their word families: first, the word families based on interjections are structured similarly as those based on other word categories, and second, modern linguistic corpora show the variability of words formed from interjections.

BRANKO TOŠOVIĆ*

KARL-FRANZENS-UNIVERSITÄT, GRAZ, ÖSTERREICH

TVORBENI PURIZAM

Sažetak. U prvom dijelu rada razmatraju se teoretski aspekti tvorbenog purizma, daje njegovo tumačenje i tipologija. U drugom dijelu analizira se hrvatski, srpski, bošnjački i crnogorski tvorbeni purizam.

Ključne riječi: purizam, tvorba riječi, tvorbeni purizam, srpski tvorbeni purizam, hrvatski tvorbeni purizam, bošnjački tvorbeni purizam, crnogorski tvorbeni purizam, štokavski jezici.

0. Purizam je stratusno polarizovan i na različit način dotiče, zadire ili prodire u sve jezičke nivoe (fonetsko-fonološki, prozodijski, leksiko-semantički, tvorbeni, morfološki, sintaksički, stilistički, tekstualni). On se najviše ispoljava na dva nivoa: leksičkom i tvorbenom. Tvorbeni purizam (TP) predstavlja oblik djelovanja usmjerenog na (a) afirmaciju, aktuelizaciju i implementaciju nacionalnih, domaćih, autohtonih derivacionih modela, postupaka i sredstava i (b) potiskivanje, odbacivanje i izbacivanje derivacionih modela, postupaka i sredstava koji se smatraju stranim, tuđim, nepotrebним pa i opasnim za dati jezik. Takvo čistunstvo se vrlo često realizuje istovremeno u formi kreacije i destrukcije, a u cilju eliminisanja stranih uticaja, oslobađanja od njih i izgrađivanja mehanizama koji to mogu da ostvare. Kreacija nastaje obrazovanjem novih riječi po domaćim, nacionalnim modelima, a destrukcija odbacivanjem stranih, tuđih derivacionih modela.

1. U nastavku analize zadržaćemo se na TP u okviru štokavskih jezika: srpskog, hrvatskog, bošnjačkog i crnogorskog.

2. Postoje dva pravca djelovanja TP – jedan ide od štokavskog jezika (npr. srpskog, hrvatskog), drugi ka štokavskom jeziku (npr. srpskom, hrvatskom). U prvom štokavski jezik zauzima međudijalekatsku poziciju (na intrakorelacionom planu) i međujezičku poziciju (na intekorelacionom, suprakorelacionom, superkorelacionom i ekstrakorelacionom nivou). Na intrakorelacionoj ravni on se zatvara u svoje tvorbene okvire, ne prihvatajući uticaje iz drugih dijelova nacionalnog jezika, suprotstavljajući se međudijalekatskoj osmozi (neštokavski dijalekti → štokavski dijalekat) i intersocijalnoj konvergenciji (sociolekti → standardni idiom). IntraTP se protivi tvorbi po dijalekatskim obrascima (recimo, u hrvatskom jeziku čakavskim i kajkavskim).

---

* e-mail: branko.tosovic@uni-graz.at

Interkorelacioni TP pravi barijere u odnosu na tvorenice ili tvorbene obrasce iz drugih štokavskih jezika. Suprakorelacionalni TP je usmjeren protiv obrazovanja riječi po uzoru na jezik iste teritorijalne grupe (npr. srpska ili hrvatska puristička pozicija u odnosu na slovenizme, makedonizme i bugarizme). Superkorelacioni TP se suprotstavlja derivacionim uticajima iz istočnoslovenskih i zapadnoslovenskih jezika, a estrakorelacioni iz neslovenskih jezika. U drugom pravcu srodni i nesrodni jezici (interkorelacioni, suprakorelacioni, superkorelacioni i ekstrakorelacioni) zauzimaju poziciju prema tvorenicama štokavskih jezika. Pošto oni pripadaju malim jezicima, ovaj je pravac periferan u ekstrakorelacionalu (nerealno je očekivati da npr. engleski jezik zauzima odbrambenu poziciju u odnosu na tvorbene uticaje iz hrvatskog ili srpskog) i superkorelacionalu (uticaj srpskog i hrvatskog, kao i drugih štokavskih jezika, na, recimo, ruski ili poljski je potpuno zanemarljiv), dok se u suprakorelacionalu mogu pojaviti primjeri za takav proces (posebno u slovenačko-hrvatskom odnosu). Faktički sve se svodi na interkorelacional (negativan derivacioni odnos jednog štokavskog jezika prema drugom). Pri tome nastaje hrvatski, srpski, bošnjački i crnogorski TP. Svaki od njih može biti intrakorelacioni (dalje IntraTP), interkorelacioni (InterTP), suprakorelacioni (SupraTP), superkorelacioni (SuperTP) i ekstrakorelacioni (ExtraTP). IntraTP djeluje u okviru jednog nacionalnog jezika, InterTP u odnosu jednog štokavskog jezika prema drugom, SupraTP u odnosu štokavskog jezika i neštokavskih južnoslovenskih jezika, SuperTP u odnosu štokavskog jezika i bilo kog zapadnoslovenskog i istočnoslovenskog jezika i ExtraTP u odnosu štokavskog jezika i bilo kog neslovenskog jezika. U nastavku analize pokušaćemo da ukratko razmotrimo svaki navedeni tip.

3. H r v a t s k i T P se može raščlaniti na IntraTP, InterTP, SupraTP, SuperTP i ExtraTP. IntraTP ispoljava se u obliku zaštite hrvatskog štokavskog jezika od derivacijskih uticaja iz kajkavskog i čakavskog dijalekta. To nije klasični niti tipični oblik purizma jer je u pitanju odnos standard – supstandard pa se stoga može postaviti pitanje da li se uopšte radi o čistunstvu. Mi ga uključujemo u ovaj sistem jer izbija u prvi plan kada se međujezički odnosi tumače ne u okviru standardnog jezika, već nacionalnog. Ova je orijentacija posebno aktualna za hrvatski nacionalni jezik zbog činjenice što je okruženje glavnog hrvatskog središta Zagreba kajkavsko i što su „temelji hrvatskog jezika čakavski, kajkavski, štokavski“ (Težak 2000: 19). Takvo intrakorelaciono objedinjavanje vodi koegzistenciji kajkavizama, čakavizama i štokavizama. Međutim, postoje ideje i težnje da se ova intrakonvergenција iskoristi kao sredstvo za interdivergenciju – distanciranje u odnosu na srpski jezik povećanjem broja kajkavizama ili čakavizama u cilju smanjivanja broja „srbizama“.

Hrvatski InterTP se javlja u obliku suprotstavljanja derivacionim uticajima iz drugih štokavskih jezika, i to različite jačine – intenzivnom u odnosu na srpski i zanemarljivom prema bošnjačkom i crnogorskom. Naime, devedesetih godina prošlog stoljeća došlo je na području novih država (Bosne i Hercegovine, Crne Gore, Hrvatske i Srbije) do standardizacije, restandardizacije i neostandardizacije triju jezika – srpskog, hrvatskog i bošnjačkog, koji su zamijenili dotadašnji, zajednički srpskohrvatski. Oni, uz crnogorski ozvaničen 2007, koegzistiraju, prožimaju se te na ovaj ili onaj način ulaze u purističke vode. Pod uticajem društvenih okolnosti, ratnih sukoba, jačanje mržnje, etničke i religiozne netrpeljivosti, međunacionalne frustracije, nacionalizma, šovinizma... u prvi plan je izbijalo odbijanje pa je divergencija postala dominantna,

a purizam dobio jake stimulanse i pogodno tle. Standardizacija hrvatskog jezika ne teži približavanju, sinhronizaciji i objedinjavanju u odnosu na srpsku, bošnjačku i/li crnogorsku, a značajan oslonac takve orijentacije je purizam. Na interkorelacionom planu hrvatsko tvorbeno činstunstvo se ispoljava primarno i najjače u odnosu na srpski jezik pa se može govoriti o hrvatskom srpskocentrističkom TP. On se manifestuje u neprihvatanju tvorbenih „srbizama“, distanciranju od njih, insistiranju na što većim srpsko-hrvatskim razlikama i na njihovom svjesnom uvećavanju. Dalibor Brozović ističe „posve suviše opterećenje“ koje dolazi za hrvatski jezik iz srpskog jezika i činjenicu da neke srpske tvorbene i morfološke osobine „imaju funkcionalno i značenjski identične parnjake u tradicijski hrvatskim oblicima, primjerice sufiksi **-ista**, **-ta** (kao *radiš ta*, *atleta*, *diplomata*) prema hrvatskima **-ist**, **-t** (dakle *radist*, *atlet*, *diplomat*) [...] Tu bi zadržavanje srpskih oblika bilo posve suviše opterećenje – to jest dvostrukost u kojoj bi obje dublete imale posve istu značenjsku i stilsku vrijednost, što ne pogoduje normi“ (Brozović 1998: 165–166). U hrvatskom derivacionom purizmu daje se nedvosmislena prednost nekim tvorbenim sredstvima, npr. sufiksu **-telj** za tvorbu muškog roda, za koji se kaže da je „izrazito hrvatska jezična značajka“, a sufiks **-(telj)-ic-a** za tvorbu ženskog roda, dok drugi sufiksi kao **-lac** (*tkalac*), **-ač** (*vozač*), **-a** (*gulikoža*) dolaze u obzir samo u onim riječima koje teško mogu „podnijeti“ sufiks **-telj**.

Hrvatski bošnjačkocentristički TP podrazumijeva otpor derivacionim uticajima iz bošnjačkog jezika. Međutim, za to bar za sada ne postoje bilo kakvi ozbiljniji nagovještaji jer hrvatsko-bošnjačka interakcija ide u suprotnom pravcu – ka tvorbenoj „infuziji“ iz hrvatskog. Preuzimanje hrvatskih tvorbenih modela, formanata i jedinica, što se i dešava u standardizaciji bošnjačkog jezika, potpuno odgovara hrvatskoj strani. Postoje još nešto što ide u prilog hrvatskoj strani – nastojanje da se bošnjački tvorbeni purizam usmjeri protiv srpskog derivacionog uticaja.

Za postojanje hrvatskog crnogorskokentrističkog TP nema za sada bilo kakvih potvrda niti valjanih argumenata. Crnogorski jezik je tek 2007. ozvaničen, proces standardizacije tvorbe riječi nalazi se na samome početku pa stoga sa ove strane ne dolazi gotovo ništa što bi moglo izazvati hrvatski InterTP. Kao argument za tu, čisto simboličku, interakciju može se navesti tek pokoja tvorenica koja je ušla u hrvatski jezik posljednjih godina i to (u tako malom broju) ne zbog nekih purističkih barijera, jer se radi o gotovo nepostojećem djelovanju crnogorskog jezika na hrvatski. Recimo, niko se nije usprotivio (koliko nam je poznato) ulasku u hrvatski semantičkih neologizama *zelenoš* i *bjelaš* (prvim su u Crnoj Gori nazivani protivnici ujedinjenja Srbije i Crne Gore, zbog svojih zelenih izbornih listića, a drugi njihovim neistomišljenicima, jer su glasali bijelim listićima (Težak 1999: 174).

Hrvatski SupraTP usmjeren je na neutralizaciju derivacionih uticaja i posuđivanja iz neštokavskih južnoslovenskih jezika – slovenačkog, makedonskog i bugarskog. Međutim, ovdje za sada ne nalazimo nešto što bi se kao značajno moglo spomenuti. Teško je i pretpostaviti da bi navedeni neštokavski jezici mogli izazvati ozbiljniju hrvatsku odbojnu reakciju. U puristički obojenim analizama katkad izbije na površinu pokoja tvorenica iz slovenačkog ili primljena preko njega (recimo, pridjev *učinkovit*). Rijetko u hrvatskom purizmu, pa i tvorbenom, dolazi u fokus makedonski i bugarski jezik. Ti se jezici gotovo isključivo dotiču usput u raspravama i zahvataju jedinične

„uvezenice“ koji „mirišu“ na bugarske ili makedonske derivateme tipa glagola *kačiti* i njegovih izvedenica: „Premda su nam oblici bez *v* stigli preko srpskoga, riječ je zapravo o makedonizmima i bugarizmima. I sad ako nam ta slikovitost čini 'otkačenjake' tako potrebnima, nema nikakva razloga da mjesto njih ne iskoristimo odgovarajuće hrvatske oblike: *otkvačen*, *otkvačenost*, *otkvačenjak* (Težak 1999: 182).

Hrvatski SuperTP sastoji se u odbijanju od zapadnoslovenskih i istočnoslovenskih tvorbenih modela i jedinica. Što se tiče zapadnoslovenske grupe jezika, hrvatski se praktično samo teoretski štiti od tvorenica iz poljskog, češkog i slovačkog pa se takvo nešto može nazvati „nerealnom“ realnošću. Naprotiv, hrvatski purizam se tradicijski snažno naslanja na češko (čehoslovačko) čistunstvo, čemu je najviše doprinio Slovak Bogoslav (Bohuslav) Šulek, koji je za hrvatske potrebe obrazovao veliki broj riječi po uzoru na bohemizme. On je bio izrazito naklonjen jezičkoj profilaktici pa je neslovenske riječi zamjenjivao riječima iz hrvatskih dijalekata i slovenskih jezika (najčešće iz slovačkoga, češkog, ruskog i slovenačkog). Postoji mišljenje da zbog etimološke i semantičke srodnosti (ne uvijek) mnogi olako prihvataju bohemizme (takođe rusizama i drugih slavizama) ne vodeći računa o tome da li su potrebne ili nisu (Težak 1999: 167). U odnosu na istočnoslovenske jezike hrvatski SuperTP ima drugačiju orijentaciju. U vrijeme bivše Jugoslavije hrvatski je, kao i srpski, bio u „interesnoj sferi“ ruskog jezika pa je, razumljivo, dolazilo do otpora pretjeranom unošenju ruskih derivatema. Međutim, često se ruske tvorenice pogrešno pripisuju srpskom uticaju (1) iako nije lako utvrditi je li neka riječ uzeta iz ruskog ili crkvenoslovenskog jezika i (2) premda su u XIX stoljeću, očarani ruskom književnošću, u žaru obogaćivanja svoga rječnika, hrvatski jezikoslovci i književnici obilno posuđivali i prilagođavali ruske riječi (Težak 1999: 169–170). U novije vrijeme hrvatski InterTP vodi ponekad interkorelacionom udaljavanju hrvatskog jezika od srpskog i superkorelacionom približavanju ruskom. To se ispoljava u insistiranju na sufiksu **-telj**, davanjem prednosti glagolima tipa *glasovati* (r. *голосовать*) u odnosu na *glasati* (ovo posljednje ističe Težak 1999: 79–81), nastojanju da se *opasnost* zamijeni riječu *pogibelj* i sl. Stjepko Težak tvrdi da je hrvatski zahvaljujući ruskom jeziku i najčešće njegovom srpskom posredniku pretjerano obogatila tvorenica s prefiksom **bez-**. U hrvatskom rusocentričkom tvorbenom purizmu postoje i slučajevi kada se ista jedinica tretira inter- i superkorelaciono. Takva je tvorenica *magnjovenje* koja se naziva „srpskim rusizmom“ (Dulčić 1997: 36). Purističko objedinjavanje srbizama i rusizama daje kategorijalnu leguru, koja bi se mogla nazvati srborusizmom ili rusosrbizmom. Hrvatski purizam orijentisan na druga dva istočnoslovenska jezika – bjeloruski i ukrajinski – dolazi samo kao teoretska mogućnost, bez bilo kakve potvrde (nama poznate) iz prakse.

Hrvatski ExtraTP ispoljava se u otporu derivacijskim uticajima i primanju tvorenica iz neslovenskih jezika, posebno engleskog (ranije njemačkog i mađarskog). Posuđenice/posuđenice ulaze u hrvatski direktno iz jezika davaoca (ekstrakorelacionih jezika) ili indirektno preko posrednika (inter-, supra-, super- i ekstrakorelacionih jezika). U TP postoje i zagovaranja dvojne međujezičke orijentacije: interkorelacionog odbijanja (od srpskog) i ekstrakorelacionog privlačenja (od engleskog kao protivteže srpskom). Tipičan primjer je prijedlog da se u hrvatskom upotrebljava što više engleskih riječi i obrazuje što više leksema po uzoru na engleske kako bi se stvorila što veća razlika u odnosu na srpski. I dok se u interkorelacionalu hrvatski purizam primjenjuje

sve moguće kočnice u odnosu na ono što dolazi iz bliskog, srodnog, srpskog jezika, u ekstrakorelacionu on je usmjeren samo na riječi iz genetski nesrodnih jezika. Svaki tvorbeni purizam ima neki dominantan ekstrakorelacioni jezik protiv koga je restriktivno usmjeren. U slučaju hrvatskog to su bili njemački, mađarski, italijanski (ranije) i engleski (sada). Njihova ukupna interakcija je gotovo isključivo jednosmjerna: hrvatski mnogo više prima iz drugih jezika, nego što im daje.

Što se tiče anglicizama, pa i tvorbenih, oni „jatomice naviru na naš jezik i u njemu harače kao štuke u ribnjaku po pravilu: veća riba jede manju“ (Babić 2001: 97) te je stoga potrebno razmisliti kako se „oduprijeti silnoj navali anglicizama, kako prema njima stvoriti gust filter“ jer postoji opasnost da se hrvatski jezik „utopi u engleskome, pa ako te opasnosti zaista nema, postoji opasnost da se pretvori u ružan hrvatski, u anglokrobotski jezik“ (Babić 2001: 209). U hrvatskom jeziku sve češće dolazi do preuzimanja engleskih modela, što se naročito odnosi na zamjenu pridjevsko-imenskog spoja imensko-imenskim, npr. *Pulski filmski festival*, koji je 45 godina imao taj naziv i koji se sada zove *Pula Film Festival* (Babić 2001: 217). Sličan je primjer *Zagreb Film Festival* (Babić 2001: 219). *Brijunska rivijera* je pretvorena u *Brijuni rivijera* (Babić 2001: 218), *Jelačićev bal* zamijenjen sa *Jelačić bal*, *Mobitelni imenik* je postao *Mobitel imenik* (takođe se upotrebljava *mobitel priključak*, *mobitel cjenik*, *mobitel mreža*), *medene bombone* sada su *med bombone* (Babić 2001: 248). Javljaju se i tvorenice tipa *kontakt-policajci* (mjesni, područni policajci), *pilot-projekt* (Babić 2001: 226). Kada su u pitanju germanizmi, za hrvatski jezik je prošla „opasnost od Austrijanaca i Nijemaca, iako bi se sada germanizmi lakše mogli prihvatati da navaljuju u naš jezik“ (Babić 2001: 207). I orijentalizmi se nalaze na udaru hrvatskih čuvara jezika („lingvosanitaraca“), ali je puristička silina mnogo slabija nego kad su u pitanju anglicizmi.

4. B o š n j a č k i T P se može takođe posmatrati kao intrakorelacioni (IntraTP), interkorelacioni (InterTP), suprakorelacioni (SupraTP), superkorelacioni (SuperTP) i ekstrakorelacioni (ExtraTP). Pošto je tek 90-tih godina 20. vijeka bošnjački jezik proglašen za posebni standardni jezik (kao „bosanski jezik“) i tek tada započet proces njegovog normiranja, standardološko tretiranje tvorbe riječi ovog jezika obuhvata kratak period od dvadesetak godina. Sve što se do tada normiralo nalazilo se u okviru zajedničkog srpskohrvatskog standarda, u kome nije posebno izdvajana norma za jezik Muslimana (kako su se od popisa stanovništva 1971. godine nacionalno izjašnjavali), odnosno Bošnjaka (kako su se počeli nazivati od 90. godina prošlog stoljeća). Budući da se radi o vrlo ograničenom periodu standardizacije, tvorba riječi bošnjačkog jezika slabo je proučena. Bošnjački priručnici se u pristupu i tumačenjima tvorbe riječi gotovo uvijek naslanjaju na hrvatske, odakle preuzimaju formulacije i primjere. Istovremeno zapaža se distanciranje i zanemarivanje srpskih modela. Stoga nije neobično što u oštroj kritici prve bošnjačke gramatike (Jahić/Halilović/Palić 2000) Midhat Riđanović ističe da je kroatistički orijentisana, da je, između ostalog, u dijelu o morfologiji i tvorbi riječi „bogato nadahnuta“ Hrvatskom gramatikom 1995 (Riđanović 2003: 31), da su mnogi termini iz nje preuzeti (interfiks, infiks i sl.). Autor navodi niz primjera kao dokaz koliko su autori „prepisivali“ iz navedenog izvora, čak i neke „besmislene kovanice“ (Riđanović 2003: 45). Na kroatocentrizam u bošnjačkoj standardizaciji ukazuje i Miloš Okuka. On se poziva na mišljenje Pavla Ivića iz 1999. da je poslije secesije Bosne i Hercegovine došla do izražaja tendencija da se bošnjački književni

jezik što više udalji od srpskog i hrvatskog uvođenjem mnogobrojnih pozajmljenica iz turskog i arapskog jezika, koje do tada nisu imale pristupa u književni jezik iako se mogu naći u muslimanskim narodnim govorima“ te dodaje: „U izgrađivanju (kodifikaciji) ’novog’ jezika ’nove’ nacije nema srpsko-hrvatske simetrije nego je prava žrtva u stvari – *srpski jezik*“ (Okuka 2006: 403). I sa bošnjačke strane priznaje se kroatizacija bošnjačkog jezika, recimo Hanka Vajzović konstatuje da je „evidentan proces kroatizacije na terenu Bosne i Hercegovine“ (Vajzović: 2009: 143) i kao primjere navodi tvorenice tipa *čimbenik, obrana, priopćenje, točka, točno, veljača, vjerojatno* itd. (Vajzović: 2009: 145).

Bošnjački InterTP ima srpskocentristični karakter, jer je dobrim dijelom usmjeren protiv srpskih tvorbenih modela i rješenja. Čak i ono protiv čega se bore gotovo svi savremeni puristički pravci u svijetu – prekomjernog pritiska i navale anglicizama – nije toliko prisutno koliko odbijanje od srpskog jezika, tog veoma srodnog jezika sa gotovo stopostotnom razumljivošću u običnoj komunikaciji (dakle, u pitanju su drugi, nekomunikativni razlozi). Izrazita kroatizacija, koja je provođena u posljednje dvije decenije, može dovesti do kritičke tačke u kojoj se devalvira sama ideja o posebnom, a pogotovo autohtonom jeziku. Ta je orijentacija izgleda otišla tako daleko da je počela da smeta jer se doživljava kao nasilna, pretjerana, nepotrebna kroatizacija. Recimo, na jednoj tribini Vijeća bošnjačkih intelektualaca ovaj su proces neki okarakterisali kao „nastavak agresije u jeziku i putem jezika“ (Kroatizacija-www). Osim toga, u standardizaciji tvorbe bošnjačkog jezika zapaža se velika slabost – nesklad između onoga što se propisuje i onoga što se u praksi dešava.

U prefiksnoj tvorbi imenica, pridjeva, priloga i glagola bošnjačkog jezika (BS) pojavljuju se isti prefiksi, tvorbeni modeli i postupci kao i u hrvatskom (HR) i srpskom (SR), s tim što se primjenjuje jednostrana puristička orijentacija: u standardizaciji i njenoj realizaciji uglavnom dati prednost rješenju tipičnom za hrvatski. Tako se, recimo, u bošnjačkoj verziji DEJTONSKOG SPORAZUMA (Gralis-www) u izboru između prefiksa **sa-** (tipičnog za SR) i **su-** (tipičnog za HR) bira ovo drugo: ne *saradnja*, već *suradnja*, ne *sarađivati*, nego *surađivati*, ne *saradnik*, nego *suradnik*. Ista je stvar sa prefiksima **pre-** i **po-**: ne *preduzeće*, nego *poduzeće*, ne *preduzeti*, već *poduzeti*, **neza-/neo-**: umjesto *nezavistan*, *nezavisno*, *nezavisnost* (tipično za SR) koristi se *neovisan*, *neovisno*, *neovisnost* (tipično za HR), **od-/ob-**: ne *odbrana* (SR), već *obrana* (HR). U sufiksnoj tvorbi imenica, pridjeva, priloga i glagola bošnjačkog jezika takođe postoji tendencija da se tipično srpska rješenja zamijene hrvatskim. To se posebno odnosi na sljedeće imenske sufikse (u parovima koji slijede prvi sufiks je tipično srpski, drugi tipično hrvatski): **-lac/-telj**: *čitalac* – *čitatelj*, *molilac* – *molitelj*, iako u govornoj praksi dominira sufiks **-lac** (Valjevac 2005: 86), **-nik/-telj**: *upravnik* – *upravitelj*, **-lk-a/-lic-a**: *učiteljka* – *učiteljica*, **-kinj-a/-ic-a**: *studentkinja* – *studentica*, **-ij/-um**: *simpozij* – *simpozijum*, *moratorij* – *moratorijum*, **-oric-a/-eric-a** (*deseterica* – *desetorica*), **-ic-a/-in-a**: *polovina* – *polovica*, **-b-a**: *preobrazba* – *preobrazovanje*, *promidžba* – *promicanje*, *reklama*. U javnoj upotrebi počinje da se *čitaoci*, *gledaoci*, *slušaoci* (tipično za SR) zamjenjuje zbirnim imenicama *čitateljstvo*, *gledateljstvo*, *slušaateljstvo* (tipično za HR). Takođe se pojačava upotreba riječi *polovica* (tipično HR) umjesto *polovina* (tipično SR). Dolazi i do narušavanja balansa između pojedinih afiksa u prilog tipično hrvatskim oblicima: *uputstvo* (tipično HR) – *uputa* (tipično HR), *naputak* (tipično HR). Nešto slično zapaža

se i u korelaciji sufiksa **-tak** i **-j-a**: *zadatak* (tipično SR) – *zadaća* (tipično HR), **-štaj** i **-šč-e**: *izvještaj* (tipično SR) – *izvješće* (tipično HR), **-ic-a** i **-ojic-a**: *ubica* (tipično SR) – *ubojica* (tipično HR), **-onik** i **-ik**: *vodonik* (tipično SR) – *vodik* (tipično HR), *kiseonik* (tipično SR) – *kisik* (tipično HR). U BS su, kao i u HR, normirane samo imenice na **-ist** (*lingvist*, *kapitalist*), iako u govornoj praksi ima dosta odstupanja od toga propisa, jer se često javlja i **-ist-a**, što je tipično za SR (*lingvista*, *kapitalista*) – Valjevac 2005: 85. S druge strane, postoje slučajevi kada se podudara BS i SR, npr. u oba ova jezika pojavljuju se dubletni sufiksi **-t** i **-ta**: *diplomat(a)*, a u HR obično je **-t** (*diplomat*) (Valjevac 2005: 85). U javnoj upotrebi sve su prisutniji morfološki kroatizmi tipa javni *tužitelj* (SR *tužilac*) i *tužiteljica* (SE *tužiteljka*), *tužiteljsvo* (SR *tužilaštvo*), *nositelj* aktivnosti (SR *nosilac*), poštovani *gledatelji* (SR *gledaoci*) – Valjevac 2005: 86. Zapaža se takođe primjetno jačanje u zvaničnoj upotrebi sufiksa **-iranj**-e tipičnog za HR, npr. *funkcioniranje* (SR *funkcionisanje*), iz čega slijedi zaključak: da se BS približava HR-om, iako su u nezvaničnoj govornoj praksi, kao i u SR, običnije imenske formje na **-isanje** i **-ovanje** (Valjevac 2005: 86–87). Imenice sa sufiksom **-telj** dominiraju u hrvatskom jeziku (*čitatelj*), a u bošnjačkom se koristi sufiks **-lac** (*gledalac*), koji je tipičan za SR (Valjevac 2005: 85). U HR su imenice na **-ba** (*izvedba*, *provedba*) istisnule imenice na **-nje** (*izvođenje*, *provođenje*), u BS je češći i običniji drugi sufiks, a SR se pridržava starih tvobenihih modela (*nagodba*, *pogodba* ali *izvođenje*, *provođenje*) – Valjevac 2005: 85–86. Postoje i ovakvi slučajevi propisane norme u korist hrvatskog standarda: „a) ujednačenu promjenu imenica na **-ist(a)**: *antifašist*, gen. jed. *antifašista*, nom. mn. *antifašisti*; *avanturist* – *avanturista*, *ateist* – *ateista*, *automobilist*, *carist*, *biciklist* i sl. S tim u vezi je i: *autokrat*, *fantast* i sl., ali: *dijalekat/dijalekt* (vjerujemo da i kodifikatori misle da je ovakav genitiv sg. stran većini Bošnjaka); b) ujednačen sufiks **-ij**: *atrij*, *auditorij*, *akvarij*, *delirij*; c) ujednačeni brojevi i brojevne imenice na **-ero**: *četvero*, *desetero*, *deseterica* i sl.; d) prihvaćeno *b* u grecizmima: *Babilon*, *barbarin*, *Bizant* i sl.; e) oblici tipa *Slaven*, *palača*, *jučer* i sl.“ (Okuka 2006: 411). Uglavnom, u tvorbi riječi BS zapaža se „vidna prohrvatska orijentacija“, pored prenaplašenog prisustva orijentalizama i ruralizacije (Valjevac 2005: 96), a po principu „uvrstiti niz riječi iz izraza Bošnjaka, prvenstveno one sa glasom **h**, orijentalizme, a tamo gdje su dvostrukosti i višestrukosti preporučiti izraz koji je i u hrvatskom standardu“ (Čedić 2005: 166). Takvim se purizmom („čišćenjem riječi koje tobože nisu bosanske“ [drugim riječima: koje su srpske]) narušava sam sistem jezika zbog čega bošnjački jezik sve više liči na hrvatski: „U to se lahko uvjeriti pošto ima Bošnjaka koji govore i pišu kao da su iz Hrvatske, a u stvari su iz istočne Bosne. Takvi se poznaju po tome što u rječniku imaju samo *uvjet*, *sudionik*, *poduzeće*, *općina*, *plaća* i sl. To je u stvari udaljavanje od bosanskog standarda, slično onome što su učinili i bosanski Hrvati“ (Čedić 2005: 166).

Da je bošnjačka tvorbeni normi, s jedne strane, puristička, divergentna (kontrasrpska) i, s druge, nepuristička, konvergentna (prohrvatska) pokazuje takođe knjiga Senahida Halilovića GNIJEZDO LIJEPIH RIJEČI: PRAVILNO – NEPRAVILNO U BOSANSKOM JEZIKU (Halilović 1996). Autor daje parove u kojima se prva riječ tretira kao „pravilno“, a druga kao „nepravilno“, iako je većina ovih posljednjih prije bila obična u svakodnevnoj upotrebi Bošnjaka. Evo u odnosu na kakve lekseme (tipične za SR) autor pravi restrikciju i proglašava ih nepravilnim (označene zvjezdicom): *august/kolovoz* – *avgust** (Halilović 1996: 10), *aluminij* – *aliminijum** (Halilović 1996: 10), *kriterij*

– *kriterijum** (Halilović 1996: 28), *biciklist – biciklista** (Halilović 1996: 12), *četvero – četvoro** (Halilović 1996: 14), *petero – petoro** (Halilović 1996: 98), *peterica – petorica** (Halilović 1996: 42), *historija/povijest – istorija** (Halilović 1996: 19), *istovjetan – istovetan**, *opći – opšti**, *općina – opština** (Halilović 1996: 96), *izopćiti – izopštiti** (Halilović 1996: 22), *uopće – uopšte** (Halilović 1996: 116), *janje – jagnje** (Halilović 1996: 24), *jučer – juče** (Halilović 1996: 24), *prekjučer – prekjuče** (Halilović 1996: 101), *večer – veče** (Halilović 1996: 117), *uvečer – uveče** (Halilović 1996: 116), *također – takođe** (Halilović 1996: 113), *teka – sveska** 'uvezani listovi za pisanje' (Halilović 1996: 113), *odgajač, odgajatelj – vaspitač**, *odgoj – vaspitanje** (Halilović 1996: 38), *otok – ostrvo**, *palača – palata** (Halilović 1996: 40), *pijun – pion**, *plaća – plata** (Halilović 1996: 42), *grah – pasulj** (Halilović 1996: 76), *janjetina – jagnjetina** (Halilović 1996: 82), *ljetni – ljetnji** (Halilović 1996: 87), *madež (ben) – mladež** (Halilović 1996: 88), *osigurati – obezbijediti** (Halilović 1996: 96), *prijevoz – prevoz** (Halilović 1996: 102), *ptičiji – ptičji**, *skuvati – skuhati**, *Slaven – Sloven** (Halilović 1996: 109), *sretan – srećan** (Halilović 1996: 110), *uho – uvo** (Halilović 1996: 115), *promaha – promaja** (Halilović 1996: 103), *suhoća – suvoća**, *suhoparan – suvoparan** (Halilović 1996: 111), *Švicarska – Švajcarska** (Halilović 1996: 112), *uvjerljivo – ubjedljivo** (Halilović 1996: 116), *uvjet – uslov** (Halilović 1996: 116), *zarez – zapeta** (Halilović 1996: 119), *zjenica – zenica** (Halilović 1996: 120), *zvijerka – zvjerka** (Halilović 1996: 120) itd. Mnogo su rjeđi slučajevi kada se nepravilnim proglašava riječ koja je tipično hrvatska, pri čemu se pretežno radi o fonološkoj diferencijaciji u tuđicama i stranim riječima: *Evropa – Europa**, *evropski – europski** (Halilović 1996: 16, 75), *hirurg – kirurg** (Halilović 1996: 19), *hronika – kronika** (Halilović 1996: 20), *hemija – kemija** (Halilović 1996: 78), *hromozom – kromozom**, *melanholija – melankolija** (Halilović 1996: 32), *okean – ocean** (Halilović 1996: 38), *sport – šport** (Halilović 1996: 110); *planeta – planet** (Halilović 1996: 44). Slično je sa parom *Španija – Španjolska** (Halilović 1996: 112). Tu su i štokavske riječi tipa *neko – netko** (Halilović 1996: 92), *svako – svatko** (Halilović 1996: 111), *so – sol** (Halilović 1996: 109), *sto – stol** (Halilović 1996: 110), *vo – vol** (Halilović 1996: 118), *tačan – točan** (Halilović 1996: 113) itd. Ponekad se nepravilnim označava ono što je tipično i za hrvatski i za srpski jezik: *lahko – lako** (Halilović 1996: 86), *proha – proja** (Halilović 1996: 103), *sumahnut – sumanut** (Halilović 1996: 111), *spuž – puž** (Halilović 1996: 104), *truhlež – trulež**, *trunuti – truhnuti** (Halilović 1996: 114). U upotrebi pridjevskih sufiksa pojavljuje se niz dubleta, s tim što postoji nastojanje i tendencija da se preporuči i zadrži samo ono što je tipično za hrvatski jezik. Takvi su, recimo, parovi **-k-/-n-**: *jezički – jezični*, **-sičk-/-tičk-**: *sintaksički – sintaktički*, **-n-i/-nj-i**: *ljetni – ljetnji*, **-sk-/-n-**: *dijalekatski – dijalektalni*, **-sk-/-olsk-/-**: *španski – španjolski*, **-sk-/-on-**: *korelacioni/korelacijski*. Standard bošnjačkog jezika preferira pojedine priloge tipične za hrvatski jezik: *ne uopšte* (tipično za srpski jezik), *već uopće*, *ne uprkos* (tipično za srpski jezik) *već unatoč* i sl. Riječi karakteristične za hrvatski novogovor, posebno onaj radikalni, ne nailaze na širu podršku (*glede*). U upotrebi glagolskih sufiksa bošnjački se takođe približava hrvatskom jeziku, a udaljava od srpskog. Imamo u vidu parove **-isa-ti/-ira-ti**: *anatemisati – anatemizirati*, **-ova-ti/-ira-ti**: *organizovati – organizirati*, u kojima je prvi tipično srpski, a drugi tipično hrvatski. Takvi glagoli daju tri mogućnosti

upotrebe: 1. samo **-ira-ti** (*blokirati*), 2. samo **-isa-ti** (*ciganisati*), 3. samo **-ova-ti / -eva-ti** (*oblikovati, carevati*). Dosta široku grupu čine glagoli bez derivacione blokade pa se stoga mogu koristiti oba sufiksa, npr. *regulisati – regularizirati, modelovati – modelirati, manipulirati – manipulisati, normalizovati – normalizirati*. Brojni su primjeri kada glagoli na **-ira-ti** u sva tri jezika nemaju kao ekvivalent glagole sa sufiksom **-isa** ili **-ova/-eva-**: *apludirati, komunicirati, sabotirati*. Često glagoli bošnjačkog, hrvatskog i srpskog jezika na **-isa-ti** nemaju kao ekvivalent glagole sa sufiksom **-ira-**: *kalajisati, majmunisati, vragolisati*.

Bošnjački SupraTP i SuperTP dolaze samo kao teoretska mogućnost. Što se tiče ExtraTP, u veoma kratkom periodu standardizacije nije se potpuno iskristalisala divergencija u odnosu na dominantni problem (prodiranje engleskih tvorenic), ali se jasno profilirala konvergencija u odnosu na orijentalne jezike.

5. Iako srpska jezička politika nije puristička orijentisana (pa se može pretpostaviti da će ovo područje dati vrlo malo materijala za analizu TP), i srpski jezik može da se posmatra u sistemu IntraTP, InterTP, SupraTP, SuperTP i ExtraTP.

Srpski IntraTP ispoljava se, kao i hrvatski, u otporu prema tvorbenim modelima i postupcima iz dijalekata, što je razumljivo, jer se radi o odnosu standard – supstandard. Takav purizam dolazi na nivou nacionalnog jezika čiji osnovni, uzorni dio – standardni jezik odbacuje sve ono što se ne uklapa u njegove normativne modele.

Srpski InterTP ni izdaleka nije tako izražen kao hrvatski interkorelacioni, ali ipak postoje tendencije i pojave koje daju osnova da se i o njemu govori. Recimo Pavle Nikolić spada u onu orijentaciju srpskih lingvista koju bismo nazvali srpskim InterTP, tačnije purizmom usmjerenim protiv „kroatizama“ u srpskom jeziku. Ovaj autor smatra da su glavni izvor zagađivanja srpskog jezika novokomponovane, rogobatne i komplikovane riječi kojima se jezik ne obogaćuje, već se istiskuju iz upotrebe jednostavne prikladne riječi. „U sadašnje vreme nove kovanice u Hrvatskoj rastu kao gljive. Te hrvatske „bedastoće“ ostavimo njima, nama su dovoljne naše gluposti“ (Nikolić 1999 [2012]: 45). Autora naročito nervira „neverovatna sloga Srba u isključivom korišćenju nekih izraza iz zagrebačke kuhinje, pri čemu se potpuno ignorišu srpske, mnogo jednostavnije i prikladnije reči“ (Nikolić 1999 [2012]: 45). Pavle Nikolić ukazuje na izraze koje je čuo na televiziji i pročitao u štampi a koji su, po njegovom mišljenju, strani srpskom jeziku: *zavređuju – zaslužuju* (prvu riječ autor naziva novokomponovanom zagrebačkom, a drugu srpskom), *ponukati – podstaći, izniman – izuzetan, iznimka – izuzetak, upriličiti* („ovaj izraz nisam uspeo da prevedem na srpski jezik“) – *usaglasiti, saobraziti, uobličiti* (možda znači organizovati), *nadomestiti – nadoknaditi, izvedba – izrada, izvođenje – predstava, nedvojbeno – nesumnjivo, doktorica – doktorka, sudovanje – suđenje, pomak – pomeranje*. Pri tome ističe da je „veoma zainteresovan da se srpski jezik najenergičnije zaštiti od ’bedastoća’ sklepanih u zagrebačkoj jezičkoj fabrici“ (Nikolić 1999 [2012]: 67). Što se tiče „srbizama“, stav je nedvosmislen: „U Hrvatskoj nema nikakvih ’srbizama’. U Hrvatskoj su sve riječi srpske. Sve su one srbizmi. Jezik kojim se u Hrvatskoj govori sav je iz srpske vukovske jezičke baštine. U Hrvatskoj nema drugog jezika. Samo nekoliko stotina hrvatskih riječi, kojih nema u srpskom jeziku, čine ’kroatizme’ među srpskim riječima, i to je sve što pripada hrvatskom jeziku. Sve ostalo pripada srpskoj vukovskoj jezičnoj baštini, koju su Hrvati

preuzeli od Srba 1836. godine, kada su napustili svoj hrvatski kajkavski i čakavski jezik“ (Medić 2001: 111).

U srpskom SuperTP donimira profilaktički odnos prema ruskim tvorbenim modelima i nastojanja da se oni potisnu tamo gdje postoji bolja ili prikladnija domaća tvorenica. Poljski, češki i slovački jezik imaju u srpskom SuperTP simbolične pozicije.

U posljednje vrijeme jača srpski E x t r a T P . Neki smatraju da srpskom jeziku danas ništa ne prijeti više od stranih riječi, da ga ništa ne ugrožava toliko koliko ovaj leksički sloj te se stoga „taj samoubilački hod srpskog jezika mora zaustaviti“ (Medić 2001: 8). Pri tome se ponekad povezuju dvije ravni: interkorelaciona i superkorelaciona.

U srpskoj lingvistici pojavljuju se u posljednje vrijeme pokušaji dosta slični onima koji dolaze sa hrvatske strane: da se posuđenice i strane riječi što više potisnu iz upotrebe i da se stvori neki srpski novogovor kao pandan hrvatskom novogovoru. Tipičan primjer nude tekstovi Rada Dacića. On, recimo, predlaže osam načela tvorbe riječi (jedan osnovni i sedam dodatnih). Osnovno načelo glasi: „Za svaku reč stranog jezika u tekstu koji se prevodi naći srpsku reč“ i daje objašnjenje: „neprevodivost neke strane reči mora imati ubedljivo objašnjenje“ (Dacić 2004: 36). Puristička orijentacija je posebno izražena u sljedećim načelima: „N a č e l o 1: Svaka reč mora biti sačinjena po pravilima tvorbe reči u srpskom jeziku. N a č e l o 2: Svaka reč mora imati koren u srpskom jeziku [...]“ (Dacić 2004: 36–37).

U rječniku koji čini osnovi dio knjige (s. 39–148) Rade Dacić navodi tri vrste novina. Prvu grupu čine srpske kovanice kojima bi trebalo zamijeniti strane riječi, npr. *adhezija – prionjivost, alegorija – drugokaz, ambicija – častoljublje, pregalaštvo, apstrakcija – opojmljenje, apstrahovati – opojmiti, artikulacija – razgovećenje, izgovor, atentat – pokušaj ubistva, aukcija – bubnjarenje, auspuh – izduvka, deviza – krilatica, derivat – izvad, dijagnoza – bolpoznanje, direktor – upravnik, rukovodilac, donacija – milostinja, dobrotvorstvo, ekipa – udružje, elemen(a)t – osnovak, epizoda – uzgredaj, žargon – zbormuč, idiom – osobenost, inverzija – obrnuće, inspektor – uvidnik, nadzornik, intonacija – orenje, razleganje, iracionalnost – odumnost, jastuk – uzglavlje, podglavlje, podglavač, kalup – obličnik, kandidat – priprav, kvalitet – valjanost, kleptomani – kradostrasnik, kompakt disk – jedra ploča, kompjuter – računar, komentar – ubistrenje, komentator – bistritelj, reprint-izdanje – preslik izdanje, leksikograf – rečničar, metabolizam – zametnost, montaža – uklapanje, operativac – obradnik, operator – obradnik, parafraza – preizričje, park – gaj, lug, patriotizam – otadžbinstvo, podijum – uzdignuće, prefiks – prereč, promocija – napređe, profesija – poslenje, psihijatar – dušegledac, psihologija – duhgoslovlje, refleks – odboj, tandem – sprega, tapetar – tkaninar, teorija – obumlje, etoretičar – obumitelj, tautologija – istokaz, termin – naziv, terminologija – nazivlje, tradicija – predanje, transkribovati – preazbučiti, transliteracija – prepismenje, tribina – raspravište, fajn – upis, filosofija – celomudrije, fond – gotovina, zaliha, font – pismenje, hendiket – otežica, hirurgija – obrade, hirurg – obradnik, hirurški (operativno) – obradno, hispitalizovati – ubolničiti, cenzura – procena, Drugu obrazuju riječi kojima s lijeve strane ne stoji strani ekvivalent, a s desne dolazi tumačenje: *beznjenica (beznjanica)* – stanje nesvesti ili veoma male svesti, berškolno (zanimanje) – za koje nije potrebna škola, *boljost* – stanje nečeg što je bolje*

nego što je bilo, bravnopamno – s pameću brava, *viđaj* – ono što se vidi ili zamišlja da se gleda, *višeputno* – duž više puteva; više puta, *godovati* – prijati, dopadati se, goditi, *dvoj* – dublet, *dvolik* (imenica) – što ima dva lika, *doruka* – dostava, *dotur* – doturanje; ono što je dotureno, eviti – voditi ljubav, *zakeban* – prevaren, *izumlje* – softver (kod računara), *ilijanje* – neodlučnost, kolebljivost, *nalonjati se* – teško se opiti, *napređe* – promocija, *napređač* – promotor, *nemaci* – nemi ljudi, nenađe – suprotno od nada, *ovajati* – često ponavljati *ovaj*, *odbojkati* – igrati odbojku, *pakati* – često izgovarati *pa*, *prevodič* – prevodilac, *preslik* – kopija, *rečničar* – sastavljač rečnika, *samokrit* – kajanje, *sret* – susret, *ćorsokačiti* – ići (ulaziti) u bezizlaze, *uzgedak* – epozoda, *šahati* – igrati šaha. U treću skupinu spadaju strane riječi koje bi trebalo drugačije preuzimati: *evro* – evro.

6. Crnogorski TP ne može da se (za sada) analizira jednako (paralelno) sa srpskim, hrvatskim i bošnjačkim zato što je ovaj jezik tek nedavno ozvaničen, nema nijedan gramatički priručnik (ako se ne računa prevod hrvatske gramatike, tačnije njenu formalnu i kozmetičku crnogorsku modifikaciju u obliku Čirgić/Pranjaković/Silić 2010), a pogotovo priručnik iz tvorbe riječi. Međutim, dosadašnja standardizacija i njena orijentacija ukazuju na to da će se u skorije vrijeme moći govoriti i o crnogorskom TP. Ukoliko se nastavi sa sadašnjom jezičkom politikom, može se očekivati da će on biti usmjeren, prije svega, protiv srpskog jezika.

LITERATURA

- Babić 2001: Babić, Stjepan *Hrvatska jezikoslovna prenja*. Zagreb: Globus. – 323 s.
- Babić 2004: Babić, Stjepan. *Hrvanja hrvatskoga: Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču sa engleskim*. Zagreb: Školska knjiga. – 262 s.
- Brozović 1998: Brozović, Dalibor. Aktualna kolebanja hrvatske jezične norme u slavenskome i europskome svijetlu. In: *Jezik*. Zagreb. God. 45. – S. 161–176 s.
- Čedić 2005: Čedić, Ibrahim. Pisana riječ i jezičke norme u Bosni i Hercegovini. In: *Standardna novoštokavština i bosanskohercegovačka jezička situacija*. Radovi Instituta za jezik. Sarajevo. Knj. XVII. – S. 112–173.
- Čirgić/Pranjaković/Silić 2010: Čirgić, Adnan; Pranjaković, Ivo; Silić, Josip. Gramatika crnogorskog jezika. – Podgorica: Ministarstvo prosvjete i nauke. – 358 s.
- Dasić 2004: Дасић, Раде. *Незавршена књига о речима: одбрана српског језика од страних речи*. – Београд: Просвета. – 188 с.
- Dulčić 1997: Dulčić, Mihovil (priređivač). *Govorimo hrvatski: Jezični savjeti*. Zagreb: Naprijed – Hrvatski radio. – 512 s.
- Gralis-www: http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/korpusarium/gralis_korpus.html. Stanje 25. 5. 2012.
- Halilović 1996: Halilović, Senahid. *Gnijezdo lijepih riječi: pravilno – nepravilno u bosanskome jeziku*. – Sarajevo: Baština etc. – 121 s.
- Hrvatska gramatika 1995: Zečević, Vesna; Peti, Mirko; Pavešić, Slavko; Malić, Dragica; Lončanić, Mijo; Barić, Eugenija; Znika, Marija. *Hrvatska gramatika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 684 s.

- Jahić/Halilović/Palić 2000 Jahić, Dževad; Halilović, Senahid; Palić, Ismail. *Gramatika bosanskoga jezika*. Zenica: Dom štampe. – 476 s.
- Kroatizacija-www: <http://arhiv.slobodnadalmacija.hr/20021...dana02.asp>. Stanje 4. 5. 2006.
- Medić 2001: Medić, Mile. *Najezda stranih reči na srpski jezik*. – Beograd: Nolit. – 154 s.
- Nikolić 2012 [1999]: Николић, Павле. КАКО ЈЕ ПРОШАО СРПСКИ ЈЕЗИК У ЗАЈЕДНИЦИ СА ХРВАТСКИМ ЈЕЗИКОМ. – In: Tošović, Branko; Wonisch, Arno (ur.). *Srpski pogledi na odnose između srpskog, hrvatskog i bošnjačkoga jezika*. I/4. Graz – Beograd: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Beogradska knjiga. – S. 243–246.
- Okuka 2006: Okuka, Miloš. *Sukobi i razgraničavanja*. In: Okuka, Miloš. *Srpski na kriznom putu*. Istočno Sarajevo: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – S. 373–417.
- Riđanović 2003²: Riđanović, Midhat. *Totalni promašaj: Prikaz Gramatike bosanskog jezika Dž. Jahića, S. Halilovića, I. Palića*. Sarajevo: Šahinpašić. – 179 s.
- Tošović 2004a: Tošović, Branko. Globalna diferencijacija jezika. In: *Riječki filološki dani*. – Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci. – S. 533–546.
- Tošović 2004b: Tošović, Branko. Tipovi globalne diferencijacije jezika. In: *Aktualizacija jezikovrstne teorije na Slovenskem: Členitev jezikovne resničnosti*. – Ljubljana: Filozofska fakulteta Ljubljana. – S. 59–72.
- Vajzović 2009: Vajzović, Hanka. Jezik i politika: kroatizacija jezika na prostoru Bosne i Hercegovine – agresija ili ustavno pravo? In: *Tošović, Branko; Wonisch, Arno (ur.). Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika. Die bosniakische Sichtweise der Unterschiede zwischen dem Bosnischen, Kroatischen und Serbischen*. Graz – Sarajevo: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Institut za jezik. – S. 143–155.
- Valjevac 2005: Valjevac, Naila. Standardna novoštokavština i jezička situacija u Bosni i Hercegovini. In: *Standardna novoštokavština i bosanskohercegovačka jezička situacija*. Radovi Instituta za jezik. Sarajevo. Knj. XVII. – S. 4–111.

Бранко Тошовић

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПУРИЗМ

Резюме

В первой части работы рассматриваются теоретические аспекты словообразовательного пуризма (СП), проводится его толкование и типология. Во второй части в центре внимания находится хорватский, сербский, бошняцкий и черногорский СП. Автор выделяется пять типов СП: интракорреляционный (по отношению к нелитературным разновидностям национального языка), интеркорреляционный (между штокавскими

языками), супракорреляционный (между шкокавскими и нешкокавскими южнославянскими языками), суперкорреляционный (между штокавскими и восточно- и западнославянскими языками) и экспракорреляционный (между штокавскими и неславянскими языками).

БОЖО Б. ЂОРИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ

О ДЕРИВАТИМА СА ЗНАЧЕЊЕМ ПРОИЗВОДА ЖИВОТИЊСКОГ ПОРЕКЛА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ**

Апстракт. Рад је посвећен творбено-семантичкој анализи изведеница са значењем *производа животињског порекла* у српском језику, што, поред осталог, подразумева утврђивање свих основинских речи од којих се граде творбене основе, свих творбених форманата и њихове структуре, мотивационих веза између основинских речи и секундарних формација, продуктивности творбених типова, конкурентских односа међу творбеним типовима и сл.

Кључне речи: основинска реч, изведеница, суфикс, семантичка скупина, српски језик, продуктивност, граматика

1. Увод

1.1. Под *производом животињског порекла* подразумевамо оно првенствено што се од животиња може добити, али не само то. Принципијелно гледано, за такав производ у језику постоји више типова номинације. О којим типовима је реч, показаћемо на примеру једног од конкретних производа – *месу животиње*. У српском језику номинација може бити метонимијска (*пиле на ловачки начин*) синтагматска (*пилеће месо/месо од пилета*), елидирана (*пилеће*) и творбена (*пилетина*). Наша пажња биће фокусирана искључиво на *творбени тип* именовања производа животињског порекла (даље ПЖП) у српском језику. Термин српски језик користи се овде у широком значењу тог термина (укључује не само књижевни језик, већ и дијалекте). Истраживање је обављено на релативно богатом корпусу формираном на бази разних извора, од којих међу најважније иду: а) граматике српског језика, од почетка 19. века до данас; б) дериватолошке студије које имају одговарајућу граматичку намену, а у којима се, у овој или оној мери, описују изведене именице са значењем *производа животињског порекла*; в) речници књижевног језика, а пре свега велики описни речници – РМС и РСАНУ, као и најновији једнотомник (РСЈ); г) дијалекатски речници; д) лексички регистри дијалекатских студија и монографија; њ) поглавља о творби речи у дијалектолошким радовима и сл. Овако сачињен корпус довољно је репрезентативан за анализу којом би се реализовали постављени задаци и циљеви, од којих издвајамо: утврђивање семан-

* bozocoric@yahoo.com

** Рађено у оквиру пројекта 178006, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја РС.

тичких подскупина у оквиру опште семантичке групације назива животињског порекла, приказ творбених типова и подтипова које садржи анализирана семантичка скупина, конкуренцију међу творбеним типовима, суфиксну конкуренцију, регистравање основинских речи од којих се кроји творбена основа, утврђивање регистра и структуре творбених форманата, анализу формално-семантичких веза између основинске речи и деривата, типологију мотивационих веза и сл.

2. Граматички ресурси

2.1. Прве податке о творбено-семантичкој скупини ПЖП налазимо већ почетком 19. века: године 1828. објављена је студија под називом *Главна свршивања суштествителни и прилагателни имена у српском језику*.¹ Њен аутор је Вук Стефановић Караџић, родоначелник модерног српског књижевног језика на народној основици. У овој најранијој граматичкој студији из творбе речи, међу именичким дериватима, у одељку под насловом ИНА, анализирају се, поред осталих, и примери са значењем ПЖП (Караџић 1969: 260–261).² Мотивацију и семантику изведеница аутор, за време у коме је живео, тумачи доста коректно: овакве именице настају „од животиња (особито средњег рода на *e*), и значе месо њиово” (исто, 260). Примере, који затим следе, аутор графички рашчлањује на специфичан начин: *јагњ-ет-ина/јањ-ет-ина, прас-ет-ина, јар-ет-ина, тел-ет-ина, крм-ет-ина, свињ-ет-ина и срн-ет-ина*.³ Овакво графичко рашчлањивање упућује на дилему у погледу коначног облика формантског дела деривата: као да се аутор пита је ли то *-ина* или *-етина*. Уочене тешкоће у творбеној интерпретацији секундарних формација додатно се екплицирају коментаром „да се данас не говори *свињета* и *срнета*, али је у производу ових ријечи и прилагателних имена тако остало (или се узело?)” (исто, 261). Вук је, дакле, на основу изведеница *свињетина* и *срнетина*, помислио да су некада постојали граматички облици аналогни онима типа *јагње*, *јагњета*, те да је на основе **свињет-* и **срнет-* долазио именички суфикс *-ина* (**свињет-ина*, **срнет-ина*), односно придевски *-ји* (**свињет-ји>свињећи*, **срнет-ји>срнећи*).⁴

Аутор, у наставку, готово узгредно, уочава да „међу ове ријечи иде (особити по значењу) и *говеђина* (од *говеђи*, као што се може чути и *свињетина* и *телећина* и т. д.)” (исто, 261), наводећи тиме на закључак да су деривати *говеђина*, *свињећина*, *телећина* деадјективне формације и да су, у поређењу са десупстантивним еквивалентима, периферног карактера.

Међутим, има у овој студији још потврда за деривате са значењем ПЖП, али они нису, као претходни, посебно издвојени као такви, већ се примери за њих

¹ Вука Стефановић Караџић, на почетку своје студије, експлицитно вели да ју је радио угледајући се на књиге Јозефа Добровског. Што се назива за ПЖП тиче, код Добровског налазимо следеће потврде: *hovězina* (говедина), *zvěřina*, *vyzina*, *vepřovina*, *jehnětina*, *teletina*, *jelenina* (месо јелена), *jelenice* (кожа јелена), *skopovina* (шкочпечвина), *mišina* (задах од миша) (Добровски 1799. и 1809).

² Цитирање овде вршимо према каснијем издању (Караџић 1969).

³ Међу Вуковим примерима нема изведеница које су мотивисане називима за пернате животиње.

⁴ Оба придева имају савремене потврде, с тим што је *срнећи* једини облик (и данас је тако), а поред *свињећи* (данас некњижеван) потврђен је и лик *свињски* (данас сасвим обичан) (Караџић 1852).

дају скупно, са онима друкчије семантике, а чија је општа карактеристика да су настали „од различних ријечи, и различнога значења”. У таквој групи нашли су се и примери *зеч-ина*, *јар-ина* и *лисич-ина* за које с правом претпостављамо да имају значење ПЖП (исто, 260).

Каткада је у овој студији доминантна генетска страна деривата, а не семантичка, те у први план избија *категоријална припадност основинске речи*. Тако се, у оквиру суфикса ИНА, говори о изведеницама „од посвојителних прилагателних имена (на *-ов* и на *-ев*),” при чему се отворено признаје да неки од таквих придева и немају говорних потврда. Занимљиво је да аутор ове деривати деле у две групе: једна је насловљена са *-овина*, а друга са *-евина*, сугеришући тиме да су у питању два различита форманта. Међу, семантички, разноврсним примерима аутор наводи и такве у чијем се коренском делу налазе називи животиња: „овнов-ина, рисов-ина, самуров-ина, сомов-ина”, односно „козјев-ина, овчјев-ина,⁵ прчев-ина” (исто, 261–262). Графички приказ изведених именица очито није у сагласности са насловом (где стоји *овина*, односно *евина*), али јесте са одређивањем категоријалне припадности основинске речи („посвојителна прилагателна имена”). Отуда је немогуће открити како би аутор, творбеносемантички, интерпретирао наведене деривате: као *овново месо* или *месо овна*, *рисова кожа* (*рисово крзно*) или *кожа/крзно риса*, *самурово крзно* или *крзно самура*, *сомово месо* или *месо сома* итд. Имајући у виду да већина основинских придева није потврђени у говору (**рисов*, **самуров*, **козјев*, **овчјев*, **прчев*),⁶ треба претпоставити да је несклад између наслова и потврда резултат ауторове дилеме у погледу рашчлањивања изведеница: једне би се, онда, могле интерпретирати и као деадјективи и као десупстантиви (*овново месо/месо овна*, *сомово месо/месо сома*), са суфиксом *-ина*, односно *-овина/-евина*, а друге само као десупстантиви (*производ риса*, *самура*, *козе*, *овце*, *прча*, са суфиксом *-овина/-евина*).

2.2. Требало је да прође скоро пола века до појаве нове публикације у којој ће се анализирати примери изведеница са значењем ПЖП (Даничић 1876). Корпус за анализу формиран је на основу грађе из *Српског рјечника* Вука Стефановића Карацића (даље – Вук. рј.) (Карацић 1852). За Ђуру Даничића, аутора студије, у духу времена у коме је живео, све лексичке јединице, без обзира на њихову формалну структуру, само су грађа за утврђивање *основа* на које ће се додавати наставци за облик. Отуда не чуди формулација по којој „од основа ријечи које значе животиње постају основе за ријечи које значе месо или кожу или тако што од животиње” (Даничић 1876: 160). Неке такве „основе”, казаће аутор, могу значити и *месо* и *кожу* (*јагњетина* и *јањетина*,⁷ *јаретина*,⁸ *мрлѣдина*,⁹

⁵ Основни облик у речнику је *овчевина* (*овчјевина* је у загради).

⁶ Нема их у ауторовом лексикографском делу (Карацић 1852).

⁷ У Вук. рј. немачки еквиваленти су *das Lämmerfleisch* и *das Lammfell*.

⁸ У Вук. рј. тумачи се са *Fleisch von jungen Ziegen* и *das Ziegenfell*.

⁹ Вук. рј. има *мрлѣдина* са дефиницијом: „кожа од живинчета које липше, ein Fell von einem verreckten Viehe, pellis morticini animalis.” Према Даничићу, реч је настала „од основе која није у обичају а која је постала наставком да од основе која је у партицип. мрљо, мрла.”

*телетина*¹⁰), друге само месо (*браветина*,¹¹ *говедина*, *крметина*, *прасетина*, *свињетина*, *срнетина*¹²), треће само кожу (*вучетина*¹³, *вучина* /←вук/, *дивљетина*¹⁴, *кодзетина*¹⁵, *кръвина*¹⁶ /←крава/, *курјачина*¹⁷ /←курјак/, *лисицина* /←лисица/, *медвједина* /←медвјед/, *овчина* /←овца/,¹⁸ а четврте кожу, вуну или костријет¹⁹ (*кодзина*²⁰ /←коза/, *кодзина* и *козлина* /←козла/.

У поглављу где се говори о изведеницама од *посесивних придева*, најпре долази реч *говеђина*, без навођења семантике (исто, 170).²¹ Неколико редова даље следи констатација: „од које је животиње што, али само од животиње мушког рода: *зечевина*,²² *јањчевина*,²³ *јарчевина*,²⁴ *мишевина*,²⁵ *овновина*,²⁶ *прашчевина*,²⁷

¹⁰ И у Вук. рј. је двозначно.

¹¹ Даничић порекло ове основе тумачи на начин који је у 19. веку био сасвим обичан: „од основе која није у обичају а свршивала би се на – лт, од основе која је у брав.” Наиме, израз да нешто „није у обичају” значи је, заправо, да га у говору није било. У Вук. рј. изведеница се тумачи са *бравље месо* односно *das Schafsfleisch*.

¹² Даничић и овде даје своје тумачење типа: „од основе која није у обичају а свршивала би се на лт од основе која је у срна”. Дакле, Даничић није, као Вук, запазио чињеницу да се из других образовања, односно према другим образовањима на *-ина* издвојио суфикс *-етина*, а затим додавао и на основе које генетски тог *-ет-* нису имале. Изразом „није у обичају” означавано је одсуство неке јединице из говора.

¹³ Аутор уз њу даје коментар: „од основе која није у обичају а свршивала би се на лт од основе која је у вук” (Даничић 1876: 160). У Вук. рј. ова је реч двозначна: „*вучја кожа* и *кана од вучје коже*”.

¹⁴ Пример је праћен коментаром: „од основе која није у обичају а свршивала би се на лт од основе која је у дивљи” (исто). У Вук. рј. стоји немачки еквивалент *das Wildfell* (крзно дивљачи). Ово је једини пример са придевом у основи у овој семантичкој скупини (уколико није у питању скраћена основа од *дивљач*).

¹⁵ Стоји објашњење: „осн. у *козле*, ген. *козлета*” (Даничић 1876: 160). Вук. рј. потврђује облик *козле*, *козлета*, а дериват се дефинише као „кожа од козлета”, са напоменом да се говори по *југозападним крајевима*.

¹⁶ Вук. рј. има немачки еквивалент *die Kuhhaut*.

¹⁷ У Вук. рј. упућује се на *вучина*.

¹⁸ У дијалекатској грађи ова изведеница има значење „месо овце” (Марковић 1986, Ракић Милојковић 1993: 35 и 71).

¹⁹ У Вук. рј. *костријет* (*кодстрѐт*) се тумачи немачким *Ziegenwolle* и лат. *lana carolina*, а упућује на *козина*, *кочет*.

²⁰ У Вук. рј. налазимо за ову реч два значења: прво се поклапа са значењем речи *костријет*, а друго је дефинисано као *Ziegenfell*, лат. *pellis carolina* (кожа, крзно). Дијалекатска грађа има потврду за значење „козја длака” (Ракић Милојковић 1993: 35). Исп. и *којзина* „козја длака” (Елезовић 1932/35).

²¹ Вук. рј. има немачки еквивалент *Rindfleisch* (месо говеда).

²² Вук. рј. има *зечевину*, нема *зечетину* (у значењу *месо зеца*).

²³ У Вук. рј. – *месо од јањца*.

²⁴ Вук. рј. има еквивалент *Bockfleisch* (месо од јарца).

²⁵ У Вук. рј. се упућује на *мишијак*, у знач. *мишији измет*.

²⁶ Вук. рј. има – *месо овна*.

²⁷ У Вук. рј. стоји да је то *свињско месо*, а не као у другим дефиницијама очекивано „месо прасца”.

прчевина,²⁸ *рїсовина*,²⁹ *самуровина*,³⁰ *шкòпчевина*³¹ (исто, 171). Очито је да се наведеним именицама означава ПЖП, али аутор не врши детаљну семантичку спецификацију, као у претходним примерима, тј., не наводи конкретна значења. Ипак, лако је, на основу Вук. рј., закључити да већина значи *месо*, а мањи део (и) неки други производ.

2.3. Стојан Новаковић у својим граматицама (¹1894, ²1902) не издваја посебно скупину назива за ПЖП, али појединачних примера ипак има.³² Тако се у оквиру наставка *-ина* (²1902: 93–94) каже да „од придевских присвојних основа на **ов** наставком *ина* изведена именичка основа значи предмет назван по придеву који показује чиј је. Из тога се значења развило значење за дрво, те овакве именице показују и какоћу дрвета”. Међу наведеним потврдама, за семантички различите деадјективне формације, нашла су се и два примера са значењем ПЖП: *овнов-ина* и *зечев-ина* (Новаковић 1894: 92). У наредном издању, уз ова два, наведен је и пример *говећ-ина*, који је ту омашком упао (у основи није придев на *ов*) (Новаковић ²1902: 93–94). Ова грамика уопште нас не информише о дериватима на *-ет-ина* са значењем ПЖП.

2.4. Грамика Томислава Маретића садржи опширан део о *творби речи*,³³ а опис је заснован на материјалу из Вук. рј. У оквиру суфикса *-ина*, са именичком осномом, поред осталих аутор наводи и скупину која значи „кожу или месо какве животиње”, а уз примере се дају и неопходни творбеносемантички коментари: „*gòvedina, křmetina, pràsetina*; prema ovima dvjema posljednjim načinjene su: *bràvetina, sřnetina, svřnjetina*, kojima se temeljne riječi ne svršuju na *-e*, gen. *-eta* (kao: na pr. *křme, křmeta*). Te riječi znače meso, a kožu znače ove: *divljetina, kòzletina, kurjáčina, lisičina, mèdvjedina, òvčina, vùčetina* ili *vùčina*; u *divljetina* i *vùčetina* prodrlo je *-etina* iz *kòzletina* (: *kòzle*, gen. *kòzleta*). Gdjekoje ovake riječi znače i meso i kožu: *jàgnjetina* ili *jànjetina, jàretina, tèletina*. Kakvi su akcenti ovim imenicama, vidi se iz samih primjera” (Маретић 1899: 320-321).

У посебном параграфу говори се и о речима на *-ина* изведеним од присвојних придева на *-ов/-ев*, а међу њима су и изведенице са значењем ПЖП: „Овake riječi od imena životinjskijeh obično znače meso ove ili one životinje, na pr. *jánjčevina, jàrčevina, òvnovina, pràščevina, zèčevina*, kašto kožu: *řisovina, sàmurovina*; gdje koji osnovni pridjev ovijeh riječi nije u običaju, na pr. *janjčev, praščev*” (Маретић 1899: 322).

²⁸ Даничић примећује да Вук. рј. нема лексеме *прч*, али има *прчевину* у знач. *смад прча* (ја-рац). Исто значење исп. и у рубном косовско-ресавском говору у Румунији („мирис специфичан јарцу”) (Томић 1989).

²⁹ У Вук. рј. – крзно/кожа риса.

³⁰ У Вук. рј. – крзно самура.

³¹ У Вук. рј. – месо шкопца (ушкопљеног овна).

³² У 19. веку било је битно одређивање *корена* и *основе* за облике. Отуда код Новаковића дефиниције типа *Основа је онај део речи, уз који пристају наставци за облик...* (Новаковић 1894: 59). *Потреба разрађивања значења у грађења речи у развићу језика чини, те основе не постају само од корена, него и једна од друге. К основи која је већ од корена постала, додају се нови наставци, те се тим путем гради нова основа* (исто, 60).

³³ У различитим издањима граматике Т. Маретића поглавље о творби речи имало је само ситне измене, што важи и за семантичку скупину о којој се овде говори.

Видимо да аутор не издваја форманте на *-етина* и *-овина/-евина*, већ се сви примери дају у оквиру суфикса *-ина*,³⁴ али он, као и Вук Караџић, примећује да се завршетак *-етина* аналошки, из облика типа *крметина*, *кџлетина* преноси и на друкчије основе, па тако настају структуре типа *свињетина*, *вучетина*, чиме се, имплицитно, сугерише постојање форманта *-етина*.

2.5. Идући за Вуковом, Даничићем и Маретићем, Аугуст Лескин издваја у посебно поглавље називе од имена животиња који значе *месо* или *крзно*, *месо* и *крзно*, а у свакодневном говору се, по њему, користи једно или оба значења (1914: 296). Примере дели према категоријалној припадности основинске речи: десупстантиви су му *говедина* (←*говед* множ.: Rindfleisch), *јагњетина* (←*јагње*, ген. *јагњета*: Lammfleisch, Lammfell), *медвједина* (←*медвјед*: Bärenfell), *телетина* (←*теле*, ген. *телета*: Kalbfleisch, -fell), *вучина/вучетина* (←*вук*, *вуче,³⁵ ген. *вучета*: Wolfsfell), а деадјекиви – *јагњевина* (←*јагњчев* ←*јањац*: Lammfleisch), *јарчевина* (←*јарчев* ←*јарац*: Bockfleisch), *џновина* (←*џнов* ←*џван*: Schöpsenfleisch), *прашчевина* (←*працац*, ген. *праца*: Schweinefleisch),³⁶ *рљсовина* (←*рљс*: Luchsfell), *зечевина* (←*зеч*: Hasenfleisch). Овоме додаје, за поређење, и изведеницу *мишевина* (←*миш*: Mäusedreck). Лескин нигде не издваја сложене суфиксе (суфиксне деривате), тј. графички не раздваја основински део од формантског, чиме је Лескин исказао доминантну позицију суфикса *-ина*.

2.6. Александар Белић, у својој синтетичкој расправи о творби речи, скупини са значењем ПЖП не поклања значајнију пажњу, а малобројне примере, као и његови претходници, подводи под суфикс *-ина*. Напомиње да десупстантиви „значе предмет у вези са основном речју”, али да унутар тог значења постоји „ексукурзивно кретање” какво је, међу осталима, *кожа* (*вучетина*)³⁷ и *месо*³⁸ живинчета (Белић 1949: 103). Даље се, не увек систематски, дају потврде назива ПЖП: оне које значе *кожу* (и *вуну*) дате су скупно – „*вучина* (*кожа*), *зечина* (*кожа*), *јарина*³⁹ (од *јагањаца* *кожа*), *кџзина* (*вуна*, *кожа*) и сл.” (исто, 104), док су „*јагњетина* (*кожа*, *месо*), *браветина* (*месо*) и сл.” прикључене уз деривате *писа-рина*, *хајдучина* (исто, 105). Међу деадјективима су само „*мишевина* (м. *ђубре*) и *гушчевина* (г. *ђубре*)” (исто, 106). У овој расправи први пут се јавља потврда за производ пернате животиње (*гушчевина* ←*гуска*). И Белић, као и Лескин, међу примере мотивисане називима за животиње укључује и оне са значењем „*ђубрета*” (*мишевина* и *гушчевина*).

2.7. Михаило Стевановић, у својој обимној граматици, даје и творби речи доста простора, а у оквиру тог дела говори и о „продуктивном” наставку *-ина*.

³⁴ Ова граматика нема изведенице са основинским именицама које значе пернате животиње.

³⁵ Лескин узима овај облик као претпостављени, јер га нема у Вук. рј. Показало се да је Лескин добро просудио да би такав назив за младунче *вука* могао постојати у српском језику (Вук има *вучаџ*, што није могло настати без основинске речи *вуче*). РСАНУ има потврду за номинатив *вуче* (потврда је с југа Србије, из дела књижевнике Боре Станковића).

³⁶ Лескин сад не даје придевску изведеницу, већ номинатив и генитив основинске именице, следећи тако крајње доследно прилике у Вуковом рјечнику (где нема потврде за придев *прашчев*).

³⁷ Стоји заправо *вучина* што је вероватно грешка.

³⁸ У књизи стоји, грешком, *мисао*.

³⁹ У Вук. рј. дефиниција је – *вуна од јагањаца*.

2.7.1. У посебном поглављу говори о десупстантивима са значењем *коже* или *вуне* „неке животиње: *вучина*, *зечина*, *јарина* (вуна од јагњета),⁴⁰ *мёдведина*, као и месо од животиње с именом у основи: *гёведина*, *јагњетина*, *јаретина*, *пилетина*, *телетина*, *прасетина*, *крметина*, *козлетина*” (Стевановић 1975: 499).

2.7.2. Споменуће затим да се овим наставком и у истом значењу изводе именице и „преко придева: *говеђина* (преко г о в е ђ и), *пилећина*, *јагњећина*, *телећина*” али „су данас обичније ове именице с именичким основним делом – *гёведина*, *пилетина* итд.” (исто, 499–500).

2.7.3. У посебном поглављу Стевановић говори о наставку *-ина* као завршном делу једног ширег, сложеног наставка *-етина*: „Код већине таквих именица, код оних које претежно означавају какво младунче, наставак *-ина* се не додаје на праву, него на проширену основу, која се завршава са *-ет* (а добија се кад се од зависних падежа основних речи одбаци завршни самогласник). И на тај је начин овај део основе срастао с наставком *-ина*, тако да је у језичком осећању добивен наставак *-етина*, који се додаје и на општи део именица нешто друкчијег типа, па смо тим путем и добили изведене именице *брáветина* (према *брáв*), *коњетина* (према *коњ*), *свињетина* (према *свиња*), *зечетина* (према *зец*)” (исто, 500). Стевановић је први граматичар који експлицитно говори о „наставку” *-етина*.

2.7.1. Занимљиво је да Стевановић нигде не говори о именицама ове скупине на *-овина* (типа *овновина* и сл.).

2.8. Бабић у својој обимној синтетичкој студији о творби речи (1986) систематизује грађу према суфиксима, а унутар њих према категоријалној припадности основинске речи, што значи да се потврде са значењем производа животињског порекла не дају скупно, већ су расуте по одговарајућим одељцима. То је разлог што ћемо овде, прегледности ради, примере систематизовати у неколико творбених типова.

2.8.1. Творбени тип са основинском именицом средњег рода и суфиксом *-ина* у значењу *месо животиње* репрезентују примери „*јанјетина*, *јаретина*, *козлетина*, *крметина*, *пилетина*, *прасетина*, *телетина*” (Бабић 1986: 221). Реч *гёведина* (месо од говеда) смештена је, мало ниже на истој страни, у групи речи „посебног значења.” Изведеницу *јарина*, из формалних и семантичких разлога, одваја од претходних: због редуковане основе и друкчијег конкретног значења (’вуна од јарета’).⁴¹

⁴⁰ Исп. напред како Белић исту реч тумачи на сличан начин: *кожа* (јагањаца). Чудно је да истраживачи, све до данас, нису уочавали раскол између семантике творбене основе (*јар-*) и тумачења – *вуна/кожа јагњета, јагањаца*. Њихови преходници ову реч нису уврштавали у своје корпус. Очито је да се полазило за тумачењем у Вук. рј., где стоји да је *јарина* „*вуна од јагањаца, Wolle von Lämmern.*” Занимљиво је да је таква именица потврђена и у руском језику (*јарина*), са сличним значењем као у српском (*вуна овце*), и да се анализира као изведеница иако ни у руском нема еквиваленције са одговарајућом основинском речи (што се види већ и из семантичке парафразе) (Максимов 1975: 127–128). У једном дијалекатском речнику иста се реч дефинише као *вуна од козе* (Томић 1989). У другом дијалекатском речнику ова се изведеница дефинише као „*вуна од јагњета*”, с додатком – „*прво стрижење*” (Боричић 2002).

⁴¹ Изведеница је потврђена у песми Албус краљ, писца Владимира Назора: „*Ќобани су окупали у потоку двадесет стада и ostrigli vunu за душке и blazine. Vojška је drndara razbijala јарину; јата су дјевојака уочи мoga pira gargala vunu gargačama од zlata.* (Владимир Назор, Прича о краљу Албусу).

2.8.2. Други творбени тип ове семантичке скупине карактеришу придевска основа (у питању су придеви на *-ов/-ев*, изведени од именица које значе животињу) и суфикс *-ина*. Конкретно значење деривата је месо (*китовина*, *вепровина*, *зечевина*), кожа или месо (*јеленовина*), кожа или крзно (*јазавчевина*, *медвједовина*, *рисовина*, *самуровина*), крзно или маст (*дабровина*) (Бабић 1986: 222).

2.8.3. Трећи творбени тип карактерише суфикс *-етина* од именичких основа сва три рода, са значењем *меса*: *браветина*, *зучетина*, *јелетина* (sic),⁴² *коњетина*, *козетина*, *мачетина*,⁴³ *овчетина*, *срнетина*, *свињетина*, *зечетина*... (Бабић 1986: 227).⁴⁴ Међу примерима се нашао и литерарни индивидуализам *човјетина* (месо човјека),⁴⁵ са редукованом основом.

2.8.4. Четврти творбени тип карактеристичан је по суфиксу *-јевина* који долази на именичке основе, а потврде су: „*kòrnjačevina*, *kòrnjačevina* 'rožnata tvar od oklopa kornjače', 'meso od kornjače', *miševina* 'izmet od miševa', *tunjevina* 'meso od tune'". Овоме ће додати и пример *козјевина* који је, изведен од придева, а значи *козје месо* (Бабић 1986: 229). Бабић је једини аутор који говори о суфиксу *-јевина* у оквиру семантичке скупине ПЖП. Јасних методолошких разлога за такав поступак нема.

2.8.5. Пети творбени тип карактерише суфикс *-овина*, а потврђен је примерима „*rilovina* 'meso od rila' (sic), *kòzlovina* (meso), *zèbrovina* (koža)“ (Бабић 1986: 230).

2.9. У књизи *Хрватска граматика* (Барић *et al.* 1995). суфиксални деривати распоређени су према семантичким критеријумима, па су изведенице са значењем ПЖП укључене међу „именице за ствари“. Каже се да се „*sufiksima -etina* i *-ina* tvore nazivi za meso, kožu i krzno kakve životinje“ (Барић *et al.*, 1995: 318). На бази малобројних примера (од којих је један потврђен и изван дела о творби речи) можемо идентификовати три творбена типа.

2.9.1. Тип карактеристичан по суфиксу *-етина*: *брав* – *браветина*, *срна* – *срнетина*, *овца* – *овчетина*,⁴⁶ *пљтка* – *пљчетина*,⁴⁷ *зуска* – *зучетина*⁴⁸. У овом типу у неким примерима се јављају одређене алтернације и редуција основе (исто).

2.9.2. Тип са суфиксом *-ина*: *јање*, *јањета* – *јањетина*; *пиле*, *пилета* – *пилетина*; *теље*, *тељета* – *тељетина*...). Исти је суфикс потврђен и у *говедина* /← *говедо*/, без конкретизоване семантике (у групи примера са значењем „*разноврсних ствари*“) (исто, 317).

Међутим, у Назоровом тексту се не види мотивација коју Бабић претпоставља. Видели смо напред како Белић и Стевановић тумаче ову лексему (према Вук. рј.).

⁴² Аутор сматра да је у питању редукована основа (од *јелен*) (Бабић 1986: 226).

⁴³ Бабић претпоставља да је у оваквим примерима основа скраћена за *-к*.

⁴⁴ За суфикс *-етина* у овом типу творбе аутор каже да је „слабо плодан“.

⁴⁵ Ову је реч направио писац Ранко Маринковић (Киклоп, Београд, 1966, на стр. 84).

⁴⁶ „S alternacijom *с/џ*.“

⁴⁷ „S okrnjenom osnovom i alternacijom *к/џ*.“

⁴⁸ „S alternacijom *sk/šџ*.“

2.9.3. Пример *зџевина* (←*зџ*) показује и постојање трећег типа, са суфиксом *-евина* (исто, 84). Претпостављамо да значи *месо зеца* (у књизи се семантика конкретних примера не даје).

2.10. Клајн (2003) грађу разврстава према суфиксима, па се у његовој књизи примери изведеница скупине са значењем ПЖП налазе на разним местима.

2.10.1. У одељку насловљеном са *-Етина*¹ наведени су сви деривати који имају такав завршетак (без обзира на граматичке особине основинских речи). Аутор објашњава да је суфикс *-етина*, са значењем меса одређене животиње „најпре настао од именица на *-е -ета* с додатком *-ина*, као у *телетина*, *јунетина*, *јагњетина*, *прасетина*, *пилетина*, *ћуретина*. Потом се потпуно осамосталио, па се спаја с именицама мушког рода као у *коњетина*, *јарчетина*, *браветина*, чак и *волетина* (у РМС без цитата), или женског као у *свињетина*, *овчетина*, *срнетина*, *козетина*. Примери *овчетина* и *јарчетина* показују да се основе на *-ц* палатализују. Палатализацију *-к* имамо у *гушчетина* и *пачетина* (који би по постанку могли бити и од *гушче* односно *паче*, али су по значењу свакако везани за *гуска* односно *патка*)” (Клајн 2003: 77). Начин на који Клајн описује наведене деривате захтева одређен коментар: а) наслов не кореспондира са примерима који следе (нису сви изведени суфиксом *-етина*); б) не може суфикс настати „од именица”; в) није тај суфикс могао настати „од именица на *-е -ета*,” кад изведенице од тих основа увек имају суфикс *-ина*; г) *-ина* није „додатак” већ суфикс.⁴⁹

2.10.2. Ако бисмо као критеријум систематизације грађе узели формант, онда се из Клајновог презентирања чињеница могу издвојити одређени творбени типови.

2.10.2.1. У тип са суфиксом *-ина* ушли би примери као: *говед-ина*, *телет-ина*, *јунет-ина*, *јагњет-ина*, *прасет-ина*, *пилет-ина*, *ћурет-ина*.⁵⁰ У овај творбени тип ићи ће и примери *крав-ина*, *курјач-ина*, *овч-ина*, *зеч-ина*, *јар-ина*, *медв(ј)ед-ина* које Клајн, с правом, наводи као неуобичајене данас у књижевном језику, а које наводе старији граматичари (исто, 95).

2.10.2.2. У други творбени тип ишли би примери са „осамостаљеним” суфиксом *-етина*: *коњ-етина*, *јарч-етина*, *брав-етина*, *вол-етина*; *свињ-етина*, *овч-етина*, *срн-етина*, *коз-етина*.

2.10.2.3. Посебан тип изведеница са суфиксом *-ина* јесу деадјективи типа *говеђина*, *јагњећина*, *пилећина*, *прасећина*, *телећина*, које Клајн спомиње узгредно, у вези са акцентом⁵¹ и за које каже да „су данас ређи него облици од именица, *говедина*, *пилетина* итд.” (исто, 96).⁵²

⁴⁹ Формант *-етина* се дондла осамосталио, перинтегрисао на бази наведених примера и додавао и другим категоријама именица (без сегмента *-ет-* у зависним падежима). Разлози за овакав језички развој леже у чињеници да је суфикс *-ина* хомониман, па суфикс *-етина* постаје средство елиминације хомонимије. (Да није тако не би било дистинкције између аугментатива *коњина*, *јарчина* и именица типа *коњетина*, *јарчетина* (месо коња, јарца) и сл.

⁵⁰ Овај последњи пример пре би се, из савремене перспективе, могао парафразирати ка *месо (од) ћурке*, а не *месо (од) ћурета*. У РМС-у одредница *ћуретина* парафразирана је као *ћурчије месо*, *пуретина* (лексеме *пуретина* у речнику нема). С друге стране, у истом речнику постоји и одредница *ћуре*. Узимајући у обзир ове чињенице, може се узети да изведеница *ћуретина* има двојну мотивацију.

⁵¹ Казаће да имају „ненаглашени суфикс”, као да суфикс може бити наглашен.

⁵² Исп. сличан став изнет неколико деценија раније (Стевановић 1975: 499–500).

2.10.2.4. Изведенице на *-овина/-евина* код других граматичара припадају, по правилу, типу са суфиксом *-ина* (као да су деадјективи), а Клајн их сматра десупс-тантивима са суфиксом *-овина/-евина*: *зечевина, јарчевина, сомовина, туњевина* (месо), *дабровина, самуровина* (крзно), *корњачевина* (кора од корњаче), *мишевина* (измет од миша) (исто, 99). Овакво рашчлањивање није непознато: урађено је то тако још у првој половини прошлог века (Живковић 1940).

2.11. Појединачних радова о неком од творбених типова у оквиру скупине ПЖП готово да нема. Једини познати такав рад тиче се изведеница на *-овина*, где се каже да је овај „наставак” настао контаминацијом придевског *-ов* и именичког *-ина*. Тај се формант онда јавља као уочљив симбол читаве серије творбених типова (Живковић 1940). У тој серији аутор спомиње и тип чија „основна именица значи *животињу* мушког рода, па именица на *-овина* значи *месо* или (ређе) *кожу* животиње која је основном именицом означена. Тако *јањчевина, јарчевина, овновина, пращчевина, прчевина, сомовина, зечевина* значе месо *јањца, јарца, овна, прасца, прча*,⁵³ *сома, зеца*; а *дабровина, куновина, рисовина, самуровина* значе кожу (крзно) *дабра, куне* (жен. род?), *риса, самура*. – *Мишевина* отступа са значењем својим, јер значи ’мишији измет’, а не кожу мишју” (Живковић 1940: 9).⁵⁴ Аутор, дакле, полази од чврстога става да у творби овог типа у функцији основинске именица долази она која значи животињу *мушког рода*, па се чуди и пита откуда у том низу примера изведеница *куновина* (←куна). Међутим, кад се овај формант „осамосталио” могао се додавати и на основе друга два рода (исп. *корњачевина* ←корњача; *тучетина* ←тука, *козловина* ←козле и сл.).

3. Књижевноуметнички ресурси

Посебних радова, на основу којих би се стекао увид у творбу речи књижевних дела врло је мало у србистици. Једини обимнији рад те врсте објављен је пре више од пола века, а тичао се творбе речи у делима неких романтичарских песника. У анализираној грађи нашла су се три примера изведеница са значењем ПЖП: *овчина* (у значењу *меса*) и *међедина, рисовина* (у значењу *коже*) (Ристић 1970: 392). Ови подаци показују да лексици ове врсте, начелно, нема места у поетском делу. Као изузетак и, у одређеном смислу, необичност може се узети серија примера *јагњетина, овчетина, говеђина, коњетина, свињетина, вепровина*, у значењу *меса животиње*, у поезији једног савременог српског песника (Радовић Тешић 2011: 66). Што се прозних дела тиче, у њима, по природи ствари, потврда за овај тип лексике има много више, али се ти примери већ налазе у описним реченицама и као такви улазе у састав лексикографских ресурса (РМС и РСАНУ). Овде, међутим, морамо споменути литерарни индивидуализам *човјетина* (месо човјека) у роману Киклоп Ранка Маринковића, који није нашао место у описним реченицама (исп. 2.8.3).

⁵³ Овде се тумачи као ушкопљени ован или јарац, а другде као приплодни јарац (Пешикан 1965: 272) или јарац у подругљивом тону (Елезовић 1932/35).

⁵⁴ Видели смо да је још Вук Караџић такве изведенице подводио под „овина”, али у егземплификацији то није испоштовао.

4. Дијалекатски ресурси

У анализи дијалекатског материјала полази се од премисе да дијалекти који су у основици књижевном језику имају инвентар назива за ПЖП готово идентичан ономе у књижевном језику, док дијалекти који су у процесу стандардизације остали по страни, могу у овој сфери садржати и одређене специфичности, на које ћемо овде скренути пажњу.⁵⁵

4.1. У дијалекатској грађи срећу се називи за *месо* животиња каквих нема у књижевном језику: *туч-евина* (←тука), *кокош-евина* (←кокош) (Павлица 2006: 71), *кокџи-етина* (Реметић 1985: 279), *сом-етина* (Речник СГВ), *овну-ина* (Станић 1990/91),⁵⁶ *овч-ињаќ/овчињ-аќ*, *свињ-итина*⁵⁷ (Марковић 1986) и сл.

4.2. У источним крајевима српске језичке територије честе су деадјективне структуре на *-ећина*: *зајчећина*,⁵⁸ *јарећина*, *јагњећина*,⁵⁹ *јунећина*, *овнећина*, *овчећина*, *пилећина*, *прасећина*, *свињећина*, *телећина* (Ракић Милојковић 1993: 35, Марковић 1986, Јовановић 2004, Жугић 2005). Отуда не изненађује што ти говори имају и лик *говећина* (*говеће месо*), што се уклапа у круг претежно деадјективних назива ПЖП.

4.3. У западним дијалектима (источнохерцеговачком, зетско-јужносанџачком) по правилу нема деадјективних формација, што можемо илустровати примерима типа *говедина* („говеће месо”); *јањетина*, *јунетина*, *крметина* („крмеће месо”), *прасетина*; *брџетина* („бравеће месо, овчетина”), *гушчетина* („месо од гуске”), *коњетина* („коњско месо”), *овчетина* („месо од овце”), *срнетина* („срнеће месо”) (Далмација 2004).

4.4. У централној зони, која трпи утицаје и са истока и са запада, није ретка коегзистенција двеју конкурентних структура – на *-ећина* и *-етина*: *говећина*, *гучећина*,⁶⁰ *јагњећина*, *јунећина*, *пилећина*, *прасећина*, *телећина*, *ћурећина*,⁶¹

⁵⁵ Изведенице ове семантичке скупине могу се пратити на бази монографија о појединим дијалектима, на бази регистара у таквим монографијама, сасвим ретко у деловима о творби речи (постоји само једна студија монографског типа о творби речи у једном дијалекту: Павлица 2006). Уколико се у монографијама и нађу потврде, оне се дају узгредно, у оквиру неке теме која са творбом нема везе.

⁵⁶ Заправо је то изговирна варијанта од лика *овнујина*. Дефинише се као „месо од овна, овнујско месо”. Основинска реч је или придев *овнујски* (који је ушао у творбену основу окрњен, без финалног *-ски*) или придев *овнуји* (РСАНУ). РСАНУ изведеницу *овнујина* упућује на *овнетина*.

⁵⁷ Дефинисано као „свињетина”.

⁵⁸ Протумачено као „зечевина (месо од зеча)”, а постоји и потврда за придев *зајчи* „зечји”, што нас наводи на то да изведеницу рашчланимо и као *зајч-ећина*, са суфиксним дериватом *-ећина*. С друге стране, речник доноси и потврду за именицу с. рода *зајче*, *зајчета*, што сугерише да је могућ и придев *зајчећи* (нема га у речнику) (Марковић 1986: 310).

⁵⁹ Индикативан је, у једном речнику, пример из живог говора којим се изведеница потврђује: „Овчетину деца не волив, а јагњећину би по јели” (Жугић 2005). Види се да се у говору напореда користе и форме на *-етина* (овчетина) и на *-ећина* (јагњећина).

⁶⁰ У испитиваној регији потврђена је именица средњег рода *гуче* (са упрошћеном групом *-иц-*, од *гушче*), ген. *гучета*.

⁶¹ Нема потврде за *ћуре*, *-ета*.

свиђећина и говедина, гучетина, јагњетина, јунетина, пилетина, прасетина, свињетина, телетина, ћуретина, (Реметић 1985: 279, Речник СГВ).⁶²

4.5. Назив за млеко, као ПЖП, потврђен је само у једној регији (Црна Гора): дериват *овчѐвина* (овчије млеко) (Пешикан 1965, Ђупић 1997), тамо је у опозицији према *овчѐтина* – у значењу *овчије месо*. Лексема *двѐвина* потврђена је у значењу „овчије месо” у делима неких писаца (исп. РМС, РСАНУ).

4.6. За разлику од књижевног језика, дијалекти располажу широким дијапазоном потврда за називе *измета* (Ћубра): *зѐчиј̄ак*, *лисичј̄ак*, *м̄ачиј̄ак*, *мишиј̄ак*, *п̄асиј̄ак*, *тичиј̄ак*, *телећ̄ак*,⁶³ (Павлица 2006: 78), *крмећ̄ак* (Пешикан 1965),⁶⁴ *кокошињ̄ак*,⁶⁵ *мачњ̄ак*, *мачољ̄ак*,⁶⁶ *мишољ̄ак*⁶⁷ (Динић 1988), *кокошињ̄ак* и *кокошињ̄ац*,⁶⁸ *мачољ̄ак*,⁶⁹ *мишољ̄ак*⁷⁰ (Марковић 1986), *крмећ̄ак*, *мишињ̄ак* (Ђупић 1997),⁷¹ *маџињ̄ак* и *мачињ̄ак*, *мишињ̄ак* (СТИЈОВИЋ 1990),⁷² *мишињ̄ак* и *мишињ̄ац* (ЕЛЕЗОВИЋ 1932/35),⁷³ *говѐћ̄ак*, *мач̄ак*, *коњ̄иш̄так*, *свињ̄иш̄так* („измет животиње”) (Марковић 2000: 203), *говѐд̄њ̄ак*,⁷⁴ *куч̄њ̄ак*,⁷⁵ *мач̄њ̄ак*, *свињ̄иш̄так* (ЖУГИЋ 2005), *говѐд̄њац* (МИТРОВИЋ 1984),⁷⁶ *коњ̄итрак*,⁷⁷ *куч̄њ̄ак*⁷⁸ (ЗЛАТАНОВИЋ 1998), *мачевина* (РСАНУ).⁷⁹ Као што се види, продуктивношћу се истиче деадјективни творбени тип са суфиксом *-ак*.

⁶² Исп. и рубни косовско-ресавско говор са парним формацијама *пилѐтина* и *пилѐћина*, *телѐтина* и *телѐћина*, али је регистровано само *прасѐћина* (Томић 1989, под одредницом *пилад*).

⁶³ У питању су, очито, деадјективи (исп. *зечији*, *лисиџи*, *мачији*, *пасији*, *тичији*, *телећи*) са формантом *-ак*.

⁶⁴ У знач. крмећи измет.

⁶⁵ Дефинисано као *кокошињи измет*.

⁶⁶ Аутори дијалектолошких речника лексема дефинишу књижевним језиком, те се савремени лик основинске речи у дијалекту не види, што, у нашем случају, није неважно, посебно кад је основинска реч изведена (нпр. придев изведен од имена животиње), а у самом речнику није потврђена. Изведенице *мачњак* и *мачољак* дефинисане су синтагмом *мачји измет* (прва) и *мачији измет* (друга)

⁶⁷ Значи мишији измет.

⁶⁸ Дефиниција је „кокошији измет”, иако речник садржи и адјектив *кокошињи*. Исп. и дефиницију *кокошије ђубре* за исту именицу (Томић 1989).

⁶⁹ Протумачено као „измет мачке”.

⁷⁰ Протумачено као „измет миша”.

⁷¹ Дефиниција гласи „свињски измет” (уместо очекиване творбене парафраза – *крмећи измет*) и „мишији измет” (очекивана творбена парафраза била би – *мишињи измет*).

⁷² У речнику дефиниција гласи *мачји измет*, иако постоји одредница за придев *мишињи*, што значи да је изведеница и мотивисана управо тим придевом. Иако их нема у речнику, може се претпоставити да су и *маџињак*, *мачињак* мотивисани придевима *маџињи*, *мачињи*.

⁷³ Дефинише се синтагмом „од миша измет”.

⁷⁴ Дефинише се синтагмом „говеђа балега”.

⁷⁵ Дефинисано као „псећи измет”, иако је основинска реч *куче*.

⁷⁶ Дефинисано као „сува балега за огрев”.

⁷⁷ Дефинисано као „коњска балега”.

⁷⁸ Дефинисано као „псећи измет”.

⁷⁹ Са знаком да је потврда из Бачке, а упућује се на *мач(и)јак* (у значењу *мачји измет*).

4.7. Од основинске речи *прч* изводеница по правилу гласи *прчевина*, али у дијалекатској грађи постоји и потврда за варијанту *прчетина* (СТИЈОВИЋ 1990),⁸⁰ што је још једна потврда експанзији форманта *-етина*. У истом дијалекту посведочена су оба типа – *прчџвина* и *прчџтина* (БОРИЧИЋ 2002), што говори о конкуренцији ова два форманта.

5. Лексикографски ресурси

Међу одредницама првих речника српског књижевног језика на народној основици, чији је аутор био Вук Стефановић Караџић, налази се повелик број изведених именица са значењем *производа животињског порекла*. Та је лексика затим коришћена касније као експланаторни материјал у свим граматикама и расправама о творби речи, како у 19. тако и у већем делу 20. века. Разлика међу ауторима није била квалитативне, већ квантитативне природе. Писци граматика не само да су узимали потврде из Вукових речника, већ су често и њихову семантику просто преносили из тих речника. Каснији, описни речници су десну страну лексикографског чланка допуњавали и потврдама из разних извора, из дела писаца на пример (РМС), али и из дијалеката (РСАНУ), али је и даље основу грађе чинио Вуков лексикографски рад. Лексикографи су изведеница са значењем ПЖП дефинисали, начелно, на три начина: дублетном формом (синонимом), именичком синтагмом са конгруентним атрибутном, именичком синтагмом са падежним атрибутном и комбинацијом претходних начина. (Овде занемарујемо тумачења преко страних језика, како је то радио Вук Стефановић Караџић). Најчешће су дефиниције синтагматског типа, при чему је изводеница могла бити схваћена као деадјективна и као десупстантивна формација, што показује Речник српског језика (једнотомник – РСЈ). У њему је, нпр., лексема **телетина** дефинисана синтагмом *телеће месо* (именичка синтаagma са конгруентним атрибутном), а **гушчетина** синтагмом *месо од гуске* (именичка синтаagma са падежним атрибутном). Први модел описа више би одговарао, творбено гледано, регионалном облику *телећина*, који се може схватити као универбат сложеније синтагматске форме (*телећина* ← *телеће месо*).⁸¹ Очито је да лексикографи преферирају дефиницију помоћу синтагме са конгруентним атрибутном, занемарујући творбenu парафразу која гласи *месо (од) телета*. Намеће се утисак да лексикографи преузимају дефиниције изведених речи од најстаријих лексикографа, односно, да механички преносе дефиниције из ранијих речника. Тако, на пример, РСАНУ има одредницу *медведина* дефинисану као *медвеђа кожа; крзно од медвеђе коже*,⁸² а РСЈ све то преписује, иако је тешко разумети како се то крзно добија од коже.⁸³ Дијалекатски речници своје одреднице

⁸⁰ Лексема *прчџтина* дефинисана је овде као „непријатан мирис од јарца у јесен, у време парења”.

⁸¹ Наша дијалекатска дериватологија уопште није истраживана, а површан поглед на монографску литературу показује да је овај приступ спорадичан, а излагање кратко, обично у оквиру или скупа са неком другом језичком облашћу. Тако, нпр. Симић има посебан део Творба речи и лексика, а унутар тога поглавље Творба речи (1972: 477–501). У испитиваној грађи нашао се само један пример на *-џина*: *прасеџина*, а аутор овај завршетак сматра варијантом суфикса *-етина* (за који наводи пример *зечетина*) (1972: 488).

⁸² Књ. XII, 1984. година.

⁸³ РМС исту лексеми дефинише као *медвеђе крзно; бунда од медвеђег крзна*.

уопште, па и изведенице са значењем ПЖП, дефинишу књижевним језиком, дакле на исти начин као речници књижевног језика. Описни речници (РМС, РСАНУ) садрже и потврде којих у старијим изворима (речницима и граматицама нема), као на пример *вучевина* (додуше, упућује се на лексему *вучетина*) у значењу *коже*, *крзна* или производе од тога (капа, огртач и сл.).

6. Савремени ресурси

Корпус савременог српског језика Математичког факултета у Београду међу 113 милиона речи садржи и потврде за изведенице са значењем продукта животињског порекла. Може се издвојити неколико творбених типова.

6.1. Изведенице са суфиксом *-ина* припадају двама типовима.

6.1.1. Основинска реч је именица средњег или, ређе, мушког рода: говед-ина 264; јагњет-ина 220, јањет-ина 6, јарет-ина 19, јунет-ина 118, крмет-ина 5, лисич-ина 12, пилет-ина 404, прасет-ина 93, телет-ина 80; курјач-ина 1, међед-ина 1.

6.1.2. Основинска реч је придев: говеђ-ина 9.

6.2. Тип са сложеним суфиксом *-етина* прави основу од именица мушког и женског рода: брав-етина 1, зеч-етина 11, коњ-етина 15, гушч-етина 7, кун-етина 1, овч-етина 54, пач-етина 15, свињ-етина 198, срн-етина 12, ћур-етина 62.

6.2.1. Тип на *-овина/-евина* гради основу од именица мушког и, ређе, женског рода: вепр-овина 4, дабр-овина 7, овн-овина 1, самур-овина 7, сом-овина 20; зеч-евина 3, корњач-евина 15, миш-евина 1, прч-евина 1, смуђ-евина 1, туњ-евина 137. Неке изведенице са основинским речима мушког рода имају двојну мотивацију (десепстантивног или деадјективног типа), што значи да се могу укључити и у тип са суфиксом *-ина*.

6.2.2. Тип на *-ача* репрезентује само дериват *слонов-ача* (са 210 потврда), који се може интерпретирати и тако да буде десупстантив (*слон-овача*).

7. Закључак

7.1. Опште творбено значење *продукт животињског порекла* представља скуп појединачних, конкретних значења. Међу тим конкретним значењима у први план избија назив за месо одређене животиње, што је сасвим очекивано, будући да је исхрана одувек била један од кључних фактора људске егзистенције. Отуда не чуду што се у словенским граматицама, кад је реч о овим изведеним именицама, расправља управо о овој семантичкој подкупини. Илустрације ради наводимо пример из русистике: описују се, првенствено, именице које значе месо животиње кад се употребљава као храна, а као узгредна семантика, у напомени, наводи се, за неке именице, и значење *коже* или *крзна*, напореда са значењем „меса” (Грамматика СРЛЈ 1970: 111–112). У првој српској дериватолошкој студији посебно се издваја управо скупина деривата са значењем *меса животиње* (Карацић 1969: 260–261). Међутим, дијапазон значења изведеница, у чијем се корену налази име животиње, може бити, и јесте, бар кад је српски језик у питању, нешто већи и разноврснији, а обухвата *месо*, *кожу*, *крзно*, *вуну*, *длаку*, *млеко*, *маст*, *кост*, *кору* (*оклоп*). Из шире перспективе, пак, производима животињског порекла могу се сматрати још и *измет* (*ђубре*, *смеће*) и *смад* (*задах*), што остаје иза животиња,

односно што се шири од њих или од њиховог меса.⁸⁴ Неке од ових семантичких подскупина раширене су на целој језичкој територији, а неке, као што је *млеко*, имају регионални карактер. Једне су заступљене у нашем материјалу великим бројем потврда, а друге су у том погледу оскудне.

7.2. У првим радовима, до половине двадесетог века, не наводе се примери назива за производе пернатих животиња.

7.3. Већина граматичара своје излагање подређује формалној страни деривата, тј. своју грађу распоређују према суфиксима, а не према значењу, те се примери ове скупине налазе на разним местима, расути по књизи.

7.4. Анализа корпуса показала је да се може издвојити преко стотину основинских речи. Већину чине именице, са значењем животиње, и придеви изведени од таквих именица.

7.5. Граматичка литература, посебно она старија, показује да доминантну позицију у творбеном процесу, кад је реч о скупини називи за производе животињског порекла, има суфикс *-ина*.⁸⁵ Иако је од првих радова запажен сегмент *-етина* у образовањима у којима, формално-генетски гледано, није очекиван, проћи ће доста времена да се овај суфиксни дериват почне експлицитно третирати као посебан творбени формант. Сличан је био однос и према суфиксу *-овина/-евина*.

7.6. Новији граматичари, они с краја 20. и почетка 21. века, прецизније систематизују творбене форманте, потврђујући своју анализу одговарајућом егземплификацијом. Тако гледано, својом продуктивношћу издвајају се творбени типови са формантима *-ина*, *-етина*, *-овина* и *-евина*.⁸⁶ Ако се, међутим, посматра укупна слика форманата у српском језику (створена на бази књижевнोजезичког и дијалекатског корпуса), онда би њихов регистар био далеко већи: *-ак*, *-ача*, *-ац*, *-едина*, *-еница*, *-етина*, *-ина*, *-ињак*, *-иштак*, *-ица*, *-љак*, *-њак*, *-овина*, *-овњача*, *-ољак*, *-штина*. Овај списак, као и сваки други списак ове врсте, не пружа информацију о продуктивности појединих творбених типова са наведеним формантима. Анализа је показала да међу њима, у том погледу, постоји велика разлика. Најпродуктивнији су типови који се завршавају на *-ина*, док су други, често, сведени

⁸⁴ Број номинативних јединица овог типа и њихова употребна фреквенција не морају бити, и нису, једнаки у словенским језицима: и једно и друго зависи, поред осталог, од културе исхране, начина одевања, богатства и разноврсности животињског света (посебно онг за чијим производима постоји потреба), као и од специфичности творбеног система сваког словенског језика понаособ. У једнима су ове творбене формације продуктиван део творбеног система (рецимо у руском и српском), а у другима, бар кад је књижевни језик у питању, њих нема (бугарском и македонском).

⁸⁵ У савременом српском језику један од најфреквентнијих форманата је управо *-ина*: расут је по бројним творбеносемантичким скупинама и творбеним типовима, веће или мање продуктивности. У улози основинских речи долазе *именице* (сва три рода, али најчешће мушког), *придеви*, *глаголи*, *бројеви*, *заменеци* и *прилози*. Из овог форманта генерисани су многи варијетети: *-авина* (владавина), *-арина* (бродарина), *-ачина* (отимачина), *-бина* (наруцбина), *-нина* (закупнина), *-ерина* (кућерина), *-есина* (т/ј/елесина), *-етина* (телетина, ципелетина), *-ешина* (матерешина), *-ичина* (сестричина), *-овина/-евина* (буковина, краљевина), *-овитина/-евитина* (поповштина, недићевштина), *-отина* (бушотина), *-урина* (брадурина), *-ушина* (сеструшина), *-уљина* (травуљина), *-уштина* (баруштина), *-чина* (кретенчина), *-чурина* (ленчурина), *-штина* (потрепштина).

⁸⁶ Само један аутор издваја и формант *-јевина* (Бабић 1986: 229).

на појединачне примере. Дакако, и међу типовима на -ина постоје разлике у продуктивности: они на -едина и -итина сасвим су непродуктивни.

7.7. Запажа се висок степен конкуренције међу творбеним типовима, што показују, између осталог, примери *вуч-ина* и *вуч-етина*, *зеч-ина*, *зеч-етина* и *зеч-евина*, *кокош-етина* и *кокош-евина*, *коњ-итрак* и *коњ-иштрак*, итд.

7.8. Дијалекатска грађа садржи потврде за називе *меса* животиње каквих, по правилу, нема у књижевном језику: *туч-евина* (←тука), *кокош-евина* (←кокош), *кокош-етина*, *сом-етина*, *овну-ина*, *овч-ињаќ*, *свињ-итина* и сл.

7.9. У источним крајевима српске језичке територије честе су деадјективне структуре на -ећина: *зајчећина*, *јарећина*, *јагњећина*, *јунећина*, *овнећина*, *овчећина*, *пилећина*, *прасећина*, *свињећина*, *телећина*.

7.10. За разлику од књижевног језика, дијалекти располажу широким дијапазоном потврда за називе *измета* (ђубра): *говедњаќ*, *говедњак*, *зечејјаќ*, *кокошињаќ*, *крмеђњаќ*, *кучњаќ*, *кокошињаќ*, *кокошињац*, *крмеђњаќ*, *лисичјаќ*, *маџињаќ*, *мачињаќ*, *мачак*, *мачевина*, *мачијаќ*, *мачљаќ*, *мачољаќ*, *мишињаќ*, *мишињац*, *мишијаќ*, *мишољаќ*, *пацијаќ*, *пачевина*, *пачијаќ*, *свињиштак*, *свињиштак*, *тичијаќ*, *телеђњаќ*, *говедњаци*, *коњиштраќ*, и сл. Као што се види, продуктивношћу се истиче деадјективни творбени тип са суфиксом -ак.

7.11. У централној зони, која трпи утицаје и са истока и са запада, није ретка коезистенција двеју конкурентних структура – на -ећина и -етина: *говећина*, *гучећина*, *јагњећина*, *јунећина*, *пилећина*, *прасећина*, *телећина*, *ћурећина*, *свињећина* и *говедина*, *гучетина*, *јагњетина*, *јунетина*, *пилетина*, *прасетина*, *свињетина*, *телетина*, *ћуретина*.

7.12. У дијалектима се, чешће него у књижевном језику, могу регистровати примери у којима се неки корени налазе у више од једне, односно две изведенице, што указује на ширину суфиксне конкуренције. Корен *миш-* долази у: *миш(и)јаќ*, *мишољаќ*, *мишињаќ*, *мишињац*; *кокош-* у *кокошетина*, *кокошевина*, *кокошињаќ*, *кокошињац*, *вук-* у *вучина*, *вучетина*, *вучевина* и сл.

7.13. Корпус савременог српског језика Математичког факултета у Београду међу 113 милиона речи садржи и потврде за изведенице са значењем продукта животињског порекла. Ова електронска збирка српске лексике садржи углавном структуре карактеристичне за књижевни језик, што је сасвим у складу са коришћеним изворима. На основу овог ресурса може се, лако, утврдити и фреквенција изведеница овог типа, што, између осталог, говори и о њиховој савременој употребној вредности.

ЛИТЕРАТУРА

- Анић³ 1998:** Vladimir Anić, *Rječnik hrvatskoga jezika*, Zagreb: Novi Liber
- Бабић 1986:** Stjepan Babić, *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Nacrt za gramatiku, Djela JAZU 62, Zagreb: JAZU – GLOBUS.
- Бакотић 1936:** Лујо Бакотић, *Речник српскохрватског књижевног језика*, Београд: Графички завод Планета.

- Барић 1995:** Barić Eugenija *et al.*, *Hrvatska gramatika*, Zagreb: Školska knjiga.
- Боричић 2002:** Вук Боричић, *Рјечник Васојевићког говора*, Београд: Просвета.
- Грамматика СРЛЈ 1970:** *Грамматика современного русского литературного языка*, Академия наук СССР, Москва: Наука.
- Далмација 2004:** Стево Далмација, *Рјечник говора Поткозарја*, Бања Лука: Глас српски.
- Даничић 1876:** Ђуро/ Даничић, *Основе српскога или хрватскога језика*, Београд: Државна штампарија.
- Динић 1988:** Јакша Динић, „Речник тимочког говора”, *Српски дијалектолошки зборник XXXIV*, Расправе и грађа, 7–335: Институт за српскохрватски језик.
- Добровски 1799:** Joseph Dobrowsky, *Die Bildsamkeit der Slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjective in der Boehmischen Sprache dargestellt*, Prag.
- Добровски 1809:** Joseph Dobrowsky, *Ausführliches Lehrgebäude der Boehmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche zur vollkommenern Kenntniss für Boehmen*, Prag.
- Ђукановић 1995:** Петар Ђукановић, „Говор Драгачева”, *Српски дијалектолошки зборник XLI*, Расправе и грађа, 1-240.
- Елезовић 1932/35:** Гл(иша) Елезовић, *Речник косовоско-метохиског дијалекта*, Св(еска) један и два, Београд: Планета.
- Живковић 1940:** Сретен Живковић, „Речи на овина и њихова значења,” *Наш језик VII/1*, 8–12.
- Жугић 2005:** Радмила Жугић, *Речник говора јабланичког краја*, Српски дијалектолошки зборник LI, Београд: Институт за српски језик.
- Златановић 1998:** Момчило Златановић, *Речник говора јужне Србије*, Учитељски факултет, Врање.
- Ивековић/Броз 1901:** F(ranjo) Iveković, Ivan Broz, *Rječnik hrvatskoga jezika*, I A–O, II P–Ž, Zagreb: Štamparija K. Albrechta.
- Јовановић 2004:** Властимир Јовановић, „Речник села Каменице код Ниша,” *Српски дијалектолошки зборник LI*, Београд, 313–688.
- Караџић 1828:** Вук Стеф(ановић) Караџић, „Главна свршивања суштествителни и прилагателни имена у српском језику,” *Даница*, Беч, 1-135. Прештампано у: *Сабрана дела Вука Караџића*, књ. VIII, Београд, 1969, 233-321.
- Караџић 1852:** Вук Стеф(ановић) Караџић, *Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима*, Беч.
- Клајн 2003:** Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику*, Други део, Суфиксација и конверзија (Прилози граматици српскога језика II), Београд: Завод за уџбенике /Институт за српски језик САНУ/Матица српска.
- Лескин 1914:** August Leskien, *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*, Heidelberg: Carl Winter’s Universitätsbuchhandlung
- Максимов 1975:** Владимир Иванович Максимов, *Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке*, Ленинград: ЛГУ

- Маретић ¹1899:** Т(omislav) Maretić, *Gramatika i stilisika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, Zagreb: Štampa i naklada knjižare L. Hartmana.
- Маретић ²1931:** Т(omislav) Maretić, *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, Zagreb: Obnova
- Маретић ³1963:** Т(omislav) Maretić, *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, Zagreb: Matica hrvatska.
- Марковић 1986:** Миодраг Марковић, *Речник народног говора у Црној Реци*, Српски дијалектолошки зборник XXXII, Београд: САНУ.
- Марковић 2000:** Јордана Марковић, „Говор Заплања”, *Српски дијалектолошки зборник XLVII*, Београд, 7–307.
- Митровић 1984:** Брана Митровић, *Речник лесковачког говора*, Библиотека народног музеја у Лесковцу, књ. 32, Лесковац.
- Московљевић ¹1966, ²1990:** Милош Московљевић, *Речник савременог српскохрватског књижевног језика с језичким саветником*, Београд.
- Новаковић ¹1894:** Стојан Новаковић, *Српска граматика*, Београд: Издање и штампа Државне штампарије.
- Новаковић ²1902:** Стојан Новаковић, *Српска граматика*, Београд: Издање и штампа Државне штампарије.
- Павлица 2006:** Драган Павлица, „Творба именица у говору Срба југоисточне Лике”, *Српски дијалектолошки зборник LIII*, Београд, 1–187.
- Пешикан 1965:** Митар Пешикан, *Староцрногорски средњокатунски и љешански говори*, Српски дијалектолошки зборник XV, Београд: Институт за српскохрватски језик.
- Радовић Тешић 2011:** Милица Радовић Тешић, „Функционалност лексике хране и пића у поезији Љубомира Симовића”, *НССВД 40/1*, 63–71.
- Ракић Милојковић 1993:** Софија Ракић Милојковић, „Пастирска терминологија Кривовирског Тимока”, *Српски дијалектолошки зборник XXXIX*, Београд, 11–148.
- Реметић 1985:** Слободан Реметић, *Говори централне Шумадије*, Српски дијалектолошки зборник XXXI, Београд: Институт за српскохрватски језик.
- Речник СГВ 2000:** *Речник српских говора Војводине 1–9* (редактор Драгољуб Петровић), Нови Сад: Матица српска.
- Ристић 1970:** Олга Ристић, „Лексичко-семантичке одлике творбе именица у неких српских и хрватских романтичарских песника”, *ЈФ XXVIII/3–4*, 387–451.
- РСМС:** *Речник српскохрватског књижевног језика*, I–VI (Нови Сад/Загреб, 1967, I–II; Нови Сад – Загреб, 1969, III; Нови Сад, 1971, IV; Нови Сад, 1973, V; Нови Сад, 1976, VI).
- РСАНУ:** *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, књ. 1–17, Београд, 1959–2006.
- РСЈ:** *Речник српског језика*, Нови Сад 2007.
- Симић 1972:** Радоје Симић, *Левачки говор*, Српски дијалектолошки зборник XIX, Београд: Институт за српскохрватски језик.

- Смољска 1989:** Аделаида Смољска, „Вук Караџић и закономерности сербохрватског словообразовања,” *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику* XXXII/1, 107–112.
- Станић 1990/91:** Милија Станић, *Ускочки речник 1–2*, Београд: Научна књига.
- Стевановић³ 1975:** М/ихаило/ Стевановић, *Савремени српскохрватски језик (Грамматички системи и књижевнојезичка норма) I*, Београд: Научна књига.
- Стијовић 1990:** Рада Стијовић, „Из лексике Васојевића”, *Српски дијалектолошки зборник XXXVI*, Београд, 119–422.
- Томић 1989:** Миле Томић, „Речник радимског говора”, *Српски дијалектолошки зборник XXXV*, Београд, 1–174.
- Ђорђић 2008:** Божо Ђорђић, *Творба именица у српском језику*, Београд: Друштво за српски језик и књижевност.
- Ђупић 1997:** Драго Ђупић, Жељко Ђупић, *Речник говора Загараца*, Српски дијалектолошки зборник XLIV: Институт за српски језик.

Božo Ćorić

ON DERIVATIVES WITH THE MEANING
ANIMAL ORIGIN PRODUCTS IN SERBIAN LANGUAGE

Summary

The semantic group *animal origin product*, as the total language corpus indicates, contains a line of individual, particular meanings like *meso*, *koža*, *krzno*, *vuna*, *dlaka*, *mleko*, *mast*, *kost*, *kora* (*oklop*), *izmet* (*đubre*, *smeće*) and *smrad* (*zadah*). Some of these subgroups are spread over the entire Serbian language area, and some of them, like *mleko*, are regional by their character. The analyzed corpus indicates the broad diapason of suffixes (and suffix derivatives) that participate in formation of the mentioned group, i. e. of the individualized semantic groups: *-ina*, *-etina*, *-ovina*, *-njak*, *-injak*, *-ak*, *-ica*, *-enica*, *-ac*, *-oljak*, *-ištak*, *-ljak*, *-ština*, *-ača*, *-ovnjača*, *-edina*.

ИГОРЬ СТЕПАНОВИЧ УЛУХАНОВ*

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ЗАМЕНЫ МОРФЕМ

Аннотация. Как известно, наиболее распространенными словообразовательными ресурсами славянских языков являются суффиксы и префиксы. По данным Рус. гр., 1980 в узуальных словах русского языка имеется 527 суффиксальных морфов, объединенных в 358 суффиксальных морфем (Лопатин, Улуханов, в печати), и 87 префиксальных морфов, объединенных в 73 морфемы. (О частеречном распределении этих морфов см. Улуханов, 1996, с. 101-106).

В статье рассматриваются словообразовательные процессы, представляющие собой удаление морфемы или формально совпадающей с ней незначимой части мотивирующего слова и присоединения на их место другой морфемы. Замена префикса осуществляется чаще всего для создания слова противоположного значения по сравнению со значением мотивирующего слова (*отклеить* «отделить по клею что-л. приклеенное»); глагол *отклеить* невозможно истолковать с помощью бесприставочного *клеить* (*ср. ломать — отломать* «ломая, отделить»). Замена суффикса может осуществляться в стилистических целях (*общежитие* — окказ. *общежиха*) либо определяться фонемным составом основы или суффикса (*безумный* — *безумствовать*).

Явление, трактуемое иногда как замена корня, представляет собой образование по конкретному образцу и используется лишь при создании окказионализмов, стилистическая функция которых основана на смысловых связях со словом — образцом, например: *Дай выстрадать стихотворенье! Дай вышагать* его. Д.Самойлов.

Ключевые слова: транссуффиксация, морфема, префикс, суффикс, корень, мотивация, образование по конкретному образцу, окказионализм.

0. Основа мотивирующего слова в словообразовательных процессах подвергается, как известно, двум видам преобразований — добавлению (присоединению) единиц и удалению. В данной работе рассматривается третий вид преобразований, представляющий собой сочетание первых двух видов — удаление одной единицы и присоединение на ее место другой единицы.

---

* e-mail: istepu@mail.ru

Описывается только замена морфем. Кроме морфем, возможна замена фонем и их сочетаний.

Замена морфем рассматривалась в ряде работ: Kreja, 1963; Śmiech, 1968; Михайлов, 1970; Улуханов, 1974, 1975; Спос. номин., 1982, с.72—76; Пьяных, Цейтлин, 1987 и др. Вместе с тем, это явление признается не всеми лингвистами (ср., на пример, Тихонов, 1971, с.264). Однако о существовании этого явления свидетельствуют, во-первых, приводимые ниже многочисленные контексты, в которых слово с заменяемой морфемой предшествует слову с заменяющей морфемой; во-вторых, такие процессы (имевшие место в прошлом), в результате которых в слове сохранилась одна из фонем замененного префикса. Так, в прост. *забидеть*, образованном путем заменительной префиксации от глагола *обидеть*, сохранилась фонема [б] замененного префикса *об-*, с помощью которого был образован глагол *обидеть* (ср. видеть, Фасмер, 1967, с.70, в *затворить* — фонема [т] замененного префикса *от-* глагола *отворить* (Фасмер, 1967, с.82), в современных окказиональных образованиях детской речи *разбусть, разбусться* (*Разбуь сапоги! Сама обулась и разбулась*) — фонема [б] замененного префикса *об-* глагола *обуть* (Пьяных, Цейтлин, 1987, с.54). Замена суффикса, как показал Р. И. Аванесов, имела место при образовании уменьшительных существительных (Аванесов, 1968).

В. Н. Немченко, приводя ряд примеров трансфиксации, т. е. появления одной морфемы (префикса или суффикса) на месте другой (*футуризм* — *футурист, застегнуть* — *растегнуть* и др., Немченко, 1984, с.128), рассматривает в качестве форманта этих слов только присоединяемую морфему. «Что же касается утраты аффиксальной морфемы производящим словом, то она выступает как одно из дополнительных, вспомогательных словообразовательных средств (своеобразное усечение производящей основы), которые при определении способов словообразования во внимание не принимаются. Вспомогательный характер данного словообразовательного средства объясняется тем, что оно не может выступать в качестве единственного средства словообразования» (Немченко, 1984, с.128). С последним утверждением нельзя согласиться, поскольку редеривация — депрефиксация (*неразбериха* — окказ. *разбериха* и мн. др.) и десуффиксация (*радиовецание* — окказ. *радиовецать* и мн. др., Улуханов, 1996, с. 38–52) — весьма распространена в окказиональном словообразовании. Она может сочетаться с одновременной деривацией (префиксацией или суффиксацией): *застегнуть* — *растегнуть, приклеить* — *отклеить, символизм* — окказ. *символятина* (подробнее см. ниже). В русском словообразовании заменяются префиксы и суффиксы. Это явление имеет место тогда, когда соответствующее беспрефиксальное (бессуффиксальное) слово либо отсутствует (**стегнуть* при *растегнуть*), либо не выступает в качестве непосредственно мотивирующего (*клеить* при *приклеить, символ* при *символятина*).

Некоторые лингвисты выделяют особый способ словообразования — трансрадикацию — замену одного корня на другой (Спос. номин., 1982, с.73,74). С этим трудно согласиться. Все эти вопросы заслуживают специального рассмотрения.

1. Замена префиксов осуществляется как в узуальной, так и в окказиональной лексике. О заменительной префиксации в разговорной речи см. Рус. разг. речь, 1981, с.137.

Например, глаголы *растегнуть*, *разрядить*, не имеющие соответствующих бесприставочных глаголов, мотивируются глаголами *застегнуть*, *зарядить*, ср. толкования этих глаголов в Ожегов, Шведова, 1992: *растегнуть* «раскрыть (застегнутое), освободить от застёжки», *разрядить* «освободить от заряда (оружие)». Окказиональное *отразиться* мотивируется глаголом *заразиться* (в детской речи: *заразился*, а потом *отразился*. К. Чуковский).

Глагол *отклеить* означает «отделить, оторвать по клею что-либо приклеенное» и непосредственно мотивируется не глаголом *клеить*: с помощью этого глагола невозможно объяснить значение глагола *отклеить*, подобно тому, как, например, с помощью глагола *ломать* можно объяснить значение глагола *отломать* («ломая, отделить»). Глагол *отклеить* непосредственно мотивируется глаголом *приклеить* и означает действие, аннулирующее результат действия по глаголу *приклеить*. Приставка *при-* глагола *приклеить* отсекается и заменяется на приставку *от-*.

Аналогично мотивируются и такие глаголы, как *отколоть* (ср. *приколоть*), *отпаять* (*припаять*), *разгримировать* (*загримировать*), *разбронировать* (*забронировать*), *размининовать* (*заминировать*), *разгипсовать* (*загипсовать*), *разморозить* (*заморозить*), *раскутать* (*закутать*) и др. Чаще всего в роли «заменителей» выступают глагольные префиксы *раз-* и *от-*, реже *за-*, *с-*, *у-*; замена префикса на указанные префиксы часто осуществляется при образовании глаголов со значением действия, результат которого противоположен результату действия по мотивирующему глаголу. При образовании окказионализмов подобные замены нередко осуществляются на глазах носителей языка; ср. письмо читателя в редакцию журнала «Юность» и ответ редакции (1965 г., № 10): «Иногда меня просто тянет *зарифмовать* всю существующую прозаическую литературу!» — «Дорогой Олег! Ну что Вам посоветовать!? Если тянет, то *зарифмуйте!* Только потом обязательно *разрифмуйте!* А то ведь так у нас литературы не останется...». Глагол *разрифмовать*, отсутствующий во всех словарях современного русского языка, был образован в данном контексте путем замены приставки *за-* в глаголе *зарифмовать* на приставку *раз-*. Слово с заменяемой приставкой, как правило, предшествует в тексте слову с заменяющей приставкой (что и является одним из доказательств замены): и мать... сказала: У него *закаменело* сердце... я вспомнил о том, что сказала мать, и весь день мне хотелось помочь отцу, чтобы его сердце *раскаменело* (Н. Воронов.); Тут *законсервировали* не плоды и овощи, а... саму фабрику... За два года консервации корпус фабрики изрядно подпортился. Когда это обнаружили, было принято решение: *расконсервировать* фабрику (Вечерняя Москва, 10 июля 1964 г.); У них каждый день что-н. *наклевывается*, а потом *расклевывается* (Устн. речь); И как бы Степанов ни пытался иногда скрыть или малость приукрасить, *округлить* положение дела, Алексей Алексеич это округление замечал и спокойно *раскруглял*, так что вылезали действительные углы (Е. Шатько.); *присушить* его к себе или же «*отсушить*» от злой соперницы

(Комсомольская правда, 26 июня 1974 г.); Кипела и пенилась каша взаимных подозрений и разоблачений. Все *размежёвывалось* и *смежёвывалось* (Г. Агапов); Отец с матерью *разводились* и *сводились* (А. Ткаченко); *Вспомеет*. Будет еще долго собираться, *распотеет* обратно (Устн. речь); Раньше хоть *прирост* был, а сейчас *урост* пошел (Устн. речь). Возможно образование от глаголов со связанным корнем (*запретить*, ср. *воспретить* — окказ. *распретить*: Они *запретили* концерт, а он *распретил* (Радио) и от глаголов, часть которых, остающаяся после отсечения префикса, не встречается в других словах: *смежить* — окказ: *размежить* (Глаза его в этот момент были закрытыми, а когда открыл их, с трудом *размежив* набрякшие веки, он ничего не увидел. Ю.Пиляр).

Слово с заменяемым префиксом легко устанавливается и в том случае, если оно отсутствует в тексте, содержащем слово с заменяющим префиксом; ср. употребительное в спортивном жаргоне *заминаться* «совершать физические упражнения с целью постепенного уменьшения нагрузки на организм после выступления в соревновании», образованное путем замены приставки в глаголе *разминаться*: Шарафетдинов, как говорят спортсмены, *заминается* (Из спортивного телерепортажа); окказ. *отмысливать* (ср. *примысливать*): когда глядишь на него, стараешься не замечать шишку, «*отмысливать*» ее (А. Твардовский).

Отметим попутно, что образование глаголов со значением противоположного результата может происходить и без отсечения приставки мотивирующего глагола, но довольно редко, ибо в результате возникают глаголы, в которых соседствуют приставки с противоположными значениями, одно из которых предполагает отсутствие другого; ср. такие глаголы, как *разукрупнить*, *разукомплектовываться*: Не очищены от грязи и *разукомплектовываются* плуги и лущильники (Крымская правда, 20 февраля 1963 г.); ср. *урасти* «уменьшиться в росте», в котором сочетаются противоположные по значению приставка *у-*, означающая уменьшение, и глагол *расти*, означающий увеличение; ср. также *внушить* и окказ. *развнушить* (Если бы *внушил*, то и *развнушил*. Кинофильм «Что с тобой происходит»). «Нелогичные» глаголы типа *разукрупнить* иногда вызывают протест у носителей языка, однако, по-видимому, замена приставки *у-* на приставку *раз-* вообще не свойственна русскому словообразованию (ср. еще *разуверить*). «Нелогично» выглядит и глагол *отсоединить*, тем более, что существует близкий по значению глагол *отъединить*. Надо полагать, однако, что глагол *отсоединить* является результатом замены приставки *при-* в глаголе *присоединить* (*отсоединить* «отделить что-либо присоединенное»), а глагол *отъединить* — приставки *со-* в глаголе *соединить* «отделить что-либо соединенное».

Кроме глаголов, означающих действие с противоположным результатом, путем замены приставок образуются глаголы со значением действия, осуществленного в противоположном направлении (по сравнению с действием, названным мотивирующим приставочным глаголом): Я *воткнул* палку! — *Выткни* обратно! (Устн. речь); Кукла *притонула* и *вытонула* (Детск. речь. К. Чуковский); Он одним движением *выклинил* свой топор из лесины (В. Чивилихин, ср. *вклинить*); То приказывали *внедрить* что-то в свои произведения, то *вынедрить* (Московский литератор, 3 ноября 1956 г.: пример из Фельдман, 1957, с. 70); Нужно вставить, <...>

втискиваться в автобус, потом *вытискиваться* из него (Советский экран, 1973, № 14); ср. также прилагательные *выпуклый* и *окказ. впуклый*, означающие противоположные свойства: то *выпуклым* кажется, то, наоборот, *впуклым* (Устн. речь).

Замена приставок осуществляется также при образовании глаголов со значением небольшой или чрезмерной интенсивности действия: *приопоздать* «немного опоздать»: Огненная стрела, *приопоздав* на какую-то долю минуты, ... ткнулась в свежий каштановый пласт (Л. Волинский), *перекачать* «чрезмерно накачать (об уговорах, инструкциях)»: Нельзя *перекачать* игроков, как порой бывало с нашими командами (Советский спорт, 25 февраля 1987 г.); *приломить* «слегка надломить»: А лук, *приломленный*, чтобы не дал мочку, то есть не пустил новых корней, ... досушивается на печи. (Е. Дорош): глаголов со значением повторения действия: *перебрать* в значении «снова набрать»: надо *перебрать* этот абзац (Устн. речь); *переговариваться* в значении «снова договариваться»: Сделаем как договорились, не стоит снова *переговариваться*. (Устн. речь), реже — глаголов иных значений (ср. *запрокинуть* «опрокинуть назад», *обвесить* «свесить с разных сторон»: Но тихо дремлют кедрь, *обвесив* сучья вниз. С. Есенин). Параллельно возможно образование с сохранением префикса мотивирующего глагола: *приопоздать*: Вы лишь чуть-чуть *приопоздали* (Н. Погодин); *перенакачать*: Ее <команду. И.У.> не успели *перенакачать* (Литературная газета, 1986, № 25 – КНС).

Посредством замены префикса может возникнуть окказиональное значение у узального префиксального глагола: ср. *разрисовать* в знач. «ликвидировать нарисованное»: <...> требую означенный пейзаж не принимать во внимание либо *разрисовать* его обратно. (Г. Горин)

В окказионализмах в редких случаях может быть заменен не префикс, а элемент, формально тождественный префиксу и окказионально к нему приравненный, ср. окказионализм В. Хлебникова «начери (р. п.), по-видимому, восходящий к форме *дочери* <...> и в таком случае сталкивающий предлоги (точнее, приставки. — И. У.) *до* и *на*» (Григорьев, 1986, с. 100). Столкновение это, впрочем, вряд ли воспринимается читателем, поскольку удаление элемента *до* разрушает связь с *дочери*.

2. Замены суффиксов существенно отличаются по своим причинам и результатам от замен префиксов.

В некоторых случаях замена суффикса осуществляется в целях образования слова того же значения, что и мотивирующее, но имеющего иную стилистическую окраску — разговорную, просторечную или жаргонную. Так, слово *общежиха* возникло, надо полагать, путем замены суффикса *-тие* на экспрессивный суффикс *-их(а)* в стилистически нейтральном слове *общежитие*: Тимка распорядился подкинуть эти корзины в «*общежиху*». (В. Фоменко). Ср. также *горожанка* и *горожаха*. (Какое ей дело до Лукашина, до всех ихних забот и хлопот? *Горожаха*. Отрезанный ломоть. Ф. Абрамов), *символизм* и *символятина* (так футуристы называли *символизм*), *винтовка* и *винтарь* (— Что *винтарь*! Если б автомат. ... — Ну да! Пусть с *винтовкой* едет. В. Быков), *водка* и *водяра* (— Братцы, *водярой* пахнет! Сучком. Белую массу, похожую с виду на парафин, нюхали все по очереди, соглашались: *водкой* пахнет. Г. Комраков); *лиственница* и *листвяга* (— Руби вона

те *листвяги*, тащи сюда... Васятка направился было к трем небольшим *лиственницам* Г. Комраков); *одуванчики* и *одуванцы* (Рус. разг. речь, 1983, с.189), *кличка* и *кликуха* (А имя это или *кликуха* — черт его знает. Кинофильм «Визит к миноватру»); *унижение* и *унизуха* (Была *показуха*, теперь *унизуха* .Е. Евтушенко).

Трактовка приведенных и многих подобных образований как результатов замены суффиксов в стилистически нейтральных однокоренных словах кажется более вероятной, чем возведение их непосредственно к тем словам, которыми мотивированы эти стилистически нейтральные слова (т. е. *символизм* — *символятина*, но не *символ* — *символятина* независимо от *символизм*). Все приведенные слова воспринимаются «на фоне» своих стилистически нейтральных эквивалентов, являющихся основным наименованием соответствующей реалии, и добавляют к этому наименованию экспрессивность и оценку (чаще негативную). Отражением такого восприятия является, например, возведение в словообразовательных справках, имеющихся в НРЛ -1982 и НСЗ -70 слов *спецуха* и *окурыш* не к *специальный* и *курить*, а к *спецовка* и *окуроч* : «*спецовка* + *-ух(а)*», НРЛ-1982; «*окуроч* [*<курить>*] + *-ыш*», НСЗ -70. Непосредственные указания на такого рода производящие можно найти и в текстах, ср. написанное Д. В. Григоровичем еще в тридцатых годах 19 в.: С первого дня поступления новички получали прозвище *рябцов*, слово, производимое, вероятно, от *рябчика*, которым тогда военные называли штатских (Д. В. Григорович).

Все рассмотренные замены суффиксов тесно связаны с их значением. Чаще, однако, замена суффикса не зависит ни от значения заменяемого суффикса, ни от значения заменяющего, а определяется фонемным строением этих суффиксов. При этом, как известно, отсечение (замена) конечного элемента основы мотивирующего слова может иметь место независимо от того, является ли данный элемент суффиксом или частью другой морфемы. Такой двойственной природой обладают все наиболее часто (но не всегда) отсекаемые и заменяемые элементы основ мотивирующих существительных, прилагательных и глаголов: *-ец*: например, *ленинградец* — *ленинградка*, где *-ец* — заменяемый суффикс, ср. *беженец* — *беженка*, *немец* — *немка*, где *-ец* — часть других морфем (не отсекается в *рубец* — *рубцеватый*, *зубец* — *зубчатый* и др.), *-н-*: например, *безумный* — *безумствовать* (не отсекается в *скудный* — *скудеть* и мн. др.), *-иј-*, *-ј-*, *-л-*, *-ок*, *-ик*, *-к(ий)*, *-ск(ий)*, *-ок(ий)*, *-и(ть)*, *-а(ть)*, *-ова(ть)* и др. (Полный список отсекаемых финалей основ мотивирующий слов с указанием случаев сохранения этих же финалей в основе мотивированного слова см. в Рус. гр., 1980, с. 416, 417, 421—430).

3. Есть ли основания наряду с трансфиксацией (заменительной префиксацией и суффиксацией) говорить о замене корней (заменительной радикации или «трансрадикации», по терминологии А.Ф. Журавлева, Спос. номин., 1984 с.73—75)? С нашей точки зрения, таких оснований нет. Это обусловлено известным различием между аффиксальными и корневыми морфемами, состоящим в том, что аффиксальные морфемы могут входить в состав форманта мотивированного слова, а корневые не могут — они входят только в его мотивирующую часть.

А.Ф. Журавлев усматривает трансрадикацию только в тех случаях, когда новое слово создается по образцу какого-либо конкретного слова: *богохульство* — *родителехульство* (в письмах А. П. Чехова), *полнолуние* — *полноземие* (А. Беляев) и т. п. (Спос. номин., 1984, с. 74). Однако с точки зрения словообразовательной структуры *родителехульство* относится не к трансрадикации, а к суффиксально-сложному способу словообразования: *хулить родителей* + *-ств(о)*; особенность образования этого окказионализма состоит в наличии конкретного слова — образца (*богохульство*). Этим и только этим его образование отличается от образования новых слов типа *осовременить*, *луноход* и мн. др., возникших не по конкретному образцу, а по модели: для *осовременить* это модель *о-* + основа прилагательного + *-и(ть)*, представленная в языке многим словами: *облагородить*, *обогащать*, *оголеть*, *оздоровить*, *округлить*, *осложнить*, *освежить*, *осчастливить*, *оказывать* и т. п.; для *луноход* это многочисленныне сложные слова на *-ход*.

Формантом при образовании по конкретному образцу является не новый корень или основа (они входят в мотивирующее слово), а служебные морфемы и другие словообразовательные средства. Слово, являющееся образцом для нового слова, не может рассматриваться как мотивирующее. Этим так называемая «замена корня» отличается от замен служебных морфем: при заменительной префиксации и суффиксации мотивирующим является то слово, в котором заменяется морфема, а заменяющие префикс или суффикс являются формантами.

4. Образование слов по конкретному образцу (но не от этого образца) — важная проблема, имеющая отношение, в частности, к изучению процессов номинации и к функционированию мотивированных слов в тексте.

Свидетельством образования слов по конкретному образцу является прежде всего наличие этого образца в непосредственно предшествующем контексте. Примеры такого употребления многочисленны: Ты в самом деле *ополоумел* что ли? — Нет, я *одвоумел*, а может *отроеумел* (А. Иванов); Люди смогут *учащать* или *урежать* ритм своего сердца (Из радиопередачи); ...можно так *упростить* и *уплосчить* жизнь... (И. Варламова); Дай *выстрадать* стихотворенье! Дай *вышагать* его! (Д. Самойлов); Подруги Лиды называют себя — в отличие от *побратимов* — «*посестримами*». (Литературная газета, 8 марта 1967 г.); Чтобы жить на луне, надо выкопать *землянки* (смех) ... *лунянки* (ТВ); сколько всяческих *закусок* и *заедок* приготовила хозяйка (А. Рекемчук); той легкости, запоя того рабочего, что двигал им когда-то мимо *перекуров* да *переболтов* он уже не испытывал (Б. Васильев); А на самом-то на деле Мы по воздуху летели Не *вдвоем*, не *вчетвером*, А *вшестьдесятером* (И. Френкель); Есть замысел — соединить озеро с рекой Ариа *подземным* — вернее, *подкаменным* туннелем (Л. Вольнский); И я бы хотел, чтобы наш журнал оценивали не с точки зрения *левизны*, *правизны* или *кривизны*, а с позиций здравого смысла. (Правда, 20 октября 1989 г.); *Пятиборцы* оказались *нулеборцами* (Советский спорт, 23 ноября 1968 г.); Эпоха *первооткрывателей* прошла, теперь мы создаем *первопересекателей* (А. Ефремов, М. Кондратьева); *Сиюминутность*, пожалуй, даже *сиюсекундность* спортивного телерепортажа под силу только весьма сведущему человеку (Советский спорт, 16 сентября 1971 г.); Что это — *легкомыслие!* *Легкочувствие!* (А. Марченко);

Начинается <...> *каждодневный* и *«каждоночный труд»* (Вечерняя Москва, 9 августа 1989 г.); С ее терпнем безнадежным, С ее избою без саней И *трудоднем* пустопорожным И *трудоночью* — не полней (А. Твардовский); проблема поиска *единомышленников* и *«единочувственников»*, если так можно назвать ищущие друг друга родственные души, стала одной из острых в современном обществе (Неделя, 12—18 июня 1976); и *бракосочетание*, и *бракорасторжение* чем-то схожи между собой (Литературная газета, 5 декабря 1984 г.); А спектакль поставить — не трамвай построить, *хозрасчет* этим не занимается, тут нужен *«творрасчет»* (Литературная газета, 16 декабря 1987 г.): В *самиздате*, *тамиздате* и *здесьиздате* (Устн. речь): Есть старое русское слово *«простосердечный»*. Так вот они были *прямосердечны* (64. Шахматное обозрение, 1989, № 20); В те годы у нас было наделано и *благоглупостей*, и *«злоглупостей»* (Литературная газета, 25 мая 1988 г.); *здравоохранение* превращается в *«здраворазрушение»*. (Неделя, 6—12 июня 1988 г.); РАПП была кастовой группировкой, совершенно нетерпимой <...> ко всем *инакомыслящим* и *инакопишущим* (Правда, 22 июля 1988 г.). Если образец имеет более одного (обычно два) корня, то один из них повторяется и в возникающем окказионализме: <...> от *землепашества* к *судьбопашеству* и *судьбоделию* (В. Хлебников, см. Григорьев, 1986, с. 56; другой образец — *земледелие* — в тексте отсутствует).

В контексте мотивированному слову может предшествовать как мотивирующее, так и слово-образец: *Отсебятины* я не несу. Вдохновение мое зависит от *них* — таким образом, если я что и несу, то *«отнихятину»* (Литературная газета, № 38 — НРЛ, 1981).

Корню слова-образца в окказиональном образовании может соответствовать сочетание слов. В одних случаях это сочетание входит в состав окказионализма, т. е. возникает слово с тремя корнями (сложение или сращение в сочетании с суффиксацией: Улуханов, 1996, с. 62—64): Я очутился как бы в чаше, накрытой *трехчетвертьшарием* небесного свода. К. С. Петров-Воткин); А Овчинников <...> сорвал все, что мог: и тройной, и *двухполовинный*, и каскад (Советский спорт, 10 апреля 1971 г.). В других случаях сочетание не сливается в компонент слова и возникает своеобразный параллелизм структур слова — образца и словосочетания: С ним нельзя тренироваться не то чтобы *вполсилы*, а даже в *девять десятых силы* (Советский спорт, 31 октября 1982 г.).

В том случае, если в слове-образце отчетливо выделяется один из компонентов, а остаток является связанным (иногда почти уникальным), то возникает окказионализм с новым корнем на месте хорошо выделимого корня и с сохраненным связанным остатком: Кто же расписывался за уборщиц? — Тещи, тети, *двадцатиуродные* сестры (В. Липатов), Не знаю, *сколькиуродная* сестра (Устн. речь; ср. *двоуродный*, *троуродный*), — Как вы смотрите на сотрудничество с советскими клубами? — Положительно. У нас даже есть одно словечко, очень точно определяющее эти контакты — *«гласностьбол»* (Советский спорт, 16 ноября 1989 г.; ср. названия игр на *-бол*).

Образование слова по конкретному образцу сходно с образованием окказионального сочетания по образцу неокказионального: И все же можно пожалеть,

что горьковатый вкус «яблока отбора», как выразился однажды Евг. Ильин, делает гроссмейстеров и мастеров слишком уж расчетливыми. (Советский спорт, 21 сентября 1969 г.) (ср. *яблоко раздора*); Помню, в редакции я, *мало кому известный* сотрудник, познакомился с одним *много кому известным* писателем (Литературная газета, 22 октября 1969 г.); чтобы *выбор* не стал *слепым*, а *зрячим* (М. Шагинян); Из сферы «*черного рынка*» темы и идеи попали на «*белый рынок*» (Литературная газета, 30 ноября 1988 г.); Как поэта Васильева в *тридцать ежовом* убили (Н. Шатров. Ср. *тридцать седьмой*).

Один и тот же неологизм в разных контекстах может возникнуть по образцу разных слов, ср. *безбабье*, возникшее в одном случае по образцу слова *безрыбье*, а в другом — *безлюдье*: На *безрыбье* и рак рыба, на *безбабье* и Райка баба (О. Смирнов); тут в *безлюдье* и, простите, в *безбабье*, омедвеживаемся вовсе (А. Лиханов).

Но чаще всего конкретный образец один. Он бывает ясен и в случае отсутствия в контексте. Создание окказионализма по конкретному образцу обычно имеет своей целью «столкновение» образуемого слова и образца, по которому оно образовано. Корень возникающего слова нередко тесно связан по значению с корнем слова-образца: оба корня входят в группу слов, объединенную каким-либо семантическим признаком: Я стал излагать активисту свое предложение о переименовании этого пивсарая в городской *выпьянитель* (Крокодил, 1982, № 9; ср. *вытрезвитель*); Вначале 18 встреч в самой Новой Зеландии, что помогло регбистам заработать на «*пропльв*» до Лондона (Советский спорт, 9 июля 1987 г.; ср. *проезд*); это была *очитка* (Устн. речь, ср. *описка*); «Ну что же, как тебя поздравлять-то: со *старосельем*, что ли?» — сказал он Софье (т. е. с возвращением на прежнее место. Е. Замятин, ср. *новоселье*); Тысячи людей, пришедших и приехавших на ярмарку, что называется, *собственноножно*, полностью вытоптали травяной покров (Советский спорт, 1 ноября 1972 г.; ср. *собственноручно*); *Собственнохвостно* подписанная обезьяньим царем Асыкой грамота хранилась у меня (В. Лидин; также по образцу *собственноручно*); Я думаю, что эта снисходительность, терпимость к '*инакоговорящим*' — качество, необходимое не только литературному герою, но и в большей мере самому писателю (Литературная газета, 24 сентября 1969 г.) (ср. *инакомыслящий*); Хотелось бы понять, ради чего принял к постановке эту комедию Московский театр сатиры. Не ради же . . . возможности развлечь публику остроумными «*трехсмысленностями*» (Советская культура, 1 января 1979 г.; ср. *двусмысленность*); Мы дожили до того, что теперь можно утверждать: «Человек — это *таблеткопитающееся* животное» (Литературная газета, 16 февраля 1972 г., ср. *млекопитающийся*); Он до старки не дорос: Он еще *Коктейлесос!* (Крокодил, 1969 г., № 6; ср. *молокосос*); Реденькой кисеей банальной экзотики туристы — *землепробежцы* пытаются прикрыть свою поверхностность и ненаблюдательность (Литературная газета, 24 марта 1966 г., ср. *землепроходцы*); Что это — дань давно устаревшей моде иметь в своем огороде свою баню? Возможно и так. Однако давайте глянем в суть этой *банно-собственнической* моды (Советская культура, 23 марта 1973 г.; ср. *частнособственнический*); невинные жертвы «*метротрясений*» (Вечерняя Москва, 14 июля 1990 г., ср. *землетрясение*) и т. п. Возможно образование по образцу ограниченного количества однострук-

турных слов: Как насчет питания интересно... *Сколькоразовое?* (В. Шукшин; ср. *трехразовое, четырехразовое* и т. п.); Ныне общий тираж «Вечера» — первой книги замечательной русской поэтессы — *пятисоткратно* увеличен (Правда, 9 августа 1988 г., ср. *одно-, дву-, трех-, четырех-, сто-, многократно*).

Свидетельством образования слова по конкретному образцу, помимо явлений контекста и системных связей с образцом, является сохранение в новообразовании какого-либо уникального отрезка (морфа или неморфемного сегмента), имеющегося в том слове, по образцу которого осуществляется образование, ср. сохранение уникального суффикса *-ост(a)* в новообразовании В. Хлебникова *юноста* (Григорьев, 1986, с. 52), образованного по образцу сущ. *староста*¹. Для приведенного выше сущ. *родителехульство* единственным образцом может быть *богохульство*, являющееся, судя по данным Обр. сл. рус. яз., 1974, единственным узуальным словом с корнем глагола *хулить*, и суффиксом *-ств(о)*.

5. Итак, в русском словообразовании имеется два вида трансфлексии — транспрефиксация и транссуффиксация. Последняя представляет собой явление либо формальной, либо семантической части словообразовательного механизма. Транспрефиксация же никак не связана с формой приставки (ее фонемным составом), а осуществляется чаще всего для создания слова противоположного значения по сравнению с мотивирующим префиксальным словом. Наконец, явление, трактуемое иногда как трансрадикация (замена корня), представляет собой образование по конкретному образцу и используется лишь при создании окказионализмов, стилистическая функция которых основана на смысловых связях со словом-образцом.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, 1968 – Аванесов Р.И. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных существительных в праславянском. // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов, Доклады советской делегации. М., 1968.
- Григорьев, 1986 – Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
- КНС – Картотека новых слов (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Лопатин, Улуханов, в печати – Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных морфем русского языка, в печати.
- Михайлов, 1970 – Михайлов М.А. К образованию слов путем мены префиксов // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н.И.Лобачевского, 1970, вып. 114.

¹ А. Н. Тихонов считает слово *староста* немотивированным, рассматривая его в качестве вершины словообразовательного гнезда (Тихонов, Т. II, 1985, с. 857). Суффикс *-ост(a)* не рассматривается в Рус. гр., 1980. Однако, новообразование по образцу слова *староста* свидетельствует об определенной степени его мотивированности.

- Немченко, 1984 – Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984
- НРЛ-1981 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М., 1986.
- НРЛ-1982 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М., 1986.
- НРЛ-1986 – Новое в русской лексике. Словарные материалы-86. М., 1996.
- НСЗ-70 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.
- Обр. сл. рус. яз., 1974 – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Ожегов, Шведова, 1992 – Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Пьяных, Цейтлин, 1987 – Пьяных Л.И., Цейтлин С.Н. Заменительная префиксальная деривация в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л., 1987.
- Рус. гр., 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Рус. разг. речь, 1981 – Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Рус. разг. речь, 1983 – Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Спос. номин., 1982 – Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Тихонов, 1971 – Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
- Тихонов, 1985 – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I-II. М., 1985.
- Улуханов, 1974 – Улуханов И.С. О замене приставок // Русский язык в школе, 1974, № 3.
- Улуханов, 1996 – Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Фасмер, 1967 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II., М., 1967.
- Фельдман, 1957 – Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания, 1957, № 4.
- Kreja, 1963 – Kreja B. *Pojęcie derywacji wymennej // Z polskich studiów sławistycznych*, seria 2, Warszawa, 1963.
- Śmiech, 1968 – Śmiech W. *Kształowanie się funkcji semantycznych czasownikowego przedrostka od(e)- w języku ogólnopolskim // Z polskich studiów sławistycznych*, seria 3, Warszawa, 1968.

Igor S. Uluhanov

WORD FORMATION BY MEANS OF MORPHEMIC REPLACEMENT

Summary

This article deals with the word formation processes of transaffixation, i.e. of replacing a morpheme or a technically identical insignificant part of a motivating word with another morpheme. Transprefixation is typically used to convey a meaning opposite to that of a motivating word, e.g. *отклеить* 'to unglue' (i.e. *отделить приклеенное* 'to remove something glued'). The verb *отклеить* cannot be interpreted literally, through the meaning of the base verb *клеить* 'to glue' without prefixes, cf.: *ломать* 'to break' – *отломать* 'to break off' (i.e. *ломаю, отделил* 'to separate a part of sth. while breaking it'). Transsuffixation may serve stylistic purposes (e.g. Standard Russian *общежитие* 'dormitory' – non-standard *общежиха*) or may be influenced by the stock of phonemes in a stem or a suffix (cf. *безумный* 'insane, lunatic' – *безумствовать* 'to behave in an insane or lunatic manner').

Another process, sometimes interpreted as transradixisation, or root replacement, is in fact used only to construct occasional words on the model of a given base word with which they are meant to intertwine both stylistically and semantically. Cf.: «Дай *выстрадать* стихотворенье! Дай *вышагать* его» (D. Samojlov) 'The poem should be suffered through, stridden through', lit. "Let [me] out-suffer the poem! Let [me] out-stride it".

ЗИНАИДА АНДРЕЕВНА ХАРИТОНЧИК*

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МИНСК, БЕЛАРУСЬ; УНИВЕРСИТЕТ В БЕЛОСТОКЕ, БЕЛОСТОК, ПОЛЬША

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ, ИЛИ К ИСТОКАМ НОМИНАТИВНЫХ РЕСУРСОВ ЯЗЫКА

Аннотация. В основе широкого диапазона номинативных ресурсов языка лежат концептуальные структуры, хранящие многочисленные знания о характеристиках и связях объектов окружающего мира и репрезентируемые значениями лексических единиц. В словообразовательных процессах вследствие неразрывной связи концепта и значения может актуализироваться любой элемент этих структур, который приобретает по каким-то причинам в определенном контексте значимость, что соответственно находит отражение в широкой семантике соответствующих производных.

Ключевые слова: значение, концептуальная структура, производящая база, номинация, динамика, профилирование.

Лексическая система языка, из которой отдельный носитель, по имеющимся данным, в среднем владеет 50000 или даже 60000 лексических единиц, представляет собой огромное по своему составу производящее поле с практически неисчерпаемым потенциалом для вторичного использования имен в процессах номинации. Словообразование как ведущий механизм порождения новых лексических единиц в ответ на номинативные потребности языкового коллектива активно осуществляет выбор единиц, на базе которых согласно соответствующим ономаσιологическим заданиям по тем или иным словообразовательным моделям возникают дериваты определенных семантических классов и типов. Соответственно важнейшей задачей, стоящей перед дериватологией, является установление закономерностей выбора номинативных средств языка и их использования, которая со всей очевидностью является самой всеобъемлющей и сложной. Не случайно, что начиная с самых ранних работ по словообразованию, все известные исследователи словообразования так или иначе в своих трудах затрагивали данный вопрос. Достаточно в этой связи вспомнить работы Г.Маршана, М.Докулила, Л.В.Сахарного, К.Циммера, Р.Лиза, В.Дресслера, И.С.Улуханова, А.Н.Тихонова, Е.А.Земской, С.Андерсона и многих, многих других, поставивших своей целью

---

* e-mail: zkharitonchik@mail.ru

раскрыть тайны словообразования – «самой глубинной и самой таинственной», как утверждают ученые (Motsch 1977, S. 201), **подсистемы языка. В основе этой таинственности** лежит отражение в словообразовательных процессах механизма функционирования всей языковой системы языка, возможность вовлечения всех лексических единиц языка, что создает бесконечность номинативного потенциала языковой системы для решения новых номинативных, коммуникативных и экспрессивных потребностей говорящих, с одной стороны, а с другой стороны, наличие огромного числа факторов, разрешающих или запрещающих использование тех или иных единиц и тем самым ограничивающих эту бесконечность определенными типами, или моделями, по которым мысль может быть облечена в ту или иную форму.

Дериватологи, для которых проникновение в тайны этого выбора стало одним из важнейших путей раскрытия природы номинативных процессов и установления факторов, их регулирующих, давно отмечают наличие взаимосвязи между формально-структурными, этимологическими и другими характеристиками лексических единиц и активностью их использования в качестве производящих баз, вводя данные параметры в виде необходимых пунктов описания словообразовательных моделей. Уловить сложную природу взаимодействия словообразовательных средств и единиц лексикона, на базе которых строятся производные лексические единицы, была призвана и предложенная Е.С.Кубряковой анкета аффикса, Исходя из тезиса о том, что аффикс и производящая база являются «равноправными партнерами словообразовательной модели» (Кубрякова, Харитончик 1976, с. 202-203) и соответственно взаимообусловленными и взаимозависимыми партнерами, Е.С.Кубрякова настаивала на том, что описание аффикса должно включать все данные о сочетающихся с ним базах, в ее терминологии, основах. (Там же). Языковая реальность тем не менее воочию демонстрирует перед нами явную недостаточность указанных, несомненно, важных аспектов лексических единиц, сдерживающих или же, напротив, способствующих их словообразовательной активности. Перечисляя характеристики, которые должны войти составной частью в анкету аффикса, ранее упомянутые этимологические, фонетические и фонологические, морфемно-деривационные, разные типы семантической информации: общекатегориальные, грамматические, лексические свойства сочетающихся с аффиксом производящих баз наряду с индивидуальными значениями самого аффикса, Е.С. Кубрякова настаивала также и на том, что во внимание должна быть принята не только явная, но и неявная, имплицитная информация о сочетающихся единицах. О релевантности в процессах словообразования так называемых фоновых знаний, ассоциаций и разного рода дополнительных сведений, которые составляют лексический фон слова (Верещагин, Костомаров 1983, с. 57), коннотаций, а также действующих и в словообразовании прагматических факторов неоднократно писали и другие ученые. Однако только обращение к когнитивным основаниям деривационных процессов с целью выявления когнитивных стратегий номинации, видение значений лексических единиц как открытых и динамичных репрезентантов сложных концептуальных структур, запечатлевающих наш опыт и содержащих все богатство наших знаний о мире, позволяют расширить реестр значимых процедуральных моментов и важных семантических характеристик

(профилирование, центр(ы) когнитивной аттракции, салиентность, вхождение в нетаксономические объединения и др.), обуславливающих высокий или низкий словообразовательный потенциал лексических единиц. Главным моментом при этом становится интерпретация лексического значения языковой единицы как главного, ключевого элемента в словообразовании, с которым и связан, на мой взгляд, ее номинативный потенциал.

В последние десятилетия в лингвистике наблюдался отказ от значения как ключевого для лингвистической науки понятия и имело место обращение, под влиянием когнитивной науки, к концепту, ставшему на какой-то период времени главным объектом лингвистического поиска. Не подвергая анализу динамику лингвистических взглядов на соотношение значения и концепта, подчеркнем, что настоящее время характеризуется все больше и больше возвратом к трактовке значения и концепта как главных составляющих семиотического треугольника, как тесно связанных семиотической связью, но не идентичных друг другу сущностей. «Лексические единицы не могут быть просто приравнены к концептам», - пишет Ф.Кайль (Keil 1996, p. 194). **Значения лингвистической единицы лишь открывают доступ (give access, как подчеркивают Д. Крофт и А.Круз (Croft, Cruse 2004) к нашему ментальному миру, выступая, как отмечает Е.С.Кубрякова (Кубрякова 2004), в некоторой редуцированной форме его определенным репрезентантом, и являясь своеобразным окном в мир нашей психики. В одной из последних когнитивистских разработок, в частности, в модели лексических концептов и когнитивных моделей (а **Lexical Concepts and Cognitive Models Theory**) В.Эванз (Evans, 2006) мир языковых значений и концептуальный мир еще более разведены и моделируются в виде лексических концептов (мир языковых значений) и когнитивных моделей (концептуальный мир).**

Видение концепта как ментальной сущности, формируемой на основе нашей познавательной деятельности в ходе активного взаимодействия с окружающим нас миром, и значения как его репрезентанта, находящего ту или иную материализуемую форму выражения, позволяет не только установить истоки значения, но и, это главное в данном контексте, определить природу значения как многокомпонентной динамичной структуры.

Одним из главных, исходных положений семантики как науки является сегодня описание значения, прежде всего, лексического значения как идиосинкретической целостности, представляющей собой определенным образом структурированную совокупность семантических компонентов, или сем. Привлекает внимание то обстоятельство, что данная совокупность сем в имеющихся направлениях лексической семантики предстает как **статический** набор семантических компонентов, изменяющийся лишь во времени вследствие изменений нашего знания о свойствах и отношениях обозначаемых сущностей. Многовековая лексикографическая практика, призванная дать в первую очередь прагматически ориентированное синхронное описание лексикона, описание, главной, наиболее противоречивой и критикуемой частью которого является семантическая экспликация языковых единиц, в явной или скрытой форме следует данной концепции лексического значения и, более того, в значительной степени способствует

закреплению статического взгляда на значение, приводя в известной мере к определенной его консервации. Не подвергая сомнению историческую динамичность лексического значения, ученые тем не менее на синхронном срезе, т.е. в определенный момент времени, рассматривают его как стабильную структуру, которую и должны усвоить носители языка для успешной коммуникации. Тем самым разрывается связь значения с концептом, и значение лексической единицы превращается в изолированную от концепта ментальную сущность.

Некоторые сущностные характеристики значения, а именно, его изменчивость, с одной стороны, и вариативность, как индивидуальная (у разных носителей языка), так и контекстуальная (в разных коммуникативных ситуациях), с другой, позволяют подвергнуть сомнению интерпретацию значения как некой стабильной структуры, существующей и функционирующей вне связи с его источником – концептом.

Постепенно формируясь как результат приобретения некоторого опыта, в том числе определенной языковой компетенции и коммуникативных навыков, лексическое значение вследствие своей концептуальной природы представляет собой субъективную, индивидуальную сущность и варьируется от индивида к индивиду, отражая субъективность структур знания. Оно соответственно не тождественно и лексикографическим определениям. Фактором, указывающим на вариативность структур семантических компонентов, составляющих лексическое значение, является хорошо известная вариативность лексикографических дескрипций, которую легко наблюдать при сравнении лексикографических описаний в разных словарях. Включение в дефиницию одних семантических компонентов и опущение других нельзя, однако, трактовать как прихоти лексикографов. На мой взгляд, эта вариативность является следствием вариативности лексического значения и указанием на его диффузность и способность к модификациям, которые возникают в свою очередь как следствие определенной свободы выбора некоторых квантов знания из общей совокупности знания, заключенного в репрезентируемом значении концепте. Интересно также, что, как явствует из дефиниций значений, предлагаемых авторами современных словарей, наше обыденное знание мира сегодня включает в качестве своей важной составляющей и базовое научное знание.

Композиционная семантика как словесных единиц-дериватов, так и тем более свободных словосочетаний дает нам достаточно доказательств, что лексическое значение – не статическая, а динамическая структура.

Данная интерпретация лексического значения не противоречит наличию в структуре значения некоторого стабильного семантического ядра, благодаря которому достигается взаимопонимание, формируемого в результате многочисленных употреблений слов в различных и особенно аналогичных коммуникативных ситуациях, и соответственно существованию контекстуально свободных значений. Последние под влиянием новых коммуникативных ситуаций могут видоизменяться. Так как категориальные характеристики значения слова обусловлены концептуальной сферой, им репрезентируемой, именно классифицирующие компоненты в лексическом значении становятся стабильной, базисной, наименее изменчивой его составляющей, в то время как актуализируемые в разных кон-

текстах модифицирующие и оценочные семантические компоненты формируют динамическую орбиту модификаторов (именно они наиболее вариативны в лексикографических дефинициях).

Итак, мы настаиваем на том, что значение есть динамическая структура, динамичность которой проистекает из ее неразрывной связи с динамическим по своему характеру концептом и бесконечности коммуникативных ситуаций, в которых активируются разные составляющие концептуальной сферы, представителем которой и является значение.

Динамичность и открытость значения лексической единицы имеет значимые последствия для словообразования, значительно расширяя его номинативные ресурсы. Имея в качестве своего фундамента концептуальные структуры, хранящие полученные в ходе познания многочисленные знания о характеристиках объектов окружающего мира и их связях, словообразование может актуализировать по сути любой элемент этих структур, который приобретает по каким-то причинам в определенном контексте значимость, что соответственно найдет отражение в семантике соответствующих производных. Для доказательства данного тезиса нами были выбраны наименования лиц по родству, одна из семантически наиболее бедных групп слов, назначение которых заключается в установлении соответствующих отношений между лицами на базе их кровной связи или свойства. Ср. *брат* – ‘сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим детям’, *внук* – ‘сын сына или дочери’, *дочь* – ‘лицо женского пола по отношению к своим родителям’, *сын* – ‘лицо мужского пола по отношению к своим родителям’, *мать* – ‘женщина по отношению к своим детям’ (Ожегов, Шведова 1997) и т.д. Семантическая «бедность» единиц данной группы не означает, однако, бедности концептов, репрезентируемых терминами родства, особенно наиболее частотных из них (*отец* – 55652 вхождений, *мать* – 45942, *сын* – 28710, *брат* – 25820 и др.). (Национальный корпус русского языка). Об этом свидетельствуют производные от них прилагательные, в семантике которых доминирующими являются относительные значения. Однако богатство словосочетаний (*отцовский* – *ремень*, *сапог*, *дом*, *ящик*, *свитер*, *фотоаппарат*, *капитал*, *костюм*, *плащ*, *инстинкт*, *взгляд*, *задор*, *опыт*, *кабинет*, *колхоз*, *юбилей*, *самогон*, *отцовские качества* и многие другие, или *папин* – *отец*, *друг*, *кабинет*, *письменный стол*, *кожаный портфель*, *подарок*, *борщ*, *рассказ*, *семинар*, *взгляд*, *шепот*, *шофер*, *почерк*, *подарок* и многие другие (аналогичные примеры характерны для всех прилагательных, образованных от слов этой группы), а также неоднозначность семантической интерпретации словосочетаний с данными прилагательными, которая, по мнению Е.А.Земской, «в принципе не поддается точному учету» (Земская 1973, с.188) (ср. *папин подарок* – *подарок для папы*; *подарок*, *сделанный папой*, *подарок*, *обещанный папой*, и т.д. и т.п.) убеждают в том, что с указанными словами у говорящих связана в сознании широкая палитра знаний, детерминирующих возможности разнообразных сочетаний данных единиц. Еще более интересны данные прилагательные (типа *сыновний*, *отцовский*, *материнский*, *братский* и др.) в их качественном значении «свойственный тому, что обозначено производящей базой; такой, как». Поскольку в атрибутивных словосочетаниях их значения достаточно диффузны и зачастую достаточно неопределенны, мы выбрали сочетания с наречиями, наследующими

семантику прилагательных. Словосочетания типа *по-отцовски добр; рациональное и по-отцовски покровительственное (отношение); по-отцовски, приветливо; продолжал ласково, по-отцовски улыбаться; тепло, по-отцовски; по-отцовски доверчиво; по-отцовски нежно; по-отцовски, заботливо и любовно следил за успехами; относился по-доброму, по-отцовски; ... заботу проявляю, по-отцовски, а ты все мне подлости хочешь;* и одновременно *по-отцовски строго; уверенно и твердо, по-отцовски; А ты покруче с ним, по-отцовски и др.* (все примеры представляют собой реальные употребления и взяты из Национального корпуса русского языка) свидетельствуют о том, что слово *отец* в его прямом значении репрезентирует не только лицо, связанное с другим определенным типом отношения, но «вызывает к жизни» в соответствующих контекстах представление о заботливости, доброте, тепле, строгости, требовательности и других качествах лица, являющегося отцом. Аналогичным образом словосочетания типа *материнский она человек, хотя у нее никогда не было детей; материнский уход и ласка; по-матерински опекала его, заботясь; по-матерински тепло; по-матерински ласково; нежно, тихо, по-матерински погладила его низко стриженную жесткую голову; по-матерински благостно, всеблаготворно, попечительно и сочувственно; такая надежная и по-матерински преданная; на не по-матерински суровые прошедшие времена; по-матерински близко и ласково глядела; по-матерински похлопывала ее по плечу; она по-матерински беспокоилась; обессиленных клиентов она на руках, по-матерински, выносила на задворки* подчеркивают целый кластер признаков, связываемых с образом матери, ее прототипом, а может быть, даже идеалом. Идея чрезмерной опеки со стороны отца или матери передается в словосочетаниях *папин-мамин беспутный сынок; Вот такой навеки мамин сын в застегнутой доверху курточке с белым воротничком* и др. Наследуют определенные характеристики, ассоциируемые с сыном, дочерью, братом или сестрой и производные *сыновний, дочерний, братский, сестринский* и соответственно образованные от них наречия. Почтительность, послушание, согласие, дружба, отсутствие сексуальности и другие признаки, характерные для данных наименований лиц по родству, актуализируются в таких контекстах, как: *сыновне-дочерний почтительный трепет близкого отдаленя, существуют такие извечные понятия, как благородство, милосердие, сыновний и дочерний долг: Дружба эта носила совершенно братский характер: храпят они так дружно и согласно, что братский храп их... Братский это был поцелуй или не братский? Пожалуй, что только братский. Слишком легок, слишком воздушен; по-сестрински прикоснулась губами, попав в порядком отросшие бакенбарды; По-сестрински, можно сказать, ласкала.*

Еще большую свободу выбора самых разных характеристик для их актуализации в словообразовательных процессах открывает денотатная лексика, единицы которой характеризуются полипризнаковостью. См., например, прилагательные *волчий (волчья стая, волчьи следы, волчья шуба, волчий аппетит, волчий взгляд и др.), березовый (березовый лесок, березовый паркет, березовый веник и др.)* и им подобные. Ср. также производные от наименований животных в сербском языке (Божо Б. Ћориф в данной книге).

Необходимо отметить, что обеспечение вследствие концептуальной природы лексического значения широких возможностей для профилирования самых разных семантических компонентов значения, не препятствует существованию наиболее типичных контекстов, в которых актуализируются определенные компоненты значения, что позволяет выдвинуть предположение, что именно они являются салиентными, т.е. наиболее выделенными характеристиками обозначаемых сущностей.

В то же время наличие разветвленной системы словообразовательных средств создает условия для создания словообразовательных парадигм, соединяющих производные от одной и той же производящей базы (Земская 1978, Харитончик 1980), в которых, как правило, наблюдается семантическая противопоставленность, достигаемая или за счет аффикса, или за счет реализации разных сем производящей базы. Все это создает необходимые условия для успешного функционирования языка, в котором благодаря словообразованию возникают чрезвычайно экономные и в то же время адекватные средства выражения бесконечности нашей мысли.

Одновременно следует подчеркнуть, что признание концептуальной природы лексического значения, его постоянной и неразрывной связи с концептом и возможности профилирования любых составляющих концептуальной структуры как в ходе номинации, так и в процессе функционирования порождает множество новых и сложных проблем. Одной из причин трудности их решения, как справедливо подчеркивал И.Г.Милославский при обсуждении данной работы, является отсутствие должного метаязыка описания и, добавим, хорошо разработанных методов исследования. Полагаем, однако, что эти трудности будут со временем успешно преодолены, что соответственно поднимет уровень семантического описания словообразования на новую высоту.

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с
- Гумбольдт, Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию/ Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 399 с.
- Земская, Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании/ Е.А. . Земская // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения 1 –У111. – М.: Наука, 1978. – С. 63 – 77.
- Земская, Е.А./Е.А.Земская. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
- Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С.Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

- Кубрякова, Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е.С Кубрякова, З.А. Харитончик // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976,. С. 202 – 233.
- Национальный корпус русского языка /<http://ruscorpora.ru>
- Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И Ожегов и Н.Ю Шведова. 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
- Харитончик, З.А. Адъективная словообразовательная парадигма / З.А.Харитончик// Вопросы словообразования и фразообразования в германских языках. Сб науч. трудов. – М., 1980. Вып.164. – С.112–118.
- Croft, W. and D.A.Cruise. *Cognitive Linguistics* / W Croft and D.A.Cruise. – London: Cambridge University Press, 2004.-356 p.
- Evans, V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction / V. Evans. – *Cognitive Linguistics* 17 (4). – P.491 – 534.
- Keil, Frank C. Explanation, association and the acquisition of word meaning / Frank C. Keil // *The Acquisition of the Lexicon*, Ed. By Lila Gleitman, and Barbara Landau. – MIT Press, 1996. – P. 169 – 196.
- Motsch, W. Ein Plädoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexicons /W.Motsch // *Perspektiven der Wortbildungsforschung*.Hrsg. H.E.Brekle, D.Kastovsky. – Bonn,1977. S.180– 202.

Zinaida A. Kharitonchik

CONCEPTUAL NATURE OF LEXICAL MEANING
AS THE FOUNDATION OF LANGUAGE NAMING RESOURCES

Summary

Extensive nominative language resources are based on conceptual structures which hold knowledge of many properties and relations of the denotata and which are represented by meanings of lexical units. Due to the close and open-type relationship of the concept and the lexical meaning of a word any element of these structures which in some contexts acquires significance may get activated in word formation processes. This **results in numerous meanings of derived words**.

AMELA ŠEHOVIĆ*

FILOZOFSKI FAKULTET, SARAJEVO, BOSNA I HERCEGOVINA

UNIVERBACIJA U BOSANSKOM JEZIKU

Sažetak. U radu se istražuje univerbacija u bosanskom jeziku, a korpus istraživanja čine kako pisani izvori (časopisi, magazini, internetski portali, rječnici) tako i usmeni izvori prikupljeni ranijih godina tokom istraživanja leksike razgovornog bosanskog jezika. Imajući u vidu veliku zastupljenost univerba u različitim registrima, nastoji se utvrditi čime je motivirano njihovo javljanje u tako velikom broju a potom i izvršiti njihova klasifikacija.

Ključne riječi: bosanski jezik, razgovorni bosanski jezik, univerbacija, sufiksna derivacija, jezička ekonomičnost, ekspresivizacija leksike, univerbi, imenički univerbi, glagolski univerbi.

1. Uvod

Univerbacija je tvorbeni postupak o kojem u literaturi postoje neusaglašena mišljenja – kako u pogledu definiranja i određivanja granica njegova djelovanja¹ tako i u pogledu njegova imenovanja². Međutim, razlike u navedenim stavovima za istraživanje u ovom radu postaju značajne samo kada se dotiču načina našeg definiranja ove pojave, te će o njima i biti govoreno isključivo u tom kontekstu.

Općenito, „u slavističkoj nauci iskristalisalo se shvatanje da pod univerbacijom treba razumeti postupak kojim se neka sintagma preobražava u jednu reč uz učešće tvorbenog formanta (sufiksa)” (Ćorić 1996:61), te je to stanovište prihvaćeno i u ovom radu. Osim toga, u radovima većine autora isključivo se analiziraju univerbi nastali sufiksnom derivacijom (Ćorić 1991, 1996, Mamić 1997, Otašević 1997, Šehović 2009a, Šalina), a tako se postupa i ovdje, budući da uključivanje univerba nastalih kompozicijom, i to složeno-sufiksnom tvorbom³, u ovo istraživanje ne bi bilo produktivno imajući u vidu da su u razgovornom bosanskom jeziku najzastupljeniji primjeri univerba nastalih sufiksnom derivacijom. Naime, razgovorni bosanski jezik čini primarni korpus istraživanja, što je postupak motiviran činjenicom da se univerbacija, kao i sve druge aktualne pojave u jeziku, najjednostavnije uočava upravo u razgovornom

---

* e-mail: amela.sehovic@yahoo.com

¹ Up. npr. Ćorić 1991, 1996. i Ristić 2004.

² Dvije su forme najčešće – *univerbacija* (Ćorić 1995, 1996, Otašević 1997, Šehović 2009a) i *univerbizacija* (Ćorić 1991, Ristić 1995, 2004, Mamić 1997, Bugarski 2003, 2006).

³ Kako to čini S. Ristić (2004:193–194).

jeziku. U skladu s tim, u istraživanje su uključeni i rezultati anketa koje su provedene ranijih godina tokom istraživanja leksike razgovornog bosanskog jezika. Naravno, ne treba zapostaviti ni jezik sredstava informiranja, koja zasigurno imaju znatan utjecaj na pravce razvoja savremenog jezika. Za nas su od posebnog značaja štampani mediji poput časopisa, magazina i sl.⁴, koji, fiksirani u tekstu, omogućuju preciznu analizu uočenih jezičkih pojavnosti, ali i tekstovi na internetskim portalima, koji svjedoče o novim jezičkim kretnjima. Uostalom, u jezik medija općenito, pa tako i u jezik štampanih a naročito elektronskih medija, sve više prodiru elementi razgovornog jezika, zbog čega potreba za njihovim uključivanjem u ovo istraživanje postaje neupitna. S druge strane, kako se općenito smatra da leksikografi s velikim oprezom pristupaju univerbima, te ih u rječnike savremenog jezika unose tek kada su općerašireni, istražena je zastupljenost univerba u rječnicima bosanskog jezika⁵ kao i njihov status u njima.

2. Tendencije jezičke ekonomičnosti i ekspresivizacije leksike kao motivatori pojave univerba

Kada se istražuju univerbi, neizbježno se nameće i pitanje motivacije njihova nastanka. Neki autori smatraju da se univerbi kao jedinice sekundarne nominacije u jeziku javljaju „zato što se javlja potreba za davanjem svježeg, novog naziva onome što je u jeziku već dobilo svoje značenje” (Šanski 1981:65, prema Šalina). No, univerbi, kao sastavni dio razgovornog jezika, najbolje oslikavaju kontrast dviju suprotstavljenih tendencija koje u njemu vladaju – težnje da se govori što neposrednije i ekonomičnije, a, u isto vrijeme, što ekspresivnije⁶. Svođenje višečlane konstrukcije na monoleksemski ekvivalent (univerb) predstavlja realizaciju težnje ka jezičkoj ekonomičnosti⁷, koja se smatra neupitnom, za razliku od druge tendencije – ekspresivizacije univerbacijom zahvaćene leksike. Shvatanja autora ovdje su različita⁸, a mi smo mišljenja da univerbi u odnosu na polazišnu sintagmu razvijaju dodatno konotativno značenje, po čemu se mogu smatrati rezultatom težnje da se govori što ekspresivnije.

3. Imenički univerbi

Kada se proučavaju rezultati univerbacije u razgovornom bosanskom jeziku, istraživanjem je potvrđen najveći udio imeničkih univerba u odnosu na ostale vrste riječi

⁴ Analizirana su četiri broja časopisa *Gracija*, za koji će se u nastavku rada koristiti skraćenica G, pored koje će biti broj časopisa i stranice s koje je preuzet primjer, te po jedan broj časopisa *Azra* (skraćenica A), *Grazia* (skraćenica Gr) i *Magazin* (skraćenica M).

⁵ Potvrda je prvenstveno tražena u jednojezičnom rječniku standardnoga bosanskog jezika – Halilović – Palić – Šehović, *Rječnik bosanskoga jezika*, Filozofski fakultet, Sarajevo, 2010, za koji će se u nastavku rada upotrebljavati skraćenica RBJ, ali su konsultirani i rječnici supstandardnih jezičkih pojava u bosanskom jeziku – Saračević, Narcis, *Rječnik sarajevskog žargona*, Vrijeme, Zenica, 2003. (skraćenica RSŽ) i Šehović, Amela, „Rječnik”, u: *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*, Slavistički komitet, Sarajevo, 2009. (skraćenica GGS).

⁶ Više o tome u Zemskaja i dr. 1981:7.

⁷ O jezičkoj ekonomičnosti pisali su brojni lingvisti: Martine 1973:162, 167, Kurtene 1988:43, 89, Čorić 1996:60, Mamić 1997:74, Kopot.

⁸ B. Čorić univerbaciju posmatra kao primarno sredstvo racionalizacije u korištenju jezičkih sredstava (1996:61) dok je S. Ristić analizira kao sredstvo ekspresivizacije razgovorne leksike (1995:125, 2004:189).

(u prvom redu, glagole i pridjeve), što se podudara s rezultatima nekih ranijih istraživanja na ovu temu (Šehović 2009a). Među imeničkim univerbima najzastupljenije su izvedenice sa sljedećim sufiksima: *-ac*, *-āk* i *-jāk*, *-aner*, *-ica* (*-ice*), *-ić/-ič*, *-ka* (*-ke*).

3.1. Sufiks *-(a)c*

Ovaj sufiks u standardnome jeziku dijeli najveći broj funkcija sa sufiksom *-aš* (više o tome u Jahić – Halilović – Palić 2000:313–315), a u sastavu univerba ima smanjenu značenjsku divergenciju u odnosu na upotrebu u standardnom jeziku. Naime, ovaj sufiks u univerbima gotovo isključivo označava nositelje psihofizičkih karakteristika, nešto rjeđe predstavnike profesija (*administrativac*, *građevinac*, *komunalac*, *metalac*, *sanitarac*, *saobraćajac*) i različite pojmove (*dokumentarac*, *ferijalac*). U istraživanom korpusu s ovim su sufiksom zabilježene dvije grupe primjera.

Prvu grupu čine univerbi nastali od pridjeva, koji se dijele u dvije podgrupe: pridjeve okrnjene i pridjeve neokrnjene tvorbene osnove, na koju se dodaje sufiks *-(a)c*.

Od pridjeva okrnjene tvorbene osnove nastali su sljedeći univerbi: *administrativac* – „*razg.* onaj koji obavlja administrativne poslove, administrativni službenik; činovnik” (RBJ:3), *anonimac* – „*razg. pejor.* anonimna osoba, osoba bez imena, niko i ništa; bezimenjak, anonimus” (RBJ:21), *destruktivac* – „*razg.* onaj koji je destruktivan” (RBJ:176), odnosno „destruktivna osoba”, *dokumentarac* – „*razg.* dokumentarni film” (RBJ:210), *ferijalac* – „*razg.* putovanje u organizaciji ferijalnog društva” (RBJ:285), odnosno „ferijalno putovanje”, *genijalac* – „*razg.* 1. genijalna osoba; genij” (RBJ:309), *humanitarac* – „*razg.* onaj koji se bavi humanitarnim, dobrotvornim radom, humanitarni radnik” (RBJ:374), *intuitivac* – „*razg.* onaj koji postupa ili zaključuje na osnovu intuicije, koji ima snažnu intuiciju” (RBJ:397), odnosno „intuitivna osoba”, *komunalac* – „*razg.* onaj koji je zaposlen u nekom komunalnom preduzeću, komunalni radnik” (RBJ:525), *naivac* – „*2. razg. iron.* onaj koji vjeruje u sve ne postavljajući nikakva pitanja; naivčina” (RBJ:701), odnosno „naivna osoba”, *negativac* – „*razg.* onaj koji svojim osobinama i postupcima simbolizira sve negativno i nepoželjno, negativan lik (ob. u filmovima, romanima itd.)” (RBJ:739) (G 178:11, G 180:89), *pozitivac* – „*razg.* onaj koji je pozitivan (3) (*supr.* negativac)” (RBJ:991), *sanitarac* – „onaj koji radi u sanitarnoj službi” (RBJ:1173), odnosno „sanitarni radnik”, *senilac* – „*žarg.* senilna osoba” (GGs:244).

Drugu podgrupu čine univerbi nastali od pridjeva neokrnjene tvorbene osnove na koju se dodaje sufiks *-(a)c*: *prefriganac* – „*kol., ekspr. i pej.* prefrigan, lukav čovjek” (GGs:240), *smotanac* – „*razg.* onaj koji je smotan, nespretan, smušen; smušenjak, smotanko” (RBJ:1220), odnosno „smotana osoba”, *šasašavac* – „*razg.* onaj koji je šasašav; šasašavko” (RBJ:1287), odnosno „šasašava osoba”, *šlampavac* – „onaj koji je šlampav⁹” (RBJ:1298), odnosno „šlampava osoba”, *traljavac* – „*razg. pejor.* onaj koji je traljav” (RBJ:1341), odnosno „traljava osoba”, i *žgoljavac* – „*razg.* onaj koji je žgoljav; žgoljavko, žgoljo” (RBJ:1541), odnosno „žgoljava osoba”. Među navedenim primjerima dominiraju univerbi nastali od pridjeva na *-av*¹⁰.

⁹ Ovaj je univerb u navedenom izvoru dat bez upotrebne etikete, ali je zato pridjev *šlampav* označen *razg.*

¹⁰ Imeničke izvedenice sa sufiksom *-(a)c* nastale od pridjevskih osnova razmjerno često nastaju upravo od pridjeva na *-av* i *-iv*. Više o tome u Klajn 2003:53.

Drugu grupu univerba s ovim sufiksom čine univerbi nastali od imenica, a one znače predmet rada ili aktivnost (Klajn 2003:51) kao u sljedećim primjerima: *građevinač* – „*razg.* 2. onaj koji radi građevinske poslove” (RBJ:333), odnosno „građevinski radnik”, *metalac* – „*razg.* onaj koji radi u industriji metala, čiji je posao da obrađuje metal” (RBJ:646), odnosno „metalski radnik”, *saobraćajac* – „*razg.* policijski službenik koji regulira saobraćaj, saobraćajni policajac” (RBJ:1174)¹¹, odnosno, u drugim tumačenjima, univerbi s ovim sufiksom znače osobu koja se bavi onim što je u imeničkoj osnovi ili što je u vezi s tim (Babić 1986:59): *honorarac* – „*razg.* onaj koji radi za honorar” (RBJ:333), *sezonač* – „*razg.* sezonski radnik” (RBJ:1188), odnosno „onaj koji radi samo tokom sezone”, *terenac* – „*razg.* onaj koji radi na terenu” (RBJ:1325), odnosno „terenski radnik”¹².

Izvedenice sa ovim sufiksom očito su veoma brojne, a naročito su produktivne sa pridjevskim i, nešto manje, s imeničkim osnovama.

3.2. Sufiksi na *-āk*

U istraživanom korpusu zabilježeni su univerbi sa sufiksom *-āk*, odnosno *-jāk*, pri čemu je drugi sufiks mnogo zastupljeniji.

3.2.1. Sufiks *-āk*: Univerbi nastali na ovaj način malobrojniji su u poređenju sa univerbima u čijoj tvorbi učestvuje sufiks *-jāk*. Zabilježena su dva: *buvljak* – „*žarg.* buvlja pijaca” (GGs:208) i *gornjak* – „*žarg.* gornji dio odjeće, ob. jakna” (GGs:217).

3.2.2. Sufiks *-jāk*: Ovaj je sufiks vrlo produktivan u razgovornom bosanskom jeziku, što potvrđuju brojni imenički univerbi nastali na ovaj način: *crnjak* – „*žarg.* crni humor” (RSŽ:53, GGS:208), „*žarg.* vic prožet bolesnim idejama, crni vic, crni humor” (RBJ:119), „crna kahva” (RSŽ:53), *dupljak* – „duplo (alkoholno) piće (u kafani)” (RSŽ:77), „*žarg.* dupli trolejbus” (GGs:212), *grupnjak* – „grupni seks, orgije” (RSŽ:103), *kožnjak* – „*žarg.* kožna jakna” (GGs:223), „*razg.* kožni kaput, jakna, bluza” (RBJ:544), *kulturnjak* – „*razg.* onaj koji radi, djeluje u sferi kulture, kulturni radnik” (RBJ:570), *lažnjak* – „*žarg.* općenito, ono što je lažno” (GGs:226), *minjak* – „*kol.* mini suknja” (GGs:229), *likovnjak* – „*razg.* likovni umjetnik” (RBJ:595), *narodnjak* – „2. *razg.* b. novokomponirana pjesma” (RBJ:720), odnosno „narodna muzika, pjesma”, *otkačenjak* – „*žarg.* onaj koji je otkaćen; ekscentrik, osobenjak” (RBJ:853), *perverznejak* – „onaj koji je perverznan” (RBJ:893), odnosno „perverzna osoba”, *slobodnjak* – „2. *razg.* onaj koji radi slobodno, izvan radne organizacije 4. *sport. žarg.* u nogometu, slobodni udarac 5. *šah.* slobodni pješak” (RBJ:1213), *teretnjak* – „teretno prijevozno sredstvo (automobil, kamion, voz, brod)” (RBJ:1326), *zabavnjak* – „2. *razg.* zabavna pjesma” (RBJ:1463) te *gumenjaci* (= gumene čizme)¹³ (G 178:51), rijedak primjer univerba s ovim sufiksom u isključivo množinskoj formi.

¹¹ Zanimljivo je da se u RBJ ovoj imenici dodaje i njen mocijski parnjak – *saobraćajka* (Ibidem), dok saobraćajke u značenju saobraćajne nesreće (Ćorić 1991:329) nema ni u jednom od konsultiranih rječnika iako se ova imenica u razgovornom bosanskom jeziku nesumnjivo upotrebljava upravo u tom značenju.

¹² Ovaj univerb ima i predmetno značenje – ‘terensko vozilo’ – koje nije zabilježeno u navedenom izvoru, ali je nesumnjivo da se u razgovornom bosanskom jeziku on upotrebljava i u ovom značenju.

¹³ Kod S. Babića preoblike za *gumenjak* su: *gumeni opanak*, *gumeni čamac* i *kola s gumenim kotačima* (1986:93).

Svi su univerbi ovog tipa izvedeni od pridjeva na *-n* i *-l*, čija se osnova jotira i kao takva ulazi u sastav imeničkog univerba, a većina zabilježenih primjera ima predmetnu semantiku. Univerbi koji označavaju lica manje su brojni, a označavaju predstavnike profesija (*kulturnjak*, *likovnjak*) i nositelje psihofizičkih karakteristika (*otkačenjak*, *perverznejak*).

3.3. Sufiks *-aner*

Većina istraživača tvorbe riječi smatra da ovaj imenički sufiks ne pripada tvorbenom inventaru standardnoga jezika¹⁴, ali je on relativno raširen u razgovornom jeziku, i to u često upotrebljavanim univerbiziranim izvedenicama koje označavaju bića i predmete: *avlijaner* (= avlijski pas, bez pedigree) (RSŽ:27), *fzikianer* – „žarg. fizički radnik” (GGŠ:214, RBJ:291), *perzijaner* – „razg. ćilim perzijske izrade; perzijski ćilim” (RBJ:893).

3.4. Sufiks *-ica (-ice)*

Jedan od najplodnijih imeničkih sufiksa, sufiks *-ica*, ima dvije dominantne funkcije – deminutivnu i mocijsku, koje nisu potvrđene u univerbima iz razgovornog bosanskog jezika, gdje se javlja u dva tipa univerbiziranih izvedenica (derivata). Prvi tip izvedenica s ovim sufiksom čine imenice čiji višečlani ekvivalent sadrži pridjev neokrnjene tvorbene osnove¹⁵ kao polazište u tvorbi izvedenice, što je slučaj u sljedećim primjerima: *čađavica* – „razg. pejor. čađava prostorija” (RBJ:125), *slatkica* – „razg. hip. slatka, ljupka, umiljata djevojčica ili djevojka” (RBJ:1209) i *naslovnica* – „prva, naslovna stranica novina ili knjige” (RBJ:723, G 178:23, G 179:80). Posljednja je imenica rijedak primjer univerba prihvaćenog u standardnojezičkoj normi, na šta ukazuje i činjenica da je u jednotomnom rječniku standardnoga bosanskog jezika, za razliku od većine univerba nastalih sufiksalsnom derivacijom, bez ikakve upotrebne etikete. S druge strane, imenica *minica* – „mini suknja” (RSŽ:159, GGŠ:229, Gr 8:12) također je motivirana pridjevom neokrnjene tvorbene osnove, ali je on stranog porijekla i indeklinabilan, čime se izdvaja među navedenim primjerima univerba.

Drugi, mnogobrojniji tip u razgovornom bosanskom jeziku čine imenice čiji višečlani ekvivalent sadrži imenicu stranog porijekla kao polazište u tvorbi izvedenice. Ova kombinacija genetski različitih elemenata: korijen stranog porijekla + sufiks domaćeg porijekla *-ica (-ice)* „može da bude uzrok stilske markiranosti izvedenice” (Ćorić 1995:106), što i jest slučaj u sljedećim primjerima, koji mahom imaju predmetnu semantiku i najčešće označavaju odjeću, obuću i modne dodatke: *birkinica* (= tašna marke „Birkin”) (“Sve birkinice u vlasništvu Victorije Beckham”, 14. 1. 2012), *manolice* (= cipele marke „Manolo Blahnik”) (“Manolice za noge poput remek djela”), *singerica* – „razg. šivaća mašina marke ‘Singer’...” (RBJ:1193), *oxfordice* (= tzv. Oxford cipele) (G 179:52, Gr 8:40), *oxfordice* (A 782:42). Posljednji primjer, u kojem nije izvršena transfonemizacija korijena, svjedoči o povećanom utjecaju engleskog

¹⁴ V. Babić 1991, Klajn 2003, Ćorić 1996, za razliku od R. Bugarskog, koji svoju tvrdnju da „ovaj nastavak u jezičkom standardu uglavnom označava poreklo” dokazuje primjerima leksema *lipicaner*, *perzijaner*, *Afrikaner*, *čirkuzaner* (Bugarski 2006:106).

¹⁵ Najčešće su osnove na *-n* ali i one koje završavaju na *-av*, *-iv*, *-lživ*.

jezika na sve jezičke realizacije¹⁶ ali i o sve prisutnijem fenomenu „liberalizacije norme u jeziku javne upotrebe” (Ristić 2006:15), čiji je pokazatelj npr. i sve rasprostranjenija upotreba imenice *presica* (= pres-konferencija) u televizijskim emisijama. Od polusloženičkog spoja dviju imenica nastao je i univerb *termosica* – „*razg.*, v. termos-boca” (RBJ:1327).

U rjedim slučajevima ovaj tip univerba može označavati i lica: *Spajsice* (= članice grupe „Spice Girls”) (A 782:23).

3.5. Sufiks *-ić/-ić*

Imenice s ovim sufiksom¹⁷ motivirane su pridjevima okrnjene tvorbene osnove: *crtić* – „*razg.* crtani film” (RBJ:120), *krimiće* – „*žarg.* kriminalistički roman ili film” (RBJ:553), *ljubiće* – „*žarg.* ljubavni roman ili film čiji je sadržaj lagan i nezahtjevan, bez velikih umjetničkih pretenzija” (RBJ:611), *pornić* – „*žarg.* roman ili film pornografskog sadržaja” (RBJ:964), odnosno „pornografski roman ili film”. Za razliku od navedenih primjera, u standardnom se jeziku imenice sa ovim sufiksom koje su motivirane pridjevima izvode od pridjeva neokrnjene osnove (v. Babić 1986:172). Ovi se univerbi, pak, odlikuju sniženom markiranošću, što se onda manifestira i u leksikografskoj odrednici *žargonski*, koja im se pridaje u većini primjera. Jedini primjer u kojem je u sastav univerba ušla neokrnjena pridjevska osnova jeste primjer imenice *miniće* – „*kol.* mini suknja” (GGs:229), motivirane indeklinabilnim pridjevom stranog porijekla *mini*, što je tvorbena posebnost ovog univerba.

3.6. Sufiks *-ka (-ke)*

Imenički univerbi s ovim sufiksom pripadaju dvama tipovima: prvi čine „izvedene imenice *semantički* motivisane sintagmama atributivnog karaktera” (Ćorić 1991:331), a drugi imenice izvedene od indeklinabilnog diferencijalnoga konstituenta sintagme (Ibidem), ili, u našoj interpretaciji, imenice izvedene od pridjeva¹⁸ i imenice izvedene od drugih imenica.

Primjeri prvog tipa imeničkih univerba sa sufiksom *-ka (-ke)* u ulozi diferencijalnoga konstituenta sadrže pridjevski član u najvećem broju primjera okrnjene tvorbene osnove: *civilka* – „*žarg.* civilno odijelo” (GGs:208), „*razg.* civilno odijelo, ob. ono koje se oblači nakon odsluženja vojnog roka” (RBJ:115), *motorka* – „1. *razg.* motorna pila” (RBJ:673), *neonka*¹⁹ – „*razg.* neonska svjetiljka” (RBJ:748), *nuklearka* – „*razg.* nuklearna elektrana” (RBJ:778), *salonke* (= salonske cipele) (G 179:57, Gr 8:4, 5, 55), od čega je jedini zabilježeni izuzetak imenica *halogenka* – „halogena sijalica, lampa” (RBJ:353), čiji je pridjevski član neokrnjene tvorbene osnove.

Drugu grupu imeničkih univerba sa sufiksom *-ka (-ke)* čine sljedeći primjeri: *hulahupke* – „*razg.* ženske čarape i gaćice u jednom komadu; hulahup-čarape” (RBJ:373),

¹⁶ Nešto više o tome u Šehović 2009b.

¹⁷ U *Rječniku bosanskoga jezika* (RBJ) sve su ove imenice date s dužinom na sufiksu, ali se u govornoj praksi ovi univerbi sve češće izgovaraju i bez postakcenatske dužine.

¹⁸ Različita su mišljenja lingvista o tome koliko je ovaj sufiks plodan kada se od njega tvore imenice izvedene od pridjevske osnove. S. Babić ga smatra plodnim (1986:244), za razliku od I. Klajna, koji mu odriče ovo svojstvo (2003:134).

¹⁹ Više o ovom primjeru u Ćorić 1991:329–331.

odnosno *hulahopke* (M 55:24), *najlonka* – „(ob. mn.) *razg.* ženska čarapa koja je izrađena od najlona ili kakva sličnog materijala” (RBJ:702), odnosno „najlon-čarapa”, *termoska* – „*razg.*, v. termos-boca” (RBJ:1327). Naročitu pažnju izaziva primjer *vizitka*, u *Rječniku bosanskoga jezika* (RBJ) dat kao sinonim razgovornoj formi *vizitkarta* (RBJ:1440), koji nesumnjivo pripada ovoj grupi univerba bez obzira na način njegova pisanja²⁰. Osim toga, unutar ove grupe univerba izdvajaju se primjeri u kojima je imenica iz stranog jezika (engleskog) poslužila kao polazište u tvorbi izvedenice: *leviske* – „farmerke marke 'Levi's'” (GGs:226), *martinke*²¹ (= čizme marke „Dr. Martens”) (Gr 8:40), *rejbanke* (= naočale „Ray Ban”) (“Damir Kojašević odabrao rejbanke”, 13. 9. 2011), *starke* (= tene „All star”) (Gr 8:41).

No, nezavisno od toga kojem tipu izvedenih imenica pripadaju, svi navedeni imenički univerbi imaju predmetnu semantiku.

4. Tvorbena sinonimija kod imeničkih univerba

Iako je to u izvjesnoj suprotnosti sa zakonom jezičke ekonomičnosti, pojedini imenički univerbi međusobno razvijaju odnos tvorbene sinonimije. Takvi su, npr. imenički univerbi sa sljedećim parovima sufiksa: *-ica* : *-ka* (*termosica*, *termoska* – RBJ:1327), odnosno *-ice* : *-ke* (*levisice*²², *leviske* – GGS:226). Tvorbeno su posebno zanimljivi imenički univerbi izvedeni uz pomoć tri moguća tvorbena formanta (*-ica* : *-jāk* : *-iĉ*): *minica* (RSŽ:159, GGS:229), *minjak* (GGs:229), *minić* (GGs:229). Ukoliko bismo tražili objašnjenje uočenoj pojavi, mogli bismo ga tražiti u učestalosti s kojom se predmeti označeni univerbima upotrebljavaju u svakodnevnom životu – zasigurno se dva ili tri tvorbena formanta dodana na istu osnovu ne bi ni pojavila u slučaju nekog rijetko upotrebljavanog predmeta. Naime, poznato je da se većim brojem formi (makar i tvorbenih) za jedan pojam ukazuje na važnost tog pojma za određenu zajednicu.

5. Značenjska polivalentnost imeničkih univerba

Kako je sufiks *-jāk* polivalentan, nije nikakvo iznenađenje što među imeničkim univerbima koji razvijaju više značenja upravo dominiraju primjeri izvedeni ovim sufiksom (*crnjak*, *dupljak*, *slobodnjak*), što potencijalno može dovesti do otežanog razumijevanja konkretnog značenja pojedinog univerba. Međutim, sve moguće probleme ovog tipa otklanja kontekst u kojem se neki univerb upotrebljava, zbog čega značenjsku polivalentnost izvjesnog broja imeničkih univerba ne treba smatrati njihovim nedostatkom nego pokušajem njihova značenjskog obogaćivanja.

6. Glagolski univerbi

U dostupnoj literaturi glagolski su univerbi rijetko predmet analize,²³ a razlog tome zasigurno je i znatno manji broj glagolskih univerba i sufiksa kojima se izvode u poređenju sa imeničkim. Među zabilježenim primjerima zastupljena su dva sufiksa: *-ira(ti)* i *-isa(ti)*.

²⁰ R. Bugarski npr. ovu imenicu piše odvojeno: *vizit karta* (Bugarski 2006:80).

²¹ U istom je časopisu čak zabilježena i skraćena varijanta ovog univerba – *marte* (Gr 8:40).

²² Ovaj je univerb tipičan za hrvatski jezik, ali se on nesumnjivo upotrebljava i u bosanskom jeziku, iako s manjom učestalošću.

²³ Jedini izuzetak čine istraživanja S. Ristić u toj oblasti (1995:131, 2004:195).

6.1. Sufiks *-ira-*

Ovaj je tvorbeni formant zastupljen u velikom broju glagolskih univerba u razgovornom bosanskom jeziku: *brendirati* (= stvarati brend od nečega, potencijalno i od nekoga) (G 179:56), *imejlirati* – „neol. poslati poruku elektronskom poštom” (GGS:219), odnosno „poslati e-mail (i-mejl)”, *keširati* – „žarg. i neol. općenito, platiti gotovinom (kešom)” (GGS:222), *taksirati* – „voziti taksi” (RBJ:1314).

Ovim primjerima treba dodati i tri glagolska univerba koja je autorica rada nedavno čula u usmenoj komunikaciji odnosno na radiju – prvi je glagol *komplimentirati* u značenju 'izricati/izreći komplimente, ob. na račun fizičkog izgleda', na temelju kojeg je nastao prefiksalni glagol svršenog vida *iskomplimentirati*, upotrijebljen u rečenici „Samo da si vidjela kako mi je iskomplimentirao što frizuru što izgled!”. Iako normativisti ne podržavaju prefiksaciju glagola na *-irati*, ova je tendencija očito veoma raširena u razgovornom jeziku. Glagol *stresirati se* u značenju 'biti pod stresom' u usmenoj komunikaciji upotrijebila je mlada djevojka opisujući vlastite pripreme pred vjenčanje, čemu je slijedio zaključak kako se ona više neće stresirati. Treći je primjer zabilježen 10. maja 2012. godine u poslijepodnevnoj emisiji Radija „Stari Grad”, a to je glagol *biciklirati* u značenju 'voziti bicikl' – radijska je voditeljica preporučila ovaj vid rekreacije za prevladavanje svakodnevnog stresa.

Kako je već ranije uočeno, navedeni su „glagolski univerbi (su) nastali sufiksalsnom derivacijom motivacione osnove za koju se uzima priloška odredba ili objekat iz složenog ekvivalenta” (Ristić, 1995:131, 2004:195), pri čemu je motivaciona osnova stranog porijekla (u skladu sa savremenim tendencijama, najčešće iz engleskog jezika) i pretežno predstavlja imenice čija je pojava ili upotreba relativno²⁴ novijeg datuma. Na taj način nastaju glagoli čija su oba sastavna dijela – i motivaciona osnova i sufiks – stranog porijekla.

6.2. Sufiks *-isa-*

Broj glagolskih univerba u kojima se ostvaruje ovaj tvorbeni formant znatno je manji u poređenju sa sufiksom *-ira-*. Razlog tome može biti i činjenica da osnove stranog porijekla, koje dominiraju u glagolskim univerbima u razgovornom jeziku, lakše primaju sufikse istog porijekla²⁵, čemu idu u prilog i zabilježeni primjeri glagolskih univerba neologizama navedeni u prethodnom odjeljku. S druge strane, kombinacija motivacione osnove stranog porijekla i sufiksa *-isa(ti)* u glagolskim univerbima iz razgovornog jezika nije tako česta, a jedini je njen primjer zabilježen u usmenoj komunikaciji – glagol *silikonisati se*, u značenju 'ugraditi silikone, ob. silikonske grudi', upotrijebljen u opisu savremene muzičke scene, na kojoj se „sve pjevačice (se) silikonisu”. Konotacija ove izvedenice stilski je sniženo markirana i u sebe uključuje snažno izraženu notu pejorativnosti.

²⁴ Imajući u vidu da je kriterij „novine” dosta nepouzdan. Više o tome u Šehović 2009a:135–136.

²⁵ Ovaj zaključak podrazumijeva da sufiks *-isa(ti)* smatramo domaćim sufiksom, što je stav koji izriče i I. Klajn (2003:339). Prema njegovu mišljenju sufiks *-isati*, iako grčkog porijekla, treba prije svrstati u domaće nego među strane sufikse, za šta navodi brojne argumente (Ibidem:339–342).

7. Zaključak

U razgovornom bosanskom jeziku značajno mjesto zauzima univerbacija – tvorbeni postupak koji je istovremeno i sredstvo ostvarenja težnje ka jezičkoj ekonomičnosti ali i sredstvo ekspresivizacije njim obuhvaćene leksike. Univerbi u bosanskom jeziku najčešće nastaju sufiksalsnom derivacijom, a najzastupljenije su dvije kategorije – imenički i glagolski univerbi. Imenički se ostvaruju sufiksima *-ac*, *-āk/-jāk*, *-ica* (*-ice*), *-ič/-ić*, *-ka* (*-ke*) i sufiksom *-aner*, koji ne pripada sufiksima standardnog jezika, glagolski se tvore sufiksima *-ira-* i *-isa-*, a i jedni i drugi se upotrebljavaju u svakodnevnoj komunikaciji, odakle su se proširili i u druge jezičke realizacije.

IZVORI

a) Rječnici

Halilović, Senahid, Palić, Ismail, Šehović, Amela (2010) *Rječnik bosanskoga jezika*, Filozofski fakultet, Sarajevo.

Saračević, Narcis (2003) *Rječnik sarajevskog žargona*, Vrijeme, Zenica.

Šehović, Amela (2009) „Rječnik”, *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*, Slavistički komitet, Sarajevo, str. 205–307.

b) Časopisi

Azra, broj 782 (22. 2. 2012).

Gracija, brojevi 178 (3. 2. 2012), 179 (17. 2. 2012), 180 (2. 3. 2012), 181 (16. 3. 2012).

Grazia, broj 8 (maj/svibanj 2012).

Magazine, broj 55, maj/svibanj 2012.

LITERATURA

a)

Babić, Stjepan (1986) *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku: Nacrt za gramatiku*, JAZU – Globus, Zagreb.

Babić, Stjepan (1991) *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, HAZU, Zagreb.

Bugarški, Ranko (2003) *Žargon: lingvistička studija*, Čigoja štampa, Beograd.

Bugarški, Ranko (2006) *Žargon: lingvistička studija*, drugo, prerađeno i prošireno izdanje, Čigoja štampa, Beograd.

Ćorić, Božo (1991) „O nekim tvorbenim modelima sa stanovišta jezičke ekonomije”, *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 20/2, str. 325–334, Međunarodni slavistički centar, Beograd.

Ćorić, Božo (1995) „Stilistički aspekti derivacije”, *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 23/2, str. 103–108, Međunarodni slavistički centar, Beograd.

- Ćorić, Božo (1996) „O sufiksionalnoj univerbaciji u srpskom jeziku”, *Srpski jezik*, I/1–2, str. 60–64, Beograd.
- Halilović, Senahid, Tanović, Ilijas, Šehović, Amela (2009) *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*, Slavistički komitet, Sarajevo.
- Jahić, Dževad, Halilović, Senahid, Palić, Ismail (2000) *Gramatika bosanskoga jezika*, Dom štampe, Zenica.
- Klajn, Ivan (2003) *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Drugi deo – sufiksacija i konverzija*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva – Institut za srpski jezik SANU – Matica srpska, Beograd – Novi Sad.
- De Kurtene, Boduen (1988) *Lingvistički spisi*, Književna zajednica Novog Sada, Novi Sad.
- Mamić, Mile (1997) „Univerbizacija, njezini uzori i ograničenja”, *Prvi hrvatski slavistički kongres*, zbornik radova, str. 71–75, Hrvatsko filološko društvo, Zagreb.
- Martine, Andre (1973) *Jezik i funkcija*, Zavod za izdavanje udžbenika, Sarajevo.
- Otašević, Đorđe (1997) „Univerbacija”, *Naš jezik*, XXXII/1–2, str. 52–63.
- Ristić, Stana (1995) „Univerbizacija kao sredstvo ekspresivizacije razgovorne leksike”, *Južnoslovenski filolog*, knj. LI, str. 125–133, Beograd.
- Ristić, Stana (2004) *Ekspresivna leksika u srpskom jeziku*, Čigoja štampa, Beograd.
- Ristić, Stana (2006) *Raslojenost leksike srpskog jezika i leksička norma*, Institut za srpski jezik SANU, Beograd.
- Šehović, Amela (2009a) „Leksika razgovornoga bosanskog jezika”, u: *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*, Slavistički komitet, Sarajevo, str. 111–205.
- Šehović, Amela (2009b) „Mjesto i funkcija anglicizama u savremenom bosanskom jeziku”, *Pismo*, VII/1, str. 122–138.
- Zemskaja, E. A., Kitajgorodskaja, M. V., Širjajev, E. N. (1981) *Russkaja razgovornaja reč: Obščie voprosi. Slovoobrazovanie. Sintaksis*, Nauka, Moskva.

b) Internetski izvori

- Kopotъ, L. V. „Univerbacija kak javlenije slovoobrazovanija s točki zrenija socio-lingvistiki”, dostupno na: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/508/kopot2007_3.pdf (stranica posjećena 2. 3. 2012)
- Šalina, L. V. „Univerbacija kak aktivnij sposob obrazovanija slov v russkom jazike”, dostupno na: <http://neolexiling.narod.ru/Material/Konferenc/9.htm> (stranica posjećena 2. 3. 2012)
- „Damir Kojašević odabrao rejbanke” (13. 9. 2011), dostupno na: <http://www.bhfudbal.ba/> (stranica posjećena 23. 5. 2012)
- „Manolice za noge poput remek djela”, dostupno na: <http://www.modamo.info/> (stranica posjećena 23. 5. 2012)
- „Sve birkinice u vlasništvu Viktorije Beckham” (14. 1. 2012), dostupno na: <http://www.ljepota.ba/> (stranica posjećena 23. 5. 2012)

Amela Šehović

UNIVERBIERUNG IN DER BOSNISCHEN SPRACHE

Zusammenfassung

Eine wichtige Stelle in bosnischer Umgangssprache nimmt die suffixale Univerbierung ein – ein Wortbildungsverfahren, der zugleich Mittel zur Verwirklichung des Strebens nach Sprachökonomie als auch Mittel zur Expressivisation der dadurch umfassten Lexik darstellt. Die Univerbierungsergebnisse – die Univerbien – werden in der Arbeit in nominale und verbale (*-ira-*, *-isa-*) gegliedert, von denen die nominalen die zahlreicheren sind: *-ac*, *-āk*, *-jāk*, *-ica* (*-ice*), *-ič/-īć*, *-ka* (*-ke*), *-aner*. Diese Univerbien tragen der emotionaleren Tonalität der alltäglichen Kommunikation bei, in der sie meistens auch entstehen.

BARBARA ŠTEBIH GOLUB*

INSTITUT ZA HRVATSKI JEZIK I JEZIKOSLOVLJE, ZAGREB, HRVATSKA

OKAZIONALIZMI U HRVATSKOME PUBLICISTIČKOM STILU

Sažetak. U radu se iznose rezultati istraživanja uporabe okazionalizama provedenoga tijekom 2011. i 2012. godine na korpusu hrvatskih tiskanih i elektroničkih medija. Autorica prvo teorijski razrađuje uporabu naziva okazionalizam i raspravlja o prirodi prigodnica, a potom analizira ekscerpirane okazionalizme s obzirom na njihovu stilsku vrijednost i rečotvorbeni status.

Ključne riječi: okazionalizmi, publicistički stil, tvorba riječi.

1. Kako u jezikoslovnoj literaturi ne postoji suglasnost oko definiranja opsega i sadržaja pojma *okazionalizam*, smatramo da je na početku rada nužno njegovo definiranje.

U kroatističkoj se literaturi za, vrlo pojednostavljeno rečeno, „riječ za čiju uporabu postoji samo jedna potvrda“, rabe dva naziva: *hapaks* i *okazionalizam*. Prema Simeonovu *Rječniku lingvističkih naziva hapaks* jest „riječ, oblik, upotreba za koje imamo samo jedan primjer kod pisaca (osobito starih) ili u pojedinoga pisca“ (1969; I, 460), a *okazionalizam* „okazionalna upotreba riječi – slučajna ili prigodna upotreba riječi“ (1969: I, 957). Iz navedenih definicija nije razvidno je li riječ o istoj pojavi ili o sličnim pojavama. Naime, u kroatistici je uobičajeno da se okazionalizmom smatra riječ za koju postoji samo jedna potvrda (u pojedinog autora), a njezinu se uporabu može smatrati prigodnom (ne slučajnom, jer je tada riječ o hapaksu) zato što je skovana za potrebe određenoga teksta

V. Muhvić-Dimanovski (2005: 6) pišući o novotvorenicama u hrvatskome jeziku, nazive *hapaks*, *okazionalizam* i *prigodnica* rabi kao istoznačnice i smatra ih vrstom neologizama. Naime, ta autorica razlikuje dva temeljna tipa neologizama: denominativne i stilističke, a okazionalizmi pripadaju drugoj skupini. Osim što se razlikuju po osnovnoj motivaciji svojega postanka, stilistički neologizmi imaju vrlo male šanse da uđu u opću uporabu, no to ipak nije nemoguće. Naime, svaki je okazionalizam potencijalni neologizam ako je u skladu sa zakonitostima jezične tvorbe i ako je tvorbeni obrazac kojim se autor poslužio u tome trenutku aktivan odnosno produktivan.¹ Kao

---

* e-mail: bstebih@ihj.hr

¹ Muhvić-Dimanovski (2005: 7).

glavni kriterij pri određivanju što je neologizam, a što je okazionalizam autorica ističe vrijeme. Međutim, isto tako iznosi da je na pitanje koliko je vremena potrebno da bi se okazionalizam smatralo neologizmom, vrlo teško odgovoriti i da je svaki odgovor zapravo proizvoljno rješenje.²

U slovenistici se okazionalizmima (*priložnicama*) smatraju „besede ki jih govoreči delajo po običajnih besedotvornih vzorcih, zato jih naslovniki tuda razumejo“.³ Takve riječi, međutim, ne postaju dijelom općega jezika jer su ograničene na određeni kontekst.⁴

R. Dragičević (2011: 47) navodi da se u slavističkoj literaturi javljaju i djelomično preklapaju nazivi *individualizam*, *okazionalizam*, *neologizam*, *kovanica*, *hapaks* i *potencijalna riječ*. Donosi i da se okazionalizme obično definira kao individualne riječi (individualizme), ali da ih se i često veže uz neologizme. Kao glavni kriterij razlikovanja neologizama i okazionalizama R. Dragičević, kao i V. Muhvić-Dimanovski, ističe faktor vremena. Prema njoj su neologizmi „lekseme koje se u srpskom jeziku koriste poslednjih dvadesetak godine. Nije od značaja da li je ta leksema pozajmljena iz stranog jezika ili tvorena od domaćeg leksičkog materijala. Također, za definisanje ovog pojma nije od značaja ni to da li su tvorenice građene na uobičajen način ili na neuobičajen način.“⁵ Glavnim obilježjem okazionalizama smatra mali broj potvrda. Njezino se promišljanje, dakle, poklapa s onim V. Muhvić-Dimanovski.

Na isti problem preklapanja naziva neologizam i okazionalizam ukazuje i Đ. Otašević (2008.) koji donosi i termine iz ruske lingvistike: *okazionali neologizmi*, *individualno-autorski neologizmi*, *individualno-govorni neologizmi* itd. Prema njemu tri parametra za određivanje neologizama jesu vrijeme⁶, jezično prostranstvo⁷ i novina. Glede termina *okazionalizam* spominje da se u slavističkoj literaturi rabi posljednjih dvadesetak godina, no nema kod svih autora isto značenje. Đ. Otašević također spominje i da neki autori suprotstavljaju *potencijalne riječi*⁸ i *okazionalizme*: prema njima potencijalne riječi slijede tvorbene obrasce jezika, dok se okazionalizmi tvore „bilo u skladu sa neproduktivnim tvorbenim tipovima, bilo sa izvesnim odstupanjima od jezičkog tvorbenog tipa“.⁹ Dakle, glavni kriterij za razlikovanje *okazionalizama* i *potencijalnih riječi* jest stupanj uobičajenosti tvorbenog modela i tvorbenih sredstava: okazionalizmi su neuobičajeno tvoreni leksemi, dok su potencijalne riječi nastale po uobičajenim, općeprihvaćenim tvorbenim obrascima, vezanjem visokoproduktivnih

² Usp. Muhvić-Dimanovski (2005: 61).

³ Stramljič Breznik (2010: 355).

⁴ Ibid.

⁵ Dragičević (2009: 49).

⁶ „Neologizmi su nove reči određenog perioda u odnosu na neki od prethodnih perioda, odnosno, odnosno reči određenog perioda kojih nije bilo u prethodnim periodima.“ (Otašević, 2008: 40)

⁷ Odnosi se na područja i stilove uporabe neologizma, no pri tome je važno da je novotvorena dijelom leksika standardnog jezika.

⁸ Naziv *potencijalna riječ* uvodi Smirnicky, a razrađuje ga Zemka. Vrlo se često rabi među slavistima (Dokulil, Apresjan, Uluhanov, Kubrjakova, Petruhina, Golev, Otašević, Dragičević). Detaljnije v. Dragičević, 2011.

⁹ Otašević (2008: 65)

morfema sa velikim brojem tvorbenih osnova i upravo stoga imaju veće šanse da postanu uzualnim riječima.¹⁰

Uporaba naziva *potencijalna riječ* nije uobičajena u kroatistici. Naime, glavnim obilježjem okazionalizama se u kroatistici smatra njihova jedinstvenost, prigodnost, a ne tvorbeni struktura.

Na njemačkome se govornom području paralelno rabi više naziva: *Ad-hoc-Bildungen* (Hohenhaus, 1996.), *Textwörter* (Motsch, 2004.), *Augenblicksbildungen* (Elsen, 2004.), *Einmalbildungen* (Krieg, 2005.), *Gelegenheitsbildungen* (Siebold, 2000.). Već se iz njih samih može iščitati priroda okazionalizama: *Gelegenheits-/Augenblicksbildungen* – prigodnost i spontanost, *Einmalbildungen* – jedinstvenost, odnosno neponovljivost, *Textwörter* – ovisnost o kontekstu. Kao glavna obilježja okazionalizama navode se¹¹: jedinstvenost, osobite funkcije (koncentracija informacija, osobiti stilski efekti), ovisnost o kontekstu odnosno situaciji, odstupanje koje je osim na rječotvorbenoj moguće i na fonološkoj, morfološkoj i semantičkoj razini, te neleksikaliziranost. Upravo (ne)leksikaliziranost čini glavnu razliku u odnosu na neologizme. Naime, kao što naglašavaju W. Fleischer i I. Barz (1995: 24) između okazionalizama, kao neleksikaliziranih elemenata, i neologizama, kao leksikaliziranih elemenata, postoji veliko prijelazno područje. Neki od okazionalizama zaista ostaju na razini individualne, situativne uporabe, dok se drugi leksikaliziraju, što pak ovisi o čitavom nizu čimbenika kao što su potreba za takvim označiteljem unutar komunikacijske zajednice, tvorbeni regularnost okazionalizma, odnos prema konkurentnim označiteljima...

U germanistici se također kao jedan od glavnih kriterija za razlikovanje okazionalizama i neologizama ističe „novost“. W. Teubert (1998: 134) u tom kontekstu spominje paradoks da se o neologizmu može govoriti tek onda kada se određena riječ u određenom korpusu rabi duže vrijeme i s većom učestalošću – što znači da više nije nova.

U ovom će se radu pojmom *okazionalizam* označivati novotvorene riječi (nevažno odstupaju li od rječotvornih obrazaca hrvatskoga jezika ili ne) koje su potvrđene samo jednom, u neke novinskom tekstu s ciljem ostvarivanja određenih stilskih efekata (humor, začudnost).

2. Istraživanje čije rezultate iznosimo u ovome radu provedeno je tijekom 2011. i 2012. godine na korpusu sljedećih hrvatskih dnevnih novina: *Jutarnji list* (tiskano i elektroničko izdanje), *Večernji list* (tiskano i elektroničko izdanje), *Novi list* (elektroničko izdanje), *24 sata* (tiskano izdanje). Također je ekscerpirana građa iz tekstova sa sljedećih internetskih portala: www.index.hr, www.net.hr, www.dnevno.hr, www.tportal.hr i www.halter.hr.

Od ekscerpiranih okazionalizama 1, 66% potječe iz dnevnika *24 sata*, 1, 66% s portala www.index.hr, a 5% iz *Jutarnjeg lista*. Najveći broj okazionalizama, njih čak 91, 6% potječe iz elektroničkoga izdanja *Novoga lista*.

B. Tošović (2002: 250) unutar publicističkoga funkcionalnog stila razlikuje informativne i analitičke žanrove i pet podstilova. Svi okazionalizmi iz našega korpusa potječu iz tekstova koji pripadaju analitičkome ili književnopicističkome stilu tj.

¹⁰ Detaljnije v. Dragičević, 2011.

¹¹ Prema Tomášikova (2008: 247).

uglavnom kolumnama ili blogovima¹² kao vrstama koje omogućuju najveću autorsku slobodu i stilsku individualnost u izričaju.¹³ Riječ je dakle o tzv. novinarskim aktualizacijama tj. riječima stvorenima za određenu prigodu. Kao što, pišući o okazionalizmima u slovenskome publicističkome stilu, zaključuje I. Stramljič Breznik (2010: 257) „njihov aktualizacijski učinak izhaja tako iz sobestila kot iz uporabe besedotvornih vzorcev in sestavin. Pojavljo se pogosteje v vesteh, reportažah, prigradnih intervjujih ali v sicer močno avtorsko zasnovanih poročilih.“

Tematska analiza tekstova iz kojih potječe naša građa, pokazala je da ih se 44,3% bavi društvenim zbivanjima općenito (*antisapunista* ‚osoba koja mrzi sapunice‘: „Naime, riječ je o pripadnicima skupine građana koji bi željeli pogledati nešto smisleno na barem jednom od hrvatskih televizijskih kanala, a da se emitira u periodu od 20 do 22 sata i da nije riječ o sapunici. Nazovimo ih *antisapunistima*.“, www.index.hr, 12. 7. 2011.; *džepoljublje* ‚ljubav prema (vlastitome) džepu‘: „Hebrang, pak, drži da je najveći problem u tome što je u hrvatskoj politici sebeljublje i *džepoljublje* zamijenilo rodoljublje.“, *Jutarnji list*, 10. 12. 2011.; (*misa bezdušnica* ‚misa za Antu Pavelića‘: „*Misa bezdušnica* (naslov), *Novi list*, 30. 12. 2012.), 31, 6% politikom (*tuđmanoid* ‚biće nalik Franji Tuđmanu‘: „Ali hajde se snađi pa pronađi najvećega *tuđmanoida* među svima što se zaklinju da će njihova pobjeda istodobno značiti i uskrš tuđmanizma i okončanje kulta ličnosti i despotizma kakvi su u HDZ-u vladali nakon Tuđmanove smrti.“, *Novi list*, 6. 2. 2012.; *jarunac* ‚jedan od osnivača HDZ-a‘: „Revoltiran je Milan Kovač – barakaš, *jarunac*, saborski zastupnik HDZ-a, predsjednik Hrvatskog fonda za privatizaciju, ministar privatizacije i upravljanja imovinom, ministar za provođenje posebnih odnosa između RH i FBiH i odnosa s BiH (da, tako se to zvalo...), a potom i potpredsjednik Pašalićeva Hrvatskog bloka – što mu stranački vrh nije čestitao na ponovnom stjecanju HDZ-ove članske iskaznice, nego je verifikaciju njegova povratka u staro jato prepustio Visokom časnom sudu.“, *Novi list*, 29. 3. 2012.; *splitovođa* ‚građonačelnik Splita‘: „Ali kada znamo da poduzetni *splitovođa* na brdo iznad istoimenoga hotela gleda kao na buduće zidalište svojih vizija, a da se one ne mogu ostvariti bez prenamjene zaštićene park-šume u građevinsko zemljište, tada riječi Jure Šundova da Marjan ne može izgoriti nikome osim Kerumu zvuče prokleta ozbiljno.“, *Novi list*, 17. 8. 2011.), 15% politikom i društvom (*kerumovati* ‚ponašati se poput Željka Keruma‘: „Na konkretna pitanja o nepostojanju građevinske dozvole i uzimanju novca od kupaca za stanove bez potrebne dokumentacije, odgovarao je ludujuć i *kerumujući*: bjesneći na »politiku« zbog koje se nadležni činovnici boje izdati građevinsku dozvolu i prijeteći bankovnim službenicama koje ljudima otkrivaju poslovnu tajnu da te dozvole nema.“, *Novi list*, 30. 9. 2011.; *hadezenjara* ‚član HDZ-a‘: „Uostalom, taj su Zakon izglasali i SDP-ovci, a ne samo tvoje *hadezenjare*!“), *Novi list*, 1. 3. 2012.), a 1, 6% medijima (*vikend-dijagnostičar* ‚novinar koji se bavi prognoziranjem kakav će biti turistički promet vikendom‘: „Legalci će također – na užas *vikend-dijagnostičara* iz »Slobodne Dalmacije« – potpuno obezvrijediti i one genijalne turističke slogane »Tako lijepa, tako naša« i »Mediteran kakav je nekad bio« na koje »godišnje ‚padne‘ i nekoliko stotina

¹² O prirodi bloga i njegovu mjestu u suvremenim medijima v. Vobič, 2007.

¹³ Kao osobito vješt i plodan tvorac prigodnica pokazao se Predrag Lucić koji za *Novi list* piše kolumnu naslovljenu *Trafika Predraga Lucića*.

gostiju spremnih da potroše novac«, pa neka pučanstvo razmisli ima li u toj svojoj europskoj budućnosti ikakav razlog za veselje.“, *Novi list*, 4. 10. 2011.).

Kratka anketa provedena na pedesetak ispitanika pokazala je da je čak 40% okazionalizama iz našega korpusa razumljivo i bez konteksta (*džepoljublje*, *kunoljub*, *razjebant* ,onaj koji uvijek nešto razjebe‘: „*Razjebant* Čobanković“ (naslov), *Novi list*, 20. 8. 2011.; *parking-drum* ,parkiralište‘: „Budući da bi se teško otkrio ikakav pisani trag o Kerumovu vlasništvu nad park-šumom Marjan – koju splitski gradonačelnik ionako, bez ikakvih papira, pretvara u svoj *parking-drum* – Šundovljeve se optužbe mogu proglasiti morbidarijama.“, *Novi list*, 17. 8. 2011.), odnosno izvorni su govornici i bez poznavanja konteksta mogli pogoditi značenje okazionalizma. Značenje preostalih 60% prigodnica nisu mogli pretpostaviti bez poznavanja konteksta (npr. *hrvosferac* ,pravi, domoljubni Hrvat‘: „Neka znaju da *hrvosferca* Petrača – za razliku od njih jugosfernih – nikada nije zalijevala nikakva politika, o čemu svjedoči i njegova čisto literarna prosudba da će »knjiga dr. Franje Tuđmana ,S vjerom u samostalnu Hrvatsku‘ zacijelo ostati najznačajnijom knjigom 20. stoljeća za hrvatski narod«, *Novi list*, 12. 10. 2011.; *urinac* ,marinac koji urinira (po leševima neprijatelja)‘: „Marinci i *urinci*“ (naslov)¹⁴, *Novi list*, 13. 1. 2012.; *žrtvohlepec* ,onaj koji iskorištava žrtve‘: „A i Josip Jović bi mirnije počivao da umjesto svite iz crnih limuzina na njegov grob – kako je to u svome pokušaju obrane od najeзде *žrtvohlepaca* napisao pjesnik rođen na današnji dan prije 99 godina – ne dođe nitko do prijatelj drag.“, *Novi list*, 23. 03. 2012.). Dakle, na temelju našega korpusa moglo bi se zaključiti da je razumljivost isključivo iz konteksta jedno od bitnih obilježja okazionalizama, ali ne i obligatorno. Na njihovu razumljivost uvelike utječe i njihova tvorbena struktura: okazionalizmi izvedenice razumljiviji su od složenica ili kontaminata. Međutim, upravo kontekst prigodnicama koji su razumljive i izvan njega, daje njihov poseban stilistički efekt (humor, začudnost). Osim konteksta, za razumijevanje prigodnica često je potrebno i dobro poznavanje izvanjezične stvarnosti, tj. društvenih i političkih okolnosti, kulture jezične zajednice, pa čak i svjetonazora autora teksta.

U našem korpusu nalazimo veći broj tvorenicu čija je motivirajuća osnova osobno ime: *kosorijeknuti* (< Kosor), *kerumovati*, *kerumokracija* (< Kerum), *županderov* (župan + Sanaderov), *stepinoliki* (< Stepinac), *Šex* (< Šeks), *jurski i bobanski park* (< Jure i Boban), *Orbanistan* (< Orban), *Viktator* (< Viktor), *retuđmanizator*, *tuđmanoid*, *tuđmanotvorstvo* (< Tuđman), *haideroid* (< Haider), *kriptopašalićevac* (< Pašalić) i *potemkinijada* (< Potemkin). Stilska vrijednost takvih tvorenicu – u našem korpusu obično pejorativna ili deprecijativna – potječe od negativnih konotacija vezanih uz osobu čije je ime u osnovi, odnosno od autorova viđenja te osobe: *kosorijeknuti* ,glasno riknuti poput Jadranke Kosor‘ („Tek što je gospođa premijerka na proslavi 20. obljetnice osnutka 204. vukovarske brigade *kosorijeknula* da se »nikome neće dopustiti da revidira hrvatsku povijest«, pred njom se raskrili Mladi Jastrebovi kazavši da je »pored Srbije, i Bosna i Hercegovina izvršila agresiju na Hrvatsku«, te da to najzad »treba jasno reći.«“, *Novi list*, 26. 9. 2012.), *kerumovati* ,vladati na način Željka

¹⁴ Riječ je o skandalu koji je izbio nakon što su u javnost procurile fotografije američkih marinaca kako uriniraju po leševima ubijenih Afganistanaca.

Keruma¹⁵, *kerumokracija* ,način vladavine Željka Keruma‘ („*Kerumokracija* je time stekla zasluženno nacionalno priznanje i nadrasla status splitskog komunalnog problema koji je moguće riješiti samo metlama i lopatama. Jer Kerumovi se nisu dogodili samo Splitu nego i Hrvatskoj.“, *Novi list*, 9. 2. 2012.), *županderov* ,koji se odnosi na župana splitsko-dalmatinskoga Antu Sanadera‘ („Je li i franjevački provincijal, poput ostalih privatnih posjetitelja stranačkoga mini-sabora, aplaudirao toj kolosalnoj *županderovoj* gluposti?“, *Novi list*, 19. 10. 2012.), *stepinoliki*, nalik na A. Stepinca (blijedolik i mučenička izraza lica)‘ („Neka *stepinoliki* blaženik s »Dinamove« klupe nesmetano širi iluziju o svojoj svetosti i neka nastavi štrcati žuč po nezahvalnoj pastvi.“¹⁶, *Novi list*, 20. 10. 2011.), *Šex* („Ponašali su se biskupi poput Vladimira Šeksa koji je, u svojstvu predsjednika Hrvatskog sabora, izjavljivao kako je »duboko nesretan i žalostan što je pokrenut postupak protiv Branimira Glavaša«, pa je Božje čudo kako se nisu sjetili da toj svojoj komisiji nadjenu primjereniji naziv – »Iustitia et Šex«.“, *Novi list*, 11. 12. 2011.), *jurski i bobanski park* ,rezervat, poput onoga iz filma Jurski park, u kojem su uspjele preživjeti ideje iz doba Jure i Bobana‘ („Stoga samozvani dinosaur iz svoga *Jurskog & bobanskog parka* poručuje narodu koji je tako bandoglavu zajurio ući u Uniju, da se njihovi putovi dijele.“¹⁷, *Novi list*, 21. 12. 2012.), *Orbanistan* ,nerazvijena i primitivna zemlja kojom vlada diktator V. Orban‘ („Uz brojne transparente na kojima je stajalo ,Dosta je!‘, ,Orbanova diktatura‘, ,*Orbanistan*‘ te slično, prosvjednici su izvicali parole protiv vlade mađarskog premijera Viktora Orbana kojeg su nazivali ,*Viktator*‘.“, *Novi list*, 3. 1. 2012.), *tudmanoid*.

Analiza stilske obilježenosti okazionalizama u hrvatskome publicističkom stilu potvrdila je teorijsku pretpostavku da je riječ o tvorenicama čija je funkcija ponajprije stilistička, a ne denotativna. 38, 3% ih je ironično (*vodoproliče* ,besmisleno prolijevanje vode‘: „Eh, da nije bilo tog krvoproliča, na čemu bi se Kerum i njemu slični obogatili? Na *vodoproliču*, možda?“, *Novi list*, 14. 11. 2011.; *katakrizma* ,financijska katastrofa uzrokovana krizmom‘: „Tarifa za *katakrizmu*“ (naslov), *Novi list*, 30. 3. 2012.; *ministar Rankozy* ,ironično za ministra policije Ranka Ostojića prema N. Sarkozyju‘: „*Ministar Rankozy* (naslov) Već ovo je dovoljno da Ranko Ostojić, po uzoru na nekadašnjeg prvog policajca Francuske, ponese nadimak *Rankozy* i da ga se ne otrese sve i kada bi svojom savjetnicom za zaštitu ljudskih prava imenovao Esmu Redžepovu.“, *Novi list*, 30. 3. 2012.; *djecoljupčić* ,pedofil‘: „Ta se čvrsta vjera manifestirala u svakoj dosad otkrivenoj aferi svećeničkog zlostavljanja maloljetnika: od velečasnoga Ivana Čučeka, preko krčkoga *djecoljubičića* don Drage Ljubičića i prološkoga fra.“, *Novi list*, 16. 3. 2012.), 16, 6 % pejorativno (*premijerkahahaha* ,premijerka Jadranka Kosor‘: „Kad je nedavno hrvatska *premerkahahaha* Jadranka Kosor posjetila nekakav američki štand, uzela u ruke američku zastavicu te izustila još jednu u nizu svojih dubokoumnih poruka – »Welcome to America, welcome to Croatia!«, čovjek s osjetljivijim želucom mogao je osjetiti samo gađenje.“, *Novi list*, 21. 5. 2011.; *gradonačelnikov gradelnik* ,onaj koji gradonačelniku peče gradele‘: „Ali to istodobno – lijepo nas upozorava

¹⁵ Tekstualne primjere donosimo samo uz prvo spominjanje okazionalizma.

¹⁶ Riječ je o bivšem treneru NK *Dinamo*. Tema kolumne je katastrofalni poraz toga kluba u utakmici protiv *Ajaxa*.

¹⁷ „Samozvani dinosaur“ je A. Đapić, bivši predsjednik Hrvatske čiste stranke prava

gradonačelnikov gradelnik – može zvučati i vrlo ozbiljno.“, *Novi list*, 17. 8. 2011.; *zaplotnjaštvo* ,komplot koji se kuje iza plota, tajno“: „Nekoga oblije toplina zato što pamti da je ta stranka i nastala Tuđmanovim jarunskim komplotom protiv Veseličine grupe, pa u kontinuitetu *zaplotnjaštva* vidi jamstvo dugovječne budućnosti HDZ-a.“, *Novi list*, 3. 2. 2012.), 33, 3% ih je i ironično i pejorativno (*urinci; haideroid* ,biće nalik na J. Haidera“: „Nisu li i dosadašnje Vlahovljeve emisije – poput recimo one u kojoj se neki blazirani austrijski *haideroid* ostrvio na Tita ili onih u kojima su se javljali srpski šovinisti osrednje kategorije – naviještale dolazak jednako osrednjega Jovana Pejina“, *Novi list*, 22. 3. 2012.), a 13, 3% ih je skovano s namjerom da se ostvari efekt komičnosti (*nadravnopravan* ,onaj koji je ravnopravniji od ostalih“: „A ovako – budući da je današnja Hrvatska zemlja *nadravnopravnih* političkih siledžija – po novinama čitamo da je Josip Đakić, umjesto da podigne radnu knjižicu u saborskom tajništvu, podigao privatnu tužbu protiv HTV-ova urednika Aleksandra Stankovića kojom, u svojstvu predsjednika HVIDR-e, traži odštetu od 100 tisuća kuna s pripadajućim kamatama, jer je inkriminirani, u emisiji »Nedjeljom u 2«, »izrekao niz klevetničkih izjava kojima je nanio štetu ugledu i časti privatnog tužitelja, kao udruge hrvatskih branitelja.«, *Novi list*, 11. 7. 2011.)

Iako dio jezikoslovaca smatra da je nenormativnost jedno od glavnih obilježja okazionalizama, analiza našega korpusa ukazuje da nije tako. Naime, čak je 38% ekscerpiranih prigodnica tvoreno u skladu s rječotvorbenim sustavom hrvatskoga jezika. Preostalih 62% tvorenicu obuhvaća i one koje se smatraju nenormativnima sa stajališta hrvatskoga standardnog jezika, no koje su u nekim funkcionalnim stilovima (publicističkom, razgovornom) vrlo česte: juxtapozicije (*parking-drum*) i tvorenice koje su rezultat kontaminacije. Stoga se slažemo s Đ. Otaševićem (2008: 91) da „nepravilnost (nenormativnost) nije nepromenljiva kategorija, jednaka u svim slučajevima. Ona se može kolebati od upadljive nepravilnosti do jedva primetne, koja pre izaziva osećanje neobičnosti nego normativne nepravilnosti.“

Lingvisti koji okazionalizme definiraju u opoziciji prema potencijalnim riječima, tvorenice koje su u skladu s tvorbenim zakonitostima jezika, ne smatraju okazionalizmima, već potencijalnim riječima. Prema takvom poimanju 58% riječi koje smo mi uključili u svoj korpus, bile bi zapravo potencijalne riječi.

Mi se ne slažemo s takvim tumačenjem, već i tvorenice koje slijede tvorbeni pravila, no skovane su za određenu situaciju, obično razumljive tek iz konteksta i koje nisu leksikalizirane, također smatramo okazionalizmima. Upravo pri stvaranju takvih tvorenicu iznimno je velika uloga analogije. U leksikonu *Metzler-Lexikon Sprache*¹⁸ prigodnice se čak dijeli u dvije skupine: one koje slijede rječotvorbeni pravila, ali su razumljive tek iz konteksta, pa se u pravilu ne leksikaliziraju, i one koje su tvoreni analogijom.¹⁹

¹⁸ [Lexikon Sprache: Gelegenheitsbildung. Metzler Lexikon Sprache, S. 3319 (vgl. MLSpr, S. 235) (c) J.B. Metzler Verlag]

¹⁹ **Gelegenheitsbildung**

(auch: ad hoc-Bildung, Augenblicksbildung, Engl. nounce formation)

1. Neubildung, die zwar den Wortbildungsregeln folgt, aber nur aus der Situation verständlich ist, daher in der Regel nicht lexikalisiert wird, z.B. Erdbeergruppe 'diejenigen Schüler, die das Erdbeerbeet säubern sollen'.

Smatramo da unutar okazionalizama na čije je stvaranje utjecala analogija, možemo razlikovati dvije podskupine. Prvu čine okazionalizmi nastali analogijom prema već postojećim riječima, ali u skladu s rječotvorbenim pravilima hrvatskoga standardnog jezika: *razjebant* prema *zajebant*; *splitovođa* prema *vlakovođa*, *četovođa*; *strahoklepec* prema *stihoklepec*; *angloid*, *haideroid*, *tuđmanoid* prema *android*, *humanoid*, (*Josipovićevo*) *jasnosovlje*²⁰ prema *jezikoslovlje*, *mudroslovlje*; *stepinoliki* prema *majmunoliki*, *blijedoliki*; *vodoproliče* prema *krvoproliče*, *starež*²¹ 'organizacija staraca HDZ-a' prema *mladež*, *džepoljublje* prema *domoljublje*.

Drugu, u našem korpusu bitno manju skupinu čine riječi koje nisu tvorene regularno. Tvorbu takvih riječi Đ. Otašević (2008: 80) opisuje ovako: „Formant za tvorbu okazionalizama često je proizvoljno izdvojen segment konkretne reči. Granice ovog segmenta nije moguće predvideti. Analogija, koja u jeziku deluje kao faktor regularnosti, kod građenja okazionalizama po obrascu konkretne reči može da ima suprotno dejstvo. Tako obrazac može da bude zastarela ili okazionalna reč, ili je kopirani segment neproduktivna odnosno novostvorena morfema.“

U našem je korpusu samo pet takvih primjera: *bosnoslovan* („Ministar energetike Erdal Trhulj je sav ushićen tvrdio kako će Holandezi prekopati svaki milimetar Federacije, da bi se sada iz izjava nešto upućenijega direktora »Energoinvesta« Džemaila Kreševljaka, preko kojega je »Shell« i stigao do Sarajeva, dalo naslutiti kako se u federalnom podzemlju umjesto basnoslovnoga bogatstva možda krije još jedno *bosnoslovno* razočaranje.“, *Novi list*, 1. 12. 2011.), *čavoglavnik* („Toliko je puta Marko Perković Thompson u intervjuu Hrvatskom listu spomenuo Novi list da bi netko neupućen mogao pomisliti kako u ovim novinama ne pišemo ni o čemu osim o *čavoglavnikovim* poslovnim pothvatima.“, *Novi list*, 14. 5. 2012.), *hrvosferac*, *Šex*, *Zagrob* 'mjesto s onu stranu groba'.

B. Tafra i P. Košutar (2009: 93) riječi nastale analoškom tvorbom nazivaju *naličnicama*. Autorice tumače da „nova riječ može nastati prema već postojećem modelu“ i da je „analoška tvorba zaliha potencijalnih riječi“.²² Kao primjere navode *intranet* prema *internet*, *igroteka* prema *datoteka*, *kulturocid*, *urbicid* kao *suicid*, *gitarijada* kao *olimpijada*. U daljnjem tekstu nastavljaju: „Analoška je tvorba zaliha potencijalnih riječi, npr. nije iskorišteno, a moglo se, *kupkinja* (< *kupac*) kao *sutkinja* (< *sudac*), *bilježnikinja* (< *bilježnik*) kao *vojnkinja* (< *vojnika*).“²³ Iz navedenoga je teksta vidljivo kako definiranje analoške tvorbe i naličnica ovisi o autorovu poimanju analogije u jeziku. U *Metzler Lexikon Sprache* analoška se tvorba definira ovako: „Wortbildung durch Analogie, z. B. der liebe Gott behakenkreuzigte sich (K. Tucholsky). A. werden

2. Analogiebildung nach vorliegendem Muster, z.B. (als Transparentaufschrift) Dieses Haus wird behochzeitet. Die Analyse von G. gibt Aufschluß über die Produktivität von Wortbildungsmustern.

²⁰ Naslov teksta P. Lucića u *Novome listu* od 23. 9. 2011. Tema je izjava predsjednika Josipovića da u Haagu možda ne sjede pravi ljudi.

²¹ «Demokratski odlučim da sazovemo stranački skup u »Lisinskom«, baš tamo gdje je naš utemeljitelj organizirao onaj legendarni Prvi opći sabor HDZ-a, popnem se za govornicu u bijelom odijelu, praćen frenetičnim skandiranjem Mladeži i *Stareži*, tamburicama i filharmonijom, pa izvalim što mi prvo padne na pamet.» (*Novi list*, 2. 12. 2011.)

²² Tafra; Košutar (2009: 103).

²³ Ibid.

in direktem Bezug zu einem spezif. Wort (hier: bekreuzigen) gebildet unabhängig von dessen Bildungsweise (regulär wäre: behakenkreuzte sich). Insofern könnte man auch alle regulären Bildungen als A. auffassen, da es auch für diese immer ein spezif. Wort als Vorbild gibt. In der wiss. Lit. wird seit H. Pauls (1920, S. 106–120) berühmtem Buchkapitel ‘Analogie’ eine rege Diskussion geführt, ob Wortbildungsvorgänge ausschließl. durch Regeln, ausschließl. als A. oder durch beides zu kennzeichnen seien. In der psycholing. Forschung wird A. im Zusammenhang mit konnektionist. Lexikonmodellen (Konnexion) einem System von Regeln und Repräsentationen gegenübergestellt (Derwing & Skousen 1989).²⁴ U jezikoslovlju postoji suglasnost da je analogija jedno od osnovnih načela funkcioniranja jezičnoga sustava. Njezino je djelovanje osobito važno upravo u tvorbi riječi, pa bi se stoga načelno sve derivirane riječi mogle smatrati tipom naličnica. Mišljenja smo da riječi kao što su *kupkinja* i *bilježnikinja* nisu naličnice – ili su naličnice isto tako primjerice svi movirani femininumi. Upitnom smatramo i klasifikaciju riječi *kulturocid*, *urbicid* i *gitarijada* kao naličnica. Naime, *-ijada* je jedan od najčešćih sufiksâ pri tvorbi novotvorenica u hrvatskome jeziku, a karakteristika izvedenica ovim dometkom jest da znače kakvo masovno okupljanje (*biciklijada* ‘susret biciklista’, *bundevijada* ‘manifestacija na kojoj se pripremaju jela od bundeve’, *kestenijada* ‘susret na kojemu se peku kesteni’, *salamijada* ‘natjecanje za najbolju salamu’)²⁵. U suvremenome hrvatskom jeziku vrlo je česta i uporaba sufiksoida *-cid* za značenjem (masovnog) istrebljenja: *ekocid*, *etnocid*, *kulturocid*, *knjigocid*²⁶ i *-teka* sa značenjem zbirke, prostorije ili ustanove u kojoj se čuva kakva zbirka (*autoteka*, *vinoteka*, *videoteka*)²⁷. Iako su se možda prve tvorenice s tim sufiksom i sufiksoidima mogle smatrati naličnicama, sada bi zbog njihove masovnosti bilo vrlo teško reći što je nastalo u analogiji prema čemu: jesu li sve „ijade“ nastale prema *olimpijadi* ili je *bundevijada* nastala prema *biciklijadi* jer se *biciklijada* počela ranije organizirati? Riječ je jednostavno o vrlo plodnom tvorbenom obrascu u suvremenom jeziku, pa je takve riječi nazivati naličnicama jednako besmisleno kao i nazivati naličnicama muška *nomina agentis* s dometkom *-ar*.

Prema našem shvaćanju *naličnicama* valja nazivati samo one tvorenice za čiji je nastanak analogija glavni motivacijski čimbenik, čija je tvorba obično nepredvidiva²⁸, no upravo je analogija čimbenik regularnosti. Također smatramo da upravo zbog analogije kao glavnog motivacijskog čimbenika njihova nastanka (riječ je dakle o stilističkim, a ne o denominativnim tvorenicama), naličnice uglavnom ostaju na razini prigodnica i ne leksikaliziraju se. Čini se stoga da su mnoge prigodnice ujedno i naličnice, a mnoge naličnice ostaju prigodnice.

Prigodnice naličnice vrlo se često javljaju u istom kontekstu s riječju obrascem čime se omogućuje njihovo razumijevanje (osobito kod onih tvorenih neregularno) i

²⁴ Lexikon Sprache: Analogiebildung. Metzler Lexikon Sprache, S. 600 (vgl. MLSpr, S. 40) (c) J.B. Metzler Verlag.

²⁵ v. Muhvić-Dimanovski (2005: 98).

²⁶ Primjeri prema Muhvić-Dimanovski (2005: 99). Usp. i Klajn (2002: 163).

²⁷ v. Hrvatski jezični savjetnik (1999: 241) i Klajn (2002: 163).

²⁸ Dakle, ono što Đ. Otašević (2008: 91) opisuje ovako: «Forman za tvorbu okazionalizama često je proizvoljno izdvojen segment konkretne reči. Granice ovog segmenta nije moguće predvideti.»

ostvaruju stilistički efekti (humor, začudnost), a u slučajevima neregularnih naličnica to je često i jedini način za „dešifriranje“ njihova značenja („Naravno, i zato što Vi, gospodine Karamarko, znate da kod nas u Zagrobu ima više registriranih birača nego što u gradu Zagrebu ima živih stanovnika.“, *Novi list*, 7. 8. 2011.; „Ako ne vjerujete, uzmite mapu i pogledajte koliko je vaš grad udaljen od Kerumova *rodnog* ili njegova *rukovodnog* mjesta, pa će vam biti jasno u kakvoj nedodijji živite.“ *Novi list*, 14. 11. 2011.; „*Domoljub* ili *kunoljub*?“ (naslov, o Thompsonu), *24. sata*, 24. 4. 2012.; „Nisam ja cura“, odgovorio je *mališan* vremešnom *velišanu*“, *Novi list*, 11. 5. 2011.).

Već smo spomenuli kako su neregularno tvoreni okazionalizmi u našem korpusu uglavnom jukstapozicije (*kremen-Hrvati*, *parking-drum*, *vikend-dijagnostičar*) i tvorenice nastale kontaminacijom. Kako se o jukstapozicijama u hrvatskome jeziku već dosta pisalo (Muhvić-Dimanovski, 2005; Horvat, M.–Štebih Golub, B., 2009.; Horvat, M. –Štebih Golub, B., 2011.; S. Starčević, 2006), ovom ćemo se prigodom osvrnuti samo na tvorenice nastale kontaminacijom.

Metzler Lexikon Sprache s. v. Kontamination daje sljedeću definiciju takvih tvorenica:

„Kontamination (lat. contaminare ‘in Berührung bringen’. Auch: Blending, Kofferwort, Portmanteauwort, Wortkreuzung, Wortmischung, Wortverschmelzung, Zusammenziehung. Engl. amalgam, blend, contamination, crossing of words, fusion, hybrid, port-manteau word, telescoped word, frz. contamination, mot valise). Vermischung zweier Ausdrücke zu einem neuen Wort (a) in bewußter Absicht zur Erzielung bestimmter Wirkungen, z. B. tragikomisch aus tragisch - komisch, Stagflation aus Stagnation + Inflation, Medizyniker aus Mediziner + Zyniker; solche Bildungen werden bisweilen Teil des Wortschatzes; Lexikalisierung. (b) Als Sprechfehler, z.B. Der Ausdruck hat sich eingebildet (aus einbürgern und sich bilden), in dieser Vortragung (aus Vortrag und Vorlesung)²⁹.

U srbstici se takvim tvorenicama bavio R. Bugarski (2002.) koji smatra da je riječ o sociolingvistički motiviranom procesu tvorbe riječi koji izvorno potječe iz engleskoga jezika (*motel* < *motor* + *hotel*), a kakvog u srpskome (pa ni u hrvatskome) nije bilo do unazad desetak godina. Riječ je o tvorenicama gdje se „slivanjem prvog dela jedne reči i drugog dela druge obrazuje treća reč, koja i semantički predstavlja kombinaciju tih dveju“³⁰. Takvim je tvorenicama zajedničko da se sastoje od dviju osnova, da su mahom šaljivoga karaktera te da ih nalazimo u jeziku medija, osobito reklama. Bugarski takve tvorbe naziva *slivenicama*. E. Koriakowcewa (2006: 122–131) takve pojave objedinjuje pod nazivom *rječotvorna kompresija*.

U kroatistici se takvim tipom novotvorenica bavila V. Muhvić-Dimanovski (2005.). Tvorbeni način kojim nastaju naziva *sažimanje* ili *kontaminacija*, no za same tvorenice ne nudi hrvatski naziv, već samo navodi da se u engleskoj lingvističkoj terminologiji nazivaju *blends*. Napominje da se „u većini slučajeva sažimaju prvi dio jedne riječi i drugi dio druge riječi, s time da je kraj riječi obično zadnji slog druge riječi, ali ponekad i samo jedan fonem (ili grafem). U nekim se slučajevima zadnji slog, fonem

²⁹ *Lexikon Sprache: Kontamination. Metzler Lexikon Sprache*, str. 5034 (c) J.B. Metzler Verlag

³⁰ Bugarski (2002: 219)

ili grafem prve riječi poklapaju s prvim slogom, fonemom ili grafemom druge riječi i sažimaju se u cjelinu.”³¹

Takav tip tvorenica, nažalost, u svojem vrlo temeljitom radu o rječotvornim modelima u hrvatskom jeziku ne spominju B. Tafra i P. Košutar (2008.). Doduše, bave se **kraćenicama**, riječima koje su „rezultat tvorbenog procesa koji se najčešće naziva u literaturi skraćivanje, a koji obuhvaća sva moguća kraćenja od akpokopa do leksikaliziranih kratica”³², pa u tu skupinu ubrajaju primjere kao što su *Maspok*, *Kavkaz*, ali i *disko*, *crtić*, *čelo*, *ZET*. Sve su te riječi nastale kojekavim kraćenjima, ali i vrlo raznorodnim tvorbenim procesima (od tipičnih skraćenica kao što je *ZET*, do riječi nastalih univerbacijom kao što je *crtić* ili riječi *disko* koja je nastala elipsom, ali još u jeziku davatelju, pa u hrvatskome ima status posuđenice i nema smisla raspravljati o njezinu tvorbenom statusu). Tvorenice nastale kontaminacijom – dakle spajanjem dijelova dviju riječi pri čemu se u semantizmu novonastale riječ spajaju značenja obaju dijelova – s obzirom na model njihova nastanka i njihovu prirodu (kao što ističe Bugarski mahom šaljivu, humorističnu) ne uklapaju se ni u jednu od skupina koje spominju autorice. Kako je u temelju stranih naziva (*kontaminacija*, *blend*, *blends*) uvijek koncept spajanja, miješanja, stapanja, takve bi se tvorenice moglo nazivati **stopljenicama** (i forme i sadržaji dviju riječi stapaju se u jednu novu riječ) ili prema nazivu procesa kojim nastaju **kontaminatima**.

U našem su korpusu zabilježeni sljedeći tipovi stopljenica³³:

a) model koji R. Bugarski (2002: 223) naziva „klasičnim“: stapaju se prvi dio prve i drugi dio druge riječi.

A (ab) + B (cd) = C (ad) kao u primjerima *Viktator* (*Viktor* + *diktator*), *urinci* (*urinirati* + *marinci*), *Šex* (*Šeks* + *sex*).

b) u novu se riječ stapaju cijela prva riječ i drugi dio druge riječi.

A (ab) + B (cd) = C (abd) kao u primjerima *županderov* (*župan* + *Sanaderov*), *Rankozy* (*Ranko* + *Sarkozy*), *tuđmanotvorstvo* (*Tuđman* + *državotvorstvo*).

c) stapaju se prvi dio prve riječi i cijela druga riječ.

A (ab) + B (cd) = C (acd) kao u primjerima *katakrizma* (*kataklizma* + *krizma*), *lumpenkroatistički* (*lumpenproleterski* + *kroatistički*).

d) stapaju se cijela prva riječ i cijela druga riječ.

A (ab) + B (cd) = C (abcd) kao u primeru *premijerkahaha*³⁴.

U našem su korpusu zabilježena i dva primjera semantničke tvorbe tj. polisemizacije. Radi se o okazionalizmu *mazivo* ‘sve što se može maznuti (ukrasti)’ („A ja mislim da jesmo. Jer da nismo, ne bi ti meni sada tupio o MOL-u i Ini. Ispada da smo ratovali za dionice, za naftu i za benzin...

– Pa nismo samo za to...

– Nego još i za *maziva*.

³¹ Muhvić-Dimanovski (2005: 99).

³² Tafra; Košutar (2008: 102).

³³ Sve navedene tipove u sprskome već bilježi Bugarski, 2002.

³⁴ Riječ je, dakle, o vrlo neobičnoj tvorenici, koja će zasigurno ostati tek prigodnicom, čiji prvi dio čini imenica, a drugi uzvik.

– Kakva *maziva*?

– Za sve što se može maznuti.“, *Novi list*, 15.7. 2011.). U članku o kojem se raspravlja o prodaji hrvatske naftne kompanije INA, riječi *mazivo* koja u standardnome jeziku ima značenje ‘sredstvo za podmazivanje’ prema žargonskome značenju glagola *maznuti* ‘ukrasti’ dodaje se i značenje ‘sve što se može maznuti (ukrasti)’. Prema rječotvorbenim pravilima tvorenica bi zapravo trebala glasiti *maznivo, što se ne slaže s tvrdnjom Đ. Otaševića (2008: 89): „Okazionalno značenje sem toga, može biti „pripisano“ derivatu bez izmene njegove tvorbene strukture i uz čuvanje tvorbene osnove i značenja koje motivirše isti derivat. Leksičko značenje koje se pripisuje izvedenici potpuno odgovara njenom tvorbenom značenju, ali je takva leksička realizacija tvorbenog značenja neobična.“, no točno da do polisemantizacije dolazi na temelju prenesenog značenja glagola koji se uzima kao motivirajući.

Do takvoga tipa polisemantizacije (dakle uz rječotvorbenu nepravilnost) radi se i u primjeru *jurski* (*i bobanski*) *park*. Riječ je o aluziji na Spielbergov film *Jurski park* (dakle, mjestu gdje su preživjela pretpovijesna čudovišta) i fašističkoj pjesmi *Jure i Boban*³⁵. Osim što se radi o primjeru zanimljivom sa stajališta istraživanja tvorbe okazionalizama, primjer odlično oslikava i kako se prigodnicama može izraziti autorov svjetonazor.³⁶

Tvorbeno je zanimljiva i hibridna složenica *paxoljubivo*, nastala analogijom prema prilogu *miroljubivo* („Sjetimo se, msgr. Marin Srakić je na pitanje o Glavaševu izbornom angažmanu – iustitutivno i *paxoljubno* – izjavio: »Treba vidjeti što kaže zakon i ako on dopušta takvo što, ne vidim razloga zašto bi bilo tko od nas bio protiv toga.«, *Novi list*, 11. 12. 2011.). Naime, njezin se semantizam može iščitavati kao ‘na način da se ljubi komisija Iustitia et Pax’ ili pak ‘miroljubivo’³⁷. S obzirom na autorov kritični stav prema katoličkoj crkvi čini nam se da bi se značenja priloga najbolje moglo opisati kao ‘miroljubivo na način komisije Iustitia et Pax’.

Okazionalizam *Nebisešelmešati*, osmišljen kao Jarnjakov nadimak, („Pa recite mi šta da kažem? Šta?, uzrujao se Jarnjak, zvani *Nebisešelmešati*.“, *Novi list*, 13. 9. 2012.) nastao je srastanjem i onimizacijom.

3. Istraživanje okazionalizama u hrvatskome publicističkome stilu pokazalo je sljedeće:

a) Većina prigodnica potječe iz novinarskih vrsta koje pripadaju analitičkom i književnopicističkome podstilu (kolumne i blogovi) jer je autorska sloboda u njima najveća.

b) Okazionalizmi kao stilističke novotvorenice izrazito su stilski obojeni (pejorativnost, ironičnost, depreciativnost) i cilj im je ponajprije izazivanje pojedinih efekata (humor, začudnost). Oni su također izrazom autorova svjetonazora i stavova.

c) Usprkos svojem prigodnom karakteru čak ih je 40% razumljivo bez konteksta. S tvorbenog je stajališta najčešće riječ o izvedenicama, dok su složenice i stopljenice

³⁵ Posvećena zapovjednicima ustaške Crne legije Juri Francetiću i Rafaelu Bobanu.

³⁶ „Smještanje“ *Jure*, *Bobana* i njihovih sljedbenika u *park* s preživjelim pretpovijesnim čudovištima.

³⁷ lat. *pax* = mir.

govornicima bitno manje razumljive izvan konteksta. Ipak, za razumijevanje okazionalizama, i to ne samo njihova denotativnoga značenja, već ponajprije njihove stilističke vrijednosti, često je potrebno dobro poznavanje izvanjezične realnosti tj. društvenih i političkih prilika specifičnih za određenu jezičnu zajednicu.

d) Čak je 58% prigodnica iz našega korpusa tvoreno u skladu s rječotvorbenim pravilima hrvatskoga standardnog jezika. Među tvorenicama koje su sa stajališta hrvatskoga standardnog jezika neregularne, najčešće su jukstapozicije i stopljenice. S obzirom na raznolikost i učestalost stopljenica, valja ih smatrati novim rječotvorbenim modelom u hrvatskome.

e) Čak je 76% okazionalizama nastao analogijom prema već postojećim riječima. Kako bi ih se čitateljima učinilo semantički prozirnima i kako bi se postigli željeni stilski efekti, veoma ih se često donosi u istom kontekstu, istoj rečenici kao i riječi koje su bile uzorkom za analogiju.

LITERATURA

- Barić, Eugenija et al. 1999. *Hrvatski jezični savjetnik*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Bugarski, Ranko 2002. *Dve reči u jednoj: leksičke skrivalice*. u: Nova lica jezika. Beograd: Biblioteka 20. vek, str. 219–227.
- Dragičević, Rajna 2009. *Potencijalne reči u srpskom jeziku*. Naučni sastanak slavista u Vukove dane 38/3, str. 119–127.
- Dragičević, Rajna 2011. *Leksika kvalifikovana kao individualna u srpskim deskriptivnim rečnicima*. u: Ružić, Vladislava; Pavlović, Slobodan (ur.) *Leksikologija. Onomastika. Sintaksa. Zbornik u čast Gordani Vuković*, Novi Sad, str. 47–59.
- Elsen, Hilke 2004. *Neologismen. Formen und Funktionen neuer Wörter in verschiedenen Varietäten des Deutschen*. Tübingen: Narr. (Tübinger Beiträge zur Linguistik 477).
- Fellner, Robert 2009. *Okkasionalsmen in Werbeslogans zwischen 2003 und 2008 unter besonderer Berücksichtigung der Branchen Kosmetik, Ernährung, Getränke und Pharmazie*. Diplomski rad. Beč.
- Fleischer, Wolfgang 1988. Produktivität – Akzeptabilität – Aktivität. Zur Theorie der Wortbildung (im Deutschen). In: Zur Theorie der Wortbildung im Deutschen. Berlin: Akademie-Verlag, str. 8–16.
- Fleischer, Wolfgang; Irmhild, Barz 1995. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: May Niemeyer Verlag.
- Hohenhaus, Peter 1996. *Ad-hoc-Wortbildung. Terminologije, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen*. Frankfurt am Mein, Wien: Lang. (Europäische Hochschulschriften 4, Angelsächsische Sprache und Literatur Bd. 317).
- Horvat, Marijana; Štebih Golub, Barbara 2009. *Globalizacija i internacionalizacija u hrvatskome i srpskome jeziku* (s M. Horvat), u: Tošović, B. (ur.) *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen I, Slawische Sprachkorelationen*, Beč 2009., str. 405–421.

- Horvat, Marijana; Štebih Golub, Barbara 2011. *Posljedice internacionalizacije u hrvatskome jeziku*. Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 36/1, str. 1–21.
- Klajn, Ivan 2002. *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku*. Beograd: Pantenon.
- Koriakowcewa, Elena 2006. O slavoobrazovatelnoj kompresiji (na materijale ruskovo i poljskovo jazikov. *Funkcionalni aspekti tvorbe*. Minsk. str. 122–131.
- Krieg, Ulrike 2005. *Wortbildungsstrategien in der Werbung. Zur Funktion und Struktur von Wortneubildungen in Printanzeigen*. Hamburg: Buske. (Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft 18)
- Milanović, Aleksandar 2011. *Derivatološke karakteristike individualnih neologizama u Slovaru Đorđa Markovića Kodera*. Naučni sastanak slavista u Vukove dane 40/1, str. 351–361.
- Lexikon Sprache: Kontamination. Metzler Lexikon Sprache, S. 5034 (vgl. MLSpr, S. 371) (c) J.B. Metzler Verlag.
- Motsch, Wolfgang 2004. *Deutsche Wortbildung in Grundzügen*. Berlin, New York: de Gruyter.
- Muhvić-Dimanovski, Vesna 2005. *Neologizmi. Problemi teorije i primjene*. Zagreb: FF press, Filozofski fakultet.
- Otašević, Đorđe 2008. *Nove reči i značenja u savremenom standardnom srpskom jeziku*. Beograd: Alma.
- Petruhina, Elena Vasiljevna (ur.) *Novye javlenija v slavjanskom slovoobrazovanii: sistema i funkcionirovanie: trudy i materialy «Slavjanskije jazyki i kultury v sovremenom mire*. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, Filologičeskij fakultet. str. 352–363.
- Siebold, Oliver 2000. *Wort – Genre – Text*. Wortneubildungen in der Science Fiction. Tübingen: Narr.
- Simeon, Rikard 1969. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva* Zagreb: Matica hrvatska.
- Starčević, Anđel 2006. Imenice kao atributi – nove strukture u hrvatskom jeziku. u: Granić, Jagoda (ur.). *Jezik i mediji*. Split: HDPL. str. 645–655.
- Stramljič Breznik, Irena 2010. Besedotvorne lastnosti slovenskih okazionalizmov. u: Tafra, Branka; Košutar, Petra 2009. *Rječotvorni modeli u hrvatskom jeziku*. *Suvremena lingvistika* 67, str. 87–107.
- Teubert, Wolfgang 1998. *Korupus und Neologie*. u: *Neologie und Korpus*. Hrsg. Wolfgang Teubert (Studien zur deutschen Sprache 11), Tübingen, str. 129–170.
- Tomášiková, Slavomía 2008. *Okkasionalismen in den deutschen Medien*. u: Bočák. Michal; Rusňák (ur.) *Média a text II*. Prešova, str. 246–256.
- Tošović, Branko 2002. *Funkcionalni stilovi*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz.
- Vobič, Igor 2007. *The Normalisation of the Blog in Journalism: Online Newspapers of Slovene Traditional Media*. *Medijska istraživanja* 13/2, str. 59–83.

Барбара Штебих Голуб

ОКАЗИОНАЛИЗМЫ В ХОРВАТСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Резюме

В статье представляются результаты исследования okazionalizmov, проведенного в течении 2011 и 2012 гг. на корпусе хорватских печатных и электронных СМИ. Okazionalizmi дефинируются как стилистические неологизмы (несмотря на их словообразовательную правильность), подтвержденные только в одном тексте. Исследованием тоже утверждено, что даже 40% okazionalizmov понятно и вне окружающего контекста, 76% okazionalizmov образовалось по аналогии с уже существующими словами. Между ненормативными okazionalizmami, которые считаются такими с точки зрения хорватского стандартного языка, чаще всего появляются юкстапозиции и бленды.

РАДОВИ СПОЉНИХ УЧЕСНИКА КОНФЕРЕНЦИЈЕ

МИЛАН С. АЈЦАНОВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

ДЕРИВАЦИОНИ ПОТЕНЦИЈАЛ ГЕОГРАФСКИХ ТЕРМИНА СТРАНОГ ПОРЕКЛА**

Сажетак. У раду се анализира деривациони потенцијал географских термина страног порекла ексцерпираних из различитих извора, првенствено речничких, како оних општинских тако и оних стручних. Ради бољег описа посматрани термини, и мотивни и мотивисани, разврстани су у одговарајуће моделе и њихове подтипове.

Кључне речи: дериватологија, географија, термини, деривациони потенцијал.

1. Уводне напомене.

Предмет овога рада јесте, што се и из његовог наслова види, деривациони потенцијал географских термина страног порекла. Пажњу смо усмерили на термине страног порекла зато што су они, у оквиру свог термилошког система, како показује и само легитимичан преглед коришћених извора грађе (исп. нпр. Мاستило 2001) – изразито доминантни у односу на одговарајуће термине домаћег порекла.¹ У вези пак с рестрикцијом која се тиче порекла посматраних термина, ваља рећи следеће: под терминима страног порекла подразумевали смо не само оне речи, без изузетка апелативе, које су преузете директно из неког страног језика, изворника или посредника (нпр. *географија*), већ и све оне термине, једнолексемске или вишелексемске, које садрже неки од деривата таквих лексема (нпр. *географски омотач*). Овакав приступ у одређивању порекла термина имали смо управо да бисмо што потпуније остварили циљ нашег истраживања – одређивање деривационог потенцијала датих термина.² Осим тога, поред термина, првенствено интернационализама, за које је веома лако утврдити да представљају лексичке импорте, постоји и

---

* e-mail: ajdzanovic@neobee.net

** Овај рад представља део истраживања у оквиру пројекта Стандардни српски језик: синтаксичка, семантичка и прагматичка истраживања (178004), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја и науке Републике Србије.

¹ Ово, разуме се, не значи да термини домаћег порекла не заслужују да им се посвети иста пажња, напротив, већ само то да би анализа свих термина, обједињених без обзира на њихово порекло – умногоме превазишла оквире једног оваквог рада.

² Овај наш циљ може водити ка још једном: утврђивању лексичке спојивости у оквиру термилошке номинационе јединице, што ће бити предмет, надамо се, неког нашег наредног истраживања.

један број њих толико добро адаптираних и уклопљених у српски лексикон да се уопште не осећају као речи страног порекла (такве су на пример лексеме: *громада*, *клицура*, *рит*, *талас*, *шар*, пристигле из различитих језика). Ипак, с обзиром на то да се и овде ради о позајмљеницама, и такве смо речи уврстили у наш корпус. Коначно, термине нисмо делили с обзиром на то да ли су део народне или научне географске терминологије, како се то негде чини (исп. Мاستило 2001), већ смо у корпус уврстили представнике оба термилошка подсистема. Наравно, с обзиром на примарни извор грађе (Мастило 2001) као и на рестрикцију која се тиче порекла термина – потоњи су изразито преобладајући.

1.1. Под географским термином пак подразумевали смо, прво, сваку ону лексичку јединицу, једночлану или вишечлану, која је, с термилошким значењем, заступљена у општој географији и различитим другим (под)дисциплинама из ње проистеклим, али и, друго, све оне термине које потичу из географији сродних и, у односу на њу, граничних наука (нпр. геологија, демографија, социологија и др.) и који се јављају у географским радовима, а без којих би неки географски описи и објашњења практично били немогући. У овако широком дефинисању географског термина повели смо се за стручњацима најкомпетентнијим за географију – самим географима који су се бавили географском терминологијом (исп. Мастило 2001). Наравно, овако доста широко постављене границе географског термина, с једне стране, могу довести до непрецизности у идентификацији припадности појединих термина одређеној (под)дисциплини, али, с друге, и што сматрамо важнијим, омогућавају нам свеобухватнији увид у предмет нашег интересовања.

1.1.1. У наш корпус ушли су следећи извори, 1) лексикографски и 2) стручни:

1) а) Ђурић 1969: Ђурић, Владимир (urednik) (1969). *Enciklopedijski leksikon: Mozaik znanja. Tom 18. Geografija*. INTERPRES: Beograd;

б) Клајн, Шипка 2006: Клајн, Иван, Милан Шипка (2006). *Велики речник страних речи и израза*. Нови Сад: Прометеј;

в) Мастило 2001: Мастило, Наталија (2011). *Речник савремене српске географске терминологије*. Београд;

г) РСЈ: Речник српскога језика (2007). Нови Сад: Матица српска;

д) РСМ: Речник српскохрватскога књижевног језика. Књига I–III (1967–1969). Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска. Књига IV–VI (1971–1976). Нови Сад: Матица српска;

ђ) Ђић 1994: Ђић, Јозеф (1994). *Geografska terminologija srpskohrvatskog jezika*. Novi Sad: Matica srpska. Gornji Milanovac: Dečje novine. Beograd: Vukova zadužbina.

2) а) Милићевић 2005: Милићевић, Милан Ђ. (2005). *Кнежевина Србија – фототипско издање*. Београд: Book & Marso;

б) Цвијић 1966: Цвијић, Јован (1966). *Балканско полуострво и јужноморавске земље – основи антропогеографије*. Београд: Завод за издавање уџбеника СР Србије;

в) Цвијић 1991: Цвијић, Јован (1991). *Геоморфологија I*. Београд: САНУ – Књижевне новине – Завод за уџбенике и наставна средства;

г) Цвијић 2000: Цвијић, Јован (2000). *Говори и чланци 2*. Београд: САНУ – Завод за уџбенике и наставна средства.

1.1.2. Из наведених извора ексцерпирано је око 2000 термина.³ У вези с овом непрецизношћу треба дати две напомене: овакво ограђивање од тачног броја термина резултат је чињенице да су поједине лексеме, превасходно придеви, бележене само као део вишелексемских термина, те да су накнадно увршћиване у регистар термина којим смо оперисали, што је повећало укупан број лексема. Осим тога, у нелексикографским изворима (у нашем случају, пре свега делима Ј. Цвијића) понекад је тешко утврдити да ли поједини вишелексемски примери, нарочито уколико имају само једну потврду, представљају јединице с терминолошким значењем или се пак ради о тзв. 'невезаним комбинацијама'.⁴

2. Теоријско-методолошки оквир.

Д. Гортан-Премк (Гортан-Премк 2004: 116–125), расправљајући о месту термина у општем лексичком фонду, наводи неке специфичности термина, које по њеном мишљењу нису довољне да им дају статус специјалне лексике, али ипак јесу довољне да им дају посебан статус унутар лексичког фонда:⁵

1) од речи општег фонда термини се разликују у типу значења: наиме, у њиховом садржају налази се само архисема, док је одсуство сема нижег ранга последица високог степена апстракције;

2) термини имају ограничену способност развијања вишезначности, што је последица чињенице да они не могу ширити своју семантичку структуру метафоричким путем. За разлику од метафоре, нешто су чешћа значења добијена метонимијом и синегдохом, али су и она ограничена потребом моносемичности у терминолошком систему у коме дате јединице делују;⁶

3) у вези с претходним, термини нису способни да остварују секундарна метафорична значења, нити пак фигуративна, експресивна значења, што значи да не могу да учествују у творби фразеологизама;

4) термини имају ограничену деривациону способност, што је последица истих оних фактора који им онемогућавају и способност вишезначности;

5) термини су неспособни за развијање лексичке синонимије; поједини изузеци последица су напредне употребе речи различитог порекла, домаћег

³ Овај наш рад представља само мањи део једног знатно обимнијег рада, посвећеног српској географској терминологији друге половине XIX и XX столећа, те отуд и тако знатан број коришћених извора и из њих ексцерпираних термина.

⁴ О овом в. више у Zgusta 1991: 135–136.

⁵ Ова ауторка један други рад посвећен истој теми – заправо, рад који је послужио као предло- жак поменутог поглављу у Гортан-Премк 2004 – закључује следећим речима: „Термини припадају и општем језику и специфичном, научном. Специфичност им је у типу семантичког садржаја, и то им управо одређује посебно место у општем лексичком фонду” (Гортан-Премк 1988: 20).

⁶ Ово је Р. Катичић сликовито описао следећим речима: „За обичне је riječi велика prednost ako im се значење прелијева у bogatoј raznolikosti. Značenje termina naprotiv треба да буде што је више moguće jednoznačno. Zato се slikovito може рећи да су обичне riječi живе, а termini мртви. Ако, dakle, неку riječ želimo употребљавати као termin, moramo је 'ubiti' и 'balzamirati'. Zato су као termini најприkladније izvedenice од grčkih и latinskiх riječi, njihovi doslovni prijevodi ili, pak, neobične riječi vlastitог jezika” (Katičić 1965: 139–140).

и страног најчешће (нпр. *прелаз–транзиција*⁷), истовремене употребе туђице и домаће кованице (нпр. *земљопис–географија*) или пак употребе позајмљеница из различитих језика (нпр. *игало–јалија*) и др.⁸

б) коначно, термини имају већу могућност успостављања антонимских односа него лексеме општег лексичког фонда (нпр. *синоним–антоним*).⁹

2.1. За наше је истраживање посебно битно оно што ауторка наводи под тачком четири – ограничен деривациони потенцијал термина уопште. Уколико се томе дода да је ограниченост семантичке дисперзије, а тиме и деривационог потенцијала, нарочито уочљива код термина који су настали ономасиолошким путем, какви су термини страног порекла (Гортан-Премк 1988: 16), као и то да што је број лексема у оквиру једног термина већи, то је његов деривациони потенцијал мањи (Milic 2009: 184)¹⁰ – јасно је да је наша полазна пресупозиција да је деривациони потенцијал термина који су нам у фокусу пажње, без обзира на њихову бројност, крајње ограничен и скроман, а да је та њихова особина нарочито изражена код вишелексемских термина, који имају знатног удела у укупном броју забележених термина. Анализа ексцерпираних термина, стога, спроведена је да бисмо се уверили у то да ли је поменута пресупозиција тачна или не.

3. Анализа грађе.

Из укупног броја термина издвојили смо само оно термине који у нашој грађи наспрам себе имају потврђен одговарајући дериват, тј. деривану реч с којом постоји јасна семантичко-деривациона веза типа мотиватор – мотивисана реч.¹¹ Таквих је термина укупно 209. Ови се термини, с обзиром на број и врсту деривата, могу поделити у неколике моделе и њихове подтипове:

3.1. **Први модел**, уједно и далеко најбројнији (167 потврда), чине само два члана: номинални мотиватор и њиме мотивисан адјективни дериват.¹²

⁷ Илустративне примере наводимо из нашег корпуса, а не из Гортан-Премк 2004.

⁸ Управо се због те улоге термина у синонимском низу која се разликује од улоге синонимије код лексема општег фонда, понекад не говори о синонимима међу терминима већ о 'термиолошким дублетима' (Гортан-Премк 1988: 19; Гортан-Премк 2004: 122). О овоме в. више и у Karadža-Garić 1979: 9–10.

⁹ Ово проистиче из тога што у основи лексичке антонимије леже асоцијације по супротности, контрасту, док у основи термиолошке антонимије поред ових спонтаних асоцијација леже и научна сазнања о постојању појмова, појава које су у неком контрастном односу (Гортан-Премк 1988: 19).

¹⁰ Наводимо према Бјелаковић 2012.

¹¹ Отуд ћемо из анализе изузети парове као што је *плувиометар* (= *кишомер*) ('лимени суд за мерење падавина' [Мастило 2001: 287]) и *плувиометријски*, који је потврђен у термину *плувиометријски режим* ('годишња расподела падавина по месецима или годишњим добима' [Мастило 2001: 287]). Такође, нећемо посматрати ни деривате субјективне оцене, односно деминутивно-хипокористична и аугментативно-пејоративна образовања појединих термина, која су несумњиво део лексикона српског језика, али се због своје природе не могу сматрати терминима (нпр. у РМС даје се: *клицура* > *клицурица*; *клицуретина*, *клицурина*; *талас* > *таласић*; *таласина*). Коначно, предмет нашег интересовања неће бити ни глаголи који су мотивисани појединим географским терминима, а који нису део нашег корпуса (нпр. [за]таласати [се]).

¹² У вези с обликом датих придева, ваља рећи следеће: приликом навођења придева, да би се избегле евентуалне грешке у морфологији узроковане придевским видом (пре свега код оних приде-

3.1.1. Наведени модел пак може се поделити у два подтипа: а) први, и осетно бројнији, можемо назвати *интегрални* будући да га чине они примери у којима приликом деривације не долази до редукције мотиватора (нпр. *геопростор* > *геопросторни*, -а, -о), док б) други, који смо назвали *суплетивни*,¹³ чине примери у којима је редуктовани мотиватор послужио као творбена основа мотивисаног придева (нпр. *аерологија* > *аеролошки*, -а, -о).

3.1.1.1. Први подтип репрезентован је следећим паровима лексема, њих укупно 111, који се пак могу поделити с обзиром на структуру мотиватора на а) оне код којих је мотиватор у потпуности изграђен страним лексичким материјалом (110)¹⁴ и б) на хибридне мотиваторе код којих се страни елемент (у датом случају, префиксоид) удружује с домаћом основом (један пример):

а) абисал > абисални, -а, -о; адијабата > адијабатски, -а, -о; алувиј(ум) > алувијални, -а, -о; антиклинала > антиклинални, -а, -о; антициклон > антициклонски, -а, -о; апсида > апсидни, -а, -о; атмосфера > атмосферски, -а, -о; базалт > базалтни, -а, -о; батијал > батијални, -а, -о; бреча > бречаста, -а, -о; бунар > бунарасти, -а, -о; валов > валовски, -а, -о; вулкан > вулкански, -а, -о; галактика > галактички, -а, -о; геоботаника > геоботанички, -а, -о; геополитика > геополитички, -а, -о; геосинклинала > геосинклинални, -а, -о; геотермика (= геотермија) > геотермички, -а, -о; геотехника > геотехнички, -а, -о; геохемија > геохемијски, -а, -о; гипс > гипсни, -а, -о; глацијал > глацијални, -а, -о; глеј > глејни, -а, -о; глечер > глечерски, -а, -о; гномон > гномонски, -а, -о; гравиметрија > гравиметријски, -а, -о; градијент > градијентни, -а, -о; гранит > гранитни, -а, -о; гранитоид > гранитоидни, -а, -о; графит > графитни, -а, -о; девон > девонски, -а, -о; дилувиј(ум) > дилувијални, -а, -о; еквино(к)циј(ум) > еквино(к)цијски, -а, -о; еклиптика > еклиптички, -а, -о; елувиј(ум) > елувијални, -а, -о; еоцен > еоценски, -а, -о; епицентар > епицентрални, -а, -о; ефорација > ефорацијски, -а, -о; зенит > зенитни, -а, -о; интрузив > интрузивни, -а, -о; јура > јурски, -а, -о; камбриј(ум) (= камбрија) > камбријски, -а, -о; каолин > каолински, -а, -о; карбон > карбонски, -а, -о; карбонат > карбонатни, -а, -о; квартал > квартални, -а, -о; клисура > клисурасти, -а, -о; комплекс > комплексни, -а, -о; крас > крашки, -а, -о; креда > кредни, -а, -о; ландшафт > ландшафтни, -а, -о; латерит > латеритни, -а, -о; латитуда > латитудинални, -а, -о; лес > лесни, -а, -о; литосфера > литосферни, -а, -о; лонгитуда > лонгитудинални, -а, -о; мезосфера > мезосферни, -а, -о; меридијан > меридијански, -а, -о; метасоматоза > метасоматски, -а, -о; метеор > метеорски, -а, -о; метеорит > метеоритски, -а, -о; минерал > минерални, -а, -о; монсун > монсунски, -а, -о; морена > моренски, -а, -о; неолит > неолитски, -а, -о; ниво > нивоски, -а, -о; озон > озонски, -а, -о; океан > океански, -а, -о; оркан > оркански, -а, -о; офиолити > офиолитични, -а, -о; палеоген > палеогени, -а, -о; пасати > пасатни, -а, -о; период

ва који нису дати као одреднице у РСМ и РСЈ, али, ради уједначавања облика, и код оних који су у речничким изворима потврђени у краћем облику), сви ће придеви бити наведени у дужем облику.

¹³ Ову бинарну опозицију, коју сматрамо довољно прозирном и отуд погодном, додуше сада неvezану за моциона образовања, преузели смо из Ћорић 1982.

¹⁴ Наравно, овако велики број примера омогућава и отвара места за класификације које би се тичале творбене структуре и мотивације датих мотиватора у језицима изворницима (уп. нпр. *гипс*, *јура*, с једне стране, и *епицентар*, *метасоматоза*, с друге) или пак њиховог порекла. Ипак, будући да то није у непосредној вези с предметом и циљем нашег рада – овога пута нећемо се тиме бавити.

> периодични, -а, -о;¹⁵ пластика > пластични, -а, -о; плувијал > плувијални, -а, -о; подзол > подзоласти, -а, -о; порфир > порфирни, -а, -о; прерија > преријски, -а, -о; регион > регионални, -а, -о; реликт > реликтни, -а, -о; рељеф > рељефни, -а, -о; ријас > ријаски, -а, -о; савана > савански, -а, -о; сателит > сателитски, -а, -о; седимент > седиментни, -а, -о; сезона > сезонски, -а, -о; сизигиј > сизигијски, -а, -о; силикат > силикатни, -а, -о; синклинала > синклинални, -а, -о; синоптика > синоптички, -а, -о; сифон > сифонски, -а, -о; степа > степски, -а, -о; стратосфера > стратосферски, -а, -о; структура > структурни, -а, -о; територија > територијални, -а, -о; терме > термални, -а, -о; терцијар > терцијарни, -а, -о; травертин > травертински, -а, -о; трахит > трахитски, -а, -о; тропи > тропски, -а, -о; урбанистика > урбанистички, -а, -о; физичка географија > физичкогеографски, -а, -о; фирн > фирнски, -а, -о; флиш > флишни, -а, -о; фосил > фосилни, -а, -о; хелиограф > хелиографски, -а, -о; хидрометрија > хидрометријски, -а, -о; хидротехника > хидротехнички, -а, -о; цирк > циркни, -а, -о; шаријаж > шаријашки, -а, -о;

б) геопростор > геопросторни, -а, -о.

3.1.1.1.1. Међу наведеним терминима специфично место, на неки начин прелазно између овог и наредног подтипа, заузимају поједини латинизми који се јављају у дублетној форми: наиме, термини *алувиј(ум)*, *дилувиј(ум)*, *еквино(к)циј(ум)* и *елувиј(ум)*, као што је познато, имају дуже и краће облике. Уколико бисмо придеве њима мотивисане изводили из краћих облика, тада би они били представници интегралног подтипа; уколико бисмо пак њиховим мотиваторима сматрали дуже облике именице – место би им било међу осталим представницима суплетивног подтипа.

3.1.1.1.2. Вишелексемски термин *физичка географија* међу терминима које смо сврстали у интегрални подтип једини је такав – вишелексемски, и по томе посебан.

3.1.1.1.3. Деривирани придеви највећим делом спадају у групу релационих (нпр. *моренски*, *сизигијски*), затим материјалних (нпр. *графитни*, *порфирни*), при чему понекад није могуће повући јасну границу између те две класе, а само по изузетку – симилативних придева (нпр. *бречаст*, *бунараст*, *клицураст*). У вези с овим последњим, можемо приметити да није случајно што управо лексеме *бунар* и *клицура*, обе одавно примљене и адаптиране, у свом семантичко-деривационом потенцијалу имају могућност грађења (и) овог типа придева.

3.1.1.2. Суплетивни подтип пак репрезентован је са следећих 56 парова лексема, код којих не постоји ниједан пример за хибридне мотиваторе, како смо имали у претходном подтипу:

аблација > аблациони, -а, -и; абразија > абразиони, -а, -о; аерологија > аеролошки, -а, -о; акумулација > акумулациони, -а, -о; антропозоик > антропозојски, -а, -о; ап-

¹⁵ У РМС уз овај даје се и придев *периодски*, -а, -о, незабележен у нашој неречничкој грађи и данас изобичајен (РСЈ га не бележи). Уколико бисмо пак и овај придев уврстили у наш корпус, тада би се именица *период* са своја два деривата нашла у оквиру другог модела, што не би умногоме променило општу слику о односу та два модела, а нарочито не коначни суд о продуктивности посматраних термина. Осим тога, у Мاستило 2001, као део вишечланог термина *периодски плављено поље*, налазимо прилог *периодски*, несумњиво настао конверзијом од придева *периодски*, који се пак у датом извору не наводи.

сорпција > апсорпциони, -а, -о; архаик > архајски, -а, -о; астрономија > астрономски, -а, -о; географија > географски, -а, -о; геоморфологија > геоморфолошки, -а, -о; геостратегија > геостратешки, -а, -о; геохидрографија > геохидрографски, -а, -о; гравитација > гравитациони, -а, -о; демографија > демографски, -а, -о; денудација > денудациони, -а, -о; дефлација > дефлациони, -а, -о; еворсија > еворсионски, -а, -о; екологија > еколошки, -а, -о; ендорезис > ендорезисни, -а, -о; ерозија > ерозивни, -а, -о; етнографија > етнографски, -а, -о; зоогеографија > зоогеографски, -а, -о; илувијум > илувијални, -а, -о; ингресија > ингесиони, -а, -о; инундација > инундациони, -а, -о; инфилтрација > инфилтрациони, -а, -о; кенозоик > кенозојски, -а, -о; колувијум > колувијални, -а, -о; кондензација > кондензациони, -а, -о; корозија > корозивни, -а, -о; лимнологија > лимнолошки, -а, -о; мезозоик > мезозојски, -а, -о; миграција > миграциони, -а, -о; морфологија > морфолошки, -а, -о; морфометрија > морфометријски, -а, -о; навигација > навигациони, -а, -о; орографија > орографски, -а, -о; палеографија > палеографски, -а, -о; палеозоик > палеозојски, -а, -о; педологија > педолошки, -а, -о; петрографија > петрографски, -а, -о; популација > популациони, -а, -о; регресија > регресивни, -а, -о; рекреација > рекреациони, -а, -о; солифлукција > солифлукциони, -а, -о; стереографија > стереографски, -а, -о; стратиграфија > стратиграфски, -а, -о; стратосфера > стратосферски, -а, -о; топографија > топографски, -а, -о; трансгресија > трансгресивни, -а, -о; фанерозоик > фанерозојски, -а, -о; фенологија > фенолошки, -а, -о; хидрогеологија > хидрогеолошки, -а, -о; хипсографија > хипсографски, -а, -о; хипсометрија > хипсометријски, -а, -о; хорологија > хоролошки, -а, -о.

3.1.1.2.1. Из горенаведених примера види се да се мотиватори, с обзиром на свој облик, могу разврстати у три групе: оне који се завршавају суфиксом *-ија* (најбројнији – укупно их је 47 – али не и семантички разноврсни: означавају или различите научне дисциплине или појаве), оне чији је финални део суфиксоид *-зоик* (пет назива разних ера у којима је постојао живот: *антропозоик*, *кенозоик*, *мезозоик*, *палеозоик*, *фанерозоик*), те, назваћемо их тако уопштено због непосредања неке заједничке особине, барем кад се ради о њиховој форми – остале (*архаик*, *ендорезис*, *илувијум*, *колувијум*). Међу припадницима последње групе два термина захтевају посебан осврт: наиме *илувијум* и *колувијум* обликом су блиски горепоменутом дублетним латинизмима поменутом у оквиру интегралног подтипа, али, за разлику од њих, ови су у нашим изворима¹⁶ потврђени само у дужем облику, те је њихова припадност овог подтипу – неупитна.

3.1.1.2.2. Што се тиче мотиватора са суфиксом *-ија*, овде можемо само констатовати нешто што је одавно примећено у нашој стручној литератури (исп. нпр. Babić 1986: 180–183, Клајн 2003: 235): приликом грађења деривата неке се именице редукују, а неке не. Како наша грађа показује, деривата добијених од редуковане основе знатно је више (однос је 50 : 14).¹⁷

3.2. Други модел чине они примери где наспрам номиналног мотиватора имамо такође адјективски дериват, али сада не један него два или чак три, при томе, како показују речници и забележени контексти, истозначна – дакле, јављају се творбени дублети. Овај је модел с осетно мање потврда него претходни – укупно

¹⁶ Заправо, у само једном извору – Мاستило 2001.

¹⁷ На овог месту нећемо се бавити утврђивањем евентуалне правилности у томе будући да је то тема која би захтевала знатно обимнији корпус и изашла би из оквира овог истраживања.

је забележено 18 мотиватора, при чему смо и овог пута забележене примере, али сада користећи број регистрованих деривата као класификациони критеријум, поделили у два подтипа: а) именице наспрам којих се јављају два придева и б) оне наспрам којих функционирају три придева.

3.2.1. Први подтип приметно је бројнији од другог – наспрам укупно 13 мотиватора јављају се два деривата, док пет имају по три деривата. Ради се о следећим примерима, који се опет могу поделити на а) интегралне и б) суплетивне, али и на в) комбинацију та два, тј. мотиватор који наспрам себе има један дериват настао додавањем творбеног форманта на нередукovanу основу, а један изведен од редуковане основе:

- а) дијамант > дијамантни, -а, -о; дијамантски, -а, -о; доломит > доломитични, -а, -о/доломитски, -а, -о; екватор > екваторијални, -а, -о/екваторски, -а, -о; клима > климатски, -а, -о/климски, -а, -о; пол > поларни, -а, -о/полни, -а, -о; прогноза > прогнозни, -а, -о/прогностички, -а, -о; тријас > тријаски, -а, -о/тријасни, -а, -о; циклон > циклонални, -а, -о/циклонски, -а, -о;
- б) плутонизам > плутонистички, -а, -о/плутонски, -а, -о; сеизмичитет > сеизмички, -а, -о/сеизмични, -а, -о;
- в) вегетација > вегетациони, -а, -о/вегетацијски, -а, -о; дислокација > дислокациони, -а, -о/дислокацијски, -а, -о; моноклинала > моноклинални, -а, -о/моноклинични, -а, -о.

3.2.1.1. Из датих примера види се да је и овде (нај)више представника интегралног модела: наспрам осам таквих стоје само два представника суплетивног и три комбинованог. Такође, дублетизам забележених деривата, што је, наравно, и очекивано, резултат је употребе различитих творбених форманата: било да се ради о два форманта домаћег порекла (дијамантни, -а, -о/дијамантски, -а, -о; сеизмички, -а, -о/сеизмични, -а, -о; тријас > тријаски, -а, -о/тријасни, -а, -о) или пак, што је знатно чешћи случај, једном домаћег а другом страног порекла (вегетација > вегетациони, -а, -о/вегетацијски, -а, -о; дислокација > дислокациони, -а, -о/дислокацијски; доломит > доломитични, -а, -о/доломитски, -а, -о; екватор > екваторијални, -а, -о/екваторски, -а, -о; клима > климатски, -а, -о/климски, -а, -о; моноклинала > моноклинални, -а, -о/моноклинични, -а, -о; плутонизам > плутонистички, -а, -о/плутонски, -а, -о; пол > поларни, -а, -о/полни, -а, -о; прогноза > прогнозни, -а, -о/прогностички, -а, -о; циклон > циклонални, -а, -о/циклонски, -а, -о).

3.2.2. Други подтип посматраног модела репрезентован је са пет мотивних термина и њиховим дериватима, међу којима имамо деривате припаднике интегралног (три) и комбинованог типа (два):

- а) магма > магматични, -а, -о/магматички, -а, -о/магматски, -а, -о; ороген > орогенски, -а, -о/орогенетски, -а, -о/орогени, -а, -о; планета > планетарни, -а, -о/планетни, -а, -о/планетски, -а, -о;
- б) дисперзија > дисперзијски, -а, -о/дисперзни, -а, -о/дисперзиони, -а, -о;¹⁸ пелагијал > пелашки, -а, -о/пелагички, -а, -о/пелагијални, -а, -о.

¹⁸ У Клајн, Шипка наводи се и придев *дисперзиван*, -вна, -о, али се изводи из француског *dispersif*, те га отуд не сматрамо мотивисаним.

3.2.2.1. Чињеница да наспрам једне именица постоје чак три истозначна, релациона придева да се објаснити тиме да међу датим придевима два (*магматички, орогенски*) припадају најстаријим нашим изворима (Цвијић 1991) те да их у савременим изворима нема. Такође, иако сва три придева мотивисана именицом *планета* имају потврду у речнику Клајн, Шипка 2006, како показује поменути извор, они нису потпуни синоними: придев *планетарни* је двозначан ('1. који обухвата, који се односи на целу планету Земљу; 2. који се односи на планете'), при чему је његово друго значење истоветно значењу придева *планетни* и *планетски*. Придеви деривирани од именице *дисперзија* пак, будући синонимични и забележени у савременим изворима,¹⁹ представљају унеколико изузетак.

3.3. Као **трећи модел** издвојили смо модел на први поглед сличан претходном, будући да наспрам номиналног мотиватора опет имамо два адјективска деривата, али сада – разнозначна и припадника различитих класа придева: квалификативних, материјалних и/или релационих. Овај је тип репрезентован најмањим бројем примера: трима мотиваторима и њиховим дериватима, који су настали додавањем творбеног форманта на нередукovanу основу:

кварц > кварцни, -а, -о/кварцевити, -а, -о;
 кристал > кристалсти, -а, -о/кристални, -а, -о;
 талас > таласисти, -а, -о/таласни, -а, -о.

3.3.1. Првонаведени пар придева захтева посебан осврт због извесних недоумица које се не тичу првог придева, који је и данас сасвим фреквентан и обичан, већ другог, који је забележен само код Цвијића (2000: 162) у термину²⁰ *кварцевити порфир*. Наиме, из контекста се не може видети да ли је придев *кварцевити* синонимичан с придевом *кварцни*, који не налазимо код Цвијића, или не. Уколико јесте, термину *кварц* и његовим дериватима место би било у првом подтипу претходног модела. По свој прилици ова два придева ипак нису синонимична: и Клајн и Бабић, говорећи о придевским суфиксима, издвајају и формант *-овит/-евит*, којим се граде превасходно придеви са значењем, како га Бабић формулише, „који је рун и” (Бабић 1986: 430). Клајн, с друге стране, заједно с још неколико придева са значењем „рудног богатства” (Клајн 2003: 291), чак наводи и придев *кварцовит*, фонетски дублет посматраног придева.

3.4. **Четврти модел** чине примери у којима је присутна тзв. секундарна мутација (Бабић 1986: 44), тј. појава да се релациони придев изведен од једне именице односи и на другу именицу обликом и значењем блиску првој (нпр. *филозоф, филозофија* > *филозофски*, -а, -о).²¹ С. Бабић примећује да је ова појава

¹⁹ *Дисперзни* и *дисперзијски* имају потврду само у РСЈ, док се *дисперزيونи* даје у Клајн, Шипка 2006 и РМС.

²⁰ Наравно, под условом да се ова именичка синтагма, само једном регистрована, јавља с терминолошком вредношћу.

²¹ Овакво Бабићево дефинисање дате појаве имплицира да је у оквиру пара мотиватора једна од лексема, када се ради о творбеној структури, надређена оној другој. Иако он на почетку своје монографије не казује да ли назив струке/научне дисциплине или пак особе која се њима бави – сматра таквом лексемом (Бабић 1986: 44), касније (Бабић 1986: 183), говорећи о суфиксу *-ија*, он поједине помина **professionis** помоћу нултог суфикса изводи из назива *струка/научних дисциплина*. Ипак, закључује да се то питање може сматрати отвореним. Ни И. Клајн не доводи овај проблем до краја:

нарочито честа код именица којима се означавају називи места и одговарајућих етника или пак, што је присутно без изузетка код свих наших примера, називи струка и научних дисциплина и особа које се њима баве.

3.4.1. У нашем је корпусу 11 парова термина који наспрам себе имају исти релациони придев:²²

вулканологија, вулканолог > вулканолошки, -а, -о; геологија, геолог > геолошки, -а, -о; картографија, картограф > картографски, -а, -о; климатологија, климатолог > климатолошки, -а, -о; метеорологија, метеоролог > метеоролошки, -а, -о; океанографија, океанограф > океанографски, -а, -о; сеизмологија, сеизмолог > сеизмолошки, -а, -о; спелеологија, спелеолог > спелеолошки, -а, -о; туризам, турист(а) > туристички, -а, -о; хидрологија, хидролог > хидролошки, -а, -о; хидрометеорологија, хидрометеоролог > хидрометеоролошки, -а, -о.

3.4.2. Међу наведеним мотиваторима запажа се један доминантан творбени модел у којем се јавља суфиксоид *-логија*, када се ради о називу науке, односно *-лог*, када је у питању именица којом се денотира особа која се датом дисциплином бави: чак је осам таквих парова мотиватора међу 11 забележених (вулканолог[ија], геолог[ија], климатолог[ија], метеоролог[ија], сеизмолог[ија], спелеолог[ија], хидролог[ија], хидрометеоролог[ија]).

3.5. Као **пети модел** издвојили смо номиналне мотиваторе наспрам којих стоје два деривата, али сада један првостепени и један другостепени. Забележених број оваквих микросемантичко-деривациона гнезда веома је мали – свега пет:

дисперзија > дисперзни, -а, -о > дисперзност,
 зона > зонални, -а, -о > зоналност;
 континент > континентални, -а, -о > континенталност;
 сеизмичитет²³ > сеизмични, -а, -о > сеизмичност;
 пол > поларни, -а, -о > поларник.

3.5.1. Четири од забележених другостепених деривата (*дисперзност*, *зоналност*, *континенталност*, *сеизмичност*) настала су по истом, веома фреквентном, творбеном моделу: поименичавањем одговарајућих придева помоћу суфикса *-џст*, форманта чија је једина функција управо поименичавање придева и који је међу изофункционалним суфиксима далеко најпродуктивнији (Клајн 2003: 178).²⁴

наиме, он код горенаведеног пара примера сматра назив науке примарнијим или пак говори о 'корелацији суфикса', тј. констатује да с истом основном облик на *-ија* значи радњу, а онај на *-џ* вршиоца или носиоца радње (Клајн 2003: 234).

²² Део нашег корпуса су и поједини други парови именица којима се означавају научне дисциплине и људи који се њима баве, али који наспрам себе немају потврђен придев (нпр. *глатологија-глатолог*), те отуд и нису могли бити сврстани у дати модел.

²³ Ову и претходну именицу и њима мотивисане придеве поменули смо већ у оквиру других типова.

²⁴ Да би илустровао ову своју тврдњу, И. Клајн наводи податак да номинални деривати на *-џст* у *Обратном речнику српскога језика* М. Николића заузимају читавих 56 страна.

3.5.2. Термин *поларник* пак резултат је универбације: настао је елидирањем вишелексемског термина *поларни круг*, на који је додат формант *-иќ* (*поларни [круг] + -иќ*).

3.6. Коначно, **шести модел** чине номинални мотиватори и њима мотивисани глаголи. Међутим, код овог се типа јављају две недоумице: прва се тиче утврђивања чињенице да ли је глагол заиста мотивисан именицом, или се пак ради о двома позајмљеницама примљеним независно једна од друге, док се друга недоумица, уколико је глагол заиста мотивисан у српском језику, тиче вишеструке мотивације, односно проблема утврђивања његовог мотиватора.

3.6.1. У вези с првом наведеном недоумицом, можемо поставити питање где се може, и да ли се уопште може, повући јасна граница између оних именица и глагола страног порекла који у српском језику имају заједничку основу, али који се не могу довести у везу мотиватор – мотивисана лексема, и оних глагола који се у српском језику могу сматрати мотивисаним одређеном именицом (и/или придевом). И. Клајн као примере за прву групу, дајући и одговарајуће именице с заједничким основама, наводи бројне глаголе, као што су: *диктирати* (*диктат*), *жонглирати* (*жонглер*), *монтирати* (*монтажа*), *негирати* (*негација*) и др., за које кратко констатује да се „не могу сматрати изведеницама” (Клајн 2003: 356). С друге стране, глаголе као што су *селекционирати* (<*селекција*), *критизирати* (<*критика*), *полемизирати/полемисати* (<*полемика*), *спецификовати* (<*специфичан*) – он сматра мотивисаним. За глаголе пак као што су *организовати* и *ауторизовати* сматра да се тешко могу сматрати мотивисаним, јер се семантички не могу довести у везу с именицама *орган*²⁵ и *аутор* (Клајн 2003: 358). Нажалост, у овом не видимо неки систем који би нам могао помоћи у анализи.

3.6.1.1. Међу терминима које смо забележили следећих 10 именица имају наспрам себе глаголе с којима су у несумњивој обличкој и значењској вези, при чему карактер прве није лако у потпуности осветлити.²⁶

абразија (‘одроњавање земље под дејством таласа’) – *абрадирати* (‘1. [о]стругати, [са]стругати. 2. одронити, одроњавати; односити трењем, разарати’); *дислокација* (‘измена распореда геолошких слојева под дејством тектонских процеса’) – *дислоцирати* (‘померити, померати, помаћи с места; разместити, размештати, распоредити, распоређивати’); *инундација* (‘1. плављење, поплава, поводањ. 2. плавно подручје водотока, обухвата појас између речног корита и линије вишег терена или насип’) – *инундирати*;²⁷ *кристал* (‘тело састављено од правилно састављених атома јона или молекула у облику полиедра’) – *кристалисати/кристализовати/кристализирати* (‘бити захваћен процесом кристализације, прећи, прелазити у кристално стање, претворити се, претварати се у кристал’); *нивелир* (‘справа за мерење и упоређивање надморских висина геометријском методом’) – *нивелирати/нивелисати* (‘одредити, одређивати висинску разлику између двеју или више тачака на површини Земље’;

²⁵ Као мотиватору у овом случају, уколико бисмо глагол ипак сматрали мотивисаним, предност бисмо могли дати једној другој именици – *организација* (*организа[ација] + -овати*), при чему и семантика датих речи то допушта.

²⁶ Управо због тога наводимо значења датих именица и глагола.

²⁷ Једину своју потврду овај глагол има у Цвијић 1966: 85 („Већ на јесен издан се пење до на површ и инундира равнице.”).

реамбулација (‘допуњавање и исправљање географских карата и планова на терену’) – *реамбулирати* (‘спровести или спроводити реамбулацију’); *стратификација* (‘образовање слојева, таложње у слојеве, слојевитост, наслаганост’) – *стратификовати* (‘слагати у слојеве, таложити у слојевима, услојити’); *топографија* (‘1. а. географска дисциплина чији су предмет проучавање, мерење и снимање површине Земље и њено приказивање на плановима и картама. б. посао на изради географских карата. 2. а. својство и изглед површине Земље на неком месту. б. површина и распоред делова или појединих тачака неког подручја. 3. а. описивање неког места. б. описивање места са неком променом на телу’) – *топографисати* (‘а. проучавати, мерити и снимати површину Земље’); *урбанизација* (‘процес стварања и ширења градова и претварање сеоских подручја у град; досељавање сеоског становништва у град’) – *урбанизовати* (‘спровести, спроводити урбанизацију, да(ва)ти (чему) градске особине’); *шрафа* (‘свака од танких цртица којима се на мапама означава рељеф’) – *шрафирати* (‘цртати планине шрафама’).

3.6.1.2. Укратко ћемо анализирати забележене парова лексема: код првог пара обличка нас разлика, наслеђена из латинског језика (лат. *abrâdô*), спречава у томе да глагол сматрамо деривираним од именице,²⁸ иако међу њима двома, како показују горенаведене речничке дефиниције,²⁹ постоји јасна семантичка веза. Насупрот томе, у пару *нивелир–нивелирати/нивелисати* постоји несумњива обличка веза, али нас семантичко неподударање, и поред јасне везе двеју речи, именице и глагола³⁰ – спречава да их доведемо у однос типа мотивна – мотивисана реч. Слично семантичко неподударање имамо и у пару *дислокација–дислоцирати*, тако да ни у овом случају глагол не можемо сматрати мотивисаним именицом. Код свих осталих парова, међутим, како нам показују дефиниције, постоји јасна семантичка веза између глагола и именице, која је праћена и обличким подударањем, при чему, додуше, уколико именице сматрамо мотиваторима, приликом деривације већине глагола морамо претпоставити редукције мотиватора (нпр. *топограф[ија] + -исати > топографисати; урбаниз[ација] + -овати > урбанизовати*).

3.6.2. Када се ради о другој недоумици – проблему вишеструке мотивације – јасно је да је она чест пратилац творбених анализа (исп. нпр. Ћорић 2008:

²⁸ Супротно гледиште налазимо код Клајна (2003: 353): наиме, он поред примера глагола чији је фонетски лик такође настао под утицајем страног предлошка, као у *музицирати, лоцирати, провоцирати*, али који се, признајемо и слажемо се у томе с Клајном, могу сматрати мотивисаним (овом у прилог иде и чињеница да алтернација /к/ са /ц/ испред /и/ представља једну од особености нашег фонолошког система, која се јавља и у глаголској парадигми) – наводи и оне глаголе с извршеним морфонолошким алтернацијама и „фонетским аномалијама” којих у српском језику нема, али које он свеједно сматра мотивисаним (нпр. *алузија > алудирати, корозија > кородирати, анексија > анектирати, колатс > колабирати*). У овом другом случају ми бисмо дате глаголе радије сматрали адаптираним облицима страних глагола, иако су, несумњиво, „ глаголи [...] знатно мање подложни позајмљивању него именице” (Клајн 2003: 352).

²⁹ Све су дефиниције, наравно с изузетком оне за глагол *инундирати*, преузете из речника Клајн–Шипка 2006.

³⁰ Дакле, дефиниција глагола не подразумева одређивање висинске разлике искључиво нивелиром. Оваква дефиниција, с друге стране, дала би нам за право да именицу изведемо из глагола, што би међу забележеним примерима био јединствен случај и што би довело до појаве још једног модела, али не би променило крајњу слику о деривационом потенцијалу датих термина.

27–29), без обзира на морфолошку припадност посматраних деривата,³¹ те да ни географски термини у томе нису изузетак. Ипак, међу наведеним глаголима нема таквих које бисмо сматрали мотивисаним придевом, било због тога што нам то не омогућава значење глагола било због тога што одговарајућег придева и нема.

3.6.3. Дакле, како показују речничке дефиниције и контексту у којима су дати примери забележени, међу 10 посматраних парова седам глагола сматрамо мотивисаним одговарајућим именицама (*инундација–инундирати; кристал–кристалисати/кристализовати/кристализирати; реамбулација–реамбулирати; стратификација–стратификовати; топографија–топографисати; урбанизација–урбанизовати; ирафа–ирафирати*).

3.6.3.1. Међу датим паровима издваја се *кристал–кристалисати/кристализовати/кристализирати* будући да је једини у ком се јављају творбени дублети.³²

3.7. Поједини се термини јављају у оквиру два различита модела, тако да, кад се они укрсте, пред собом имамо нешто већа семантичко-деривациона гнезда, с првостепеним и другостепеним дериватима; таква су следећа:

дисперзија > дисперзијски, -а, -о/дисперзни, -а, -о/дисперزيونи, -а, -о; дисперзност;

кристал > кристалисти, -а, -о, кристални, -а, -о, кристалисати/кристализовати/кристализирати;

пол > поларни, -а, -о/полни, -а, -о, поларник;

сеизмичитет > сеизмички, -а, -о/сеизмични, -а, -о, сеизмичност.

3.7.1. Међу четирима посматраним немотивисаним терминима посебно се својом продуктивношћу издваја именица *кристал*, за шта свакако објашњење ваља потражити у њеном нешто ширем семантичком потенцијалу: у РМС она има три различита значења, од којих је једно дато с квалификатором *фиг.*³³

4. Закључне напомене.

Забележени мотиватори и њима мотивисани деривати, с обзиром на различите класификационе критеријуме, могу се поделити у (барем) шест модела, у оквиру којих се јавља неколико подтипова. Овако разуђена класификација на први поглед може сугерисати то да је условљена бројем забележених деривата те да је деривациони потенцијал термина страног порекла који чине географски терминолошки систем – знатан. Међутим, и поред тога што су поједини међу посматраним терминима умерено продуктивни будући да су послужили за грађење неколико деривата (нпр. *кристал*) – далеко највећи део термина (185 од 209), уколико уопште има потврђен неки, мотивисао је само један дериват, најчешће придев, што говори о томе да је њихов деривациони потенцијал крајње скроман.

³¹ И. Клајн (2003: 359) наводи читав низ глагола који могу бити мотивисани именицом или придевом (нпр. *идеализовати* [*< идеал/идеалан*], *морализовати* [*< морал/моралан*]).

³² Клајн (2003: 358) наводи облике *кристалисати/кристализовати* као глаголе са фактивним значењем, али не даје и трећи лик глагола.

³³ У истом речнику дају се и придев *кристалински*, -а, -о и именица *кристалистост*, који, међутим, због провенијенције и непостојања података о извору – нису део нашег корпуса.

4.1. Овако скроман, заправо јалов, деривациони потенцијал нарочито је изражен код вишелексемских термина, иначе веома заступљених у укупном броју ексцерпираних термина: само један такав термин наспрам себе има потврђен дериват (*физичка географија* > *физичкогеографски*, -а, -о).

4.2. Из свега овога да се закључити да је наша полазна пресупозиција у потпуности потврђена те да се географски термини страног порекла својом ограниченом деривационом продуктивношћу не издвајају од представника других терминосистема. Наравно, уколико би се анализа спровела на обимнијем корпусу,³⁴ вероватно би дошло до унеколико друкчијих резултата, који, међутим, убеђени смо, не би битније утицали на наш закључак.

ЛИТЕРАТУРА

- Бјелаковић 2012: Бјелаковић, Исидора (2012). *Географска терминологија у књижевном језику код Срба у периоду од 1783. до 1867.* Нови Сад: Филозофски факултет. Докторска дисертација.
- Гортан-Премк 1988: Гортан-Премк, Даринка (1988). О месту термина у лексичком фонду. *Научни састанак слависта у Вукове дане. Терминологија – теорија и пракса.* Београд: Међународни славистички центар. 18/1: 15–21.
- Гортан-Премк 2004: Гортан-Премк, Даринка (2004). Полисемија и организација лексичког система у српскоме језику. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Клајн 2003: Клајн, Иван (2003). *Творба речи у савременом српском језику. Други део: Суфиксација и конверзија.* Београд: Завод за уџбенике и наставна средства – Институт за српски језик САНУ. Нови Сад: Матица српска.
- Ћорић 1982: Ћорић, Божо (1982). *Моциони суфикси у српскохрватском језику,* Београд: Филолошки факултет.
- Ћорић 2008: Ћорић, Божо (2008). *Творба именица у српском језику.* Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Babić 1986: Babić, Stjepan (1986). *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku.* Zagreb: JAZU – ČGP Delo, OOUR Globus, Izdavačka djelatnost.
- Karadža-Garić 1979: Karadža-Garić, Mevlida (1979). *Višestrukosti u nastavno-naučnoj terminologiji i njihova upotreba u školama SRBiH.* Sarajevo: Institut za jezik i književnost u Sarajevu – Odjeljenje za jezik.
- Katičić 1965: Katičić, Radoslav (1965–1966). Terminologija u suvremenoj lingvistici. *Jezik.* Zagreb: Hrvatsko filološko društvo. V: 139–140.
- Šipka 1998: Šipka, Danko (1998). *Osnovi leksikologije i srodnih disciplina.* Novi Sad: Matica srpska.
- Zgusta 1991: Zgusta, Ladislav (1991). *Priručnik leksikografije.* Sarajevo: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

³⁴ Иако се ни овоме, како смо видели, не може замерити на репрезентативности.

Milan S. Ajdžanović

DERIVATIONAL POWER OF GEOGRAPHIC TERMS OF FOREIGN ORIGIN

Summary

This paper addresses derivational power of geographic terms of foreign origin in modern Serbian. As a basis of the written corpus for linguistic analysis, the author used both lexicographic and non-lexicographic sources, from which he collected around 2000 terms in question.

The analysis has shown that derivational power of the terms is quite low, which is in line with other terminology systems.

МИЛИВОЈ Б. АЛАНОВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

КАУЗАТИВНО-МАНИПУЛАТИВНИ ГЛАГОЛИ: ДЕРИВАЦИОНО МОТИВИСАНЕ СЕМАНТИЧКЕ И АРГУМЕНТНЕ ВАРИЈАЦИЈЕ**

Сажетак. Каузативно-манипулативни глаголи не представљају хомогену лексичко-семантичку глаголску класу, већ пре категоријално специфичне супкласне типове који фигурирају у оквиру појединих глаголских класа: нпр. глагола кретања (*ићи* : *истерати*), говорења (*говорити* : *заговорити*), мишљења (*веровати* : *уверити*), осећања (*дивити се* : *завивити*) и сл.

Полазећи од типичних представника ове глаголске класе, намера нам је да укажемо на основ семантичке класификације ових глагола имајући у виду њихове деривационе специфичности, било да је реч о префиксалној или суфиксалној творби – стимулативност и облигатност у односу *терати* : *натерати* или *терати* : *истерати* / *отерати* / *утерати*; затим иницијативност и стимулативност у односу *подстаћи* : *подстицати*.

Стога је важно установити тип аргументне структуре коју глагол конституише с обзиром на свој творбени састав или значење: *истерати* + Ø/директни објекат; *натерати* + директни објекат + индиректни објекат/просторни адвербијал.

Кључне речи: српски језик, каузативност, манипулативност, лексичка семантика, деривација, аргументна структура.

1. Увод. Каузативност, према Т. Батистић, значи „прелазност неке глаголске радње на неки објекат, као и свјесно вршење те радње“ (Batistić 1978: 75), чиме се у први план истиче предодређеност човека за носиоца каузирајуће радње. Из перспективе објекта каузације, пак, каузативни глаголи могу да означе деловање на предмет или лице, које је подстакнуто на акцију, промену свога стања, положаја или неке особине (Золотова 2003: 166). Стога је јасно да је остваривање ситуације као двоагентивне могуће само у случају релације типа лице – лице, при чему агенс каузатор остварује контролу над читавом ситуацијом (сложеном или макроситуацијом (Шустова 2006: 114)), док агенс спроводник ефективно остварује контролу

---

* e-mail: malanovic@ptt.rs

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178004, под називом *Стандардни српски језик – синтаксичка, семантичка и прагматичка истраживања*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

само над једним њеним делом (елементарном или микроситуацијом), тачније над радњом коју означава основни некаузативни глагол (*водити* : *ићи*). Због свега тога, са аспекта глаголскога рода каузативни глаголи су увек транзитивни, док то није обавезно обележје основног некаузативног глагола (*нити* – *напити*; *отићи* – *отерати*), који је полазна основа у поступку актантне деривације.

Без обзира на то о ком типу каузатива је реч, они увек фигурирају као дво-пропозиционе јединице, док се постојање два различита базична агенса (агенса каузатора, тј. супраагенса, и објекта каузације као другог, подређеног агенса, тј. субагенса) може сматрати специфичношћу конструкција са каузативно-манипулативним глаголима, чије типичне представнике у раду и посматрамо.

1.1. Најопштија класификација каузативних глагола се може спровести на основу денотативног садржаја корелативних базичних предиката (Шустова 2006: 115–117), тако да се с обзиром на њихов тип у узрочној пропозицији издвајају три групе: глаголи који означавају каузацију у виду захтева (*наредити*), физичке (*исковати*) или интелектуалне делатности агенса каузатора (*објаснити*). С друге стране, на основу оствареног резултата каузирајуће радње, односно на основу денотативног садржаја предиката последичне пропозиције издвајају се глаголи који означавају каузацију кретања (*водити*) или промене места у простору (*поставити*); промене својства (*затамнити*), постојања (*успоставити*) или припадности објекта (*поклонити*); активирања чулне перцепције (*показати*) или менталних способности (*убедити*); промене физичких (*сломити*) или психофизиолошких одлика (*уплашити*), те интелектуалне моћи (*обавестити*) и сл.

Међутим, денотативни садржај једне или обе корелативне пропозиције може али не мора бити означен или имплициран глаголским значењем. Наиме, без обзира на то што каузативни глаголи реферишу о двома ситуацијама, није правило да се на нивоу лексичког значења каузативног глагола обе и непосредно идентификују.

Тако, полазећи од лексичког значења, семантички центар каузативног глагола може бити на каузирајућој (*замолити*), или на каузираној радњи (*орасположити*). С друге стране, неки од ових глагола интегришу у свој семантички садржај обе радње (*нахранити*), док други реферишу само о каузативном оквиру (*омогућити*). Стога Н. Д. Арутјунова с правом сматра да има глагола који не реферишу ни о једном од два базична предиката, а то су они типа *условљавати* или *ограничавати* (Арутјунова 2003³: 176), што је темељно обележје прототипичних каузативно-манипулативних глагола типа *приморати*, *омогућити*, *подстрекнути* и сл.

Како је већ речено, денотативни садржај једног или оба базична предиката може остати неидентификован, те у том случају модални оквир субпропозиције и резултативност каузације остају кључни критеријуми класификације каузативно-манипулативних глагола на типове. Наиме, значење резултативности (убити X = X је мртав), за које Ј. Д. Апресян с правом додаје да није и обавезно (Апресян 1995: 290), високо је зависно од типа каузативне релације, те глаголскога аспекта. Резултативна компонента је типична за глаголе принуде типа *натерати*, *приморати*, *присилити* и сл., док није и за стимулативне глаголе типа *бодрити*, *предлагати*, *храбрити* и сл.

1.2. Иако циљ овога рада није утврђивање семантичке класификације каузативно-манипулативних глагола, намера нам је да је осветлимо и сагледамо из перспективе деривационих одлика и потенцијала дате глаголске класе, те учимо везу између деривационе структуре одређеног глагола као носиоца валентности, његовога значења и реченичног модела који конституише. Стога се у раду ослањамо на семантичку класификацију каузативно-манипулативних глагола изложено у образложено у ранијим студијама (Алановић 2010, 2011).

2. Облигатност. Са аспекта типа, те непосредности узрочно-последичне везе међу два корелативним ситуацијама, облигатност се може сматрати прототипичном или централном каузативно-манипулативном релацијом. Будући да супраситуација као каузирајућа условљава обавезну актуализацију ефекта каузације у виду одговарајуће супситуације, за њих можемо рећи да стоје у односу директне или обавезне каузативне корелације (Пипер 1982: 170).

Типични лексички експоненти облигатности су општепринудни глаголи типа *наморати*, *натерати*, *приморати*, *присилити*, *принудити*, *потерати*, *нагнати*, *изнудити* и сл., који својим лексичким значењем имплицирају успостављање односа нужне условљености међу корелативним ситуацијама, те њиховим носиоцима – супрагенсом као манипулатором и субагенсом као манипулисаним, што се метајезички може представити на следећи начин: ‘X чини P1 тако да Y мора да чини P2 противно својој вољи’.

Специфичност наведених глагола јесте да су свршенога вида, што је, разуме се, у тесној вези са чињеницом да су изведени префиксалном творбом. Ако се осврнемо на глаголе који стоје у њиховој творбеној основи, а ту у првом реду мислимо на глаголе *гонити*, *терати* и *силити*, очигледно је да је и у њиховом семантичком потенцијалу компонента каузативности релевантна, али не и компонента принуде, што доказује нефактивност предиката допунске реченице. Наиме, глаголи *гонити*, *терати* и *силити* реализују се и у стимулативном и у принудном значењу, при чему се принудно значење везује само за хабитуалне фактивне ситуације, што је условљено контекстуално, а не и неким морфосинтаксичким показатељима, зависним од управног глагола. Тако се допунска реченица уз каузативни глагол типа *Родитељи су ме терали да се упишем на медицину, али ја ни да чујем* схвата као контрафактивна, јер субагенс предвиђену радњу није реализовао. Сасвим супротно бележимо у реченици *Стражари су терали затворенике да клече сатима*, где је фактивност предиката допунске реченице недвосмислена. Ипак, недовољно испитано остаје питање да ли имперфективни учестали парњаци општепринудних глагола, као што су *изнуђавати*, *натеравати*, *приморавати*, *принуђавати*, *присиљавати* итд., остају у сфери принуде, те су увек фактивни и резултативни, што је, барем према доступним примерима у савременом језику, доминантно, или је равноправна и стимулативна интерпретација, што се као могућност и потенцијал не може искључити.

Разлике међу наведеним основним глаголима се тичу и њихових значења, што се односи на њихову полисемичност. Док се глагол *силити* појављује једино у значењу „силом терати, гонити, приморавати, присиљавати“ (РМС 5: 761), дотле се глаголи *гонити* и *терати* могу сматрати изузетно полисемичним и готово си-

нонимичним, барем у основним значењима. Тако се оба, имајући у виду основне логичко-семантичке концепте које лексикализују, могу појавити у некаузативном, аутокаузативном, каузативном и каузативно-манипулативном значењу, али и у функцији глагола оператора или вербализатора, те глаголске деиксе: *Она гони/тера своје; Древеће тера прве листове; Ана гони/тера аутобус; Партизани гоне/терају Немце на север; Учитељица гони/тера ученике да редовно пишу домаћи; Он гони/тера шегу са свима.*¹ Разлике међу овим значењима се очитују не само на нивоу реченичних модела које реализује управни глагол као носилац валентности, већ и на нивоу лексичког значења и категоријалне припадности његових аргумената. Наиме, глагол *терати*, на пример, може се појавити без иједног аргумента када је у облику наративног императива, када је употребљен деиктички (*Онда ти ја терај, терај и дођох до врха куле*); само са једним, најчешће субјектом, када је остварен у значењу 'ићи', те је и тада у императиву (*Терај, Мишко!*), или у значењу 'расти' (*Листови опет терају*); два аргумента глагол *терати* добија како у транзитивним, тако и у интранзитивним конструкцијама, када је реализован деиктички, у функцији вербализатора 'чинити' (*Тера и даље своје; И даље тера по своме*), односно у функцији глагола оператора (*Он тера своје испитивање*), или пунозначно, у значењу 'хватати', 'гањати' (*Инспектор тера лопова*), затим 'возити' (*Она тера камион*), или 'рађати' или 'пуштати' (*Дрво тера нове лиске*); и коначно три аргумента када је у каузативно-манипулативном значењу, где се, уз 'узроковати', могу актуализовати и семе 'ићи' или 'чинити' (*Он тера овце из дворашта; Он ју је терао на смех*). Оно што је приметно јесте да се у готово свим моделима може појавити и глагол *гонити*, осим у значењу 'расти' и 'рађати', барем према речничкој обради, с том разликом да је његова актуелност у свести савременог, посебно млађег говорника, упитна, те стога глаголу *терати* и његовим дериватима дајемо предност у даљој анализи.

2.1. Имајући у виду задати теоријски оквир, у фокусу пажње овога рада јесте каузативно-манипулативно значење, које се код поменутих глагола, посматрано са аспекта базичних семантичких концепата, реализује у два појава лика, при чему се у једном случају ради о узроковању деловања у најопштијем смислу, а у другом о узроковању кретања, те је томе сходно оправдано говорити о њиховој општекаузативној и каузативно-ситуитивној употреби или реализацији. Док општекаузативна

¹ Глагол *гонити* појављује се у значењу: (1) трчати, јурити за неким; вршити хајку, потеру; насилно спроводити (2) одгонити, истеривати, растеривати (3) пресељавати домаће животиње ради исхране; служити као гонилац (4) преносити на товарној животињи или превозити робу (5) стављати у покрет, потискивати, помицати, гурати; разносити; чинити да се нешто појави (6) фиг. водити кривични поступак против кога, изводити на суд, тужити; прогањати (7) фиг. сузбијати, искорењивати (8) фиг. приморавати, присиљавати на нешто; прогонити; нагонити (9) фиг. спроводити, упорно настављати (10) постављати нешто у одређени правац; брзо се кретати, ићи; допирати (РСАНУ 3: 466–468). С друге стране, глагол *терати* појављује се у значењу: (1) присиљавати кога да напусти место на ком је, истеривати, одгонити, ићи у потеру, гонити, протеривати, прогонити (2) преносити на товарној животињи, превозити, вршити дужност возара; управљати возилом, покренути, померати, гурати испред себе (3) пуштати, истеривати пупољке (4) присиљавати, приморавати, нагонити; чинити да се што појави, изазивати што (5) вршити, обављати неки посао; настављати, не прекидати што (6) упражњавати, одржавати неки обичај (7) изазивати неку психичку, физиолошку реакцију, дражити (8) ићи, стално се кретати држећи се једног правца (9) имати домет, добацити, досезати (РСМ 6: 187–188).

употреба датих глагола подразумева изостанак денотације акционих оквира обеју ситуација, докле каузативно-ситуитивна употреба, која се може сматрати у развојном смислу примарном, предвиђа последицу као кретање, померање или премештање, измештање или смештање објекта каузације. Будући да се глаголи *гонити*, *силити* и *терати* могу појавити и у принудном и у стимулативном значењу, они се не могу сматрати прототипичним лексичким представницима облигатности, већ управо они глаголи за које је резултативност, односно фактивност норма, а то су њихове префиксалне творенице *нагнати* и *натерати*, као општепринудни, и *изгнати*, *истерати*, *протерати*, *сатерати* и сл., као каузативно-ситуитивни глаголи. У овом делу рада остављамо привремено по страни глаголе *приморати*, *изнудити*, *силити* и његове деривате, будући да не актуализују значење ‘узроковати кретање, померање’.

Упоредимо ли, пак, значења поменутих префиксалних твореница, очекивано је да се у њима могу препознати само нека од значења у којима се реализује за њих основни глагол, нпр. *терати*, али је и приметно да се глаголи *истерати* и *потерати* издвајају од осталих управо по својој полисемичности.² Наиме, глаголи *истерати* и *потерати* реализују се, осим у аутокаузативном и каузативном, и у некаузативном значењу, те у функцији вербализатора, што потврђује да префикси *из-* и *по-* у првом реду служе за перфектизацију имперфективних основа (Babić 1986: 478). Међутим, очигледне разлике међу поменутих дериватима се тичу и концепта инхоативности и терминативности, односно, аблативности и адлативности. Наиме, префиксом *из-* модификује се глаголско значење с обзиром на аблативност (*истерати из куће*), али и терминативност (*истерати бразду*), која се различито може нијансирати (Babić 1986: 480–481), док префиксом *по-* с обзиром на инхоативност и интензитет радње (*потерати средином*; *потерати мало раднике*), обично слабији (Babić 1986: 485). С друге стране, немали је број осталих деривата забележен, у првом реду префиксалних твореница типа *дотерати*, *затерати*, *натерати*, *отерати*, *претерати*, *притерати*, *протерати*, *растерати*, *сатерати* и *утерати*, што је сасвим очекивано с обзиром на то да се њима на различите начине модификује базично значење ‘узроковати кретање, померање’, уз нека очекивана одступања.³

² Тако се глагол *истерати* јавља у значењу: (1) гонећи, терајући приморати кога да изађе; изагнати, изгурати; удаљити, уклонити, отпустити (2) испустити (3) ископати, ишчупати (4) извући однекле на неко место (5) потерати (на пашу) (6) усмерити, померити у одређеном правцу (7) нићи, израсти (8) постићи, урадити (9) зарадити, стећи наплатити (10) досегнути (11) покренути, измамити (12) задовољити, утолити (13) истрајати (14) ископати (РСАНУ 8: 343–345); *потерати* се појављује у значењу: (1) почети терати, погнати; силом одвести, спровести кога уз пратњу; изложити, подврћи гоњењу (2) присилити кога или што да се брзо креће; гонећи приморати кога да се удаљи, да изађе одакле, истерати; погнати на какав рад, приморати кога да брзо учини, изврши што; почети радити што брзо, журно; похитати, пожурити с чим (3) ставити у покрет, покренути што; наставити, продужити што започето (4) пустити изданак, корен (РМС 4: 782); док се глагол *натерати* бележи у значењу: (1) терајући, гонећи довести, стерати на неко место, у неки положај, нагнати; нанети, донети; натаћи, навући; забости (2) довести у неко, обично непријатно, тешко психичко стање; изазвати реакцију (3) приморати, присилити, нагнати на нешто (4) присилити на кретање, потерати (4) довести до неког броја, до неке вредности (РСАНУ 14: 491).

³ Типични пример су глаголи *дотерати* и *претерати* који значе „прилагодити неком захтеву, ускладити с нечим, поправити, уредити, улепшати“ (РСАНУ 4: 606), односно „представити што у увећаним размерама, у превеликој мери извршити неку радњу“ (РМС 4: 1002).

2.2. Једно од централних питања у синтакси јесте у којој мери творбена структура глагола има утицаја на организацију реченице, те на морфосинтаксички лик аргумената (Ковачевић 1986). Будући да су каузативни глаголи прелазни, саставни део реченичне структуре је и објекат, по правилу директни, који углавном именује лице као објекат каузације. С друге стране, како се концепт узроковања деловања развио на бази концепта узроковања кретања, оправдано је најпре указати на везу између префикса и предлошко-падежне конструкције која комплементизује каузативно-ситуитивни глагол, чији се валентни статус смешта у сферу адвербијалног додатка.

Поменути додаци са просторним значењем, директивни, аблативни и адлативни, просекутивни или дистрибутивни, по правилу су обавезни уз читав низ префиксираних каузативно-ситуитивних твореница типа *истерати*, *отерати*, *дотерати*, *претерати*, *сатерати*, *утерати* и сл., што појачава дилему да је реч о прилошким допунама (Станојчић–Поповић–Мицић 1989: 228), упркос томе што њихов морфолошки лик није нужно предетерминисан глаголским префиксом, који, будући саставни део глагола, модификује само глаголско значење.

Из претходнога следи да, нпр. глагол *истерати*, уз субјекат и директни објекат у слободном аказативу, као обавезан аргумент захтева адвербијалну конструкцију у предлошком генитиву, типа *из куће*. Очито је да се дати глагол реализује и у реченицама типа *Истерао их је са института* или *Истерао их је на двориште*, односно у реченицама *Она је истерала мужа*. Претходни примери могу нам илустровати следеће: аблативност се, што се принципијелно односи и на друге просторне концепте, не мора исказати само једним предлогом, нпр. помоћу *из*, што је више него јасно, али се облик просторног аблативног детерминатора не одмерава према глаголском префиксу, већ према типу и својству локализатора (*отерати од куће/из дворишта/са палубе*); друго, присуство неаблативних просторних детерминатора, пак, показује да је аблативност инхерентно обележје глаголског значења, али да у комуникативном фокусу говорника, или ситуације, може бити и нека друга тачка у простору, те је реализован нпр. адлативни или просекутивни детерминатор (*Отерали смо их до првих кућа, преко поља*), или пак ниједна, што омогућује потпуно одсуство адвербијалних детерминатора: *Отерао сам голубове*.

Изузетак представљају само префиксалне творенице типа *утерати*, где се због специфичног концепта кретања, смештања у ограничен или затворен простор, те обликовања локализатора, што имплицира и сам префикс *у-*, глагол редовно удружује са адвербијалом у виду конструкције *у + аказатив*: *Утерај их у школу*.

2.3. Како се да видети, каузативно-ситуитивним глаголима се денотира последична радња као кретање објекта каузације, чиме је веза између глагола и његових просторних аргумената лабавија, што их одваја од општепринудних глагола типа *приморати*, *присилити* и сл. Наиме, што је глаголско значење апстрактније, то је присуство већег броја допуна обавезно, где се под апстрактношћу подразумева изостанак денотације конкретног акционог типа радње. У овом се светлу може сагледати и разумети троаргументни модел са две објекатске допуне у ком се појављују глаголи *присилити*, *прунудити*, те *натерати*, *наморати* и сл.

Сви наведени глаголи сврставају се међу општепринудне зато што се у њиховом значењу остварују две архисеме: ‘узроковати’ и ‘чинити’. Захваљујући томе што се делатност субагенса не денотира глаголским значењем, друга објекатска допуна, која је непосредни експонент субпредиката, представља неиспустиви део реченичне структуре, а запоседају је или глаголске именице или допунска реченица (*натерати кога на повлачење/да се повуче*).

Осим неопходности реализације две објекатске допуне, вредан пажње јесте и лик друге објекатске допуне. Наиме, није претерано рећи да је у примерима типа *Она га је натерала на признање* граматикализован модел са аргументом циљног значења (*Натерала је аутомобил на ивичњак*), при чему је циљ са кретања и смештања у простору транспонован у апстрактнији домен, тј. усмерен је на какву радњу. Својеврсни изузетак представљају модели где је ефекат каузације стање, код којих је граматикализован модел у + акузатив: *натерати у бес/плач/сузе* и сл.

2.4. Не показују, међутим, сви општепринудни глаголи логичко-семантичку везу са концептом кретања и смештања, а то се посебно односи на *наморати* и *приморати*. Последњи глаголи нам показују, више него очигледно, да се принудни оквир деловања субагенса лексикализује модалним глаголом *морати*, као типичним показатељем значења нужде и неопходности, који се налази у творбеној основи датих глагола. Без обзира на то, сви наведени глаголи се, барем према лексикографској обради, сматрају синонимима, те се тако, на пример, глагол *натерати* и дефинише, између осталог, посредством глагола *присилити*, *принудити* итд. Осим тога и рекцијски модели наведених глагола су идентични, те се може слободно рећи да се ради о специфичном виду граматикализације значења принуде. Директним објектом уз поменуте општепринудне глаголе, који је у форми слободног акузатива, именује се објекат каузације, у чијем се својству редовно јавља човек или какав његов колектив, који је носилац каузиране ситуације. С друге стране, индиректни објекат, у форми прелошког акузатива (*на/у* + акузатив), идентификује ефекат каузације, тј. радњу каузиране ситуације.

Глагол *принудити*, с друге стране, стоји у етимолошкој вези са именицом *нужда*, те у семантичкој с глаголом *принуждити*, при чему се управо именица *нужда* може схватити као индикатор неопходности. У савременом језику глагол *нудити* данас не разумемо као семантичку творбену основу за глагол *принудити*, при чему не треба занемарити ни то да се као последње значење глагола *нудити* у РСАНУ, истина ко застарело, наводи и „приморавати, присиљавати, принуђивати“ (РСАНУ 16: 67). Међутим, сам глагол *нудити* се остварује и даље у каузативном значењу, тачније стимулативном, при чему се каузација схвата као подстицање субагенса да узме или прихвати какав предмет, услугу или сл. Управо значење преноса или трансфера каквог предмета, али сада од субагенса ка супраагенсу, релевантно је и за глагол *изнудити*, који своју деривациону и семантичку везу са глаголом *нудити* показује и на реченичном нивоу, остварујући истоветан модел рекције: *изнудити некоме нешто*. Међутим, пошто се трансфер може схватити и као одвајање, датив стоји у алтернацији са аблативним генитивом: *изнудити од некога нешто*. Наиме, датив индиректног објекта означава лице које је објекат каузације али и носилац последичне фазе, док акузатив директног објекта стоји

у непосредној корелацији са предикатом субпропозиције или његовим објектом: *изнудити некоме признање/новац*. Овај се рекцијски модел може довести у везу са природом узрочне, али и последичне ситуације. Док се узрочна ситуација, као по правилу, остварује у виду комуникативне делатности, сасвим је очекивано да се прималац информације граматикализује слободним дативом. С друге стране, будући да је смисао и циљ каузације најчешће трансфер каквог предметног објекта, дати модел интегрише и акузатив директног објекта. Ипак, с обзиром на то да се трансфер евентуалног предметног објекта одвија од субагенса ка супраагенсу, слободни датив стоји у алтернацији са аблативним генитивом у конструкцији *од + генитив: изнудити некоме/од некога новац*, што је иначе типично за глаголе типа *узети: узети некоме/од некога новац*. Да је аблативна семантичка компонента инхерентна глаголском значењу, види се и у његовој творбеној структури, чији је саставни елемент префикс *из-*. Насупрот њему, глагол *нудити*, који је у његовој творбеној основи, конституише само модел са слободним дативом и акузативом. И још нешто. Глагол *изнудити* омогућује увођење пропозиционог објекта у форми слободног акузатива, чиме се дативни објекат аутоматски брише и укида: *изнудити признање осумњиченог*. Специфичност пропозиционог објекта се огледа у томе што он обједињава експоненте свих чланова субпропозиције, како њенога предиката, тако и његових аргумената (Алановић 2011: 185), што овај глагол приближава стимулативним и пермисивним.

2.5. Место наведених глагола у лексичком систему се може проверити и на основу њиховог деривационог потенцијала, посебно могућности да се од њих изведу именице типа *nomen agentis*. У том се погледу општепринудни глаголи јављају као врло непродуктивни, па срећемо ретка образовања типа *изнудилац/изнудитељ, изнуђач/изнуђивач* и *утеривач*, док су ипак нешто чешћа од ситуитивних, нпр. *гонич, нагонич, нагоничар, потерник*, у значењу 'гонитељ' или 'гонилац', *прогонац, прогонилац, прогонитељ* и *протералац*. Оно што је приметно јесте да се овај тип образовања среће код глаголских основа које означавају последицу као кретање или као давање, што значи да је облик деловања субагенса конкретизован.

3. Пермисивност. Пермисивност се у најширем смислу може дефинисати као ангажовање супраагенса на стварању таквих околности које омогућују или онемогућују деловања субагенса. Управо се дихотомна диференцијација овог типа каузативности може остварити с обзиром на концепт могућности или немогућности да субагенс реализује радњу, при чему можемо издвојити два основна семантичка подтипа – протопермисивност и контрапермисивност. Премда се може чинити да су контрапермисивност и облигатност блиске категорије, треба нагласити да се пермисивност супротставља облигатности на основу следеће импликације: У жели да чини Р.

Ова два базична пермисивна концепта, протопермисивност и контрапермисивност, представљају супкласна обележја лексичких јединица, на основу којих се унутар појединих глаголских класа формирају антонимски парови, типа *омогућити : онемогућити* или *помоћи : одмоћи*, што је одваја од облигатности. Значења протопермисивности и контрапермисивности регулишу се на основу реализације базичне негације субпредиката, што може бити у домену лексичког значења глагола (*спречити*) или његове творбене структуре (*одмоћи; онемогућити*).

3.1. Међу општепермисивне глаголе сврставамо *омогућити*, *онемогућити*, *спречити*, *помоћи* (*помагати*), *одмоћи* (*одмагати*) и *омести* (*ометати*). Како је већ напред речено, деловање агенса каузатора је омогућивачко или онемогућивачко, што значи да он интервенише у тренутку када је субагенса већ ангажован или намерава да се ангажује на реализацији какве радње.

За разлику од општепринудних глагола, општепермисивни нису полисемични и појављују се искључиво у каузативно-манипулативној реализацији, управо стога што се у њиховој деривационој основи, истина не код свих, препознају модални индикатори могућности, што упућује да нису изведени од каузативних глагола, већ од некаузативних основа типа *могућ* и *немогућ* у *омогућити* и *онемогућити*, или од *моћи* у *помоћи*, *одмоћи*. Стога је сасвим разумљиво што је глагол *помоћи* забележен у само два значења, мора се приметити врло сродна, заснована на истом концепту: (1) олакшати вршење неког рада, дати помоћ, потпору у чему; охрабрити, ободрити; спасти, избавити, заштитити (2) изазвати побољшање, поправити стање (РМС 4: 684); а то важи и за *одмоћи*, с том разликом да је друго квалификовано као необично: (1) учинити сметњу, тешкоћу, нашкодити (2) необ. олакшати коме, ослободити кога терета (РМС 4: 52). Остали су глаголи регистровани у по једном значењу, и то *омести* у: спречити кога у намерама; онемогућити извођење нечега (РМС 4: 130); *омогућити*: учинити могућним, створити могућност за извршење чега (РМС 4: 133); затим *онемогућити*: учинити немогућим, неизводљивим, спречити, омести, осујетити (РМС 4: 140); и *спречити*: постављајући какву запреку онемогућити извршење нечега, омести, запречити уопште (РМС 5: 949). Захваљујући своме лексичком значењу, модални оквир последичне пропозиције чини управо глагол *моћи*, који је лексички показатељ пермисивности.

3.2. С обзиром на то да у глаголском значењу облик деловања ни супраагенса ни субагенса није предвиђен, општепермисивни глаголи примарно конституишу модел са две обавезне објекатске допуне, од којих једна именује лице као објекат каузације и носиоца каузиране ситуације, а она друга управо саму каузирану радњу.

Код наведених глагола се могу уочити два рекцијска модела која структурирају. Први, иначе типичан за оне протопермисивне глаголе типа *омогућити*, интегрише слободни дативни и акузативни објекат, а други чине слободни акузатив и локатив с предлогом *у*, објекти типични за контрапермисивне глаголе типа *спречити*.

У рекцијском моделу са дативом индиректног објекта срећу се глаголи *омогућити*, *онемогућити* и *спречити*, при чему треба нагласити да се ови последњи срећу и у другом, конкурентном моделу.

Рекцијски модел типичан за глаголе типа *омогућити* интегрише датив који именује објекат каузације, дакле лице у улози субагенса, док се акузативом именује ефекат каузације, тј. он представља експонент субпредиката, захваљујући чему стоји у регуларној алтернацији са допунском реченицом или инфинитивом (*омогућити коме да уђе/ући*). Дативом се у датом реченичном моделу објекат каузације схвата као даљи објекат, тј. објекат намене, што се у крајњем може довести

у везу са деловањем супраагенса које је усмерено на околности, а не непосредно на лице као објекат каузације.

С друге стране, контрапермисивни глаголи *онемогућити* и *спречити* појављују се и у моделу где се објекат каузације идентификује слободним акузативом, што нужно захтева конверзију другог, субпредикатског објекта из акузатива у локатив с предлогом у: *онемогућити кога у нечему*. Наиме, док се у моделу са дативним објектом ангажовање супраагенса као агенса каузатора може схватити као дистантно или посредно, догле се његово деловање у овом последњем моделу схвата непосредније и ангажованије, чиме и сам објекат каузације бива промовисан као пацијенс, а не адресат. Овакав распоред улога се може довести у везу и са тим да је радња супситуације у примеру *Онемогућу га је да уђе* већ покренута (Антонић 2005: 280), те је неопходан и непосреднији ангажман супраагенса на њеном заустављању. И још нешто. Свршени контрапермисивни глаголи су увек контрафактивни (*Спречио га је да уђе*), док су протопермисивни нефактивни, што показује следећи пример *Он им је омогућио да се запосле, али они нису ту прилику искористили*. Изузетак представљају имперфективни учестали парњаци контрапермисивних, нпр. *онемогућавати* и *спречавати*, који се могу реализовати и у контрафактивном значењу: *Безуспешно су их спречавали да уђу*.

Иако се сва три глагола појављују у моделу са дативом субагенса, једино у том обрасцу се појављује глагол *омогућити*. Глагол *онемогућити* појављује се у два модела захваљујући творбеној вези са глаголом *омогућити*, с једне стране, и значењској са глаголом *спречити*, с друге. Захваљујући глаголу *онемогућити* и значењској идентичности с њим, и глагол *спречити* се појављује у оба рекцијска модела. Како је већ речено, формални ликови субагенса сугеришу различит вид ангажмана супраагенса, те улоге самога објекта каузације. Стога се може рећи да се локативним објектом уз контрапермисивне глаголе упућује на радњу супситуације која је већ у току, док у моделу типичном за глагол *омогућити* радња субситуације тек предстоји, што је очито, барем нам се чини, ако се упореде примери *онемогућити некоме приступ интернету* : *онемогућити некога у приступу интернету*.

Специфичан модел синтаксичке валентности показују глаголи *помоћи*, *одмоћи* и *омести*. Наиме, ови глаголи се реализују у дворекцијском моделу са две објекатске допуне – првом, у дативу или акузативу, која идентификује објекат каузације и субагенс, и другом субпредикатском у конструкцији у + локатив, која идентификује процес као ефекат каузације. Алтернација датива и акузатива упућује на различит вид, сталност и свеобухватност помоћи, што је већ описано у литератури (Гортан-Премк 1971: 42).

У моделу са слободним дативом и акузативом, нпр. *помоћи некоме брата* и сл., где изостаје акузатив као субпредикатски тип објекта, реч је о присвојном дативу који фигурира на нивоу синтагме као неконгруентни атрибут: *помоћи нечијег брата*.

Темељна одлика општепермисивних глагола јесте да могу бити допуњени само једним, пропозиционим објектом, што их повезује са општестимулативним глаголима. Пропозициони објекат, који интегрише све аргументе базичне

пропозиције, у форми је слободног акузатива: *помоћи развој предузетништва; омогућити развој индустрије* итд.

3.3. Попут општепринудних глагола од којих се, по правилу, не изводе агентивне именице, то правило важи и за општепермисивне типа *омогућити, онемогућити и спречити*. Овај тип деривата срећемо, међутим, код *омести* и *помоћи: помагач, помоћник, ометац* и сл., од којих се последња појављује и у инструментном значењу, што се може довести у везу са импликацијом постојања какве конкретне последице као непосредног резултата помоћи или ометања, што се може разумети као конкретизација деловања учесника ситуације.

4. Стимулативност. Овом каузативном релацијом каузирајућа ситуација се перципира као спољашњи подстицај субагенсу да реализује радњу супситуације, у којој је ангажован као њен носилац. Деловање супраагенса је, с једне стране, циљноусмерено на стимулисање субагенса да самостално и својом вољом покрене одређену радњу и, с друге, усмерено је на иницирање радње за чију је реализацију одговоран субагенс, уз компоненту ограничавања вољности у његовом деловању. Стога се иницијативност појављује као варијантни облик стимулативности.

Док се стимулативност може дефинисати као вид поделе одговорности и контроле између супраагенса и субагенса (нпр. *подстицати*), дотле се иницијативност претежно смешта у сферу одговорности супраагенса, барем када је реч о иницијалној фази радње каузиране ситуације (*подстаћи*). Међутим, разлика између ова два концепта је најочитија у односу свршених и несвршених глаголских парњака, нпр. *подстаћи* и *подстицати*, где су они свршени индикатори иницијативности, будући да су увек фактивни, а они несвршени, будући нефактивни, индикатори су стимулативности. Осим тога, и несвршени парњаци општепринудних глагола се појављују као индикатори стимулативности (*силити, терати* итд.), што наводи на оправдан закључак да су значења облигатности и стимулативности комплементарна, а да се непосредно супротстављају управо на основу обележја фактивности, односно резултативности. Управо је фактивност показатељ моћи и контроле супраагенса, која је у случају стимулативности ограничена управо субагенсовом контролном моћи и одговорношћу. Да су ова два каузативно-манипулативна значења комплементарна показује и глаголска реакцијска способност, односно чињеница да се општестимулативни глаголи појављују у готово истим граматичким обрасцима као и општепринудни.

4.1. Међу општестимулативне глаголе сврставамо *гонити, дестимулисати, побудити, подстаћи/подстакнути/потакнути (подстицати), подстрекнути (подстрекавати), подбости (подбадати), силити, стимулисати и терати*, међу којима се издвајају *гонити, силити и терати* који се могу реализовати и као општепринудни, када су употребљени у хабитуалном значењу, о чему је било напред речи. Специфичност наведених општестимулативних глагола огледа се у њиховој моносемичности. Ипак, концепт моносемичности се мора узети са резервом јер се општестимулативно значење 'покренути кога на вршење какве радње' тек као друго наводи уз глаголе *подстакнути, подстаћи и подбости*. Тако се као прво значење глагола *подстакнути/подстаћи* наводи „промешати чим да боље гори, чарнути, подјарити, распламсати“ (РМС 4: 583), док уз глагол *подбости* стоји

„ударити мамузама у бокове коња да се брже креће“, за која сматрамо да су из перспективе савременог говорника сасвим дезактуализована. С друге стране, када су употребљени у каузативно-манипулативном значењу глаголи *побудити*, *подбости*, *подстакнути*, *подстаћи* и *стимулисати*, барем према РМС, имају синонимична значења. Овоме низу глагола могу се придружити и глаголи *навести*, *ободрити* и *охрабрити*, с том разликом да се у њиховом значењу уочавају и друге семантичке компоненте, које се, између осталог, тичу промене свести, расположења или каквог другог својства у медијалној сфери субагенса, што у крајњем обезбеђује успешност манипулације. Тако се, као прво значење глагола *навести* наводи каузативно-ситуативно „водећи довести, упутити куда; довести шта мењајући му правац“, док се као друго наводи оно стимулативно „наговорити, подстаћи; нагнати“ (РМС 3: 493–494). Наиме, глагол *навести*, будући у деривационој вези са глаголом *ићи*, односно *водити*, показује сложенију значењску структуру од *ободрити* и *охрабрити*, који имају готово идентично значење, и то „подићи коме дух, морал, подстаћи, охрабрити“ (РМС 3: 872), односно „подстаћи кога на храброст, улити коме храброст“ (РМС 3: 278).

Ако се погледа инвентар општестимулативних глагола, очито је да се глагол *дестимулисати* одваја од осталих, јер је антонимски пар глаголу *стимулисати* и значи „лишавати подстицаја, обесхрабрити“ (РСАНУ 4: 244). Остали општестимулативни глаголи не показују овај вид деривационих способности, типичних, између осталих, за глаголе *навратити*, *наговорити*, *охрабрити* и др., који денотирају каузирајућу радњу у виду говорне делатности, која имплицира преношење стимулишућих, али и дестимулишућих информација субагенсу, што је одлика глагола *одвратити*, *одговорити*, *обесхрабрити* и сл. Наиме, док се глаголима типа *подстаћи* упућује на усмереност субагенса ка одређеном циљу чија промена није предвиђена, докле се глаголима типа *обесхрабрити* управо сугерише неопходност у погледу промене циља, при чему је циљ каузације управо промена циља деловања субагенса.

4.2. Готово сви поменути стимулативни глаголи појављују се у дворекцијском моделу, где захтевају две објекатске допуне – слободни акузатив са значењем објекта каузације, односно субагенса, те предлошки акузатив у конструкцији са предлогом *на*, ређе *у*, са субпредикатским значењем, захваљујући чему и стоји у регуларној алтернацији са допунском реченицом или инфинитивом. Ипак, треба нагласити да се стимулативни глаголи по једној својој валентној особености одвајају од принудних глагола, а то је да допуштају реализацију пропозиционог објекта, нпр. *подстаћи* и сл., у оквиру ког би се на нивоу синтагме реализовали сви аргументи субпредиката, чији је непосредни корелатив глаголска именица као управни члан синтагме: *подстаћи побуну народа*.

Специфичан рекцијски модел бележимо само код глагола *дестимулисати*, што се може довести у везу са његовим значењем које је модификовано префиксом *де-*. Наиме, иако није реч о словенском префиксу, њиме је глаголска основа, те основно значење глагола модификовано аблативношћу, која подразумева напуштање каквог започетог или планираног деловања субагенса, односно поништење резултата радње (Вабић 1986: 479). Док глагол *стимулисати*, од ког

је префиксацијом изведен, гради исти модел реченице као и *подстаћи*, префиксална твореница *дестимулисати* не допушта увођење циљне акузативне допуне у конструкцији са предлогом *на*. Овај глагол се појављује у моделу са слободним акузативом и допунском реченицом.

4.3. Међутим, када је реч о деривационом потенцијалу, стимулативни глаголи показују низак степен, те срећемо агентивне именице типа *подстрекач*, *подбачач*, али и *стимулатор* и сл., којима се имплицира да је прави узрок или непосредни ефекат каузације управо у когнитивно-афективној сфери субагенса и његовој перцепцији ситуације. Стога, иако радња каузатора није конкретизирана или идентификована, њена перцепција као узрока смешта је у сферу конкретних феномена управо због постојања каквог непосредног ефекта.

5. ЗАКЉУЧАК. На основу свега изложеног можемо закључити да је реченични модел који конституише одређени глагол као носилац валентности у великој мери зависан од конкретно реализованог значења, с једне стране, те његове деривационе структуре, којом се може регулисати не само концепт фактивности или резултативности, већ и у извесној мери морфосинтаксички лик његових аргумената.

Наведени нам глаголи показују да се апстрактнија значења развијају на оним конкретним, што се види и на основи граматикализације једног рекцијског модела, *на* + акузатив, који се појављује као типичан или превалентан за општепринудне и општестимулативне глаголе. С друге стране, деривационо условљене модификације глаголског значења доводе, посебно у случају антонимије, до промене рекцијског модела, што се јасно види код глагола који предвиђају какву говорну делатност, као што су *одвратити*, *одговорити* и сл. Осим тога, промена рекцијског модела стоји у тесној вези и са различитим улогама учесника у радњи, али и са самом радњом која се томе следствено може схватити обухватније, свестраније и непосредније (*онемогућити некоме* : *онемогућити некога*).

Деривациони потенцијал наведених глагола се може проверити и на основу тога да ли постоје деривати из класе агентивних именица, што је, како смо утврдили, пре изузетак него правило, чиме се потврђују ставови да се они изводе од глагола који предвиђају какву конкретну делатност, једног или обају учесника.

Овим радом настојали смо показати да се синтаксички феномени не могу посматрати изоловано, не само од семантичких, већ и од деривационих особености глагола као носиоца валентности, што само поткрепљује ставове да међу овим плановима постоји јасна и системска корелација коју надаље треба истраживати.

ЛИТЕРАТУРА

- Алановић, Миливој (2010). Типолошке одлике и принципи класификације лексичко-граматичких каузатива. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 39/1: 361–375.
- Алановић, Миливој (2011). *Каузативност – манипулативност: од концепта ка форми*. Нови Сад: Филозофски факултет.
- Антонић, Ивана (2005). Синтакса и семантика падежа. У: Пипер, Предраг и др. *Синтакса савременог српског језика. Проста реченица*. Београд: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска. 119–344.
- Апресјан, Јуриј Д. (1995). *Лексическа семантика. Синонимическе средства језика. Изабране труде том I*. Москва: Школа „Језици русској културе“ – Издавательна фирма „Восточна литература“ РАН.
- Арутюнова, Нина Д. (2003³). *Предложение и его смысл*. Москва: УРСС.
- Babić, Stjepan (1986). *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: JAZU – Globus.
- Batistić, Tatjana (1978). О неким аспектима анализе каузативних глагола. *Јужнословенски филолог*. XXXIV: 59–87.
- Горган-Премк, Даринка (1971). *Акузативне синтагме без предлога у српскохрватском језику*. Београд: Институт за српскохрватски језик.
- Золотова, Галина А. (2003). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: УРСС.
- Ковачевић, Милош (1986). Префиксација и њен утицај на форму и семантику синтагме. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 16/1: 119–128.
- Пипер, Предраг (1982). Синонимије и конверзије с глаголом *морати*. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 12/1: 167–172.
- РСМ: *Речник српскохрватског књижевног језика*. књ. 1–3, Нови Сад–Загреб: Матица српска–Матица хрватска, књ. 4–6, Нови Сад: Матица српска. 1967.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 1–17. Београд: Институт за српскохрватски језик. 1959–
- Станојчић, Живојин и Љубомир Поповић, Стеван Мићић (1989). *Савремени српскохрватски језик и култура изражавања. Уџбеник за 1,2,3. и 4. разред средње школе*. Београд – Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства – Завод за издавање уџбеника.
- Шустова, Светлана В. (2006). Принципы выделения каузативных глаголов. *Вестник тюменского государственного университета*. 8: 112–118.

Milivoj B. Alanović

KAUSATIV-MANIPULATIVE VERBEN: DERIVATIONS BEDINGTE SEMANTISCHE
UND AKTANTIELLE VARIATIONEN

Zusammenfassung

In dieser Arbeit haben wir versucht den Zusammenhang zwischen semantischen, Bildungs- und syntaktischen Phänomenen zu erläutern, die im Rahmen der semantischen und valenziellen Struktur des Verbs als Valenzträgers vorkommen. Kausative Verben sind eine sehr heterogene semantische Klasse von Verben, unter denen wir Verben des Zwangs, der Ermöglichung und der Stimulierung zu unterscheiden können. Es hat sich erwiesen, dass die Verben des Zwangs und der Stimulierung, wie z. B. *primorati* und *podstaći*, gleiche aktantielle Struktur bilden. Außerdem, könnten wir beweisen, dass die aktantielle Struktur der kausativen Verben, die eine gewisse Bewegung beschreiben, in der Regel nicht ganz vorsehbar ist, was bedeutet, dass das Präfix nicht immer mit der Präposition in der PP übereinstimmen muss.

УДК 811.163.41'373.46:91"17/18"
811.163.41'367.622'373.611
811.163.41-26(091)

ИСИДОРА Г. БЈЕЛАКОВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

ИМЕНИЧКЕ СЛОЖЕНИЦЕ У ПРЕДСТАНДАРДНОЈ ФАЗИ РАЗВОЈА СРПСКОГ ЈЕЗИКА (ГЕОГРАФСКА ТЕРМИНОЛОГИЈА)**

Сажетак. У раду се анализира (1) творбена структура и (2) синтаксичко-семантички односи конституената именичких сложеница како би се утврдило у којој мери оне настављају средњовековну традицију, односно традицију рускословенске провенијенције, а у којој мери одговарају стању у савременом српском језику. Анализа је спроведена на терминологији из области математичке географије и астрономије, регистрованој у уџбеницима из предстандардне епохе развоја српског језика (1783-1867).

Кључне речи: сложенице, терминологија, историја књижевног језика

1. Увод. Сложенице, као „ограничен и маргиналан лексички слој“ прасловенског језика (Грковић-Мејџор 1999:178; Grković-Major 2003: 129), током старословенске писмености постају бројније те настају како калкирањем према грчким моделима тако и слагањем оригиналнијег карактера па многе просте лексеме бивају замењене одговарајућим сложеницама, а синтагме срastaју у композите (в. Цейтлин 1977). Досадашња истраживања указују на то да се овај процес наставља и у редакцијским текстовима насталим на простору *Slavia Orthodoxa*, при чему сложенице у њима често остају на нивоу идиосинкретизама и везују се за одговарајуће жанрове (Стефановић 1991; Недељков и Шкорић 1997: 193; Грковић-Мејџор 1999: 178; Барако 1999-2001; Grković-Major 2003: 129-131; Никитовић 2008).¹ Прелазак са српске на руску редакцију, почетком 18. века, као и општи друштвени напредак у другој половини 18. века довео је до

---

* e-mail: nsdora1@yahoo.com

** Рад је настао као резултат истраживања у оквиру пројекта Историја српског језика (178001), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

¹ Новија истраживања ипак показују да сложенице у бугарским дијалектима и руским повељама из периода од 11. до 14. века нису биле непозната и периферна категорија (Вјалкина 1966 према Грковић-Мејџор 1999: 178). Анализа сложеница у руском и јужнословенским књижевним језицима 14. и 15. века указује на њихову фреквентнију употребу у текстовима узвишеног и свечаног карактера да би се нови талас сложеница оригиналног карактера појавио у руском књижевном изразу у 15. и 16. веку, а у текстовима насталим на јужнословенском језичком простору у 19. веку (Сперанский 1960: 165).

успостављања живих веза између новоформљеног српског грађанства и руске, али и западноевропске (пре свега немачке) световне књижевности, писмености и цивилизације уопште, што намеће потребу за богаћењем лексикона и формирањем термилошког апарата.

2. Предмет овог рада јесте анализа (а) творбене структуре именичких сложеница², и (б) синтаксичко-семантичких односа њених конституената³. Забележене форме упоређене су са стањем у старијим српским списима сличне тематике како би се утврдило (1) у којој мери оне настављају средњовековну традицију, (2) у којој мери одговарају стању у рускословенској/руској писмености 18. и 19. века, а (3) у којој стандардном српском језику.⁴ Анализа је спроведена на терминологији из области математичке географије и астрономије, регистрованој у уџбеницима и приручницима из предстандардне епохе развоја српског језика (1783-1867)⁵. Анализиране су само оне именичке сложенице код којих је бар једна од творбених основа домаћег порекла. Такозване неокласичне сложенице, засноване на грчким и латинским основама (в. Scalise and Bisetto 2009), попут *географија*, *астроном*, *астрономија*, *планиглоб* и сл., као ни сложенице (и полусложенице) чије су обе творбене основе страног порекла (нпр. квадратмиља) нису предмет анализе у овом раду. С друге стране, у раду су обрађени сви славенизми будући да су се они у предстандардној фази развоја српског језика доживљавали као основни извор богаћења лексике, према којима су временом, након процеса посрбљавања настали бројни славеносрбизми, па и сложенице чије су компоненте у потпуности биле домаће.

3. Анализа. У анализираној грађи забележено је 87 именичких сложеница, што представља 5,1% од укупног броја забележених термина (1700). Будући да сложенице настале сложено-суфиксалном творбом нису предмет овог рада, анализиране су само оне сложене форме чији је други сложенички део идентификован или као проста реч или као дериват са осамостаљеном употребом у ексцерпираним корпусу или у следећим речницима: Срезневский (1893-1912) – СР, RJAZU (1880-1976), Петковић (1935) – Пет., Kurz и др. (1958-59), Иванович

² Под сложеницом или композитом подразумева се твореница која је мотивисана двама речима. У првом сложеничком делу налази се потпуна реч или творбена основа прве мотивне речи, а у другом сложеничком делу налази се проста реч или лексикализовани дериват. Овај тип сложеница С. Бабић назива чистим сложеницама (Babić 1986: 30).

³ Забележене сложенице подељене су најпре на координативне (оба сложеничка дела нападају истој врсти речи и међусобно су равноправна) и на субординативне (композите код којих је однос делова неравноправан). У литератури се за координативни тип сложеница среће и термин копулативна сложеница (в. Белић 1949; Grković-Major 2003: 137). Субординативне композите деле се на агентивне, детерминативне (атрибутске и адвербијалне) и рекцијске. Ова подела преузета је, уз извесне измене, из класификација датих у Клајн 2002: 33-36, Grković-Major 2003, Драгин и Штасни 2006: 58 и Scalise and Bisetto 2009.

⁴ Досадашња истраживања лексике предстандардне епохе развоја српског језика указују на то да је слагање представљало продуктиван творбени модел, при чему је главни подстицај за грађење сложеница давао немачки језик (в. Клајн 2002: 15) или је овај слој лексике, па и модела, преузимао из руског лексичког фонда (в. Зорић 2004; Тумарић 2008).

⁵ Подаци о корпусу са скраћеницама које су навођене приликом анализе дати су на крају рада. Сви регистровани примери транскрибовани су према упутствима А. Младеновића (1979) у складу са начелима правописа стандардног српског језика (Пешикан и др. 2010).

и Петранович (1966) – Иван., РМС (1969), *Словарь русского языка XI-XVII вв.* (1975-) – XI-XVII, Михајловић (1982-1984) – Мих., Сорокин и др. (1984-2005) – XVIII, Дьяченко (1993) – Дьяч., Ожегов и Шведова (1997) – Ож., Цейтлин (1994) – Цейт.⁶

3.1. Творбена структура именичких сложеница

С обзиром на творбени модел регистрованих сложеница уочавају се следећи типови:

(1) сложенице мотивисане двома потпуним именицама без спојног вокала (И+И): *времечисленије*;

(2) сложенице грађене од именичке основе у првом сложеничком делу, спојног вокала и просте речи или лексикализованог деривата са осамостаљеном употребом у другом сложеничком делу (Ио^с+И): *југоисток*, *ветропоказатељ*, *звездометеж* и сл.

(3) сложенице грађене од основе збирног броја у првом сложеничком делу, спојног вокала и просте речи у другом делу композите (Бр^с + И): *тројеугол*.

Најчешћи спојни вокал је -о- (југ-о-запад, ветр-о-показатељ, земљ-о-пис, вид-о-круг и сл.), али се уз палаталне и стари палатални консонант /ц/ бележи и вокал -е- (земљ-е-вежество, земљ-е-познање, сунц-е-движеније, сунц-е-состав, земљ-е-пис и сл.). Док је спојни вокал -е- забележен у анализираној грађи од 1804. до 1854., у истим се позицијама тек од 1844. региструје спојни вокал -о- (земљ-о-пис, земљ-о-писац, земљ-о-писатељ, земљ-о-испитатељ, сунц-о-приближење). Интересантни су примери *земљ-е-површије*, *земљ-о-површије*, забележени у уџбенику из 1844.г., који упућују на закључак да је до четрдесетих година доминантан спојни вокал иза палатала и некадашњих палатала био вокал /е/, када долази до превирања и коегзистенције вокала /е/ и /о/, да би од педесетих година вокал /о/ постао доминантнији у овим позицијама. У поједним примерима спојни вокал није регистрован на граници две творбене основе: *време-определеније*, *време-численије*, *по-ноћ*, *сред-среда* и сл.⁷ У примерима попут *земљепис*, *земљопис*, *светопис* и сл. у другом сложеничком делу долази до удвајања и сажимања вокала /о/, којем је могла претходити и персеверантна асимилација /е/ према /о/, те до формирања аломорфа [пис] према основном изразу /опис/ (в. Vukićević 1995: 136).

⁶ Уколико се у позицији другог сложеничког дела налазила лексема потврђена у наведеном корпусу и речницима, али у другој семантичкој реализацији, такве сложенице нису анализирани (нпр. *леј* – 'страна са које ветар дува' (XVIII) у речи *Водолеј*, *данак* – 'мали дан, дан уопште' (РЈАЗУ) у *полуданак*; *штитак* – 'мали штит' (Иван.; Ож.) у *звездоштитак* 'звезда падалица' и сл.). Извор у којем је други сложенички део одговарајуће композите потврђен дат је у оквиру табела, уз сваки регистровани термин, са ознакама датим уз наведене речнике, на пример, земљ-е-писник (Мих.). Уколико податак о извору није наведен, то значи да је дата форма потврђена у анализираном корпусу.

⁷ Постоје различита тумачења у вези са статусом спојног вокала у оваквим случајевима те поједини аутори уочавају нулту морфему у функцији спојног вокала (в. Клајн 2002: 25-26).

3.2. Синтаксичко-семантички односи конституената именичких сложеница

3.2.1. Координативне сложенице. У анализираној грађи забележено је 6 координативних сложеница, што је знатно мање у односу на субординативне. У питању су двоименичке сложенице настале према творбеном моделу Ио^с+И:⁸

Савремени термин	Година бележења	Нестандардни термин и сегментација	Година бележења
југ-о-исток	1844, 1861, 1845, 1852, ЈБ 1866	југ-о-исток	1804, 1824, 1825
југ-о-запад	1783, 1804, 1824, 1844, 1853, 1861, ЈБ 1866		
север-о-исток	1844, 1845, 1852, 1853, 1854, 1861, ЈБ 1866	север-о-исток	1804, 1824
север-о-запад	1804, 1824, 1825, 1844, 1845, 1853, 1861, ЈБ 1866		

У питању су називи за споредне стране света чији се координативни однос остварује на основу равноправног односа сложеничких делова који означавају 'правац између наведених страна света' те се сложенице овог семантичког типа у литератури називају и 'оријентационим' (в. Марковић 2010:79).⁹ Док су сложенице у чијем се другом сложеничком делу налази форма /запад/ забележене у континуитету од најстаријих анализираних дела, дотле се оне са лексемом /исток/ у другом делу композите бележе од четрдесетих година 19. века, према којима су до тада функционисале форме са славенизмом /исток/ (југоисток, северовосток).¹⁰

Све забележене сложенице овог типа у којима једна од творбених основа није била попуњена славенизмом функционишу и данас као стандарднојезичке форме. Будући да нису регистроване пре 19. века (РЈАЗУ), вероватно представљају калкове према руском или немачком језику.¹¹

⁸ У првој колони табеле дати су термини који су се усталили у савременом терминолошком систему српског језика. Уколико су забележени и у анализираној грађи, маркирани су болдом. Године бележења термина дате су у 2. и 4. колони. У оквиру треће колоне наводе се они термини који се нису инкорпорирали у терминолошки систем српског стандарда. У оквиру субординираних сложеница у последњој колони наводи се одговарајући синтаксички тип (аг. – агентивни, дет. – детерминативни, атр. атрибутски, адв. – адвербијални, рекц. – рекцијски, обј. – објекат, лок. – локализатор).

⁹ Наведени називи упућују на то да је адекватнији термин за овај тип сложеница 'координативне сложенице' јер значење сложеничких делова не стоји увек у копулативном односу (југоисток није, на пример, *југ* и *исток* него *правац између југа и истока*).

¹⁰ У РЈАЗУ наводи се да су форме /југоисток/, /североисток/, /југозапад/, /северозапад/ настале „и *наше* вгјеме“, дакле у 19. веку.

¹¹ Т. Маретић (1899: 366-367) их сматра 'књижевничким' истицући да их нема у Вуковом *Рјечнику*, али да су их и Вук и Даничић употребљавали у својим делима.

3.2.2. Субординативне сложенице

Међу субординативним сложеницама други сложенички део увек је управни члан, што одговара стању у савременом српском стандарду (в. Клајн 2022: 33).

(1) И+И. Сматра се да је овај тип сложеница првобитно био слабо заступљен, али да је постао продуктивнији захваљујући снажном утицају страних језика (превасходно турског и немачког) те је овај тип и заступљенији међу позајмљеницама и преведеницама (в. Vukićević 1995: 132; Клајн 2002: 42, 44).

У анализираној грађи забележена су два славеносрбизма – *времеопредеље-није* и *времечисленије*¹², који се нису усталили у терминолошком систему те су временом уступили место структури *мерење времена* – форми која није регистрована у анализираној грађи.

Савремени термин	Година бележења	Нестандардни термин и сегментација	Год.	Синт. тип
мерење времена		време-опредеље-није Слрб.	1824	рекц. обј.
		време-численије (Мих.) Слрб.	1824	рекц. обј.

(2) Ио^с+И. Будући да је по овом моделу компонован највећи број сложеница у анализираној грађи, након утврђивања њиховог порекла и, евентуално, творбеног узора према којем су настале, закључује се да су у највећем броју забележене сложенице домаћег порекла, настале процесом калкирања (земљепис, земљопис, земљеписац, парокруг, ликокруг, светопис, земљекруг и сл.) или слагања оригиналног карактера (сунцоприближење, звездогледиште, земљесписатељ, ноготочка и сл.). Поред тога, у великом броју случајева реч је о славеносрбизмима (у табели – слрб.), дакле, о хибридниим творевинама у којима се истовремено може уочити присуство црта из различитих језичких идиома (српског, руског, рускословенског, па и српскословенског), насталим или (1) приликом посрбљавања рускословенског и руског језика у другој половини 18. века или (2) приликом стварања нових термина.¹³

¹² У савременом српском језику бележи се само једна сложеница са именицом /време/ као првим конституентом сложенице (времеплов), при чему се она посматра као тип композите настале сложено-суфиксалном творбом (крња основа именице *време*, спојни вокал, глаголска основа и нулти суфикс) (в. Клајн 2002: 55). Будући да је у руском језику у 18. веку забележена форма /времячисление/, дакле, сложенице типа И+И (Сорокин и др. 1984-2005), може се претпоставити да је славеносрбизам /времечисленије/ настао делимичним посрбљавањем руске форме.

¹³ Будући да се понекад не може са сигурношћу утврдити порекло творбених основа у некој сложеници, која не одговара ниједном језичком идиому, а садржи несрпске елементе, у литаратури се појам славеносрбизам често замењује ширим појмом – књишка реч (в. Ивић, П. 2001: 283) или се овакви неологизми (творенице и калкови) називају посрбцима (Михајловић 1982-1984) – при чему се процес посрбљавања схвата у најширем смислу, у духу предстандардне епохе, када су се, свесно или несвесно, речи креирале и помоћу творбених форманата и основа који не припадају систему српског језика (најчешће руских). В. Михајловић (1982) у поговору *Посрбцима* објашњава да страна реч може бити посрбљена: одабиром одговарајуће старословенске или руске речи, дословним превођењем речи са страног језика, творбом хибридне сложенице, стварањем нове речи.

У питању су следеће термилошке јединице¹⁴: *земљевежество*, *земљешар*, *земљеравни*, *кутонаклоненије*, *миросостав*, *колообращеније*, *небообращеније*, *неботеченије*, *особрашеније*, *колотеченије*, *сунцедвиженије*, *сунцесостав* и др. Славенизми (у табели – Сл.) регистровани су у релативно малом броју: *кругообращеније*, *осообрашеније*, *звездочтец*, *мирозданије*, *небозритељ* и др.

Посебној групи сложеница припадају оне код којих се у првом сложеничком делу налази основа именице *пола* или *по(л)*, при чему -у- функционише као спојни вокал (в. Бајић 1986: 31; Клајн 2002: 25).¹⁵ Овај тип сложеница забележен је и у текстовима српскословенске редакције (нпр. *полоудњњ*, в. Гркović-Мајор 2003: 136).

Савремени термин	Година бележења	Нестандардни термин	Година бележења	Синт. тип
ружа ветрова		ветр-о-показатељ (РМС, Ож.)	1864	рекц. обј.
неуређен распоред звезда		звезд-о-метеж	1824	дет. атр.
падање звезда	1861	звезд-о-пад	1824	аг.
географија Инт.	1783, 1824, 1825, 1832, 1844, 1845, 1861, 1864, ЈБ 1866	земљ-е-вежество Слерб. (XVIII)	1804	рекц. обј.
		земљ-е-описаније Сл.	1804, 1814, 1824, 1825, 1832, 1844, 1845, 1848, 1850, 1854	рекц. обј.
		земљ-е-пис калк (←Инт)	1844	рекц. обј.
		земљ-е-познање	1844	рекц. обј.
		земљ-о-пис калк (←Инт)	1844, 1852, 1853, 1861, 1862, ЈБ, ЈГ 1866	рекц. обј.
глобус – <i>географски</i> <i>глобус</i>	1825, 1845, 1852, ДП 1866, АК 1867	земљ-е-круг	1824	дет. атр.
		земљ-е-шар Слерб.	1824	дет. атр.

¹⁴ Међу славеносрбизмима наводе се и оне лексеме које нису забележене у консултованим речницима руског и рускословенског језика, што опет не мора да значи да нису фунгирале у овим језицима (нпр. Псозведије, звездовежество и сл.).

¹⁵ Поред наведеног, у литератури се среће и тумачење да је у питању префикс полу- (Бајић 1980: 20).

географ		земљ-о-писац калк (←Инт)	1844	рекц. обј.
		земљ-е-писатељ (Мих.) Слсрб.	1824	рекц. обј.
		земљ-е-списатељ	1824, 1825	рекц. обј.
		земљ-о-писатељ (Мих.) Слсрб.	1852	рекц. обј.
		земљ-о-испитатељ (XVIII) Слсрб.	1858	рекц. обј.
пречник Земље	1861	земљ-е-посредник	1844	дет. атр.
екватор	1783, 1825, 1845, 1852, 1861, 1864, ЈБ, ДП 1866, АК 1867	земљ-е-равнитељ Слсрб.	1824	дет. атр.
угао	1864	кут-о-наклоненије Слсрб.	1824	
хоризонт – <i>видик, видокруг</i> Инт.	1783, 1845, 1852, 1861, 1864	лик-о-круг Калк (←нем. Gesichtskreis)	1844	дет. атр.
вид-о-круг (РЈАЗУ 20.в.)	1844, 1852, ДЈ 1867			дет. атр.
видик	ЈБ 1866			
свет	1814, 1824, 1832, 1852, 1861, ЈБ 1866, ДЈ 1867	мир-о-состав Слсрб.	1824	дет. атр.
обилазак	1844, 1864, АК 1867	кол-о-обраштеније Слсрб. дел калк (← нем. Kreisbewegung – 'кружно кретање' или рус. кругообраштеније)	1824	дет. адв.
		кол-о-теченије (Мих.) Слсрб. дел. калк (← нем. Kreisbewegung – 'кружно кретање' или рус. кругообраштеније)	1804	дет. адв.
		круг-о-обраштеније Сл.	1824	дет. адв.
		кол-о-трк (Мих.)	ДЈ 1867	дет. адв.
		неб-о-обраштеније Слсрб.	1824	рекц. лок.
		неб-о-теченије (Мих.) Слсрб.	1824	рекц. лок.
Коз-о-рог Јарац	1804, 1852, 1864, ЈБ 1866	Коз-е-рог Калк (лат. capricornus)	1783, 1824, 1844, 1845, 1864, АК 1867	дет. атр.

надир	1783, 1804, 1824, 1844, 1845, 1848, 1852, 1844, ЈБ 1866	ног-о-точка	1852	дет. атр.
ротација		ос-о-обраштеније Сл.	1804, 1824	атр.
		ос-о-браштеније Слерб.	1824	атр.
тропосфера		пар-о-круг калк (← нем. Dunstkreis), РЈАЗУ (Шулек, Поповић)	ЈБ 1866	дет. атр.
космографија Инт.	ЈБ 1866	свет-о-пис калк (← инт. космографија), (РЈАЗУ – 'космограф', 17.в.)	ЈБ 1866	рекц. обј.
кретање Сунца		сунц-е-движеније Слерб.	1824	атр.
систем планета		сунц-е-состав Слерб.	1824	дет. атр.
Зодијак	1783, 1824, 1852, 1864, ЈБ 1866	Скот-о-круг Слерб.	1852	дет. атр.
Земаљска кугла		земљ-е-круг калк (← нем. Erdkugel)	1824	дет. атр.
		земљ-е-кругла калк (← нем. Erdkugel)	1844	дет. атр.
планиглоб Инт.	1825, 1861, ЈБ 1866	мир-о-пис Слерб.	1804	рекц. обј.
астроном	1783, 1824, 1825, 1844, 1864, ДЈ 1867	звезд-о-ведац (Пет.)	1804	рекц. обј.
		звезд-о-испитатељ (XVIII) Слерб.	1804, 1858	рекц. обј.
		звезд-о-зритељ (XVIII) Сл.	1804	рекц. обј.
		звезд-о-чтец (XVIII) Сл.	1804, 1824, 1844	рекц. обј.
		неб-о-зритељ (XVIII) Сл.	1824	рекц. обј.
астрономија	1783, 1824, 1850	звезд-о-вежество (XVIII) Слерб.	1804	рекц. обј.
		звезд-о-гадателство (XVIII) Слерб.	1804	рекц. обј.
		звезд-о-чтеније (Пет.) Сл.	1804, 1824	рекц. обј.
		звезд-о-знанство (Дњач.)	ДЈ 1867	рекц. обј.
помрачење звезда		звезд-о-заслон (XVIII)	ДЈ 1867	рекц. обј.

мапа	1825, 1844, 1852, 1861, 1864	земљ-е-вид (Пет.)	1844, 1845, 1848	дет. атр.
	карта	1824, 1854, 1861, 1864, ЈБ 1866, ДЈ 1867	земљ-о-вид (Пет.)	1852, 1853, ДП 1866
земљ-е-пис			1804, 1824	рекц. обј.
атлас	1824, 1844, 1852	земљ-е-писник (Мих.)	1804	дет. атр.
Земљина површина – горњи слој <i>Земље</i>	1864, ЈБ 1866, ДЈ 1867	земљ-е-површије Слсрб.	1844, 1852	дет. атр.
		земљ-о-површије	1844	дет. атр.
		земљ-е-површије	1844	дет. атр.
		земљ-о-површије Слсрб.	1852	дет. атр.
орбита		кол-о-тек (Срез. 'ток, течение')	1844, 1852	дет. адв.
васнона	ДЈ 1867	мир-о-зданије (XVIII) Сл.	1804, 1824, 1844	дет. атр.
планетарни систем		мир-о-зданије (XVIII) Сл.	1824	дет. атр.
терминатор		светл-о-међа (РЈАЗУ)	ДЈ 1867	дет. атр.
солстицијум		солнц-е-возвратшеније (XVIII) Слсрб.	1804	аг.
		сунц-е-почивателност Слсрб.	1844	аг.
перихел		сунц-о-приближење	1845	аг.
афел		сунц-о-удаљење	1845	аг.
опсерваторијум		звезд-о-зрилиште (РМС, 1861)	1804	рекц. обј.
		звезд-о-гледшште (РЈАЗУ, Шулек)	1824	рекц. обј.
средиште	1864, ЈБ 1866	сред-о-точност (Ож.)	1845	дет. атр.
		сред-среда	ДП 1866	дет. атр.
север	1804, 1824, 1825, 1832, 1844, 1845, 1848, 1852, 1853, 1854, 1861, 1862, ЈБ, ДП, ЈГ 1866	пол-у-ноћ	1844	дет. атр.
		по-ноћ	1845, 1848	дет. атр.
полусенка		пол-у-сен	ДЈ 1867	дет. атр.
хемисфера	1861, ЈБ 1866	пол-у-кугла калк	1854; ЈБ, ДП 1866	дет. атр.
		пол-у-кругла калк	1844, 1852	дет. атр.

пол-у-пречник	1864	пол-у-попречник	ДЈ 1867	дет. атр.
		пол-у-посредник	1824, 1844	дет. атр.
		пол-у-пречина	1824	дет. атр.

(3) Бр^с + И. Забележен је један пример са основом збирног броја као првим делом сложенице: тројеугол. Овакву употребу Клајн (2002: 27) објашњава бољом структурном погодношћу збирног броја који се завршава једним од уобичајених спојних вокала, за разлику од форме одговарајућег кардиналног броја.¹⁶

Триангл		Трој-е-угол	1824	дет. атр.
---------	--	-------------	------	-----------

4. У оквиру свих субординативних сложеница регистровано је неколико типова, с обзиром на синтаксички тип, тј. на функцију зависног сложеничког дела у односу на управни:¹⁷

(а) АГЕНТИВНЕ сложенице

У агентивне сложенице убрајају се оне сложене форме које реферишу о извесном природном процесу, стању или о резултату неког процеса, означеног девербативном именицом у другом сложеничком делу, при чему именица у првом делу сложенице функционише као агенс¹⁸ датог процеса (звездапад, сунцоудаљење, сунцоприближење, солнцевозвратније, особраштније, особраштније). Наведеним сложеницама одговарају конструкције са субјекатским генитивом (удаљење Сунца, возвратније Сунца и сл.).

(б) ДЕТЕРМИНАТИВНЕ сложенице

Детерминативне сложенице могу се поделити на следеће типове:

а. *атрибутивне* сложенице – првим сложеничким делом експлицира се садржај појма управног члана композите (земљеповршије, земљеписник, земљевид, земљекруг, земљекругла, земљепосредник, земљеравнитељ, земљекруг, земљешар, звездометеж) или се он детерминише путем квалификације (парокруг), месне детерминације (ноготочка), посесивности (сунцесостав, земљеповршије, земљоповршије, земљоповршје, земљеповршје).

б. *адвербијалне* сложенице – денотирају процес или резултат процеса, при чему се у позицији управног члана налази девербативна именица, а први

¹⁶ „Општи је закључак да спојни вокал нипошто није у свим случајевима неки посебан 'интерфикс' или 'Kompositionsmorphem' (као у *пољ-о-привреда*), него исту улогу може преузети и флексиони наставак (као у *чуд-о-творца*, *трећ-е-разредни*) или напросто завршни вокал непроменљиве речи (као у *више-дневни*, *сто-нога*)” (Клајн 2002: 27).

¹⁷ Слична класификација сложеница (на копулативне, агентивне, детерминативне и комплементне) дата је у Grković-Major (2003: 137).

¹⁸ Агенс се у овом раду узима у најширем могућем значењу те обележава појам којем се вршење радње приписује, без обзира на то да ли је он само покреће или спроводи до краја, да ли је вољно ангажован или не.

сложенички део реферише о *начињу* реализовања датог процеса: колотеченије ('кретање у круг'), колообращтеније, кругообращтеније, колотрк, колотек; и о *месту* (неботеченије, небообращтеније). Композитама чији први део има функцију локализатора одговарају предлошко падежне конструкције у локативу (неботеченије ← теченије (кретање) по небу).

(в) РЕКЦИЈСКЕ сложенице,

Рекцијским сложеницама припадају:

(1) сложенице типа *nomina agentis*, код којих се управним чланом композите именује особа која врши неку радњу над *објектом* (директним или индиректним) експлицираним у првом сложеничком делу (небозрител, звездочтец, звездоиспитатељ, земљоиспитатељ, звездоведац, земљеписатељ, земљописатељ, земљесписатељ, земљописац и сл.).

(2) композите које реферишу о *радњи, делатности*, тј. *результату* дате делатности (*nomina actionis*), чији је други део попуњен девербативном именицом, при чему на дубинском плану именица из првог сложеничког дела функционише као директни или индиректни *објекат* (временисленије, времеопределеније, земљепис, земљопис, земљеописаније, земљепознање, светопис, миропис, звездочтеније, звездожество, звездознанство, звездогадателство, звездоаслон). Сложеницама чији први део функционише као директни објекат одговарају синтагматски спојеви са објекатским генитивом (временисленије ← численије времена; времеопредељеније ← опредељеније времена и сл.).

(3) сложенице које денотирају *место* са којег се реализује радња експлицирана девербативом у управном члану композите (*nomina loci*), при чему први сложенички део реферише о *објекту* дате радње: звездогледите, звездозрилиште.

(4) композите које реферишу о *инструментима* помоћу којих се реализује радња означена девербативом у другом делу сложенице, при чему именица у позицији првог сложеничког дела функционише као *објекат*: ветропоказатељ (← инструмент за показивање ветра).

5. Веома мали број наведених субординативних сложеница задржао се у термилошком систему стандардног српског језика (полупречник, Козорог, видокруг). Све остале забележене сложенице, у међусобној конкуренцији према бројним другим терминима, уступиле су место или вишечланним термилошким јединицама (Земљина површина, пречник Земље), дериватима и простим лексемама (средиште, обилазак, север, свет, угао) или, у највећем броју случаја, интернационализима (астроном, астрономија, географија, географ, космографија, хемисфера, екватор, глобус, Зодијак, хоризонт, мапа и сл.). Као што табеле показују, многи савремени термини нису регистровани у анализираној грађи (ротација, тропосфера, афел, перихел, солстицијум, орбита, кретање Сунца, Земаљска кугла и сл.).¹⁹

6. Уколико се грађа забележена у анализираним текстовима упореди са оном која је регистрована у српским рукописима од 13. до 18. века (в. Јанковића 1989),

¹⁹ Иако се у литератури истиче да се у 20. веку домаћим сложеницама придружују све бројнији интернационализми од латинских и грчких корена (Клајн 2002: 15), наведени примери сведоче да је број интернационалне лексике био висок већ и у предстандардној фази развоја српског језика.

најпре се уочава то да су у питању била два, у великој мери различита терминологичка система, што је и очекивано будући да је систем термина забележен у овом раду настао у време преласка на типографску културу и западноевропске цивилизацијске токове, док је велик број термина у српским средњовековним списима настао под директним утицајем грађе у грчким текстовима (позајмљенице, калкови). У грађи Н. Јанковића (1989) забележено је, наиме, само 5 сложеница које одговарају стању регистрованом у анализираним уџбеницима из предстандардног периода, од којих се славенизми **звѣздохътъць**, **звѣздохътѣник** и **полоуношть** бележе од 13. века, **мирозданик** од 17. и **звѣздоиспитатељ** од 18. века.

Средњовековни рукописи	Грађа у овом раду
звѣздоиспитатељ – астроном (XVIII)	звездоиспитатељ
звѣздохътъць – астроном (од XIII)	звездочтец
звѣздохътѣник – астрологија (од XIII)	звездочтеније – астрономија
полоуношть (од XIII)	поноћ, полуноћ
мирозданик (од XVII) – васиона	мирозданије – 1. васиона; 2. планетарни систем

7. Закључак. Преузимање страних творбених модела приликом превођења текстова датира од најстаријих споменика, при чему је улогу језика даваоца најпре имао грчки, да би је од 18. века преузео немачки (← латински) и руски језик. Ова тенденција веома је присутна у творбеном процесу слагања. Анализирана грађа показује да је у предстандардној епоси развоја српског језика постојао један богат слој сложеница, насталих не само калкирањем, него и слагањем оригиналнијег карактера, који није могао да преживи у конкуренцији са интернационализмима и услед језичке политике тог доба.

ЛИТЕРАТУРА

- Averboukh, Konstantin Y. (2009). Terminological Word Combinations: Traditionally- Hold Opinions and Specific Features. *Lexicography and Terminology. A worldwide outlook*. [ed. Olga Karpova and Faina Kartashkova]. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 136-144.
- Babić, Stjepan (1986). *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: JAZU.
- Barić, Eugenija (1980). *Imeničke složenice neprefiksalne i nesufiksarne tvorbe*. Zagreb.
- Баракo, Тајјана (1999-2001). Прилог познавању сложеница у српскословенском језику. *Прилози проучавању језика*. Нови Сад. 30-32: 71-76.
- Белић, Александар (1949). *Савремени српскохрватски књижевни језик. Наука о грађењу речи*. Београд.
- Vukićević, Dušanka (1995). Imeničke složenice u savremenom srpskom književnom jeziku. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. XXXVIII/1: 127-174.

- Грковић-Мејдор, Јасмина (1999). О приступу испитивању сложенница у српско-словенском језику (на грађи рукописа РР I 28). *Тирилске рукописне књиге библиотеке Матице српске. Акатисти, стихологије, богородичници*. VII: 178-188.
- Grković-Major, Jasmina (2003). Compounds in Varlaam and Ioasaph: Hilandar Slavic Manuscript No.422. *Monastic Tradition. Selected Proceedings of the Fourth International Hilandar Conference* (ed. Charles E. Gribble, Predrag Matejic). Bloomington. Indiana. 129-141.
- Дьяченко, Григорий (1993). *Полный церковнославянский словарь*. Москва.
- Драгин, Наташа и Гордана Штасни (2006). Старо вино у меховима новим (иновације на лексичком плану у омилијама светог Николаја Српског). *Паусиеви чтения. Международна славистична конференција*. Пловдив: Пловдивски универзитет „Паисий Хилендарски“ – Бугарија. Научни трудове. Том 44. Кн. 1. Сб. А. Филологија. 54-76.
- Зорић, Милена (2004). Речник славенизама и књишких речи у делу Кратка всемирна историја Георгија Магарашевића. *Прилози проучавању језика*. Нови Сад. 35: 69-154.
- Иванович, С. и И. Петранович (1966). *Русско-сербскохрватскиј словарь*. Москва: Издательство „Советская энциклопедия”.
- Јанковић, Ненад Ђ. (1989). *Астрономија у старим српским рукописима*. Београд: Српска академија наука и уметности. Посебна издања. Књ. ДХС. Одељење природно-математичких наука. Књ. 64.
- Карпетановић, Амир (2007). Jesu li endocentrične imeničke složenice tvorbena inovacija u hrvatskom jeziku 19. stoljeća? *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Zagreb. 33: 235-243.
- Клајн, Иван (2002). *Творба речи у савременом српском језику*. Први део. Слагање и префиксација. Београд.
- Kurz J., A. Dostal, M. Sterbova (1958-59). *Slovník jazyka staroslovenskeho*. Praha.
- Марећ, Томо (1899). *Граматика и стилстика хрватскога или српскога књижевног језика*. Загреб.
- Marković, Ivan (2010). Hrvatske koordinativne složenice. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. Zagreb. 36/1: 71-95.
- Михајловић, Велимир (1982-1984). *Посрбице од Орфелина до Вука*. I-II. Нови Сад: Матица српска.
- Младеновић, Александар (1979). Напомене о транскрипцији и критичком издавању старих српских текстова из XVIII и XIX века. *Зборник за филологију и лингвистику*. Нови Сад. XXII/2: 95-129.
- Недељков, Љиљана и Катица Шкорић (1997). Прилог проучавању српскословенских сложенница. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. XL/2: 193-199.
- Никитовић, Зорица (2008). Сложеннице у Доментијановом *Житију светог Саве*. *Прилози проучавању језика*. Нови Сад. 39: 49-68.

- [Ожегов, С. И. и Н. Ю. Шведова] (1997). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Росийскаа академия наук.
- Петковић, Сава (1935). *Речник црквенословенскога језика*. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија.
- Пешикан, Митар, Јован Јерковић и Мато Пижурица (2010). *Правопис српскога језика*. Нови Сад: Матица српска.
- RJAZU *Rječnik hrvatskoga ili srpkog jezika. JAZU I-XXIII* (1880-1976). Zagreb.
- РМС *Речник српскохрватског књижевног језика I-VI* (1969). Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска.
- Scalise, Sergio and Antonietta Bisetto (2009). The classification of compounds. *The Oxford handbook of compounding*. Stekauer Pavol and Rochelle Lieber (eds). Oxford: Oxford University Press.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. (1975-). Москва: Академия наук СССР.
- [Сорокин, Ю. С., Е. Э. Биржакова и Л. Л. Кутина] (1984 -2005). *Словарь русского языка XVIII века*. (I-XIV). Ленинград: Академия наук СССР.
- Сперанский, М. Н. (1960). Из наблюдений над сложными словами (*composita*) в стиле русской литературной школы XV-XVI вв. *Из истории русско-славянских литературных связей*. Москва: Академия наук СССР. Отделение литературы и языка. : 165
- Срезневский И. И. (1893-1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. 1-3.
- Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.)* (1994). Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва: Русский язык.
- Стефановић, Мелеса (1991). Сложенице у Хиландарском типичу. *Археографски прилози*. Београд. 13: 251-261.
- Тумарић, Љильана (2008). Речник славенизама и књишких речи у збирци песама Даворџ Јована Стерије Поповића. *Прилози проучавању језика*. Нови Сад. 39: 69-118.
- Цейтлин, Р. М. (1977). Сложные слова. *Лексика старославянского языка*. Москва. 186-284.

КОРПУС

- ЗО **Вѣчный то естъ ѿ начала да конца міра трајуцій календарь. Написанъ Захаріємъ Орфеліномъ. Напечатанъ въ Царствѹющемъ Градѣ Вѣннѣ, въ лѣто 1783.**
- ПС-К *Ключић у мое землеописаніе*, Павломъ Соларичемъ, У Венецій. 1804.
- ПС-31 *Ново гражданско землеописаніе*. Павломъ Соларичемъ. У Венеції. 1804. Часть I. Уведеніе всеобще и Европа.
- ПС-32 *Ново гражданско землеописаніе*. Павломъ Соларичемъ. У Венеції. 1804. Часть II. Асія. Африка, Америка, Полвнезія.
- ВБ Предложенія численице и землеописанія. Из преподаванія Васілія Булича. В Будимѣ. 1814.

- ВБ *Земљописанія всеобщегъ. Часть первая. Земљописаніе математическо.* Сочинѣно у Сомбору Васіліемъ Буличемъ. У Будиму. 1824.
- ЈВ *Новѣйше землеописаніе цѣлаго свѣта [...], списано и изданно Иоакімомъ Вучичемъ.* Въ Будинѣ градѣ. 1825.
- ДТ *Политическо земљописаніе.* Одъ Димитрія Тирола. У Београду. 1832.
- ГХ *Прости описъ свецелогъ земљопознаня.* Єдна земљписна књижица за свакогъ одъ Георгія Хаджића. У Новомъ Саду. 1844.
- МС *Земљописаніе целогъ света, сачинѣно [...]* Милованомъ И. Спасићемъ. У Београду. 1845.
- МС *Земљописаніе за предаванъ у III разреду основнихъ училишта Княжества Србскогъ.* М. Спасић. У Београду. 1848.
- ГП *Астрономія или наука о звездама.* Гаврило Поповић. Београд. 1850.
- ММ *Обиштый земљописъ за учећу се младежъ у гимнази и полугимназіама Княжества Србіе.* Миланъ Міятовић. У Београду. 1852.
- ЈГ *Краткій трговачкій земљописъ за младежъ послено-трговачкогъ училишта.* 1. часть. Европа. У Београду. 1853. (Подаци о аутору Георгу Вилхелму Хопфу и о преводиоцу Јовану Гавиловићу) преузети су из каталога Библиотеке Матице српске.)
- АВ *Земљописаніе старога свѣта по Анвилу и Гютрѣ.* Одъ Александра Васоевића. У Земуну. 1854.
- МР *Краткій прегледъ чудесни промена земљъ наше о[д] почетка створеня до данасъ.* Дръ. М. Радойчић. 1858.
- НК *Обиштый земљописъ за србске гимназіе.* Н. Крстић. У Београду. 1861.
- ЈГ *Малый земљописъ Србіе и Турске.* Ј. Гавриловић. У Београду. 1862.
- ЂМ *Математична и физична географија за средње школе.* Ђ. Мишковић. У Београду. 1864.
- ДП *Земља на којој живимо.* У Београду. 1866. (Податак о аутору Дамјану Павловићу преузет је из каталога Матице српске).
- ЈБ *Ј. Белингера Упутство у Географию.* Посрбио Александар Гавриловић. 1866.
- ЈГ *Мали земљописъ Србіе и Турске.* Ј. Гавриловић. У Београду. 1866.
- ДЈ *Како је у Месецу?* Димитрије Јосић. У Новоме Саду. 1867.
- АК *Мала ђеографија или земљеописање од Александра Кутнера.* У Темишвару. 1867.

Isidora G. Bjelaković

NOMINAL COMPOUNDS IN THE PRE-STANDARD PHASE
IN THE DEVELOPMENT OF THE SERBIAN LANGUAGE
(GEOGRAPHIC TERMINOLOGY)

Summary

The paper presents an analysis of (1) the formation structure, (2) syntactic and semantic relations among the constituents of nominal compounds, for the purpose of determining the extent to which compounds continue the tradition of the Middle Ages, the tradition originating from Russian Church Slavonic, and the degree to which they correspond to the state in modern Serbian. The analysis involves the terminology from the field of Mathematical Geography and Astronomy found in textbooks from the pre-standard phase in the development of the Serbian language (1783-1867). The adoption of foreign formation models when translating texts dates back to ancient monuments. At first, Greek had the role of a giving language. However, in the 18th century, this role was taken by German (←Latin) and Russian. This tendency has been present to a great extent in the word formation process of compounding. The analysed corpus shows that, in the pre-standard phase in the development of the Serbian language, there was a significant number of compounds formed not only through calquing, but also through more original compounding. Being in competition with internationalisms, compounding could not survive due to the language politics of that time.

ВЕЉКО Ж. БРБОРИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ТВОРБА РЕЧИ И ПРАВОПИС – ПИСАЊЕ СЛОЖЕНИХ ДЕТЕРМИНАТИВНИХ ФОРМАЦИЈА СА ПРВОМ СТРАНОМ КОМПОНЕНТОМ**

Сажетак. У раду се говори о сложеним јединицама чији је први члан индеклинабилан. То су детерминатори који су, по правилу, страног порекла, некада су посредни туђице, а некада калкови. Наиме, бавићемо се правописним решењима, тј. писањем оваквих формација у српском језику. Ово јесте и граматичко питање у одређивању јесу ли ове формације једна или две речи. Правопис српског језика доноси решења у којима се овакве формације пишу са цртицом, али одвојено и/или састављено. У нашој литератури, граматичкој и правописној, о овим јединицама писано је на различите начине.

Кључне речи: српски језик, сложене и полусложене формације, правопис, правописна решења.

1. Увод

Проблем писања сложених детерминативних формација са првом страном компонентом није нов у српском језику. Истина, овај проблем је у последњих неколико деценија и већи и израженији него што је био раније. Тако је Михаило Стевановић поодавно указао на овај проблем и у оквиру одељка посвећеног сложеницама написао и ове речи: „Занимљиве су, истина, и именице, нарочито именице домаћег порекла сложене с каквим страним префиксом“ (Стевановић 1981: 426). Вероватно, М. Стевановић није слутио колико невоља нормативистима може да приреди појава која ће у другој половини 20. века бити у великом успону, иако је приметно како ове појаве измичу покушајима укалупљивања у систем језичких дефиниција, те како је, чак и када се утврди да „сложеницама постају они делови реченице или целе реченице које чине речи што су дугом, традиционалном употребом биле чврсто међусобно синтаксички повезане“, тешко је тачно разграничити колико дуго треба да траје употреба неког споја да би он постао сложеницом.

---

* e-mail: brboricv@eunet.rs

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

Комплексност овог проблема, у вези са јасним одређењем сложеница, имала је конкретне последице на формирање правописне нормe. Њоме је прописано основно начело и оно гласи да се у српском језику сложенице пишу спојено, полусложенице са цртицом, а спојени две или више речи одвојено. Критеријуме за њихово међусобно разликовање, тј. да ли су се речи спојиле у сложенице или полусложенице, можда је најбоље до сада дао *Српски језички приручник*¹, а то су: 1) промена значења тј. формирање новог, другачијег од значења саставних делова, 2) несамосталност једног од саставних делова; 3) непроменљивост првог дела и 4) јединствен акценат, тј. наглашеност само једног слога у споју (Ивић и др. 2004: 98). Ови критеријуми, наглашавају аутори *Српског језичког приручника*, често нису довољни у стварној примени и могу се наћи у сукобу – још Стевановић наводи примере речи с два акцента (Стевановић 1981: 427), које не стварају пометњу само у покушају дефинисања правописне, већ и акценатске нормe. Проблем „стварања именичких (а уз њих иду и изведени придеви) полусложеница и сложеница новијег типа, друкчијег од наслеђених модела“ аутори *Српског језичког приручника* виде као један од два најсложенија правописна проблема (Ивић и др. 2007: 99), а потешкоће у вези с бележењем почетних саставница „углавном страног порекла, са статусом форманата или префиксоида“ аутори најновијег издања *Правописа српскога језика* (2010) виде као „посебан нормативни проблем“. „Посебан нормативни проблем су почетне саставнице, углавном страног порекла, са статусом или форманата или префиксоида, као нпр.: *ауто, авио, аеро, мото, фото, радио, видео, стерео, аудио, кино, макро, микро, макси, мини, екстра, супер, квази* (и њен `превод` *назови*), *екстра, еко, екс, ино* и сл. Нормативисти су каснили са описом ове врсте иновација и умножавањем сличних склопова, а процес степена сраслости у одмеравању значењских и формалних момената често су бивале несигурне и субјективне, јер су, по правилу, уистину у питању нијансе“ (Правопис 2010: 77).

Овим проблемом бавили су многи истраживачи, а нама се чини да је приступ професора Боже Ћорића најупотребљивији и најприхватљивији: „Једна од најактивнијих манифестација тенденције ка интернационализацији у последњих неколико деценија јесте експанзија разноврсних устаљених страних елемената у првом (препозитивном) делу сложених номинативних формација. Оне у прво време имају у оба своја саставна дела стране елементе, али временом се почињу у другом делу јављати и домаће (односно одомаћене стране) речи и тако настају хибридне творевине“ (Ћорић 2008: 119–120). Б. Ћорић наводи и податак да у *Речнику српскохрватског књижевног језика* ових сложених формација није било много, али су у последњим деценијама двадесетог века доживеле неку врсту експанзије. „У последњим деценијама прошлог века најраширенији и најпознатији такав елемент био је –*супер*: јавио се најпре у функцији првог елемента сложених назива, да би се одатле издвојио и почео употребљавати као самостална реч“ (Ћорић 2008: 120).

¹ Прво издање ове књиге под називом *Језички приручник* појавило се 1991. године, да би се 2004. године појавило друго, допуњено и измењено издање под називом *Српски језички приручник*.

Ове речи добијају велики број нових значења, прво у разговорном стилу, али се експанзија наставља из жаргона и у друге функционалне стилове, највише у публицистички. Правописни проблеми ове врсте врсте примећени су још у првој половини двадесетог века, када бележимо називе где се у првом делу појављују индеклинабилне стране речи. Ево неких примера: *радио апарат, тенис меч, бокс меч, гала представа, хокеј утакмица, цокел-клуб, аутоклуб, аеролутрија* (Живковић 1937: 164).

У књизи *Творба именица у српском језику*, у одељку *Стране препозитивне компоненте* (117–152), проф. Божо Ћорић нуди поделу на **префиксоиде** (морфеме блиске префиксима): *анти–, вице–, екс–, квази–, контра–, макро–, мега–, микро–, мини–, нео–, супер–, ултра–,...* и **радиксоиде** (јединице блиске правим коренским морфемама): *авио–, видео–, еко–, електро–, моно–, фото–, псеудо–, диско–, ...*. Ову поделу ваља схватити условно, јер има и оних које није лако одредити, неке компоненте које могу бити смештене у обе групе (Ћорић 2008: 122).²

2. Правописни приступ

Назив *Одвојено и састављено писање речи* налазимо још у *Правопису српскохрватског књижевног језика* Александра Белића (1923). *Правопис српскохрватског књижевног језика* (1960) овај одељак је назвао *Састављено и растављено писање речи*, да би у *Правопису српског језика* (1993) назив био промењен у *Спојено и одвојено писање речи*. У *Правопису српског језика* (2010) овај одељак није променио назив, сада је пето поглавље, раније је био треће (74–98). Назив поглавља се није променио, али ни проблеми којима је обухваћена ова правописна област. „Са становишта правописа, проблем се углавном своди на разликовање сложеница, које се пишу спојено, од полусложеница, које се пишу с цртицом, и израза или синтагми (групе речи повезаних функцијом или значењем), који се пишу или одвојено или спојено“ (Правопис 2010: 74)³. Оваква констатација наводи нас на помисао да потешкоће у вези са спојеним, полусложеничким или одвојеним писањем речи и нису тако велике. Међутим, на истом месту је дато седам формалних и значењских критеријума који су приређивачи правописа имали на уму приликом састављања правила:

1. степен самосталности речи,
2. актуелност и познатост речи савременом читаоцу,
3. акценатска обједињеност речи,

² Списак од безмало стотину префиксоида можемо наћи код И. Клајна: *авио–, агро–, аеро–, анархо–, англо–, антропо–, астро–, аустро–, ауто–, афро–, библио–, био–, бронхо–, видео–, галвано–, гастро–, гео–, германо–, дактило–, диско–, дека–, деци–, демо–, евро–, еко–, електро–, етно–, зоо–, индо–, итали–, кардио–, кило–, клепто–, космо–, крипто–, лито–, лого–, макро–, мега–, мега–, микро–, мулти–, микро–, мили–, морфо–, мегнето–, мото–, нарко–, нео–, некро–, неуро–, нитро–, остео–, палео–, пиро–, поли–, порно–, прото–, псеудо–, психо–, радио–, русо–, социо–, спектро–, стерео–, тео–, термо–, техно–, турбо–, теле–, хидро–, хидро–, ретро–, уни–, фито–, фоно–, фото–, физио–, франко–, хекто–, хелио–, хемо–, хидро–, хромо–, хетеро–, хомо–, хроно– центи–* (Клајн, 2002: 152–156).

³ Сви наши правописи и правописни приручници у последњих стотину година доносе посебне одељке о овом проблему. Тако *Правопис српскохрватског књижевног језика* (1960) доноси, на двадесет страна, одељак *Састављено и растављено писање речи* (70–91).

4. правила творбе (историјска и савремена),
5. избегавање нарушавања створених навика,
6. преузети склопови речи из страних језика,
7. флексибилност насупрот изричитости (Правопис 2010: 74).

Приступ у нашим правописима и сви побројани критеријуми указују колико је стандардизација спојеног и одвојеног писања речи осетљив и сложен поступак. Са једне стране морају се узети у обзир формални критеријуми (морфо-фонолошки, творбени, историјски), а са друге семантички. Уз то правила не би смела изазвати недоумице и нарушити традиционалну правописну праксу. Ипак, очекује се да правописна норма прецизно и недвосмислено реши овај проблем, без обзира на његову сложеност.

У *Правопису српскога језика* (2010) као проблем истичу се почетне саставнице страног порекла са статусом или форманта или префиксоида: *ауто, авио, аеро, мото, фото, радио, видео, стерео, аудио, кино, макро, микро, макси, мини, екстра, супер, квази, еко, екс, ино* и сл. Писање именица са овим саставницама зависи првенствено од њиховог значења. Тако ће се формант *ауто-* писати спојено у речи аутобиографија (*ауто-* има значење *само, сопствено*) али полусложенички у речи *ауто-трке* (*аутомобилске трке*). Ако се страни форманти појаве удвојени или у проширеним везама, нормира се одвојено писање (нпр. *ауто* и *мото трке, авио* и *речни саобраћај*). На исти начин пишу се и спојеви у којима прва саставница није променљива, док у општој употреби јесте (нпр. *мока кафа, џез музика*). Такође, уколико је први члан непроменљив, страног је порекла и схвата се као придев у односу на другу реч, овакав спој треба писати одвојено (нпр. *зорли јунак, фитнес тренер* и сл.).

Није спорно да је тешко дефинисати свеобухватна, јасна и лако применљива правила која би обухватила и релативно новију или сасвим нову лексику. Ризикује се притом изазивање додатне сумње у колико-толико стабилизоване обичаје. Међутим, мора се ипак унети више сагласности у регулисање несумњиво сличних склопова. То ће се најбоље учинити богато илустрованим прегледом инструктивних образаца, груписаних према значењским сродностима, с ослоном на напред изложена правила (Правопис 2010: 78).

Овај проблем истраживали смо са студентима докторских студија школске 2011/12. године и овде доносимо грађу и резултате из уџбеничке литературе и публикација које се представљају као културни водичи.⁴

⁴ Радове с овом проблематиком радило је десет доктораната. Материјал (примере које наводимо у раду) смо преузели из два рада: 1. Саша Чорболоковић, *Писање полусложеница у уџбеницима за седми разред основне школе* и 2. Ана З. Ранђеловић, *Правописни проблеми у београдским културним водичима*. Доста материјала садрже и радови Светлане Слијепчевић, Владимира Вукомановића и Марије Марковић, али се због ограниченог простора у овом раду не можемо позивати на њих.

3. Уџбеници за седми разред основне школе⁵

У уџбеницима за седми разред основне школе као најфреквентији примери почетних саставница страног порекла јављају се *видео-*, *веб-*, док су *интернет-*, *радио-*, *аудио-*, *стерео-*, *фото-* мање заступљене.

Почетна саставница *видео*⁶ јавља се у шеснаест различитих примера. Од тога у дванаест није употребљена цртица која је обележје полусложеничког писања, и коју *Правопис српског језика* предвиђа (т. 84)⁷: *видео конференције* (I, 7), *видео записа* (I, 8), *видео контакта* (I, 14); *видео везу* (I, 39); *видео састанак* (I, 41); *видео комуникација* (I, 53); *видео камера* (I, 85), *видео секвенце* (I, 92), *видео датотеку* (I, 92), *видео формати* (I, 118); *видео уређаја* (I, 124). Облици *видео-пројектори*, *видео пројектори* (I, 124) неправилни су. Треба их писати искључиво као полусложеницу *видео-пројектор*. При удвајању, цртица по правилу изостаје, па су регистровани облици правилни: *сервисери аудио и видео опреме* (I, 52); *аудио и видео комуникација* (I, 32); *видео и звучног записа* (I, 94), *звучне и видео записе* (VII, 41), *аудио и видео записи* (VII, 41).

Саставница *веб*⁸ – забележена је у девет примера: *веб пошти* (I, 21), *веб страна* (I, 12), *веб камера* (I, 14), *веб дизајнери* (I, 52), *веб програмери* (I, 52), *веб страница* (I, 60); *веб прегледача* (I, 65), *веб траци* (I, 149), *веб претраживача* (VII, 53). Ни у једном од њих се не јавља цртица и сви су погрешно употребљени.

Сматрамо оправданим да све забележене примере третирамо као полусложенице с обзиром на непроменљивост и нелексикализованост првог дела (иако се понеки ретки пример његове промене може јавити нпр. *другарица са веба* (I, 14). Сходно томе, нема оправдања за изостављање цртице. Иако тренутно ове речи нису присутне и издвојене као посебне⁹ (као облици са *видео-*, *радио-*, *фото-*, *аудио-* и сл.), несумњиво да ће их развој електронских комуникација временом наметнути као уобичајене и незаобилазне.

⁵ Ово је списак седам уџбеника за седми разред из којих су примери, у раду су навођени само римски бројеви уместо уџбеника (као скраћенице): **I** Никола Клем, Небојша Лазовић, *Информатика и рачунарство* (уџбеник за седми разред основне школе), БИГЗ, Београд 2009; **II** Драгана Анђелковић, Татјана Недељковић, *Хемија 7*, Логос, Београд 2011; **III** Радивоје Стојковић, Јасминка Радовановић, *Уџбеник из математике* (за 7. разред основне школе), БИГЗ, Београд 2011; **IV** Весна Ломпар, *Српски језик 7*, Клет, Београд 2011; **V** Радош Љушић, *Историја* (за седми разред основне школе са читанком и радном свеском), Фреска, Београд 2011; **VI** Марија Крнета, Катарина Стевановић, *Физика* (уџбеник за седми разред основне школе), БИГЗ, Београд 2010; **VII** Иван Тасић, Драгана Глушац, *Техничко и информатичко образовање 7*, Завод за уџбенике, Београд, 2011.

⁶ Неки од ових примера су врло учестали, али су наведени само први регистровани облици.

⁷ *Правопис* 1993: 49 је дозвољавао и облике са цртицом и одвојено написане облике (т. 52 с); *Правопис* 1994: 96 (поновљено издање) предвиђа у наведеним примерима (где је друга реч самостална реч) само растављено написане облике (т. 118 б). Коментар није потребан.

⁸ Клајн, Шипка (2007: 251) за реч *веб* наводе два значења: 1. „Огранак Интернета који чини скуп међусобно повезаних докумената у систему хипертекста и којем се приступа преко почетне странице“. 2. „светска компјутерска мрежа која путем сателита и телефона повезује мање компјутерске мреже и омогућава међусобну комуникацију њихових корисника“. Једини наведени пример у *Речнику* је полусложеница *веб-сајт*.

⁹ Нови *Правопис* (Правопис 2010, т. 84) са саставницом *веб-* има само полусложеницу *веб-сајт*.

Штавише, учесталосту употребе секвенце *веб-* која се већ користи као самостална реч, а неке ће постати и самосталне речи (баш као и *скајп*, *фејсбук*, *твитер*, *интернет*, за које у тренутку када су се појавиле то нико није могао да гарантује), па се може десити да наведени спојеви изгубе полусложенички карактер.

По *Правопису* (т.84а), облик *интернет*¹⁰– са првим делом који је изван пронађених спојева променљив и има самосталну употребу треба писати као две засебне речи. Пошто реч *интернет* већ увелико у језику функционише као засебна, не би требало додавати цртицу између ње и неке речи која јој следи. Пронађено је пет примера: *Интернет кафе* (I, 20), *интернет видео везе* (I, 41), *интернет-адреси* (II, 16), *по интернет адресама (линковима)* (VI, 5), *Интернет-страници* (III, 29), од којих су три исправно написана, а два погрешно, она са цртицом.

Пронађени примери са саставницама *видео-*, *веб-* и *интернет-* су углавном англицизми из компјутерске терминологије. Неки од њих су дословно преузети уз претходну фонетску-фонолошку адаптацију, док су други настали спајањем (мешањем) неке енглеске и наше речи (хибридне форме). Већина њих доприноси богатству нашег језика јер се њима именује један нови појам, који није постојао у српском језику. Када је њихово писање у питању, енглески језик је врло флексибилан (у ретким случајевима дозвољава и састављено и растављено писање и писање са цртицом, а преовлађује писање без цртице, састављено или растављено).¹¹

Саставнице *стерео-* и *аудио-* пишу се састављено ако је друга саставница несамостална реч. У осталим случајевима то су полусложенице: *стерео варијанти* (I, 69), *стерео траку* (I, 80), *аудио сигнала* (I, 65), *аудио записа* (I, 69), *аудио конектори* (VII, 53). Свих пет примера су неправилни. Саставница *радио-* пише се с цртицом кад се односи на радио, радијски. Пронађена су два неправилна примера: *радио веза* (I, 90) и *ФМ радио квалитет* (I, 69).

Префиксоид *фото-* се пише са цртицом ако је друга саставница самостална реч. Нажалост, забележени примери не поштују изнето правило: *дигитални фотоапарат* (I, 90, 91), *фотомонтаже* (I, 172). Оба примера треба писати са цртицом. Поред већ наведеног неправилног облика, у паралелној употреби пронађен је и синтагматски пример *фотографски апарат* (I, 85). У значењу *светлосни фото-* треба писати састављено, па је облик *фото-ћелије* (VII, 113) неправилан, а *фотосинтеза* (VI, 175) правиан.

Хемијски термини се пишу са цртицом (изузев примера са спојним вокалом који се пишу спојено): *натријум-хлорид* (II, 42), *магнезијум-оксид* (II, 43), *угљендиоксид* (II, 43), *баријум-хлорид* (II, 149), *натријум-сулфат* (II, 149), *натријум-хидрооксида* (II, 158), *натријум-оксид* (II, 175), *калијум-оксид* (II, 175), *калцијум-*

¹⁰ Клајн, Шипка (2007: 527) за реч *интернет* наводе следеће значење „светска компјутерска мрежа која путем сателита и телефона повезује мање компјутерске мреже и омогућава међусобну комуникацију њихових корисника“. Сви наведени примери у *Речнику (интернет-адреса, интернет-кафе, интернет-протокол)* дати су као полусложенице, супротно садашњем правописном решењу.

¹¹ В. шире у: Oxford English Dictionary Second Edition 2009.

оксид (II, 175), алуминијум-оксид (II, 175), цинк-оксид (II, 175), гвожђе-оксид (II, 175), жива(III)-оксид (II, 175), калијум-хлорид (II, 175), магнезијум-хлорид (II, 175), калцијум-хлорид (II, 175), алуминијум-хлорид (II, 175), натријум-бромид (II, 175), натријум-јодид (II, 175), азот(I)-оксид, азот-субоксид (II, 175); азот(II)-оксид, азот-моноксид (II, 175); азот(III)-оксид, азот-триоксид (II, 175); азот(IV)-оксид, азот-диоксид (II, 175); азот(V)-оксид, азот-пентоксид (II, 175); угљен-моноксид, угљеник(II)-оксид (II, 175); сумпор(IV)-оксид, сумпор-диоксид (II, 175); сумпор(VI)-оксид, сумпор-триоксид (II, 175); литијум-јонских батерија (VII, 13).

Иако би се тачност забележених примера или пак доследност полусложеничког писања могла правдати међународним правилником, о тзв. IUPAC¹²-номенклатури, овде то није случај будући да се у другим језицима саставнице пронађених хемијских једињења пишу одвојено, без цртице. Дакле, ови обрасци писања хемијских термина део су наше ортографије (Правопис 1993: 47, Правопис 2010: 83), која је постала уобичајена.

Са цртицом се пишу и спојеви чија је прва саставница једнословни симбол: *x-осе* (III, 104), *y-оса* (III, 104)¹³, *t-осом* (VI, 54).

Одвојено се пишу спојеви са верзалним скраћеницама: *USB диска* (I, 124), *IRC сервера* (I, 33), *NET passport*¹⁴ (I, 36), *SMS порука* (I, 38, 39), *VIP учеснике* (I, 41), *MP3 формату* (I, 65), *LED технологији* (I, 124), *AVI формат* (I, 69), *PDF формат* (I, 204), *PNG формату* (I, 243), *USB порт*, (VII, 54), *USB шоље* (VII, 56), *ISO стандардима* (VII, 30), *PS рачунар* (VII, 54), *USB напајања* (VII, 63), *СУС мотори*, *ДНК молекула* (II, 109), (VII, 71) *PS-рачунара* (VII, 91), Сходно наведеном, последњи пример треба писати без цртице. Интересантно да је у свим овим спојевима верзална скраћеница написана великим латиничним словима.

Полусложенице: *шприц-боца* (II, 17), *реагенс-боцу* (II, 18), *филтер-папир* (II, 50), *спејс-шатлу* (VI, 24), *вакуум-пумпа* (VI, 173) *диск-кочница* (VII, 113), исправно су написане. Три полусложенице: *хард диску* (VII, 33), *флеш меморија* (VII, 38, 56), *дизел мотор* (VII, 11) неправилне су јер је цртица изостављена.¹⁵

Истраживање је обухватило седам различитих уџбеника основне школе. Резултати показују да су истраживани спојеви најбројнији у уџбеницима Историје (28,95%), Хемије (28,29%) и Информатике (21,71%), а мање присутни у уџбеницима Техничког и информатичког образовања (9,87%), Српског језика (5,26%), Физике (3,29%) и Математике (2,63%).

¹² IUPAC је скраћеница за Међународну организацију за чисту и примењену хемију (The International Union of Pure and Applied Chemistry), која установљава правила за именовање органских и неорганских једињења (Недељковић, Анђелковић 2010: 112).

¹³ Исте полусложенице срећу се и у једном другом извору: *x-осу* (II, 24), *y-осу* (II, 24).

¹⁴ Овде је у питању неадаптирана позајмљеница.

¹⁵ Цртица се до 2010. године употребљавала у двојним женским презименима, нови *Правопис* овде изоставља цртицу и ово решење не можемо сматрати оправданим. Нажалост, забележени примери из имресума књига, списка литературе или примера сведоче да је углавном задржано старије стање или да су прештампана издања са „готовим решењима“: *Гордана Кнежевић-Орлић* (IV, 2), *Милена Павловић-Барилли* (IV, 131), *Душанка Милојековић-Опсеница* (II, 2), *Бернардина Мелкиор-Боне* (V, 219), *Јелица Новаковић-Лопушина* (V, 219), *Весна Радовановић-Пеневски* (VI, 2), *Соња Преловић-Перош* (VI, 188), *Маријана Васић Стјепановић* (VII, 152).

Процентуално, највише тачно написаних облика је у Хемији (97,67%), затим у Историји (84,09%), Српском језику (75,00%), Техничком и информатичком образовању (66,67%). На другом месту су Математика (50,00%) и Физика (40,00%). Највише грешака у полусложеничком писању регистровано је у уџбенику Информатике и рачунарства (само 21,21% тачних одговора)¹⁶.

Приликом писања полусложеница са почетном саставницом страног порекла (*видео-, веб-, радио-, фото-, аудио-, стерео-*) видљива је неусаглашеност са новим *Правописом*, који је највеће новине донео у састављеном и растављеном писању речи. Међутим, треба нагласити да многе пронађене полусложенице нису присутне ни у *Речнику* на крају *Правописа* што је разумљиво јер речи које прате развој информационо-комуникационих технологија тек постају део лексичког инвентара српског језика. Услед тога, и процес њиховог нормирања је у току. Уколико се такви примери појаве, од велике помоћи била би аналогија на већ присутне речи.

Без обзира на то, они би требало да издавачима, или боље речено лекторима, помогну да исправе погрешно написане примере, односно да их ускладе са новим *Правописом* јер правопис јесте ствар договора лингвиста, али управо тај договор језик чини уређеним, јасним и одрживим. Правописна правила постоје да би се поштовала, а једном објашњена и научена никад нису гаранција да ће заувек таква и остати јер језик је жива материја подложна променама, што важи и за његово нормирање. Једино би пожељно било да то буде доследније, јасније, лакше за примену и да се не мења сувише често.

4. Писање сложеница у културним водичима

Последњих неколико година у Београду се двапут месечно појављују нови бројеви културних водича *City Magazine* (у даљем тексту CM) и *Singidunum Weekly* (у даљем тексту SW). Ови водичи су бесплатни, деле се на јавним местима и лако стижу до основаца, средњошколаца, студената, али и свих оних који су заинтересовани за „урбани животни стил у Београду“.¹⁷ Овде ћемо донети неке примере с намером да покажемо у којој мери културни водичи поштују правописну норму, односно да ли су усаглашени с правописном нормом када је посреди спојено и одвојено писање страних препозитивних компоненти. Навешћемо само примере који су нам се учинили занимљивијим, као и оне који су били фреквентнији.

У поменутих бројевима часописа нашли смо 133 примера,¹⁸ које смо, према начину на који су били написани, сврстали у три категорије: сложенице (написане су спојено), полусложенице (написане су с цртицом или с неким другим интер-

¹⁶ Посебно брину пропусти у уџбеницима за српски језик, грешке ове врсте сусрећемо и у уџбеницима за српски језик преосталих разреда основне школе. Ово не можемо разумети, посебно ако знамо да се грешке сусрећу и код оних аутора уџбеника који су универзитетски професори.

¹⁷ Корпус за наше истраживање чинило је по пет бројева поменутих културних водича. За часопис *City magazine* ексцерпирани су бројеви 46, 49, 50, 51 и 54, а за *Singidunum Weekly* бројеви 150, 152, 154, 157 и 159. Сви наведени бројеви објављени су 2011. године.

¹⁸ *City Magazine* и *Singidunum Weekly* штампају се на латиници и стога све примере доносимо латинично.

пункцијским знаком)¹⁹ и синтагме (написане су одвојено). Као посебну групу издвојићемо тзв. удвојене форманте (Правопис 2010, т. 85 и 91).

Од 133 примера спојено су написана 24 (18,04%). У складу с правописном нормом написан је чак 21 пример (87,5%): *snaga supermoći* (SW 157, 20), *anticelulit* (SW 157, 40), *krepmita* (CM 66, 47), *fotogalerija* (CM 66, 5), *multiinstrumentalista* (CM 66, 6), 16 *megapiksela* (CM 66, 16), *pseudoistorija* (CM 66, 34), *autoportret* (CM 66, 36), *supermarket* (CM 66, 45), *antioksidans* (CM 66, 50), *u ... autoportretu* (CM 66, 52), 50 *megabajta* (SW 159, 5), *megazvezde* (SW 159, 22), *poligraf* (SW 159, 45), *jedan od... kantautora* (CM 51, 5), *logotip* (CM 50, 7), *grupa antiheroja* (CM 50, 23), *u monoplanu* (CM 50, 12), *prema fotografiji* (CM 50, 12), *fotograf* (CM 50, 12). Три примера (12,5%) су написана неправилно, спојено уместо са цртицом: *fotoaparati* (CM 66, 16), *turoperator* (SW 150, 6), *didžej* (SW 150, 14).

Највећи део грађе, чак 48,12% написан је одвојено. Исправно је написано 39 примера (60,94%): *beta fazu* (SW 157, 6), *verziju hit suknji* (SW 157, 8), *u vidu... kapri pantalona* (SW 157, 8), *boho stil* (SW 157, 9), *sa hipi pokretom* (SW 157, 9), *treš komedija* (SW 157, 24), *na internet strani* (SW 157, 30), *na fitnes spravama* (SW 157, 37), *dens muzika* (SW 157, 38), *fitnes centar* (SW 157, 41), *dens zvezda* (CM 66, 10), *iz ... pop dueta* (CM 66, 20), *na Fejsbuk stranicu* (CM 66, 22), *uz ... fanki zvukove* (CM 66, 22), *disko zvezdu* (CM 66, 24), *oni ... jesu super ljudi* (CM 66, 24), *trendi obuća* (CM 66, 29), *solo karijere* (CM 66, 32), *šoping centar* (CM 66, 35), *rok sastav* (SW 154, 14), *rok svirka* (SW 159, 7), *osim solo projekata* (SW 159, 14), *metal bend* (SW 159, 15), *uz hit singlove* (SW 159, 30), *džez muzičar* (CM 51, 5), *do nivoa rok zvezde* (CM 50, 4), *solo karijeru* (CM 50, 5), *ka korenima haus muzike* (CM 50, 10), *internet prostor* (CM 50, 11), *rok sastav* (CM 50, 18), *hit mjuzikl* (CM 50, 22), *solo izvođači* (CM 50, 10).

Новинари ових културних водича грешку у писању ових спојева направили су 25 пута (39,06%). Од тога су у 23 случаја полусложенице писали одвојено уместо с цртицом: *pop koncert* (SW 157, 6), *mini suknje* (SW 157, 9), *među... maksi suknjama* (SW 157, 9), *akten tašna* (SW 157, 20), *etno restoran* (SW 157, 31), *remek dela* (SW 157, 36), *etno pevači* (SW 157, 38), *na eko pumpama* (CM 66, 5), *hard disk* (CM 66, 16), *bas gitara* (CM 66, 32), *audio kaseta* (CM 66, 36), *na radio stanicama* (SW 150, 14), *mini golf* (SW 150, 40), *na ... veb adresi* (SW 150, 50), *na ... veb strani* (SW 150, 51), *foto aparat*²⁰ (SW 159, 4), *na set listu* (SW 159, 14), *top lista* (SW 159, 30), *u video igrama* (SW 159, 39), *disk dzokej*²¹ (SW 159, 48), *o pet ambalaži* (CM 51, 7), *na mini sajtu* (CM 51, 10), *sa audio komandama* (CM 50, 13).

¹⁹ О драстичном кршењу ортографске нормe говори и податак да су новинари наведених „културних“ водича између спојева које су осећали као делимично несамостале наводили различите правописне знаке. Тако уместо цртице можемо пронаћи и црту, па чак и знак косе црте (код удвојених форми).

²⁰ Да се аутор ексцерпираног текста колебао у писању говори и исправно написан пример забележен на истој страни, неколико редова ниже: *foto-aparat* (SW 159, 4). Неуједначена решења само уносе додатну забуну и тешко се може правдати да исти текст доноси различита решења.

²¹ Наведени пример сведочи и о честим недостацима дијакритичких знакова и утицају енглеског језика.

У нашој грађи забележена су само два случаја у којима су сложенице написане одвојено. Оба се односе на писање стране препозитивне компоненте *мега-*: *pet mega piksela* (SW 154, 17) и *mega hit* (CM 50, 15).

Са цртицом (понегде и са цртом) налазимо 30 примера, од којих је исправно свега 17 (56,67): *svlačionice sa tuš-kabinom* (SW 157, 41), *trim-staza* (SW 157, 41), *top-lista* (CM 66, 5), *foto-takmičenje* (CM 66, 22), *avio-karte* (CM 66, 22), *foto-oprema* (CM 66, 22), *set-lista* (CM 66, 32), *kafe-klub* (CM 66, 45), *objavljivanjem ... video-igara* (SW 159, 7), *video-snimak* (SW 159, 23), *kombinacija hip-hopa* (SW 159, 30), *emisija ugljen-dioksida* (CM 51, 6), *auto-prikolice* (CM 50, 4), *auto-industrije* (CM 50, 12), *za gledanje video-sadržaja* (CM 50, 14), *sa 20 video-formata* (CM 50, 15), *za 11 audio-formata* (CM 50, 15).

Погрешно написаних примера има 13 (43,33%), а међу њима преовладавају они који указују на мешање црте и цртице (укупно седам примера): *posetioci veb-sajta* (SW 150, 8), *striptiz-klub* (SW 150, 30), *disk-džokeji* (SW 150, 6), *di-džejeva* (SW 150, 6), *auto-oprema* (SW 150, 7), *mini-zološkom vrtu*²² (SW 150, 44), *kafe-restoran* (SW 152, 40).

У три случаја наилазимо на цртицу уместо одвојеног писања: *hit-komedija*²³ (SW 157, 21), *hit-singlovi* (SW 150, 15) и *sa pop-kulturom* (CM 50, 6).

Цртицу срећемо и међу сложеницама, где јој такође није место (три примера): *arhi-neprijatelj* (SW 157, 20), *hidro-masažu* (SW 157, 40) и *mikro-detalj* (SW 159, 30).

Као посебну скупину издвојили смо удвојене компоненте, односно случајеве када се стране препозитивне компоненте јављају удвојено (Правопис 2010, т. 85). Таквих примера има 15 (11,28%). Од тога је исправно написано мање од половине – укупно седам примера (46,67%): *nastup... elektro-pop dua* (SW 157, 6), *art i treš filmovi* (SW 157, 22), *filmski i video autori* (SW 157, 22), *elektro-pop bend* (CM 66, 20), *pop-rok bendovi* (CM 66, 45), *elektro-haus muzičar* (SW 150, 20), *od ... brit-pop zvuka* (SW 159, 30).

Грешке у писању удвојених компонената забележили смо у осам случајева (53,33%). Од тога је шест примера написано одвојено уместо са цртицом: *elektro pop grupa* (SW 157, 16), *do big bend numera* (SW 150, 14), *jedan od najuspešnijih hevi metal bendova* (SW 159, 15), *bubnjar pank rok benda* (SW 159, 20), *sa ... pop rok zvukom* (SW 159, 30) и *elektro tango atrakcija* (CM 50, 5), док у два примера уместо цртице наилазимо на косу црту: *pop/rok zvezda* (SW 157, 14) и *hardkor/rege sastav* (CM 66, 8).

Примери из културних водича неспорно указују на превелику неусклађеност текстова у културним водичима са ортографском нормом. Уочена одступања се не могу бранити англизацијом текста, већ је у питању непоштовање правописне норме.

²² У наведеном примеру очигледан је још један пропуст – страна препозитивна компонента *зоо-* забележена је као *зо-* (само са једним *-о-*).

²³ Да се аутор колебао можемо приметити и неколико редова наниже, где наилазимо на исправно написан пример: *hit komedija* (SW 157, 21).

Није довољно да часописи који се називају културним водичима само информишу о културним догађајима. Најчешће се пренебрегава чињеница да, осим информативне функције, језик медија мора бити усклађен са целокупном нормом стандардног језика, чиме показује компетенцију кода и комуникације оних који га користе као средство информисања. Материјал нам даје за право да кажемо како новинари, уредници и лектори културних водича не воде рачуна о језику и језичкој норми. Очигледно је да часописима ове врсте недостају компетентни језички стручњаци (лектори) који би све правописне (али и друге) омашке препознали и исправљали. После свега наведеног, усуђујемо се да закључимо да овакви часописи неоправдано носе назив културни водичи.

5. Закључак

1. Спојено и одвојено писање речи представља озбиљан проблем српског правописа и наше ортографске норме. Додатан проблем представља писање сложених јединица код којих је први члан индеклинабилан (и страног порекла).

2. Наша нормативистичка (правописна и граматичка) литература доноси неуједначена решења, то додатно усложњава овај проблем.

3. *Правопис српскога језика* Матице српске (Нови Сад, 2010), тј. измењено и допуњено издање, није најсрећније разрешио неке нејасноће. Неусклађеност *Правописа* (2010) и одговарајуће литературе, као што је *Правописни речник* (2010) представља озбиљан проблем и уноси додатну забуну. Решења морају бити усклађена у целокупној нормативистичкој литератури.

4. Уџбеници и приручници који се користе у настави морају бити у целини усклађени с правописном нормом. Сви уочени пропусти морају се хитно исправити. Гласила која носе ознаку културних водича морала би водити рачуна о језику, језичкој култури, граматичкој и правописној норми. Наши примери то не потврђују.

5. Овакав однос тачних и погрешних исписа у нашим уџбеницима и културним водичима сматрамо недопустивим. Уџбеници и културни водичи у нашем случају учвршћују незнање, тј. често користе погрешно писање детерминативних формација с првом страном компонентом. За почетак би било довољно да уџбеници прођу озбиљну лектуру и да се сви уочени пропусти отклоне, а да културни водичи имају лекторе који би текстове исправљали и новинарима скретали пажњу на правописну норму. Иначе, прети нам опасност да неписменост надјача писменост.

ЛИТЕРАТУРА

Белић 1923 [²1930, ³1950]: Александар Белић, *Правопис српскохрватског књижевног језика*, Београд.

Брборић 2004: Вељко Брборић, *Правопис српског језика у наставној пракси*, Београд.

Брборић 2011: Вељко Брборић, *Правопис и школа*, Београд.

- Дешић 2004** [¹1994]: Милорад Дешић, *Правопис српског језика. Приручник за школе*, Земун.
- Драгићевић 2007**: Рајна Драгићевић, *Лексикологија српског језика*, Београд.
- Живковић 1937**: Сретен Живковић, *О писању туђих сложеница*, Наш језик V, Београд, 164–167.
- Ивић 1998**: Павле Ивић, „Из прошлости српског правописа“ у: *К новој писмености*, Београд.
- Ивић и др. 2004**: Павле Ивић, Иван Клајн, Митар Пешикан, Бранислав Брборић, *Српски језички приручник*. Београд.
- Клајн 2002**: Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику*, Први део: Слагање и префиксација (Прилози граматици српског језика I), Београд.
- Клајн, Шипка 2007**: Иван Клајн, Милан Шипка, *Велики речник старних речи и израза*, Нови Сад.
- Пешикан 1996**: Митар Пешикан „Правописна норма“, у: *Српски језик на крају века*, Београд, 171–179.
- Правопис 1960**: *Правопис српскохрватскога књижевног језика са правописним речником* (израдила правописна комисија), Нови Сад – Загреб.
- Правопис 1993**: *Правопис српскога језика*, I. *Правила и њихови односи*, II. *Речник уз правопис*), Нови Сад.
- Правопис 2010**: *Правопис српскога језика* (измењено и допуњено издање), Нови Сад.
- Симић et al. 1993**: Р. Симић, Ж. Станојчић, Б. Остојић, Б. Ћорић, М. Ковачевић, *Правопис српскога језика са речником*, Београд – Никшић.
- Списи 2004**: *Списи Одбора за стандардизацију српског језика*, Београд.
- Стевановић 1981**: Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик I (граматички списи и књижевнојезичка норма)*, Београд.
- Ћорић 2008**: Божо Ћорић, *Творба именица у српском језику (одабране теме)*, Београд.
- Шипка 2010**: Милан Шипка, *Правописни речник српског језика са правописно-граматичким саветником*, Нови Сад.

Veljko Ž. Brborić

WORD FORMATION AND ORTHOGRAPHY – SPELLING THE COMPOUND
DETERMINATIVE FORMATIONS WITH THE FOREIGN FIRST COMPONENT

Summary

The paper discusses compound units whose first members are indeclinable. They include determiners which are, as a rule, of foreign origin, sometimes loanwords, and sometimes calques. We will treat the orthographic solutions, i.e. spelling these formations in Serbian. This matter also assumes a grammatical nature when we need to define whether these formations consist of one or two words. Serbian orthography provides solutions which prescribe the spelling of these formations with a hyphen, but also separately and/or together.

ДРАГАНА Д. ВЕЉКОВИЋ СТАНКОВИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

КОГНИТИВНИ АСПЕКТИ ДЕМИНУЦИЈЕ ГЛАГОЛА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ**

Сажетак. У раду се разматра глаголска деминуција као творбено-семантичка модификација ослоњена на концепте фрагментације и лимитације (РАДЊА ЈЕ /ДИНАМИЧАН/ ЕНТИТЕТ, НАЧИН ВРШЕЊА РАДЊЕ ЈЕ ФОРМА /ДИНАМИЧНОГ/ ЕНТИТЕТА, ГЛАГОЛСКА ДЕМИНУЦИЈА ЈЕ ТЕМПОРАЛНА И АКЦИОНА ФРАГМЕНТАЦИЈА РАДЊЕ МОТИВНОГ ГЛАГОЛА, ФРАГМЕНТИРАЊЕ ЈЕ СЛАБЉЕЊЕ /КОХЕРЕНТНОГ/ ЕНТИТЕТА), из којих происходе основна значења девербативних умањеница са богатим адвербијалним инскриптом.

Кључне речи: глаголи, деминуција, концептуализација глаголске деминуције у српском језику.

Увод

1. Развијеност глаголске деминуције у српском језику показује наглашену склоност изворних говорника према варирању динамике, интензитета и модалитета радње. Бројност глаголских деминутива, па и окупљање више истоосновинских деривата око појединог глагола као мотиватора указује на то да је палета глаголске деминуције у српском језику разуђена, а да у творбеном процесу настала апроксимација не омета додатну дезинтензификацију (нпр. *тихо* певуши, *лако* куцка, *лагано* лупкајући и сл.; исп. КССЈ). Уз то, захваљујући специфичностима семе *мало* код глаголских умањеница, међу евалутивним твореницама девербативни деривати издвајају се по способности најширег значењског обухвата, али и најизразитије семантичке неодређености.

1.1. Основна разлика између мотивног и деминуираног глагола препознатљива је у одговору на питање *Како се врши радња именована девербативном умањеницом?* Наше истраживање, засновано на анкети (исп. ниже 2; 1, 1.1), показује да говорници српског језика као матерњег на ово питање одговарају читавим низом разноврсних прилога, па се уобичајена семантичка формула „вршење радње X у мањој мери/мањим интензитетом” осећа унеколико недостатном. С обзиром на особености семантизације ових деривата, који се могу посматрати као

---

* e-mail: draganavs@yahoo.com

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

адвербијални валерски отклони од основинске речи, без оштрих разграничења и поларизација, глаголске деминутиве треба посматрати као изразито фазичну¹ групу твореница.

1.2. Претпоставили смо да језичка економија, тј. потреба да се семантика глаголских умањеница – ослоњена на творбено унет прилошки спектар – на разнолике начине реализује у комуникацији, није једини разлог развијености глаголске деминуције у српском језику. Овом, без сумње значајном језичком тенденцијом (исп. Ћорић 2008: 159–160) не можемо у целости објаснити шароликост и ширину адвербијалних детерминатора код глаголских умањеница, зато смо одговоре на питања у вези са природом и когнитивном утемељеношћу глаголске деминуције потражили у концептуализацији радњи исказаних глаголским евалутивима, која се ослања на уопштено поимање делања, активности и времена.

1. О неким особеностима деминуције именица и глагола

1. Пошто увек треба имати на уму да се – упркос диференцијацијама узрокованим припадношћу различитим врстама речи – неке карактеристике творбено реализоване евалуације морају у одређеној мери препознавати као заједнички именитељи и код деноминалних и код девербативних твореница, од ових сродности и полазимо.

1.1. Два су обележја карактеристична и за именичке и за глаголске евалутивне творенице; прво се огледа у апроксимацији, тј. неодређеној мери одступања од подразумеване норме (најчешће препознатљиве у денотату мотивне речи), а друга у супремацији деминуције и убедљиво већем семантичком потенцијалу деминутива у односу на аугментативе (уп. Вељковић Станковић 2011: 62–65).

1.2. Разлике између глаголских и именичких евалутива су упадљиве. Наиме, поларизација деноминалних деминутива и аугментатива и њихова кореспонденција са хипокористичним или пејоративним значењем условљене су концептом запремљености ЧОВЕКОВОГ ВИЗУЕЛНОГ ПОЉА (ВИЗУЕЛНО ПОЉЕ ЈЕ САДРЖАТЕЉ, НЕМАЊЕ КОНТРОЛЕ И НЕМОЋ СУ ДОЛЕ, КОНТРОЛА И МОЋ СУ ГОРЕ) и позиционирашћу у оквиру (поларизованог) ЧОВЕКОВОГ ЕМОЦИОНАЛНОГ ПРОСТОРА (Вељковић Станковић 2011: 142–154). *Емоционални простор* је отворен за мале ентитете (и за оне који су именовани као мали), јер су операбилни и базопасни; они не запремају *визуелно поље*, те је субјекат оцене у супериорном положају (тј. гледа их одозго, уп. МОЋ ЈЕ ГОРЕ, НЕМАЊЕ КОНТРОЛЕ И НЕМОЋ СУ ДОЛЕ, Кликовац 2004: 38, 76). Зато је облицима деминутива отворен пут према хипокоризацији, у чијој основи је потреба за

¹ Отварајући читав низ лингвистичких питања сагледаних из угла фази логике, М. Радовановић нас подсећа на човекову потребу да свеколику појавност, па и језичке феномене категоризује и класификује, али и на реалну заснованост оног погледа који подразумева неодређеност и одсуство строгих подела: „Насупрот 'аристотеловској', 'тврдој' логици, стоји 'фази' ('fuzzy'), 'мека' логика ('soft' logic), 'расплинута', 'разливена', 'лабава' логика, она што светове појава и наших судова о њима подвргава разврставањима на скалама градуелности, 'интензитета' (по принципу скаларности, дискретности, континуалности, постелености, степеновања, рангирања...)...” (Радовановић 2009: 19–20).

афилијацијом.² Поред хипокористичног, именичке умањенице могу имати иронијна, еуфемистичка и пејоративна значења ослоњена на метафоре ВРЕДНО ЈЕ ВЕЛИКО, БЕЗВРЕДНО ЈЕ МАЛО, док се код глаголских умањеница ова значења развијају углавном само конотативно.

2. Аугментативне именице, за разлику од деноминалних деминутива, имају знатно већи афективни потенцијал, и то захваљујући изразитој атракцији сема *велико* и *лоше* (*непожељно*). Насупрот умањеницама, деноминални аугментативи се, због предимензионираности, поимају као неоперабилни и потенцијално опасни, јер забрањују *визуелно поље* и стога, у оквиру *емоционалног простора*, заузимају место најудаљеније од емоционалног центра.

3. Као и код именичких евалутива, суфиксална деминуција доминира и код глагола. Такође, девербалне умањенице имају широк, али знатно сфуматиранији семантички опсег од именичких. Пошто се, уопштено узевши, квантитет код глагола везује за трајање, а квалитет за начин вршења, темпорална лимитација условљава разноликост модалитета радње, па због овакве повезаности значење глаголских умањеница истовремено обухвата и темпоралне и модалитетске адвербијалне модификације.

2. Анкета: хипотезе, процедура, циљеви, садржај

1. У испитивању деминутивних глагола пошли смо од хипотезе да је концепт делимитативности код ове групе евалутива детерминисан природом творбено унете адвербијалне семантике, те да детаљнији увид у ова значења може јасније оцртати метафоричку базу глаголске деминуције. Такође смо претпоставили да, упркос апроксимативности оцене, као и код десупстантивних речи субјективне оцене, и у оквиру девербативних евалутива постоје чланови који гравитирају центру и они који припадају периферији, а да се прототипични представници ове поткатегорије могу препознати не само по својој фреквентности, већ и по вишем степену умањености.

1.1. Анкета је обављена на Филолошком факултету у Београду током летњег семестра 2012. године.³ У испитивање је било укључено 106 студената друге и треће године студијске групе (01) Српски језик и књижевност.⁴

² *Мало* се посматра као немоћно, оно у посматрачу побуђује заштитника, али и жељу за поседовањем и афективним испуњењем подстакнуту асоцијативним ланцем: *мало* → безопасно → добро → вредно → *мило*.

³ Помоћ у спровођењу анкете на Филолошком факултету у Београду пружиле су ми доц. др Весна Ломпар и мр Ана Батас, којима сам захвална на подршци.

⁴ Приликом решавања задатака (које је било ограничено на 8 минута), испитаници су били позвани да се руководе пре свега својим језичким осећајем, но, с обзиром на то да је анкета спроведена међу студентима српског језика и књижевности, треба имати у виду да је, посебно приликом давања одговора на последње питање, у формулацији могла имати удела и током студија изграђена лингвистичка компетенција, као и знање из области творбе речи.

Од укупно 106 испитаника сви су одговорили на прва три питања; на последње питање (4) анкете одговорило је 86 анкетираних, међу којима су многи давали опширније одговоре; захваљујући томе издвојили смо 129 различитих, блискозначних и/или поновљених обележја деминутивних глагола, које смо, према семантичким и граматичким критеријумима, разврстали у три групе (1. снижена динамика/интензитет, 2. темпорална сегментација /учесталост/ и/или ограниченост, 3. став вршиоца и/или говорника; в. Табелу 4).

2. Намера нам је била да испитамо (а) који суфикси доминирају у творби девербативних деминутива, (б) који се суфикси поимају као индуктори највећег степена умањености, (в) какви су обим и садржај адвербијалног спектра инхерентног глаголским умањеницама, а такође и (г) како изворни говорници српског језика разумеју глаголску деминуцију.

2.1. Првом питањем се од испитаника тражило да наведу по један деминутивни глагол мотивисан глаголима *спавати*, *летети*, *свирати* и *резати*, који је, према њиховом језичком осећају, најтипичнији и најфреквентнији. Други захтев био је усмерен на одређивање степена деминуције (на скали од 1 до 10) углавном првостепених деривата глагола *невати* (*невкати*, *невнути*, *невукати*, *невуцати*, *невуцнути*, *невушити*, *невушкати*, *невуцкати*).⁵ Решавање трећег задатка подразумевало је да анкетирани поред сваког од осам деминутивних глагола (*биркати*, *сипкати*, *пијуцкати*, *читуцкати*, *живуцкати*, *љуљушкати*, *вирукати*, *трчкарати*) напишу по један прилог или прилошки израз који, према њиховом мишљењу, најпримереније описује начин вршења радње именоване глаголском умањеницом. Последњи (четврти) захтев односио се на слободну (уопштenu) формулацију значења деминутивних глагола грађених суфиксима типичним за ову врсту умањеница (*-ка*, *-кара*, *-уца*, *-уца*, *-ука*, *-уши*, *-ушка*).

2.2. Приликом профилисања првог питања, усмереног на испитивање плодности појединих суфикса којима се граде деминутивни глаголи, водили смо рачуна о томе да мотивне речи имају релативно високу фреквентност у српском језику и да поседују солидан деривациони потенцијал у извођењу евалутивних глагола. Од сваког наведеног глагола могла су се извести најмање по три деминуирана⁶, мада је творбена спојивост са појединим суфиксима варијала, што је сасвим природно.

2.3. Од испитаника се захтевало да уз сваки мотивни глагол напишу само по једну, њим мотивисану, глаголску умањеницу. Ограничење је постављено јер смаграмо да је у оваквим истраживањима значајан и асоцијативни моменат, пошто се, захваљујући њему, у свест испитаника жели призвати управо најфреквентнија твореница, док би захтев да се наведу сви деривати заступљени у идиолекту поје-

⁵ У идентификацији степена умањености реализованог различитим суфиксима пошли смо од претпоставке да у оквирима деминуције глагола постоји градуелност која се, у истраживањима мањег обима, најбоље може идентификовати унутар деривационих гнезда мотивисаних истом полазном речју. Као што се из наведених примера види, желели смо да испитамо и језички осећај према деминуирању суфиксом *-ну*, на који је одавно пажњу скренула И. Грицкат, назвавши га морфолошким средством за деминуцију (Грицкат 1955/56: 90–92).

⁶ У одговорима смо очекивали, пре свега, деривате забележене у речницима РСАНУ и РМС, које овде наводимо са лексикографским дефиницијама: (1) спавати: **спавкати** несврш. дем. према *спавати*, *дремуцкати*; **спавнути** сврш. *мало одспавати*, *поспавати*; **спавуцнути** сврш. дем. према *спавнути*; (2) летети: **леткати** и **лёткати** несвр. у дем. значењу: *летети*; **летуцати** несвр. у дем. значењу: *летети*; *изводити кратке летове*, *летети тамо-амо*; **летуцкати** несвр. в. *летуцати*; **леткарати** несвр. у дем. и хип. значењу: *летети*; **леткарити** несвр. у дем. значењу: *летети*; **летнути** 1. а. *винути се у ваздух*, *полетети*, *одлетети* (обично у дем. и хип. значењу); (3) свирати: **свиркати** несврш. у дем. значењу: *помало*, *тихо свирати*; **свирукати**, **свируцати** и **свируцкати** несврш. *помало*, *тихо свирати*, *свиркати*; (4) резати: **рѣскати** несврш. дем. од *резати*; **рѣцкати** несврш. дем. од *резати*; **рѣзукати** несврш. дем. од *резати*; **рѣзнути** сврш. 1. дем. према *резати*, *мало засећи*, *сецнути*.

динца увела тестатора у недоумицу, будући да се мање плодни суфикси обично ангажују у случајевима када се посебно жели истаћи стилска вредност (ређе употребљаваних) лексема.⁷

3. Резултати истраживања

1. Анализа одговора открила је неке очекиване, али и неке мање предвидљиве резултате. Наиме, доминација деривата грађених типичним суфиксима за извођење деминутивних глагола била је претпостављена, али је експанзивност појединих суфикса унеколико превазишла очекивања. Суфикс *-уца* показао је убедљиву доминацију (62,97%), док су изведенице суфиксом *-ка* дупло мање заступљене (31,37%).

1.1. Највећа творбена инвентивност показана је у деминуирању глагола *спавати*: употребљено је шест деривата (*спавуцкати*, *спавкати*, *спавнути*, *спавуцнути*, *спавукати*, *спавушити*), од којих РМС бележи само три (исп. фн 6), изостављајући чак и најфреквентнији гл. *спавуцкати*. С друге стране, мада се у РСАНУ може наћи седам деминутива изведених од глагола *летети*, испитаници су се у највећем проценту определили за *летуцкати* (85,85%), а у неупоредиво мањем броју за *леткати* (11,32%), док су преостала два глагола (*летуцнути* /2/, *летнути* /1/) показала да је учесталост деминуције формантом *-ну*, бар од наведене основе, врло ниска (највиша је код изведеница од гл. *спавати* и *резати*, и то од недеминураних основа, в. Табелу 1.а).

1.2. Глаголи грађени суфиксом *-уши* веома су ретки (исп. Николић 2000), а карактерише их – код девербативних умањеница иначе веома ретка – афективна оцена (уп. *милушити*, *летушити* и сл.), која се обично развија тек на конотативном плану. Ово показује да карактеристични суфикси, међу којима, због двоструког обележја деминутивности, повлашћено место има формант *-уца*, утичу не само на унификацију форме, захваљујући чему ови глаголи постају лакше препознатљиви, већ и на ублажавање или на неутрализацију афективне семантичке компоненте. Поред тога, запажамо да је сугласничка група *-цк-* у српском језику добила статус иконичког маркера глаголске деминутивности, и то на штету емотивне компоненте значења.

1.3. Да се суфикс *-уца* све мање осећа као убедљива ознака деминутивности глагола показује чињеница да међу одговорима на прво питање анкете нема ниједног облика изведеног овим суфиксом (*летуцати*, *свируцати*), а да су три испитаника, запазивши у питању бр. 2 гл. *невуцати*, сматрала да је у питању погрешно написан глагол *невуцкати*, те су, уз коректорски знак, унели исправку и додали *к*. Такви случајеви потврђују запажање да се у оквиру афиксалног инструментарија глаголске деминуције издвајају суфикси којима се граде прототипични девербативни евалутиви, а да већи број суфикса, па и њима грађених твореница остаје маргинализован. Пошто је ове изведенице тешко наћи и у Корпусу савременог српског језика (КССЈ), наводимо једини забележени пример:

⁷ Поред тога, осим што би могли помислити да се анкетом проверава њихово знање из језика, испитаници би се можда нашли у искушењу да бележе и оне деривате које иначе не употребљавају, што би највероватније довело до нереалних, па зато и слабо употребљивих резултата.

Како је снег чудан. Он се не топи, не умире као све друго, него се смеје. Он се игра, он *певуца* (Милош Црњански, *Дневник о Чарнојевићу*, КССЈ).

2. Суфикси без сумње утичу на измену значења, но мишљења лингвиста нису тако једнодушна када се постави питање треба ли их сматрати значењским јединицама. У вези са тим Б. Ћорић истиче: „Будући да суфикс припада класи морфема, јасно је да и он има одређено значење. У том случају треба претпоставити његов утицај на формирање значења изведене речи. Тај утицај, када је у питању експресивно значење, није лако препознатљив. У принципу ће експресивна функција суфикса јасније доћи до изражаја онда када је основинска реч лишена таквог значења” (Ћорић 2008: 179).

Управо зато смо у другом питању, настојећи да испитамо утицај појединих суфикса на степен умањености код истоосновинских деривата, одабрали експресивно неутралан мотивни глагол (*невати*).

2.1. Резултати анкете показују да различити суфикси који учествују у творби исте семантичке категорије утичу на диференцирање твореница не само по степену умањености, тј. интензитету, који корелира са темпоралном фрагментацијом (уп. ГЛАГОЛСКА ДЕМИНУЦИЈА ЈЕ ТЕМПОРАЛНА И АКЦИОНА ФРАГМЕНТАЦИЈА РАДЊЕ МОТИВНОГ ГЛАГОЛА, исп. ниже 4; 4.1), већ и према модалитету (в. Табелу 3). То упућује на чињеницу да, у овом случају, придруживање појединих суфикса глаголској основи резултира специфичном градабилно-адвербијалном модификацијом.

2.1.1. Очито је да изворни говорници у различитим суфиксима не препознају исти потенцијал деминуције, па понајпре захваљујући томе, а знатно мање због потребе за већим бројем лексема као носиоцима стилске маркираности, опстају многа разубјена деривациона гнезда, чији се чланови међусобно разликују и с обзиром на семантичке нијансе које добијају фрагментацијом, и по томе припадају ли центру или периферији ове творбено-семантичке категорије.

2.2. Мада је деминуција код свих речи субјективне оцене апроксимативна, па отуда увелико сфуматирана и неодређена, дакле, фазична, задатак бр. 2 је за испитанике представљао мало изненађење⁸, а анализа одговора потврдила је корелацију са реакцијама на претходно, прво питање. Поред тога, на језичко осећање ослоњена процена степена деминуције допринела је употпуњавању података о плодности појединих суфикса.

2.2.1. Пошто се поузданији закључци нису могли доносити искључиво на основу одговора који је подразумевао навођење (само) четири деривата, ово питање имало је и улогу коректива. Резултати су потврдили да постоји непосредна веза између процене степена умањености и плодности појединих суфикса.

⁸ Запажено је да су се испитаници најдуже заржавали на овом питању; уочивши већи број истоосновинских деривата, пажњу су усмеравали на деминуирајући потенцијал суфикса, брижљиво га одмеравајући и очигледно тражећи погодан контекст у коме би дате примере могли варирати, па тако лакше преиспитати своје језичко осећање и дати са њим усаглашен одговор.

Нема сумње да изворни говорници српског језика највећи потенцијал умањивања препознају у творбеном форманту *-уца*. Високо је оцењена и деминутивност суфикса *-уши* и *-ушка*⁹, док су *-уца*, *-ну* и *-ука* на зачелју.

2.3. Друго запажање односи се на деминутивни потенцијал суфикса *-ну*, посебно када се њиме истиче темпорална лимитираност глаголске умањенице, тј. када се овај формант придружује већ деминуираној основи (уп. фн 10).

У таквим образовањима формант *-ну* нема само функцију промене вида, већ се јавља као интензификатор деминутивног значења, мада му се умањивачки потенцијал не може одрећи ни код првостепених девербалних деривата посведочених у РСАНУ и РМС:

РСАНУ: **јавнути (се)** и **јавнути (се)** свр. у дем. значењу : *јавити!* (се). – Послаћемо човека одавде па нека им јавне да се код суднице нађу (Ком. Р. МС–МХ). Јавнуше се кликом из горе пастири (Ил. Ј. 3, 194).

гађнути свр. трен. дем. *лако или лагано бацити се нечим на некога (на нешто)*. – Никад је нико није поплашио, ни дијете је гађнуло камичком (Сиј. Ћ. 1, 132).

дељнути свр. дем. *мало захватити сечивом (ножом, секиром и др.), задељати, засећи*. – И за дивно чудо, нико није од тада нигде дељнуо клупу (Ац. 1, 94).

РМС: **пијнути** сврш. дем. *према пити*. – Де, Страхиња, пијни мало! *Глиш*.

чујнути сврш. дем. *према чути*; исп. чухнути. – И кад га [вола] чујне мајчица, што ионако је „крава”, на велика би ока два на кабле плакат стала. *Крањч. С*.

чекнути сврш. дем. *према чекати*. – Чекни мало, чика Јово, чекни! – рече он оштро. *Вес*.

2.3.1. Деминутивни потенцијал суфикса *-ну* сагледавамо у оквиру концепата фрагментације и сепарације (уп. ДЕМИНУЦИЈА ЈЕ ФРАГМЕНТАЦИЈА /ЕНТИТЕТА/), и то као издвајање усамљеног акта из имперфективног низа. Таква дискретна, једнократна акција поима се и као део широке, мозаичке слике (*дељнути* : дељати) и као њена минијатура, дакле, као деминутив.

2.3.2. И. Грицкат каже да је од свих начина деминуирања глаголских основа „најлакше разумети перфектизовање обичних имперфективних глагола заменом њихових основинских наставака основинским наставком *-ну-*”, и додаје: „стварање основе на *-ну-* може у даљем развоју постати прави, морфолошки начин деминуирања, и то онда када оно више не представља перфектизацију, тј. у случајевима када је већ и основни глагол перфективан: *зави́рнути* < *зави́рити*” (Грицкат 1955/56: 90; уп. РСАНУ: *зави́рнути* свр. у дем. значењу : *завирити*).¹⁰

⁹ Према морамо истаћи да је наше испитивање окренуто пре свега концептуализацији деминуције, те је, уза све настојање да заступљеност различитих твореница буде оптимална, обухватило релативно мали број лексема (укупно 20), због чега не можемо претендовати на онај степен тачности који би свакако донела опсежнија и детаљнија истраживања, испитивање деривата глагола *певати* упућује нас на чињеницу да се семантика умањености такође добро препознаје и у сугласничком склопу *-шк-*, мада се суфиксом *-ушка* не гради велик број девербалних евалутива (уп. *игрушкати (се)*, *љубушкати*, *љуљушкати (се)* и сл.).

¹⁰ Илуструјући овај начин деминуирања, ауторка наводи низ глагола (гледнути, гуднути, гутнути, дрёмнути, дрхнути ... јавнути се, јецнути, клизнути и др.), а такође указује и на двоструку деминуцију, тј. на случајеве придруживања суфикса *-ну* суфиксално деминуираним глаголима, нпр. *варакнути*, *врцнути се*, *глацнути*, *глоцнути*, *гуднути*, *кашљуцнути*, *кљуцнути* и др. Значајно је и следеће запажање И. Грицкат: „Иако стари речници за многе од глагола са оваквом изменом основе не

3. У улози доминантних адвербијалних дескриптора радњи исказаних деминутивним глаголима јављају се прилози *мало* и *помало*, и то најчешће у случајевима када се (неспецификовани, али асоцирани) објекат разумева као квантитативно одредив (уп. *ситкати* /воду/, *пијуцкати* /пиће/, *читуцкати* /књигу/ и сл.), а најређе када се радња концептуализује као акција повезана с позитивним афективним стањем субјекта.

3.1. Дакле, код глагола чији типични асоцирани сценарио вршења подразумева мали, нежни или вољени субјекат или објекат (обично дете), нпр. *трчкарати*, *љуљушкати*, у оцртавању модалитета најистакнутију улогу имају прилози који непосредно указују на снижен интензитет – *лагано/полако* (*љуљушкати* 39,62%, *трчкарати* 25,47%). Ипак, значај који, чак и у нултом контексту, има асоцирани субјекат јасно препознајемо по адвербијалним детерминацијама везаним за глагол *љуљушкати*: *нежно* (23,58%), *благо* (4,72%), *смирено/умирујуће* (4,72%), *спокојно* (2,83%), *фино* (2,83%), *лепо* (1,89%) (укупно 40,57%).

3.2. Уз глагол *трчкарати* на интензитет вршења радње усмерени су прилози: *лагано/полако* 27 (25,47%), *споро* (8,49%), али није мали број оних којима се, у улози вршиоца, сугерише дете. Тај круг адверба понајпре осликава афективно стање вршиоца, а посредно и став адресанта: *весело* (13,21%), *разиграно* (5,66%), *срећно* (4,71%), *живахно* (3,77%), *раздрагано* (2,83%).

3.3. Наведени подаци показују да радње мотивних глагола, а стога нужно и од њих изведених деминутивних, у свести говорника призивају, уз денотативно значење, и типичан акциони сценарио који укључује субјекат, објекат и околности вршења. Овај сценарио непосредно утиче на семантичко профилисање адвербијалног скупа, а он код свих девербативних умањеница не укључује исте елементе.

3.3.1. Посебно занимљивим показало се евалутивно поларизовање семе *мало* код глагола *живуцкати*. Очито да је у овом случају преовладала метафора МАЛО ЈЕ ДОБРО / ЛЕПО / ПРИХВАТЉИВО, те се знатно већи број испитаника определио за прилошке детерминације које упућују на позитивну оцену: *лепо* (24,53%), *весело* (7,55%), *добро* (6,60%), *срећно* (5,66%), *мирно* (3,77%), *без трзавица/без тензије* (3,77%), *опуштено* (0,94%) (укупно 52,82%), док се поимање *малог* као некавалитетног и/или лошег (МАЛО ЈЕ НЕДОВОЉНО / НЕКВАЛИТЕТНО / ЛОШЕ) огледа у избору прилога *невесело* (5,66%), *једва* (2,83%), *тешко* (2,83%), *невољно* (1,89%), *некако* (0,94%), *не живети пуним плућима* (0,94%), *премало* (0,94%) (укупно 16,03%). Оцену адвербом (*по*)*мало* (16,98%), због фазичности, тј. потенцијалног амбигвитета оцене, сматрали смо неутралном у односу на квалитет, док остали прилози имају ниску заступљеност (нпр. *полако/лагано*, *често*, *брзо*; в. Табелу 3).

4. Иако је на последње питање одговорило 86 анкетираних, многи одговори садржали су више елемената, што је омогућило да издвојимо укупно 129 реакција.

казују поуздано да су они у деминутивном односу према основним глаголима, и то у случајевима где ми данас јасно осећамо деминуцију, ипак имамо разлога да ова образовања, са оваквим семантичким померањем, сматрамо старим творевинама. Наш архаични дијалекат – призренско-тимочки – има ту појаву развијенију него данашњи књижевни језик” (Грицкат 1955/56: 92).

Пошто су се међу понуђеним одговорима диференцирале три веће групе, најфреквентније формулације и њихову укупну заступљеност наводимо у Табели 4.

4.1. Као најзначајнија обележја глаголске деминуције запажамо (а) *снижену динамику*, чија је логичка последица смањен интензитет (56 одг. или 43,41%), и (б) *темпоралну сегментацију*, која се доводи у непосредну везу с итеративношћу (55 одг. или 42,64%). Разлика у опредељености за прво или друго својство је минимална и стога занемарљива. Очито је да се ове две карактеристике девербативних умањеница међусобно преплићу и узајамно подржавају, а то показују и многи одговори из којих ишчитавамо стапање наведених својстава (нпр.: „чинити нешто у мањој мери, мањим интензитетом, означавају радњу која се повремено дешава”; „радити нешто учестало, не стално, спорим темпом”; „означавају радњу која је у мањем степену изражена од радње мотивног глагола, или је издељена, одвија се на другачији начин, различитим интензитетом” и сл.).

4.2. Од стране мањег броја испитаника у први план је стављен *став вршиоца* и/или *говорника* према радњи деминутивног глагола (18 одг. или 13,95%). Овај став тек у ређим случајевима упућује на емоционалност (*раздрагано, весело, са дозом надахнутости*), а превасходно указује на релативно немаран, комотан однос према радњи (нпр. *успут, нехајно, необавезно, овлаш, опуштено*). Тако видимо да се глаголска деминуција пре доводи у везу са концептом МАЛО/СЛАБО ЈЕ НЕБИТНО, но са поимањем *малог* као доброг и пожељног. Дакле, афективни сегмент глаголске деминуције је неразвијен и слабо издиференциран, осим у већ поменутих случајевима у којима препознајемо утицај типичног асоцираног сценарија у коме су субјекат и/или објекат емотивно обојени (уп. 3; 3.1).

4. Концептуализација девербативних деминутива

1. Схватање времена као динамичког ентитета, али и као садржатеља (ВРЕМЕ ЈЕ ЛИНЕАРНО КРЕТАЊЕ, ВРЕМЕ ЈЕ ПОКРЕТНИ ОБЈЕКАТ, Кликовац 2004: 247, 53; ВРЕМЕ ЈЕ САДРЖАТЕЉ Лејкоф и др. ²1991: 78) и активности као кретања (Лејкоф и др. ²1991: 36) упућује на потребу да се глаголска деминуција посматра као резултат специфичног твобеног обликовања модалитета: РАДЊА ЈЕ (АПСТРАКТАН И ДИНАМИЧАН) ЕНТИТЕТ, РАДЊА ЈЕ ДЕЉИВ ЕНТИТЕТ, РАДЊА ЈЕ ЕНТИТЕТ ПОДЛОЖАН МОДИФИКАЦИЈИ.

1.1. Наиме, деминутивним глаголима заједнички је адвербијални инскрипт широко схваћене ослабљености, тј. редукованости оних адвербијално изразивих својстава мотивног глагола која се, за одређену радњу, сматрају специфичним, каноничким. На пример, певање се перципира чулом слуха, те се може одредити као *гласно, тихо, испод гласа* и сл., али никада као *безгласно* певање, што значи да је чујност подразумеван и базичан елемент значења. Пошто је чујност карактеристика подложна степеновању, модификација значења у правцу деминуције усмерена је на варирање овог својства (уп. гл. *певушити, певкати, певукати, певуцкати* и др.).

1.1.1. Означавање ових и других девербативних умањеница квалификатором *дем.* у нашим великим описним речницима јесте ствар метајезичке целисходности; тако се избегавају предуге лексикографске дефиниције које би, у појединим случајевима, морале бити профилисане према специфичностима значења мотивне

речи (глагола) и активних прилошких модификатора, што би понекад – с обзиром на неједнаку заступљеност и разноликост адвербијалних атенуатора – водило неуједначености.

2. Мада немају перцептивно доступне димензије, радње поседују условну димензионараност која се препознаје у модалитетима трајања и начина вршења. Уопштено значење глаголске деминуције производи из кондензације атенуирајућих адвербијалних сема, а појединачне реализације тог значења резултат су селекције условљене денотатом мотивног глагола и концептуализацијом типичног сценарија вршења радње одређеног глагола, тј. специфичношћу активности субјекта, карактеристикама и положајем потенцијалног објекта (уколико је глагол прелазан), и, разуме се, контекстом (уп. Грицкат 1988: 133–137).

2.1. Сви глаголи субјективне оцене нису у истом степену зависни од контекста, јер је препознатљивост доминантне евалутивне семе знатно већа код детериоративних девербатива грађених формантима *-ака*, *-ата*, *-ара* и сл.¹¹ Њима именована радња, чак и у одсуству пејорације, која може бити везана за негативно значење основе, разумева се као неартикулисана, нехармонична, каткад потенцијално агресивна, те се оцена *лоше/нелепо/непожељно* лако разазнаје и у минималном контексту. Деминуција, међутим, подстиче необично богат адвербијални инскрипт, јер сема *мало*, особито код девербативних умањеница грађених типичним деминутивним суфиксима, има највиши степен фазичности.

3. Фазичност семе *мало* потиче од значења прилога *мало*¹² који семантиком својом упућује на апроксимативну недобаченост: „испод потребне мере”, „испод очекиваног”, „у извесној мањој мери”. Неодређеност у погледу процене *мало* код глагола отвара могућности различитих семантизација. Тако се, на пример, „мало и стога недовољно” по правилу схвата као квантитативно и квалитативно изневеравање очекиваног, с нормом усаглашеног параметра.¹³

¹¹ Изгледа да суфикс *-ака*, као формант који у дериват обично уноси значење нелепе девијације, за разлику од других, по семантичком потенцијалу сродних форманта усмерених на детериорацију (нпр. *-ата*: *ломатати*, *лупатати*), може развијати и афективно неутралну семантику, нпр.: *љуља̀кати* (се), *-а̀м* (се) несвр. у дем. значењу: *љуљати* (се); *куца̀кати* несвр. у дем. значењу: *куцати*; *куца̀кати* (РСАНУ). Међутим, аналогија према доста фреквентним *туџакати* (се), *сеља̀кати* (се) и сл. појачава изгледе за негативну оцену. Тако и код *го̀нкати* (несвр. I. у дем. значењу: *гонити* (I)) детериорације у денотату нема, док се *гоња̀кати* (несвр. уч. покр. у дем. значењу: *гонити* (I); *гонити* *стоку тамо-амо, без потребе*. – Оставите се тога гоњкања мојије’ говеда, јер ако ја тебе почнем гоњакати, изагнају ти душу на нос (Банија, Ворк.)), захваљујући прилошкој дескрипцији „тамо-амо, без потребе”, због разносмерног, хаотичног, неартикулисаног вршења приклања пејоративном полу.

¹² У РСАНУ читамо: **ма̀ло** прил. **1. а.** у *малој, незнатној количини, у малом броју; испод потребне мере, недовољно*. **б.** *испод очекиваног, незадовољавајуће*. **2. а.** у *извесној, мањој мери, до извесног степена, донекле, неколико, помало, понешто*. **4. а.** *кратко време, краткотрајно, за кратко време, на кратко време* и сл.

¹³ Детериоративно значење, међутим, није уграђено у денотат, већ, као што смо истакли, зависи од концептуализације типичног сценарија одређене радње, вршилаца, околности и др. Следећа два примера показују да се квалитет радње сагледава и процењује и с обзиром на могућности и компетенције вршилаца:

(а) ... Натали Увил је већину слободног времена проводила у дворишту изнајмљене куће на Сењаку, *црткајући* угљеном, пастелном кредом или графитом, у зависности од расположења (Г. Петровић, *Ситничарница „Код срећне руке”*, 129).

3.1. Захваљујући потенцијалу сепарације, сема *мало* код деминутивних глагола концептуализује се као иницијатор фрагментације. Утицај ове семе усмерен је на мултипликацију и лако је уочљив код деминуираних глагола код којих је препознатљиво значење нарушавања кохерентности каквог објекта, нпр. *цепкати*, *рецкати*, *ломкати* и сл.:

РМС: **цѐпкати (се)** несврш. дем. према *цепати (се)*. – Она је ноктом цепкала полако кору на лози. *Вес.*

рѐцкати несврш. дем. од *резати*. – Стеван ... рецкаше ... оштром бритвицом сланину. *Јаки.*

рѐскати несврш. дем од *резати*. – Полице ... је обложила и уресица ... симетрично ресканим папирима и чипкама. *Петр. В.*

РСАНУ: **лѐмкати (се)** несвр. у дем. значењу: *ломити (се)*. – Таман ломка грање а ватру потпали, а снаха јој уђе (*Весел. 10, 85*).

3.2. Сема *мало* код деминутивних глагола је прилошка; аморфнија је неголи код других евалутива јер се у њу учитавају не само прилози специјализовани за квантификацију, већ и они који у дериват уносе семантичке податке о различитим модалитетима вршења радње. Одсуство атракције објективне и афективне оцене, која је важно обележје десупстантивних евалутива, и завидан опсег прилошкоодредбених значења, подложних утицају денотата мотивног глагола (па чак и најчешћих колоката, уп. пијуцкати *полако*, биркати *пажљиво* и сл.), чини их типичним представницима фази категорије.

3.3. Запажамо да је у српском језику квалитативна, тј. афективна оцена девербативним евалутивима сасвим маргинализована. И детериорација и хипокоризација понајпре потичу од значења мотивне речи.¹⁴

3.3.1. Код девербалних умањеница грађених типичним деминутивним суфиксима *-ка*, *-уцка*, *-ушка* и сл. став говорника је – без оптималног контекста – тешко препознатљив, а атракције са хипокористичким значењем, која је сасвим природна код именица, нема (осим на конотативном плану)¹⁵; такође, код ових твореница одсуствује кореспонденција између деминутивног и пејоративног значења.

(6) РМС (в. гл. *црткарати*): Малишани ... *трчкарају*, ... *црткарају*, вичу по вртићима. *Вј. 1970.*

У првом примеру (а) детериорације нема јер радњу исказану деминутивним глаголом (*црткати*) врши особа од које се не очекује примерена компетенција, док би пејорација била јасно оцртана уколико би актер био, нпр., сликар. Но, и у овом случају постоји ограда: активирање и имплицитно инпостирање прилошких израза *с лакоћом*, *без напора*, *као од шале* и сл. и када је у питању компетентан вршилац неутралише мутацију семе *мало* у сему *лоше*. У следећем примеру (б) запажа се каузална повезаност нејаких вршилаца са очекивано умањеним резултатом радње (уп. Грицкат 1988: 135).

¹⁴ Хипертофирана сема квантитета код аугментатива препознаје се по префиксу *пре-* и ретким суфиксима, нпр. *-уса*, *-иса* (нпр. *дрмусати*, *хвалисати*). Префиксално грађени глаголи са значењем великог прекорачења нису, осим у домену конотације, способни да произведу сему *лоше*, која управља пејорацијом (уп. *прејести се*, *преоптеретити /се/* и сл.), док је код поменутих (веома ретких) суфиксалних твореница негативна оцена везана за значење мотивног глагола.

¹⁵ *Деминутивни ефекат*, који Инчауралде описује као отвореност *човековог емоционалног простора за добро*, које је именовано као *мало* (Инчауралде 1997: 135), код глагола није активан, јер се закључак о наклоности, симпатији према вршиоцу, објекту, а тек посредно и према самој радњи изводи на основу познавања језичког окружења, а веома ретко припада денотату (уп. Вељ-

4. Резултати истраживања показују да се снижени интензитет и смањена динамика деминутивних глагола у највећем броју случајева доводе у везу са темпоралном сегментацијом и/или делимичним, тј. некомплетним (из)вршењем. Међу прилозима који су издвојени као најпримеренији у описивању начина вршења понуђених деминутивних глагола највишу заступљеност имају адверби *мало/помало, често/учестало* и *полако/лагано*.

4.1. Радње именоване имперфективним деминутивним глаголима од стране изворних говорника доживљавају се као фрагментирани (уп. прил. *често, учестало, повремено; вршење у кратким интервалима, радње које су „исецкане” на делове* и сл.).

Концепт фрагментације логички је повезан са деминуцијом јер некохерентност акције, као и сама могућност дељивости радње, која се схвата као (апстрактан) ентитет, води концептуализацији глаголских деминутива као мноштва појединачних аката (уп. фрагментација → мултипликација → дезинтензификација). Отуда се фрагментација препознаје као узрок слабљења интензитета, јер етапност, тј. прекиди у вршењу резултирају недостатком замаха, смањеном снагом делања, умањеним резултатом и, коначно, деминуцијом. Ово нам казује да постоји несумњива повезаност између концепта фрагментације и семантике умањеног интензитета: РАДЊА ЈЕ (ДИНАМИЧАН) ЕНТИТЕТ, НАЧИН ВРШЕЊА РАДЊЕ ЈЕ ФОРМА (ДИНАМИЧНОГ) ЕНТИТЕТА, ГЛАГОЛСКА ДЕМИНУЦИЈА ЈЕ ТЕМПОРАЛНА И АКЦИОНА ФРАГМЕНТАЦИЈА РАДЊЕ МОТИВНОГ ГЛАГОЛА, ФРАГМЕНТИРАЊЕ ЈЕ СЛАБЉЕЊЕ (КОХЕРЕНТНОГ) ЕНТИТЕТА, СНИЖЕНИ ИНТЕНЗИТЕТ ЈЕ НЕДОСТАК СНАГЕ/ЗАМАХА.

4.2. Наше испитивање степена апроксимације открива да говорници српског језика као матерњег снижени интензитет код глаголских умањеница изведених различитим суфиксима не поимају као уједначен, већ највиши степен умањености препознају код твореница грађених типичним деминутивним суфиксима (доминирају деривати изведени суфиксом *-уика*). Поред тога, снижени интензитет не концептуализује се као стабилан, већ као променљив, пошто се учесталост поима као покретач варијација.

4.3. Иако деминуција не производи обавезно итерацију, радња исказана деминутивним глаголом схвата се као мултипликована акција, тј. као низ темпорално и интензитетски ограничених аката, нпр. *дељкати* < дељати (комад дрвета), „чинити (неограничено много) слабијих, краћих потеза/покрета дељући штогод”. Дискретност, издвојеност мањих, а истородних аката асоцијативно се повезује са итеративношћу, док је дурагивност подржана неограниченим и неодређеним бројем понављања (уп. РСАНУ: *вйркати несвр. уч. 1. у деминутивном значењу : вирити; дйркати (се) у дем. и уч. значењу : дирати (се) и сл.*).

ковић Станковић 2011: 103–104). О *деминутивном ефекту* може се говорити само на прагматичком нивоу, када се радња Х – без обзира на то да ли се уистину дела смањеним интензитетом, или се, пак, саговорнику само приказује „као мала” (тј. ублажена, успутна, нецеловита и сл.) – презентује као овлашна, наивна, безмало налик игри, па отуда и као прихватљива. Ово особито бива у случајевима у којима говорник, из различитих разлога, жели да код адресата произведе уверење о минорности, ефемерности или небитности своје активности. Деминутивни глаголи у тим случајевима, као и имице, имају за циљ прихватање (мало/слабо → неопасно, дакле, прихватљиво).

4.4. Сепарација је карактеристична за деминутиве изведене суфиксом *-ну*; код придруживања овог форманта већ деминуираним основама (уп. *гљдцнути*, *гђцнути*, *кашљуцнути* и сл.) она је још наглашенија, па се концептуализује као издвојен потез, заправо као исечак радње, који перфективношћу сугерише кохерентност, а такође и брзину извршења (уп. ПЕРФЕКТИВ ЈЕ КОМПАКТАН ЕНТИТЕТ, ИМПЕРФЕКТИВ ЈЕ ФЛУИД, исп. Јанда 2004: 478–479, 490).

4.5. Фрагментација је најупадљивија код имперфективних глагола јер поимање имперфективности као двосмерног и неограниченог линеарног сезања, које дозвољава сегментацију, често се повезује са уједначеним ритмом, а тиме и са итерацијом: ВРШЕЊЕ РАДЊЕ ИМПЕРФЕКТИВНОГ ГЛАГОЛА ЈЕ КРЕТАЊЕ НЕИСПРЕКИДАНОМ И НЕОГРАНИЧЕНОМ ПУТАЊОМ; ИТЕРАЦИЈА ЈЕ (УЈЕДНАЧЕНА) РИТМИЧНА СЕГМЕНТАЦИЈА, ВРШЕЊЕ РАДЊЕ ИТЕРАТИВНОГ ГЛАГОЛА ЈЕ КРЕТАЊЕ ИСПРЕКИДАНОМ И НЕОГРАНИЧЕНОМ ПУТАЊОМ.

4.5.1. Када је резултат фрагментације путања чији се одсеци поимају као правилни, глаголски деминутив нема денотативно спецификовану афективну значењску нијансу. Такви су тзв. типични девербативни деминутиви. Уколико у модификовању радње учествује грубља фрагментација, која резултира неправилно распоређеним и неједнаким одсесима, глаголска изведеница добија депресијативну семантичку нијансу, која је непосредно везана за естетски концепт НЕХАРМОНИЧНО / НЕПРАВИЛНО ЈЕ ЛОШЕ / РУЖНО.¹⁶ Ову модификацију запажамо само код неких деминутивних глагола грађених суфиксом *-кара* (уп. *црткарати*, *куцкарати* и сл.).

5. Атенуирајући адвербијални инскрипти различитих глаголских деминутива, уз већ истакнуте сличности, показују и многе разлике, али су код свих активне метафоре ДЕМИНУЦИЈА ГЛАГОЛА ЈЕСТЕ ТВОРБЕНО КАЛИБРИРАЊЕ АДЈЕКТИВНОГ СЕМАНТИЧКОГ САДРЖАЈА, РАДЊА ИСКАЗАНА ДЕМИНУТИВНИМ ГЛАГОЛОМ ЈЕ ДЕТЕРМИНИСАНА АТЕНУИРАЈУЋИМ АДВЕРБИМА.

5.1. Сви глаголи у српском језику нису подложни деминуцији (нпр. *рађати* (се), *улазити*, *добити*, *привијати* и сл.); то је, пре свега, случај са радњама које се концептуализују као кохерентне, монолитне акције, због чега их није могуће подврћи ни слабењу ни сегментацији. Стога се намеће претпоставка: глагол (имперфективан, врло ретко перфективан) се може деминуирати само уколико се прототипични сценарио радње мотивног глагола не опире фрагментацији.

6. У закључку указујемо на некореспондентност семе *мало* са евалуацијом и на узроке маргинализације афективних значења деминутивних глагола.

6.1. Убедљива превага деминутивних глагола у српском језику, чијим значењима управља сема *мало*, недвосмислено открива њен велик значењски потенцијал. Суфиксално грађене глаголске умањенице поседују веома широк адвербијални опсег у коме превагу немају опозитне семе *добро* и *лоше*, *пожељно* и *непожељно*, као што је то случај код адјективно модификованих деноминалних

¹⁶ Ова метафора у пуној мери је активна код детериоративних глагола грађених суфиксима *-ара*, *-ата*, *-ака* (уп. *млатарати*, *климатати*, *љуљакати* /*се*/ и сл.), а код деминутивних тек спорадично.

евалутива, већ су разнолики адвербијални атенуатори усмерени на исказивање читавог спектра акционог понашања којим управљају концепти лимитираности и/или фрагментације.

6.2. Хипокористичност и пејорација су типично супстантивне појаве јер су директно везане за именовање, обраћање, а такође и за синтаксичке улоге субјекта и објекта, док је код глагола ситуација битно друкчија, пошто радња тек посредно карактерише субјекат (уп. квалификатив). Као што је већ показано, тек од мањег броја апстрактних именица граде се облици деминутива с потенцијалним афективним значењем (уп. *жељница*, *културица*, *зловица* и сл.; Вељковић Станковић 2011: 56–59), зато инхибитором емотивне евалуације код глаголских умањеница сматрамо поимање радње као апстрактног ентитета.

6.2.1. Наиме, сви апстрактни ентитети имају неограничену екстензију, па се тим својством опирају сваком омеђивању, а суштина деминуције јесте ограничење (лимитираност): **ДЕМИНУЦИЈА ЈЕ РЕСТРИКЦИЈА И ЛИМИТАЦИЈА ДОМИНАНТНЕ СЕМЕ КВАНТИТЕТА**. Поред тога, наглашена екстензија апстрактног ентитета – преко концепта величине – искључује могућност афективног става јер блокира приступ **ЧОВЕКОВОМ ЕМОЦИОНАЛНОМ ПРОСТОРУ**. Деминутивни глаголи, међутим, ове привидне недостатке надокнађују разноврсношћу прилошких детерминатора; они им обезбеђују изразивост и *истовремено побуђивање* читаве мреже адвербијалних атенуатора, отуда и фазичност, али и прилагодљивост деминутивних глагола различитим контекстима.

Табела 1.а

спавати	летети	свирати	резати
спавуцкати 54 (50,94%)	летуцкати 91 (85,85%)	свируцкати 58 (54,72%)	резуцкати 64 (60,38%)
спавкати 41 (38,68%)	леткати 12 (11,32%)	свиркати 46 (43,39%)	рескати 18 (16,98%)
спавнути 6 (5,66%)	летуцнути 2 (1,89%)	свируцнути 2 (1,89%)	рескати 16 (15,10%)
спавуцнути 2 (1,89%)	летнути 1 (0,94%)		резнути 7 (6,60%)
спавуцкати 2 (1,89%)			резуцнути 1 (0,94%)
спавушити 1 (0,94%)			

Табела 1.б

Дистрибуција суфикса у употребљеним девербативним дериватима	
-уцка	62,97%
-ка	31,37%
-ну (са недеминуираним основама)	3,30%
-ну (са деминуираним основама)	1,65%
-ука	0,47%
-уши	0,24%

Табела 2

Деминутивни глаголи	Просечне вредности слободно оцењеног степена умањености на скали од 1 до 10
певуцкати	8,05
певушити	7,43
певушкати	5,86
певуцнути	5,22
певкати	4,52
певуцати	3,85
певнути	3,47
певукати	3,00

Табела 3

Глаголи	Прилози, прилошки изрази (наведени као најпримеренији детерминатори радње исказане деминутивним глаголом; бројчано и процентулно изражена заступљеност)
биркати	(по)мало 30 (28,30%), често 15 (14,15%), пажљиво 12 (11,32%), споро 9 (8,49%), полако/полагано 10 (9,43%), стално 3 (2,83%), лепо 3, дуго 3, много 4 (3,77%), ретко 2 (1,89%), детаљно 2, понекад 2, брзо 1 (0,94%), пуно 1, успорено 1, необавезно 1, немарно 1, ситничаво 1, захтевно 1, на више места 1, пробирљиво 1, натенане 1, неодлучно 1.
сипкати	(по)мало 42 (39,62%), често/учестало 16 (15,09%), полако 14 (13,21%), пажљиво/опрезно 7 (6,60%), лагано 6 (5,66%), ретко 6, споро 4 (3,77%), повремено 3 (2,83%), брзо 2 (1,89%), понекад 2, постепено 1 (0,94%), фино 1, кап по кап 1, непрестано 1.
пијуцкати	(по)мало 48 (45,28%), полако 23 (21,70%), често 8 (7,55%), споро 5 (4,71%), повремено 3 (2,83%), много 3, брзо 2 (1,89%), пуно 2, лагано 2, стално 2, постепено 2, ситним/малим гутљајима 2, с времена на време 1 (0,94%), натенане 1, мирно 1, лепо 1.
читуцкати	(по)мало 44 (41,51%), опуштено 10 (9,43%), лагано 8 (7,55%), повремено 7 (6,60%), често 7, успут 7, споро 6 (5,66%), ретко 3 (2,83%), понекад 3, дуго 3, редовно 2 (1,89%), постепено 1 (0,94%), лако 1, лепо 1, детаљно 1, без разумевања 1, површно 1.
живуцкати	лепо 26 (24, 53%), (по)мало 18 (16,98%), полако/лагано 9 (8,49%), весело 8 (7,55%), добро 7 (6,60%), срећно 6 (5,66%), невесело 6, мирно 4 (3,77%), без трзавица/без тензије 4, често 3 (2,83%), једва 3, тешко 3, невољно 2 (1,89%), опуштено 1 (0,94%), уобичајено 1, некако 1, скромно 1, не живети пуним плућима 1, брзо 1, премало 1.
љуљушкати	лагано/полако 42 (39,62%), нежно 25 (23,58%), (по)мало 5 (4,72%), споро 5, благо 5, често 5, смирено/умирујуће 5, спокојно 3 (2,83%), фино 3, лепо 2 (1,89%), каткад 1 (0,94%), понекад 1, брзо 1, сигурно 1, постепено 1, дивно 1.
вирукати	(по)мало 36 (33,96%), често 15 (14,15%), повремено 8 (7,55%), кришом/крадом 8, опрезно 7 (6,60%), тајно 4 (3,77%), стално 3 (2,83%), стидљиво 3, учестало 2 (1,89%), с времена на време 2, ретко 2, брзо 2, непрестано 2, пажљиво 2, бојажљиво 2, заинтересовано/знатижељно 2, враголасто 1 (0,94%), радосно 1, скромно 1, тихо 1, понекад 1, полако 1.

трчкарати	полако/лагано 27 (25,47%), весело 14 (13,21%), (по)мало 12 (11,32%), често 9 (8,49%), споро 9, брзо 7 (6,60%), разиграно 6 (5,66%), срећно 5 (4,71%), живахно 4 (3,77%), раздрагано 3 (2,83%), у различитим правцима 2 (1,89%), околу 2, опрезно 2, ситним кораком 2, понекад 1 (0,94%), сваки час 1.
-----------	---

Табела 4 Слободне (уопштене) формулације значења деминутивних глагола

Снижена динамика (интензитет)	Темпорална сегментација (учесталост) и/или ограниченост	Став говорника и/или вршиоца
мањи степен/мера радње, радње које се врше помало, полако, радње слабог, сниженог интензитета, споре/успорене радње, радње које се врше лагано, умерено, ублажена радња, радње ограничене по домету, са малим напором, радње које се врше суптилније, нежније.	врше се учестало, учестале радње, радње које су честе, радње које се врше повремено, радње које се понављају (с времена на време)/у кратким интервалима/периодично, испрекидане, издељене радње, радње које су „исецкане” на делове, радње које трају краће време.	радње које се врше више успут, нехајно, необавезно, овлаш, мирно, опуштено, са лагодношћу, са дозом надахнутости, са раздрага-ношћу, весело.
укупно 56 (43,41%)	укупно 55 (42,64%)	укупно 18 (13,95%)

ЛИТЕРАТУРА

- Вељковић Станковић 2011:** Драгана Вељковић Станковић, *Речи субјективне оцене у настави српског језика и књижевности*, Београд: Филолошки факултет.
- Грицкат 1955/56:** Ирена Грицкат, „Деминутивни глаголи у српскохрватском језику”, *Јужнословенски филолог XXI*, 45–96.
- Грицкат 1988:** Ирена Грицкат, „Значења афиксалне глаголске деминуције”, *Први лингвистички научни скуп у спомен на Радосава Бошковића*, књ. 6, Подгорица, 131–139.
- Грицкат 1995:** Ирена Грицкат, „О неким особеностима деминуције”, *Јужнословенски филолог LI*, 1–30.
- Инчауралде 1997:** Carlos Inchaurre, „Space, reference, and emotional involment”, in: S. Niemeier & R. Dirven eds. *The Language of Emotions, Conceptualization, Expresion, and Theoretical Foundation*, 135–154, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Јанда 2004:** Laura A. Janda, „A metaphor in search of a source domain: The categories of Slavic aspect”, *Cognitive Linguistics* 15/4, 471–527.
- Кликовац 2004:** Duška Klikovac, *Metafore u mišljenju i jeziku*, Београд: Biblioteka XX vek / Knjižara Krug.
- Лејкоф и др. 1991:** George Lakoff, Jane Espenson, Alan Schwartz, *Master Metaphor List*, Berkeley: University of California.

- Радовановић 2009:** Милорад Радовановић, *Увод у фази лингвистику*, Сремски Карловци: Издавачка књижевност Зорана Стојановића.
- Ђорђевић 2008:** Божо Ђорђевић, *Творба именица у српском језику*, Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.

ИЗВОРИ

- КССЈ:** Корпус савременог српског језика ПМФ (<http://korpus.matf.bg.ac.rs/>).
- Николић 2000:** Мирослав Николић, *Обратни речник српскога језика*, Београд: Матица српска, Институт за српски језик Српске академије наука и уметности, Палчић.
- Петровић 2005:** Горан Петровић, *Ситничарница „Код срећне руке”*, Београд: Политика, Народна књига.
- РМС:** *Речник српскохрватскога књижевног језика*, I–VI, Нови Сад: Матица српска (1967–1976).
- РСАНУ:** *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* (т. I–XVIII), Београд: САНУ, Институт за српски језик (1959–2010).
- РСЈ 2007:** *Речник српскога језика* (ур. Мирослав Николић), Нови Сад: Матица српска.

Dragana D. Veljković Stanković

COGNITIVE ASPECTS OF VERB DIMINUTION
IN SERBIAN LANGUAGE

Summary

The author considers verb diminution as formative-semantic modification based on the concepts of fragmentation and limitation (ACTION IS /A DYNAMIC/ ENTITY, MANNER OF ACTION IS FORM OF /A DYNAMIC/ ENTITY; DIMINUTION IS FRAGMENTATION OF ENTITY, VERB DIMINUTION IS TEMPORAL AND ACTION FRAGMENTATION OF A MOTIVE VERB ACTION, FRAGMENTATION IS A DECREASE OF /COHERENT/ ENTITY), from which their meanings with rich adverbial inscriptions arise.

The results of survey at the Belgrade Faculty of Philology and researching on suffixally formed deverbatives led to the following conclusions: (a) decreased dynamics and intensity of diminutive verbs in most cases relate to temporal segmentation and/or to partial or incomplete performing; (b) the concept of fragmentation is logically linked with diminution, for incoherence of action leads to a conceptualization of verb diminutives as a number of individual acts (fragmentation → multiplication → intensification decrease); (c) a significant influence on profiling of adverbial set comes from denotative meaning of motive verb and typical active scenario of an action expressed by a diminutive verb, which is not the same in all deverbative diminutives; (d) diminutive verb's sememe *small* is adverbial and more amorphous than for other evaluatives for not only many quantifiers are read in it, but also those bringing into the derivative semantic data for different action modalities; (e) a basic inhibitor of emotional evaluation in

diminutive verbs is a conceptualization of an action as an abstract entity: since the abstract entities have an unlimited extension thus denying the access to HUMAN EMOTIONAL AREA.

However, these ostensible lacks are compensated by diminutive verbs with their variety of adverbial determiners; they provide expressiveness and simultaneous arousing the whole set of attenuators providing the fuzziness and also adjustability of diminutive verbs to different contexts.

УДК 811.163.41'373.611

811.163.41'374

811.163.41'322.2

ДУШКО М. ВИТАС*

МАТЕМАТИЧКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ЦВЕТАНА Ј. КРСТЕВ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ТВОРБЕНИ ОБРАСЦИ У ЕЛЕКТРОНСКОМ РЕЧНИКУ СРПСКОГ ЈЕЗИКА**

Сажетак: У раду се приказују могућности формалног представљања творбених процеса посредством коначних аутомата и трансдуктора, а на основу информација преузетих из електронског морфолошког речника. Како ови формализми прецизно формулишу услове под којима се јављају алтернације на спојевима морфема, могуће је саставити моделе који описују како генерисање облика изведених творбом, тако и њихово препознавање у случају када изведеница није у речнику. Указано је, такође, како се оваквим формалним описом могу дати прецизне класификације творбених процеса.

Кључне речи: аутоматска анализа текста, електронски морфолошки речник, коначни аутомат, непозната реч.

1. Увод

Писани документ у електронском облику, као носилац информација, није намењен само комуникацији међу људима (било да је визуелизован у штампаном облику или на заслону рачунара). Он представља важан ресурс како у језичким истраживањима, тако и у различитим индустријским применама као што су екстракција информација, аутоматско проналажење информација, резимирање или превођење с једног језика на други. Свака од оваквих примена подразумева да ће изворни документ бити трансформисан из простог низања карактера (а то су, поред осталог, слова) у објекат који је организован неким природним језиком у одређеном степену.

Као једну илустрацију овакве трансформације, размотрићемо проблем препознавања именованих ентитета – податка неопходног у аутоматској екстракцији информација. Он се састоји у издвајању оних речи или група речи из текста које представљају властита имена, временске изразе или описе различитих мера, као и додели описа значења тако издвојене групе речи. На пример, низ карактера *1000*

---

* e-mail: vitas@matf.bg.ac.rs; cvetana@matf.bg.ac

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

килограма треба описати као меру масе уз могућност да се овај низ карактера трансформише у ниске *једна тона* или *1000 kg*. Јасно је да особи која чита један документ, идентификација или трансформација именованог ентитета обично не представља проблем, али то није случај када је рачунар у питању. Процес који је потребно прецизно описати да би рачунар био у стању да изврши такву трансформацију подразумева различите нивое језичке анализе.

У овом раду ће бити размотрени неки аспекти таквог описивања језичких феномена на творбеном нивоу.

2. О морфолошком електронском речнику

Електронски речник је комплексна структура података намењена искључиво аутоматској обради текста. Формат оваквог речника, познат као ЛАДЛ-формат, развијен је првобитно за француски језик (Gross, Perin, 1989), а касније и за велики број европских језика. Ова структура података се састоји из две основне компоненте, из *речника простих речи*, а то су низови алфаветских симбола између два сепаратора, и *речника композита*, низова простих речи раздвјених интерпункцијским знацима. Сваки ред речника простих речи је облика

$$w_i, w_1.K+SynSem:(mgs)^* \dots\dots\dots (*)$$

где је w_i облик речи из текста, w_1 – лема (или одредница), K – ознака врсте речи, $SynSem$ – скуп синтаксичких и семантичких обележја додељених леми, а (потенцијално празан) низ mgs – низ морфосинтаксичких категорија које описују везу између w_i и w_1 . На пример, у електронском речнику српског један такав ред је

$$војници,војник.N+Num:mp1v;mp5v \dots\dots\dots (**)$$

где је $w_i = војници$, $w_1 = војник$, $K = N$ ознака за именицу, $SynSem = Num$ (ознака за особу), а $mgs = mp1v;mp5v$ (ознака за номинатив и вокатив плурала именице мушког рода обележене као *живо*).

Речник композита дефинише флективна својства низова простих речи. На пример, један ред у речнику композита је

$$Нобелову награду, Нобелова награда.N+Comp:fs4q$$

а интерпретира се на сличан начин као и ред из речника простих речи. Атрибут $Comp$ указује да се ради о композиту. Приметимо овде да присвојни придев *Нобелов* мора да се слаже у роду, броју и падежу са именицом *награда*, па отуда уместо 5 могућих грамаатичких значења овог придева, у речнику композита је наведено само оно које задовољава горњи услов (Krstev, 2006). Подручје синтаксичко-семантичких својстава омогућава да се за композите дефинишу додатни атрибути који указују на њихову некомпозиционалност. Тако, нпр, за лему *црна овца* поље $SynSem$ садржи атрибут Num који означава особу, а који се не може одредити аутоматски на основу својстава комонената *црна.A+Col* (боја) и *овца.N+Zool* (зоологија). Актуелна верзија електронског речника простих речи за српски садржи око 128.500 лема са скоро 4.500.000 флективних облика. Око 35.000 лема чини подречник властитих имена. Речник композита је мањи и у фази је изградње (10.000 лема). Генерисање речника, као и сама обрада текста се темеље на теорији коначних аутомата и трансдуктора (Vitas, 2007).

Погледајмо пример трансдуктора која омогућава генерисање речника простих речи на примеру датом под (**). Извођење флективних облика леме *војник* је описано аутоматом који је назван **N10** и приказан на слици 1. Поступак генерисања облика *војници* се састоји из следећих корака који се примењују на облик леме *војник*:

- (1) оператор **L** брише слово *к* из леме *војник* – остатак је низ *војни*
- (2) на остатак се дописује низ слова *ци* – добија се облик *војници*
- (3) емитују се вредности **mgc**
- (4) формира се ред речника описан изразом (**) при чему је информација о врсти речи задата именом трансдуктора (**N10**).

Овакви флективни трансдуктори се користе за генерисање флективне парадигме већег броја лема, конкретно трансдуктор N10 се користи за 885 лема. Сличан поступак се примењује и у генерисању осталих облика флективне парадигме, као и за сваку флективну лему речника простих речи одговарајућим трансдуктором. Опис флективне морфологије српског, изражен на овај начин, садржи око 1.500 трансдуктора за различите врсте променљивих речи. Флективна својства описана на овакав начин уводе међу променљиве речи релацију *флективне једнакости* у смислу да се за две речи чија је промена описана истим трансдуктором може рећи да припадају истој флективној класи, односно да је процес извођења њихових флективних облика једнак.

Обрада текста у којој се користи оваква структура података омогућава да се свакој речи из текста w_i доделе могуће интерпретације облика w_i -K+SynSem:mgc. На тај начин се аморфном полазном низу карактера једног документа додељује полазна језичка интерпретација (Krstev, 2008). Током овако конципиране обраде текста, изврстан број речи из текста w_i се не налази ни у једном речнику: оне чине скуп *непознатих речи* (Витас, 2007). Међу овако дефинисаним непознатим речима једну значајну групу чине оне речи које су изведене различитим деривационим процесима из речи које су присутне у електронском речнику. На пример, у речнику је присутна именичка лема, али не и облици њеног релационог или присвојног придева, њени деминутиви или аугментативи. Питање које се природно поставља је да ли је могуће проширити речнички опис наведен под (*) на такав начин да непозната реч буде сведена на лему из које је изведена и да јој буду приписани атрибути који указују на њен однос према леми. Решавање овог проблема има двоструку улогу: с једне стране, на овај начин се смањује број непознатих речи приликом обраде текста, а са друге стране, проширује се појам леме тако да обухвати део њене деривационе парадигме. Најједноставнији случај овог другог аспекта представља *регуларна деривација* (Vitas, Krstev, 2005).

Размотримо даље могућности да се (а) непозната реч из текста сведе на лему из које је изведена укључујући и опис њиховог односа и (б) речник прошири на такав начин да код *K* који је означавао врсту речи у (*) обухвати и (делимично) деривациони потенцијал леме. Полазна идеја за овакво решење је дата у (Gross, 1989), а њена разрада за српски је дата у (Vitas, 2004). Прво од ових питања се своди на пригодан формални апарат који се заснива на интерполирању садржаја

електронског речника у струкуру непознате речи и размотрићемо га у тачки 3. Друго питање је деликатније и захтева одређену прелиминарну анализу како би се изградио модел електронског речника који садржи, поред флективних, и деривационе информације. Елементе ове анализе приказаћемо у тачки 4.

3. Препознавање творбених образаца

Најчешћи извор непознатих речи у великом корпусу представљају властита имена или речи изведене из њих различитим творбеним средствима. У корпусу новинских текстова, овакве речи могу чинити и више од 10% укупног текста. С друге стране, у појединим задацима који се постављају у обради текста од посебног је значаја препознати именоване ентитете и доделити им одређени граматички статус. Једна такву могућност препознавања творбених образаца је присутна у систему IMS/CQP¹ који омогућава управљање корпусом савременог српског језика². На пример, образац (или регуларни израз)

(anti|neo|pre|kontra|pro|post)[a-z]*icxev[a-z]*

омогућава да се екстрахују конкорданце у којима ће се наћи све речи које почињу префиксима (односно префиксоидима) *анти-*, *нео-*, *контра-*, *про-*, за којима следи низ слова *-ићев-*. Овај образац ће издвојити из корпуса

антимилошевићевски, антимилошевићи, антимилошевића, антимилошевићевизам, антимилошевићизам, антимилошевићевство, антиобреновићевски, антипавелићевски, неомилошевића, постмилошевићи, предмилошевићевски, прокарађорћевски, промилошевићевски, промилошевићев...

Наведени образац издваја изведенице од презимена на *-овић*. За властито име које се не завршава на *-овић* потребно је формирати друкчији регуларни израз, тј. навести конкретно име. На пример, образац

(anti|neo|pre|kontra|pro|post)*tito[a-z]*

издвојиће све ниске који почињу евентуално горе наведеним префиксима, за којима следи непосредно ниска *тито*, а затим било који низ слова. Овај образац ће издвојити из корпуса ниске

антититоист(а), антититоизам, антититоистички, неотитоист

али и ниске

титовски, посттитовски, титоистички, титоизам, неотитоизам, титовка, титовати...

Друга властита имена дају следеће изведенице

аристотеловски, брехтовски, шекспировски, робинсоновски, сизифовски, наполеонски и наполеоновски, коперниковски и коперникански, арсенлупеновски, цардушановски, карађорћевац, карађорћевића, мобутовац, робеспјеровац, информбировац, нобеловац, платонист(а), кастриста и антикастриста, реганизам, хитлеризам,

¹ <http://www.ims.uni-stuttgart.de/projekte/CorpusWorkbench/>

² <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php>

стаљинизам, епикуреизам, кемализам, волтеријанство, донжуанство, Нушићијада, завриловићка, недићевитина...

Јасно је да је детаљан попис оваквих изведеница тешко обрадити у речнику. Оне настају околионално, користећи се одређеним творбеним обрасцима. Препознавање оваквих изведеница је омогућено применом морфолошких граматики у оквиру система *Unitex*³ под којим су развијени електронски речници српског. Пример једне такве граматике је дат на слици 2. Овај граф користи е-речнике српског језика па стога препознаје изведенице засоноване на личним именима ма ког облика. Значење овог графа је следеће: ознака између заграда [и] је <!DIC> која издваја све речи из текста које нису представљене у електронском речнику. На такве речи се примењује образац описан између угластих заграда < и >, а који захтева да реч која није у речнику почиње неким префиксом који јесте у речнику, да за њим следи властито име, презиме или име познате личности (атрибут +Cel) и да се завршава неким од наведених суфикса. Затамњена поља за суфиксе подразумевају опис флективних облика везаних за тај суфикс према релацији флективне једнакости.

Ако се овај граф примени једино на непознате речи из једног поткорпуса савременог српског језика, пронаћи ће се и следеће ниске:

антимилошевићевац, маоизам, неоосманизам, ничеизам, његошевски, рентгенски...

али и ниске *антидејтоновски, мелбурнски, постпанковски* које одговарају наведеном обрасцу, јер су *дејтон, мелбурн, панк* презимена у речнику.

Морфолошке граматике допуштају да се из обрађеног текста филтрирају непознате речи са одређеном структуром под претпоставком да је реч из које су изведене већ у речнику. Поставља се тада питање да ли је улогу морфолошких граматики могуће потиснути у електронски речник које разматрамо у следећој тачки.

4. Даљи развој електронског речника

Размотримо да ли је могуће проширити опис леме у електронском речнику тако да обухвати и део њене деривационе парадигме. Ово разматрање се може формулисати и као питање да ли је могуће појам флективне једнакости уопштити у појам творбене једнакости. Према разматрању из тачке 2, овакво питање се своди на одређено проширење флективног аутомата са слике 1.

Размотримо прво један пример. Према РМСМХ, поред леме *војник* наведене су и леме *војников, војниковање, војниковати, војничак, војничина, војничкић, војнички* (као придев и прилог). Низови слова који их предствљају могу се приказати графички коначним аутоматом на слици 3. Читајући слова слева на десно, проналазимо све горе наведене леме, а испод последњег слова и ознаку врсте речи и, евентуално, информацију о односу према основној лем (нпр. Dem за деминутив). Приметимо да међу наведеним лемама недостају нпр. облици за присвојни придев деминутива и аугментатива. Ако се граф са слике 3 прошири и

³ <http://www-igm.univ-mlv.fr/~unitex/>

овим облицима и изврши факторизација, а то је „извлачење“ заједничких слова, добија се граф на слици 4. Излазне информације о врсти речи омогућавају тада, као и у случају флективних аутомата, да се опише флективно понашања леме. Ако даље уведемо појам *подграфа*, који ће окупити резултат творбених процеса у засебне графове, онда се речи изведене из именице *војник*, могу приказати графом на слици 5. У затамњеним кућицама су подграфови који описују поједине делове графа са слике 3. На пример, уоквирени део са слике 3. одговара, подграфу **Dem1**, који описује деминутив изграђен наставком *-ић*, његов присвојни придев и алтернације до којих долази при споју са лемом *војник*.

Приметимо даље да ће овај образац *потенцијално* следити и све остале именице из класе **N10** као што су *песник, издајник, ратник, сведок*, итд. Другим речима, ма која именица из ове класе може да замени низ слова *војник* у графу са слике 5. како би се добили њени потенцијални деривати. На овај начин се уводи једна врста релације творбене једнакости, аналогно горе дефинисаној релацији флективне једнакости.

Ако, с друге стране, погледамо обраду ових лема у (PMCMX), може се уочити да су у речнику забележене само неке од могућих изведених лема, док су потврђене друге изведенице (нпр. резултат моције рода). Одавде следе две могућности у приписивању подграфа једној лемџ.

Прва могућност би се састојала у проширивању графа са слике 4. другим потенцијалним суфиксима. На пример, у граф се могу додати суфикси *-иња* и *-ица*, што би генерисало облике **војникаиња* и **војница* (у аналогији са *песникаиња* и *ратница*, а које PMCMX не бележи). Ово решење генерише све потенцијалне леме без обзира да ли ће се икада реализовати.⁴ Примена овако проширеног електронског речника у обради докумената смањује број непознатих речи, али умањује и прецизност⁵ индексирања текста.

Једно друкчије решење би се могло добити ако би се код К за врсту речи у формули (*) дефинисао на нов начин. С једне стране, оператори који се користе за опис дејства алтернација (нпр, оператор L на слици 1) су довољни за описивање алтернација које настају при споју основе са префиксом или суфиксом. С друге стране, изведенице се могу представити проширивањем кода класе тако што ће овај код предствљати регуларни израз који одговара боксу на графу приказаном сликом 5. За реализацију оваквог приступа било би потребно редефинисати структуру самог електронског речника, односно онај формат који је наведен у изразу (*). Нови формат би имао облик илустрован следећим редовима:

```
војникаиња,војникаић.N+Hum+DER=војник.DEM1:ms2v;ms4v
војника,војникач.N+Hum+DER=војник.DEM2:ms2v;ms4v
војником.војникаи.А+DER=војник.А-Adv:adms3g;adms7g;adns3g;adns7g;adfs6g
```

⁴ Напоменимо да се у значењу жена-војник на web-у јавља *војникаиња*, док *војница* има друго значење.

⁵ Прецизност је овде употребљена у смислу у коме се користи у теорији проналажења информација.

где се атрибут DER= користи за спецификацију основне леме, а кôд иза леме за опис деривационог процеса који повезује основну и изведену лему. Инверзија овако формираног речника по лемима која је наведена иза атрибута DER= даје тада фамилију која је изведена из те леме. Структура података из које би се генерисао овакав речник би у том случају могла бити описана, уместо редом:

војник.N10+Hum

као у речнику простих речи, структуром:

војник.N10+Hum+DER=DEM1(A1); DEM2(A2);AUG1(A3);A-Adv;Aposs,...

где низ ознака иза атрибута DER= представља позиве одговарајућих деривационих аутомата, а ознаке у заградама, као (A1), итд. листу атрибута које треба пренети генерисаној лемима и њеним облицима. У овом случају, одговарајући деривациони граф би одговарао опису датом на слици 5.

Са становишта имплементације, овакав приступ не мења основни начин функционисања флективног аутомата, али уопштава структуру самог електронског речника. Постојећи флективни аутомати су довољни за опис флексије унутар овако организоване леме. С друге стране, деривациони аутомати као што су DEM1, AUG1 итд. су заједнички за већи број класа (нпр. све именице 3. групе са деминутивом на *-ина* или присвојним придевом на *-ин* имају исти деривациони аутомат).

Овако устројен електронски речник би омогућио и да се редефинише структура поља граматичке дефиниције у „папирним“ речницима⁶, посебно у случајевима у којима је речничка дефиниција редувантна или се изведено значење може предвидети на основу имплицираног творбеног процеса.

5. Закључак

У раду су размотрене могућности примене електронског речника у препознавању различитих творбених конструкција током аутоматске анализе текста. Описана су решења два проблема и то проблем препознавања речи која се не налази у речнику посредством морфолошких граматика и проблем проширивања структуре одреднице у електронском речнику који би омогућио компактнији и потпунији опис односа између лема повезаних творбеним процесима. Даље истраживање ће бити усмерено на експерименте уградње атрибута DER= у структуру електронског речника. Ови експерименти би, као резултат, могли дати формалну дефиницију релације творбене једнакости.

ЛИТЕРАТУРА

- Anić V. (1998) *Rječnik hrvatskoga jezika*, Zagreb
 Gross, M.; D. Perrin (eds.) (1987) *Electronic Dictionaries and Automata in Computational Linguistics*, LNCS 377 Springer, Berlin, Heidelberg

⁶ Извесни кораци у овом правцу могу се уочити у Анићевом *Рјечнику хрватскога језика* (нпр. у обради моције рода) (Anić, 1998).

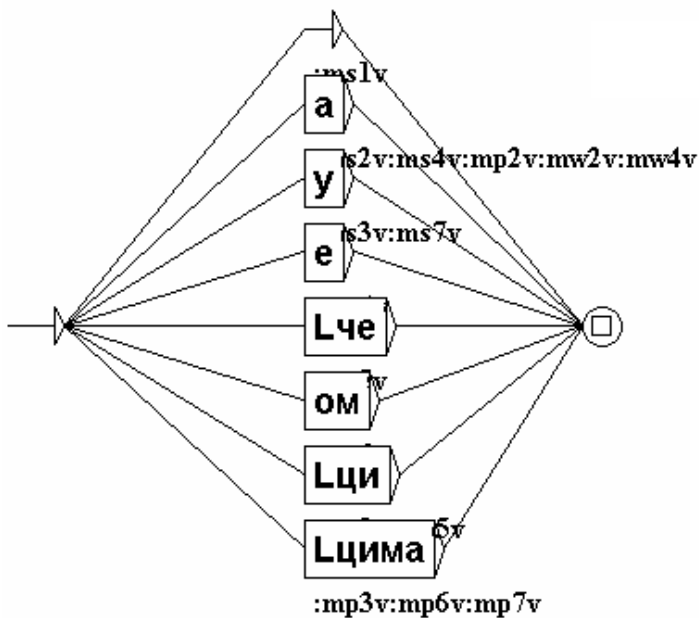
- Gross, M. (1987) The Use of Finite Automata in the Lexical Representaion of Natural Language, in Gross, M.; D. Perrin (eds.) (1987), pp. 34-50
- Krstev, C.; D. Vitas, A. Savary (2006) Prerequisites for a Comprehensive Dictionary of Serbian”, *FinTAL 2006*, Turku, Finland, August, 2006, LNCS 4139, pp. 552-564, Springer, Berlin, Heidelberg
- Krstev, C. (2008) *Processing of Serbian : automata, texts and electronic dictionaries*, Filološki fakultet, Beograd
- PMCMX (1967) *Речник српскохрватског књижевног језика*, Матица српска/Матица хрватска, књ. I-III, Нови Сад – Загреб, 1967-1969, књ. IV-VI, Матица српска, Нови Сад, 1971-1976.
- Vitas, D. (2004) Morphologie dérivationnelle et mots simples: Le cas du serbo-croate. *Lexique, Syntaxe et Lexique-Grammaire / Syntax, Lexis & Lexicon-Grammar (Papers in honour of Maurice Gross), Lingvisticae Investigationes Supplementa* 24. Amsterdam: John Benjamins, pp. 629—640
- Vitas, D.; Krstev C. (2005) Regular derivation and synonymy in an e-dictionary of Serbian, *Archives of Control Sciences*, Volume 51(LI), No. 3, pp. 469-480, Committee of Automation and Robotics, Polish Academy of Sciences
- Vitas, D. (2006) *Prevodioci i interpretatori (uvod u teoriju i metode kompilacije programskih jezika)*, Matematički fakultet, Beograd
- Витас, Д. (2007) О проблему не(пре)познате речи у обради текстова на српском језику, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, Књ. 50, стр. 111-120.

Duško M. Vitas i Cvetana J. Krstev

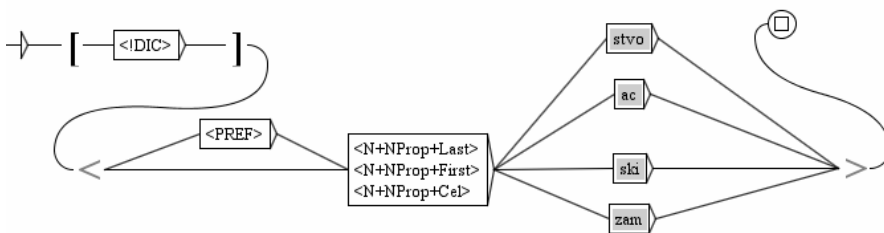
DERIVATIONAL PATTERNS IN THE ELECTRONIC DICTIONARY
OF SERBIAN LANGUAGE

Summary

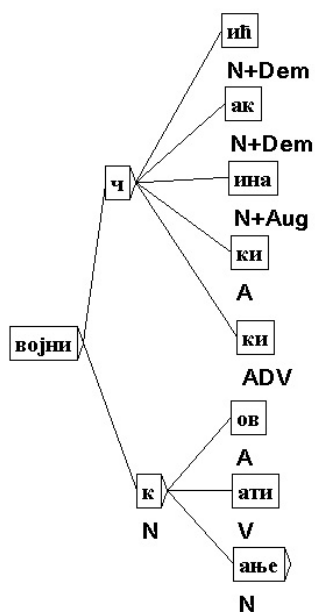
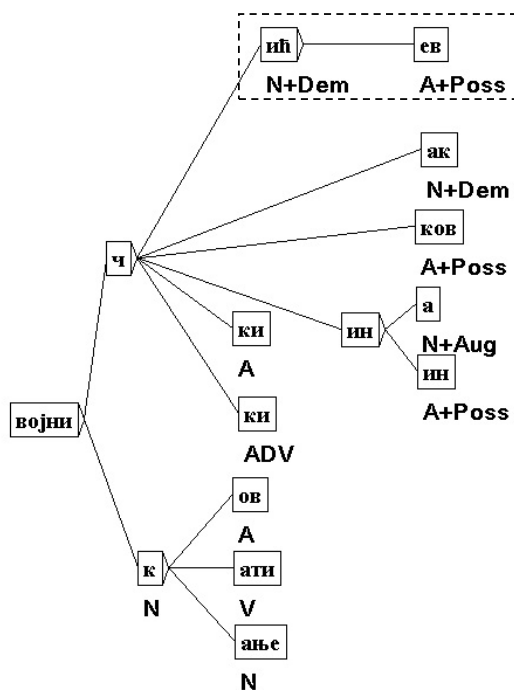
The problem of derived words in automatic text processing based on morphological electronic dictionaries is discussed in this paper. The problem of unknown words (words that are not in e-dictionaries) produced by using derivational patterns is discussed first and the mechanism of processing them which uses morphological grammars as the enhancement of regular expressions is presented. Further, the possibilities of the enhancement of the lemma description are analyzed that would comprise derivatives of a given lemma. Two possible enhancements are suggested, their characteristics are presented as well as directions for implementation.

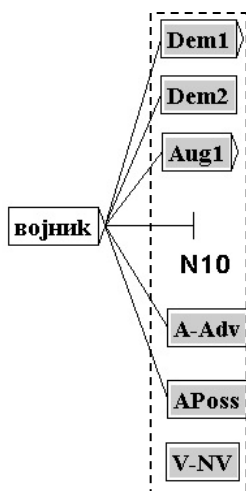

Слика 1. Флективни трансдуктор који описује класу N10

Слика 2. Морфолошка граматика која препознаје део изведеница из властитих имена

Слика 3. Граф лема које су творбено повезане са лемом *војник*Слика 4. Проширени и факторисани граф леме *војник*

Слика 5. Граф леме *војник* са подграфовима

ДУШАНКА С. ВУЈОВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

ПРЕФИКСАЛНИ ТВОРБЕНИ ОБРАСЦИ ГЛАГОЛА КРЕТАЊА

Сажетак. У раду се приказују префиксални творбени обрасци које формирају глаголи кретања. Пошто је префиксација доминантан вид творбе глагола, описују се префикси који се користе у творби глаголских префиксала као и творбена значења деривираних глагола. Као полазиште у творби узети су глаголи којима се обележава људско кретање без обзира на то да ли су основни или нису. То су имперфективни глаголи, нпр. *ићи, ходати, пешичати, трчати, храмати, пузати, лутати, пливати*, који се у префиксалној творби комбинују са готово свим постојећим префиксима градећи углавном перфективне глаголе којима се обележава аблативна, адлативна и перлативна концепција кретања, а ређе ингресивне и сативне глаголе.

Кључне речи: глаголи кретања, творба, префиксација, директивност, аблативност, адлативност, перлативност.

1. Кретање је једно од основних и општих човекових својстава које се у језику најчешће исказује помоћу глагола. Предмет овог рада је преглед префиксалних творбених модела које формирају глаголи кретања и утицај префиксације на динамичко обележје реализовано у семантичкој структури глагола кретања кроз сему директивности.

У полазишну групу анализираних глагола уврштени су они глаголи којима се у стандардном језику примарно денотира човеково активно самокретање, односно вољно премештање целог тела. Таквих глагола има доста али у корпус за овај рад ушло је само 16 глагола који у свом основном значењу денотирају човеково кретање. Поред њих корпус сачињавају и њихови префиксални деривати. Полазишни глаголи су имперфективни, директивно необележени глаголи *ићи, пешичати, шетати (се), марширати, храмати, гегати се, гацати, пузати, бауљати, пливати, ронити, трчати, јурити, базати, лутати, тумарати*. У корпус је могло бити уврштено још глагола кретања али определили смо се за ове јер сматрамо да се они у савременом српском језику јављају као типични глаголи којима се номинују различити начини кретања које није директивно обележено, односно, да су они типични репрезенти различитих лексичко-семан-

---

* e-mail: vuduns@yahoo.com

тичких подгрупа глагола кретања. Грађа је добијена ексцерпцијом из *Речника српскохрватског књижевног језика* Матице српске (РМС) који представља главни извор из ког су ексцерпирани и полазишни глаголи и њихови деривати. Помоћни извори у којима су неки примери проверени или у којима су тражене потврде за неке мање типичне примере су *Речник српскохрватског народног и књижевног језика* Српске академије наука и уметности (РСАНУ), Корпус савременог српског језика (КССЈ) као и различити публицистички и књижевни текстови добијени претрагом интернета помоћу претраживача Гугл. Дефиниције су најчешће дате у краћем облику, тј. парафразиране према онима које се наводе у РМС.

1.1. Концепт кретања подразумева постојање носиоца кретања и структурне елементе кретања које сачињавају почетна тачка кретања, путања кретања и завршна тачка (циљ) кретања. Почетна и завршна тачка кретања стоје на крајевима замишљене осе кретања и смер кретања представља управљеност кретања ка крајевима те осе. Кретање је динамички појам. Динамички аспект кретања исказује се преко семе директивности као општа директивност тј. перлативност која се фокусира на линију кретања или као посебна директивност тј. аблативност у чијем је фокусу удаљавање од почетне тачке кретања и адлативност у чијем је фокусу приближавање неком циљу (PIPER 2001: 68).

Приликом усмереног тј. директивног кретања носилац кретања, обично свесно, одлучује где ће започети кретање, у ком правцу ће се кретати, којим путем и ка ком месту у простору ће кретање бити управљено и где ће се завршити. Филмор је у свом раду „How to know whether you’re coming or going“ (FILLMORE 1971) увео појмове ‘Source’ као почетну тачку кретања ‘Goal’ као завршну тачку кретања и ‘Path’ као путању кретања, помоћу којих је могуће одредити специфичан правац кретања¹.

Основни глаголи кретања су у свом примарном значењу обично директивно необележени. Њихово значење је усмерено на само кретање које се одвија на одређен начин нпр. као отежано кретање: *храмати*, *ћопати*, или кретање већом брзином: *трчати*, *јурити* или кретање без свесне намере да се креће према одређеном циљу: *лутати*, *скитати*. Обележје директивности недирективни глаголи кретања могу да добију путем префиксације. Префикс најчешће перфективизује, детерминише директивност глагола кретања и модификује му значење, а неким глаголима додаје и обележје транзитивности.

Анализирани глаголи кретања су веома плодни у грађењу префиксалних деривата које граде помоћу 17 префикса што значи да користе већину префикса постојећег префиксалног инвентара. Најфреквентнији је префикс *до-* (додаје се на свих 16 глагола), префикс *од-* (*от-*) (15), *на-*, (13), *про-* (10), *из-* (*ис-*, *и-*) (10), *за-* (10), *у-* (9), *пре* (8), *уз-* (*уза-*, *ус-*) (5), *раз-* (*ра-*, *рас*) (5), *об-* (*он-*) (5), *по-* (4),

¹ После Филмора су многи лингвисти користили „source-path-goal“ схему у својим радовима, поготово у оквирима когнитивне лингвистике. Њену разраду налазимо у радовима Ортена (Orthen 1976), Лејкофа (Lakoff 1987), Радена (Raden 1988), Ди Меоле (Di Meola 1994) и других. „Source-path-goal“ концепт кретања спада, вероватно, у најранија људска искуства. Он је јасан, разумљиво, чврсто структуриран и свеprisутан у свакодневном, нормалном живљењу. Због тога је и разумљиво што представља извор многих метафоричних значења. О „source-path-goal“ концепту кретања и другим концептима кретања као о изворима метафоре пише Лејкоф (Lakoff 1987: 278).

с- (4), *при-* (2), *над-* (*нат-*) (2) и *под-* (2) и *мимо-* (1). Сви наведени префикси перфективизују анализиране глаголе.

2. Префикс *до-* префигура све изабране глаголе формирајући, скоро без изузетка, творбени образац префигурираних глагола кретања са творбеним значењем кретања адлативног усмерења. Значење које он уноси у твореницу подудара се са адлативним просторним значењем предлога *до* „место у чијој се непосредној близини завршава неко кретање“. Глаголи овог творбеног значења могу да се парафразирају јединственом формулом „доћи, стићи на начин исказан мотивним глаголом“, нпр. *дошетати* (*се*) „доћи, стићи шетајући“, *дохрамати* „храмајући доћи“, *долутати* „лутајући доћи“, *допливити* „пливајући стићи, доспети, доћи“, *допрчати* „трчећи доћи“. Глагол *доћи*, осим значења адлативног конкретног кретања „стићи корачајући ногама“, проистеклог из основног значења глагола *ићи* „кретати се ногама корачајући“ има и опште значење адлативности, односно стицања до неке тачке у простору без обзира на начин кретања. Зато је у својој лексикографској дефиницији описан помоћу основног (у творбеном смислу) општег адлативног глагола *стићи*. Због тога што означава адлативност уопште, семантички садржај глагола *доћи* и/или *стићи* укључен је у семантички садржај, односно опис осталих адлативних глагола творених са префиксом *до-* у чијим дефиницијама се неретко налазе и заједно што није чудно с обзиром на то да су између себе синоними: *доћи*, „идући приспети, стићи, допутовати на било који начин“, *стићи* „доћи, приспети на одређено место“. Будући да се помоћу глагола *доћи* описују глаголи творени помоћу префикса *до-* и глагола кретања, са творбеним значењем адлативног кретања, глагол *доћи* се јавља као општи део, тј. *genus proximum* у њиховим лексикографским дефиницијама.

3. Префикс *од-*, са својом аломорфном варијантом *от-*, јавља се уз све анализиране глаголе кретања, осим уз глагол *ронити*, и са њима твори префиксале са творбеним значењем кретања аблативног усмерења. Значење аблативности којим префикс *од-* модификује мотивни глагол подудара се са просторним аблативним значењем предлога *од* „одвајање, напуштање, удаљавање“. Сви посматрани глаголи са творбеним значењем аблативног кретања могу да се парафразирају на исти начин, као „отићи, удаљити се на начин исказан мотивним глаголом“, нпр. *отхрамати* „отићи храмајући“, *одгацати* „удаљити се гацајући“, *отпузати* „удаљити се, отићи пужући“, *отрчати* „трчећи, трком отићи“, *одлутати* „лутајући отићи“ итд. Једино глагол *отићи* не можемо да парафразирамо на тај начин јер се њиме не означава конкретно аблативно кретање већ аблативност уопште, што се види из описа његовог значења „напустити неко место, удаљити се, уклонити се“ у коме се глагол општег адлативног значења *удаљити се* у значењу „отићи, уклонити се; одмаћи се, одвојити се“ јавља као синоним. Глаголи *отићи* и/или *удаљити се* јављају се као општи део дефиниције свих глагола кретања аблативног усмерења са префиксом *од-*.

Глаголи *отходати* и *одшетати* у значењу „провести неко време у ходању, односно шетању“ имају континуативно значење.

Творенице једног мотивног глагола грађене префиксима *од-* и *до-* са творбеним значењем аблативног и адлативног кретања чине антонимске парове:

отићи – *доћи*, *отхрамати* – *дохрамати*, *отрчати* – *дотрчати*, *одишати се* – *дошети се*, *одлутати* – *долутати* итд. Сви анализирани глаголи, изузев глагола *ронити*², граде аблативно-адлативни антонимски пар.

4. Префикс *на-* гради 13 префиксала: *наићи*, *напешачити се*, *нашетати се*, *нагегати се*, *нагацати се*, *напузати се*, *напливати се*, *наронити се*, *натрчати* / *натрчати се*, *најурити* / *најурити се*, *набазати се*, *налутати* / *налутати се*, *натумарати* / *натумарати се*. У њима се реализује његова вишезначност кроз три различите семантичке модификације мотивног глагола и то у смислу: 1) значења адлативности реализованог у глаголу *наићи* у значењу „доћи, појавити се, искрснути“ 2) значења „случајне, непланиране појаве локализатора на путу кретања“ у глаголима *натрчати*, *налутати*, *натумарати* и 3) значења сативности „извршења радње мотивног глагола у великој мери“ у глаголима као што су *находати се*, *нагегати се*, *напливати се*, *налутати се* и др. Као и код глагола са префиксом *из-* сативно значење утиче на претварање интранзитивних глагола у рефлексивне. Већина глагола кретања са префиксом *на-* има сативно значење.

5. Префикс *из-* (*ис-*, *и-*) префигура 10 глагола. Са глаголима кретања гради префиксале са творбеним значењем напуштања унутрашњости неког затвореног или ограниченог, обележеног простора. Значење које префикс *из-* уноси у твореницу једнако је са просторним значењем предлога *из-* „простор од чије се унутрашњости нешто одваја“. Глаголи са префиксом *из-* су *изаћи/изићи*, *ишети се* (*се*), *измарширати*, *изгегати се*, *испузати*, *избауљати*, *испливати*, *изронити*, *истрчати*, *изјурити*. Они могу да се парафразирају формулом „изићи/изаћи на начин исказан мотивним глаголом“, нпр. *ишети се* „шетајући изићи“, *измарширати* „изаћи марширајући“, *изгегати се* „изићи гегајући се“ *истрчати* „трчећи изићи“, *испливати* „пливајући изићи на површину“. Глагол *изићи* / *изаћи* је, као и већина осталих префиксала глагола *ићи*, доминанта групе и појављује се у дефиницијама као њихов општи део – *genus proximum*.

Интранзитивни глаголи кретања са префиксом *из-* *истрчати*, *испливати*, подлежу накнадној транзитивизацији (Тешић 1989) обично у дискурсу спортских коментара, нпр. *Истрчао је маратон*. *Истрчао је 1000 метара*. *Испливао је друго време на 50 метара*. *Испливао је 100 метара делфин за 52,10 секунди*. У овим примерима префикс *из-* носи комплетивно значење вршења радње у потпуности, до краја.

У неким значењима интранзитивни мотивни глаголи су, бивајући префиксирани префиксом *из-*, постали рефлексивни и добили сативно значење. То се десило са глаголима *истрчати се*, *изјурити се*, *ишети се*.

6. Префикс *про-* гради 10 префиксала у нашем корпусу: *проћи*, *пропешачити*, *прошетати се*, *промарширати*, *пројурити*, *пробазати*, *продутати*, *протумарати*, *пропузати*, *пропливати*. Префикс *про-* је полисемичан и уз глаголе кретања јавља се у три значења. То су: 1) значење перлативно усмереног кретања које се реализује у глаголима *проћи*, *пропешачити*, *прошетати се*, *промарширати*, *пројурити* које

² И глагол *ронити* гради префиксал помоћу аблативног префикса *од-* али од свог секундарног значења „рушити, разарати ударајући у нешто и влажећи ...“ тако да *одронити* нема значење човековог кретања.

можемо парафразирати помоћу доминанте групе, типичног перлативног глагола *проћи* као „проћи на начин исказан мотивним глаголом“. Ови глаголи са префиксом *про-* могу означавати и кретање површином и кретање унутрашњошћу локализатора. 2) Континуативно значење имају глаголи *прошетати (се)*, *пролутати*, *протумарати*. Они се могу парафразирати на следећи начин „провести неко време у вршењу радње мотивног глагола, и 3) значење „стицања способности вршења радње мотивног глагола“ имају глаголи: *пропузати*, *пропливати*.

Глагол *проћи* у одређеним контекстима може да буде транзитиван: *Идући аутопутем прошли су Руму*.

7. Префикс *за-* гради 10 префиксала. То су: *заћи*, *захрамати*, *загегати (се)*, *загацати*, *запузати*, *запливати*, *заронити*, *затрчати се*, *зајурити се*, *залутати*. Префикс *за-* је „један од семантички најсложенијих и најнеодређенијих, без иједног ‘прототипског’ значења, а са много нијанси које се могу различито тумачити и које граматичари различито класификују“ (Клајн 2002: 251). Глаголи кретања са префиксом *за-* имају различита значења: 1) ингресивно значење, нпр. *закорачати*, *захрамати*, *загегати (се)*, *загацати*, *запузати*, *запливати*, *заронити*, *затрчати се*, *зајурити се*, 2) значење кретања усмереног ка задњој спољашњој страни локализатора: *заћи*, *заићи* или 3) случајно скретање са жељеног пута, губљење пута, односно кретање које се одвија нежељеним смером, нпр. *залутати*.

8. Префикс *у-* гради 8 префиксала: *ући*, *ушетати се*, *умариширати*, *упузати*, *убауљати*, *упливати*, *уронити*, *утрчати*. Глаголи творени помоћу префикса *у-* означавају адлативну концепцију кретања и улазак у унутрашњост неког ограниченог, ограђеног или затвореног простора.

9. Префикс *пре-* гради 8 префиксала којима се означава перлативна концепција кретања, односно, директан, праволинијски прелазак површине локализатора са једног његовог краја на други крај. То су глаголи *прећи*, *препешачити*, *прешетати*, *препузати*, *препливати*, *преронити*, *претрчати*, *прејурити*. Једино се глаголом *преронити*, због његове специфичне семантике, означава пролазак унутрашњошћу локализатора (воденог простора) с једног краја на други. Перлативни глаголи кретања могу да се парафразирају помоћу типичног перлативног глагола *прећи* као „прећи неку површину на начин исказан мотивним глаголом“, нпр. *препешачити* „пешице прећи“, *прешетати* „шетајући прећи какав простор“, *препузати* „пужући прећи преко чега“, *препливати* „пливајући прећи неку воду“, *претрчати* „трчећи прећи преко неког простора“, *прејурити* „јурећи прећи неки простор“. Глаголи кретања, који су обично непрелазни, у комбинацији са префиксом *пре-* могу да постану прелазни и да имају прави објекат: *прећи улицу*, *препешачити град*, *претрчати стазу*. И у овој групи глагола типичан глагол перлативне концепције кретања је глагол *прећи* „идући преместити се или превести се преко чега, на другу страну“.

10. Префикс *уз-*, са својим аломорфним варијантама *уза-*, *ус-*, гради 5 префиксала. Са глаголима *ићи*, *пузати* и *трчати* означава кретање нагоре: *узићи / узаћи* „доћи навише, попети се“, *успузати (се)* „попети се пузећи“, *устрчати* „трчећи попети се уз нешто“. Глаголи кретања нагоре се парафразирају помоћу глагола *попети се* као „попети се на начин исказан мотивним глаголом“. У овој групи

глагола типичан глагол којим се означава кретање нагоре није више префиксал глагола *ићи* као што је то у другим групама, већ глагол *пети се*.

Глаголи *шетати (се)*, *трчати* и *тумарати* комбиновани са префиксом *уз-* постају рефлексивни и имају ингресивно значење: *ушетати се* „почети ходати тамо-амо, горе-доле“, *устумарати се* „почети, стати неуморно ићи на све стране“ и *устрчати се* који сада као рефлексиван глагол, поред значења кретања нагоре, остварује и ингресивно значење „ужурбано и сметено почети ићи, кретати се горе-доле, тамо-амо“.

11. Префикс *раз-* са својим аломорфима *ра-* и *рас-* гради 5 рефлексивних префиксала: *развићи се*, *рашетати се*, *разгегати се*, *растрчати се*, *разјурити се* и реализује се у два значења. У једном значењу гради глаголе који означавају кретање више од једног субјекта и то кретање које почиње у једном центру и одвија се центрипетално, у различитим правцима: *развићи се* „отићи на разне стране (о већем броју лица)“, *растрчати се* „ударити у трчање, ужурбати се“, *разјурити се* „појурити у разним правцима, разлетети, растрчати се“³. У другом значењу префикс *раз-* гради ингресивне глаголе *рашетати се* „стати (почети) се шетати“, *разгегати се* „почети се гегати, кренути гегалујући се“.

12. Префикс *об-* гради 5 префиксала којима се означава кружно кретање са локализатором у центру или полукружно кретање поред локализатора: *обићи* „проћи око некога, нечега или иза некога, нечега; проћи дужим околишним путем, заобићи (некога, нешто)“, *опишетати* „обићи шетајући“, *опливати*⁴ „пливајући обићи око некога, нечега“, *оптрчати* „обићи око кога или чега трчећи“. Ови глаголи су описани помоћу глагола *обићи* који се јавља као типичан глагол којим се описује кружно или полукружно кретање и дефинисани су на следећи начин „обићи (око некога, нечега) на начин исказан мотивним глаголом“.

13. Префикс *по-* гради 4 префиксала. Глаголи *поћи* „почети ићи, кренути с места, упутити се“, *потрчати* „почети се кретати трком, бежећи у неком правцу“ и *појурити* „почети јурити, бежати, похитати, потрчати“ имају ингресивно значење, а глагол *пошетати (се)* „учинити малу шетњу, прошетати се“ има континуативно значење.

14. Префикс *с(а)-* гради 4 префиксала у значењу кретања наниже: *сићи / саћи* „идући одозго доле стићи, доспети на ниже место, спустити се“, *спузати* „пузећи сићи, спустити се“, *стрчати* „трчећи сићи, спустити се наниже“, *сјурити се* „великом брзином сићи, стрчати“.

15. Префикс *при-* гради 2 префиксала којима се означава кретање адлативног усмерења, то су: *прићи* „идући приближити се коме или чему“, *притрчати* „трчећи приближити се коме или чему, дотрчати“.

³ Глагол *јурити*, у комбинацији са префиксом *раз-* јавља се и у нереклексивној форми *разјурити* али тада је он у значењу „натерати у бекство већи број лица, разагнати“ и као такав спада у групу манипулативно-каузативних глагола.

⁴ Глагол *опливати* би могао бити грађен и помоћу префикса *о-* и помоћу префикса *об-*. Због фонолошке алтернације *обн – он*, није сасвим сигурно који је префикс у питању, међутим, пошто се код других глагола кретања уопште не појављује префикс *о-*, склонији смо мишљењу да се овде, ипак, ради о префиксу *-об*.

16. Префикс *под-* гради 2 префиксала са значењем кретања које се одвија или завршава испод чега: *подићи* „доћи испод чега“, *подронити* „доћи ронећи испод чега“.

17. Префикс *над-* (*нат-*) гради 2 префиксала са различитим значењима. Глаголом *надићи* „одозго заобићи“ означава се кретање које се одвија изнад чега, а глаголом *натпливати* „победити, надмашити у пливању“ се означава не конкретно кретање већ он има апстрактно значење, значење супериорности, надмоћи, победе над неким. Оба ова глагола имају прелазну употребу и оба, у савременом језику, имају архаичан тон.

18. Префикс *мимо-* гради једино глагол *мимоићи* (*се*) „проћи мимо, покрај“ у значењу кретања поред локализатора „мимоишли су шуму“ или у рефлексивној форми у значењу кретања особа у супротним правцима које у једном тренутку прођу једна поред друге „мимоишли су се на узаном путу“.

19. Закључак. Путем префиксације, која је доминантан вид творбе глагола, недирективни примарни глаголи кретања постају перфективни и добијају обележје директивности. Осим директивних значења (адлативног, аблативног и перлативног) у процесу творбе се јављају још и ингресивно, сативно и континуативно значење али много ређе. У творби су најпродуктивнији префикси *до-* и *од-* којима се граде префиксали са посебним директивним, адлативним и аблативним значењем којим се у фокус кретања стављају основни структурни елементи кретања, завршна и почетна тачка кретања.

У семантичким описима директивних префиксала примарних глагола кретања истог творбеног значења најчешће је општи део префиксал глагола *ићи*. Због тога глагол *ићи* сматрамо типичним глаголом човековог кретања, као и његове префиксалне деривате који се појављују као доминанте у нивозима префиксираних директивних глагола кретања истог творбеног значења.

ЛИТЕРАТУРА

- ГОРТАН-ПРЕМК, Даринка. Синонимски низ у лексикографској дефиницији. *Научни састанак слависта у Вукове дане* 12/2 (1986): 45–50.
- ГРИЦКАТ, Ирена. Префиксација као средство граматичке (чисте) перфектизације. *Јужнословенски филолог* XXVII (1966): 185–223.
- КЛАЛН, Иван. *Творба речи у савременом српском језику, Први део – слагање и префиксација*. Београд – Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства. Матица српска. Институт за српски језик САНУ, 2002.
- РМС: *Речник српскохрватског књижевног језика* књ. 1–3, Нови Сад – Загреб: Матица српска–Матица хрватска, 1967–1969, књ. 4–6, Нови Сад: Матица српска, 1971–1976.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Књ. 1–16. Београд: САНУ–Институт за српски језик, 1959–
- ТЕШИЋ, Весна. *Из новије лексике. Исходати 2 часа, истрчати 9,85 секунди и сл.*, Наш језик XXVIII, н.с., (1989): 187–189.

- DI MEOLA, Claudio. *Kommen und gehen, Eine kognitiv-linguistische Untersuchung der Polysemie deiktischer Bewegungsverben*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1994.
- FILLMORE, J. Charles. Some problems for Case Grammar. in: *Working Papers in Linguistics 10*. Columbus, Ohio: Dept. of Linguistics, 1971, 246-264.
- KSSJ: *Korpus savremenog srpskog jezika* (Duško Vitas i saradnici) <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/mainmenu.php> 14.05.2012.
- LAKOFF, George. *Women, fire, and dangerous things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987.
- ORTHEN, Norbert. *Zur Semantik deutscher Bewegungsverben*, Köln: Univ. Diss., 1976.
- PIPER, Predrag. *Jezik i prostor*. Beograd: Čigoja, Biblioteka XX vek, 2001.
- RADEN, Günter. The Concept of Motion. in: *Understanding the Lexicon – Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical Semantics* ed. by Werner Hüllen and Rainer Schulze. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988, 380-394.

Dušanika S. Vujović

PREFIXAL FORMATION PATTERNS IN MOTION VERBS

Summary

The paper deals with prefixal formation patterns in verbs expressing motion. Prefixation is the dominant type of verb formation, and what is described are prefixes used in the formation of verbal prefixals, as well as the meaning of the derived verbs. The starting point are motion verbs denoting human movement, regardless of whether they are derived or not. These verbs are imperfective, non-directive, primary verbs of movement: *ići, pešačiti, šetati (se), marširati, hramati, gegati se, gacati, puzati, bauljati, plivati, roniti, trčati, juriti, bazati, lutati, tumarati*. By prefixation they become perfective and directive. In addition to directivity (adlative, ablative, perlative meanings), they also acquire ingressive and sative meanings, although these are much rarer. Most productive prefixes are *do-* and *od-*. They are used to form prefixals with special directive, adlative and ablative meanings which put the focus on the structural elements of movement – the ending and starting point.

СНЕЖАНА П. ВУЧКОВИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧКА ТВОРБЕНА РЕКОНСТРУКЦИЈА СТАРОСРПСКИХ ТОПОНИМА**

Сажетак. У раду се на примерима из грађе манастирских даровница указује на неке основне теоријске и методолошке принципе творбене реконструкције старосрпских топонима и истичу проблеми који ову реконструкцију објективно отежавају.

Кључне речи: историјска топонимија, структурно-семантичка творбена реконструкција, принцип продуктивности (посведочености), проблеми творбене реконструкције, лексикализација.

I. Теоријско-методолошко упориште.

Реконструкција творбене структуре и семантике старосрпских топонима забележених у повељама манастирских даровница подразумева описно-аналитички поступак примерен дијахроно усмереној творбеној анализи. Он треба да уважи низ методолошких постулата који полазе од чињенице да је предмет истраживања дијахрона творба речи и уз то, да је у питању онимска творба.

У синхроној творбеној анализи истражујемо помоћу којих се творбених средстава изражава одређено творбено значење и при том се позивамо на живе, синхроно проверљиве мотивационе односе. Дијахрона творбена анализа полази од утврђивања творбених средстава помоћу којих настаје одређена реч, а до утврђивања односа мотивације и прецизирања творбеног, односно ономасиолошког значења речи може само посредно доћи. Због тога што у великом броју историјских творбених анализа *принцип продуктивности (посведочености)* разматраних творбених средстава мора имати примат над принципом мотивисаности, поступак историјске структурно-семантичке творбене реконструкције подразумева и низ помоћних процедура које треба да допринесу уверљивости предложене реконструкције.

Ове опште поставке важе и за апелативну и за ономастичку историјску творбу. Међутим, структурно-семантичка творбена анализа онима мора уважити

---

* e-mail: snezanabaukvuckovic@gmail.com

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

и неке специфичне методолошке законитости. Оно што ониме као лексичке јединице одваја од апелативне лексике јесте њихова основна – функција именовања. Зато је за ономастичку творбenu анализу пресудно важно расветљавање самог процеса именовања. Она мора уважити унутрашњу форму речи, питање механизма стварања назива, осветлити ономасиолошке основе називања: перцепцију субјекта који врши називање, перспективу његовог опажања, концептуализацију природних облика (ако је реч о топонимима), ономастички контекст (који укључује топографски податак (нпр. река, брдо), али и вербални контекст тј. називе суседних објеката), географске и историјске околности у којима се одиграло именовање, начин на који су у језику уписани културни садржаји, функционалне узроке настанка одређеног имена, његову дистинктивну функцију итд. Анализа творбене структуре и семантике онима вишеструко је условљена изванјезичким контекстом.

Због свега наведеног, историјска структурно-семантичка творбена реконструкција мора у свом поступку ујединити два основна методолошка полазишта која бисмо условно назвали *унутрашњом* и *спољашњом* реконструкцијом:

унутрашња реконструкција: доприноси уверљивости структурног нивоа анализе и подразумева реконструкцију унутарјезичких односа у самом називу. Она се односи на посведоченост, односно продуктивност творбене основе, продуктивност творбеног суфикса, творбеног типа и творбеног начина на датом историјском језичком пресеку; она прати дистрибуцију творбених елемената по врстама објеката и уважава одређене гласовне законитости;

спољашња реконструкција: доприноси уверљивости творбено-семантичког нивоа анализе и усмерена је на ономасиолошке основе називања. Она разматра топономастички контекст (топографски податак, називања суседних објеката, начин на који оними функционишу у широј смисаоној целини), сукцесивна називања истог објекта кроз језичку историју; разматра питања супстрата и адстрата и сл. Спољашња реконструкција подразумева и реконструкцију појединих основа и суфикса на равни прајезика, те уважава и њихове континуанте у другим словенским језицима.

Међутим, и поред тога што су теоријски и методолошки принципи творбене анализе онима релативно разрађени¹, истраживачи се у свом поступку творбено-семантичке реконструкције историјске топонимије суочавају са низом специфичних проблема који објективно отежавају ову реконструкцију. На плану унутрашње реконструкције основни проблем налази се у томе што је велики број историјских топонима претрпео процес лексикализације, док на плану спољашње реконструкције потешкоћа проистиче из природе текстуалног контекста у којем се разматрани топоними јављају. Даровнице спадају међу исправе које су издавали владари приликом оснивања манастира. „Сврха тих докумената била је да утврде правни статус задужбине, опсег имања и привилегија којима их је обдарио оснивач, као и феудалне обавезе људи на манастирском властелинству. Такве исправе су биле компоноване по одређеном обрасцу који је допуштао од-

¹ У српској лингвистици о овим принципима су, поред других лингвиста, најсистематичније писали Р. Маројевић (упор. нпр. Маројевић 1987: 135-136) и А. Лома (Лома 2001: 9-20).

ступања само у појединостима.“ (Ивић и Грковић 1976: 18). Зато је текстуални контекст у коме се разматрају топоними јављују понајвише катастарског типа и своди се на набрајање топонима који представљају међаше посела дарованих села. Због овакве структуре даровница прецизнија убијација наведених топонима изостаје, они каткада носе уз себе топографски податак (тј. да ли је у питању река, планина и сл.), али су најчешће квалификовани као „међаши“. Имена су дата у номинативу, или месним падежима.

Циљ овог рада је да се путем структурно-семантичке творбене реконструкције неких примера из доле наведених извора илуструју наведене теоријско-методолошке поставке и да се при том укаже на основне факторе који отежавају ову реконструкцију.

Извори грађе су: *Дечанске хрисовуље* (ДХ) – три сачуване верзије оснивачке даровнице Стефана Дечанског и Душана Дечанима; *Светостефанска хрисовуља* (ССХ) – Милутинова даровница манастиру св. Стефана у Бањској, *Светоарханђелска хрисовуља* (САХ) – Душанова даровница призренском манастиру Светих арханђела.

II. Структурно-семантичка творбена анализа два старосрпска хидронима.

Нерџстуша (ДХ II: 39, 54): десна притока Рибнице, међаш Срџмљана и Алтина. Данас: *Раштуша*

- У овом старосрпском хидрониму на структуралном нивоу анализе издавајмо експресивни суфикс *-уша* посведочен и у неким другим хидронимима из истог лингвогеографског контекста (нпр. *Љубуша*, ДХ II: 8-9: *суха Љубуша*). Суфикс је посведочен и у другим српским хидронимима: *Пепељуша*, *Белуша*, *Клинуша*, *Добруша* и сл. (Павловић 1996: 383). Овај словенски суфикс могао је на метохијском терену бити поткрепљен истим изофункционалним наставком из албанског језика (од илиро-трачког **-usius*).
- Творбена основа овог хидронима је на старосрпском нивоу творбене анализе већ непродуктивна, а савремени еквивалент овог назива на први поглед не говори много о семантици старе творбене основе. Како најужи топономастички контекст није дао основа за даље претпоставке, посегла сам за ширим лингвогеографским контекстом и у њему пронашла евентуалну паралелу у хидрониму *Нерезине* (овај назив носе два потока – један у сливу Западне Мораве, а други у сливу Тимока (Павловић 1996: 229)). Како је ова основа данас и десемантизована консултовала сам Елезовићев *Речник косовско-метохиског дијалекта* и у њему нашла забележен дијалекатски израз *нарџићџ се*, *нарџића се* са значењем „парити се“ (Елезовић 1932: 445). Вук такође бележи глагол *нарџитити* „спаривати“ (са додатком „о птицама“) (Вук 1969: 450), а Рјечник ЈАЗУ и Скок наводе паралелне дијалекатске потврде: *нарџитити*, *нарџити* „омријестити“, односно *раџитити*, *раџити*, *рџити се* (са додатком „о риби“), као и израз из чакавских говора *нерезина* „мрест, односно сакупљање риба ради парења“ (РЈАЗУ VII: 59; Скок II: 465). Етимолошки речник

словенских језика наводи низ паралела из све три групе словенских језика и упућује на претпостављену прасловенску основу < *ners(t)- са основним значењем „парити се“ и изведеницама које представљају термине из рибарства, живинарства и сточарства. Поред тога, овај речник наводи и топониме у којима се чува стара прасловенска основа: упор. ст. чеш. топоним *Neřestice*, као и пољске, руске и украјинске хидрониме *Nierestna*, *Niereśnia*, *Нерестна* изведене придевским суфиксом *-ьна (ЭССЯ 25: 7-11). Следећи принцип поступности, по коме тумачење неког онимског назива полази од најужег лингвогеографског контекста (Лома 2001: 12), а онда се отвара према потврдама из ширег лингвогеографског ареала – дошло се до претпостављене мотивационе основе овог старосрпског хидронима. Остале су необјашњене фонетске промене констатоване у наведеним изведеницама. Како група *nr* добијена на почетку речи након закономерне метатезе ликвида није била могућа, она се у српском језику уклањала на два начина: супституцијом тј. групом *mr* која у српском језику постоји (одатле у савременом језику *мрест*), или уметањем самогласника *e* (упор. *нераст*: „неуштројен мужјак животиње“), односно *a* (као у *нарав* од цркв. слов. *нрави*). У народним говорима могућ је био и развитак *a* од *ě* (Скок II: 456), те се наведени савремени еквивалент само на површинском нивоу анализе може тумачити као облик добијен преосмишљавањем на основу народног етимологизирања које почива на физичком изгледу објекта тј. да је реч о реци у којој вода нараста, набујава. Он, као и наведене дијалекатске потврде изостављају почети слог *не-* одн. *на-* једном врстом депрефиксације, будући да се он погрешно издвајао као префикс.

- На основу спроведене структурно-семантичке анализе може се поставити хипотеза да је наведени хидроним настао семантичком онимизацијом апелативне изведенице *нерѣстуша* тј. „место (обично плитко) у реци где се рибе мресте, скупљају ради мреста“. У потрази за ономасиолошким основама назвања није без значаја ни чињеница да је та река десна притока *Рибнице*.

Љубишња (ССХ, 9): река, међаш Лабићевског забела и Прчева. По опису међа установљава се да је то данашња *Мируша* (Пешикан 1981: 52).

- Полазећи од ужег лингвогеографског контекста треба најпре констатовати постојање истоименог ојконима у Светоарханђеловској хрисовуљи, као назив за село које је је Душан дао призренским Светим апостолима (Даничић 1975: II, 34), а чије је име данас сачувано у измењеном облику *Љубижда*. Правац трансонимизације није до краја јасан, те остаје отворено питање примарности онимског назива. Без обзира на то што се у овом хидрониму издваја продуктивна ономастичка основа *љуб-*, творбена структура овог хидронима ипак остаје непрозирна због тога што је у датом називу потрвена граница између творбене основе и суфикса, те се принцип бинарности² не може применити.

² Принцип бинарности, према коме се у свакој изведеници могу издвојити два дела – творбена основа и творбени суфикс, један је од основних принципа структурно-семантичке творбене анализе.

- На формалном нивоу анализе могли бисмо у датом хидрониму издвојити суфикс *-ња*. Творбену структуру топонима изведених суфиксом *-ња* Р. Бошковић тумачи довођењем у везу са њиховом антропонимском основом изведеном старим посесивним суфиксом **-ьн-* који је већ на прасловенском нивоу постао непродуктиван, те му је ради „функционалног појачања“ дометан посесивни суфикс **-jь*. Континуанте овако насталог сложеног посесивног суфикса **-ьн'ь* Бошковић налази у топонимима типа *Љубишиња* (од личног имена *Љубиши*), *Будишиња* (од *Будиши*), *Радушиња* (од *Радуши*) (Бошковић 1978: 367). Аутор на овом месту не говори о творбеном начину карактеристичном за онимску творбу, односно о процесу универбизације двочланих онимских назвања тј. првобитне придевско-именичке синтагме: **Љубишиња вьс > Љубишиња*. Придевски део синтагме се супстантивизира и од елидиране именице преузима предметну функцију и значење. Наш хидроним би се на формалном нивоу анализе могао уклопити у овај творбени тип, али би ово тумачење морало бити праћено потврђеношћу антропонимске основе назвања (тј. личног имена **Љубиж/*Љубиз*) или, пак, устаљеношћу дијалекатске фонетске асимилације која је гласовну групу *шњ* изменила у *жњ*. Непосведоченост дате антропонимске основе, претпостављене фонетске промене, као и непродуктивност датог творбеног типа у хидронимијској творби ужег, па и ширег лингвогеографског контекста³ – указивали су и на могуће другачије творбено тумачење овог имена.
- Како разматрани творбени модел није потврђен у српском корпусу, обратила сам се ширем словенском, вођена већ познатом чињеницом да је словенски хидронимски систем врло архаичан и да у значајном броју својих назива чува старе прасловенске лексичке и творбене елементе. Знаменити словенски етнолингвиста Никита Толстој у својој често цитираној студији *О возможности исследования Полесья как модели славянского этнолингвистического прасостояния* поставља тезу о Полесју као аналогу прасловенског стања (Толстой 1977: 12). И указао се неки траг. У раду који је Железњак објавила у *Опшесловенском лингвистичком атласу*, посвећеном хидронимским творбеним базама **l'ub-* и **l'ut-* (Железњак 1979: 250-261) – у грађи коју она доноси са терена украјинског Полесја – забележен је хидроним потпуно еквивалентан овом старом српском: *Любіжња*, а поред тога и могући траг о настанку овог украјинског хидронима. Наиме, у корпусу који ауторка наводи налази се и хидроним *Любіж*, те творбена структура хидронима *Любіжња* може сведочити о суфиксној кумулацији насталој из потребе да се током дуге историје називања слабљење творбене функције неких форманата (и творбених типова у којима они учествују) компензује

Иако и основе и суфикси по својој структури могу бити сложени, синхрона творбена анализа увек издваја ова два дела.

³ Од 44 хидронима са констатованим суфиксом *-ња* које З. Павловић наводи у студији *Хидроними Србије*, само се у 4 може претпоставити првобитна антропонимска основа: *Радохиња*, *Мратиња*, *Радиња*, *Радушиња* (Павловић 1996: 375).

њиховим „функционалним појачањем“ другим суфиксима. Ово наслојавање суфикса могло је бити подстакнуто и потребом да дати топоним задовољи своју дистинктивну функцију према неким другим објектима датог микроареала.

- Основна теза коју Железњак поставља у овом раду је да хидронимска творбена основа **l'ub-* није антропонимског постања. Све наведене хидрониме са датом творбеном основом⁴ она своди на праие. глаголску основу **leubh-* „љуштити, дубити“ која је у доцнијем семантичком развоју добила у својим изведеницама и значење „очишћен, чист“, односно синкретично значење нечега што је добро, нечега што је обележено позитивним аксиолошким параметром (као потврду ауторка наводи и израз *љуба вода* „чиста вода“ из балканских говора) (Железњак 1979: 255-256). За ову ауторкину хипотезу поткрепу сам пронашла код Скока који уз топоним *Љубљана* наводи да је првобитно *Љубљане* значило „становници доброг земљишта“ (Скок II: 337). Железњак на истом терену бележи и низ хидронима са продуктивном хидронимијском творбеном базом **l'ut-* и реконструисаним значењем – посредно потврђеним и ужим топографским контекстом – „брза тј. опасна вода“. Опозитност ових назива сведочи о човекој потреби да у перцептивне основе ових назвања добијене на основу објективне, физичке карактеристике воде, прецизније – њеног тока, угради и своју интерпретативну перспективу о „добрим, мирним“ и „опасним, брзим водама“ која је, како видимо, присутна и у ономасиолошким основама назвања савременог еквивалента ове метохијске реке – *Мируша*.
- Следећи претходно разматрање може се поставити хипотеза (која захтева детаљнију проверу) да хидроними који у својим називима чувају творбену базу *љуб-* која је антропонимског порекла, представљају познију, секундарну творбу насталу трансонимизацијом ојконима (за ојкониме је антропонимска творбена база карактеристична због ономасиолошког значења припадности, односно својине), а да наш ојконим у себи чува стари хидронимијски творбени тип који је постао непродуктиван, те је морао бити функционално појачан додавањем новог (по постанку сложеног) творбеног суфикса *-ња*. Јавивши се изван сфере своје првобитне употребе, овај суфикс је могао постати и самосталан творбени елемент.

III. Теоријски и методолошки проблеми историјски

усмерене структурно-семантичке творбене реконструкције.

На основу анализе грађе из нашег корпуса могу се издвојити неки унутарјезички, општи узроци који доводе до лексикализације појединих творбених елемената и тиме отежавају историјски усмерену структурно-семантичку творбену реконструкцију:

⁴ *Љобавичка, Љобашка, Љобенка, Љобешка, Љобјжња, Љобитівка, Љобичка, Љобјж, Љобка, Љобљанка, Љобожжжа, Љобонька, Љобушка, Љобча* (Железњак 1979: 251).

а) до лексикализације може доћи због тога што је из језика нестала мотивна реч (упор. нпр. ороним *Плѣш* (ДХ II: 56): прасл. *plěšь „го, ћелав“ (Фасмер II: 371); срп. географски термин *плеш* „голо место; ћела“ (Шиц 1994: 73); исту основу налазимо и у називу планине на граници Хрватске са Босном и Херцеговином: *Пљешивица*), или зато што је у њеним изведеницама дошло до развитка значења које се тек етимолошком анализом може повезати са значењем њихове протооснове (то је случај у напред представљеном семантичком развоју старе индоевропске основе **leubh-* > прасл. **l'ub-*).

б) због различитих фонетских процеса и перинтеграционих прерасподела долази до упрошћавања основе изведене речи тј. до промене у њеној морфемској структури – основа губи способност дељења на морфеме, продуктивни творбени елементи прелазе у непродуктивне и могу се издвојити само на етимолошком нивоу (упор. нпр. хидроним *Подримитица* (ДХ II: 15) чија творбена структура крије старији двочлани топоним *Подрим-ьска рѣка који је у свом историјском развоју претрпео типичан топонимијски творбени процес универбизације помоћу суфикса *-ица*: *Подримск-ица > *Подримитица*).

в) структурно-семантичку творбену реконструкцију може отежати и постојање суфиксне хомонимије: тако у хидрониму *Трнавица* (ДХ II: 19) издавајемо деминутивни суфикс *-ица*, док у већ споменутом хидрониму *Подримитица* исти суфикс има структуралну функцију и везан је за процес универбизације. Дистинкцију функција датог суфикса омогућило је постојање хидронима *Трнава* (ДХ II: 15) у истом лингвогеографском контексту. *Трнавица* би могао бити назив за горњи ток реке *Трнаве*.

г) стари (прасловенски) творбени суфикси и творбени типови у којима они учествују постају непродуктивни, што последично може довести до непрозирности самог творбеног процеса који је стајао у основи настанка појединих изведеница. Тако су, на пример, топоними *Трѣпча* (ДХ II: 24, 41, 45), *Рабча*, *Чрнча* (САХ, према Пешикан 1986: 37, 46) по свом постанку стара *adiectiva possessiva* изведена прасловенским посесивним суфиксом **-jь* од *nomina agentis* на *-ьсь*. Она су првобитно представљала први део двочланих топонимских синтагми чија је именичка компонента (*вьс*) доцније била елидирана.

д) творбено-семантичка реконструкција може бити отежана и због различитих аналошких процеса. Једна од познатих аналошких тенденција Витолда Мањчака гласи: „Ако парадигматски облик топонима претрпи неку аналошку промену под утицајем неког другог облика исте парадигме, почетна тачка за промену много чешће лежи у месним падежима него у оним који то нису“ (према Љ. Суботић 2002: 104). То на творбеном нивоу анализе доводи до тога да се, на пример, у бројним топонимским формацијама у којима на формалном нивоу анализе издавајемо суфикс *-ци* (упор. нпр. топониме *Бериславици*, *Боршинци*, *Брајишинци* САХ, 309) налазе, у ствари, првобитне формације изведене суфиксом *-ьск-* који је у месним падежима и номинативу множине фонетски закономерно прелазио у *-sc-* (*-scěh-*, *-sci-*), а затим се дисимилаторно упрошћавао у *-c-* (в. и Лома 2001: 17), те се поменути завршеци јављају као спољашњи знак већ одигране лексикализације датог творбеног типа.

Реконструкцију могу отежати и неки други проблеми, који нису само унутарјезички, већ се тичу неких ванјезичких података који морају бити уважени ради што прецизније утврђених методолошких поставки од којих полази овако усмерено истраживање.

а) проблеми који потичу од природе самог текстуалног контекста у којем је историјска топонимија забележена: непрецизна убикација, неразвијена парадигматска структура разматраних топонима (они се најчешће јављају у номинативу или месним падежима), незабележена акцентуација;

б) проблем једног записа: приликом реконструкције творбене структуре неког историјског топонима истраживачи се често сусрећу са непостојањем више записа истог топонимског лика. Та чињеница налаже опрез приликом доношења неких закључака будући да постоји могућност да записивач, из различитих разлога, није фонетски лик имена тачно забележио.

в) занемаривање питања супстрата и адстрата, односно могућег античког предлошка;

г) проблеми који потичу од мешања језичких нивоа: творбени процес у коме настаје одређени топоним је чин једног историјског језичког стања, те се његова творбена структура мора тумачити творбеним средствима која се показују продуктивним на датом језичком пресеку. Треба имати и у виду да су топоними знаци који служе за разликовање географских објеката, па њиховом топонимијском значењу треба дати примат над етимолошким значењем.

д) неуважавање културног контекста у коме се одиграло именовање: приликом творбено-семантичке реконструкције неког историјског имена треба размотрити и питање како се култура испољава у језику, ваља открити трагове њеног присуства у материји самог имена. У току структурне и етимолошке анализе отвара се приступ концептуалној сфери, сфери идеја и представа важних за дату културу, а њихово занемаривање може довести до погрешних тумачења (такву културну конотацију у разматраном корпусу имају имена као што су, на пример – *Радогошта* ДХ II: 38, *Кићени дуб* ДХ II: 25, *Жрвњ* ДХ III: 2613, *Русалије* ДХ I: 135 и др.).

IV. Закључак.

Структурално-семантичка творбена реконструкција старосрпске топонимије показала је да она у свом теоријско-методолошком приступу мора објединити разматрање унутарјезичких односа у самом називу, с једне стране и односа који дати назив директно упућују на географски објекат, с друге. Указивање на неке објективне факторе који отежавају творбену реконструкцију историјске топонимије треба разумети као прилог теоријско-методолошкој поставци неке будуће, обухватније, потребне студије српске историјске топонимије.

На крају ваља рећи да историјска топонимија забележена у манастирским даровницама из српског средњег века остаје да егзистира у језику у чијој је материји настала, али и да данас може оживети као податак језичке, историјске и културне прошлости једног народа. У овим старим именима, као у каквим палимпсестима, с радошћу открића језичких археолога препознајемо наталожене језичке слојеве,

урезане трагове преживелих творбених образаца, скривену историју њиховог именованја, многогласне одјеке човекових замисли, потреба, порука. Велики број различитих творбених преоблика, нових и другачијих творбених веза у односу на старословенски језички ниво, сведоче о значајном творбеном развоју старосрпског језика. Историјска топонимија се показује и као важан историјски творбени ресурс српског језика.

ИЗВОРИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бошковић 1978:** Радосав Бошковић, „Старословенска adiectiva possessiva на -ънъ“, *Одабрани чланци и расправе*, Титоград: ЦАНУ.
- Вук 1969:** Вук Стефановић Караџић, „Српски рјечник (1818)“, *Дела Вука Караџића*, Београд: Просвета.
- Даничић 1975:** *Рјечник из књижевних старина српских I-II-III*, Београд: Вук Караџић.
- ДХ:** према издању – Павле Ивић, Милица Грковић, *Дечанске хрисовуље*, Нови Сад: Институт за лингвистику у Новом Саду, 1976.
- Елезовић 1932:** Глиша Елезовић, „Речник косовско-метохишког дијалекта“, *Српски дијалектолошки зборник*, књ. IV, св. 1, Београд.
- Железњак 1979:** И. М. Железњак, „Об одном случае бинаризма в гидронимии Украины“, *Общеславянский лингвистический атлас (1977)*, Москва: Наука, 250-261.
- Лома 2001:** Александар Лома, „Топонимастика као изазов“, *Књижевност и језик XLVIII/1-2*, Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 9-20.
- Маројевић 1987:** Радмило Маројевић, „Методолошка питања творбено-семантичке реконструкције средњовековних топонима (на примеру староруских назива градова)“, *Зборник шесте југословенске ономастичке конференције*, Научни скупови, књ. XXXVII, Одељење језика и књижевности, књ. 7, Београд: САНУ, 135-139.
- Павловић 1996:** Звездана Павловић, „Хидроними Србије“, *Библиотека Јужнословенског филолога*, Нова серија, књ. 13, Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Пешикан 1981:** Митар Пешикан, „Из историјске топонимије Подримља“, *Ономастолошки прилози II*, Београд: САНУ, 1-92.
- Пешикан 1986:** Митар Пешикан, „Стара имена из доњег Подримља“, *Ономастолошки прилози VII*, Београд: САНУ, 1-119.
- РЈАЗУ:** *Рјечник хрватског или српског језика*, т. VII, св. 30, Zagreb: JAZU, 1911.
- САХ:** *Светоарханђеловска хрисовуља*, Гласник друштва српске словесности, св. XV, Београд, 1862.
- Скок 1971-1974:** Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I-IV, Zagreb: JAZU.

- ССХ:** *Светостефанска хрисовуља*, Споменик СКА, књ. IV, Београд, 1890.
- Суботић 2002:** Љильана Суботић, *Историјска лингвистика: фонолошке промене и морфолошке алтернације, младограматичари, структурализам, генеративна граматика*, Нови Сад: Филозофски факултет.
- Толстој 1977:** Н. Толстој, *О возможности исследования Полесья как модели славянского этнолингвистического прасостояния*, Київ.
- Фасмер 1986-1987:** Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка I-IV*, Москва: Прогресс.
- Шиц 1994:** Јозеф Шиц, *Географска терминологија српскохрватског језика* [с немачког превео А. Лома], Београд: Просвета.
- ЭССЯ 1974-:** *Этимологический словарь славянских языков* [ред. О. Н. Трубачев], том 1-, Москва: Наука.

Snežana P. Vučković

THE STRUCTURAL SEMANTIC RECONSTRUCTION OF WORD FORMATION IN
SERBIAN HISTORICAL TOPONOMY

Summary

Historical toponymy is an important word formation resource of Serbian language. Nowadays it also appears as information testifying about linguistic, historical and cultural past of the Serbian nation. Research of its formational structure and semantics in its process incorporates reconstruction of interlinguistic relations in the very name on one hand, and relations which refer the given name directly to a geographical object on the other. A large number of word formation characters which can be found in Serbian historical toponymy also testify about largely developed word formation of Old Church Slavonic language.

ЦВЕТЕЛИНА ГЕОРГИЕВА*

ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК „ПРОФ. ЛЮБОМИР АНДРЕЙЧИН” – БАН,
СОФИЯ

ВИДОВЕ КЛАСИФИКАЦИИ НА АКТИВНИТЕ ПРЕПОЗИТИВНИ ФОРМАНТИ В БЪЛГАРСКОТО ИМЕННО СЛОВООБРАЗУВАНЕ

Абстракт. Вниманието е насочено към 30-те най-активни именни препозитивни морфемни в съвременния български език. След като се очертават приликите и разликите между префикси (същински и несъщински) и префиксоиди, препозитивните форманти се класифицират в следните седем групи според различни критерии: 1) семантика; 2) функция – променят/не променят категориалната характеристика на произвеждащата основа; 3) принадлежност към вида препозитивна именна подсистема на българския език; 4) участие в образуването на префиксални и префиксоидни именни деривати; 5) продуктивност и позиция в препозитивната именна подсистема; 6) произход; 7) време на навлизане в препозитивната именна подсистема на българския език. Словообразователният анализ на дериватите налага извода, че след 1990 г. препозитивното субстантивно словообразуване в българския език е по-активно от адекватното.

Ключови думи: префикс, префиксоид, субстантиви, адективи.

През последните две десетилетия префигирането на съществителни и прилагателни имена е един от най-активните словообразователни начини за създаване на нови деривати в българския език. Поради това вниманието в статията е насочено към 30 *препозитивни морфемни*, които са с най-висок деривационен потенциал и които са обект на самостоятелен анализ в друго мое по-голямо изследване (Георгиева 2007). Това са формантите **анти-**, **вице-**, **де(з)⁻¹**, **до-**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро⁻¹**, **мега⁻¹**, **микро⁻¹**, **мини-**, **мулти-**, **не-**, **нео-**, **пара-**, **под⁻¹**, **полу-**, **пост-**, **пре⁻¹**, **про⁻¹**, **псевдо-**, **ре-**, **свръх-**, **суб⁻¹**, **суб⁻²**, **супер-**, **съ-**, **топ-**, **ултра-** и **хипер⁻¹**.¹ Въз основа на анализ на 1240 деривата (906 субстантива и 334 адектива) словообразователните компоненти ще бъдат класифицирани в 7 групи.

---

* e-mail: georgieva.cv@abv.bg

¹ Индексите са маркери за наличие омонимия при два форманта (когато те са формално и функционално тъждествени и между чиито значения на този етап от развитието на езика не се открива общ семантичен признак) или при формант и първа съставна част на композитум (когато те са само формално тъждествени).

Преди обаче да се характеризират формантите по различни критерии², ще се направи опит да се очертаят приликите и разликите между двата вида препозитивни морфемни – *префикси* и *префиксоиди*.

Прилика между *префикси* и *префиксоиди*

Това, което дава основание префиксоидите да се разглеждат в групата на препозитивните (а не на коренните) морфемни, са общите им черти с префиксите.

I. От структурна гледна точка

1. Разположени са непосредствено пред произвеждащата основа (ПщО);
2. Съхраняват своята цялост в рамките на деривата;
3. Не променят формално морфемния шев;
4. Имат аглутинативен характер;
5. Не притежават признаци на пълнозначен компонент.

II. От семантична гледна точка

1. Непредметност (нямат субстанциално съдържание);
2. Обобщеност (има се предвид смисълът, който те внасят в деривата);
3. Принадлежност към една от групите словообразователни форманти (понататък СФ), обединени по семантичен признак (**квантитативен, квалификативен, темпорален, йерархичен** и др.);
4. Еднозначност (в повечето случаи).

III. Според ролята им в деривационния акт

1. Имат определяща, характеризираща функция по отношение на ПщО (т.е. те са изразители на предиката от предикатно-аргументната структура на деривата);

2. Участват самостоятелно в деривационния акт.

IV. От гледна точка на честотността

1. Повторителност;
2. Висок деривационен потенциал (вж. още таблица 1).

Таблица 1. **Прилика** между *префикси* и *префиксоиди*

Структурни особености	1) разположени са пред ПщО 2) съхраняват своята цялост в рамките на деривата 3) не променят формално морфемния шев 4) имат аглутинативен характер
Семантика	1) непредметност 2) обобщеност 3) принадлежност към една от групите форманти, обединени по семантичен признак (квантитативен, квалификативен, темпорален, йерархичен и др.) 4) еднозначност 5) не притежават признаци на пълнозначен компонент

² Приема се, че словообразователният формант е основен организиращ компонент в препозитивната именна подсистема, разглеждана като част от словообразователната система на езика.

Роля в деривационния акт	1) функция на предикат 2) участват самостоятелно
Честотност	1) повторителност 2) висок деривационен потенциал

Разлика между префикси и префиксоиди

Като **префикси** тук се определят препозитивните морфемни, които се характеризират със следните признаци:

I. От семантична гледна точка

1. Абстрактност.

II. От гледна точка наличие на корелация с друга единица

1. По показател функция – възможно е префиксите да имат за корелат друга препозитивна морфема, т.е. омонимичен префикс: **де(з)**⁻¹ ‘отстраняване на признак’ в *деполитизация* / **де**⁻² ‘производност’ в *десубстантив*, **под**⁻¹ ‘част от нещо, назовано от ПщО’ в *подпапка* и ‘второ място в дадена йерархия’ в *подизпълнител* / **под**⁻² ‘местоположение по-ниско от нещо’ в *подснимков* материал, **пре**⁻¹ ‘повторност’ в *преакредитиране* / **пре**⁻² ‘много висока степен на признак’ в *предобър*, **про**⁻¹ ‘подкрепа, поддържане’ в *прокомунизъм* / **про**⁻² ‘заместване’ в *проконсул*, **суб**⁻¹ ‘подчиненост, подразделение’ в *субрегион* / **суб**⁻² ‘много малък’ в *субкомпактен* автомобил.

2. По показател форма – възможно е префиксите да имат за корелат непълнозначна дума. Така например **до-** / **до**, **не-** / **не**, **под-** / **под**, **сврѣх-** / **сврѣх** и др. *имат* за корелат предлог или частица (тях можем да ги определим още като **несъщински префикси**), докато **де(з)**⁻¹ / $\emptyset$, **пара-** / $\emptyset$, **ре-** / $\emptyset$, **съ-** / $\emptyset$ и др. *нямат* за корелат предлог или частица (тях можем да ги определим още като **същински префикси**) (вж. още таблица 2).

Като **префиксоиди** се определят препозитивните морфемни, които се характеризират със следните признаци:

I. От семантична гледна точка

1. Относителна конкретност.

II. От гледна точка наличие на корелация с друга единица

1. По показател функция – не се съотнасят с омонимичен префиксоид.

2. По показател форма – възможно е да имат за корелат коренна морфема или пълнозначна дума. Така например **макро**⁻¹, **мега**⁻¹, **микро**⁻¹ и **хипер**⁻¹ *имат* за корелат първа съставна част на заети сложни образувания (срв. **макро**⁻² ‘компютърен’ в *макроезик*, **мега**⁻² ‘милион’ в *мегават*, **микро**⁻² ‘който е милионна част от нещо’ в *микромпер* и **хипер**⁻² ‘който се отнася до представяне в интернет’ в *хиперроман*), а **вице-**, **контра-**, **полу-**, **супер-**, **топ-** и др. *имат* за корелат вторично образувана пълнозначна единица – съществително, прилагателно име или наречие (**вице** ‘вицепрезидент’, **контра** ‘противник, опозиционер’, **супер** ‘чудесно’ или ‘много добър’ и др., напр.: *Георги Първанов заряза* [лози] *два пъти*, **вицето** *Марин се вози на файтон*. 24 часа, 2003, бр. 44; *Подсъзнателно*

провинцията е **контра** на надменните .. софиянци. Градски вестник, 2009, бр. 58; – Как си? – попита той. – **Супер!** – каза тя. Култура, 2009, бр. 45); Той е супер!³ (вж. и таблица 2).

Таблица 2. Разлика между префикси и префиксоиди

	ПРЕФИКСИ		ПРЕФИКСОИДИ
	същински	несъщински	
I. Семантика	абстрактност		относителна конкретност
II. Корелация			
1. По функция (с друга препозитивна морфема)	де(з) ⁻¹ с де ⁻² , под ⁻¹ с под ⁻² , пре ⁻¹ с пре ⁻² , про ⁻¹ с про ⁻² , суб ⁻¹ със суб ⁻²		не
2. По форма			
а. скоренна морфема	не		мега ⁻¹ , микро ⁻¹ , макро ⁻¹ , хипер ⁻¹
б. с пълнозначна дума (съществително, прилагателно име или наречие)	не		вице-, контра-, полу-, супер- и др.
в. с непълнозначна дума (предлог или частица)	не [де(з) ⁻¹ , пара-, ре-, съ- и др.]	до- / до, не- / не, под- / под и др.	не

Трябва да се посочи още, че словообразователният анализ на именните деривати налага извода, че новите производни се създават не само по традиционните нетранспониращи схеми **Pref + Sub = Sub¹** (*мегадело*) и **Pref + Ad = Ad** (*нерегламентирани* плащания), но и по транспониращата схема **Pref + Sub = Ad**. **Дериватите**, образувани по последната схема, могат да се определят като **оказионализми**, напр.

³ По-особен е случаят с **анти-**. В настоящото изследване **анти-** се определя като префиксоид, макар че в най-ново време, предимно в речта, се среща употреба на предлог със същата форма, срв.: *Демонстрации „про” и „анти” Путин* (заглавие) Стандарт, 2012, бр. 6929. На тази употреба обаче може да се противопоставят други – **анти** като прилагателно име със значение ‘отрицателен, осъдителен’ (срв.: *Антиматерията все пак не е напълно „анти”*. <http://bg.in-other-news.com>) и като съществително име със значение ‘противник, опозиционер’ (срв.: *Оруел е изключително интересна личност и е ... смешно да бъде обявяван едностранчиво за „про” или „анти” нещо*. bg.altermedia.info). Тази специфика е също аргумент в полза на определянето на **анти-** като префиксоид.

При **про-**¹ също е настъпила частична лексикализация, срв.: *Мисля, че всички – и про, и анти, са закачени на един ченгел, който обслужва крайната цел – конгреса на БСП (yvox.net); Досега симптоматично липсват „про” и „анти” отзиви за „Лирика 2001” (slovo.bg); При ГЕРБ гласуването е про или анти лидера им* (вж. още Георгиева 2009). Съществуването обаче на формант **про-**² в системата на езика, както и зависимостта на свободната единица **про** от наличието на нейния антоним **анти** в текста (вж. посочените по-горе примери), е причина **про-**¹ (за разлика от **анти-**) да бъде причислен към префиксите.

⁴ С **Pref** се отбелязва препозитивната морфема – префикс и префиксоид.

антиДПС в текста: *Смъртта на Емин целяла да раздуха антиДПС и антитурска кампания (mediapool.etaligent.het). Тук двете лексеми – антиДПС и антитурска принадлежат към една и съща част на речта, свързани са със съчинителна връзка и изпълняват една и съща синтактична служба в изречението – на определения (поясняват лексемата кампания). Дериватът антиДПС по значение и функция се съотнася с друга част на речта в сравнение с произвеждащата единица⁵. Новият тип образувания са с предикатна функция и в случаите, когато заедно с други изменяеми прилагателни имена са част от съставно именно сказуемо, напр. *Въпреки че официално протестът е антиправителствен, неговият подтекст е антикомунистически, анти-БСП и антируски*. Земя, 2009, бр. 9.*

И така, препозитивните форманти се класифицират в седем групи според различни критерии: 1) семантика; 2) функция – променят/не променят категориалната характеристика на ПщО; 3) принадлежност към вида препозитивна именна подсистема на българския език; 4) участие в образуването на префиксални и префиксоидни именни деривати; 5) продуктивност и позиция в препозитивната именна подсистема; 6) произход; 7) време на навлизане в препозитивната именна подсистема на българския език.

I. Семантична класификация

1. СФ с **квантитативно-квалификативно** значение

1. 1. СФ с **квантитативно-квалификативно** значение

1. 1. 1. СФ със значение ‘*много висока степен на проява на признак*’: **мега**⁻¹ (*мегахолел, мегаинвестиционен проект*), **мулти**⁻¹ (*мултимиллиардер, мултинационална компания*), **свърх**- (*свърхнатоварване, свърхевтина версия*), **супер**- (*супериндустрия, суперуспешен концерт*), **ултра**- (*ултранасилие, ултрауспешен старт*), **хипер**⁻¹ (*хипермагазин, хиперактивна маса*);

1. 1. 2. СФ със значение ‘*много ниска степен на проява на признак*’: **мини**- (*миникриза, миниготварска печка*), **полу**- (*полудемокрация, полукриминална процедура*).

1. 2. СФ с **квалификативно** значение

1. 2. 1. СФ със значение ‘*изключителна степен на проява на признак*’: **топ**- (*тополиция, топсекретна служба*);

1. 2. 2. СФ със значение ‘*подобие, но нетъждественост*’

1. 2. 2. 1. ‘*мнимо, лъжливо подобие*’: **псевдо**- (*псевдогрип, псевдогражданско общество*);

1. 2. 2. 2. ‘*привидно, мнимо подобие*’: **квази**- (*квазистудент, квазиправителствена институция*);

⁵ Свр. още: *На този фон пристигна Симеон. Онова обществено мнозинство – анти-европейско и анти-СДС ..., което беше оставено без представителство във властта, почти веднага го припозна като „свой“*. Демокрация, 2001, бр. 55; *Двете крайнодесни партии, които разположиха предизборните си кампании върху антиимигрантска и анти-ЕС платформа, нанесоха голям удар на политическото управление на Австрия*. Банкеръ, 2008, бр. 40. (Подобни образувания се срещат и в други славянски езици, напр. в руски.: *Анти-ЕС Левая партия, напротив, понесла катастрофические потери*. <http://piratemia.ru/news/pirates/world/item/2323-ruleaks-arrrr-shvedskie-piratyi-otpravlyayutsya-v-bryussel.html>.)

1. 2. 2. 3. ‘подобие, но нетъждественост’, ‘отклонение’: **пара-**(**парамедик**, **парафармацевтичен** продукт; **паранормално**).

1. 3. СФ с **квантитативно** значение

1. 3. 1. СФ със значение ‘много висока степен на проява на признак’: **макро-¹** (**макропоказател**, **макрофинансова** стабилност);

1. 3. 2. СФ със значение ‘много ниска степен на проява на признак’ – **микро-¹** (**микрозаем**, **микросоциална** среда), **суб-²** (**субкомпактен** автомобил).

2. СФ със значение ‘**отрицание**, **противоположност**’

2. 1. ‘насоченост срещу/против на нещо’: **анти-** (**антидемокрация**, **антипазарна** политика), **контра-** (**контраизявление**);

2. 1. ‘противоположност (на)/противопоставяне’: **анти-** (**антикултура**), **контра-** (**контраферта**, **контрапродуктивен** начин), **не-** (**нехристиянин**, **нерегламентирани** плащания).

3. СФ със значение ‘**подкрепа**’: **про-¹** (**прокомунизъм**, **про-САЩ** правителство).

4. СФ с **йерархично** значение

4. 1. ‘втори в дадена йерархия, заместник по отношение на друг’: **вице-** (**вицешеф**, **вицеевропейски** шампион), **под-¹** (**поддиректор**);

4. 2. ‘подразделение (подчинена част)’: **под-¹** (**подкомисия**), **суб-¹** (**субсистема**).

5. СФ с **темпорално** значение

5. 1. ‘предходност’: **до-** (**доболнична** помощ), **екс-** (**екслидер**, **експрезидентски** съветник);

5. 2. ‘следходност’: **пост-** (**постсоциализъм**, **посткомунистически** последователи), **нео-** (**неоконсерватор**), **пре-¹** (**препродажба**, **преструктурирано** министерство), **ре-** (**ребалканизация**, **рефинансираща** институция).

6. СФ със значение ‘**отстраняване**’: **де(з)-¹** (**декриминализация**).

7. СФ със значение ‘**съвместност**’: **съ-** (**съпокровител**, **съпредседателска** комисия).

II. Класификация според функцията на СФ: променя/не променя категориалната характеристика на произвеждащата основа⁶

1. Модификационни (не променят категориалната характеристика на ПщО): **анти-**, **вице-**, **де(з)-¹**, **до-**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро-¹**, **мега-¹**, **микро-¹**, **мини-**, **мулти-¹**, **не-**, **нео-**, **пара-**, **под-¹**, **полу-**, **пост-**, **пре-¹**, **про-¹**, **псевдо-**, **ре-**, **свъръх-**, **суб-^{1,2}**, **супер-**, **съ-**, **топ-**, **ултра-**, **хипер-¹**;

⁶ За възможността префиксите да доведат до различие между категориалната характеристика на деривата и на произвеждащата дума е посочено и в *Английские неологизмы* (Неологизми 1983). В изследването префиксалните прилагателни имена в английския език се разглеждат като принадлежащи към една от двете схеми – *транспонираща* или *нетранспонираща*. Р. С. Манучарян също отбелязва наличието на отрицателни префикси в арменския език, които изпълняват „характерна за суфикса функция на транспозиция в друга част на речта“ (Манучарян 1974: с. 33).

2. Конвертираци (променят категориалната характеристика на ПщО): **анти-**, **екс-**, **про⁻¹**.

III. Класификация на СФ според принадлежността им към вида препозитивна именна подсистема

Въз основа на предварително направен словообразователен анализ на активните форманти в българския език можем да определим към този момент състава на двете подсистеми (префиксална и префиксоидна) на препозитивната именна подсистема.

1. Префиксална подсистема: **де(з)⁻¹**, **до-**, **не-**, **пара-**, **под⁻¹**, **пост-**, **пре⁻¹**, **про⁻¹**, **ре-**, **сврѣх-**, **суб⁻¹**, **суб⁻²**, **съ-**, **ултра-**;

2. Префиксоидна подсистема: **анти-**, **вице-**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро⁻¹**, **мега⁻¹**, **микро⁻¹**, **мини-**, **мулти⁻¹**, **нео-**, **полу-**, **псевдо-**, **супер-**, **топ-**, **хипер⁻¹**.

IV. Класификация според участието на СФ в образуването на префиксални и префиксоидни именни деривати

1. Присубстантивни (образуват само субстантиви): **де(з)⁻¹**, **нео-** и **под⁻¹**;

2. Приадективни (образуват само адективи): **до-**, **суб⁻²**;

3. Присубстантивно-приадективни (образуват и субстантиви, и адективи): **анти-**, **вице-**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро⁻¹**, **мега⁻¹**, **микро⁻¹**, **мини-**, **мулти⁻¹**, **не-**, **пара-**, **полу-**, **пост-**, **про⁻¹**, **пре⁻¹**, **псевдо-**, **ре-**, **сврѣх-**, **суб⁻¹**, **супер-**, **съ-**, **топ-**, **ултра-**, **хипер⁻¹**.

V. Класификация на СФ според тяхната продуктивност и място в препозитивната именна подсистема

Въз основа на статистически данни от предварително направен анализ на производни с продуктивни препозитивни морфемии може да се определи по следния начин мястото на всеки СФ в препозитивната именна подсистема, която условно приемаме, че се състои от ядро и периферия със съответните рангове:

я д р о

I ранг – с и л н о п р о д у к т и в н и: **анти-**, **екс-**, **не-**, **сврѣх-**, **супер-**, **топ-**;

II ранг – с р е д н о п р о д у к т и в н и: **квази-**, **контра-**, **мега⁻¹**, **мини-**, **пре⁻¹**, **псевдо-**, **ре-**, **съ-**;

п е р и ф е р и я

I ранг – о г р а н и ч е н о п р о д у к т и в н и: **микро⁻¹**, **под⁻¹**, **пост-**;

II ранг – н и с к о п р о д у к т и в н и: **вице-**, **де(з)⁻¹**, **до-**, **макро⁻¹**, **мулти⁻¹**, **нео-**, **пара-**, **полу-**, **про⁻¹**, **суб⁻¹**, **суб⁻²**, **ултра-**, **хипер⁻¹**.

VI. Класификация на СФ според произхода им

1. Домашни: **до-**, **не-**, **под⁻¹**, **полу-**, **пре⁻¹**, **сврѣх-**, **съ-**;

2. Чужди: **анти-**, **вице-**, **де(з)⁻¹**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро⁻¹**, **мега⁻¹**, **микро⁻¹**, **мини-**, **мулти-**, **нео-**, **пара-**, **пост-**, **про⁻¹**, **псевдо-**, **ре-**, **суб⁻¹**, **суб⁻²**, **супер-**, **топ-**, **ултра-**, **хипер⁻¹**.

VII. Класификация на СФ според време на навлизане в препозитивната именна подсистема на българския език

1. Форманти, функциониращи в българския език и преди 90-те години на XX век: **анти-**, **вице-**, **де(з)-¹**, **до-**, **екс-**, **квази-**, **контра-**, **макро-¹**, **мега-¹**, **микро-¹**, **мини-**, **мулти-**, **не-**, **нео-**, **пара-**, **под-¹**, **полу-**, **пост-**, **пре-¹**, **про-¹**, **псевдо-**, **ре-**, **сврѣх-**, **суб-¹**, **супер-**, **съ-**, **ултра-**, **хипер-¹**;

2. Форманти, функциониращи в българския език от последното десетилетие на XX век: **топ-** и **суб-²**.

Предложените седем типа класификации имат за цел да илюстрират по-пълно разглежданите препозитивни морфемни форми, да посочат тяхната продуктивност и мястото им в българската препозитивна именна подсистема. Словообразователният анализ на езиковия материал налага извода, че в най-ново време (след 1990 г.) препозитивното субстантивно словообразуване в българския език е по-активно от адекватното.

Въз основа на изследвания материал може да се посочи, че най-голяма активност при създаване на *именни* (субстантивни и адекватни) деривати в българския език проявява формантът **супер-**, следван от **екс-**, **топ-**, **сврѣх-**, **не-** и **анти-**. Конкретно при *субстантивите* също най-висока продуктивност има препозитивната морфема **супер-**, докато при *адективите* първо място се заема от домашния префикс **не-**.

В конкуренцията между домашни и чужди интернационални форманти при образуване на чисти префиксални и префиксоидни деривати надмощие имат чуждите. Този факт налага извода, че в българската препозитивна именна подсистема тенденцията към интернационализация доминира над тенденцията към национализация (автохтонизация), което е характерно и за останалите славянски езици.

Създаването на префигурани деривати е проява на засилващите се аглутинативни черти в българския език, водещи до определени промени в неговата типологична характеристика⁷.

СЪКРАЩЕНИЯ

ПщО – произвеждаща основа

СФ – словообразователни форманти

Преф – препозитивна морфема (префикс и префиксоид)

⁷ Статията е изготвена в рамките на проект ДТК 02/52 от 17.12.2009 г., финансиран от Фонд „Научни изследвания“ към МОМН на Република България.

ЛИТЕРАТУРА

- Георгиева 2007:** Цв. Георгиева. *Иновационни процеси при именната префиксация в българския книжовен език от края на XX и началото на XXI век* (дисертация за присъждане на образователната и научна степен „доктор”)
- Георгиева 2009:** Цв. Георгиева. За употребите на нов тип деривати с *анти-* в българския език от началото на XXI век. – В: *Slavia Meridionalis* 9, SOW, Warszawa, s. 203 – 215.
- Манучарян 1974:** Р. С. Манучарян. Словообразователное значение и словообразовательная категория. // *Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР*, № 12, с. 25 – 35.
- Неологизми 1983:** *Английские неологизмы*. (Отв. ред. Ю. А. Жлуктенко). Киев.

Cvetelina Georgieva

CLASSIFICATION TYPES OF ACTIVE PREPOSITIVE FORMANTS
IN THE BULGARIAN NAME WORD-BUILDING

Summary

Attention is paid to the 30 most active name prepositive morphemes in contemporary Bulgarian language. Attempt was made to outline the similarities and differences between prefixes (essential and non-essential) and prefixoids, then prepositive formants were classified in the following seven groups according to the various criteria: 1) semantics; 2) function – they modify/ they do not modify the categorical features of the forming basis; 3) belonging to the type of prepositive name sub-system of the Bulgarian language; 4) participation in the formation of prefix and prefixoid name derivatives; 5) productivity and position in the prepositive name sub-system; 6) origin; 7) time of entering the prepositive name sub-system of the Bulgarian language.

The word-building analysis of language material arrived to the conclusion that in modern times (after 1990) prepositive substantive word-building in the Bulgarian language is more active than the adjective one.

ДАРИНКА С. ГОРТАН-ПРЕМК*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

О НАРЕДНИМ ЗАДАЦИМА СРПСКЕ ДЕРИВАТОЛОГИЈЕ** ИЗ УГЛА ЈЕДНОГ ЛЕКСИКОГРАФА

Сажетак. У раду се говори о потреби системских дериватолошких испитивања која су лексикографима потребна, заправо неопходна да би могли, с једне стране, идентификовати лексему о којој пружају информације, с друге стране да би могли учинити дефиниције информативним што се тиче семантичког садржаја, и што се тиче регуларности и места дате лексеме у лексичком систему, с треће стране.

Кључне речи: дериватологија, лексикограф, дериват, семантички садржај, семантичко варирање, лексички систем, творбена основа, творбени формант.

1. Није уобичајено, а готово да није ни пристојно, говорити о задацима које би требало неко други да испуни. Знамо то, и цењене колеге дериватологе и цењену публику молим за извињење. Велике лексикографске потребе и не толико велике могућности натерале су ме да о тим задацима говорим.

2. Ево, у чему је проблем лексикографа. Лексикографи одувек некако, по природи свога посла, иду испред науке о језику, они пре других виде проблеме и морају да их решавају без обзира којој лингвистичкој дисциплини они припадају. А решавање проблема пре њиховог испитивања води понекад, неретко непрецизности. Такву смо непрецизност учинили и ми лексиколози, лексикографи и помало дериватолози пишући *Поговор Семантичко-деривационом речнику*; рекли смо (СДР 2: 769): „Гнезда са имперфективним глаголом као творбеном основном обично имају следећу структуру – именички 1-степени: глаголска именица (*говорити* – *говорење*), помен *agentis* (*говорник*), те дериват којим се именује објекат радње (*говор*) и дериват којим се именује место вршења радње (*говорница*).“ А непрецизност је у прилогу „обично“; наместо тога требало је рећи „прототипични имперфективни глаголи“ или још, боље, „активни транзитивни креативни имперфективни глаголи“ јер само они творе и глаголску именицу, и вршиоца радње, и

---

* e-mail: daragp@yahoo.com

** Могли смо рећи „дериватологије и лексикологије“, и било би боље и било би у складу са савременим схватањима. „Деривати су у србистици најчешће убрајани у проблем творбе речи и испитивани су обично са становишта њихове структуре, док је творбена семантика запостављана. Деривати (и све остале творенице) питање су лексикологије колико и творбе, јер њихова семантика захтева озбиљно проучавање, као и њихова структура“, Р. Драгићевић (2007: 189).

објекат радње, и место вршења радње. И опет сви овакви глаголи не творе све ово, па би и ова констатација била непрецизна; морали бисмо почети тиме да су то пунозначни, аутосемантични глаголи или нису. А то значи да бисмо испитивање једне категорије деривата, нека то за пример буду имена вршилаца радње, морали вршити неколиким процедурама.

3. Прво, морали бисмо испитивати имперфективне глаголе као творбене основе с обзиром на њихов род и њихову дијатезу, затим бисмо морали испитивати њихов семантички садржај, а и семантички садржај свих лексема, јединица лексичко-семантичке групе којој оне припадају, а такође и с обзиром на њихову деривациону структуру, на њихов деривациони статус и њихову деривациону удаљеност од лексичких морфема које су им у творбеној основи – њиховој, с једне стране, и целогa деривационог гнезда, с друге стране.

Да пођемо од онога најопштијег: активни транзитивни креативни имперфективни пунозначни глаголи имају за један елеменат већи деривациони потенцијал од активних интранзитивних глагола: *градити* даје и *грађење*, и *градилац/градитељ*, и *град*, и *градилите*, а активни интранзитивни креативни имперфективни пунозначни глаголи имају све ово, разуме се, без лексема са значењем објекта вршења глаголске радње, тако *шетати* даје *шетање*, *шетача* и *шеталиште*; активни транзитивни креативни имперфективни непунозначни глаголи, као глагол *правити*, деривирају само глаголску именицу, у овом случају *прављење*, а тако је и са широкозначним, или како би Ирена Грицкат (1967) рекла – платисемичним глаголима из категорије активних интранзитивних креативних имперфективних глагола, тако глагол *ићи* даје само глаголску именицу *идење*. Медијални имперфективни глаголи, колико засад знамо захваљујући млађим колегама из Новог Сада¹, имају веома скроман деривациони потенцијал, већина њих сем глаголских именица не твори ништа.

4. Друго, интересантно и за дериватологе и за лексикологе, морали бисмо испитивати одступања од ових општих и засад знаних правила. Наиме, ми знамо да од активног интранзитивног глагола *шетати* имамо *шетача* и *шеталиште*, а да од истих таквих глагола *ићи*, *кретати* (*се*), *ходати*, *корачати* немамо све то; додуше, прва два глагола *ићи* и *кретати* (*се*) платисемантична су, али друга два *ходати* и *корачати* нису, нису ни непунозначни, а ипак им у семантичком садржају недостају деривационо продуктивне семе. И још нешто знамо, знамо да од активних транзитивних глагола са значењем *чинити да неко/нешто промени место*, какви су *мицати*, *померати*, *вући*, *повлачити* по правилу немамо имена вршилаца радње; кажемо – по правилу – зато што смо у РСАНУ нашли лексему *мицатељ*, која је оквалификована као нераспрострањена, мада би било боље, како мислимо, да је оквалификована као неуобичајена; квалификатор нераспрострањено одређује употребу у говору, а неуобичајено одређује употребу у систему; такође смо нашли и лексему *гурач*, која је неуобичајена у значењу *онај који гура*, али је обична у значењу *оно (машина, брод и сл.) што гура*.

¹ Да поменем само неке од оних које можемо чути на овоме скупу: Миливој Алановић, *Казативно-манипулативни глаголи: деривационо мотивисане семантичке и аргументне варијације*; Гордана Штасни, *Утицај семантичког садржаја на деривацију глагола физиолошких стања*, Гордана Штрбац, *Деривациони потенцијал афективних глагола*.

5. Даље, лексикографи у својим речницима морају да региструју деминутиве на *-ић/-чић*, а још увек не знамо, или ја не знам, од којих се именица мушкога рода гради деминутив формантом *-ић*, а од којих формантом *-чић*, а од којих и једним и другим, и да ли је то грађење и једним и другим формантом регуларно у систему за све семантичке типове именица, и оне које означавају живо биће, и оне које означавају делове људскога тела, и оне које означавају људска стања и особине, и оне које означавају предмете и појмове уопште; не знамо, такође, да ли компатибилност творбеног форманта и речи у основи зависи од њене фонемске, боље рећи фонетске структуре; не знамо, такође, да ли су наши дескриптивни речници добро поступили што су забележили *обрачунић* и *обрачунчић*, а само *рачунић*, полазећи, свакако, од потврда у грађи. Лексикографи су за ова дублетска образовања нашли неко привремено решење, док наука не да право; они по правилу поступају на следећи начин: ако је деминутив са оба форманта забележен у грађи, као одреднице се дају оба деминутива (они се не упућују један на други, већ се наводе сваки на свом азбучном месту и оба се дефинишу типском дефиницијом *дем. и хип. од...*); ако је забележен само један облик деминутива, а основна лексема је фреквентна и обична, дају се обе одреднице; ако је, пак, основна лексема у било ком погледу маркирана што се употребне вредности тиче, под условом да је забележен облик са *-ић*, даје се само деминутив са формантом *-ић*; разлог овоме лежи у примарности овога форманта. А из овога реченог следи да у случају *рачунића* лексикографи нису добро поступили – морали су успоставити и *рачунчић* полазећи од односа у деривационом систему, без обзира на прикупљене потврде, јер дескриптивни речници ипак нису корпусни речници.

6. Оваквих је непознаница и недоумица, као и, да тако кажемо, привремених решења за лексикографе много. Проблеми су општи, а до решења ће се временом долазити. Наиме, појаве у језику, па и у дериватологији, уочене су, описане и у великој мери облички и семантички класификоване. Шта недостаје? Недостаје њихова анализа с обзиром на језички систем у целини и на њихово функционосање у систему уопште. Навешћемо још који пример.

7. Аугментативи са формантом *-ина* посебан су проблем. Прво, не знамо или нисмо сигурни да ли је аугментативна семантика примарна, а секундарна пејоративна, како се најчешће тумачи². Ми не видимо разлог због кога став лица које говори о ономе о чему говори не може бити у овом случају примарна семантика, не мора се увек пејоративна семантика развијати преко аугментативне. Друго, нисмо сигурни од којих именица које именују неживе појмове деривати на *-ина* именују аугментативе *вртложина*, *каљужина*, а који именују и аугментативе и пејоративе, па из овога незнања следи типска лексикографска идентификација *ауг. и пеј. од...* Треће, и важно, не знамо, или ја не знам, да ли оваква идентификација *аугм. и пеј од...* одговара и дериватима типа *коњина*, *сомина*, *волина*, односно не знамо, или ја не знам, да ли су ово пејоративи, а боље би било рећи експресиви, од свих значења основне лексеме или само оних која се односе на људска бића

² „Као и сви аугментативи, и ови могу стећи пејоративно значење, али у главном само у речи-ма где оно проистиче из основне именице, као у *волина*, *коњина*“ (Клајн 2003: 101).

(пре ће бити да је ово друго тачно³). Четврто, такође веома важно – ми не знамо кога су рода ове именице, знамо само да оне могу бити мушког и женског рода, а лексикографско решење за ово колебање двојако је: м и ж или ж (м), и друго је решење ближе истини, а оно се своди на то да када се атрибут налази уз ове именице, он има у највећем броју случајева облик женског рода (дакле, чешће је *права волина*, него *прави волина*), а када се ова синтагма налази у именском делу предиката чији је субјекат мушког рода биће и *прави волина* и *права волина*, а то значи да ће бити и *Петар је прави волина* и *Петар је права волина* и даље, када се релативна реченица линеарно удаљена од *волине* на коју се односи, онда је та *волина* мушког рода, дакле, *Петар је волина, који је и сад показао да је то*.

7. Да закључим. Творбу речи требало би испитивати системски и у систему. А то значи да би требало испитивати категорије лексема и у категоријама појединачне лексеме. И то испитивање морало би да обухвати више процедура. Једне се процедуре тичу творбене основе, друге творбеног форманта, а треће деривата, циљне лексеме.

Неколико је процедура које се тичу творбене основе. Прва је она која се тиче граматичког статуса лексеме, испитивања њене граматичке категорије. Друга се тиче испитивања њеног деривационог статуса у лексичком систему, утврђивања да ли је она примарна или секундарна реч. Ако је примарна, посао је за дериватологе завршен. Трећа се тиче утврђивања њеног деривационог статуса у односу на лексичку морфему, односно у односу на лексему која је стожер деривационог гнезда. Четврта се тиче утврђивања њеног семског састава и према том семском саставу утврђивања лексичко-семантичке групе којој она припада. Пета се процедура тиче чисте форме и подразумева утврђивање фонемског, боље рећи фонетског састава творбене основе и дужине тога састава. Претпостављамо да ово последње може имати утицаја на компатибилност творбеног форманта и творбене основе.

Неколике се процедуре тичу и творбеног форманта. Прва се састоји у утврђивању категорије творбеног форманта, утврђивању да ли је у његовој основи префикс, инфикс или суфикс. Друга се састоји у идентификацији посебног творбеног форманта и његовом раздвајању од евентуалног њему хомонимног творбеног форманта (какав случај имамо са творбеним формантом *-ина* у, нпр., *дол-ина* и *вол-ина*). А критерије за идентификацију афиксних морфема, односно творбених форманата видимо, с једне стране, у несамосталној семантичко-категоријалној вредности која им је у основи и, с друге стране, у типу референције која је у основи добијеног деривата (нпр., две су несамосталне референцијалне вредности у лексеми *долина* : *-ина* = место и *дол-*, дакле, лексема *долина* је дво-референтна јексема; једна је несамостална референцијална вредност у лексеми *волина* ; *во* и *некакав*, али опет само *во*, дакле, лексема *волина* једнореферента је). Трећа је процедура у тражењу синонимичних форманата испитиваном форманту (нпр. *дол+ина* : *дољ+ача* и *вол+ина* и *вол+чина*).

Неколиким се процедурама испитује и у творбеном процесу добијена лексема. Прво се истражује њен основни семантички садржај и његов семски

³ На ово ми је скренула пажњу Вера Васић, уз напомену да је могуће да је *волина* аугм. од основног значења лексеме *во*, али да је готово немогуће да је то пеј. од основног значења.

састав у односу на семантички садржај и његов семски састав лексеме која јој се у творбеној основи. Затим се истражује варирање тог основног садржаја и однос секундарних семантичких реализација према основној, примарној. Друго, упо­ређује се полисемантичка структура деривата са полисемантичком структуром лексеме која му је у основи с циљем откривања сема које су у фокусу семантичког варирања и откривања њиховог даљег развијања. Треће, успоставља се лексичко-семантичка група којој посматрани дериват припада и утврђују се законитости полисемантичког развитка чланова те групе.

8. А лексикографима је све ово, и још понешто, потребно да би могли, с једне стране, идентификовати лексему о којој пружају информације и, с друге стране, да би могли учинити дефиниције информативним и што се тиче семантичког садржаја, и што се тиче регуларности варирања и статуса дате лексеме у лексичком систему.

ЛИТЕРАТУРА

- Грицкат 1967:** Ирена Грицкат: „Стилске фигуре у светлу језичких анализа“, *Наши језик*, књ. 16, Београд 1967, стр. 218–235.
- Драгићевић 2007:** Рајна Драгићевић, *Лексикологија српског језика*, Београд: Завод за уџбенике, стр. 367.
- Клајн 2003:** Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику*, други део: Суфиксација и конверзија, Београд и Нови Сад: Завод за уџбенике, САНУ, Матица српска, стр. 515.
- СДР 1:** Семантичко-деривациони речник, свеска 1: *Човек – делови тела*, редак­торке: Даринка Гортан-Премк, Вера Васић и Љиљана Недељков, Нови Сад, 2003: Филозофски факултет, стр. 373.
- СДР 2:** Семантичко-деривациони речник, свеска 2: *Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизичка стања и радње, психофизичке особине, сродство*, редак­торке: Даринка Гортан-Премк, Вера Васић и Рајна Драгићевић, Нови Сад, 2006: Филозофски факултет, стр. 774.

Darinka S. Gortan-Premk

ON FUTURE GOALS OF SERBIAN DERIVATOLOGY FROM A POINT OF VIEW OF A LEXICOGRAPHER

Summary

In this paper the procedures for the examining derivative potential of the certain categories of lexemes are suggested in order to achieve systemic designation of the position of one derivative in lexical system.

ЈЕЛЕНА Р. ЈОВАНОВИЋ СИМИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ТВОРБЕНО-СТРУКТУРНЕ И СТИЛСКЕ ОСОБЕНОСТИ ИЗВЕДЕНИЦА СА ФОРМАНТОМ *-КИ***

Сажетак. Завршетак *-ки* сада већ врло често употребљаваних изведеница (Зоки, Дуки и сл.), углавном направљених према личним именима и/или презименима и сл., инспирисан је несумњиво западним, рекло би се пре свега англо-америчким утицајем на лексику и творбени систем српског језика. Али део фонемско-морфемске грађе свакако је домаћег порекла. Аутор ће покушати да представи тренутно стање, опште значење и стилска својства тих речи.

Кључне речи: творба, изведеница, суфикс, морфема, мотивација, хипокористик, род.

1. Уводне напомене

1. Суфикс *-ки* (м.р.: *-кија*, ж. р. непром.) у српском творбеном систему новијег је постања, а помиње га једино И. Клајн у својој *Творби речи* (2003: 140). Он је тамо обрађен у класи 'домаћих' творбених средстава, и квалификован је као „хипокористични суфикс који долази на крње основе имена“. Овај је формант по Клајну објашњив „као варијанта хипокористичног *-ка* (као у *Жика* и сл. ...), уз утицај енглеских имена типа *Цеки*, *Ники*, *Роки* и сл. Тако имамо *Зоки* од *Зоран*, *Воки* од *Војислав*, *Боки* од *Божидар* и сл., *Цаки* од *Славиша* и сл., *Деки* од *Дејан* итд. Може бити и непроменљив суфикс женског рода, као *Снеки* од *Снежана*. *Мики* може бити из енглеског, али и од домаћих имена, мушких као *Милан*, *Михаило* итд. или женских као *Милица*, *Милојка* итд. *Шеки* је својевремено скраћено од презимена *Шекуларац*, али се данас употребљава и за презиме *Шешел*“.

2. Клајнова размишљања у основи су – и у неком смислу – тачна, али су непрецизна и несређена, а делом и неприхватљива.

а) Чињеница је да се *-ки* додаје окрњеним основама мушких и женских имена и презимена *Зоран*, *Зорица*, *Зорић* – *Зо-ки*; *Милан*, *Милорад*, *Милоје*, *Ми-*

---

* e-mail: jelenajo@bitsyu.net

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

лица, *Милка, Милојка, Милић, Милојевић, Милојковић – Ми-ки; Душан, Душанка, Душица – Ду-ки* итд.

б) Чињеница је да крајње *-и* није изворни елемент српскога система граматичких ознака у именица.

б1) У *Обратном речнику* М. Николића (2000) нашло се више примера апелатива са завршетком *-и*, али ниједан није изворна српска реч. Неке од њих су честе у употреби (*алиби, брѣнди, виски, грѣмби, дѣнди, дѣрби, јули, јуни, киви, лѣби, пѣни, раѣби, хѣби*), друге ретке. Већина их је у мушком роду, а мањина у женском (*бѣби, лѣди, мѣлѣди*), или, по изузетку, средњем (само називи за слова старословенске азбуке: *бѣки, вјѣди, глѣголи*). Према томе, именице на *-(к)и* не формирају род уз помоћ крајњег вокала, као што је то случај нпр. са именицама на *-а*, па донекле и *-о/-е*. Закључићемо да овде *-и* нема способност означавања рода, него се овај добија другим путем, углавном према значењу посуђенице у оригиналном систему, или према предметном значењу.

б2) У штампи често наилазимо на антропониме са крајњим *-и*, и из западних и из источних културних сфера: *Понти, Саркози, па Хилари, Кети, Мери* итд.¹

в) Факат је и да *-к-* може бити позајмљено из енглеског, али и пренесено из суфиксалног фонда српског језика. Српске изведенице наине знају за два суфикса у чијем се саставу налази *-к-*: *-ка* и *-ко*.

в1) Први је моционог карактера² (*служитељка, министарка*), али се додирује са значењем деминутивности и хипокористичности (*прашка, направка, капка; Витка, Ратка, Рушка, Снешка* и сл. ж. р.; *Жика, Дука, Лека* м. р.)³. Важно је нагласити и извесну склоност ових изведеница ка кратком силазном акценту на првом слогу⁴.

в2) Другим се граде различите изведенице, а од именица чести су хипокористичности (*баћко, роћко, жућко, шапко; Блашко, Драшко, Мишко, Мићко, Срећко*). И оне показују склоност према уопштавању кратког силазног акцента, иако не нарочито изражену⁵.

¹ Исп. у Политици током прве половине јануара 2012.:

– Шон Конери је поодавно изјавио да ће његова Шкотска постати независна још за његова живота Пол. 10. јан. 2012., 3.

– Ангела Меркел и Никола Саркози сагласни да су им привредни раст и нова радна места у евразони приоритет у решавању кризе Пол. 10. јан. 2012., 3.

– Ко гура Хилари Клинтон Пол. 10. јан. 2012., 2.

– Лионел Меси испред Роналда и Ђавија Пол. 10. јан. 2012., 34.

– Ухапшен Сами Осмакач(,) који је планирао нападе на Флориди Пол. 10. јан. 2012., 2.

– Вилијам Дејли јуче је поднео оставку на место шефа кабинета председника Обаме пол. 10. јан. 2012., 2.

– Амир Мирза Хекмати, Американац иранског порекла, осуђен у Техерану на смрт због шпијунаже за САД Пол. 10. јан. 2012., 2.

² Исп.: Ћорић 1982.

³ Исп. следећа два примера:

– Јулијана Јуца Миливојевић; Јулијана Јуца Миливојевић Пол. 9. јан. 2012., 29.

– Твоја вољена и несрећна Мићка Пол. 14. јан. 2012., 32.

⁴ В. и: Стевановић 1991: 480-481.

⁵ Уп.: Бабић 1986: 256-257.

г) Познат је, међутим, и суфикс *-ке* (*-кета*): *Митке, Симке, Рилке, Словке*, м.р.), који је ограничен на југ и исток српске језичке територије, али неким примерима снажно зрачи на цео српски језички простор (чувени *Митке* из Станковићевог дела)⁶.

3. Вратимо ли се сада изведеницама са *-ки*, о њиховој структури разложно је закључити следеће.

а) Прво, можемо са великом сигурношћу утврдити да је први елемент суфикса највећим делом настао аналогично према изведеницама са крајњим *-ка* и *-ко*. Енглески модел вероватно такође није од мањег утицаја. Сетимо се само чувеног *Микија Мауса* из цртаних филмова и његовог утицаја на генерације младих широм света⁷. Други део је и по фонолошко-морфолошком лику и по функцији (*-и* је неубичајан завршетак именских речи у српском језику; *-и* нема одређено значење рода) – страног порекла.

б) Друго, наставак *-ки* у српском језику се употребљава за творбу хипокористика првенствено од личних имена.

в) Примери показују да се окрњена основа састоји од (консонанта и) вокала, и да је прозодијски потпуно типизирана – увек носи кратки силазни акценат. Суфикс по природи српске прозодије не може бити акцензован.

4. У овом раду размотрићемо неке додатне моменте којима ће донекле бити употпуњена и прецизирана слика о суфиксу *-ки*.

2. Анализа грађе

1. Наша грађа састоји се из двојаког корпуса – експерименталног, на једној страни, и ексцерпцијом утврђеног, на другој.

2. Експеримент је спроведен на случајном корпусу, чију основу чине спискови студената који су полагали неке предмете на Филолошком факултету у Београду (Септ. 2011/2012). Експериментални фондус представљају изведенице које смо ми приложили именима и презименима са списка. Условљен је нашим осећањем за ту материју, и може бити да не одговара оптимуму употребе суфикса *-ки*, али свакако одговара неком просеку српске говорне културе. Ево списка:

⁶ Исп. неколике примере:

– Наске, кројач народног одела, доскора на углу ул. Ивићево и Тошиног бунара у Земуну.
– Симке маркет, Симке агенција, Нови Београд, Булевар Авноја 149.
– В. и једну од захвалница политички ликвидираним др Боројевићу: „Е, мој куме – ’Ипак те нешто зболо и бацило у море’. Нека ти је вечна слава и хвала. – Твој кум *Савке* Пол., 14. јан. 2012., 30.

⁷ Fascinantna је вест у Политици од 10. јан. 2012., стр. 3: „ЉУДИ И ДОГАЂАЈИ:

– Прослава пунолетства уз *Микија Мауса*: Младе Јапанке које ће ове године напунити 20 година, обучене у кимоно, играју са *Микијем* и *Мини Маус* и осталим *Дизнијевим* јунацима...“.

- АДАМОВИЋ Милка / Мики
 АНДРЕЈЕВИЋ Јасмина
 АНЂЕЛИЋ Љиљана – Љики
 АНЂЕЛИЋ Ружица – Руки
 АНЂЕЛКОВИЋ Светлана
 АНТИЋ Христина
 БАЈЧЕТА Бранка – Баки
 БЕГОВИЋ Катарина – Кети
 БИНИЋАНИН Сандра – Саки
 БОГДАНОВИЋ Ивана – Боки / Ики
 БОГДАНОВИЋ Светлана – Боки
 БОЖОВИЋ Јелена – Боки / Јеки
 БОЈОВИЋ Ана – Боки
 БОШЊАКОВИЋ Александра – Боки
 БРАНКОВИЋ Јелена – Јеки
 БУДИМЛИЈА Дејана – Деки
 ВЕЉКОВИЋ Јасмина – Веки
 ВИТОШЕВИЋ Александра – Вики
 ВИТОШЕВИЋ Марија – Вики / Маки
 ВУКОВИЋ Јелена – Јеки
 ВУКИЋЕВИЋ Невена – Неки
 ГАЗДИЋ Сара – Саки
 ГАЉАК Данијела – Даки
 ГОГИЋ Душица – Дуки
 ГОЛУБИЋ Јулијана
 ГРКОВИЋ Сања – Саки
 ГРКОВИЋ Слађана
 ГРУЈИЋ Јелена – Јеки
 ДЕСПИЋ Маријана – Деки / Маки
 ДИМИЋ Маја – Маки
 ДОБРИЋ Дубравка – Дуки
 ДРИНЧИЋ Ива – Ики
 ДУМИЋ Јелена – Дуки / Јеки
 ЂОКИЋ Адријана
 ЂОРЂЕВИЋ Александра
 ЂОРИЋ Јована – Јоки
 ЂУКОВИЋ Јасмина – Ђуки
 ЂУКИЋ Радмила – Ђуки / Раки
 ЂУРЂЕВИЋ Маријан – Ђуки / Маки
 ЂУРИЋ Александра – Ђуки
 ЂУРИЋ Марија – Ђуки / Маки
 ЂУРИЋ Светлана – Ђуки
 ЕРИЋ Невена – Неки
 ЖИВИЋ Андреа – Жики
 ЖИКИЋ Дијана – Жики / Дики
 ЗАРИЋ Биљана – Заки / Бики
 ЗАФИРОВСКИ Наташа – Заки / Наки
 ЗЕКОВИЋ Верица – Зеки / Веки
 ЗЕЧЕВИЋ Олга – Зеки / Оки
 ИВИЋ Славица – Ики
 ИЛИЋ Маја – Ики / Маки
 ЈАКОВЉЕВИЋ Јадранка – Јаки / Јаки
 ЈЕЛИСАВЧИЋ Бранка – Јеки / Баки
 ЈОВАНОВИЋ Данијела – Јоки / Даки
 ЈОВАНОВИЋ Марина – Јоки / Маки
 ЈОВИЋ Александра – Јоки
 ЈОВИЋ Невена – Јоки / Неки
 ЈОТИЋ Слободан – Јоки
 ЈУРИШЕВИЋ Марија – Јуки / Маки
 КАРАКЛАЈИЋ Милена – Мики
 КАРАКЛИЋ Весна – Веки
 КАРАЦИЋ Марија – Маки
 КЕКЕРИЋ Ивана – Ики
 КНЕЖЕВИЋ Велимир – Веки
 КОВАЧ Ксенија
 КОЛАКОВИЋ Маријана – Маки
 КОМАРИЦА Јелена – Јеки
 КОМАРИЦА Мирјана – Мики
 КОЛАКОВИЋ Маријана – Маки
 КОСТИЋ Душица – Дуки
 КОЦИЋ Јована – Јоки
 КРАГУЉАЦ Јован – Јоки
 ЛАЛОВИЋ Перица – Лаки / Пеки
 ЛАТИНОВИЋ Срђан – Лаки / Срки
 МАКСИМОВИЋ Драгана – Маки
 МАНИЋ Ивана – Маки / Ики
 МАРИНКОВИЋ Даниела – Маки / Даки
 МАРИЋ Наташа – Маки / Наки
 МАРКОВИЋ Драгана – Маки
 МАТИЋ Марија – Маки / Маки
 МАТИЋ Мирјана – Маки / Мики
 МАТОВИЋ Ана – Маки
 МАТОВИЋ Марија – Маки / Маки
 МИКАВИЦА Јелена – Мики / Јеки
 МИЛАКОВИЋ Дијана – Мики / Дики
 МИЛЕТИЋ Александра – Мики
 МИЛОШЕВИЋ Марјан – Мики / Маки
 МИЛОШЕВИЋ Милена – Мики / Мики
 МИЛИЋ Катарина – Мики
 МИЛИЧКОВИЋ Марја – Мики / Маки
 МИЉКОВИЋ Вања – Мики
 МИНИЋ Снежана – Мики / Снеки
 МИТИЋ Јелена – Мики / Јеки
 МИХАЈЛОВИЋ Даница – Мики / Даки

МОМЧИЛОВИЋ Александра	СВИРАЦ Јована – Јоки
НЕДЕЉКОВИЋ Бранислава – Неки / Баки	СИМИЋ Сања – Саки
НЕДЕЉКОВИЋ Лидија – Неки / Лики	СИМИЋ Сандра – Сики / Саки
НЕДЕЉКОВИЋ Милена – Неки / Мики	СРЕДИЋ Милица – Мики
НИКОЛАЈЕВИЋ Маријана – Ники / Маки	СОКОВИЋ Јелена – Јеки
НИШЕВИЋ Ана – Ники	СТАНИЋ Дуња – Стаки / Дуки
НЕШИЋ Марија – Неки / Маки	СТАНКОВИЋ Ивана – Стаки / Ики
ОБРАДОВИЋ Јелена – Оки / Јеки	СТЕВАНОВИЋ Маја – Стеки / Маки
ПАВЛОВИЋ Дејан – Деки	СТЕВИЋ Сандра – Стеки / Саки
ПАВЛОВИЋ Мирјана – Мики	СТОЈАНОВИЋ Катарина
ПАВЛОВИЋ Олгица – Оки	СТОЈАНОВИЋ Миљана – Мики
ПАНТЕЛИЋ Ивана – Ики	СУБАНОВИЋ Ивана – Суки / Ики
ПАНТОВИЋ Весна – Веки	ТАДИЋ-КНЕЖЕВИЋ Ивана – Ики
ПАУНОВИЋ Јелена – Јеки	ТАНОВИЋ Тијана – Тики
ПЕРИЋ Милоје – Пеки / Мики	ТОМИЋ Драгана
ПЕТРОВИЋ Далиборка – Пеки / Даки	ТОРЛАКОВИЋ Ивана – Ики
ПЕТРОВИЋ Нина – Пеки / Ники	ТРИШИЋ Слободанка
ПЕТРОВИЋ Снежана – Пеки / Снеки	ТРНАВАЦ Ана
ПОПОВИЋ Алекса	ЋУРКОВИЋ Јована – Ћуки / Јоки
ПОПОВИЋ Александра	ЋУРКОВИЋ Јованка – Ћуки / Јоки
ПОПОВИЋ Маја – Маки	УРОШЕВИЋ Дајана – Уки / Даки
ПРОДАНОВИЋ Немања – Неки	ФИЛИПОВИЋ Бисерка – Фики / Бики
РАДИНОВИЋ-ЛУКИЋ Ана – Раки	ФИЛИПОВИЋ Мила – Фики / Мики
РАДЕНКОВИЋ Марија – Раки / Маки	ФИЛИПОВИЋ Филип – Фики / Фики
РАДОВАНИОВИЋ Бојан – Раки / Боки	ФРИДЛ Ирена – Ики
РАДОВАНОВИЋ Марија – Раки / Маки	ЦАЛИЋ Марија – Чаки / Маки
РАДОВАНОВИЋ Милош – Раки / Мики	ЦВЕЈИЋ Неда – Неки
РАДОЈИЧИЋ Јасмина – Раки / Раки	ЦВЕТКОВИЋ Александра
РАТКОВИЋ Бранкица – Раки / Баки	ЦВЕТКОВИЋ Сања – Саки
РИСТИВОЈЕВИЋ Милован – Рики / Мики	ЦУПАРИЋ Јелена – Цуки / Јеки
РОДИЋ Николина – Роки / Ники	ЧОВИЋ Александра
САВИЋ Гордана – Саки	ШУБАРИЋ Луција – Шуки
САВИЋ Наташа – Саки – Наки	

3. Списком је обухваћено укупно 159 студената, али број лексема је знатно мањи од 318, колико бисмо очекивали да износи општи збир њихових антропонима и патронима. Услед понављања истих лексема, збир антропонима је свега 93, а патронима 130. Преглед облика упућује на закључак да у погледу творбених потенцијала постоје знатне разлике међу нашим лексичким јединицама: једне допуштају творбу изведених именица са суфиксом *-ки*, друге је трпе, али немају посебног афинитета према њима, док треће искључују такву могућност.

3.1. Упадљив је факат да се према презименима ређе јављају ове изведенице него према именима. Како се код њих не разликује род у српском језику, прегледаћемо их заједно.

а1) Навешћемо најпре све лексеме овога реда са почетним вокалом, и размотри их. АДАМОВИЋ – Ø; АНДРЕЈЕВИЋ – Ø; АНЂЕЛИЋ – Ø; АНЂЕЛКОВИЋ

– Ø; АНТИЋ – Ø; ЕРИЋ – Ø; ИВИЋ – Ики; ИЛИЋ – Ики; ОБРАДОВИЋ – Оки; УРОШЕВИЋ – Уки. Можда би се насилним намицањем могао добити још који изведени облик, али би се и даље остало при јаком дефициту у творби ових изведеница. Уз то, и ове што смо ми створили нису баш убедљиве. Но да погледамо услове творбе: од 4 случаја, у три је нескраћена основа имала после почетног вокала један консонант, а једном, код Обрадовића, два. Но сви су они замењени консонантом *к*, одстрањени су дакле из творбеног облика изведенице.

а2) Другу групу наших примера чине лексеме са два или више почетних консонаната. Она је дељива у две секције, с обзиром на поствокалску позицију.

(1) Једном је у тој позицији један консонант: ГРУЈИЋ – Ø; КРАГУЉАЦ – Ø; ПРОДАНОВИЋ – Ø; СВИРАЦ – Ø; СРЕДИЋ – Ø; СТАНИЋ – Стаки; СТЕВАНОВИЋ – Стеки; СТЕВИЋ – Стеки; СТОЈАНОВИЋ – Ø; ТРИШИЋ – Ø; ФРИДЛ – Ø; ЦВЕЈИЋ – Ø. – Можда би неке природно звучало и Проки према Продановић, Трики, Фрики, Цвеки према Тришић, Фридл, Цвејић, али се нама и Стаки, Стеки чине натегнутим. Констатујемо заправо да презимена са више од једног консонанта на почетку основе нису нарочито склона овом творбеном трансферу.

(2) Нарочито су отпорне на употребу нашег творбеног модела именице са два или више консонаната у средини: ДРИНЧИЋ – Ø; БРАНКОВИЋ – Ø; СТАНКОВИЋ – Стаки; ЦВЕТКОВИЋ – Ø. Као Стаки, могло би и Баки, Цвеки, према Бранковић, Цветковић. Али те две творенице су још неупотребљивије од наведене.

а3) Све остало су речи са једним консонантским елементом у иницијалном положају. А и те се речи разликују по запоседнутости поствокалске позиције основе, до које допире структурни склоп скраћене творбене основе за изведеницу на *-ки*.

(1) У једном случају та је позиција незапоседнута, што значи да после првог вокала основе следи други вокал без консонантског прелаза: ПАУНОВИЋ – Ø. Извођење по нашем моделу није својствено тој основи (Паки је сасвим необично).

(2) Није безначајна, боље рећи сасвим је добро бројно заступљена, и група примера са једним консонантом на почетку и два или више после првог вокала: БАЈЧЕТА – Баки; БОГДАНОВИЋ – Боки; БОШЊАКОВИЋ – Боки; ВЕЉКОВИЋ – Веки; ГАЗДИЋ – Ø; ДЕСПИЋ – Деки; ДОБРИЋ – Ø; ЋОРЂЕВИЋ – Ћоки; ЋУРЂЕВИЋ – Ћуки; КОСТИЋ – Ø; МАКСИМОВИЋ – Маки; МАРКОВИЋ – Маки; МИЉКОВИЋ – Мики; МОМЧИЛОВИЋ – Ø; ПАВЛОВИЋ – Ø; ПАНТЕЛИЋ – Ø; ПАНТОВИЋ – Ø; ПЕТРОВИЋ – Пеки; РАТКОВИЋ – Раки; РИСТИВОЈЕВИЋ – Рики; ЋУРКОВИЋ – Ø. Уопште узев, непојмљиво је зашто је могуће Баки од Бајчета, Боки од Богдановић, Бошњаковић, Веки према Вељковић, Деки према Деспих итд. – а недопуштено је Гаки према Газдић, Паки према Павловић, Пантовић и сл., или слабо Доки према Добрић, Ћуки према Ћурковић и др. Али кад се погледа фонолошки састав недопустивих форми, види се да је његов тоналитетски код музички неприхватљив – делује какофонично, у једним приликама, или буди непријатне асоцијације на блиске склопове са пејоративним, опсценим или сл. значењем, у другим.

(3) Група презимена са једним консонантом пре почетног вокала, и једним после њега у функцији мотивских речи, далеко је најбројнија од свих осталих заједно. Немамо разлога наводити их поново у пуном броју (има их 79), јер се на општем списку јасно види њихова бројна претежитост. Узећемо само петнаест последњих примера на списку, и размотрити их: РОДИЋ – Роки; САВИЋ – Саки; СИМИЋ – Сики; СОКОВИЋ – Соки; СУБАНОВИЋ – Суки; ТАДИЋ-КНЕЖЕВИЋ – Ø; ТАНОВИЋ – Ø; ТОМИЋ – Ø; ТОРЛАКОВИЋ – Ø; ТРНАВАЦ – Ø; ФИЛИПОВИЋ – Фики; ЦАЛИЋ – Цаки; ЦУПARIЋ – Цуки; ЧОВИЋ – Ø; ШУБАРИЋ – Шуки. Овде по нашем језичком осећању доминирају речи са могућношћу извођења хипокористика на *-ки*. Наравно, у неким приликама неприхватљиво делује на сам слух евентуални покушај творбе наших изведеница: Соки, Таки, Трки, Чоки или сл. често вређа ухо слушаоца.

3.2. Рекосмо горе да су имена податнија творбеном трансферу у наше хипокористике од презимена. То је видно на списку који је наведен, а биће јасно и из прегледа тога дела грађе, који следи. И она се, иако је једноставнијег састава, може разврстати слично презименима. Наравно, овде је стање утолико компликованије што се имена јављају и у мушком и у женском роду.

3.2.1. Како је мушких имена, у складу са саставом студентског корпуса на Филолошком факултету, далеко мање, тако је и опис нужно једноставнији. Наиме, од укупно 78 антропонимских јединица на нашем списку свега 14 их је м. р.

а) Једна започиње вокалским елементом: Алекса – и не познаје хипокористик са суфиксом *-ки*.

б) Остале на почетку имају консонант: Бојан – Боки; Велимир – Веки; Дејан – Деки; Јован – Јоки; Маријан – Маки; Марјан – Маки; Милован – Мики; Милоје – Мики; Милош – Мики; Немања – Неки; Перица – Пеки; Слободан – Ø; Филип – Фики. Упадљив је факат да сем једног имена, сва остала према себи трпе хипокористик на *-ки*. Можда су Јоки и Фики неуверљиви, али у нашој околини се јављају имена, и код неких говорника нашег језика чује се тај облик према њима. Не би се рекло да су то избирљиви стилистичари, али реалност је неумољива: они тако говоре. Друго што би се морало констатовати поводом наведених примера – јесте да је састав хипокористичке лексике једнообразан, катакада и без могућности варијације. Видимо, наиме, да је Маки стављено уз Маријан и Марјан, што није необично, а да Мики одговара Миловану, Милоју, Милошу, што је мало необично.

3.2.2. Збир од 64 женска имена статистички је вредан пажње.

а) Неколика започињу вокалом: Адријана – Ø; Александра – Ø; Ана – Ø; Андреа – Ø; Ива – Ики; Ивана – Ики; Ирена – Ики; Олга – Оки; Олгица – Оки. Почетно *а-* не трпи суфикс *-ки*, док остала два вокала допуштају творбу хипокористика тога модела.

б) Сви остали на почетку основе имају један консонант, а творба хипокористика на *-ки* допуштена је код већине: Биљана – Бики; Бисерка – Бики; Верица – Веки; Весна – Веки; Далиборка – Даки; Даница – Даки; Данијела – Даки; Дејана – Деки; Дијана – Дики итд. Наводимо пун списак само за примере у којих тај или сл. модел није применљив: Вања, Јасмина, Јулијана, Ксенија, Светлана, Славица,

Слађана, Христина. Нису све основе једнако одбојне према суфиксу *-ки*. Јаки и Јуки, па Свеки и Сваки – делују само мање или више смешно, док је Ксеки и Хрики једноставно немогуће.

в) Именица Бранка и сродне њој – упрошћавају почетну групу консонаната: Бранислава – Баки; Бранка – Баки; Бранкица – Баки.

г) Вредна је пажње и околност да неке основе додуше не прихватају наш творбени модел, а ипак допуштају према себи хипокористик са крајњим *-и*: Гордана – Гоги; Драгана – Гаги⁸; Катарина – Кети; Луција – Луси. Потоња два случаја преузета су у готовом виду са стране, а прва два су оригиналне творенице.

3.3. Закључујући овај део расправе, истаћи ћемо неке важне моменте. Прво, број основа антропонимских и патронимских лексема које допуштају творбу хипокористика суфиксом *-ки* – мање-више је ограничен. Друго, врло је ограничен и број хипокористичких форми. То смо већ видели у анализи, а потврдићемо и накнадним навођењем примера из последње групе: Веки стоји према Велимир, Верица, Весна; Даки према Далиборка, Даница, Данијела; Деки се твори од основе речи Дејан и Дејана; не особито успело Маки стоји ми насупрот именима Маја, Марија, Маријан, Маријана, Марина, Марјан; а Мики према себи има скоро десет основа: Мила, Милена, Милица, Милка, Милован, Милоје, Милош, Миљана, Мирјана. Кад у обзир узмемо приличну скученост данашњег антропонимског система српског⁹, онда постаје јасно колика је једноличност хипокористика о којима говоримо, и какав је њихов стилски потенцијал. Зато се заправо код њих и не осећа нијанса хипокористичности – излињала је брже него што је модел и доживео овакву експанзију какву данас показује.

4. Други део корпуса који истражујемо чине ексцерпције из Политике, из рубрике 'читуље', из почетних дана јануара 2012., и из Поштиних Жутих страна, дакле телефонског именика Србије (Тис).

4.1. Прво ћемо обрадити примере из Политике. Наводимо целину грађе, коју ћемо пропратити збирним коментаром:

Вери Ђурчић – Илинка, *Нели* и Влада Пол. 4. јан. 2012., 27

...зетови *Мики* и Драган... Пол. 4. јан 2012., 28

СЕГИ Моја прва љубави, увек ћеш бити део мог бића – Твоја Оги (Друга анонса: Сергеј)

Драги наш *МИКИ* не можемо да поверујемо... – Твој тата, *Уки* и Цаца Пол. 5. јан. 2012., 38

Милорад *Мики* Радосављевић... Пол. 5. јан. 2012., 40

...унучад Анђела, Томислава, Давор, *Тони* Пол. 8. јан. 2012., 32

...синовац *Боки* Пол. 8. јан. 2012., 32

...Стевица Радусин, Чобе, Заре, Пеза, Иса, Бата, *Зоки*, Баца Шљампа, Даровац, Саша Златар, Бата Брања, Гуда, Неша, Зоран Бизић, Ервин, Мићко, Љиља, Шваба, Влатко,

⁸ И Драган, в.: Наш драги ДРАГАН АЛЕКСИЋ *ГАГИ*... Пол. 7. јан. 2012., 32.

⁹ Помодни 'трендови' често воде униформизацији: име Марија нпр. забележено је 9 пута, а Јелена и читавих 10 пута

Џони, Келе, Нећко, Чокац, Машан, Пеђа, Гавре, Никола, Драган, Ерцеговић, Бане, Дуда Креја Пол. 7. јан. 2012., 30

Најдражој *Мими* коју ћу увек памтити Пол. 7. јан. 2012., 31

...унучад Анђела, Томислава, Давор, *Тони* Пол. 8. јан. 2012., 32

...синовац *Боки* Пол. 8. јан. 2012., 32

...*Стеки*, Миљко, Миша и Радић Пол. 9. јан. 2012., 30

...Од твојих најбољих пријатеља: Владе, Копре, Фистеа, *Џонија*, Страхиње, *Пекија*, Србе, Цвејића, Марковића, Давида, Дарија и Марета Пол. 9. јан. 2012., 30

Биљана Михајловић *Баки* 9. јан. 2012., 31

Драга *МАКИ* – шта ћу ја сад? – *Маки* моја, нема речи да опишу сву бригу, пажњу и љубав коју си ми пружила...; Драга *ОЛИВЕРА* – остали смо неми... Пол. 10. јан. 2012., 29

СЛАВКУ – Зоран Синиша, Бранко, Милош, Мира, *Зоки*, Лаза, Чеда, Тома Пол. 10. јан. 2012., 30

ДРАГАНУ – Твоји: Ђоле, Даца, *Лоли* и Петра Пол. 10. јан. 2012., 32

Профо, надам се да си отишао на неки други свет који те више заслужује. Последњи поздрав

– *Мики* Вишњић Пол. 13. јан. 2012., 31

Последњи поздрав нашој Милијани *Мики* Милутиновић Пол. 13. јан. 2012., 33

Неутешни: кћерке Милица, Нада, Зетови Драго, *Тончи*... Пол. 13. јан. 2012., 34

Стојићевић Радомир – *Рики* Пол. 13. јан. 2012., 34

...НЕВЕНА ХАШИМБЕГОВИЋ – својим одласком оставља дубоку празнину. – Заувек ће је волети и памтити: *Хамби*, Цица, Мирза, Уфко, Калед, Хана, Керима, Аида, Омар, Селма, Алма, Емир, Атила и други блиски сродници Пол. 14. јан. 2012., 30

...ДУШАН РАДИЋ – пензионер Хитне помоћи... / Драги наш *ДУКИ* – Увек си био и бићеш у нашим срцима... Пол., 14. јан. 2012., 30

а) Већину ових примера чине хипокористици на *-ки*, мушког и женског рода. Када су у питању имена умрлих, високо су емоционално уздигнути, пре свега околностима у којима су употребљени, али и сопственим експресивним потенцијалом. У ублаженом виду, као понуда пријатног сећања, обе ове нијансе заступљене су и у именима ожалашћених.

б) У мањини су речи са крајњим *-и*, а без претходног *-к-*, и тада су то по правилу страна имена разноврсне провенијенције: *Хамби*, *Џони*, *Тони*, *Тончи*, *Сеги*, *Нели*, *Лоли*. Код неких се осећа хипокористични призвук, код других не.

На овом месту дужни смо читаоцу дати напомену о стварном статистичком опсегу фонда хипокористичких изведеница са крајњим *-и*, уопште, и са суфиксом *-ки* посебно. Мислимо да некакву индикацију у том смеру чине спискови ожалашћених у понеким анонсама које смо цитирали. Свуда је, наиме, заступљена по једна или две речи тога реда у списковима који понекад садрже и по десетак имена. То би значило да употреба хипокористика на *-ки*, не прелази 10% укупног броја хипокористичких имена код нас, без обзира што је у неким деловима популације – нпр. код младих – врло честа.

4.2. Смисао ексцерпције последњег дела грађе, онога из телефонског именика, управо је двојака. На једној страни да се покаже у којој мери су хипокористици на *-ки* прожели именовани фонд српског вокабулара, и на другој – да видимо шта се дешава кад хипокористик добије статус имена. Навешћемо примере:

Јанковић Мики, Нишка 6/а
 Панајотов Мики, Марине Цветајево 18
 Ределовић Мики, Михајла Шолохова 85/а
 Ристић Мики, Шопић б/б
 Ставрић Мики, Равногорска 16/1
 Вицулин Вики, Вељка Петровића 153/3
 Виријевић Вики, Душана Вукасовића 29/5, Јурија Гагарина 208/42

Именик је званични документ. Ако је у њега унесен хипокористик, он свакако звучи неумесно, као што су неумесни и неки хипокористици по себи. Но очито се ради о смешној прециози, о давању имена по 'уметничким' именима естрадних звезда. Али у нашој грађи се, како видимо, нашло свега неколико људи са таквим именима, па нам се не треба даље бавити тим проблемом. Додаћемо стога још нека уметничка имена која су нам тренутно при руци:

Боки Милошевић, музичар
 Виолета Миљковић Вики, певачица
 Предраг Мики Манојловић, глумац
 Мики Јевремовић, певач
 Снежана Снеки Бабић, певачица
 Миомир Мики Стаменковић, филмски редитељ

3. Закључак

Остаје нам да сажето формулишемо резултате дискусије, који су се већ и током анализе наметали сами по себи.

(а) Прво питање на које се може покушати одговорити после прегледа грађе, јесте: који би творбени модел у српском творбеном систему могао бити најближи узор изведеницама на *-ки*. Најтачнији одговор био би: тип *Дука*, *Жика*, *Лека* и сл., као и тип *Снешка*, *Љупка* и сл. Скраћену основу чини део мотивске речи до краја првог вокала (*Живодјин* – Жй-ка), а уместо акцента мотивске речи јавља се типизирани кратки силазни на скраћеној основи.

(б) Друго о чему се у овом контексту може расправљати, јесте порекло елемента *-к-* у суфиксу. Колико је вероватно да је он унесен као део готовог суфикса *-ки*, толико је, и још више, у праву ко тврди да је аналогија према суфиксу *-ка*, из поменутих и њима сличних случајева – била меродавна за уобичење нашег суфикса. Ако је то истина, а по свему судећи јесте, суфикс *-ки* морао би се прогласити мешовитим: у консонантском делу материјал за њега домаћег је порекла, а у вокалском – страног.

(в) Даље, без обзира на сву експанзивност овога творбеног модела, постаје јасно да он подлеже знатним ограничењима у освајању антропонимског фонда српског језика, а у апелативну сферу готово и не задире.

(г) У вези са експанзивношћу стоји једноставна форма ових изведеница, не само по броју фонема које обухвата (обавезно само четири: два консонанта и два вокала), него и једноличност тога састава. То ствара монотонију и сиромаштво у лексичком фонду тих речи – дакле у крајњој линији условљава стилску атрофију његову.

(д) Но и поред велике учесталости хипокористичних изведеница на *-ки* код неких категорија становништва и у модненој сфери културног и супкултурног живота, њихово учешће у општем фонду именословних речи није превисок, па се не треба бојати њихове даље превелике експанзије, нити даљем упрошћавању и огољавању именослова српског. Мода захвата поједине области материјалног и духовног живота, држи се неко време, а затим бива отплављена новим догађајима и новим навикама. И ширење ових хипокористика по свему судећи има обресе помодне појаве, која као и иначе што се дешава са модом, неко време одушевљава свет, затим се испод лажног мајестетства пробије комична страна њена, и сви од ње одвраћају поглед, каткад са ироничним осмехом, каткад с гнушањем.

ИЗВОРИ

Пол. 2012: Политика, јануар.

Спст. 2011/2012: Спискови студената који су полагали неке предмете на Филолошком факултету у Београду.

ТиС: Телефонски именик Србије.

ЛИТЕРАТУРА

Клајн 2003: Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику*, други део, Београд и Нови Сад: Институт за српски језик, Завод за уџбенике и Матица српска.

Николић 2000: Мирослав Николић, *Обратни речник српскога језика*, Београд: Матица српска и Институт за српски језик.

Ђорић 1982: Божо Ђорић, *Моциони суфикси у српскохрватском језику*, Београд: Филолошки факултет.

Стевановић 1991: Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик II*, пето изд., Београд: НК.

Бабић 1986: Stjepan Babić, *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Zagreb: JAZU i Globus.

Jelena R. Jovanović Simić

WORTBILDLICH-STRUKTURELLE UND STILISTISCHE EIGENSCHAFTEN
DER DERIWIERTEN SUBSTANTIWA MIT DEM FORMANT *-ki*

Zusammenfassung

Der Autor hat sich in dieser Arbeit mit den deriwierten Substantiva vom Typ 'Miki', 'Zoki', 'Veki' usw. befasst. Suffix *-ki* erklart sie als Mischbildungen aus zweierlei Elementen: zum teil aus heimischem, und zum anderen Teil aus fremdem Material.

ДУШКА Б. КЛИКОВАЦ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

О СЕМАНТИЦИ ГЛАГОЛСКОГ ПРЕФИКСА УЗ-**

Сажетак. Рад је посвећен значењима глаголског префикса уз-. У обзир се узимају сви глаголи који садрже тај префикс а наведени су у *Речнику српскога језика*. Описују се његова конкретна и апстрактна значења, формулишу се метафоре које леже у основи апстрактних значења, утврђују се видски ликови глагола који га садрже и разматрају се значењски односи између префикса уз- и других префикса. Описују се и главни творбени модели за грађење префиксала са уз-.

Кључне речи: српски језик, семантика, когнитивна семантика, творба речи, глаголи, префиксација, префикс уз-, префикс за-, префикс раз-, метафора.

1. Увод

1.1. Предмет овог рада јесу значења глаголског префикса уз-. Она су, детаљније или мање детаљно, описивана у једнојезичним речницима нашег језика (*РМС, РЈАЗУ*), у граматицама (Стевановић 1975, Стевановић 1979, Барић и др. 1979, Силић и Прањковић 2005), монографијама о творби речи (Белић 1949, Бабић 1986, Клајн 2002), а помињана су и у другим радовима (Грубор 1953, Грицкат 1966–1967).

Ми желимо да његову семантику опишемо на теоријско-методолошким основама когнитивне семантике (за добар преглед основних идеја в. Лејкоф 1982, Лејкоф 1987, Тејлор 1989, а у домаћој литератури Кликовац 2006, Расулић 2008). Полазимо, наиме, од следећих претпоставки.

- Лексичке категорије имају прототипску, мрежну структуру: постоји прототип – најбољи пример категорије, на који се, неким сличностима с њим, надовезују њени други, „мање добри“ представници.

- У семантичкој структури примарна су конкретна, просторна значења, од којих се она мање типична изводе од типичног минималним просторним трансформацијама. Просторна значења се често могу представити и графички.

- Апстрактна значења се од конкретних изводе појмовним метафорама.

---

* e-mail: klikovac@fil.bg.ac.rs

** Овај рад је настао у оквиру пројекта *Српски језик и његови ресурси: опис, теорија и примена* (пројекат бр. 178006), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

Тај се приступ разликује од традиционалних пре свега по настојању да се утврди унутрашња организација категорије, тј. да се различита значења речи – па и предлогâ, а с њима и префиксâ – не само попишу него и међусобно повежу и мотивишу једна другима;¹ наиме, везе међу значењима сматрају се важнима за језичко осећање, а стога и за семантички опис. У вези с тим, значај се придаје и менталним сликама, које се сматрају делом конвенционалног (дакле, надинди-видуалног) језичког значења (в. и Кликовац 2006а).²

Разматрајући значења префикса *уз-*, поменућемо и најважније синонимске и антонимске односе с другим префиксима.

Корпус истраживања сачињавају глаголи с овим префиксом који су забележени у *РСЈ*. Њихов тачан број не можемо тачно навести, јер границу између префикса *уз-* и *у-* није могуће јасно повићи (више о томе у т. 1.2. и 3); ипак можемо рећи да их има око четири стотине.

Методолошки поступак је био следећи. Најпре смо из *РМС* издвојили глаголе с префиксом *уз-*, а затим смо их разврстали према значењима префикса (која смо утврђивали на основу речничких дефиниција и наведених примера); у неким спорним случајевима консултовали смо и *РЈАЗУ*. У *ОР* смо потражили који све префиксали постоје од истог основног глагола, а затим у *РМС* и, по потреби, у *РСАНУ*, проверили која значења имају, да бисмо утврдили евентуалне односе између *уз-* и других префикса. На крају смо из корпуса уклонили глаголе које *РСЈ* није узео у обзир, а додали један који *РСЈ* садржи а нема га у *РМС*: *узнервозити се*.

Напомињемо да је анализа која следи синхронијска и да смо се у њој нужно ослањали на сопствено језичко осећање – а оно, као и свако језичко осећање, укључује аналогije које не морају имати историјско упориште. Другим речима, свесни смо тога да би нека етимолошка анализа можда у неким случајевима дошла до другачијих резултата. Верујемо, ипак, да то не дискредитује целокупан овај подухват.

1.2. Префикс *уз-* има следеће аломорфе:

- *уз-*, који се налази испред основа које почињу на самогласник или звучни сугласник осим *з*, *ж*: *узблебетати се*, *узвикнути*, *уздрмати*, *узмакнути*, *узорати* итд.;

- *ус-*, испред основа које почињу на безвучни сугласник осим *ч*, *ћ*, *с*, *ш*: *ускликнути*, *успаничити*, *усталасати*, *усфалити*, *усходати се*, *усцврквати се* итд.;

- *уш-*, који се јавља испред основа које почињу на *ч* и *ћ*: *ушчврљати се*, *ушћерати се* итд.;

¹ Лејкоф (1987) истиче да се проширивање категорије на нерепрезентативне чланове може објаснити, али не и предвидети – у чему и лежи суштина мотивисаности.

² На тај начин је у српском језику обрађен још глаголски префикс *раз-* (Кликовац 2004: 167–188).

• у-, испред основа које почињу са *з, с, ж, ш*: *узвиждукати се, узибати се, узборовати, ужагорити се, ужуборити се, ужагрити (се), ушеврдати се, ушарати*, вероватно и *уживети, усоптити*.³

Јавља се, врло ретко, и аломорф *уза-*, испред неких сугласничких група или *ж*, и често са алтернативама без непостојаног *а*; наводимо све примере које смо пронашли: *узабранити, узабрати* (поред *узбрати*), *узаврети, узаждити* (поред *уждити*), *узаживети* (поред *уживети*), *узазвати, узазлити се* (поред *узлити се*), *узазнати, узасјати, узаслонити се* (поред покр. *услонити*), *узасметати, узаткати, узахтети* (поред *ухтети*). Аломорф *уза-* јавља се и у глаголу *узанети се*, иако за њега не постоје фонетски разлози; он, међутим, разликује тај глагол од глагола *успети се*, који има сасвим другачије значење.

На лик *уж-* нисмо наишли, мада би се лако могао замислити глагол *ужжилитати се*.⁴

1.3. Префикс *уз-* се углавном додаје глаголима, и то несвршеним, које по правилу преводи у свршени вид.⁵ Некад се, међутим, додаје и свршеним глаголима, нпр. *уздигнути (се) / уздићи (се), узвинути се, узабацити, узмахнути, узбукнути, уздахнути, устурити (се), узмакнути / узмаћи, успрегнути, успоређати, узвикнути* итд. Некад се налази и с везаним основама: *узнети (се), узвести (се) – узводити (се), узвести (се) – узвозити (се), ускрснути, устећи (се)* (=устегнути се), *узвалити се, узаслонити се*.⁶

У мањем броју случајева префикс *уз-* улази у префиксално-суфиксалну творбу. Мотивна реч је тад обично придев (в. т. 2, значење *III*), а изузетно именица (*узнемирити (се)*).

³ Клајн (2002: 285) сматра да је аломорф *у-* сигуран само у глаголу *ушетати се* кад он значи „почети шетати тамо-амо, усходати се“. Међутим, у свим глаголима које смо горе навели почетно *у-* има јасну семантику префикса *уз-* (што ће, надамо се, из анализе која следи бити јасно). Уз то, глагол *уживети* има исто значење („поживети“) као и *узаживети*, тако да је легитимно претпоставити у њему префикс *уз-*; а за глагол *усоптити* *РМС* тај префикс се јавља и у дефиницији („узаврети, *у*скувати (о гневу)“) и у једном примеру (*Ускричи, усопти се и очи му закрваве* (Коз. Ј.)). В. и т. 3.

⁴ Клајн (2002) не помиње овај аломорф. Бабић (1986: 493) каже да би „потенцијално *уж-*“ дошло испред основа које почињу са *и*, али да одговарајућих примера нема. Силић и Прањковић (2005: 147) наводе *ужжилитати се*.

⁵ Један изузетак је глагол – данас необичан – *успропињати се*, који, по *РМС* и *РСЈ*, може бити и свршен и несвршен. Треба додати и да у литератури постоје различита мишљења у вези с тим ког су вида префиксали са *уз-* који у презенту имају значење *футура II* (в. т. 2, значење *V*).

⁶ Белић (1949: 297) сматра да префикс *уз-* постоји и у глаголу *уз-ети (уз-ем)*. Стевановић (1975: 450) каже да је тај глагол по пореклу сложен, али да се данас таквим не сматра, јер део *-ети* не постоји као засебна реч, а и „свако посебно значење које би префикс собом носио сасвим [је] ишчезло“. Клајн (2002: 242) сматра да „је јасно“ да је тај глагол данас прост.

2. Значења префикса уз-

1. Кретање у физичком простору

У својим конкретним значењима префикс *уз-* означава кретање објекта (у даљем тексту О)⁷ у физичком простору. Типично се О креће у вертикалној равни, и то одоздо нагоре (1), а у маргиналнијим случајевима у хоризонталној равни – од тачке која је ближа вршиоцу радње до тачке која је од њега даља (2), уназад (3), реципрочно – и од вршиоца радње и према њему (4) и према неком другом објекту (5).

При томе, објекат може покретати некаква спољашња сила или се он може кретати својом сопственом енергијом. Од тога зависи и синтаксичко понашање глагола с префиксом *уз-*: кад се О креће под дејством неке спољашње силе, глагол који означава то кретање прелазан је, а именица која означава О има у активној реченици функцију правог објекта; кад се О креће својом енергијом (или говорник узима да се то тако дешава), глагол је најчешће повратан, а именица која означава О има функцију субјекта.

У великом броју случајева глагол с префиксом *уз-* може исказати и једно и друго; тада он може бити и прелазни и повратни (нпр. *уздићи* и *уздићи се*). Могуће је, међутим, и друго: да прелазни и повратни имају очекивано значење (споља изазваног, одн. самоиницираног кретања), али да у оквиру исте лексеме не постоје оба: може постојати прелазни глагол а да нема повратног (*устакнути* / *устаћи*, *узвратити*, *ушчешљати*, *узорати* итд.), а може постојати и повратни без прелазног (*успентрати се*, *узвалити се*, *успрсити се* и др.). Такође, самоиницирано кретање може бити означено и неповратним глаголом (*узлетети*, *узбујати*, *узнапредовати* итд.). Најзад, у неколико случајева један глагол у истом значењу (самоиницираног кретања) може бити и повратан и неповратан (*успузати* или *успузати се*, *узмакнути* или *узмакнути се*, *устрпети* или *устрпети се* итд.).

(1) Кретање одоздо нагоре

У питању је врло општа представа, која се може приказати следећим цртежом:⁸

Слика 1

⁷ Под објектом подразумевамо биће или предмет, али и апстрактни ентитет који се концептуализује као биће или предмет.

⁸ Подразумева се да је то идеализација стварних путања објеката: од природе О, одн. подлоге по којој се креће, зависи да ли ће он ићи увис право, укосо, помало кривудајући и сл.

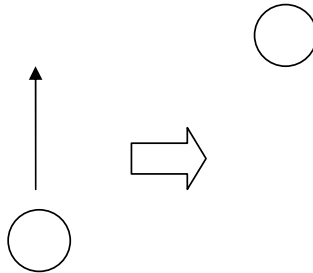

То опште значење кретања одоздо нагоре – које је, иначе, својствено и типичним значењима предлога уз (в. Кликовац 2008) – конкретизује се на неколико начина:

- (а) цео О прелази вертикалну путању одоздо навише;
- (б) О се креће нагоре тако што расте;
- (в) О из водоравног прелази у усправни положај;
- (г) О се креће нагоре тако што се неки његови делови издижу;
- (д) кроз О иде сила од његове основе / доњег дела до његовог врха.

У свим тим случајевима осим делимично под *г* подразумева се да О прелази целу вертикалну путању – од њеног почетка до краја. Тиме је одређен и видски лик ових глагола: они означавају да је извршена целокупна радња.

(а) Случај који је најтипичнији и посведочен највећим бројем примера јесте да цео О прелази вертикалну путању одоздо навише, тј. да се пење у физичком простору. Тај случај има две варијанте: (аа) О ту путању прелази слободно, тј. при пењању нема ослонца; (аб) О се пење по површини неког другог О. Графички, случај *aa* приказан је сликом 2 (дебела стрелица означава прелазак из почетног стања у завршно, а танка правац кретања О):

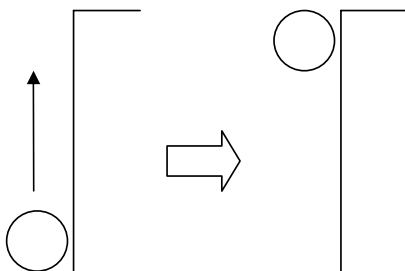
Слика 2

Тај случај илуструју следећи глаголи: *уздигнути (се) / уздићи (се) – уздизати (се)*,⁹ *узвихорити се (ПМС: „дићи се као вихор“)*, *усковитлати (се) – усковитла-*

⁹ Глаголе наводимо на следећи начин: између свршеног и несвршеног глагола стављамо црту, подразумевајући да им је значење исто и да се разликују само по виду; кад глагол може бити и прелазни и повратни, *се* стављамо у заграду; кад један глагол може имати и неповратни и повратни облик у истом значењу, наводимо оба (нпр. „*успузати* или *успузати се*“); кад глагол има две морфолошке или фонетске варијанте, између њих стављамо косу црту („*уздигнути (се) / уздићи (се)*“, „*узлетати / узлетавати*“, „*уздувати се / уздухати се*“). Кад сматрамо потребним, после глагола у загради наводимо његово значење – било дефиницију из *ПМС* (под наводницима), било нашу слободнију парафразу после знака једнакости. – У обзир узимамо само просторна значења глагола, не и њихова апстрактна (обично метафоричка) значења. На пример, глагол *уздићи (се) – уздизати (се)* може (према сведочењу *ПМС*), поред кретања у физичком простору (*Узе чашу, уздиже је увис, па ... поче ... говорити* (Јакш. Ђ.)), означавати и подизање у простору интензитета – на основу метафоре интензивно ЈЕ ГОРЕ (*Из те вике и халабуке уздигне опет свој глас пјесник* (Ков. А.)), у друштвеном простору – на основу метафоре углед / важност ЈЕ ГОРЕ (*[Он] се успешно уздигао од сељанчета-чобана до борца* (Јел.)), у простору квалитета, на основу метафоре БОЉЕ ЈЕ НА ВЕЉОЈ ВИСИНИ (*Уздигла се политичка свет широких народних маса* (Дед. В.)), у домену стања, на основу метафоре БОЉЕ

вати (*се*), *успрашити се*,¹⁰ *успахнути* (=струјањем подићи (о ветру)), *узвисити* (*се*) – *узвисивати* (*се*) / *узвишавати* (*се*), *узнет* (*се*) – *узносити* (*се*), *узлебдети*, *узлетети* – *узлетати* / *узлетавати*, *узрчити* (=подићи грчећи, нпр. рамена), *узвилашити* (=узмахнути (главом) као вилама), *устанути* / *устаћи* – *устицати* (са два значења: „натаћи“ и „подићи“), *успрчити* (РМС: „ставити, поставити нешто тако да се истиче, стрчи“), *узврнути* (*се*) – *узвртати* (*се*),¹¹ *узвити* (*се*) – *узвијати* (*се*), *узјахати* – *узјахивати*, *успртити се* (РМС: „попети се“), *узгледати* – *узгледати* (РМС: „погледати навише“),¹² *узвинути* (*се*) – *узвињивати* (*се*), *узвући* (*се*) – *узвлачити* (*се*) (РМС: „одвући навише“),¹³ *узбацити* – *узбацивати*, *узвитлати* (*се*) – *узвитлавати* (*се*), *узбрати*,¹⁴ *узабрати* – *узабирати*, *узгрнути* (*се*) – *узгртати* (*се*),¹⁵ *узмахнути* – *узмахивати*.

Случај *аб* приказаћемо сликом 3:

Слика 3

То значење има префикс *уз-* у следећим глаголима: *успети* (*се*) / *успењати* (*се*) – *успињати* (*се*), *узићи* – *узалазити*, *узаћи* – *узалазити*, *устрчати* – *устрчавати*, *узверати се*, *успентрати се*, *успузати* или *успузати се* – *успузавати* или

РАСПОЛОЖЕЊЕ ЈЕ НА ВЕЉОЈ ВИСИНИ (*Сада [је] његове ријечи уздигоше до таква врхунца* (Креш.)), у домену тона, на основу метафоре висина тона је физичка висина (*Један јасан и тужан глас уздиже се, затрпна* (Станк.)), а једно значење је резултат метафоре васкрснути је подићи увис (*Дјевица ће родити пророка који ће ... уздићи све мртве* (Ант.)). Међутим, на овом месту не можемо пратити семантички развој сваке лексеме понаособ, те ћемо се ограничити на значења самог префикса.

¹⁰ Значење овог глагола је метонимијско: *Поље се успрашило* (в. пр. у РМС) значи да се подигла прашина са гла.

¹¹ У значењу кретања нагоре РМС не помиње повратни глагол; он би се, међутим, могао лако замислити: према датом примеру [*Пас*] је лежао *непомично, само очи је узврнуо косо к њему* (Кал.) могуће је и *...само су му се очи узврнуле косо к њему*.

¹² Објекат који се у овом случају креће навише јесте поглед.

¹³ РМС повратни глагол помиње само као узајамноповратни; могло би се, међутим, лако замислити и право повратно значење.

¹⁴ Клајн (2002: 286) сматра да глаголи *узабрати* одн. *узбрати* означавају „само свршеност радње“, „ако не сматрамо да префикс означава подизање цвета при брању“. Ми сматрамо да је употреб префикса *уз-* мотивисана управо тим типичним (мада не и обавезним) покретом при брању.

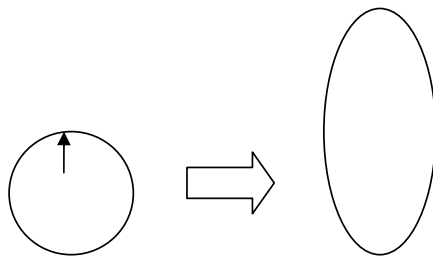
¹⁵ Повратни глагол у овом случају не значи „учинити нешто сам, својом вољом / енергијом“, него „учинити нешто на себи, одн. свом делу одеће“.

успузавати се, узмилети, узваљати (се) – узваљивати (се),¹⁶ ускотрљати (се),¹⁷ узвѐсти (се) / у̀звести (се) – узводити (се), узвраћати се, узгонити.¹⁸

Пошто означавају кретање по подлози, ови глаголи захтевају прилошку допуну за место у одговарајућим облицима (нпр. *успети се на дрво* / *уз степенице* / *високо* итд.).

У префиксалима из групе *a* префикс *уз-* најчешће нема системског синонима – што се и не очекује, будући да је то значење за њега типично и изражава се типично њиме. У појединачним случајевима синоними су *по-* (*уздићи се* – *подићи се*, *успети се* – *попети се* – мада се чини да *уз-* уноси значење изразитије висине него *по-*), *из-* (*уздићи се* – *издићи се*, *успети се* – *испети се*), *на-* (*узбацити* – *набацити*, у једном значењу и *устаћи* – *натаћи*), *у-* (*узбрати* / *узабрати* – *убрати*). Група *a* је, у исто време, и једина група у којој *уз-* има антоним – а то је префикс *с-* у значењу доспевања на мању висину: *узнети* – *снети* / *санети* (кад је у питању кретање по подлози), *узлетети* – *слетети*, *узјахати* – *сјахати*, *узвући (се)* – *свући (се)*, *узбацити* – *збацити*, *узаћи* – *саћи*, *узићи* – *сићи*, *успузати* или *успузати се* – *спузати* или *спузати се*, *узмилети* – *смилети* или *смилети се*, *узваљати (се)* – *сваљати (се)*, *ускотрљати (се)* – *скотрљати се*.¹⁹

(б) О се може кретати нагоре и тако што ће расти. Пошто се, заправо, навише креће само његов врх, ово значење префикса *уз-* може се објаснити као метонимијско у односу на значење *a*: врх објекта стоји за цео објекат. Графички ћемо га приказати сликом 4:

Слика 4

Глаголи из ове групе могу се даље поделити на неколико подгрупа.

Најпре, глагол може означавати невољан и несвесан процес који се типично догађа бићу или биљци (или неком њиховом делу), одн. апстрактном ентитету који се разуме као биће или биљка: *узрасати* – *узрстати* / *узраићивати*, *узникнути* /

¹⁶ *РМС* не помиње повратни глагол у значењу самоиницираног кретања нагоре. Међутим, такав пример је лако замислити – само што би он био метафорички: *Пера је толико дебео и тежак да се једва узваљао узбрдо*.

¹⁷ *РМС* не помиње повратни глагол, али би се он могао лако замислити у метафоричком значењу – аналогно глаголу *узваљати (се)* (в. претходну напомену).

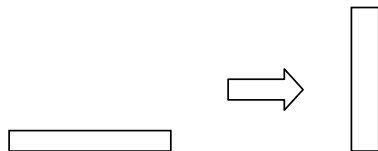
¹⁸ Ово значење глагола *узгонити* помиње само *РСЈ*, не и *РМС*.

¹⁹ Занимљиво је да су у једном случају *уз-* и *с-* практично синоними, али зато што *с-* не значи силажење, него скупљање: *узгннути* – *згннути*.

узнићи, узбујати. Затим, у питању може бити процес који је човек свесно изазвао на неком другом бићу или биљци; евентуално раст може бити и самоинициран: *узгојити (се)* [одн. *узгајити (се)*] – *узгајати (се)*,²⁰ *ухранити, узњихати*. Даље, О који расте може бити ватра, одн. апстрактни ентитет који се концептуализује као ватра (то су пре свега емоције); кретање може бити споља изазвано или спонтано: *узбукнути, узбуктети, успалити (се)* – *успаљивати (се), успирити (се)* – *успиравати (се)*. Процес о којем је реч може бити и увлачење ваздуха: *уздахнути* – *уздисати*,²¹ зидање: *уздати* – *узиђивати*, ткање: *узаткати*,²² повећање уопште: *узвеличати (се)* – *узвеличавати (се)*.

У групи б синонимја је развијенија, чак се формирају синонимски нивои завидне дужине: *узрasti* – *нарasti* – *изрasti* – *одрasti* (мада ниједан од тих других глагола нема сва значења префиксала са уз-), *уздати* – *саздати* – *издати* – *успалити* – *упалити* – *запалити* – *распалити*; пада у очи да је префиксал са уз- у тим нивовима најмање обичан (осим *успалити (се)* са значењем сексуалне жеље). Исто важи и за случајеве кад уз- има само по један синоним: *узнукнути / узнићи* – *изнукнути / изнићи*, *ухранити* – *отхранити*, *узњихати* – *одњихати*, *узаткати* – *проткати*, *узвеличати (се)* – *увеличати (се)*, *узбујати* – *набујати*, *успирити (се)* – *распирити (се)*.²³

(в) У овом случају О је издужен, а његов почетни положај није усправан или је О искривљен. Графички ћемо то приказати сликом 5:

Слика 5

Објекти који заузимају вертикалан положај могу бити следећи: власи или длаке: *узјежити се, ушчешљати, устришити се*; животињске уши: *ушћулити (уши)* и *ушћулити се* (о коњу); људско или животињско тело: *усправити (се)* – *усправљати (се), успрсити се, устурити (се)* – *устурати (се) / устуравати (се), успропињати се*. Метонимијом, и оживљавање је заузимање усправног положаја: *ускрснути* – *ускрсавати*.

²⁰ Иако РСЈ глагол *узгајати* дефинише као глагол несвршен према *узгојити, узгајити*, сама одредница *узгајити* не постоји; чини се, међутим, да је тај глагол данас обичнији.

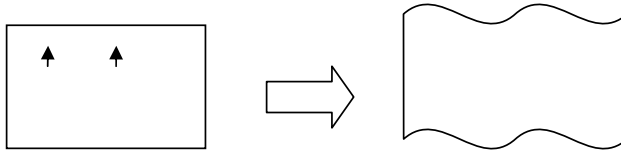
²¹ Клајн сматра да се значење префикса уз- код овог глагола не може објаснити (2002: 286); рекли бисмо да ипак може. Наиме, грудни кош се пуни од дна ка горе; *удахнути* значи увући ваздух у грудни кош, а *уздахнути* има још једну фазу: ширење (и истовремено подизање) горњег дела грудног коша. Управо та последња фаза и чини уздах уздахом, а не обичним удахом.

²² Претпостављамо да је у питању прављење вертикалних шара приликом ткања (јер се тка одоздо нагоре); у питању би, дакле, био раст шаре (пример из РМС гласи: *Девојче ... у белим, црвеним памуком узатканим рубиницама* (Шапч.)).

²³ Глагол *успирити* има као синоним, сасвим неочекивано, глагол *спирити*; префикс с- је вероватно мотивисан тиме што се ватра потпирује тако што се дува по површини жара.

И овде префиксал са *из-* може да означи исту стварну ситуацију (*успрсити се* – *испрсити се*, *усправити се* – *исправити се*, *успропињати се* – *испропињати се*); синоним префиксу *уз-* може бити и *на-* (*узјежити се* – *најежити се*), а веома сличну стварну ситуацију могу означавати и глаголи у низу *устршити се* – *растршити се* – *истришити се* – *настришити се*.

(г) У овом случају О је типично нека течност (или апстрактни ентитет који се тако концептуализује – пре свега емоције), која се креће нагоре тако што се неки њени делови издижу, а други истовремено спуштају. Графички ћемо то приказати сликом 6:

Слика 6

У питању су следећи глаголи: *усталасати (се)* – *усталасавати (се)*, *узбуркати (се)* – *узбуркавати (се)* / *узбуркивати (се)*, *успљускати се*, *узбурљати (се)*, *узбибати (се)* – *узбибавати (се)*, *узаврети* – *узавирати*, *услъучати*, *усоптити*, *усклобучати*, *ускипети*, *узмутити (се)* – *узмућивати (се)*, *узмућкати (се)*, *узмутљати (се)*.²⁴

Ови глаголи нису уједначени у погледу видског лика. Глаголи *усталасати (се)*, *узбуркати (се)*, *успљускати се*, *узбурљати (се)*, *узбибати (се)*, *узаврети*, *услъучати*, *усоптити*²⁵, *усклобучати*, *ускипети* означавају започињање процеса, без представе о његовом трајању или крају. Они и не би могли означавати остварен цео процес (као глаголи из група *а*, *б*, *в*), будући да се не могу схватити у резултативном значењу. На другој страни, глаголи *узмутити (се)*, *узмућкати (се)*, *узмутљати (се)* могу имати оба значења – и значење почетка процеса (*Поток се узмутио и мути се и даље*) и завршен цео процес, са стањем које је његов исход (*Поток се узмутио и сад је мутан*).²⁶ На крају, процес означен глаголом *узварити (се)* подразумева кретање клобука, мехурића и сл. навише приликом кувања (као и у глаголима *узаврети*, *услъучати*, *ускипети*), али је фокус на завршеном целом процесу; представа о кретању навише је готово сасвим изгледела.

Синоними овим глаголима јесу префиксали са *за-* – било да је у питању почетак процеса (*усталасати* – *заталасати*, *узбибати (се)* – *забибати (се)*, *усклобучати* – *заклобучати*) или читав завршен процес (*узмутити (се)* – *замутити (се)*, *узмућкати (се)* – *замућкати (се)*, *узмутљати (се)* – *замутљати (се)*); међутим,

²⁴ Овај последњи глагол *РМС* помиње само као повратни; међутим, није тешко замислити пример у којем би он био прелазни: *Земљотрес је узмутљао море*.

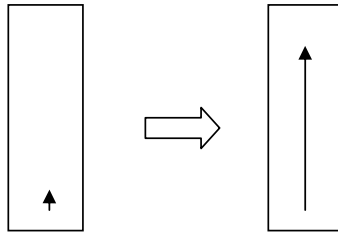
²⁵ *РМС* наводи само пример за метафоричко значење тог глагола: *У свима усопти и плане онај гњевни дрхтај* (Божих).

²⁶ У неким примерима се та два значења и не могу разликовати: *Узмућен поток жури* (Јакш. Ђ.).

префикс *за-* не изазива исту менталну слику кретања навише. Синоним префиксу *уз-* може бити и *про-* (*ускључати* – *прокључати*), а бележимо и синонимске низове *узаврети* – *заврети* – *проврети* и *ускипети* – *закипети* – *прокипети*.

(д) Глагола из ове подгрупе има мало – три или, евентуално, четири. Њихово значење подразумева да кроз објекат одоздо нагоре пролази некаква сила. У случају три глагола – *уздрмати (се)* – *уздрмавати (се)*, *уздрмусати (се)* и *устрести (се)* – она изазива трешење објекта.²⁷ Глагол *устрнути* прикључујемо овој групи условно – ако претпоставимо да у њему није употребљен префикс *уз-* уместо префикса *у-* (в. тачку 4).²⁸

Приказаћемо ово значење сликом 7:

Слика 7

Што се видског лика тиче, ови глаголи обично означавају успешно окончан процес (на пример, ако је земљотрес *уздрмао* грађевину, то не значи да се она и даље дрма, него да се једно време дрмала и да сада има последице тога – нпр. пукотине); међутим, ако *уздрмати (се)* значи *усталасати (се)*, могуће је и значење почетка процеса: *Сјеђаше на крову пароброда и гледаше уздрмано море* (Шант.) – море се у датом тренутку и даље дрма.

(2) Кретање унапред

У овом значењу, о коме у литератури нема речи, *уз-* означава водоравно кретање објекта унапред – од тачке која је ближа појму означеном субјектом реченице до тачке која је од њега удаљенија. Ово значење, додуше као ретко, има и предлог *уз* (као у примеру *Шетао [би] уз собу низ собу* (Ћор.)). То значење се може објаснити као просторна трансформација прототипичног значења: вертикална путања ротирањем постаје хоризонтална; при томе је смер ротирања мотивисан напором који се улаже у оба случаја (Кликовац 2008).

Кретање о којем је реч може се одвијати у физичком или метафоричком простору, а глагол означава пређену читаву путању, тј. радњу окончану у целини.

²⁷ Да је у питању кретање кроз објекат одоздо нагоре, видимо по томе што се не може рећи *Ухватио га је за рамена и уздрмао*, него само *...и продрмао*. Примери под *устрести (се)* нису недвосмислени, али се може претпоставити кретање одоздо нагоре: *Загрмјеше топови ... и устресоше горе* (Њег).

²⁸ Да је могуће да процес означен глаголом *устрнути* подразумева кретање трнаца нагоре, показује постојање префиксала *протрнути*, у ком би префикс *про-* имао значење пролажења трнаца кроз тело.

Такво значење префикса уз- можемо препознати у глаголу *узнапредовати*, а затим и у једној групи глагола која означава обрађивање земљишта: *узорати* – *узоровати*, *уздрљати*, *узугарити*, *ускопати* – *ускопавати*, *узровати*. Најчешћи синоними префиксу уз- су *из-* (*изорати*, *издрљати*, *изровати*) и *по-* (*поорати*, *поугарити*), али префиксал са уз- изазива другачију менталну слику – кретања унапред. Ипак, преовлађује граматичко значење свршености (у смислу обављености читаве радње). Слично значење префикс уз- има и у глаголу *узлећи*.²⁹ Глагол *узбити* (*се*) – *узбијати* (*се*) занимљив је због тога што као прелазни означава кретање агенса унапред (а пацијенса уназад), а као повратни кретање агенса уназад – па је својеврсна веза са следећим значењем (под бр. 3); а ако се *се* у њему схвати као реципрочно, онда би то значење припадало групи 5.³⁰ Тај глагол је обичнији с додатним префиксом *с-* (*сузбити*).

(3) Кретање уназад

Префикс уз- у овој групи глагола означава да се агенс креће уназад, или прави неки – физички или метафорички – покрет према себи; такође означава да се О креће уназад (према посматрачу).

У питању су следећи глаголи: *узмакнути* или *узмакнути се* / *узмаћи* или *узмаћи се* – *узмицати* (овај последњи увек означава самоиницијативно кретање), *уздржати* (*се*) – *уздржавати* (*се*), *устегнути* (*се*) / *устећи* (*се*) – *устезати* (*се*), *успрегнути* (*се*) / *успрећи* (*се*) – *успрезати* (*се*), *ускратити*,³¹ *узвратити* (=вратити (некога) назад), *узврнути* (*се*) – *узвртати* (*се*), *устити* – *успијати* / *успијати се*, *устурити* (*се*), *узвалити се* – *узваљивати се*, *узбацити* – *узбацивати*.

Као што се и може очекивати, синоним префиксу уз- у овом значењу може бити префикс *за-*, који је и обичнији (*узвалити се* – *завалити се*, *узбацити* – *забацити*). Глаголу *успрегнути* (*се*) синоним је *спрегнути* (*се*) (РМС: „обуздати се, савладати се“).

(4) Кретање унапред и уназад

Ово је реципрочно значење: О се креће *од* појма означеног субјекта реченице, а затим *до* њега. Такав је само један глагол, који се може односити на физичке или метафоричке објекте (у овом другом случају типичне су комуникативне јединице): *узвратити* – *узвраћати*. Кад је реч о комуникацији, синоним – чини се, обичнији – јесте *одвратити*.

(5) Кретање према другом објекту

И ово значење је својствено префиксу уз- у врло малом броју глагола – што је свакако разлог што се у литератури не помиње. То значење подразумева да се

²⁹ Пример који даје РМС гласи: *Убрзо узлегне дим о читаву плоху ... крова* (Божић). Допуна *о+ак.* искључује могућност да се дим пење по површини крова навише (јер би у том случају она гласила *уз+ак.*) и да је дим прионуо уз кров (јер би тада гласила *на+ак.*).

³⁰ Маретић (1899: 388) даје овај глагол као пример да уз- значи „да радња удара натраг“.

³¹ Ово је, иначе, једини глагол који И. Грицкат (1966–1967: 203) даје као пример за граматичку (чисту) перфектизацију, коментаришући да префикс уз- у њему има значење „покрета, повлачења уназад (као код *узмаћи*)“.

један О креће према другоме док се не приљуби уз њега – што је, иначе, друга битна компонента прототипичног значења предлога уз (в. Кликовац 2008).

У питању су следећи глаголи: *узвити се* (РМС: „привити се, приљубити се уз некога“), *успити се* (РМС: „припити се, приљубити се“), *узалонити се*, *успоредити* (РМС: „ставити све у ред, испоређати“), *устегнути / устећи* (=притегнути уз себе) – *устезати*. Семантички би се овој групи могао прикључити и глагол *успоредити (се)* – *успоредити (се)* – ако претпоставимо да поређење двају објеката подразумева њихово стављање један уз други.

Синоними префиксу уз- у овом значењу могу бити *при-* (*узвити се* – *привити се*, *успити се* – *припити се*, *устегнути* – *притегнути*) и *на-* (*узалонити се* – *наклонити се*); оба префикса су и обичнији. Пошто у *успоредити* објеката има више, синоним је *испоредити*. Бележимо и синонимски низ *успоредити (се)* – *упоредити (се)* – *испоредити (се)* – *споредити*, у којем опет префиксал са уз- није најобичнији.

Треба рећи, на крају ове анализе глагола из групе I, да се у њој може заштити упадљиво велики број таутолошких образовања – случајева кад већ и основни глагол има значење подизања. Кад је он несвршен, префикс уз- уноси само граматичко значење – свршеност, док његово лексичко значење већ постоји у основи, тако да га он само потврђује, одн. истиче; кад је и основни глагол свршен, префикс уз- је, практично, редундантан. У питању су следећи префиксали: *уздићи (се)* / *уздигнути (се)*, *узвисити (се)* – *узвисивати (се)* / *узвишавати (се)*, *узвихорити се*, *узлебдети*, *успрхнути*, *узвинути (се)* – *узвињавати (се)*, *успети (се)* / *успењати (се)* – *успињати (се)*, *узверати се*, *успентрати се*, *узрасти*, *узникнути / узнићи*, *узбујати*, *узгојити (се)* / *узгајити (се)*, *узбукнути*, *узбуктети*, *узидати*, *узвеличати*, *устришити се*, *успропињати се*, *усталасати (се)*, *узбуркати (се)*, *ускључати*, *услобучати*, *ускипетити*, *узнапредовати*, *узнастојати*, *узвртнути (се)* (=вратити (се) уназад), *узвратити* (кад има реципрочно значење). Ти глаголи немају антоним. Њима се или уопште не додаје префикс с-, или он није антоним префиксу уз- (то важи нпр. за *срасти* и *узрасти*, *спалити* и *успалити*, *сазидати* и *узидати*, *саткати* и *узаткати*).

II. Почетак интензивне активности, процеса или стања

Ово значење је веома често, а сам образац – семантички и творбени – јасно је препознатљив и продуктиван. Префикс уз- означава почетак интензивне активности, процеса или стања. То његово значење засновано је на метафори интензивно ЈЕ ГОРЕ (која се у српском језику може препознати и у многим другим лексемама – в. Расулић 2004), прецизније – интензивније ЈЕ НА ВИШЕМ ПОЛОЖАЈУ НА СКАЛИ ИНТЕНЗИТЕТА.

Глаголи којима се у овом случају додаје префикс уз- по правилу су неповратни, и непрелазни или факултативно прелазни. Додавањем префикса уз- они постају повратни. У неколико случајева и сам основни глагол је факултативно повратни (нпр. *шетати (се)*, *ројити (се)*, *хихотати (се)*, *хохотати (се)*).

Најчешћи синоними префиксалима са уз- јесу префиксали са раз-. Са оба та префикса речца се означава не само да је активност самоиницирана, односно

процес или стање спонтани него и да им се вршилац потпуно предаје – због чега они и постају интензивни.

Између *уз-* и *раз-* ипак постоји мала семантичка разлика. Наиме, значење префикса *уз-* у овим глаголима је само метафоричко, а значење префикса *раз-*, иако метафоричко (засновано на метафори ИНТЕНЗИВНО ЈЕ ВЕЛИКО), изазива и менталну слику ширења: у питању су такве активности или процеси приликом којих се ентитет на све стране креће, прави интензивне покрете или одашиље звук или мирис (в. Кликовац 2004: 175–176). Стога, док *уз-* означава само интензитет активности, *раз-* означава можда ширу амплитуду кретања (нпр. *устрчати се* – *растрчати се*, *узлетети се* – *разлетети се*), ширење звука на све стране (*узвриштати се* – *развриштати се*), шире покрете или сл. Постоји још једна разлика: кад има више вршилаца радње, радња означена префиксалом са *уз-* важи за сваког од њих понаособ (*Они су се устрчали* значи да се устрчао сваки појединачно); радња означена префиксалом са *раз-* може да важи и за све заједно (*Они су се растрчали* може да значи и да се растрчао сваки појединачно, а и да су се истовремено раштркали сваки на своју страну). Однос између префикса *уз-* и *раз-* није сасвим паралелан: нема сваки глагол са *уз-* свој парњак са *раз-* (као ни обрнуто); семантички гледано, префикс *уз-* није заменљив са *раз-* онда кад активност основног глагола не подразумева одашиљање покрета, звука, мириса и сл. (*хитати*, *пркосити* и сл.). Понекад паралелни префиксали постоје, али са другачијим значењем (*узлупати се* (о срцу) – *разлупати се*, *успадати се* (о киши) – *распадати се* итд.). Међутим, кад оба префиксала постоје, онај са *раз-* је по правилу обичнији (уп. *устрчати се* и *растрчати се*, *узлетети се* и *разлетети се*, *узвикати се* и *развикати се*, *ускокодакати се* и *раскокодакати се*, *усписати се* и *расписати се* итд.).³²

Веома ретко *уз-* као синоним има *за-* (при чему глагол такође постаје повратан, са истим значењем речце *се*): *уздувати се* – *задувати се*, *уздахтати се* – *задахтати се*, *уздихати се* – *задихати се*, *узјецати се* – *зајецати се*. У свим тим случајевима префиксал са *за-* је обичнији.

(По)кретање подразумевају следећи глаголи: *усходати се*, *ускорачати се*, *устрчати се*, *устркати се*, *ушшетати се*, *узврдати се*, *ушеврдати се*, *ушепесати се*, *успреметати се* (у значењу „усходати се тамо-амо, узвртети се“), *усхитати се*, *успропадати се* (РМС: „узбунити се, устумарати се, растрчати се, не налазити себи мира ни места“), *узлетети се*, *узгизати се*, *узројити се*, *узлупати се* (о срцу), *устући се* (о срцу), *успадати се* (о киши), *узмигати се* (о сенци), *устрепелити се* (о језику), *узбучати се* (РМС: „узнемирити се, узбудити се, узрујати се, ускомешати се; почети се кретати узнемирено, нервозно“).

Има глагола кретања који као неповратни припадају значењском типу 1, а као повратни овом значењском типу: *устрчати се* (РМС: „трчећи попети се уз нешто, уз неко узвишење“) – *устрчати се*; *узлетети се* (РМС: „дићи се у висину летећи“) – *узлетети се*; таквих парова би било још да су и неки други глаголи

³² То може бити у вези с тим што се интензитет (као и поједини аспекти количине) у српском језику спремније концептуализује помоћу помоћу величине (*велики* / *мали интензитет* и сл.) него помоћу висине (*висок* / *низак интензитет* и др.) (в. Расулић 2004: 181).

– нпр. *узгизати*, *ушепесати*, *устркати* – потврђени у значењу кретања нагоре у физичком простору.

Стварање звука подразумевају следећи глаголи: *узвришати се*, *уцикати се*, *устралаликати се*, *узблебетати се*, *узбрбљати се*, *уићеретати се*, *уишаврљати се*, *усихотати се*, *усохотати се*, *узрохотати се*, *узроготати се* (РМС: „почети се смејати гласно, раскикотати се“), *узјецати се*, *узмуцати се*, *уздувати се / уздухати се*, *уздахтати се*, *уздихати се*, *уухукати се / уухуктати се*, *успухати се*, *узвиждукати се*, *уциркувати се*, *успијукати се*, *уцикати се*, *уциврчати се*, *ускричати се*, *ускокодакати се*, *ускокотити се* (РМС: „ускокодакати се, заграјати“), *ускукурекати се*, *узгакати се*, *узлајати се*, *уфркати се*, *узметати се*, *узроктати се*, *узграјати се*, *ужагорити се*, *узбрујати се*, *ужуборити се*, *ужуборкати се*, *узромити се* (=почети јако, громко викати).

Почетак других активности одн. процеса означавају префиксали *уписати се*, *успрокосити се*, *уздити се*, *узвоњати се*, а почетак стања *успатити се*.

Значење које уноси творбени образац уз- + се најбоље се може видети кад је основни глагол неповратни (и непрелазни), а од њега се може саградити и повратни и неповратни префиксал. Тада – начелно говорећи – неповратни префиксал означава почетак активности, процеса или стања, а повратни предавање активности, процесу или стању. Такву разлику имамо између следећих префиксала: *устумарати* – *устумарати се*, *узмахати* – *узмахати се*, *уздрхтати* – *уздрхтати се*, *устрептети* – *устрептети се*, *узлепетати* – *узлепетати се*, *успототати* / *успоттати* – *успототати се / успоттати се*, *упролетати* – *упролетати се*, *узвукати* – *узвукати се*, *узбучати* – *узбучати се*, *узмуцати* – *узмуцати се*. Али када и сам почетни глагол означава врло интензивну активност, процес или стање, разлике међу неповратног и повратног префиксала практично нема: *успишати* – *успишати се*, *уцичати* – *уцичати се*, *успламтети* – *успламтети се*, *узбеснети* – *узбеснети се*, *узлудети* – *узлудети се*.

Помињањем значења неповратних префиксала из ове последње групе већ смо ушли у следеће значење.

III. Почетак активности, процеса или стања

Префикс уз- у овом случају означава пуки почетак активности, процеса или стања, без промене њиховог интензитета. Тако он улази у евентуалну опозицију с другим префиксима који се комбинују с истим основним глаголом: *ускајати се* означава почетак, а *покајати се* успешан завршетак онога што је означено основним глаголом; слична је разлика и између *узједити се* и *најједити се*, *уколебати се* и *поколебати се* итд., па вероватно и између *узнервирати (се)* и *изнервирати (се)*.³³

И ово значење префикса уз- је, као и претходно, засновано на метафори интензивније је на вишем положају на скали интензитета – само се сад не упоређују

³³ Код неких глагола који означавају стања не може се разликовати почетак и успешни завршетак онога што је означено основним глаголом; тако *успаничити се* значи и „почети паничити“ и „достигнути стање панике“ – јер се то своди на исто. Састављачи РМС нису могли у том смислу да се одреде ни кад су неки други глаголи у питању; на пример, *узборовати се* дефинише и у једном и у другом значењу: „почети зборовати; одржати збор“.

стање вишег и нижег интензитета (као у значењу *II*), него стање неактивности, одсуства процеса, одн. непостојања стања, са стањем у којем активност, процес или стање постоје. Стога интензитет те активности, процеса или стања може бити велики (као што је нпр. у случају кад је основни глагол *кипнети*, *цепнети*, *праштити*), сасвим осредњи (*сјати*, *мајати се*, *кајати се*) или чак низак (*пуцкати*, *искрити се*). У крајњем случају – али изузетно – у питању могу бити чак и стања која су сама по себи управо крајње неинтензивна – као у случају глагола *узмалаксати*, *узнемоћи*.

Оваквих префиксала има много. Навешћемо их према мотивној речи – најпре оне који су постали од глагола, а затим оне чија је мотивна реч придев.

- Мотивна реч је глагол

У једном творбеном моделу од неповратног основног глагола добија се неповратни префиксал, који означава почетак самоинициране активности, одн. спонтаног процеса или стања. Префиксал може бити непрелазни: *узлетети* (=почети летети), *узврвети*, *устрепетати*, *устреперити*, *устрептати* – *устрептавати*, *уститрати*, *усцептати* / *усцептети*, *ускипнети*, *узборовати* (=почети зборовати), *успуцкати* (=почети пуцкати), *ушарати* (*очима*), *узграбити* (=почети брзо ићи), *успламсати*, *успраштити*, *узасјати*, *узмарити*, *устрепити*, *узверовати*, *узнемоћи*, *узмалаксати*, *узроровати*, а може бити и (факултативно) прелазни: *узвѣсти* или *џвѣсти*, *узбацати*, *узљуљкати* (*очи*), *узговорити*, *узвапити*, *узградити*, *узрметити*, *узазнати*, *узволети*, *узљубити*, *узродити*, *узјезерити* (РМС: необ. „учинити да се вода претвори у језеро“).

У другом творбеном моделу префиксал такође означава почетак самоинициране активности, одн. спонтаног процеса, али су и основни глагол и префиксал повратни; речца *се* има своје уобичајено значење – самоиницираности одн. спонтаности. Почетак активности или процеса означавају следећи глаголи: *узврпољити се* (и *узврпати се*), *узмешкољити се*, *узмувати се*, *узмотати се*, *успроврзнути се* (РМС: „почети се врзмати, узмотати се тамо-амо“, *узмајати се*, *узваљати се* – *узваљивати се*, *узгужвати се* (и *узгужвељати се*), *устрести се*, *усоптити се*, *усковитлати се*, *узвитлати се* – *узвитлавати се*, *успушити се*, *узритати се*, *узребрити се* (РМС: „истуривши бок, пропињући се накривити се, искосити се (обично о коњу)“), *уздерати се*, *узразговорити се* (РМС: „распричати се“). Почетак стања означавају глаголи *успомамити се*, *узрадостити се*, *узместити се*, *узјогузити се*, *узинатити се*, *узнећкати се*, *усићити се* (покр.), *ускосити се* (покр.), *узнадати се*, *ускајати се*, *узбојати се*, *успизмити се*, *узгосподити се*.³⁴ Неки основни глаголи могу бити у истом значењу и неповратни и повратни, а префиксал је само повратни: *успенити се* (према *пенити* или *пенити се*), *пенушати се* (према *пенушати* или *пенушати се*), *узмигољити се* (према *мигољити* или *мигољити се*), *узврзмати се* (према *врзмати* или *врзмати се*), *узраколити се* (према *раколити* или *раколити се*), *узгоропадити се* (према *горопадити* или *горопадити се*). Овамо спадају и они случајеви кад је основни глагол и повратни и

³⁴ У овом последњем глаголу релевантна је и метафора ДРУШТВЕНИ ПРОСТОР ЈЕ ФИЗИЧКИ ПРОСТОР, одн. БОЉИ ДРУШТВЕНИ СТАТУС ЈЕ НА ВЕЉОЈ ВИСИНИ.

прелазни, а префиксал је пандан само повратном глаголу: *узвртети се*, *усприштити се* (РМС: „узвртети се, узнемирити се“), *узибати се* (РМС: „почети се зибати“), *узједити се*, *узјапурити се*. Најзад, и основни глагол и префиксал су непрелазни, а могу бити и повратни и неповратни, с могућом разликом у значењу: *уизграти* и *уизграти се* (према *играти* и *играти се*), *узлепшиати* или *узлепшиати се*, *усветлети* или *усветлети се* (према *светлети* или *светлети се*), *уизскрити* или *уизскрити се* (према *искрити* или *искрити се*), *узвијати* и *узвијати се* (овај други узајамно-повратни: „почети вијати, јурити једно друго“) (према *вијати* и *вијати се*), *узвијорити* или *узвијорити се* (према *вијорити* или *вијорити се*).

И у случају кад и основни глагол и префиксал могу бити и прелазни и повратни (с уобичајеном семантиком прелазности и повратности), префиксал означава само почетак активности, процеса или стања: *узљуљати (се)*, *узњихати (се)*, *узлељујати (се)*, *ускомешати (се)*, *узвртоложити (се)*, *узибати (се)*, *усколутати (се)*, *узвити (се)*, *успаничитити (се)*, *узрадовати (се)*, *уздрагати (се)* (РМС: необ. „раздрагати (се)“),³⁵ *ушхитити (се)*, *ушчудити (се)*, *узнервирати (се)*, *узјарити (се)* – *узјаривати (се)*, *узмучити (се)*, *усколебати (се)*.

Значење почетка стања има и префикс *уз-* глаголу *узбезекнути се*, који има везану основу.

Што се синонимије тиче, најчешћи синоним префиксу *уз-* у овим глаголима јесте префикс *за-*, али с једном оградом: *за-* може означавати радњу која започне, неко време траје и престане – док префикс *уз-* означава само њен почетак. Навешћемо реченице са различитим префиксалима у перфекту и рећи које су им импликације за садашњост:

Пера се уздерао. → и сад се дере

Пера се раздерао. → можда се још дере, а можда и не

Пера се продерао. → не дере се више

Пера се задерао. → не дере се више

Пера се издерао. → дерао се неко време, дерањем је испољио сва своја осећања

Међутим, кад је у датом контексту релевантан само почетак радње (тј. кад се радња не везује за садашњост), *за-* може означавати и само њега: *Кад се Пера задерао, сви су запушили уши.* Дакле, *уз-* и *за-* у неким околностима могу бити синоними – и то код великог броја глагола; а кад јесу, онда је по правилу *за-* обичнији (*устреперити* – *затреперити*, *устрепити* – *застрепети*, *успуцкати* – *запуцкати*, *узинатити се* – *заинатити се*, *узбојати се* – *забојати се*, *узволети* – *заволети*, *узљуљати се* – *заљуљати се*, *узјапурити се* – *зајапурити се*, *уизграти* и *уизграти се* – *заиграти* и *заиграти се*, *усветлети* или *усветлети се* – *засветлети* или *засветлети се*, *узбезекнути се* – *забезекнути се* итд.). У много мањем броју случајева обичнији је *уз-* (*успаничитити (се)* – *запаничитити (се)*, *ушковитлати се* – *заковитлати се*, *узнећкати се* – *занећкати се*, *ускомешати (се)* – *закомешати (се)*) и можда још понеки пример).

³⁵ У ова последња два глагола примећујемо и метафору РАДОСТ ЈЕ ГОРЕ, као конкретизацију метафоре ДОБРО ЈЕ ГОРЕ (више о њој в. у Расулић 2004).

Кад префиксал са уз- улази у синонимски низ, он је најчешће мање обичан бар од једног од својих синонима (као у *узмалаксати* – *смалаксати*³⁶ – *малаксати*, *узазнати* – *сазнати* – *дознати*, *успомамити се* – *запомамити се* – *рапомамити се*, *узрадовати (се)* – *обрадовати (се)* – *зарадовати (се)* – *разрадовати се*, *ушчудити (се)* – *зачудити (се)* – *учудити се* итд.). У најужи избор улази у сразмерно малом броју случајева (*успламтети* или *успламтети се* – *запламтети* или *запламтети се* – *пропламтети* – *распламтети се*, *узвртложити (се)* – *завртложити (се)* – *увртложити (се)* и сл.). Такође, *узмувати се* је обичније од *размувати се*.

Префикс уз- у једном броју префиксала нема синонима; ево оних који су у данашњем језику обични: *узврпољити се*, *узмишкољити се*, *устумарати се*, *узбунити (се)*, *узбудити (се)*, *уштити (се)*, *узрујати се*, *узмигољити се*, *узраколити се*.

- Мотивна реч је придев

Ови префиксали значе стицање особине или улазак у стање – ако су непрелазни, што је већином случај; а ако су и прелазни, онда означавају и изазивање те особине / стања. Мотивна реч је придев; чак и кад је од тог придева изведен несвршени глагол, чини се да се префикса са уз- везује пре за придев него за тај глагол (што говоре и дефиниције у *РМС*; нпр. *узленити се* дефинише се као „постати лен“, а не као „почети се ленити“). У питању су следећи глаголи: *узваљанити се*, *узленити се*, *узохолити се*, *узобестити (се)*, *узазлити се*, *уздивљати*, *узгорчати*, *узрогобатити се*, *узвеселити се*, *узнемирити (се)*, *узнервозити се*, *узнестрпити се*. У случају глагола *узблатити се* крајња мотивна реч би могла бити и именица.

Поред основне метафоре интензивније је на вишем положају на скали интензитета, у творби ових префиксала могу бити битне и друге метафоре: добро је горе (*узваљанити се*, *узвеселити се*) и охолост је горе (в. Броћић (у штампии)) (*узохолити*, *узобестити се*). А метафора интензивно је горе може бити подржана и значењем основног глагола, у случајевима кад су и сами особина одн. стање интензивни (*уздивљати*, *узазлити се*) или интензивно погађају чула (*узблатити се*, *узгорчати*, *узрогобатити се*). Метафора интензивније је на вишем положају на скали интензитета на посебан начин је важна за глагол *узгорчати*, који не значи само стицање особине („постати горак“) него и интензивирање постојеће особине („постати горчи“). Додатне метафоре нема у глаголу *узленити се*.

Што се синонимије тиче, префиксу уз- у овом значењу синоними су *про-* (*узваљанити се* – *проваљанити се*, *узазлити се* – *прозлити се*), *по-* (*узохолити се* – *поохолити се*, *уздивљати* – *подивљати*, *узазлити се* – *позлити се*), *за-* (*уздивљати* – *задивљати*, *узгорчати* – *загорчати*), *о-* (*узгорчати* – *огорчати*), а и *раз-*, *об-* и *о-*. Штавише, бележимо три импресивна синонимска низа: *завеселити се*

³⁶ Занимљиво је како се десило да глаголи *узмалаксати* и *смалаксати* буду синоними, иако су префикси уз- и с- у основним значењима антоними: у значењу оба глагола подразумева се скала интензитета, али у случају глагола *узмалаксати* у питању је скала од потпуног одсуства стања до његовог постојања, а у случају глагола *смалаксати* скала интензитета човекове енергије коју има у различитим стањима – и на тој скали стање малаксалости заузима низак положај. Ово, наравно, под условом да су ти глаголи заиста синонимични, и да *узмалаксати* не означава само почетак процеса.

– *обвеселити се* – *овеселити се* – *развеселити се* – *узвеселити се*, *увеселити се*; *заленити се* – *обленити се* – *оленити се*, *проленити се* – *разленити се* – *узленити се* – *уленити се*; *заблатити се* – *разблатити се* – *узблатити се* – *ублатити се*. Међу свим тим синонимима, префикс *уз-* не рангира се, по савременом језичком осећању, високо: од свих њих он је међу најмање обичним. Има само четири глагола у којима *уз-* нема синоним – *узнемирити (се)*, *узнестрпити се*, *узрогобатити се* и *узобестити (се)*; међутим, данас је у широком оптицају само први. Префикс *уз-* је незаменљив још у једном случају: кад означава интензивирање постојеће особине: *уз-* у *узгорчати* које значи „постати горчи“ нема синонима.³⁷

IV. Друга метафоричка значења

Префикс *уз-* има још неколико метафоричких значења, која се могу препознати у појединачним префиксалима или мањим групама префиксала. Сви означавају свршену целу радњу.

• Једна од конкретизација већ више пута поменуте метафоре интензивно ЈЕ ГОРЕ МОЖЕ БИТИ И ИНТЕНЗИВАН УКУС ЈЕ ГОРЕ.³⁸ Одатле *уз-* налазимо и у префиксалима који означавају достизање стања јаког укуса који се јавља приликом кварења хране: *ускиснути* – *ускисивати*, *узвиштати* (РМС: „постати кисео и при томе се покварити, прокиснути, ускиснути (о млеку, вину и сл.)“), *узљутити се* у значењу „ускиснути“.³⁹ Одговарајуће значење глагола *узбучати* (РМС: „постати кисео, прокиснути, прозукнути, узвиштати (о млеку)“ добијено је синестезијском везом преко значења јаког тона.

Друга конкретизација исте опште метафоре јесте и ТОПЛО ЈЕ ГОРЕ (јер је топлота повишеног интензитета у односу на хладноћу). Зато *уз-* налазимо у префиксалима *узмлачити* – *узмлачивати* и *узгрејати (се)*. И овде бележимо читаве синонимске низове, у којима префиксал са *уз-* није најуобичајенији (први низ) или је најмање уобичајен (други низ): *узмлачити* – *замлачити* – *подмлачити* – *смлачити* – *умлачити*, одн. *узгрејати (се)* – *загрејати (се)* – *угрејати (се)*.

Такође, стање *нереда* је повишеног интензитета у односу на ред. Метафора *НЕРЕД ЈЕ ГОРЕ* одговорна је за префикс *уз-* у глаголу *узнерeditи* („учинити неуредним“). Обичнији је префиксал са *у-* (*унерeditи*), који подразумева само долажење у стање *нереда*.

Најзад, *немир* је већег интензитета у односу на мир, па се метафором *НЕМИР ЈЕ ГОРЕ* могу објаснити префиксали *узнемирити (се)* – *узнемиравати (се)* / *узнемиравати (се)*, *узнервозити се*, *узнестрпити се*, *усплахирити*, *узбунити (се)* – *узбуњивати (се)*, *узбудити (се)* – *узбуђивати (се)*, па и *узрујати (се)* – *узрујавати (се)*.⁴⁰ Префикс *уз-* је у тим глаголима једини могућ (с тим што глагол

³⁷ То се добро види у примеру из РМС: *Нек узгорча пелином загорчено вино* (Божић). Наиме, префиксали са *за-* и *уз-* не би могли заменити места.

³⁸ Расулић (2004) бележи метафору *ЈАЧЕ / ИЗРАЖЕНИЈЕ ЈЕ ГОРЕ*, *СЛАБИЈЕ ИЗРАЖЕНО ЈЕ ДОЛЕ*.

³⁹ У овом контексту занимљива је разлика између глагола *ускиснути* и *укиселити се*: док овај други означава само улазак у стање киселости (па је искоришћен префикс *у-*), онај први означава достизање стања веома високе (па и претеране) киселости (што је домен значења префикса *уз-*).

⁴⁰ По Бабићу (1986: 478) глагол *узрујати* је „нетворбен“, тј. не може се говорити о везаној основи, зато што нема другог глагола с истом осномом. Значење префикса *се*, ипак, препознаје.

узнестрити се звучи необично), осим у глаголу *узнервозити се*, где је мање је обичан од конкурентског у-

- Уз помоћ вертикалне димензије концептуализује се и домен количине одн. броја – одакле и метафора ВИШЕ (БРОЈНИЛЕ) ЈЕ ГОРЕ (Расулић 2004: 151–180). Она лежи у основи употребе префикса уз- у глаголу *узмножати*, данас неуобичајеном.

- Једна важна метафора у појмовном систему различитих језика, па и нашег, јесте МОЋ ЈЕ ГОРЕ; пошто је и ауторитет једна врста моћи, изводи се метафора АУТОРИТЕТ ЈЕ ГОРЕ (обе бележи и Расулић 2004: 252–263). Она објашњава појаву префикса уз- у глаголу *уздати се* – *уздавати се*.

- По метафори за разумевање тона, ВИСИНА ТОНА ЈЕ ПРОСТОРНА ВИСИНА (па се о тону и може говорити само као о *високом* и *ниском* – в. Расулић 2004: 187–191). Пошто је, дакле, висок тон ГОРЕ, префикс уз- јавља се и у глаголима *узвикнути* – *узвикивати*, *ускликнути* – *ускликивати*, *узврискивати*, *узјекивати*; значења глагола глагола *узвикнути* и *викнути*, одн. *ускликнути* и *кликнути* нису иста управо због тога што уз- исказује да је изговорени тон висок.

- Забележена је и метафора ВАЖЕЊЕ ЈЕ ГОРЕ (Кликовац 2006б), којом се може објаснити употреба префикса уз- у глаголу *уздржати* – *уздржавати* кад има значења „отхранити“, „одржати“, „одбранити“ (нпр. *Власт ... мора ради умирења јавнога мишљења да изналази нове принципе, само да себе уздржи* (Бен.)), односно *уздржати се* – *уздржавати се* кад значи „одржати се“ (нпр. *Отац ... у здрављу се добро уздржао и нико не би рекао да му је близу шездесет* (Радул.)); како се види из дефиниција, префикс о- је у тим случајевима обичнији. Иста метафора се препознаје и у једном значењу глагола *успоставити* – *успостављати*: „остварити, створити, направити“ (нпр. *[Она је] успоставила баи такву везу* (Грг.)), у глаголу *ушчувати (се)*, који значи „сачувати (се)“, а можда и у глаголу *устврдити* (РМС: „рећи, изјавити нешто тврдећи“).

- У складу с већ поменутом метафором постојање је путовање, одн. ПРОШЛОСТ ЈЕ ИЗА ЧОВЕКА – ПУТНИКА НА ВРЕМЕНСКОМ ПУТУ, УВОЂЕЊЕ У ПРЕТХОДНО СТАЊЕ концептуализује се као ВРАЋАЊЕ УНАЗАД (због чега и кажемо *вратити у претходно стање*). На тој метафори заснована је употреба префикса уз- у глаголу *успоставити* кад он значи „вратити у раније, пређашње стање, ранији поредак; обновити“ (нпр. *Те старе државе ваља успоставити онакве какве су некад постојале* (Јов. С.)).

Метафора живот је путовање одговорна је за значење глагола *узаживети* и *уживети*, који имају значење напредовања у метафоричком простору постојања; синоним за уз(а)- је по-. Глагол *узнастојати* (данас необичан) значи покушај да се иде унапред у метафоричком простору активности, на основу метафоре АКТИВНОСТ ЈЕ ПУТОВАЊЕ. Глаголи *устрајати* и *устрпети* или *устрпети се* такође означавају кретање у домену времена – било да је у питању постојање или активност; синоним префиксу уз- у њима је из-

- Префикс уз- у глаголу *успротивити се* – *успротивљавати се* може бити у вези с метафоричким разумевањем ПРОТИВЉЕЊА КАО КРЕТАЊА ПРОТИВ НЕЧИЈЕ ВОЉЕ,

АРГУМЕНАТА ИТД., некоме „уз нос“, „уз длаку“ – дакле, метафорички противно матици нечије воље или размишљања, „уз“ њихов ток.⁴¹

V. Значење футура другог

Као што је добро познато, у једној својој употреби префикс уз- даје не-свршеном глаголу који је употребљен у презенту вредност футура II (Маретић 1899, Белић 1949, Грубор 1953, Вуковић 1967, Грицкат 1956, Милошевић 1970, Стевановић 1972, Стевановић 1975, Стевановић 1979). Утврђено је, такође, да су такви примери били много чешћи у прошлости него данас: М. Стевановић (1979), наводећи Вукове примере, каже да је такву употребу префикса уз- овај имао дубоко у свом језичком осећању, а осим његових наводи и примере његових следбеника; К. Милошевић (1970), међутим, у свом корпусу сачињеном од дела писаца из 20. века има укупно 15 таквих примера – од којих трећина отпада на глагол *устребати*, а трећина на примере потекле од писаца чији се језик одликује управо нетипичношћу.

Видска припадност таквих глагола била је предмет полемике: већина граматичара (од Маретића до данас) сматра их свршеним (и то ингресивног значења), јер су добијени префиксацијом; Ј. Вуковић (1967), међутим, износи аргументе за то да ти глаголи, и поред префиксације, остају несвршеног вида. К. Милошевић (1970: 93–94), разматрајући аргументе једне и друге стране, констатује да се презент с префиксом уз- различито употребљава у споменицима народног језика, код старијих писаца, код Вука, у савременим штокавским говорима и савременом књижевном језику, те да би развој те употребе требало још испитати, на просторно и временски широком материјалу. А из анализе примера из свог корпуса закључује „да је видско значење овог облика у савременом књижевном језику нестабилно и да је његова употреба у служби футура II-ог ограничена“.

Архаичност такве употребе префикса уз- и нерешена теоријска питања у вези с њом свакако су били разлози да је Клајн (2002) помене само узгред. Он констатује да префикс уз- има „посебну, не само семантичку него и граматичку функцију“ у модалним глаголима *устребати*, *узмоћи*, *усхт(ј)ети*, и још неким – *успитати*, *узмолити*, *устражити*, *усписати*, *уиичитати*; да се тада не употребљава само у презенту него и у другим глаголским облицима; те да је данас уобичајено само *устребати* и, донекле, *усхт(ј)ети*.

Без икакве намере да улазимо у теоријску дискусију о том питању – поготово зато што је нашем језичком осећању таква употреба префикса уз- сасвим непозната – даћемо две напомене.

Прва се тиче третмана таквих глагола у *РМС* и *РСЈ*. *РМС* помиње следеће: *узгонити*, *устерати*, *узјести*, *узлагати*, *уиичути*, *успадати се*, *успитати*, *узмоћи*. Од глагола које наводи *РМС*, *РСЈ* уопште нема *устерати*, а *уиичути* и *успадати (се)* дефинише без позивања на футур егзактни: *уиичути* као „чути, зачути“, а *успадати (се)* као „почети падати у већој мери, падати“; сматра их, дакле, засеб-

⁴¹ Нешто од тога могли бисмо имати и у глаголу *узинатити се* (кога смо помињали у оквиру значења III): том глаголу је синониман (у разговорном језику) израз *радити / говорити* и сл. некоме *уз инат*.

ним лексемама. Такође, видљиво тежи да примере осавремени. Тако за *узгонити* даје пример *Кад вас узгоним, биће трке*; за *узјести* – *Увече узједе комад хлеба* (пример који, узгред, никако не илуструје значење футура егзактног!); за *узлагати* – *Ако узлажу, треба их казнити*. Осавремењивањем примера *РСЈ* имплицира да је таква употреба префикса *уз-* и данас жива – што није тачно.

Такође, ни *РМС* ни *РСЈ* не примећује да се *уз-* може интерпретирати у вредности футура II и у глаголима *устражити*, *узискати*, *узговорити*, *узасметати*, *ушчитати*, *усписати* (*РСЈ* избацује *ушчитати* и *усписати*, а оставља само *усписати се*, у значењу „стати писати, расписати се“); наиме, већина примера је у презенту са значењем футура II, а семантика тих глагола не одговара другим значењима префикса. То нарочито важи за глагол *успиљити*, који значи „наставити пиљити, продужити са пиљењем“ (*Ако још тако успиљите кроз тарабу, одмах ћу вас овом мотиком* (Срем.)) – дакле, значење продужетка у будућности радње која се већ одвија у садашњости.⁴²

Значење префикса *уз-* које он има у глаголима као што је *успиљити* и другима досад поменути, могло би лако бити метафоричко – прецизније, у питању може бити метафоричка концептуализација постојања. Наиме, у складу с добро познатим метафоричким разумевањем ВРЕМЕНА као ПРОСТОРА, постојање се разуме као ПУТОВАЊЕ, усмерено кретање по временском „путу“ – при чему је прошлост иза, а будућност испред човека-путника (Лејкоф и Џонсон 1980; в. и Кликовац 2004: 115–119). Пошто префикс *уз-* може означавати кретање унапред (значење II), он лако може стећи значење радње која ће се наставити – или вршити – у будућности.

Таква метафоричка концептуализација будућности – као простора који се налази испред нас – била би, заправо, једини одговор на питање (које досад у литератури није ни постављено) откуд то да префикс *уз-* има управо грамагичко значење будућности, а не неког другог времена, или – зашто је значење футура II исказано баш префиксом *уз-*, а не неким другим префиксом.

Они глаголи који су настали да би имали вредност футура II могли су аналошки да се почну употребљавати и у другим глаголским облицима, у којима је од њиховог значења остала, практично, само свршеност. Једина два глагола која су данас обична – *устребати* и *усхтетити* – имају управо такво значење: не ни почетка стања, ни резултативно значење, него само везаност за једну појединачну ситуацију (*Устребало ми је* не значи ни да је почело да ми треба, ни да ми сада треба, него да је потреба важила у једној прилици у прошлости). Исто значење имају и глаголи *узмањкати*, *усфалити* (који у примерима из *РМС* нису употребљени са значењем футура II).

3. Уз- или у-?

За један број глагола не може се са сигурношћу рећи да ли су добијени аломорфом *у-* префикса *уз-* или префиксом *у-*.⁴³ Наиме, оба префикса могу имати

⁴² Милошевић (1970: 92) чак каже да се такво значење може изразити само презентом с префиксом *уз-*, док би футур II захтевао израз *и даће*.

⁴³ У вези с овом тачком корисне сугестије дала нам је колегиница Јасна Влајић Поповић, на чему јој се искрено захваљујемо.

значање стицања неке особине или достизања неког стања. Савремено језичко осећање не препознаје префикс *уз-*, али би се он на основу значења префиксала могао претпоставити.

Такви су, најпре, глаголи *ужећи (се) / ужизати (се)*, чије је основно значење „упалити, запалити“ – дакле, постизање стања вишег интензитета него што је почетно стање. На префикс *уз-* нарочито упућује значење повратног глагола „покварити се од стајања и врућине (о сланини, масти и др. масноћама)“.⁴⁴ Исто то значење – са истом могућношћу да је у питању префикс *уз-* – има и глагол *ужегнути се*.

Идентитет префикса је несигуран и у глаголима *ужагрити (се), ужарити (се)*,⁴⁵ који такође означавају постизање интензивнијег стања.

Глаголи *ужустрити (се) (РМС: „постати жустар“)* и *узлити се (РМС: „постати зао, прозлити се“ и „наљутити се“)*, чије су мотивне речи придеви, могли би имати и префикс *у-*, који означава улазак у стање, и префикс *уз-*, који означава постизање интензивног стања.⁴⁶ На сличан начин, префикс *уз-* је могућ и у глаголу *ушмелити се*, јер мотивни придев означава особину која се високо вреднује.

Префикс *уз-* је, по семантици, могућ и у глаголима *ужелети / ужелети се*,⁴⁷ *усјајити (РМС: „учинити да нешто добије сјај“)*, одн. „засијати као у ватри, ужагрити (о очима)“, *усветлети (РМС: „засијати, жажагрити (очима)“)*, одн. „постати светао“, *усладити (се) (РМС: „учинити слатким, засладити“)*, одн. „постати слadak, омилети, бити по вољи“,⁴⁸ *ужестити (=ражестити (се))*,⁴⁹ *узнојити (се) (=ознојити (се))*,⁵⁰ *устрепити (РМС: „уздрхтати од стрепње“)*.⁵¹ Глагол *ужети (=ужњети)* могао би се повезати са *узорати*.⁵² Донекле је сумњив и глагол *уштедети* (који има сличну семантику као *ушчувати*),⁵³ а вероватно би се могао прикључити још понеки.

⁴⁴ На префикс *уз-* упућује и руско заст. *возжечь / возжигать*, са значењем „побудити, -ђивати (осећај)“ (РХС). Међутим, *РЈАЗУ* даје етимологију *у-жећи*.

⁴⁵ Овај други глагол Клајн (2002: 284) изричито убраја међу глаголе с префиксом *у-* и сматра да он спада у групу глагола где тај префикс „означава само завршену радњу“. Уоба глагола *РЈАЗУ* такође претпоставља префикс *у-*.

⁴⁶ *РЈАЗУ* под *узлити се* („постати зао, једовит“) каже да је то исто што и *узалити се* и даје етимологију *уз-злити се*.

⁴⁷ Исп. руско *возжелать* „зажелети“; међу примерима које наводи *РЈАЗУ* налазимо два која указују на префикс *уз-*: *Да моје срце ино не узжели него самога тебе* (А. Гучетић роз. јез.); *Тко узжели фале људске?* (Раднић 30а).

⁴⁸ *РЈАЗУ* има две одреднице *усладити*; један глагол је настао префиксом *у-* и има значење „наводити кога на слатко, осладити што кому“, а други префиксом *уз-* и значење му је „заволети што као слатко, стати, почети уживати што“.

⁴⁹ *РЈАЗУ* даје етимологију *уз-жестити*.

⁵⁰ По *РЈАЗУ*, овај глагол садржи префикс *у-*.

⁵¹ *РЈАЗУ* у том глаголу претпоставља префикс *уз-*.

⁵² *РЈАЗУ* претпоставља *у-жети*.

⁵³ *РЈАЗУ* претпоставља етимологију *у-штедјети*; међутим, занимљиво је што једно од значења објашњава речју *устегнути* (а глагол *устезати* исти речник даје као један од примера за значење „кретања унатраг“ префикса *уз-*).

Већина говорника не би, вероватно, спонтано помислила на то да је у глаголима које наводимо употребљен префикс уз-; разлог томе је тај што је префикс у- високо полисемичан, па за обично језичко осећање може да прими готово било које значење. Ако то у наведеним речима – или некима од њих – јесте (био) префикс уз-, онда је он, изједначивши се са у-, проширио његов семантички простор; другим речима, префикс у- упио је у себе део семантике префикса уз-.⁵⁴

Треба још приметити да је разликовање префикса уз- и у- важно понекад за лексикографску обраду. Тако *РМС* наводи *узидати* као једну лексему са два значења; међутим, та значења су таква да јасно говоре да је у питању хомоним: *узидати*¹, са префиксом у- и значењем „зидајући ставити, уградити у зид“ и *узидати*², са префиксом уз- и значењем „сазидати, саградити“ (= „подићи зидајући“). (Овај други глагол поменут је у овом раду под значењем *И.б.*)

Такође, у вези с глаголом *уживети* (*се*) наводе се значења која би се радије интерпретирала као међусобно неповезана: *уживети* значи „поживети“ (исто као и *узаживети*), а *уживети се* има допуну у+ак., што упућује на префикс у- (*уживети се у туђу ситуацију, у бујну детињску машту, одн. у кућу, у посед*).

На крају, занимљив је поступак *РМС* у вези с префиксалом чија је мотивна реч глагол *шетати*: постоји одредница *ушетати* (упркос томе што се та реч не може изговорити тако како је написана); обрађивач је несумњиво хтео да тај глагол разликује од глагола *ушетати* (или *ушетати се*), који има сасвим другачије значење („ући лаким кораком, као шетајући се“). То је, међутим, изузетан поступак – а и нема много смисла, јер већ под самим глаголом *ушетати* не налазимо само наведено значење него и значење „почети ходати тамо-амо, горе-доле“ – које би припадало префиксалу са уз- (дакле, хомониму).

4. Уз- уместо у-

Као што је префикс у- „освојио“ део семантичког простора префикса уз-, тако је лако могуће да се догодило и обрнуто – да је префикс уз- употребљен уместо у-. То је, наиме, највероватније објашњење за следеће префиксале: *усплашити* (*РМС* упућује на *уплашити*),⁵⁵ *устркивати се* (*РМС* упућује на *утркивати се*),⁵⁶ *успреподобити се* (*РМС* упућује на *упреподобити се*), *узмрсити се, узрадити* кад значи „урадити“ (в. т. б).

Ту замену свакако поспешује повремена синонимичност префикса уз- и у-, за коју смо већ дали више примера.

⁵⁴ То доводи до тога да се у- понекад употребљава уместо уз-. Такав је случај с глаголом *украмити*, за чије прво значење *РМС* даје дефиницију „скратити“, а за друго – „одузети, лишити чега, ускратити“.

⁵⁵ Могуће је да је замена у- префиксом уз- поспешена глаголима *усплахнути / усплахирити*, који имају слично значење као *уплашити*.

⁵⁶ *РМС* наводи један Змајев пример: *Онај силни Самум, оно чудо живо, са којим се негда [лав] често устркив'о*. Треба приметити да префикс уз- у *устркив'о* појачава алитераацију – понављање гласа *с* који се налази и у *силни, Самум, са, се, често*, што може бити мотив за такву твореницу.

5. Уз- уместо из-

У једном броју глагола као да је префикс уз- употребљен уместо префикса из-. Ако се заиста догодила таква замена, она је вероватно изазвана фонетском сличношћу тих предлога,⁵⁷ а поспешена случајевима у којима су уз- и из- синоними.

У питању су глаголи *узазвати* (РМС даје дефиницију „изазвати“), *узруковати се* (РМС као синоним наводи *изруковати се*), *успретапати* (РМС као синоним даје *испретапати*), *узмешати се*),⁵⁸ *успречити се*,⁵⁹ *узбочити се* (РМС даје дефиницију „избочити, истурити, испупчити“), *узвити се* и *узвинути* у значењу „извити се“ одн. „искривити“⁶⁰ *уздржати* у значењу „издржати, поднети, претрпети“⁶¹ *успоставити* кад значи „установити, сазнати“⁶² *узмакнути* или *узмакнути се* и *узмицати* или *узмицати се* кад не значе кретање уназад, него у страну,⁶³ *узрадити* кад значи „израдити“ (в. т. б) и можда још понеки глагол.

6. Остали случајеви

Творбено је занимљив глагол *узпети се*, чије значење РМС дефинише као „упети се, напрегнути се“ и за који даје пример *Највише се узпела диванити ... снаша Цеца* (Ивак.). Семантички је тај глагол у блиској вези са *упети се* и *зпети* – па би онда могао бити и резултат њиховог сливања: *у(пети) се + зпети*.

Глагол *узготовити* (који РМС обележава као покрајински и за који даје дефиницију „спремити за јело, зготовити“) синониман је – судећи по дефиницијама у РМС – са *уготовити* и *зготовити*, да ли је настао комбиновањем њихових префикса, или је префикс уз- ту изворни (и аналошки према *узварити*), тешко је рећи.

Специфичан је и глагол *узрадити* – *узрађивати*, који може бити синоним и са *израдити* (*Морам ... да узрадим нека те још данас изаберу* (Вел.)) и са *урадити* (*Као да је сторука, она устије и да намири дјецу, и да изађе на њиву, и узради све по кући* (Вуков.)), и да значи „обрађивати“ (*Што ће мужена? ... А имање ће некако узрађивати* (Лоп.)) – ово последње можда по аналогiji са *узорати*, *ускопати*.

Клајн помиње глагол *узнев(ј)ерити* као пример да се после префикса јавља „сегмент не-“ (2000: 290) и помиње могућност да је од тог глагола метатезом добијен глагол *узнев(ј)ерити* (за који каже да је чешћи) (2000: 300, у фусноти).

⁵⁷ Пошто граница између уз- и у-, како смо видели, није јасна, уз- је у овим случајевима могло бити схваћено као сливеница од у- и из-.

⁵⁸ Пример гласи *Дим на ветру ... зов птица у олуји ... ? Све је то узмешано и много неуловљиво* (КН 1956); о вертикалном кретању навише, дакле, не може бити речи.

⁵⁹ РМС наводи пример *Успријечи ли се тко, туци!* и даје дефиницију „успротивити се“. Пошто то значење може имати и глагол *испречити се* (РСЈ то значење дефинише као „одупрети, супротставити се“), могуће је да је *успречити се* добијено сливањем од *испречити се* и *успротивити се*.

⁶⁰ Одговарајући примери из РМС гласе: *Брзо збацила тежак нарамак на се узвила, чучнула ... ус-тала ... и ... пала ничице* (Рад. С.) и *Шта си, Јожнице, узвиуо грло, кано да ћеши пропјевати* (Ков. А.).

⁶¹ Пример из РМС гласи: *Тко би иначе уздржао так једноличан и досадан живот!* (Ков. А.).

⁶² *Из разговора с ... представником ... успоставило се да је производња у пуном току* (Крањч. Стј.).

⁶³ Примери (РМС) гласе: *Ја се узмакох и једним ударом ... оборим Доротеју* (Грол); *Седај! викну он Никивору, узмичући се мало удесно* (Ранк.); *Учитељ се склања и узмиче на све стране да у тијесну коме од госпоне не смета* (Ћип.).

Наш прилог овом питању било би запажање да би у том случају реч добијена метатезом била тежа за изговор од изворне речи – што се противи најчешћем разлогу за метатезу; на основу анализе рекли бисмо да се значење глагола *унезверити се* може повезати са семантиком префикса уз-.⁶⁴

7. Закључак

7.1. Остало нам је још да се осврнемо на читаву значењску мрежу префикса уз-. Она је сразмерно једноставна: основно значење је значење подизања у физичком (значење *I.1*) или неким метафоричким просторима (одговарајућа значења из групе *V*) – које је заједничко префиксу уз- и предлогу уз. На њега се надовезује значење кретања унапред у физичком или метафоричком простору (значење *I.2*, односно одговарајућа значења из групе *V*) – такође заједничко и предлогу и префиксу. Није, међутим, јасно каква је веза између значења *I.1* и значења *I.3*: не види се како би се кретање уназад надовезивало на кретање нагоре. Значење *I.4* (реципрочно) јасно је у вези са значењем *I.3*, а значење *I.5* је самостално од значења *I.1*, а вези је са другом компонентом типичног значења предлога уз – контактом између два објекта. На значење *I.1.a* надовезује се метафоричко значење префикса – значење започињања интензивне активности, процеса или стања (значење *II*), односно активности, процеса или стања уопште (значење *III*); одговарајућа метафора гласи интензивније је на вишем месту на скали интензитета. Значење футура другог (под бр. *IV*) довели смо у везу са значењем *I.1.б* – кретања унапред, помоћу метафоре постојање је путовање.

Остаје нам да забележимо појављивање истог глагола у више значењских група. Пада у очи да тога има, практично, само по изузетку. Глаголи *узвртнути (се)*, *узбацити* и *устурити (се)* могу имати и значење *I.1.a* и *I.1.в* – што нам говори да су та два значења ипак некако повезана. Ту везу сугерише и глагол *узвратити*, чија значења могу припадати групама *I.1*, *I.3* и *I.4*. Глаголи *устегнути* и *узвити се* могу припадати и групи *I.1* и групи *I.5* – а оне нису међусобно повезане; глагол *устити се* може припадати и групи *I.3* и групи *I.5* – опет без међусобне везе одговарајућих значења. Што се тиче полисемије која обухвата конкретна и апстрактна значења, бележимо неколико глагола који припадају групама *I* и *III*: *узлетети* (и „подићи се летећи“ и „почети летети“ – али ово друго само метафорички) и, на исти начин, *устрести се*, *узваљати се*, *усковитлати се*, *узвитлати се*, *усталасати* и *узњихати (се)*; али та два значења опет нису повезана тако да би се апстрактно значење лексема извело из конкретног. Све у свему, нема готово никаквих веза између различитих значења унутар самих лексема.

7.2. Ово истраживање сасвим потврђује констатацију И. Грицкат да употреба префикса уз- „у српскохрватском није жива“ (Грицкат 1966–1967: 203). Наиме, иако префиксала који су с њиме образовани нема мало, већина их је за данашње језичко осећање необична; а ако има синонимичних префикса, уз- им обично уступа место. У значењу футура *II* он се, практично, изгубио. Чак и у оном језгру које може да изрази само префикс уз- – а то је кретање навише – он је често редун-

⁶⁴ РМС има и одреднице *узврати се* (с упућивањем на *унезверити се*), *узверити* (с ознаком „необ.“) и *узвернути се* (с ознакама „необ.“ и „ијек“).

дантан, јер се исто лексичко значење може изразити и самим основним глаголом. Дакле, иако се његова основна семантика јасно распознаје, она, да тако кажемо, више није много употребљива – наш језик у великом делу семантике које може да покрије овај префикс радије посеже за другим изворима.

КОРИШЋЕНИ РЕЧНИЦИ

- ОР:** Мирослав Николић, *Обратни речник српскога језика*, Нови Сад: Матица српска / Београд: Институт за српски језик САНУ / Давор Палчић, 2000.
- РЈАЗУ:** *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIII, Zagreb: JAZU, 1880–1974.
- РСЈ:** *Речник српскога језика*, Нови Сад: Матица српска, 2007.
- РМС:** *Речник српскохрватскога књижевног језика*, I–VI, Нови Сад: Матица српска.
- РСАНУ:** *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I–XVIII, Београд: САНУ.
- РХС:** R. F. Poljanec, S. M. Madatova, *Русско-хорватскиј словарь – Rusko-hrvatski rječnik*, Zagreb: Školska knjiga, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабић 1986:** Stjepan Babić, *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Zagreb: JAZU / Globus.
- Барић и др. 1979:** Eugenija Barić i dr., *Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika*, Zagreb: Školska knjiga.
- Белић 1949:** Александар Белић, *Савремени српскохрватски књижевни језик, II део: Наука о грађењу речи*, Београд: Научна књига.
- Броћић (у штампани):** Андријана Броћић, „О концептуализацији појмова понос, гордост, охолост и надменост у српском језику“.
- Вуковић 1967:** Jovan Vuković, „Futur drugi i glagolski oblici ekvivalentni po upotrebi u srpskohrvatskom jeziku“, [u knjizi] *Sintaksa glagola*, Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika.
- Грицкат 1956:** Ирена Грицкат, „О неким особинама футура II (футура егзактног)“, *Наш језик*, књ. VIII, св. 3–4, стр. 89–105.
- Грицкат 1966–1967:** Ирена Грицкат, „Префиксација као средство граматичке (чисте) перфектизације“, *Јужнословенски филолог*, XXVII, стр. 185–223.
- Грубор 1953:** Ђуро Грубор, „Аспектна значења“, *Rad*, 293, стр. 5–234, 295, стр. 81–284.
- Клајн 2002:** Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику – Први део (слагање и префиксација)*, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства / Институт за српски језик САНУ, Нови Сад: Матица српска.
- Кликовац 2004:** Duška Kličovac, *Metafore u mišljenju i jeziku*, Београд: XX vek.

- Кликовац 2006а:** Душка Кликовац, „Конвенционалне менталне слике у настави српског језика“, *Књижевност и језик*, LIII: 3–4, стр. 267–277.
- Кликовац 2006б:** Душка Кликовац, „О метафоричкој концептуализацији неких апстрактних појмова из домена моралности“, *Српски језик*, XI / 1–2, стр. 103–114.
- Кликовац 2008:** „О семантици и употреби предлога уз“, [у зборнику] *Семантичка проучавања српског језика* (ур. М. Радовановић, П. Пипер), Београд: САНУ, стр. 95–127.
- Лејкоф 1982:** George Lakoff, “Categories: An essay in cognitive linguistics”, in: *Linguistics in the Morning Calm* (The Linguistic Society of Korea, ed.), Seoul: Hanshin Publishing Com., pp.139–193.
- Лејкоф 1987:** George Lakoff, *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Маретић 1899:** Tomo Maretić, *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*, Zagreb.
- Милошевић 1970:** Ksenija Milošević, *Futur II i sinonimski oblici u savremenom srpskohrvatskom književnom jeziku*, Srajevo: Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine.
- Расулић 2004:** Katarina Rasulić, *Jezik i prostorno iskustvo*, Београд: Filološki fakultet.
- Силић и Прањковић 2005:** Josip Silić, Ivo Pranjković, *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*, Zagreb: Školska knjiga.
- Стевановић 1972:** Михаило Стевановић, „Глаголски облици као међусобне синтаксичке опозиције“, *Јужнословенски филолог*, XXIV, св. 1–2, стр. 81–103.
- Стевановић 1975:** Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик, I – Увод, фонетика, морфологија*, Београд: Научна књига (3. издање).
- Стевановић 1979:** Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик II – Синтакса*, Београд: Научна књига (3. издање).
- Тејлор 1989:** John Taylor, *Linguistic Categorization – Prototypes in Linguistic Theory*, Oxford: Clarendon.

Duška B. Klikovac

ON THE SEMANTICS OF THE VERBAL PREFIX UZ-

Summary

This paper deals with the semantics of the Serbian verbal prefix *uz-*, which occurs in approximately 400 verbs (the exact number cannot be stated, since one of its allomorphs is identical with the preposition *u-*). Within the theoretical and methodological framework of cognitive semantics, the concrete and abstract meanings of the prefix *uz-* are described, the conceptual

metaphors that account for its abstract meanings are formulated, the *Aktionsarts* of the pertinent verbs are discussed, and the relationships of synonymy and antonymy with other prefixes are investigated.

Uz- is found to have five concrete meanings, denoting the motion of an object in the physical space: (1) upward – *uzdići (se)*, *uzgajiti*, *uspraviti (se)*, *ustalasati (se)*, *uzdrmati (se)*; (2) forward – *uznapredovati*, *uzorati*, (3) backward – *uzmaknuti*, *uzdržati se*, (4) reciprocal – *uzvratiti*, and (5) towards another object – *uzviti se*. The meaning 1 is prototypical, the others are exemplified only by a few verbs (the meaning 4 only by one verb). The meanings 1, 2 and 5 are also typical meanings of the preposition *uz*. Among metaphorical senses, two are dominant: the beginning of an intense activity, process or state, whereby the prefixation by *uz-* is accompanied by the reflexivization of the verb (*trčati* – *ustrčati se*, *mucati* – *uzmucati se*), and the mere beginning of an activity, process or state, regardless of its intensity (*ustreptati*, *uzjoguniti se*, *uzoholiti se*). Both are instances of the metaphor MORE INTENSIVE IS HIGHER. The most important other metaphors include AUTHORITY IS UP (*uzdati se*), HIGH PITCH IS UP (*uzviknuti*), BRINGING INTO PREVIOUS STATE IS BRINGING BACKWARD (*uspostaviti*), and several concretizations of the metaphor INTENSIVE IS UP: INTENSIVE TASTE IS UP (*uskisnuti*), WARM IS UP (*uzmlačiti*), DISORDER IS UP (*uznerediti*), RESTLESSNESS IS UP (*uznemiriti*, *usplahiriti*).

This investigation corroborates previous findings in the literature that the Serbian prefix *uz-* is not very active. Although the verbs prefixed by *uz-* are not scarce, for the contemporary intuition they are unusual or archaic; if *uz-* has synonyms, they tend to be more common, while its future meaning (common in the language of Vuk Karadžić) has practically disappeared. The author concludes that the semantics of *uz-*, although clearly delineated, is not much exploited any longer – the Serbian language covers much of it with other sources.

ВЕРИЦА Д. КОПРИВИЦА*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ЛЕКСИЧКОСЕМАНТИЧКЕ ГРУПЕ КАО ПОЛАЗИШТЕ ЗА КОНФРОНТАТИВНУ АНАЛИЗУ ДЕРИВАЦИОНИХ СИСТЕМА ДВА СЛОВЕНСКА ЈЕЗИКА

Сажетак. Творбена семантика може се поделити на општекатегоријалну (семантика врсте речи) и семантику конкретне творбене категорије и творбеног типа. Неке творбене категорије су семантички монолитне (нпр. називи особине или радње), друге су знатно разуђеније (називи носилаца особине). Некада изведенице спадају у исту творбену категорију, али у различите лексичкосемантичке групе, које су иначе семантички релативно компактне. Упоредивањем лексичке семантике још ситнијих групација речи, семантички веома тесно повезаних, у два словенска језика (чешком и српском), уочене су бројне разлике, нпр. код назива за различите дажбине (пре свега у чешком), за врсте жестоких пића, домаћих животиња и сл.

Кључне речи: чешки и српски језик, творбена семантика, семантичке групације, конфронтативна анализа.

Творбена значења се дефинишу као уопштена, категоријална значења (тј. значења већих група речи, као што су врсте речи, ономасиолошке и творбене категорије), док лексичка значења поред категоријалних садрже и конкретна значења.

Под творбену семантику можемо подвести више врста значења:

1. Творбена семантика у најширем смислу тиче се четири врсте речи које су творбено релевантне: значење супстанце, радње (процесуалности), својства и околности.

2. Значења правих творбених категорија: носиоци радње (*nomina agentis*, *nomina actoris*), носиоци особине, место, инструмент, резултат радње, апстрактни назив радње или особине, моција, деминутиви и сл.

3. Трећи елемент значења на изванредан начин представља конкретизовање другог значења, то је значење одређеног творбеног типа, тј. форманта, нпр. носиоци првенствено духовне радње у чешком језику означавају се типом са суфиксом *-tel*, док је за физичку активност резервисан тип са суфиксом *-č* (*nositel*

---

* e-mail: verica.koprivica@gmail.com

: *nosič*), у српском су овим типовима еквивалентни типови са суфиксима *-лац* и *-ч* (*носилац* : *носач*).

4. Посебан тип значења у изведеницу уноси мотивна реч па деадјективи, девербативи, десупстантиви садрже у себи и семантику врсте речи из своје основе. Пошто мотивна реч веома често и сама има сложу творбеносемантичку структуру, може се ићи и дубље у рашчлањивање и откривати разлика у семантици коју носе нпр. придеви из основе именица, а они сами по својој творбеној структури могу бити примарни или изведени од именица, глагола, неких других врста речи (заменица, бројева, прилога или других придева), или су настали од предлошко-падежне конструкције, а некада су у основи именица сложени придеви.

5. Следећи моменат приликом анализе изведеница представља примена заправо лексичког критеријума – сврставање по лексичкосемантичким групама: називи за особе, животиње, биљке, за ствари и апстрактне појмове. Некада једна изведеница може садржати значење више лексичкосемантичких група, тј. јавља се полисемија (уколико се не ради о метонимијском значењу, што се мора сматрати лексичким, а не творбеним процесом).

6. Следећи и последњи корак чини рашчлањивање изведеница на семантичке групације (подгрупе), чије чланове повезује једно конкретно значење у оквиру истог творбеног типа, као и у оквиру исте лексичкосемантичке групе. Те групације могу дати највише података приликом конфронтативне анализе два (сродна) језика о конкретној реализацији појединачних низова речи, као и о творбеном потенцијалу и продуктивности средстава у два језика. Управо такве компактне групације имају највише творбене потенције да у својству модела подстакну настанак нових речи са идентичном творбеносемантичком парафразом.

Међу врстама речи управо именице, које имају најшире творбено значење супстанце, представљају најразуђенији и најбогатији систем са преко 500 творбених типова (колико има и именичких суфикса, са варијантама). Уочава се неједнако присуство оваквих јединствених семантичко-творбених групација у творбеним категоријама схваћеним као трихотомија (по Милошу Докулилу): мутација, транспозиција и модификација. Мутација је грађење назива нових појава на основу њихове везе са постојећим појавама, транспозиција је именовање исте појаве другом врстом речи из синтаксичко-стилистичких разлога, а модификација је обогаћивање семантичке структуре већ постојеће речи још неким семантичким обележјем (HORECKÝ, 1989, стр. 32). Неке именичке творбене категорије су семантички монолитне, посебно транспозиционе (нпр. називи особина, називи радње), друге су знатно разуђеније, са много семантичких групација (као мутациона категорија назива носилаца особина). Што је већи број изведеница у једном мутационом типу, што је тип продуктивнији, то је у њему већи број конкретних семантичких групација. Насупрот томе, транспозиционе и модификационе категорије имају ограничене могућности формирања оваквих групација, што је у складу са значењем самих ономасиолошких категорија: код транспозиције је најмање одступање од општег значења творбене категорије (нпр. апстрактни називи особина), док је, на другој страни, код мутационих категорија најчешће

присутна лексикализација. То је у вези и са ступњевитишоћу творбе: што се реч налази даље од центра творбеног гнезда (што је случај са транспозиционим категоријама), тиме је мањи њен творбени потенцијал; што је изведеница даље од почетне речи, од врха гнезда, то се употребљавају све правилније и продуктивније творбене категорије и типови. На највишим ступњевима творбе налазе се управо апстрактни називи особина и радње, затим деминутиви, посебно другостепени. Сви они представљају уједно и завршетке творбених низова, тј. само изузетно ступају у творбене односе као мотивне речи за нове изведенице, што значи да имају низак творбени потенцијал. Ј. А. Земска их је окарактерисала као „најмање лексичне речи“ (ЗЕМСКАЈА Е. А., 1992, стр. 33). Та правилност њиховог значења омогућава знатну типизацију творбене парафразе приликом лексикографске обраде, њихово творбено значење већином се подудара са њиховим лексичким значењем. На потпуно супротној страни од њих стоје деривати који су изведени помоћу непродуктивних средстава и они се налазе на првом ступњу деривације (НОРЕЦКÝ, 1989, стр. 47).

Пошто се код великог броја глобалних творбених категорија подразумева да имају као ономасиолошку базу називе за особе, из наше анализе биће искључени називи који означавају људе, иако би се и међу њима могли наћи низови који су међусобно семантички тешње повезани. Покушали смо да пронађемо оне ситније монолитне семантичке групације које у својој творбеној парафрази, тј. као ономасиолошку базу, имају предмет, животињу или биљку. Поређењем категорије носилаца особина дошли смо до закључка да се системски та творбена категорија у чешком и српском знатније не разликује. Изузетак представља један цео чешки семантичко-творбени тип и један творбени начин који не постоји у српском: чешки гради именице средњег рода са придевском деклинацијом и суфиксом *-né*, које именују неке видове плаћања, тј. дажбина, примања, плата, такси, надокнада и сл., било да су оне правилне или повремене, ев. пригодне (KONDROVÁ, 1967, стр. 672). Ово је можда најтипичнији пример једне сасвим ретке појаве да се границе једног творбеног типа у потпуности поклапају са границама једне лексичкосемантичке групе. У овој лексичко-семантичкој групи су ти односи чвршћи него у великим ономасиолошким категоријама, па често значење дажбина даје подстицај за аналошку творбу, некада сасвим механичку, по одређеном моделу (и тамо где придев никада није постојао). По свом пореклу ово су супстантивизовани придеви и неки од њих имају још увек живу везу са мотивним придевом. Код многих се, међутим, осећа тесна веза и са основом из мотивног придева, па се може говорити и о директном извођењу од глагола или именице, тј. о двострукој или о паралелној мотивацији, а код евидентно механичког извођења по одређеном моделу (двадесетак именица) постоји само неадјективна мотивација (мотивација глаголом или глаголском именицом). Многи од ових назива тесно су везани за развој појединих друштвених области: када се уводи нова служба, уводе се и називи за нови тип таксе. Када нека делатност јењава или се губи, одговарајући називи дажбина попримају карактер архаизама и добијају ознаку „историјски (израз)“, „застарели (израз)“, „раније“ и сл. У новијем четвортомном *Речнику књижевног чешког језика* нашли смо нешто више од 120 именица, док је у прошлости било знатно више таквих назива, за шта потврду налазимо у *Приручном*

речнику чешког језика, у коме је пронађено 226 примера (KONDROVÁ, 1967, стр. 672). У старијем, Чешко-немачком речнику у пет томова Јозефа Јунгмана, објављеном 1834–1839, у 120000 речи има три пута мање примера, што доказује да су овакви изрази највише настајали од друге половине 19. века и пратили развој и уређивање модерног друштва. Већ у Старочешком речнику Јана Гебауера (*Slovník staročeský* 1 1903, 2 1916) срећу се изрази: *celné* (данас има ознаку арх.), *cestovné* (старија форма *cestné*), *čechelné* (ист.), *lesné*, *mýtné*. Најчешћи савремени изрази су: *bolestné*, *cestovné*, *delegačné*, *doplatné*, *dopravné*, *dovozné*, *jízdné*, *kapesné*, *léčebné*, *mostné*, *nájemné*, *nocležné*, *podnájemné*, *pohřebné*, *pojistné*, *poštovné*, *předplatné*, *služné*, *spropitné*, *školné*, *vstupné*. Овај тип поред суф. *-né* има варијанту *-ovné*, а постоји и једна именица са суф. *-ské* – *nemocenské*, која је такође по пореклу поименичени придев. Ретко се јављају и именице са другим суфиксима у истом значењу: *letník* врста пореза, *obratovka* 'порез из обрта'.

У српском језику не постоји јединствен еквивалент овога типа – заступају га типови са мање специфичним, полифункционалним суфиксима, најчешће суфикс *-ина*: *закупнина* новац за закуп, *извознина* царина, *испитнина* заст. такса, *најамнина*, *откупнина* новац за откуп, *попутнина* 'попудбина', *посмртнина* 'новчана помоћ породици за сахрану', *складишнина* 'накнада за смештај робе у складиште', *увознина* такса, *укопнина* такса за упок, *уписнина* такса, *царевина* 'царски данак', *налазнина* награда за налажење нечега, *осигурнина* 'новчани износ осигурању за предвиђени случај', 'средства за живот, осигурање', *оставнина* 'оно што се плаћа за оставу', *отправнина* 'накнада приликом отказа службе', *отпремнина* 'отправнина', 'трошак за отпремање пошиљке', *приступнина* 'новац који се плаћа при приступању у неко друштво', *улазнина* 'новац за улазак', *учевина* (са скраћеном основом придева) 'плата, награда за учење'. Нађен је и један пример са суфиксом *-ица*, означен као историзам, *главница* (са дугосилазним акцентом на првом слогу) 'порез који су ожењени мушкарци плаћали Турцима', 'порез Турцима на непокретну имовину'.

У чешком је продуктиван подтип за називе језика, пошто се практично за све језике могу градити називи помоћу завршетака *-ština*, *-čtina*, *-čina*: *čeština*, *ruština*, *srbština*, *polština*, *slovenština* (пеђе и заст. *slovenčina*), *slovinština*, *staroslověňština*, *řečtina*, *turečtina*, *arabština*, *amerikánština* (експр.), *angličtina*, *činština*, *francouzština*, *japonština*, *hebrejština*, *němčina* (од скраћене основе придева), *romština*. По истом типу граде се и називи дијалеката и неки други називи за врсте говора: *ekavština*, *štokavština*, *slezština*, *bibličtina* (архаично *bibličina*) 'језик Краљичке библије', *hlaholština* (пеђе), *pražština* (пеђе), *mateřština* 'матерњи језик', *židovština* (пеђе) језик, жаргон Јевреја, (погрд.) 'јеврејски начин живота', *cikánština* језик, (пеђе) 'цигански начин живота и особине', *měsíčtina*¹ (шаљ.) 'говор становника Месеца'. Именица *latina* може се тумачити као изведеница од скраћене основе (депрефиксацијом), или у резултату хаплоглогије, због преклапања два сегмента *in*, једног као дела основе *latin-ský*, и другог у форманту *-ina* (TVŮŘENÍ, 1967, стр. 285). Друга могућност тумачења ове изведенице је кондензацијом директно од

¹ Мотивни придев је *měsíční* па се овде може издвојити и суфикс *-tina*, уз скраћивање основе.

латинског израза *lingua latina* > *latina*, после чега се издвојио суфикс *-ina*, који је вероватно послужио као модел за све називе језика и дијалеката.

У српском се помоћу еквивалентног творбеног типа граде само називи за наречја: *екавитина*, *ијекавитина*, *јекавитина*, *икавитина*, *кајкавитина* *чакавитина*, *штокавитина*. Са овим именицама синонимне су именице са суфиксом *-ица*: *екавица*, *ијекавица*, *икавица*. У осталим значењима изведенице су стилски маркиране и обично имају иронично значење: *говедаритина* (пеј.) 'језик говедара', (заст. ирон.) назив за народни језик, *кинештина* (фиг.) 'лукавост', *швапитина* (ирон.) 'швапски језик'.

Приликом анализе конкретних групација наишли смо на низове речи које су системски веома продуктивне јер се све именице са датим значењем граде искључиво помоћу овога типа, мада их има мало. Због тога је оправдано говорити и о емпиријској продуктивности, која је у овом случају веома ниска (DOKULIL, 1962, стр. 80–84). Тако смо у српском језику нашли свега пет данас већ помало заборављених назива за пијаћу воду у односу на моменат када је захваћена или наточена (додуше у речницима они нису означени као застарели или ретки): *малопрешњица* 'она од малопре (вода)', *јутрошњица* 'јутрошња вода', *јучерашњица* 'јучерашња вода', *синоћница*, 'вода синоћ наточена', *скорашњица* 'мало пре донесена вода'. За чешки такви називи нису потврђени. Творбена парафраза, која је по правилу прилично уопштена, могла би се код ове групације конкретизовати у „вода која је наточена у време које изражава прилог из основе мотивног придева“, чиме бисмо у центар парафразе ставили сасвим конкретну ономасиолошку базу „вода“ уместо уопштеног „нешто што је онакво као у основи придева“. Сам појам „вода“ представља ономасиолошку базу и код неких новијих изведеница колоквијалног и шаљивог карактера у српском, нпр. *чесмовача*. Овде је генетски мотив место одакле потиче вода, али је реч очигледно настала по продуктивном моделу за називе жестоких алкохолних пића, ракија и ликера, *бресковача*, *дудовача*, *дуњевача/дуњо-*, *вишњевача/вишњо-*, *лозовача*, *комовача*, *јабуковача*, *крушковача*, *кајсијевача/кајсијо-*, *орახовача*, *трешњевача/трешњо-*, *смоковача*. За овај тип изведеница чешки језик има одговарајући низ са суфиксом *-ice*: *hruškovice*, *slivovice*, *třešňovice*, *višňovice*, *meruňkovicе* 'кајсијевача' (облик *meruňčice* од скраћене основе настао је под утицајем словачког назива). Као модел за настанак овог низа именица послужила је у чешком именица *slivovice*, иако сама основа придева именица *slíva* нема у књижевном чешком шире значење „шљива“ (*švestka*), већ „џанарика“² (VÁHALA, 1967, стр. 660). Подтип са суфиксом *-ица* користи се у српском језику за изражавање истог значења, али је он у том значењу мање продуктиван: *виновица* 'ракија од вина, вињак', *крушковица*, *шљивовица*, *трешњевица/трешњо-*, *дрењиновица*, *комовица*, *кимовица*. Као конкурентан, мада мање продуктиван, за називе напитака у чешком језику јавља се и тип са суфиксом *-ка*: *višňovka*, *ořechovka*, *kmínovka* (и *kmínka*, са скраћеном основном) 'ракија од кима', *pálenka* 'ракија' (уопште).

У више подтипова уочили смо у оквиру лексичкосемантичке групе назива за животиње неколико компактних семантичких групација назива за домаће жи-

² Шире значење има именица *slíva* само у дијалектима.

вотиње, нешто више у српском него у чешком језику. Издваја се група назива за волове (15 назива – сви припадају типу са суфиксом *-оња* и већином су изведени од примарних придева), као и више назива за псе и краве:

– *белоња/бијел-бјел-, гароња* 'црн во', *зекоња*³, *зрикоња, крилоња* 'криласт во (који је по трбуху и боковима беле боје)', *милоња, младоња, мркоња, плавоња, риђоња, рудоња, свилоња, сивоња, шароња, широкоња*;

– *белов/бје-, гаров* (од скраћене основе придева), *жућов* (уз промену *t > ě*), *зељов, кудров, кусов, мрков, рундов, шаров*;

– *драгуља, жутуља, златуља* крава златасте боје, *кусуља, многуља* у игри речи у значењу „многo“, многе (краве), *мркуља, плавуља, сивуља, шаруља*.

На другој страни чешки има малобројну компактну групацију назива лептира са суфиксом *-ás(e)k*:

– *bělásek* (уп. *bílý*) 'дневни лептир', *hnědásek* 'ситан дневни лептир', *modrásek* 'плавац (лептир)', *žlutásek* 'дневни лептир са жутиим крилима'.

Многе од нађених семантичких групација су коначне и тешко је претпоставити да се могу ширити из екстралингвистичких разлога – напосто је мало вероватно да ће бити откривене још неке врсте осим оних које већ постоје у одређеној групацији: такав је у чешком тип са суфиксом *-an* за хемијске називе соли: *dusičnan, dusitan, fosforečnan, siřičitan, sirnatan*, као и тип поименичених придева у облику множине, који има основно значење биолошких фамилија биљака и животиња. При томе треба разликовати називе биљака, који су женског рода са завршетком *-é*, од назива за животиње, који имају облик мушког рода са *-í*: *blanokřídli* род инсеката, *dutorozí, dvojdyšní, dvoukřídli, chudozubí, kočkovití, kostnatí* пор. риба, *krátkokřídli* род птица, *kruhoustí* врста кичмењака, *lososovití, masožraví, parohatí, píďalkovití* пор. лептира, *příčnoústí, psovití, pštrosovité, rovnokřídli, síťokřídli, veslonoží, živorodí; jednoduchéložné, křížaté, motýlokvěté, okoličnaté, semenné, složnokvěté*. У чешком језику много је више супстантивизованих придева у облику плурала у значењу биолошких фамилија него у српском, у коме се тај сегмент реалног света (и у научном стилу) попуњава суфиксалном творбом (такође често у облику множине), типовима са суфиксима *-ача, -ица* за ботаничке називе – *голосеменице, голосемењаче* и сл. и изведеницама са суфиксом *-иц* за зоолошке термине: *водоземац, црвеноглавац* инсект, 'чешљугар', *главоношци* ред морских мекушаца, *крилоношци* врста пужева, *стаклокрилци* лептири, *стрвождерци* инсекти, *тврдокрилци* инсекти, *троцевци/троције-* (од скраћене основе придева) врста црва, *чланконошци*. 'зглавкари', *четворonoжац/четверо-*.

Са појмом емпиријске и системске продуктивности могу се повезати и други низови речи попут назива за поједине врсте воћа, јабуке (15 назива у српском и 7 у чешком), крушке (17 назива у српском и 13 у чешком), трешње, шљиве и др. При томе је већи број тзв. народних назива, код којих се можда могу остварити још неке нове номинационе јединице, за разлику од ботаничких и аграрних термина, за које је то врло мало вероватно и везано је за стварање нових хибридних сорти.

³ Већина назива за псе и половина назива за волове грађени су од скраћене основе придева.

При томе постоји више суфикса за њихово извођење, тј. сврставамо их у неколико творбених типова. Знатно је већа продуктивност нпр. лексичкосемантичког подзрета назива гљива у чешком него у српском (26:7), ти називи су расути у више творбених типова, са више различитих суфикса (дакле нису формално монолитне групације).

На стварање конкретних семантичких групација директно утиче продуктивност одређеног творбеног типа. Типови који садрже веома велики број изведеница формирају много већи број оваквих групација него мање продуктивни типови. Као пример може се навести чешка веома продуктивна лексичкосемантичка група назива за ствари изведених од десупстантивних придева помоћу суфикса *-ka*, док је ова група у српском непродуктивна. Та висока продуктивност обезбеђује груписање изведеница у више семантички монолитних низова и настаје упадљиво асиметричан однос у корист чешког језика: бројни су називи за луле (7 назива: *dřevěnka, gypsovka, jalovcovka, hliněnka, pěnovka, sádrovka, višňovka*), за врсте земљишта, за напитке, јела, нарочито чорбе, штапове, прутове и сл.

Анализом деадјективних именица творбене категорије носилаца особина дошли смо до закључка да се системски та категорија у чешком и српском језику знатније не разликује. Ни на нивоу творбених типова не постоје битније разлике. Што смо ниже нивое творбеног система два језика поредили, то смо учавали све већа разилажења. На нивоу конкретних семантичких групација унутар лексичкосемантичких група разлике се манифестују у три вида: прво, постоји паралелан однос са истим формантима у два језика, само је у једном језику тип продуктивнији, друго, постоје други слични форманти који изражавају семантичку и функционалну еквивалентност и, треће, не постоји слична групација у једном од језика, тј. асиметричност се јавља на нивоу семантичких групација (што је прилично често), али и на нивоу читавих творбених типова (што је ређе).

ЛИТЕРАТУРА

- HORECKÝ, JÁN A KOL., *Dynamika slovnjej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava 1989.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А., *Словообразование как деятельность*. Москва 1992.
- DOKULIL, MILOŠ, *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha 1962.
- Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Red. F. Daneš, M. Dokulil, J. Kuchař. Praha 1967.
- KONDROVÁ, VLASTIMILA, „Názvy dávek a poplatků“. In: *Tvoření slov v češtině 2, Odvozování podstatných jmen*. Praha 1967.
- VÁHALA, FRANTIŠEK, „Některé sémanticko-slovtvorné skupiny jmen“. In: *Tvoření slov v češtině 2. Odvozování podstatných jmen*. Praha 1967.

Верица Копривица

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ – ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ДЛЯ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДЕРИВАЦИОННЫХ СИСТЕМ ДВУХ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Резюме

Словообразовательную семантику можно подразделить на общекатегориальную словообразовательную (частеречную) семантику и семантику конкретной словообразовательной категории и словообразовательного типа, или словообразовательной модели. Некоторые словообразовательные категории являются семантически монолитными (например, названия качеств, названия действий), другие – гораздо шире (названия носителей качества). Производные слова, входящие в одну и ту же словообразовательную категорию, можно подразделить на разные лексико-семантические группы, которые сравнительно компактны. Качество компактности дает возможность словообразованию по аналогии, т. е. словообразованию по определенной словообразовательной модели. Одна семантическая подгруппа охватывает несколько словообразовательных типов (т. е. суффиксов) – что является часто, или, реже, только один словообразовательный тип (например, суффикс *-ně* для названия расходов в чешском языке).

Лексическая семантика еще меньших групп слов, тесно связанных между собой, может являться отправной точкой для конкретного лексического анализа деривационных систем двух славянских языков (чешского и сербского). Компактные семантические подгруппы являются наиболее числительными, когда речь идет о мутационных ономастических категориях, в то время как транспозиционные и модификационные категории имеют ограниченную возможность для их формирования. Мы заметили совпадение в словообразовательных системах двух языков на уровне высших единиц, но сопоставляя более мелкие семантические подгруппы мы обнаружили многочисленные различия. Очень много различий, как мы заметили, является на уровне отдельных лексических подгрупп в рамках определенной лексико-семантической группы, таких как, например, названия расходов (чаще всего в чешском языке), названия сортов фруктов, спиртных напитков, домашних животных и т.п.

ИВАНА В. ЛАЗИЋ-КОЊИК*

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ, БЕОГРАД, СРБИЈА

СЕМАНТИЧКО-ДЕРИВАЦИОНИ ПОТЕНЦИЈАЛ РЕЧИ У ОТКРИВАЊУ ЛЕКСИЧКИХ И КУЛТУРАЛНИХ КОНОТАЦИЈА (на примеру концепта *живот*)**

Сажетак. На примеру речи-појма живот показује се улога семантичких и творбених деривата у откривању неких лексичких и културалних конотација основног назива у језичком сазнању носилаца српског језика, које нису на довољно кохерентан начин представљене у речничким дефиницијама, а важне су са становишта концептуализације датог појма, установљавала укупног семантичког обима и начина функционисања у конкретним текстовима, тј. језику.

Кључне речи: живот, постојање, семантичко-деривационо гнездо, творбени деривати, концепт, језичка слика света, конотација, култура, српски језик.

1. На основу анализе семантичко-деривационог гнезда са значењем 'живот', представиће се неке лексичке и културалне конотације речи-концепта живот, које су се усталиле у колективној свести носилаца српског језика и језичкој слици овог појма, а лексикографске дефиниције их по правилу недовољно узимају у обзир.

1.1. Лингвистичка истраживања когнитивне и лингвокултуролошке (етнолингвистичке) оријентације показала су да је за проучавање укупног семантичког богатства неке речи и реконструкцију језичко-културалне слике света, тј. њених фрагмената (појмова, концепата), неопходно узимати у обзир различите типове података свих нивоа или подсистема језика (Бартмињски 2011: 48). Значајну улогу у том смислу свакако има анализа творбених деривата и других парадигматских односа, будући да се на тај начин откривају извесне скривене лексичке и прагматичке компоненте, које се другим видовима анализа не могу препознати у довољној мери, или се уопште не могу открити.

1.2. Истраживање ће бити засновано на лексикографском материјалу представљеном у *Семантичко-деривационом речнику*, св. 2 (СДР2) под одредницом *жив* и на корпусу два речника савременог српског језика, *Речника српскохрват-*

---

* e-mail: ivana.konjik@gmail.com

** Рад је настао у оквиру пројекта 178009 *Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, који у целини финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

ског књижевног и народног језика САНУ (РСАНУ) и Речника српскохрватскога књижевног језика (РМС6), за лексему *живот* и лексичке јединице њеног творбеног гнезда.

1.3. У истраживању ће се поћи од схватања израженог у бројним радовима когнитивнолингвистичке оријентације о синкретизму појмова живот и смрт, њиховој међусобној супротстављености и уклопљености у систем бинарних опозиција у језику (исп. нпр. Павловић 2004: 15–29 и 64–69; Джиан Пинг и др. 2010: 114 и 118; Талицкаја 2011: 5; о бинарним опозицијама у језику писали су В. В. Иванов и В. Н. Топоров, Н. И. Толстој).

2. Покушаћемо да покажемо на који начин семантички и творбени деривати лексеме *живот* преузимају и откривају неке скривене конотације основног назива и укажемо на оне елементе у концептуализацији њеног значења који откривају специфичности културе носилаца српског језика. Разлог интересовања баш за ову лексему лежи у чињеници да припада апстрактним именицама тзв. културалним концептима, којима се именују основне егзистенцијалне категорије, као што су мајка, дом, породица, земља, народ (Бартмињски 2011: 195), и уједно кругу појмова тзв. *indefinibilia* (појмови који се не могу дефинисати), што имплицира потешкоће приликом покушаја језичког идентификовања и лексикографског представљања.

2.1. Иако се концептуализација оваквих појмова заснива на универзалним компонентама знања о свету, њихово конституисање у сваком језику у вези је и са особеностима наивног поимања света, па су за укупно семантичко одређивање (више него за неке друге појмове), важне карактеристичне особине које им говорници српског језика субјективно приписују. Ове особине, као резултат субјективног доживљаја света од стране носилаца српског језика, друштвено су прихваћене и устаљене у језику и култури српског народа и одражавају национална схватања и вредности у складу са друштвено-историјским приликама и животним искуством заједнице (исп. Бартмињски 2011: 46).

3. Концепти живот и смрт нису били предмет детаљнијег истраживања у досадашњим србистичким лингвистичким истраживањима,¹ па ни језичка слика о овим појмовима с аспекта поимања носилаца српског језика није довољно проучена.

3.1. Појмови живот и смрт се у лингвистичкој литератури уобичајено посматрају заједно, као елементи једног бинарно структурираног концепта живот – смрт, у коме сваки елемент има своје значење и подједнак значај. Иако у појмовном смислу испољавају својство апсолутне супротстављености (означавају два супротна човекова стања, смрт представља негацију живота, тј. одсуство

¹ За разлику од неких других језика, нпр. руског, у којем су свестрано проучени (в. Павловић 2004; Ипанова 2005; Пименов и др. 2007; Лоскутова 2009; Джиан Пинг и др. 2010, као и бројни радови посвећени концептуализацији појмова живот и смрт у различитим врстама текстова у руском језику, нарочито у књижевно-поетском дискурсу). За српски језик, нама је једино познат рад *Живот и смрт у језику и култури (на руском и српском материјалу)* (Павловић 2004) и два необјављена рада: мастер *Концептуализација појмова ЖИВОТ и СМРТ у српском језику* (Ј. Јовановић) и рад предаг за Зборник са недавно одржаног научног скупа у Нишу *Вредности у концептуализацији речи живот и смрт говорника српског језика* (И. Лазић-Коњик и Ј. Милошевић).

живота), њихов међусобни однос толико је сложен, да их је некада веома тешко раздвојити. Живот и смрт су повезани узрочно-последичним односом почетка и краја; смрт означава крај живота или прекид живота, али у исто време и почетак неког новог живота или његовог новог облика,² па се мора посматрати и као исходно и као потоње (појмовно) подручје постојања субјекта у времену и простору. Овакво тумачење саобразно је филозофском схватању повезаности ове две категорије, као и различитим религијским и културним системима, а у српском језику је потврђено бројним примерима типа: *загробни живот, на живот и (на) смрт, кидисати своје животу, кидисати на свој живот, отргнути животом, раскинути са животом, смирити се животом, жив премрети, жив умрети, ни жив ни мртав, жив(и) мртав* и др.³

4. Уобичајено је да концепти носе називе према лексичким јединицама које их садржински најадекватније представљају (*живот*), али је несумњиво да су у језику репрезентовани кроз читав низ лексема које улазе у одговарајућа творбена гнезда. Постојање творбено обележених форми у језику указује на њихов значај у језичкој свести говорника, будући да творбеној детерминацији подлежу оне особине појава из стварности које су по нечему важне за носиоце датог језика (Вендина 1998: 41). Како су садржаји концепата живот и смрт у непосредној вези са значењима одговарајућих лексичко-семантичких парадигми, анализа творбених деривата представља значајно средство у откривању и реконструкцији језичко-културалне слике предмета/појма који се истражује, тј. језичке слике света у целини.

4.1. Подаци из СДР2 показују да је творбено гнездо лексеме *живот* у српском језику веома разгранато (171 дериват, од тога 53 изведена деривата). Уочава се да су деривати по правилу у вези са изражавањем основног појма 'живот' и појава које се са њим доводе у везу.

5. Три лексеме у савременом српском језику имају централни статус по питању вербализације концепта живот. То су им. *живот*, гл. *живети* и пр. *жив*. Дефиниција речи *живот* у РСАНУ показује прилично богатство у навођењу значења,⁴ иако се не може превидети недостатак традиционалне лексикографске обраде по којој се значења дају у виду хијерархијске структуре и (прекомерно) рашчлањено, што не одговара стварном начину концептуализације појмова. Већина предочених значења су међусобно повезана и условљена, па се оваквим рашчлањавањем отежава реконструкција представе о датом појму, за коју су од значаја неке особине наведене тек у периферној зони значења или у примерима употребе датим после дефиниције.

² У традиционалној, обредној српској култури прелазак из једног ритуалног стања у друго представљан је симболички у виду смрти. Смрт се схватала као прелазни тренутак, моменат одвајања, када човек умире у једном животном статусу, да би се родио, тј. ступио у други.

³ У српском језику и лексеме *предживот* „пређашњи, претходни живот (у односу на садашњи)” и *закљивот* „индив. оно што настаје после нечијег живота”, које су индикативне у погледу идеје постојања различитих (видова) живота.

⁴ У РСАНУ је издвојено 9 посебних значења са бројним подзначањима што укупно чини 23 представљене семантичке реализације.

У РСАНУ су издвојена следећа значења за лексему *живот*:⁵

(1₁) 'облик кретања и постојања материје као живог (за разлику од неживог)'; семе: 'кретање', 'постојање'

(1₂) 'живо биће, човек, људи'; семе: 'човек, живо биће'

(1₃) 'живост, кретање које стварају живи организми'; семе: 'кретање', 'брзина'

(2₁) 'биолошко постојање живог бића, временски период од рођења до смрти'; супр. смрт; семе: 'физиолошко постојање', 'функционисање', 'трајање'

(2₂) 'смисао постојања човека, суштина живљења: радост, срећа, уживање'; семе: 'квалитет', 'вредност'

(3) 'израз физичке и духовне снаге, животности, живости'; семе: 'кретање', 'квалитет'

(4) 'време од рођења до смрти, човек (живо биће) и све оно што га окружује';⁶ семе: 'човек/живо биће', 'друштво, стварност, активност', 'целовитост'

(5) 'животопис, биографија'; семе: 'артефакт'

(6) 'начин, стил живљења, постојања (који се по некој својој особини издваја од уобичајеног)'; семе: 'квалитет'

(7₁) 'реалан свет, стварност'; семе: 'реалност'

(7₂) 'свакодневна примена, пракса'; семе: 'активност'

(8) 'свеукупност факата, појава битних за постојање у кретању, развоју некога или нечега'; семе: 'целовитост'

(9) 'људски организам, тело'; семе: 'тело'

(10) 'постојање, опстанак, трајање' (РМС6);⁷ семе: 'постојање', 'трајање'

У народним говорима и значења:

(11) 'одређени део тела: струк; стомак; мушки полни орган; женске груди'; 'физичка снага, крепкост, здравље'; семе: 'тело', 'орган', 'здравље'

6. Представљена речничка слика лексеме *живот*, у виду система дефиниција, одражава у првом реду научну (биолошку и медицинску), а затим и уобичајену савремену слику истоименог појма, што се препознаје у хијерархиском устројавању и навођењу надређеног, опшег појмовног смисла (1₁) као основног.⁸ Речју

⁵ В. дефиницију за *живот* у РСАНУ. Ради боље прегледности и уштеде у простору, значења наводимо у виду основних апстрахованих смислова; такође издвајамо семе које су релевантне за појмовну структуру концепта живот.

⁶ У РСАНУ се под тачком 4 за лексему *живот* наводи значење „време од рођења до смрти или до извесног тренутка кад се нешто збива, о нечему говори и сл.; век”. Примери наведени после дефиниције показују да се не ради о апстрактном временском трајању, већ о конкретном периоду омеђеном рођењем и смрћу (човека), дакле, о периоду који се односи на човека и (жива бића), који је испуњен различитим догађајима, активностима, предметима и сл.

⁷ Ово значење наводимо према РМС6, будући да није издвојено у РСАНУ.

⁸ Треба рећи да се у РМС6 као прво значење наводи „стање живих бића од рођења до смрти”, што је ближе уобичајеном схватању појма. Научна интерпретација појма се не наводи. Треба, такође, приметити и то да је утицај научне слике на уобичајену језичку слику живота у савременом српском језику веома изражен и да је у великој мери потиснуо утицај неких других у ранијим епохама заступљенијих дискурса, нпр. религијског, што се препознаје у не-навођењу значења 'вечни живот'

живот се на плану научног знања заиста именује прилично апстрактан појам (облик егзистенције својствен живим бићима заснован на кретању), али се на плану савременог наивног тумачења ово значење не потврђује као типично, будући да се живот схвата конкретније, као (2₁) и (4). У наивном сазнању, концептуализација живота се у првом реду заснива на материјалној опозицији према појму смрти, у складу са карактеристиком да оба ова појма представљају апсолутна, међусобно супротстављена стања.⁹

6.1. Народна свест увек тежи поједностављивању, па појмове живот и смрт, о којима има непосредно искуство, користи као језичке и појмовне категорије помоћу којих разумева апстрактније, метафизичке појмове постојања/непостојања. Зато су с позиције свакодневног, уобичајеног знања, суштински важне оне особине и вредности које су резултат индивидуалног сазнања говорника српског језика, надграђене прагматиком речи, јер тек оне доприносе разумевању укупног лексичког значења живота, начина функционисања и употребе у језичким текстовима и односа који се од стране говорника српског језика успоставља према овом појму (исп. Бартмињски 2011: 199). Значења творбених деривата могу да открију неке елементе који су секундарни или изгубљени у актуелној семантици основне речи, а релевантни су с позиције семантичко-деривационе мотивације и укупног (концептуалног) значења. Настојаћемо то да покажемо.

7. Концептуализација значења глагола *живети* у савременом српском језику која се, како показује дефиниција у РСАНУ, заснива на наивној представи о животу као биолошком постојању живог бића од рођења до смрти, открива најважније аспекте живота у језичкој слици овог појма носилаца српског језика. Јасно је да многе од ових карактеристика имају универзални карактер, утемељен на општељудском искуству, али је несумњиво да неке од њих припадају националном искуству српске језичке заједнице и да се могу издвојити као особености српског језика и културе.

у дефиницији, иако се оно сачувало у концептосфери овог појма у виду израза *загробни (будући, вечни, вечити) живот* „(по схватањима разних религија) живот, постојање човекове душе и после његове физичке смрти”.

⁹ У прилог оваквом виђењу, поред сопствене језичке компетенције, иде и број примера наведених уз одговарајућа значења у РСАНУ, као и резултати асоцијативног теста представљени у *Асоцијативном речнику српског језика (АРСЈ)* под одредницом *живот*. Није без значаја чињеница да је за значење дато под 1а у РСАНУ („посебан облик кретања материје настао на одређеној етапи њеног развоја; облик постојања везан за индивидуализовану, високо организовану материју”) потврђено само са два примера, а значење под 2а („биолошко постојање (човека, животиње, растиња), постојање од рођења до смрти (често и у устаљеним говорним обртурама с глаголима: дати, одузети, положити, изгубити и сл.); супр. смрт”) са чак седам (иако је горња граница броја потврда за неко значење у РСАНУ према интерним Упутствима за израду РСАНУ, шест), исто важи за значење наведено под 4 („време од рођења до смрти или до извесног тренутка кад се нешто збива, о нечему говори и сл.; век”), које је такође потврђено са седам примера. У АРСЈ, најфреквентније асоцијације на стимулус *живот* показују да се у свакодневном поимању живот концептуализује као биолошко постојање човека у времену и простору, у периоду од рођења до смрти, с посебним истацањем социјалне и духовне (емоционалне) компоненте: смрт (135), срећа (57), радост (32), леп (30), лепота (26), љубав (24), борба (19), беба (13), човек, дуг, рођење, Сунце (11). Асоцијације које би упићивале на научну, религиозну или филозофску интерпретацију, знатно су ређе, нпр. Сунце (11), пролазност (8), вечност (7), постојање, рај, светлост, трајање (3), бића, биће, Бог, вера, време, живот (2) итд.

7.1. Речничка слика глагола *живети* показује да у наивној представи живота говорника српског језика антропоцентрични принцип долази до пуног изражаја, будући да се живот концептуализује не у виду апстрактне појаве, већ у виду физиолошког постојања човека у времену и простору, са различитим особинама и у вези са свим оним што га окружује. У првом плану је витални, физиолошки аспект (*живети* 'одржавати у себи живот (каквом храном или сл. средствима)'), али не издвојено, већ у вези са свим осталим аспектима са којима чини појмовну целину: егзистенцијални ('бити, постојати, одржавати се, опстајати'), физички и функционални ('пребивати, становати', 'обављати важније послове', 'водити одређени начин живота који се по некој својој особини издваја од уобичајеног'), економски ('издржавати се'), духовни ('посвећивати, усмеравати живот, испуњавати га старањем, бригом (око некога, нечега)'), друштвени и емоционални ('бити у заједници', 'бити у одређеним (добрим или рђавим) односима', 'налазити се у брачној заједници', 'бити у интимним везама', у нар. говорима 'волети се, пазити се'), вредносни и хедонистички ('проводити живот са свешћу о његовој вредности, добро искоришћавати живот, уживати у њему').

8. Разумевање тако апстрактног и сложеног појма, какав је живот, није се могло остварити без повезивања са различитим другим концептима конкретнијег, и према томе, наивној свести ближег садржаја. Зато су у периферним значењима основног појма, као и у речима образованим од корена *жив-*, изражена бројна друга предметна значења, језички и екстралингвистички мотивисана.

8.1. Дериват *живаљ*, који у једном од својих периферних значења (потврђено у старијим изворима) реализује смисао 'састојак, елеменат', показује начин на који је народна свест схватала апстрактан појам живота (исто или слично значење присутно је у још неким словенским језицима у лексемама са кореном *жив-*: рус. *живок* 'атом живота' и 'најкраћи могући период живота'; горњелужичко *živjól* и пољ. *żuwizł* 'елеменат' (Павловић 2004: 110–111), што показује да се „живот замишљао као састављен од елемената у квантитативном смислу, од извјесних 'атома'").

9. У периферним значењима речи *живот* (у народним говорима) одражена је наивна представа по којој се живот локализује у стварне и измишљене органе. Живот се, тако, поима као тело (организам, цело биће), као органи у којима су смештене најважније виталне функције (мушки полни орган, стомак, женске груди), или као садржај унутрашњег човековог бића (*живица* са значењем необ. 'дух, душа'). Оваква језичка слика не само да показује неке елементе семантичког потенцијала ове речи (семе 'тело', 'орган', 'душа'), већ указује на функционалну и аксиолошку димензију појма, истичући физиолошки аспект као најважнији с позиције наивног сазнања: стомак се може довести у везу са животом посредством хране која је покретач и извор живота (присуство семе 'храна' потврђују још неки деривати, о чему ће више речи бити касније), мушки полни орган и женске груди такође су извор живота јер омогућавају настајање и трајање (одржање врсте), душа је оно што чини тело живим (у сазнању носилаца српског језика душа као 'унутрашње, психичко биће човека', како је показала С. Ристић (Ристић и др.

1999: 189–190), има суштински значај, то је најважнији део, суштина човекове личности¹⁰).

9.1. У вези са концептуализацијом живота као духа, душе, треба истаћи да је ово значење знатно шире присутно у савременом српском језику у значењу лексеме *живот*, него што то показује лексикографска дефиниција (у којој оно није чак ни регистровано), или творбено гнездо, у којем постоји само један дериват са значењем 'дух, душа' (*живица*). О томе јасно сведоче лексичко-семантички спојеви типа *духовни живот* (*психички живот*, *унутрашњи живот*, *мисаони живот*, *интелектуални живот*), са значењем 'посебан облик човековог унутрашњег живота, који се односи на разум или осећања, мисаону, интелектуалну, душевну активност'.¹¹

9.2. Лексеме *живац* и *живо*¹² такође чувају представу о суштинској улози живота, у виду схватања да представља срж и заузима средишњи, централни положај (попут живаца, нерава који представљају најосетљивије органе смештене унутар људског одн. животињског организма с улогом координације и регулације свих животних функција). О овоме сведоче примери секундарних реализација речи *живац* у свакодневном говору: „оно што је битно, суштина, срж, покретачка снага”, „средиште, центар”, а у народним говорима и зачења: „живо месо, мишић, мишићна тетива, крвни суд, дамар”, „кошчати део (или његово спољно ткиво) у рогу шупљорогих преживара, испод рожне навлаке”, „срж у дршци птичјег пера”.

9.3. Сема 'храна' није сачувана у савременом значењу лексеме *живот*, али је присутна у бројним творбеним дериватима, као израз конкретизације физиолошког аспекта. У примерима *живеж* „животне намирнице, храна”; *живиндробоња* „покр. врста качамака”; *жив* „покр. економски јак, имућан”; *живолазан* „покр. који је доброг имовног стања, имућан”; *живостан имовином* „покр. имућан, богат”; *живнути* „побољшати имовно стање”, реализовано је значење 'животне намирнице, храна' или 'имовина, богатство', тј. све оно што је потребно за одржавање и трајање живота. Као израз човекових материјалних потреба у исту групу могу се сврстати и примери са значењем 'домаће животиње (обично које се користе за рад)' (исп. Павловић 2004: 113): *жив* „(у именичкој служби) домаће животиње уопште; стока, благо; крупна стока (обично теглећа и товарна)”; *живина* „пернате домаће животиње” и „четвороножне домаће животиње, марва”, *мала живина* „ситна стока (козе и овце)”; *прихватна живина* „четвороножне домаће животиње од споредног значаја”; *живинче*; *живеж* „живина”.

¹⁰ С. Ристић је у више радова писала о концептуализацији значења речи *дух* и *душа* у савременом српском језику (в. у Ристић и др. 1999). Према њеном истраживању, носиоци српског језика имају следеће представе о души: „душа је посебна функционална целина у односу на тело [...]; душа је део човека, орган у коме су лоциране све најважније психичке функције [...]; душа је фиксирани или покретни део лоциран у дубини, у средишњем делу човека [...]; душа је најосетљивији део човека [...]; душа је најважнији део, суштина човекове личности” (Ристић и др. 1999: 189–190).

¹¹ В. у РСАНУ *духован* (1в) и посебно примере после дефиниције, као и примере наведене код придева *психички*, *унутрашњи*, *мисаон*, *интелектуални*.

¹² Придев *жив* у облику сред. рода у именичкој служби са значењем 'живац' у народним говорима.

10. За разумевање начина концептуализације значења лексеме *живот* у језичком сазнању говорника српског језика, од посебног су значаја секундарне семантичке реализације придева *жив* мотивисане семом кетања из основног појмовног садржаја. Осим што потврђују присуство поменутог особине, јављају се у функцији когнитивних јединица повезивања апстрактних садржаја са конкретним реалијама и показују како се апстрактна особина кетања из основног смисла даље прецизира и модификује: *жив* – 'активан, покретљив' *живи вулкан*, *живи песак*; 'који није зарастао, још активан, незалечен' *жива рана*; 'који још гори, неугашен' *живи пламен*, *жива жеравица*; 'који стално тече' *жива вода*; 'живахан, немиран' *жив дечак*, *живе очи*; 'пун кетања, динамичан, прометан' *Живљим корацама отиде у манастир*, *Градови са живим улицама*; 'изразито активан, интензиван, жустар, гласан' *жива дебата*, *живо занимање (за нешто)*; 'животворан, покретачки' *Тома Вучић Перишић [је] био она жива сила, која је извршила преврат* (РСАНУ).

10.1. Није тешко уочити да значење кетања има дистинктивну улогу као особина по којој се жива материја разликује од неживе, а живот од уопштеног постојања. Једно од секундарних значења гл. *живети* потврђује овакво виђење „показивати, одавати одговарајуће знаке живота, кретати се, мицати се (о деловима живих организама)” (РСАНУ), као и гл. *живљати* „покр. показивати знаке живота, бити у покрету”. Да особина кетања има централно место у концептуализацији живота показује такође лексика из семантичког поља кетања коју користимо када говоримо о животу, у виду појмовних метафора: *живот пролази*, *тече* (живот је течна материја у покрету), *живот је кренуо*, *живот иде*, *живот је стао* (живот је путовање).¹³

11. Можемо навести и низ других примера, творбених деривата корена *жив-*, који на непосредан или посредан начин реализују значење 'кретање, активност', углавном у народним говорима: *жива* „жар, жеравица”; *живахан*; *живаран*; *живаст*; *живљахан*; *живахно*; *живахност*; *живахнути*; *живосно*; *живост* (*живкост*) „брзина реаговања, динамичност; снага, интензивност (о духовним појавама)”, „активност, енергија, полет”, „брзина, хитрина, покретљивост”, „врева, ускомешаност, ужурбаност, кетање”, „живахност, чилост, веселост; ведрина, озареност”; *животан*; *живоћа*; *живуљаст*; *преживахан*; *живац* „(често са додатком који значи напрезање) стање узнемирености, узбуђености” и „(често са додатком који значи слабост и сл.) склоност узбуђивању, плашењу, преосетљивост, раздражљивост”; *живчан* „који је стално у покрету, покретљив, жив, динамичан”; *живица* „(често као апозиција уз реч „вода“) жива вода”; *живкати* „помало се опорављати, поправљати се (здравствено, имовно и сл.), лагано напредовати”; *живнути* „постати живахан, ведар, расположен, разговоран”, „добити полета, снаге, постати активнији; испунити се живошћу, акцијом, покретом”; *живо* прил. „(као одредба стања, изгледа субјекта) кад се указује на живост, вреву, шаренило, акцију”, „ревносно, агилно, активно”, „са заносом, полетно, темпераментно, одушевљено”, „брзо, хитро, журно, нагло”; *живолазан*; *живолазно*; *живолазност*;

¹³ Примери појмовних метафора су преузети из необјављеног мастер-рада Ј. Јанковић о концептуализацији појмова живот и смрт у српском језику, посматрано из угла когнитивне семантике.

живољаст; *живоок*; *живуља* „покр. жива вода, извор”; *живуљав* „који се хитро покреће, који живо поиграва, трепери”; *заживети* „почети бујати (после зимског застоја), потерати пупољке, изданке”.

11.1. Свим наведеним примерима заједничко је да означавају динамично, брзо кретање, сталну активност и конотирају позитивна својства полета и напретка. Како показују примери, сема ’присуство кретања’, која се у основном смислу односи на физички аспект (кретање, активност, брзина), у језичкој слици живота говорника српског језика се трансформише у првацу значења која се односе на психолошки аспект унутрашње карактеризације човекове личности.

12. Префиксирани деривати с префиксом *не-* (за означавање негације) и *без-* (за значавање одсутности или изузимања) потврђују присуство поменутих особина које се односе на психолошки аспект у значењу лексеме *живот* (*беживотан* „у коме нема живота, живахности”, *беживотно* „трома”; *беживотност* „безизразност, укоченост, сувопарност”, *нежив* „у коме нема динамичности, спор, тром”; *неживот* „одсуство, непостојање животности, динамичности, беживотност”). Што је важније, откривају особину која није дата у лексикографској дефиницији живота, нити је садржана у дефиницијама претходно анализираних творбених деривата. Реч је о особини ’променљивости’ која има веома важно место у концептуализацији значења ове лексеме (*нежив* „који се не мења, непроменљив, статичан, устаљен”), јер се у језичкој слици живот представља кроз кретање, одвијање, у виду сталних промена и активности, што се на когнитивном плану конотира као напредак, увећавање, интензивирање.

12.1. Префиксирани облици гл. *живети* одражавају начин концептуализације живота у виду процеса који се одвија кроз фазе: *заживети*, *поживети* ’почети живети’, *доживети* „доспети до краја живота”, *одживети* „завршити, окончати живот, престати живети”. Глаголи *поживети*, *преживети*, *проживети* ’провести живот’ сведоче о концептуализацији живота као временски ограниченог периода који, с позиције наивног схватања, има уобичајену, нормалну дужину трајања (просечан људски век). Примери у језику (*надживети*, *преживати*) показују да се ова граница може нарушити, у смислу прекорачавања или неиспуњавања, што се у наивном поимању доживљава као одступање од норме, а у вези је са народним веровањем да сувише дуг живот или прерано окончан живот представљају својеврстан експес који је у домену „нечистог”, демонског. Ово у језику потврђују примери лексема *дугожив*, *дугоживац* „покр. онај који дуго живи”, а посебно је илустративан пример наведен после дефиниције за им. *дугоживац*: *Људи су првотњи држали за велики назадак и за велики грџех, који би пуно живили. Викали би дугоживцим, да им се запекла душа у косте (!), па се и они на овом свијету опекли и закаменили.*¹⁴

12.2. Глаголи изведени суфиксацијом од гл. *живети* (и њихови деривати) откривају неке аспекте ванјезичке стварности који утичу на формирање погледа на свет српског народа. Већина ових глагола (реализованих у стандардном језику или у народним говорима) има негативну конотацију сиромашног и тешког жи-

¹⁴ Уп. и *природна смрт*, *умрети својом смрћу*, *нагла* (*напрасна*, *насилна*, *прека*, *силовита*) *смрт*; *запекла се душа у некоме* (*у костима*).

вота: *животарити, живуцкати, живарити, живаркати, живејати, живкерити, живкати, живукарити, проживарити, проживотарити*. Још су бројнији глаголи синонимног значења од других творбених основа у којима се основна сема 'живети' варира према параметрима начина и квалитета: *живинчити, вегетирати, деверати, дурати, крпарити, кубурити, ластовати, левентовати, лолати се, лоћати се, мравовати, паразитирати, петљати, самовати, сиротовати, слепарити, таворити, тетаурати, траљати, чемерати* и др.¹⁵ Малобројни су глаголи са позитивном конотацијом: *уживати* 'живети задовољно, безбрижно', *добровати* 'живети у добру, благодању', *рајевати, луксузирати се, раскоштити се, слоговати*, па се чак и они (неки од њих: *луксузирати се, раскоштити се*), иако у основи носе позитивну аксиолошку црту, употребљавају и као средства за исказивање негативне оцене, у виду неодобравања са становишта заједнице, што одражава наивно схватање по коме све што је прекомерно, у било ком погледу, не може бити позитивно. И овде се, дакле, потврђује раније истакнуто правило, заједничко многим језицима, о бројчаном превладавању лексике са непожељним значењем у односу на позитивно конотирану лексику, те прихватање позитивних особина за норму (исп. Ружић 2008: 314), па се у складу са тим негативна страна живота односи као маркирани члан опозиције према позитивној, која се доживљава као образац.¹⁶ Нема, међутим, сумње да су на овакву слику утицали и фактори ванјезичке природе – (тешки, лоши) услови живота српског народа, о чему најбоље сведоче бројна лексичка образовања у народним говорима.

13. Придев *жив* у својим периферним значењима чува још нека значења важна за разумевање концепта живот у наивном сазнању носилаца српског језика. То су значења 'пресан, сиров' и 'целовит' (о храни) („непечен, некуван, недопечен, недокуван”, „неиситњен, несажвакан; несварен” *жив залогај, жива храна, живо зрно*) и блиско значење 'целовит', 'природан', 'неоштећен' („који се још налази у првобитном, природном стању (непрокрчен, необрађиван, неугажен и сл.)” *жива шума, жива слама*; „чист, непатворен” *живо сребро, живи мрамор*). Ова значења потврђена су и у руском језику (исп. Павловић 2004: 115–120), разлика можда постоји само у степену заступљености. Очигледно је да се ради о веома старој представи по којој се живот схвата као нешто целовито, природно, ненарушено, непоковарено деловањем човека (на шта је указала Т. Павловић, а што је у виду апстрактне семе 'целовитост' регистровано у значењу лексеме *живот* у РСАНУ: „свеукупност факата, појава битних за постојање у кретању, развоју некога или нечега”; уп. и значење придева *мртав* 'који није природан, вештачки'). У српском језику постоје бројни примери мотивисани овим значењем, посведочени у старијим изворима или покрајинским говорима: *живаљ* „елементарна сила, стихија и природни амбијент, животна средина”; *живац* „ивица, руб (тканине, једра итд.)”;

¹⁵ Примери су узети из необјављене докторске дисертације И. Лазић-Коњик *Глаголи са егзистенцијалним значењем у српском језику*.

¹⁶ Истраживања су показала да је негативна оцена чешћа у семантичкој структури српских експресивних глагола у савременом језику, него позитивна (Ристић 2004: 131), односно да се унутар групе лексема повезаних неком парадигматском везом јавља више чланова са негативном конотацијом него са позитивном (Драгићевић 2010: 115, в. и стр. 115–123), што је одлика и већине других језика.

живина „фиг. нижи, неразвијени део човекове природе, инстинкти“; *живица* „земља која дуго није обрађивана; ледина, рудина“, „природни слој земље испод оранице који је постао без утицаја човека, здравица“, „празан простор, белина са стране на писаним или штампаним листовима, маргина“.

14. На крају ћемо се кратко осврнути на аксиологију живота, с обзиром на семантичко-деривациони потенцијал.¹⁷ За говорнике српског језика, сама реч *живот* представља вредност и то вредност највишег ранга (в. значење (2₂) за лексему *живот*). Творбени деривати такође врло јасно разоткривају основну аксиолошку димензију лексеме *живот* као „чисто вреднујуће“ тј. „примарно вреднујуће“¹⁸ у позитивном смислу, засноване на опозицији према појму смрти као антивредности. Без обзира на бројна морфолошка и лексичка образовања којима се именује негативна страна живота, живот се у наивној свести српског народа (и не само српског) схвата као оно највредније, најдрагоценије што човек има и сходно томе повезује са бројним другим позитивним принципима и аспектима (бујањем, напредовањем, благостањем итд). Јасно је да би се спуштањем на појединачни ниво анализе и конкретне особине могле уочити и другачије, амбивалентне оцене, што је иначе одлика разликовања глобалног и аспектског вредновања (исп. Бартмињски 2011:85–86).

Закључак. Семантичка анализа творбених деривата деривационог гнезда *живот* открила је читав низ особина (значења) карактеристичних за начин концептуализације овог појма у свакодневном, уобичајеном сазнању говорника српског језика, у виду кохерентне слике, и показала улогу творбених деривата у преузимању и откривању скривених конотација лексичког значења у правцу семантичког проширивања у односу на (традиционалну) речничку дефиницију. Навешћемо за крај оне најважније: живот – биолошко постојање, живот – трајање, живот – брзо кретање, живот – човек, живот – активност, живот – целовитост, живот – вредност, живот – квалитет¹⁹ (или, другачије написано, живот се у језичком сазнању говорника српског језика концептуализује као биолошко постојање које има одређену дужину трајања (од рођења до смрти), у виду стања или процеса кроз сталне промене које се дешавају субјекту, у виду целине која укључује више разнородних елемената, активности и дешавања, са суштинским значајем за човека).

¹⁷ О вредностима у концептуализацији речи *живот* и *смрт* говорника српског језика детаљније смо говорили у раду прочитаном на научном скупу у Нишу, *Језик, књижевност, вредности* (резиме је објављен у истоименој Књизи резимеа, стр. 53–54; рад је предат за Зборник радова са поменутог скупа).

¹⁸ Термине *чисто вреднујући* и *примарно вреднојући* употребљавамо у значењу које им даје Пузињина (према Бартмињски 2011: 79).

¹⁹ Исп. Ипанова (2005).

ЛИТЕРАТУРА

- APCJ: Пипер, П., Р. Драгићевић, М. Стефановић. *Асоцијативни речник српскога језика*. Београд: Београдска књига, Службени лист СЦГ, Филолошки факултет, 2005.
- Бартмињски, Ј. (2011). *Језик – слика – свет*. Београд: SlovoSlavia.
- Вендина, Т.И. (1998). *Етнолингвистика, аксиологија и словообразование. У: Слово и култура*. Памяти Н.И. Толстого. Том 1. М.: Изд-во Индрик. 39–48.
- Джиан Пинг, Л., Е.В. Чернцова (2010). Концепты *Жизнь* и *Смерть* в русском языке. *Вісник Харківського національного університету № 910 Серія: Філологія. Вип. 60. Частина I*: 114–119. Доступно на http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visn_potebnia_2010_1.pdf <6. 6. 2012.>
- Драгићевић, Р. (2010). *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Ипанова, О.А. (2005). *Жизнь. У: Антологија концептов*. Том 2. Ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Волгоград: Парадигма. (у електронском облику, без пагинације).
- Јовановић, Ј. Концептуализација појмова живот и смрт у српском језику. Не-објављен мастер-рад.
- Лазић-Коњик, И. Глаголи са егзистенцијалним значењем у српском језику. Не-објављена докторска дисертација.
- Лазић-Коњик, И., Ј. Милошевић. Вредности у концептуализацији речи живот и смрт говорника српског језика. Предато за Зборник радова са научног скупа Језик, књижевност, вредности, одржаног у Нишу 27–28. априла 2012. год.
- Лоскутова, Т.Н. (2009). Концепты «жизнь – смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте. Автореферат диссертации. Челябинск.
- Павловић, Т. (2004). „Живот” и „смрт” у језику и култури (на руском и српском материјалу). Београд: Чикоја штампа.
- Пименов, Е.А., М.В. Пименова (2007). Объективация концепта *ЖИЗНЬ* в русской языковой картине мира. У: *Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачева*. Ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум. 144–160.
- Ристић, С., М. Радић-Дуговић (1999). *Реч. Смисао. Сазнање*. Београд: Филолошки факултет.
- Ристић, С. (2004). *Експресивна лексика у српском језику*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- РМС6: *Речник српскохрватскога књижевног језика*, I–III. Нови Сад – Загреб: МС – МХ, 1967–1969. IV–VI, Нови Сад: МС, 1969–1976.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, I–XVIII. Београд: САНУ, 1959–2010.
- Ружић, В. (2008). Тематско-семантичко поље: однос човека према раду (радан, вредан / нерадан, лењ). У: *Семантичка проучавања српског језика*. Ур. М. Радовановић и П. Пипер. Београд: САНУ. 301–317.

- СДР2: *Семантичко-дериwациони речник*. Св. 2. Ред. Д. Гортан-Премк, В. Васић, Р. Драгићевић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2006.
- Талицкая, А.А. (2011). Концепты «жизнь» и «смерть» в лирике Н.А. Заболоцкого. Автореферат диссертации. Ярославль.

Ивана В. Лазић-Коњик

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ
В ВЫЯВЛЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЙ
(на примере концепта *жизнь*)

Резюме

В настоящей статье представлены некоторые лексические и культуральные коннотации слова-концепта *жизнь* (живот) в языковом сознании носителей сербского языка, на основе анализа слов входящих в соответствующую словообразовательную парадигму. Выделены следующие основные характеристики (значения): *жизнь* – биологическое существование, *жизнь* – длительность, *жизнь* – (быстро) движение, *жизнь* – человек, *жизнь* – деятельность, *жизнь* – целостность, *жизнь* – ценность, *жизнь* – качество.

БИЉАНА МАРИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

СИНТАКСИЧКА ДЕРИВАЦИЈА: МОСТ ИЗМЕЂУ ТВОРБЕ РЕЧИ И СИНТАКСЕ (у руском језику у поређењу са српским)

Сажетак. У раду указујемо на везе које постоје између двају језичких система: творбеног и синтаксичког у руском и српском језику. Испитујући синтаксичке последице транспозиције трију основних врста речи (именица, глагола и придева) у неку другу основну врсту речи, имамо намеру да актуализујемо дати аспект изучавања језичких јединица. Тиме желимо да покажемо колико је дати приступ користан за учење страног језика, за овладавање јединицама оба нивоа, као и за њихово повезивање ради унапређивања компетенција у говорењу, писању и сл.

Кључне речи: синтаксичка деривација, творба речи, синтакса, учење руског језика као страног.

1. Синтаксичка деривација у творби речи.

Појам синтаксичке деривације први пут се среће у чувеном чланку Ј. Куриловича *Лексичка и синтаксичка деривација* (Курилович 1962). Он је одређује не само као поступак образовања једних речи од других променом синтаксичке функције, већ и као употребу једне речи с различитим секундарним синтаксичким значењима. Ово је синтаксичка деривација у ширем смислу која се, по нашем мишљењу, у великој мери преплиће с конверзијом (пошто је Курилович узимао језичка факта разних језика, а не само флективних, словенских).

Код руских аутора на употребу термина синтаксичка деривација наишли смо код Земске у њеној *Творби речи* (Современный русский язык 1989). Полазећи од Куриловичевог чланка о лексичкој и синтаксичкој деривацији, синтаксичким дериватима она проглашава следеће типове речи: девербативне и деадјективе именице и односне придеве. Код ова три типа речи нема промене лексичког значења, сматра Земска, што је предуслов за синтаксичку деривацију.

Код других дериватолога не среће се термин синтаксичка деривација, већ транспозиција. У Академијиној граматици (РГАН 1980) транспозиција се као творбено средство помиње једино у вези са творбом именица процесуалног зна-

---

* e-mail: biljanav@mail.ru

чења од глагола и именица непроцесуалног значења од придева. И овде се као главна црта транспозиције помиње непромењеност лексичког значења и промена врсте речи.

Бавећи се синтаксичким дериватима у Куриловичевом поимању (у ужем смислу) Мелчук и Тополињска (Мелчук 1998; Тополињска 2003) долазе до закључака у вези са, ипак, обавезном променом лексичког значења синтаксичког деривата (ако ни због чега другог, онда због саме промене врсте речи, која повлачи за собом и промену лексичко-синтаксичког значења).

2. Белићево учење о правим и неправим речима.

Једно Белићево запажање драгоцено за наш рад тиче се поделе свих основних врста речи (именица, глагола и придева) на праве и неправе. Правим именицама он назива немотивисане именичке речи. То су било изворно немотивисане именице, било оне које су временом изгубиле везу с мотивном речју (придевом или глаголом). Неправа именица је она именица која је настала од несамосталне врсте речи, најчешће придева или глагола (*белина, чистач, копање*). Праве се, дакле, од неправих разликују по томе што су непродуктивне и немотивисане. С друге стране, Белић ставља акценат и на садржајни план правих именица. Оне, за разлику од неправих, представљају «комплекс гласова којим се обележава збир особина које чине једну претставу, а не појединачну функцију или особину...». Код неправих именица «имамо посла са носиоцима једне придевске или глаголске особине, а не са носиоцима збира особина» (Белић 1998, 43, 46). Неправе именице, додаћемо ми, посредно врше номинацију, за разлику од правих које то чине непосредно.

На сличан начин Белић врши поделу и унутар придевских речи. Праве придевске речи, и овде, имају јединство значења, функције и (специфичног, придевског) гласовног склопа. Немотивисане су и непродуктивне. Неправе придевске речи су пак мотивисане и продуктивне. Оне посредно одређују појам у самосталној функцији преко именице или глагола (*београдски, лажљив, уморан*).

Међу глаголима такође постоје прави и неправи. Код неправих је још увек актуелна, прозирна мотивациона веза с именицом или придевом (*коричити, зеленети*).

Ова Белићева подела на праве и неправе речи за нас је веома важна због више разлога. Прво је чињеница да се издвајањем правих и неправих речи боље разумева подела на врсте речи уопште, као и да се боље уочавају и разумевају категоријалносемантичке карактеристике именица, придева и глагола као врсте речи. Друга битна ствар јесте само издвајање неправих речи и многобројне инспиративне и тачне напомене у вези с њиховом природом, творбом и функцијом. Белићеве неправе именице управо и јесу оно што ми у нашем раду називамо синтаксичким дериватима. Белић не само да успоставља везу између неправих речи и правих речи које их мотивишу на творбеном и семантичком плану, већ неколико пута указује и на синтаксичке везе, тј. на чињеницу да неправа реч често садржи у себи читаву реченицу или део реченице (нпр.: *коричити = стављати у корице*).

3. Наше истраживање синтаксичке деривације у руском и српском језику.

Бавећи се међусобним творбено-семантичким односима трију основних врста речи (именица, глагола и придева), тачније девербативним (и глаголским) и деадјективним именицама, десупстантивним и деадјективним глаголима и десупстантивним (односно) и девербативним (и глаголским) придевима успостављали смо и актуелизовали и међусобне синтаксичке везе. Девербативну (или глаголску) именицу смо доводили у везу с мотивним глаголом и посматрали долази ли и у којој мери до наслеђивања глаголских особина. То је један синтаксички смер (смер према мотивном глаголу) који смо испитивали. Други смер (назвали смо га спољносинтаксичким) тиче се нових синтаксичких веза које остварује девербативна (или глаголска) именица у новој синтаксичкој јединици. Иста врста анализе примењена је и на остале синтаксичке деривате (в. Марић, докторска дисертација одбрањена 2010. године у Београду).

Пошли смо од става да упркос одступању од првобитног Куриловичевог тумачења синтаксичких деривата – јер је несумњива промена лексичког значења (у већој или мањој мери) – вреди бавити се датом групом речи актуелизујући њихове међусобне творбене и синтаксичке односе, а што нас доводи и до прецизнијег утврђивања лексичких односа. Чини нам се да, независно од приступа у литератури (као и од тога да ли се ради о синтаксичким дериватима с минималним семантичким променама или пак оним код којих је дошло до веће промене значења у односу на мотивну реч), треба актуелизовати дату појаву, тј. проучавати промене до којих долази на синтаксичком, семантичком плану услед транспозиције и практично, у методици учења страног језика.

Дакле, сам појам синтаксичке деривације добија ново тумачење у нашем приступу. Курилович је стављао акценат на синтаксичку функцију синтаксичких деривата, на чињеницу да не долази до промене лексичког значења, већ само синтаксичке функције, а услед промене комуникативних намера говорника. Ми под синтаксичком деривацијом подразумевамо не само, творбено гледано, групу речи која се, према својим формалнограматичким, синтаксичким и категоријалносемантичким особинама, издваја унутар врсте речи којој припада, већ и сам поступак утврђивања њиховог значења уз помоћ полазног, исходног синтаксичког модела (тачније, реконструишући полазни реченични модел).

Примери: *преписивање документа – преписивати документ*
чтение стихов Маяковским – Маяковский читает стихи

независност Западне Сахаре – Западна Сахара је независна
независимость государства – государство независимо

море се плави – море је плаво

море синеет – море синее, море становится синим

Испоставља се да примењени поступак представља операцију супротну кондензацији, сажимању одређеног реченичног садржаја. С друге стране, конструкција добијена синтаксичком деривацијом је синтаксички једноставнија,

елементарнија, садржи тзв. „праву“ реч, према Белићевој класификацији, тј. творбено простију, мотивну. Синтаксичка деривација се као поступак дефинисања значења речи користи одавно у лексикографији (речничке одреднице глаголских именица упућују на глаголе, остали синтаксички деривати бивају дефинисани преко својих мотивних речи).

4. Изосемијске и неизосемијске подврсте речи и изосемијски и неизосемијски синтаксички модели код Золотове.

Категоријалносемантичке одлике врста речи узима и Золотова за критеријум поделе на изосемијске и неизосемијске подврсте речи (Золотова 1982, Золотова и др. 1998), констатујући разнородност унутар јединства без дубљег задирања у проблем значења врста речи. Полазећи управо од одступања од канонског значења дате врсте речи (девербатива и деадјектива, рецимо, од значења предметности), Золотова такве речи проглашава неизосемијским. Одавде она даље извлачи синтаксичке консеквенце: неизосемијске подврсте речи образују неизосемијске синтаксичке моделе, а изосемијске образују – изосемијске моделе (нпр. *Маша отличается застенчивостью – Маша застенчива*), а дати се модели међусобно налазе у односу синонимије.

5. Примена у настави руског језика.

Пошто смо указали на теоријске оквире бављења синтаксичком деривацијом у нашем приступу и приступу других значајних аутора, прећи ћемо на конкретне творбено-синтаксичке моделе које треба уводити почев од средњих етапа учења страног језика. Повезивање језичких нивоа (конкретно, творбе речи и морфологије са синтаксом) доприноси бољем овладавању језиком, стицању потребне стилистичке компетенције. Моделе ћемо представити базирајући их на резултатима преласка једне врсте речи у другу, дакле, као номинализације, вербализације и адјективизације. Истовремено ћемо давати и синонимске неизосемијске синтаксичке моделе, тј. оне моделе чијом кондензацијом настају модели са синтаксичким дериватима или изосемијски модели, према терминологији Золотове.

Номинализације

1. Употреба глаголских, девербативних и придевских именица у функцији главних реченичних чланова, с једне стране, и инфинитив или инфинитивна реченица, с друге стране, као синонимски еквивалент:

Разговор – это хорошо! : Разговаривать – это хорошо!
Молодость – как это прекрасно! : Быть молодым – как это прекрасно.

2. Употреба глаголских/девербативних именица у својству јединог главног члана номинативних реченица према неодређеноличним једночланим реченицама.

Там стрельба – Там стреляют.
В классе шум – В классе шумят.
У нас стирка – У нас стирают.
За дверью беготня и смех – За дверью бегают и смеются.

3. Употреба девербативних или деадјективних именица као формалних субјеката предикација с квалитативно-логичким предикатом са значењем психичког дејства.

Его назойливость раздражает меня.

Наведена реченица се састоји од две предикације, што се може експлицирати независнословеном саставном реченицом (с узрочно-последичном компонентом):

Он назойлив, и это раздражает меня.

Можемо и експлицитније дати каузативни однос:

Я раздражен, потому что он назойлив.

Могућа је употреба имена лица уместо догађајног имена (девербативом или деадјективом израженог), јер «человек склонен искать источник своих эмоций (шире – психических состояний) не только и не столько в объективной ситуации, сколько в других людях» (Арутюнова 1976, 154):

Его грубость рассердила меня.

Он рассердил меня.

Али могуће је у једној реченици изразити и име лица и име догађаја. Име лица је у таквој конструкцији онда непосредни кривац који је проузроковао емоционално стање (изражен субјектом), а узрок стања је догађај (изражен инструменталом у функцији каузатора):

Он рассердил меня своей грубостью.

4. Употреба девербативних и деадјективних именица као објеката одређених типова предиката:

– Предикати са значењем говорења и мишљења (*предупредить о поставке, заявить об уходе, сообщить о приезде*) као кондензација сложене реченице са зависном допунком:

Вам сообщили о приезде сербской делегации?

Вам сообщили о том, что сербская делегация приехала\приезжает\приедет?

Овде је потребно указати на већу информативну прецизност, на обавезно указивање на време вршења радње у личној реченици (номинализација не указује на време).

– емотивни или предикати с модалним значењем:

(...) она наслаждалась лёгкостью собственного шага, огромности обзора, дивной согласованности тела и мира, раскинувшегося вокруг неё. (=она наслаждалась тем, что ее шаг был легок...)

– предикати логичке оцене (*участвовать в выполнении, способствовать в решении, подражать в движениях; убеждаться в невиновности, разувериться в искренности, разочароваться в дружбе*)

Как и всякий человек, получивший над чем-нибудь власть, я первым делом стал проверять степень ее полноты и наслаждался, убеждаясь в ее истинности.

(=убеждаясь в том, что она истинна)

*В подконтрольной Зюганову левой газете появилась скандальная статья, в которой Семигин был в открытую назван „кротом” Кремля, обвинён в **расши-
тывании** единства левой оппозиции, попытках купить партию (=обвинен в том, что расшатывает единство левой оппозиции)*

– перцептивни глаголи (*наблюдать за полетом птицы, следить за успехами науки; слышать скрип, чувствовать радость*)

*Мопс издавал совершенно человеческие звуки, во всяком случае мне показалось, что я **слышу сдавленное хихиканье**. = я слышу, что кто-то сдавленно хихикает*

*Алексей хочет устранить всех, кто хоть что-то **слышал о богатстве**. = кто-то слышал о том, что (х) богат*

У првој реченици, у којој уз глагол *слышать* долази објекат у акузативу без предлога (*хихиканье*), предикат има значење: примати информацију чулом слуха. Исти предикат *слышать* у другој реченици, с објектом-делиберативом израженим локативом с предлогом *о*, има значење: поседовати информацију, знати нешто из некаквих извора (који нису директни).

Када је у питању глагол *помнить*, не ради се о овако великој разлици у значењу речи, већ пре о нијанси условљеној могућношћу употребе двеју рекацијских веза: директне, беспредложним акузативом изражене (*помнить детство*) и неправне прелазне, изражене локативом с предлогом *о* (*помнить о помощи*). Розентаљ у свом приручнику *Русский язык* (Розентаљ 2005) овако објашњава значења ових двеју могућих рекација: *помнить кого-что – сохранять в памяти в полном объеме; помнить о ком-чем – в общем виде, без подробностей.*

Ако упоредимо значења глагола *слышать* и *помнить*, учинимо да се може уопштити следеће. У случају употребе глагола с правим објектом очигледно је присуство значења потпуног обухватања објекта радњом. Употребљен с неправим објектом у локативу, глагол добија у значењу димензију непотпуности, индиректности.

– каузативни предикати са значењем каузације емотивне реакције на радњу, стање, особину: *радоваться отдыху, удивляться терпению*

меня радует отдых (то, что он отдохнет, я отдохну), меня удивляет его терпение (то, что он терпелив)

– каузативни предикати са значењем позитивног или негативног односа према радњи другог субјекта (*помочь с ремонтом; помочь выздоровлению, мешать анализу*)

помочь с ремонтом: я помогаю ему делать ремонт, отремонтировать

– предикати фазног значења каузације особине с адјективом (*придать беглость пальцам; приобретать ясность, усиливать скорость*)

– модални каузативни глаголи: *стремиться к истине, привыкнуть к порядку, приучать к труду*

Для тех, кто **стремится к созданию** совершенно фантастических пейзажей в доме, подойдёт вариант использования цветных гелей. (стремится к тому, чтобы создать...)

– фазни глаголи:

С тех пор внучка **прекратила общение** с бабушкой и близкой родственницей. (=перестала общаться)

Овде треба указати на замену једног фазног глагола уз номинализације другим уз глагол у инфинитиву (*браться за чтение – начать читать, заняться приготовлением чая – начать готовить чай, приступить к работе – начать работать, приняться за чтение – начать читать*).

В. о фазним глаголима уз девербативне именице у руском и српском у нашем раду Вићентић 2008.

5. Глаголи *отличаться, характеризоваться, обладать* с инструменталом деадјектива: *отличаться молчаливостью, характеризоваться профессионализмом, обладать терпеливостью* као стилска варијанта исказа с придевом у именском делу предиката с копулативним глаголом *быть – быть молчаливым, быть профессиональным, быть терпеливым*.

6. Употреба глаголских, девербативних и придевских именица у саставу предлошко-падежних конструкција с адвербијалним значењем као синонимског средства зависносложених реченица најразличитијих адвербијалних значења (временског, узрочног, условног, допусног, циљног, начинског, последичног и сл.).

Само на примеру временског адвербијалног значења показаћемо колике могућности за учење и анализу постоје.

Проста реченица – адвербијал за време		Сложена реченица – временска зависна реченица или Проста реченица са глаголским прилогом
Симултаност	<p>Во время приготовления два или три раза встряхивать посуду, но не мешать, чтобы чеснок не развалился.</p> <p>Когда соус закипит, в него влить картофельный крахмал, разведённый мадерой (при вливании нужно размешивать соус лопаткой во избежание образования комков), и довести до кипения, после чего процедить через частое сито.</p> <p>Оказалось, что звёзды вблизи центра Галактики заметно перемещаются, причём скорости их движения увеличиваются по мере приближения к центру.</p>	<p>Когда проговариваешь (блюдо), два или три раза надо встряхивать посуду...</p> <p>... когда вливаешь, ты должен размешивать соус...</p> <p>... пока вливаешь, размешивай...</p> <p>... вливая, размешивай...</p> <p>...увеличиваются, по мере того как приближаются к центру.</p>

Антериорност	<p>Однако представление о подобних објектах возникло на несколько столетий раньше, после открытия И. Ньютоном в 1687 г. закона всемирного тяготения.</p> <p>По окончании песни он не откланивается, а просто убирает микрофон.</p> <p>Все девять суток питались мы очень умеренно, но с восходом солнца позавтракали плотно (...)</p>	<p>... после того как И. Ньютон открыл закон,...</p> <p>Окончив песню, он не откланивается...</p> <p>Как только он закончил песню, он не...</p> <p>... когда взошло солнце, мы позавтракали</p>
Постериорност	<p>До встречи с ним я считал себя актёром определённых возможностей.</p> <p>Перед подачей на стол ещё раз послать и поперчить.</p> <p>Накануне открытия матча его лучшие игроки Себастьян Грожан, Фабрис Санторо и Поль-Анри Матье отправились посмотреть новый фильм о приключениях Джеймса Бонда "Умри, но в другой день".</p>	<p>До того как я встретил его, я считал...</p> <p>Пока я его не встретил...</p> <p>Прежде чем встретить его...</p> <p>Перед тем как подать (блюдо) на стол, еще раз...</p> <p>Перед тем как открыть матч,</p> <p>Прежде чем открыть матч,</p>

Вербализације

1. квалитативни глагол: придев у саставу предиката

Када су у питању глаголи придевског порекла у руском језику, српски говорник би требало да обрати пажњу на следеће три значењске групе глагола: 1) глаголи типа *белеть 1*, 2) глаголи типа *белеть 2* и 3) прелазни глаголи типа *белить*. Поступком синтаксичке деривације долазимо до њихових значења: *белеть 1* (*Еще в полях белеет снег*) – *Снег еще бел/белый/выглядит, кажется белым* - испољавање одређене особине; *белеть 2* (*Смотри, пятно на глазах белеет*) – *Пятно становится белым* – задобијање одређене особине. Глагол *белить* и слични прелазни глаголи имају каузативно значење „чинити белим“ (*Скамейку побелили*).

Знања из синтаксе потребна су да би се правилно разумела, а и онда и превела на српски језик реченица с предикатом који саопштава о догађају „промене боје коже“ (кожа је лагано црвенела).

Шея полковника медленно краснеет под стоячим воротничком, и краснота постепенно проступает на щеках. (= медленно становится красной)

У следећем примеру, иако наизглед сличном, предикат саопштава о стању (магла се сивела ниско изнад оловне површине мора).

Тяжёлый туман до самого основания скрывал Везувий, низко серел над свинцовой зыбью моря.

2. Други тип синтаксичке деривације с вербализацијом као резултатом јесу десупстантивни глаголи. Реченица с десупстантивним глаголом у предикату има за полазишну предикацију структуру у којој се мотивна именица налази у предикату уз семикопулативне и (ређе) пунозначне глаголе.

Указаћемо на неке групе десупстантивних глагола (в. о овоме више у Марић 2009):

– глаголи типа *столярничать, плотничать, профессорствовать* мотивисани предикацијом с мотивном именицом и глаголима типа *быть, работать*

Столярничал и плотничал он всю жизнь, полдеревни его топором срублено, и скарб в домах выделан, и ничего еще с тех пор не выкинули.

– глаголи типа *бабничать, обезьяничать, акробатничать, модничать, виртуозничать, удачить, егозить* настали од предикације с мотивном именицом и глаголом *быть кем, вести себя как* (садрже и елемент поређења једног појма с другим)

бабничать = вести себя как бабник, быть бабником

– безлични глаголи типа *вьюжить, пуржить, дождить, туманить, распогодиться, морозить, моросить, вечереть* који означавају некаку природну појаву. За синониме имају творбено мотивну именицу: *вьюга, пурга, дождь...*

– прелазни глаголи типа *озвучить, обмундировать, газировать, машинизировать, телефонизировать, мебелировать* имају за мотивну именицу објекат полазишне предикације

X финансировать Y = X чини то да: Y поседује Z; Z = финансы

– прелазни глаголи типа *ваксить, воциить, бронзировать, лакировать, маскировать, никелировать, гримировать, костюмировать, бронировать, бетонировать* чија мотивна именица заузима позицију инструменталног аргумента (средства)

X асфальтировать Y = X покрива Y Z-ом; Z = асфальт

Овакви случајеви су веома бројни у оба испитивана језика. У оба језика су такође могуће акузативно-инструменталне конверзије типа: *Радници стављају асфалт на пут. ↔ Радници покривају пут асфалтом.*

– прелазни глаголи типа *солить, сахарить, пломбировать, витаминизировать* с мотивном именицом од акузативног, објекатског аргумента

X перчит Y = X ставља Z у/по Y;

У односу на већ наведени тип с апсорбованим објекатским аргументом, овде је присутан и локативни.

– глаголи типа *лопатить, винтить, штукатурировать, шпаклевать, шнуровать, штамповать, торпедировать, кодировать, минировать, вакцинировать, телефонировать* с апсорбованом инструменталном компонентом

X бомбит = X делает что-то с помощью Z (Z томе и служи)

Z = бомба

X утюжит = X делает что-то с помощью Z (Z тебе и служи)

Z = утюг

– глаголи типа *критиковать, митинговать, терроризировать, контролировать* с мотивном именицом истог значења

массажировать ← *массаж, шантажировать* ← *шантаж, гастролить* ← *гастроли*

Ова група глагола има за синониме перифрастичне конструкције с мотивном именицом у саставу предиката (у својству допуне), најчешће са семикопулативним глаголима (*делать массаж – массажировать, подвергать критике – критиковать, устраивать митинг – митинговать*).

Овде би требало указивати на још увек живе мотивационе везе десупстантивног глагола с мотивном именицом, као и на синонимске могућности изражавања истог значења.

Адјективизације

1. Овде треба обратити пажњу на употребу односних придева именског порекла као конгруентних атрибута, с једне стране, и кореспондентну именичку конструкцију у својству неконгруентног атрибута, с друге. Ради се о следећим односима:

– градивним: *лимонный сок, ржаной хлеб, горчичный соус, свекольный маринад, картофельный крахмал (сок из лимона, хлеб из ржи...)*

– однос намене, сврхе, циља: *зубная паста – паста для зубов, пассажирское сиденье – сиденье для пассажиров, телефонная трубка – трубка для телефона, кухонный нож – нож для кухни, орфографический словарь – словарь по орфографии, свадебное платье – платье для свадьбы, к свадьбе, на свадьбу*

– просторни однос: *нагрудный знак – знак на груди, ручной багаж – багаж в руке, рыночный лоток – лоток на рынке, домашний уют – уют в доме, пришкольный клуб – клуб при школе или уличный приставала – пристаёт на улицах, лесной сторож – сторожит в лесу, стационарный смотритель, классный руководитель*

– временски однос: *весенние цветы – цветы весной, зимняя дорога – дорога зимой, летние вечера – вечера летом, вечерний звон – звон вечером, ночная Москва – Москва ночью*

– значење средства или инструмента: *грудное вскармливание – вскармливание грудью – (вс)кормить грудью, ручная тележка – колица која се руком покрећу, спектроскопическая диагностика – дијагностиковање се врши уз помоћ спектроскопа, телефонный разговор – разговор по телефону – разговор се обавља преко телефона, уз помоћ телефона.*

– посесивни однос део-целина: *виноградные листья – листья винограда, лавровый лист – лист лавра, вишнёвая косточка – косточка вишни, яичный желток – желток яйца, берёзовое полено – полено березы*

– однос придруживања додатног појма: *рогатый скот – скот с рогами, минеральная вода – вода с минералами, картинная галерея – галерея с картинами*

Уп.: *вишневая косточка* – *косточка вишни*, *фруктовый торт* – **торт фруктов*, *торт со фруктами*.

– значење начина, вида испољавања: *текстовое описание* – *опис у виду текста, графическое и текстовое представление* – *представљање у виду графичких елемената и у виду текста*, *компьютерная обработка* – *обрада компјутером*

– објекатски и субјекатски однос као најређи у савременом руском језику: *зубной врач* – *врач, лечащий зубы*; *сахарный завод* – *завод, производящий сахар* и *солнечный закат* – *солнце закатывается*; *головная боль* – *голова болит*.

2. Поред присвојног значења у синтаagmaма типа *лошадиное копыто*, *коровье молоко*, *медвежья берлога* односни придеви образовани од именица које означавају животиње могу да граде, најчешће уз именице глаголског или придевског порекла, синтагме са значењем поређења: *кошачья походка* – *походка, как у кошки*, *собачья жизнь* – *жизнь, как у собаки*.

3. девербативни придев: глагол у саставу односне реченице

Код највећег дела девербативних придева очигледан је и творбени, и значењски паралелизам с односним придевима. Најчешће значење девербативног придева је значење намене, циља, сврхе (*плавательный бассейн* – *бассейн для плавания*; *проездной билет* – *билет для проезда*):

строительный материал – *материјал који служи за грађење*; *строительный факультет* – *факултет на ком се учи*, *студира грађевина*, *строительный сезон* – *доба године током ког се врше грађевински радови*, *строительная площадка* – *место на ком се врше грађевински радови*

Неки девербативни придеви могу бити доведени у мотивациону везу како с глаголом (*бродяжничать*), тако и са именицом (*бродяга*): *бродяжнический образ жизни* – *образ жизни, как у бродяг*, па се експлицира и поредбено значење.

издательский тон, *наплевательское отношение*, *колдовской прием*, *журнический поступок*

Важну групу девербативних придева представљају они у чијем се значењу садржи и додатна у односу на мотивни глагол компонента могућности, способности, склоности, уобичајености: *ворчливый* (*тот, кто/который* ворчит, склонный ворчать), *задиристый* (склонный задирачь), *скрипучий* (*тот, что/который* скрипит, который скрипит).

4. Услед далеко развијенијег система партиципа у руском језику и досад се у литератури, приручницима и уџбеницима намењеним носиоцима српског језика стављао акценат на могућност замене партиципских конструкција зависном релативном реченицом, те се ми детаљније овом темом нећемо бавити.

Обратићемо пажњу само на руске еквиваленте српских радних глаголских придева на *-л-* који могу имати и партиципску функцију.

У највећем броју случајева (на то указује и истраживање О. Брајичић 1982) српском радном придеву на *-л* (тј. *-о* у мушком роду ј. неодређене промене) одговара руски активни партицип прошлог времена (*опало лишиџе* – *опавшие лис-*

тња, разбуктала ватра – разгоревшии се огонь, прецветале јабуке – отцветише яблони).

*И у својој смрти Васа, не ретко, осети задовољство што је нестао пре но што су вођи првог устанка, **оболели од власти и од злости**, стали да раде један другом о глави, иако је у почетку изгледало да су сложени колико и храбри а изнад свега да су одани један другоме. – заболевши влашћу и злостью*

6. Закључак.

Намера нам је била да у овом раду покажемо могућност спајања творбе речи и синтаксе. Синтаксичка деривација управо представља такву додирну област ових двеју језичких дисциплина: говорећи о творбеном аспекту, упућени смо и на синтаксички, и обрнуто. Указали смо и на то које би конкретне творбено-синтаксичке моделе требало заступити у граматичким приручницима за руски као страни, а који би актуелизовали постојеће знање из морфологије, творбе речи и синтаксе.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл*, Москва, 1976, с. 383.
- Белић Александар. *Опита лингвистика. О језичкој природи и језичком развоју. Књига I и II*, Београд, 1998, стр. 590.
- Брајичић Олга. *Функција синонимичке партиципских конструкција и адноминалних односних реченица у руском и српскохрватском књижевном језику*, Београд, 1982, стр. 526 (докторска дисертација одбрањена на Филолошком факултету у Београду).
- Вићентић Биљана. Конструкције са фазним глаголима и девербативним именицама у руском и српском језику // *Славистика*, Београд, 2008, XII, стр. 250–257.
- Золотова Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва, «Наука», 1982, 367 с.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва, 1998, 524 стр.
- Курилович Е. *Очерки по лингвистике*, Москва, 1962, 454 стр.
- Марић Биљана. *Синтаксичка деривација у савременом руском књижевном језику у поређењу са српским*. Докторска дисертација, Београд, 2010.
- Марић Биљана. Именица и глагол у синтаксичкој деривацији: десупстантивни глаголи у руском у поређењу са српским језиком // *Филолошки преглед*, Београд, 2009, 36, 3, стр. 75–86.
- Марић Биљана. Деадјективни глаголи у светлу синтаксичке деривације (у руском у поређењу са српским језиком) // *Славистика*, Београд, 2010, 14, стр. 116–125.
- Мельчук И. А. *Курс общей морфологии, том II, ч. вторая: Морфологические значения*, Москва-Вена, 1998, с. 543.

Розенталь Д. Э. *Русский язык. Управление в русском языке. Практическая стилистика*, Москва, 2005, с. 751.

Русская грамматика АН СССР, Москва, 1980.

Современный русский язык, под ред. В. А. Белошапковой, Москва, 1989.

Тополињска Зузана. *Полски-македонски. Граматичка конфронтација. б. Синтаксичка деривација*, Скопје, 2003, 191 стр.

Биљана Марич

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ: МОСТ МЕЖДУ СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ
И СИНТАКСИСОМ

(в русском языке в сопоставлении с сербским)

Резюме

В работе указывается на связи между двумя языковыми системами: словообразовательной и синтаксической в русском и сербском языках. Исследуя синтаксические последствия транспозиции трех основных частей речи (имен существительных, глаголов и имен прилагательных) в какую-то иную основную часть речи, мы актуализируем данный аспект изучения языковых единиц. Наше намерение показать, насколько такой подход ценен в изучении иностранного языка, а именно: в овладении единицами обоих уровней и в связывании их с целью усовершенствования речевых компетенций, навыков письменной речи итп.

РАДМИЛО Н. МАРОЈЕВИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

СРПСКИ И СЛОВЕНСКИ НУЛТИ СУФИКС**

Сажетак. Само је савремени нулти суфикс $-\emptyset^1$ имао суфиксалну функцију и у (раном) прасловенском језику јер су само именске основе на $*\delta$ биле тематске: то $*\delta$ се појављивало као интерфикс $-o-$, формант композиције, и као суфикс $*-\delta s$, формант деривације. Од овог последњег настао је, у позном прасловенском, суфикс $-\bar{z}$ (нулти суфикс с наставком $-\bar{z}$ у номинативу једнине). Савремени суфикс $-\emptyset^2$ настао је тако што се, услед сужавања значења именица, променио смер мотивације: језичко осећање данас интерпретира именице типа *z̄l̄en* као изведенице од придевâ типа *z̄elen*, док су примарно придеви били изведени од именица помоћу суфикса $*-\delta s > -\bar{z}$. У савременом српском језику издвајају се још суфикс $-a$, тј. серија нултих суфикса с наставком $-a$ у номинативу једнине, суфикс $-o$, тј. два нулта суфикса с наставком $-o$ у номинативу једнине, и суфикс $-e$, тј. два нулта суфикса с наставком $-e$ у номинативу једнине.

Кључне речи: нулти суфикс, српски језик, словенски језици, творба речи.

0. Увод

0.1. Суфикс $-\bar{z}$ (тј. нулти суфикс с наставком $-\bar{z}$ у номинативу једнине) позног прасловенског, односно суфикс $*-\delta s$ раног прасловенског, имао је категоријално значење: помоћу њега се реч преводила из једне врсте речи у другу (или из једног типа промене у други са променом рода). Другим речима, суфикс $*-\delta s$ је имао, по Бошковићевој дефиницији, структурално значење. То структурално значење има и данашњи суфикс $-\emptyset^1$ у кругу глаголских именица.

Суфикс $-\bar{z}$ стекао је реално, посесивно значење кад је почео да служи за трансформацију неконгруентног атрибута, посесивног именичког генитива, у конгруентне атрибуте, посесиве као нову, хибридну врсту речи. Реално значење данашњи суфикс $-\emptyset^1$ има у кругу све четири врсте придева у савременом српском језику, на шта указујемо у првом поглављу овога рада, без подробнијег разматрања [види т. 1.2].

---

* e-mail: radmilo@mail.ru

** Рађено у оквиру пројекта 178014: *Динамичка структура савременог српског језика* при Министарству просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

0.2. Предмет овога рада је, у првом плану, савремени српски (и словенски) нулти суфикс $-\emptyset^2$: он је настао тако што се, услед сужавања значења именица, променио смер мотивације – језичко осећање је почело да интерпретира одговарајуће именице као изведенице од придевâ и глаголâ, док су првобитно ти придеви и ти глаголи настали од именица [види т. 2.2].

0.3. У савременом српском језику издваја се још суфикс $-a$, тј. нулти суфикс с наставком $-a$ у номинативу јединине (тачније: серија суфикса с тим наставком). Предмет овога рада је, али у другом плану, разматрање дериватолошких услова трансформације облика насталих моционом творбом у серију a -суфикса.

0.4. У савременом српском језику издвајају се још суфикс $-o$, тј. нулти суфикс с наставком $-o$ у номинативу јединине, и суфикс $-e$, тј. нулти суфикс с наставком $-e$ у номинативу јединине, али се у овом раду образлаже само основна поставка о њиховој генези и указује на правце даљег ауторовог истраживања.

1. СУФИКС $-\emptyset^1$

У раном прасловенском само су именске основе на $*\emptyset$ биле тематске: то $*\emptyset$ се појављивало као интерфикс $-o-$, формант композиције, и као суфикс $*-\emptyset s$, формант деривације. Од овог последњег настао је, у позном прасловенском, суфикс $-\emptyset$ (нулти суфикс с наставком $-\emptyset$ у номинативу јединине), у (изведеним) именицама типа *ročodъ*, у (сложено-изведеним) именицама типа *rybolovъ* (као *nomen agentis*, у значењу 'риболовац', и као *nomen actionis*, у значењу 'риболов'), у (сложено-изведеним) придевима типа *čъrnookъ* (у значењу 'који има црно око /јединина у функцији двојине/') и у мушким личним именима типа *B-dislavъ* (у значењу 'нека буде /новорођени дечак/ славан'), који су заправо квалитативно-посесивни придеви срасли с императивом трећег лица јединине. — То је савремени суфикс $-\emptyset^1$.

1.1. Како се тумачио (савремени) суфикс $-\emptyset^1$ у науци о српском језику? Илустративан је, и довољан за ову прилику, двотомни дериватолошки оглед Ивана Клајна.

(1) За нулти суфикс (ми прецизирамо: нулти суфикс $-\emptyset^1$) Клајн каже да се он јавља готово у свим типовима сложених придева (па упућује на одговарајуће одељке поглавља о слагању), а да је знатно мање уобичајен у префиксално-суфиксалној творби, али и ту да налазимо примере као *безуб*, *безимен*, *ванвремен*, *привремен*, *савремен*, *свремен* [Клајн 2002 I: 313]. — Наравно, није реч о префиксално-суфиксалној творби, него само о суфиксацији (творбене базе су предлошко-падежне везе).

(2) Посесивни суфикс $-\emptyset/\emptyset$ чува се само у остацима, и то само аломорф $-\emptyset$, и само у значењу поседовања — у сложено-изведеним придевима (данас с нултим суфиксом) типа *плавокос*. Такве придеве у суфиксацији Клајн, међутим, не описује посебно. Помиње их (само три: *крупнозрн*, *дугокљун*, *свилорун*) у одељку посвећеном суфиксу $-(a)n$: „Посебно је питање како анализирати придеве чија се основа завршава на *n*. За речи као *рамени*, *т(ј)емени*, *колени/кољени* (обично у изразу *колени зглоб*; РМС даје један цитат са синтагмом *кољени прегиб*) можемо рећи да су се два *n* сажела у једно (*рамен- + -ни > рамени*), како то представља Бабић 1991: 390. То би онда важило и за придев *камен(и)*. Напротив, код сложених придева као *истоимен*, *троимен*, *једновремен*, *благовремен*, *кратковремен*, *тростепен*, *вишестепен*, *једностран*, *самохран*, *крупнозрн*, *дугокљун*, *свилорун* и

сл., као и код префиксално-суфиксалних типа *безимен, повремен, савремен, привремен, постепен* итд., суфикс може бити само нулти. Посебан случај представљају придеви страног порекла типа *спонтан*“ [Клајн 2002 I: 261].

(3) С обзиром на то да су се помоћу суфикса $-\emptyset^1$ градиле именице од глаголских основа двеју семантичких категорија, као *nomen agentis* (руско *рыболѳв* у значењу ‘риболовац’) и као *nomen actionis* (српско *рыболѳв* у значењу ‘рыбная ловля’), суфикс $-\emptyset^1$ издвајамо и у речима страног порекла типа *фотограф* (у првој семантичкој категорији). Али те речи нису и настале суфиксацијом него редеривацијом као подврстом обрнуте творбе [види т. 1.2, нап. 3].

(4) Редеривацијом су од именица *кѧмѧн, плѧмѧн* и *прѧмѧн* настале именице *кѧм, плѧм* и *прѧм*, али не помоћу нултог суфикса него обрнутом творбом (редеривацијом) [види т. 1.2, нап. 4].

1.2. У наведеном Клајновом пасусу [види т. 1.1.(2)] заступљене су све четири врсте придева (придеви типа *спонтан* су немотивисани), па их треба и размотрити посебно.

(1) **Посесивни** придеви с нултим суфиксом $-\emptyset^1$ и значењем поседовања/непоседовања су *безимен* (не ради се о „префиксално-суфиксалном типу“ него о суфиксацији предлошко-падежне везе) и сложено-изведене речи *крупнозрн, дугокљун, свилорун*. Некада је суфикс $-\emptyset^1$ образовао квалитативно-посесивне придеве и од именица без предлога [види нап. 1].

(2) **Односни** придеви с нултим суфиксом $-\emptyset^1$ су изведенице *рамени, темени, колени*. Придеви типа *кѧленѧ* могли су настати и на други начин, помоћу суфикса *-ѧнѧ*, при чему се ово друго *н* изгубило, као што је претпостављао Радосав Бошковић [види нап. 2]. Али и у овом другом случају губљењем суфикса *-н-* < *-ѧнѧ* из формалне структуре остао би нулти суфикс $-\emptyset^1$ у семантичкој структури придева.

(3) **Градивни** придеви с нултим суфиксом $-\emptyset^1$ су придеви типа *кѧмен(ѧ)* (у српском) и типа *золотѧй* (у руском језику). **И** придеви типа *кѧмен(ѧ)* могли су настати помоћу суфикса *-ѧнѧ* (на шта би указивали руски придеви типа *каѧменный*), при чему се ово друго *н* изгубило [као у придевима из нап. 2]. И у том случају губљењем суфикса *-н-* < *-ѧнѧ* из формалне структуре остао би нулти суфикс $-\emptyset^1$ у семантичкој структури придева. С обзиром на чување категорије вида у српским придевима овога типа, ова друга могућност би се могла искључити с обзиром на то да се не чувају трагови суфикса *-ан* у номинативу једине мушког рода придева овог типа. Напротив, основано се може претпоставити да су у руском језику ови придеви секундарно проширени суфиксом *-н-*.

(4) **Описни** придеви с нултим суфиксом $-\emptyset^1$ су *повремен, савремен, привремен, постепен* (не ради се о „префиксално-суфиксалном типу“ него о суфиксацији предлошко-падежне везе) и сложено-изведене речи *истоимен, троимен, једновремен, благовремен, кратковремен, тростепен, вишестепен, једностран, самохран*.

НАПОМЕНЕ.

1. За суфикс *-aje* Клајн даје пример *пераје* [Клајн 2003 II: 14]. – Некад давно, помоћу форманта *-o'* (= нулти суфикс) < *-ъ* < **-ōs* (не знамо у којој фази), изведен је квалитативно-посесивни придев (множина, средњи род) одређеног вида и сложене придевске деклинације *перáја* у значењу 'она која имају пера'. Затим је, већ у историјском развоју српског језика, од дела наставка перинтеграцијом добијен суфикс *-aja*, а према множини формирана једнина којом оперише Клајн. Најзад, изгубила се некадашња мотивација и остварило упрошћавање као врста промене у морфемској структури. Реч је данас немотивисана: Клајн мора умањити број својих „јединачних суфикса“.

2. Објашњавајући придевски облик *причинā* (управа) у 2294. стиху Горског вијенца, Радосав Бошковић пише: „По моме мишљењу – то је наш придев *причинī*, *ā*, *ō*, и направљен је од именице *причина* (= привиђење)“, као *истинī* од *истина*, *кóленī* од *колeно*, *гркљанī* од *гркљан*. Они су, наставља Бошковић, „због гласовних промена и основинског уједначавања“, „у току историјског развитака изгубили свој суфикс (*ь*)*n*, и свели се, на тај начин, на данашње придеве – само с граматичким наставцима“ [Бошковић 1964: 161; Бошковић 1978: 266–267]. Ми смо закључили да придев *причини* не долази непосредно од *причинити се*, „него је изведен од именице, по нашем мишљењу од именице *причин*, а његов творбени формант је данас нулти, а у даљој историјској перспективи материјално изражени суфикс *-ъ* < **-ōs*, којим су се градили квалитативно-посесивни придјевии (овдје у значењу 'који има причин'). Наравно, придјев *причини* је могао бити направљен и од морфолошке варијанте *причина*, и могао је бити изведен суфиксом *-ьпъ* који се у току историјског | развитака изгубио, као што је то претпоставио Радосав Бошковић“ [Маројевић 2005: 601–602 (знак | указује на прелазак на другу страну у тексту који се цитира)].

3. Иван Клајн Стјепану Бабићу замера, између осталог, што се чак на три места (на с. 183, 286, 298 првог издања *Tvorbe riječi*) пита да ли су именице као *агрономија*, *антропологија*, *филозофија* изведене од *агроном*, *антрополог*, *филозоф* или су пак ове друге нултим суфиксом изведене из првих и што закључује да се „ово питање може сматрати још отвореним“ и да су „потребна посебна проучавања“: „У ствари је питање бесмислено, јер ми знамо да су и једне и друге именице истовремено позајмљене из страних језика. Никаквог разлога нема за претпоставку да су једне изведене из других, него је за творбу речи сасвим довољно констатовати да, уз исту основу, једне имају суфикс *-ија*, док га друге немају“ [Клајн 2002 I: 9].

У другом тому, у поглављу о домаћим именичким суфиксима, Клајн већ децидирано каже: „Поготову о нултом суфиксу нема смисла говорити у страним речима типа *агроном*, *филозоф*, *археолог* (наспрам *агрономија* итд.), што као једну од могућности помиње Бабић 1991: 303. Ту се може само констатовати постојање заједничке основе. И речи на сугласник и оне на *-ија* примљене су из страних језика, постоје и данас у тим језицима, употребљавају се одувек паралелно, па би било противно чињеничном | стању тврдити да су једне од других изведене у нашем језику, било нултим суфиксом или суфиксом *-ија*“ [Клајн 2003 II: 212–213

(аутор се овде позива на друго издање Бабићеве *Tvorbe riječi*). Истој теми враћа се Клајн и у уводним пасажима поглавља о страним именичким суфиксима: »За Бабића 1991: 200 оне [именице типа *филозоф*, *педагог*, *географ* наспрам оних типа *филозофија*, *педагогија*, *географија* – Р. М.] представљају велики проблем, пошто није у стању да докаже ни да су прве изведене од других нултим суфиксом ни друге од првих суфиксом *-ија*. Отуда он закључује да су [за] разрешење тог питања „потребна посебна проучавања“. Таква проучавања, међутим, имала би смисла само у грчком, где је основа мотивисана. У српском можемо једино закључити да су именице једног и другог типа позајмљене у исто време, да им је основа заједничка и да оне са завршетком на сугласник значе стручњака, а оне на *-ија* одговарајућу струку. Јасно је да и такви случајеви спадају у домен творбе речи, али их треба регистровати као чисте корелације, а не покушавати да се на силу сврстају под извођење« [Клајн 2003 II: 219]. — И таман смо припремили коментар: савремена дериватологија овде полази од појма (и термина) обрнута творба речи као једног од типова промена у морфемској структури речи: накнадним довођењем у везу позајмица језичко осећање их интерпретира као речи са заједничком основом и као суфиксалне изведенице, прве са суфиксом *-ија*, друге с нултим суфиксом $-\emptyset^1$ — кад прочитасмо, у одељку о суфиксу *-ија*, да се и сам Клајн приближио таквом тумачењу: „Једну реч као што је *филозофија*, напротив, не можемо на исти начин сматрати изведеном од *филозоф*, јер би подједнако оправдано, ако не и оправданије, било обрнуто извођење (нултим суфиксом: *филозоф- $\emptyset$* = 'онај ко се бави филозофијом'). У таквом случају има смисла једино говорити о корелацији суфикса, то јест констатовати да са истом основом облик на *-ија* значи радњу а онај на $-\emptyset$ вршиоца или носиоца радње“ [Клајн 2003 II: 234]. У наставку, додуше, и овај, иначе тачан закључак Клајн помало релативизује: „У неким од њих се чини оправданије извођење суфиксом *-ија* (нпр. *аристократија* 'друштвени слој аристократа'), у другима обрнуто (нпр. *фотограф* 'онај ко се бави фотографијом'), али у већини случајева мотивација не даје предност ни једном ни другом смеру, па је и овде сигурно само постојање заједничке основе“ [Клајн 2003 II: 235].

4. У својој *Tvorbi riječi* Стјепан Бабић расправља о именицама *kāmēn*, *plāmēn*, *prāmēn* и *stūdēn* у односу на именице *kām*, *plām*, *prām* и *stūd* уз закључак да је „значање других сложенеја ра мо̀жемо рећи да су друге изведене нултим суфиксом од првих“ (у прве три Бабић види суфикс $-\emptyset^1$, а у последњој — суфикс $-\emptyset^2$) [Babić 1986: 286].

Критеријум који је Бабић преузео од савремених руских дериватолога значајан је за однос именица и глагола (је ли реч о десупстантивним глаголима или о deverбативним именицама), али није од пресудног значаја за међусобни однос именица с живом творбеносемантичком везом. У оквиру исте врсте речи, истог рода и исте деklinације важнији је формални моменат: изведена је она реч која има сложенију фонемско-морфемску структуру, у принципу. Тако је и именица *stūdēn* изведена од именице *stūd* помоћу суфикса $-\bar{ēn}^2$ (и у зависним падежима $-\bar{ēn}-$).

Од именица *kāmēn*, *plāmēn* и *prāmēn* стварно су настале именице *kām*, *plām* и *prām*, али не помоћу нултог суфикса него обрнутом творбом (редеривацијом), али Бабић, као ни Клајн после њега, не оперише учењем о променама у морфемској

структури речи. То значи да именице *кәмѣн*, *пләмѣн* и *прәмѣн* више нису просте него су претрпеле процес усложњавања, па ново језичко осећање у њиховој структури издваја коренске морфеме и суфикс $-\bar{e}n^1$ (у зависним падежима *-en-*), док именице *кәм*, *пләм* и *прәм* посматра као просте речи.

2. СУФИКС $-\bar{o}^2$

Именске основе на $*\bar{i}$ нису биле тематске, па није постојао ни суфикс $*-\bar{i}s$. То значи да су придеви типа *nečistъ*, *zelenъ* изведени помоћу суфикса $*-\bar{o}s > -\bar{o}$ од именица *nečistъ*, *zelenъ*, а не обрнуто, као што су редни бројеви типа *p!tъ / p!tъjъ* (формалнограматички они су придеви) изведени од основних бројева типа *p!tъ* (формалнограматички они су били именице). – У даљем историјском развоју, услед сужавања значења именица, променио се смер мотивације, тако да језичко осећање интерпретира именице *nečistъ*, *zelenъ* као изведенице од придева *nečistъ*, *zelenъ*. Тако је настао савремени суфикс $-\bar{o}^2$.

2.1. Како се тумачио (савремени) суфикс $-\bar{o}^2$ у науци о српском језику? Показаћемо то на примеру двеју монографија у којима је творба речи специјално обрађена.

(1) Иван Клајн га овако описује: „Са суфиксом $-\bar{o}^2$ (женског рода), који је данас непродуктиван, број примера далеко је мањи. Од простих глагола су можда само *лаж*, *моћ*, *чар* и *мисао* (не рачунајући застареле облике као *скрб* или *жуд*). Од префиксалних глагола су *замисао*, *помисао*, *намисао*, *примисао*, *промисао*, *помоћ*, *испомоћ* (вероватно и *припомоћ*, док бисмо *немоћ* сматрали негацијом од *моћ*, пре него изведеницом од негираног глагола *не моћи*), *почаст*, *причест*, *обав(и)јест* [...], *пропов(и)јед*, *зараван*. / Посебну групу чине речи у којима нулти суфикс долази не на глаголску основу него на крњи инфинитив. Од простих глагола ту спада *бит*, можда и *цваст* [...]; од префиксалних *добит*, *забит* (од глагола *забити забудем* 'заборавити', данас очуваног само у дијалектима [...]), *напаст*, *пропаст*, *препаст*. / [...] Од придева су *млађ*, *дуж*, *нејач*, вероватно и *жеђ* (с обзиром на јотовање: *гладан*, напротив, изводили бисмо из *глад*, јер би у обрнутом случају морало бити (*глађ*). Именице као *раван*, *зелен*, *румен*, *студен*, *нечист* могле би се сврставати и под конверзију. Поименичени придеви, међутим [...], обично се заснивају на синтагми придев + именица и имају придевски завршетак, *-а* за женски а *-и* за мушки род. По томе бисмо уместо *раван*, *-вни* очекивали именицу „равна“ (= површина: уп. *права*, од *права линија*). Будући да међу примерима конверзије нисмо нашли друге именице женског рода на сугласник, закључујемо да је ових пет ипак боље тумачити као изведенице нултим суфиксом. / Од редног броја је *четврт*. / Једина обичнија сложеница са $-\bar{o}^2$ изгледа да је *благодат* (од инфинитива, као у горњим примерима *бит* и сл.)“ [Клајн 2002 II: 176].

Наравно, није суфикс $-\bar{o}^2$ женског рода него су женског рода именице помоћу којег се оне граде.

(2) Много је коегзистентније (и дериватолошки коректније) овај суфикс описао Стјепан Бабић, петнаестак година пре Клајна. Он најпре, у § 1109, каже: „За tvorbu imenica ž. r. nultim sufiksom može se s velikom sigurnošću reći da je neplodna jer provjeravanja pokazuju da poslije 1865. nema novih tvorenica“, па наводи речи

чије су прве потврде из 1860. (*òbavijēst, prìpomōc*), из 1961. (*nàgovijēst*) и из 1865. (*cvāst*). „Sve ostale imaju starije potvrde“, констатије [Babić 1986: 301–302]. У наставку, у наредна два параграфа, Бабић указује да је најбројнија творба од глагола, па изведенице прво сврстава по глагоским основама, а онда их дели према значењу (уз абecedни распоред). „Апстрактно значење имају: / *ból, čár, dòbīt, dòmīsaο, ĩspovijēd, kóp, lāž, mīsaο, mōc, nàgovijēst, nāmīsaο, nāpast, nāpovijēd, òbavijēst, òdmōc, òvlāst, pòčāst, pòmāst, pòmīsaο, pòmōc, prēpāst, prīmīsaο, prìpomōc, pròpāst, pròpovijēd, skr̃b, zāmīsaο, zāpovijēd, žēđ, žūd*. / Конкретно значење имају: *bṛst, cvāst, kōv, mrijēst*. / Мјесно значење имају именице *zārāvan, zābīt*“ [Babić 1986: 302 (исправили смо једну штампарску грешку – на облику *domīsaο* додали смо дужину)]. На крају § 1111 аутор каже: „Od imenice je izvedena *stūd*“, па упућује на параграф у коме се расправља о именицама *kāmēn, plāmēn, prāmēn* и *stūdēn* у односу на именице *kām, plām, prām* и *stūd* уз закључак да је „значање других сложене па možemo reći da su druge izvedene nultrim sufisom od prvih“ (у прве три Бабић види суфикс $-ø^1$, а у последњој — суфикс $-ø^2$) [Babić 1986: 286]. У наставку, у § 1112, Бабић пише: „Od pridjeva ima više izvedenica. / Izvedenice *dālj, dūlj, dūž* na tvorbenoj su granici, a *mlād* 'mlada bića' i *rāvan* 'ravan kraj' mogu se smatrati i poimeničenim pridjevima. Imenice *crvēn, nēcīst, pītōm, rümēn, zēlēn* zbog naglasne promjene izvedenice su nultrim sufiksom. / Imenica *nējāč* 'nejaka bića' ima palatalizovanu osnovu. / Od rednog broja izvedenica je imenica *čētvrt* 'četvrti dio čega', a od priloga zastarjela riječ *mnōž* 'mnoga bića'“ [Babić 1986: 302]. Најзад, у § 1113, читамо: „I složenica ima samo nekoliko. / Složeno-sufiksalsnom tvorbom načinjene su *crvotōč* i *blāgodāt*, a prefiksalsno-sufiksalsnom tvorbom *nēznān*“ [Babić 1986: 302].

Бабић се придржава правила да се пише двосложни рефлекс дугог јата, али се прозодијска интерпретација заснива на једносложном изговору с неслоговним *ј* као првом компонентом дифтонга. Тиме се објашњава дужина у примерима типа *òbavijēst, ĩspovijēd* и акценат у примеру *mrijēst*.

(3) У неким примерима стварно морамо (и генетски) полазити од нултог суфикса $-ø^2$. То су оне именице које су настале од компаратива (или према компаративу), и оне имају у својој морфемској структури суфикс $*-j$ (али то $*-j$ није творбени формант јер га је имала творбена база): *mlāh, dāl, dūl, dūž* и *nējāč*. Али ове и овакве именице настале су релативно касно, кад је језичко осећање већ било издвојило нулти суфикс $-ø^2$ [пошто је промењен однос мотивације између именица и придева, описан у т. 2.2.(1)].

Суфикс $*-j$ као творбени формант (а не суфикс $-ø^2$) налазимо у именицама *жēh, mñōž* и *црвотōч*, и све су оне настале по аналогији.

(4) По аналогији са трпним партиципима прошлог времена, у којима су се суфикси $-n$ и $-t$ налазили у односу конкуренције, настала је именица *nēznān*. Првобитно је то морала бити именица *znatъ* с негацијом (уп. руску именицу *знать* у пренесеном значењу) од чијег је номинатива настао инфинитив *znati* [по образцу описаном у т. 2.2.(3)].

2.2. Именске основе на $*\text{ī}$ нису биле тематске, па није постојао ни суфикс $*-\text{īs}$.

Данашњи нулти суфикс $-\emptyset^2$ на релацији именска реч – придевска реч [види даље т. (1), (2)] настао је двоструком променом у морфемској структури, редеривацијом у једним и интеграцијом у другим речима које се налазе у творбеносемантичкој вези. Неизведена реч, именица, подвргла се процесу усложњавања (редеривације): језичко осећање у њој почиње да издваја нулти суфикс $-\emptyset^2$ као творбени формант. Паралелно с тим, изведена реч, придев, подвргава се процесу упрошћавања (интеграције): језичко осећање у њој престаје да издваја нулти суфикс $-\emptyset^1$ као творбени формант. Узрок је **промењен смер** мотивације услед сужавања значења именице (и ширења значења придева).

И данашњи нулти суфикс $-\emptyset^2$ на релацији именичка реч – глаголска реч [види даље т. (3), (4)] настао је променом у морфемској структури, али променом која се зове декорелација. Глаголске именице су биле изведене суфиксом $*-t\dot{s}$ од глаголске основе, док је од окамењеног падежа тих глаголских именица (по Бошковићу: од аналошког номинатива на $*-tejs$) настао инфинитив као хибридна глаголско-именичка врста речи. Данашње језичко осећање те именице интерпретира као изведенице од инфинитива (који је стварно од њих настао) с нултим суфиксом $-\emptyset^2$ као творбеним формантом.

(1) Придеви типа *nečistъ, zelenъ* изведени су помоћу суфикса $*-\dot{o}s > -\emptyset$ од именица *nečistъ, zelenъ*, а не обрнуто. То важи и за остале придеве наведене у нап. 3. У даљем историјском развоју, услед сужавања значења именица, променио се смер мотивације, тако да језичко осећање интерпретира именице *nečistъ, zĕlĕnъ* као изведенице од придевâ *nečistъ, zĕlĕnъ*. Тако је селектован савремени суфикс $-\emptyset^2$.

Исту појаву налазимо, на пример, у руском језику. Именице *зелень, синь* данас посматрамо као изведенице на $-\emptyset^2$ од придевâ *зелёный и синий*, а првобитно су то биле творбене базе поменутих придева.

Исто тако, од именице ($*\dot{i}$ -основе) *stūdĕnъ* помоћу нултог суфикса $-\emptyset^1$ примарно је био изведен придев *студен* [види нап. 1], као што је од именице ($*\dot{i}$ -основе) *rāvanъ* настао придев *раван* и глаголи *равнити* и *равнати* (*равњати*) [види нап. 2].

(2) Редни бројеви типа *p! tь / p! tьjъ* (формалнограматички они су придеви) изведени су од основних бројева типа *p! tь* (формалнограматички они су били именице) помоћу суфикса $*-\dot{o}s > -\emptyset$.

Језичко осећање данас интерпретира збирни број *четвѣрт* као изведеницу од редног броја. Примарно је и овде придевска реч изведена од именичке помоћу суфикса $*-\dot{o}s > -\emptyset$.

(3) Глаголске именице типа *datъ* (сложеница *благодѣт*) и *bytъ* (префиксалне изведенице *дѣбѣт, зѣбѣт*) настале су од глаголских основа *da-*, *by-* помоћу суфикса $*-t\dot{s}$. Од **окамењеног номинатива тих глаголских именица који се завршавао на $*-tejs$** настали су инфинитиви типа *dati, byti*, који се укључио у ширу парадигму глаголских речи. Услед сужавања значења именица променио се смер мотивације па данашње језичко осећање те именице интерпретира као изведенице од инфинитива (који је стварно од њих настао) с нултим суфиксом $-\emptyset^2$ као творбеним формантом.

(4) На аналоган начин, и именице типа *m o g t ĩ s (*môh, nĕmôh, pòmôh, ĩspomôh, prĕpomôh, ôdmôh*) и типа *p e k t ĩ s (данас са предметним значењем *nĕh*) настале су од глаголских основа *tog-*, *pek-* помоћу суфикса *-tĭs. Од **окамењеног номинатива** тих именица који се завршавао на *-teĭs настали су, по Бошковићу, инфинитиви типа *m o g t e ĭ s (*môhu*), *p e k t e ĭ s (*nĕhu*). И овде се променио смер мотивације па данашње језичко осећање именице *môh, nĕh* интерпретира као изведенице од инфинитива *môhu, nĕhu* с нултим суфиксом -ø² као творбеним формантом.

И у именици и у инфинитиву, упрошћена је сугласничка група по моделу *gĉ > ĉ, kĉ > ĉ*.

На исти начин објашњавамо однос именица на *-m ĩvâst, nâpast, prĕpâst* и *prôpâst* према од њих насталим инфинитивима на *-m ĩ* (само је друкчији развој сугласничких група) [види нап. 3].

И од неких других именица које су припадале старим *ĭ-основама образовани су глаголи, али додавањем одговарајућих својих тематских суфикса [види нап. 4].

НАПОМЕНЕ.

1. Видели смо [у т. 1.2, нап. 4] да је именица *stĭdĕn* изведена од именице *stĭd* помоћу суфикса *-ĕn²*. Али је од именице *stĭdĕn* помоћу нултог суфикса *-ø¹* био изведен придев *stĭden*, а не обратно.

2. Видели смо да Клајн за именице *раван, зелен, румен, студен, нечист* најпре претпоставља „конверзију“, тј. супстантивизацију као подврсту транспозиције, али ипак ту претпоставку одбацује закључивши да их је „боље тумачити као изведенице нултим суфиксом“. Бабић именицу *zărâvan* без дилеме посматра као изведеницу од глагола (с нултим суфиксом ø²), док за именице *mlâd* и *râvan* каже да се могу „smatrati i poimeničenim pridjevima“. Именице *ĭrvĕn, nĕĉĭst, nĭtôm, rŭmĕn, zĕlĕn* „zbog naglasne promjene izvedenice su nultim sufiksom“. — Ни о каквој транспозицији, наравно, не може бити ни речи. Прво, зато што су наведени придеви припадали деклинацији старих *ð-основа у мушком и средњем роду, а деклинацији старих *â-основа у женском роду, а поименичени облици морали би припадати истим деклинацијама. Друго, зато што су тематску функцију имале основе на *ð, а не и основе на *ĭ. И треће, што су сви наведени придеви настали помоћу суфикса **-ðs > -z > ø¹* од одговарајућих именица као творбених база. Глаголи пак *zaravnati* и *zaravniti* настали су префиксацијом од глагола *равнати* и *равнити*, а не од именице *зараван* (она се мотивише именицом *раван*).

3. У групу речи „у којима нулти суфикс долази не на глаголску основу него на крњи инфинитив“, како се изразио Клајн, спада именица *ĭvâst* (у којој је измењен удвојени сугласник: *tt > st*) те именице *nâpast, prĕpâst* и *prôpâst* (у којима је измењена сугласничка група: *dt > st*). Ове именице су настале од глаголских основа *svat-*, *pad-* помоћу суфикса *-tĭs, а од **окамењеног номинатива тих именица који се завршавао на *-teĭs** настали су инфинитиви *ĭvasti, nâpasti, prĕpasti, prôpasti*.

4. И од неких других именица образовани су глаголи, али помоћу својих тематских суфикса (на њих је пренесен облички суфикс *-m ĩ* за грађење инфинитива, добијен перинтеграцијом). То су именице на *-viĭest* (*nâgoviĭest*,

òбавијест) и -вијед (ìсповијед, нàповијед, зàповијед, прòповијед), мiсао (и њени деривати зàмiсао, пòмiсао, нàмiсао, прiмiсао, прòмiсао, дòмiсао), влàст (и њени деривати òвлàст, прèвлàст), чàст (и њен дериват пòчàст), мàст (и њен дериват пòмàст), мрiјест, прiчест, чàр, скрòб, жòд, бòл, кòп, кòв, лàж, жèћ, брòст.

3. Суфикс -а

Ни именске основе на *ã нису биле тематске, па тако није постојао ни суфикс *ã. Именице женског рода типа *raba* и женска лична имена типа *B-dislava* (у значењу 'нека буде /новорођена девојчица/ славна') нису настали суфиксацијом него моционом творбом, према именицама мушког рода типа *rabъ* и мушким личним именима типа *B-dislavъ*. – У даљем историјском развоју, услед преношења моционог -а, које је првобитно коришћено само са обележјем женског рода, на мушке хипокористике који су се мењали по деклинацији старих основа на *ã, селектовао се савремени суфикс -а, тј. серија нултих суфикса с наставком -а у номинативу јединице, који се користи не само у антропонимији (хипокористички типа *Хрãнoслав*) него и за глаголске именице (типа *трòка*).

3.1. Како се тумачио у србистици савремени суфикс -а, тј. нулти суфикс с наставком -а у номинативу јединице?

Као један, „суфикс -а“ [Клајн 2003 II: 16–20] Клајн је обрадио неколико именичких суфикса, од којих неки означавају лица, а један служи за творбу глаголских именица.

3.2. Серија нултих а-суфикса, према нашем тумачењу, састоји се од (моционог) суфикса -а¹, (хипокористичког) суфикса -а², суфикса -а³ (за творбу девербативних именица) и суфикс -а⁴ (за творбу збирних именица). За Бабића и Клајна то је све један суфикс. Бабић, додуше, издваја суфикс -а² у два именица, али ми те именице друкчије дериватолошки посматрамо [види нап. 1].

(1) Суфикс -а¹ (моциони).

Именске основе на *ã нису биле тематске, па тако није постојао ни суфикс *ã. Именице женског рода типа *раба* и женска лична имена типа *B-дислава* (у значењу 'нека буде /новорођена девојчица/ славна') нису настали суфиксацијом него моционом творбом, према именицама мушког рода типа *rabъ* и мушким личним именима типа *B-диславъ*. Моциону функцију сачувао је и савремени суфикс -а¹.

Ево шта о њему пише Иван Клајн: „Као м о ц и о н и суфикс (ж. рода) -а се јавља, колико је могуће утврдити, само у ознакама сродства: *рођак — рођака, унук — унука, нећак — нећака, кум — кума, супруг — супруга*, с једном врстом јотовања *таст — ташта*. Лескин 1914:276 помиње и *имењак — имењака* (али данас је знатно обичније *имењакиња*) и *пасторак — пасторка* (али ту су, мада је основа немотивисана, суфикси -(а)к односно -ка)“ [Клајн 2003 II: 19].

У моцијској творби од заједничких именица, констатује Стјепан Бабић, суфикс -а није плодан, па наводи: „*bràtućeda, drúga, kúma, markíza, nèćaka, ràba, súpruga, súsjeda, unuka*. / Od skraćene je osnove *príja < prîjāk*“ [Babić 1986: 52].

Три би се посебне напомене (и једна начелна) морале ставити уз овај паралелни списак.

1° Именица *ташта* је изведена суфиксом *-ја па је морамо премјестити у нап. 2.

2° Ако је основа немотивисана, не може се говорити о суфиксима. Зато из списка не треба изоставити именицу *пасторка*.

3° Именица *прија* изведена је од именице *пријатељица* хипокористичким суфиксом $-a^2$, па је треба премјестити у т. (2), док су именице *пријак* и *прика* хипокористички облици према *пријатељ*.

4° Иако описују не само један народни него и исти књижевни језик (две његове регионалне варијанте), само се пет именица налазе у оба (потпуна) списка (*кума*, *нећака*, *раба*, *супруга*, *уника*), Клајн изоставља четири (*братучеда*, *друга*, *маркиза*, *сусједа*), а Бабић не наводи две (*рођака*, *пасторка*), не рачунајући стварни архаизам *имењака*.

(2) Суфикс $-a^2$ (хипокористички).

У даљем историјском развоју, услед преношења моционог $-a$, које је првобитно коришћено само са обележјем женског рода, на мушке хипокористике који су се мењали по деklinацији старих основа на *-ā, селектовао се **савремени суфикс $-a$** , тј. серија нултих суфикса с наставком $-a$ у номинативу једнине, који се користи (као суфикс $-a^2$) у антропонимији (хипокористици типа *Хрѝна* од *Хрѝнислав*) и (као суфикс $-a^3$) за творбу глаголски именица (типа *трѝка*).

(3) Суфикс $-a^3$ (девербативни).

Посматрајући серију суфикса као један суфикс, Клајн каже: „Јавља се пре свега у девербалима женског рода [...]. Глаголско порекло је недвосмислено у речима с префиксом, као *достава*“. Затим се позива на чланак И. Грицкат, која „указује на алтернацију с нултим суфиксом, у понеким паровима с истом глаголском основом као *усуд* — *осуда*, *удео* (*-ио*) — *дод(ј)ела*, па и у синонимима као *порез* — *пореза*, *зalog* — *зalogа*“ [Клајн 2003 II: 16]. — Превише непрецизности у једном пасусу, којим заправо и отпочиње Клајнова анализа изведеница насталих суфиксацијом! Лексиколози би рекли (Клајн је само лексиколог позајмица!) да у последња два паранису синоними него дублети. Дериватолози би додали да су у оба случаја нулти суфикси: помоћу нултог суфикса за творбу именица мушког рода прве деklinације (суфикс $-ø^1$) изведене су именице типа *зalog*, а помоћу нултог суфикса за творбу девербативних именица женског рода прве деklinације (суфикс $-a^3$) — именице типа *зalogа*. И суфикс $-a^3$ је нулти, као и суфикс $-ø^1$: разлика је у томе што овај први твори именице које у номинативу сингулара имају материјално изражен наставак $-a$, а овај други — именице које у номинативу сингулара имају нулти и наставак (за епоху пре губљења полугласника рекли бисмо за њега: суфикс $-ъ$, иако је и тада био нулти). Именице типа *достава* недвосмислено се мотвишу глаголом (недвосмисленост глаголског порекла не би била довољна да их сматрамо изведеним од глагола). И најзад, требало је прецизирати: суфикс $-a^3$ (за творбу девербативних именица) „јавља се пре свега у девербалима женског рода“ типа *достава*, па додати да се и (хипокористички) суфикс $-a^2$ користи „пре свега“ за творбу хипокористика типа *кока* и да (моциони) суфикс $-a^1$ служи „пре свега“ за творбу именица женског рода типа *рођака* — па би се јасно показала плеонастичност дефиниције суфикса (а не једног суфикса).

(4) Суфикс $-a^4$ (колективни).

На крају разматрања творбе од именица суфиксом $-a$ Стјепан Бабић констатује: „Zbirno značenje ima imenica *gospòda, vlastèla*“ [Babić 1986: 52]. – За нас је то посебни суфикс, колективни, који има и свој хомоним, суфикс $*-ja^4$ [види нап. 4].

НАПОМЕНЕ.

1. У својој *Tvorbi riječi* Стјепан Бабић разликује „два $-a$ sufiksa, sufiks $-a1$ u tvorenicama sklonidbenoga tipa *žena*, u riječima kao *kùma* i *pòbjeda* i $-a2$ u tvorenicama s. r. plurale tantum *kríža, křsta* 'dio kostura koji ima oblik kříža, křsta'. Budući da drugih tvorenica sa sufiksom $-a2$ nema, prvi se sufiks, kojim se tvore brojne imenice, može pisati bez oznake“ [Babić 1986: 51]. – Именица *крста* (и њен регионални синоним *крижа*) првобитно је била *duale tantum masculinum* у значењу 'део скелета који има облик двају крстова'. Већ у чињеници што је Бабићева дефиниција у суштини нетачна види се да се именица *крста* одвојила од именице *крст*, изгубила се јасна семантичка веза међу њима, тако да је анализирана именица (и њен регионални синоним) настала семантичком, а не морфемском творбом, а морфема $-a$ у њеној структури је просто наставак (флексија којој не претходи нулти суфикс). Из тога проилази закључак да број a -суфикса не треба повећавати.

2. Суфикс $-a^1$ (моциони) има свој хомоним, суфикс $*-ja^1$. Ево шта о њему пише Клајн: „Као моциони суфикс $-ja$ се очувало само у *госпођа* и *гошћа*. Будући да је моција својствена само именицама живог значења, не можемо овамо сврстати и *душа* [...]. Етимолози говоре о суфиксу $-ja$ и у *ташта* према *таст*, али јотовање *ст > шт* данас више није активан процес, па бисмо овај пар могли третирати само као суфикс $-a$ с фонетском неправилношћу“ [Клајн 2003 II: 20]. – Наравно, у именици *ташта* издвајамо суфикс $*-ja^1$.

И суфикс $-a^2$ (хипокористички) има свој хомоним, суфикс $*-ja^2$.

3. И суфикс $-a^3$ (девербативни) има свој хомоним, суфикс $*-ja^3$, на пример *грађа, мужа*. Клајн сматра да је изведеницама типа *продаја* и сложено-изведеним речима типа *крвонија* „логичније приписати суфикс $-ja$ “ [Клајн 2003 II: 19]. У творби нема друге логике осим логике творбеносемантичке интерпретације, а она говори супротно: *продаја* је 'радња кад се нешто *продај-е*', а *крвонија* је 'онај који *крв тиј-е*'. У ова два последња типа суфикс је, дакле, $-a^3$.

4. Суфикс $-a^4$ (колективни) има као свој хомоним суфикс $*-ja^4 < -ја$, посведочен у речи *браћа*. Клајн му, међутим, одриче статус творбеног суфикса у овој именици: „Реч *браћа*, мада се у речницима означава као збирна именица женског рода, не сматрамо изведеницом него флективним обликом, будући да по функцији и по значењу представља множину од именице *брат*“, тврди Клајн позивајући се на тврдњу А. Терзића да су у руском и српском језику збирни облици од именице *брат* постали облици множине (*братья – браћа*) те је творбени суфикс $-њја$ „постао морфолошка флексија речи“ [Клајн 2003 II: 20]. – Наравно, у руском језику $*-j-$ јесте постао облички суфикс којим се гради серија множинских падежа именице *брат*, док је у српском именица *браћа* и даље збирна именица с јединском парадигмом и конгруенцијом формалном (моја *браћа*), семантичком (долазе *браћа*) и комбинованом (дошла су *браћа*).

4. СУФИКСИ *-o*, *-e*

Треба разликовати два нулта суфикса на *-o*: помоћу суфикса *-o¹* граде се мушки хипокористици прве деκлинације типа *Драго* (ген. *Драга*), помоћу суфикса *-o²* – мушки хипокористици друге деκлинације типа *Драго* (ген. *Драгѐ*). Према (скраћеним) мушким именима типа *Dragъ* моционом творбом настали су хипокористици (и деминутиви) типа *Drago*, првобитно средњег рода. Трансформацијом средњег рода у мушки настао је (нулти) суфикс *-o¹*; нулти суфикс *-o²* формиран је касније, као резултат контаминације с (нултим) суфиксом *-a²*.

Разликујемо и два нулта суфикса на *-e*: суфиксом *-e¹* граде се мушки хипокористици прве деκлинације типа *Миле* (ген. *Мила*), суфиксом *-e²* творе се и мушки типа *Миле* (ген. *Милѐ*) и женски типа *Маре* (ген. *Марѐ*) хипокористици друге деκлинације. Према (скраћеном) мушком имену *Milъ* моционом творбом настао је хипокористик (и деминутив) *Mill* (ген. *Mill te*), првобитно средњег рода. Трансформацијом средњег рода у мушки уз обрнуту творбу настао је (нулти) суфикс *-e¹*; нулти суфикс *-e²* формиран је касније, као резултат контаминације с (нултим) суфиксом *-a²*.

4.1. Како су се тумачили у србистици савремени суфикс *-o*, тј. нулти суфикс с наставком *-o* у номинативу јединине, и савремени суфикс *-e*, тј. нулти суфикс с наставком *-e* у номинативу јединине?

(1) Формулација да примери које наводи у књизи „јасно показују да има доста речи у којима су *-a* и *-o* суфикси, а не граматички наставци“ [Клајн 2003 II: 3 (нап.)] показује да Иван Клајн питање није разумео: кад говоримо о суфиксима *-a*, *-e* (Клајнов именички суфикс *-e²*) и *-o*, онда имамо у виду да су то нулти суфикси с наставцима *-a*, *-e* и *-o* у номинативу јединине.

(2) У § 85 своје *Tvorbe riječi* Стјепан Бабић расправља о нултим суфиксима и прихвата мишљење да су изведенице типа *kúma*, *Máte*, *Bóžo* „tvorene nultim sufiksima, a da su *-a*, *-e*, *-o* samo nastavci“, да из практичних разлога једну нулу бришемо те да нулте суфиксе обележавамо само једним знаком: *-a*, *-e*, *-o*, *-ø*. Али на крају параграфа број нултих суфикса опет своди на два: „U skladu s općim načelom u određivanju sufiksâ po kojem se isti sufiksadni glasovni sastav smatra dvama sufiksima, ako izvedenica pripada dvama rodovima, tako se razlikuju i dva nulta sufiksa: *-ø1* za m. r. (*gûk*) i *-ø2* za ž. r. (*skr̂b*)“ [Babić 1986: 29]. Род није довољан, а некад није ни релевантан критеријум разликовања именичких суфикса [види даље т. (3)]: битан је „sklonidbeni tip“ (како би рекао Бабић), тј. наставци у номинативу и генитиву јединине.

(3) И Бабић и Клајн разликују два суфикса *-e*. Бабићев суфикс *-e2* и Клајнов суфикс *-e¹* није нулти и не треба га тако обилежавати. То је суфикс *-e(m)*: у номинативу је *-e* (*магаре*, *Туре*), у зависним падежима *-em-* (генитив *магарета*, *Турета*); изведенице су средњег и мушког рода. Клајн овамо укључује мушка лична имена типа *Миле* (ген. *Милета*).

Бабићев суфикс *-e1* и Клајнов суфикс *-e²* треба раздвојити у два нулта суфикса: суфиксом *-e¹* граде се мушки хипокористици прве деκлинације типа *Миле* (ген. *Мила*), суфиксом *-e²* творе се и мушки типа *Миле* (ген. *Милѐ*) и женски типа *Маре* (ген. *Марѐ*) хипокористици друге деκлинације.

(4) Треба разликовати и два нулта суфикса на *-o*: помоћу суфикса *-o¹* граде се мушки хипокористици прве деклинације типа *Драго* (ген. *Драга*), помоћу суфикса *-o²* – мушки хипокористици друге деклинације типа *Драго* (ген. *Драгѐ*).

4.2. Хипокористички нулти суфикси на *-o* (*-o¹* и *-o²*) и на *-e* (*-e¹* и *-e²*) имали су сложено и занимљиву генезу која у овом ради неће бити описана, али ће бити – назначена.

(1) Према (скраћеним) мушким именима типа *Драгъ* моционом творбом настали су хипокористици (и деминутиви) типа *Драго*, првобитно средњег рода. Како су се овим именима називала мушка лица, даљи њихов развој обележен је губљењем деминутивне нијансе (остаје само хипокористичка, касније се и она губи кад име од мила постане право име) и трансформацијом средњег рода у мушки (*Драго* више није дете него одрастао мушкарац). Тако је настао (нулти) суфикс *-o¹*; нулти суфикс *-o²* формиран је касније, као резултат контаминације с (нултим) суфиксом *-a²*.

(2) Према (скраћеном) мушком имену *Миљ* моционом творбом настао је хипокористик (и деминутив) *Миљ* (ген. *Миљте*), првобитно средњег рода. Губљење деминутивне нијансе и трансформација средњег рода у мушки остварени су из истих разлога као у претходном типу.

Сличну појаву налазимо у староруском: презимена типа *Жеребятев* указују на надимак *Жеребя* (апелатив *жеребя* 'ждребе' био је средњег рода, у антропониму *Жеребя* средњи род је трансформисан у мушки).

Обрнутом творбом настао је деклинациони тип *Миље* (ген. *Миља*), тј. (нулти) суфикс *-e¹*; нулти суфикс *-e²* формиран је касније, као резултат контаминације с (нултим) суфиксом *-a²*.

(3) Трансформацијом средњег рода у мушки објашњавају се и српска имена типа *Милоје* (првобитно супстантивизирани описни придев сложене придевске деклинације), као и име *Чедо*.

(4) Средњи род је карактерисао и хипокористике типа *Рађко*, само што они нису настали моционом творбом него суфиксацијом, али су из истих разлога добили обележје мушког рода.

ЛИТЕРАТУРА

- Babić 1986: Stjepan Babić. *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*: Nacrt za gramatiku. Zagreb, 1986.
- Babić ²1991: Stjepan Babić. *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*: Nacrt za gramatiku. Drugo izdanje. Zagreb, 1991.
- Бошковић 1964: Р. Б[ошковић]. *Око два стиха из Горскога вијенца*. – Наш језик, нова серија, Београд, 1964, књ. XIV, св. 2–3, 159–161. [Прештампано у Бошковић 1978: 265–267].
- Бошковић 1978: Радосав Бошковић. *Одабрани чланци и расправе*. Титоград, 1978.

- Клајн 2002 I: Иван Клајн. *Творба речи у савременом српском језику*. Први део. *Слагање и префиксација*. Београд, 2002. (Прилози граматици српскога језика. I)
- Клајн 2003 II: Иван Клајн. *Творба речи у савременом српском језику*. Други део. *Суфиксација и конверзија*. Београд, 2003. (Прилози граматици српскога језика. II)
- Лескин 1914: *Grammatik der Serbokroatischen Sprache*. Von A. Leskien. 1. Teil: *Lautlehre, Stammbildung, Formenlehre*. Heidelberg, 1914.
- Маројевић 2005: Петар II Петровић-Његош. *Горски вијенац*. Критичко издање. Текстологија. Редакција и коментар Радмило Маројевић. Подгорица, 2005.

Радмило Н. Марович

СЕРБСКИЈ И СЛАВЈАНСКИЈ НУЛЕВОЈ СУФФИКС

Резюме

В савременом сербском језику (а такође и у других славјанских језицима) издвајају се три нулевих суффикса: $-\emptyset^1$, $-\emptyset^2$ и $-a$ (нулевој суффикс с флексијом $-a$ у им.п. ед.ч.), но само први од њих имао су суфиксалну функцију и у праславјанском језику.

У ранњем праславјанском само именске основе на $*\emptyset$ биле тематическим: тематически гласни $*\emptyset$ изступао као интерфикс $-o-$, формант композиције, и као суффикс $*-\emptyset s$, формант деривације. Овај последњи претворио се, у позном праславјанском, у суффикс $-\emptyset$ (нулевој суффикс с флексијом $-\emptyset$ у им.п. ед.ч.), у (производних) именима существителних типа *počodъ*, у (сложно-суфиксалних) именима существителних типа *rybolovъ* (помен *agentis*, у значењу 'рыболов', и помен *actionis*, у значењу 'рыбная ловля'), у (сложно-суфиксалних) именима прилагателних типа *čъrnookъ* (у значењу 'имејући црни очи /ед.ч. у функцији двојственог броја') и у мужским личним именима типа *B-dislavъ* (у значењу 'пусти биће /новорођени малишан/ славни'), представљајући собом на самом делу срачења форми 3-го л. ед.ч. повелителног наклонења с квалитивно-посесивним прилагателним. — Ово и је савремени суффикс $-\emptyset^1$.

Именске основе на $*\emptyset$ биле тематическим, па зато и не постојало суффикс $*-\emptyset s$. Ово означава, да имена прилагателна типа *nečistъ*, *zelenъ* биле образоване с помошћу суффикса $*-\emptyset s > -\emptyset$ од имени существителних типа *nečistъ*, *zelenъ*, а не обротно, као и поредковане имена числителне типа *p!tъ* /*p!tъjъ* (формално-граматички они односили се к прилагателним) биле образоване од количественних числителних типа *p!tъ* (формално-граматички они представљали собом имена существителна). — У току даљњег историјског развоја, услед сужења значења существителних, изменило се напремање мотивације, тако да у новом језиковом сознанију существителне *nečistъ*, *zelenъ* третирају се као производне од прилагателних *nečistъ*, *zelenъ*. Тако издваја се савремени суффикс $-\emptyset^2$.

Именске основе на $*\emptyset$ такође биле тематическим, па зато и не постојало суффикс $*-\emptyset a$. Имена существителна женског рода типа *raba* и женске личне имена типа *B-dislava* (у значењу 'пусти биће /новорођена девојка/ славна') настали не у резултату суфиксације, а моционним словообразовањем, на основу существи-

тельных мужского рода типа *rabъ* и мужских личных имен типа *B-dislavъ*. — В ходе дальнейшего исторического развития, вследствие переноса моционного *-a*, первоначально употребляющегося только в качестве признака женского рода, на мужские ласкательные имена, принадлежащие к склонению древних основ на **-ā*, выделился современный суффикс *-a*, т.е. нулевой суффикс с флексией *-a* в им.п. ед.ч., который используется не только в антропонимии (ласкательные имена типа *Хрѣна* из *Хрѣнислав*), но и при образовании отглагольных существительных (типа *тѣка*).

Следует различать два нулевых суффикса на *-o*: с помощью суффикса *-o¹* образуются мужские ласкательные имена первого склонения типа *Дрѣго* (род.п. *Дрѣга*), с помощью суффикса *-o²* — мужские ласкательные имена второго склонения типа *Дрѣго* (род.п. *Дрѣгѣ*). На основе (сокращенных) мужских имен типа *Драгъ* моционным словообразованием возникли ласкательные (и уменьшительные) имена типа *Drago*, первоначально среднего рода. Трансформацией среднего рода в мужской возник (нулевой) суффикс *-o¹*; нулевой суффикс *-o²* формировался позднее, в результате контаминации с (нулевым) суффиксом *-a²*.

Различаются также два нулевых суффикса на *-e*: с помощью суффикса *-e¹* образуются мужские ласкательные имена первого склонения типа *Мѣле* (род.п. *Мѣла*), с помощью суффикса *-e²* — и мужские типа *Мѣле* (род.п. *Мѣлѣ*) и женские типа *Мѣре* (род.п. *Мѣрѣ*) ласкательные имена второго склонения. На основе (сокращенных) мужских имен типа *Мѣлѣ* моционным словообразованием возникли ласкательные (и уменьшительные) имена типа *Mill* (род.п. *Mill te*), первоначально среднего рода. Трансформацией среднего рода в мужской в результате обратного словообразования (редеривации) возник (нулевой) суффикс *-e¹*; нулевой суффикс *-e²* формировался позднее, в результате контаминации с (нулевым) суффиксом *-a²*.

ЈЕЛКА И. МАТИЈАШЕВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

ТИПОВИ МЕЂУЈЕЗИЧКИХ ЕКВИВАЛЕНАТА (на материјалу руских и српских именичких деминутива)

Сажетак. У раду се разматрају руски именички деминутиви са аспекта еквиваленције у српском језику, при чему се издвајају типови еквивалената у настојању да се формира једна реална слика о особеностима датог материјала на међујезичком нивоу.

Кључне речи: еквивалентност, типови еквивалената, деминутиви, именице, руски језик, српски језик.

Еквивалентност схватамо као супституционалну појаву и као лингвистички проблем који се највише везује за наставу страних језика и преводилачку теорију и праксу. Није стога чудно што се лингвисти са страних филологија окрећу овом проблему као битном елементу у раду у својој струци и лингвистичким истраживањима. Стога пратећи континуирано проблем еквиваленције можемо констатовати да је литература о еквивалентима обимна, јер је доста чест предмет истраживања међујезичких односа, као и чињеница да су се досад еквиваленти углавном евидентирали, а ретко или никако издвајали типови њихови, посебно у сфери конкретних језичких јединица. Ово је самим тим и нека синтеза одређених сазнања о резултатима до којих се дошло о еквиваленцији – не као преводном, већ језичком феномену.

Пошто је творба речи односно дериватологија као посебна језичка дисциплина већ ушла у другу половину века свога постојања, није наодмет за ову прилику подсетити на неке резултате који се, сматрам, са пуно разлога могу признати општеприхваћеним а тичу се еквивалентности и о чему се у руском и српском језику много пута посредно или непосредно говорило, па тако и у радовима овог аутора.

За типологију конкретног језичког материјала, тј. типове еквивалената одређене класе неке врсте речи не би се много могло наћи. Узете су стога именичке деминутивне номинације као творбена модификациона група значења у два блиска језика.

---

* e-mail: slobodanmat@open.telekom.rs

Опште је место да се словенски језици разликују један од другог не толико репертоаром језичких средстава (мада, неизоставно, разлике те врсте такође постоје и треба да буду описане), колико организацијом тих средстава и адекватно различитим њиховим статусом у језичком систему. Ово као и одређене унутрашње словенске диференцијације тог инвентара у првом реду по карактеристичном сугласничком елементу у саставу суфикса: к / ц јесте полазиште у овом раду.

Исто тако, деминутивне речи (и у руском и у српском, а како нам општелингвистичка сазнања говоре и у многим другим језицима) су углавном полисемне речи, што значи немају само функцију деминуције, већ и много више од тога. Зато је од интереса погледати како се оне употребљавају у једном језику и какви су им еквиваленти у другом језику, какав им је функционални потенцијал пошто као полисемантички творбени модели могу утицати на карактер међујезичке еквивалентности.

У лингвистици постоје разне класификације еквивалентности у зависности од предмета и циљева истраживања, а најчешће као потпуна, делимична, нулта, формална и динамичка еквивалентност, функционална, комуникативна, синтаксичка, семантичка, прагматичка, а са аспекта превођења (Ј. Kostić-Tomović 2009) системска, лексикографска, преводна, творбеноструктурна, симетрична и асиметрична е.- конвергенција, дивергенција, парцијална и нулта, денотативна, конотативна, прагматичка и естетска е. Овим се наравно не исцрпљује списак, али се из свега да закључити да не постоји јединство у тумачењу.

Као општеважеће може се навести да је еквиваленција – по степену подударња значења – потпуна, делимична, нулта. Сјатковски (Сятковский 1997) овде издваја: *структурне еквиваленте* (међујезичка истоветност, потпуна различитост и делимична различитост) све више је објекат интензивних истраживања; *узурално-стилске* – који захтевају даљу разраду.

Као лексикографску илустрацију у руском и српском навешћемо : рус. *ручка* – 1. дем. ручица; детскије – ки – дечије ручице; 2. ручица, дршка; – чемодана – ручица кофера; – ки кресла – ручице на наслоњачи; дверная – квака 3. пенкало, наливперо; шариковая – хемијска оловка, дойти до ручки – разг. доћи у безизлазан положај, пасти у очајање; срп. *ручица* – 1) уменьш. ручка; 2) ручка, рукојатка, а онда даље : *држак*, *држалица*, *држалло*, *држаље* – рукојатка, ручка, *држаља* – ручка (для пера).

Системска еквиваленција је врло честа и представља симетрију на нивоу творбеног система, тј. на суфиксалном нивоу, нивоу творбеног модела. Обично се деминутивне речи у руском дефинишу као двозначне: оне или одређују *меру или квалитет*, да је нешто мање од нормe, неког стандарда, односно носе квалификативно-квантификативну карактеристику предмета: *домик* – *маленький дом*, или имају углавном *експресивно, изражајно значење*: *домик* – *симпатичный домик* (*о чем-то милом и маленьком*). То је у оба језика веома велика и продуктивна творбена класа са значењима деминутивности, хипокористичности, пејоративности и сл. рус. *лесочек*, *делишки*, *зверушка*, у срп.: *шумица*, *шумарак*, *послић(и)*, *зверчица* и сл. Често се у русистици називају речима субјективне оцене – субјективно-оценочные слова, иако је ова категорија доста аутономна на структурном

и функционално-семантичком плану. Деминутиви у томе предњаче, а пре свега по бројним секундарним значењима којима су дате структуре у основи. Називају се и експресивним речима, емоционалним и сл., ми у то овде нећемо улазити, за нас је на овом месту значајно да на међујезичком нивоу у систему творбе речи постоје потпуни еквиваленти, то значи услови за симетрију творбених јединица. Да ли ће се и када употребити то већ зависи од разних других фактора.

Иначе деминутивне јединице у руском и српском језику карактеришу се блискошћу творбених средстава која припадају епоси прасловенске заједнице. Тако су најпродуктивнији суфикси у руском језику: *-ок/-ик / -чик за м. р., -ка за ж. р. и -ко за средњи р.: город – городок, прут – прутик, береза – березка, борозда – бороздка, облако – облачко, молоко – молочко*; у српском: *-ак* (са дериватима), *-ић/-чић,-ица, -це – град – градић, прут – прудић, береза – березица, бразда – браздица, облак – облачић, облачак, млеко – млекце* и сл.

У универзалије дечјег говора спада употреба деминутива у говору одраслих у општењу са децом а сматра се *адаптацијом говора одраслих* када се деци жели ставити до знања да је нешто добро. Руски и српски у том погледу на најбољи начин потврђују правило о употреби деминутива са позитивним аксиолошким знаком, типа: *молочко, мјасцо, супечка, млекце, месце, месанце супица*, – и читав низ других, често индивидуалних и околиналних образовања (Јоцић 1977, Васић 1983, Матијашевић 1998). Несумњиво је ту у питању потпуна еквиваленција као и одлика превасходно усмене комуникације.

Метафоричка номинација код деминутивних назива је врло распрострањена и спада у особности њихове у оба језика што се мора имати у виду код контрастивних проучавања и уопште анализе у међујезичком простору. Особност је у томе, што исконски деминутивни називи у оба језика могу да развијају допунска неутрална значења, а то претпоставља постојање разноврсне еквивалентности, или могуће нееквивалентности, на разним језичким нивоима, што сведочи о полифункционалности деминутивне јединице. На тај начин, специјализираној лексеми руског језика може се јавити као функционално-семантички еквивалент такође лексема односно творбена јединица, али и аналитичка номинација.

Можемо констатовати да постоји симетрија на плану самог модела семантичке деривације, али када се иде на лексички ниво ситуација се знатно мења и у зависности је од бројних фактора, често екстралингвистичке природе. Истраживачи такође истичу да је веза значења творбеног гнезда са другим елементима лексичко-семантичког система, условљена припадношћу њихових речи из основе некој класи номинативних јединица – лексичко-семантичкој, лексичко-граматичкој или тематској групи (Васиљева 1997). У лингвистици контрастивних проучавања дошло се до сазнања да у лексичком систему разних језика постоји неколико група лексема и да је већина група речи са разноврсним делимичним или блиским еквивалентима. Тако произилази да је код метафоризације еквиваленција у принципу *парцијална*, делимична.

Творба речи и полисемија, сустичући се на пољу деминутивних номинација, доводе до деликатних међујезичких еквивалентности што представља доста сложен задатак, не само истраживачки, него и у најразличитијој пракси учења

и употребе деминутивних речи у два језика. Способност ширења значења у сферу ван деминуције, као врло изражена карактеристика оба језика, чини да је семантички потенцијал деминутивних изведеница – много шири и са хомонимским образовањима доприноси поменутој полифункционалности деминутивне јединице.

Когнитивни приступ као главни разлог настанка полисемије види у томе што човек схвата ново, неосвојено кроз дато, освојено и познато, моделира нове објекте и ситуације уз помоћ већ постојећих у њему семантичких структура, „подводећи” под освојене моделе нове елементе искуства. Човек располаже механизмом семантичке деривације која се укључује у случају неопходности и задовољава потребе, пошто се у језику стално појављују нова значења, при чему нека од њих ишчежавају, чак не успевши да уђу у речник. Ограничена је количина стратегија образовања значења и типова значења. Ма колико била разноврсна ванјезичка реалност – човек се користи ограниченом гарнитуром инструмената за освајање ове реалности. Постоје и унутарјезички разлози као што је ограничена количина творбених модела, структурних схема, реченица и сл., и исто тако могућност моделирања нових реалности уз помоћ већ постојећег материјала (Кустова 2004).

Метафоричка номинација се сврстава у универзални модел творбе речи у грађењу елемената стварности, детаља артефаката, техничких термина, у називима делова предмета образованих по аналогiji са деловима људског тела *ручка чемадана*, *ножека столика*, у контрастивним изучавањима словенских језика (М. Куратчик 1997). У литератури о томе постоји дилема: да ли се издвојени суфикс у формалној структури може сматрати или као *деминутивни* (Языковая номинация 1977), или суфикс који уноси *значење сличности* (рус. *подобия*) (Русская грамматика 1980) или као формант који сем значења сличности, има такође допунско значење „*понижења по рангу*” (Журинская 1979). Овде је, дакле, у питању да је то полисемија или хомонимија.

У односима дела и целине, тј. партитивних односа (Арутюнова 1980) – компонент „део”/”часть” је врло значајан, јер назив дела увек се прима као зависан од означавања целог, чиме се постиже његова референција. У принципу сам механизам, који лежи у основи номинације делова предмета речима које потичу од назива делова тела типа *ручка двери* – *ручица*, у оба језика је исти (Матијашевић 1986).

Установљено је да је у руском и у српском језику веома широк круг назива добијених семантичком деривацијом од деминутива, односно метафором, ређе метонимијом. Нарочито се запажа у области терминологије, у називима фитонима, зоонима, где велики број отпада на партитивне односе – назив дела тела за други део тела *язычок*, за биљку, за предмет, за део биљке – *головка*, *главица* за део предмета, назив животиње за део предмета *кобылка*, *кобилица*, предмета за део тела – *чашечка*, *чашица*, предмета за део предмета – *каретка*, *колица* и мноштво других. Еквивалент је могућ и на морфемском пољу : лопатка – лопатица, плећка. Чешће је ипак да то изостаје.

Има такође доста назива који се не тичу партитивних односа – нпр. назива човека за друго биће *королек*, *царић*, животиње за животињу – *котик*, *јеленак*,

коњици, животиње за предмет – *собачка, жабаца, коњић*, животиње за печурку – *лисичка, лисичица*, предмета за биљку *колокольчик, звончић*, предмета за предмет – *книжка, књижица, свечка, свећица у мотору*, животиње за болест, биљке за биљку, биљке за предмет, предмета за живо и сл., дакле, по изгледу, облику, боји, положају, функцији, радњи и можда још по нечему. Међутим, није увек случај да еквиваленција буде системска, већ може се рећи да се овде ради о мањем броју сродних речи. У већини случајева сваки од језика има своја лексичка решења за реалије из области артефаката, из свакодневног живота уз специфичности поднебља, исхране, фитонима, зоонима и сл. па је и еквиваленција у складу с тим. Значајну улогу ту игра поред структурно-системских датости и сфера употребе – функционално-стилска, прагматичка, етнокултурни миље.

Етно-културни план има своје место и у деривацији деминутива и њиховој употреби. За ову прилику узете су неке крупније карактеристике. У српској русистици Кошутић је скренуо пажњу још почетком XX века у првом издању граматике из 1914 (Кошутић 1965) говорећи о „деминутивима и речима од милоште – хипокористикама, речима за тепање, умиљавање, улагивање, уопште онима које се говоре од милоште”, на чињеницу да руски језик особито воли деминутиве и речи од мила и служи се њима и тамо где их наш језик не би употребио. „У народном говору и у говору простијих људи деминутиви се употребљавају као знак поштовања, уљудности или милоште, а у језику образованих људи деминутиви и речи од мила долазе ређе,” и као „одлика доброг душевног расположења или знак нежности и милости”. „Кад је Русу све потаман, онда му је *масло-маслице, вода-водица, водка-водочка*, онда он једе *хлебца*, тражи *сахарку, чайку, кофейку...* из удварања или нежности женска нога му је *ножка, рука-ручка, голова-головка, лице-личико, сапог-сапожок*” итд.

Иако данас неће бити баш све онако како је Кошутић давно истакао, рецепција српског слушаоца могла би бити – да је ту превише емоција, и када би се као еквиваленти употребили системски деминутиви, „наш текст би изгубио облик правог нашег израза, постао би скоро смешан,...или би нас наводило на мисао да се то неко измотава градећи овакве речи...” (Живановић 1980). Међутим данас смо сведоци оваквих и сличних номинација и у српском језику, а како новија истраживања истичу уочен је пораст експресивизације у словенским језицима, који као нову тенденцију евидентирају дату карактеристику, тако да у овим језицима, како нам се чини, не би могла бити оштро повучена граница у употреби. На новим је истраживањима да се позабаве овим проблемом. На овом месту може се навести ради илустрације : Идемо на *пићенце!*, Хоћемо ли по једну *ракијцу?* *Кафицу?* и сл.

У свакодневној комуникацији у руском ће се чути : *Чайку не хотите? Хороший чайк! Присядьте на стульчик! Повернитесь на бочок! Пальчики оближеш* – док у српском нећемо рећи: *Хоћете ли чајчића? Седите на столицу (код лекара)! Окрените се на странцицу! Прстиће да полижеш* (сем у говору са децом). Тако је уобичајено у понашању људи у свакодневном животу, што се у руском назива **быт**, у домаћој кућној атмосфери, у гостима, на улици, у репликама и сл. (Лариохина 1999, Красильникова 2001, Матијашевић 2006). Међу

тематске групе које могу носити културну компоненту у свом саставу спадају и *лична имена*. Руски и српски се ту и слажу и поприлично разликују. Несумњиво је да је избор личног имена слободан чин, али и да се у свим индоевропским језицима помоћу нарочитих наставака могу градити многобројне варијације личног имена (деминутиви, хипокористици, аугментативи, пејоративи (Rogić 1962/63). Тако нпр. у руском језику суфикс –ка у основном виду или преко својих бројних и осамостаљених деривата – код властитих имена има значење: деминутивно-хипокористичко, фамилијарно, презриво са помало грубости које је раније подвлачило социјалну неједнакост људи; у разговорној форми наглашава се једноставност у комуникацији, што је пре свега распрострањено у одређеним социјалним групама као знак изједначавања, заједништва (сељаци, радници, ученици и др.): *Гришка, Светка* и сл.

Иако је то посебна област и подлеже правописној регулативи код преношења у други језички систем, констатоваћемо да се овде ради о – интерперсоналној комуникацији у свакодневном животу у кругу породице, пријатеља, колега, блиских људи, у емоцијама обојеном комуницирању, у мање официјелним приликама и сл.: *Вера – Верочка, Миша – Мишенька*. Еквиваленцију треба тражити у тим оквирима.

План прагматике у употреби деминутивних јединица може се односити на разне циљеве, интенције- *похвалу, комплимент, учтивост* нпр. према кувару/куварици, домаћинима и сл. *супечка – супица* је само једна могућност еквивалента, а може значити: *волим да једем, омиљено ми је јело* итд. Врло је могућ еквивалент са речју *супа* уз шири контекст који би показао расположење, или неку етно-карактеристичку употребе без неке особите конотације, већ као уобичајену форму или етикецију у језичком понашању.

Дакле, форма деминутива – а прави еквивалент је ситуативно, контекстуално решив. При формалној истоветности ту се ствара простор за дескрипцију, детерминацију, метафору – или прагматички дискурс. Истраживачи сматрају да прагматичке семе имају статус секундарних сема које не мењају денотативно значење номинативне јединице, већ уносе допунске сликовите асоцијације. Номинације са правим евалуативним значењем формирају се у процесу узајамности акта номинације са прагматичким факторима. Као резултат такве узајамности номинативне јединице добијају допунске конотације које изражавају емоционални, евалуациони однос према именованом објекту. Прагматички ниво језика при том се схвата као подниво семантичког нивоа (Васильева 1997, 104-130)).

Стилска модификација запажа се код низа полифункционалних творбених форманата који кореспондирају са именичким основама, на првом месту код суфикса –ка, затим –ок/-ик и др. где се граде синоними именицама из основе (Лопатин 1988). Сматра се да је то доста бројна језичка маса, углавном стилски обојених именичких образовања која се семантички не разликују од мотивационих именица. Већина оваквих именица припада стилски сниженој лексици – разговорној и простонародној. Овде суфикси не уносе ни деминуцију ни емоционалност, већ може се рећи, да овакви деривати озбиљно конкуришу несуфиксалним именицама за статус стилски неутралних : *книжка – книга, печка – печь, песенка*

– *песня, скамейка – скамья, иголка, нитка, сережка, свечка, минутка, картошка, селедка, морковка, свари картошку, купи селедку*, али у продавници може стајати натпис *картофель, сельдь* и сл.

Еквиваленција је у српском разумљиво – недеминутивна стилски неутрална номинација, бар што се тиче стандарда: *књига, пећ, песма, клупа, скамија* итд.

Експресивно-стилска конгруенција – у руском је једна од законитости употребе и тиче се пре свега речи са деминутивним суфиксима: *крошечные пальчики*. Избор придева одређује избор именице, деминутивни облик је овде скоро обавезан. У српском се овакви спојеви углавном означавају као плеоназам, па би ту еквивалент био пре један неутрални облик *сићушни прсти* или *ситни прстићи*, па тек можда изузетно и *сићушни прстићи*.

Улога ових суфикса у фолклорном стваралаштву – прича је за себе. Позната је чињеница да велику емоционално-изражајну улогу у лирским песмама врше различити суфикси. Али је неопходно приметити да у руском за разлику од биљина, овде се најчешће употребљавају речи са деминутивним суфиксима који боље одговарају њиховом основном сетно-лирском емоционалном тону. Основна намена деминутивних суфикса у лирској песми је да служи као средство изражавања осећања, љубави, нежности. Пре свега се деминутивни суфикси употребљавају код речи које се односе на људе: *батюшка, матушка, подруженька, милушка-голубушка* и т.д., али често и на појаве и предмете с којима су људи на неки начин везани – тиме се постиже јединство стила, ствара се један емоционални тон (*дорожка, реченька, песочки, садочки, соловушек, солдатушка, служаночка, голубчик, голубушка, ласточка* (Кравцов, Лазутин 1977)). Питање је колико је то актуелно у савременом језику, а да постоји у творбеном систему то је факат.

Еквиваленција је овде врло деликатна ствар јер српска фолклорна лексика тражи посебан третман, чиме се нећемо бавити на овом месту, а несумњиво да примери типа *сунашце, соколић, тиленце* указују на присуство деминутивно-хипокористичких јединица у овој области.

У најкраћем речено, само постојање афикса, целих деривационих модела морфемског или семантичког типа као и других релевантних показатеља, није и знак истоветности употребе деминутива у међујезичком простору руског и српског језика. Подложни утицају како језичких тако и екстралингвистичких фактора, деривати се развијају, ширећи круг својих семантичких валентности, па се сличности и разлике испољавају и унутар једне сродне творбене групе.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1980 – Н. Д. Арутюнова, *К проблеме функциональных типов лексического значения* // Аспекты семантических исследований, Москва.
- Васић 1983 – В. Васић, *Говор са сестром и братом*, Нови Сад.
- Васильева 1997 – В.Ф. Васильева, *О межъязыковой эквивалентности номинативной единицы (на материале современного русского и чешского языков)* // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках, Москва, 104-130.

- Живановић 1980 – Ђ. Живановић, *Границе могућности у превођењу*, *Studia philologica* 1-2, Приштина.
- Журинская 1979 – М. А. Журинская, *О выражении значения неотторжимости в русском языке*, // Семантическое и формальное варьирование, Москва.
- Јоцић 1977 – М. Јоцић, *Говорна адаптација одраслог у општењу са дететом*, Годишњак СДПЛ Југославије, 1, 145 – 153.
- Kostić-Tomović 2009 – J. Kostić-Tomović, *Jezička ekvivalencija i njeni tipovi (na primeru nemačkog i srpskog jezika)*, *Prevodilac* 61, Beograd, 21-41.
- Кошутић 1965 – Р. Кошутић, *Граматика руског језика 2. Облици*. Београд.
- Кравцов, Лазутин 1977 – Н. И. Кравцов, С. Г.Лазутин *Русское устное народное творчество*, Москва.
- Красильникова 2001 – Л. В. Красильникова, *Уроки по русскому словообразованию для иностранных учащихся*, Москва.
- Куратчик 1997 – М. Куратчик, *О „метафорической” номинации в современном русском и польском языках*, // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках, Москва, 130-141.
- Кустова 2004 – Г. И. Кустова, *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*, // Языки славянской культуры, Москва.
- Лариохина 1999 – Н. И. Лариохина, *Практический курс русского языка для иностранных учащихся*, Москва.
- Лопатин 1988 – В. В. Лопатин, *Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании* // Язык: Система и функционирование, Москва.
- Матијашевић 1986 – Ј. Матијашевић, *Метафоризација као средство номинације (на материјалу руског и српскохрватског језика)*, *Језик и пракса*, 1- 1985 (Приштина, 1986), 91-101.
- Матијашевић 1998 – Ј. Матијашевић, *Деривациони модели као аксиолошка средства*, *Славистика* II, 78 – 83.
- Матијашевић 2006 – Ј. Матијашевић, *Етнокултурне особености у грађењу речи руског и српског језика*, 36. Сусрет култура, Нови Сад, 561 – 570.
- Rogić 1962/63 – Р. Rogić, *Patronimijski rječnik ili onomastikon kao krajnji cilj skulptiranja i izučavanja antroponimijske građe*, *Jezik* 2, Zagreb.
- Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика*, Т.1, Москва.
- Сятковский 1997 – С. Сятковский, *Теоретические основы изучения отношений структурной и узואльно-стилистической межъязыковой эквивалентности* // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках, Москва, 8-28.
- Языковая номинация 1977 – *Языковая номинация. Виды наименований*, Москва.

Елка И. Матияшевич

ТИПЫ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ
(на материале русских и сербских уменьшительных существительных)

Резюме

В статье рассматриваются русские уменьшительные существительные в аспекте эквивалентности в сербском языке. В центре внимания находится выделение типов эквивалентов с целью формирования реальной картины об особенностях данного материала на межъязыковом уровне.

АЛЕКСАНДАР М. МИЛАНОВИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

СТИЛСКИ АСПЕКТ ТВОРБЕ ТЗВ. ИМПЕРАТИВНИХ СЛОЖЕНИЦА У СРПСКОЈ РОМАНТИЧАРСКОЈ ПОЕЗИЈИ**

Сажетак. У раду се анализирају узроци активирања постојећих и ковања нових императивних сложеница у српском (пред)романтичарском песничству (Сарајлија, Његош, Кодер, Радичевић, Јакшић, Змај, Костић и др.), као и њихови стилски ефекти, базирани на експресивности и еуфоничности.

Кључне речи: императивна сложеница, индивидуални неологизам, потенцијална реч, комбинована творба, песнички језик, романтизам, експресивност, метафоричност, Кодер, Лаза Костић.

0. Језик српских романтичарских песника представљао је снажан отклон у односу на језик класициста (Ј. Мушицког, С. Мркаља, Ј. Дошеновића и др.). Рођен као негација класицистичке естетике, српски романтизам је револтирано одбацивао славеносрпско културно наслеђе. Будући да су идеали романтизма били народни дух и култура, српски песници се, трагајући за локалним, окрећу фолклорном језику наше народне традиције (нарочито поезије), као и живом говору руралних средина. Стварање култа националног, између осталог, утиче и на промену песничке лексике: славенизми карактеристични за класицисте повлаче се у залеђе, а у први план избијају речи карактеристичне за фолклор и народни говор, које неретко прерастају и у речи-симболе. Наведени процес добро се огледа и у сфери именичких сложеница: док су у поезији класицизма углавном у питању славенизми, књишке речи, у романтизму се у инвентару поетског лексикона по први пут појављују императивне сложенице (у даљем тексту: ИС), преузете из фолклорног и народног језика или грађене по том узору. Задатак у овоме раду јесте да утврди разлоге продора ИС у језик романтичарске поезије, као и да установе стилске аспекте који су утицали на грађење великог броја неологизама, односно потенцијалних речи са овим творбеним моделом.¹

---

* e-mail: aleksandar.jus@gmail.com

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

¹ Под ИС, што је термин са дугом традицијом у србистици, подразумевамо сложенице које дијахронијски посматрано имају императив у првоме делу, односно, из синхронијског угла, оне са

1. Добро је познато да су ИС карактеристичне за српски народни језик. Осим у распрострањеним речима (*палидрвце, тужисбаба, цетидлака* и сл.), препознајемо их неретко и окамењене у онимима (*Златибор, Попивоуда, Плетикоса* итд.), где „садрже у себи и реченице, и окамењене бајке, пословице, смешне згоде, ироничне метафоричне надимке (са прикривеним значењем) од којих су многи изгубили своју везивну нит с паремиолошким облицима“ (Михајловић 1992: 8).

2. По веома сличном семантичком механизму као у онимима, али и ради онеобичавања језика, ИС су настајале и у фолклорном језику, а РСАНУ 1959–2010 показује да то важи пре свега за језик загонетки, народних приповедака и израза.² Још је Д. Витошевић изнео значајно методолошко запажање да су речи, међу којима и ИС *грабикапа, плачидруг, нјевидруг, плетикотарица* и сл., у Вуков *Српски рјечник* ушле из „народних умотворина: прича, пословица, изрека, загонетки, из разних припева, дејих игара, разбрајалица итд.“ (Витошевић 2007: 92).

3. Већ се у језику Д. Обрадовића препознају снажни утицаји народног и фолклорног језика, што се огледа и у његовим индивидуалним неологизмима, јер кује „рјечи forimirane на начин sličan као у народним tvorevinama: *čini luda* E171 (= koji se čini ludim, a nije, tj. pretvara se; uporedi tip *virtirep* i sl.), *govorčibaša* Et 145, *žderivuk* S216, *žderisvetac* Et118, *lažefilosof* E304 (= tobožnji, pseudofilozof; nema RJA), *lažisvetac* ŽП432 (= lažni svetac, pseudosvetac; nema RJA; vidi paralelu – *lažiprorok, lažisabor* i sl. U RJA)“ (Куна 1970: 222). Несумњиво се Доситејево језик, и због ослањања на народни и фолклорни израз, наметао као парадигма (пред)романтичарима (Сарајлији, Његошу, Кодеру), па су од њега могли преузимати и ИС, као и модел њиховог ковања. Тако, нпр., пејоратив *лжисахан* постоји и у Доситејевим баснама (у форми *лжисан*, в. РЈАЗУ 1880–1976) и код Његоша.³

4. Најзначајнији представници нашег предромантичарског песништва свакако су С. Милутиновић Сарајлија и П. Петровић Његош. За оба песничка опуса карактеристичне су и ИС, чему су вероватно допринели лектира и усмена књижевност. У Сарајлијином случају мислимо на утицаје Доситејевог и фолклорног језика.⁴ Само из *С(е)рбијанке* Д. Иванић међу мање познатим речима издваја и ИС: „вртипрах – вртиреп, површњак, уцифран човјек“;⁵ „лажмирје

инфиксом *-и-*. О историјату проучавања овог типа сложенца у србистици, у којем запажено место имају Ђ. Живановић, А. Белић, М. Стевановић и др., в. Клајн 2002 и Маројевић 2005. У ИС убрајамо овом приликом и речи добијене комбинованом (сложено-суфиксалном) творбом са императивом, тј. инфиксом *-и-*, у првом делу. Термин *потенцијална реч* користимо у значењу које му даје Р. Драгићевић (2009).

² В. у РСАНУ 1959–2010 примере са назнаком „само у загонци“ (*вуципрња, газибара, качико-за*), или са назнаком „ков. у нар. приповеткама“ (*кривигреда*), као и оне у изразима (*од непамтивека*).

³ На основу грађе из речника Д. Ратковић је констатовала да ИС „у великој мери представљају кованице, хапаксе, чак и окационализме, творевине неких писаца које нису заживеле у народу“ (Ратковић 2009: 224).

⁴ Д. Иванић (1993: XX) констатује да „зачуђујуће је (...) како нису озбиљније разматране двије друге, врло крупне, домаће ризнице тематике, стилистике и фразеологије *Србијанке*: дјело Доситеја Обрадовића и једноставни усмени облици (између пословице и узречице/фразе)“. О утицају гегавачког језика на Сарајлијин стил пише С. Војиновић (2011: 114–115), а Т. Поповић (1992: 99) о утицају мањих фолклорних облика (пословица, изрека, клетви, тужбалица, басми).

⁵ Реч је потврђена и пре Сарајлијиног дела (РЈАЗУ 1880–1976).

– лажно примирје“, „лажицет – сплетка, лаж са сплетком“⁶ и „ћушкапа – дјечја игра капом“ (Иванић 1993: 669, 677, 702).⁷

И у Његошевом опусу потврђен је мањи број ИС: „купивојска ж онај који купи, сакупља и води војску. – О Савићу, наша купивојско, / немој задјет рају сиротињу“ (РЊЈ 1983а: 393);⁸ „лажицар м лажни цар. – Не враћам се силновитом војском / ... док не видим очима / лажицара тога проклетог (ШМ II, 189–192). Калуђере, то ми напомињеш / да лажицар међу нама није (ШМ II, 323–324)“ (РЊЈ 1983а: 398);⁹ „лижисахан м догрд. улицица. – Куд су шћели потрпезне кучке, / Бранковићи и лижисахани / што им оће друштво са Турцима? (ГЈ, 1763–1765)“ (РЊЈ 1983а: 405) и „наждисинсија м онај који припаљује синсије, луле. – Ја сам с охотом пошао и почео служити за наждисинсију (Проза, 212)“ (РЊЈ 1983а: 475). Последњи Његошев пример незабележен је у РЈАЗУ 1880–1976.¹⁰

Међу свим Његошевим ИС свакако је најзначајнија она која је могла бити на најпробитачнијем месту *Горског вијенца*, у његовом наслову – *Извишкра*, што је био радни наслов спева, „поред *Извита искра* и *Извијање искре*“ (Клајн 2002: 84). Стављањем на централно место текста, Његош је указао и на посебан поетички и стилиски значај оваквог неологизма, али је касније одустао од првобитне идеје.

Нису, међутим, сви предромантичари били склони активирању ИС у песничком језику. У спеву *Лазарица или бој на Косову између Срба и Турака*, који је Јоксим Новић писао под утицајем Сарајлијине *С(е)рбијанке* и објавио знамените 1847. године, нема нити једне ИС.

5. Несумњиво најрадикалнији лексикотворац нашег (пред)романтизма био је Ђ. Марковић Кодер. Поступак ковања речи био је најдиректније везан за Кодеру концепцију песничког језика, по којој се он морао оштро дистанцирати од постојећих идиома.¹¹ Међу свим романтичарима, Кодер је у својој поезији исковао највећи број ИС, у чему ваља препознати паралелне утицаје: фолклора у већој мери са једне стране, као и мањи Доситејев и Сарајлијин са друге.¹²

⁶ Ових речи нема у РЈАЗУ 1880–1976, тако да су највероватније Сарајлијине кованице. Грађе не су аналошки према већем броју ИС: *лажиапостол*, *лажибог*, *лажипатријарха* и сл.

⁷ Реч је потврђена у речницима и коментарисана у литератури (в. Клајн 2002: 83).

⁸ Реч је регистрована у *Српском рјечнику*.

⁹ Уп.: „лажицар, а м. (исп, рус. лжецарь) лажни цар“ (Стевановић/Бошковић 1980: 97). У примеру је видљив утицај народног језика, али и Сарајлијиних кованица са истим првим делом (*лажимирје*, *лажицет*). После Његоша ову ИС користи и С. Митров Љубиша (РЈАЗУ 1880–1976), што потврђује снажан ефекат овог и сличних неологизама.

¹⁰ Примере ИС налазимо и у онима: „Међикући м мн. породица спушких потурчењака родом из Пипера“; „Пециреп м Пециреп Лазар, познати хајдук с краја XVII и почетка XVIII века, пореклом из Херцеговине“ (РЊЈ 1983б: 595, 615).

¹¹ „Кодер је држао да ми Срби још немамо правог књижевног језика, да га текар треба пронаћи за све појмове и рефлексije. Оригиналан језик не да се учити из самих књига, од књижевника и филолога, већ треба ићи на извор, у народ. Кодер је хтео да пронађе чист језик за књижевност и улазио је у народ, слушао, питао, учио је“ (Игњатовић 1989: 99–100).

¹² Савременик Ј. Игњатовић је записао: „Од српских књижевника највећма је уважавао Доситија и Симу Сарајлију“ (Игњатовић 1989: 89). Примећено је и следеће: „Skoro svi koji su pisali о Koderu uočili su да се он vezuje за neki наш ženski, materinski jezik, kojim govore vaučare i travare. Taj bajalički jezik često se u njegovim stihovima oseća s nedvosmislenom jasnošću“ (Симовић 1983: 40).

За дериватологију и стилистику веома је захвално то што је многе од ИС из *Роморанке* (1862), јединог спева штампаног за живота, Кодер дефинисао у *Разјасницама* које су пратиле дело, али и у *Словару*.¹³ У објашњењима из *Разјасница* и *Словара*, додајмо, појављују се и ИС којих у *Роморанци* нема.

Ваља истаћи Кодеров стилски манир: он избегава да у објашњењу понови глагол из ИС, варирајући исказ: *грабиперца, која највише у летењу делају*; *Мр-сигласи, у замлати, не може се, едан глас од другога (друге птице), да разведе, распозна, разноячи; пловицвети, ритине смрдљиве цвети који по вршини воде седе, па се тамо амо носе, и заносе; такнизрнце, зрно које косне тело, које такне тело* итд. И из самих ИС и из наведених објашњења сасвим су јасни и тип творбе и семантика: да су *грабиперца* 'перца која (највише) грабе', *мрсигласи* 'гласови који се мрсе', а *пловицвети* 'цветови који плове', итд.

За разлику од бројних творбених експеримената у другим неологизмима (Милановић 2011а), при грађењу ИС у функцији поетизама Кодер поштује творбене законе народног језика, изузимајући ретке примере.¹⁴ Творбена норма ИС само по изузетку се руши (*сели-разбиум, усекупислог*). Семантика унутар речи је прозирна, али она своје пуно, неретко метафорично, значење добија тек у контексту: *Јаснизрнца, очи; Јарком Суницу, благом гонимраку; Данисрце, грана, на коју првалац излети, на тој грани точка обноктица; Делимирку, зачну, коя и срдце, т. е. унутрост, и спољност у разпою оживљава; Јасни-дан, показатељка времена, разлик од зрака; Красимерка удесица мера за гласе; Кртисенке, травице кламак и ламак, у накрст су два зева, у разкрст е едан, горњи изчезне, долни е иош у виду; Мутизрак, румин, насртач у зраку; Одолиболенце слаба душа, којој одолен цвет треба; бол, тишма, рушимир, гушило; Селиселка, неизчезне глас, по зраку се разлеже; Селиум, пропаст Ума, Елусиум; Сели-разбиум, или пресвисак ума, или прелази сву моћ поњатија и помишљаја и сл.*

Будући да је број ИС у Кодерим делима заиста импозантан, и да су оне скоро по правилу непотврђене у речницима, навешћемо њихов узбучени инвентар. Уз пример је испред одговарајуће стране дата скраћеница (под)наслов: Р (*Роморанка*), Ра (*Разјаснице*) и С (*Словар*): *гасимир* Р 48,¹⁵ *глођисрце* С 50,¹⁶ *гонидуша* Ра 61, *гонизрак* Р 6, *гонизрица* Р 21,¹⁷ *гонимир* Р 21, *гонимрак* Р 18; *гонисанка* Р 23,¹⁸

¹³ „У *Митолошком речнику* налазе се појмови и објашњења и из других Кодерових спегова (...), али понегде у другом значењу и контексту, знатно проширени до текстуалних целина од по неколико страна (...). Ово иде у прилог тези Миодрага Поповића да су разјаснице заправо 'модерне песме у прози'“ (Стојановић Пантовић 2005: 25).

¹⁴ Слични поступци грађења запажају се и код других српских и хрватских романтичарских песника, а изражени су и код хрватских прозаиста – А. Шеное (*висисвијећњак, висисвјетиљка, јежиобрва, пазиторань, туџибатина, туџибрат* итд.) или А. Ковачића (*мажисаца, мажичизма, вуцимјешина, пециракија* и др.).

¹⁵ Уп.: „*гасиватра* м ков. в. *ватрогасац*“ (РСАНУ 1959–2010). Пример је из дела *Познавање робе* Ђ. Поповића (1852, Београд).

¹⁶ Уп.: „*глођикорица* ж (у узречници)“ (РСАНУ 1959–2010).

¹⁷ Реч *зрица* потврђена је у речницима само у значењу које нема код Кодера: заст. 'визура' (РСАНУ 1959–2010). Други део сложенице, очигледно, Кодерова је творевина.

¹⁸ Чини се да је видљив утицај ове кованице на чувену Костићеву *плетисанку*.

гонисенка Р 35,¹⁹ гонисок С 202; горчислад(а) С 185, грабиперце С 34,²⁰ гранислада С 130, губивек Р 27²¹, губивид С 77, губидан С 238, губисенка С 129, данисрце Р 17, дворизрак С 270, дворисенка С 230, делимирка Р 43; делислада С 52, жалиглас Р 24, жалислово С 88, заптизрака С 84, извипресење С 323, извистренка С 242, јаснидан Ра 79, јаснизрње Р 22, јасниграна С 88, јаснимин С 198, кажипут Ра 77²²; клониболка С 66, кољидлачица С 318, кољисвет С 299, крадизрак С 316, крадилад Р 8,²³ красимерка Р 39, кројисрећа Р 56,²⁴ крстисенка Р 8; ломиблет С 200, ломивек Ра 70, ломимисао С 323, ломиум С 208, ломиумка С 82, мамислад(а) С 271, меридан С 238, минилето Р 9, минисенка С 315, млазимлеко С 226, млатизрак С 105, моридетелина С 303, морислово Р 47, мрсиглас Р 19, мутизрак Р 8,²⁵ непоменидоба С 219, непробиум С 211, одолиболенце Р 26, пловицвет С 103, плодивек Р 8, плодизрно С 192, плодимерка Ра 95, пробисок С 202, пробиум С 304, прозрикутак С 270, разбисенка С 97,²⁶ разбиум С 49, разбитоља С 150, развидан С 102, растистопа С 281, ронимир Ра 79, ронисуза С 148, рушимир Р 22,²⁷ селиблист С 196, селидан Р 55²⁸, селиданка С 159, селилад С 170, селимлаз Р 56, селисвест С 199, селиселка Р 49; селиум Ра 75, скупислово С 173, скупислога С 171, скуписнага С 296, станиум С 37, стопимера С 242, сели-разбиум С 49,²⁹

¹⁹ Уп.: „гониветар ијек. гонивјетар, -тра м 1. в ветропир (Банат, Борј.; ЦГ, Шоћ) / 2. бот. покр. в. ветрогон (Слав., Борј.)“ (РСАНУ 1959–2010).

²⁰ Уп.: „грабикапа ж покр. врста друштвене игре (у којој је циљ да се узграби капа коју чува један од играча)“ (РСАНУ 1959–2010). Реч се налази и у *Српском рјечнику*, одакле су је могли преузети романтичари. Познија је ИС „грабитара м и ж човек лаком на новац (Самоупр. 1903, 12/1)“.

²¹ Уп.: „убидуша м нар. крвник, убица“ (РСАНУ 1959–2010).

²² Реч постоји од 17. в. (РЈАЗУ 1880–1976), потврђена је и у *Српском рјечнику*, као и у песништву П. Прерадовића (Ристић 1970).

²³ Уп. народне речи *крадиварећа* (‘она која краде вреће’), *крадивук* (покр. погрд. ‘лопов, лупеж, крадљивац’), *Крадигаћа* (презиме), *крадијаја* (покр. пеј. ‘она која краде јаја, крадљивица јаја, јајара’), *крадикана* (покр. ‘врста друштвене игре у којој се скрива прстен испод капе’), *крадикеса* (‘онај који краде кесе, новац, крадљивац новца; лопов, лупеж’ исп. сецикеса), *крадикоза* (покр. ‘лопов који краде козе, козокрадица’), *крадикучка* (пеј. ‘крадљивац паса; пропалица, лупеж’) (РСАНУ 1959–2010). М. Павлиновић крајем 19. в. аналошки гради ИС *крадигоњица* (РЈАЗУ 1880–1976).

²⁴ Ова Кодерова ИС потврђена је у РСАНУ 1959–2010: „кројисрећа ж песн. в. вила милосница (под вила изр.)“.

²⁵ Уп.: „мутибара м. онај који уноси смутњу, смутљивац“; „мутивода м и ж нар. 1. онај који мути, замуњује воду. (...) 2. сплеткар, смутљивац“; „мутикаша м и ж особа која прави збрку, смутњу, интригант(киња)“; „мутимастило (...) с пеј. онај који пише лоше саставе, пискарало; писарчић“; „мутимир м онај који ремети, квари, нарушава мир“; „мутислога м (ж) покр. онај који прави неслогу и смутњу, смутљивац“ (РСАНУ 1959–2010).

²⁶ Уп. *разбигрига*, *разбивојска*, *разбигуз*, *разбитуга* (РМС 1967–1976); *Разбиглав*, *разбигорац*, *разбиград* (РЈАЗУ 1880–1976) и сл.

²⁷ Уп.: „рушиград м ир. бунтовник, револуционар“ (РМС 1967–1976), *Рушикућа* (РЈАЗУ 1880–1976). За лексему *рушимир* у значењу ‘онај који руши, нарушава мир, који изазива неред’ наведени су у РМС 1967–1976 само примери из *Речника српско-хрватског и немачког језика* С. Ристића и Ј. Кангрге (1928) и *Хрваткосрпско-француског рјечника* Ј. Дера, М. Деановића и Р. Мајкснера (1956).

²⁸ Уп.: „’успошица Селидана’, дана који је нестало, умро, одселио се“ (Иванић 2011: 95).

²⁹ У речи се крши творбена норма јер се појављују два императивна дела. Ван нашег корпуса Кодерових дела остала је једна ИС са другим делом ум, којој специфичност у оквиру ауторове ску-

сладиминка Р 8, такнизрнце С 36,³⁰ толибол Р 38, точизрак(а) С110, тронисрце Р 43, тресивлас С 243, тубиграна Ра 79,³¹ тубиталарка Ра 74, туживек Ра 82, угнителце Р 8, усекупислог С 211,³² утрнибол С 114, цвелигорчалица С 110.

6. У монографији посвећеној лексичко-семантичким одликама творбе именица код српских и хрватских романтичарских песника (Б. Радичевића, С. Врза, П. Прерадовића, Ј. Јовановића Змаја и Ђ. Јакшића), О. Ристић је констатовала: „Може се рећи да су се романтичарски песници у свакој значењској групи појавили као творци великог броја нових образовања, а нарочито именица са значењем појма осећања, стања и особине“, истакавши при томе да су у питању „особине које романтичарске песнике посебно издвајају и од старије епохе и од каснијег језичког стварања“ (Ристић 1970: 440, 447). У ексцерпираним примерима „допунских“ ИС ауторка издваја две групе: „а) објекатске: *вратижеља* (СВ 129), *кажипут* (ПП 46, 202), *надрикњига* (ЈЈЗ 303), *палтивек* (ЈЈЗ 506, 574), *пириветар* (ЈЈЗ 228), *плетикоса* (СВ 187), *разбибрига* (ЈЈЗ 48), *разбитуга* (ЈЈЗ 53); б) реченичног порекла (од именице као субјекта и глагола као предиката): *певидруг* (ЈЈЗ 70), *плачидруг* (ЈЈЗ 602), *трчилажа* (ЈЈЗ 191, 203)“ (Ристић 1970: 425). Међу индивидуалне неологизме сврстава следеће ИС: „*вратижеља*, *пириветар*, *разбибрига*, *разбитуга*“ (Ристић 1970: 445).³³

7. Језик Ј. Костића се није нашао у корпусу О. Ристић несумњиво због своје специфичности, оличене пре свега у израженијем лексикотворству, у чему се може огледати Сарајлијино и Кодерово наслеђе. Ипак, познато је да је Костић био и велики поштовалац вуковског језика, те да се углавном строго држао постојећих модела творбе, што нарочито важи за Костићеве сковане ИС, којима је означио именоване и неименоване појмове у српском језику: *гонивек* – „*век тираније*“ (РСАНУ 1959–2010); „*век прогона*“ (Ковачевић 2010); *кажичас* – часовник; *кваримир* – који квари мир; *плетисанка* – „која плетеш снове“ (Ковачевић 2010); „*летивраг* (...) лети-*в*-враг-*в* = враг који лети“ (Марковић 1986: 156); „*обипражсина* (обијач прагова)“ (Марковић 1986: 157); „*рушиград* (онај који руши градове)“ (Марковић 1986: 157), затим *цепидуб*, *плетицвеће*, *ломигора* и др. Већ је апострофирано да је за ковање Костићевих ИС подстрек могао доћи и из народне поезије, „углавном из прве Вукове збирке“, док је поједине, нпр. *кажипут*, „позајмио из Вука“ (Витошевић 2007: 88, 95). Иако, за разлику од изведеница, новостворене сложенице нису Костићева стилска доминанта (Ковачевић 2010,

пине чини одрични облик императива: „У pesmi 'Sabor biljka' on nalazi reč 'nedoprimum', koja označava svet u koji im ne dopire“ (Симовић 1983: 48). ИС са одричним обликом глагола постоје у народном и популарном језику: *непалтивек*, *недерибунда*, *немрчипушка* и сл.

³⁰ Реч је регистрована у литератури: „Неке [одреднице – прим. А. М.] су настале као сложеница глагола и именице – *такнизрнце* (зрно које косне тело, па стане)“ (Стојановић Пантових 2005: 27).

³¹ Глагол *тубити* вероватно је Кодеров неологизам: Туби речи, па слово закани Р 38; *Туби*, на матер пази Ра 73.

³² Реч крши модел творбе и заправо је настала сливањем речи, лексикализацијом читаве реченице: у + *се* + *купи* + *слог*.

³³ Податак треба узети опрезно. Лексема *вратижеља* потврђена је и у РСАНУ 1959–2010, и то као покрајинска (‘вратиц’), и у РЈАЗУ 1880–1976 (‘vrsta biljke, zovu je još vratič, vratika, povratič, utpanika’). Лексема *разбибрига* регистрована је и код Ј. Игњатовића, и сл.

Марковић 1986: 156), кованица *плетисанка* постала је свакако најпознатији индивидуални неологизам у српској књижевности, готово симбол романтичног лексикотворства.³⁴

Да је чврсто остајао у оквирима вуковског језика, потврђује и Костићев рад на допунама *Српског рјечника*, међу којима је и неколико ИС које је чуо у народу: *газивода* 16; *лежибаба у Сомбору*, *в. султицига* 36; *набигузица в. мукташ, погузијаш* 42; *распрдигра 1. Spielverderber 2. Ende des Spieles* 59; *Станивук помен viri* 64.³⁵

8. Међу скованим речима са императивом (тј. инфиксом *-и-*) налазе се и поједине добијене комбинованом (сложено-суфиксалном) творбом. При грађењу речи класичним слагањем и комбинованом творбом песници поштују законитости народног језика.³⁶

8.1. Кодерове ИС добијене су углавном читим слагањем. Код речи са комбинованом творбом, бројношћу доминирају оне са суфиксом *-ка*: *делимирка*, *гонисанка*, *извистренка*, *клониболка*, *красимерка*, *плодимирка*, *селиселка*,³⁷ *сладиминка*, *тубиталарка*. Овакве ИС честе су и у народном језику.³⁸ У два Кодерова примера постоји суфикс *-џ* (*селиблист*, *јаснимин*), типичан за језик и стил српских романтичара, а у једном *-енце* (*одолиболенце*).³⁹

8.2. И код Костића претеже класично слагање нових ИС (*гонивек*, *кажичас*, *кваримир*, *летивраг*, *рушиград* *цепидуб*, *плетицвеће*, *ломигора*), а код речи са комбинованом творбом поново се уочава суфикс *-ка* (*плетисанка*), али и аугментативни *-ина* (*обипражина*).⁴⁰

³⁴ Занимљиво је да се судови о овој ИС дијаметрално разликују. Док је Ј. Скерлић (1953: 306) навео међу примерима да „у својој песничкој врућици он пише речи које ни пре ни после ниједан Србин није изговорио“, М. Поповић (1985: 327) смешта је међу кованице са народним тј. вуковским духом: „Многе његове нађенице до те мере одговарају народном језику да се стиче утисак да је Вук заборавио да их унесе у ‘Српски рјечник’“.

³⁵ Мада међу примерима, углавном глаголима, не наводи ниједну ИС, чини се да се и на њих односи квалификација Р. Симоновића: „Има много тривијалних речи, које се говоре у обичном животу, у афекту, у интимном друштву, или само међу мушкарцима“. Следи коментар: „Ове речи нити су лепе, нити згодне за песника, нити су добит за лепу књижевност, а нису ни прикладне за господско друштво“ (Симоновић 2007: 82).

³⁶ „Већина њих има прелазни глагол и именицу као објекат, а знатно мањи број састављен је од непрелазног глагола и именице као субјекта“ (Клајн 2002: 85). „Именице са субјекатском структуром настале су углавном чистим слагањем, док су оне са објекатском и адвербијалном структуром настале сложено-суфиксалном творбом“ (Ратковић 2009: 225).

³⁷ У овој ИС посебан стилски ефекат интензификације постигнут је редупликацијом основе у првом и другом делу.

³⁸ Д. Ратковић издваја следеће примере: „*вртимушка* (покр.), *вртиренка*, *губивременка*, *летиперка*, *налигорка* (покр.)“. У посебну групу иду они где је *-ка* моциони суфикс: „*згубиданка*, *лижисаханка*“ (Ратковић 2009: 227).

³⁹ У постојећим речницима и литератури непотврђена је лексема **боленце*. Такође, нема ни других ИС са деминутивним суфиксом *-енце*.

⁴⁰ Користећи необичну терминологију, на типове творбе новоскованих сложеница указује и Д. Марковић: „У другом делу Костићевих сложеница налази се углавном именица, најчешће очувана у целини“ (Марковић 1986: 156); „У састав другог сложеничког дела улази и (најчешће глаголска)

8.3. На основу примера које наводи О. Ристић, могуће је закључити да други романтичарски песници ИС кују искључиво чистим слагањем. Примери показују да је исто и код предромантичара, Сарајлије и Његоша.

8.4. Дубља разматрања заслужује питање односа сложеница и речи добијених комбинованом творбом. Нека овом приликом фокус буде само на два Кодерова примера: реч *ломиумка* (*не Клона невеста, ломиумка* С 82) заправо је изведеница са мотивном речју *ломиум* (*Ломиум. Непоњатност* С 208), а исто важи и за однос између ИС *селидан* (*Канарица Селидан нариче* Р 55, *Усопишица Селидана* Ра 77–78, *Селидан, а (subst.) Сунце сели дан, почем светли* С 164) и *селиданка* (*Селиданка, која се нечијега живота на Земљи тиче* С 159, *Селиданка, Вила или Мати* С 273, *Селиданка, која дане по пучини сели, а размагљава ноћи* С 300). Без потврде сложеница *ломиум* и *селидан*, речи са моционим суфиксом *-ка* не би биле третиране као изведенице, већ као добијене комбинованом творбом. У Кодеровом песничком језику, као и у сличним заумним поетским изразима, поузданост дериватолошких анализа, очигледно, никада не може бити потпуна.⁴¹

9. Највећи део стилског потенцијала ИС налази се примарно у споју значења глаголског и именичког дела, заправо се базира на неочекиваности и оригиналности везе. По томе се новосковане ИС, као и све друге поетске сложенице, приближавају синтаagmaма и реченицама: стилски ефекат им се гради и на оси селекције и на оси комбинације. ИС су, додајмо, можда најбољи доказ да је и реченица подложна лексикализацији.

Песников задатак је, дакле, да пронађе (не)очекивану, али несумњиво непогрђену, комбинацију (субјекта и предиката, предиката и објекта) која ће најчешће метафоризацијом створити још необичнију слику (*глођисрце, кољисвет* итд.). У таквим спојевима неретко се постиже завидна сликовитост, заснована пре свега на метафори, али и хиперболи – омиљеним стислим фигурама у романтизму. Песнички језик добија истовремено на свежини и сликовитости. Деловање на читаоца без сумње је било, а и данас је, слично оном који су на В. Михајловића изазвали оними, међу којима „има енигматских и недокучивих конструкција“ (Михајловић 1992: 19): он признаје да је много пута „остао задивљен пред духовитошћу композиције неког микропонима, топонима, патронима или надимка“ (Михајловић 1992: 8).⁴²

9.1. У првом делу нових ИС чести су високоекспресивни, „агресивни“ глаголи: *гонити, зубити, клати, красти, ломити, млатити, морити, пробити, разбити, рушити* и др. Њима је подвучена афективност поетизама у епохи која потенцира темпераментност и страст, наспрам сталожности и смирености классициста.

лексема која је скраћена, нпр.: *брадоглад, часомил* и сл., или проширена: *плетисанка, стоволовка, живодавац* итд.“ (Марковић 1986: 156).

⁴¹ Код Кодера постоје и други спорни примери, који су можда и ИС уколико се узме у обзир песникова склоност ка ковању нових глагола: *стрмивек, стрмирок, дускрилице, крозбриз, неменидом, немени-кућа, шатрџилад, споси-стаза, тинзи-мена, шагрперје, шагрперка* др.

⁴² Уп. и: „Овај свет фантастике, тако живо присутан у овој збирци, пун духа и луцидних запажања заиста више не чуди, али ме одушевљава“ (Михајловић 1992: 18).

9.2. Место другог дела ИС у многим примерима попуњавају лексеме које су представљале романтичарске симболе. Тако су код Кодера бројне ИС са следећим речима-симболима: а) *сенка*: *гонисенка, губисенка, дворисенка, крстисенка, минисенка, разбисенка*; б) *век*: *губивек, ломивек, плодивек, туживек*; в) *мир*: *гасимир, гонимир, рушимир*; г) *слово*: *жалислово, морислово, скупислово*; д) *дан*: *развидан, губидан, меридан*; њ) *срце*: *глођисрце, данисрце, тронисрце*; е) *зрак*: *гонизрак, мутизрак*; ж) з) *сок*: *гонисок, пробисок*; и) *зрнце*: *јаснизрнце, такнизрнце*; и сл. Иако су поетски упошљене многе речи које означавају прелазна стања између светлости и таме (*сенка, дан, зрак*), занимљиво је да нити у једној скованој ИС нема романтичарских симбола као што су *мрак, ноћ, тама, вече, сунце, зора* и сл.

10. Док ИС из народног и фолклорног језика често у речницима носе квалификаторе *погрдно, пејоративно, подругљиво, иронично, презриво*, па и *вулгарно*, понегде и *шаљиво*, чини се да кованицама из корпуса српских романтичара најчешће одговара ознака *фигуративно*. У њима, наине, најчешће нема погрдности нити других негативних конотација. Код Кодера је чак немали број ИС са позитивном емоционалноекспресивном усмереношћу (*данисрце, делимирка, красимерка* и сл.), поред оних са негативном (*гонисенка, губивек, морислово* и др.). Додатно маркирану експресивност међу ИС имају деминутиви и хипокористици (*грабиперце, јаснизрнце, такнизрнце, кољидлачица, одолиболенце*).

Будући да „овај тип речи нема развијену полисемну структуру“ (Ратковић 2009: 231), стилски ефекат новотворених ИС темељи се углавном на сликовитости и експресивности, али велики значај има и њихов фоностилистички аспект. Познато је да су романтичари посебну пажњу посвећивали поступку нагомилавања различитих звукова, чиме се подиже интензитет емоција (Поповић М. 1985: 194). Зато и ИС привлаче читаоца (слушаоца) обиљем и разноликошћу вокала сливених у хармонију (*глођисрце, гонидуша, кројисрећа, плетисанка*), док је за метричку структуру стиха не мање важна и вишесложна структура речи (*одолиболенце, извиприсење, кољидлачица*).

11. Резимирајући анализу, можемо изнети следеће закључке:

а) У епохи српског (пред)романтизма ИС су имале високу фреквенцију у песничком језику, чиме је, између осталог, створена стилска опозиција према епохи класицизма. Песници употребљавају постојеће ИС, али стварају и индивидуалне неологизме који функционишу као поетизми.

б) Када је у питању активирање ИС, романтичари су доживели троструки утицај: а) фолклорног језика (језика загонетки, изрека, народних приповедака и сл.); б) народног језика (дијалеката); в) књижевне традиције, где се могу уочити и одређене интертекстуалне везе (Доситеј : Његош/Сарајлија : Кодер : Змај/Костић).

в) Романтичари су, с изузетком Кодера, стварали у оквирима вуковског језика, а како ИС имају прозиран и прецизан творбени модел, песници су лако аналошки ковали потенцијалне речи, често се везујући за већ потврђене глаголе и именице у том контексту.

г) Различити су узроци продуктивности ИС у романтизму, али их пре свега треба тражити у њиховој експресивности, тј. афективности и сликовитости. Таква

реч је кондензована, често метафорична и хиперболисана песничка и вербална слика, што је стилски типично за романтизам (*злоћисрице*). Реченица са семантички тешко спојивим и изненађујућим конституентима сведена је у ИС на реч.

д) У књижевној епохи опседнутости звуком, значајан је био и фоностилистички, аудитивни ефекат ИС, које су богате различитим вокалима у хармонији (*гонидуша, плетисанка*) и метрички пожељне због вишесложне структуре (*извиприсење, одолиболене*).

ђ) Наспрам глагола са значењем „агресије“ у првом делу (*клати, ломити*), у другом су чести именички романтичарски симболи (*сенка, дан, век, мир, срце*).

е) У песничком језику романтизма долази до одређене пресемантизације ИС: углавном немају пејоративно значење, као у народном и фолклорном језику, већ добијају нова поетска значења без негативних конотација.

ж) Недовољност народног и књижевног језика нарочито је код Кодера лексички превладавана, поред других стилских поступака, и кроз ковање ИС са поетском функцијом.

ЛИТЕРАТУРА

- Витошевић 2007:** Драгиша Витошевић, „Вуков Рјечник и Лаза Костић“, у: Лаза Костић, *Допуна Вуковог Рјечника*, Београд: Чигоја штампа, 87–111.
- Војиновић 2011:** Станиша Војиновић, „О узроцима језикотворства Симе Милутиновића Сарајлије“, у: *Творци српског књижевног језика*; Београд: Вукова задужбина – Институт за књижевност и језик, 103–117.
- Драгићевић 2009:** Рајна Драгићевић, „Потенцијалне речи у српском језику“, *НССВД*, 38/3, 119–126.
- Иванић 1993:** Душан Иванић, „Пјеснички споменик српских устанака“, предговор у: Симо Милутиновић Сарајлија, *Србијанка*, Београд: СКЗ, VII–LXXII.
- Иванић 2011:** Душан Иванић, „Ка историји рјечотворства у новој српској књижевности“, у: *Творци српског књижевног језика*; Београд: Вукова задужбина – Институт за књижевност и језик, 91–101.
- Игњатовић 1989:** Јаков Игњатовић, *Мемоари (2)*, Нови Сад – Приштина: Матица српска – Јединство.
- Клајн 2002:** Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику. Први део: слагање и префиксација*, Београд – Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства – Институт за српски језик САНУ – МС.
- Куна 1970:** Herta Kuna, *Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*, Djela, XXXVI, Sarajevo: ANUBiH.
- Ковачевић 2010:** Милош Ковачевић, „О поетизма Лазе Костића“, у: *Поетика и естетика Лазе Костића*, Нови Сад: Друштво књижевника Војводине, 85–108.
- Марковић 1986:** Драгица Марковић, „Лингвистичка анализа кованица Лазе Костића“, *ППЈ*, 22, 145–161.

- Маројевић 2005:** Радмило Маројевић, *Горски вијенац. Изворно читање*, Никшић – Београд: Никшићке новине – Унирекс.
- Милановић 2009:** Александар Милановић, „Филолошка рецепција околиналиста код српских писаца у 19. веку“, *НССВД*, 38/1, 243–251.
- Милановић 2011а:** Александар Милановић, „Дериватолошке карактеристике индивидуалних неологизама у *Словару Ђорђа Марковића Кодера*“, *НССВД*, 40/1, 351–361.
- Милановић 2011б:** Александар Милановић, „Ковачи песничког језика епохе романтизма“, у: *Творци српског књижевног језика*; Београд: Вукова задужбина – Институт за књижевност и језик, 143–158.
- Михајловић 1992:** Велимир Михајловић, *Име по заповести: Императивни ономастикон српскохрватског језика*, Београд: Нолит.
- Поповић М. 1985:** Миодраг Поповић, *Историја српске књижевности. Романтизам. Књига друга*, Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Поповић Т. 1992:** Тања Поповић, *Последње Сарајлијино дело (о Трагедији војводе Карађорђа)*, Београд: Институт за књижевност и уметност Србије.
- Ратковић 2009:** Драгана Ратковић, *Речи са интерфиксима у српском језику*, Београд: докторска дисертација у рукопису.
- РЈАЗУ 1880–1976:** *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–XXIII, Zagreb: JAZU.
- РЊЈ 1983а:** *Речник језика Петра II Петровића Његоша. Књига прва А–О*, Београд: САНУ и др.
- РЊЈ 1983б:** *Речник језика Петра II Петровића Његоша. Књига друга П–Ш*, Београд: САНУ и др.
- РМС 1967–1976:** *Речник српскохрватског књижевног језика*, 1–6, Матица српска – Матица хрватска, Нови Сад – Загреб.
- РСАНУ 1959–2010:** *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, 1–18, Београд: Институт за српски (српскохрватски) језик САНУ.
- Ристић 1969:** Олга Ристић, „Лексичко-семантичке одлике творбе именица у неких српских и хрватских романтичарских песника“, *ЈФ*, XXVIII, св. 1–2, 219–320.
- Ристић 1970:** Олга Ристић, „Лексичко-семантичке одлике творбе именица у неких српских и хрватских романтичарских песника“, *ЈФ*, XXVIII, св. 3–4, 387–451.
- Симовић 1983:** Ljubomir Simović, *Duplo dno*, Beograd: Prosveta.
- Симоновић 2007:** Радивој Симоновић, „Примедбе“, у: Лаза Костић, *Допуна Вуковог Рјечника*, Београд: Чигоја штампа, 81–85.
- Скерлић 1953:** Јован Скерлић, *Историја нове српске књижевности*, Београд: Рад.
- Стевановић/Бошковић 1980:** *Речник уз целокупна дела Петра II Петровића Његоша*, Београд: Просвета.
- Стојановић Пантовић 2005:** Бојана Стојановић Пантовић, „Кодеров Митолошки речник или душа снова“, in: Ђорђе Марковић Кодер, *Митолошки речник*, Крагујевац: Народна библиотека Вук Караџић, 11–30.
- Христић 2005:** Јован Христић, *Изабрани есеји*, Београд: Српски ПЕН центар.

Aleksandar M. Milanović

STYLE PERSPECTIVE OF WORD-FORMATION OF SO CALLED IMPERATIVE
COMPOUNDS IN SERBIAN ROMANTIC POETRY

Summary

This paper analyzes the process of initiating the existing and forming new imperative compounds in Serbian pre-Romantic poetry (Sarajlija, Njegoš, Koder, Radičević, Jakšić, Zmaj, Kostić etc), as well as their style effects based on expressiveness and euphonia.

ЉИЉАНА НЕДЕЉКОВ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

МЕСТО ВИШЕЧЛАНИХ ЛЕКСИЧКИХ ЈЕДИНИЦА У ЛЕКСИКОНУ И ГРАМАТИКАМА СРПСКОГ ЈЕЗИКА

Сажетак. У раду се говори о морфолошком, творбеном и лексиколошком аспекту вишечланих лексема. Морфолошки, устаљени изрази- вишечлане лексеме имају функцију и значење речи, али облички су оне настале семантичко-синтаксичким повезивањем више једночланих морфолошких облика, односно настале су синтаксичком творбом. Дају се примери оваквих творбених јединица по врстама речи, указује се на теоријски аспект оваквих лексичких јединица у граматикама (у делу о творби речи) и монографијама.

Кључне речи: творба речи, морфологија, лексикологија, фразеологија, вишечлана лексичка јединица.

Увод

Ако посматрамо теоријске поставке о структури лексикона видећемо да у сваком језику, поред једночланих, имамо и двочлане и вишечлане језичке јединице које се јављају у функцији и са особинама лексеме као најмање самосталне јединице лексичког система. У општем речнику треба да буде представљен инвентар лексема по свим критеријумима, а то значи да треба водити рачуна не само о функционалној, временској и територијалној компоненти, него и о структури лексеме у изворима који су послужили за формирање речника. Ове јединице лексикона у лексикологији се издвајају и обрађују као *синтагматски лексички скупови*, за њих нема јединственог назива у нашој теоријској лингвистичкој литератури (Згуста, 1990, Драгићевић, 2007), а у овом раду за њих ће се употребљавати назив *вишечлана лексичка јединица* (Драгићевић, 2007) .

Као што се једночлане лексеме класификују у врсте речи по семантици и функцији, исто тако и вишечлане лексеме могу бити у служби различитих врста речи. Речник треба да покаже оба структурна типа лексема, а у морфологији треба да дође до изражаја одређивање, дескрипција и експликација неке јединице не само по облику, функцији и значењу, него и по структури. У творби/ грађењу речи, осим морфемске творбе, има и других начина и могућности настанка речи, као што је конверзија за коју се у ранијим уџбеницима не каже да је посебан творбе-

---

* e-mail: ljiljan@neobee.net

ни тип (Стевановић, 1970), а у новијим приступима творби добија одговарајуће место (Станојчић, Поповић, 1995; Клајн 2007). У теоријским поставкама наше творбе није обухваћена семантичка творба, мада је о овој врсти именована као творбеном поступку писала Ј. Матијашевић, која каже: «Семантичку творбу/деривацију не одвајати од морфолошке (творбе) и приписивати је лексикологији, она је саставни део творбе», а такође Ј. Матијашевић каже и «Заостаје се у терминолошком и методолошком погледу и у одређивању самог предмета и обима науке о творби речи. и статусу деривације у уџбеницима лексикологије» (Матијашевић, 1987: 109 фуснота).

Не можемо рећи да не постоји номинација састављена од (најчешће) две аутосемантичке самосталне речи које су у синтагматском односу, овакви синтагматски спојеви могу бити у функцији различитих врста речи, а у овом раду пажњу ћемо усмерити само на оне који имају именичку или глаголску функцију.

За овај рад од битног значаја је констатација А. Белића, који уопштено говорећи о творби речи каже: „По облику речи могу бити просте...или сложене ако су састављене од најмање двеју речи. (према Клајн 2002: 05). Иако су по Белићу „...речи...састављене од најмање двеју речи ...“ у ствари сложене, шире посматрано, тачно је да „...по облику речи могу бити просте...или састављене од најмање двеју речи...“ Чињеница је да су то творбене могућности српског језика, само што треба проширити посматрање/одређивање оних речи које су *састављене од најмање двеју речи* и на случајеве када те *две речи* нису писане заједно него тај синтагматски спој две речи има значење и функцију једне речи. У нашој творби детаљно су обрађене нове лексичке јединице добијене од две аутосемантичке речи, али само оне које су писане као једна реч, спојено (*сложенице*) или са цртицом (*полусложенице*), а лексичке јединице са истом функцијом и устаљеним значењем које су формално две одвојено писане речи нису на одговарајући начин представљене у теоријској анализи настанка нових речи, типова номинације и типова творбе у нашем језику.

Термин *синтаксна творба* постоји у *Енциклопедијском рјечнику лингвистичких термина* Р. Симеона где се под овим називом подразумева „творба сложених и сложеноизведених ријечи које се врши лексикализацијом скупова ријечи“ а дају се примери **сумашедшиј**, **сорвиголова**, односно обе су сложене, једна је сраслица, а друга императивна сложенеца. Под именом *синтаксическаја деривација* издваја се у руској лингвистичкој литератури посебан тип творбе, али се под овим називом не подразумева именована појмова синтагматским спојевима (Гинзбург, 2010: 36).

У овом раду усмерила сам пажњу на овај, у нашој творби запостављен начин грађења нових назива, желим да скренем пажњу на то да су овако створене речи фреквентне лексичке јединице у српском језику и да укажем на место овако насталих назива у лингвистичким дисциплинама које се баве речју.

Колико је пажње посвећено вишечланим лексемама у актуелним уџбеницима и научним радовима који се баве нивоом речи? Колико обрада ових лексичких јединица у теоријским лингвистичким дисциплинама утиче на њихов третман у нашој лексикографији? Јасно је да обрада било којег типа лексичких јединица

у лексикографији зависи од њихове теоријске утемељености у одговарајућој лингвистичкој дисциплини.

А. ГРАМАТИЧКА ЛИТЕРАТУРА НА СРПСКОМ ЈЕЗИКУ КОЈА СЕ БАВИ НИВООМ РЕЧИ

Овде ће се представити два типа уџбеника који се баве нивоом речи и то:

1. они делови граматика и творбе речи којима је заједничко то да констатују вишечлане лексичке јединице образлажу их теоријски и поткрепљују примерима

2. оне граматике које, иако не наводе вишечлане речи као могућност испољавања именске или глаголске речи (између осталог), наводе примере за неку тврдњу (у реченици или само таксативно) где су контекстуално употребљене (и) вишечлане лексичке јединице

А. 1.1. Прво ће бити речи о граматички П. Мразовић, З. Вукадиновић *Граматика српскохрватског језика за странце*¹ (1990) јер се у њој у оквиру морфологије указује на постојање речи од више чланова. У оквиру тематске целине *Променљиве речи* издваја се одељак **Глаголска перифраза** где се даје дефиниција овог морфолошког облика: “Под глаголском перифразом подразумева се чврст спој функционалног глагола и именице с предлогом или без њега“ и даје примере: *ставити на располагање, вршити испитивање...* (Мразовић, Вукадиновић 1990:166). Ауторке примећују да су глаголске перифразе све чешће у употреби, и истичу да „...у глаголској перифрази пунозначни глагол делимично губи своје значење и модификује значење именице. Носилац значења постаје именица, а функционални глагол има само граматичку функцију обележавања лица, рода и броја, времена и начина вршења радње...“ (Мразовић, Вукадиновић 1990:167). Говорећи систематично и темељно ауторке наводе моделе и типове ових вишечланих лексичких јединица², критерије за разграничење глаголских перифраза од самосталних глагола са њиховом допуном, функције глаголских перифраза³, а за потребе овог рада издвојићу само функцију⁴: *Попуњавање лексичких празнина у глаголском систему језика када не постоји одговарајући глагол за изражавање одређених садржаја* па се може рећи да је глаголска перифраза значајна и за творбу речи, односно да је један од начина богаћења лексикона, један од начина номинације : **вршити трансакцију, бити у праву, ступити на снагу, ставити на дневни ред, узети у обзир, дати прилику, посветити пажњу, придавати значај, давати повода, имати прилику** (Мразовић, Вукадиновић 1990:172). Наводе се и примери где глаголске перифразе попуњавају лексичке празнине при изражавању глаголског вида и прецизирају исказ: **извршити / вршити анализу, дати/ давати**

¹ Ново издање има наслов *Граматика српског језика за странце*.

² Постоје два основна морфосинтаксичка модела, а у оквиру њих више типова (Мразовић, Вукадиновић 1990:168).

³ Наводи се осам функција: стилска, термилошка, прецизирање исказа, прецизније изражавање... (Мразовић, Вукадиновић 1990:170).

⁴ По мом мишљењу од битне важности у идентификацији стварности лексиком.

савет, доћи/долазити до изражаја (Мразовић, Вукадиновић 1990:173). Значајно је и то што се у овој граматици даје списак од око 60 фреквентнијих глагола, а од сваког од њих гради се више перифрастичних облика:

– десетак перифраза гради се од глагола ДАТИ СЕ (**дати се на посао/ у бег/ у бекство / бригу / мисли...**),

– око 80 перифраза гради се од глагола ИМАТИ (**бригу, част, дозволу, ефекта, храбрости, интерес, искуство, кондицију, могућности, налог, обичај, образ(а), обзира, одјека, поверење, потребе, повода, предност, рачуна, разумевања, реч, смисла, став, шансе, успеха, утицај, увид, вере, везе, власт, вољу/воље, задовољство, значај...**). Скреће се пажња у раду да то није ни близу коначан списак ових вишечланих језичких јединица! ((Мразовић, Вукадиновић 1990:173 , 179 -185)

Захваљујући доброј презентацији овог типа вишечланих лексичких јединица стиче се јасна представа да овај начин номинације има своје место у лексикону нашег језика и да му свакако треба посветити много више пажње како у лингвистичким истраживањима тако и у представљању у оквиру граматика и монографских радова.

А. 1. 2. У Граматици српског језика за гимназије и стручне школе Ж. Станојчића и Љ. Поповића у поглављу посвећеном лексикологији издваја се обрада фразеологизама који се дефинише као „*сложенија устаљена језичка јединица, устаљени скуп од две или више речи које имају јединствено значење*”⁵. “**..(испод жита, царски рез, Ахилова пета, обећавати златна брда и долине, кад на врби роди грожђе) ...**“ међу којима је највише назива са конотативним значењем и само један са денотативним (**царски рез**). Истиче се трокомпонентност фразеологизама: *устаљеност, структура (састав) и семантика*. Аутори дају примере фразеологизама са именицом **жито** где се дају два стручна/научна вишечлана термина (**бела жита, стрмна жита**) где имамо *денотацију* и један фразеологизам са *конотацијом (испод жита)* (Станојчић, Поповић 1995:175). Констатација „... да пунозначна реч у фразеологизму обично има пренесено значење...” (Станојчић, Поповић 1995:175) потврђује се у већини примера, међутим, има их и са примарним значењем: **бела жита, стрмна жита, царски рез**.

Фразеологизми се у овој граматици класификују по *структури и семантици*, а за сваки тип даје се само фразеологизам са конотативном вредношћу, истиче се битна особина фразеологизама (и фразеологије) да „...се раслојава зависно од функционалног стила.” (Станојчић, Поповић 1995: 176). Пошто су за тему овог рада одабрани само фразеологизми са денотативном вредношћу, овде ћу дати само део класификације из ове граматице где је реч о денотативној функцији вишечланог назива. Аутори дају примере у различитим функционалним стиливима: 1. *Професионална фразеологија* (дају се примери глаголских перифраза углавном из спорта и позоришног живота)

⁵ У граматици пише зрачење.

2. *Научна фразеологија* (термини из математике, медицине, хемије и економије). Неки уобичајени вишечлани називи синтагматског типа: **знак једнакости, специфична тежина** дају се као (потенцијални) перифрастични глаголи: (**ставити**) **знак једнакости**⁶, (**имати**) **специфичну тежину**⁷.

3. *Административно – правна фразеологија*: примери су углавном глаголске перифразе у оквиру којих је имениски део синтагматски спој/ вишечлани фразеологизам (**спровести оставински поступак, ставити ад акта, ставити на дневни ред, извести на оптуженичку клупу...**) па осим те четири глаголске перифразе имамо термилошке синтагме именице: **оставински поступак, дневни ред, оптуженичка клупа**. Некад термин није даг у основном облику (у диспозитиву **решења**), или је у оквиру трочлане синтагме двочлана (**право доживотног уживања на кући**)⁸

У одељку о „*фразеолошким јединицама термилошког карактера*“ каже се да постоје „вишечлани називи појмова у наукама, струкама, и у свакодневной комуникацији, а дају се примери из медицине (**крвни притисак, ангина пекторис, мале богиње**), граматике, економије (**политичка економија, тржишна економија**), физике (**тренутно убрзање, праволинијско кретање, инерцијална сила**) (Станојчић, Поповић 1995:177).

Посебан пасус посвећује се „*сложеним називима* „, у свакодневном језику“ **дивља ружа, дивља грешња, дикино око, цареве око, љута паприка, ужички сир, месни нарезак**. У питању су термини из ботанике и гастрономије/кулинарства који су познати најширем кругу носилаца српског језика⁹.

А. 1.3. У Творби ријечи у хрватском језику (1986) Стјепана Бабића аутор, каже који ће типови творбе бити обрађени, а који неће (поглавље 6. *Начини блиски творби (гранична подручја)*: унутрашња творба, преобразба, пријенос значења (Бабић, 1986:35) па, између осталог, као област о којој у монографији неће бити речи, издваја и „вишечлане називе“ (термин С. Бабића) и каже „Нове појмове често означајемо везом досадашњих ријечи и даје примере (**прсни кош, црни сљез, дивљи кестен, плесна дворана, кисело млијеко, основна школа, хладни рат, Нови Загреб**). Даље каже да овај начин није права творба „... јер се ни њиме не повећава број ознака, него само број значења.. Највише што бисмо могли рећи јест „*синтаксичко-семантичка творба*.“ (Бабић, 1986: 37). Иако посвећује мало пажње једном типу именовања стварности, Бабић је тачно дефинисао вишечлане термине, дао типичне примере ових речи у служби именице и употребио назив за овај тип творбе који му сасвим одговара.

⁶ Није фразеологизам јер се место *ставити* може употребити било који глагол, нпр. *написати*.

⁷ Ова трочлана синтагма није фразеологизам јер се место *имати* може употребити и други глагол, нпр. *мерити, проверавати*.

⁸ Где није добро извршена сегментација, одн. **на кући** није обавезни део вишечланог правног термина, термини су **право доживотног уживања и доживотно уживање**.

⁹ Став аутора према овим лексичким јединицама: „Овакви се фразеологизми, посебно они у научном стилу језика, врло често сматрају и само **вишечланим терминима, а не фразеологизмима** (Станојчић, Поповић 1995:178)

A. 1. 4. Говорећи о сложеницама у *Творби речи у српском језику*, *Први део, Слагање и префиксација* (2002) Иван Клајн каже: „...у српском (је) ...раширена употреба синтагми придев+именица са устаљеним значењем, тј. са вредношћу једне лексеме...“ (Клајн, 2002: 63). Истиче „...распрострањеност лексикализованих (па и термилошких) синтагми...“ и даје многобројне примере из РМС у којем, по његовим речима, оне нису обрађене као одреднице него под „Изр.“= израз (Клајн, 2002: 64). Из примера се види да значење лексеме имају синтагматски спојеви којима се именују биљке (**дебели корен, лепа ката, мртва коприва, хајдучка трава, вранино око, орлови нокти**), животиње (**нилски коњ, ластин репак**), анатомски називи (**мртва кост, слепо црево**), црквени празник (**Лазарева субота**), метеоролошка појава (**бабина свила**) (Клајн, 2002: 64).

Наведеним скупом вишечланих именица ни близу није представљен репертоар назива овог типа ни по областима у којима се јавља, ни по типу везе између две речи у устаљеној синтагми¹⁰, али се може уочити присуство овог начина именовања у различитим функционалним стиловима¹¹, што нам говори о томе да је овај творбени поступак у значајној мери присутан, а да о њему у граматкама нема теоријског образложења.

Иако се у овој монографији о „лексикализованим синтагмама“ (Клајнов термин) говори кратко у делу о слагању, и не указује се на то да је и устаљена синтагма са вредношћу лексеме нова реч, по разноврсности примера може се закључити да је овај начин номинације присутан у различитим фундаменталним тематским целинама.

A. 2. 1. У Стевановићевој граматици *Савремени српскохрватски језик 1*, (1970) не наводе се вишечлане речи као могућност испољавања именске или глаголске речи (између осталог), међутим, има доста примера у реченицама- примерима или само таксативно где су контекстуално употребљене (и) вишечлане лексичке јединице. Код глагола аутор после дефиниције¹² спационирано даје пример за глагол „...и з д а в а о је и каже „- приписује се радња Абидаги“ у реченици (*Абидага је издавао наређења*) (Стевановић 1970:172).

У оквиру одељка *Именице* не даје као илустрацију за властите именице вишечлане облике, али даје у реченицама са примерима: **Панамски земљоуз, Пећка Бистрица, Дечанска Бистрица, Призренска Бистрица, Бели Дрим, Црни Дрим** (6 примера). За вишечлане властите именице има још примера у првој књизи: **Биоград на мору, Бела Црква**¹³, **Свети Иван, Свети Стефан**¹⁴ (насеље).

¹⁰ Поред наведених примера за структуру придев+именица, чести типови синтагматских именица су и: **распоред часова, паста за зубе, камен темељац.**

¹¹ Разговорни језик-општепозната лексика; стручно-научни функционални стил у свим струкама.

¹² „...глаголи...који приписују особине...ономе што значе именице...глаголи ...приписују коме или чему неки процес...“ (Стевановић1970:172).

¹³ Стевановић1970:97 (замена **јата**).

¹⁴ Стевановић1970: 191: у делу о акузативу.

Иако не констатује вишечлане облике заједничких именица, у реченицама са примерима има их: **зрело доба, годишње доба**¹⁵ **велико вијеће**¹⁶, **тићи ждраловићи**¹⁷, **топлотни појас, умерени појас**¹⁸ (Стевановић 1970: 181).

У делу о творби речи Стевановић наводи само морфемску творбу (Стевановић 1970: 388), а говорећи о значају свођења акцента за прављење сложеница даје пример *двочланог назива Нови Сад*¹⁹, док у оквиру сложеница наводи и називе за биљке које су по својој структури реченице **пусти баба коњу крв, крсти куме дете** за које каже да су *синтаксичке целине које имају значење појединих речи* и да „...интонационо и по форми остају оно што су биле, *групе засебних речи које означавају само по један појам*“ (Стевановић, 1970: 403).

Б. СТРУКТУРНИ ТИПОВИ ЛЕКСЕМА У ЛЕКСИКОЛОШКИМ УЦБЕНИЦИМА НА СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Заједничко за овде анализирани лексиколошке монографије је то да констатују постојање поред једночланих (које су детаљно анализирани у граматикама деклинационо и деривационо), и двочланих (вишечланих) лексема, а могу бити са конотативном²⁰ или денотативном вредношћу. Функционална раслојеност овог типа лексема у различитој мери је експлицирана у овим монографијама, у неким се та раслојеност констатује, ове лексеме се класификују по структурним, функционалним и семантичким критеријумима, док у другим монографијама овакви називи нису довољно прецизно дефинисани и разграничени према функционалним стиливима којима припадају (са конотацијом у књижевности, са денотацијом у стручно – научном стилу). Тако се заједно наводе примери вишечланих лексичких јединица и са денотативном вредношћу које припадају научно – стручном функционалном стилу (углавном вишечлани термини у служби именице: **мајчина душица, потрес мозга, чир на дванаестопалачном цреву, птица певачица, сила теже** (гравитација), **прибор за јело** (есцајг), ређе глагола: **смањити притисак, дати преглед, вршити оглед, довести до смањења**) и са конотативном вредношћу (именица **ћорава Анђелија** = врста ветра, глагол **отићи Богу на истину** = умрети) које су културолошки условљене. Вишечлане лексичке јединице са конотативном вредношћу истражује лингвокултурологија (Драгићевић, 2010: 9 -11)

Б. 1. Монографија Драгане Мршевић *Фразеолошке глаголско – именичке синтагме у савременом српскохрватском језику* (1987) бави се структурном и семантичком природом фразеолошких јединица, а свака је по структури и семан-

¹⁵ У делу о именицама средњег рода: „Он је био у зрелом добу.“ „...носио у свим годишњим добима“ (Стевановић 1970: 214)

¹⁶ За именицу властела: У **великом вијећу** су сједили сви властели. (Стевановић 1970: 182).

¹⁷ У делу о ном.мн. „...остали су **тићи ждраловићи**“ (Стевановић 1970: 201).

¹⁸ У делу где говори о суфиксу ов/ -ев: „...размештај **топлотних појасева**...“ „...у умереним **појасевима** је тако исто“ (Стевановић 1970: 204).

¹⁹ Да је чување посебног акцента била сметња да до стварања сложенице дође „...јасно нам говори пример *двочланог назива Нови Сад* у коме је значење потпуно измењено...није ово никакав *нови сад*, нити *сад* (врт) уопште него један град“ (Стевановић, 1970: 401).

²⁰ Што се уочава и детаљно описује и класификује по различитим критеријумима.

тици лексичка јединица од више речи. У детаљној обради Д. Мршевић тврди да су фразеолошке синтагме „...готово неописан фразеолошки материјал у српскохрватском језику (Мршевић, 1987:09), дефинише их, даје њихове карактеристике и класификује их по функцији, семантици и структури (дели их на глобалне **обрати зелен бостан** и компонентне **прокиснути до костију**). Д. Мршевић истиче да је номинационо, денотативно значење примарно према којем се развијају остала секундарна денотативна значења, а према денотативним сва друга асоцијативна конотативна значења (Мршевић, 1987: 16). Истиче се да је између фразеолошке јединице и термилошке синтагме основна разлика на функционалном плану и каже се да термилошке синтагме имају искључиво номинациону функцију: **зечје ухо, зечји мак, медвеђа шапа, попино прасе** (Мршевић, 1987: 21). У овој монографији дат је детаљан и свеобухватан приступ синтагматским лексичким јединицама и она би обавезно требало да буде полазна тачка за свако истраживање ове проблематике.

Б. 2. У својој књизи *Приручник лексикографије* (1991) Ладислав Згуста указује на једночлану и вишечлану структуру речи истичући да је форма неважна, а да су речи оформљене лексичким значењем које носе (Згуста, 1991: 28, 29). Даље указује на могућност комбиновања речи у невезане и везане комбинације (Згуста, 1991:135), а за *везане комбинације* употребљава термин *лексичке јединице од више речи* и каже да имају десигнативну функцију. Аутор даје енглеске и француске примере вишечланих термина (примитивне морске биљке и животиње, у српском је само једна од њих вишечлана: *морски краставац*) и наводи критеријуме за њихово издвајање од невезаних комбинација, а примери које даје су такви да значење термина није изводиво из значења појединачних конституената: **морско прасе** (Згуста, 1991:138, 139). Осим термина, Згуста наводи *идиоматске изразе* (примери су из француског, енглеског, кинеског) истичући да су засебна категорија јер имају конотативну вредност (Згуста, 1991:141). Згуста с правом каже да је најважнија правилна идентификација и презентација ових јединица и да им треба дати место одреднице или пододреднице, мада наводи да такав статус ове лексеме имају само у неким новијим енглеским и француским речницима (Згуста, 1991:150, 152).

Б. 3. Дефинишући лексему Твртко Прћић у својој монографији *Семантика и прагматика речи* (1998, 2008) указује на *фразне лексеме* које се од једночланих лексема разликују само по својој синтагматској форми (Прћић, 1998: 12). У одељку посвећеном синтагматским лексичким односима дефинише *лексички спој* као компактну целину, а незаменљивост делова, непрозирност и постојаност су услови да спој лексема буде идиоматизован (Прћић, 1998:115). Наводи примере идиома са конотативном вредношћу²¹, идиоме дели на 3 типа од којих вредност лексеме имају само *фразне лексеме* где издваја **фразне именице (тројански коњ, неписани закон, летећи тањир, тачка гледишта, ток свести)** које правилно одређује као *подврста оног што именица значи*, односно у питању су вишечлани термини.

²¹ Лукав као лисица, правити од комарца магарца... (Прћић, 1998: 123)

Издваја још и *глаголске фразне лексеме*, - *глаголске синтагме* где даје примере са конотативним значењем, глагол је проширен објектом или неком допуном (**спојити крај с крајем** (124,127), **вртети неког око малог прста** (125), **купити мачку у цаку** (127), **окретати неког око малог прста** (127), **ухватити се у коштац с нечим** (127). У овој монографији Прћић вишечлане лексичке јединице обрађује на концизан, али целовит, садржајан и савремен начин на основу чега се може стећи јасна слика о овој недовољно обрађиваној теми у нашој лингвистици.

Б. 4. У својој монографији *Основи лексикологије и сродних дисциплина* (1998, 2006) Данко Шипка говори о неједнаком ставу наших лингвиста лексиколога о обиму творбе, обрађује и творбу као дисциплину лексикологије са високом степеном аутономије чији је задатак да проучи елементе и процесе формирања лексема и одређује морфемску творбу за подручје којим се бави творба (Шипка, 1998: 102 - 109). Што се тиче лексичких јединица од више речи обрађује их у поглављу *Фразеологија*, идентификује их називом *вишечлане лексичке јединице*, и каже да су *фраземе* њихова подврста. Истиче важност ових јединица не само за фразеологију него за лексикон у целини, јединице дели на *слободне (невезане)* и *устаљене (везане)* комбинације и даје примере за терминолошке синтагме: **тешка вода, морска звезда, камени угаљ, брзи воз, бели лук**. Позивајући се на Згусту наводи списак од 9 обележја „...која могу бити приписана овим лексичким јединицама.“...а што их је више присутно то је одређена датост ближа прототипској лексичкој јединици од више речи.“(Шипка, 1998: 111). Што се тиче денотативних вредности ових лексема, аутор истиче: „Лексичке јединице од више ријечи могу имати исти таксономијски статус као и једночлане јединице: **основна школа, средња школа, факултет**“ (Шипка, 1998: 112). Осим горе наведених терминолошких синтагми, примери које аутор даје у даљем тексту углавном имају конотативну вредност. Део о вишечланим лексичким јединицама у овој монографији даје битне и прецизне информације, тако да се из ове књиге може стећи јасна слика о овом типу лексема.

Б.5. Рајна Драгићевић у монографији *Лексикологија српског језика* (2007) овом типу лексичких јединица посвећује пажњу у више одељака. Говорећи о структури лексикона указује на то да га чине једночлане и вишечлане лексичке јединице, а вишечлане дели на фразеологизме и терминолошке синтагме. Рајна Драгићевић анализира статус вишечланих лексичких јединица типолошки и лексикографски позивајући се на ауторе који су о њима писали, истиче несналажење лексикографа у вези са третманом вишечланих термина (у речницима је она час лексема час није лексема) и чини јој се „...најприкладнијим овакав третман: овакве јединице нису лексеме, али јесу део лексикона. Оне спадају у лексикон због своје семантичке и синтаксичке самосталности“ (Драгићевић, 2007: 41). За фразеологизме каже да захтевају посебну семантичку обраду, структурну анализу, истраживање порекла и указује на то да се понекад постављају питања у вези са њиховом идентификацијом (Драгићевић, 2007:41). У одељку *Синтагматски лексички односи* указује на чињеницу да се мања пажња придавала типовима синтагматских лексичких

односа, и истиче суштину међусобних односа у синтагматском лексичком скупу, а то је „...семантички утицај једне лексеме на другу у линеарном низу“. За ово испитивање је значајно што се овде поставља и суштинско питање места вишечланих лексема у лексичком систему уопште (Драгићевић, 2007: 213). Даље се у овом поглављу опширно говори о различитим називима за синтагматске лексичке односе код појединих аутора, а за вишечлане лексичке јединице каже се да им се не може јасно одредити статус и да се не укључују у лексикон, али то не значи да оне не постоје (Драгићевић, 2007:219). Ауторка се позива на страну и домаћу литературу и тврди на основу досадашњих радова да се може учити аргументована теоријска утемељеност свих поставки о синтагматским односима међу лексемама које имају функцију именовања.

В. НОВИЈИ НАУЧНИ РАДОВИ О ВИШЕЧЛАНИМ ЛЕКСИЧКИМ ЈЕДИНИЦАМА

Иако о вишечланим лексичким јединицама има доста радова писаних са различитих аспеката, овде ће се навести само неколико новијих у којима се констатује постојање оваквог типа номинације, наводе се (углавном) типови именичких и глаголских синтагматских лексема, а оно што је заједничко за све њих је да се указује на недовољну проученост номинавања вишечланим лексичким јединицама.

В. 1. Твртко Прћић написао је рад *И синтагме и речи: фразне именице у српском језику* о вишечланим речима, конкретно именицама (фразне именице) где се теоријски образлаже тзв. фразна именица, дају се творбени типови за њих и обиље примера из свакодневног живота са којима се сусрећемо, а о којима није било до сада овако свеобухватног приступа (Прћић, 2011).

Познато је да је у синтакси велика пажња посвећена декомпонованом предикату²², али овде конјугациони облици нису тема о којој је расправља, па ће се само скренути пажња на оне радове из области синтаксе у којима се полази од декомпоновања глагола. Иако се у њима првенствено говори о декомпонованом предикату, уочава се нов приступ основном облику глагола као вишечланој глаголској лексеми.

В. 2. У раду *Декомпоновање глагола и структура просте реченице* Срето Танасић говорећи детаљно о декомпоновању предиката каже да се о овој теми раније мало говорило у нашој уџбеничкој литератури, наводи да Стевановић у својој Синтакси даје примере **доћи до убеђења, стећи утисак...** и означава их као вишечлане изразе и истиче : „У овим изразима...имамо глаголе са њиховим именским допунама“ (Танасић, 1995:158). Аутор каже „...глагол се у одређеним приликама подвргава процесу декомпоновања...“ па „...би било разложно терминолошко рјешење *декомпоновање предиката* замијенити рјешењем *декомпоновање глагола...*“ (Танасић, 1995:159).

²² На пример, рад М. Радовановића (1977) Декомпоновање предиката. (На примерима из српскохрватског језика). *Јужнословенски филолог* 33. Београд. Институт за српскохрватски језик, 53 – 88.

В. 3. Предраг Пипер у раду *Аналитички глаголски изрази и декомпоновани предикати типа „изразити захвалност“* говорећи о декомпонованом предикату употребљава за глаголски елеменат декомпонованог предиката у уобичајеном полазном глаголском облику назив *аналитички глаголски израз* дефинишући и образлажући типове анализма у граматичком и лексичком значењу (Пипер, 1999).

ЗАКЉУЧАК

У нашој лингвистици вишечлане лексеми и по својој структури и по семантици нису довољно образложене и анализирани; то је маргинализован морфо-творбени облик, мада по присуству у лексикону српског језика заслужује одговарајућу теоријску експликацију и дескрипцију.

Проблематика вишечланих лексичких јединица у нашој теоријској литератури имала је свој развој од првобитног неконстатовања овог типа лексеми, преко ретких указивања на то да осим једночланих лексичких јединица постоје и вишечлане, да би се у новијим радовима показала њихова велика заступљеност у различитим функционалним стиловима, односно у лексикону српског језика с једне стране, а с друге стране, испитивања су показала који све творбени, семантички и функционални типови ових лексичких јединица постоје. Међутим, има још недефинисаних аспеката, а рад који сам написала, поред систематизовања досадашњих испитивања, аргументовано показује да појам речи у морфологији не покрива дефиницијом и примерима све структурне облике у којима се реч испољава. Ни кад су у питању творбени поступци за номиновање појмова и процеса, на основу података из наших уџбеника о грађењу речи, може се рећи да се описаним творбеним типовима не обухватају сви облици који имају функцију номинације. С друге стране, у уџбеницима лексикологије појам лексеми, као и њене дефиниција (по структури) је свеобухватан : поред једночланих лексеми наводе се вишечлане које се, негде детаљније, негде мање детаљно, дефинишу, класификују и експлицирају. Пошто свака лексеми има своје место у морфологији као одређена врста речи, а такође настаје по одређеним принципима грађења речи, може се рећи да постоји неусаглашеност у приступу основним јединицама испитивања у оним лингвистичким дисциплинама које се баве нивоом речи (у морфологији и грађењу речи као реч се теретира само једночлани облик, а у лексикологији, поред једночланих, уводе се и вишечлане лексичке јединице).

Недовољно дефинисан статус вишечланих назива као лексичких јединица има реперкусија и на њихово лексикографско представљање . Различити типови ових лексичких јединица само по изузетку имају место одредничке речи и обрађени су тако у нашим дескриптивним речницима (Недељков, 2002:246). Углавном су ови облици дати под **изр.** (израз) уз главну реч – именицу, али има одступања јер су неки вишечлани називи обрађени уз придев, а неки (зато што су вишечлани) нису ни дати у речнику. У зборницима реферата са лексикографском проблематиком доста је писано о томе (Мршевић, 1982, Дешић, 1984, Недељков, 2002, Николић, 2002). Овакве недоследности у обради ових јединица у речнику сасвим су разумљиве кад се има у виду њихов неодговарајући статус у теоријској литератури која се бави структуром и обликом речи, и оној која се бави семантиком лексике.

Систематизовање теоријских знања поткрепљених одговарајућим примерима, као и нова испитивања ове проблематике омогућиће да се појам вишечлане лексичке јединице правилно сагледа, прецизира и дефинише, а кад будемо имали јединствен и проверен теоријски приступ овом проблему, у практичном раду на њиховој лексикографској обради не би требало да буде недоумица, односно биће у равноправном односу са једночланим лексемама.

ИЗВОРИ

- Babić, S. (1986) *Tvorbi riječi u hrvatskom jeziku*, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Globus, Zagreb.
- Драгићевић, Р. (2007). *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике.
- Zgusta, L. (1990) *Priručnik leksikografije*, Sarajevo.
- Клајн, И. (2002) *Творба речи у савременом српском језику*, Први део, Слагање и префиксација, Прилози граматици српског језика, Завод за уџбенике и наставна средства, Институт за српски језик САНУ, Београд.
- Мразовић, П. Вукадиновић, З. (1990) *ГраMATика српскохрватског језика за странце*, Издавачка књижарница Зорана Стојановића, Сремски Карловци, Добра вест, Нови Сад.
- Мршевић, Д. (1987) *Фразеолошке глаголско – именичке синтагме у савременом српскохрватском језику*, Универзитетске монографије, књига LX, Београд.
- Пипер, П. (1999) Аналитички глаголски изрази и декомпоновани предикати типа „изразити захвалност“, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику Посвећено сећању на академика Павла Ивића*, 42, 37 – 43, Матица српска, Нови Сад.
- Prčić, T. (1997) *Semantika i pragmatika reči*, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, Sremski Karlovci, Novi Sad.
- Пррђић, Т. (2011) И синтагме и речи: фразне именице у српском језику, *Зборник у част Гордани Вуковић, Лексикологија, Ономастика, Синтакса*, Филозофски факултет у Новом Саду, Нови Сад, 59 - 70.
- Станојчић, Ж. Поповић, Љ. (1995) *ГраMATика српскога језика, уџбеник за 1, 2, 3. и 4. разред средње школе*, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд.
- Стевановић, М. (1969) *Савремени српскохрватски језик 2*, *ГраMATички системи и књижевнојезичка норма*, Синтакса, Научна књига, Београд.
- Стевановић, М. (1970) *Савремени српскохрватски језик 1*, *ГраMATички системи и књижевнојезичка норма*, *Увод Фонетика Морфологија*, Научна књига, Београд.
- Танасић, С. (1995) Декомпоновање глагола и структура просте реченице, *Јужнословенски филолог*, 60, 157 – 166, Београд.
- Шипка, Д. (1998) *Основи лексикологије и сродних дисциплина*, Матица српска, Нови Сад.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабић, С. (1990) Постанак нових назива, *НССУВД, Терминологија – Теорија и пракса*, 18/1, 31- 38, Београд Нови Сад.
- Белић, А. (1949) *О језичкој природи и језичком развоју*. Посебна издања, књига СХХХIV, Философски и филолошки списи, књига 35. Београд: Српска краљевска академија.
- Гинзбург, Е.Л.(2010) *Словообразование и синтаксис*, Москва
- Дешић, М. (1984) Критеријуми за одређивање фразеологизама у рјечницима савременог српскохрватског језика, *Лексикографија и лексикологија*, зборник реферата, Нови Сад – Београд, 53 – 66.
- Драгићевић, Р. (2010) *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*, Библиотека Књижевност и језик, књига 33, Београд.
- Матијашевић, Ј. (1987) Око неких питања у творби речи, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 16/1, 109 – 119.
- Мршевић, Д. (1982) О критеријумима који одређују место обраде фразеологизма у речнику, *Лексикографија и лексикологија*, зборник реферата, Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик, Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета у Новом Саду, Матица српска, Филолошки факултет у Београду, Одсек за јужнословенске језике и општу лингвистику, 141 – 148.
- Недељков, Јб. (2002) Проблем вишечланих лексема у лексикографској пракси. *Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе*, Нови Сад – Београд, 243 – 249.
- Николић, М. (2002) Тешкоће при утврђивању одреднице у речницима српског језика, *Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе*, Нови Сад – Београд, 49 -56.
- Радовановић, М. (1977) Декомпоновање предиката. (На примерима из српскохрватског језика). *Јужнословенски филолог* 33. Београд. Институт за српскохрватски језик, 53 – 88.
- Simeon , R. (1969) *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva* 1, А - О, Zagreb.
- Simeon , R. (1969) *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva* 2, Р – Ž, Zagreb.
- Тошовић, Б. (2002) *Функционални стилови*, Institut für Slavistik der Karl – Frenzens – Universität Graz, Graz.
- Яарцева, В. Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*.

Ljiljana Nedeljkov

THE PLACE OF MULTI-WORD LEXICAL ITEMS IN SERBIAN LEXICON
AND GRAMMAR BOOKS

Summary

This paper deals with the morphological, formational and lexicographical aspect of multi-word lexemes. Morphologically, established expressions – multi-word lexemes have the function and meaning of words, but derivationally they are the result of semantic-syntactic connection of more one-word morphological items, i.e. they are syntactic creation. The examples of such items are provided according to the part of speech and therefore, it is pointed out the theoretical aspect of these lexical items in grammar books (in chapters related to word formation) and monographs.

АНА Б. ПЕЈАНОВИЋ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА ЦРНЕ ГОРЕ, НИКШИЋ, ЦРНА ГОРА

ФРАЗЕОЛОШКЕ ЈЕДИНИЦЕ КАО МОТИВАТОР У ТВОРБЕНОМ ПРОЦЕСУ

Сажетак. Срастање компоненти фразеологизма је значајан неморфемски начин грађења ријечи, али он до сада није био предмет посебног проучавања са дериватолошког и фразеолошког аспекта.

Лексикализацијом првобитних фразеолошких јединица добијене су лексеме: *з̑бога, д̑а̑б̑б̑г̑д̑а, б̑г̑ами, б̑г̑зн̑а, ак̑б̑б̑г̑д̑а*. Процес преласка фразеологизма у лексему и појаве које га прате илуструјемо примјерима из дјела класика српске књижевности, Његоша и Љубише, српских епских пјесама, као и савремених књижевноумјетничких текстова.

У раду се образлаже и значај процеса фразеолошке транспозиције приликом неморфемског начина грађења ријечи. Под појмом *фразеолошка транспозиција* подразумијевамо прелазак фразеологизма из једног фразеолошког жанра у други. У фразеолошком подсистему тај процес дјелује као унутарсистемски, међутим, *фразеолошка транспозиција* у неким случајевима у крајњем исходу доводи до нестанка фразеолошке јединице услед срастања полазне фразеолошке синтагме.

Кључне ријечи: фразеолошка јединица, дериватологија српског језика, фразеолошка транспозиција, срашћивање, лексикализација, лексема.

0.1. Са циљем да се превазиђе структурна, функционална и семантичка разнородност фразеолошких јединица – а она чини главну препреку у досљедној класификацији фразеолошког фонда сваког језика – настала је наша концепција *фразеолошких жанрова*. Тако су све фразеолошке јединице српског језика подијељене на укупно осам фразеолошких жанрова, а то су стални епитети, устаљена поређења, идиоми, пословице, изреке, клетве, заклетве и узречице [Пејановић 2010]. Осим лингвокултуролошких критеријума и критеријума преводивости фразеологизама наша концепција узима у обзир, што је од посебног значаја за ову тему, и дијахронијску перспективу ових специфичних језичких јединица, односно њихово поријекло и развој. Управо је овакав приступ дао могућност да се на нов начин сагледа фразеолошки фонд језика: не само као систем за себе унутар кога владају своје законитости већ и зато да се укаже на значај и везу овога језичког слоја са осталим језичким поднивоима. Досадашње бављење фразео-

---

* e-mail: apejanovic@rambler.ru

логијом увјерило нас је у вишеструке и чврсте везе фразеологије са осталим лингвистичким дисциплинама – лексикологијом, лексикографијом, синтаксом и лингвокултурологијом. А циљ овога рада јесте да укажемо на везе фразеологије са творбом ријечи.

0.2. С тим у вези, други важни појам који ће бити помињан у раду јесте *фразеолошка транспозиција*. Подјела фразеолошког фонда српског језика на фразеолошке жанрове открила је механизам фразеолошке транспозиције који је унутарсистемски и који се огледа у преласку једног фразеолошког жанра у други. Оно што је транспозиција (у дериватологији се у новије вријеме чешће користи термин конверзија) у лексичком подсистему то је фразеолошка транспозиција унутар фразеолошког језичког подсистема. Примјери фразеолошке транспозиције из жанра сталних епитета у жанр идиома су јединице: *сиви соко*, *сиња кукавица*, *мрки вук*, *бијела вила*. Наведени фразеологизми у зависности од дискурса у којем се употребљавају и денотата/референта на који се односе могу бити или стални епитети (у фолклору) или идиоми [детаљније о томе у Пејановић 2008]. Флуидност и нестабилност семантике и функција појединих фразеолошких јединица, а која је последица противрјечности између њиховог формално-граматичког облика (вишелексемног састава) и цјеловитог значења, с једне стране, и веће зависности у односу на лексеме од контекстуалне/конситуативне употребе, с друге стране, свједоче о језику као живом организму који се развија и мијења. Тако постепено долазимо и до везе која се успоставља између фразеологије и дериватологије. У наредним одјелцима овога рада даћемо примјере у којима су фразеолошки изрази били мотивни односно творбена база за грађење нових лексема.

1. У дериватологији је познато да је један од начина неморфемске творбе *синтаксичка творба* или *срашћивање*. Овај се творбени начин најчешће успутно помиње, не само у нашим уџбеницима и приручницима из дериватологије [види руске изворе Земская 2006; Гужва 1978; Гридина, Коновалова 2007], вјероватно и зато што га дериватолози задуго нису ни сматрали предметом свога проучавања с обзиром на чињеницу да се у процесу овакве творбе као форманти не користе афикси. Како наводи Божо Ћорић: „Творба ријечи традиционално је сматрана дијелом граматике, односно морфологије. Један од разлога за такав однос према деривацији долазио је отуда што су лингвисти у центар пажње стављали оне начине грађења нових ријечи који су повезани са употребом посебних морфолошких средстава – морфема, занемарујући при томе бројне деривате настале другим творбеним начинима“ [Ћорић 2002: 24]. Тога се питања између осталог дотиче и Бранка Тафра у чланку *Лексикализација као лексиколошки и лексикографски проблем* [Тафра 2005: 118]. Традиционално схватање по коме се, још од Белића, сраслице проучавају као подврста сложеница други је разлог несистематичног описа грађења ријечи синтаксичком творбом у нашој дериватологији. Па иако сраслице са сложеницама несумњиво имају и додирних тачака не би их требало разматрати као врсту сложеница јер су за разлику од њих сраслице производ неморфемске творбе. Од сложеница се разликују и одсуством интерфикса, а и њихова творбена база увијек је једнака мотивној конструкцији, синтагми или реченици. Па ипак поједини наши савремени дериватолози и даље имају становиште по коме сраслице виде као подврсту сложеница [види Клајн 2002 I].

Приликом срашћивања дешавају се сљедеће промјене: редослијед компоненти полазне синтагме или реченице (у нашем случају фразеолошке) од које настаје нова лексема фиксира се, новонастала јединица добија један (главни) акценат, што је такође доказ да се ради о лексеми, по правилу се мијења и значење, а често и парадигма нове ријечи. Као што ћемо видјети у наредним примјерима, ово је дуготрајан процес у језику.

У овом раду анализирају се фразеолошке јединице које у своме саставу садрже компоненту теоним *Бог* и које су послужиле као творбена база за настанак нових лексема. Описује се процес синтаксичке творбе који је праћен различитим промјенама и на семантичком плану. Истраживање је почело од провјере лексикографских извора. Анализирали смо како су забиљежене и описане језичке јединице које нас интересују у различитим нашим дескриптивним рјечницима, старијим и новим, рјечницима писца, па чак и дијалекатским. Такође смо прослиједили употребу наведених језичких јединица у српским епским пјесмама и текстовима класика српске књижевности, као и у књижевноумјетничким дјелима савремених аутора. На тај начин добили смо увид не само у лексикографски опис већ и у контекстуалну употребу наведених језичких јединица. Овом приликом ограничићемо се само неким случајевима, док је према нашем прелиминарном списку број оваквих јединица у српском језику много већи. Поменуће језичке јединице могу се сврстати у четири групе: а) такозване императивне сложенице *будибокснама*, *жалибоже*, *помозибоже*, *сачувајбоже*; б) јединице са реченичном структуром *богзна*, *акобогда*, *дабогда*; в) предлошко-падежни спојеви *забога*, *побогу*, *добога*, *дозлабога*, *подбогом*; г) спојеви генитива теонима Бог и енклитичког облика личних замјеница *богами*, *богати*, *богави*. Напомињемо да сви наведени облици немају једнак статус у савременом српском језику, како што се тиче употребе — неки су архаични, неки дијалекатски, тако и што се тиче самог процеса лексикализације који се код појединих јединица није у потпуности завршио.

1.1. Анализа лексикографских извора довела нас је до сазнања да су истраживане лексеме, које су несумњиво фразеолошког поријекла, као прво, недоследно записане у рјечницима — неке само као самосталне лексеме, неке само као фразеолошки изрази, а поједине чак у истом лексикографском дјелу имају статус и лексеме и фразеолошког израза. Шароликост описа није само узрокована лексикографском методологијом, она је и потврда дуалистичке природе ових јединица, њиховог прелазног карактера. Зато ни лексикографима понекад није било јасно којем нивоу — лексичком или фразеолошком — припадају наведене језичке јединице. Други закључак који се намеће из анализе наших рјечника тиче се поново недоследности у опису, али овога пута је у питању категоријална припадност јединица које су предмет наше пажње. Најчешће су новонастале лексеме описиване као рјечце, прилози или узвици. И аутори *Hrvatske gramatike* у одјељку о творби прилога наводе неке од наших израза као примјер за фраземске сраслице: *ако Бог да — акѡбѡгда, да Бог да — даѡбѡгда, Бог зна — бѡгзна* [Barić i dr. 1997: 389]. За три наведене лексичко-граматичке категорије (прилоге, рјечце и узвике) карактеристична је непромјењивост, и то им је заједничка црта. Једино прилози спадају у аутосемантичке ријечи, док су рјечце граматичке ријечи, а узвици стоје посебно. Да наведене лексеме имају интензификаторску функцију види се и из

рјечничке семантизације појединих примјера. Посебно је питање којој врсти ријечи припадају поједине од новодобијених лексема, а о томе ће бити више ријечи у другом раду.

1.2. Језичке јединице са компонентом теонимом *Бог* које имају тенденцију срашћивања (неке од њих су већ сраслице) интересантне су не само са деривато-лошког, фразеолошког и лексикографског аспекта. Питање њиховог растављеног и састављеног писања још увијек је и неријешен проблем наше ортографије. У најновијем *Правопису српскога језика* ни не помиње се термин фразеологизам (фразеолошка јединица), мада се разматра проблем састављеног и растављеног писања појединих фразеолошких јединица у параграфима који обрађују предлошке везе са именицама које се карактеришу као устаљени прилошки изрази. Фразеолошке јединице са компонентом *Бог* (и *ђаво*) спорадично се помињу на разним мјестима у Правопису: у напомени послје 125. параграфа који обрађује глаголе каже се да се *ако бог да* и *буди бог с нама* растављено пишу [Правопис СЈ 2010: 92]. На другом мјесту, у одјелку који обрађује предлошке спојеве, у параграфу 140. б. каже се да се одвојено пишу *к врагу, без ђавола, без белаја, по врагу* (без објашњења), а онда у сљедећем 141. параграфу набрајају се они спојеве које треба спојено писати. Међу њима су и: *доврага, дођавола, подбогом, побогу, дозлабога, добога* (нпр.: то је *добога* лоше, али *до бога* се чује). Фразеологу одмах пада у очи нелогичност примјене правила: *к врагу* – одвојено, а *доврага* и *дођавола* – спојено јер се ради о синонимичним конструкцијама са идентичним глобалним фразеолошким значењем. Нејасна је и аргументација писања јединице *добога* једанпут спојено, а други пут раздвојено кад је у оба случаја у питању идиоматизовано, тј. пренесено значење прилога мјере и степена (*веома, много, интензивно*) које ова сраслица има [Правопис СЈ 2010: 96–97]. Неусаглашеност нормативних приручника и лексикографске фиксације када су у питању наведене језичке јединице потврђује и чињеница да се у Речнику Матице српске и хрватске налази полисемична лексема **будибокснама 1.** прил. *врло чудно, наопако, настрано*. – Ради све нешто будибокснама. *Срем.* Пошло је све будибокснама. *Лаз. Л. 2.* м *ђаво, враг, сотона*. – Неки нешто шапћу о врачаријама, о нечистом послу, о будибокснама! *Змај.* Узео [га] будибокснама на своју руку, па га не пушта. *Лаз. Л.* [Речник МС–МХ I 1967: 296]. Овом лексикографском опису фали и 3. значење – придјева јер је лексикализовани фразеолошки израз посвједочен и у атрибутивној функцији. На примјер: Та је жена *будибокснама*. Рјечник фиксира и оказионализам Иве Андрића *будибокснамњак, -ака м ков. индив. в. будибокснама (2)*. – Е, сам је будибокснамњак у њему! *Андр. II.* који је настао суфиксацијом другог значења наведене лексеме која је у ствари еуфемизам за *ђавола*. Да је фразеологизам **буди Бог с нама** био продуктивна творбена база и за нове оказионализме свједок смо и сами. На научном скупу одржаном прије годину дана у Црногорској академији наука и умјетности професор Радојица Јовићевић у свом реферату *Актуелне лексичке и граматичке а{б}но{р}малије*, критикујући новинарски стил и културу говора појединих посленика јавне ријечи назвао је изјаве неких од њих *будибокснамицама*: „У овој прилици навешћу само неке из обиља језичких будибокснамица што се готово свакодневно јављају у нашим медијима“ [Јовићевић 2012: 12]. Творбени модел новонасталог оказионализма је прозиран. Јасно је да је и у овом случају

творбена база био придјев *будибокснама*, формант суфикс *-иц(а)*, а нова именица са значењем ‘нешто бесмислено, будалаштина’ уствари је синонимична именици *бесмислица* по чијем је творбеном моделу околиционална именица и настала.

1.3. У ранијем раду који је посвећен фразеолошким питањима истакли смо да се: „код фразеолошких јединица мора водити рачуна не само о граматичкој структури, семантици, синтаксичкој функцији, већ и о унутарсистемским односима између самих фразеолошких јединица, као и о њиховом поријеклу. Такав приступ омогућава тачан и досљедан опис њихових парадигматских односа који свој одраз налазе у лексикографској фиксацији. Није свеједно да ли су се из одређеног фразеологизма развила два потпуно нова значења, па смо добили хомониме, или је тај фразеологизам полисемичан. Одлучујућу улогу притом игра процес фразеолошке транспозиције који одређене фразеолошке жанрове преводи у друге, при чему долази до промјене како категоријалног значења тако и семантике фразеолошких јединица. Како ћемо видјети на наредним примјерима, крајњи исход фразеолошке транспозиције у неким случајевима јесте срашћивање фразеолошке јединице које доводи до њеног нестанка и преласка у лексеме *зџбога*, *дџбџдџ*, *бџгами*, *бџгзнџ*, *акџбџдџ*. Као и у ауторском тексту, и у нашим лексикографским издањима писање наведених језичких јединица, које су несумњиво по поријеклу фразеолошке, несистематично је и недосљедно. За то је само дјелимично крива њихова семантичка и функционална нестабилност која карактерише поједине случајеве као прелазне, па се тек контекстуалном употребом наведених јединица открива њихово конкретно значење. По нашем мишљењу, првобитне фразеолошке јединице (које могу бити из жанра узречица *ако Бог да*, заклетви *Бога ми*, за *Бога* или клетви *да Бог да*) пожељно би било писати растављено и са великим почетним словом компоненте Бог јер оне чувају, иако изблиједјелу, унутрашњу форму фразеологизама којима се човјек обраћао божанству. У оним случајевима када дође до помјерања значења изворних фразеологизама, често праћеног и промјеном прозодије, као и синтаксичке функције, долази до лексикализације, чији су продукт самосталне лексеме *зџбога*, *дџбџдџ*, *бџгами*, *бџгзнџ*, *акџбџдџ*. У оваквим случајевима процес фразеолошке транспозиције дјелује као мотиватор творбеног процеса” [Пејановић 2012].

2. Илустроваћемо наведене редове конкретним примјерима језичких јединица које су у центру наше пажње тако што ћемо прво дати приказ њиховог лексикографског описа у различитим рјечницима српског језика, а затим примјере њихове контекстуалне употребе у старијим и новијим текстовима:

зџбога речца **1. а.** у *усрдној молби*, *преклињању*. – Не, за Бога Мирко господаре (НП Вук 5, 1), Но, за Бога, Хамза капетане **б.** *кад се истиче да се свакако, по сваку цену треба придржавати неког упутства, забране и сл.* **2. а.** *при изненађењу, недоумици кад се са нестрпљењем и стрепњом очекује одговор б.* *при негодовању, прекоравању, исказивању незадовољства или нестрпљења због нечијег неоправданог става, држања, због тога што се нешто не схвата: та, ама в.* *кад се истиче природност, разумљивост нечега* [Речник САНУ V 1968: 510]

зџбога узвична речца *а)* *за изражавање чуђења б)* *у молби, преклињању в)* *за истицање* [Речник МС–МХ II 1967: 65]

забога прилог 1) обично у изненађењу б) у молби, преклињати, привољавати [Станић I 1990: 205]

забога речца разг. 1. а. у молби, преклињању б. за изражавање чуђења, изненађења, негодовања в. кад се истиче природност, разумљивост нечега [Речник СЈ 2007: 380]

забога и *за бога* речца за преклињање: ако бога знате [Стевановић I 1983: 222]

за бога милога за чуђење и прекор [Речник МС–МХ I 1967: 230]

за бога милога за изражавање чуђења и прекора: *забога, побогу* [Речник СЈ 2007: 96]

1. У разлог се људи, за *једнога* Бога! Немојте ме наћерати да данимице пијем братску крв! [Љубиша 2006: 138].

2. »У разлог се дакле, за *једнога* Бога да не изгинемо лудо! [Љубиша 2006: 161].

3. Није шала дохваћати туђе ђевојке на путу и силимице вјенчавати. »Но се у памет, за *једнога* Бога, да ово домаће зло искоријенимо, док смо на вријеме! [Љубиша 2006: 240].

4. »У разлог се, пашо, за *милога* Бога«, достави Мирчета, »аманиши и чуј [Љубиша 2006: 142].

5. Но, за Бога, побратиме, сад или икад помози! Ако ли се мртва влада млетачка не обрати и нас властелу не обрани од овије Срба, идем у Турчина да љубим паши папучу [Љубиша 2006: 105].

6. А крвник му рече: »Ако истину не кажеш, овако ћу те мучити док ти душа кроз ноздре испане!« А Мијат потхвати: »Немам за Бога, да кажем ништа више од онога што сте чули, тако ме Бог избавио из вашијех рука« [Љубиша 2006: 176].

7. „А за Бога, мој куме Манојле!

„Што продате кума за цекине?

„Platio ga svetome Jovanu!”

[Kumovanje Grčića Manojla]

8. “А за Бога, моја мила мајко!

“Kad m’ odvoji od oca mojega,

“Koji nema do mene jednoga,

“Kud ćemo se, majko, dijevati?”

[Jovan i divski starješina]

9. А за Бога, ostarala мајко!

odriješi moje b’jele ruke,

[Ropstvo i ženidba Jakšića Šćepana]

10. “О Најкуно, за Бога једнога!

“Nigda ti se poturčiti ne ću,

11. Brate Makso, за Бога једнога!

“Što ti krvav’ jabuk’ u njedrima?”

[Ženidba Maksima Crnojevića],

12. А Šćepan је ćordu pripasao,

А đevici ријеч бесјedio:

“Jaši konja, за Бога, Најкуно!”

13. Бјеж забога пресвети патрика:

ноћас татар стиже из Стамбола

поганоме паши Караману

да ти живот узме на мукама,

[ШМ: 515 стих],

14. Ах *забога*, причајте ми браћо:
 је ли когод од вас претекао
 од срећнега дана суђенога,
 од полома силе песијанске?
 [ШМ: 1761 стих].

Из свих наведених примјера слиједи да се фразеолошка конструкција *за Бога (милога, једнога)* првобитно употребљавала у говорном чину као заклетва и преклињање и да је могла да се користи са атрибутом *милога, једнога* (примјери 1, 2, 3, 4, 10, 11) или без њега (остали примјери). Позивање на Бога, заклетва Богом има функцију или наглашене молбе (преклињања) или увјеравања у истинитост тврдње која се износи. Да је то тако потврђују и наведени примјери из епских пјесама из којих се може закључити да у реченици првобитна заклетва најчешће стоји уз обраћања (вокативе), узвике и друге интензификаторске јединице и у том низу јединица са фатичком функцијом има додатну функцију модификације израза, тј. истицања. Што се тиче њене синтаксичке позиције, може се наћи како у препозицији тако и у интерпозицији и постпозицији.

У првобитној заклетви *за Бога (милога, једнога)* постепено је елидиран атрибут, и он је, како се види из наведених примјера, могао бити и у препозицији и у постпозицији у односу на управну именицу коју одређује. Првобитна заклетва се све чешће користила без атрибута, уз то је њен семантички садржај постепено блиједио и она је прелазила у узречицу, да би у новој етапи дошло и до промјене прозодије, тако што се акценат са облика акузатива теонима у деривату пренио на први дио сраслице и промијенио се у краткосилазни, а посредан доказ коначног срашћивања огледа се и на ортографском нивоу када имамо фиксиран распоред компоненти некадашње фразеолошке конструкције, спојено писање и њен преображај у лексему *з`бога* која је у савременом језику рјечца са интензификаторском функцијом.

Аналоган пут у процесу лексикализације прешла је и рјечца *б`гами (б`гати)*. Фразеолошком транспозицијом од првобитне заклетве, преко узречице до рјечце. У томе процесу који је праћен пресемантизацијом и промјеном функције језичке јединице једино није дошло до промјене прозодије.

бога ми 1) заклетва богом 2) а) речца за појачавање и наглашавање: чак б) стварно, заиста, збиља [Речник МС–МХ I 1967: 230]

б`гами прилог за појачавање тврдње, за придавање веће пажње исказу, баш, вала, заиста [Речнику САНУ I 1959: 679]

б`гами прилог за појачавање тврдње: баш, заиста [Речник СЈ 2007: 96]

б`гами узвик и речца 1) тако ми бога 2) да, заиста, одиста [Станић I 1990: 46]

б`гати узвик и речца 1) тако ти бога 2) заиста [Станић I 1990: 46]

1. – »Пак се у оволико града не мога наћи дужду заточника?« – реци – ја – »Не, Бога ми, ниједнога«, одговори Брачанин, »свакому је меко пред собом« [Љубиша 2006: 77].

2. »Нећу прав, Бога ми, закључи Мијат, »но ћу радити да се замијени, да барем имам с чега мријети.« [Љубиша 2006: 175].

3. »Идем дома, а немам га, Бога ми!« [Љубиша 2006: 189].

4. »Не руга, *Бога ми*, нико ко је рађа!« [Љубиша 2006: 237].
5. »Хајде да копамо, *Бога ти*, да већ не залијећем новца« [Љубиша 2006: 35].
6. »А да ну, *бога ти*, Грујо«, поврне Лука упртијем очима, »причај ми шта је тамо горе у вас нова?« [Љубиша 2006: 61].
7. »Немој се, *Бога ти*, с боницом гријешити.« [Љубиша 2006: 167].
8. Ми Шћепана сада нагрдисмо;
што је Шћепан, то је ствар од ништа —
народњега цара изгубисмо;
а *Бога ти*: куд ће већи изгуб?
[ШМ: 3192 стих].

3. У Речнику САНУ међу изразима нема фразеологизма *ако бђг да̑*, али је наведен у загради у рјечничкој одредници последице лексеме *акђбђгдђ* (*ако бђг да̑*) и објашњава се као полисемични прилог са значењем 1. *по свој прилици, вероватно, ако буде божја воља, надам се* и значењем 2. *куда, камо* [Речник САНУ I 1959: 55]. Као израз за исказивање наде, вјеровања тумачи се у одредници *бђг* у Речнику Његошева језика и илуструје са неколико примјера из Пјесама, али и из Писама [Стевановић I 1983: 38]. На другом мјесту у рјечнику у одредници *ако* поред израза *ако бог да* даје се и варијанти облик састављено написан као лексема која се илуструје примјером из Горског вијенца, а дефинише се као *модална речца* са значењем *ваљда, надајмо се* [Стевановић I 1983: 4]. Најновији општи рјечник српског језика даје само лексему *акђбђгдђ* са два значења, дефинишући је као прилог, слично као Речник САНУ, али редукујући број примјера употребе уз додаток стилске ознаке *нар.* за друго значење 2. *куда, камо* [Речник СЈ 2007: 22]. Слично се семантизује и у дијалекатском Ускочком речнику као прилог са два значења [Станић I 1990: 5]. Шестотомни рјечник Матице српске и Матице хрватске наш израз даје последице одреднице *бђг* у облику *ако бог да* и *ако да бог* са значењем *ваљда, надам се* [Речник МС–МХ I 1967: 230], али и у посебној одредници наводи двозначни прилог *акђбђгдђ*, а семантизује га као и претходни рјечници [Речник МС–МХ I 1967: 57].

1. »Ти нас завади Турцима пак ћеш брзо, *ако Бог да*, у Русију, а ми ошадосмо сиротни и бесудни.« [Љубиша 2006: 55].
2. »Кад се ви (*ако Бог да*) повратите здраво и весело у Котор, ми ћемо вас окупати и под затвором држати цијелу недјељу дана...« [Љубиша 2006: 210].
3. »Пођи дакле што прије дома, понеси браћи својој поздрав, и милост дуждеву, и нека му пошљу бржебоље заточника, њему пристојна стасом и јунаштвом, који ће им, *ако да Бог*, притврдити дику и срећу« [Љубиша 2006: 79].
4. »Да ну ми, мајко, одгонетај како ћеш сутра да гаташ?«
»Добро, синко *ако да Бог* поврне Катна озбиљно.« [Љубиша 2006: 87].
5. Земље су мирне, а дужни нијесмо никому, осим љубави. Проћи ћеш *ако да Бог* лако [Љубиша 2006: 89].
6. Од таквих скица – узда се Јоксимовић – развиће доцније, *ако Бог да* „Рукопис у настајању”: хартија трпи свашта! [Брђанин 2010: 33].
7. Јер, боже мој, треба да доживи да му се синови пожене, па да му се роде унуци, па, *ако Бог да* здравља, ваљало би виђети и код унука унуче [Мацановић 2007: 186].

8. Штедио га је за Милачу, да га *ако бог да* први пут с њом испроба. [Мацановић 2007: 56].
9. Побратиме, по турски лудујеш —
то је вама у траг остануло.
Не брижи се нама, *ако Бог да*:
ми смо вјешти турскијем гостима —
[ШМ: 721 стих].
10. и сад ћемо, побре, *ако Бог да* —
памти добро хоћу ли лагати.
[ШМ: 726 стих].
11. Ми смо једно били и бићемо:
домаћа се чељад посвађала,
па ћемо се смирит *акобогда*
[ШМ: 3082 стих].

Као што се види, фразеологизам *ако бђг да* употребљавао се и са редослиједом компоненти *ако да бђг* (примјер 3, 4. и 5.). Осим тога, и компонента теоним писана је некад са великим, а некад са малим почетним словом (примјер 7. и 8.). Такође, чак код истог аутора, може бити састављено или растављено написана (примјер 10. и 11.). Све наведено потврђује не само недефинисану нормативну праксу што се тиче анализираних језичких јединица већ и њихову стварну дуалистичку природу.

4. Анализирани сраслице које су несумњиво настале у говорним чиновима у којима се човјек обраћао божанству различитим поводом по поријеклу су фразеолошке јединице различитих жанрова – клетве, заклетве или узречице. У историјском развоју током дуге и фреквентне употребе њихова семантичка вриједност и унутрашња форма је постепено блиједјела, функција заклетве замијењена је узречицама, да би на крају биле транспоноване у експресивне рјечце које модификују значење исказа. Интересантно је да се према морфемском саставу три сраслице, *акђбђгдђ*, *дђбђгдђ*, *бђгзнђ*, састоје од исте компоненте – облика номинатива теонима *Бог*, а као другу компоненту имају облик 3. л. једине глагола, прве двије *дати*, трећа *знати*. За разлику од њих, новонастале рјечце *бђгами* и *зђбога* у морфемском саставу садрже облике зависних падежа компоненте *Бог* (генитива и акузатива), дакле, једну аутосемантичку ријеч и предлог *за*, односно, енклитички облик датива личне замјенице у посесивном значењу, тј. синсемантичку ријеч. Процес синтаксичке творбе језичких јединица *бђгами*, *зђбога* коначан је и за ове двије лексеме можемо рећи да је њиховом лексикализацијом и преласком у рјечце са интензификаторском функцијом завршен процес фразеолошке транспозиције. А то значи да су у току фразеолошке транспозиције пређене етапе у којима су наведене језичке јединице од функције првобитних заклетви, преко узречица као десемантизованих језичких јединица које су подврста фразеолошких јединица (према нашој терминологији фразеолошких жанрова), у савременом језику добиле функцију рјечци.

Нешто је другачија ситуација када су у питању језичке јединице *ако Бђг да*, *да Бђг да*, *Бђг знђ*. Изгледа да је на њихово коначно срашћивање утицај

имала прозирна унутрашња форма фразеолошког израза. Наиме, компоненту теоним *Бђг* корисници језика повремено доживљавају у примарном значењу. Та двострука актуализација унутрашње форме фразеологизма и доводи до њене двоструке употребе у језику – фразеолошке *ако Бђг да, Бђг зна, да Бђг да* и лексичке *акобђгдђ, дабђгдђ, бђгзнђ*. Коначно срашћивање фразеолошких израза такође омета и буквална перцепција другог дијела сраслице, презента глагола *знати*, односно, *дати*.

Реченична структура творбене базе и предикативност која из ње проистиче одражава се и на категоријални статус новонасталих лексема. Ми, наиме, сматрамо да ова чињеница, као и реконструкција њиховог примарног значења и употребе може бити од помоћи у одређивању којој врсти ријечи припадају деривати – нове лексема настале лексикализацијом. Обимна грађа којом располажемо потврђује да су фразеолошки изрази који су творбена база настали и употребљавани у говорним чиновима као одговори на питања: *ако Бђг да* ‘надам се’, *Бђг зна* ‘не знам, не зна се’, *да Бђг да* ‘нека буде тако како очекујем’. Из семантизације је очигледна њихова прагматичка функција, тј. њихов модални карактер који одражава став говорника, стога и у новонасталим лексемама-дериватима преовладава модификациона функција рјечци.

За разлику од наведених језичких јединица, до актуализације буквалног значења израза не долази тако често у случају лексема *бђгами* и *зђбога* јер је њихова унутрашња форма затамњена усљед чињенице да један дио сраслице чини зависни падеж компоненте теонима. Изгледа да се аутосемантичке ријечи теже и спорије утапају у нова значења и структуре од синсемантичких, што је и очекивано јер су оне знакови појединачног денотата, док су ове друге тек знакови различитих односа који могу бити и вишеструки, па стога нису маркирани.

ЛИТЕРАТУРА И ИЗВОРИ

- Barić i dr. 1997: E. Barić, M. Lončarić, D. Malić, S. Pavešić, M. Peti, V. Zečević, M. Znika, *Hrvatska gramatika*, II promijenjeno izdanje, Školska knjiga, Zagreb.
- Брђанин 2010: Б. Брђанин Бајовић, *Сила / Пут у завичај*, Београд.
- ГВ 2005: П. Петровић-Његош, *Горски вијенац*. Критичко издање, Текстологија, Редакција и коментар Радмило Маројевић, Подгорица.
- Гужва 1978: Ф. К. Гужва, *Современный русский литературный язык*, Часть I, под редакцией профессора Н. А. Кондрашова, Киев.
- Гридина, Коновалова 2007: Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, *Современный русский язык, Словообразование*, Теория, алгоритмы анализа, тренинг, Учебное пособие, Москва.
- Земская 2006: Е. А. Земская, *Современный русский язык, Словообразование*, Учебное пособие, Третье издание, исправленное, Москва.
- Јовићевић 2012: Р. Јовићевић, Актуелне лексичке и граматичке а{б}но{р}малије, *Осми лингвистички скуп „Бошковићеви дани”*, Радови са научног скупа, Подгорица, 27. мај 2012., бр. 36, 11–16.

- Клајн 2002 I: И. Клајн, *Творба речи у савременом српском језику*, Први део, *Слагање и префиксација*, Београд, (Прилози граматичи српскога језика. I)
- Љубиша 2006: С. М. Љубиша, *Приповјести црногорске и приморске*, Приредио академик Ново Вуковић, Цетиње.
- Матешић 1982: Ј. Матешић, *Фразеолошки рјечник хрватскога или српскога језика*, Загреб.
- Мацановић 2007: Н. Мацановић, *Путеви божјих заборавника*, Подгорица.
- Пејанович 2008: А. Пејанович, Постоянне епитеты как етнокультурные маркеры и их фразеологическая транспозиция, Москва: *Филологические науки*, № 6, 89–98.
- Пејановић 2009: А. Пејановић, Фразеолошка транспозиција и њена лексикографска интерпретација, *Седми лингвистички скуп „Бошковићеви дани”*, Радови са научног скупа „Лексикологија и лексикографија”: Подгорица, 23. и 24. мај 2008., бр. 31, 435–443.
- Пејановић 2010: А. Пејановић, *Фразеологија Горског вијенца*: фразеолошки жанрови, културни концепти, руски преводи, Подгорица.
- Пејановић 2012: А. Пејановић, Нормативна и ауторска употреба фразеологије, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, Београд, 15–17. IX 2011, књ. 41/1, 471–478.
- Правопис СЈ 2010: М. Пешикан, Ј. Јерковић, М. Пижурица, *Правопис српскога језика*, Измењено и допуњено екавско изд., Нови Сад: Матица српска.
- Речник САНУ I 1959: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, Књ. I. Београд.
- Речник МС–МХ 1967 I: *Речник српскохрватскога књижевног језика*, Књ. I. Нови Сад–Загреб.
- Речник СЈ 2007: *Речник српскога језика*, [Израдили Милица Вујанић и др.; редиговао и уредио Мирослав Николић], Нови Сад.
- Стевановић и др. 1983 I: *Речник језика Петра II Петровића Његоша*, [На корицама: *Речник Његошева језика*]. Израдили Михаило Стевановић и сарадници Милица Вујанић, Милан Одавић и Милосав Тешић. Уредник Михаило Стевановић. Књ. I. Београд–Титоград–Цетиње.
- Стевановић и др. 1983 II: *Речник језика Петра II Петровића Његоша*, [На корицама: *Речник Његошева језика*]. Израдили Михаило Стевановић и сарадници Милица Вујанић, Милан Одавић и Милосав Тешић. Уредник Михаило Стевановић, Књ. II. Београд–Титоград–Цетиње.
- Речник САНУ IV 1966: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, Књ. IV, Београд.
- Речник САНУ V 1968: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, Књ. V, Београд.
- Srpske narodne pjesme 1845, Skupio ih i na svijet izdao Vuk Stef. Karadžić, Knjiga druga u kojoj su pjesme junačke najstarije, u Већу, u štampariji jermenskoga manastira, Internet izdanje.
- Станић I 1990: М. Станић, *Ускочки речник*, Књига прва, Београд.
- Станић II 1990: М. Станић, *Ускочки речник*, Књига друга, Београд.

- Tafra 2005: **B. Tafra**, *Od riječi do rječnika*, Školska knjiga, Zagreb, 115–123.
- Ђорић 2012: Б. Ђорић, Деривација, лексикологија, лексикографија (општи поглед на узајамност), *Осми лингвистички скуп „Бошковићеви дани”*, Радови са научног скупа, Подгорица, 27. мај 2012., бр. 36, 23–30.
- ШМ: П. Петровић-Његош, *Лажни цар Шћепан Мали*, Критичко издање, Текстологија, Редакција и коментар Радмило Маројевић, [у припреми].

Анна Б. Пејановић

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК МОТИВИРУЮЩАЯ БАЗА
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Резюме

В настоящей статье обсуждается процесс сращения фразеологических единиц, рассматривающийся как один из безафиксных способов словообразования сербского языка. Фразеологические единицы сербского языка, содержащи е в своем составе компонент *Бог*, в словообразовательном процессе выступают в качестве мотивирующей базы.

На материале произведений художественной литературы, как современных писателей, так и классиков сербской литературы, автором сделана попытка выявить значение и функционирование данных языковых единиц, к тому данные языковые единицы освещаются и в лексикографическом и орфографическом аспекте.

ПРВОСЛАВ Т. РАДИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ, Р. СРБИЈА

О ЈЕДНОМ ТВОРБЕНОМ БАЛКАНИЗМУ У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ**

Глаголски суфикс *-оса*: порекло и распрострањеност***

Сажетак. У раду се разматра порекло и распрострањеност глаголског суфикса *-оса* у српском језику. Указује се на досадашња тумачења порекла овог суфикса, која углавном говоре о грчком утицају, и нуде се нова решења у вези с тим питањем. Констатирају се везаност овог суфикса за источне српске говоре (пре свега призренско-тимочке и косовско-ресавске, те и зетско-рашке) и утврђује спорадични домет овог балканизма према западнијим говорима. То су области у које ова језичка црта допире са балканског истока и југоистока, из македонско-бугарске регије, иако се не могу занемарити изворишта, вероватно и супстратска, из призренско-тимочких говора.

Кључне речи: српски језик, глаголски суфикс *-оса*, изоглосе, продуктивност, балканизам, романски утицаји.

1. Увод

О пореклу глаголских *с*-суфикса (нпр. *-са*, *-иса*, *-оса*) у балканословенским језицима у науци углавном није било спорова. Низ истраживача, чија је пажња од почетка више била усмеравана према раширенијој и продуктивнијој варијанти *-иса*, већ поодавно указује на њихово грчко, а у вези са варијантом *-д/т-иса* (са турском претериталном морфемом *d/t*) и грчко-турско порекло (нпр. Miklosich 1889: 8, Mazon 1925: 265–273, Vasmer 1944: 38–39, Белић 1949: 270, Stachowski 1961: 67–81). Ове суфиксалне варијанте доводе се у везу са грчком аорисном морфемом *-σ-*, која је у споју са различитим глаголским основама у грчком језику градила аористе са завршецима *-σα*, *-ισα*, *-ωσα*. Под окриљем балканистичких процеса ови завршеци затим посредством позајмљеница из грчког почињу да творбено утичу на глаголске системе осталих балканских језика (арумунски, румунски,

---

* e-mail: prvoslavr@yahoo.com

** Овај рад је настао у оквиру пројекта бр. 178006, под називом *Српски језик и његови ресурси: опис, теорије и примена*, који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

*** Прилог представља део једног мог свеобухватнијег рада о суфиксу *-оса* у српском језику, и у њему ћу се за ову прилику задржати тек на појединим питањима везаним за ову творбено морфему. Овде представљен језички материјал је, отуда, битно условљен одабраном темом и као такав сведен на најнеопходнији обим.

шиптарски), укључујући и словенски ареал: српски, македонски и бугарски језик (Skok 1971–1973: -isati¹).¹ У истраживању настанка ових творбених морфема у науци се ретко и спорадично трагало за другим решењима, која би, на пример, полазила од другачијих језичких утицаја. Такође се није посебно трагало ни за унутарњим импулсима који су могли подржати учвршћење ових суфиксалних варијанти у језицима примаоцима. Ипак, у новије време је указано на могућност различитог порекла суфикса *-иса* и *-оса* у балканословенским језицима или појединим њиховим дијалектима (Радић 1998: 183–184, Радић 2010: 227–228).² Вероватно полазећи од могућих узајамних односа између језика примаоца и језика даваоца, у србистици је, на пример, у вези с овим указано и на присуство *-иса* као завршетка у домаћим образовањима типа *пòдисати*, *у̀здисати* (Стевановић 1975: 577). У македонистици је, пак, у овом смислу, истакнута посебност појединих образовања попут *староса* („ми изгледа така темно и старосано“), *скиселоса* („скиселосаната и зовриена од лутина жена“) (у текстовима К. Урдина, Радић 1995: 70), за које се може претпоставити и извесна творбена релација према именичким образовањима апстрактног значења типа *старос(т)* и *киселос(т)*. На могућност управо оваквих творбених укрштања указују и поједини примери из ранијих периода (исп. *мертвостан* код Ј. Крчовског, Исто: 59–60). На ту везу са суфиксом *-оса* можда указују и блиска придевска образовања на *-(а)н*, попут *мило(а)н*, *радос(а)н*, посебно дијалекатски примери типа *áлос(а)н*, *вѝлос(а)н*, *јáкос(а)н* заступљени у говорима југоисточне Србије, који управо одговарају ситуацији са ширег јужнословенског простора (исп. словен. *bedosten*, *milosten*, *jakosten*, Вајес 1952: 37).³ И анализа творбених полукалкава типа срп. *проклетиса/мул* (← *анатемиса/ти*), мак. *кртоса* (← *ставроса*) (Исто), вероватно насталих према грчком изворнику, можда би показала да је и ово био један од начина прихватања и ширења ових суфикса у балканословенским језицима.

Иако се с-суфикси рано почињу укоренивати у балканословенској глаголској творбеној структури, изгледа да варијанте *-оса*, за разлику, на пример, од *-иса*, нема на почецима хришћанске писмености у текстовима овог поднебља (исп. Асенова 1989: 43), или је она врло ретка (исп. Vasmer 1944: 38–39). Као да је до продора суфикса *-оса* дошло касније, а можда је у функционалностилој дистрибуцији он имао статус који се у писмености (тадашњој) није могао посебно исказати. У сваком случају, у балканословенским народним говорима ова глаголска творбена морфема данас се може сматрати продуктивном, о чему нам говори следећи одељак.

¹ П. Скок у ову групу суфикса укључује ширу скалу творбених морфема, исп.: „Ovamo će još ići *šepasāti* pored *šepēsāti* (ŽK) od *šēpav*“ (Skok 1971–1973: -isati¹), иако ово, сматрам, представља посебно питање. Приступ сличан Скоковом негује М. Аргировски (1993) и др.

² Тако, И. Клајн, нпр., бележи да је „-Осати (-ошем) [...] вероватно грчког порекла, као и *-иса-ти*“ (Клајн 2003: 332, спац. П.Р.), непосредно упућујући и на поменути Скоков прилог. (Судећи по другим деловима студије, Клајн не доводи у питање грчко порекло суфикса *-иса*. Исто: 339, 352).

³ Штавише, изгледа да су се у појединим семантичким категоријама ови придевски суфикси у српском језику могли укретити (исп. широко распрострањено *алдсан*, -а, можда и *вилдсан*, -а).

2. О територијалном домету суфикса у српским областима

Пратећи главне правце територијалног распрострањавања овог суфикса према јужнословенском западу, на српској територији се јасно уочава његова продуктивност на истоку и југоистоку и слабљење те продуктивности како се иде према западним областима. Као репрезентативан узео следећи речнички материјал:⁴ *гладјосати* ('изнемогне од глади, ослаби од глади'), *задавосати* („Сбг чу те задавошем“), *збабосати се* ('остари пре времена, направи се на бабу'), *згуљосати* ('здере, огули'), *огуљосати* („огуљосан“, 'огуљен'), *пукњосати се* („пукњосуе се“, 'рађа се (дете)'), *разгрудосати се* ('рашири се у грудима; ојача, оснажи се'), *смакљосати* („Смакљбше панталоне“), *смирјаносати се* ('смири се') – Динић 1988; *бељосати* ('бити у невољи, беди, патити се, мучити се'),⁵ *затињосати се* ('покрити се тињом, муљем, благом'), *капосати* ('дуго седети, чекати, боравити; окапавати'), *крвљосати* ('крварити, прокрварити'), *кртосати* ('пресећи што у виду крста; укрштати; држати руке прекрштено (не радећи ништа); скитати, тумарати без циља и посла'), *псетосати* ('живети као пас, мучити се, водити псећи живот'), *родосати се* ('својатати се, бити у родбинским односима'), *сватосати се* ('сватити се, ступати у сродство женидбено-удадбеним везама'), *спепелосати (се)* ('претворити се у пепео; добити боју пепела, сасушити се, спећи се'), *цабосати* ('проводити дане узалуд, ленствовати')⁶ – Живковић 1987; *биљосати се* ('1. отрујем се лековима; 2. насекирам се') / *биљосати* („биљосан“, 'папрено љут'), *врбосати* ('врбом ограђујем', Д. М. Ђорђевић), *земљосати се* („Мртавац је тежи од живог човека, јер се 'земљоше““, Д. М. Ђорђевић), *мечкосати се* ('трапавим') / *мечкосати* („мечкосан“, 'претерано угојен човек'), *мртвосати се* ('физички се опу[с]тим') / *мртвосати* („мртвосан“, 'мртав уморан'), *пачавросати [се]* ('прљам се, замазујем се'),⁷ *продрљосати* ('прочистим, продрљашим'), *пустосати* („пустосујем“, 'проклињем да остане нешто пусто'), *слунчосати се* („слунчошем се“, 'удара ме сунчаница'), *стипсосати* ('перем у стипси', Д. М. Ђорђевић), *ћивдеросати* ('побесним од муке')⁸ – Митровић 1984; *алосати се* („алосујем се“, 'деформишем се од дебљине'), *водосати* („водошем“, 'претворим се у воду'), *глађосати* („глађосујем“, 'слабим од глади'), *земљосати* („земљошем“, 'добијем боју земље'), *јадосати* („јадосујем“, 'јадујем'), *констросати* („констросујем“, 'оговарам'),⁹ *крвљосати* („крвљосан“, 'који је оболео и има превише крви, обично

⁴ Основа материјала који наводим углавном је преузета из Радић 1995: 61–88. Ради уједначеног морфолошког представљања прикупљених глаголских облика, сви су они овде дати у форми инфинитива, а не нпр. презента, како се јавља у делу литературе посвећене призренско-тимочким говорима. (Ови говори, наиме, не познају инфинитив.) Томе је придружен и један број облика изворно забележених у трпном придеву, што је у представљеном материјалу додатно истицано, ако се то из извора могло закључити.

⁵ Исп. туп. *beláhy* 'nesrećan, jadan, nevaljast, ono što je skorčano s mukama i brigama' (Škaljić 1979: belájlji).

⁶ Исп. туп. *caba* 'badava, besplatno; zalud' (Škaljić 1979: džābē).

⁷ Исп. туп. *pačavra* 'krpetina, komad starog platna ili haljinčeta koje služi samo za čišćenje i brisanje prašine; nešto bezvrijedno što se baca u otpatke' (Škaljić 1979: pačāvra).

⁸ Исп. туп. *čivit* 'modrilo (vrsta boje)' (Škaljić 1979: čivit).

⁹ Исп. у истом извору: *kónitrača* 'врста змије отровнице'.

због врућине (код оваца)'), *муљосати* („муљосан“, ’плеснив’),¹⁰ *пустосати* („пустосујем“, ’проклињем’), *рђосати* („рђосан“, ’зарђао’, исп. Рђа рђосана, ’особа недоличног понашања’), *сљскосати* („сљскóшем“, ’оболим од туберкулозе’),¹¹ *свитосати* („свитошем“, ’силно ударим’), *слунчосати се* („слунчосује се“, ’пропада на сунцу (воће)'), *снемосати* („снемóшем“, ’уништим; затрем’), *стунтосати* („стунтошем“, ’побегнем; киднем’, слично уз: „тунтошем“),¹² *тафросати се* („тафросујем се“, ’облачим се отмено; гиздам се’),¹³ *ћудосати се* („ћудóшем се“, ’постанем ћудљив’. Исп.: „Тај се жена ћудосала и не може никој с њом на крај да искочи“), *цѐрмосати* („цѐрмóшем“, ’оболим од церме (костобоље)'), *чарапосати* („чарапóсан“, ’који није при чистој памети’) – Златановић 1998; *беддсат* (’зло радити, каже се за неку радњу кад се ради без воље, по невољи’), *мирдсат* („Мирóши ми, пòпе, овдó дѐте“), *огњдсат* (’фиг. срати, опоганити се’), *пѐтдсат* (’учинити да се нешто начини пиктијасто’), *трпљдсат* (’лежати, боловати трпију’, „Трпѝја трпљдсана“) – Елезовић 1932–1935; *изренддсат* (’изрендисати’, 101), *муњдсат* („мўња те муњдсала“, 101), *тоњдсат се* (’пропасти, пропадати (о намирницама, нпр. кромпиру, грожђу и сл.)’, 124) – Радић 2010; *глеждсат* (500), *зумбдсат* (509), *крвљд[с]ат*, *смрддсат* (500), *тавандсат*, *турпијдсат* (510) – Симић 1972; *вилосати* („вилосан“), *глеђосати*, *замајосати се* (’забавити се, задржати се’), *каптосати* (’1. за нешто што је пало (обично воће) и густо прекрило земљу; 2. затворити (нпр. изворе’), *коњосати* (’1. претерано радити; 2. спавати’), *курвосати се*, *мртвосати* („мртвосан“, ’обамо, нпр. од пића’), *распекмезосати* (’почети плакати, цмиздрити’), *скаменосати се* (’скаменити се’), *скљосати се* (’сломити се, скршити се’), *смирњосати се*, *спиктијосати се*, *уљосати* („уљосао панталоне“), *уџибросати се* (’1. натопити се џибром; 2. напити се’), *ушљивосати се* (’напити се’) – М. Иванча, Космај (моја грађа).¹⁴

Ове и друге потврде показују да је ова изоглоса врло снажна у наведеним источним и југоисточним српским областима, укључујући на северу српске језичке оазе у југозападној Румунији, а на југу у северној Македонији. Но, трагајући за западним донетима ове изоглосе, дијалектолошка литература нуди далеко скромнију грађу, исп.: *скордсџат* (’гронут (услед старости)’), 278) – Пешикан 1965; *вардсџат* (’кречити’), *врагдсџат* (’упропастити, уништити’), *офјаддсџат се* (’окористити се’) – Стијовић 1990; *кџносати* (’бојити галицом; бојити’, „трп. прид. кџносџан“, 189) – Ђукановић 1995; *жџгосати* („н. п. вола“), *шџкосати* (’ћушити’), *шџкосати* (= обложити шиком) – Карацић 1852; *смрдљосати* (’бити неактиван, вући се’) – Лазић 2008; *глеђосати* (348), *жџгосати* („жџгосџан“, 348) – Недељков 1984; *žigosati*, *šakosati* (: шака) (Жумберак) – Skok 1971–1973 (: -isati¹).

Иако скроман, наведени материјал показује да је територијални захват образовања са суфиксом *-оса* у српском језику пре свега везан за источне и југоисточне говоре Србије, те добрим делом за њене централне говоре – као и

¹⁰ Исп. у истом извору: *муљó* ’плесан’.

¹¹ Исп. у истом извору: *сљска* ’туберкулоза’.

¹² Исп. у истом извору: *тўнта* ’густ облак’; *тўнти* ’дими’.

¹³ Исп. у истом извору: *таффра* ’отменост; гиздавост’.

¹⁴ Информатор г. Томислав Јовановић.

за део источних, односно југоисточних говора Црне Горе. Према србистичкој дијалектолошкој терминологији, реч је пре свега о призренско-тимочком и косовско-ресавском дијалекту, као и о зетско-рашком дијалекту који је на јужном крилу познат под именом староцрногорски говори. То су углавном они српски говори који се налазе у чврстом контакту са македонско-бугарском језичком облашћу, или су у том контакту некада били (правац: јужна и југоисточна Ц. Гора – западна Македонија). Вероватно је, отуда, ова језичка црта у средишњим балканословенским говорима тек продужетак изоглосе која допире из југоисточних и источних области, у којима је ова творбена морфема, заједно са осталим глаголским *s*-суфиксима, добро заступљена (исп. Конески 1966: 184, Мирчев 1963: 66–67). У српским областима то су, уосталом, управо они говори који су заједно са својим македонско-бугарским залеђем претрпели снажне балканистичке утицаје, структурно се удаљавајући од западних српских говора, у којима се налази основица савременог српског књижевног језика. На то указује чињеница да је у западнијим областима, на пример већ у западној Србији, или Војводини (исп. Лазић 2008, Недељков 1984), овај суфикс слабо заступљен.¹⁵ Тако је за разлику од суфикса *-uca*, који ће добрим делом посредством турцизама (управо укључујући и турско-грчку контаминацију *-dusa / -musa*) бити разношен далеко до западних граница српског језика, или тзв. штокавштине (Радић 1995а: 55), – суфикс *-osa* остати везан за источније српске области, а његови западни домети (нпр. у западној Србији, Војводини, Босни и другде), тек за мали број, делом лексикализованих и миграцијама разнесених облика (исп. примере из досељеничког Жумберка). Отуда ће се код С. Бабића (1986: 454) овај суфикс наћи у групи са „Осталим суфиксима“ глаголским, на претпоследњем месту и са тек једним примером: *žigosati* (‘udarati / udariti žig’).¹⁶

Ипак, целовитија слика о продору овог суфикса према јужнословенском западу може се добити тек јаснијим увидом у хронологију ових процеса, за шта је потребан шири ослонац на податке из историјске дијалектологије. У језичком материјалу Галипољских Срба, на пример, за које поједине претпоставке говоре да су иселени из великоморавске области (Јагодина) у Турску у XVI или XVII веку (исп. Ивић 1957), изгледа да нема изведеница са суфиксом *-osa*, док оних са суфиксом *-uca* (тачније: *-dusa*) има.¹⁷ Можда то додатно поткрепљује претпоставку с почетка прилога да се суфикс *-osa* из македонско-бугарских, те источних и југоисточних српских области релативно касно почео ширити према средишњој Србији, у чему су му значајна метанастасичка подршка могле бити вардарско-моравска и косовско-метохијска миграциона струја из времена њихове појачане активности. И овде, међутим, област северне Албаније, као значајно српско

¹⁵ Разумљиво је, отуда, што ће он бити још мање присутан у текстовима писаним српским књижевним језиком, нарочито код писаца из западнијих крајева.

¹⁶ Иако је строг нормативистички приступ овде негован и према суфиксу *-uca*, овај суфикс је, ипак, заступљен са неколика примера и у различитим семантичким класификацијама (Исто: 454, 477).

¹⁷ Срби Галипољци су, притом, како показује овај Ивићев материјал, поред турских, претрпели и бројне грчке утицаје, али у њиховом језику нема творбене морфеме која се на широком балканском простору управо узима за грцизам (в. т. 1).

средњовековно миграционо чвориште и размеђа ових метанастазичких струја, остаје непознаница.

3. О миксоглотским творбеним преслижавањима

Представљена грађа говори о томе да је реч о образовањима која по више основа данас припадају дијалекатској и архаичној лексици (нпр. из области етнографије, митологије и др.), често и експресивно обележеној. Уочљиво је да су у својој изворној, потврђеној форми изведенице много пута заступљене у облику придева (трпног), као у примерима: *огуљосати* („огуљосан“), *биљосати* („биљосан“), *мечкосати* („мечкосан“), *мртвосати* („мртвосан“), *крвљосати* („крвљосан“), *муљосати* („муљосан“), *рђосати* („рђосан“), *чарапосати* („чарапосан“), *трпљдсат* (исп. „Трпђја трпљдсана“), а у појединим случајевима (исп. „немирбосан, не држј га на мира“, Златковић 1989: 382) суфикс *-осан* би се морао сматрати простом творбеном морфемом.¹⁸ Дакле, примарност придевске форме у великом броју потврда као да преусмерава проблем на придевски суфикс *-осан*,¹⁹ а сам тај опсег квалитативности у овим образовањима (од бројних потврда примарно придевских изведеница на *-осан*, до учешћа знатног броја медијалних глагола на *-оса*), наводи на закључак да порекло творбене морфеме *-оса(н)* можда треба тражити у каквом страном придевском суфиксу. Не улазећи у сложена питања могућих супстратских утицаја, већ нам савремено стање на Балкану указује на могуће путеве решења овог проблема. Румунски језик, на пример, познаје сличан придевски суфикс *-ios* латинског порекла (лат. *-osus*) у примерима типа: *mistăc-ios*, *negric-ios* (Тиктин 1945: 145–146), а у влашким говорима источне Србије (Пожаревац – Жагубица) и сâм сам бележио придевска образовања на *-uos* у примерима: *mustaš' uoš* (‘човек са великим брковима’), *ljənioš* (‘лењив’) и сл., свакако са истородном творбеном морфемом. И на јужном крилу, у говору македонских Арумунa, потврђене су бројне изведенице са овим придевским суфиксом, исп. *arən' oš* (‘mangy’), *arukutōš* (‘circular, round’), *frikōš* (‘fearful’), *həriōš* (‘joyful’), *k'ipitōš* (‘pointed, peak-like’), *minčunōš* (‘lying; liar’), *sənātōš* (‘strong, healthy’), *silnōš* (‘strong’), *vərtōš* (‘strong’), *žilōš* (‘sad, pitful’) (Gołab: 1984: 190–261, исп. и 83). Већ ово мало наведених изведеница, које нису без удела основа словенског порекла (нпр. у *žilōš*, исп. т. 1), показује да су по семантичким карактеристикама оне блиске стању у анализираној српској грађи (в. фус. 19). Подударности има и у другим детаљима. Може се приметити, на пример, да је и у романским и у српским (источнијим, тј. изворнијим) облицима акценат на истом месту – на морфемима *-ос-*. Суфикс *-осан* би, тако, могао бити својеврсна адаптација, миксоглотски производ

¹⁸ И са морфонолошког гледишта, за један број глаголских образовања могла би се управо претпоставити посредничка улога трпних глаголских придева, исп. *огуљосати* (: огуљен, Динић 1988), *напуљосати се* (: напуљен, Књажевац, РСАНУ), али и *смрдљосати* (: смрдљив, Лазић 2008), *вашљосати се* (: вашљив, Бољевац, РСАНУ). Низ консонантских алтернација са морфемског споја могао се механизовано ширити на друге примере, исп. *данчосати* (Расина, РСАНУ), *сунчосати се* (Митровић 1984) и сл.

¹⁹ У формално-граматичком смислу, у низу случајева (исп. *земљ-ос-ан*, *сунч-ос-ан*) морфема *-ос-* се јавља у функцији својеврсне семантичке интензификације. Но, и код изведеница са суфиксом *-ан* указано је на семантичку компоненту „пуности“ (Babić 1986: 411). То говори и о својеврсном семантичком слагању ових морфема у суфиксу *-осан* (в. даље).

романско-словенских творбених преслојавања истозначних творбених морфема (тј. редупликација *-ос + -ан*) на овом делу словенског Балкана, што, наравно, није могло проћи без одговарајуће подршке у домаћем творбеном систему (исп. т. 1), а затим и задирања у његову глаголску структуру. Као да на то симболички указује изведеница *жигосати* (са словенском основом, познатом и румунском, исп. Skok 1971–1973: žěći), најраспрострањенији облик на *-оса* на западном делу Балкана, који, свакако не случајно, управо припада области сточарске терминологије. А познато је да је на социо-културном плану примат у области сточарства на Балкану кроз читав средњи век припадао влашком (романском, одн. романизованом) становништву.

*

Глаголски суфикс *-оса* вероватно, дакле, припада корпусу балканистичких језичких појава у српском језику, односно кругу сложених романско-словенских морфолошких укрштања која су се вековима наслојавала на Балкану.²⁰ Но, даља истраживања у овом правцу не би смела искључити низ других важних питања, као што је питање творбено-семантичких категорија у којима учествује овај суфикс, питање порекла и развоја његове експресивности, његовог места у творбеном систему српског језика и др.

ИЗВОРИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аргировски 1993: Мито Аргировски, *Деноминативни глаголи образувани со наставката -оса во македонскиот јазик*, Литературен збор, 1–6, Скопје, 27–29.
- Асенова 1989: Петја Асенова, *Балканско езикознание, Основни проблеми на балканскиот јазиков сјуз*, Издателство Наука и изкуство, Софија.
- Babić 1986: Stjepan Babić, *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku, Nacrt za gramatiku*, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Globus, Zagreb.
- Bajec 1952: Anton Bajec, *Besedotvorje slovenskega jezika, II, Izpeljava slovenskih pridevnikov*, Ljubljana.
- Белић 1949: Александар Белић, *Савремени српскохрватски књижевни језик, II део: Наука о грађењу речи*, Научна књига, Београд.
- Vasmer 1944: Max Vasmer, *Die griechischen Lehnwörter in Serbo-Kroatischen*, Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Nr. 3, Berlin, VI–154.
- Gołąb: 1984: Zbigniew Gołąb, *The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia*, Macedonian Academy of Sciences and Arts, Skopje.

²⁰ Насупрот оваквом стању у источнијим српским областима, на југозападном правцу истородни ће се суфикс у српским говорима јавити у оквиру бројних романских позајмљеница које допиру из приморских крајева, исп.: *deliciōzan, deloz(an) / đilozan, kapriciōzan, maliciōzan, pelōzan, spiritōzan* итд. (Lipovac-Radulović 1981). Путем интернационалне лексике, један број ових примера ући ће и у српски књижевни језик.

- Динић 1988: Јакша Динић, *Речник тимочког говора*, Српски дијалектолошки зборник, XXXIV, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 7–337.
- Ђукановић 1995: Петар Ђукановић, *Говор Драгачева*, Српски дијалектолошки зборник, XLI, Институт за српски језик САНУ, Београд, 1–240.
- Елезовић 1932–1935: Глиша Елезовић, *Речник косовско-метохиског дијалекта*, Српски дијалектолошки зборник, IV (I део), VI (II део), Српска краљевска академија, Београд.
- Живковић 1987: Н. Живковић, *Речник пиротског говора*, Пирот.
- Златановић 1998: Момчило Златановић, *Речник говора јужне Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.)*, Учитељски факултет, Врање.
- Златковић 1989: Драгољуб Златковић, *Фразеологија страха и наде у пиротском говору*, Српски дијалектолошки зборник, XXXV, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 175–458.
- Ивић 1957: Павле Ивић, *О говору Галипољских Срба*, Српски дијалектолошки зборник, XII, Институт за српски језик САНУ, Београд, XXII–520.
- Карацић 1852: Вук Стеф. Карацић, *Српски рјечник иступачен њемачкијем и латинскијем ријечима*, Беч.
- Клајн 2003: Иван Клајн, *Творба речи у савременом српском језику. Други део: Суфиксација и конверзија*, Завод за уџбенике и наставна средства – Институт за српски језик САНУ – Матица српска, Београд – Нови Сад.
- Конески 1966: Блаже Конески, *Историја македонског језика*, Просвета – Београд и Кочо Рацин – Скопје.
- Лазић 2008: Анђелка Лазић, *Грађа за речник говора Мачве*, Културни центар, Шабац.
- Lipovac-Radulović 1981: Vesna Lipovac-Radulović, *Romanizmi u Crnoj Gori, Jugosloveni dio Boke Kotorske*, Obod – Pobjeda, Cetinje – Titograd.
- Mazon 1925: Mazon, A., *D'une formation verbale slave d'origine greco-turque*, Mélanges linguistiques offerts à J. Vendryes par ses amis et ses élèves, Collection linguistique, XVII, Paris, 265–273.
- Miklosich 1889: Miklosich Franz, *Über die Einwirkung des Türkischen auf die Grammatik der südosteuropäischen Sprachen*, Sitzungsberichte des Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, Band CXX, Wien, 1–12.
- Мирчев 1963: Кирил Мирчев, *Историческа граматика на българския език*, Държавно издателство „Наука и изкуство“, София.
- Митровић 1984: Брана Митровић, *Речник лесковачког говора*, Лесковац.
- Недељков 1984: Љиљана Недељков, *Прозодијске особине говора села Каћ*, Српски дијалектолошки зборник, XXX, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 267–356.
- Пешикан 1965: Митар Б. Пешкан, *Староцрногорски средњокатунски и љештански говори*, Српски дијалектолошки зборник, XV, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 1–294.

- Радић 1995: Првослав Радић, *Балканистичке појаве на плану суфиксације у македонском и српскохрватском језику* (докторска дисертација у рукопису), Универзитет у Београду, Филолошки факултет – Београд.
- Радић 1995а: Првослав Радић, *Из проблематике творбе речи у српском књижевном језику*, Знамен, 2, Филозофски факултет – Петриња, Петриња, 47–56.
- Радић 2010: Првослав Радић, *Копачки говор, Етногеографски и културолошки приступ*, Српска академија наука и уметности – Етнографски институт, Посебна издања, Књига 70, Београд.
- Радић 1998: Првослав Радић, *За еден начин на експресивизација во балканословенските говори, Придевски образувања со завршок -осан*, Македонски јазик, XLV–XLVII (1994–1996), Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Скопје, 179–186.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, 1–18, Институт за српски језик САНУ, Београд 1959–2010.
- Симић 1972: Радоје Симић, *Левачки говор*, Српски дијалектолошки зборник, XIX, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 1–618 (+ карта).
- Skok 1971–1973: Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–III, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, Zagreb.
- Stachowski 1961: Stanisław Stachowski, *Przyrostki obcego pochodzenia w języku serbochorwackim*, Uniwersytet, Kraków.
- Стевановић 1975: М. Стевановић, *Савремени српскохрватски језик, I*, Научна књига, Београд.
- Стијовић 1990: Рада Стијовић, *Из лексике Васојевића*, Српски дијалектолошки зборник, XXXVI, Институт за српскохрватски језик САНУ, Београд, 119–380.
- Tiktin 1945: Н. Tiktin, *Gramatica română, Etimologia și sintaxa*, Editura Tempo, București.
- Škaljić 1979⁴: Abdulah Škaljić, *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*, „Svjetlost“, Sarajevo.

Prvoslav T. Radić

ON A WORD-FORMATIONAL BALKANISM IN SERB LANGUAGE

The *-osa* Verb Suffix: Its Origin and Distribution

Summary

The paper discusses the origin and distribution of the *-osa* verb suffix in Serb language. It points to the interpretations of the meanings of this suffix so far, which predominantly imply a Greek influence, and it offers new answers to the question. The new approach is founded on the Slavonic-Romance mixoglottic ties and contacts in this part of the Balkans. Thereby we can determine the relation of this suffix to eastern Serbian speeches (above all, to the Prizren-Timok

and Kosovo-Resavan, as well as Zeta-Raška speeches), and the sporadic reach of this Balkanism into more westerly speeches. They include the areas into which this linguistic trait extends from the Balkan east and southeast, from the Macedonian-Bulgarian region, although origins, probably even substratum origins, from the Timok-Prizren speeches cannot be excluded.

СТАНА С. РИСТИЋ*

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ, БЕОГРАД, СРБИЈА

УЛОГА ТВОРБЕ У КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЈИ ПОЈМА 'ВИЂЕЊЕ' У ЈЕЗИЧКОЈ СЛИЦИ СВЕТА СРПСКОГ НАРОДА

Сажетак: У раду ће на лексикографском материјалу бити представљена улога афиксалних и семантичких деривата у параметризацији и профилисању појма 'виђење' у језичкој слици света носилаца српског језика.

Кључне речи: српски језик, језичка слика појма 'виђење', профилисање појма 'виђење', улога афиксалних и семантичких деривата у параметризацији и профилисању појма 'виђење'.

Уводна разматрања

1.0. У раду су представљене творбене лексичке јединице које учествују у реализацији концептосфере појма 'виђење', са циљем да се укаже на њихову улогу у параметризацији и профилисању свакодневне, језички устаљене тачке гледишта у обликовању језичке слике овог појма.¹ У складу са концепцијом когнитивног приступа биће показано како на творбеном плану човеково 'виђење света' концептуализују говорници српског језика, имајући у виду, пре свега, већ установљено схватање да се преко унутрашње форме речи и структурних елемената творбених типова чувају начини обраде информација о свету који указују на процесе категоризације и концептуалне интеграције појмова (исп. Харитончик 2009: 145–154).

1.1. Предмет разматрања биће префиксални глаголи, и то углавном од основних, прототипичних глагола визуелне перцепције *видети* и *гледати*, као што су: *превидети*, *предвидети*, *извидети*, *изгледати*, *загледати (се)*, *надгледати*, *погледати*, *прогледати*, *нагледати (се)*, *разгледати*, *прегледати*, *угледати*, *угледати (се)*, као и други префиксали и глаголи визуелне перцепције: *завири(ва)ти*, *извири(ва)ти*, *надвири(ва)ти*, *забленути се*, *осврнути се*, *освртати се*, *прочкиљити*, *зачкиљити*, *осмотрити*, *приметити*, *спазити*, *опазити*, *опажати*, *запазити*, *запажати* и др.; затим префиксали глагола *сматрати* и *мислити*, семантичких еквивалената прототипичних глагола визуелне перцепције из класе менталних

* e-mail: stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

¹ О улози творбених деривата у реализацији језичке слике света в. Бартмињски 2011: 36, 48, 53–55, а о појмовима 'профил' и 'профилисање' в. нав. дело: 119–130.

глагола: *посматрати, проматрати, разматрати, измишљати, замислити, замишљати, премишљати, умишљати* и др.

1.2. Осим префиксалних глагола, улога других типова твореница у реализацији концептосфере појма 'виђење' биће представљена твореницама афиксалне и семантичке деривације, изведеним према валентним карактеристикама основних перцептивних глагола, и то пре свега именица које означавају њихове аргументе: субјекат перцепције, објекат, инструмент, место и перспективу визуелне перцепције, као што су: *гледалац, посматрач, очевидац, визионар, привиђење, виђење, око, вид, видик, поглед, видиковац, видокруг, видљивост, гледалиште, гледиште, стајалиште*; а затим и твореницама других врста речи који профилишу њихове аргументе и перцептивни догађај, као што су придеви: *видан, уочљив, видљив, невидљив, прегледан, кратковид, далековид*; прилози и модалне речи, типа: *привидно, очигледно, до виђења, видимо се*.

2.1. Улога творбених јединица наведеног типа разматраће се у језичкој слици појма 'виђење', која је реконструисана на основу концептуализације значења двовидског глагола *видети (се)*, прототипичног глагола визуелне перцепције, као и глагола несвршеног вида *гледати (се)*. Коцептуализација је урађена на лексикографском материјалу тезаурусног Речника САНУ (РСАНУ), а допуњена је лексичким материјалом из шестотомног Речника Матице српске (РМС) за творенице од слова П, као и из два тома Семантичко-деривационог речника. Као контролни речнички извори коришћени су Асоцијативни речник српског језика (АРСЈ), Обратни асоцијативни речник српског језика (ОАРСЈ) и речници синонима Миодрага Лалевића и Павла Ћосића.² Са творбеног аспекта индикативне податке дају томови Семантичко-деривационог речника (СДР), у којима су представљене одреднице *око* и *гледати*.³

2.2. У асоцијативним речницима српског језика глагол *видети* дат је у облицима стимулуса *видео* и *не видео* и код њих се као реакције јављају углавном основне речи из перцептивне сфере у различитим облицима, док се деривати јављају у веома малом броју и са једним појављивањем (код стимулуса *видео*: *угледати, погледати, гледање, не видео* и *приметно*, а код стимулуса *не видео* деривати се уопште не појављују). У Обратном асоцијативном речнику појављивање деривата проверено је само код глагола *видети* и *гледати* који се јављају у различитим облицима као реакције, при чему је запажено да су глаголски деривати заступљени у знатно мањем броју од именичких, придевских и прилошких деривата.⁴ Појам „виђења“ у позицији стимулуса и у позицији реакције репрезентативно је представљен у сфери чулне перцепције, док се ментална и друге сфере јављају у незнатном броју потврда и на периферији.

² У речницима синонима наведено је преко 80 речи чија су значења у ближеј или даљој вези са значењима глагола *видети* и *гледати*.

³ Творбено гнездо именице *око* има укупно 155 изведеница (67 именица, 60 придева, 20 прилога и 8 глагола), док творбено гнездо глагола *гледати* има укупно 178 изведеница (73 именице, 30 придева, 15 прилога, 58 глагола, 1 предлог и 1 узвик).

⁴ О одсуству деривата у асоцијативним везама са мотивним речима и разлоге њиховог одсуства в. Драгићевић 2010: 71–76.

2.3. Концептосфера појма 'виђење', како показује лексикографски материјал глаголских лексема *видети (се)* и *гледати (се)* из тезаурусног Речника САНУ, осим концептуалног поља визуелне перцепције, великим својим делом обухвата ментално концептуално поље поимања, схватања, у чијој се умреженој структури издвајају елементи емоционалног и аксиолошког поља. У српском језику, као и у другим словенским језицима (пољском и руском нпр.), ови основни глаголи визуелне перцепције имају и значење 'поимати, схватати' (на основу видљивих особина) (исп. Бартмињски 2011: 134–162 и Иомдин 2006: 569). Оваква семантичка повезаност, означена појмом „смешанно пространство – blended space“, како се у литератури истиче, има значајну улогу на творбеном плану зато што се много пута понавља у процесима другостепене номинације у виду регуларне полисемије или у виду ономасиолошких повезивања у творби (Харитончик 2009: 148–149). То је евидентно и у концептосфери појма 'виђење' која показује да је у наивној слици света носилаца српског језика 'поимање, схватање' засновано на метафори виђења. Метафора 'поимање је виђење', како показује и грађа из Речника САНУ, продуктивна је и жива у српском језику, засведочена је многим глаголима и другим лексичким јединицама из сфере визуелне перцепције, и отвара могућности за образовање нових речи и идиома, повезаних идејом поимања, схватања у најширем смислу (исп. Иомдин 2006: 571).⁵

2.4. Примери у РСАНУ репрезентативно представљају употребу глагола *видети (се)* и *гледати (се)* на временској, просторној и функционалностилској равни српског језика, тако да у великој мери указују на обичајне норме и конвенције употребе ових лексема у разговорном језику и у текстовима. Они репрезентују језичку слику појма 'виђење', која се разликује од енциклопедијске (научне) слике и по томе што је, како се истиче у етнолингвистичким приступима, објективнија и стабилнија (исп. Бартмињски 2011: 134).

3. Општи појам 'виђења' у српском језику реализован је помоћу више десетина глагола и од њих изведених именица, придева, прилога и фразеолошких јединица. Типични глаголи виђења у српском језику су глагол *видети (се)* и *гледати (се)*, а на основу граматичко-семантичких карактеристика, у раду Ристић (2011: 33–41), утврђено је да је глагол *видети* прототипични глагол визуелне перцепције. Свака од наведених основних или изведених речи овог концептуалног поља, са сопственим, експлицитним лексичким значењем, профилише појам 'виђења' на посебан начин, истичући поједине његове аспекте и одређујући хијерархију тих аспеката у оквирима прихваћене перспективе посматрања (исп. Харитончик 2009: 149).

4.1. Основни параметри свакодневне, уобичајене концептуализације појма 'виђење' потврђени су у граматичким, синтаксичким карактеристикама гл. *видети*, чије се значење визуелне перцепције може најопштије дефинисати „реаговати на надражаје; опажати“, а деривирана, метафорична значења из менталне, евалуативне и емоционалне сфере, значењима „замишљати, стварати представу у

⁵ О когнитивној природи повезивања једне смисаоне категорије са другом или са више њих преко одабране мотивне основе, као „заједничког семантичког атрибута“, и њене унутрашње форме, као и о когнитивној ефективности и економичности која се испољава кроз високу продуктивност вербалних номинативних или репрезентативних стратегија у језику в. Харитончик 2009: 148–149.

мислима, сећању или машти“⁶, „претпостављати, сматрати; судити, просуђивати“ и „испољавати неко емотивно стање“. Типична ситуација визуелне перцепције одликује се двовалентном схемом обавезних аргумената: субјекта, живо биће или човек, и објекта који је или предмет радње или догађање, као и деривираним тровалентном схемом са факултативним објектом који уводи назив *ока*, *очију* и *погледа* као оруђе (инструмент), с обавезним атрибутом (*својим очима*, *једним (здравим) оком*, *оштрим погледом* и сл.). Уз значење из менталне сфере гл. *видети* „видети нешто у некоме, сматрати некога / нешто неким / нечим другим“ „судити некоме / нечему“, валентна схема се проширује на четворовалентне аргументе, па поред субјекта и објекта, уводи се став личног субјекта и локализатор. Осим обавезних аргумената за концепт ’виђења’ важни су и начин и време посматрања, као што су важни и односи међу аргументима.

4.2. Значења прототипичног глагола *видети* (*се*), представљена у РСАНУ (неповратна форма 15 главних значења, од којих већина има више подзначања, и повратна форма 9 главних значења са подзначањима), могу се свести на когнитивне дефиниције, које на адекватнији начин од лексикографских репрезентују свакодневну, устаљену језичку слику појма ’виђења’. На основу таквог уопштавања утврђени су параметри за профилисање појма виђење по моделу Јежија Бартмињског, оснивача и главог представника Лублинске етнолингвистичке школе, који је представио језичку слику овог појма у пољском језику (Бартмињски 2011: 131–168).⁶ Тако су у српском језику, као и у пољском, издвојени следећи профили: 1) начин посматрања, 2) предмет посматрања, 3) орган вида и оруђе које потпомаже гледање, 4) видно поље, 5) видљивост, 6) планови (први, други, даљи) и позадина на којој је локализован објекат перцепције, 7) угао посматрања – пресек линије погледа и линије субјекат – објекат, 8) тачка посматрања – место са којег се нешто види, 9) тачка гледишта и 10) перспектива (нав. дело: 138).

У даљем излагању биће показана улога творбених јединица у реализацији наведених профила.

Начини посматрања (виђења)

5.1. Различите начине посматрања, релевантне за профилисање појма ’виђење’, показују глаголске лексеме и фразеолошке јединице које именују чин визуелне перцепције и које представљају највећи број јединица. Тако се издвајају називи који представљају догађај само из угла посматрача, а то су, осим глагола *видети* и *гледати*, у смислу *Неко види / гледа некога / нешто*, и изведени гл.: *посматрати*, *запазити*, *опазити*, *опажати*, *смотрити*, *спазити*, *угледати*, као и називи који наглашавају само посматрани предмет, а маскирају субјекат који посматра, па осим гл. *видети се* у значењу „бити опажен, запажен“, то су изведени глаголи, придеви и идиоми: *истицати се*, *истаћи се*, *показати (се)*, *показивати се*, *појавити се*, *појављивати се*, *вирити*, *извирити*, *извиривати*, *помолити (се)*, *помаљати (се)*, *очитовати се*, *штрчати*, *излазити*, *показати (се)*, *показивати*

⁶ О истраживањима етнолингвистичке школе у Лублину в. Бартмињски 2011: 20–38, а о основним појмовима и инструментаријуму когнитивне етнолингвистике в. нав. дело: 38.

(се); *одати се, открити се; уочљив, неуочљив, очевидан, очигледан; пасти / падати у очи, запети за око* и др.

5.2. У визуелној перцепцији издајају се називи у виду повратних глагола у којима субјекат опажа сам себе (свој лик у огледалу), па осим гл. *видети се, гледати се*, то су и изведени глаголи: *огледати се, угледати се*, или узајамно, међусобно опажање учесника визуелног догађаја у смислу: *Они се виде / гледају (кроз прозор)*, што потврђују и деривирани глаголи: *угледати се, погледати се, загледати се, заглéдати се, разазнати се, примећивати се, уочити се, суочити се, суочавати се* и сл.

5.3. У реализацији начина визуелне перцепције истиче се разлика између доброг и лошег вида, што се исказује ређе глаголима типа: *назирати, назрети, недовидети*, а чешће изразима и фраземама: *види као кроз маглу, види нејасно / мутно, игра му све пред очима*, који за разлику од глагола *видети* означавају ситуацију отежане перцепције, узроковане или слабошћу органа вида или због присуства неке препреке, због удаљености и сл. Могуће је слабо видети на јакој светлости, на сунцу: *заслепети* (од светлости / сунца) (исп. Бартмињски 2011: 139). Добар вид се исказује изразима: *оштро видети, видети и по мраку, види као у огледалу, видети као на длану, видети као мачка* и сл.

5.4. У вези са исказивањем визуелне перцепције реализује се и аспект одсуства способности визуелне перцепције, што се исказује деривираним глаголима: *обневидети, ослепети*, придевом *слеп* и именицом *слепац* и *невид* у значењу „привремени или стални губитак вида, обневиделост; слепо, слепоћа“, као и аспект враћања те способности, што показују деривирани глаголи *прогледати* и *провидети* у значењу „повратити вид, способност опажања“: *прогледати / провидети на оперисано око*. Наведене речи реализују и значење ’поимања, схватања’ преко метафоре ’поимање је виђење’ и ’поимање је светлост’: *прозрети, прозрење, просветлио му се ум* и сл. Тако се и потпуно одсуство поимања поистовећује са слепилком: *слепа љубав (вера, преданост, послушност)* (исп. Иомдин 2006: 569).

5.5. Аспект чина посматрања може бити лишен интересовања, што се исказује изразима типа: *гледати као теле у шарена врата, гледати бело*, али и другим простим или изведеним глаголима: *бленути, забленути се, зијати, зевати, зурити* и сл., а може бити реализован и са усмереним интересовањем, што показују изрази типа: *држати на оку, испитивати погледом, узимати на око*, али и префиксални глаголи *посматрати, разгледати, заглéдати, поглéдати* (некога), *пригледати, преглéдати* (некога, нешто), *надгледати, осматрати, мотрити, осмотрити, проматрати, испитати, испитивати, извидити, извиђати* и др. (исп. Бартмињски 2011: 139).

5.6. Евидентна је разлика у чину визуелне перцепције према интензитету пажње посматрача, што се исказује гл. *видети* у значењу „запазити, запажати, закључ(ива)ти“ и *гледати* у значењу „обухватати погледом, посматрати, мотрити; управљати, упирати поглед, очи (у некога, нешто)“; затим изразима: *не скидати ока с некога / с нечега, гледати као сврака у јаје, оте ми се око (за неким, нечим), гутати погледом / очима*, као и концентрисањем на изабрану тачку: *упирати поглед / очи у нешто, упиљити погледом, заглéдати се, испитивати, извидети,*

запажати, запазити, осматрати, посматрати, разматрати и сл. (исп. нав. дело: 139–140). Могуће је гледање у једну тачку без размишљања: *гледати као теле у шарена врата, зурити, буљити, пиљити*. Одсуство пажње при гледању исказује се глаголом *превидети* у значењу „не видети, не опазити“ и „изоставити, пропустити нешто“.

5.7. Гледање може бити краткотрајно и површно: *бацити поглед, летимично погледати, прећи погледом, вирнути, зиркати, ждракнути* и сл., или дуготрајно и темељито: *упирати поглед / очи у нешто, мерити, одмеравати, проматрати, заглédати, буљити, надгледати*; или преношењем погледа са објекат на објект: *обухватати / прелетати очима / погледом, разгледати*.

5.8. У емоционалној сфери опажање може бити праћено емоцијама које се откривају у начину гледања: *бечити (рогачити, разрогачити, изрогачити, ширити) очи* значи „гледаги зачуђено и изненађено“; *гледати као у икону, као у бога, на-пајати се погледом, гледати као зачаран / као омађијан, гутати очима / погледом, стрељати / севати очима, гледати испод ока, ждракати очима, парити очи* (исп. нав. дело: 140), или у називу лица, особе на основу изгледа очију: *живоок* „који је живих, веселих очију“; *тужноок* „који има тужне очи, тужан поглед“.

5.9. Шири друштвено-културни оквир концептосфере виђења остварује се и преко других садржаја. Тако се у концептосфери 'виђења' одсуство вида односно немогућности виђења, ока да види, преко метафоре 'одсуство морала је немогућност виђења (шта је исправно)' уводе и етички парамерти, што потврђују изведенице: *безочан* „бестидан, дрзак, безобразан“, *безочник* „онај који је безочан, бестидник“; *безочница, безочно, безочност*. Метафорични потенцијал 'виђења', 'вида' и 'ока', 'очију' у концептосферу визуелне перцепције уводи и естетске параметре, што показују примери деривата којим се именују особе на основу изгледа очију: *јасноок* „који има јасне, бистре очи“; *златноок* „који има сјајне очи попут злата“; *лепоок, милоок, сјајноок* „који има сјајне очи“; као и примери аугментативних и деминутивних назива *ока, очију: очурде, очурине; оканце*. Значења се функционално шире све до друштвено-комуникативне сфере: 'виђење' у смислу сусретања са неким или нечим, што се осим глаголима *видети се, гледати се* исказује и глаголом *очијукати* у значењу „заљубљено гледати, кокетирати с неким погледима“. У друштвено-комуникативној сфери функционишу идиоми са именицом *виђење: из (од) виђења (знати, познавати) (некога)* у значењу „препознати некога (на основу ранијих виђења)“; а и као екскламатиивни изрази у говорним чиновима, поздрава на растанку: *до (скора, скорог) виђења* (данас разговорно *видимо се*) и у здравици *за срећна виђења* у значењу „да нам буде срећан сусрет“.

Предмет посматрања

6.0. У прототипичној ситуацији и трочланом односу: субјекат – радња – објекат, позиција објекта је ситуирана у сфери „реалности“ и „стварности“ односно у физичком свету, који се опажа чулима, али и у језичко-културном свету који је производ човекове сазнајне активности.⁷

⁷ Реалан предмет чина перцепције представљен је, преликан као призор на нивоу „друге стварности“, тако да предмет посматрања добија свој портет, постаје слика (Бартмињски 2011: 143). Субјективност, несталност, променљивост слике опаженог објекта у језичко-културној стварности

6.1. У српском језику за именовање спољног изгледа и форме објекта, осим именица *слика* и *портрет*, употребљава се именица *вид* у значењу „изглед, спољњи изглед ствари“ и „форма, облик, обличје које нешто има ... у коме се нешто види, приказује“, а у ширем значењу и именица *поглед* „оно што се открива оку, призор, слика нечега што се види с неког места“, као и читав низ блискозначних одређења објекта посматрања, који се међусобно разликују у погледу онтолошког статуса, са два супротна пола, именована лексемама: *слика* и *привиђење*. Осим наведених именица јављају се и други називи: *визија*, *утвара*, *сабласт*, *авет*, *сновиђење* и *халуцинација*.

6.2. Надређен назив за објекте нереаланог онтолошког статуса је именица *привиђење*, која осим конкретног значења „приказа, утвара“ има и апстрактно значење као именица *виђење* „слика коју човек види у сну или каквом заносу, привиђење, визија, халуцинација“ (*уметничка виђења*), док именица *привид*, са значењима „варљива / лажна слика, представа о нечему; надање без основа“ осим онтолошког статуса исказује и истиносну вредност објекта. Именица *сновиђење*, осим конкретног значења „приказа, утвара у сну“, реализује и емотивно значење жеље „оно о чему се машта, снева“ (*песничко сновиђење*). Наведене именице, као и *халуцинација*, *авет*, *сабласт*, *визија* представљају називе оних објеката који по оцени говорника имају статус представе лишене реалне основе (исп. Бартмињски 2011: 143).

6.3. На основу особина слике предмета (не самог предмета), његовог онтолошког статуса, могу се доносити закључци о субјекту који посматра, као и о осталим елементима чина посматрања (нав. дело: 144). Тако полисемна лексема *вид*, као и глагол *видети*, у семантичкој деривацији реализују значења из менталне сфере ’схватања, поимања’, која се могу реализовати и као менталне карактеристике субјекта визуелне перцепције, као у пр. *визионар* који према РСАНУ има значење „човек који има визије; видовит човек; сањар“, односно „маштовита особа, обично са смелим стваралачким визијама“, или пример израза *духовни* (*душевни*) *вид* са значењем „памет, разум“, док се идиом *хумић вида* употребљава као термин у значењу „део средњег мозга одакле потичу влакна која улазе у очни живац, *thalamus opticus*“.

6.4. У српском језику објекат посматрања се профилише и на основу естетског утиска који оставља на посматрача, што показује деривирани глагол *свидети се* (*некоме*) у значењу „оставити пријатан утисак (на некога), допасти се (некоме)“: *свидела му се девојка*. Осим овог глагола овакво профилисање именују и деривати *наочит* „допадљив, згодан“ и *наочитост*.

Субјекат посматрања

7.0. Надређени назив за субјекат посматрања је „онај који опажа“. Субјекат посматрања у српском језику, као и у пољском, профилише се с обзиром на присуство односно одсуство интенционалности опажања, па имамо неколико основних назива: *гледалац*, *посматрач*, *контролор* (према глаголу *контролисати*

потврђује пример: *видети* / *гледати* (*некога, нешто*) *другим очима*, а њену варљивост пример: *сад га видиш*, *сад га не видиш* у значењу „варање, подвала, подваљивање“.

у значењу „надгледати“), *надзиратељ*, *надзорник*, *очевидац*; затим *воајер*, жаргонски *кибиџер* (према *кибиџовати*), *зијало* и *зевало*.

7.1. Тако је *гледалац* „особа која гледа у нешто“ и има углавном сензорно значење; *посматрач* – „особа која посматра нешто, која загледа нешто с пажњом, која прати, истражује нешто“ и исказује активније понашање субјекта реализовано и у значењу гл. *посматрати*; *зијало* и *зевало* – „споредна, случајна особа која није учесник догађаја, која гледа у нешто без размишљања, која блене у нешто“. *Гледалац* је субјекат који прима визуелне утиске само пасивно, без јасне намере, док *посматрач*, *контролор*, *воајер*, *кибиџер* чине то с намером и активно. Пасивна опсервација утисака, повезана са одсуством размишљања, представља карактеристичну особину *зијала* и *зевала* који имају особину „споредности“, оних који у посматраном догађају учествују случајно, подстакнути радозналошћу и без сагласности метанаратора. И *гледалац* и *посматрач* указују на улоге које се истовремено схватају као сензорне и менталне радње и супротстављени су пасивним посматрачима типа *зијало* и *зевало*. С обзиром на то да је посматрање сензорна и ментална радња, категорија субјекта посматрања се у свакодневном уобичајеном мишљењу доводи у везу са субјектом који доживљава и мисли, па творбени деривати *гледалац* и *посматрач* лако преузимају улогу интерпретатора и коментатора (исп. Бартмињски 2011: 146).

7.2. Јављају се и називи који имају уже специјализовано значење. Тако нпр.: *очевидац* – „особа која присуствује нечему, која може да потврди то што је видела, а у правном смислу и да сведочи о ономе чему је присуствовала“; *извидник*, *извиђач* и *извидница* – „појединац или група која извиђа, испитује терен“, што је најчешће везано за војну или полицијску терминологију, а затим и *мртвозорник* – „особа (обично лекар) која по службеној дужности прегледом умрлог установљава смрт и издаје дозволу за сахрану“. Наведени називи профилишу основни појам субјекта посматрања, стављањем у први план одређених функција, својстава и околности посматрања.

7.3. До диференцијације профила субјекта долази и с обзиром на сферу у којој је смештен посматрани објекат: ако је у питању реална сфера, субјекат се именује речима: *гледалац*, *посматрач*, *очевидац*, *сведок*; *зијало*, *воајер*, *кибиџер*, а ако је у питању измишљена сфера, субјекат се назива *визионар*, *халуцинатор* и *духовидац* у значењу „онај који има способност да види и схвата начулне појаве“ (исп. нав. дело: 144).

7.4. За профилисање субјекта релевантна је и његова позиција у визуелном догађају. За субјекат на позицији ван посматраног догађаја употребљавају се називи *гледалац са стране*, *воајер*, *кибиџер*, *зијало* и *зевало*, сви у значењу: „посматрач са стране“; ако се наглашава присуство субјекта догађају у питању је „посматрач учесник“: *очевидац*, *очевидник*: *очевици синоћњег призора*, *чути нешто из прве руке од очевидача*.

7.5. Профилисање субјекта по параметру способности и ефикасности опажања исказује се придевским дериватима: *бистроок* „који је бистрог ока, који јасно види“; *брзоок* „који је брзог, хитрог погледа“; *оштроок* „који је оштра ока“, а по параметру дефектности чула вида, очију, придевским и именичким дерива-

тима: *безок* „који нема једног ока“, *врљоок*, *врљоокаст*, *разроок* „врљав, зрикав“, *злоочник*, *злоочница* „онај / она која има зле, урокљиве очи“, *једноок*, *једоокац*, *косоок* „који има косе очи“, *мркоокаст* „који не види добро; слеп“. Профилисање субјекта реализује се и по вредносним параметрима менталне способности, па се по нарочитој способности субјекат именује као *далековидац*, *далековидник* „онај који има способност предвиђања нечега из реалног света“.

Орган чула вида, справе које побољшавају или потпомажу вид

8.1. *Око* као орган чула вида јавља се у изразима *видети нешто својим очима*, покр. *не стурати с очију* у значењу „не испуштаи из вида“, *бечити очи*, *држати нешто на оку*. *Око* је творбена основа за деривате *очевидац*, *очијукати*, *очитовати*, *наочари*. Наведени називи истичу инструменталну улогу 'очију' и наглашавају активан карактер посматрања. Бројни фразеологизми засновани су на метафоризацији 'очију', представљајући их у категорији других предмета: оружја: *стрељати очима*, *пробијати погледом*; ствари за бацање: *бацити поглед*; оштрог алата, сврдла, шила, игле: *пробијати погледом / очима*; прибора за јело: *гутати очима*, *прождирати погледом*; затим других делова тела, руку: *обухватити очима / погледом*, *ухватити / уловити нешто погледом* и сл.

8.2. Осим *ока*, *очију* у истом значењу али ређе употребљава се и именица *вид*: *уморити вид гледјући*, па је у РСАНУ, под одредницом *вид*, *очни вид* представљен на следећи начин: „(песн. и разг. у заклињању) *очи*“; „фиг. „оно што је најдрагоценије, најмилије“: *Волим брата од очињег вида*; *Нисам ајдуке ни видио, очињег ми вида*.⁸ У српском језику се именује и способност визуелног опажања именицом *вид*, полисемном лексемом са сличним профилима као и глагол *видети*, и то у значењу „моћ примања светлосних утисака; примање светлосних утисака, виђење“: *бити доброг вида*, *очи су чуло за вид*, *сумњати у здрав вид својих очију*, *имати слаб вид*; *вид га је издао*, *вратити некоме вид*, *губити вид*; као и именицом *поглед* у значењу „моћ виђења“.

8.3. Орган чула вида може бити несавршен и дефектан: *имати мрену на очима* у значењу „бити заслепљен“, *имати поклопце на очима* у значењу „уско гледати, испољавати умну ограниченост“, па ако некоме *спада мрена са очију* значи да се тај неко уверава у истинску вредност нечега, а израз *замазати очи (некоме)* има значење „довести некога у заблуду“ (исп. Бартмињски 2011: 148).

8.4. Орган чула вида може се побољшати додатним справама, инструментима: *наочари*, *лупа*, *дурбин*, *двоглед*, *визир*, а справа може на неки начин да промени, улепша или наружи слику: *видети / гледати кроз ружичасте (друге, нечије, мутне, црне) наочари*; *гледати кроз нечију призму*.

⁸ У српском језику 'очи' као орган вида у концептосфери појма 'виђење' високо се вреднују, што осим наведених примера мере љубави и вредности, драгоцености која се полаже у заклетву и клетву, показују и примери типа: *гледати као мало воде на длану*, *гледати као зеницу (ока свога) / као око*, али и као мера нетрпелјивости, непријатељства, што показују примери: *не моћи очима видети / гледати (некога, нешто)*, *гледати непријатељским очима (мрко, зло, криво / кривим оком) (некога)*.

Видно поље, видљивост

9.1. Видно поље има своје лексичке експоненте: *видик* у значењу „виђени, посматрани простор, фрагмент простора испуњеног детаљима“, *видокруг* у значењу „линија привидног додира неба и земље или површине воде“, *хоризонт* у значењу „граница видног поља“.

9.2. У српском језику, према РСАНУ, 'видик' се концептуализује као 'површина, простор' *видик* 1а „простор који се, посматран обично са неког вишег места, може обухватити погледом“: *бити заклоњен на целоме видику, покрити цео видик, разгледати по видику, пуца видик на нешто*, или као 'линија' *видик* 1б, в, у истим значењу као *видокруг* и *хоризонт*: *одскачити изнад видика, појавити се на видику / наспрам видика, нешто је иза видика* и сл.; затим као 'призор, слика': *видик* 2 „призор на посматраном простору, изглед, слика“: *лепи видици, красити видик*; као 'схватање' *видик* 3а: *проширити духовни видик, открити нове видике, нови видици, снажни видици*, и као 'гlediште, стајалиште' *видик* 3б: *видици опитних интереса, набацити видике за нека решења*.

9.3. Најистуренија тачка *видика* је *видиковац* „место (од природе згодно или нарочито удешено) за посматрање нечега“, а простор изван *видика*, по РСАНУ, исказује се лексемом *невидело* 2: *даљина стерала се у невидело*.

9.4. *Видно поље* или је веома широко или веома уско, па субјекат концентрише пажњу или на више објеката истовремено (макропоглед): *одмерити погледом, прелетети погледом, обухватити погледом*, или пак на један конкретан објекат изабран из „позадине“ (микропоглед): *упирати поглед у нешто, не испуштати из вида, спазити, угледати, открити, запазити, опазити*. Објекат се у видном пољу може налазити на великој удаљености од посматрача: *видети из далека, упућивати поглед у даљину, допирати погледом*, или на малој удаљености, што показује метафорични израз: *видети само крај властитог носа*, а придеви *далековид* и *кратковид* поред вредновања перцептивне способности исказују и вредновања менталне способности субјекта опажања у смислу „који има способност предвиђања / који нема способност предвиђања“ (исп. нав. дело: 149).

9.5. Профилисање 'видика', 'видног поља' пре свега као физичког, а затим и као менталног простора, у српском језику реализује се и на основу места, позиције објеката или могућности њиховог уклањања, што потврђују бројни изрази са називима из овог сегмента перцептивне сфере. Тако изрази са дериватом *видик* значајно обогаћују профилисање позиције објеката у видном пољу: *бити на видику* у значењу „бити на таквоме месту где свако може видети, падати у очи“ и „пوماљати се, појављивати се“: *сватови на видику; изаћи, излазити, изби(ја)ти на видик* у значењу „показ(ив)ати се“; *изаћи (доћи) на видик* у значењу „доћи надомак погледа, на место одакле се нешто може видети“; *изнети, износити, извести на видик* „објавити, изложити“.

9.6. Изрази и фразеологизми са лексемом *вид* у основи такође се концептуализују као 'површина, простор', у физичком и у менталном смислу, као и лексема *видик*, што се, према грађи РСАНУ, именује изразима *круг вида, поље вида* (заст. *поље виђења*) „простор који се погледом може обухватити, простор који се може видети очима“: *ући у круг нечијег вида, велико поље вида; пишчево поље вида*,

лик се пројектује изван поља виђења, на основу којих су настали фраземи којима се профилишу позиције објекта у физичком и менталном простору: *(из)губити из вида* „преста(ја)ти видети (некога, нешто)“ и „не узети, не узимати у обзир, занемарити, занемаривати, заборавити, заборављати“; *(из)губити се (и)шчезнути, ишчезавати, нестати, нестајати, отићи, уклонити се* из вида „не видети се, не виђати се, не појавити се, не појављивати се“; *измаћи (испасти) из вида* „промаћи незапажено“; *имати (држати) у виду* „имати на уму, водити рачуна, не заборављати“; *испустити, испуштати, пустити, пуштати из вида* „занемарити, занемаривати, не узети, не узимати у обзир“.

9.7. *Опажање* може бити боље или лошије, а *видљивост* јача или слабија. На светлости предмети постају видљиви, што се исказује модалним придевима *видљив, уочљив* (са дериватима *видљиво, уочљиво, видљивост, уочљивост*), у значењу „такав да се може видети“, и антонимима *невидљив, неучљив* (исп. нав. дело: 148). Надређен назив у српском језику је *видело* које се, према РСАНУ концептуализује као ’светлост, светлосни зраци’: *видело од свеће, видело месечево, видело божјега сунца*; као ’дневна светлост, дан’: *учинити нешто пре видела, вратити се за видела*; као ’небеско тело које светли (сунце, месец, звезде)’ и као ’извор светлости, светиљка’: *запалити видело, погасити видело*. На сличан начин се концептуализује и *видик* 4: *ићи за видика на конак и вид* у изразу *за вида* „док се још види, док је још дан“.

9.8. Одсуство видљивости у визуелном догађају концептуализује се као ’одсуство светлости, мрак, тама’, а именовано је, поред речи *мрак, тама* и лексемом *невидело* у значењу „простор без светлости“ или „простор изван видика, видног поља“. Исто значење се исказује деривираним лексемом *невид*: *нестајати у невиду, облачак се изгуби у невиду*.

9.9. Лексема *видело* по свом основном значењу „светло“ у изразима, као и *видик*, профилише објекат опажања у друштвено-комуникативној сфери: *изићи, излазити (изби(ја)ти, доћи) на видело* „обелоданити се, откри(ва)ти се“; *изнети, износити на видело* „објавити, објављивати, показ(ив)ати; откри(ва)ти“, ређе у физичкој сфери: *ступити на видело* „појавити се“. Профилисање у друштвено-комуникативној сфери исказују прилози *очито, очевидно* и *очигледно* у значењу „видљиво, јавно“ и *очинице* „створено, у очи“.

9.10. Појам ’поглед’ се тако именује, а у РМС *поглед* 1 дефинише се као „управљеност очију на кога или што, правац гледања“: *уперити поглед, летимичан поглед, оштар поглед, скренути поглед, бацити поглед, подићи / спустити поглед* и сл., али и као *поглед* 3а „место одакле се што може видети, домак ока“: *леп поглед, широк поглед* и сл. У профилисању ’погледа’, с обзиром на видно поље, као што је показано, заступљен је параметар домета вида, што се у српском језику исказује придевским дериватима *далековид* и *кратковид*. На основу грађе РСАНУ ’домет’ се поима у физичком и менталном смислу. Лексема *далековид* (*далековидан*) 1 реализује значење „који не види јасно изблиза, који јасније види удаљеније предмете“, али и значења из менталне сфере: *далековид* 2а „који је кадар да предвиди будуће догађаје и далекосежне последице“: *далековиди европски духови; далековид* 2б „који се руководи будућим потребама и интересима,

плански“: *далековида помоћ државе, далековида политика*. Сличан по значењу је и дериват *широковид* „који је широких погледа, који напоредо прати и правилно оцењује велики круг појава“: *широковиди и далековиди људи*. Придев *кратковид 1* реализује значење „који види јасно само на кратком растојању, изблиза, који јасније види предмете у близини“: *постати кратковид и кратковид 2* „који није способан да предвиди будуће догађаје, који је скучених схватања, непроницљив“: *кратковиди противници, кратковида опозиција*. Прилог *далековида* у значењу „на далековид начин, проицљиво“ истиче вредносне аспекте концептосфере виђење.

Први план, други план, даљи план; позадина

10. Насловљени појмови су дефинисани лексемом *план* која је у РМС *план 3* дефинисана као „место, положај према важности“: *остати у првом плану, потиснути (некога, нешто) у други план*, у физичком и менталном смислу, али се у видном пољу значење конкретизује у смислу позиције објеката као „група предмета или особа који се издвајају с обзиром на своју удаљеност од посматрача“. Истицање присуства објекта у актуелизованом видном пољу исказује се дериватима *назочан* „који се налази на месту о коме се говори, присутан“, *назочник, назочност*. Све оно што је смештено у видном пољу даље од предмета посматрања назива се *позадина*, а њу чине предмети, људи, предели и сл. који се налазе иза онога што видимо. Према РМС полисемна лексема *позадина* се концептуализује у физичкој и менталној сфери. У физичкој сфери то је „задњи део нечега“ и „оно што се налази иза нечега“, а у специјалном значењу то је „подручје иза бојне линије“. У менталној сфери то су значења „скривено деловање“, што потврђује фразема: *бити, држати се, остати у позадини* и значење „неважан положај“ реализовано у изразу *бацити, потиснути у позадину*.

Угао гледања, посматрања

11.0. Параметар за профилисање ’угла посматрања’ је линијски однос између објекта и субјекта визуелне перцепције. Сам назив односа *угао гледања, угао посматрања* и *угао вида* представљају идиоме деривираних лексема, а значење идиома *угао вида* дефинисано је у РСАНУ под изразима лексеме *вид* као „угао који склапају две линије повучене од крајњих тачака неког тела према оку“.

11.1. Основни модел чина визуелне перцепције, устаљен у језику, јесте интерперсонални модел, када је предмет посматрања саговорник с којим је субјекат повезан линијом погледа, што се у српском језику исказује лексемом *суочавање* и глаголима *суочавати се, суочити се* у значењу „сусрести се, сретати се, састати, састајати се с неким, нечим очи у очи, непосредно“, али и у специфичнијем значењу намештене ситуације, обично ради утврђивања истине, чињеница „довести, доводити, поставити, постављати (некога) очи у очи, лично, непосредно са неким односно нечим другим“. У случају када објекат није човек, метафорично се проширује прототипична ситуација: *стати лицем према предњем делу објекта / с предње стране нечега / са спољње стране* и сл., што се у српском језику исказује идиомом *с вида (са вида)* „споља, са спољне стране“.

11.2. Осим оваквог директног гледања у друштвено-комуникативној сфери јављају се и другачији начини: *гледати испод ока / крајичком (углом) ока, гледати попреко / преким оком, гледати криво / кривим оком, гледати преко ока, гледати преко рамена / с висине (свисока)* у значењу „омаловажавати, потцењивати некога, презирати некога“. Наведени начини гледања маркирају ненормалне ситуације у директном суочавању у којима се не поштују норме лепог понашања, обавезујуће у одређеној култури (исп. Бартмињски 2011: 150–151). У већини случајева такви начини гледања рађају *подозрење*, сумњу у искреност и добронамерност комуницирања, што изазива *подозривост*, неповерење или непријатељски однос према саговорнику, као и оправдан разлог да се буде *подозрив*.

Тачка посматрања, тачка гледишта

12.1. Насловљени појмови представљају кључни елеменат концептосфере појма 'виђење' зато што спајају субјекат, радњу и објекат посматрања. Сами називи овог профила представљају идиоме деривата *посматрање* и *гледиште*: *тачка посматрања, тачка гледишта*. На први поглед и у перцепцији тешко је разликовати ова два појма, али разлике проистичу из чињенице да се за профил 'тачка посматрања' узима чисто физички, сензорни параметар места (а секундарно и времена) са кога субјекат врши сензорне операције: види, гледа, посматра објекат. Појам 'тачка посматрања' поистовећује се и са појмом 'перспектива', што потврђује и РМС, у коме се једно од значења лексеме *перспектива, перспектива* 3 дефинише као „тачка гледања, стајалиште са кога се нешто посматра“.

12.2. Профил 'тачке гледишта' одређује се параметрима из менталне сфере, прототипично повезане са субјектом, који не само што посматра, већ врши и концептуализацију објекта (његову идентификацију, категоризацију и интерпретацију), претварајући чулне податке у језичко-културну слику предмета, што се коначно испољава кроз давање назива објекту (нав. дело: 151). У српском језику осим идиома *тачка гледишта* у истом или сличном значењу јавља се читав низ једночланих назива: *гледиште, становиште, назор, схватање, уверење*, а према РМС и *поглед* у значењу „начин гледања на што, мишљење, суд о чему, схватање, назор, уверење“: *идеалистички (материјалистички, религиозни, напредни) поглед* и сл. У РСАНУ *гледиште* и *тачка гледишта* имају исто значење „становиште са кога се нешто просуђује; мишљење, схватање, поглед на нешто“: *филозофско гледиште, различита гледишта, разлижење у гледиштима, правилно гледиште, гледати са националне и моралне тачке гледишта*. Резултат таквог просуђивања исказује се и дериватом *увид* који има значење „поглед у нешто, у неку ствар ради знања, обавештености, преглед“: *увидом се уверити у нешто; послужити као увид у нешто*. Изрази са овим дериватом имају физичку и менталну димензију: *бити (изложен) на увид, стајати на увид* „бити доступан виђењу, прегледу, упознавању“; *допустити увид у нешто, ставити на увид* „дозволити, дати да се нешто види, разгледа, да се с нечим упозна“; *имати увид(а) у нешто* „познавати нешто, бити обавештен о нечему“ и *поднети, послати, предати на увид* „дати некоме да нешто види, прегледа“.

Перспектива

13.1. Појам је именован позајмљеницом из латинског, а у српском језику се концептуализује у физичком и менталном смислу. Према РМС значење ове речи у физичкој сфери представљено је као *перспектива* 3 у значењу „тачка гледања, стајалиште са кога се нешто посматра“, *перспектива* 4а „поглед у даљину који се пружа с неког места“ и *перспектива* 4б „даљина, простор“. Значење у менталном смислу представљено је као *перспектива* 5а „будућност“, *перспектива* 5б „изгледи, наде, могућности, услови за будућност“ и *перспектива* 5в „вера у успех, поуздање“; као и изразима *имати нешто у перспективи* „имати у виду, у изгледу“, *из птичије перспективе* и *из жабље перспективе* (и у значењу тачке гледишта, тачке посматрања). Слично значење у менталном смислу, према РСАНУ има *видик* 3 са значењем „схватање, поглед на нешто“ и *виђење* 2а у значењу „призор, сцена“: *Чудно беше из брода виђење*.

13.2. У концептосфери ’виђења’, као што показује РМС, ’перспектива’ се реализује као сложен појам, надређен над појмовима ’видног поља’, ’угла посматрања’, ’тачке гледишта’ и ’тачке посматрања’,⁹ што показују примери типа: *перспектива се отвара пред неким / протеже се на нешто*; *може се стремити према перспективи*; *може се у перспективи нешто обезбедити*; нешто *може имати перспективу развоја*; она може да буде *широка, далека, замагљена, нова, свакојака*; нека препрека може перспективу *затворити, заклонити*; *перспектива се може изгубити / открити*. ’Перспектива’, за разлику од ’тачке гледишта’, почиње на месту где се налази посматрач и спаја га линијом погледа са предметом смештеним у видном пољу (исп. Бартмињски 2011: 151–152).

Закључак

На основу лексикографског материјала дескриптивних речника, РСАНУ и РМС, утврђено је да творбени деривати, како афиксални тако и семантички, имају значајног удела у формирању језичке слике појма ’виђење’ у српском језику. Они знатно увећавају број параметара у реализацији издвојених профила овог појма, проширујући његову концептосферу деривираним метафоричним значењима много детаљније него типични глаголи визуелне перцепције *видети* и *гледати*. У профилима који одређују друге елементе појма виђење, осим основних – субјекта, радње и објекта – деривати, њихови и други изрази и фраземи, знатно обогаћују номинацију концептосфере ’виђења’ у сегментима ’видљивости’, ’видног поља’, ’угла посматрања’, ’тачке гледишта’, ’плана’ и ’перспективе’.

⁹ Појмови ’тачка гледишта’ и ’перспектива’ имају и термиолошку употребу и значење у когнитивној етнолингвистици и спадају у ред њених основних појмова и инструментарија (Бартмињски 2011: 40).

ЛИТЕРАТУРА

- Бартмињски 2011 Бартмињски, Јержи, *Језик – Слика – Свет*. / Приредио Ајдачић Д.; Превела Бјелетић М. /, Београд: Slovo Slavia.
- Драгићевић 2010 Драгићевић, Рајна, *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Иомдин 2006 Иомдин, Б. Л., Языковая модель понимания, *Языковая картина мира и системная лексикография*, О. р. Ю. Д. Апресян, Москва: РАН, Языки славянских культур, 515–612.
- Ристић 2011 Ристић, С., Глаголи визуелне перцепције у српском језику, *Српски језик, књижевност, уметност*: зборник радова са међународног научног скупа одржаног на Филолошко-уметничном факултету у Крагујевцу (29–30. 10. 2010). Књ.1, *Књижевни (стандардни) језик и језик књижевности*, Крагујевац: ФИЛУМ, 33–41.
- Харитончик 2009 Харитончик, А. Зинаида, Внутренняя форма и лексическое значение как способы репрезентации знания, *Словообразуване и лексикологија*, Доклади от Десетата меѓународна конференција на Комисијата по славјанско словообразуване при Меѓународниот комитет на слависте, Софија, 1–6 октомври 2007 г., Софија: Универзитетско издателство „Св. Климент Охридски“, 145–154.

ИЗВОРИ

- АРСЈ – Пипер, П., Драгићевић, Р., Стефановић, М., *Асоцијативни речник српскога језика*. Београд: Београдска књига – Службени лист СЦГ – Филолошки факултет у Београду, 2005.
- Lalević, Miodrag, *Sinonimi i srodne reči srpskohrvatskoga jezika*, Beograd: Leksikoni sveznanje, 1974.
- ОАРСЈ – Драгићевић, Р., Пипер, П., Стефановић, М., *Обратни асоцијативни речник српскога језика (II део; од реакције ка стимулусу)*. Београд: Београдска књига – Службени гласник, 2011.
- РМС – Речник српскохрватскога књижевног језика, IV-VI, Нови Сад: Матица српска, 1971–1976.
- РСАНУ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ, I-XVIII*, Београд: САНУ, 1959–2010.
- СДР – Семантичко-деривациони речник, Св. 1, Човек – делови тела / Ред. Д. Гортан-Премк, В. Васић, Љ. Недељков / Нови Сад: Филозофски факултет, 2003.
- СДР – Семантичко-деривациони речник, Св. 2, Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, средство / Ред. Д. Гортан-Премк, В. Васић, Р. Драгићевић / Нови Сад: Филозофски факултет, 2006.
- Тошић, Павле и сарадници, *Речник синонима*, Београд: Kognet, 2008.

Стана С. Ристич

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ‘ВИДЕНИЕ’
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Резюме

В работе на лексикографическом материале показана роль аффиксальных и семантических дериватов в параметризации и профилировании понятия ‘видение’ в языковой картине мира носителей сербского языка. В соответствии с концепцией когнитивного подхода к словообразовательным явлениям, показано, что словообразования, мотивированные названиями из семантического поля визуального восприятия, прежде всего глаголами *видети* и *гледати*, указывают на способы обработки информации о мире, на процессы категоризации своей внутренней формой и структурными элементами словообразовательных типов, а внутри установленных профилей – и на процессы интеграции концептосферы понятия ‘видение’. Речь идет об аффиксальных и семантических дериватов типа: *превидети, извидети, увидети, изгледати, загледати (се), надгледати, прогледати, разгледати, угледати, угледати (се), нагледати се; завири(ва)ти, зачкиљити, жмурити; посматрати, приметити, спазити; ослепети, обневидети; замишљати, премишљати, умишљати; забленути се, бленути; гледалац, посматрач, очевидац, визионар, привиђење, сновиђење, виђење, увиђај; око, вид, видик, поглед, видиковац, видокруг, видљивост, гледалиште, гледиште, стајалиште; тачка гледишта, тачка посматрања, угао посматрања, перспектива посматрања, план посматрања; угледан, изгледан, виђен, прегледан, кратковид, далековид; слепац, видно, привидно, очигледно, до виђења, видимо се, изгледа; бацити поглед, продирати (стрљати, сећи) погледом, бечити / разрогачити очи, колутати очима и др.*

РАДОЈЕ Д. СИМИЋ*

ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТ У БЕОГРАДУ, СРБИЈА

ЈЕДАН ПРОБЛЕМ СА ИВИЦЕ ТВОРБЕНОГ СИСТЕМА СРПСКОГ – ФОРМЕ СА СПОЈЕНОМ ЦРТОМ (/ЦРТИЦОМ)

Сажетак. Аутор у раду разматра форме типа 'пут Београд–Ниш' ('Београд–Ниш' // 'Београд – Ниш'). Питање је да ли је ознака везе интралексемска или интерлексемска по функцији – или када је једно, а када друго. Из супротног угла посматрано, треба утврдити да ли се, и када, ради о творбеном споју, а када о синтаксичкој вези јединица.

Кључне речи: творба речи, сложенице, полусложенице, цртица, црта, спојена црта, интерпункцијски знаци, правописни знаци.

1. Реч–две унапред

1. Спојена или 'примакнута' црта не помиње се у ранијим радовима о правопису и творби речи. Први пут је уводи тзв. 'никшићи', а за њим Матичин правопис од 1993. Размотрићемо је са два аспекта: са аспекта припадности правописним или интерпункцијским знацима, као и у обрнутој перспективи – са аспекта статуса јединица између којих стоји, и њиховог међуодноса. Питање је наине да ли су спојеви обележени том ознаком тип полусложеница, дакле лексичке формације, у којима је спојена црта правописни знак; или су пак то специјалне синтаксичке конструкције, у којима спојена црта има функцију интерпункцијског знака.

1.1. У 'никшићком' правопису (Симић 1993: 151) црта 'са састављеним писањем' једнозначно се сматра 'посебним интерпункцијским знаком'. Писање њено препоручује се (а) „међу јединицама сличне означне службе ако су ове облички неутралне: – *На пружи Београд–Бар саобраћај је нормализован...*“; (б) код „речи које у паровима употребљавамо да означимо два садржаја стављена у однос сличности, супротности и сл.: – *Где ћеш, врапче, зимовати? – Овде–онде, туда–свуда: – То ће бити рекла–казала*“; (в) „Уобичајено је двострука женска презимна писати на исти начин: – *Даринка Матић–Марковић...*“.

1.2. Матичин правопис у свом првом издању (Пешикан/Јерковић/Пижурица 1995: 108) нема јасно дефинисану разлику између интерпункцијских и правописних знакова. Дефиниција коју дају инсистира на еквиваленцији ова два реда

---

* e-mail: jelenajo@bitsyu.net

ознака: „У писаној ријечи на мисаону рашчлањеност, као и на односе и одлике његових чланова (дјелова, елемената) указује се п р а в о п и с н и м з н а ц и м а или и н т е р п у н к ц и ј о м“. Уместо дистинкције међу овим ознакама говори се о тзв. реченичним и нереченичним знацима. О ’примакнутој’ црти каже се у том контексту да се употребљава „у везама које немају реченични карактер“ (Пешикан/Јерковић/Пижурица 1995: 133). Тиме није ништа ближе речено да ли те ’везе’ имају синтаксички или творбени статус.

1.3. По другом издању овог правописа (Пешикан/Јерковић/Пижурица 2010: 126-127) стоји изричита напомена: „Интерпункцијски знак ’примакнута црта’ (црта без белина) изразито је везног карактера. По своме начелном смислу“ – она „стоји између одмакнуте црте и цртице“ (Пешикан/Јерковић/Пижурица 2010: 160). Каже се да се пише „уместо одмакнуте црте у двојним везама: *Бојл–Мариотов закон; Служимо се Ристић–Кангрџиним речником...; влада Цветковић–Мачек; намесништво Ристић–Протић–Делимарковић; осовина Рим–Берлин*“; „у везама које значе просторне релације: *канал Дунав–Тиса–Дунав; пруга Београд–Бар; лет Париз–Њујорк; растојање Земља–Марс...*“.

Наведене формације заправо нису јединствене, јер поред оних са равноправним и грамагички идентичним члановима спреге о којој говоримо (*влада Цветковић–Мачек, канал Дунав–Тиса–Дунав* и сл.), налазимо и оне код којих је веза успостављена између неравноправних форми: *Бојл–Мариотов, Ристић–Кангрџин*.

2. Према објашњењу у нашем *Српском правопису* (Симић 2003: 145. и д.) црта се, употребљава у служби интерпункцијског знака, и пише се двојачко: „одвојено од речи између којих стоји, и састављено с њима“ (Симић 2003: 172).

(а) „Одвојено од речи између којих стоји – црта се пише кад обележава истакнутију говорну паузу“: – *Па то̂ је као не̂ки̂ – з н̂ а к!*

(б) „Састављено се црта пише – кад повезује равноправне номинацијске конструкције“: – *На прѹзи Београд–Ба̂р саобраћа̂ј је те̂к јѹтрѹс нормализован̂.*

3. Проблем који из горње расправе проистиче не тиче се само правописа, и само класификације знакова, већ и много озбиљнијих теоријских питања, која задиру и у сферу творбе речи, тј. њених периферних и прелазних зона према синтаксичким структурама. Наш задатак у овом раду јесте да покушамо повући могућу границу између синтаксичких структура и творбених формација на том сектору, а у првом реду да утврдимо, са тога гледишта посматрану, природу форми обележених спојеном цртом, и да ли оне припадају творбеним, дакле лексичким, полусложеничким, или синтаксичким врстама структура. Одмах нам ваља напоменути да се спојена црта у текстовима ретко употребљава, те да се уместо ње пише цртица, на једној страни, и одвојена црта, на другој. Но ми се тим проблемом нећемо бавити, већ остајемо при спојеној црти.

4. У овом уводу треба учинити још коју напомену о полусложеницама. Оне у научним расправама о творби речи не заузимају високо место. А о нијансама и степеновању узнапредовалости творбеног процеса нема ни речи. Тако М. Стевановић (1991, I: 401) у свом универзитетском уџбенику помиње додуше категорију полусложености, али само узгред и само у контексту расправе о сложеницама.

Општа његова констатација којом издваја полусложеничке од сложеничких твореница гласи да код њих, прво, „тамо где посебни делови оваквих назива чувају своје акценте, они остају као посебне речи“; и друго, и друкчије него код спојева посебних речи, „ако се у промени први део двочланог назива не мења, делови су значи чвршће међусобно везани, (ал)и такви називи нису онда праве сложене речи, већ полусложенице“. Примери које Стевановић наводи у потпуности потврђују његове дефиниције: *Хѐрцег-Нѓвѓ* (ген. *Хѐрцег-Нѓвѓг*, дат. *Хѐрцег-Нѓвѓм* итд.), *Їванић-Грѓд* (*Їванић-Грѓда*, *Їванић-Грѓду*), *Їван-планина* (*Їван-планинѓ*, *Їван-планини*), тако и *Шѓр-планина*, *Дѓљ-гѓра* итд. Кад поведе реч о синтаксичким односима између делова сложенице, он констатује једнакост тих односа код сложеница (*бубамѓра*, *бабарѓга*, *Вирпѓзѓр*) и полусложеница (*Кѓтор-Вѓрош*), јер, између осталог, често „једна именица“ је управни део конструкције, „а друга, као заједничка, означава појам врсте, односно врсту... објекта“, и мора се сматрати атрибутом оне прве (Стевановић 1991, II: 407). Ово је наравно довољно да читалац Ставановићевог дела стекне извештан увид у природу полусложеница, али није довољно за проблематизацију и подробну обраду, као и евентуалну структурну класификацију њихову. Индикативно је да Стевановић чланове сложеничких формација сматра „посебним речима“, што би значило да су полусложенице заправо синтаксичке конструкције по структури и унутрашњим својствима. Ипак, чињеница да се ове јединице уносе у речнике по себи сведочи друкчије: практично се граматичари и лексикографи, па свакако и дериватолози, према њима односе као према лексички јединственим целинама, дакле елементима лексичког система. Ми за ову прилику остајемо при схватању о лексичкој природи полусложеница, и правописној функцији цртице која се између њихових делова пише, и враћамо се својој теми.

2. Обрада грађе

1. Грађу ћемо распоредити у два одељка, па ће у првоме бити примери из *Српске синтаксе* (Симић/Јовановић 2002), где су се аутори трудили да консеквентно примене правило о писању спојене црте, а у другом из других различитих текстова, уколико се ова ознака тамо појављује.

2. У *Српској синтакси* ова је ознака употребљена свега неколика пута. Забележени су следећи примери са спојеном цртом:

Други разлог неподношења јесте извесна разлика међу њима која се често етаблира као дистинкција **привременост–непривременост**, **актуалност–неактуалност** или сл. Синт. 1, 233.

Утврдили смо ...да је однос **субјекат–предикат** у основи однос апонираних јединица. Синт. 1, 312.

У свим случајевима уместо номинатива ипак је **мање–више** употребљив инстр. Синт. 1, 340.

а) Прва два случаја илуструју тип парних именичких спрегова у којима су чланови равноправни, а и један и други остају непроменљиви. И друго, врло битно што ваља уочити, јесте да су обе именичке речи у споју зависне од треће која им претходи. Та трећа је променљива: дистинкција (ген. дистинкције, дат.

дистинкцији) **привременост–непривременост, актуалност–неактуалност; однос(односа/односу) субјекат–предикат**). Управо би падежна ознака код именица што су повезане цртом била сувишна, јер управна именица држи падежну позицију, и носи ознаку те позиције.

б) Последњи пример има посебан статус, јер – прво – спрега *мање–више* није условљена синтаксичком релацијом према некој трећој речи, већ је слободна; и друго – речи 'мање' и 'више' су по себи недеклинабилне, па се не може говорити о блокади. Али равноправност у формацији – уз изостанак флексије – дају легитимитет спојеној црти у овој формацији, као и примерима из 'никшићког' правописа¹.

3. Констатујемо поново да су чланови спреге код два примера обрађена у претходном параграфу (под а) – морфолошки блокирани. И на први поглед је јасно да та блокада није исте врсте као код полусложеница (*Вук-Даничићев* и сл.) Заправо, ако се претвори у полусложенички, однос међу јединицама у основи се мења, о чему сведочи један пример из правописа (Симић 2003: 116. и д.): *Влада Цветковић-Маћек > Цветковић-Маћекова влада*. Блокада код полусложенице ствар је њене унутрашње структуре, тј. односа међу њеним саставницама. Блокада пак код спреге коју пратимо долази споља, од трећег члана конструкције (Овде *влада*, горе *дистинкција*, тј. *однос*). И управо је најбитнији за нашу расправу утицај тога вањског момента. Да бисмо разумели о чему је реч, ваља нам се обратити најближем типу конструкција, тзв. атрибутивима. Јер и чланови наше фрмације стоје у односу атрибутива према заједничкој управној речи.

а) Конструкцију *војвода Степа* – у *Српској синтакси* смо „разложили на управну реч... и зависну“ (Симић/Јовановић 2002: 226), и у крајњој линији утврдили да је у начелу други члан у конструкцији одредба првог (*краљ Милутин, војвода Степа* – који краљ, који војвода? – *Милутин*, одн. *Степа* идентификатор је садржаја апелатива *војвода*). Но када је редослед чланова конструкције обрнут: *Милан краљ* или сл., онда се мења и однос међу њима. Ова конструкција неће питање 'који Милан' – па је јасно да је 'краљ' објашњење речи 'Милан', њен атрибутив.

б) И код наше конструкције са парним лексемама, трећи члан, који ћемо назвати 'контекстом', – има стварни статус управног дела, док спарене лексеме у зависном делу конструкције јесу његов атрибутив (*пут Суботица–Београд* = пут који повезује Суботицу и Београд). У том својству управни члан уоквирава зависне чланове у заједничку конструкцију – има улогу кондензатора, по ономе што је речено у *Српској синтакси*².

4. Како повезати ова два реда факата? Логично је поставити питање да ли ван наших примера постоје конструкције са морфолошки блокираним (једним) атрибутивом. Грађа коју имамо у *Српској синтакси* даје нам право на потврдан одговор, па ћемо уместо свега само указати на неке детаље из тамошњег одељка посвећеног овим питањима.

¹ У: Симић 1993. В. погл. 1, т. 1.1 под (б): *овде–онде, туда–свуда, рекла–казала*.

² Уп: Симић/Јовановић 2002: књ. III/IV, 7 и д.

а) Када је у конструкцији атрибутив неки посебан назив, етикета или сл., а управна реч системски назив датог садржаја, тада је зависни члан по правилу морфолошки блокирана јединица:

- ... да ми прочита новине о потапању брода *Титаника* МЦ Итака 108;
- ... штампало сам у *дечјем листу Голуб*... једну песму МЦ Итака 106; – У збирку *Итака*, поред политичких песама, улазе... МЦ Итака 188; – Она је после, ретуширана, штампана у збирци *Приче о мушком* МЦ Итака 205; – После те посете, мене су узели, номинално, и за члана редакције часописа *Књижевни југ* МЦ Итака 206; ; – Коментар уз песму '*Ја, ти, и сви савремени парови*' МЦ Итака 225; – ... у већ помињаној приповеци *Они болесни Мита*... чини симболички гест НП Ром 20; – Пажљиво ме читаоцу неће промаћи овај доста необични опис мимике на Томчином лицу у *приповеци Стари дани* НП Ром 21;
- ... приморје је карактеристично због паралелности приморских облика *динарског правца северозапад-југоисток* или *пиндског правца север-југ* ЈЦ Балк 15;
- Термином *хронотоп* служимо се... НП Ром 24; – ... на њега нас, између осталог упозорава подвучена заменица у синтагми '*његов гласник*' НП Ром 74; – ... развитак моционих односа код изведених речи ове врсте врши се по *оваквој схеми берач -> берачица // плетач -> плетачица* РБ ОЧ 90; – ... према именицама *типа српскохрватско к и ш н и ц а* (кишна вода), *о р н и ц а а* (орна земља)... могле су бити направљене РБ ОЧ 94.

б) У првом наведеном примеру према генитиву *брода* стоји генитив његовог властитог имена – *Титаника*. За овим следе читаве две скупине примера са истим односом речи у спрегама, и са властитим именом, етикетом или сл. у номинативу, иако по начелу конгруенције очекујемо коси падеж. Рећи ћемо да етикета и властито име радије задржавају основни облик кад крај њих стоји општи назив.

в) У следеће две скупине атрибутивно су спрегнути апелативи, општи називи, па ипак један од њих задржава основни облик. Код *правац север-југ*, *схема берач-берачица* и сл. део конструкције блокиран је тиме што је укључен у оквир схеме, матрице, табеле и друге сликовне представе, а не линеарног говорног низа представљеног писменим знацима. По ономе што смо на почетку рекли о спојеној црти – тј. да је установљена тек најновијим правописима од 1993. – разумљиво је што су двојне спреге обележене цртицом.

г) У осталим случајевима спрегнути су лингвистички и сл. термин, или опште било који метајезички израз који назива категорију, и реч из те категорије, што је у извесном смислу слично претходно обрађеним случајевима.

5. Према томе, стварно је у посебним случајевима атрибутив по правилу морфолошки блокиран и кад је у тој функцији употребљена једна реч. Разумљиво је онда да је могућа, и заправо регуларна блокада и парова речи кад се нађу истој функцији (То уосталом показују и примери поменути овде под б). У грађи ван *Српске синтаксе* забележили смо следеће случајеве са спојеном цртом:

- ...раздвајање између француског ваздухоплова на линији **Париз–Софија** и израелског авиона на линији **Тел Авив–Њујорк**
 Политика, 31.12.2009., 3.

...пруга **Плана–Смедеревска Паланка**, дакле, пруга **Београд–Ниш**
Д. Ћосић, *Време мржње – лична историја једног доба*, 107.

...још није био завршена аутопут **Београд–Ниш**...
Д. Ћосић, *Време власти II*, 83.

Данас у Грделичкој клисури погођен путнички воз **Београд–Солун**...
Д. Ћосић, *Време мржње*, 44.

...под непосредним утицајем супружника **Милошевић–Марковић**
Д. Ћосић, *Време мржње*, 179.

...а да владу састави коалиција **Мићуновић–Драшковић**
Д. Ћосић, *Време мржње*, 44.

Челе–Раде Чајетинац

Д. Ћосић, *Време мржње*, 190.

Предраг–Пеђа Марковић

Д. Ћосић, *Време мржње*, 206.

За грејну сезону **2011–2012**. могла (би) да буде завршена и друга фаза 'Банатског Двора'.

Политика 22. 10. 2009, 13.

а) Полазимо од последњег случаја, који представља секвенцу од две парно спојене цифарске форме, дакле по себи непроменљиве, заправо лингвистички нерелевантне јединице. Њихово писање ствар је конвенције другог реда, а не творбеног или синтаксичког, о којима овде говоримо. Али га непроменљивост елемената приближава случајевима са непроменљивим речима.

б) Први наведени пример двема конструкцијама означава путни правац од почетне до завршне тачке, а чланови споја управо називају те тачке. Лексеме нису променљиве, и тиме задовољавају критериј за писање спојене црте. Мађутим, постоји разлика међу нашим конструкцијама, и она се тиче састава чланова: *Тел Авив* је биполарног састава, а јединствен по значењу. Када цртом вежемо други део са потоњим делом шире конструкције, настаје асиметрични однос, и то овакав начин бележења правописно дезавуише. Боља је растављена црта: *Тел Авив – Њујорк* (исто и *Плана – Смедеревска Паланка* из другог прим.).

в) Формације као *Београд–Ниш* и *Београд–Солун* познате су нам из претходне анализе. Чланови спреге и овде су морфолошки блокирани.

г) Слично је и у примерима који означавају брачну 'коалицију' (*Милошевић – Марковић*), и политичку (*Мићуновић–Драшковић*). Јединице повезане спојеном цртом представљају спрегу равноправних и у том склопу непроменљивих именица, па по томе су идентични са већ анализиранима.

д) Конструкције *Челе–Раде Чајетинац* и *Предраг–Пеђа Марковић* – као да повезује име и надимак у необичном линеарном распореду. Кад промислимо о односима у целој формацији, излази да су они овде цртом замрачени, а не прецизи-

рани. Наиме, надимак припада особи пуног имена и презимена, дакле *Ради (Раду или Радету) Чајетинцу* и *Предрагу Марковићу*. Растављањем црте од једног дела званичне номинацијске конструкције, или њеним уклањањем, што је још боље – ми надимак стављамо у однос према њеној целини, и исправљамо непотребну правописну аномалију: *Челе – Раде Чајетинац // Челе Раде Чајетинац и Предраг – Пеђа Марковић // Предраг Пеђа Марковић* или сл. Уосталом, ове конструкције и не спадају у домен који нас занима, јер су неблокиране морфолошки, и јер нису типични случајеви атрибутивне употребе именица.

ђ) Претпоследњи пример је женско двојно презиме, које је у Матичиним правописима препоручено писати са спојеном цртом, ма да је и ту црта беспредметна³.

3. Закључак

1. Излази да у неким посебним случајевима – пре свега када је то етикета, посебно име или специјални назив – атрибутив подлеже дисконгруенцији. Ако се вратимо главнини наших парних конструкција са спојеном цртом, можемо утврдити да и оне спадају у исту категорију атрибутива, те да су скупно дисконгруиране под упливом конструктивне схеме атрибутива и управне речи. Следило би одавде да морфолошка блокада и у једним и у другим случајевима има синтаксички смисао, јер је резултат утицаја управне речи на атрибутив. Друге обједињују јединице непроменљиве по себи, које се стога могу сматрати неутралним члановима истога система форми.

2. Овакав закључак могао би бити демантован постојањем спрегова са спојеном цртом у самосталној, синтаксички незезаној употреби, чији су чланови променљиви. У новом Матичином правопису постоји један такав пример (Пешикан/Јерковић/Пижурица 2010: 126), и он гласи: *Ристић–Кангрга су написали врло познат речник*. Грађа у приручницима какав је правопис није обавезно оверена, па није јасно да ли је наш пример узет из постојећег текста или је ауторов. Но и у једном и у другом случају он не делује природно, па би се могао одбацити као потврда против горњег закључка. Привидно, постоји могућност самосталне употребе управо спреге из тог примера: *На полици је на истакнутом месту стајао Ристић–Кангрга*. Али то је само привид, јер је секвенца, прво, необична, и друго, заправо деклинабилна по систему полусложеничких форми: *Скренуо нам је пажњу на Ристић–Кангргу на својој полици*.

3. Рекли бисмо стога да је слободна употреба наших кованица за сада само потенцијална могућност, те да се оне не могу прибројити фонду лексичких твореница српског језика, него остају у домену синтаксичких конструкција посебног карактера.

4. У уводним напоменама сусрели смо се са формама *Бојл–Мариотов, Ристић–Кангргин* и сл., за које се у најновијем издању Матичиног правописа препоручује спојена црта. По унутрашњим односима, у којима је равноправност двеју основа

³ Ако из техничких или којих других разлога спојена црта не функционише, писцу остаје цртица, па се добијају неперепоручљиви графички ликови типа: Запис Катарине **Вуковић–Трипковић** (насл.) РП Судб 357 (нав. према: Симић/Јовановић 2002).

неоспорна, ове форме заиста се примичу онима које смо горе прегледали. Али по вањским својствима оне су сасвим сличне полусложеницама – са разликом у томе што се код већине полусложеничких формација асиметрија очитује само на граматичком плану (морфолошки је блокиран први елемент: *наџак-баба – наџак-бабе* итд.), док је овде у првом плану творбена асиметрија (*Ристић(ев)–Кангргин*).

5. И на крају, ако издвајамо тип *Ристић–Кангргин* из комплекса полусложеница и прибројимо га онима о којима смо расправљали, намеће се за размишљање и још понеки тип њихов. Нпр. семантички је равноправан однос делова и код формација типа *енглеско-српски* (речник), *научно-истраживачки* (пројекат) итд., па би – уколико формална асиметрија нема значаја – и овде припадала спојена црта. У том случају би фонд форми са спојеном цртом био дељив на две категорије, па би она коју смо анализирали у главном делу рада спадала синтаксу, а ове о којима смо управо говорили – у сферу творбе речи. Но без обзира на све – општи принцип да творбени процес почиње пре формирања полусложеничких, сложеничких и деривацијских форми – неоспоран је факат. Надамо се да је овим радом то на извесном материјалу показано.

ИЗВОРИ

Политика 2009: Политика, 31.12. и 22. 10.

Симић/Јовановић 2002: Р. Симић и Ј. Јовановић, *Српска синтакса I-IV*, Београд: НДСЈ и Јасен.

Ћосић 2007: Добрица Ћосић, *Време власти II*, Београд: Просвета.

Ћосић 2009: Добрица Ћосић, *Време мржње – лична историја једног доба*, Београд: Службени гласник.

ЛИТЕРАТУРА

Пешикан/Јерковић/Пижурица 1995: Митар Пешикан, Јован Јерковић и Мато Пижурица, *Правопис српскога језика (школско издање)*, Нови Сад и Београд: Матица Српска и Завод за уџбенике.

Пешикан/Јерковић/Пижурица 2010: Митар Пешикан, Јован Јерковић и Мато Пижурица, *Правопис српскога језика (измењено и допуњено издање)*, Нови Сад: Матица српска.

Симић 1993: Радоје Симић и др., *Правопис српскога језика са речником*, Београд и Никшић: ЧИП Штампa и Унирекс.

Симић/Јовановић 2002: Радоје Симић и Јелена Јовановић, *Српска синтакса I-IV*, Београд: НДСЈ и Јасен.

Симић 2003: Радоје Симић, *Српски правопис*, Београд: НДСЈ и Јасен.

Стевановић 1991: Михаило Стевановић, *Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма)*, књ. 1-2., 5. изд., Београд: Научна књига.

Radoje D. Simić

EIN PROBLEM VOM RAND DES SERBISCHEN WORTBILDUNGSSYSTEM –
FORMEN MIT DEM BINDESTRICH

Zusammenfassung

Der Autor hat sich in dieser Arbeit mit den Formen 'put Beograd–Niš' ('Beograd-Niš // 'Beograd – Niš') befasst. Er hat dabei beschlossen, dass das Wortpaar 'Beograd–Niš' funktioniert als Attributiv zum dritten Wort, hier 'put'. Dadurch ist es morphologisch blockiert, und die Blockade hat also den syntaktischen und keinen morphologischen Sinn. Der Fall deswegen soll zur Syntax und nicht zur Wortbildung zugeordnet werden.

ИВАНА П. ЂЕЛИЋ*

МАТИЦА СРПСКА, НОВИ САД, СРБИЈА

СЕМАНТИЧКИ ПОТЕНЦИЈАЛ ДЕРИВАЦИОНИХ ГНЕЗДА ИМЕНИЦА ИНТЕЛЕКТУАЛНИХ СВОЈСТАВА

Сажетак. У раду се анализира категорија именица интелектуалних својстава (*ум, памет, свест, дух и душа*) из једног угла семантичког и творбено-семантичког становишта. У циљу приказивања њиховог семантичког и деривационог потенцијала, могуће је спроводити различите видове анализа. Деривати се приказују на основу семантичко-функционалне вредности творбених форманата са акцентом о актуализацији значењских компонената из творбене основе, а на тај начин је код одређених творбених модела (префиксалног и префиксално-суфиксалног) семантичку структуру могуће осветлити и са когнитивно-лингвистичког становишта, откривањем појмовних метафора преко којих се ове именице концептуализују. Изводе се закључци и о продуктивности значењских елемената из творбене основе. Шири циљ овог рада је наговештавање огромних могућности употребе семантичко-деривационих гнезда – њихово испитивање омогућава широк и темељан увид у семантичке и деривационе карактеристике лексичког система, семантичка варирања на којима се он базира, као и у статус појединих лексема.

Кључне речи: семантичко-деривациона гнезда, именице интелектуалних својстава, семантичка анализа, творбена анализа, концептуална анализа.

0.1. Анализа семантичко-деривационих гнезда именица интелектуалних својстава део је једног великог лингвистичког пројекта под називом *Семантичко-деривациони речник*. Овај пројекат, чију је концепцију осмислила Даринка Гортан-Премк, заснован је 2000. године с циљем да се прикажу семантичко-деривационе варијације основних, простих лексема, да се сачини попис свих њихових деривата и прикаже творбена сегментација. Тиме се омогућило сагледавање статуса семантичке и творбене деривације са аспекта потенцијала, продуктивности и улоге појединих категорија речи и творбених модела у систему српског језика.

0.2. Предмет наше анализе била су семантичко-деривациона гнезда именица *ум, памет, свест, дух и душа*. Ова анализа имала је два основна циља. Прво, описати семантички садржај простих, мотивационих именица, дакле с једне стране издвојити све семантичке компоненте као индукторе значењских трансформа-

---

* e-mail: icelic@maticasrpska.org.rs

ција, и с друге, издвојити семантичке позиције које то омогућавају. Други циљ је представити деривациона гнезда према творбеном и семантичком критеријуму, што значи инвентар творбених форманата и њихову семантичко-функционалну вредност посматрати у спрези са елементима семантичког садржаја који су из творбене основе пренети у дериват. Ми ћемо се у овом излагању задржати само на приказу закључака који се тичу овог другог циља.

1.1. Општи закључци о творбеној и семантичкој продуктивности наше групе именица потврђују опште и већ проверене претпоставке које важе за лексички систем. У домену творбене продуктивности, најпродуктивнији су деривати првог степена. Именичка творба је најпродуктивнија, будући да су мотивне речи именице. Најдоминантнији творбени модел је суфиксација, а велику продуктивност у деривационом процесу ових именица има и сложена творба. Што се тиче творбених значења, будући да су мотивне именице апстрактне, она такође остају у домену апстрактног.

1.2. За нас су посебно интересантни били они творбени модели који уносе семантичке модификације неграматичког типа или откривају одређене појмовне метафоре. С обзиром на то да ПРЕФИКСАЛНА И ПРЕФИКСАЛНО-СУФИКСАЛНА ТВОРБА чине основ семантичких модификација, у њима се лако може уочити учешће одређених компонената из садржаја творбене основе, или један вид концептуализације мотивних именица. Ово је нарочито уочљиво када се ради о творби глагола, где су префиксална и префиксално-суфиксална творба доминантне.

2. Пре него што наведемо примере, подсетићемо на неке основне карактеристике појмовних метафора које смо потврдили и кроз творбену анализу нашег корпуса.

2.1. Користећи способност метафоризације, једног од основних механизма појмовног мишљења, човек апстрактне појмове и појмовне домене разумева преко конкретних, чулно сазнатљивих и добро познатих. Пре свега преко опажања себе и других објеката у простору, кретања кроз тај простор и манипулисања објективним датостима. Познато је, даље, да перцепирање простора, као основно човеково искуство, логички имплицира и искуство САДРЖАВАЊА. Човек је садржан у неком простору али исто тако он и своје тело доживљава као садржатеља за неке друге објекте, што значи да се искуство садржавања метафорички пресликава и на нетелесне ентитете као што су ментални, мисаони, духовни, емотивни, логички процеси и способност перцепције.¹ Ови принципи огледају се и у језичкој организацији, на њеним различитим нивоима – не само на нивоу лексичке спојивости

¹ Схема садржавања подразумева постојање садржатеља и садржаног објекта, при чему је за садржатеља релевантно да има унутрашњост, спољашњост и границе, док садржани објекат може бити предмет или материја (основне физичке манифестације света који окружује човека). Концептуално гледано, предмет подразумева нешто подложно перцепцији, што има препознатљив облик, може бити опипљиво, тродимензионално или дводимензионално, функционално, покретно или статично. Материју карактерише променљиви облик (дакле непостојање препознатљиве границе), истоветност у свим својим деловима, а може бити течне, густе или чврсте природе, чулно опаљљива или неопажљива (нпр. ваздух) (Кликовац 2000: 41-43)

у реченици (синтаксичко-семантичком), већ и на нивоу творбене спојивости у оквиру лексема (творбено-семантичком).

2.2. Још једна карактеристика појмовних метафора јесте да се оне уобичајено и најлакше анализирају на реченичном материјалу – било да се ради о слободној вези речи или о чврстој вези устаљеној дугом употребом која се налази у фразеологизмима. Заправо, посматра се реченични ужи и шири контекст, минимално контекстуално окружење за издвајање концепта, јер процес концептуализације значи повезивање апстрактних и конкретних садржаја, најчешће на основу прототипичне глаголске тј. предикативне, атрибутске или предлошке спојивости. Међутим, појмовне метафоре је у некој мери могуће посматрати и на нивоу творбе, пре свега у вези творбене основе и значења оних творбених форманата који су у блиској вези са лексичким значењима или су на прелазу са лексичким нивоом. Ова могућност првенствено се односи на префиксе или на значења друге, односно прве сложеничке основе.

3. У творбеној структури многих твореница именица интелектуалних својстава очитују се пре свега ОРИЈЕНТАЦИОНЕ, ПРОСТОРНЕ МЕТАФОРЕ, где се, конкретно, појмови интелектуалних, духовних стања и особина доживљавају на два начина – 1. као спољашњи ентитети, апстрактни мисаони или духовни садржаји који споља, најчешће од горе, улазе или могу да уђу у човека, садржитеља, и 2. као сами САДРЖАТЕЉИ. Творбена значења у нашим гнездима која имплицирају ове појмовне метафоре су следећа: ОБУХВАТАЊЕ ОБЈЕКТА РАДЊЕ ОСОБИНОМ, ПРИДАВАЊЕ ОСОБИНЕ ИЛИ СПОСОБНОСТИ ОБЈЕКТУ РАДЊЕ, МЕТАФОРИЧКО СНАБДЕВАЊЕ ОБЈЕКТА ОНИМ ШТО ЗНАЧИ ИМЕНИЦА ИЛИ ПРИДЕВ. Ово се постиже у споју са префиксима о-, из-, по-, про-. С друге стране, у нашим примерима налазимо значења МЕТАФОРИЧКОГ КРЕТАЊА ИЗ САДРЖИТЕЉА (постигнута префиксима из-, раз-), МЕТАФОРИЧКОГ ПРЕМЕСТАЊА МИСАОНОГ САДРЖАЈА (префикс пре-), МЕТАФОРИЧКОГ ПРОЛАЖЕЊА КРОЗ САДРЖИТЕЉ (префикс про-), АБЛАТИВНОСТИ ТЈ. УДАЉАВАЊА МИСАОНОГ САДРЖАЈА ОД САДРЖИТЕЉА (префикс од-).

3.1. Погледајмо неке од ових префикса и наведених метафора на примеру гнезда именице УМ.

3.1.1. У случају глагола *изумети*, префикс из-, осим што перфективизује радњу, уноси значењски компоненту која се базира на метафоричком просторном значењу, односно на метафоричком појму кретања ИЗ садржитеља у спољашни, објективни свет – овде се идеја или мисао у уму, САДРЖАТЕЉУ, након крајњег уобличавања, износе као одређено знање или као ентитет који функционише по утврђеним законитостима (овај глагол дефинише се у РМС као 1. ‘наћи истраживањем нешто што се пре није знало, изнаћи’; 2. ‘смислити нешто што не постоји и навести то као истину, измислити’).

3.1.2. Префиксом до- у глаголу *доумити се* (‘размишљањем доћи до закључка, домислити се’, досетити се) уноси се значењска модификација остваривања циља усмерене мисаоне радње, а метафорички долажење до одређеног простора, садржитеља.

3.1.3. Значење префикса на- у глаголу *наумити* (‘решити се, одлучити се, накатити се’) може се довести у везу са концептуализацијом ума као површине на коју се ствари (идеје, мисли) стављају од горе, а потом ум тежи да их конкретизује, реализује као реалне ентитете тј. као деловање у објективном свету. Значење почетка остваривања, предиспонираности, налази се и у варијантним глаголима *поумати* и *поумити (се)* – оно што је ПО, ПРЕМА уму тежи да се спроведе у дело (ови глаголи се дефинишу као ‘пожелети што учинити, наумити, намислити’).

3.1.4. Префиксом од- творен је глагол *одумити* (1. ‘одустати од намере, предомислити се’. 2. ‘одлучити, решити, наумити’). Аблативно значење овог префикса јасно је у примарној семантичкој реализацији где се удаљавање (идеје, намере) од границе имагинарно–стварно врши у негативном смеру, као враћање у апстрактније сфере. У другом, мање уобичајеном значењу, удаљавање може да се врши на супротну страну, кретањем се идеја приближава одлуци да се из апстрактног, мисаоног претвори у стварно. Слично значење метафоричног кретања, премештања садржаја ума са једног места на друго, исказује се и префиксом пре- у глаголу *преумити* (1. ‘предомислити се’. 2. ‘изгубити из вида, сметнути с ума’), док се префиксом про- у *проумити* (‘промислити, смислити, одлучити се на што’) означава пролазак менталног садржаја КРОЗ ум. Ум је овде садржатељ, просторно смештен.

3.1.5. Заправо, општа карактеристика коју смо уочили у вези са префиксално-суфиксалним првостепеним глаголима у оквиру гнезда именице УМ јесте да се семантички садржај творбене основе ум метонимијски трансформише на значење садржаја који се у њему налази, дакле на идеју, мисао, одлуку и сл., и с друге стране на то да се ум концептуализује као садржатељ.

3.2. На примеру префиксално-суфиксалне творбе у оквиру гнезда именице ПАМЕТ такође можемо приказати исти тип концептуализације.

3.2.1. Префикс из- у *испаметити* (‘изгубити способност нормалног и мирног расуђивања, изгубити памет’) модификује значење уносећи компоненту губљења, нестајања појма означеног творбеном основном, или другачије посматрано – метафоричког кретања, нестајања садржаја из садржатеља памет.

3.2.2. Префикс о- у *опаметити (се)* (‘учинити кога паметним, разумним, уразумити’) модификује значење творбене основе на следећи начин – објекат дате радње се на метафорички начин снабдева оним што значи именица, садржај именичког појма се преноси на њега.

3.2.3. Префиксом раз- у *распаметити* (‘изгубити памет, способност расуђивања’) глаголска радња се модификује значењем губљења, нестајања, метафоричког кретања садржаја из садржатеља памет.

3.3. Погледајмо и неке творенице у гнезду именице ДУХ са истим концептом – првостепене глаголе: *одуховити (се)*, *подуховити* и *продуховити (се)*.

Префиксом о- у глаголу *одуховити* модификује се значење творбене основе – и овде се објекат дате радње на метафорички начин снабдева оним што значи именица. Аналогно значење имају и префикси по- у *подуховити* (‘учинити духовним, одуховити’) и про- у *продуховити* (‘испунити, прожети духом’). Дух се концептуализује као спољашњи садржај а човек као садржатељ.

3.4. Или, погледајмо неке примере из гнезда именице *ДУША*.

3.4.1. У глаголу *одушити* (*се*) префикс од- има аблативно, тј. значење удаљавања, излажења различитих психолшких, претежно емотивних садржаја из душе, као садржатеља. У зависности од начина на који се агенс ослобађа емотивног притиска, разликују се и значења овог глагола (а. ‘рећи нешто из душе, рећи са олакшањем, надушак’; б. ‘осетити олакшање’; в. ‘искалити се (на кога), дати себи одушке’).

3.4.2. У *одушевити* (*се*) префикс о- има значење потпуног обухватања објекта радње садржај који припада психо-физичкој сфери, а тиче се и мишљења и емоција. Значење придавања особине исказане придевом у творбеној основи, префикс о- има у глаголу *омалодушити* (*се*). У дериват *обездушити* (‘одузети коме душу, учинити беживотним, умртвити’) пренета је компонента из сфере *условљености телесног и духовног*, као *животна енергија у телу*. Душа се у сва три поменута глагола концептуализује као садржај који припада одређеној сфери а човек као садржатељ.

3.5. Што се тиче гнезда именице *СВЕСТ*, учешће одређених префикса у творби на метафорички начин указује на концепт просторне слојевитости. У именицама *подсвест* и *предсвест*, префикси у концептуалном смислу имају значење истих предлога. Тако се *свест* тумачи само као један слој или ниво умног стања у којем се достиже разумевање субјективног и објективног света и у којем се активности контролишу, *подсвест* се налази испод свесног слоја, сакривена од свесног субјекта али са изразитим утицајем на емоције, мишљење и деловање, док је *предсвест* стање које непосредно предстоји поимању и разумевању.

4. Навешћемо даље и друга значења која се постижу префиксалном творбом а нису у директној вези са концептуалном семантиком. То су ПОЧЕТАК ОСТВАРИВАЊА, ПРЕДИСПОНИРАНОСТ (пр. *наумити*, *поумати*), ИЗАЗИВАЊЕ ПСИХО-ФИЗИЧКОГ СТАЊА КОД СЕБЕ ИЛИ ДРУГОГ (*освестити* (*се*), *присвестити* (*се*)), ОСТВАРИВАЊЕ ЦИЉА МИСАОНЕ РАДЊЕ (*доумити* (*се*)), ДОСТИЗАЊЕ ЦИЉА СУКЦЕСИВНИМ ВРШЕЊЕМ РАДЊЕ НА ВИШЕ ОБЈЕКТА ИСТОВРЕМЕНО (*попамтити*), ДОСТИЗАЊЕ ЦИЉА У КРАЋЕМ ВРЕМЕНСКОМ ПЕРИОДУ (*припамтити*), ПОСТИЗАЊЕ ТРАЈНОГ СТАЊА (*упамтити*) и др.

5. Изнећемо још један важан закључак који се тиче семантичког потенцијала у оквиру творбе ових именица. За свако од ових гнезда могу се издвојити одређене семантичке компоненте које су из садржаја мотивних именица пренете у садржај деривата. Носиоци семантичке деривације најчешће су релациони придеви и префиксирани деривати.

5.1. У гнезду именице *ум* доминира архисема СПОСОБНОСТ МИШЉЕЊА, Тако је *разум* носилац микрогнезда од 44 деривата и 6 степена деривације, а лексема *умети* од 36 деривата и 5 степена деривације.

5.2. У гнездима именица *памет* и *свест* доминирају појединачне семантичке компоненте, и то из секундарних реализација. За гнездо именице *памет* доминантне компоненте су СПОСОБНОСТ СЕЋАЊА – па тако глагол *памтити* представља мотивациону базу за 25 деривата што чини више од пола гнезда – и

архисема СПОСОБНОСТ МИШЉЕЊА. У гнезду именице *свест* доминира компонента нормалног психичког стања будности – најпродуктивнији првостепени деривати су лексеме *свестан*, *свестити се* и *несвест*.

5.3. Систем деривата именица *дух* и *душа* садржи највећи број семантичких компонента које припадају различитим значењским сферама и не могу се издвојити као доминантне. У гнезду именице *дух* налазимо компоненте ПСИХИЧКЕ И МОРАЛНЕ СНАГЕ (пр. *духован*, *слабодух*), БЕСМРТНОГ, НЕМАТЕРИЈАЛНОГ, БОЖАНСКОГ ПРИНЦИПА У ЧОВЕКУ (пр. *одуховити се*, *продуховити се*), РЕЛИГИОЗНЕ СФЕРЕ (пр. *духовни*, *богодух*, *светодух*). У гнезду именице *душа*, као и у самом њеном семантичком потенцијалу, могуће је многобројне значењске елементе класификовати у неколико значењских сфера. Тако налазимо да првостепени деривати овог гнезда припадају следећим сферама значења: 1. психо-физичкој сфери – која обухвата емоционалност, свесност, способност мишљења, карактерне особине (пр. *душеван*, *бездушан*, *одушевити се*, *малодушан*); 2. сфери односа према другима, квалитет социјабилности, моралности (пр. *здушан*, *великодушан*, *добродушан*); 3. религиозној сфери (пр. *задушије*, *подушије*); 4. сфери условљености телесног и духовног, животне енергије у телу (пр. *обездушити*).

6. За крај овог излагања закључићемо следеће: Анализе попут ове, које се ни издалека не могу у потпуности приказати мимо обимних студија о одређеним лексичко-семантичким групама, јасно указују на огромне могућности употребе семантичко-деривационих гнезда. Њихово испитивање омогућава широк и темељан увид како у семантичке тако и у деривационе карактеристике лексичког система, семантичка варирања на којима се базира, као и у статус појединих лексема.

ЛИТЕРАТУРА

РЕЧНИЦИ:

Речник српскохрватског књижевног језика (1967–1976). (I-III Матица српска – Матица хрватска, IV-VI Матица српска). Нови Сад: Матица српска (РМС).

Гортан-Премк, Даринка и др. (2003). *Семантичко-деривациони речник, свеска 1: Човек – делови тела*. Нови Сад (СДР 1).

Гортан-Премк, Даринка и др. (2006). *Семантичко-деривациони речник, свеска 2: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизичка стања и радње, психофизичке особине, сродство*. Нови Сад (СДР 2).

МОНОГРАФИЈЕ, СТУДИЈЕ И ЧЛАНЦИ:

Бабић, Стјепан (1986). *Творба речи у хрватском књижевном језику*, Југославенска академија знаности и умјетности. Загреб: Глобус.

Гортан-Премк, Даринка (1982). О семантичком садржају лексикографске дефиниције. *Лексикографија и лексикологија*. Београд/Нови Сад. 49–51.

- Гортан-Премк, Даринка (1987). О семантичком односу деривата према творбеној основи. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. МСЦ, Београд. 16/1: 101–107.
- Гортан-Премк, Даринка (1995/1996). О структури и семантици деривата. *Наш језик*. Београд. XXX/1–5: 76–81.
- Гортан-Премк, Даринка (2002). Семантичко-деривацини речник српскога језика. *Зборник радова са Међународног научног скупа о лексикографији и лексикологији Дескриптивна лексикографија стандардног језика и њене теоријске основе (одржаног 10–12. априла 2001. године у Београду и Новом Саду)*. Нови Сад: Матица српска. Београд: САНУ, Институт за српски језик САНУ: 103–110.
- Гортан-Премк, Даринка (2004). *Полисемија и организација лексичког система у српском језику*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Драгићевић, Рајна (2007). *Лексикологија српског језика*. Београд: Завод за уџбенике.
- Клајн, Иван (2002). *Творба речи у савременом српском језику, први део – Слагање и префиксација*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства. Институт за српски језик САНУ. Нови Сад: Матица српска.
- Клајн, Иван (2003). *Творба речи у савременом српском језику, други део – Суфиксација и конверзија*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства. Институт за српски језик САНУ. Нови Сад: Матица српска.
- Кликовац, Душка (2000). *Семантика предлога. Студија из когнитивне лингвистике*. Београд: Филолошки факултет.
- Кликовац, Душка (2004). *Метафоре у мишљењу и језику*, Београд: XX век.
- Lakoff, George and Mark Johnson (2003). *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Прћић, Твртко (1997). *Семантика и прагматика речи*. Сремски Карловци, Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Ристић, Стана (1999). Коцептуализација значења речи душа у савременом српском језику. *Зборник радова са четвртог лингвистичког скупа «Бошковићеви дани»*. књ. 53. ЦАНУ. Одјељење умјетности. књ.17: 133–144.
- Ристић, Стана и Милана Радић-Дугоњић (1999). *Реч. Смисао. Сазнање*. Београд.

Ivana P. Ćelić

THE SEMANTIC POTENTIAL OF DERIVATIVE NESTS OF NOUNS
WITH INTELLECTUAL ATTRIBUTES

Summary

By analyzing semantically-deriving nests of nouns with intellectual attributes (*ум, намет, свет, дух и душа*), according to a semantic and formation criteria, we have pointed out the following: an inventory of formation formants, their semantic and functional value and parts of the semantic contents and concepts which have been transferred from the contents of the formation base to a derivative. One of the findings of such an analysis, which we have primarily been undertaking, had to do with those formation mechanisms which uncover the participation of certain components from the semantic contents of the formation base. Most of all it concerns prefix and prefix-suffix formation. We've also highlighted how, to a degree, in a combination of formation formants of this type and the formation base of abstract meanings, the conceptualization of motive lexemes, or rather their conceptual metaphores, is uncovered. This is especially prominent in verb formation.

ГОРДАНА ШТАСНИ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

УТИЦАЈ СЕМАНТИЧКОГ САДРЖАЈА НА ДЕРИВАЦИЈУ ГЛАГОЛА ФИЗИОЛОШКИХ СТАЊА И ПРОЦЕСА¹

Сажетак. У раду се анализира семантички садржај глагола *пљувати* који припада тематској скупини глагола физиолошких стања и процеса. Интересује нас на који се начин семантички садржај одражава на деривацију у оквиру семантичко-деривационог гнезда са одабраним глаголом у мотивној функцији, као и семантичко-творбене карактеристике деривата у оквиру гнезда. Анализа је спроведена на примерима из *Семантичко-деривационог речника* (2006). Рад представља наставак истраживања у коме су обрађени прототипични представници ове лексичко-семантичке скупине глагола – глаголи *дисати*, *јести*.

Кључне речи: глаголи физиолошких стања и процеса, глагол *пљувати/пљунути*, семантички садржај, деривација.

1. Према Скоковом тумачењу, имперфективни глагол *пљувати*, према перфективном *пљунути*, балтословенског, свесловенског и прасловенског је порекла (1972: 692). Овај глагол припада глаголима физиолошких стања и процеса, или физиолошких радњи, како их назива Б. Тошовић (1998: 118). Типичним представницима ове семантичке скупине можемо сматрати „глаголе који у основном значењу имају заједничку архисему која би се могла означити као 'имати потребу за или манипулисати супстанцом неопходном за живот, *дисати* → *увлачити у себе или избацити из себе (кроз нос или уста) ваздух; јести* → *жвакати и гутати, узимати као храну*” (Штасни 2011: 576). Као што је већ констатовано у наведеном раду, основна разлика међу глаголима овога семантичког типа последица је аутоматизма (*дисати*) или вољности (*јести*) вршења радње исказане глаголом.

Одабрани глагол, међутим, указује на семантичку подгрупу глагола којима се означава унутрашњим или спољашњим чиниоцима подстакнута физиолошка радња (*знојити се, балавити, знојити се*). Индукована вољна радња (*пљувати*) истовремено је и последица претходне аутоматизоване радње – лучење пљувачних жлезда, која није лексикализована једнолексемском јединицом. Дакле,

---

* e-mail: gordanastasni@yahoo.com

¹ Рад је настао у оквиру пројекта Стандардни српски језик: синтаксичка, семантичка и прагматичка истраживања (178004), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

радња обухваћена глаголом *пљувати* истовремено садржи и компоненте воље и аутоматизма, и у томе је њена семантичка специфичност.²

2. Семантичке карактеристике глагола *пљувати*. Глагол *пљувати* има широк семантички опсег. Наиме, поред основног значења 'избацивати из уста (пљувачку или што друго)' и значења 'влажити пљувачком' реализовано је и експресивно значење 'осећати и испољавати одвратност (према коме, чему), и презирати (кога, шта)'.³ Семантичка веза између основног и експресивног значења глагола *пљувати* заснована је на компоненти значења 'избацивати' односно јавно испољити став или исказати мишљење или осећање веома непријатног садржаја (*одвратност, гађење*). Секундарна семантичка реализација 'показивати потпуну равнодушност и презир према коме, чему, не држати до кога, чега' слична је реализацији која је у РСЈ означена као фигуративна, с обзиром на то да у семантичком садржају имају исту архисему, али и диференцијалну сему високог ранга (испољавати, и то негативно осећање према некоме или нечему). Разлика је у врсти негативног осећања: *одвратност* – осећање гађења, неподношљивости (према некоме, нечему) или *презир* – осећање и показивање крајњег омаловажавања према некоме или нечему.

Развој секундарних реализација подстакнут је метафоризацијом, будући да долази до замене архисема полазног садржаја у циљном домену, што ће глагол *пљувати* у основној реализацији одредити као глагол физиолошке радње, а у секундарној реализацији као глагол говорења, и то са наглашеном експресивношћу.

У примарној семантичкој реализацији глагол *пљувати/пљунути* као транзитиван захтева објекатску допуну у беспредлошком акузативу (в. у табели 2. структурни модел 1). Значење речи која се налази у функцији објекта утиче на реализацију основног односно секундарног значења. Тако се, на пример, у исказу *пљунути истину* реализује фигуративна употреба глагола у једној фигуративној слици.⁴

Глагол *пљувати/пљунути* може имати допуне у предлошком акузативу (*на/у + акузатив*) са спацијалним значењем, на пример, *пљунути на улицу/у мрамницу*

² Глагол *лучити* углавном захтева објекатску допуну којом се спецификује врста лучења (секрета, сокова, пљувачке, служи и сл.). У лексичком систему постоје и лексикализовани глаголи овога семантичког типа и тада је номинација мотивисана објектом лучења: *сузити* – лучити *сузе*; *балавити/балити* – лучити/излучити *бале*; *слинавити/слинити* – лучити/излучити *слине*). Глаголи представљају деривате првога степена (0 *суза* → 1 *сузити*). Између глагола *лучити* и глагола *сузити*, *балавити/балити*, *слинавити/слинити* успоставља се хиперо-хипонимијска релација, при чему статус хиперонима има глагол *лучити*.

³ У РСЈ семантичка интерпретација глагола *пљувати* није диференцирана на основно и секундарна значења, већ су основним значењем обухваћене све семантичке варијације овога глагола. У РМС, међутим, ова су значења хијерархизована и са ознаком фиг. 'осећати према коме, чему одвратност, презир, презирати' и вулг. 'показивати потпуну равнодушност и презир према коме, чему, не држати ништа до кога, чега'.

⁴ Прама схватању Д. Гортан Премк, ознаку фигуративно можемо двојако тумачити – као ознаку за реч са фигуративним значењем, или за реч са фигуративном употребом (2011: 28). Рекли бисмо да је у случају глагола *пљувати* реализована његова фигуративна употреба. Тако је у примеру *пљунути у лице* цела конструкција употребљена као слика, фигура, глагол је употребљен у метафориној групацији речи.

(в. у табели 2. модел 2а, 2б) или *по* + *локатив*, као у примеру *пљувати по улици* (модел 2в).

[архисема]	учинити да се нешто премести из унутрашњости ван	полазног садржаја	избацивати/избацити пљувачку [физиолошка радња]
		циљног садржаја	испољавати/испољити мишљење, став [глагол говорења]
диференцијалне семе	директивност	полазног садржаја	из уста → напоље
		циљног садржаја	јавно износити/изнети мишљење о некоме или нечему
	садржај	полазног садржаја	конкретно: пљувачка или непријатна супстанца
		циљног садржаја	апстрактно: осећање; став (одвратност, гађење; презир, равнодушност)

Табела 1. Структура семантичког садржаја глагола *пљувати/пљунути* у основном и секундарном значењу

Конструкције с предлозима *у* и *на* остварују типична значења. „Предлог *у* показује да је циљ унутрашњост локализатора; предлог *на* – спољашњост локализатора” (Антонић: у Пипер и др. 2005: 213). Конструкције *по* + *локатив* и *на* + *акузатив*: *пљувати по улици* према *пљувати на улици* налазе се у конкурентном односу.⁵

Глагол у секундарним семантичким реализацијама са фигуративном употребом такође има објекатску допуну или допуне истога предлошко-падежног структурног типа (директни објекат [исказан или неисказан] + *у/на* + *акузатив*): *пљунути [истину] у лице*, или са исказаним или неисказаним детерминатором: *пљунути на [његове] песме*, *на [праву] истину*; конструкцијом *по* + *локатив* такође се може реализовати фигуративна употреба: *пљувати по њој/по Пери*, дакле референт обухваћен радњом има обележје особа /+/.

Померање семантике целокупног предлошко-падежног израза углавном је условљено семантичким садржајем именице у функцији објекатске допуне или као саставног дела предлошко-падежне конструкције (нпр. *пљунути истину* у односу на *пљунути жваку*; *пљунути у марамицу*, или *пљунути у лице*, *на истину*) што је уједно довело и до диференцирања и осамостаљивања секундарног значења глагола *пљувати*.

⁵ Модел *пљувати по улици* уклапа се у моделе са „глаголима типа *просути*, *разлити*, *размазати*, и, по правилу, флуидне објекте локализације”. Предлошко-падежна конструкција *по* + *локатив* са овим глаголима „показује да је простирањем захваћена целе површина локализатора” (Антонић у: Пипер и др. 2005: 284)

Структурни модел	Основна употреба структурног модела	Фигуративна употреба структурног модела
1) V + N _{Ак}	пљувати/пљунути жваку	пљувати/пљунути истину
2а) V + на + N _{Ак}	пљувати/пљунути на улицу	пљувати/пљунути на истину
2б) V + у + N _{Ак}	пљувати/пљунути у марамицу	пљувати/пљунути у лице
2в) V + по + N _{Лока}	пљувати/пљунути по улици	пљувати/пљунути по њој

Табела 2. Структурни модели основне и фигуративне употребе глагола *пљувати/пљунути*

На овом месту даћемо још један семантичко-синтаксички аспект глагола *пљувати* са морфемом *се*.⁶ Наиме, глагол *пљувати се* има нормално реципрочно значење 'пљувати један другог' (*они се пљују*). Међутим, облик *се* може се наћи у функцији замене објекта, и у том случају наглашава се не толико сама радња колико њен вршилац. „Саопштење о радњи треба пре свега примити као податак о томе какав је он; уп. [*мама, дођи да видиш*] *Цица се пљује!*” (Ивић М. 2008: 180).

3. Суфиксирани деривати индуковани основним значењем глагола *пљувати*.

3.1. *Првостепени глаголски деривати*.⁷ Деривати мотивисани основним значењем глагола *пљувати*⁸ имају израженију граматичку него лексичку функцију. Једну групу деривата чине суфиксирани глаголи. Остајањем у истој морфолошкој врсти (0 глагол → 1 глагол) у глаголске деривате преноси се целокупан семантички садржај мотивног глагола. Употребљени суфикси утичу на промену аспекта (0 *пљувати* → 1 *пљу-нути*).⁹ Глаголски дериват може задржати обележје вида мотивног глагола, са додатном евентуалном деминуцијом и итеративним обележјем (0 *пљувати* → 1 *пљу-цати*¹⁰) или да промени аспект у односу на мотивни глагол и развије деминуцију (0 *пљувати* → *пљуц-нути*)¹¹.

⁶ Према тумачењу М. Ивић, „догађа се (углавном у разговорном језику) да уместо регуларне објекатске допуне буде изговорено *се* уз глагол који значи радњу чије вршење њен објекат доживљава као својеврсни инсулт (2008: 180).

⁷ Према Скоку, глаголски деривати глагола *пљувати/пљунути* јесу деминутиви: имперфективни *пљуцати*, према перфективном *пљунути*, импф. *пљуцати*, *пљувкати*, *пљукати*, према пф. *пљукнути*, који је, према Скоку, изгубио деминутивно значење (1972: 692).

⁸ У деривационој структури мотивног глагола уочљив је формант *-увати*, који као суфикс, заправо, не постоји. Клајн га издваја као завршетак и наводи примере: *дувати*, *грувати*, *мувати*, *кљувати* и *пљувати*, а уз то *обути* – *обувати*, *назути* – *назувати*, *изути* – *изувати* (2003: 371).

⁹ Видски корелат изведен је суфиксом *-нути*, који иначе служи за перфективизацију несвршених глагола.

¹⁰ Кажемо евентуалној деминуцији зато што према обради у РМС глагол *пљуцати* има исто значење као *пљувати*. Клајн наводи да је у „неким глаголима као *пљуцати*, *звецати*, *зуцати* тешко одредити порекло гласа *ц*, али је очигледно да има ономотопејску односно експресивну функцију” (2003: 328). Међутим, у његовом регистру се налази глагол *пљуцати* изведен суфиксом *-цати*, који долази с итеративним и деминутивним значењем и у *јурцати*, *звоцати*, *кљуцати*, *имрцати* (Клајн 2003: 335). Он би се могао сматрати мотивним за даље деминутивизираних глагола *пљуцати* и *пљунути* чиме би се решио проблем порекла гласа *ц* у творбеној основи. Деривациона схема имала би следеће јединице: 0 *пљувати* → 1 *пљу-цати* → 2 *пљуц-кати* → 2 *пљуц-нути*.

¹¹ О перфективизацији удруженој са деминуцијом писала је И. Грицкат (1955: 90–91).

Даљу деривацију развиће: а) глагол перфективног вида творбом глаголског придева трпног: 1 *пљунути* → 2 *пљунут*; б) имперфективни деминутивни глагол деривацијом глаголске именице: 1 *пљуцати* → 2 *пљуц-кати* → 3 *пљуцка-ње* и истостепеним именичким дериватом са конкретним значењем 'супстанце, материје, служи': 2 *пљуц-кати* → 3 *пљуцк-ај*).

Суфиксирани првостепени глаголи са својим дериватима

0 *пљувати*

1 < 0 *пљу-нути*, -ем пф., тр. ← пљувати.

2 < 1 *пљун-ут* 1. гл. прид. трп. ← пљунути. 2. квалит. прид. експр. сасвим налик на кога, прави-правцати, истоветан.

1 < 0 *пљу-цати* импф. пљувати.

2 < 1 *пљуц-кати* импф., тр. дем. пљувати мање, слабије.

3 < 2 *пљуцка-ње* с гл. имен.

3 < 2 *пљуцк-ај* м мало пљувачке што се одједном избаци из уста.

2 < 1 *пљуц-нути* пф., тр. једном избацити мало пљувачке или што друго из уста.

3.2. *Првостепени именички деривати*. Променом морфолошко-категоријалног обележја деривата у односу на мотивну реч стварају се повољни услови за творбу лексема са доминантнијим лексичким значењем. Поред деривације глаголске именице: 0 *пљувати* → 1 *пљува-ње*, изведена је и именица *пљувачка* са значењем 'супстанце, материје, служи': 0 *пљувати* → 1 *пљув-ачка*.¹² Дериват је последица транзитивног обележја глагола и она је у својству објекатске допуне глаголу *пљувати*, без обзира на то што се јавља у таутолошкој конструкцији – *пљувати пљувачку*. Лексемом *пљувачка* биће индукован само релациони придев: 1 *пљувачка* → 2 *пљувач-ни*, који се јавља у терминолошком споју *пљувачна жлезда* и тада је његово значење 'који излучује пљувачку'.

Међутим, значење глагола укључује и место вршења радње, што ће условити творбу првостепених деривата са конкретним предметним значењем *пљува-оница* и *пљув-ачница* 'судић у који се пљује'. Ове лексеме представљају творбене дублете, а лексема *пљув-отина* 'испљунута грудвица пљувачке'¹³ успоставља блискозначни однос са дериватима *пљуцкај* и *пљувачка*.¹⁴

РМС и РСЈ не бележе именице агентивног типа. Међутим, Скок наводи именице са значењем вршиоца радње и то са паралелном моционом деривацијом: *пљувац*, *пљувавац*, *пљуватељ* и *пљуватељица*, *пљуваоница*, као и именицу у средњем роду *пљувало*¹⁵ (1973: 692).

¹² Занимљив је податак да се суфикс *-ачка* јавља само у речима *играчка* и *пљувачка* (Клајн 2003: 139).

¹³ Суфикс *-отина* долази готово само на глаголске основе и означава траг, резултат или остатак глаголске радње: *крхотина*, *струготина*, *пљувотина*, *брљотина*... (Клајн 2003: 182).

¹⁴ У исту парадигматску везу ступају и именички деривати које наводи Скок: *пљувача*, и од ње изведене *пљувач-ница*, затим првостепени дериват *пљув-ка*, *пљув-отка*, *пљув-оће*, *пљув-аћа*.

¹⁵ У РМС *пљувало* је са значењем 'пљувачница, пљуваоница', као и *пљувалка*.

Именица *пљувач*, иако није забележена у РСЈ и РМС има употребну вредност што потврђују електронски извори. Она може имати агентивно значење, као у једном новинском наслову „*Пљувач* Чисора завршио у затвору!”¹⁶ или атрибутивно са човеком као денотатом чија је доминантна особина неумесна и неоснована критика обично онога што чине други људи, као у примеру „*пљувач* је фрустрирани батица, најчешће у касним двадесетим или раним тридесетим, којег коначно неко примећује”¹⁷. Дериват је мотивисан примарним значењем, када је доминантна агентивна компонента, док се секундарно значење мотивног глагола у потпуности преноси у атрибутивну именицу.

Суфиксирани првостепене именице са својим дериватима

0 *пљувати*

1<0 *пљува-ње* гл. имен.

1<0 *пљува-оница* ж судић у који се пљује.

1<0 *пљув-ачница* ж → пљуваоница.

1<0 *пљув-отина* ж испљунута грудвица пљувачке.

1<0 *пљув-ачка* ж терм. биол. слуз која се излучује из нарочитих жлезда у устима човека и животиња и која кваси, влажи храну која се једе.

2<1 *пљувач-ни* релац. прид. који се тиче пљувачке, који излучује пљувачку.

4. **Префиксали.** Плодна је префиксална творба у овом семантичко-деривационом гнезду. Префиксација утиче на промену глаголског вида: имперфективни мотивни глагол *пљувати* постаће перфективни *за-/из-/на-пљувати*, а суфиксирани другостепени деривати глагола *запљувати* – *запљув-авати*, *испљувати* – *испљув-авати* поново попримају имперфективни вид са итеративном компонентом. Од имперфективних глагола деривирани су глаголске именице: *пљување*, *пљуцање*, *пљуцање*; *запљување*, *испљување*.

Префиксираним глаголима који су мотивисани имперфективним глаголом *пљувати* обично се исказује почетак вршења радње: *запљувати*, *пропљувати*, или се префиксацијом истиче сативна компонента значења: *напљувати* (*се*). Експресивно значење глагола *попљувати* ’понизити, погрдити, осрамотити’ развило се метафоризацијом, под утицајем истог асоцијативног механизма као у мотивном глаголу *пљувати*.

Глаголски префиксирани деривати мотивног глагола *пљувати* (импф.)

1<0 *за-пљувати* пф. 1. тр. пљувањем загадити. 2. почети пљувати.¹⁸

2<1 *запљув-авати* импф. и итер., тр. ← запљувати.

3<2 *запљувава-ње* гл. имен. ← запљувавати.

1<0 *на-пљувати*, -ујем пф., тр. испрљати пљујући, пљувачком, поплувати. *напљувати се* медиј. пљујући задовољити потребу за пљувањем.

2<1 *напљув-ак* м упљувак (од муве).

¹⁶ http://www.alo.rs/sport/46449/Pljuvac_Cisora_zavrshio_u_zatvoru

¹⁷ <http://vukajlija.com/pljuvac-na-drustvenim-mrezama/545877>

¹⁸ Краткоузлазни акценат на другом слогу.

1<0 *по-пљувати* пф., тр. а. пљујући упрљати, покрити пљувачком. б. експр. понизити, погрдити, осрамотити.

1<0 *про-пљувати* пф., тр. почети пљувати.

1<0 *у-пљувати* пф., тр. 1. а. загадити, задрљати (о мувама). б. експр. осрамотити, обезвредити. 2. поквасити пљувачком. 3. пљујући загадити.

2<1 *упљув-авати* (се) импф. и итер., тр. ← упљувати (се)¹⁹.

3<2 *упљувава-ње* с гл. имен. ← упљувавати.

2<1 *упљув-ак*, -вка м 1. оно што муве упљују, јаја муве, траг од муве на нечему.

2. ларва муве и осталих сличних инсеката.

Суфиксирани имперфективни глагол *пљуцкати* са деминутивним и итеративним значењем има, такође, своје префиксале.

2<1 *о-пљуцкати* пф., тр. прекрити што пљувачком, пљуцкајући.

3<2 *опљуцк-ивати* импф. и итер., тр ← опљуцкати и опљуцнути.

2<1 *по-пљуцкати* пф., тр. пљуцкајући прекрити пљувачком.

Значење префиксираних деривата који су мотивисани перфективним корелатом *пљунути* углавном се заснива на семантичкој компоненти квантификативног типа, са информацијама о количини 'мало' (*запљунути*, *попљунути*) или даљини 'подаље' (*отпљунути*) садржаним у потенцијалним семама. Богаћењу семантичког садржаја доприносе префиксални форманти. Облици *испљунут* и *пљунут* као квалитативни придеви представљају семантичке еквиваленте, као и њихови мотивни глаголи *пљунути* и *испљунути*. Префиксалом се ипак истиче усмереност радње из унутрашњости према споља, односно напуштање неког простора.²⁰

Експресивно значење квалитативног придева *пљунут*²¹ односно *испљунут* 'који је посве сличан некоме, пљунут', па и идиоматизованих израза *пљунути/испљунути отац*, донекле осветљавају тумачења у речницима симбола и то посредством симболичког значења лексеме *пљувачка* 'личност', 'печат' (исти отисак), 'стваралачка моћ' и 'плодност'.²² Можемо претпоставити да се у основи лексичког, па и симболичког значења глагола *пљунути* и његових деривата налази научна чињеница да се за генетичку идентификацију (утврђивање идентитета) поред узорка крви, може користити и узорак пљувачке или било које друге врсте ткива.

¹⁹ У РМС и *упљувати* (се) импф., без потврде.

²⁰ Према РСЈ, наведено значење је основно значење префикс *из(а)-* у творби глагола.

²¹ У СДР диференцирана су значења лексеме *пљунут*, -а, -о 1. гл. прид. трп. ← пљунути. 2. квалит. прид.; експр. сасвим налик на кога, прави-правцати, истоветан.

²² Према тумачењу у *Малом речнику традиционалних симбола* (1999: 112), *пљувачка* „означава личност власника и печат тврде вере”, а у *Рјечнику simbola* (1987: 519) пљувачка је „1. simbol stvaranja i uništenja; lučevina obdarena magijskom ili natprirodnom moći s dvostrukim učinkom: sjedinjuje ili rastače, iscjeljuje ili zagađuje. 2. pljuvačka, povezana s proizvođenjem riječi, utiče na njihovu snagu. U Africi, Americi i na Istoku bezbrojni su mitovi koji pljuvački priznaju moć sjemene tekućine, i bezbrojni su junaci što su se rodili iz ispljvka nekog boga ili poluboga”.

Значење глагола *упљувати* које је у РМС обележено као експресивно 'осрамотити, обезвредити' такође се може тумачити истим семантичким механизмом као развијање експресивног значења мотивног глагола *пљувати*.²³

Глаголски префиксирани деривати мотивног глагола *пљунути* (пф.)

1<0 *за-пљунути* пф., тр. пљунути мало (на нешто).²⁴

1<0 *ис-пљунути* пф., тр. избацити из уста.

испљунути се медиј. → испљувати се.

2<1 *испљуну-т* 1. гл. прид. трп. ← испљунути. 2. квалит. прид. који је посве сличан некоме, пљунут.

1<0 *о-пљунути* пф., тр. пљунути у шаке, дланове.

1<0 *от-пљунути*, -ем пф., тр. пљунути, најчешће подаље од себе.

2<1 *отпљув-авати* импф. и итер., тр ← отпљунути.

1<0 *по-пљунути*, -ем пф., тр. пљунути мало на што.

Суфиксирани глагол *пљунути* (пф., дем.) има, такође, свој префиксал: *о-пљунути* пф., тр. пљунути, пљуцнути. Префиксација истим префиксалним формантом углавном се спроводи паралелно, и са имеперфективним и са перфективним глаголом (*из-*, *за-*, *по-*).

4.2. Префиксали са истим префиксом и видским корелатима имају веома различита значења. Префикс *за-* са имеперфективним глаголом (*за-пљувати*) остварује основно значење у којем је веома важна компонента значења садржана управо у префиксу: прекривање површине нечега (мазањем, прљањем и сл.) 'пљувањем загадити'. Семантичким садржајем глагола спецификује се начин и врста прљања површине. Секундарном семантичком реализацијом глагола *запљувати* означава се почетак радње или стања, што је основно значење префикса *за-* које се у потпуности преноси у дериват.

Значење које је остварено у комбинацији са перфективним обликом глагола (*за-пљунути*), са значењем 'мале количине', није обухваћено семантичком интерпретацијом префикса *за-* у РСЈ.

4.3. Префиксал са префиксом *по-* и глаголом *пљувати* има потпуно исто значење као и префиксал *запљувати*. Значење деривата указује на конкурентни однос префикса *за-* и *по-*. Експресивно значење заснива се на метафоризацији, заменом архисеме полазног садржаја у циљном домену. Према подацима у РСЈ, префикс *по-* у глаголске префиксале уноси значење које је најсродније значењу 'радње која се врши делимично, кратко и по површини'. Наиме, префиксирани глагол у полазном значењу већ има семантички отклон у односу на мотивни глагол, у семантичком језгру потискује се значење физиолошке радње, а ствара

²³ У РСЈ овај је глагол без додатне ознаке и са значењем 'испљувати, попљувати (некога) у знак презирања, омаловажавања'.

²⁴ Потврду за оправданост примењене сегментације ове изведенице налазимо у следећем Клајновом ставу „смер извођења углавном је неизвестан, па је уместо о перфективизацији или о имеперфективизацији сигурније говорити о корелацији, тј. о постојању видских парова” (Клајн 2003: 373).

се значење са архисемом 'испрљати'. У експресивном значењу важан је објекат „прљања” односно понижења. То је увек и само човек.

4.4. Само са имперфективним глаголом *пљувати* комбинују се префикси *на-* и *про-*, а само са перфективним корелатом *пљунути* префикси *о-*, *од-* и *у-*. У префиксацији деминутивног имперфективног глагола (*пљуцкати*) учествују префикси *о-* и *по-*, са перфективним само префикс *о-* (*опљуцнути*).

5. **Закључак.** За анализу је одабран специфичан глагол *пљувати/пљунути* из групе глагола са значењем физиолошких радњи. Његова специфичност огледа се у томе што означава физиолошку радњу индуковану неким унутрашњим или спољашњим чиниоцима, а која истовремено садржи и компоненте воље и аутоматизма, основна обележја прототипичних глагола из ове тематске скупине. Постоји и услов за извршење радње означене глаголом *пљувати/пљунути*, физиолошки процес (лучење пљувачних жлезуда) који није лексикализован једнолексемском јединицом.

На плану лексичке семантике глагол *пљувати* манифестује, с једне стране, значајне разлике у односу на глагол *дисати* чија су секундарна значења индукована метонимијским преносом номинације, или синегдохом, а са друге, показује сличности са глаголом *јести*, чије су секундарне реализације условљене метафоризацијом (Штасни 2011: 577, 580). Овај податак истиче важност компоненте аутоматизма односно вољности вршења физиолошке радње.

На обим и структуру семантичко-деривационог гнезда са мотивним глаголом *пљувати* утиче његов семантички опсег и аргументна структура. Примарним физиолошким значењем биће индуковани претежно сви првостепени деривати, углавном граматички (*пљување* – глаголска именица и *пљунути* – перфективни глагол). У систему се деминутивизирани глаголи понашају као и њихови мотивни глаголи – дају углавном граматичке деривате (*пљуцкати* – *пљуцкање*).

Префиксална творба је плодна у овом семантичко-деривационом гнезду. Префиксираним глаголима који су мотивисани имперфективним глаголом *пљувати* обично се исказује почетак вршења радње: *запљувати*, *пропљувати*, или се префиксацијом истиче сативна компонета значења: *напљувати* (*се*). Значење префиксираних деривата који су мотивисани перфективним глаголом *пљунути* углавном се заснива на семантичкој компоненти квантификативног типа, са информацијама о количини 'мало' (*запљунути*, *попљунути*) или даљини 'подаље' (*отпљунути*). Богаћењу семантичког садржаја доприносе префиксални форманти. Међутим, на значење префиксала утиче и аспект мотивног глагола, што потврђује значење префиксала са истим префиксом (*запљувати* и *запљунути*). Секундарна значења префиксираних глагола индукована су истим семантичким механизмима као секундарна значења мотивног глагола (*пљувати* према *попљувати*).

Доминација лексичког над граматичким значењем деривата доприноси даљој деривацији. С обзиром на то да је у семантичко-деривационом гнезду прототипичних глагола физиолошких стања и процеса *дисати* и *јести* блокирана деривација агентивних именица, у деривационом систему овога глагола могућа је творба *nomina agentis*, што упућује на следећи закључак. Прво, када глагол нема статус прототипичне лексеме, нити је њиме означено стање нити процес иманентан

људском бићу, процес чијим се прекидом или поремећајем угрожава живот човека, може се очекивати деривација агентивних именица (*пљувач*). Друго, када је у семантичком садржају мотивног глагола из скупине глагола физиолошких стања и радњи заступљена компонета значења којом се индукује метафорично значење (*пљувати* према *говорити*) могућа је деривација *nomina attributiva* (*пљувач*). Треће, упоређивањем семантичких интерпретација лексема *пљувало* и *пљувалка* у РМС и у Скоковом речнику (1972) илустрован је семантички процес губљења агентивног значења (са човеком као денотатом) и стварања именице другачије семантичке класе типа *nomen instrumentum* односно предмета који човеку служи за обављање те потребе. Наиме, *пљувало* је са значењем 'пљувачница, пљуваоница', као и *пљувалка*, а код Скока то су *nomina agentis*.

Блискозначност је типичан парадигматски однос који се успоставља међу именичким дериватима овога семантичко-деривационог гнезда: *пљувачка* – *пљувотина* – *пљуцај*.

ЛИТЕРАТУРА

- СДР2: Гортан-Премк Даринка, Вера Васић, Рајна Драгићевић. *Семантичко-деривациони речник. Свеска 2: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство*. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику, 2006.
- РСЈ: Николић, Мирослав (ур.). *Речник српскога језика*. Нови Сад: Матица српска, 2007.
- РМС: *Речник српскохрватскога књижевног језика*. I–III. Нови Сад – Загреб: Матица српска – Матица хрватска, 1971–1976. IV–VI. Нови Сад: Матица српска, 1967–1969.
- Гортан-Премк, Даринка (2011). О квалификатору фигуративно у српским (српскохрватским) дескриптивним речницима. *Зборник у част Гордани Вуковић. Лексикологија – ономастика – синтакса*. Нови Сад: Филозофски факултет. 27–39.
- Грицкат, Ирена (1995). Деминутивни глаголи у српскохрватском језику. *Јужнословенски филолог*. XXI. 45–96.
- Ivić, Milka (2008). *Lingvistički ogledi*. Treće, dopunjeno izdanje. Beograd: Biblioteka XX vek.
- Клајн, Иван (1998). Граматички и лексички статус глаголских именица од несвршених глагола. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 27/2. 149–157.
- Lampić, Mario (1999). *Mali rečnik tradicionalnih simbola*. Beograd: Libretto.
- Пипер, Предраг и др. (2005). *Прилози граматици српског језика. Синтакса савременог српског језика. Проста реченица* (у редакцији Милке Ивић). Београд – Нови Сад: Институт за српски језик САНУ – Београдска књига – Матица српска.
- Skok, Petar (1973). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavneska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.

- Тошовић, Бранко (1998). Универзална семантичка класификација глагола. Научни састанак слависта у Вукове дане. 27/2. 113–124.
- Chevalier, Jean i Alain Gheerbrant (1987). *Rječnik simbola*. Zagreb: Nakladni zavod.
- Штасни, Гордана (2011). Семантичко-деривациони потенцијал глагола основних физиолошких стања. *Грамматика и лексика у словенским језицима, Зборник радова с међународног симпозијума*. 575–594.

Gordana Štasni

THE INFLUENCE OF SEMANTIC CONTENT ON THE DERIVATION OF THE VERBS
WITH THE MEANING OF PHYSIOLOGICAL PROCESSES

Summary

This paper discusses the influence of the semantic content of the verb *pljuvati/pljunuti* (*to spit*) on derivation. This verb belongs to the group of verbs which have the meaning of physiological processes. The semantic specificity of this verb is reflected in its meaning of physiological process induced by some internal and external factors. At the same time, this verb contains the semantic components of will and automatism which are the basic features of the prototypical verbs from this semantic group *disati, jesti* (*to breathe, to eat*).

Influence on the structure of the semantic-derivative nest with the motivated verb *pljuvati* has its semantic content and argument structure. In this nest the prefixation is productive process. The prefixes contribute to enrichment of the semantic content of derivatives. The verb aspect has the influence on the meaning of the derivatives with prefixes (*zapljuvati* and *zapljunuti*). Secondary meanings of these prefixed units are induced with the same semantic mechanism as a secondary meaning of the motivated verb (*pljuvati*).

The contribution to the further derivation is the dominant lexical meaning according to the grammatical meaning of derivatives. In the semantic-derivatives nests of the prototypical verbs *disati* and *jesti* the derivation of nomina agentis were blocked, but in the nest motivated by verb *pljuvati* it is possible because the process named by this verb is not basic for life. Disorder and interrupting of this process isn't life threatening. Verb *pljuvati* could be determined as a communication verb based on the secondary meaning. Derivation of nomina agentis is a regular phenomenon in this semantic group. At the same time, the information on etymological dictionary by P. Skok, confirm the some semantic processes – losing of agentive meaning with man as a referent, and creation of the noun nomina instrumentum (in RMS *pljuvalo* and *pljuvaljka* are nomina instrumentum, but in Skok's dictionary they are nomina agentis).

ГОРДАНА ШТРБАЦ*

ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ УНИВЕРЗИТЕТА У НОВОМ САДУ, СРБИЈА

ДЕРИВАЦИОНИ ПОТЕНЦИЈАЛ АФЕКТИВНИХ ГЛАГОЛА**

Сажетак. У раду се разматрају деривационе способности афективних глагола (као што су *волетати*, *мрзети*, *обожавати*, *презирати*, *дивити се*, *радовати се* итд.) односно њихове могућности да послуже као мотивне речи у творби именица с архисемом 'особа', нарочито именица из групе *nomina agentis*. Анализа показује да афективни глаголи испољавају извесне специфичности у погледу деривације агентивних именица. Деривате са значењем правог вршиоца радње имају једино глаголи којима се упућује на неку врсту испољавања емоције (*јадати се*, *плакати* и сл. → ЈАДАЛО, ПЛАКАЛАЦ и сл.) односно глаголи с каузативном компонентом (*веселити* → ВЕСЕЛИТЕЉ). Прави афективни глаголи, међутим, или немају способност деривирања агентивних именица или деривирају једну специфичну творбено-семантичку категорију за коју се не може рећи да припада групи правих вршилаца радње (*волетати*, *поштовати* и сл. → ВОЛИТЕЉ, ПОШТОВАТЕЉ и сл.). Знатан број афективних глагола (као што су *нервирати се*), *радовати се*), *пренеразити се*) и сл.) нема могућност да деривира именице из наведене групе, а слично се понашају и њихови префиксали.

Кључне речи: афективни глаголи, деривација, *nomina agentis*, *nomina attributiva*, префиксалне творенице.

1. Глаголске лексеме којима се обележавају различити емоционални процеси, душевна стања или расположења могу се повезати у једну лексичко-семантичку групу названу афективним глаголима или глаголима емоционалног садржаја, какви су *волетати*, *мрзети*, *поштовати*, *радовати се*, *страховати* итд. Ове речи испољавају специфичности на свим пољима: значењском, творбеном, граматичком итд., што условљава не само њихово синтаксичко-семантичко понашање већ и деривациони потенцијал те одређује њихово место у деривационом систему речи. Овим истраживањем обухваћене су творбене могућности афективних глагола, тј. њихова способност да послуже као мотивне речи у процесу деривирања именичких лексема с архисемом 'особа' или 'човек', посебно оних из групе *nomina*

---

* e-mail: strbacsn@eunet.rs

** Истраживање је рађено у оквиру пројекта *Стандардни српски језик: синтаксичка, семантичка и прагматичка истраживања* (бр. 178004), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

agentis.¹ Најпре су описане њихове семантичке и творбене карактеристике, а потом су анализирани одговарајући типови именичких деривата.

2. У психологији израз емоција упућује на „стања и процесе осећања и обично захтева накнадну ознаку љубави или мржње, страха или храбрости итд., са варијацијама тих ознака” (Крстић 1988: 153), а такви процеси често су праћени телесним променама односно променама у понашању. Под афектом се подразумева „подстицај који побуђује осећања и утиче на њих”, везан је „за дубоке, нагонске слојеве личности и одатле утиче на целокупну осећајну сферу, а по психоаналитичким схватањима основни је конституент емоција” (Крстић 1988: 60). Имајући ово у виду, у афективне глаголе уврштени су они којима се указује на присуство каквог осећања у субјекту, као што су *љубав, мржња, страх, презир, срећа, туга, жалост, брига, неспокојство* и сл. (какви су *воleti, мрзети, страховати, презирати, радовати се, туговати, жалити, бринути се* итд.), затим они који упућују на спољашњу манифестацију одређене емоције (као што су *плакати, кукати, јадиковати, јадати се* и сл.), као и глаголи којима се обележава својеврсно деловање субјекта, што за последицу има изазивање одговарајућег осећања или расположења у другом учеснику (нпр.: *расплакати, насмејати, плашити*).

2.1. Иако, посматрано с психолошког аспекта, афективне глаголе повезује општа идеографска семантика, будући да сваки од њих на себи својствен начин упућује на одређену емоцију, стање или расположење, с лингвистичког аспекта, а пре свега с аспекта лексичке семантике међу њима се могу уочити знатне разлике, а оне се манифестују и на граматичком плану као обележје активности / медијалности односно транзитивности / интранзитивности или рефлексивности. У том смислу међу афективним глаголима запажају се три велике групе, при чему се прве две могу повезати и у једну целину због блискости лексичке семантике својих представника.

У првој су медијални интранзитивни, врло често, рефлексивни глаголи као што су *дивити се, радовати се, веселити се, бојати се, патити, стрепети, туговати* итд., који се могу назвати *глаголима емотивних стања*.² Њима се обележава присуство одређеног емоционалног садржаја у самом носиоцу емоције, који је углавном изазван неким спољашњим каузатором: догађајем, поступком и сл.

Другу групу чине тзв. *глаголи емотивних односа* (Гортан Премк 1971: 95), какви су *воleti, мрзети, желети, зажелети се, ужелети се, презирати, поштовати, завидети, заљубити се* итд. То су медијални глаголи које одликује права односно неправна транзитивност,³ а њима се денотира поседовање одређеног осећања усмереног према неком објекту – особи, предмету, активности итд., при

¹ Глаголи и њихови деривати ексерпирани су из *Речника српскохрватскога књижевног језика* Матице српске (у даљем тексту РМС) и *Речника српскохрватског књижевног и народног језика* САНУ (у даљем тексту РСАНУ).

² Семантичка систематизација афективних глагола дата је према: Штрбац 2006.

³ Терминологија је преузета из: Стевановић 1970. Уз неке од транзитивних глагола у западнијим штокавским говорима среће се генитив уместо акузатива (Гортан Премк 97–103).

чему наведена релација не доводи ни до каквих промена објекатског појма, већ се она искључиво заснива на усмерености.

У овим двама скупинама налазе се и такве лексеме које се условно могу сврстати у лексичко-семантичку групу афективних глагола јер се њима обележавају извесне радње и понашања које на својсврстан начин представљају манифестацију одговарајућег емотивног стања или односа: *жалити се* ('изражавати жалост, незадовољство; саопштавати [коме] да се осећа бол, незадовољство и сл.), *јадати се* ('тужити се, жалити се [на кога, на што]'), *плакати* ('лити, проливати, ронити сузе, [од бола или каквог јаког душевног узбуђења]'), *смејати се* ('нарочитим покретом мишића лица, отварањем уста и развлачењем усана, испрекиданим карактеристичним гласовима и узвицима изражавати добро расположење и задовољство')⁴ итд.

И на крају, издвајају се тзв. *глаголи каузираних емотивних стања*, који се могу сматрати афективним у најширем смислу јер се њихова архисема не своди на 'поседовање каквог осећања' односно 'присуство каквог душевног стања' у носиоцу емоције. То су, наиме, активни транзитивни глаголи којима се обележава иницирање емоције у другом учеснику денотиране ситуације, тако да је каузативност једно од њихових најважнијих својстава. То могу бити прави глаголи каузираних емотивних стања, као што су *бодрити*, *храбрити*, *тешити*, *вређати* итд., уколико се њима денотира свесно ангажовање субјекатског појма с намером да делује на другог учесника, а њихово битно категоријално обележје јесте права прелазност. Другачије су природе неправи глаголи каузираних емотивних стања који су постали формално транзитивни када су се почели употребљавати без морфеме *се* и с беспредлошким акузативом: *веселити*, *гневити*, *нервирати* итд. У споју с типичним објекатским падежом њихова примарна медијалност је потиснута каузативношћу, а први десни аргумент у реченичном моделу с овим глаголом по правилу има улогу семантичког (логичког) субјекта. За разлику од претходне скупине, глаголи каузираних емотивних стања изазивају модификације објекатског појма односно појма у функцији логичког субјекта, што често може имати и спољашње манифестације (нпр. *расплакати неког*).

2.2. На плану творбених карактеристика афективни глаголи, такође, испољавају извесне специфичности.

У знатном броју примера ради се о мотивисаним речима добијеним од именичке или придевске основе; именичку основу имају: *бринути (се)* (< брига), *гневити (се)* (< гнев), *јадати (се)*, *јадовати (се)*, *јадиковати* (< јад), *страховати* (< страх), *туговати* (< туга), *надати се* (< нада) итд.;⁵ као директни деривати или деривати другог степена, придевску основу имају: *бодрити* (< бодар), *веселити*

⁴ Значења лексема давана су према РМС. Уколико лексема није потврђена у РМС или уколико постоје извесне неподударности, значења се дају према РСАНУ, што ће бити посебно истакнуто.

⁵ Ово су лексеме таквог семантичко-деривационог типа код којих мотивациони смер иде од именице ка глаголу: мотивна лексема којом се обележава извесно осећање → глагол као првостепени дериват који има значење 'имати или причињавати дато осећање' (Штасни 2010а: 95). Овај творбени вид постанка глагола Б. Тошовић (2002: 40) сврстава у тзв. екстракатооријалну деривацију напомињући да се „прилагођавање супстантивног значења глаголском одвија [...] на тај начин што се у семантику глагола укључује именско значење [...] односно долази до трансформације (транспо-

(*се*) (< весео), *љутити (се)* (< љут), *храбрити* (< храбар), *беснети* (< бесан < бес) итд. Немотивисаним глаголским речима, са синхронијског аспекта, могу се сматрати: *бојати се, желети, жудети, кајати (се), патити, радовати (се), смејати се, тежити* итд.⁶ У корпусу су, свакако, укључене и префиксалне творенице афективних глагола, којих има у веома великом броју, односно њихови видски корелати: *побеснети, разбеснети (се), забринути (се) / забрињавати (се), навеселити се, развеселити (се) / развесељавати (се), сневеселити (се) / сневесељавати (се) / сневесељивати (се), најадиковати се, наљутити (се), одљутити се* итд. Ове форме биће посебно анализирани.

3. У погледу способности деривирања именичких образовања с архисемом 'особа' односно из групе агентивних именица наведене скупине афективних глагола понашају се различито, што је условљено њиховом лексичком семантиком, творбеним карактеристикама, али и другим чиниоцима. Преглед именичких деривата с архисемом овог типа биће изложен према поменутих глаголским групама.

3.1. Глаголи емотивних односа и глаголи емотивних стања, због природе свог значења, углавном нису способни за деривирање правих агентивних именица, тј. оних форми којима се именују вршиоци радње у правом смислу речи. Они се јављају у основи једне специфичне семантичко-творбене групе речи, као и атрибутивних именица.

3.1.1. Праве вршиоце радње могу дати једино они глаголи емотивних односа и стања којима се денотира не емоција као унутрашњи процес, већ њено испољавање одговарајућим понашањем, што показују следећи примери:

ЈАДАТИ СЕ → 'тужити се, жалити се (на кога, на што)'	ЈАДАЛО ⁷ 'особа која стално јада, која је увек незадовољна' (РСАНУ)
ПЛАКАТИ → 'лити, проливати, ронити сузе, (од бола или каквог јаког душевног узбуђења)'	ПЛАКАВАЦ / ПЛАКАЛАЦ : ПЛАКАЛИЦА 'онај који плаче' : 'жена плакалац'

Сличан статус имају још само лексеме обљубник 'који (из)врши обљубу, обљубљивање' и прељубник 'онај који је извршио прељубу' према прељубница 'она која је извршила прељубу', за које се претпоставља следећи мотивациони смер: *љубити* → *обљубити* → *обљуба* → *обљубник* односно *љубити* → *прељубити* → *прељуба* → *прељубник* (Клајн 2003: 157; СДР 2006: 355), као и придевска изведеница брижник (брижница) 'онај који се о некоме, нечему брине, стара; старалац'⁸ (*брига* > *брижан* > *брижник* [СДГ: 47]).

зиције) именског значења у глаголско [...] Вербализација (оглагољивање) обухвата само једну или више сема именица" (Тошовић 2002: 44).

⁶ Мотивација глаголских лексема дата је према: Скок (1971–1974) и СДР.

⁷ Као покрајинска обележена је ЈАДАКА 'она која јада, јадикује' (РСАНУ).

⁸ То одговара следећем значењу глагола бринути се 'водити бригу, старати се, трудити се око кога или чега'.

3.1.2. Од извесног броја глагола емотивних односа, ређе глагола емотивних стања, добија се једна специфична творбено-семантичка категорија речи:

ВОЛЕТИ →	ВОЛИЛАЦ
’осећати љубав, наклоност, приврженост према коме или чему која се оснива на заједници идеала, крвног сродства и сл.’	’онај који воли’

Овој скупуни још припадају форме мушког рода уз одговарајућа моциона образовања:⁹ ОБОЖАВАЛАЦ / ОБОЖАВАТЕЉ (ОБОЖАВАТЕЉИЦА / ОБОЖАВАТЕЉКА) / ОБОЖАВАЧ, ЖУДНИК, ВОЛИЛАЦ / ВОЛИТЕЉ, ЉУБИТЕЉ / ЉУБИЛАЦ (ЉУБИТЕЉИЦА / ЉУБИТЕЉКА),¹⁰ МРЗИТЕЉ (МРЗИТЕЉИЦА) / МРЗИЛАЦ / МРЗАЦ, ПОШТОВАЛАЦ / ПОШТОВАТЕЉ (ПОШТОВАТЕЉИЦА / ПОШТОВАТЕЉКА) / ПОШТОВАЧ, ПРЕЗИРАТЕЉ / ПРЕЗИРАЧ,¹¹ САЖАЛНИК (САЖАЛНИЦА),¹² НАСЛАДНИК,¹³ УЖИВАЛАЦ, КАЈАНИК¹⁴ (КАЈАНИЦА), КАЈАЛИЦА, ПОКАЈНИК (ПОКАЈНИЦА), ПАТНИК (ПАТНИЦА), ЗЛОПАТНИК (ЗЛОПАТНИЦА).¹⁵ Иако се именице са суфиксима: *-ац*, *-лац*,¹⁶ *-тељ*,¹⁷ *-ник*,¹⁸

⁹ У целом корпусу срећу се образовања са моционим суфиксима *-ка*, *-ица*, *-киња*, који се иначе издвајају својом продуктивношћу и који са суфиксима изведене именице граматичког мушког рода чине корелативне суфиксне парове (Ђорић 2008: 200). Детаљније о појму именичке моције в. у: Ђорић 2008. За многе моционе форме у коришћеним речницима нису пронађене потврде иако су оне теоретски изводљиве.

¹⁰ Моционо образовање љубилица оквалификовано је у РСАНУ као необично.

¹¹ Образовања увредитељ, тешитељ, љубитељ, жалитељ, мрзитељ, обожаваатељ, поштоватељ, презиратељ С. Ристић (1982: 204–205) сврстава у групу именица с квалификативним значењем, које се реализује одређивањем лица по некој процесној одредби као особини или квалитету.

¹² Иако се у СДР ова именица посматра као придевски дериват, у овом случају, због значења – ’онај који кога сажалева’, изводи се од глагола.

¹³ Њено значење у РСАНУ дефинисано је на следећи начин: а. ’онај који се наслађује, који ужива у нечему’; б. ’сладоистрастан човек, сладоистрастник’.

¹⁴ Ова изведеница оквалификована је у РСАНУ као застарела.

¹⁵ Сасвим су другачије природе именице жалилац (жалиља / жалилица) / жалитељ (жалитељица / жалитељка), деривирани од глагола жалити се, када не остварује своје примарно – афективно значење, већ секундарно – ’подносити жалбу, тужити некога’.

¹⁶ Суфикс *-лац* је по значењу често еквивалентан суфиксу *-тељ* (Клајн 2003: 142). Образовања с овим завршетком Стевановић (1970: 524) изводи од радног глаголског придева и суфикса *-ац* напомињући да она увек значе вршиоца радње основног глагола или имаоца стања које се тим глаголом означава. С. Бабић (1986: 65), као и И. Клајн (2003: 142), сматра да је оправданије *-лац* посматрати као засебан суфикс који се додаје на инфинитивну основу.

¹⁷ Овај прасловенски суфикс индоевропског порекла у српском језику је моновалентан јер „своје творбено значење реализује само у категорији именица које означавају вршиоца радње” (Ристић 1928: 202). У тој улози био је веома продуктиван у ранијим периодима историјског развоја српског језика (уп. Штрбац 2005: 13–17), а у литератури се издваја као књишка категорија (в. о томе у: Ристић 1982).

¹⁸ Овај суфикс нема исти статус код свих аутора јер је веома тешко направити разграничење између њега и суфикса *-ик*, будући да је врло мали број речи са завршетком *-ик* коме не претходи *и*, а нарочито је опозиција међу њима неутралисана у изведеницама од придева и глаголских трпних придева (Клајн 2003: 85). М. Стевановић (1970: 483–484) говори само о суфиксу *-ик*, у оквиру којег помиње примере *заточник*, *заручник*, *уредник*. С. Бабић (1986: 194) посматра овај суфикс као самосталан указујући на проблеме при његовом одвајању од суфикса *-ик*.

-лица,¹⁹ -ач итд. у литератури сврставају у класу *nomina agentis* (Babić 1986; Стевановић 1970; Клајн 2003), побројане лексеме, заправо, не означавају вршиоца радње у правом смислу те речи будући да се мотивним глаголом не обележава видљива радња, активност доступна чулима, већ својеврстан душевни процес који се одиграва у самом субјекту. Оне су у речницима дефинисане на следећи начин 'онај који нешто воли', 'онај који за нечим жуди', 'онај који мрзи некога или нешто' итд. па би се могле сврстати у творбено-семантичку групу 'носилац неког осећања, стања или расположења' денотираног мотивном глаголском речју. Иста семантичка обележја имају и другостепени деривати – именице изведене од трпног придева глагола емотивних стања: мученик (мученица), паџеник (паџеница), заљубљеник (заљубљеница).²⁰

У речницима су обележене као индивидуалне, необичне, неуобичајене, нераспрострањене, застареле и сл. следеће именице: дивилац / дивитељ, желилац,²¹ одушевљеник / одушевљенко, зазиратељ, уживач, надалац.

3.1.3. И на крају, ови глаголи у основи су образовања из класе *nomina attributiva*, у чијем су семантичком садржају, поред архисеме 'човек, особа', и семе којима се дати референт квалификује у одређеном смислу, позитивно или негативно, преко емотивног процеса, стања или расположења које узрокује настанак његових сталних или привремених особина:

ЈАДИКОВАТИ → 'бити тужан, жалостан, патити, јадати' (РСАНУ)	ЈАДИКОВАЦ 'невољник, јадник' (РСАНУ)
---	---

Међутим, број атрибутивних именица које су добијене непосредно од глагола прилично је ограничен, већ самим тим што су неке од њих изведене и преко трпног придева. Оне углавном обележавају карактерне и друге црте (нпр. кукавица²² 'плашљивац, страшљивац, морално слаб човек'; заљубљенко 'онај који је заљубљиве природе; заљубљив човек'), те различите људске особине настале као резултат емотивних стања и расположења (ојаџеник 'ојађен, несрећан човек, јадник': ојаџеница 'ојађена, несрећна жена, јадница'; ожалошћеник 'онај који је ожалошћен' [РСАНУ]) односно учесталим понављањем радње именоване глаголом којом се обележава манифестација расположења (смејач 'онај који се радо и много смеје': смејуља 'она која се радо и много смеје').²³

¹⁹ Настао је од -л- из радног глаголског придева и суфикса -ица. Деривати којима се обележавају особе имају граматички наставак -а, али се подједнако примењују и на жене и на мушкарце (Клајн 2003: 147).

²⁰ Лексема *напаџеник*, оквалификована као покрајинска у РСАНУ, има резултативно значење: 'онај ко се много напаатио, намучио, паџеник, мученик'.

²¹ Именичку основу има лексема *жељник* 'онај који што жели' (желети > жеља > жељник).

²² Ову именицу, као назив животиње, И. Клајн (2003: 121) изводи од глаголске основе и суфикса -авица.

²³ С квалификаторима нераспрострањено, необично и покрајинско срећу се именице: *насмејанко* 'онај који се радо смеје, који је насмејан, весео' (РСАНУ), *плакало* / *плачко* 'онај који често и за сваку ситуацију плаче', *мрзавац* 'лењивац, ленштина' и 'онај који заслужује мржњу, презир, нитков, скот, гад', *мрзало* 'особа која не воли да ради, ленчуга'.

На другој страни, знатно је више именица из ове семантичке групе које имају придевску основу те се јављају као другостепени деривати афективних глагола. У значењском погледу оне испољавају слична својства. У овој скупини често се код именица мушког рода као конкуретни срећу суфикси *-ац* и *-ко*. Ту су, дакле, следећи примери: ЖАЛОБНИК (ЖАЛОБНИЦА),²⁴ ЗАВИДЉИВАЦ (ЗАВИДЉИВИЦА) / ЗАВИДЉИВКО / ЗАВИДНИК²⁵ (ЗАВИДНИЦА), ОСЕТЉИВАЦ (ОСЕТЉИВИЦА), БОЈАЖЉИВАЦ / БОЈАЖЉИВКО, ПЛАШЉИВАЦ (ПЛАШЉИВИЦА) / ПЛАШЉИВКО, СТРАШ(Љ)ИВАЦ (СТРАШЉИВИЦА) / СТРАШЉИВКО, СРАМЕЖЉИВАЦ (СРАМЕЖЉИВИЦА)²⁷ / СРАМЕЖЉИВКО, СТИДЉИВАЦ (СТИДЉИВИЦА)²⁸ / СТИДЉИВКО, ЗАЉУБЉИВКО, ПЛАЧЉИВАЦ (ПЛАЧЉИВИЦА) / ПЛАЧЉИВКО, ПЛАЧКАВИЦА, КУКАВЕЉ / КУКАВАЦ,²⁹ КУКАВНИК (КУКАВНИЦА), КУКАВКО, КУКАВКА.³⁰

Другостепеним дериватима добијеним од именица којима је у основи афективни глагол обележавају се својеврсне улоге у којима се човек може појавити: ЉУБАВНИК³¹ 'онај који са неком женском особом одржава ванбрачне интимне односе; уопште мушкарац који се доста упушта у љубавне авантуре и удварање женама' (РСАНУ): ЉУБАВНИЦА 'она која са неким мушкарцем одржава ванбрачне интимне односе; она која се радо упушта у љубавне авантуре' (РСАНУ).³²

Трећестепени деривати ЖАЛОСНИК 'несрећник, јадник': ЖАЛОСНИЦА 'несрећница, јадница',³³ ОЧАЈНИК 'очајан човек': ОЧАЈНИЦА 'очајна жена'³⁴ имају следећи

²⁴ У РСАНУ форма женског рода не наводи се као моционо образовање, већ се њена семантика своди на следеће: '(уз речи, песма, суза) она која изражава жалост; тужбалица, жалопојка'.

²⁵ Код ове речи, у начелу, основа може бити и глаголска: *завид(-ети) + -ник*. Иако се у извесним случајевима јављају недоумице у погледу избора мотивне речи неких деривата, овај поступак сматра се веома важним у творби речи, нарочито при одређивању њиховог деривационог статуса. В. о томе више у: Штасни 2010б.

²⁶ Придев *бојажљив* етимолошки је добијен од именице *бојазан*, али је могао настати и додавањем суфикса *-ажљив* на глаголски основу (Клајн 2003: 286).

²⁷ Придев *срамежљив* И. Клајн (2003: 287) изводи од глаголске основе и суфикса *-ежљив*, као и П. Скок (1971–1974). У СДР мотивација је представљена другачије: срам → срамеж → срамежљив → срамежљивац.

²⁸ И. Клајн (2003: 337) сматра да је овде оправданије изводити именицу од глагола него обрнуто. У СДР, међутим, придев *стидљив* и глагол *стидети се* изведени су од именице *стид*, а тако је и у *Етимологијском рјечнику* (Скок 1971–1974).

²⁹ За ову именицу И. Клајн (2003: 53, 267) наводи да је добијена од придева *кукавни* (< *кука-ти*), док је П. Скок (1971–1974) изводи од придева *кукав*. У речницима су као покрајинске оквалификоване лексеме *кукавеља*, *кукавељица*, *кукаवेशа*, *кукавуља*.

³⁰ Као покрајинске у РСАНУ обележене су именице *мрзешљивац* 'онај који је мрзешљив, лењ, лењивац': *мрзешљивица* / *мрзешљивка* 'она која је мрзешљива, лења, лењивица', *зајадник* 'јадник, несрећник' и *зајадница* 'јадница, несрећница' (РСАНУ).

³¹ У СДР именица *љубавник* изводи се непосредно од именице *љубав*, која је првостепени дериват глагола *љубити*. П. Скок (1971–1974: 337–338), међутим, даје следећу мотивацију: *љуб* → *љубав* → *љубавни* → *љубавник*.

³² Као покрајинска означена је лексема *жалбар* 'онај који долази на изјаву саучешћа, онај који присуствује сахрани и другим погребним обредима' (РСАНУ).

³³ У СДР даје се следећа мотивација: *жалити* → *жалост* → *жалостан* → *жалосник*. Именица *жалост* може се изводити било од глагола *жалити* било од речи *жао* (Клајн 2003: 180).

³⁴ У РСАНУ су као покрајинске обележене лексеме *жалбеник* 'онај који долази на изјаву саучешћа, онај који присуствује сахрани и другим погребним обредима'; 'онај који, према утврђеним

мотивациони смер: афективни глагол → именица → придев → атрибутивна именица.

3.1.4. Знатан број атрибутивних именица има придевску основу која се среће и код одговарајућих афективних глагола.

Немотивисани придев у основи је следећих деривата: (љутити се ← љут →) ЉУТАЦ 'љут, жесток човек', ЉУТИЦА 'онај који је љут, напрасит, жестоке нарави'; (веселити (се)← весео →) ВЕСЕЛИК / ВЕСЕЛНИК 'онај који изазива сажаљење, саучешће, несрећник, јадник' и 'онај који је расположен, весео, срећан човек'; ВЕСЕЛИЦА / ВЕСЕЛНИЦА 'жена веселник, несрећница' и 'она чији је живот безбрижан, пријатан; ведре жена, девојка', ВЕСЕЉАК 'онај који је весео, ведар, који воли досетку, који воли да се смеје и да насмеје друге, шаљивчина' и 'онај који воли седељке уз пиће и песму, који пирује': ВЕСЕЉАКА / ВЕСЕЉАКИЊА 'жена весељак, она која воли шалу, смех, досетку', ВЕСЕЉКО 'онај који је весео, ведар, који воли досетку, који воли да се смеје и да насмеје друге, шаљивчина' (РСАНУ).³⁵

Једна skupина атрибутивних образовања у основи има придев добијен од именице којом се обележава каква емоција, емотивно стање или расположење (СРАМ, ЈАД, ТУГА), а која је мотивисала и одговарајући афективни глагол. Код ових образовања мотивација има следећи смер: афективни глагол ← именица → придев → атрибутивна именица. Овде су, дакле, следећи примери: БЕСНИК³⁶ 'онај који је бесан, махнит' и 'враголан, лола': БЕСНИЦА 'она која бесни' и 'враголаста девојка или жена', БЕСНУЉА 'обесна жена', БЕСНОВ 'обестан, бесан човек' (РСАНУ); СРАМНИК 'који се срамно влада, срамотник': СРАМНИЦА 'жена која се срамно влада, бестидница, срамотница'; СРАМОТНИК / СРАМОТЊАК 'онај који се не срами, бестидник, бесрамник': СРАМОТНИЦА 'жена која се срамотно влада, бестидница, срамница'; ЧУДАК / ЧУДЊАК³⁷ 'чудан, необичан човек који живи на свој начин, друкчији него остали људи, настран човек, особењак': ЧУДАКИЊА 'женска особа чудак';³⁸ ЈАДНИК 'онај који изазива сажаљење, невољник, патник': ЈАДНИЦА 'она која је јадна, несрећница, она која изазива самилост', ЈАДОВ 'јадник, несрећник' и 'онај који није ни за шта, беда', ЈАДОВНИК 'јадник, бедник, несрећник, сиромашак';³⁹ ТУЖНИК / ТУЖЊАК 'онај који је пун туге, бедник, јадник, несрећник': ТУЖНИЦА 'женска особа тужник'.

3.1.5. Као мотивне речи деривата с архисемом 'особа' не могу се јавити следећи глаголи емотивних стања и односа:

а. туђице као што су: *секирати се / насекирати се, шокирати се, преферирати*;

обичајима жали, оплакује неки догађај': ЖАЉБЕНИЦА 'она која оплакује покојника, која нариче за покојником' (РСАНУ). Као застарела у РМС оквалификована је лексема *очајаник* 'очајан човек'.

³⁵ Квалификатор застарело има лексема *весељач* 'онај који воли седељке уз пиће и песму, који пирује', а као покрајинска оквалификована је *весељача* 'жена весељак, она која воли шалу, смех, досетку' (РСАНУ).

³⁶ Једино у овом примеру афективни глагол добијен је од придева *бесан* > *беснети* (СДГ).

³⁷ У РМС именица *чудник* има квалификатор индивидуално.

³⁸ И. Клајн (2003: 31) сматра да је исправније изводити атрибутивну именицу од придева *чудан* него од именице *чудо*.

³⁹ Као покрајинска у РСАНУ обележена је именица *јадовњак* 'несрећник, јадник'.

б. мотивисани и немотивисани глаголи који заједно са својим префиксалима и одговарајућим видским корелатима чине семантичко-деривациона микрогнезда: *галити се, изгалити се, прогалити се, разгалити се / разгаљивати се; гневити се, нагневити се, разгневити се / разгневљивати се; жестити се, најжестити се, прежестити се, ражестити се / ражеићивати се, ужестити се; запрепастити се / запрепаишавати се / запрепаићивати се / запрепаићивати се; јадовати (се), најадовати се; нервирати се, изнервирати се; обеспокојити се / обеспокојавати се, онеспокојити се / онеспокојавати се, успокојити се / успокојавати се; пренеразити се / пренеражавати се; препасти се / препадати се, препаднути се, испрепадати се; радовати се, зарадовати се, израдовати се, нарадовати се, обрадовати се, порадовати се, разрадовати се, узрадовати се; расположити се, орасположити се, онерасположити се / онерасположавати се / онерасположивати се; трпети, истрпети, натрпети се, отрпети, потрпети, претрпети, притрпети се, протрпети, устрпети; узбудити се / узбуђивати се, преузбудити се; узнемирити се / узнемиравати се; узрујати се / узрујавати се, наузрујавати се; чезнути, зачезнути, пречезнути;*

в. префиксалне творенице оних афективних глагола од којих се деривирају агентивне и друге именице: *забринути се / забрињавати се, пребринути, навеселити се, обвеселити се / обвесељавати се, развеселити се / развесељавати се, сневеселити се / сневесељавати се, оджалити, пожалити (се), прежалити, осрамотити се, изјадати се, појадати се, зајадиковати, изјадиковати се, најадиковати се, наљутити се, одљутити се, разљутити се, замрзети, засрамити се, посрамити се, зачудити се / зачуђавати се, ишчудити се / ишчуђавати се, начудити се, почудити се* итд.;

г. те појединачни глаголи као што су: *запањити се, испаштати, ликовати, поносити се, зазирати.*⁴⁰

3.2. Од глагола каузираних емотивних стања, које само на основу опште семантике смаграмо афективним, деривирају се прави представници агентивних именица, а оне су најчешће изведене типичним агентивним суфиксима *-лац* и *-тељ*, ређе суфиксима *-ик*, *-ник*, *-ач*, *-ло*, *-авац*, уз одговарајућа моциона образовања:

ТЕШИТИ →	ТЕШИТЕЉ / ТЕШИЛАЦ : ТЕШИЛИЦА, ТЕШИТЕЉИЦА / ТЕШИТЕЉКА
’благом и разборитом речју пружати утеху, ублажавати тугу, бол онемо ко је тужан, ожалошћен, умиривати’	’онај који теши’ : ’она која теши’
ВЕСЕЛИТИ →	ВЕСЕЛИЛАЦ / ВЕСЕЛИТЕЉ
’чинити веселим, увесељавати, радовати’	’онај који развесељује кога’

⁴⁰ Немогућност деривирања агентивних именица испољавају и глаголи из других лексичко-семантичких група, на пример глаголи *дисати* и *јести* (Штасни 2011).

Овакве су и лексеме добијене од непрефиксираних глагола: БОДРИЛАЦ / БОДРИТЕЉ, ВРЕЂАЧ (ВРЕЂАЧИЦА), МУЧИЛАЦ⁴¹ / МУЧИТЕЉ (МУЧИТЕЉКА / МУЧИТЕЉИЦА), СРАМОТИТЕЉ, СТРАШИЛО,⁴² односно од префиксираних глаголских речи: ПОВРЕДИТЕЉ, УВРЕДИЛАЦ / УВРЕДИТЕЉ (УВРЕДИТЕЉИЦА), ИСМЕВАЧ (ИСМЕВАЧИЦА), ИСМЕЈАВАЛО / ИСМЕЈАВАЧ / ИСМЕЈАЧ (ИСМЕЈАЧИЦА),⁴³ ПОТЦЕЊИВАЧ, ОХРАБРИТЕЉ, УТЕШИЛАЦ / УТЕШИТЕЉ (УТЕШИТЕЉИЦА / УТЕШИТЕЉКА) / УТЕШНИК (УТЕШНИЦА), УМИРИЛАЦ / УМИРИВАЧ / УМИРНИК,⁴⁴ УВЕСЕЛИТЕЉ (УВЕСЕЛИТЕЉКА),⁴⁵ ЗАСТРАШИЛАЦ / ЗАСТРАШИТЕЉ / ЗАСТРАШИВАЧ, УСРЕЂИЛАЦ / УСРЕЂЕНИК⁴⁶ / УСРЕЂИТЕЉ (УСРЕЂИТЕЉИЦА / УСРЕЂИТЕЉКА), или чак с дуплом префиксацијом: УНСРЕЂИТЕЉ. Ово су деривати транзитивних глагола у чијем се семантичком садржају удружују афективна и каузативна компонента тако да се њима денотира ситуација у којој вршилац радње свесно или несвесно предузима одређену активност те у другом учеснику ситуације изазива одговарајуће осећање, стање или расположење. Специфична глаголска семантика омогућава именичким дериватима да означе право вршиоца радње као носиоца одговарајуће активности која је видљива, доступна чулима и најчешће се остварује као говорна.⁴⁷ На основу творбеног значења (датог у РМС и РСАНУ) којим се упућује на вршиоца радње обележене глаголом у основи: 'онај који бодри, подстиче, крепи'; 'онај који умирује, који развађа, миротворац'; 'онај који теши' 'онај који увесељава' итд., види се да се референти именовани побројаним лексемама јављају у семантичкој улози 'каузатора' или 'изазивача' одређених афективних стања.

Ту су и лексеме у РСАНУ оквалификоване као неодомаћене, необичне, нераспрострањене, индивидуалне и сл.: ИЗЕНАДИЛАЦ, ИЗЕНАДНИК, ИЗЕНАЂИВАЧ, НАСМЕЈАЧ, ОДУШЕВЉАВАЧ.⁴⁸

Ипак, могућност деривирања агентивних именица изостаје код знатног броја глагола из ове групе:

⁴¹ Ова лексема има врло занимљиву семантичку структуру јер је способна да реализује конзервативна значења: 'онај који мучи, злоставља, кињи, онај који задаје бол, муке' и 'онај којег муче, онај који се мучи; мученик, паћеник' (РСАНУ), при чему је ово друго у наведеном речнику обележено као покрајинско.

⁴² Овде се наведена лексема посматра у значењу 'онај који улива, задаје страх, баук'.

⁴³ У РСАНУ је лексема ИСМЕЈАВАТЕЉ обележена као неуобичајена, а лексема ИСМЕЈАТЕЉ – као застарела.

⁴⁴ У овој су групи лексема НАПАТНИК 'онај који ствара, изазива патњу, муку, онај који чини људима зла, недаће', оквалификована као нераспрострањена у РМС односно ОМРАЗНИК, обележена као покрајинска, али с могућношћу да оствари следећа значења: 'онај који омразује, завађа, који уноси омразу између некога, сплеткар' и 'онај који мрзи, који је непријатељски расположен према некоме'.

⁴⁵ Једно од секундарних значења лексеме ВЕСЕЉАК гласи 'онај који по дужности занима, увесељава, ствара добро расположење или изазива смех' (РСАНУ). Исто значење, само оквалификовано као необично, има и лексема ВЕСЕЉАШ.

⁴⁶ Ова форма добијена је од трпног придева.

⁴⁷ Стога неки од наведених глагола могу припадати и лексичко-семантичкој групи комуникативних (*бодрити, тешити* и сл.).

⁴⁸ Према значењском критерију (значења су посматрана према РСАНУ) овој скупини припадају и лексеме ГНУСНИК (ГНУСНИЦА) и ВЕСЕЛКО, само што су оне добијене од придевске основе.

а. код туђица као што су: *секирати / насекирати, шокирати, фрапирати, фрустрирати*;

б. код мотивисаних и немотивисаних глагола који заједно са својим префиксалима и одговарајућим видским корелатима чине семантичко-деривациона микрогнезда: *бринути, забринути / забрињавати, галити, изгалити; ганути, тишитати, затишитати; запањити / запањивати; љутити, наљутити, разљутити; прогалити, разгалити / разгаљивати; гневити, прогневити, разгневити / разгневљивати; жестити, ражестити / ражешићивати, ужестити; запрепастити / запрепаштавати / запрепашићивати / запрепашићивати; нервирати, изнервирати, узнервирати; обеспокојити / обеспокојавати, онеспокојити / онеспокојавати, успокојити / успокојавати (се); пренеразити / пренеражавати; препасти / препадати, препадути, испрепадати; радовати, зарадовати, обрадовати, узрадовати; расположити, орасположити, онерасположити / онерасположавати / онерасположивати; срамити, засрамити, посрамити; узбудити / узбуђивати; узнемирити / узнемиравати; узрујати / узрујавати; чудити, зачудити / зачуђавати*

в. код мотивисаних глагола који се у реченичним моделима појављују с логичким (семантичким) субјектом у дативу: *дојадити, дозлогрдити, допасти се, додијати / додијавати*;

г. код префиксалних твореница глагола од којих се деривирају агентивне именице: *обвеселити / обвесељавати, развеселити / развесељавати, сневеселити / сневесељавати; осрамотити, зачудити* итд.

3.3. Од трпног придева неких транзитивних глагола емотивних односа и глагола каузираних емотивних стања деривирани су именице којима се на својеврстан начин обележава пацијенс, тј. особа ка којој је усмерена одговарајућа емоција, која је предмет обухваћен својеврсним емотивним процесом (љубљеник 'онај који је вољен, вољени човек' : љубљеница 'она која је вољена, вољена женска особа'; жељеник 'онај који се жели, за којим се чезне' : жељеница 'она која се жели, за којом се чезне'; жуђеник 'онај за којим се жуди, чезне, који се жели' : жуђеница 'она за којом се жуди чезне, која се жели'), односно у којој је изазвана одређена емоција (повређеник 'онај који је повређен'; увређеник 'онај који је увређен'; унесређеник 'онај који је унесређен' : унесређеница 'она која је унесређена'). Од старог партиципа презента (Клајн 2003: 53) добијена је форма љубимац 'онај који је некоме посебно мио, драг, који је веома омиљен, највише вољен, миљеник' и 'онај који ужива посебну наклоност, милост, заштиту (обично какве важне, моћне личности), штићеник' (РСАНУ) и одговарајуће моционо образовање љубимица. С квалификаторима необично, покрајински, застарело, поетски и сл. у реченицама се срећу лексема поштованик 'онај којему се исказује поштовање, који је вредан, достојан поштовања', љубљенка 'женска особа која се радо љуби', обљубљеник 'онај који је вољен, који ужива нечију наклоност, миљеник' (РСАНУ), омраженик 'мрзак, омрзнут човек' (РСАНУ) односно образовања с нешто другачијом творбеном структуром – глаголска основа + суфикс: мрзило 'онај којег мрзе, који је омражен, мрзан' (РСАНУ), мрзан 'онај који се не воли, којег мрзе, који је омражен' (РСАНУ),⁴⁹

⁴⁹ Занимљиву семантичку структуру испољава лексема мрза, обележена у РСАНУ као покрајинска и разговорна. У једном сегменту њома се обележава особа ка којој је усмерена емоција

ОБОЖАВАЛИЦА 'она коју неко посебно обожава, воли' (РСАНУ), ЛУБИЦА 'она према којој се осећа љубав, наклоност, драга, вољена, љубљена' (РСАНУ).

Ове именице ступају у својеврстан однос конверзије с агентивним именицама односно с њиховим подтипом који има опште значење 'носилац осећања': ПОВРЕДИТЕЉ – ПОВРЕЂЕНИК, УВРЕДИЛАЦ / УВРЕДИТЕЉ – УВРЕЂЕНИК, УНЕСРЕЂИТЕЉ – УНЕСРЕЂЕНИК, ЛУБИТЕЉ – ЛУБЉЕНИК, ПОШТОВАЛАЦ / ПОШТОВАТЕЉ – ПОШТОВАНИК ИТД.⁵⁰

4. Префиксација као тврбени поступак веома је заступљена у лексичко-семантичкој групи афективних глагола, што је иначе одлика глаголског система у целини. Додавањем префикса: *за-*, *од-*, *по-*, *на-*, *об-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *у-* итд. настају творенице као што су: *забринутти (се)*, *побринутти се*, *навеселити се*, *развеселити (се)*, *удивити (се)*, *ражестити (се)*, *наљутити (се)*, *намучити (се)*, *устидети се*, *растужити (се)* и сл., а сам поступак у мањој или већој мери прати модификација семантике мотивног глагола. У том смислу сасвим је очекивано поставити питање које се тиче деривационог потенцијала одговарајућих префиксала, тј. њихове способности да се јављају у улози мотивних речи именичких деривата с архисемом 'особа' или 'човек'.

Анализа показује да префиксалне творенице афективних глагола испољавају врло ограничене способности у погледу деривирања поменутих именичких образања. Деривати префиксираних глагола могу се начелно поделити у неколико скупина.

У првој се налазе именице изведене од оних префиксала код којих префикс не мења семантику мотивног глагола, већ утиче на промену видске категорије стварајући перфективне видске корелате од имперфективних глагола (нпр. *веселити* → *увеселити*, *храбрити* → *охрабрити*, *тешити* → *утешити*, *кајати се* → *покајати се*, *смејати се* → *насмејати се* итд.). Ту су именице добијене од глагола каузираних емотивних стања са општим значењем 'изазивача': УВЕСЕЛИТЕЉ, УВЕСЕЛИТЕЉКА, ЗАСТРАШИЛАЦ, ЗАСТРАШИТЕЉ,⁵¹ ОМРАЗНИК (у РСАНУ: покр.), ОХРАБРИТЕЉ, ПОВРЕДИТЕЉ, УВРЕДИЛАЦ, УВРЕДИТЕЉ, УВРЕДИТЕЉИЦА, УТЕШИЛАЦ, УТЕШИТЕЉ, УТЕШИТЕЉИЦА, УТЕШИТЕЉКА, УТЕШНИК, УТЕШНИЦА, затим именице са општом семантиком 'носилац емоције': ПОКАЈНИК, ПОКАЈНИЦА, НАПАЂЕНИК (у РСАНУ: покр.), ЗАЉУБЉЕНИК, ЗАЉУБЉЕНИЦА, САЖАЛНИК, САЖАЛНИЦА, оне са значењем 'пацијенса' ПОВРЕЂЕНИК, УВРЕЂЕНИК, ОБЉУБЉЕНИК,⁵² као и атрибутивне именице ОЖАЛОШЉЕНИК, ОЈАЂЕНИК, ОЈАЂЕНИЦА, ЗАЉУБЉЕНКО и НАСМЕЈАНКО (с квалификатором нераспрострањено у РСАНУ). Важно је, међутим, приметити да немају сва образања еквивалентне форме од непрефиксираниог, мотивног глагола.

– 'особа коју мрзе, омрзнута невољена особа', затим – 'особа која осећа мржњу, која мрзи некога или нешто', и на крају 'особа коју мрзи да ради, лења особа, ленчуга' (РСАНУ). Дакле, захваљујући својој полисемичности, наведена лексема јавља се у улози 'носилац осећања', затим као својеврстан пацијенс, али и као члан групе *nomina attributiva*.

⁵⁰ Семантичком структуром лексеме *омразница*, обележене као покрајинске у РСАНУ, обухваћена су оба значењска сегмента која ступају у однос конверзије: 'она која неког мрзи' и 'омражена женска особа'.

⁵¹ Ту је и именица *застрашивач* која је добијена од имперфективне форме префиксала.

⁵² Овде корелирају следећа значења: *љубити* 'волети' и *обљубити* 'заволети кога', при чему је ово друго обележено као застарело.

Неколико именица изведено је од глагола који су додавањем префикса изгубили своје примарно обележје медијалности и постали транзитивни, с компонентом каузативности, добијајући у исто време нову семантику, нпр. *смејати се* 'нарочитим покретом мишића лица, отварањем уста и развлачењем усана, испрекиданим карактеристичним гласовима и узвицима изражавати добро расположење и задовољство' → *насмејати* 'учинити да се неко смеје, изазвати код кога смех, засмејати' → НАСМЕЈАЧ 'онај који насмејава кога, увеселјивач' (У РСАНУ има квалификатор нераспр.). Такве су још именице: ИСМЕЈАЧ, ИСМЕЈАЧИЦА, ИСМЕЈАТЕЉ (РСАНУ: заст.), од имперфективне форме – ИСМЕЈАВАЧ, ИСМЕЈАВАЛО, ИСМЕЈАВАТЕЉ (РСАНУ: неуоб.).

Једну мању скупину чине именице добијене од глагола чија је семантика, прикључивањем префикса, у мањој или већој мери промењена у односу на значење мотивног глагола, нпр.: *љубити* 'волети' → *прељубити* 'изневерити у љубави' → *прељуба* 'прекршај брачне верности' → ПРЕЉУБНИК 'онај који је извршио прељубу' и ПРЕЉУБНИЦА 'она која је извршила прељубу'. У овој су скупуни још ОБЉУБНИК и ПОТЦЕЊИВАЧ. Без семантичких промена у односу на изведенице од непрефиксиране форме остају деривати ОМРАЖЕНИК и ОМРАЗИЦА.

Лексема ОПЛАКИВАЧ 'онај који оплакује, жали' добијена је од глагола *оплакивати* 'плачући жалити за нечим, због нечега, изражавати, осећати тугу због нечега, тужити, туговати' (РСАНУ), што одговара једном од значењских сегмената глагола *плакати* 'оплакивати кога, жалити за ким', али је занимљиво да основни, непрефиксирани облик нема еквивалентни дериват.

5. Разматрајући деривациони потенцијал афективних глагола, нарочито онај сегмент који се тиче могућности деривирања именица с архисемом 'особа' или 'човек', у првом реду творбено-семантичке категорије *nomina agentis*, може се извести неколико закључака.

Начелно се може рећи да афективни глаголи не представљају продуктивну категорију у погледу способности деривирања агентивних именица, што потврђује чињеница да се веома велик број не може јавити у улози мотивних речи не само наведене творбено-семантичке категорије већ и целе лексичко-семантичке групе с архисемом 'особа'. На овако ограничен деривациони потенцијал у знатној мери утичу њихове значењске карактеристике. Наиме, посматрано с аспекта лексичке семантике, у праве афективне глаголе ушли би само глаголи емотивних стања и односа којима се обележавају унутрашњи процеси (какви су *патити*, *туговати*, *радовати се*, *волети*, *мрзети*, *презирати* итд.), без прелазних скупина којима се денотира испољавање емоције као видљива, чуљима доступна активност (*кукати*, *плакати*, *јадати се*, *жалити се* и сл.). Анализа показује да овако схваћени глаголи емотивних стања и односа немају способност деривирања именица са значењем правог вршиоца радње, већ њихова образовања (ОБОЖАВАЛАЦ, ВОЛИТЕЉ, МРЗИТЕЉ, ПОШТОВАЛАЦ и сл.), иако с типичним агентивним суфиксима, добијају опште значење 'носилац осећања или емотивног стања'. Од ових глагола ретко се непосредно изводе и атрибутивне именице јер се мотивација углавном одвија преко придева (*плашити се* → *плашљив* → ПЛАШЉИВАЦ). Способност деривирања правих агентивних именица имају искључиво афективни глаголи у ширем смислу, којима се обележава конкретна активност – глаголи са значењем 'испољавања

емоције' (ЈАДАЛО, ПЛАКАЛАЦ) и каузирани глаголи емотивних стања (УВРЕДИТЕЉ, МУЧИТЕЉ, ТЕШИТЕЉ, СРАМОТИТЕЉ и сл.).

ЛИТЕРАТУРА

- Babić, Stjepan (1986). *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Nacrt za gramatiku*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti – Globus.
- Гортан Премк, Даринка (1971). *Акузативне синтагме без предлога у српскохрватском језику*. Београд: Институт за српски језик.
- Клајн, Иван (2003). *Творба речи у савременом српском језику. Други део – суфиксација и конверзија*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства; Институт за српски језик САНУ – Нови Сад: Матица српска.
- Крстић, Драган (1988). *Психолошки речник*. Београд: Вук Караџић.
- Николић, Мирослав (2000). *Обратни речник српскога језика*. Нови Сад: Матица српска – Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Ристић, Стана (1982). Морфема -тељ- у савременом српскохрватском језику. *Наши језик*. XXV/4–5: 189–230.
- РМС – *Речник српскохрватскога књижевног језика*, I–III. Нови Сад: Матица српска – Загреб: Матица хрватска, 1967–1969; IV–VI. Нови Сад: Матица српска, 1971–1976
- РСАНУ – *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I–. Београд: САНУ – Институт за српски језик САНУ, 1959–.
- СДР – Даринка Гортан Премк, Вера Васић, Рајна Драгићевић, редакторке (2006). *Семантичко-деривациони речник. Свеска два: Човек – унутрашњи органи и ткива, психофизиолошка стања и радње, психофизичке особине, сродство*. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику.
- Skok, Petar (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Стевановић, Михаило (1970). *Савремени српскохрватски језик I (Увод. Фонетика. Морфологија)*. Београд: Научна књига.
- Тошовић, Бранко (2002). Деривациони однос глагола и именице. *Научни састанак слависта у Вукове дане*. 30/1: 39–52.
- Ђорић, Божо (2008). Именичка моција. У: *Творба именица у српском језику (одабране теме)*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије – Чигоја штампа.
- Штасни, Гордана (2010а). Мотивациони смерови у деривационим процесима. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. LIII/2: 89–97.
- Штасни, Гордана (2010б). Деривациони статус мотивисаних лексема. *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. XXXV/2: 381–391.
- Штасни, Гордана (2011). Семантичко-деривациони потенцијал глагола основних физиолошких стања. *Грамматика и лексика у словенским језицима (Зборник радова с међународног симпозијума)*. 575–584.

- Штрбац, Гордана (2005). Деривација именица са значењем лица у делима Стефана Првовенчаног. *Прилози проучавању језика*. 36: 5–30.
- Штрбац, Гордана (2006). О валентности глагола емоционалног садржаја у српском језику. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. XLIX/2: 73–102.

Gordana Štrbac

DERIVATIONAL POTENTIAL OF EMOTIONAL VERBS

Summary

The paper deals with the derivational potential of emotional verbs, such as *voleti*, *mrzeti*, *prezirati*, *radovati se*, *tugovati*, *patiti* etc., particularly with their ability to give the derivatives which belong to nomina agentis.

The analysis shows that the emotional verbs have very limited ability to give nomina agentis because of the specific lexical meaning. Only verbs which denote the demonstration of emotion (*jadati se*, *plakati*...) or with the causative component in their lexical meaning (*tešiti*, *veseliti*...) can have derivatives which mean the real performer of action: JADALO, PLAKALAC, TEŠITELJ, VESELITELJ.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.16'373.611(082)

811.16'362(082)

МЕЂУНАРОДНИ комитет слависта. Комисија за творбу речи. Међународна научна конференција Творба речи и њени ресурси у словенским језицима (14 ; 2012 ; Београд)

Творба речи и њени ресурси у словенским језицима : зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта / главни уредник Рајна Драгићевић. - Београд : Филолишки факултет Универзитета, 2012 (Београд : Чигоја штампа). - 771 стр. : граф. прикази ; 24 cm

Радови на више језика. - Тираж 400. - Стр. 13-15: Уводна реч / Рајна Драгићевић. - Стр. 17: Елена Андрејевна Земска / Рајна Драгићевић. - Напомене и библиографске референце уз текст. - Библиографија уз сваки рад. - Резимеи на више језика.

ISBN 978-86-6153-116-3

1. Драгићевић, Рајна [уредник]

а) Словенски језици - Творба речи - Зборници б) Словенски језици - Компаративна граматика - Зборници

COBISS.SR-ID 193699084